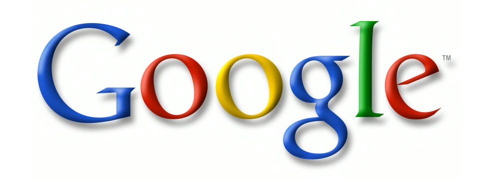
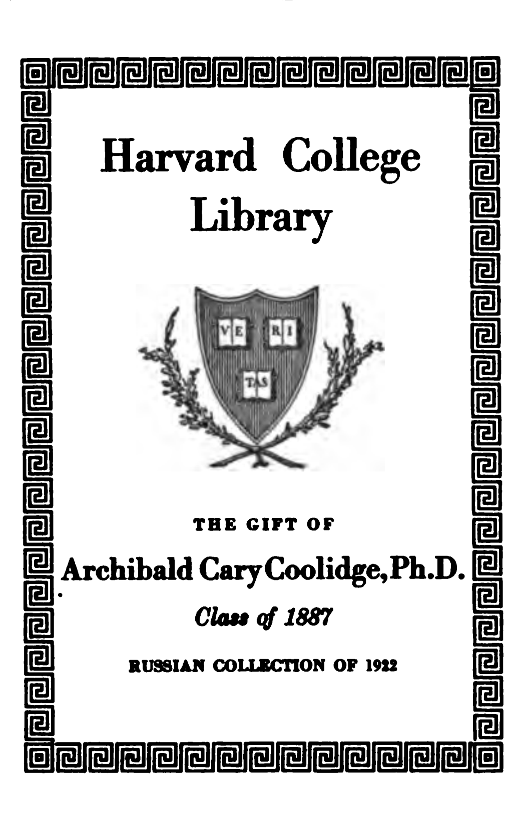




Harvard College Library
VE RI TAS
THE GIFT OF
Archibald Cary Coolidge, Ph.D.
Class of 1887
RUSSIAN COLLECTION OF 1922

ЧТЕНІЯ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ

ОБЩЕСТВѢ

ИСТОРІИ и ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ

ПРИ

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ПОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНІЕ.

1864

ІЮЛЬ — СЕНТЯБРЬ.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

МОСКВА.

1864.

ИЗДАНІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ.

Цѣны на серебро.

ТРУДЫ И ЛѢТОПИСИ ОБЩЕСТВА исторіи и древностей Россійскихъ, 8 частей. М. 1815—1837 г. Цѣна за всѣ части, кромѣ 1-й, по 40 к. за каждую, на перес. за 2 ф.

РУССКІЯ ДОСТОПАМЯТНОСТИ. Часть 1-я. 1815 г., ц. 30 сер., перес. за 2 ф., Ч. 2-я Русская Правда. 1843 г., ц. 75 к., пер. за 2 ф.; Ч. 3-я Слово о Полку Игоревѣ. 1844 г., ц. 75 к., пер. за 2 ф.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЯ КРИТИЧЕСКІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ для Россійской исторіи, г. Эверса, пер. съ Нѣм. М. Погодина. М. 1826 г., ц. 75 к., перес. за 2 ф.

ДРЕВНОСТИ СѢВЕРНАГО БЕРЕГА ПОНТА, соч. П. Кеппена, переводъ съ Нѣм. Средняго-Камашева. М. 1828 г., ц. 10 к., перес. за 2 ф.

ОБОЗРѢНІЕ КОРМЧЕЙ КНИГИ въ историческомъ видѣ, соч. Барона Розенкампфа. М. 1829 г., ц. 1 руб., перес. за 3 ф.

КОРСУНСКІЯ ВРАТА въ Новгородскомъ Софійскомъ Соборѣ, описаны и объяснены Ѳ. Аделунгомъ; пер. съ Нѣмецкаго П. Артемова; съ рисунками. М. 1834 г., ц. 1 р. 75 к., перес. за 3. ф.

СУПРАСЛЬСКАЯ РУКОПИСЬ, содержащая Новгородскую и Кіевскую сокращенныя лѣтописи, изд. Княземъ М. Оболенскимъ. М. 1836 г., ц. 1 р., перес. за 2 ф.

ПСКОВСКАЯ ЛѢТОПИСЬ, изд. М. Погодинымъ. М. 1837 г., ц. 1 р., перес. за 3 ф.

РУССКІЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ, изд. М. Погодинымъ. М. 1837—1846 г. 7 томовъ. Цѣна за каждый томъ по 1 р., перес. на 3 ф. за каждый.

ПОВѢСТВОВАНІЕ О РОССІИ, въ трехъ томахъ, соч. Н. С. Арцыбышева. М. 1838—1843 г. Цѣна за всѣ 10 р., перес. за 13 ф.

КНИГА ПОСОЛЬСКАЯ МЕТРИКИ ВЕЛИКАГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКАГО, содержащая въ себѣ дипломатическія сношенія Литвы въ государствованіе Королей Сигизмунда Августа и Стефана Баторія; два тома, изданныя Кн. М. Оболенскимъ, И. Даниловичемъ, М. Погодинымъ и Д. Дубенскимъ. М. 1843 г., 2 р., перес. за 6 ф.

КРИТИКО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ временныхъ лѣтъ Червонной или **ГАЛИЦКОЙ РУСИ** до конца XV столѣтія, соч. Д. Зубрицкаго; пер. съ Польскаго О. Бодянскаго. М. 1845 г., ц. 1 р., пер. за 2 ф.

КНИГА, БОЛЬШОЙ ЧЕРТЕЖЪ, изд. по 8 стар. рукоп. и 2 печ. книг. Г. Спасскимъ. М. 1846 г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 3 ф.

О РУССКОМЪ ВОЙСКѢ въ царствованіе Михаила Ѳедоровича и послѣ его до Петра 1-го, изслѣд. И. Бѣляева. М. 1846 г., ц. 50 коп.. перес. за 2 ф.

БИБЛІОТЕКА ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ, сост. П. М. Строевымъ; со снимкомъ съ 1-го листа Правды Русской по пергам. сборнику конца XIV вѣка. М. 1845 г., ц. 1 р. 50 к., пер. за 2 ф.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ, ЗАМѢЧАНІЯ И ЛЕКЦІИ о Русской исторіи, М. Погодина. М. 1846 г.; томы: 1, 2 и 3-й, ц. 4 р., перес. за 6 ф.

ИСТОРІЯ О ДОНСКИХЪ КОЗАКАХЪ, соч. А. Ригельмана, съ 19 рисунк. М. 1846 г., ц. 1 р. 50 к., пер. за 2.

ЛѢТОПИСНОЕ ПОВѢСТВОВАНІЕ О МАЛОЙ РОССІИ, соч. А. Ригельмана. съ 30 рисун. М. 1847 г., ц. 2 р., пер. за 4 ф.

ЧТЕНІЯ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ

ОБЩЕСТВѢ

ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ

ПРИ

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ПОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНІЕ.

ІЮЛЬ—СЕНТЯБРЬ.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1864.

I

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

ОЧЕРКИ

ИЗЪ

ИСТОРІИ РОССІЙСКОЙ ЦЕРКОВНОЙ ІЕРАРХІИ.

«Естьли спрошу васъ, кто вы и какое ваше званіе, то вы вѣрно дадите отвѣтъ, что вы государственныя особы, состоящія подъ властію Монарха и законовъ Евангельскихъ, призванныя на проповѣдываніе истинъ Религіи и наставленіе въ законѣ, служащемъ правиломъ нравовъ.»

Слова изъ рѣчи Екатерины II, по случаю отобранія церковныхъ имуществъ (см. «Чтенія въ Общ. Ист. и Древ. Рос. за 1862 г., кн. 2, въ смѣси, стр. 187).

СОЧИНЕНІЕ

Геннадія Карпова.

СВ. ПЕТРЪ МИТРОПОЛИТЪ.

Въ единомъ отъ мѣстъ страны Волынскія, отъ родителя Христіянина и матери благовѣрныя, родился великій во Святителяхъ, блаженный Петръ, разсказывается въ житіи Митрополита Петра, сочиненномъ однимъ изъ его преемниковъ, Митрополитомъ Кипріаномъ[1]. Вслѣдъ за словами о рожденіи Петра, въ житіи его разсказываются два чуда: одно, случившееся съ матерью Петра, еще до его рожденія, предвѣщавшее будущую славу человѣка, который долженъ отъ нея родиться, а другое уже съ самимъ Петромъ, бывшее во время его малолѣтства. Кромѣ этѣхъ чудесъ, не дающихъ даже средствъ къ предположеніямъ, кто былъ Петръ по происхожденію, житіе ничего не сообщаетъ о дѣтскихъ годахъ Митрополита Петра.

Петръ, имѣя только 12 лѣтъ отъ рожденія, отошелъ въ пустыню и поступилъ въ одинъ изъ находящихся въ ней монастырей, и тамъ отъ Игумена былъ постриженъ. Съ постриженіемъ Петра начались его иноческіе подвиги: онъ находился въ глубокомъ послушничествѣ у своего духовнаго отца; кромѣ того, принималъ на себя всевозможные труды: носилъ воду въ поварню, мылъ для братіи власяницы. Въ подобныхъ трудахъ его не останавливало ничто: онъ работалъ лѣто и зиму, и въ тоже время исполнялъ въ точности и даже съ большимъ прилежаніемъ, чѣмъ другіе монахи, всѣ правила монастырской жизни. Въ те-

[1] Ст. Кн. Ч. I, стр. 410 — 424.

чеши времени, не уставая въ трудахъ и служеніи братіи, онъ сподобился Діаконскаго, а потомъ Пресвитерскаго сана. Пребывая въ этомъ монастырѣ, Петръ занялся иконною живописью; написанныя иконы онъ отдавалъ своему наставнику, а тотъ уже раздавалъ братіи и приходящимъ.

Изучивши и пройдя всѣ степени иноческихъ подвиговъ; Петръ, по благословенію и повелѣнію наставника своего, вышелъ изъ монастыря, въ которомъ сначала жилъ, и для большихъ подвиговъ удалился въ пустыню и тамъ, въ уединенномъ мѣстѣ, на рѣкѣ Ратѣ, въ Галиціи, въ Жолковскомъ уѣздѣ [2] устроилъ себѣ жилище. Сюда къ нему стали сбираться ученики. Сдѣлавшись по этому наставникомъ и начальникомъ собравшейся къ нему братіи, Петръ съ кротостію заставлялъ ихъ исполнять свои обязанности; въ монастырь же принималъ нищихъ, кормилъ ихъ, отдавалъ имъ все, что имѣлъ; не могши отказать нищему, когда не имѣлъ что ему дать, то отдавалъ свою власяницу, или икону, имъ написанную. Такіе иноческіе подвиги не могли укрыться: всѣ, слышавшіе о Петрѣ, шли въ его монастырь молиться съ нимъ и посмотрѣть на святаго подвижника: «славимъ былъ дивный сей человѣкъ, и всѣ слову и ученію его внимали», говоритъ авторъ житія Святителя Петра. Когда Митрополитъ Максимъ, во время объѣздовъ своей обширной Митрополіи, прибылъ на Волынь, Игуменъ Петръ съ своею братіею явился къ нему и поднесъ образъ Богородицы, имъ самимъ написанный. Митрополитъ Максимъ благословилъ братію и образъ Богородицы принялъ съ великою радостію. Такъ текла жизнь Петра до самой смерти Митрополита Максима.

Послѣ смерти Митрополита Максима, въ продолженіи значительнаго времени, не было въ Россіи Митрополита. Въ житіи Митрополита Петра разсказывается, что, по смерти Максима, нѣкто игуменъ Геронтій дерзнулъ восхитить для себя Святительскій санъ: захватилъ Святительскую утварь, одежды, пастырскій жезлъ и, взявъ съ собою церковныхъ сановниковъ, отправился въ Константинополь. Можно предполагать, что Геронтій это

[2] Ист. Рус. Цер. Ч. 2, стран. 154, изд. 2.

сдѣлалъ при помощи и покровительствѣ кого нибудь изъ Сѣверныхъ Русскихъ Князей, да и самъ, должно быть, былъ изъ Игуменовъ монастырей Сѣверной Россіи [3] Вѣроятнѣе всего, что Геронтію помогалъ въ этомъ дѣлѣ Тверской Князь Михаилъ Ярославичъ, бывшій въ это время Великимъ Княземъ. Впрочемъ въ житіи Митрополита Петра сказано: Геронтій сдѣлалъ это «своеуміемъ» и никто ему этого не возбранялъ; но могъ ли Геронтій самъ принудить итти за собою церковныхъ сановниковъ и безнаказанно захватить принадлежности Митрополичьяго сана? Такой поступокъ Геронтія возбудилъ всеобщее неудовольствіе и когда извѣстіе о немъ достигло Волыни, то и тамъ всѣ на это негодовали. У Галицкаго Князя, по этому случаю, проявилась мысль превратить Галицкую Епископію въ Митрополію, мысль, которую авторъ житія, Митрополитъ Кипріанъ, называетъ «неблагою». [4] Дѣло ли Геронтія, или, что вѣроятнѣе, просто вообще желаніе имѣть для своихъ владѣній отдѣльнаго Митрополита отъ Всероссійскаго, теперь почти не жившаго на Югѣ Россіи, побудило Юрія Львовича обратиться съ предложеніемъ къ Игумену Петру, какъ къ человѣку, котораго указывало всеобщее уваженіе за его святую жизнь, отправиться въ Константинополь и поставиться тамъ въ Митрополиты. Вслѣдствіе ли того, что Князь предлагалъ Петру поставиться въ отдѣльные Митрополиты Галицкіе, или вслѣдствіе чего либо другаго, но Петръ отказывался отъ предложенія, и только послѣ многихъ просьбъ наконецъ согласился. Послѣ того, какъ далъ онъ на предложеніе свое согласіе, Князь отправилъ его въ Константинополь, вмѣстѣ съ посломъ и письмами къ Патріарху. Когда Петръ пріѣхалъ въ Константинополь, то былъ радушно принятъ Патріархомъ и по избраніи собора Митрополитовъ, былъ поставленъ въ Митрополиты всея Россіи. Геронтій, остановленный на Черномъ морѣ бурею, не могъ пріѣхать въ Константинополь ранѣе Петра; а когда онъ пріѣхалъ, то Патріархъ ото-

---

[3] Въ исторіи древняго Галицкаго Княжества соч. Дениса Зубрицкаго * сказано: «Геронтій, вѣроятно покровительствуемый или Михаиломъ Ярославичемъ Тверскимъ, или Георгіемъ Даниловичемъ Московскимъ, исполнялъ уже три года Митрополитскую должность». — Откуда послѣднее извѣстіе взято?

[4] См. о Галицкой Митрополіи въ концѣ.

* Ч. 3, стр. 256 и 257.

бралъ у него всѣ принадлежности Святительскаго сана и Митрополичьихъ сановниковъ, передалъ все это Петру и высказалъ Геронтію, по правиламъ Святыхъ отцовъ какъ должны избираться Святители, равно какъ и то, что онъ, Геронтій, совершенно недостоинъ такого сана, какъ посягнувшій на него самовольно, до избранія соборомъ. Петра же Патріархъ, послѣ нѣкотораго времени, въ продолженіи котораго онъ преподавалъ поученія и бесѣдовалъ съ нимъ о душеполезномъ, отпустилъ въ Россію.

Поставленіемъ Петра въ Митрополиты всея Россіи не осуществилась, на этотъ разъ, мысль Галицкаго Князя имѣть отдѣльнаго Митрополита для своихъ владѣній. Петръ же изъ Константинополя, отправившись въ Россію, остановился сначала въ прежней столицѣ Русскихъ Митрополитовъ, въ Кіевѣ, но въ слѣдующемъ же послѣ этого году окончательно оставилъ Югъ Россіи и переселился на Сѣверъ, во Владиміръ на Клязьмѣ. Послѣднее дѣло совершено было имъ по примѣру своихъ предшественниковъ: Митрополитъ Кириллъ жилъ больше на Сѣверѣ Россіи и умеръ тамъ; Максимъ въ концѣ своей жизни перенесъ и самую Митрополію во Владиміръ, Петръ же послѣдовалъ ихъ примѣру вскорѣ за тѣмъ, какъ получилъ посвященіе въ санъ Митрополита. Такимъ образомъ мы видимъ, что переселеніе Митрополитовъ на Сѣверъ Россіи совершается постепенно, и теперь мѣстомъ пребыванія ихъ сдѣлался Владиміръ, видимый центръ Сѣверной Россіи, гдѣ сосредоточивалась жизнь Русскаго народа; но удобно ли было жить Митрополитамъ во Владимірѣ, это окончательно рѣшилъ самъ Митрополитъ Петръ.

Пріѣхавъ во Владиміръ, Петръ сначала долженъ былъ удовлетворять нуждамъ Церкви; политическая же роль его была та же теперь, какъ и его предшественниковъ и другихъ членовъ духовенства, т. е. въ отношеніяхъ между Князьями онъ могъ мѣшаться какъ примиритель въ ссорахъ. Такъ, въ лѣтописи подъ 1310 годомъ, разсказывается, что во время своего пребыванія въ Брянскѣ, Митрополитъ уговаривалъ Брянскаго Князя Святослава прекратить ссоры съ племянникомъ его Василіемъ: подѣлиться Княженіемъ, или бѣжать отъ князя Василія, пришедшаго съ Татарскою ратью, и оставить ему все; Князь Святославъ не послушалъ Святителя, вступилъ въ битву съ врагами и былъ

убитъ; Митрополитъ спасся отъ Татарской рати, затворившись въ церкви. [5] Подъ слѣдующимъ за тѣмъ годомъ, въ лѣтописи разсказывается другое подобное событіе: Митрополитъ Петръ остановилъ Тверскаго Княжича Дмитрія Михайловича во Владимірѣ, когда тотъ шелъ съ большимъ войскомъ на Князя Юрія Даниловича; Дмитрій Михайловичъ, простоявъ во Владимірѣ три недѣли, не пошелъ далѣе и сталъ просить разрѣшенія себѣ у Митрополита. [6] Кромѣ этѣхъ двухъ дѣлъ, мы не видимъ изъ лѣтописи, чтобы Митрополитъ принималъ участіе въ отношеніяхъ между Князьями, и борьба Москвы съ Тверью, повидимому, шла безъ его участія. Но нельзя изъ всего этого заключить, чтобы онъ относился къ дѣламъ, совершавшимся при немъ въ Россіи, безъ всякаго сочувствія. Соборъ въ Переяславлѣ, бывшій при немъ, а главное то, что онъ предъ своею смертію перенесъ Митрополичій столъ въ Москву, и изъ словъ, которыя онъ сказалъ по этому случаю, видно, какъ онъ смотрѣлъ на дѣла Князей.

Для того, чтобы объяснить побуждающія причины, заставившія Святителя совершить главное его дѣло, т. е. переѣздъ въ Москву, а не въ другой городъ, мы должны посмотрѣть на его характеръ и тѣ отношенія, въ которыхъ онъ находился лично, и на положеніе Церкви въ Россіи при немъ, и наконецъ, на самый характеръ Церкви, представителемъ которой онъ былъ въ Россіи.

Познаніе характера такого человѣка, какъ Митрополитъ Петръ, о которомъ дошло такъ мало извѣстій, представляетъ затрудненіе; конечно, мы имѣемъ житіе его, написанное съ особенною цѣлью Митрополитомъ Кипріаномъ, и нѣкоторыя лѣтописныя извѣстія; но объ обстоятельствахъ его жизни здѣсь находится не много свѣдѣній; для объясненія характера его мы главное имѣемъ дошедшее до насъ поученіе, обращенное къ игуменамъ, попамъ и дьяконамъ. [7] Оно проникнуто идеей любви Хри-

---

[5] Это событіе относятъ къ тому времени, когда Митрополитъ Петръ ѣхалъ изъ Кіева, на другой годъ послѣ своего поставленія, т. е. къ 1309.; см. Ист. Рос. т. 4., стр. 298 изд. 2.

[6] Это мѣсто не ясно въ лѣтописи, см. объ этомъ Ист. Рос. т. 3., стр. 272 и пр. 372.

[7] Помѣщено въ приб. къ Тв. Св. От. за 1844 г., стр. 85 — 90 въ статьѣ о

стіанской, но не блеститъ красноречіемъ, какимъ отличаются слова некоторыхъ пастырей Русской Церкви до Татарскаго времени. Смыслъ поученія его заключается въ следующемъ: «Дети, поймите, въ какой вы чинъ поставлены. Вы, дети, называетесь стражами церковными и пастырями словесныхъ овецъ, за которыхъ Христосъ пролилъ Свою кровь. Такъ будьте же истинными пастырями, а не наемниками, которые только молоко съедаютъ и волну снимаютъ, а объ овцахъ не заботятся. Вы же, дети, вследъ техъ не идите, а старайтесь уподобиться истинному пастырю-Христу, какъ Тотъ сказалъ въ Своемъ Евангеліи: «Я пастырь добрый, и душу Свою полагаю за овцы». Будьте, дети, образцомъ стаду своему по Спасову слову, сказанному имъ Своимъ Апостоламъ: «Вы есте светъ міру, вы есть соль земли, да просветится светъ вашъ предъ человеками, и они, видя ваши добрыя дела, прославятъ Отца вашего, Иже есть на небесехъ». По этому вамъ следуетъ просветиться этеми делами, кротостію, смиреніемъ и такъ же соблюденіемъ себя отъ техъ делъ, которыми міръ соблазняется. Вы, дети, откиньте все душегубное: гневъ, ярость, завистъ, ненависть, пьянство, которое есть корень всякому злу, и кощунныя беседы. Дети, будьте какъ маслина плодовитая, приносите духовные плоды — святость. Читайте, дети, книги и поученія день и ночь. Такъ какъ, дети, имя ваше священство, пусть и дела ваши будутъ соответствовать вашему имени. Если, дети, будете себя такъ вести, тогда можете и другихъ научить. Такъ позаботьтесь, Бога ради, жить въ страхе Божіемъ и упасти себя и свое стадо. По этому-то понуждаю васъ на дело святое, по тому что моя обязанность напоминать и писать вамъ душеполезное и спасительное. За симъ, дети, молю васъ помолиться о моемъ недостоинстве и о моей худости. Да сподобитъ насъ Богъ безъ вреда освободиться отъ сей суетной жизни и получить вечное блаженство. Наконецъ прославимъ безначальнаго Отца, Единороднаго Его Сына и Святаго Духа; и такъ да прославляется Пресвятое имя Божіе верными человеками, и этою Божественною силою избавимся отъ враговъ видимыхъ и невиди-

---

Митр. Петре; о другихъ приписываемыхъ Митр. Петру сочиненіяхъ, см. тамъ же, стр. 84, прим. С, и въ обзоре Рус. Дух. Лит. Преосв. Филарета, въ Запис. 2 отд. Акад. Наукъ кн. 3, подъ № 65.

мыхъ, въ семъ вѣкѣ и въ будущемъ. Аминь». Совѣтъ членамъ духовенства вести себя, какъ указываетъ вѣчная истина, изложенная въ Евангеліи: безконечная любовь къ ближнимъ и вѣра въ Бога, а съ ними только и считалъ возможнымъ Святитель избавиться отъ враговъ видимыхъ и невидимыхъ. Изъ этого поученія виденъ кроткій, незлобивый, любящій характеръ поучающаго, исполняющаго свою обязанность, учить съ раченіемъ. А какъ онъ исполнялъ эту обязанность, то это можемъ видѣть изъ житія его. Тамъ, при описаніи его кончины, говорится, что Митрополитъ Петръ передъ своею смертію призвалъ къ себѣ весь причетъ церковный и довольно ихъ поучалъ, по тому что имѣлъ обычай поучать всѣхъ, приходящихъ къ нему. Кромѣ того у него была и другая, рѣзко выдававшаяся добродѣтель, — благотворительность, выражавшаяся въ постоянной раздачѣ милостыни всѣмъ нуждающимся и бѣднымъ. [8]

Если въ поученіи довольно ясно выражается кроткій характеръ Митрополита Петра, то теперь обратимся къ другому случаю его жизни, а именно къ собору въ Переяславлѣ Залѣсскомъ. [9] Черезъ нѣкоторое время по прибытіи на Сѣверъ Россіи Петра Митрополита, Епископъ Тверской Андрей [10] сталъ распускать дурные слухи про Митрополита и свои «ложныя и хульныя» слова переслалъ къ Патріарху. Константинопольскій Патріархъ, по этому случаю, прислалъ въ Россію своего клирика съ письмомъ къ Митрополиту, совѣтуя ему очиститься, если онъ виноватъ. Эти дурные разсказы, пускаемые въ ходъ Тверскимъ Епископомъ, еще до письма Патріарха, дошли до Митрополита Петра; но онъ, увѣренный въ своей правотѣ, оставался спокоенъ, и какъ только пришло письмо отъ Патріарха, то созвалъ соборъ въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ; это было въ 1313 году. На соборъ, въ числѣ другихъ, былъ приглашенъ и Андрей, Епископъ Тверской.

---

[8] Ст. кн. ч. 1 стр. 420.

[9] Ст. кн. ч. 1, стр. 418; Татищевъ, ч. 4, стр. 92 — 93; а почему такъ исторія собора здѣсь изложена см. въ концѣ о соборѣ Переяславскомъ.

[10] Епископъ Андрей былъ родомъ изъ Литовскихъ Князей, поставленный во Епископы въ 1389 г. Ист. Р. Іер. ч. 1, стр. 274, изд. 2; Рус. Св. чтимые всею Церковью или мѣстно, Филарета Арх. Черн., Февраль, стр. 6, прим. 2.

На этомъ же соборѣ было обсуждаемо, въ связи съ вышеизложеннымъ, и дѣло еретика Сеита, Новгородскаго протопопа, учившаго противно Церкви Православной. Сеитъ говорилъ, что рай на землѣ погибъ, и ругалъ монашескій чинъ; къ нему присоединились многіе изъ причта церковнаго и изъ иноковъ, которые, подъ вліяніемъ его, оставили монашество и оженились. Епископъ Тверской былъ согласенъ съ его мнѣніями,[11] принявши его ученіе по легкомыслію. Въ житіи Митрополита Петра объ Епископѣ Тверскомъ говорится, въ подтвержденіе послѣдняго, что онъ былъ «легка убо суща умомъ, легчайше-же и разумомъ». На этотъ соборъ съѣхались многіе Князья, въ томъ числѣ были Тверскіе Дмитрій и Александръ Михайловичи, былъ тутъ и Иванъ Даниловичъ Московскій, а Великаго Князя Михаила Ярославича не было, по тому что онъ находился въ это время въ Ордѣ.

Когда открыли соборъ и Патріаршій клирикъ прочелъ письмо Патріарха, содержащее обвиненія на Митрополита, то тогда произошло сильное волненіе между присутствовавшими «о лживомъ и льстивомъ оклеветаніи». Святитель Петръ, чтобы утишить волненіе, сказалъ: «Братія и чада о Христѣ возлюбленная, не лучше я пророка Іоны, и если ради меня это великое волненіе, то иждените меня, да утишится молва отъ васъ; къ чему ради меня такое движеніе.» Послѣ этѣхъ словъ у всѣхъ присутствовавшихъ явилось желаніе узнать клеветника, и когда отрылось, что это Епископъ Андрей, то онъ предъ всѣми былъ посрамленъ и униженъ; Святитель же Петръ сказалъ ему только слова любви: «миръ ти, о Христѣ чадо, не ты сіе сотворилъ, но изначала завидующій роду человѣческому дьяволъ; ты же отнынѣ соблюдайся, мимошедшее же отпуститъ тебѣ Господь». Потомъ Митрополитъ Петръ преодолѣлъ Сеита, съ помощію Ивана Даниловича; на Андрея же, какъ на послѣдователя Сеита, не обращено вниманіе, или по тому, можетъ быть, что онъ по легкомыслію своему не былъ особенно жаркимъ его послѣдователемъ, а былъ его ученіемъ зараженъ, какъ новостію, или, что важнѣе, принято во вниманіе, что тутъ находились Тверскіе Князья, которые представлялись, нѣкоторымъ образомъ, его защитниками, осо-

---

[11] Тат.

бенно если относительно Сеита помощникомъ Митрополита Петра явился Иванъ Даниловичъ Московскій.

Объ этомъ соборѣ дошли до насъ извѣстія краткія и притомъ еще довольно спутанныя, и по этому, относительно Московскаго и Тверскихъ Князей, я принимаю во вниманіе и другія ихъ политическія отношенія, тѣмъ болѣе, что извѣстія о соборѣ даютъ этому намеки.

По окончаніи этого собора, Митрополитъ Петръ, Князей, весь причетъ и народъ поучивъ, отпустилъ ихъ съ миромъ. Сдѣсь замѣчу, для объясненія клеветъ Епископа Андрея слѣдующее: выше сказано, что Геронтій въ своихъ дѣлахъ, относительно желанія сдѣлаться Митрополитомъ, не могъ это сдѣлать одинъ и ему нуженъ былъ сильный покровитель, такой, какимъ былъ Великій Князь, который могъ самъ желать, чтобы занялъ праздный Митрополичій престолъ человѣкъ, обязанный дѣйствовать въ его пользу. Не было ли какой связи между Геронтіемъ и Епископомъ Андреемъ? Не удовлетворенное честолюбіе Геронтія не перешло ли къ Епископу Андрею? Соперничество Княжескихъ семей очень легко могло передаться къ людямъ, близко ихъ окружавшимъ, и они въ своей сферѣ дѣйствовали въ томъ же направленіи, какъ и ихъ Князья. Митрополитъ Петръ, который по своему положенію долженъ былъ быть человѣкомъ нейтральнымъ, подобными поступками, въ которыхъ онъ даже не имѣлъ средствъ дать сильный матеріяльный отпоръ, затягивался въ отношенія политическія, и особенно, если, съ одной стороны, встрѣчалъ вражду, а съ другой заискиваніе и угожденіе. Переѣздъ его въ Москву не могъ совершиться по личной его прихоти: всѣ совершившіяся прежде и кругомъ его совершавшіяся событія направляли такъ же и его поступки; дѣло Епископа Андрея могло служить только толчкомъ для Митрополита Петра въ его любви къ Московскому Князю. На сколько этому расположенію къ Москвѣ способствовали непріязненныя отношенія Твери и ея Епископа Андрея, мы опредѣлить не можемъ; но мы не должны опускать этого обстоятельства изъ вниманія». [12]

---

[12] Ист. Рос. т. 4, стр. 299.

Теперь обратимся къ тѣмъ отношеніямъ, въ которыхъ находился Митрополитъ Петръ, какъ начальникъ Русской Церкви, къ Русскому обществу. Начну съ отношеній по поводу покровительства завоевателей Россіи вообще къ Церкви. Монголы отличались полнѣйшею вѣротерпимостію, происходившею вслѣдствіе отсутствія всякой религіи у нихъ; а отсюда вмѣстѣ съ вѣротерпимостію являлось у нихъ безпредѣльное суевѣріе.[13] Лѣтописи наши говорятъ, что во время переписей, дѣлаемыхъ Монголами въ завоеванной ими Россіи, они все пересчитывали, исключая только лицъ духовнаго званія и вообще всѣхъ тѣхъ, кои служатъ Божіимъ церквамъ. Имущества духовенства были освобождены отъ всякихъ даней въ пользу Хана и подданнымъ его запрещалось что либо трогать принадлежащее церкви. Лица духовнаго званія почти не имѣли никакихъ обязанностей въ отношеніи къ Ханамъ. Послѣдними постоянно, при восшествіи на престолъ, подтверждались всѣ права духовенства, и потому Митрополитамъ, какъ начальникамъ Русской Церкви, нужно было иногда ѣздить въ Орду для полученія ярлыковъ. Митрополитъ Петръ, такъ же какъ и другіе, ѣздилъ въ Орду; подъ 1313 годомъ въ лѣтописи говорится, что Князь Великій Михаилъ Ярославичъ и съ нимъ Митрополитъ Петръ пошли въ Орду, по тому что въ Ордѣ Ханъ Узбекъ сѣлъ, и все обновилось, и всѣ приходили въ Орду и ярлыки брали, каждый на свое имя. Митрополитъ Петръ былъ въ Ордѣ у Хана въ великой чести, и отпущенъ былъ отъ Хана со многою честію и управою на Русь, и всѣ Православные Христіяне встрѣчали его по этому со многою радостію. Отъ Узбека Митрополитъ Петръ получилъ ярлыкъ, въ которомъ подтверждались права, принадлежащія Церкви и духовенству. Этотъ ярлыкъ есть распространеніе ярлыка Менгу-Темирова, древнѣйшаго, который до насъ дошелъ.[14] Вотъ содержаніе ярлыка, даннаго Митрополиту Петру: во 1-хъ, признавая полную свободу вѣроисповѣданія и неприкосновенность всего

---

[13] Это выводъ изслѣдованія г. Григорьева въ его соч. О дост. хан. ярлыковъ М. 1842 г., стр. 32

[14] Ярлыкъ, данный Митрополиту Петру, у Григорьева, О дос. хан. ярл., стр. 112—118; С. Г. Г. и Д. т. 2 N 7.

церковнаго, Ханъ приказываетъ своимъ чиновникамъ и вообще всѣмъ своимъ подданнымъ высокимъ и нижнимъ, чтобы они не трогали ничего Митрополичьяго и церковнаго. [15] Во 2-хъ, въ ярлыкѣ пересчитываются люди и все имущество церковное и все то, что не должно трогать чиновникамъ и подданнымъ Хана; притомъ запрещается всѣмъ, кромѣ того, что не трогать, но даже и осуждать что-либо церковное. [16] Въ 3-хъ, признавъ все церковное неприкосновеннымъ, ярлыкъ освобождаетъ всѣхъ членовъ духовенства и всѣхъ лицъ, чѣмъ либо служащихъ церкви, отъ податей и повинностей. [17] При этомъ, въ ярлыкѣ опредѣляется

---

[15] Всѣмъ нашимъ княземъ великимъ и среднимъ и нижнимъ, и сильнымъ воеводамъ и вельможамъ и князeмъ нашимъ удѣльнымъ, и дорогамъ славнымъ и Польскимъ князeмъ высокимъ и нижнимъ, и княжникомъ, уcтаводержательнымъ, и учительнымъ людскимъ и вѣстникомъ и собирателемъ и баскакомъ, и посломъ нашимъ и гонцомъ, и данщикомъ, и писцомъ, и мимоѣздящимъ посломъ, и ловцомъ нашимъ, и сокольникомъ, и пардусникомъ, и всѣмъ людямъ, высокимъ и нижнимъ, малымъ и великимъ, нашего царства, по всѣмъ нашимъ странамъ, по всѣмъ нашимъ улусамъ, гдѣ наша, Бога безсмертнаго силою, власть держитъ и слово наше владѣетъ. Да никто же обидитъ на Руси соборную церковь Митрополита Петра.... А намъ въ то вступатися ни во что, ни дѣтямъ нашимъ, ни всѣмъ нашимъ князeмъ нашего царства и всѣхъ нашихъ странъ, и всѣхъ нашихъ улусовъ.

[16] Да никто же обидитъ ... и его людей и церковныхъ его; да никто же взимаетъ ни стяжанiй, ни имѣнiй, ни людей.... Да не вступаются въ церковное и Митрополичье никто же, занеже то Божiе все суть.... да не вступаются никто же, ни въ чемъ, въ церковныя и въ Митрополичьи, ни въ волости ихъ и въ села ихъ, ни во всякiя ловли ихъ, ни въ борти ихъ, ни въ земли ихъ, ни улусы ихъ, ни въ лѣсы ихъ, ни въ ограды, ни въ волостныя мѣста ихъ, ни въ винограды ихъ, ни въ мѣльницы ихъ, ни въ зимовища, ни въ стада конныя, ни во всякiя скотскiя стада.... А поѣдугъ наши баскаки, и таможники, данщики, поборщики, писцы, по симъ нашимъ грамотамъ, какъ наше слово молвило и уставило, да всѣ будутъ цѣлы соборныя церкви Митрополичи, ни кѣмъ, ни отъ кого не изобижены вся его люди и вся его стяжанiя, какъ ярлыкъ имѣетъ: архимандриты, и игумены и попы, и вся причты церковные, ничѣмъ никто да не будетъ изобиженъ.» Потомъ еще перечисляются кромѣ духовныхъ лицъ и всѣ мастеровые и ремесленные люди, всѣхъ ихъ не должно трогать. «А что законъ ихъ, и въ законѣ ихъ церкви, и монастыри, и часовни ихъ ни въ чемъ да не вредятъ ихъ, ни хулятъ.»

[17] Дань ли на насъ емлютъ, или иное что ни буди: тамга ли, поплужское ли,

ясно: кого именно должно считать избавленнымъ отъ податей, и предоставляется Митрополиту право, кого онъ захочетъ, по своей мысли, включить въ число этѣхъ привилегированныхъ лицъ.[18] Въ 4-хъ, ярлыкъ признаетъ зависимость всѣхъ церковныхъ лицъ и имуществъ отъ Митрополита, по этому предоставляется ему право, всѣхъ лицъ подчиненныхъ Церкви судить независимо, во всѣхъ дѣлахъ, по своимъ законамъ и по законамъ прежнихъ царей; запрещается всѣмъ вступаться въ это право, и приказывается лицамъ, подчиненнымъ Митрополиту, слушаться его суда или суда того, кому онъ прикажетъ судить.[19] Въ 5-хъ, ярлыкомъ постановляется, что, за нарушеніе всѣхъ вышеизложенныхъ правъ, будутъ на нарушителя, кромѣ гнѣва Божія, и отъ Хана самыя строгія наказанія и даже смертная казнь.[20] Въ 6-хъ, послѣ всего вышеизложеннаго, ярлыкъ

ямъ ли, мытъ ли, мостовщина ли, война ли, ловитва ли какая ни буди наша; или егда на службу нашу съ нашихъ улусовъ повелимъ рать сбирати, гдѣ восходимъ воевати, а отъ соборныя и отъ Петра Митрополита никто же да не взимаетъ, и отъ ихъ людей и отъ всего его причта.

[18] А что попы и дьяконы ихъ, единъ хлѣбъ ядятъ, и во единомъ дому живутъ, у кого братъ или сынъ, и тѣмъ, по томужъ пути, наше жалованье; ожъ кто будетъ отъ нихъ не вступилъ, а Митрополиту не служитъ, а живетъ тотъ себѣ именемъ поповскимъ, да не отымается, но даетъ дань.

[19] Вся стяжанія и имѣнія ихъ церковныя, и люди ихъ, и вся причты ихъ, и вся законы ихъ уложенные старые отъ начала ихъ — то все вѣдаетъ Митрополитъ, или кому прикажетъ... да сію грамоту видяще и слышаще вси людіе, и всѣ церкви, и всѣ монастыри, и всѣ причты церковные да не преслушаютъ его ни въ чѣмъ, но послушни ему будутъ, по ихъ закону, и по старинѣ, какъ у нихъ изстари идетъ.... А знаетъ Петръ Митрополитъ въ правду, и право судитъ и управляетъ люди своя въ правду, въ чемъ ни будь: и въ разбои, и въ поличномъ, и въ татьбѣ, и во всякихъ дѣлахъ вѣдаетъ самъ Петръ Митрополитъ единъ, или кому прикажетъ. Да вси покоряются и повинуются Митрополиту, вся его церковныя причты, по первымъ изначала закономъ ихъ, и по первымъ грамотамъ нашимъ, первыхъ царей великихъ грамотъ и дефтеремъ.

[20] ....а кто вступится и нашъ ярлыкъ и наше слово преслушаетъ, тотъ есть Богу повиненъ, а гнѣвъ на себя отъ него пріиметъ, а отъ насъ казнь ему будетъ смертная.... а кто взимаетъ Божія, и тотъ будетъ Богу повиненъ; а гнѣвъ Божій на него же будетъ, а отъ насъ будетъ казненъ смертною казнью; да то видя, и иныя въ боязни будутъ.... а что возмутъ, и они от-

требуетъ только одного отъ Митрополита и отъ всего духовенства, чтобы они молились Богу за Хана, его семейство и воинство его, для того и дается этотъ ярлыкъ, чтобы Митрополитъ и духовенство Русское жили безъ всякихъ притѣсненій и въ тишинѣ молили Бога. Если же они не будутъ Бога молить правымъ сердцемъ, то это должно лежать на ихъ совѣсти, и пусть они примутъ наказаніе отъ Бога.[21] Наконецъ въ 7-хъ, высказывается причина пожалованія ярлыка и изложенныхъ въ немъ льготъ въ пользу духовенства, та, что ярлыкъ дается, по примѣру прежде данныхъ, отъ бывшихъ Хановъ, ярлыковъ.[22]

Въ этѣхъ правахъ ясно выражается весь характеръ отношеній Татаръ къ духовенству Русскому и его начальному человѣку, Митрополиту. Монголы, которые, по выраженію Плано Карпини, «въ Сарацинской землѣ и въ другихъ, гдѣ они владѣютъ какъ будто у себя, берутъ всѣхъ лучшихъ ремесленниковъ и заставляютъ ихъ работать на себя»[23] льготами, пожалованными духовенству Русскому, дали средства къ развитію ихъ имуществен-

---

дадутъ назадъ третицею, аще будетъ взяли за нужду великую; а отъ насъ будетъ не кротко, а наше око тихо на нихъ не смотритъ.... а кто учнетъ вѣру хулити или осуждати, и тотъ человѣкъ не извинится ни чимъ же и умретъ злою смертію.... А кто вступится въ церковное и въ митрополичье, и на того гнѣвъ будетъ Божій, а по нашему великому истязанію не извинится ничимъ же и умретъ злою казнью.

[21] Да пребываетъ Митрополитъ въ тихомъ и кроткомъ житіи безо всякія голки; да правымъ сердцемъ и правою мыслію молитъ Бога за насъ, и за наши жены, и за наши дѣти, и за наше племя.... тѣ бо (духовенство) за насъ Бога молятъ, и насъ блюдутъ, и наше воинство укрѣпляютъ; кто бо того и прежъ насъ не вѣдаетъ, что Бога безсмертнаго силою и волею живутъ всѣ и воюютъ? то всѣ вѣдаютъ.... Да пребываетъ Митрополитъ правымъ сердцемъ, безъ всякія скорби и безъ печали, Бога моля о насъ и о нашемъ царствѣ.

[22] И мы бо такоже управляемъ и жалуемъ якоже и прежніе цари ярлыки имъ давали и жаловали ихъ; а мы потомужъ пути, тѣмижъ ярлыки жалуемъ ихъ, да Богъ насъ пожалуетъ, заступитъ;.... и мы, Богу моляся, по первымъ же царей грамотамъ, грамоты имъ давали и жалованныя, а не изыначивали ни въ чемъ. Какъ то было прежъ насъ, такъ молвя и наше слово уставило.

[23] Соб. Пут. къ Тат. изд. Языковымъ С.-Петерб. 1826 г., стр. 193.

ныхъ правъ, и въ тоже время, ограждая лица и имущества духовенства, ставили въ болѣе лучшее положеніе, чѣмъ остальныхъ Русскихъ въ отношеніи къ завоевателямъ.

Но здѣсь должно сказать о томъ, по какому случаю ѣздилъ Митрополитъ Петръ въ Орду. Въ предисловіи къ ярлыкамъ сказано, что Митрополитъ Петръ отправился въ Орду, кромѣ той причины, что воцарился новый Ханъ, и для подтвержденія отъ него правъ духовенства, главное обиды ради, отъ лукавыхъ человѣкъ, церковныхъ: судовъ, управленій, пошлинъ, уроковъ, даней, имѣній и всѣхъ стяжаній причта церковнаго и о всѣхъ десятинахъ Митрополичьихъ. Ханъ отпустилъ Митрополита со многою честію и управою. Это, кажется, показываетъ положеніе Церкви и ея имуществъ въ Россіи въ то время, когда почти никакое право не уважалось, кромѣ права силы; не стѣснялись видно и въ нарушеніи церковныхъ правъ, хотя существовали уставы церковные и ярлыки прежнихъ Хановъ, въ которыхъ точно такъ же ограждались права Церкви. Митрополитъ Петръ думалъ защищать обижаемую отъ всѣхъ Церковь, и съ этою цѣлію добывалъ, какъ и его предшественники, ярлыкъ отъ Хана; [24] но могъ ли онъ надѣяться, что теперь, послѣ того, какъ его оправили и подтвердили права его и Церкви, не будетъ дальнѣйшихъ правонарушеній и обидъ. Да притомъ онъ, Митрополитъ, въ рукахъ котораго сосредоточивалась вся власть въ Русской Церкви, могъ ли постоянно, когда произойдетъ отъ кого либо обида Церкви, обращаться за защитой въ Орду къ Хану, по тому что самъ не имѣетъ матеріяльной силы защитить Церковь; духовная же его власть, безъ сильной опоры въ Россіи и въ Константинополѣ, на врядъ ли тогда могла имѣть особенное значеніе и силу.

Хотя мы не имѣемъ полныхъ извѣстій о состояніи и объемѣ имуществъ духовенства во времена Митрополита Петра, но из-

---

[24] Этѣ хлопоты Митрополитовъ о защитѣ правъ всѣми обижаемой Церкви, хлопоты, вынужденные необходимостію, такъ же называютъ: «испрашиваніемъ милостей и покровительства сильныхъ нехристей» (!) въ противуположность Новогородскимъ владыкамъ, не добивавшимся ихъ. Сѣв. Рус. Народоправства. Н. Костомарова т. 2, стр. 268.

вѣстно то, что въ этѣ времена имущества духовенства, избавленныя отъ всякихъ даней, въ отношеніи къ Ханамъ и пользовавшіяся такими важными правами по ярлыкамъ, значительно увеличивались. При довольно низкомъ состояніи общественной нравственности, сильныя лица въ Россіи позволяли себѣ въ продолженіи своей жизни дѣлать много такого, что часто безпокоило ихъ совѣсть, а особенно въ смертный часъ; отсюда явилась масса вкладовъ церквамъ и монастырямъ, на поминовеніе души; обычай отдавать часть имущества на поминовеніе души обратился даже въ правило, которое всѣ избѣгали нарушать. Кромѣ того, «вклады наиболѣе умножались во время междуусобія Князей и при властительствѣ Татаръ отъ многихъ отяготительныхъ вотчинникамъ налоговъ и взысканій со стороны тѣхъ и другихъ.» [25] Эта постоянно увеличивающаяся масса имуществъ, которая при томъ могла только увеличиваться, по тому что духовенство въ сущности не имѣло права ихъ отчуждать, имѣла въ себѣ для Россіи, въ то время, много полезнаго, какъ по тому, что часть Россіи не несла дани къ Ханамъ, такъ и по тому, что, находясь въ лучшемъ положеніи, этѣ имущества могли служить помощію для народа при тягостяхъ дани, ибо церковныя имущества дѣйствительно принимали на себя часть ея. Обладаніе недвижимыми имуществами духовенствомъ и кромѣ всего этого приносило много и другаго полезнаго: имущества этѣ уже прямо назначались какъ на содержаніе духовенства, которое безъ нихъ въ то время совершенно не могло бы существовать, такъ и на помощь массы бѣдныхъ; въ хозяйственномъ же отношеніи такое право духовенства было тоже полезно: такъ напр. духовенству не всегда жертвовались заселенныя земли, но часто пустыни, которыя новые владѣльцы разчищали, призывали людей для заселенія и такимъ образомъ обращали пустыни въ заселенныя мѣста. Митрополитъ Русской былъ такъ же въ числѣ владѣльцевъ и обладалъ значительными имѣніями, а какъ глава Русской Церкви, отъ него зависѣло во многомъ распоряженіе всѣми имѣніями Церкви и къ нему духовенство обращалось по всѣмъ дѣламъ. Самое управленіе этѣми имуществами походило болѣе на управленіе го-

---

[25] Ист. Рос. Іер. ч. 2, стр. XV, М. 1810 г.

родами и областями, чѣмъ на управленіе имѣніями частныхъ владѣльцевъ.[26] Такимъ образомъ Церковь сама по себѣ съ своими имуществами представлялась, такъ сказать, отдѣльнымъ княжествомъ, въ числѣ другихъ Княжествъ, имѣвшимъ свои собственные интересы. Перечетъ имуществъ въ ярлыкахъ показываетъ значительный ихъ объемъ. Но этѣ имущества, пожертвованныя Церкви Князьями и другими лицами, избавленныя отъ податей Ханами, однако не были безопасны отъ раззореній не только во время войны, но Князья въ своихъ княжествахъ, во время нужды въ деньгахъ, или даже изъ корыстолюбія, очень естественно могли смотрѣть съ завистью на значительныя и процвѣтающія, относительно, имущества духовенства; въ такихъ случаяхъ у Князей могло явиться желаніе попользоваться, и кромѣ помощи, незаконно, отъ этѣхъ имуществъ. Особенно въ Новгородѣ, при происходившихъ въ немъ волненіяхъ, часто нарушалось спокойное владѣніе духовенства имуществами и даже, въ настоящее время, въ Новгородѣ появилось ученіе, возстававшее противъ монашества и, слѣдовательно, очень легко оно могло касаться, въ связи съ монашествомъ, и имуществъ ему принадлежащихъ: я говорю объ Сектѣ;[27] хотя нельзя положительно сказать, на сколько оно могло относиться къ имуществамъ духовенства. Но во всякомъ случаѣ права духовенства, какъ собственника значительныхъ недвижимыхъ имуществъ, раскиданныхъ во всѣхъ Русскихъ Княжествахъ и не имѣющаго крѣпкой опоры въ свѣтской власти, могли подвергаться различнымъ обидамъ; чему доказательствомъ служитъ значительный перечетъ обидъ «отъ лукавыхъ человѣкъ,» наносимыхъ Церкви, на которыя жаловался Митрополитъ Петръ Хану. Ярлыки могли защитить отъ обидчиковъ изъ среды Монголовъ, а противъ обидчиковъ, и притомъ сильныхъ, изъ Русскихъ нельзя же было выставлять ярлыковъ, хотя угрозы въ нихъ заключающіяся относились и къ Русскимъ. Могъ ли Митрополитъ, подобно Князьямъ, позвать Монголовъ для защиты себя и всего духовенства, отъ обидъ? Конечно не могъ, онъ дол-

---

[26] О недвиж. имущ. духов. въ Россіи Милютина, стр. 333. въ «Чтеніяхъ въ Императ. Обществѣ Исторіи и древностей Россійскихъ.»

[27] Тамъ же, стр. 398, 415, пр 714.

женъ былъ искать такой защиты внутри Россіи; по тому что на жалобы его въ Ордѣ, безъ просьбы войска, выдавали ярлыкъ, чего онъ и самъ не могъ больше просить. А если сила защищающая будетъ въ Россіи и при томъ Русская, то уже самыя нарушенія, которыя, какъ можно полагать, отличались своею мелочностію, будутъ тотчасъ остановлены и вознаграждены. При томъ должно и то сказать, Церковь, въ лицѣ своего Митрополита, дала бы въ вознагражденіе за защиту себя, кромѣ духовной власти, и то что всѣ богатства духовенства при случаѣ могли чрезъ Митрополита ити на помощь защитнику. Митрополиту вообще необходимъ былъ защитникъ не только имущественныхъ правъ Церкви, но даже и въ самомъ церковномъ управленіи, въ дѣлахъ, касающихся чисто одной духовной его власти, въ судѣ надъ членами духовенства. Здѣсь Митрополиту являлась необходимость имѣть если не исполнителя своихъ рѣшеній, то, покрайней мѣрѣ, матеріяльную силу, на которую бы онъ могъ опереться. Мы видѣли выше, что осилить еретика Сеита Митрополитъ Петръ могъ только при помощи со стороны Ивана Даниловича Московскаго; а между тѣмъ клеветникъ, и такъ же можетъ быть зараженный ересью, Тверской Епископъ Андрей, остался безнаказаннымъ. Въ это время, кромѣ произнесенія словъ любви, Митрополитъ Петръ не могъ ничего лучше найти для его наказанія: и что онъ тогда могъ сдѣлать, когда Епископъ, подчиненный ему, находился подъ защитою Князей; рѣзкое наказаніе его могло повести, пожалуй, къ невыгоднымъ послѣдствіямъ и для самаго Митрополита: онъ только устыдилъ клеветника и оставилъ при томъ, какъ видно, въ сторонѣ его еретическія мнѣнія.

Эта беззащитность Русской Церкви и ея представителя выражается и въ поученіи Митрополита Петра: онъ въ немъ неприказываетъ, а совѣтуетъ; учитъ, но за неисполненіе обязанностей не грозитъ наказаніемъ, не напоминаетъ о своей власти, а только говоритъ о своихъ обязанностяхъ. Такое грустное настроеніе видно не только въ поученіи послѣдняго, независимо стоявшаго отъ свѣтской власти въ Россіи, Митрополита, но и въ поученіи перваго Митрополита, послѣ Монгольскаго завоеванія, Кирилла;[28] между тѣмъ, мы ниже увидимъ какъ, при другомъ по-

[28] Поученіе его въ приб. къ Тв. Св. От. ч. I, стр. 428—432; о сочин. его

ложеніи, другой Митрополитъ заговорилъ и показалъ, какъ можетъ иногда высоко поднимать тонъ начальникъ одной изъ Восточныхъ Церквей.

Не пускаясь въ разсказы о дѣлахъ Митрополита Петра, авторъ его житія, послѣ упоминанія о Соборѣ въ Переяславлѣ говоритъ, что проходя грады и мѣста Божій человѣкъ Петръ, пришелъ въ славный градъ, зовомый Москва, бывшій тогда малымъ и немноголюднымъ. Въ этомъ городѣ обладалъ благочестивый и Великій Князь Иванъ Даниловичъ, внукъ Александра блаженнаго; видя его блаженный Петръ въ православіи сіяюща, очень полюбилъ и началъ больше иныхъ мѣстъ жить въ томъ городѣ; а потомъ и переѣхалъ къ нему совсѣмъ и сталъ совѣтовать Князю, чтобъ тотъ построилъ храмъ, во имя Богородицы, и когда тотъ послушался его, то Митрополитъ Петръ приготовилъ въ томъ храмѣ себѣ могилу, гдѣ впослѣдствіи и былъ положенъ. [29] Но кромѣ любви къ Князю существуетъ извѣстіе, что Митрополита Петра привлекала жить въ Москвѣ любовь къ какому то иноку Алексѣю, у гроба котораго совершались чудеса. [30] Оба этѣ извѣстія увеличиваютъ только наши познанія, въ совокупности съ другими событіями, заставившими Митрополита Петра совершить этотъ переѣздъ. Вопросъ, кажется, заключается въ томъ, по чему всѣ Россійскіе Митрополиты предпочитали Сѣверъ Югу и по чему Митрополитъ Максимъ, передъ своею смертію, окончательно перенесъ Митрополичій престолъ во Владиміръ, а Петръ, такъ же передъ своею смертію, перенесъ его въ Москву? Митрополиты ставились къ Кіеву и всей Руси; когда жизнь Русскаго народа сосредоточивалась на Югѣ Россіи, то и Митрополиты жили тамъ, около Великихъ Князей. Митрополитъ Кириллъ, Галичанинъ родомъ, жилъ уже большею частію на Сѣверѣ, куда начала переноситься главная дѣятельность Русскаго народа, особенно послѣ Монгольскаго завоеванія; но Кириллъ

см. Обз. Рус. Дух. Лит. Преосв. Филарета, въ Зап. 2 отд. Ак. Н. кн. 3, подъ N. 52.

[29] Ст. Кн. ч. 1. стр. 419.

[30] Пр. къ Тв. Св. От. за 1844 г. стр. 80, ссылка на Гербенштейна.

не перенесъ сюда Митрополичьяго престола, однако же онъ умеръ въ Переяславлѣ, городѣ, которымъ обладалъ сильнѣйшій Князь.[31] Митрополитъ Максимъ не можетъ уже противиться обстоятельствамъ и предъ своею смертію окончательно переноситъ на Сѣверъ свой престолъ, въ видимый центръ Сѣверной Россіи, во Владиміръ. Преемникъ его Петръ такъ же ѣдетъ въ Кіевъ, послѣ поставленія въ Константинополѣ, въ старую столицу Велико-Княжескую и Митрополичью; но уже скоро оттуда уѣзжаетъ на Сѣверъ и не возвращается на Югъ. Такимъ образомъ въ этѣхъ переѣздахъ мы видимъ борьбу стараго начала, правила, что Митрополиты ставятся къ Кіеву, и новаго, противъ котораго не могутъ Митрополиты устоять и безъ сопротивленія повинуются обстоятельствамъ. Но въ первомъ же изъ этѣхъ Митрополитовъ высказалось, куда должны наклоняться ихъ переѣзды; въ дѣйствіяхъ же Митрополита Петра это выражается вполнѣ. Онъ ѣдетъ во Владиміръ, куда указалъ ему ити его предшественникъ; но остается ли онъ во Владимірѣ? Мы объ его жизни, какъ уже было замѣчено, мало имѣемъ извѣстій; но есть два упоминанія въ житіи его, на которыя должно обратить вниманіе: первое, соборъ въ Переяславлѣ, принадлежащемъ по прежнему сильнѣйшимъ Князьямъ; а второе, въ житіи не упоминается, чтобы Митрополитъ Петръ сидѣлъ на одномъ мѣстѣ, а есть намеки на то, что онъ постоянно ходитъ, ищетъ чего-то, и вотъ попадаетъ въ Москву: «проходилъ грады и мѣста Божій человѣкъ.» На Москву ему необходимо должно было наткнуться: сдѣсь всего чаще приходилось Митрополитамъ проходить, въ своихъ переѣздахъ, по срединному ея положенію въ Сѣверной Россіи.[32]

Но сдѣсь можетъ явиться вопросъ, что если затруднительное и беззащитное положеніе Русской Церкви заставило главу ея, Митрополита, искать себѣ опоры въ свѣтской власти, то въ такомъ же грустномъ положеніи, въ какомъ была наша Церковь, въ описываемое время, не разъ находилась и Западная Церковь? Но тамъ Папы не дѣлали такихъ поступковъ, какой сдѣлалъ Ми-

---

[31] Ист. Рос. т. 4, стр. 296

[32] Ист. Рос. т. 4, стр. 146—147.

трополитъ Петръ. Во времена Митрополита Петра, на Западѣ мы видимъ совершенно другое: у насъ каждое дѣствіе, выходящее извнутри и извнѣ Церкви, заставляло начальника ее искать себѣ защиты у свѣтской власти; тамъ же въ настоящее время кончилась борьба Папъ съ Императорскою властію, и началось, въ началѣ XIV-столѣтія, что-то подобное тому, что было и у насъ; но это такое явленіе, о которомъ духовенство Западной Церкви воспоминаетъ съ ужасомъ и отвращеніемъ, считаетъ его источникомъ церковныхъ смутъ и приравниваетъ къ несчастнѣйшему событію въ исторіи избраннаго народа; но у насъ напротивъ, такое событіе считается величайшимъ и полезнѣйшимъ дѣломъ, а человѣка, которому предназначила Исторія его совершить, называютъ «великимъ во Святителяхъ» и называетъ такъ тотъ человѣкъ, который всѣхъ больше, своею личностію, пострадалъ за это дѣло, Митрополитъ Кипріанъ. Остальные всѣ Святаго Митрополита Петра считаютъ основателемъ и руководителемъ всей послѣдующей послѣ него дѣятельности Церковной Іерархіи, на пользу образованія и развитія Русскаго Государства.

Для объясненія всѣхъ дѣйствій Митрополита Петра и его преемниковъ, я постараюсь, сколько съумѣю, объяснить, въ нѣсколькихъ словахъ, характеръ Церкви, представителемъ которой онъ былъ въ Россіи, въ противоположность Церкви Западной.

Церковь Христіанская, съ того времени какъ довольно хорошо развила свое внутреннее устройство и сплотилась въ крѣпкую Іерархію, попала въ двухъ половинахъ Христіанскаго міра въ совершенно различное отношеніе къ свѣтской власти. На Западѣ, въ началѣ среднихъ вѣковъ, грубыя массы народовъ смѣняли одна другую; этѣ массы не были сами въ себѣ сплочены твердо и не имѣли настоящаго понятія о государственномъ союзѣ и даже въ то время, когда онѣ наконецъ утвердились на разныхъ мѣстахъ прежней Западной Римской Имперіи. Среди такого общества, отличавшагося притомъ еще и необразованіемъ, учитель вѣры являлся представителемъ не только нравственности, но и вообще образованія и всего лучшаго. Очень естественно, что представитель духовнаго учрежденія самъ и чрезъ своихъ подчиненныхъ распространилъ свое право учить очень далеко и

явился, даже съ благою цѣлію, и поощряемый окружающимъ невѣжественнымъ міромъ, руководителемъ въ дѣлахъ чисто свѣтскихъ, чтобъ смягчить грубость своихъ духовныхъ дѣтей. Но когда на первосвятительскомъ престолѣ стали являться лица, которыя начали къ своей учительской дѣятельности примѣшивать требованія собственнаго эгоизма, прикрывая ихъ даже правилами религіи и преданіями Церкви, а при случаѣ даже сочиняя послѣднія; а окружающія народныя массы, не могли понять и отличить справедливыхъ требованій своихъ духовныхъ отцовъ отъ несправедливыхъ, а только ожидали отъ нихъ молитвъ, наставленій и утѣшеній въ скорбяхъ мірскихъ, какъ отъ лицъ, которыя одни только могутъ дать это: при такихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, Церковная Іерархія Западной Церкви составила въ массахъ народа сильный и твердый фундаментъ, на основаніи котораго могла широко распространять свои требованія. Но не одно необразованіе массъ дало средство къ развитію теоріи Папской власти, существующей въ Западной Церкви, теоріи, заключающейся въ руководительствѣ и управленіи всѣмъ на свѣтѣ. Причина главная была та, что этѣ не образованныя массы народа не были, какъ уже сказано, сплочены въ государства; у свѣтскихъ владѣльцевъ не было своей теоріи власти въ противуположность церковной. Вражда нѣкоторыхъ изъ нихъ къ Папамъ дала еще большее средство послѣднимъ практически показать и выяснить притязанія Церкви. Константинопольскій Императоръ, по своему безсилію, не могъ остановить Папъ въ ихъ свѣтской дѣятельности; враги Папъ на Западѣ, въ то время, когда теорія власти церковной слагалась, или не могли выставить имъ сильнаго сопротивленія, или дѣлали уступки, а главное, не имѣя теоріи о своей власти въ противуположность церковной и вслѣдствіе этого не будучи въ состояніи поддержать ею свои временныя побѣды надъ Папами, въ заключеніе пали одинъ за другимъ. А когда Императоры, съ одинаковыми притязаніями, какъ и Папы, на всемірное господство, пали въ борьбѣ съ церковною властію, имѣвшею крѣпкую опору въ народныхъ массахъ, тогда окончательно утвердилось и выяснилось, чего требуетъ Церковь и ея глава въ отношеніи къ паствѣ. Но послѣ такой громадной побѣды у побѣдителя, убѣдившагося въ своемъ могуществѣ, закружилась голова, и онъ еще шире, даже до нелѣ-

пости, выставилъ свое право на повелительство всѣмъ міромъ. Но въ это уже время народныя массы начали слагаться въ государства, а вслѣдствіе этого никто не хотѣлъ бороться съ Папами такъ, какъ боролись Императоры, а повели борьбу другіе люди, съ другимъ духомъ и съ другой стороны. Между тѣмъ Церковь, развивъ теоріи своей власти въ безгосударственное время, осталась при ней, а вслѣдствіе этого сдѣлалась врагомъ всякаго союза, всякой самостоятельности, вообще Церковью противугосударственною.

Совершенно противуположное всему этому было съ Церковной Іерархіей на Востокѣ, въ Византіи. Церковное учрежденіе, сложившись въ крѣпкую Іерархію, попало въ среду Государства, чего не было на Западѣ; общество этого Государства было значительно образовано, Императорская власть была обширна и имѣла о своей власти теорію, въ противуположность Церкви, теорія власти которой должна была еще слагаться, въ отношеніи къ свѣтской власти, и она начала слагаться подъ самыми не благопріятными для себя условіями; каждое притязаніе церковной власти было въ началѣ же останавливаемо верховною свѣтскою властію, которая въ гніющемъ Государствѣ безобразничала надъ всѣмъ. Каждый Императоръ, по своему произволу, если хотѣлъ, смѣнялъ начальниковъ Церкви и даже высказывалъ свои притязанія на опредѣленіе смысла ученія вѣры. Къ тому же постоянныя смуты въ самой Церкви, ереси, въ которыхъ принимали живѣшее участіе какъ члены Государства, такъ особенно глава его. Это и тому подобное совершенно уничтожало всякія притязанія, какія бы то ни было, о коихъ могъ подумать начальникъ Церкви, и превратило церковную іерархію въ одно изъ государственныхъ учрежденій, находящихся въ распоряженіи свѣтской власти, дѣйствовавшей чрезъ него по своему желанію. Свѣтская власть допускала церковной іерархіи пользоваться извѣстными матеріяльными выгодами, въ мѣрѣ, опредѣленной ею, а если и при этомъ лица, въ рукакъ которыхъ была церковная власть, протягивали свои руки, куда не слѣдовало, или это только казалось свѣтской власти, то такіе Патріархи и имъ подчиненные тотчасъ лишались своей власти. Послѣ того, какъ церковная іерархія была доведена до такого положенія, что свѣт-

ская власть могла съ нею дѣлать что угодно, окончательно сложилась и теорія о церковной власти, какъ власти, подчиненной государству.

Вслѣдствіе этой противуположности вліяній и исхода борьбы при образованіи теорій о власти церковной, двухъ половинъ Христіянской церковной іерархіи, Восточной и Западной, это вліяніе и борьба выразились въ характерѣ Церквей, во всѣхъ ихъ дѣйствіяхъ и въ ихъ непримиримой между собою враждѣ.

Изъ Византіи приняла Россія Христіянскую Вѣру и съ нею церковною іерархію, которая на первый разъ стала въ зависимость отъ власти Константинопольскаго Патріарха и отъ Императора. Въ Россіи въ это время не было государства. Владиміръ Святой и его преемники, при своей привязанности къ новой Вѣрѣ, не могли думать серьезно о неловкости подобной зависимости, по тому что самое понятіе, въ подобномъ обществѣ, какъ тогда была Россія, о зависимости и независимости, твердо не сложилось и выражалось только въ одномъ опредѣленномъ видѣ—въ видѣ грубаго владѣнія. Церковная іерархія, въ продолженіе времени отъ принятія Христіянской Вѣры Владиміромъ до завоеванія Россіи Монголами, не могла себѣ составить другой теоріи о своей власти по простой причинѣ: она находилась въ зависимости отъ Константинополя и оттуда получала своихъ начальниковъ Митрополитовъ и даже другихъ членовъ духовенства. Свѣтская власть Великихъ Князей тоже было успѣла попробовать свою силу надъ церковной іерархіей; но это были случаи, относительно, особенные, выходящіе изъ общаго порядка дѣлъ. Митрополитъ постоянно зависѣлъ отъ Константинополя, сама же Церковь вообще явилась благодѣтельницею для Россіи, умирительницею Княжескихъ усобицъ, снабдительницею Русскихъ наукою; въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ свѣтская власть требовала отъ нея содѣйствія, Церковь опиралась въ своихъ совѣтахъ и дѣятельности вообще на Византійское законодательство, не прибавляя ничего своего къ этой опорѣ.[33] Но явилось событіе, которое могло выставить характеръ Церкви и ея притязанія; Россію завоевали Мон-

[33] См. Калачева «О Кормчей» Чтенія, годъ 3, 1847 г. стр. 8 — 9.

голы, Константинополь попалъ въ руки Крестоносцевъ. Въ Россіи Князья перебиты и ослаблены не борьбою съ церковною властію, какъ на Западѣ Императоры, но отъ силы, явившейся извнѣ; Кіевъ, столица Великокняжеская и Митрополичья, былъ раззоренъ, и жизнь Русскаго народа сосредочилась на двухъ противоположныхъ концахъ Россіи на Юго-Западѣ и Сѣверо-Востокѣ. Для Церкви, кромѣ того что общество было потрясено нашествіемъ варваровъ, завоеваніе Константинополя Крестоносцами являлось благопріятно тѣмъ, что Церкви Греческой въ сущности нѣкогда было думать о нуждахъ Русской; да наконецъ не только Императоры, но и Патріархи иногда были склонны къ Западной Церкви. Но что же мы видимъ? Высказываютъ ли Митрополиты притязанія на свою особенную власть? Живутъ ли въ раззоренномъ Кіевѣ, очень удобномъ для того, чтобы устроить въ немъ Русскій Римъ? Въ отношеніи притязаній можно сказать развѣ только то, что съ XIII-столѣтія вытащенъ былъ на свѣтъ, и дошелъ до насъ во многихъ спискахъ, уставъ Владиміра Святаго. Но такъ какъ во 1-хъ, самую подложность его весьма трудно доказать [34] и во 2-хъ, его никакъ нельзя ставить въ параллель съ выдумками монаховъ въ пользу Папской власти: онъ основанъ весь на Византійскомъ правѣ и скорѣй появленіе его, въ это время, на свѣтъ доказываетъ только то, что имъ хотѣла Церковь оградить себя отъ правонарушеній, въ это смутное время. Русская Церковь, вполнѣ проникнутая теоріею власти Византійской Церкви, должна была принять въ Россіи такое же положеніе, какое она занимала тамъ, въ Византіи, и если напр. по уставу Святаго Владиміра, пространство ея власти, въ сравненіи съ властію церковной іерархіи Константинопольской, первоначально было увеличено [35] то это зависѣло отъ того, что самая необходимость заставляла это дѣлать въ обществѣ не развитомъ. Но лучшимъ доказательствомъ того, что Церковь не могла и не хотѣла установить своей независимости, служитъ то, что Митрополитъ, прежде, жившій въ Кіевѣ, рядомъ съ Великимъ Княземъ

---

[34] Неволина прос. Цер. суда въ Россіи до Петра Великаго П. С. его С. т. 6 стр. 273 — 295.

[35] Тамъ же стр. 334.

и въ своей церковной власти зависѣвшій отъ Патріарха, теперь совершенно освободившись отъ перваго, а отъ втораго завися только, болѣе или менѣе, по преданію, какъ отъ верховнаго Святителя, почти не живетъ въ Кіевѣ; онъ побываетъ во Владимірѣ, съѣздитъ въ Новгородъ, оттуда поѣдетъ въ Галицію, а потомъ въ свой старый городъ Кіевъ; но на мѣстѣ не живетъ, какъ живетъ въ это время Папа въ своемъ Римѣ. Не величается ничѣмъ Русскій Митрополитъ, не отлагается отъ власти Вселенскаго Патріарха и по прежнему ставится отъ него, для чего отыскиваетъ его даже въ Никеѣ. Въ его переѣздахъ видимъ, что Митрополитъ ищетъ чего-то, тоскуетъ объ чемъ-то, какъ будто желаетъ отыскать себѣ какое нибудь положеніе. Но въ этѣхъ переѣздахъ мы замѣчаемъ, что Митрополитовъ всея Россіи всего больше тянетъ на Сѣверо-Востокъ. Что же такое тамъ? По чему ихъ туда тянетъ? Въ это время во всей Европѣ началось переходное состояніе общества, изъ прежняго къ новому, начинаютъ заранедаться государства. Вездѣ свѣтскіе владѣльцы, въ противуположность прежнимъ, высказываютъ характеръ владѣльцевъ-хозяевъ; старые идеалы падаютъ. Императорскую власть сокрушилъ Папа, и теперь, стоя на высотѣ своего величія, онъ не замѣчаетъ, что почва подъ нимъ начинаетъ колебаться новымъ какимъ-то неизвѣстнымъ ему движеніемъ; вездѣ началась борьба со старыми идеалами. Въ Россіи, Европейской странѣ, тоже самое происходитъ. Мы сказали, что Византійская церковная іерархія есть государственное учрежденіе, въ настоящее время, во второй половинѣ XIII-столѣтія, она осталась совершенно свободна отъ всякой зависимости, въ лицѣ Митрополита, отъ свѣтской власти. Но часть можетъ жить, въ своемъ первоначальномъ видѣ, только, когда живъ цѣлый организмъ; въ Константинополѣ государство уже сгнило и если Русская церковная іерархія тянетъ на Сѣверо востокъ земли Русской, то значитъ тамъ есть государство или, по крайней мѣрѣ, оно въ зародышѣ? Именно государство тамъ зарождается, но еще всѣ сѣмена, которыя должны образовать его составъ, находятся въ какомъ-то бродячемъ состояніи, но стекаются уже въ одну сторону и только покуда не отыщутъ настоящаго гнѣзда, гдѣ должно совершиться ожидаемое. По переѣздамъ Митрополитовъ мы можемъ замѣтить, какъ по точному мѣрилу, ни чѣмъ не стѣсняемому, ни извнѣ, ни изъ

внутри Россіи, въ своихъ движеніяхъ, и опредѣлить, какъ постепенно опредѣлялось мѣсто, гдѣ должно родиться государство. Первый Митрополитъ послѣ Монгольскаго завоеванія, стершаго многія принадлежности стараго порядка вещей, сначала колеблется между Юго-западомъ и Сѣверо-востокомъ, но Сѣверо-востокъ перетягиваетъ, и Митрополитъ, мѣстомъ своей смерти, указываетъ что и гдѣ должно быть. Максимъ въ заключеніе своей дѣятельности переселяется на Сѣверовостокъ, но въ его время трудно было что либо опредѣлить; идетъ страшная борьба, которая по мѣсту, за которое борются, указываетъ на Владиміръ, какъ на пунктъ, въ которомъ долженъ произойти поворотъ къ новому. Но Митрополитъ Максимъ по этой примѣтѣ ошибся, или, лучше сказать, и не могъ отгадать, что Владиміръ съ своею областью есть средство для Князей, а не цѣль; ему нужно было избрать сильнѣйшаго изъ борющихся, а борьба и при немъ продолжалась. Петру Митрополиту, по указанію его предшественниковъ, можно было дѣйствовать и продолжать ихъ дѣло, и онъ пріѣхалъ прямо на Сѣверовостокъ, началъ проходить города и мѣста, ища — чего еще не успѣли отыскать окончательно двое изъ его предшественниковъ, и наконецъ онъ попалъ въ Москву; а совокупность событій, случившихся при немъ, указала на это мѣсто, какъ на такое, гдѣ онъ долженъ утвердиться.

Но прежде чѣмъ приступимъ къ дальнѣйшему изложенію событій, связанныхъ съ личностію Митрополита Петра, скажемъ еще нѣсколько словъ о нашей Церкви. — Мы несравненно счастливѣе, имѣя такую церковную іерархію, которая сама нуждалась въ защитѣ и никогда не возбуждала вражды между Князьями; она была прежде поставлена въ такое положеніе, что дѣла свѣтскія не ея дѣло, и къ участію въ нихъ могла себя допустить, на сколько позволяютъ ей идеи Христіанской религіи, или если участіе какого либо духовнаго лица выгодно допускающимъ. Римская Церковь, отличаясь великимъ мастерствомъ въ употребленіи нравственныхъ силъ своихъ служителей, выставляла изъ себя одинъ за другимъ монашескіе ордена съ характеромъ необходимымъ, чтобы приладиться къ духу времени, съ цѣлію употребить силы общества на свою пользу. Наша Церковь, не имѣя никакихъ притязаній на господство, не имѣла и нужды прибѣгать къ подоб-

нымъ средствамъ: ея дѣло было нравственное воспитаніе народа. Но она кромѣ нравственныхъ силъ имѣла у себя и матеріяльныя средства, и по этому Князьямъ выгодно было имѣть ее на своей сторонѣ, какъ это было выгодно и на Западѣ; но тамъ можно было получить помощь отъ Церкви во первыхъ временную, а во вторыхъ такую, какую у насъ можно было получить изъ Орды, или еще лучше изъ Новгорода. При томъ у насъ не нужно было хитрить съ Церковью и подчиняться ей, по тому что Митрополитъ этого не требуетъ, такъ какъ онъ не имѣетъ понятія о притязаніяхъ, подобныхъ Папскимъ. Наша Церковь, когда была свободна отъ всякой зависимости, отыскала, побуждаемая къ этому своимъ характеромъ, гдѣ должно быть государство, и то, что было въ зародышѣ, успѣла развить средствами въ ней находящимися, по тому что все, что нужно было для новаго порядка вещей, она носила въ себѣ и къ этому вела. Конечно, наша Церковь не могла особенно много дать, но на первый разъ ея средства являлись громадною помощію Московскому Княжеству. Но этою способностію дѣлать все на пользу государства, за то и отъ государства Церковь пользуется покровительствомъ, какъ лучшій изъ его помощниковъ, она существуетъ только въ связи съ существованіемъ государства, а уступки, дѣлаемыя Церковью, въ чью бы то ни было пользу, есть уступки государства, которое не хочетъ, или не можетъ поддержать ее, или наконецъ само желаетъ, чтобы онѣ были сдѣланы.

Не знаю, удовлетворительно ли изложилъ я эту необходимость переѣзда Митрополита Петра къ сильнѣйшему Князю, но теперь должно сказать, что дѣйствительно ли Москва была сильнѣйшее Княжество, и въ самомъ дѣлѣ не одна ли любовь къ Князю, или къ святому иноку, заставила его переѣхать туда. — Здѣсь я не буду распространяться. Москва и Тверь, во время жизни Митрополита Петра, стояли впереди всѣхъ остальныхъ Княжествъ Россіи по своей силѣ; могущество же ихъ, повидимому, было равно и между ними по этому, изъ соперничества въ дѣлѣ собиранія Русской земли, шла борьба на смерть. Кромѣ физическихъ условій страны, высказавшихъ намъ, по чему Москва побѣдила Тверь, многое могъ и самъ видѣть Митрополитъ Петръ. За Тверью, въ продолженіи правленія Митрополісю Петра,

большую часть времени, находилось великое Княженіе, но неспособность ея къ усиленію уже выяснилась: два Князя ея были убиты въ Ордѣ, по приказанію Хана; такой выдержанности и обдуманности въ поступкахъ, бывшей принадлежностію Сѣверныхъ Князей, у Тверскихъ, въ сравненіи съ Московскими, не было. Большій порядокъ внутри Княжества, богатство, населенность, вслѣдствіе большей внутренней тишины, находились на сторонѣ Москвы. Эту силу Москвы, чрезъ годъ по смерти Митрополита Петра, хорошо очертилъ лѣтописецъ словами: «сѣлъ на великое Княженіе Князь Иванъ Даниловичъ и стала тишина по всей Русской землѣ, на многія лѣта.» А между тѣмъ какъ кончили въ этотъ же годъ Тверскіе Князья: Александръ Михайловичъ избилъ Татаръ въ Твери; а изъ за этого потерялъ не только великое Княженіе, но и Тверь, а въ заключеніе чрезъ нѣсколько лѣтъ и жизнь. Объ умѣ и способностяхъ Московскихъ Князей все свидѣтельствовало, въ сравненіи съ другими Князьями, да при томъ еще и то надо замѣтить, что Иванъ Даниловичъ, кромѣ выдержанности въ поступкахъ и енергіи къ дѣятельности, обладалъ способностію заискивать у людей ему нужныхъ: умѣлъ сіять благочестіемъ предъ тѣмъ человѣкомъ, для котораго благочестіе было главное дѣло. На долю же Ивана Даниловича выпало и счастіе, состоящее въ томъ, что во время жизни Митрополита Петра всѣ нечистыя дѣла Москвы падали на его брата, Юрія, который заправлялъ внѣшними дѣлами Московскаго Княжества. Кромѣ силы и ума, которыя, конечно, зналъ Митрополитъ Петръ, наконецъ и самыя отношенія его къ Московскому Князю показывали, что онъ долженъ къ нему обратиться и стать на его сторону. Московскій Князь заискивалъ у Митрополита, покоилъ его старость; Тверскіе же Князья не только не съумѣли поправить прежній промахъ, могшій, пожалуй, имѣть вліяніе на нерасположеніе къ нимъ Петра Митрополита, т. е. желанія имѣть Митрополитомъ своего близкаго человѣка — Геронтія; [36] но еще допустили своему Епископу, можетъ быть даже съ своего согласія, сдѣлать доносъ на Митрополита, какъ видно довольно важный и можетъ быть грозившій Митрополиту Петру лишеніемъ Митрополіи, по тому что ради его

---

[36] См. выше.

собранъ былъ соборъ; а на соборъ Князья явились какъ бы защитниками клеветника. Могъ ли послѣ всего этого Митрополитъ Петръ обратиться къ Твери? Если поступокъ Епископа Андрея былъ сдѣланъ безъ ихъ согласія, то отъ чего же Князья его не выдали, отъ чего послѣ того, какъ Андрей сошелъ съ Епископіи въ 1315 году, они въ продолженіи 11 лѣтъ не съумѣли примириться съ Митрополитомъ и, по крайней мѣрѣ, пріостановить его переѣздъ?

Вообще же прочность и правильность дѣла Митрополита Петра, въ отношеніи его переѣзда въ Москву, всего яснѣе высказалась въ дальнѣйшей, послѣ того, исторіи Русской церковной іерархіи.

Переѣхавъ въ Москву, Митрополитъ Петръ [37] началъ, такъ сказать, закладывать для своихъ преемниковъ необходимое зданіе Митрополичьяго стола. Для того, чтобы Москва являлась дѣйствительно столицею Митрополита, Святитель Петръ обратился къ Ивану Даниловичу съ слѣдующими словами: «Если ты, сынъ мой, меня послушаешь и храмъ Пречистыя Богородицы воздвигнешь въ своемъ градѣ, то самъ прославишься паче иныхъ Князей и сыновья и внуки твои въ роды; градъ сей будетъ славенъ во всѣхъ градехъ Русскихъ и Святители поживутъ въ немъ и взыдутъ руки его на плеща враговъ его, и прославится Богъ въ немъ.» Въ заключеніе, какъ бы сознавая важность своего поступка и своей личности въ этомъ дѣлѣ, прибавилъ: «Еще и мои кости въ немъ будутъ положены.» Этѣ слова Иванъ Даниловичъ съ великою радостію принялъ и началъ исполнять совѣтъ Святителя съ великимъ раченіемъ. 4-го Августа 1326 года заложена была въ Москвѣ первая каменная церковь Успенія Богородицы. По мѣрѣ того какъ церковь воздвигалась, Митрополитъ Петръ торопилъ дѣло. Чувствуя приближеніе смерти, онъ началъ въ устроиваемомъ храмѣ приготовлять для себя могилу, а между тѣмъ въ ежедневныхъ бесѣдахъ съ Иваномъ Даниловичемъ дѣ-

---

[37] О времени окончательнаго переѣзда Митрополита Петра въ Москву можно сказать только то, что оно относится къ послѣднимъ годамъ его жизни. Въ 1325 году онъ присутствовалъ при погребеніи Юрія Даниловича.

лалъ ему постоянно душеполезныя наставленія. Святителю Петру не удалось видѣть вполнѣ построеннаго храма: въ одинъ день, отправившись въ церковь и совершивъ службу церковную, поучивъ всѣхъ и раздавъ многую милостыню, онъ почувствовалъ, что конецъ его жизни недалекъ Въ это время Князя Ивана Даниловича не было въ Москвѣ, по этому Святитель Петръ пригласилъ къ себѣ тысяцкаго Протасія, [38] и сказалъ ему: «чадо, я отхожу отъ житія сего; оставляю сыну своему, возлюбленному Князю Ивану милость, миръ и благословеніе отъ Бога ему и сѣмени его до вѣка. За то, что сынъ мой меня успокоилъ, воздастъ ему Господь сторицею въ мірѣ семъ и животъ вѣчный наслѣдуетъ, и да не оскудѣютъ отъ сѣмени его, обладающіе мѣстомъ его, и память его прославится.» Потомъ Святитель завѣщалъ все свое имѣніе истратить на строеніе соборной церкви, и послѣ этого, простившись со всѣми, началъ пѣть вечерню и во время ея пѣнія съ молитвою на устахъ и съ воздѣтыми руками къ небу скончался. Князь Иванъ Даниловичъ, узнавъ объ этомъ, поспѣшилъ въ Москву, чтобъ присутствовать при погребеніи, которое совершено было 21-го Декабря 1326 года. Тѣло Митрополита положено было въ гробѣ, имъ для себя приготовленномъ.

Въ заключеніе здѣсь должно сказать еще объ одномъ: въ какомъ отношеніи находился Митрополитъ Петръ къ Князю, къ которому онъ переѣхалъ — духовная власть къ свѣтской. Самъ Митрополитъ Петръ и его ближайшіе предшественники, находясь въ постоянномъ движеніи по Россіи, наклонялись въ ту или другую сторону, по обстоятельствамъ, отъ нихъ независящимъ, не высказывали, въ какомъ отношеніи должны находиться они и подчиненное имъ учрежденіе къ свѣтской власти. Между Князьями мы можемъ замѣтить только желаніе, поставить начальника Церкви на своей сторонѣ. Какія же отношенія существовали между Митрополитомъ Петромъ и Иваномъ Даниловичемъ? На это можно сказать покуда одно, что Святитель, принужденный обстоятельствами переѣхать къ Московскому Князю, не могъ показать, по короткости времени и по другимъ обстоятельствамъ, какія отношенія должны быть между ними; вообще Митрополитъ

[38] Предка знаменитыхъ Вельяминовыхъ Ист. Р. т. 4, стр. 213.

Петръ очень любилъ Ивана Даниловича и ко всему, что имѣетъ произойти отъ его переѣзда, отсылаетъ самъ къ послѣдующему за нимъ времени.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ГАЛИЦКОЙ МИТРОПОЛІИ ВЪ XIV СТОЛѢТІИ.

«Князь Волынскія земли совѣщаетъ совѣтъ не благъ, восхотѣ Галицкую Епископію въ Митрополію претворити», по тому что не хотѣлъ, чтобы Геронтій былъ Митрополитомъ. Такъ говоритъ авторъ житія Митрополита Петра и чуть ли не этѣми словами онъ первый далъ намъ извѣстіе о существованіи Галицкой Митрополіи въ XIV вѣкѣ; но этѣми же словами онъ даетъ намекъ, что прежде въ Галиціи не было другихъ, кромѣ Всероссійскихъ Митрополитовъ; а извѣстно, что Галицкой Епархіею управляли съ конца XIII столѣтія намѣстники Митрополитовъ,[39] а когда Митрополиты, до окончательнаго перенесенія Митрополіи во Владиміръ, бывали на Югѣ Россіи (послѣ Монгольскаго завоеванія), то жили почти постоянно въ Галиція.[40] Разрывъ окончательный, произведенный Монгольскимъ завоеваніемъ, въ интересахъ двухъ половинъ Россіи—Юго-Западной и Сѣверо-Восточной, очень могъ побудить Князей Галицкихъ разорвать и послѣднюю связь—единство управленія Церковью, соединенное въ рукахъ Митрополитовъ Всероссійскихъ. Но созрѣла ли эта мысль окончательно, при поставленіи въ Митрополиты Петра, нельзя положительно сказать, и Юрій Львовичъ могъ просить Патріарха посвятить Петра въ Митрополиты, но наврядъ ли въ отдѣльные для одной Галиціи, по тому что Князь могъ надѣяться, что Петръ будетъ жить на Югѣ, куда его могло тянуть какъ въ страну родную; а между тѣмъ, какъ если Геронтій будетъ поставленъ въ Митрополиты, то навѣрно будетъ жить на Сѣверѣ Россіи. Но въ этомъ желаніи Галицкой Князь ошибся и, какъ мы видѣли, Митрополитъ Петръ

---

[39] Ист. Р. Іер. ч. I, стр. 427.

[40] Ист. Юго-Зап. Руси до половины XIV стол. Клеванова М. 1849 г. стр. 217.

уѣхалъ во Владиміръ, на Клязьмѣ, вскорѣ послѣ своего посвященія въ Митрополиты всея Руси. Конечно, послѣ этого Галицкій Князь могъ снова просить себѣ у Патріарха Митрополита для Галиціи; но просилъ ли онъ этого, при жизни Петра, по скудости извѣстій о Галиціи въ началѣ XIV столѣтія, не извѣстно положительно.

Говоря о желаніи Галицкаго Князя учредить Галицкую Митрополію, считаю долгомъ упомянуть, прежде чѣмъ приступить къ дальнѣйшему изложенію событій, о жалованныхъ грамотахъ отца Юрія Львовича — Льва Галицкой Митрополіи и особенно о грамотѣ 1301 года. [41] Карамзинъ говоритъ объ ней: «Гедеонъ Балабанъ, Епископъ Львовскій и Галицкій въ 1581 году представилъ оную, въ самомъ ветхомъ видѣ, Королю Польскому Стефану на утвержденіе». Король утвердилъ съ оговоркою: «поколику ея содержаніе непротивно настоящимъ законамъ». Сію грамоту тогда вновь переписанную, скрѣпили печатями Стефанъ Баторій, а послѣ и Сигизмундъ III. Нужно ли изъяснять намѣреніе подлога? Читатель вспомнитъ нашъ мнимый церковный уставъ Владиміровъ и Ярославовъ, изобрѣтенный съ такимъ же намѣреніемъ; то есть для мірской пользы духовенства» Доказательствомъ подлога приводится упомянутое въ грамотѣ имя Митрополита Кипріана, который не былъ тогда Митрополитомъ, и потомъ языкъ, испорченный вставками словъ, не употреблявшихся въ древнемъ Русскомъ языкѣ и другія внѣшнія ошибки. Митрополитъ Евгеній [42] склоняется во мнѣніи объ этѣхъ грамотахъ къ авторитету Исторіографа; а Преосвященный Филаретъ, [43] признавая этѣ грамоты положительно подложными, дѣлаетъ странную прибавку: «этѣ грамоты доказываютъ только одно, что Галицкіе Князья желали имѣть особаго Митрополита»; что подложно, то кажется кромѣ подлога и цѣли его ничего не доказываетъ. Зу-

---

[41] Этѣ грамоты помѣщены у Карамзина въ Ист. Г. Р. т. 4. пр. 203 (двѣ) и у Зубрицкаго въ его Критико-Исторической повѣсти о Галицкой Руси (пер. Бодянскаго) подъ буквами Б. В. Г. Е. и Ж.

[42] Опис. Кіево-Соф. Собора и Кіевской Іерархіи стр. 88.

[43] Ист. Рус. Цер. изд. 2, ч. 2, прим. 188.

брицкій хотѣлъ было признать ихъ не подложными, а потомъ [44] согласился съ мнѣніемъ Карамзина. Дѣйствительно, масса внѣшнихъ ошибокъ закрываетъ собою внутренній смыслъ грамотъ, между тѣмъ какъ правами и все то, что жаловалось этѣми грамотами, всѣмъ этѣмъ пользовалась всегда Православная Церковь и наврядъ ли Западно-Русское православное духовенство сочинило этѣ грамоты, чтобы ими убѣдить свѣтскихъ властителей въ правахъ на то, что ему давно принадлежитъ, чему лучшимъ доказательствомъ служатъ слова Стефана Баторія. По какимъ причинамъ представилъ Гедеонъ Балабанъ на утвержденіе Королю грамоту, можно видѣть изъ ея содержанія, но конечно не по случаю смутъ въ Галицкой Епископіи, бывшихъ при Гедеонѣ; хотя вообще Гедеонъ, какъ извѣстно, былъ великій мастеръ составлять подложныя грамоты и подсовывать ихъ для подписи тѣмъ, которые не понимали смысла или совсѣмъ не могли понимать содержанія подписываемой ими грамоты, таковымъ лицомъ особенно являлся Патріархъ Константинопольскій.

Имени Митрополита Кипріана въ перечетѣ Галицкихъ Митрополитовъ въ грамотѣ Короля Казиміра Великаго къ Константинопольскому Патріарху, мы не встрѣчаемъ, но нашъ извѣстный Митрополитъ Кипріанъ управлялъ Галицкой Митрополіей, какъ увидимъ ниже.

«Первый Митрополитъ нашего благочестія былъ Нифонъ, второй Митрополитъ Петръ, третій Митрополитъ Гавріилъ, четвертый Өеодоръ.» [45] Такія имена Митрополитовъ Галицкихъ сообщены намъ въ грамотѣ Казиміра къ Патріарху Константинопольскому, въ то время, когда онъ требовалъ, чтобы Патріархъ поставилъ въ Митрополиты Галицкіе Антонія. Если подъ именемъ Митрополита Петра разумѣется нашъ Митрополитъ Петръ всея Россіи, то значитъ Нифонъ былъ Митрополитомъ Галицкимъ еще при жизни Максима Митрополита. Но утвердительно этого сказать нельзя. Однако жь какъ видно, Галицкіе Князья весьма желали имѣть для Галиціи отдѣльнаго Митрополита, чѣмъ увѣнчалось ихъ

---

[44] На стр. 12.

[45] Өеодоритъ см ниже Митр Алексѣя стр. 4

желанiе при жизни Митрополита Петра, мы не знаемъ. Митрополитъ Ѳеогностъ, по поставленiи своемъ, прiѣхалъ въ Кiевъ, а потомъ и въ Москву; но въ 1328 году онъ отправился въ Юго-Западную Россiю и пробылъ здѣсь нѣсколько лѣтъ, гдѣ большею частiю пребывалъ во Владимiрѣ Волынскомъ. Въ Юго-Западную Россiю могли его призывать дѣла церковныя по двумъ причинамъ: во 1-хъ, Кiевъ и множество областей Русскихъ подпали подъ власть Гедимина; а во 2-хъ, Галицкiе Князья видя, что Митрополитъ всея Россiи, бросивъ совершенно Югъ для Сѣвера, оставляетъ дѣла церковныя въ ихъ владѣнiяхъ въ пренебреженiи, могли требовать отъ Патрiарха себѣ отдѣльнаго Митрополита. Ради этѣхъ-то причинъ, Ѳеогностъ жилъ на Югѣ Россiи долгое время (около 5 лѣтъ), въ это время онъ ѣздилъ всюду по дѣламъ, побывалъ въ Константинополѣ и въ Ордѣ, часто бывалъ онъ и въ Галичѣ [46] и около него мы встрѣчаемъ здѣсь Галицкаго Епископа Ѳеодора. Въ 1332 году въ лѣтописи говорится, что прiѣхалъ въ Москву Митрополитъ Ѳеогностъ, побывавъ прежде этого въ Царь-градѣ и въ Ордѣ. Галицкiе Князья не удовлетворились, какъ видно, этѣмъ посѣщенiемъ Митрополита Ѳеогноста и добыли для своихъ владѣнiй отъ Патрiарха Исаiи особаго Митрополита: его Митрополiю составляли епископiи: Галицкая, Владимiро-Волынская, Холмская, Перемышльская, Луцкая и Туровская. Но Митрополитъ Ѳеогностъ не намѣренъ былъ такимъ образомъ потерять часть своей Митрополiи; но при Галицкихъ Князьяхъ уничтожить ихъ дѣло было трудно. Въ 1337 году родъ Галицкихъ Князей прекратился въ лицѣ послѣдняго Князя Юрiя, и Галицiя сдѣлалась предметомъ для завоеванiй сосѣдей, часть ея подпала Литвѣ, другая часть Польшѣ и наконецъ она сдѣлалась предметомъ спора между Литвой, Польшей и Венгрiей. Свѣтскiе владѣльцы Галицiи въ это время наврядъ ли особенно заботились о дѣлахъ Церкви, между тѣмъ какъ Митрополитъ Ѳеогностъ хотѣлъ возстановить въ ней свою духовную власть. При помощи Симеона Ивановича онъ началъ хлопотать объ этомъ въ Константинополѣ. Императоръ и Патрiархъ 1347 года рѣшили дѣло о Галицкой Митрополiи въ пользу Митрополита всея Руси.

---

[46] Ник. Лѣт. ч. 3, стр 158—160.

Императоръ въ Сентябрѣ 1347 года извѣстилъ Митрополита Өеогноста, что Галицкая Митрополія, установленная прежнимъ Патріархомъ Исаіей, уничтожается и подчиняется ему, Митрополиту Кіева и всея Руси. При этомъ Императоръ совѣтуетъ Митрополиту, что если не будетъ никакихъ препятствій, то поступалъ бы онъ соотвѣтственно церковнымъ правиламъ, а если будутъ препятствія, то прислалъ бы вѣрныхъ людей къ Патріарху и Синоду, для извѣщенія объ этомъ, и они рѣшатъ дѣло соотвѣтственно правиламъ Подобное же письмо получилъ Симеонъ Ивановичъ; въ письмѣ Императоръ возведеніе Галицкаго Епископа въ Митрополиты называетъ тщетною новизною. Любартъ Князь Владиміро-Волынскій получилъ извѣщеніе, отъ того же Императора, о томъ, что только по причинѣ бывшихъ смутъ въ Константинополѣ и подкупности Патріарха (который вездѣ обвиняется въ этомъ дѣлѣ и говорится, что ради его дурныхъ дѣлъ онъ и свергнутъ съ своего престола), поставленъ Галицкій Епископъ въ Митрополиты, а теперь, при новомъ Императорѣ и Патріархѣ, вся Малая и Великая Россія приведены подъ власть Митрополита Кіевскаго. Императоръ убѣждаетъ Любарта, чтобъ онъ содѣйствовалъ къ успѣшному рѣшенію этого дѣла. Синодальнымъ рѣшеніемъ Константинопольскаго Патріарха въ 1347 году это дѣло было утверждено, на основаніи вышеизложенныхъ мнѣній Императора, окончательно, а тѣхъ лицъ, которыя принимали участіе въ дѣлѣ раздѣленія Митрополіи, Синодъ своею властію разрѣшаетъ отъ ихъ грѣха, такъ какъ они дѣйствовали по невѣдѣнію. Во всѣхъ этѣхъ грамотахъ принимается за основаніе рѣшенія то, что въ Россіи прежде всегда былъ одинъ Митрополитъ Наконецъ Митрополитъ Галицкій Исидоръ [47] былъ вызванъ въ Константинополь. [48]

---

[47] Въ грамотѣ Казиміра Великаго имени Исидора, Митрополита Галицкаго, не упоминается, слѣдовательно имена Митрополитовъ не вѣрно сообщены.

[48] Acta Patriarchatus Constantinopolitani, 1315—1402, e codicibus manu scriptis bibliothecae palatinae Vindobonentis, sumptus praebente Caesarea scientiarum academia, издали Профессора Францискъ Миклошичь и Іосифъ Мюллеръ. Вѣна. 1860 года. Т. I. стр 261 — 271. Грамоты этѣ изданы въ Вѣнѣ, но прежде краткое содержаніе всѣхъ грамотъ, относящихся до Россіи, было издано Г. Григоровичемъ въ 1847 году, въ журналѣ Мин. Народ. Просв. Извлеченіе, сдѣланное Г. Григоровичемъ до того хорошо, что самая суть въ нихъ вполнѣ

Теперь не было никакихъ препятствій, и Митрополитъ Ѳеогностъ, выхлопотавъ уничтоженіе этого непріятнаго для себя дѣла, и самъ, для укрѣпленія за своею властію возвращенныхъ къ Митрополіи земель, съѣздилъ туда; и въ лѣтописи, подъ 1348 годомъ, говорится, что пришелъ въ Москву Митрополитъ Ѳеогностъ изъ Волыни.

Но сдѣсь должно замѣтить, что если Митрополитамъ непріятно было отдѣленіе отъ ихъ власти Галиціи, то и они въ то же время, живя на Сѣверѣ Россіи, не имѣли средствъ хорошенько заботиться о церковныхъ дѣлахъ Юго-Западной Руси, отсюда выходило то, что Галиція всегда могла добыть себѣ отдѣльнаго Митрополита. Но если Галиція могла добыть себѣ Митрополита, то по этому-то Галицкіе православные постоянно объ этомъ и заботились; вѣроятно, по ихъ просьбамъ Казиміръ Великій послѣ того, какъ хорошо утвердился въ Галиціи, и потребовалъ, чтобы Патріархъ поставилъ Антонія въ Митрополиты Галиціи. Антоній былъ поставленъ. Границами Митрополіи были тѣ земли, которыя находились въ Галиціи подъ властію Короля Польши.[49] Митрополитъ Кипріанъ въ то время, когда жилъ въ Кіевѣ, по тому что въ Москвѣ его не принимали, занялся дѣломъ присоединенія къ Всероссійской Митрополіи отпавшихъ отъ нея мѣстъ, покуда сначала тѣхъ, которыя принадлежали къ Литвѣ. Его умѣнье ужиться съ Литовскими Князьями, которые его и выхлопотали у Патріарха для занятія Митрополичьяго престола, давали ему для этого средство и онъ этѣмъ своимъ дѣломъ гордился. Въ письмѣ къ Преподобному Сергію, писанному послѣ того, какъ его въ 1378 году выпроводили изъ Москвы, Митрополитъ Кипріанъ выставляетъ въ числѣ своихъ заслугъ, которыя не хотѣли въ Москвѣ брать во вниманіе, слѣдующее: «я хочу отпавшія мѣста воз-

---

находится и потому ссылки на этѣ грамоты, которыя встрѣтятся ниже, будутъ сдѣланы по Русскому изданію, и только тамъ я буду ссылаться на Вѣнское изданіе, гдѣ прибавлено что нибудь лишнее противъ Русскаго изданія, но вообще извлеченія Г. Григоровича вполнѣ могутъ не только удовлетворить, но даже избавить отъ труда всякаго, кто хочетъ добиться смысла въ темныхъ и многорѣчивыхъ письмахъ Патріарха.

[49] См ниже Митр. Алексѣй стр. 51.

вращать къ Митрополіи, чтобъ до вѣка такъ стояло на честь и величіе Митрополіи, Князь же Великій хочетъ двоить Митрополію». [50] Этѣ его хлопоты увѣнчались полнымъ успѣхомъ не только въ той части прежняго Галицкаго Княжества, которая принадлежала Литвѣ, но и въ остальной Галиціи. Ягайло, женившись на Ядвигѣ, сдѣлался Королемъ Польскимъ. Въ 1387 году Ядвига, во время отсутствія своего мужа, предприняла походъ въ Галицію, принадлежавшую теперь Венгріи и возвратила ее Польшѣ. Этѣмъ случаемъ, должно быть, воспользовался Митрополитъ Кипріанъ и выхлопоталъ у Ягайла, чтобъ Галичь въ церковномъ управленіи, православными церквами, подчинить ему, Кипріану; по тому что въ лѣтописи говорится, что когда, по смерти Дмитрія Ивановича, въ 1389 году, Митрополитъ Кипріанъ принятъ былъ въ Москвѣ, «то кончился мятежъ въ Митрополіи и стала одна Митрополія: Кіевъ и Галичь и всея Руси». [51] Но и Митрополиту Кипріану, кажется, и при его связяхъ съ домомъ Литовскихъ Князей, не только не удалось въ продолженіи всей своей жизни удержать Галичь за своею духовною властію, но еще извести борьбу. Онъ, также какъ и его предшественники, не могъ хорошенько заботиться о дѣлахъ такой отдаленной страны отъ Москвы и, утвердивъ свою власть надъ нею, когда былъ въ Литвѣ, послѣ долженъ былъ опять потерять ее. Въ Галиціи, какъ видно, не хотѣли подчиняться его власти. Старый Митрополитъ Галицкій просилъ Патріарха, чтобы послѣ его смерти, былъ поставленъ въ Митрополиты Галиціи Іеромонахъ Симеонъ: это было въ 1391 году. [52] Потомъ въ 1393 г. Патріархъ извѣщалъ Кіевскаго Митрополита, что Епископъ Луцкій явился къ нему съ письмами отъ Короля, который требовалъ, чтобы Епископъ Луцкій былъ поставленъ въ Митрополиты Галицкіе; когда же собрался Синодъ, то прочтены письма, которыя были прежде присланы отъ Митрополита Кіевскаго, что было сдѣлано какъ нельзя болѣе кстати; и хорошо сдѣлали, по тому что явился послѣ Епископъ Владимірскій и начался у него споръ съ Луцкимъ Епископомъ. Послѣдній убѣжалъ, но, не успѣвши уѣхать, былъ заклинаемъ возвратиться, но онъ не хотѣлъ и предпочелъ

[50] Прав. Соб. 1860 г. Т. 2, стр. 99.

[51] П. С. Р. Л. т. 1, стр. 233.

[52] Acta Patriarchatus Constantinopolitani т. 2. стр. 157.

лучшимъ уѣхать и находиться подъ запрещеніемъ. По этому Патріархъ извѣщаетъ Митрополита о происшедшемъ, чтобы онъ считалъ Епископа Луцкаго такимъ же, какимъ его считаютъ въ Константинополѣ и извѣстилъ бы объ этомъ Короля, чтобы и тотъ не принималъ его, пока не разберутъ его дѣло. Между прочимъ Патріархъ извѣщаетъ, что Епископъ Луцкій, когда не хотѣлъ выходить изъ корабля, сказалъ, что ему Король далъ Галицію и ему не доставало только благословенія Патріарха; получивъ же это благословеніе ему больше ничего не нужно и что, слѣдовательно, ему въ Синодѣ нечего дѣлать и онъ возвращается въ свою Церковь. Дѣйствительно, говоритъ Патріархъ, Епископъ и сопровождавшіе его, явившись къ нему (Патріарху) просто какъ христіяне, получили благословеніе, но какого либо обѣщанія или письма не получили, и по этому если Епископъ Луцкій скажетъ что нибудь болѣе, то онъ лжетъ Узнавъ все вышеизложенное, совѣтуетъ Патріархъ Митрополиту послать письмо объ этомъ къ Королю, а послѣдній также получитъ письмо и отъ Патріарха, чтобы Король выгналъ Епископа Луцкаго изъ его Епископіи и послалъ бы къ Митрополиту, а Митрополитъ тогда долженъ удалить Епископа и рукоположить на его мѣсто другаго.[53] Но этѣмъ дѣло не кончилось; въ 1398 году Луцкій Епископъ Іоаннъ, явно для всѣхъ, просилъ помощи у Короля Ягайла на поставленіе его въ Митрополиты и за это обѣщался дать Королю 200 гривенъ Русскихъ, 30 коней, безъ хитрости: въ чемъ и далъ отъ себя запись Королю.[54] Къ такимъ средствамъ должны были прибѣгать православные жители Галиціи, чтобы задобрить апостола Католицизма для полученія себѣ Митрополита. Вообще должно сказать, что въ томъ жалкомъ состояніи, въ которомъ находилась Галиція, она, потерявшая свою политическую самостоятельность, и отдѣлившись отъ Всероссійской Митрополіи вслѣдствіе различныхъ побудившихъ къ тому причинъ, изъ которыхъ главная была та, что Митрополиты, живя въ Москвѣ, не имѣли средствъ заботиться о церковныхъ дѣлахъ Галиціи, а, потерявъ ее изъ подъ

---

[53] Тамъ же, стр. 180—181.

[54] Опис. Кіево-Соф. Соб. въ приложеніяхъ стр. 38 N. 8, также у Зубрицкаго въ повѣсти о Галицкой Руси подъ буквою Л.; Ак. Зап. Рос. т. I, N 12.

своей власти, старались ее возвратить, иногда и съ успѣхомъ, не имѣла у себя непрерывнаго ряда Митрополитовъ въ XIV столѣтіи, да и въ XV также, Митрополичій престолъ часто бывалъ празднымъ. Такъ, по смерти Митрополита Кипріана, когда Ѳотій явился въ Россію, для занятія Митрополичьяго престола, то въ лѣтописи Литовскихъ Великихъ Князей упоминается по этому случаю, что въ это время въ Галичѣ былъ Митрополитъ, [55] какъ будто это дѣло есть дѣло случайное.

О ПЕРЕЯСЛАВСКОМЪ СОБОРѢ ВЪ 1313 ГОДУ.

Источниками для исторіи собора служатъ: разсказы объ немъ въ житіи Митрополита Петра, помѣщенномъ въ Степенной Книгѣ [56] и слова лѣтописи Татищевской. [57] Изъ Степенной Книги, сколько мнѣ извѣстно, разсказъ о соборѣ повторяется въ лѣтописяхъ, кромѣ Татищевской, въ тѣхъ, гдѣ объ немъ упоминается. Изслѣдованіе о соборѣ Переяславскомъ писали: во 1-хъ, Турчаниновъ въ сочиненіи о соборахъ, бывшихъ въ Россіи со времени введенія въ ней Христіянства до царствованія Іоанна Васильевича IV. [58] Изслѣдованіе это безъ всякой критики; соборъ Переяславскій разсказанъ совершенно согласно съ Никоновскою лѣтописью, куда переписанъ изъ Степенной Книги, а также взята во вниманіе и самая Степенная Книга; во 2-хъ, Рудневъ въ сочиненіи о ересяхъ и расколахъ: сдѣсь взятъ во вниманіе разсказъ лѣтописи Татищева. Изслѣдованіе Г. Руднева болѣе обстоятельное, чѣмъ Г. Турчанинова, но только относится къ Степенной Книгѣ съ излишнимъ почтеніемъ. На основаніи этого, я

---

[55] Въ Уч. Зап. 2 отд. Акад. Наукъ, кн. 1, стр. 56.

[56] Стр. 418.

[57] Ч. 4 стр. 92—93.

[58] СПБ. 1829 г. стр. 62—68.

[59] Стр. 72—73.

думаю, будетъ не лишнимъ сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія объ изслѣдованіи Г. Руднева: у него выставляются разнорѣчія разсказа житія Митрополита Петра и словъ Татищевской лѣтописи: въ житіи сказано, что на соборѣ присутствовали дѣти Тверскаго Князя Михаила Ярославича, Дмитрій и Александръ Михайловичи, а у Татищева упоминается Иванъ Даниловичъ Московскій, только одинъ; но тутъ нѣтъ противорѣчія; въ житіи упоминаются Тверскіе Князья, какъ дѣти Великаго Князя и, пожалуй, защитники Епископа Андрея; у Татищева же — Иванъ Даниловичъ, какъ заступникъ Митрополита Петра, по тому что этотъ послѣдній съ помощію его одолѣлъ еретика Сеита. А что Иванъ Даниловичъ могъ присутствовать на соборѣ, то это можно заключить и изъ словъ житія: «Князю бо Михаилу тогда самому въ Ордѣ сущу, но сынове его пріидоша Дмитрій и Александръ, и иныхъ Князей довольно, и вельможъ множество». Отъ чего же въ числѣ этѣхъ иныхъ Князей не быть и Ивану Даниловичу? Если же въ житіи Митрополита Петра говорится о знакомствѣ его съ Иваномъ Даниловичемъ такъ, какъ будто оно относится къ послѣднимъ годамъ жизни Митрополита Петра; то слова житія вообще такъ неопредѣленны, что скорѣе ихъ можно принять въ томъ смыслѣ, что Митрополитъ Петръ узналъ окончательно характеръ и жизнь Ивана Даниловича и по этому, особенно его полюбивъ, переѣхалъ къ нему жить. Да и нельзя предположить, чтобы Митрополитъ Петръ не зналъ лично Ивана Даниловича долгое время; Иванъ Даниловичъ былъ лицо не послѣднее на Руси и при жизни брата Юрія Даниловича. Наконецъ, Иванъ Даниловичъ естественно и необходимо долженъ былъ присутствовать на соборѣ, по тому что Переяславль, гдѣ былъ соборъ, принадлежалъ не къ Твери или другому Княжеству, а къ Москвѣ; а еще сюда должно прибавить: по чему соборъ былъ именно въ Переяславлѣ, — городѣ, принадлежавшемъ Москвѣ?

Что бы объяснить далѣе по чему въ текстѣ я такъ изложилъ разсказъ о соборѣ, когда объ немъ извѣстія такъ противорѣчащи, то представляю слѣдующія соображенія. Авторъ житія Митрополита Петра разсказываетъ о соборѣ такъ: что по случаю клеветы Епископа Андрея былъ созванъ соборъ, на которомъ клеветникъ былъ обличенъ, и послѣ этого говорится да-

лѣе, что Петръ отпустилъ всѣхъ, и потомъ «безъ лѣности прохождаше грады же и веси поучалъ, и въ то же время и Сеитъ еретикъ, явися и чуждая Церкви Христовы и Православныя Вѣры мудрствуя. Его же Святый препрѣ и не покаряющася того проклятію предаетъ, иже и погибе.» У Татищева оба предыдущія событія, т. е. о Тверскомъ Епископѣ Андреѣ и еретикѣ Сеитѣ, разсказываются другимъ образомъ: они связываются вмѣстѣ и говорится, что Сеитъ Протопопъ Новгородскій, къ которому присоединились многіе міряне и изъ причта церковнаго, а Епископъ Андрей помогалъ имъ; говорили, что рай погибъ на землѣ и ругали монашескій чинъ, подъ вліяніемъ чего многіе изъ иноковъ оставили монашество и оженились; и по этому случаю былъ соборъ въ Переяславлѣ, на которомъ, при клирикѣ Константинопольскаго Патріарха Аѳанасія, съ помощію Князя Ивана Даниловича, Митрополитъ Петръ преодолѣлъ еретика. Уже въ этѣхъ двухъ разсказахъ есть противорѣчія, но вотъ еще другія: въ Степенной Книгѣ это событіе разсказано безъ года, у Татищева подъ 1313 годомъ; но и по Степенной Книгѣ соборъ можно отнести къ 1313 году. Тамъ говорится, что Великій Князь во время собора былъ въ Ордѣ. Дѣйствительно, Михаилъ Ярославичъ въ 1313 году былъ въ Ордѣ; другой разъ, при жизни Митрополита Петра, онъ былъ въ Ордѣ въ 1319 году, когда онъ былъ тамъ убитъ; такъ, во всякомъ случаѣ, легче отнести событіе къ 1313 году. Но въ Степенной Книгѣ встрѣчаются указанія на имена: Патріарха Аѳанасія, Епископа Симеона и Игумена Прохора. Эгѣ имена поставляютъ въ затрудненіе, по тому что они не занимали всѣ въ это время обозначенныхъ ихъ мѣстъ.[60] Сдѣсь по этому случаю можно замѣтить одно, что, разсматривая житіе Святителя Петра, приходишь къ слѣдующему заключенію, что оно написано болѣе съ цѣлью доказать Московскимъ Князьямъ, гнавшимъ автора житія, чѣмъ они обязаны Всероссійскимъ Митрополитамъ, въ лицѣ Петра, а отсюда восхваленія Святителя, и, при описаніи извѣстныхъ случаевъ его жизни, авторъ житія съ пренебреженіемъ относится къ обработкѣ и выясненію факта; а вмѣсто этого, предполагаемаго извѣстнымъ, наполняетъ житіе удивительно

---

[60] См. у Руднева, стр. 72.

обильнымъ краснорѣчіемъ, по чему и не беретъ ни чего другаго во вниманіе; имя же Патріарха Аѳанасія, въ житіи Митрополита Петра, въ родѣ имени Фотія въ Уставѣ Св. Владаміра, т. е. лѣтопись связала имя Патріарха Аѳанасія съ именемъ Митрополита Петра. По этому, во всякомъ случаѣ, на основаніи того, что Князь Великій былъ въ Ордѣ, годъ собора должно обозначить 1313. Согласно же съ Степенной Книгой Игнатій Митрополитъ Тобольскій и Сибирскій въ своихъ посланіяхъ самую ересь Сеита относилъ къ 1308 году, однако ересь, но не соборъ.[61] Другія противорѣчія кажутся болѣе возможными для объясненія. Въ житіи Епископъ Андрей является только клеветникомъ (но что онъ клеветалъ вообще, не извѣстно) и связи его съ Сеитомъ не показано, а дѣло о ереси и соборъ разсказаны, пожалуй, такъ, какъ будто они относятся къ различному времени, а именно слѣдующимъ образомъ: «въ то же время и Сеитъ еретикъ» — въ какое время? — не видно ясно, и можно отнести къ тому, что предъ этѣмъ говорится, т. е. что Митрополитъ Петръ жилъ и въ старость пришелъ, или къ тому что сказано еще выше, т. е. къ собору, по поводу клеветъ Епископа Андрея.

Видя не точность разсказа Степенной Книги, лучше принять разсказъ Татищева и его пополнять изъ Степенной Книги. На основаніи вышеизложеннаго полагаю, что на соборѣ, по случаю клеветъ Епископа Андрея, рѣшали и дѣло о ереси Сеита. Но для полноты нужно указать на связь еретика Сеита съ Епископомъ Андреемъ; въ Степенной Книгѣ говорится, что соборъ былъ по случаю клеветы Епископа Андрея, а у Татищева сказано, что соборъ былъ на еретика, которому помогалъ прежде Епископъ Андрей; но на соборѣ объ Андреѣ не упоминается. Сдѣсь нужно сдѣлать послѣднее предположеніе, которое указано у Г. Руднева[62], что мнѣніе о раѣ, подобное мнѣнію Сеита, чрезъ нѣсколько времени, послѣ собора, распространилось въ Твери; то, очень можетъ быть, оно было привито Епископомъ Андреемъ, по тому что онъ «помогалъ» Сеиту въ его дѣятельности.

---

[61] Посланія изданы въ Прав. Соб. 1855 г., стр. 71.

[62] Стр. 73.

Въ Никоновской лѣтописи разсказъ о соборѣ переписанъ изъ Степенной Книги, какъ и все житіе Митрополита Петра, и и, вѣроятно, переписчикъ надѣлалъ тамъ ошибокъ, на которыя указываетъ Г. Рудневъ: вмѣсто слова «чуждая» написано «тужъ дая» вмѣсто «Сеитъ» — «се инъ»: такихъ ошибокъ въ Никоновской лѣтописи множество; а въ отношеніи имени Сеита можно встрѣтить ошибки и не въ одной Лѣтописи Никоновской, такъ напр. въ Царственномъ лѣтописцѣ [63] съ картинами, гдѣ о соборѣ также разсказывается согласно съ Степенной Книгой, вмѣсто «Сеитъ» написано «Исеитъ». [64]

---

[63] Соборъ помѣщенъ на стр. 124 — 128.

[64] Въ Лѣтописяхъ занятій Археологической коммисіи, въ выпускѣ 2-мъ, вышедшемъ въ 1864 году, помѣщено изслѣдованіе о Соборахъ, бывшихъ въ Россіи со времени введенія въ оную Христіянской Вѣры до восшествія на престолъ Іоанна IV. Сдѣсь помѣщено краткое, но довольно обстоятельное изслѣдованіе о Переяславскомъ соборѣ, на стр. 31 — 32. Когда было писано мною о Переяславскомъ соборѣ, то о существованіи этого, тогда еще ненапечатаннаго, изслѣдованія я не зналъ.

СВ. АЛЕКСѢЙ МИТРОПОЛИТЪ-БОЯРИНЪ.

«О владыко! что ти воздамъ противу труду твоему? имъ же намъ мирн житіе даровалъ еси» (слова Димитрія Донскаго).

«А донынѣ и за отцевъ нашихъ не бывало такого Митрополита, каковъ сей Митрополитъ: благословляетъ Москвитянъ на пролитіе крови!» (слова Ольгерда).

При Даніилѣ Александровичѣ переѣхалъ изъ Чернигова въ Москву бояринъ Θедоръ Плещеевъ; причиною переѣзда была трудность и опасность жить въ родномъ городѣ. У этого боярина отъ жены его Маріи, въ концѣ XIII или началѣ XIV-столѣтія, родился сынъ Елевθерій-Симеонъ, воспріемникомъ котораго былъ Иванъ Даниловичъ, бывшій тогда еще очень молодъ.[1] О первыхъ годахъ жизни Елевθерія-Симеона мало извѣстно; въ житіи разсказываются, точно также какъ и о Митрополитѣ Петрѣ, что съ нимъ совершилось чудо, въ слѣдствіе котораго онъ пристрастился къ чтенію книгъ духовнаго содержанія и, наконецъ, поступилъ въ монахи Богоявленскаго монастыря, находящагося въ Москвѣ, близь торга, принявъ имя Алексѣя. Въ монастырѣ онъ возложилъ на себя такіе иноческіе подвиги и повелъ такую монашескую жизнь, что удивлялъ всѣхъ. Сдѣсь Алексѣй сошелся съ двумя монахами, подвизавшимися точно также какъ и онъ, Геронтіемъ и Стефаномъ, братомъ знаменитаго Сергія Радонежскаго. Всѣ они трое обратили на себя вниманіе Митрополита Θеогноста, который часто призывалъ ихъ къ себѣ и бесѣ-

---

[1] О годѣ рожденія Митр. Алексѣя см. Русскія Святые, чтимые всею Церковью или мѣстно, Филарета Арх. Черниговскаго, февраль прим. 121, 122, 123 и 156.

довалъ съ ними. — Стефанъ былъ посвященъ Митрополитомъ въ священики и назначенъ игуменомъ Богоявленскаго монастыря, а потомъ сдѣлался духовникомъ Великаго Князя Симеона Ивановича и многихъ бояръ. Алексѣя же ожидало совершено другое; принадлежность его къ знатному боярскому семейству, близкому къ Великокняжескому Двору, очень можетъ быть, имѣла вліяніе на всю его дальнѣйшую судьбу. Митрополитъ Θеогностъ, по совѣту съ Великимъ Княземъ Симеономъ Ивановичемъ, назначилъ Алексѣя къ себя намѣстникомъ, для занятія дѣлами церковнаго суда и управленія имуществами Митрополіи. Должность чрезвычайно трудная, была, можетъ быть, причиной тому, что Алексѣй, кромѣ желанія остаться простымъ монахомъ, отказывался отъ этого назначенія. Но принявъ должность, онъ хорошо исполнялъ ее и правилъ порученными ему дѣлами въ продолженіи 12 лѣтъ.

Великій Князь и Митрополитъ рѣшили, чтобы по смерти Митрополита Θеогноста, Алексѣй былъ его преемникомъ. Съ этою цѣлію въ 1352 году 6 декабря Алексѣй «добрыхъ ради правленій.»[2] т. е. хорошаго исполненія должности Митрополичьяго намѣстника, былъ поставленъ Епископомъ во Владиміръ Залѣсскій, вторую Митрополичью столицу послѣ Кіева. Вслѣдствіе всего этого было отправлено посольство въ Константинополь къ Патріарху съ просьбой, отъ великаго Князя и Митрополита Θеогноста, чтобъ онъ не ставилъ для Россіи никого въ Митрополиты, кромѣ Алексѣя. Въ скоромъ времени послѣ этого, въ 1353 году 11-го Марта, скончался Митрополитъ Θеогностъ, а вскорѣ за нимъ умеръ Симеонъ Ивановичъ, отъ черной смерти, опустошавшей тогда Россію. Алексѣй, будучи Епископомъ Владимірскимъ, какъ нареченный Митрополитъ, принялъ въ свое завѣдываніе всѣ дѣла Митрополіи.[3] Изъ дошедшихъ до насъ извѣстій о дѣятельности

---

[2] Смотри житіе его Ст. Кн. ч. 1, стр. 450

[3] Въ Никонов. Лѣт. ч. 4 стр. 58 говорится, что Алексѣй былъ Епископомъ 4 года. Это извѣстіе считается неправильнымъ, приб. къ Тв. Св. От. годъ 6 въ статьѣ о Митр. Алексѣѣ стр. 97 прим. 3. Но въ лѣтописи считается время отъ постановленія во Епископы. до времени поставленія въ санъ Митрополита, по этому счетъ 4 года, приблизительно вѣренъ; слич. Ист. Рос. Іерархіи, изд. 2, ч. 1 стр. 91; Русс. Святые, Арх. Филарета, Февраль, прим. 103.

Алексѣя въ должности Митрополичьяго намѣстника мы видимъ только однѣ похвалы ему, но самыхъ дѣлъ не видимъ; а какимъ человѣкомъ онъ заявилъ себя въ этой должности, это мы можемъ видѣть изъ завѣщанія Симеона Ивановича, въ которомъ умирающій Великій Князь говорилъ своимъ братьямъ, Ивану и Андрею (послѣдній вскорѣ за Симеономъ Ивановичемъ умеръ), какъ отецъ намъ приказывалъ жить за одинъ, такъ и я вамъ приказываю, братьи своей, жить за одинъ; а лихихъ людей вы бы не слушали, это можетъ васъ ссорить, ас лушали бы отца нашего, Владыки Алексѣя, такъ же и старыхъ бояръ, кто отцу нашему хотѣлъ добра и намъ.[4] Симеонъ Ивановичъ, не отдѣливъ Владыки Алексѣя отъ тѣхъ бояръ, которые хотѣли добра Ивану Даниловичу и сыновьямъ его, назначаетъ ихъ всѣхъ какъ бы опекунами своихъ преемниковъ, не отличавшихся, какъ видно, особенными способностями. Но это опекунство, конечно, должно было яснѣе выразиться, когда послѣ короткаго, по времени, княженія Ивана Ивановича, Московскими Князьями стали малолѣтнія дѣти. Сдѣсь дѣятельность и заслуги опекуновъ должны были выказаться вполнѣ и, конечно, особенно того изъ нихъ, который между всѣми опекунами указанъ лично. Отъ этѣхъ опекуновъ мы не можемъ ждать, чтобы въ управленіи Великимъ Княженіемъ было между ними какое-либо раздѣленіе труда: по тогдашнему времени они всѣ правили вмѣстѣ; но одинъ изъ нихъ, какъ Митрополитъ всея Россіи, имѣлъ въ своемъ завѣдываніи учрежденіе, независимое отъ власти Московскаго Князя, и предѣлы власти котораго простирались на всю Россію. Такой опекунъ Московскаго Князя, имѣющій надъ подобнымъ учрежденіемъ и его средствами почти ничѣмъ неограниченную власть, такой опекунъ, если онъ дѣйствительно желалъ добра опекаемымъ, могъ направить въ пользу ихъ свою власть и средства подвѣдомственнаго ему учрежденія. При подобныхъ отношеніяхъ Митрополита Алексѣя къ Московскимъ Князьямъ и при томъ умѣньи употреблять средства, что мы увидимъ ниже, можно опредѣлить, кажется, все значеніе великаго Святителя въ исторіи Московскаго Государства.

---

[4] С. Г. Г. и Д. т. 1, N. 24, стр. 38.

При поставленіи Епископа Владимірскаго Владыки Алексѣя на Митрополичій престолъ выяснилось то значеніе отношеній, относительно всего Русскаго общества, въ которыя попали Всероссійскіе Митрополиты, переѣхалъ на сѣверъ Россіи, а потомъ утвердивши свое пребываніе въ Москвѣ. Еще при жизни Θеогноста былъ поставленъ отъ Терновскаго Патріарха Митрополитомъ къ Кіеву Θеодоритъ, что побудило Терновскаго Патріарха, не признаваемаго даже въ санѣ Патріарха отъ остальной Восточной Церкви, поставить туда Митрополита, куда онъ не имѣлъ права ставить, а до страны самой почти и дѣла-то никакого не имѣлъ? Вѣроятно, по просьбѣ кого-либо изъ Южныхъ Князей, замѣчаетъ объ этомъ Преосвященный Филаретъ.[5] Дѣло это возмутило всѣхъ, никто не хотѣлъ признавать Θеодорита какъ Митрополита Всероссійскаго; Θеодоритъ пріѣхалъ въ Кіевъ, но ничего не получилъ; кромѣ того онъ посылалъ и въ Новгородъ; но такъ же ничего не получилъ.[6] Константинопольскій Патріархъ называлъ это поставленіе дѣломъ безмысленнѣйшимъ и беззаконнѣйшимъ[7] и не хотѣлъ такъ же признавать Θеодорита Митрополитомъ Всероссійскимъ. Такимъ образомъ Θеодоритъ ничего не достигнулъ въ Россіи и только, какъ можно предполагать, въ послѣдствіи сдѣлался Митрополитомъ Галицкимъ,[8] что очень могло случиться при тогдашнемъ смутномъ состояніи Галиціи. Но если Θеодоритъ ничего не получилъ ни въ Сѣверо-Восточной Россіи, ни въ Литовскихъ владѣніяхъ, то изъ Константинополя вышло дѣло гораздо хуже. Въ то время, какъ въ отвѣтъ на просьбу Великаго Князя и Митрополита Θеогноста въ Константинополѣ постановили: «что хотя не дозволено, чтобъ кто либо не изъ Константинополя поставлялся въ Митрополиты Кіева,

---

[5] Истор. Русск. Цер. изд. 2, т. 2, стр. 115.

[6] Тат. ч. 4, стр. 177, объ этомъ ниже.

[7] Прот. Конст. Патріарха Ж. М. Н. Пр. т. 54, 1847 г. стр. 140.

[8] См. И. Р. Іерарх. ч. 1. стр. 21 и 89; Оп. Кіево-Соф. Соб. Мит. Евгенія стр. 88; въ перечетѣ Галицкихъ митрополитовъ (Ж. М. Н. Пр. 1847 г.) есть имя, послѣдняго предъ Антоніемъ Митрополита, Θеодора. Издатель протоколовъ говоритъ, что онъ прочелъ это имя по догадкѣ. Не имя ли Θеодорита онъ долженъ былъ прочесть?

однако жь, вняв свидѣтельствамъ Великаго Князя и покойнаго Митрополита, Алексѣю дѣлаютъ исключеніе».[9] На основаніи всего этого Алексѣй, вызванный въ Константинополь, былъ поставленъ въ Митрополиты всея Руси. Но еще прежде его поставленія въ Константинополѣ поставили другаго Митрополита къ Кіеву — Романа, и обоихъ ихъ отпустили въ Россію. Подобное дѣло, явившееся, какъ выражаетъ авторъ житія Митрополита Алексѣя, «человѣческаго ради сребролюбія,» имѣло важное значеніе: явилось на одну Митрополію два Митрополита, и оба хотѣли управлять ею всецѣло. Романъ пріѣхалъ въ Литву,[10] а Алексѣй въ Москву и начался между ними споръ. Говоря о Митрополитѣ Петрѣ мы видѣли, что, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, Галиція успѣла было отдѣлиться отъ общей Митрополіи Русской; Ѳеодоритъ, какъ можно полагать, теперь снова возстановилъ самостоятельную Митрополію въ Галиціи; въ лицѣ же Романа теперь видимъ, что отдѣленіе клонится уже къ большей части Митрополіи. Первая причина этому была та, что Митрополитъ, живя въ Сѣверной Россіи, не могъ часто посѣщать Юго-Западныя Епархіи своей Митрополіи. Дѣло раздѣленія Митрополіи только что началось, и оно еще легко могло быть остановлено на время; теперь, по мѣрѣ того какъ, подъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ, высказывалось сознаніе самостоятельности двухъ половинъ Россіи и уяснялись ихъ границы, высказывалось и уяснялось и стремленіе къ раздѣленію Митрополіи.

Митрополитъ Романъ началъ положительно тянуть къ Литвѣ, Алексѣй же къ Москвѣ; первое столкновеніе между ними произошло въ Твери: къ Владыкѣ Тверскому явились послы отъ обоихъ Митрополитовъ, еще во время ихъ пребыванія въ Константинополѣ, и «была священническому чину тяжесть великая вездѣ».[11] Причина появленія пословъ отъ обоихъ Митрополитовъ въ Тверь объясняется не только географическимъ ея положеніемъ, но и

---

[9] Ж. М. Н. Пр. 1847 г. т. 54.

[10] Вѣроятно, Романъ былъ поставленъ по ходатайству изъ Литвы: тамъ онъ былъ принятъ, оттуда получалъ поддержку въ своихъ дѣйствіяхъ и тамъ въ заключеніе назначена ему была Митрополія

[11] Ник лѣт. ч. 3, стр. 204; Ст. Кн., ч. 1, стр. 452.

тѣмъ, что относительно сильная Тверь была въ близкихъ связяхъ съ Литвою, въ лицѣ семьи Александра Михайловича. Но чего достигло первое посольство Митрополита Романа — не извѣстно, вѣроятно ничего, по тому что когда въ послѣдствiи Митрополитъ Романъ самъ лично явился въ Тверь, то Владыка Тверской не хотѣлъ съ нимъ имѣть никакого дѣла. Два Митрополита не ужились рядомъ: въ 1356 году оба они отправились въ Константинополь — сначала Романъ, а потомъ Алексѣй, и былъ у нихъ тамъ «споръ велiй». Но изъ Константинополя опять ихъ отпустили; но все-таки Митрополитъ Алексѣй получилъ нѣкоторое преимущество предъ Романомъ: онъ долженъ былъ, по господствующему обыкновенiю, быть Митрополитомъ «начальнымъ и Архiепископомъ Кiевскимъ и всея Россiи»; Роману же дозволено было «по снисхожденiю ради мира» править, кромѣ Епархiй Литовскихъ, Полоцкомъ, Туровомъ и Новымъ городомъ (Волынскимъ).[12] Но сдѣлавъ такъ въ Константинополѣ, не могли конечно предупредить, что не будетъ впередъ споровъ между Митрополитами. Такъ и вышло: не прошло много времени, какъ тотъ же Романъ началъ высказывать свои притязанiя на Кiевъ, а потомъ явился въ Тверь. — Кiевъ имѣлъ особенное значенiе, онъ считался главнымъ городомъ Русской Митрополiи, и по этому Митрополитъ Алексѣй не могъ допустить, уже потерявши часть своей Митрополiи, потерять и главный городъ ея, а съ нимъ конечно и старшинство. Въ 1358 году Митрополитъ Алексѣй отправился въ Кiевъ, вѣроятно, съ тою цѣлiю, чтобы личнымъ своимъ присутствiемъ утвердить тамъ свою власть, и пробывъ тамъ слишкомъ годъ, возвратился на Сѣверъ Россiи. Но въ то время, какъ Митрополитъ Алексѣй возвращался изъ Кiева, Митрополитъ Романъ самъ прибылъ въ Тверь, «не обославшись и не по любви съ пресвященнымъ Алексѣемъ»; но Романъ сдѣсь не много получилъ: Владыка Тверской Θеодоръ не воздалъ ему никакой чести; только Князья, бояре и нѣкоторые другiе давали ему потребное; изъ Князей Всеволодъ Александровичъ Холмскiй особенную честь воздалъ Митрополиту Роману; одарилъ многими дарами и приказалъ обратно проводить его въ Литву.[13] На подобныя дѣла Ро-

[12] Ж. М. Н. Пр. 1847 г. стр. 141.

[13] См. ниже стр. 55.

мана Митрополитъ Алексѣй сталъ жаловаться Патріарху. Въ Константинополѣ узнавъ, что Романъ дерзаетъ называть себя всеобщимъ Митрополитомъ Кіевскимъ и всея Россіи и дѣлаетъ другія многія противозаконныя дѣла, отправили въ 1361 году пословъ съ порученіемъ: «собрать письменныя свѣдѣтельства съ собственноручными подписями Епископовъ, Князей и другихъ достовѣрныхъ мужей, препроводить оныя къ Императору и Патріарху». При этомъ послана была грамота и къ Роману о томъ, что наряжены послы для произведенія слѣдствія о его притязаніяхъ. [14] Вѣроятно, еслибы удалось только собрать подобныя бумаги и подписи въ Россіи, и при томъ въ пользу одного изъ спорющихъ лицъ, въ Константинополѣ хорошо бы рѣшили дѣло; но въ слѣдующемъ 1362 году Романъ умеръ и Митрополитъ Алексѣй сталъ управлять не частію, а цѣлою Митрополіею Всероссійскою. Послѣ смерти Романа Восточные Патріархи рѣшили дѣло о раздѣленіи Митрополіи въ пользу Алексѣя; въ грамотѣ, которая хотя и не послана была въ Россію, они выразили мысль о вредѣ раздѣленія Митрополіи, слѣдующимъ образомъ: «земля Литовская на все послѣдующее время, ни по какимъ причинамъ, не должна отдѣляться отъ области и духовнаго управленія Митрополита Кіевскаго: ибо уже подобный случай произвелъ замѣшательство и много неумѣстнаго». [15]

Но Патріарху Константинопольскому пришлось дѣйствовать не такъ, какъ онъ думалъ, вмѣстѣ съ другими. Явилось письмо изъ Польши отъ Короля Казиміра, которое привезъ Епископъ Антоній. Казиміръ требовалъ, чтобы этотъ Антоній былъ поставленъ въ Митрополиты Галиціи: «Рукоположите его въ Митрополиты, писалъ Казиміръ, дабы законъ Руссовъ не погибъ, дабы не было ему порухи. А не будетъ милости Божьей и благословенія вашего сему человѣку, не сѣтуйте на насъ послѣ, если придетъ жалостная нужда крестить Руссовъ въ вѣру Латинскую, такъ какъ нѣтъ Митрополита въ Россіи, а земля не можетъ быть безъ закона». [16] Здѣсь говорится о Червонной-Галицкой Руси,

---

[14] Ж. М. Н. Пр. 1847 г.

[15] Тамъ же, стр. 144.

[16] Тамъ же, стр. 145 — 147. Преосвященный Филаретъ относитъ эту грамоту къ 1371 году см. Русскіе святые, февраль стр. 110, т. е. я полагаю

въ которой не было уже отдѣльнаго Митрополита. Патріархъ на это ничего не возражалъ и поставилъ Епископа Антонія въ Митрополиты Галича и Епископіи: Холма, Турова, Перемышля и Владиміра. Такимъ образомъ отъ Всероссійской Митрополіи теперь окончательно отпала ея значительная часть, не вслѣдствіе политическихъ отношеній, а вслѣдствіе удаленія Митрополитовъ на Сѣверъ Россіи; Католицизмъ короля послужилъ толчкомъ къ совершенію этого отдѣленія. Патріархъ, извѣщая объ этомъ событіи Митрополита Алексѣя, послѣ изъясненій въ своей любви къ нему, говоритъ: «слышалъ я, что ты оставилъ Христіянъ вѣхъ находящихся тамъ, (т. е. въ Югозападной Россіи) на всѣхъ мѣстахъ и сидишь на одномъ мѣстѣ. Не хорошо! Знай, что присылалъ сюда къ моему смиренію Краль Ляхіи, Казиміръ, который держитъ и Малую Россію, и другіе Князья присылали сюда Епископа и грамоты, извѣщая, что вся земля безъ закона. Что же мы должны были тутъ сдѣлать? Тебя призываемъ въ судьи, что ты самъ скажешь? Другое дѣло, если бы Государь земли былъ Православной и нашей Вѣры; тогда мы, можетъ-быть, и подождали бы. Но какъ онъ не нашъ, а Латинъ, то можно ли было отослать ихъ съ пустымъ отвѣтомъ? А онъ намѣренъ былъ не медля поставить Митрополита Латинскаго, какъ говорилъ, и крестить Руссовъ въ Вѣру Латинскую: посуди самъ, хорошо ли было бы, если бы такъ случилось? Благодарю еще Бога, что онъ прежде, чѣмъ сдѣлалъ сіе, послалъ къ намъ и требовалъ Митрополита. По этому и рукоположили мы того, кого онъ прислалъ. Дали ему Галичь, чтобъ быть Митрополіею, Епископіи же: Владиміръ, Перемышль, Холмъ, все, что подъ властію Короля Ляхіи. Больше мы ему не дали.[17] Намъ не извѣстно, что на это отвѣчалъ Митрополитъ Алексѣй: впрочемъ, кажется, въ грамотѣ Патріарха дѣло было изложено такъ ясно, что нечего было возражать.[18]

она писана не въ 1371 годѣ, — а до этого года, по тому что въ 1370 году умеръ Казиміръ.

[17] Тамъ же, стр. 153.

[18] О состояніи Прав. Цер. въ Галиціи см. Повѣсть о Червонной Руси Д. Зубрицкаго пер. Бодянскаго М. 1845 г. стр. 146 § 16.

Но если Галиція отпала отъ общей Русской Митрополіи вслѣдствіе того, что Митрополиты переселились на Сѣверъ Россіи, а страна подпала подъ власть Короля Католика, не имѣющаго ничего общаго съ тѣми мѣстностями, гдѣ жилъ Митрополитъ всея Россіи; то прошло съ немногимъ 10 лѣтъ послѣ смерти Романа, какъ началось снова отступленіе отъ власти Митрополита Алексѣя Епархій, находящихся во владѣніяхъ Литовскаго Великаго Князя. Но такъ какъ выясненіемъ необходимости отдѣленія, съ этой стороны, послужила политическая дѣятельность Митрополита Алексѣя, то по этому обратимся покуда къ ней, на столько, на сколько она связана съ этѣмъ. Въ притязаніяхъ Митрополита Романа на Тверь, мы видѣли намеки на какія-то политическія отношенія, по этому, а также и по тому, что отношенія къ Литвѣ по поводу Твери, Московскаго Княжества, во время княженія Дмитрія Ивановича и его отца, занимали главное мѣсто въ дѣлахъ Сѣверной Россіи, то и начнемъ съ нихъ разсказъ о политической дѣятельности Митрополита Алексѣя.

Говоря о Митрополитѣ Петрѣ, мы видѣли перечень обидъ, которымъ подвергалась Русская Церковь «отъ лукавыхъ человѣкъ»; теперь подобныхъ обидъ, при Митрополитѣ Алексѣѣ, мы уже не видимъ. Причина этому та, что Церковь, въ лицѣ своего Митрополита, для защиты себя, опирается на матеріяльную силу Московскаго Князя. Но слѣдствія переѣзда Митрополита Петра въ Москву простирались еще далѣе: мы видѣли, что избраніе преемника Митрополиту Өеогносту произошло подъ вліяніемъ Московскаго Князя, который при томъ возложилъ на Владыку Алексѣя,вмѣстѣ съ старыми боярами, заботы о своихъ наслѣдникахъ и ихъ Княжествѣ. Вслѣдствіе всего этого вышло то, что прежняя роль Митрополита, при его участіи въ дѣлахъ политическихъ, какъ примирителя, должна была ослабиться, по тому что такому Митрополиту трудно въ дѣлахъ политическихъ, въ которыя его замѣшиваютъ, сохранить въ своемъ положеніи безпристрастіе. При томъ, если Митрополитъ очень уменъ, то въ этомъ новомъ его положеніи его дѣятельность будетъ имѣть объемъ шире обыкновеннаго, и выставится по этому несравненно рѣзче.

Мы видѣли, что Митрополиту Алексѣю, по случаю своего поставленія и спора съ Митрополитомъ Романомъ, пришлось два

раза ѣздить въ Константинополь, и вотъ какъ только онъ немного освободился отъ этѣхъ дѣлъ, въ лѣтописи разсказывается (1357 г.), что Митрополитъ Алексѣй пришелъ во Владиміръ и сдѣсь къ нему явился Всеволодъ Александровичъ Холмскій съ жалобою о своихъ обидахъ отъ дяди Василія Михайловича Тверскаго, происшедшихъ отъ «докончанья,» заключеннаго между ними. Василій Михайловичъ, вмѣстѣ съ Епископомъ Тверскимъ, Θеодоромъ, такъ же явился на судъ предъ Митрополитомъ и начался между Князьями споръ. Каждый жаловался на обиды; а они другъ другу надѣлали столько и такихъ обидъ, что только чрезъ забвеніе ихъ, Князья могли примириться. Начало же ссоры лежало такъ далеко по времени, что и сами Князья, пожалуй, не знали его.[19] Споръ продолжался, но конечнаго мира между Князьями не

[19] Въ Никоновской лѣтописи вставленъ съ 1345 года разсказъ о Тверскихъ дѣлахъ (Н. Л. ч. 3, стр. 184—196; см. Ист. Рос. т. 4, стр. 406), еще въ 1346 году другой дядя Всеволода Александровича, Константинъ Михайловичъ, сталъ показывать нерасположеніе къ вдовѣ несчастнаго своего брата, Александра Михайловича, Анастасіи, и къ сыну ея, Всеволоду Александровичу (вѣроятно, и ко всѣмъ дѣтямъ Александра Михайловича); была имъ скорбь великая: началъ Константинъ Михайловичъ насильно хватать бояръ и слугъ ихъ. Всеволодъ Александровичъ не могъ вытерпѣть этѣхъ гоненій и уѣхалъ изъ Твери въ Москву къ Симеону Ивановичу, сыну Калиты, племяннику Юрія Даниловича, а оттуда поѣхалъ въ Орду, куда прежде его отправился Константинъ Михайловичъ; послѣдній вскорѣ по пріѣздѣ въ Орду умеръ. Всеволодъ Александровичъ въ Ордѣ, по смерти дяди, получилъ ярлыкъ на Тверское Великое Княженіе. Но другой его дядя, Василій Михайловичъ Кашинскій, котораго теперь мы видимъ предъ Митрополитомъ Алексѣемъ, находился дома; онъ послалъ своихъ данщиковъ въ Холмъ, взявъ съ Холмскихъ людей дань и такъ же отправился въ Орду. Всеволодъ Александровичъ, услышавъ о дѣяніяхъ своего дяди, оскорбился; пошелъ изъ Орды съ посломъ Ханскимъ, встрѣтилъ Василія Михайловича на дорогѣ и ограбилъ. «Князь же Василій Михайловичъ опечалился зѣло» отъ поступковъ своего племянника и отъ того, что Ханъ далъ Всеволоду Александровичу все Княженіе Тверское. Ограбленный Василій Михайловичъ воротился въ свой Кашинъ, а Всеволодъ Александровичъ пріѣхалъ въ Тверь; сотворилось между ними «нелюбіе», а людямъ Тверскимъ отъ этого тягость; дѣло между ними едва не дошло до войны. Это послѣднее было уже въ 1348 году. Сила, какъ видимъ теперь, находится вся на сторонѣ Всеволода Александровича. Объясненіемъ этому, кажется, можетъ служить то, что послѣ того, какъ въ 1346 году Всеволодъ Александровичъ былъ въ Москвѣ и отправился въ Ор-

состоялось; къ тому же, въ это время, и самаго Митрополита Алексѣя позвали въ Орду для исцѣленія царицы Тайдулы. Какую роль долженъ былъ играть сдѣсь Митрополитъ, мы можемъ предполагать изъ совокупности другихъ извѣстій. Кромѣ родства, въ которомъ находились Тверскіе Князья въ Москвѣ и Литвѣ (смотри въ примѣчаніи), обратимъ вниманіе на то, что Василій Михайловичъ явился на судъ предъ Митрополитомъ, тотчасъ послѣ того какъ заключилъ миръ и вошелъ въ любовь съ Великимъ Княземъ Иваномъ Ивановичемъ, по «Митрополичьему слову.» Кажется, ясно на чьей сторонѣ находился судья; можетъ быть, вслѣдствіе этого между спорющими конечный миръ и не состоялся. Дальнѣйшія событія покажутъ яснѣе намеки на то, какъ понималъ сначала и какъ потомъ понялъ положеніе Митрополита Алексѣя, въ подобныхъ дѣлахъ, Всеволодъ Александровичъ.[20]

Не получивъ разрѣшенія спора предъ Митрополитомъ, Тверскіе Князья отправились въ Орду, надѣясь тамъ получить его, предъ Ханомъ Бердибекомъ. Но Всеволоду Александровичу не удалось въ этотъ разъ побывать въ Ордѣ: онъ пошелъ отдѣльно отъ дяди на Переяславль, но сдѣсь ему намѣстники Великаго Князя не дали пути. Тогда Всеволодъ Александровичъ избралъ другую дорогу въ Орду; онъ отправился туда черезъ Литву. Между тѣмъ какъ онъ путешествовалъ такъ, Василій Михайловичъ благополучно воротился отъ Хана домой и, вѣроятно, узнавъ,

---

ду, Симеонъ Ивановичъ женился, въ третій разъ, на сестрѣ его, Маріи. Но вскорѣ счастіе повернуло въ другую сторону: Владыка Тверской Феодоръ захотѣлъ прекратить ссоры Князей и ввелъ наконецъ ихъ въ миръ и любовь, и Всеволодъ Александровичъ поступился Тверскимъ Княженіемъ въ пользу дяди. Но въ это время Ольгердъ женился на другой сестрѣ Всеволода Александровича, а сынъ Василія Михайловича женился на дочери Симеона Ивановича. Такимъ образомъ Всеволодъ Александровичъ перемѣнилъ союзъ Москвы на Литву, а Василій Михайловичъ сдѣлалъ напротивъ. Въ 1352 году вынесли ярлыкъ на Тверское Княженіе Василію Михайловичу изъ Орды, и тогда онъ вспомнилъ, какъ прежде племянникъ его ограбилъ, и началъ, на маперъ покойнаго брата, обижать Холмскаго Князя «чрезъ докончанье.» Снова начали Князья ссориться между собою; Василій Михайловичъ началъ захватывать бояръ и слугъ Всеволода Александровича. Вотъ съ подобными-то жалобами явились Князья предъ Митрополита Алексѣя.

[20] Ник. Лѣт. ч. 5 стр. 208.

что его племянникъ пробрался таки въ Орду, отправилъ своихъ пословъ къ Хану, съ жалобою на Всеволода Александровича. Союзнику Москвы Ханъ и Ханша безъ суда выдали врага. Плохо досталось Холмскому Князю за исканіе помощи въ Литвѣ и Ордѣ. Дядя заключилъ его, а его области, бояранъ и слугамъ было отъ Василія Михайловича великое грабленіе и продажа. Но Всеволоду Александровичу удалось ускользнуть изъ заключенія у дяди, и онъ обратился за помощію въ Литву. Его освобожденію помогло, кажется, то обстоятельство, что въ это время умеръ Иванъ Ивановичъ Московскій, а потомъ былъ убитъ въ Ордѣ Бердибекъ и всѣ Князья пошли къ новому Хану.[21] Подобная безурядица между Князьями не могла остаться безъ возраженій: Тверской Владыка Θеодоръ, который и прежде бывалъ примирителемъ своихъ Князей, вѣроятно, хлопоталъ и теперь; но не видя толку, онъ обратился къ Митрополиту Алексѣю, котораго онъ провожалъ въ Кіевъ въ 1358 году, съ просьбой освободить его отъ обязанностей пастыря «нестроенія ради Князей Тверскихъ.» Но Митрополитъ уговаривалъ Владыку: «потерпѣть и подождать, пока Господь устроитъ дѣла по Своей волѣ.» Всеволодъ Александровичъ возвратился изъ Литвы, а не задолго предъ нимъ пріѣхалъ въ Тверь Митрополитъ Романъ, вѣроятно, съ порученіемъ отъ Ольгерда примирить Тверскихъ Князей[22] и, можетъ быть, его пригласилъ самъ Всеволодъ Александровичъ, узнавшій, что такое за судъ о политическихъ дѣлахъ предъ Митрополитомъ, живущимъ въ Москвѣ. Литовскаго Митрополита принимали всѣ съ честію и давали ему все потребное; только Владыка Θеодоръ не хотѣлъ имѣть съ нимъ никакого дѣла. Во время пребыванія Романа въ Твери, Всеволодъ Александровичъ взялъ миръ съ своею братіею; Василій Михайловичъ отступилъ въ пользу племянника треть отчины (вѣроятно, въ это время и Тверь перешла въ родъ Александра Михайловича) и всѣ раздѣлились волостями. Послѣ всего этого Всеволодъ Александровичъ приказалъ проводить Митрополита Романа въ Литву, одаривъ его при этомъ многими дарами.

Теперь въ Москвѣ были Князья малолѣтніе и вообще дѣла находились въ довольно запутанномъ состояніи. По этому нѣко-

[21] См. Татищ. ч. 4, стр. 187.

[22] Ист. Рос. т. 4, стр. 303.

гда было помогать сторонникамъ Москвы въ Твери: этѣмъ объясняются успѣхи Всеволода Александровича. Такъ тянулись дѣла почти до 1365 года. Въ этотъ годъ снова посѣтилъ Россію страшный моръ и въ Твери умерли всѣ сторонники Литвы, кромѣ Михаила Александровича, Князя Микулинскаго, которому достались удѣлы всѣхъ Князей его партіи, къ числу которой, какъ видно, принадлежалъ, умершій въ это время, сынъ Константина Михайловича, Симеонъ Константиновичъ, по тому что онъ завѣщалъ свой удѣлъ Михаилу Александровичу. Представители Московской партіи остались живы; ими были Василій Михайловичъ Кашинскій, и братъ Симеона Константиновича, Іеремія Константиновичъ.

Прежде Михаилъ Александровичъ не былъ видѣнъ, какъ и другіе члены Литовской партіи, застѣняемые дѣятельностію своего представителя, Всеволода Александровича, за то теперь Михаилу Александровичу, соединившему въ своихъ рукахъ всѣ средства своей партіи, приходилось одному вести борьбу, отъ которой враги его усиленія не думали отказываться. Василій Михайловичъ и Іеремія Константиновичъ подняли споръ за удѣлъ Симеона Константиновича. Рѣшителемъ спора явился Тверской Владыка Василій, преемникъ Θеодора, судившій это дѣло по благословенію и повелѣнію Митрополита Алексѣя.[23] Но владыка Василій не оправдалъ надеждъ Московской партіи; онъ рѣшилъ дѣло въ пользу Михаила Александровича. Этѣмъ дѣло такъ было и кончилось; но подъ слѣдующимъ годомъ (1367) въ лѣтописи говорится, что Великій Князь Дмитрій Ивановичъ началъ всѣхъ Русскихъ Князей приводить подъ свою волю, а которые не повиновались его волѣ, на тѣхъ началъ посягать. Михаилъ Александровичъ не хотѣлъ, какъ видно, превратиться въ подручника, и Московскій Князь началъ посягать и на него; но Тверской Князь обратился за помощію къ своему зятю Ольгерду, въ Литву. Теперь и въ Москвѣ спохватились, что оправдавъ его прежде, сдѣлали промахъ и стали сначала наказывать судью. Всѣ члены Московской партіи въ Твери позвали, чрезъ Митрополичь-

---

[23] Ник. Лѣт. ч. 4 стр. 12; у Татищева ч. 4 стр. 205 есть прибавка «И по благословенію и повелѣнію Великаго Князя судилъ ихъ Владыка Василій и два боярина Московскіе».

ихъ приставовъ, Владыку Василія, на судъ предъ Митрополита: за чѣмъ онъ не по правдѣ судилъ ихъ объ удѣлѣ Князя Симеона Константиновича. Владыкѣ Василію въ Москвѣ, за тотъ судъ, былъ «проторъ великъ». Но наказаніе судьи не удовлетворяло заинтересованныхъ лицъ; Василію Михайловичу явилась на помощь Московская рать и повоевала Тверскія волости. Но и Михаилъ Александровичъ не остался въ долгу; въ концѣ того же года онъ явился изъ Литвы и съ своею и Литовскою ратью, захвативъ женъ Василія Михайловича и Іереміи Константиновича и переловивъ ихъ бояръ, пошелъ къ Кашину. Изъ Кашина были высланы послы просить мира; въ числѣ пословъ были и послы отъ владыки Василія, находившагося уже теперь съ Князьями въ Кашинѣ. Михаилъ Александровичъ заключилъ миръ со всѣми своими врагами; но миръ былъ не продолжителенъ: Іеремія, вскорѣ за миромъ, сложилъ крестное цѣлованіе къ Михаилу Александровичу и ушелъ въ Москву. Теперь въ Москвѣ увидали съ кѣмъ приходится имѣть дѣло, и вотъ оттуда начали дѣйствовать другимъ образомъ. Великій Князь Дмитрій Ивановичъ съ преосвященнымъ Митропотитомъ Алексѣемъ зазвали любовію къ себѣ въ Москву Михаила Александровича Тверскаго. Когда онъ пріѣхалъ, то между Князьями составились какія-то рѣчи, потомъ судъ на третій, на которомъ разспорившись Великій Князь велѣлъ схватить Михаила Александровича и бояръ его, которые были съ нимъ, всѣхъ ихъ заключили и держали «въ истомпеніи великомъ». Долго, можетъ быть, пришлось бы имъ сидѣть, но дѣло заключенныхъ поправилось тѣмъ, что въ это время изъ Орды неожиданно пришли послы и по случаю ихъ прибытія Михаилъ Александровичъ былъ выпущенъ.[24] Выпуская его, съ нимъ заключили миръ, укрѣпленный крестнымъ цѣлованіемъ, и при этомъ случаѣ поживились тѣмъ, что взяли у него Городокъ, часть отчины удѣла Князя Симеона.[25]

Такимъ образомъ Михаилу Александровичу пришлось испытать участь покойнаго своего брата, Всеволода Александровича: тотъ, какъ только явился случай, сейчасъ же обратился за су-

[24] Ник. Лѣт. ч. 4, стр. 19 и въ нѣкоторыхъ другихъ. подъ 1368 г.

[25] У Арцибашева кн. 3, прим. 827, предполагается, что это не Старица ли.

домъ къ Митрополиту и, какъ мы видѣли, должно быть не очень былъ къ нему расположенъ послѣ суда, по тому что чествовалъ его соперника, Митрополита Романа; Михаилъ Александровичъ повѣрилъ съ хорошей стороны зазыву и особенно Митрополичьему, какъ сейчасъ увидимъ, и также обманулся; изъ плѣна освободился случаемъ, какъ и тотъ.

Михаилъ Александровичъ сильно сердился на поступокъ съ нимъ, который позволили себѣ сдѣлать Московскія власти, но особенно сердился онъ на Митрополита Алексѣя. Лѣтописецъ записалъ слова, которыя у него въ это время были постоянно на устахъ: «какую я любовь и вѣру имѣлъ, больше всѣхъ къ этому Митрополиту, а онъ меня такъ посрамилъ и поругалъ». Тверскіе Князья два раза обманулись въ Митрополитѣ Алексѣѣ и обманывались по простой причинѣ: они знали Святителя Алексѣя лично: онъ къ нимъ ѣздилъ въ Тверь, а въ 1363 году даже пріѣхалъ собственно для ихъ семейства — для крещенія дочери Ольгердовой, привезенной ихъ матерью изъ Литвы. Въ этѣхъ личныхъ сношеніяхъ они видѣли въ Митрополитѣ человѣка святой жизни, ревнителя вѣры, врага смутъ; знали они, конечно, и слова Митрополичьи, сказанныя владыкѣ Θеодору, когда тотъ не могъ переносить Княжескихъ междуусобій. Но въ политическихъ дѣлахъ Тверскіе Князья хотѣли видѣть въ Митрополитѣ того же человѣка, который крестилъ Ольгердову дочь, и для нихъ ничего не значило здѣсь отношеніе начальника Церкви къ Князьямъ, у которыхъ онъ жилъ. Когда съ этѣмъ положеніемъ они сталкивались, то разочарованье распространялось уже и на другія сферы дѣятельности Митрополита. Наконецъ, надо сказать и то, что Митрополитъ Алексѣй не совсѣмъ былъ виноватъ въ этомъ дѣлѣ. Изъ лѣтописи видно, что присовѣтовали Великому Князю сдѣлать это дѣло Московскіе бояре: «Князь Великій уразумѣлъ, что не доброе ему бояре о Князѣ Михаилѣ совѣтовали, и отпустилъ его.»[26]

---

[26] Въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Др. Рос. 1861 г., кн. 3, стр. 6, пр. 7, въ статьѣ И. Д. Бѣляева о Михаилѣ Александровичѣ Тверскомъ Митрополитъ Алексѣй оправдывается въ этомъ дѣлѣ тѣмъ, что ему было «въ это время 70 лѣтъ отъ роду, и онъ уже мало занимался Государственными дѣлами.» Напротивъ, въ шестидесятыхъ годахъ XIV столѣтія сосредоточивается вся политическая дѣятельность Митрополита Алексѣя, какъ видѣли и какъ увидимъ ниже.

За Московское заключеніе Михаилъ Александровичъ началъ мстить Литовскими опустошеніями Московскихъ областей. Со стороны Москвы отплачивалось тѣмъ же; но Михаилъ Александровичъ хотѣлъ мстить не одному Великому Князю: онъ хотѣлъ отплатить и Митрополиту почувствительнѣе, чѣмъ Ольгердовы опустошенія, которыя были хотя чувствительны, но не имѣли особенной важности. Ольгердъ долженъ былъ постоянно уходить назадъ домой, отвлекаемый отъ Москвы своими дѣлами на западныхъ границахъ Литвы. Михаилъ Александровичъ обратился къ Патріарху Константинопольскому, требуя у него себѣ суда съ Митрополитомъ. Патріархъ уступилъ и позволилъ Тверскому Князю судиться съ Митрополитомъ въ Константинополѣ. Начались по этому случаю пересылки изъ Константинополя съ Москвою и Тверью. Но вдругъ Патріархъ, вѣроятно убѣжденный изъ Москвы, что судъ можетъ имѣть дурное вліяніе на репутацію Митрополита, написалъ Тверскому Князю, что онъ раздумалъ и, почитая неприличнымъ судиться Князю съ Митрополитомъ, отказалъ въ судѣ.[27] Это дѣло должно, кажется, относиться къ началу 70 лѣтъ годовъ XIV столѣтія.[28]

Года въ отношеніи Митрополита Алексѣя въ сущности ничего не значили: онъ вступилъ на Митрополичій престолъ слишкомъ пятидесяти лѣтъ, а послѣ этого ѣздилъ: два раза въ Константинополь, два раза въ Орду, разъ въ Кіевъ, гдѣ долженъ былъ конечно объѣзжать епархіи Южной Россіи; потомъ нѣсколько разъ былъ въ Твери, а въ 1370 году ѣздилъ въ Нижній Новгородъ, чтобы крестить сына у Князя Бориса Константиновича. Для совершенія такихъ путешествій, и при томъ въ то время, нужно было имѣть хорошее здоровье; а вообще вся дѣятельность Митрополита Алексѣя свидѣтельствуетъ, что и духовныя его способности ему не измѣняли никогда.

[27] Ж. М. Н. Пр. 1847 г. стр. 154.

[28] Патріархъ, извѣщая Митрополита Алексѣя объ этѣхъ жалобахъ, говоритъ, что онѣ идутъ отъ Тверскаго Князя и его брата. Эта жалоба, конечно, шла отъ Михаила Александровича; братья же у него были двоюродные: Іеремія Константиновичъ и Михаилъ Васильевичъ Кашинскій. Долженъ быть который нибудь изъ нихъ: они, по своей незначительной силѣ, часто, подъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ, должны были становиться на сторону своего врага. Подъ 1371 годомъ (Ник. лѣт.) въ лѣтописи говорится, что Михаилъ Васильевичъ Кашинскій взялъ миръ съ Великимъ Княземъ Дмитріемъ Ивано-

Въ то время, какъ Михаилъ Александровичъ жаловался на Митрополита въ Константинополь, его раздраженіе на Москву и на все Московское должно было доходить до крайности. Походы Ольгерда на Москву ему не приносили существенной пользы, а когда онъ обратился въ Орду, то и здѣсь въ сущности не достигъ ничего: купилъ ярлыкъ на Великое Княженіе, но во Владимірѣ его не приняли: по тому что съ Владимірцевъ была взята присяга Московскимъ Княземъ не принимать Тверскаго Князя. Ханскій Посолъ, пріѣхавшій его сажать на Великое Княженіе, ушелъ въ Москву; но Михаилъ Александровичъ все еще надѣялся на Орду: послалъ туда, вмѣсто себя, сына своего, Ивана Михайловича, хлопотать о дѣлахъ; но успѣху его особенно повредилъ Московскій Князь тѣмъ, что самъ отправился въ Орду. Преосвященный Митрополитъ проводилъ Дмитрія Ивановича изъ Москвы до Оки, напутствуя его своими молитвами и благословеніями. А когда Князь возвратился, везя съ собою Ивана Михайловича, выкупленнаго въ Ордѣ изъ долга 10,000 рублей, то Святитель Алексѣй взялъ его къ себѣ и держалъ до тѣхъ поръ, пока отецъ не выкупилъ. Подобный поступокъ, съ Иваномъ Михайловичемъ, Митрополита, спасшаго Тверскаго Княжича можетъ быть отъ многихъ непріятностей, не остановилъ Михаила Александровича отъ жалобъ на Митрополита Патріарху.

Всѣ испытанныя средства къ борьбѣ оказывались несостоятельными, но Тверской Князь не отставалъ: онъ еще разъ призвалъ Ольгерда, тотъ опустошилъ Московскія владѣнія, но потомъ заключилъ миръ,[29] къ которому долженъ былъ пристать и Тверской Князь. Явилась смута въ самой Москвѣ, отъ Ивана Васильевича Вельяминова и купца Некомата Сурожанина, и дала надежду на побѣду. Крамольники отправились въ Орду добывать

вичемъ, а Михаилу Александровичу Тверскому крестное цѣлованіе сложилъ. Не сдѣлался ли онъ сторонникомъ своего врага, когда въ предыдущемъ году Михаилъ Александровичъ ограбилъ: Бѣжецкій Верхъ, Углечье поле, Мологу, Кострому. Въ это время Михаилъ Васильевичъ могъ пристать къ двоюродному брату, изъ опасенія разворенія и своей области; а по этому и могъ вмѣстѣ съ нимъ жаловаться Патріарху на Митрополита.

[29] Договорная грамота въ С. Г. Г. и Д. т. 1 N 31.

силы и Некоматъ вынесъ ярлыкъ на Великое Княженіе Владимірское, а самъ Михаилъ Александровичъ поѣхалъ къ зятю въ Литву, и въ заключеніе, сложивъ съ себя крестное цѣлованіе къ Московскому Князю, началъ съ нимъ войну. Для этой войны Московскій Князь собралъ огромную рать, къ нему пришли на помощь Князья подручники и двинулись войска Новгородцевъ, союзниковъ его въ этой борьбѣ съ Тверскимъ Княземъ. Все это двинулось съ разныхъ сторонъ къ Твери. Къ Михаилу Александровичу не пришла ни откуда помощь, и онъ долженъ былъ защищаться своими средствами. Послѣ страшнаго погрома Тверскихъ областей отъ войскъ, шедшихъ съ Московскимъ Княземъ, Михаилъ Александровичъ просилъ мира. Это было въ 1375 году. Договорная грамота,[30] написанная по этому случаю, начинается по обычаю: «по благословенію отца нашего Алексѣя Митрополита всея Руси». Договоръ заключенъ между Михаиломъ Александровичемъ Тверскимъ и Великимъ Княземъ Дмитріемъ Ивановичемъ и Княземъ Владиміромъ Андреевичемъ. Тверской Князь въ отношеніи къ Дмитрію Ивановичу становится въ положеніе младшаго брата, равнаго Князю Владиміру Андреевичу: онъ долженъ имѣть однихъ союзниковъ и враговъ съ Московскимъ Княземъ, и отказаться отъ своихъ; къ Ольгерду и его братіи, и его дѣтямъ, и къ его братаничамъ цѣлованіе сложить. «Если пойдетъ Литва на насъ», говоритъ Московскій Князь къ Тверскому, «или на кого либо нашу братью, Князей, намъ себя оборонять, и тебѣ быть съ нами во всемъ за одно. Если же съ Татарами будемъ мы въ миру, то это по думѣ; захотимъ имъ давать выходъ, или не давать, то все по думѣ, а пойдутъ Татары на насъ, или на тебя, биться намъ и тебѣ всѣмъ противу ихъ; если же пойдемъ на нихъ и тебѣ съ нами за одно пойти на нихъ». Кашинскій Князь становится, по этой грамотѣ, въ независимое положеніе отъ Тверскаго. Для предупрежденія ссоръ постановлено, что если случится какое либо дѣло, затруднительное для рѣшенія между договаривающимися сторонами, или ихъ подданными, то «ѣхать на третій на Князя на Великаго, на Олега Рязанскаго, и какъ онъ рѣшитъ дѣло, такъ рѣшеніе его и должно быть исполнено».

---

[30] С. Г. Г. и Д. т. 1 N 28; годъ этой грамоты означенъ неправильно 1368, см. Дмитрій Ивановичъ Донской, первоначальникъ нашей славы, стр. 132—133 М. 1837 г.

Въ такое положеніе попалъ главный борецъ противъ собирателей Русской земли.[31] Что касается до Митрополита Алексѣя, то онъ съ сильнымъ противникомъ Москвы поступалъ довольно осторожно, въ сравненіи съ тѣмъ, какъ онъ поступалъ съ другими Князьями. Послѣ того, какъ былъ отпущенъ изъ Москвы къ отцу Иванъ Михайловичъ, и послѣ жалобъ Патріарху Тверскаго Князя, Митрополитъ Алексѣй ѣздилъ въ Тверь въ 1374 году, для поставленія преемника владыкѣ Василію, Евфимія во Епископа; не знаемъ, какъ встрѣтилъ его Михаилъ Александровичъ теперь.

Теперь переходимъ къ дѣламъ Суздальскаго Княжества. По смерти Симеона Ивановича, расказывается въ лѣтописяхъ, Иванъ Ивановичъ Московскій и Князь Константинъ Васильевичъ Суздальскій отправились въ Орду къ царю Чанибеку и начали спорить о Великомъ Княженіи; потомъ говорится, что Новгородцы послали отъ себя въ Орду, прося Великаго Княженія Князю Суздальскому, но Ханъ далъ Великое Княженіе Ивану Ивановичу. Подъ слѣдующимъ годомъ разсказывается, что Князь Константинъ Васильевичъ Суздальскій женилъ своего сына, Бориса, у Великаго Князя Литовскаго Ольгерда Гедиминовича; въ заключеніе, въ томъ же году Князь Константинъ Васильевичъ примирился съ Великимъ княземъ и за тѣмъ вскорѣ умеръ. Лѣтописецъ прибавляетъ, что онъ княжилъ честно и грозно, боронилъ свою отчину отъ сильныхъ Князей и отъ Татаръ.[32]

Тверскія дѣла являлись сначала дѣлами, относящимися какъ бы только къ Тверской области, а потомъ уже сдѣлались общи-

---

[31] Въ статьѣ о Михаилѣ Александровичѣ Тверскомъ, И. Д. Бѣляева, этотъ договоръ считается довольно выгоднымъ для Тверскаго Князя, по тому что Московскій Князь не могъ предписать условій произвольныхъ и униженныхъ, что ясно показываетъ (?) еще силу Тверскаго Князя. Предполагается, что должно быть Михаилъ Александровичъ разрознилъ союзниковъ Московскаго Князя, и тѣмъ поставилъ его въ необходимость заключить такой миръ. Союзники были подручники, а Новгородцы говорили, что Тверской Князь испугался ихъ рати и заключилъ миръ (П. С. Р. Л. т. 3, стр. 90); а отъ чего не согналъ съ Тверскаго Княженія Михаила Александровича, то это объясняется кажется тѣмъ, что Ольгердъ былъ живъ, а Татары могли вступиться за Тверь, какъ и случилось.

[32] Н. Л. ч. 3, стр. 205.

ми всей Россіи. Суздальскій Князь прямо начинаетъ съ главнаго, съ соперничества Московскому Князю, относительно Великаго Княженія. Средства, употребляемыя имъ для достиженія цѣли, тѣ же, какія употребляли и Тверскіе Князья; но разница большая въ томъ, какъ онъ и тѣ къ нимъ прибѣгали; какъ дѣла Тверскія постепенно выходили изъ круга, ограничивающаго только Тверскою областью, и потомъ распространялись на цѣлую Россію, такъ и къ средствамъ прибѣгали Тверскіе Князья постепенно. Суздальскій Князь напротивъ прямо хочетъ совершить переворотъ порядка дѣлъ въ цѣлой Россіи, и по этому хватается за всѣ средства: отправляется въ Орду, хочетъ на Новгородскія деньги купить ярлыкъ и, для обезпеченія себя, вступаетъ въ родство съ Ольгердомъ. По этому какъ начало было противуположно, такъ противуположенъ и конецъ: вмѣсто продолжительной борьбы, дѣло кончилось тотчасъ миромъ: по тому что для Суздальскаго Князя, хотя смѣлаго, но слабаго, выказалась яснѣе истина, чѣмъ для Тверскаго, что, не имѣя своихъ средствъ, чужія ничего не значатъ, хотя бы обладатели ихъ и предлагали свои услуги, но все таки они не могутъ постоянно стоять на сторожѣ и защищать отъ различныхъ нападеній. На манеръ отца стали дѣйствовать и дѣти.

При жизни Ивана Ивановича Московскаго, со стороны Суздальскихъ Князей, дѣтей Константина Васильевича, было тихо; но какъ только Великій Князь умеръ и остались въ Москвѣ малолѣтніе Князья, то вездѣ появились надежды на ослабленіе Московскаго преобладанія. Въ это же время въ Ордѣ сѣлъ новый Ханъ, Нарусъ: по этому Князья приходили въ Орду всѣ, кромѣ Московскаго, представителю (киличею) котораго, на просьбы о Великомъ Княженіи, Ханъ обѣщалъ, что если Дмитрій Ивановичъ явится въ Орду лично, то получитъ просимое; при этомъ Ханъ обѣщалъ еще, что другому, кромѣ Московскаго Князя, Великое Княженіе не дастъ.[33] Когда Князья, бывшіе при этомъ, отправились домой, то пришли въ Орду Суздальскіе Князья, и Ханъ предложилъ старшему изъ нихъ, Андрею, Великое Княженіе; но Князь Андрей отказался, разсуждая такъ: «что Ханъ хочетъ те-

[33] Тат. ч. 4, стр. 188.

перь дары великіе получить, а послѣ этѣмъ пожалованіемъ введетъ во вражду съ Дмитріемъ, когда тотъ подростетъ». Андрей Константиновичъ, бывшій и прежде въ хорошихъ отношеніяхъ къ Москвѣ,[34] взявъ ярлыкъ только на свое Нижегородское Княженіе, ушолъ изъ Орды; второй его братъ, Дмитрій Константиновичъ Суздальскій, остался въ Ордѣ и началъ просить о Великомъ Княженіи, давая дары Хану, Ханшѣ и всѣмъ Князьямъ Ордынскимъ. Ханъ, прельстившись на дары, отдалъ Дмитрію Константиновичу Великое Княженіе Владимірское съ Переяславлемъ и всею областію.

Получивъ желаемое, «не по отчинѣ и не по дѣдинѣ», Дмитрій Константиновичъ отправился изъ Орды во Владиміръ; сдѣсь онъ встрѣтился съ Митрополитомъ Алексѣемъ, который при немъ поставилъ Архіепископа въ Новгородъ Новый Великій Князь отправилъ пословъ въ Новгородъ, гдѣ ихъ приняли хорошо. Въ это время начались смуты въ Ордѣ. Ханы смѣнялись одинъ за другимъ, и когда поутихло, то Дмитрію Ивановичу выхлопотали его попечители у Хана Мюрида ярлыкъ на Великое Княженіе. Суздальскій Князь былъ прогнанъ изъ Владиміра; когда ему снова, вслѣдствіе разныхъ Ордынскихъ обстоятельствъ, выслали изъ Орды ярлыкъ, то онъ опять сѣлъ во Владимірѣ, но тотчасъ же Московскія войска снова выгнали его изъ города; при чемъ опустошили и Суздальскую волость. Князь бѣжалъ къ старшему брату въ Нижній Новгородъ, куда къ нему съѣхались и другіе Князья, прогнанные въ это время съ ихъ областей Дмитріемъ Ивановичемъ, и всѣ Князья скорбѣли о своихъ Княженіяхъ.

Но не одними войсками дѣйствовало Московское Правительство противъ соперника своего Князя: Митрополитъ Алексѣй написалъ посланіе ко всѣмъ жителямъ Нижегородскихъ и Городецкихъ земель.[35] Онъ обращаясь ко всѣмъ жителямъ съ поученіемъ относительно того, что должно жить въ страхѣ Божіемъ, говоритъ: «видите, дѣти, какой мятежъ возсталъ въ сіе время. Чего ради это все бываетъ? Нашего ради неисправленья предъ Богомъ.» Обращаясь къ духовенству, онъ совѣтуетъ ему, чтобы оно поучало Хри-

[34] П. С. Л. т. 5, стр. 228.

[35] Посланіе напечатано въ Ж. Душеполезное чтеніе 1861 г. стр. 458 — 467.

стіянъ о мирѣ, любви и нравственной жизни, не стыдяся лица сильныхъ и запрещая имъ, да не обидятъ меньшихъ. Этѣмъ поученіемъ Митрополитъ, такъ сказать, снимаетъ съ себя отвѣтственность въ раззореніи Суздальскаго Княжества отъ Московскихъ войскъ, и всю отвѣтственность возглагаетъ на людей, возмутившихъ тишину. Сдѣсь надо замѣтить, что въ поученіи ясно проглядываетъ задняя мысль, по тому что и поученіе обращено къ жителямъ Нижегородскимъ и Городецкимъ, т. е. тѣмъ частямъ Суздальскаго Княженія, которыя, не принадлежа Димитрію Константиновичу, предупреждаются Митрополитомъ, что если они возстанутъ на помощь нарушителю общественнаго порядка, то и отвѣтственность за это должны нести на себѣ.

Въ 1365 году умеръ старшій Князь изъ Суздальскихъ, Андрей Константиновичъ, въ Нижнемъ Новгородѣ; второй его братъ, Дмитрій Константиновичъ, не находившійся около него во время кончины, поѣхалъ въ Нижній Новгородъ, чтобы вступить въ обладаніе Княженіемъ;[36] но, самый младшій изъ Суздальскихъ Князей, Борисъ Константиновичъ, не пустилъ его туда. Этотъ родственникъ Ольгерда, на котораго, должно быть, онъ надѣялся, выхлопоталъ утвержденіе своего захвата отъ Хана: изъ Орды явился посолъ и посадилъ его на Нижегородское Княженіе. Въ это время Дмитрію Константиновичу въ третій разъ прислали изъ Орды ярлыкъ на Великое Княженіе; но онъ уже, понявъ безполезность своей борьбы съ Москвою, отступился отъ Великаго Княженія въ пользу Московскаго Князя и сталъ у него же просить помощи на брата своего, Бориса. Въ Москвѣ рѣшились по этому смирить Бориса Константиновича; отправили къ нему пословъ съ предложеніемъ помириться съ братомъ, а когда онъ не послушалъ, то изъ Москвы не послали покуда рати, а явился Преподобный Сергій Радонежскій. Онъ былъ посолъ отъ Великаго Князя и Митрополита. Святой мужъ позвалъ Бориса Константиновича въ Москву для примиренія, но Князь не послушался и не пошелъ въ Москву. Тогда Преподобный Сергій, по приказанію Митрополита и Великаго Князя, затворилъ всѣ церкви въ Нижнемъ Нов-

---

[36] О порядкѣ старшинства удѣловъ въ Суздальскомъ Княжествѣ См. Ист. Рос. т 3, стр. 337.

городѣ. Но, какъ видно, и это средство не подѣйствовало: ждалъ чего нибудь Борисъ Константиновичъ и тянулъ время, видя, какія средства противъ него употребляютъ; но помощь ни откуда не приходила, а между тѣмъ въ Москвѣ, видя его непокорность, рѣшились дать болѣе существенную помощь Дмитрію Константиновичу. Онъ съ своею и Московскою ратью пошелъ къ Нижнему Новгороду на брата; тогда Борисъ Константиновичъ, не получившій ни откуда помощи, вышелъ на встрѣчу брату и сталъ просить у него мира. Князья помирились, и Борисъ Константиновичъ получилъ Городецъ. Такъ окончилась эта вражда. Митрополитъ Алексѣй, какъ видимъ, употребляетъ средства Церкви, съ цѣлію подать помощь союзнику дѣйствительную, но относительно безвредную и дешевую[37].

До насъ дошли извѣстія, что Митрополитъ Алексѣй поступалъ и съ другими мелкими Князьями Сѣверной Россіи такъ же, какъ поступилъ съ Нижегородскимъ. Было вообще замѣтно, что, по смерти Ивана Ивановича Московскаго, Русскіе Князья вообще вдругъ заявили какую-то особенную смѣлость во всѣхъ отношеніяхъ; у Суздальскаго Князя даже появилась мысль отбить у Московскаго Князя первенство между остальными Князьями Сѣверной Россіи; но у другихъ мелкихъ Князей такихъ смѣлыхъ плановъ не было, они могли желать только большей самостоятельности, чѣмъ та, которою они пользовались, или, если можно, такого же преобладанія въ своихъ Княжествахъ, надъ остальными своими родственниками, какимъ пользовался Московскій Князь надъ другими Князьями Сѣверной Россіи, предоставляя ослабленіе Москвы болѣе смѣлому между собою. Умеръ Великій Князь; вступилъ на престолъ новый Ханъ, и Князья отправились въ Орду. Подъ 1360 годомъ въ лѣтописи разсказывается, что

[37] Въ лѣтописи, среди разсказа о Суздальскихъ дѣлахъ, вставлено извѣстіе, что Митрополитъ Алексѣй отнялъ у Суздальскаго Владыки Алексѣя часть Епископіи: Нижній Новгородъ и Городецъ. У Татищева т. 4 стр. 203 прибавлено, что Князь Борисъ не послушалъ Епископа Алексѣя «бѣ бо имъ смутно». Вообще трудно рѣшить, за что было наказаніе Епископа. Отнятая часть Суздальской Епископіи была возвращена уже Архіепископу Діонисію отъ Митрополіи, по рѣшенію Константинопольскаго Патріарха см. Ж. М. Н. Пр. 1847 г. стр. 159.

Князь Дмитрій Борисовичъ былъ пожалованъ Княжествомъ Галицкимъ, а Константинъ Ростовскій всѣмъ Ростовскимъ. Въ это время былъ въ Ордѣ Дмитрій Константиновичъ и другіе Князья, и всѣ они хлопотали о своихъ Княженіяхъ. Мы не видимъ изъ лѣтописи, чтобы была какая-нибудь взаимная связь въ ихъ хлопотахъ, кромѣ той, что они въ одно время добывали ярлыки. Но далѣе въ лѣтописи разсказывается, что когда второй разъ вынесли изъ Орды Дмитрію Константиновичу ярлыкъ на Великое Княженіе, и Дмитрій Ивановичъ Московскій прогналъ его изъ Владиміра, то вмѣстѣ съ этѣмъ Московскій Князь взялъ также свою волю надъ Княземъ Константиномъ Ростовскимъ, а Дмитрія Борисовича Галицкаго и Ивана Ѳеодровича Стародубскаго согналъ съ ихъ Княжествъ; всѣ этѣ Князья поѣхали въ Нижній Новгородъ къ Дмитрію Константиновичу скорбѣть о своихъ Княженіяхъ, но ничего не могли сдѣлать. Это было въ 1363 году, когда Дмитрію Ивановичу Московскому было только 12 лѣтъ.

Въ 1367 году мы видимъ повтореніе тѣхъ же дѣлъ: Московскій Князь началъ приводить всѣхъ Князей подъ свою волю, а которые не повиновались ему, на тѣхъ началъ посягать. Но если могъ выставить сопротивленіе этому посяганію одинъ Тверской Князь, и то съ помощію Литвы, то другимъ Князьямъ приходилось повиноваться требованіямъ Москвы.

Изъ всего вышеизложеннаго мы можемъ усмотрѣть замѣчательныя обдуманность плана и единство въ дѣйствіяхъ всего Московскаго Правительства; но это Правительство въ настоящее время было соединеніемъ свѣтскаго могущества съ верховною церковною властію Россіи. Въ то время, какъ исполненіе военныхъ предпріятій Московское Правительство возлагало на свѣтскихъ своихъ членовъ, Митрополитъ Алексѣй, кромѣ совѣта и руководительства въ дѣлахъ, находилъ средство употреблять свою духовную власть съ пользой для опекаемыхъ, не нарушая правилъ, которыми должно руководствоваться при употребленіи своей духовной власти. Бояре принуждали мелкихъ Князей повиноваться Великому Князю, но въ самомъ повиновеніи Князьямъ встрѣчался вредъ: когда съ Москвою ссорились сильные враги, какъ мелкимъ Князьямъ было тутъ поступать? Врагъ Московскаго Князя считалъ ихъ добровольными союзниками послѣдняго,

а не невольными, и, раззорялъ ихъ области, если они положительно держались Москвы. Если же такіе Князья, для спасенія отъ раззоренія областей, становились, въ такихъ случаяхъ, на сторонѣ врага Москвы, то отсюда могло послѣдовать наказаніе, когда принудившій ихъ къ союзу уходилъ. Таковое положеніе было принадлежностію особенно тѣхъ Княжествъ, которыя лежали между Москвою и Литвою. При частыхъ походахъ Ольгерда на Москву, онъ раззорялъ лежащія ему на пути области союзниковъ Москвы.

Князья мелкіе, когда ихъ приводили подъ свою волю изъ Москвы, давали клятвы, что будутъ стоять за нее во всемъ; а когда при выше изложенныхъ обстоятельствахъ они вступали въ союзъ съ Литвою, то являлись клятвопреступниками; слѣдовательно, виновными не только въ измѣнѣ договору, но они дѣлали преступленіе и противъ Церкви. За это глава Русской Церкви, Митрополитъ, имѣлъ права наказывать — и онъ предавалъ всѣхъ такихъ Князей проклятію. Конечно, онъ могъ принимать во вниманіе, что преступленіе — невольное; но дѣйствительно ли невольное преступленіе совершали Князья? При совокупности всѣхъ извѣстій, мы видимъ, что не всѣ Князья, какъ напримѣръ иногда Кашинскій, были невольными клятвопреступниками: у нихъ была постоянная мысль ослабить преобладаніе Москвы и при всякомъ удобномъ случаѣ они помогали врагу не столько невольно, сколько съ искреннимъ желаніемъ. Но ихъ постоянное желаніе почти никогда не удовлетворялось. Что было дѣлать Московскому Правительству съ этѣми врагами, хотя и мелкими, но при случаѣ вредными своею многочисленностію? Когда попытки Князей не удавались, изъ Москвы могли пустить рать на ихъ Княжества; но на Сѣверѣ Россіи къ войнѣ прибѣгали почти только въ однихъ крайнихъ случаяхъ. Мы видѣли, что на Нижегородскаго Князя Бориса Константиновича прежде чѣмъ выслали рать, было наложено церковное наказаніе; точно также поступали и съ другими. Преданные проклятію Князья, не могли равнодушно переносить подобнаго наказанія, тѣмъ болѣе, что оно было ново и хотя не такъ вредно, какъ раззореніе областей войною, но имѣло особенность постоянно дѣйствовать, до тѣхъ поръ, пока не будетъ снято, и главное, что въ невинно стра-

дающихъ отъ него жителяхъ Княжествъ возбуждало нерасположеніе къ Князю, навлекшему проклятіе, и клонило жителей туда, откуда это наказаніе могло произойти и могло быть устранено, а именно къ Москвѣ. Князьямъ въ подобныхъ случаяхъ оставалось одно: обратиться къ Патріарху, который являлся единственнымъ человѣкомъ, могущимъ помимо Митрополита, избавить отъ его проклятій. Но изъ Константинополя, еще прежде жалобъ Князей, писали къ нимъ о томъ, чтобы они почитали Митрополита всея Руси. Когда же Князья обращались съ просьбами объ избавленіи ихъ отъ Митрополичьихъ проклятій, то на ихъ жалобы не обращали такого вниманія, какъ на жалобу Тверскаго Князя. Вселенскій Патріархъ прямо писалъ, «что онъ не сниметъ проклятія, наложеннаго Митрополитомъ всея Россіи на Князей, за измѣну ихъ Великому Князю, до тѣхъ поръ, пока они не поступятъ согласно взаимнымъ условіямъ и пока Митрополитъ не напишетъ, что они раскаялись.» При этомъ Патріархъ излагалъ и причину, по чему онъ такъ поступаетъ: «они (т. е. Князья) дали Великому Князю страшную клятву, вступить вмѣстѣ противъ враговъ нашей вѣры». А въ грамотѣ къ Смоленскому Князю указывается и на этого врага: за то что Святославъ Смоленскій, вопреки условію съ Великимъ Княземъ Дмитріемъ, не только не воевалъ противъ враговъ, но еще соратовалъ Ольгерду противъ Христіянъ; по этому Патріархъ объявилъ ему, что Митрополитъ всея Руси справедливо предалъ его проклятію.»[38] Смоленскій Князь воевалъ противъ Москвы, въ союзѣ съ Ольгердомъ, въ 1368 году.

Князья, отданные Патріархомъ вполнѣ въ волю Митрополита, или что тоже Москвы, къ какому средству послѣ этого могли прибѣгать? Все въ Князьяхъ возбуждало сильнѣйшую ненависть къ Москвѣ, обладающей такими средствами, которыя ей ничего не стоили, а имъ приносили страшный вредъ. Если населеніе такихъ Княжествъ должно было съ завистью смотрѣть на относительное спокойствіе, во всѣхъ отношеніяхъ, населенія Московскаго, то у Князей, вслѣдствіе этѣхъ же самыхъ побужденій, взоръ невольно обращался въ другую сторону, откуда они, можетъ быть, могли получить избавленіе, какъ отъ матері-

---

[38] Грамоты см. въ Ж. М. Н. Пр. за 1847 г. т. 54, стр. 143 — 144.

яльнаго преобладанія Москвы, такъ и отъ церковнаго наказанія, а именно къ Литвѣ, на жалобы которой Патріархъ припужденъ будетъ обратить вниманіе.

Говоря о Тверскихъ дѣлахъ, мы видѣли, что Литва, и въ матеріяльномъ отношеніи, не оставляла своихъ союзниковъ на произволъ своего вѣчнаго соперника, Москвы; тѣмъ болѣе она не должна была оставить ихъ въ просьбахъ объ избавленіи отъ церковнаго наказанія. Хлопоты по этой части были легче войны, да при томъ же къ нимъ побуждали и свои дѣла. Митрополитъ Алексѣй, правя Московскимъ Княженіемъ, успѣлъ, своими церковными средствами, затронуть матеріяльныя дѣла Литовскаго Великаго Князя.

Говоря о Митрополитѣ Петрѣ, было замѣчено, что вслѣдствіе переѣзда Митрополитовъ на Сѣверъ Россіи, высказалась необходимость имѣть другаго Митрополита для Южной Россіи; первоначально объ этомъ заявлено было изъ Галиціи, которая и успѣла отдѣлиться отъ общей Всероссійской Митрополіи. Этѣ же причины начинали дѣйствовать и въ отношеніи православныхъ областей, находящихся подъ властію Литовскаго Великаго Князя, выказавшееся поставленіемъ Митрополита Романа. Но въ самомъ управленіи Митрополитомъ Романомъ, назначенной ему области, мы не видимъ ясно опредѣлившагося понятія о раздѣленіи Митрополіи; онъ въ одно время и мѣстный Литовскій Митрополитъ и въ то же время поставленъ для всей Россіи; потомъ ограниченъ Литвою и въ заключеніе неопредѣленныя претензіи на титулъ Митрополита всея Россіи, а также, пожалуй, и власть Всероссійскаго Митрополита. По смерти Романа, въ 1362 году, обѣими половинами Митрополіи сталъ править Алексѣй; но съ шестидесятыхъ годовъ XIV столѣтія началась и политическая дѣятельность Митрополита Алексѣя.

Со времени смерти Митрополита Романа по прежнему шла борьба между Москвою и Литвою. Митрополитъ Алексѣй, не только въ отношеніи къ союзникамъ Литовскаго Великаго Князя, но и въ отношеніи всего его Княжества, пустилъ въ ходъ свою духовную власть. Въ этомъ случаѣ Ольгердъ, точно также, какъ и другіе, обратился къ Патріарху, тѣмъ болѣе, что на это его вызы-

вали со стороны Москвы. Вотъ жалоба Ольгерда къ Патріарху: «Прислалъ ты ко мнѣ писаніе съ моимъ Ѳеодоромъ, что Митрополитъ печалуется тебѣ о неправдѣ. Говоритъ: Царь-де Ольгеръ заѣзжаетъ, ино не я началъ заѣзжать, а начали заѣзжать сперва они, и крестнаго цѣлованія, что имѣли ко мнѣ, не сложили и клятвенной грамоты ко мнѣ не отослали. И заѣзжали они меня девять разъ, и шурина моего Князя Михаила подъ клятвою переманили къ себѣ. И Митрополитъ снялъ съ него страхъ, чтобы приходить и уходить ему по своей волѣ, и его поимали. И зятя моего Бориса, Князя Нижняго Новгорода, и его поимали и Княжество взяли, и зятя Ивана Новосильскаго и Княжество заѣхали, и мать его поимали, и дочь мою взяли, и клятву, на преждеданнную, не сложили.» Потомъ Ольгердъ пересчитываетъ города, какіе захватили Москвичи. «А то все города, и всѣ ихъ взяли, и крестнаго цѣлованія не сложили; и клятвенныхъ грамотъ не отослали. И мы того не терпя самихъ ихъ заѣхали, а не исправятъ ко мнѣ, и нынѣ терпѣть не буду. По благословенію твоему Митрополитъ: благословляетъ на пролитіе крови. А до нынѣ и за отцевъ нашихъ не бывало такого Митрополита, каковъ сей Митрополитъ: благословляетъ Москвитянъ на пролитіе крови. И ни къ намъ не приходитъ, ни въ Кіевъ не отправляется. А кто цѣловалъ крестъ ко мнѣ и убѣжитъ къ нему, Митрополитъ снимаетъ съ него крестное цѣлованіе. Бывало ли такое дѣло на свѣтѣ, чтобы снимать крестное цѣлованіе. Иванъ Козельскій... Иванъ Вяземскій... Нагубникъ Василій... цѣловали крестъ, дали поруки, всѣ бѣжали, выдали поручителей и Митрополитъ снялъ съ нихъ крестное цѣлованіе. И многіе другіе бѣжали, и онъ всѣхъ ихъ разрѣшаетъ отъ клятвъ и крестнаго цѣлованія. Подобало Митрополиту благословлять Москвитянъ, чтобъ намъ помогали; ино и мы ратуемъ за нихъ съ Нѣмцами. А мы зовемъ Митрополита къ себѣ, и онъ не йдетъ къ намъ. Дай намъ другаго Митрополита Кіевскаго, на Смоленскъ, на Тверь, на Малую Россію, на Новосиль, на Нижній-Новгородъ.[39]

Сказавъ, что донынѣ не бывало такого Митрополита, и высказавъ жалобы на политическія дѣла Митрополита Алексѣя,

---

[39] Ж. М. Н. Пр. 1847 т. 54. стр. 148 — 152.

Ольгердъ только едва почти напоминаетъ, что церковныя дѣла въ епархіяхъ Литовскихъ, отъ враждебныхъ отношеній Митрополита къ Князю, могутъ быть въ сильномъ неустройствѣ, какъ и было въ дѣйствительности и Кипріану Митрополиту пришлось много хлопотать о томъ, чтобы привести ихъ въ порядокъ.[40]

Планъ Ольгерда объ обезсиленіи Митрополита Алексѣя былъ обширенъ; но такъ какъ требованія его были болѣе личныя, чѣмъ требованія для потребностей страны, то и удовлетвореніе ихъ послѣдовало на половину. Въ началѣ Генваря[41] 1376 года, не за долго до смерти Ольгерда, Патріархъ Константинопольскій поставилъ Кипріана въ Митрополиты, но только для Литвы и при томъ съ условіемъ, что Кипріанъ поставляется съ тѣмъ, чтобы по смерти Митрополита Алексѣя, онъ былъ его преемникомъ;[42] этѣмъ поставленіемъ Кипріана въ Митрополиты Патріархъ развелъ враждующихъ между собою лицъ.

Кипріанъ по поставленіи своемъ отправился въ Москву и еще изъ Кіева послалъ избирательныя грамоты въ Новгородъ. Въ Москвѣ на преемника Митрополиту Алексѣю, избраннаго по требованію врага, смотрѣли враждебно, по тому что сами хотѣли имѣть вліяніе на избраніе Митрополитовъ. Кипріану, когда онъ пріѣхалъ въ Москву, Великій Князь отвѣчалъ: «Мы имѣемъ Митрополита Алексѣя, ты же почто дерзнулъ поставиться на живаго Митрополита»[43] Выслушавъ это, Кипріанъ отправился въ Кіевъ. Изъ Новгорода онъ получилъ не болѣе утѣшительный отвѣтъ: «посылай (т. е. избирательныя грамоты) къ Великому Князю, если онъ приметъ тебя Митрополитомъ всея Россіи, то и намъ будешь Митрополитомъ.»[44]

Изъ всего вышеизложеннаго мы можемъ видѣть, что Патріархъ Константинопольскій постоянно находился на сторонѣ Мо-

---

[40] См. Прав. Собѣс. 1860 г. т. 2, стр. 97—99.

[41] Тамъ же стр. 95, пр. 3.

[42] Ж. М. Н. Пр. 1847 г. стр. 157.

[43] Ст. Кн. ч. 1, стр. 465; Ник. Лѣт. ч. 4, стр. 48.

[44] П. С. Р. Л. т. 3, стр. 91.

сквы и Митрополита Алексѣя: въ то время какъ къ Князьямъ Русскимъ Патріархъ писалъ письма, которыя отнимали у нихъ послѣднюю надежду объ избавленіи отъ страшныхъ наказаній, шедшихъ изъ Москвы, къ Московскимъ Князьямъ изъ Константинополя являлись письма совершенно другаго содержанія: Патріархъ писалъ объ особенномъ своемъ расположеніи къ Дмитрію Ивановичу и его брату Владиміру, о своемъ гнѣвѣ на другихъ Князей и о томъ, чтобы Великій Князь о своихъ требованіяхъ писалъ къ нему со всею увѣренностію.[45] Между Москвою и Константинополемъ шли постоянныя пересылки: письмами или чрезъ вѣрныхъ[46] лицъ. Это полезное расположеніе къ Москвѣ Константинополя, выходившее изъ обыкновенной наклонности помогать сильному, какъ могущему за помощь вознаградить, Митрополитъ Алексѣй въ своемъ положеніи долженъ былъ и умѣлъ поддержать его, по тому что зналъ, какъ дѣйствовать съ Константинополемъ и вообще съ Востокомъ. Изъ лѣтописи видимъ, что во все продолженіе правленія Митрополісю Алексѣя, постоянно являются съ Востока духовныя лица за сборомъ милостыни для раззоренныхъ церквей отъ варваровъ, завоевывавшихъ Восточную Имперію. Просьбы этѣхъ собирателей милостыни не оставались безъ отвѣта: онѣ получали помощь Митрополита, а чрезъ него, конечно, и отъ другихъ. Этѣ люди шли назадъ и по всему Востоку прославляли щедрость и святую жизнь Митрополита и добрый нравъ Московскихъ Князей; другіе собиратели милостыни шли по указанію первыхъ и такъ же получали желаемое. При постоянныхъ сношеніяхъ Москвы съ Константинополемъ Митрополитъ, въ томъ же денежномъ отношеніи, былъ полезенъ и для Патріарха. Отсюда-то шло то постоянное одобреніе всѣхъ поступковъ Митрополита изъ Константинополя и если когда Патріархъ по необходимости долженъ былъ писать Митрополиту упреки за упущеніе церковныхъ дѣлъ, то упреки получались въ самыхъ нѣжныхъ формахъ и обыкновенно начинались изъясненіемъ любви и расположенія Патріарха къ Митрополиту.[47]

---

[45] Ж. М. Н. Пр. 1847 г стр. 142.

[46] Тамъ же.

[47] Тамъ же стр. 152.

Но это расположеніе Патріарха много зависѣло конечно и не отъ одной личной дѣятельности Митрополита Алексѣя: Патріарху вообще выгодно было поддерживать порядокъ въ дѣлахъ церковныхъ въ Россіи. Такъ, жалобы Новогородцевъ еще въ то время, когда Святитель Алексѣй не былъ поставленъ въ Митрополиты, не получали полнаго удовлетворенія. Когда Новгородцы были въ размирьѣ съ Великимъ Княземъ и хлопотали въ Ордѣ за Константина Васильевича Суздальскаго, отправились посланные отъ Владыки Моисея въ Константинополь къ Патріарху съ жалобами: «прося благословенія и исправленія о непотребныхъ вещахъ, приходящихъ съ насиліемъ отъ Митрополита[48] Кіевскаго Ѳеодорита; жалобы этѣ были слѣдствіемъ того, что Новгородцы хотѣли отъ Митрополіи и власти Великихъ Князей (Московскихъ) отложиться.»[49] Но въ это время прибылъ Святитель Алексѣй въ Царьградъ, былъ поставленъ въ Митрополиты, и изъ Константинополя въ Новгородъ явились двѣ грамоты: одна содержала объявленіе о поставленіи Алексѣя въ Митрополиты; другая о томъ, что не должно признавать Ѳеодорита, посвященнаго Патріархомъ Болгарскимъ, обозначая послѣднее дѣло названіемъ безсмысленнѣйшимъ и беззаконнѣйшимъ.[50] Это постоянное стремленіе Новгородцевъ къ относительной самостоятельности, вмѣстѣ съ политической, церковной іерархіи теперь не удалось; они вскорѣ примирились съ Великимъ Княземъ, который сердился на нихъ и за то, за чѣмъ они жаловались на Митрополита, не принимая въ разсчетъ увертку Новгородцевъ въ видѣ жалобы на Ѳеодорита. Доджно быть, въ 1366 году, во время размирья Новгородцевъ съ Правительствомъ Московскимъ, возобновились жалобы Новгородцевъ Патріарху и на Митрополита. Прежде, при Владыкѣ Моисеѣ, мы видѣли, чѣмъ кончились его жалобы на Митрополита: Патріархъ разъяснилъ имъ дѣло; а въ лѣтописи разсказывается, что послы Владыки Моисея воротились съ великимъ пожалованіемъ отъ Царя и Патріарха, съ грамотами за златыми печатями о проторехъ на поставленіе и о церковныхъ пошлинахъ

---

48 П. С. Л. т. 3, стр. 86 и 181.

49 Тат. ч. 3, стр. 177.

50 Ж. М. Н. Пр. 1847 г. стр. 140.

Святительскихъ и иными указаніями[51] и привезли ризы крестчатыя Владыкѣ; теперь же Патріархъ писалъ, что преемникъ Моисея (Алексѣй) не можетъ носить ризъ съ крестами, данныхъ его предшественнику, и о томъ, чтобы онъ подчинялся Митрополиту.[52] Съ такимъ-то умѣньемъ направлялъ и пользовался Митрополитъ Алексѣй наклонностію Константинополя въ пользу усилившейся Москвы.

Съ такими двумя опорами, какъ свѣтская власть Московскаго Великаго Князя и постоянное одобреніе Константинопольскаго Патріарха, приглашавшаго Митрополита извѣщать его о своей обширной паствѣ, давали[53] средства Митрополиту Алексѣю тѣмъ болѣе дѣйствовать настойчиво и самостоятельно въ дѣлахъ, касающихся и самаго управленія всею Русскою Церковью и въ обращеніяхъ къ паствѣ. Конечно, самымъ лучшимъ матеріяломъ, высказывающимъ ясно взглядъ Митрополита Алексѣя, какъ на обязанности свои въ отношеніи къ паствѣ, такъ и на обязанности всѣхъ ея членовъ, служатъ его поученія и посланія, обращенныя къ паствѣ. По утвержденіи своемъ на Митрополичьемъ престолѣ, Святитель Алексѣй издалъ посланіе ко всей паствѣ.[54] Сначала Святитель указываетъ на свою обязанность учить свою паству: «хочу, братія, сказать вамъ душеполезное; по тому что обязанъ васъ учить и пасти, какъ и Апостолъ пишетъ объ этомъ... Вы же, дѣти, должны повиноваться. Предлагаю вамъ, дѣти, притчу Спасителя о сѣятелѣ: по этому, на основаніи ея, пусть не будетъ душа ваша землею терновою, но да будутъ сердца ваши способны къ воспріятію благаго, и могущими приносить плодъ сторицею. За симъ предлагаю вамъ другую притчу Спасителя, о человѣкѣ домовитомъ, который насадилъ виноградъ, оградилъ его, создалъ столпъ, ископалъ точило и передалъ дѣлателямъ, чтобы

---

[51] Ник. Лят. ч. 4, стр. 206.

[52] Тамъ же стр. 143; срав. статью въ Прав. Обоз. 1863 г. Мартъ стр. 228-245 «О спорѣ Новгородцевъ съ Митрополитомъ изъ за-мѣсячнаго суда.» Тамъ почти всѣ вышеизложенные факты пропущены.

[53] Ж. М. Н. Пр. стр. 143.

[54] Слово Митр. Алексѣя помѣщено въ Приб. къ Тв. Св. От. годъ 5, стр. 30-39; что оно не поученіе, а посланіе см. тамъ же годъ 6, стр. 162.

они послѣ отдали ему плоды: домовитый человѣкъ есть Христосъ Богъ; виноградъ — человѣчество на землѣ; ограда оплотомъ законъ Божественный; столпъ Церковь Христова; ископа точило честная кровь Господа; дѣлатели Апостолы и ихъ преемники, обязанные учить свою паству. По этому и я, грѣшный, сподобленъ этой обязанности, не по моему достоинству, но по Божіимъ щедротамъ и Его великой милости. По этому, дѣти, воспоминая Спасителево слово, сказанное Его ученикамъ и Апостоламъ: «сія заповѣдаю вамъ, да любите другъ друга,» такъ и вы, дѣти, имѣйте между собою миръ и любовь; такъ же имѣйте страхъ Божій въ сердцахъ вашихъ, съ нимъ же человѣкъ всякую добродѣтель можетъ пріобрѣсть. Соблюдайте заповѣди Божіи: покаяніемъ чистымъ отъ души въ своихъ прегрѣшеніяхъ, милостынею, удаленіемъ отъ непотребныхъ дѣлъ: блуда, пьянства, грабленія, насилія, чародѣйства и волхвованія, страсти къ ненасытному богатству. Имѣйте, дѣти, въ умѣ смерть и воскресеніе, гдѣ каждому воздастся по дѣламъ его; Князья, бояре и вельможи судите судъ милостиво: судъ будетъ безъ милости не сотворившему милости; не принимайте мзды на неповинныхъ; судите людей въ правду; вдовицъ, сиротъ и пришлецъ не обижайте, да не возопіютъ на васъ къ Богу. Людская чадь! Бога бойтесь, Князей чтите, а святительство имѣйте выше своей главы, со всякимъ покореніемъ и безъ прекословія: они день и ночь молятся о душахъ вашихъ, по тому что имъ придется воздать отвѣтъ за свою паству. Притекайте къ іереямъ съ покаяніемъ и слезами, открывайте имъ свои дѣла и не приступайте къ нимъ снова, — это будетъ истинное покаяніе; видѣвъ это іерей, можетъ очистить васъ и сдѣлать причастниками тѣла и крови Христовой. Будьте и вы милостивы, по тому что судъ безъ милости не сотворившему милости. Исполняйте законъ Божій, сколько имѣете возможности, не словомъ, но дѣломъ, чтобы не сказалъ Богъ: что Меня зовете, Господи, Господи, а не творите воли Моей. Князья, бояре, купцы и всякой правовѣрный Христіянинъ! оставляйте свои дѣла и стекайтесь на церковную молитву безъ лѣности; не говорите такъ: отпоемъ себѣ дома, и та молитва въ сравненіи съ церковной ничтожна; а когда приходите въ церковь, имѣйте со всѣми миръ, со всѣми любовь, а входя въ церковь трепещите душею, по тому что не въ простой храмъ входите. Если будете

такъ дѣлать, то и молитва церковная за васъ пойдетъ; стоя въ церкви, забывайте всѣ дѣла внѣ церкви. Такъ я, дѣти, получивши талантъ отъ Бога, не долженъ его скрывать въ землѣ, но раздавать добрымъ торжникамъ, да сподобилъ бы меня Господь, въ день судный, сказать: «Господи, это я, а это мои дѣти, корыхъ Ты мнѣ далъ'» По этому, дѣти, Бога ради, позаботитесь угодить Богу добрыми дѣлами и души свои спасти. Не пропускайте дѣти ни котораго говѣнья, но будьте причастниками тѣла и крови Христовой: это, дѣти, вкратцѣ я вамъ писалъ, но вы своимъ благоразуміемъ распространите въ сердцахъ вашихъ кладъ духовный, и если вы, что я писалъ, пріимите и соблюдете, не словомъ только, но дѣломъ, то будете причастниками небеснаго Царствія, котораго да сподобитъ Богъ всѣхъ васъ во второе Свое пришествіе.» Съ этѣмъ посланіемъ весьма сходно по характеру и содержанію и посланіе къ жителямъ Нижегородскимъ и Городецкимъ, написанное, какъ выше замѣчено, по случаю смутъ, заведенныхъ Дмитріемъ Константиновичемъ. Въ немъ онъ начинаетъ подобнымъ же образомъ: «да не скажете вы въ страшный день суда Спасова: не слыхали мы поученія отъ Митрополита Алексѣя всея Руси о спасеніи душъ нашихъ. И того ради, дѣти, пишу къ вамъ и понуждаю васъ на благое... Игумены, іереи учите своихъ духовныхъ дѣтей страху Божію и исповѣданію о грѣхахъ и милостынѣ по силѣ; не стыдитесь лица сильныхъ и запрещайте имъ, да не обидятъ меньшихъ.... Это я пишу не однимъ игуменамъ и іереямъ, но и къ Князьямъ, и боярамъ, и мужамъ, и женамъ и всѣмъ правовѣрнымъ Христіянамъ, чтобы вы, дѣти, имѣли почтеніе, покореніе и послушаніе къ своимъ отцамъ духовнымъ, заповѣдающимъ вамъ душеполезное и спасительное...» Въ этомъ послѣднемъ поученіи Святитель только еще болѣе вооружается противъ господствующихъ въ народѣ пороковъ, особенно пьянства [55]

Въ этѣхъ посланіяхъ Митрополитъ Алексѣй подтверждаетъ каждое свое положеніе словами Священнаго Писанія, или учителей Церкви. Поученія его уже отличаются отъ поученія Митрополита Петра: тамъ одна только Христіянская любовь и ученіе

---

[55] Душеполезное чтеніе 1861 г. т. 3, стр. 458—467.

ея, и при томъ все излагается смиренно; здѣсь уже другое: кромѣ любви Христіянской, отражается въ словахъ многое, выходящее изъ положенія личности поучающаго; онъ смѣло обращается ко всѣмъ: «Князья и бояре, судите по правдѣ: судящему безъ милости судъ будетъ безъ милости;» говоритъ всѣмъ Христіянамъ о повиновеніи но только Богу и Князьямъ: «святительство имѣйте выше своей главы, со всякимъ покореніемъ, безъ всякаго прекословія.» Если, въ исторіи его времени и послѣдующемъ за нимъ, мы видимъ большею частію людей только дѣйствующихъ, но ничего не говорящихъ, или если говорящихъ, то одно, предки и потомки на одну тему; то этого нельзя сказать о первыхъ Московскихъ Митрополитахъ: они по обязанности должны были говорить, хотя конечно не говорятъ много, или почти совсѣмъ не говорятъ, когда учавствуютъ въ дѣлахъ политическихъ; но все равно, они говорятъ, когда обращаются съ поученіемъ къ паствѣ, хотя и на основаніи Священнаго Писанія и на заданную себѣ тему. Сдѣсь-то они высказываютъ свой характеръ и свое направленіе невольно. Митрополитъ Петръ говоритъ только о любви Христіянской, ему нечего и не объ чемъ больше говорить: его положеніе тяжело, онъ не можетъ дѣйствовать, по тому что со всѣхъ сторонъ стѣсненъ и почти беззащитенъ; на него клевещутъ, онъ прощаетъ клеветы и только умоляетъ не дѣлать этого впередъ. Другой тонъ въ тѣхъ же словахъ у Митрополита Алексѣя: «я обязанъ учить, хочу учить и учу; совѣтую и умоляю васъ, любите другъ друга, живите мирно, изъ ссоръ и ненависти другъ къ другу и изъ пороковъ всѣ ваши несчастія земныя и погибель душевная, въ дѣлахъ руководствуйтесь Священнымъ Писаніемъ, повинуйтесь Князьямъ, но и вы, Князья, помните, что и на васъ есть судъ, если ужь не на землѣ, то за гробомъ будетъ. А вы, чадь людская, святительство чтите больше всего, безъ прекословія; если другіе не ведутъ васъ къ счастію и миру на землѣ, то святительство, моля о вашихъ грѣхахъ Бога, спасаетъ васъ.» Сдѣсь конечно не договариваетъ Святитель Алексѣй Католическихъ словъ, что святительство поведетъ, пожалуй, и къ счастію на землѣ.

Такое различіе въ поученіяхъ двухъ Митрополитовъ Петра и Алексѣя. До насъ дошло еще посланіе Митрополита Алексѣя,

кромѣ вышеизложенныхъ поученій, это посланіе его на Червленный Яръ о подсудности жителей его Рязанскому Владыкѣ.[56] Это посланіе особенно тѣмъ для насъ любопытно, что по этому самому дѣлу писали посланія туда многіе предшественники Митрополита Алексѣя; но изъ ихъ посланій извѣстно только посланіе Митрополита Ѳеогноста;[57] по этому сравнимъ оба посланія. Посланія писали по слѣдующему поводу: между Сарайской и Рязанской епархіями были спорнымъ мѣстомъ земли, лежащія по Хопру; жители причисляли себя къ Сарайской Епископіи, между тѣмъ какъ по древнему праву они дожны были принадлежать къ Рязанской Епархіи.[58] Дѣло было рѣшено на основаніи правъ Рязанскаго Владыки и грамотъ Митрополитовъ Максима и Петра. Святитель Ѳеогностъ писалъ такъ: «Благословеніе Ѳеогноста Митрополита всея Руси къ дѣтямъ моимъ... ко всѣмъ Христіянамъ Червленнаго Яру. Молюсь Богу и Святой Богородицѣ, да будете душею и тѣломъ добры и здоровы, и да исполняли бы вы заповѣди Божіи, имѣли бы любовь къ ближнему и ко всѣмъ милостыню по силѣ, правду, цѣломудріе, исповѣданіе грѣховъ своихъ, да наслѣдники безконечнаго Царствія будете;» за тѣмъ говорится, что знаютъ они о постоянномъ спорѣ между владыками Рязанскимъ и Сарайскимъ про тѣ мѣста, и онъ (Ѳеогностъ) посылалъ туда своего Игумена, для разсмотрѣнія дѣла, и по его свидѣтельству далъ и грамоту. Нынѣ же пріѣхалъ ко мнѣ Владыка Рязанскій и привезъ грамоты Митрополитовы Максима и Петра, утверждающія его права, и третью грамоту Владыки Сарайскаго Софонія, что онъ отступается отъ того предѣла, по тому что онъ Рязанскій. «По этому пишу къ вамъ, сотворяя по грамотамъ тѣхъ Митрополитовъ, и даю правую грамоту Владыкѣ Рязанскому. И вы имѣйте къ нему любовь и всякое послушаніе и покореніе и исполняйте все, что онъ станетъ вамъ говорить душеполезное, а церковныя пошлины давайте по давнему церковному обычаю. А милость Божія и мое благословеніе да будутъ съ вами.» Грамота Митрополита Алексѣя писана по этому же случаю и, под-

---

[56] Ак. Ист. т. 1, N 3.

[57] Тамъ же, N. 1.

[58] О границахъ епархій см. Исторію Рус. Цер. т. 2, стр. 133, примѣч. 228.

тверждающая ее, есть только распространеніе грамоты Ѳеогностовой; она наполнена текстами, но такими, которыхъ не встрѣчается у его предшественника; кромѣ того, въ грамотѣ есть замѣчательныя прибавки, характеризующія пишущаго: онъ не только совѣтуетъ, но указываетъ на свое право. Вотъ этѣ прибавки вообще: «исповѣдуйте свои грѣхи: ибо Господь Богъ Іисусъ Христосъ такъ сказалъ ученикамъ Своимъ и Апостоламъ: идите во весь міръ, проповѣдуйте Евангеліе всякой твари, и кто имѣетъ вѣру — крестится, спасенъ будетъ, а не имѣющій вѣры осужденъ будетъ. И еще такую власть имъ далъ: елико аще свяжете на землѣ (грѣхъ ради человѣческихъ), связаны будутъ и на небесахъ, елико аще разрѣшите на землѣ, будутъ разрѣшены и на небесахъ. И еще такъ говоритъ: слушающій васъ, Меня слушаетъ, а отметающійся васъ, Меня отметается. Туже благодать Святаго Духа пріялъ и я грѣшный, и есть я пастухъ и учитель всѣхъ Христіянъ, находящихся въ Русской землѣ, и лежитъ на мнѣ тягость учить всѣхъ душеполезному и необходимому для спасенія. Къ вамъ многажды писано полезное душамъ вашимъ. Вы же, какъ-то и время показываетъ, моихъ словъ и ученія не слушаете, но исполняете свою волю. Не знаете развѣ, что всей Русской земли Владыки въ моей власти и въ моей волѣ, и я ихъ ставлю. отъ благодати Пресвятаго Духа. Такая же властв дана и вашему Владыкѣ. Вы его словъ не слушаете, но странныхъ пастуховъ принимаете, и какъ то видится, не считаете себя паствы истиннаго вашего пастыря. Мы всѣ Христовы и Христовы слова говоримъ; кто же насъ не слушаетъ, не есть Христовъ. Вы же должны дѣлать дѣла добрыя, по тому что вѣра безъ дѣлъ мертва есть, также и дѣла безъ вѣры.... Слушая слова Апостола.... покайтесь, возлюбленныя и обратитесь къ Богу.... О томъ же предѣлѣ, какъ пишутъ грамоты Митрополитовъ Максима, Петра и Ѳеогноста и владыки Софонія, есть предѣлъ на Сарайскій... а принадлежитъ власти Владыки Рязанскаго и отъ него туда должны поставляться попы и дьяконы. И вы, помня пошлину церковную, давайте ему по обычаю. Если исполните то, что я пишу, грамоты послушаете и пошлину церковную дадите, и милость Божія и мое благословеніе да будутъ съ вами.

Вотъ двѣ грамоты двухъ Митрополитовъ, слѣдовавшихъ одинъ за другимъ. Ѳеогностъ говоритъ о мирѣ и любви, проситъ исполнять обязанности и благословляетъ своихъ духовныхъ дѣтей; Алексѣй тоже говоритъ о мирѣ и любви, проситъ исполнять требуемое, но благословляетъ на условіи повиновенія, да еще притомъ указываетъ, что онъ имѣетъ право требовать исполненія, по тому что ему на это дана власть: развѣ вы, говоритъ Митрополитъ, не знаете. что Владыки Русской земли въ моей власти? По чему одинъ говоритъ такъ, а другой иначе? Ѳеогностъ Грекъ, а Алексѣй Русской; первой только что началъ дѣйствовать при новомъ положеніи Митрополитовъ въ Россіи и еще не вполнѣ твердо сознаетъ его: ему кажется, что оно еще не много крѣпче, чѣмъ было при его предшественникѣ. Алексѣй уже понимаетъ, какъ дѣйствовать, но въ своихъ дѣйствіяхъ не выходитъ изъ границъ правъ, которыми онъ по законамъ Церкви обладаетъ; ему изучать положеніе Митрополита Русскаго было болѣе средствъ, чѣмъ его предшественнику: тотъ прямо пріѣхалъ изъ Греціи на Митрополію, а этотъ былъ Русской, при томъ у того же Ѳеогноста былъ въ продолженіи 12 лѣтъ викаріемъ, а теперь, ко всему этому, его отношенія къ свѣтской власти были самыя выгодныя для того, чтобы могъ Митрополитъ смѣлѣе говорить и дѣйствовать.

Какъ строго требовалъ, чтобъ всѣ жили согласно съ Христіанскою нравственностію, такъ и самъ жилъ Святитель Алексѣй: онъ для всѣхъ служилъ образцомъ Христіанской жизни, за что отъ всѣхъ и пользовался глубочайшимъ уваженіемъ. Дружба Митрополита Алексѣя съ преподобнымъ Сергіемъ была причиной того, что и самъ Святитель принялся, съ помощію преподобнаго, за распространеніе монашества, служившаго въ то время для всѣхъ Русскихъ представителемъ высшей нравственной жизни. Такъ, во время своего послѣдняго путешествія въ Константинополь, Святитель Алексѣй далъ обѣщаніе, если спасется отъ бури, устроить монастырь, и по этому, по возвращеніи въ Москву, когда нашлось у него свободное время, поѣхалъ къ преподобному Сергію въ его монастырь и выпросилъ себѣ ученика его, Андроника, для того, чтобъ тотъ устроилъ житіе монаховъ; вслѣдствіе этого былъ основанъ монастырь около Москвы, на берегу рѣки Яузы, извѣстный теперь подъ названіемъ Андроникова. По-

томъ былъ устроенъ монастырь, въ память чуда Архангела Михаила въ Колосахъ, внутри Кремля, въ ознаменованіе помощи Божіей при исцѣленіи царицы Тайдулы. Третій монастырь, построенный Митрополитомъ Алексѣемъ въ Москвѣ, былъ женскій Алексѣевскій, во имя своего Ангела. Но не въ одной Москвѣ онъ строилъ монастыри, но и въ другихъ мѣстахъ Митрополіи: въ Нижнемъ-Новгородѣ, во Владимірѣ, въ Серпуховѣ.[59] Всѣ этѣ монастыри были снабжены необходимымъ для содержанія и книгами.

О дѣятельности Митрополита Алексѣя, относительно распространенія монашества и управленія обширною паствою, можно замѣтить, кромѣ того, что онъ старался удовлетворять всѣмъ нуждамъ своей паствы; но какъ видно онъ старался и объ томъ, чтобы направить дѣятельность своихъ подчиненныхъ къ той же самой цѣли, къ которой онъ самъ направлялъ дѣла политическія. Изъ извѣстій о жизни Святителя Алексѣя мы постоянно видимъ, что онъ обращалъ отличительное вниманіе на тѣ епархіи, гдѣ православные находились подъ властію враждебныхъ Москвѣ Князей: такъ, напримѣръ, онъ для каждаго поставленія Епископа въ Твери ѣздилъ туда. Сдѣсь надо замѣтить, что въ Тверь Епископы не присылались Митрополитомъ, а выбирались, подъ вліяніемъ тамошнихъ Князей, большею частію изъ мѣстнаго духовенства. Изъ дѣла же Владыки Тверскаго Василія можно видѣть, какъ наказывались и къ чему приводились духовныя лица, несогласныя въ своей дѣятельности съ Митрополитомъ. При томъ еще и то, для подтвержденія этого, должно замѣтить, что при жизни Алексѣя и по его смерти проявлялось во враждебныхъ Москвѣ земляхъ, Всероссійской Митрополіи, какая-то особенная ненависть ко всѣмъ его ставленникамъ. Такъ Епископы, поставленные Митрополитомъ Алексѣемъ для Литвы, часто принуждены были оставлять свои епархіи, не по какимъ нибудь особеннымъ причинамъ, а только по нелюбви къ нимъ мѣстныхъ Князей.[60] Точно то же

---

[59] См. объ этѣхъ Монастыряхъ: Русскіе Святые, чтимые всею Цер. или мѣстно. Филарета Арх. Черниг., Февраль, стр. 99—101; Приб. къ Тв. Св. От. годъ 6, стр. 119—122, Степ. Кн. ч. 1, стр. 460—461; Памят. Москов. Древ. стр. 132—152; Истор. Рос. Іер. ч. 3, М. 1811 г. стр. 90—91, 94—99, 358—359, част. 6 712—717.

[60] Ист. Рус. Цер. т. 2. стр. 131 Прим. 225.

было и въ Твери, гдѣ Митрополитъ Кипріанъ долженъ былъ Владыку Евфимія, ставленика Митрополита Алексѣя, свести съ Епископіи, собственно по одной нелюбви къ нему Михаила Александровича. [61] Это конечно предположеніе, что Митрополитъ Алексѣй старался ставить всюду Епископовъ, которые бы тянули къ Москвѣ; но изъ его собственныхъ словъ, какъ онъ смотрѣлъ на свою власть и на отношеніе къ нему Епископовъ: «развѣ вы не знаете, что всѣ Владыки Русской земли находятся въ моей власти», можно заключить, что онъ былъ очень разборчивъ въ лицахъ, которыхъ ставилъ на такія важныя мѣста, каковы мѣста Епископовъ въ тогдашнее время. Если онъ такъ направлялъ дѣло ставленія Епископовъ, то можно сдѣлать еще и другое предположеніе, что Епископы, согласные въ своихъ мнѣніяхъ съ Митрополитомъ, точно того же должны были требовать и отъ своихъ подчиненныхъ, слѣдовательно, такимъ образомъ могли дѣйствовать и на все народонаселеніе, которое по этому могло, вмѣстѣ съ другими условіями, тянуть къ Москвѣ.

Это направленіе всего легче могло передаваться народу чрезъ черное духовенство, которому народъ могъ несравненно болѣе довѣрять. Отсюда шло то покровительство монахамъ, славнымъ своею святою жизнію и имѣвшимъ одни мнѣнія съ Митрополитомъ. Лучшимъ примѣромъ этому служитъ разсказъ, помѣщенный въ житіи преподобнаго Сергія: «о составленіи монастыря, иже на Киржачѣ». [62] Взошла мысль нѣкоторымъ изъ монаховъ монастыря Троицкаго: не восхотѣли Сергіева старѣйшинства.— Старшій братъ преподобнаго Сергія, Стефанъ (бывшій монахъ, а потомъ Игуменъ Богоявленскаго монастыря и другъ Митрополита Алексѣя, жившій теперь въ монастырѣ брата) сдѣлалъ слѣдующее: во время одной вечерни, которую служилъ самъ преподобный, Стефанъ, стоявшій на клиросѣ, спросилъ конорхиста, взявшаго какую-то книгу: «кто тебѣ велѣлъ брать эту книгу»? тотъ отвѣчалъ, что «Игуменъ Сергій приказалъ мнѣ». Стефанъ на это сказалъ: «кто здѣсь настоящій Игуменъ? Не я ли прежде

---

[61] См. Ник. Лѣт (подъ 1390 г.) ч. 4, стр. 195—198.

[62] Ник. Лѣт. ч. 4, стр. 225—227; П. С. Л, т. 6. стр. 121.

основался на этомъ мѣстѣ, и устроилъ церковь?» И многое другое нелѣпое говорилъ Стефанъ. Преподобный Сергій, бывшій въ это время въ алтарѣ, слышалъ весь этотъ неприличный разговоръ, но никому ничего не сказалъ; но за то послѣ, когда братія вошла въ трапезу, онъ удалился изъ монастыря ни кѣмъ не замѣченный и поселился въ пустынномъ мѣстѣ, надъ рѣкою Киржачемъ. Какъ только братія узнала, что нѣтъ въ монастырѣ Игумена, то пришли въ уныніе и стали искать его. Когда же его отыскали, то стали къ нему переселяться, и преподобный, устроивъ для нихъ келліи, послалъ къ Митрополиту просить благословенія на основаніе монастыря; благословеніе было дано. Но братія, оставшаяся въ Троицкомъ монастырѣ, стала просить Митрополита, чтобы онъ возвратилъ преподобнаго къ нимъ въ монастырь, какъ прежде основанный. Митрополитъ, внявъ ихъ просьбѣ, послалъ къ преподобному двухъ Архимандритовъ, съ слѣдующею рѣчью: «пусть существуетъ теперь тобой основанный монастырь, и ты поставь въ немъ, кого знаешь, изъ твоихъ учениковъ строителемъ, самъ же возвратись въ прежній твой монастырь, да не грустятъ любящіе тебя о разлукѣ съ тобою; ненавидящихъ же тебя и не покоряющихся тебѣ я выведу изъ монастыря съ безчестіемъ и никто не будетъ сопротивляться тебѣ въ монастырѣ твоемъ.» Преподобный Сергій возвратился послѣ этого въ Троицкій монастырь. Сдѣсь мы можемъ, кажется, видѣть, что Митрополитъ поддерживаетъ не только законную власть, но и то, что вліяніе преподобнаго на всѣхъ, и доказанное любовію къ нему большинства братіи, могло ослабиться, въ значительной мѣрѣ, какъ неповиновеніемъ нѣкоторыхъ изъ братіи, такъ и перемѣною мѣста, такъ сказать, насиженнаго, на другое новое; перемѣною, происшедшею вслѣдствіе неприличнаго поведенія людей вспомнившихъ о своемъ важномъ санѣ и прежнемъ величіи, отъ которыхъ уже отказались.

Сдѣсь не говорю ничего о томъ, что съ имуществъ, которыми обладало духовенство, получаемые доходы почти всѣ стекались въ Москву, въ резиденцію, Митрополита, и такимъ образомъ увеличивали матеріяльныя средства жителей Москвы, а слѣдовательно и ея Князей. Все это конечно возбуждало зависть въ другихъ Князьяхъ къ Москвѣ, а такъ же и къ Митрополиту, кото-

рый извлекалъ изъ другихъ Княжествъ средства для Москвы, употребляемыя для борьбы съ тѣми же Княженіями.

Этѣ причины, особенно послѣдняя, и безъ той политической дѣятельности со стороны Митрополита, могли служить къ тому, что Русскіе Князья невольно должны были желать ослабить помощника Московскаго Княжества и обращаться за помощію въ Литву, которая то же самое испытывала и не могла вообще равнодушно сносить то, что каждый шагъ Митрополита, сдѣланный имъ даже, можетъ быть, безъ цѣли, уже служитъ ей во вредъ и въ пользу Москвы. Такъ, на примѣръ, Митрополитъ Алексѣй призналъ святыми Христіянъ, замученныхъ въ Литвѣ Ольгердомъ; подобное дѣло для православныхъ подданныхъ Литовскаго Великаго Князя, волей или не волей, выставляло ихъ Государя не въ очень выгодномъ свѣтѣ. Но этѣ нравственныя и денежныя обиды не могли вдругъ послужить къ раздѣленію Митрополіи; даже самая мысль объ этомъ теперь еще хорошенько не созрѣла въ Литвѣ, и Ольгердъ, жалуясь Патріарху на Митрополита и выставляя причины, по чему тотъ долженъ дать для Литвы и другихъ союзныхъ ей земель отдѣльнаго Митрополита, жалуется только на его политическія дѣла. Онъ, конечно, могъ надѣяться, что его Митрополитъ также обратитъ къ себѣ взоры своей паствы, какъ при немъ привлекалъ ихъ Алексѣй.

Къ подобнымъ же средствамъ, служившимъ въ пользу Москвы, чрезъ Митрополита, были отношенія его къ завоевателямъ. Святитель Алексѣй въ отношеніи къ Монголамъ находился въ такомъ же положеніи, какъ и его предшественники. Церковь при немъ пользовалась тѣми же правами, какъ и прежде, на основаніи Ханскихъ ярлыковъ. Но и сдѣсь Святителю Алексѣю пришлось особенно выставиться въ сравненіи съ другими.

Кромѣ обязанности, которая можетъ быть существовала, ѣздить Митрополитамъ въ Орду за ярлыками для своего утвержденія, изъ житія Святителя Алексѣя мы видимъ, что онъ ѣздилъ туда два раза, совершенно по другимъ причинамъ. Подъ 1357 годомъ [63]

---

[63] Въ приб. къ Тв. Св. От. годъ 6, въ статьѣ о Митр. Алексѣѣ на стр. 108, прим. III говорится, что на основаніи изслѣдованій Григорьева О дос. Хан.

въ лѣтописи встрѣчаемъ извѣстіе о позывѣ Митрополита въ Орду чрезъ посла отъ Хана Чанибека, чтобъ онъ посѣтилъ и исцѣлилъ больную жену Хана, Тайдулу. Посолъ пришелъ въ то время, когда Святитель присутствовалъ при спорѣ Тверскихъ Князей предъ нимъ. При этомъ требованіи глубокая вѣра со стороны Святителя подвергнулась страшному испытанію отъ крайняго суевѣрія требующихъ. Тяжело ему было, когда суевѣрные люди, не имѣвшіе никакой вѣры, требовали отъ представителя Русскаго духовенства дѣла неисполнимаго. Считая каждое духовное лицо колдуномъ, и видя, что ни одинъ изъ близкихъ къ нимъ колдуновъ не помогаетъ, они вспомнили, что есть въ Россіи набольшій колдунъ, который ужъ навѣрно поможетъ больной царицѣ, по этому и стали звать его. Отказаться отъ этого дѣла, которое навязывали Митрополиту Алексѣю, было трудно; варвары не приняли бы во вниманіе причины отказа, а только могли потерять страхъ свой предъ этѣми чародѣями, какими считали они духовенство; отсюда могли слѣдовать, пожалуй, невыгоды для народа, связаннаго съ выгодами духовенства. Моля Бога о помощи въ дѣлѣ, которое Святитель считалъ не выполнимымъ для человѣческихъ силъ, онъ отправился въ Орду. Тайдула, для которой вся цѣль жизни соединена была въ одной любви Хана, подрываемой ея болѣзнями, ждала съ крайнимъ нетерпѣніемъ, и въ то же время съ вѣрою, пришествія знаменитаго святаго человѣка. Когда Святитель явился предъ нею и началъ ее благословлять, Тайдула выздоровѣла. Дары и почетъ отъ Ордынцевъ были наградою за сверхъестественное дѣло. За такую услугу Митрополитъ Алексѣй получилъ отъ самой Тайдулы ярлыкъ на свободный проѣздъ въ

ярл. «Святитель Алексѣй могъ быть въ Ордѣ на пути въ Царьградъ, т. е. въ 1355 году.» Можетъ быть, лѣтописцы смѣшали два путешествія Митр. Алексѣя въ Орду въ одно. Но совокупность фактовъ, разсказанныхъ по случаю перваго путешествія не вполнѣ подтверждаетъ предположеніе Г. Горскаго. Такъ, въ 1355 г. не видимъ замятни въ Ордѣ. Здѣсь разсказываются факты, какъ объ нихъ дошли извѣстія. Извѣстіе о второмъ путешествіи находится только въ Степенной Книгѣ. Преосвященный Филаретъ дѣлаетъ ссылки о второмъ путешествіи на такія лѣтописныя извѣстія, которыя по своей краткости могутъ относиться къ которому угодно; да притомъ извѣстія, на которыя онъ ссылается не говорятъ о двухъ путешествіяхъ, а объ одномъ. См. Рус. Свят. Февраль прим. 134.

Константинополь [64] Въ нёмъ говорилось, что если Митрополитъ Алексѣй пойдетъ къ Царьграду, то чтобы всѣ, кто бы ни былъ, его не трогали и никакихъ насилій ему не дѣлали. Предъ отправленіемъ изъ Орды Митрополиту Алексѣю пришлось быть свидѣтелемъ смутъ, начинавшихся тамъ, и ради которыхъ онъ принужденъ былъ спѣшить отъѣздомъ. Съ нимъ отправился посолъ изъ Орды къ Русскимъ Князьямъ съ требованіемъ дани. [65] Замятня въ Ордѣ въ это время продолжалась и наконецъ кончилась тѣмъ, что сынъ Чанибековъ, Бердибекъ, убилъ отца и своихъ 12 братьевъ и самъ сдѣлался Ханомъ. Бердибекъ, какъ разсказываютъ лѣтописи, былъ чрезвычайно суровъ и хотѣлъ непремѣнно ити грабить Россію; но Россія въ то время еще не была готова встрѣтить отпоромъ Орду. Великій Князь Иванъ Ивановичъ не зналъ что́ дѣлать при такихъ обстоятельствахъ, и обратился къ Митрополиту Алексѣю съ просьбой, чтобы онъ снова отправился въ Орду, ходатайствовать за Русскую землю. [66] Въ 1358 году Святитель отправился, и хотя его, какъ видно, сначала плохо приняли; но санъ, прежнія дѣла и умъ его имѣли вліяніе на Татаръ. Бердибекъ смирился предъ нимъ и поганые удивились его премудрости и почтили, какъ Божія Святителя. Бердибекъ, по примѣру своихъ предшественниковъ, далъ ему ярлыкъ съ подтвержденіемъ правъ духовенства, которыми оно пользовалось по ярлыкамъ отъ прежнихъ Хановъ. [67] Въ Москвѣ, когда Святитель воротился изъ Орды, встрѣтили его съ величайшимъ почетомъ. Авторъ житія Митр. Алексѣя вкладываетъ въ уста ребенка, будущаго побѣдителя Мамая, слова: «О владыко! что тебѣ воздамъ противу труда твоего? Трудомъ этѣмъ ты намъ даровалъ мирное житіе.»

Послѣ этѣхъ путешествій Митрополита въ Орду, тамъ начался рядъ смутъ, Ханы истребляли другъ друга. Этѣ Ордынскія

---

[64] О томъ что Ханши могли давать ярлыки см. Григорьева О дос. Хан. ярлыковъ, стр. 65 и дал., ярлыкъ стр. 128.

[65] Ник. Лѣт. ч. 3 стр. 209.

[66] Ст. Кн. ч. 1 стр. 456.

[67] Ярлыкъ см. О дос. Хан. ярл. стр. 126.

смуты дали средства устроить хорошенько Московскія дѣла во время малолѣтства Димитрія Ивановича. Когда же Орда, сплоченная Мамаемъ, стала снова показывать свои послѣднія силы, то и въ Москвѣ все было готово къ борьбѣ съ нею. Митрополитъ, видѣвшій Орду, могъ, въ числѣ другихъ, перенести въ Москву и во всю Россію то ослабленіе страха предъ завоевателями, которое повело къ великой битвѣ Куликовской.

Послѣ всего вышеизложеннаго, обратимся къ дѣламъ, извѣстнымъ намъ, которыя относились собственно до внутренняго устройства Московскаго Княженія и личности Московскихъ Князей, какое здѣсь участіе принималъ Митрополитъ Алексѣй? Мы могли уже выше видѣть, что отъ Москвы до Ольгерда и послѣдняго Князя всѣ смотрѣли на Митрополита Алексѣя, какъ на лицо, связавшее вполнѣ свои интересы съ интересами Московскихъ Князей; его, какъ Митрополита, никто не думаетъ отдѣлять отъ Москвы. Онъ, поставленный въ числѣ правителей Московскаго Княженія, принималъ такое же участіе въ его дѣлахъ внутреннихъ какъ и внѣшнихъ. Не знаемъ, какое вліяніе онъ имѣлъ на воспитаніе молодыхъ Князей; но если онъ, какъ выражается авторъ его житія, имѣлъ попеченіе о паствѣ своей и всѣхъ людей училъ слову Божію, то, конечно, училъ и Князей, оставшихся дѣтьми на рукахъ его и бояръ. Однимъ изъ главныхъ дѣлъ его и бояръ есть то, что въ 1362 году молодые Князья, Дмитрій Ивановичъ (12 лѣтъ) и Владиміръ Андреевичъ (9 лѣтъ) заключили между собою договорную грамоту. Договорная грамота писана по благословенію Митрополита Алексѣя, и въ утвержденіе ея Князья цѣловали крестъ у него. По ней Князья условливаются жить, какъ жили отцы ихъ; Владиміръ Андреевичъ обязывается быть въ такомъ же отношеніи къ Дмитрію Ивановичу, въ какомъ находились Иванъ и Андрей Ивановичи къ старшему брату, Симеону, и держать Великое Княженіе честно и грозно. За симъ, послѣ условій о дружбѣ, союзѣ и управленіи землями, гдѣ вездѣ выставляются впередъ права Дмитрія Ивановича, слѣдуютъ постановленія о боярахъ.[68] Послѣ этого мы видимъ Митрополита вездѣ рядомъ съ Князьями и ничто не дѣлается въ Княженіи иначе, какъ по его совѣту и благословенію. Когда при-

[68] С. Г. Г. и Д. N 27.

шло время жениться Дмитрію Ивановичу, то, по благословенію Митрополита, взята была за него Княжна Суздальская, дочь бывшаго соперника Дмитрія Ивановича, Дмитрія Константиновича. Это было на другой годъ, какъ изъ Москвы помогли послѣднему добыть Нижегородское Княженіе. Когда сидитъ Московскій Князь въ осадѣ отъ Ольгерда, съ нимъ сидитъ въ осадѣ и Митрополитъ; ѣдетъ Московскій Князь въ Орду, и Митрополитъ провожаетъ его до Оки, благословляетъ въ путь Князя и сопровождающихъ его; пишетъ Дмитрій Ивановичъ духовную грамоту, и эту грамоту онъ являетъ у Митрополита, который привѣшиваетъ къ ней свою печать. [69] Когда, въ 1366 году, сознали необходимость построить около Кремля каменныя стѣны, то въ лѣтописи говорится, что Великій Князь принялся за это дѣло, посовѣтовавшись съ Владиміромъ Андреевичемъ и со всѣми старѣйшими боярами и по благословенію Митрополита. Когда Владиміру Андреевичу понадобилась прибавка къ его удѣлу, то онъ билъ челомъ Великому Князю чрезъ Митрополита Алексѣя; по этому челобитью Великій Князь пожаловалъ своему двоюродному брату Лужу и Боровскъ. [70]

Вездѣ въ дѣлахъ Московскихъ Князей, политическихъ и семейныхъ, Митрополитъ Алексѣй является, съ своею духовною властію и своимъ благословеніемъ, какъ руководитель. Его отношенія къ Московскимъ Князьямъ весьма сходны съ тѣми отношеніями, въ какихъ находился въ послѣдствіи Филаретъ Никитичъ къ Михаилу Θедоровичу. Разница только въ томъ, что Патріархъ Филаретъ пользовался своимъ положеніемъ до самой своей смерти, между тѣмъ какъ съ начала семидесятыхъ годовъ XIV столѣтія до своей смерти Митрополитъ Алексѣй уже не принимаетъ участія въ дѣлахъ Княженія. Великій Князь въ это время выросъ, ему было уже за 20 лѣтъ, и самъ взялъ въ свои руки правленіе; да и кромѣ того Митрополиту Алексѣю послѣ 1370 года и нѣкогда было заниматься политическими дѣлами; онъ во время правленія Московскимъ Княженіемъ, при Иванѣ Ивановичѣ и его малолѣтнихъ преемникахъ, своею дѣятельностію поднялъ всѣхъ враговъ Московскаго Княжества лично противъ себя. По-

[69] Тамъ же N 30.

[70] Тамъ же N 37.

сыпались въ это время къ Патріарху жалобы на страшнаго для Русскихъ Князей Митрополита, жалобы, поведшія даже къ отпаденію половины Митрополіи отъ власти Святителя Алексѣя; теперь ему приходилось распутывать этѣ дѣла и, какъ мы видѣли, довольно успѣшно въ сравненіи съ тѣмъ, чего добивались его враги. Наконецъ самъ Митрополитъ Алексѣй сознавалъ, что выросшій Великій Князь, человѣкъ болѣе способный къ правленію Княженіемъ, чѣмъ его отецъ, не захочетъ быть болѣе подъ опекою Митрополита, и Святитель Алексѣй, безъ всякихъ споровъ и требованій благодарности за дѣла, прежде имъ сдѣланныя, отступилъ въ сторону и очистилъ мѣсто на политическомъ поприщѣ новому молодому поколѣнію; его же сверстники, ученики Калиты, мало по малу вымирали.

Но если безъ споровъ уступилъ Митрополитъ Алексѣй свою политическую роль въ Россіи другимъ, то въ церковной сферѣ онъ хотѣлъ, чтобы дѣла шли по тому направленію, какое онъ имъ далъ: по этому у него явилось желаніе, чтобы преемникомъ его на Митрополичьемъ престолѣ былъ преподобный Сергій, имѣвшій такой громадный авторитетъ вездѣ, за свою святую жизнь. Митрополитъ Алексѣй думалъ о преподобномъ такъ же, какъ прежде думали другіе объ немъ самомъ. Но если прежде всѣ дѣла, за которыя принимался Мимрополитъ Алексѣй, ему удавались, то при концѣ его жизни пошло обратно. Въ житіи его разсказывается о томъ, какъ онъ предлагалъ преподобному Сергію занять послѣ себя Митрополичій престолъ, призвавъ къ себѣ преподобнаго Сергія, устроявшаго тогда свой монастырь. Митрополитъ сталъ съ нимъ бесѣдовать. Во время разговора, Святитель велѣлъ принести архіерейскій крестъ и сталъ его предлагать Святому Сергію; но послѣдній со смиреніемъ отвѣчалъ, что такъ какъ онъ отъ юности своей не былъ златоносецъ, то въ старости тѣмъ болѣе желаетъ пребывать въ нищетѣ. Митрополитъ сталъ уговаривать преподобнаго, и наконецъ своими руками возложилъ крестъ на своего собесѣдника. Заставивъ согласиться на одно, Митрополитъ началъ стороной заговаривать о томъ, для чего онъ призвалъ его къ себѣ, но какъ только высказалъ ясно свою мысль, подтвердивъ ее тѣмъ, что того желаютъ и другіе, преподобный Сергій началъ отрекаться отъ

предложенія и въ заключеніе началъ просить Святителя не говорить ему объ этомъ, а тѣмъ болѣе никому иному, такъ какъ онъ себя считаетъ совершенно неспособнымъ къ исполненію обязанностей такого сана. Митрополитъ, видя его непреклонность, перересталъ объ этомъ ему говорить, боясь, чтобы Святой Сергій не отошелъ въ дальнія пустыни, для избавленія себя отъ подобныхъ требованій.[71] Преподобный Сергій, считая себя неспособнымъ занять Митрополичій престолъ, во время смуты церковной, являлся въ Россіи вполнѣ преемникомъ Митрополита Алексѣя: онъ благословилъ Великаго Князя на борьбу съ Мамаемъ, онъ же служилъ поддержкой всякаго праваго дѣла, и Митрополитъ Кипріанъ не находилъ никого, на кого бы могъ опереться въ Сѣверной Россіи, когда съ нимъ поступали до крайности несправедливо. Только преподобнаго Сергія послушалъ Олегъ Рязанскій, когда тотъ своими кроткими и тихими рѣчами и бесѣдой о пользѣ душевной, мирѣ и любви, привелъ его въ такое умиленіе, что онъ заключилъ миръ съ Дмитріемъ Ивановичемъ, миръ, на который прежде никто не могъ его склонить.

Если бы преподобный Сергій согласился на предложеніе Митрополита Алексѣя, то при согласіи на это Великаго Князя, поставленіе его на Митрополію было подобное, какъ и самого Алексѣя; но вышло иначе: стало выясняться, въ какое отношеніе къ Великому Князю стала церковная іерархія со времени переѣзда Митрополита Петра въ Москву; начиная отъ начальника до послѣдняго члена духовенства, все должно было становиться въ зависимость отъ свѣтской власти. За такими личностями, какъ Митрополитъ Алекѣй, эта зависимость не видна. онъ дѣйствуетъ самостоятельно и принудить его сдѣлать что нибудь, на что онъ не согласенъ, нельзя. Въ преемники Митрополита Алексѣя Дмитрій Ивановичъ думалъ утвердить своего любимца. Былъ въ Коломнѣ Священникъ Михаилъ, извѣстный подъ прозвищемъ Митяя: этотъ священникъ выдавался изъ среды своей братіи внѣшними и внутренними достоинствами. Высокій ростомъ, плечистый, съ большой окладистой бородой и краснымъ лицомъ, Митяй имѣлъ сильный, но пріятный голосъ,

71 Ст. Кн. ч. 1, стр. 464 — 465; Ник. Лѣт. ч. 4, стр. 63 — 64.

способности хорошо пѣть, говорить складно и пріятно; имѣлъ онъ страсть къ чтенію книгъ, и при хорошей памяти, способность въ разговорахъ излагать все читанное толково, ясно и завлекательно; зналъ онъ множество всякихъ древнихъ сказаній, во всѣхъ разсужденіяхъ духовныхъ и житейскихъ былъ изященъ и премудръ; а главное, онъ имѣлъ способность заниматься всякими дѣлами. Такія-то достоинства Митяя бросились въ глаза Великому Князю, и онъ постарался его перевести изъ Коломны въ Москву и сдѣлалъ его своимъ печатникомъ. Дмитрій Ивановичъ привязался къ Митяю и сдѣлалъ его своимъ духовнымъ отцомъ. Вельможи и всѣ придворные стали обращаться съ любимцемъ Великаго Князя съ великимъ почтеніемъ, многіе сдѣлались его духовными дѣтьми, и былъ Митяй въ великой славѣ и чести у всѣхъ, и такъ продолжалось долгое время. Умный попъ не выдержалъ такаго положенія: у него, какъ у выскочки, закружилась голова отъ счастія; честолюбіе, поддерживаемое лестію придворныхъ, разыгралось; не зналъ онъ, чѣмъ бы себя выставить изъ ряду своихъ, сталъ онъ величаться своимъ положеніемъ, завелъ у себя множество отроковъ и слугъ; никто не облачался какъ онъ въ такія дорогія ризы, которыя такъ и блистали на немъ, и при его видной и стройной фигурѣ увеличивали еще болѣе его красоту. Много было способностей у Митяя; но онъ имѣлъ еще одну самую выгодную способность: умѣлъ онъ уживаться съ людьми, и при своей общительности и умѣ заставлялъ любить себя всѣхъ, кто былъ ему нуженъ; но его гордость предъ прежними своими ровнями не имѣла предѣловъ. Великій Князь не зналъ, чѣмъ возвеличитв его: когда открылось вакантное мѣсто Архимандрита въ Спасскомъ монастырѣ (теперь Спасъ на Бору), онъ предложилъ его Митяю; Митяй не хотѣлъ промѣнять свое хорошее свѣтское положеніе на монашескій клобукъ, и отказался; но Великій Князь уговорилъ его, указывая въ будущемъ то, чего Митяй можетъ достигнуть, и чего нельзя получить, не бывши монахомъ: «самъ видишь», говорилъ Великій Князь со смиреніемъ Митяю, «что Митрополитъ Алексѣй старѣется, такъ ты будешь преемникомъ его, Митрополитомъ и Господиномъ всея Руси, такъ возложи же нынѣ иноческій образъ на себя, и будь Архимандритомъ въ Спасскомъ монастырѣ, а мнѣ отцомъ духовнымъ, какъ и прежде, и всѣ тебѣ будутъ

служить.» На такое завидное предложеніе Митяй согласился, не задумавшись. Призвали Чудовскаго Архитандрита; тотъ его постригъ, и былъ Митяй, какъ выражается лѣтописецъ, до обѣда попъ мірской, а потомъ инокъ, а послѣ обѣда Архимандритъ и начальникъ иноковъ. Это было въ 1376 году, вскорѣ должно быть послѣ того, какъ пріѣхалъ Митрополитъ Кипріанъ въ Москву. Великій Князь исполнилъ свое обѣщаніе: онъ сталъ просить Митрополита Алексѣя, чтобы онъ благословилъ Митяя быть послѣ себя Митрополитомъ. Но святитель зналъ Митяя, понималъ что̀ это за человѣкъ, и не захотѣлъ имѣть его своимъ преемникомъ; но отвѣчалъ на просьбы уклончиво, не желая рѣзкимъ отказомъ обидѣть Великаго Князя. Онъ приводилъ въ основаніе отказа правила Церкви и говорилъ такъ: «Архимандритъ Митяй еще новъ въ иночествѣ и слѣдуетъ ему искуситься въ немъ и облечься благими дѣлами и нравами; если Богъ восхочетъ этого, то и сотворитъ по немъ, я же на это теперь не согласенъ.» Но Великій Князь не оставилъ своей просьбы въ такомъ положеніи, часто самъ упрашивалъ Митрополита дать свое благословеніе Митяю, иногда же съ этою же просьбою посылалъ къ нему Владиміра Андреевича и своихъ бояръ. Но Святитель, осаждаемый неотступными просьбами, наконецъ отвѣчалъ: «принуждаютъ меня благословить его, но кого благословитъ Господь Богъ и Пречистая Богородица, Преосвященный Патріархъ и вселенскій соборъ, того и я благословляю».[72] На этомъ отказѣ, при жизни Митрополита Алексѣя, остановилось дѣло Митяя. Великій Князь только изъ уваженія къ Митрополиту замолчалъ теперь о дѣлѣ Митяя; но какъ только умеръ Святитель Алексѣй, дѣла пошли вполнѣ по волѣ его.

Таковы высказалъ притязанія Великій Князь относительно вліянія на избраніе Митрополита; но чтобы сказать, на какомъ правѣ онъ это высказывалъ и какія отношенія свѣтской власти къ духовной были въ настоящее время, онъ не говоритъ. Только изъ Константинополя вообще яснѣе указываютъ на права Великаго Князя во всѣхъ дѣлахъ: тамъ прямо говорятъ, что во вниманіе желаній Великаго Князя ставятъ Алексѣя въ Митрополиты;

---

72 Ник. лѣт. ч. 4, стр. 66 — 70.

требованія Ольгерда удовлетворяютъ по мѣрѣ возможности. Но Патріархъ, высказывая болѣе опредѣленныя понятія о власти Великаго Князя, чѣмъ тѣ, которыя существовали въ Россіи, старается приблизиться къ понятіямъ людей, которымъ онъ это говоритъ. Государственный характеръ церковной іерархіи вполнѣ выражается въ дѣятельности Митрополита Алексѣя: она стала на сторону зараждавшагося Государства, и когда послѣднее начало слагаться, а отсюда явилась борьба всѣхъ старыхъ началъ съ новыми, или противленіе соперниковъ, стремящихся къ той же цѣли, къ которой стремились въ Москвѣ, Глава Церкви Русской употребилъ всѣ средства, отъ него зависѣвшія, на поддержаніе первенства въ этомъ дѣлѣ Москвы. Но въ то время, когда Митрополитъ такъ много сдѣлалъ для Московскаго Княженія, Великій Князь началъ высказывать свои притязанія на вліяніе на тѣ части церковнаго устройства, которыя ему могли поддаться въ извѣстной степени, каковымъ являлось избраніе лицъ на Митрополичій престолъ. Но не изъ одного Константинополя указываютъ о мѣстѣ и значеніи Митрополита. Изъ Новгорода Кипріану отвѣчаютъ: «если приметъ тебя Великій Князь, то и намъ ты Митрополитъ». Въ Новгородѣ, гдѣ обычаемъ опредѣлилось отношеніе тамошняго Архіепископа, понимали, что тамъ, гдѣ находится представитель Россіи, Великій Князь, около него же долженъ находиться и представитель Русской Церкви, Митрополитъ, котораго Великій Князь долженъ принять. Но такъ какъ въ двухъ половинахъ Россіи слагается по Государству, то является борьба между ними изъ за того, гдѣ долженъ жить представитель всей Русской Церкви. Ольгердъ сначала желалъ бы, чтобы Митрополитъ всея Россіи жилъ у него, потомъ уже требуетъ, чтобы Патріархъ далъ отдѣльнаго Митрополита для его владѣній и владѣній его союзниковъ; но изъ Константинополя поставленіемъ Митрополита Кипріана для одной Литвы наталкиваютъ Литовскаго Великаго Князя на понятіе о настоящемъ отношеніи его власти къ церковной; но такъ какъ этѣ понятія въ Россіи еще не созрѣли, то, при поставленіи Кипріана въ Митрополиты, стараются поддержать старину.

Теперь посмотримъ на характеръ дѣятельности Митрополита Алексѣя. Здѣсь первое, что бросается въ глаза, это его осторож-

ность, обдуманность и выдержанность во всѣхъ поступкахъ. Откуда явились и развились въ немъ этѣ свойства? Отвѣтомъ на это является характеръ лицъ, среди которыхъ онъ воспитался и жилъ; онъ жилъ при Калитѣ, Симеонѣ Гордомъ; до того времени, какъ началъ дѣйствовать на политическомъ поприщѣ, былъ намѣстникомъ Митрополита Ѳеогноста, терся между посѣдѣлыми въ дѣлахъ Московскими боярами; онъ видѣлъ сдѣсь, что всѣ борются, играя различныя роли побѣдителей съ одними и побѣжденныхъ съ другими; обдумываютъ каждый шагъ, постоянно себя сдерживаютъ въ поступкахъ, узнаютъ хорошенько дѣла и вслѣдствіе этого почти вездѣ побѣждаютъ, но достигнувши побѣды, умѣютъ и воспользоваться ея плодами; удержать за собою плоды побѣды представляетъ не малую трудность: одинъ не осторожный шагъ и они пропали; страхъ предъ побѣдителемъ тоже пропалъ, а за тѣмъ слѣдуетъ то, что нужно, прежнее завоеванье, снова завоевывать. Но если приходилось такъ дѣйствовать, то учители Митрополита Алексѣя, при своей обдуманности, умѣли, гдѣ нужно, выставлять себя какъ слѣдуетъ и не ронять своего положенія; но они прежде чѣмъ говорить о своихъ притязаніяхъ, обыкновенно, для подтвержденія ихъ приготовляли средства, а потомъ уже требовали. Въ такой-то школѣ готовился Митрополитъ Алексѣй для политическаго поприща; въ школѣ, гдѣ съ одной стороны крайняя выдержанность, а съ другой не изсякаемая енергія къ дѣятельности, дѣятельности хладнокровной до того, что съ замѣчательнымъ равнодушіемъ переносится неудача а послѣ неудачи, такъ же хладнокровно принимаются за выполненіе прежде задуманнаго плана; но если достигаютъ побѣды, то никакой плачъ побѣжденнаго и вопль ограбленнаго собственника не могутъ разбудить этого хладнокровія. Явившись въ этой школѣ ученикомъ, Митрополитъ Алексѣй успѣлъ сдѣлаться и учителемъ въ ней, для будущихъ поколѣній; выдержанность въ немъ была доведена до совершенства, ничѣмъ кажется нельзя было раздражить его; гдѣ ему встрѣчаются препятствія, онъ не горячится, выжидаетъ, подходитъ къ дѣлу со всѣхъ сторонъ, и отыскавши средство къ побѣдѣ, употребляетъ его осторожно, чтобы еще больше не запутать дѣла. Этѣхъ-то свойствъ не доставало у одного изъ его преемниковъ, Патріарха Никона. Послѣдній, не будучи воспитанъ въ такой школѣ, какъ Алексѣй, видитъ всюду себѣ

воображаемыхъ враговъ и нападаетъ на нихъ и дѣйствительно приготовляетъ ихъ; онъ даже въ ссылкѣ не хочетъ отказаться отъ идеи своей власти, и по этому не пользуется ею. Митрополитъ Алексѣй, когда увидалъ, что его время прошло, отодвинулся на второй планъ, оставивъ за собой власть, которая ему дѣйствительно принадлежала, и въ этой-то сферѣ никто не смѣлъ къ къ нему подступиться и поставить какое либо требованіе, кромѣ просьбы.

Пересчитавъ всѣ свойства школы, въ которой Митрополитъ Алексѣй является ученикомъ и учителемъ, мы не упомянули одного, а именно: что дѣйствующіе въ ней никогда не отрывались отъ дѣйствительной почвы, на которой стояли и не увлекались никакими выспренними планами. Конечно, прозаичность окружающаго не давала средствъ для плановъ въ родѣ крестовыхъ походовъ или т. п., но за то, что требовала дѣйствительность дѣлать, дѣлали. Самое благородное и высокое занятіе, кромѣ политической дѣятельности и исполненія своихъ обязанностей, являлось для Русскаго Святителя ученое поприще, и съ этой стороны Митрополитъ Алексѣй заявилъ себя, какъ человѣка замѣчательнаго. Кромѣ ума, школы и сознанія своего положенія, Святителю Алексѣю, какъ Митрополиту, необходимо было образованіе Въ его время, когда всѣ добивались цѣли своей дѣятельности, посредствомъ хитростей, войны, а при случаѣ обмана и т. п. и развивали свой умъ въ постоянныхъ занятіяхъ дѣлами, въ такомъ обществѣ трудно было сдѣлаться человѣкомъ образованнымъ. Изъ посланій же Митрополита Алексѣя мы можемъ видѣть, кромѣ умѣнья точно и ясно высказывать свои мысли, но и подтверждать свои положенія текстами изъ Священнаго Писанія и Твореній Святыхъ Отцевъ, что дѣлается съ замѣчательнымъ мастерствомъ, обличающимъ навыкъ въ дѣлѣ; а все это можетъ дать намекъ, что авторъ ихъ былъ не только начетчикъ книгъ, но человѣкъ довольно ученый. Но кромѣ посланій, до насъ дошло отъ Митрополита Алексѣя собственноручно имъ писанное Евангеліе, находящееся въ Чудовомъ монастырѣ.[73] Это Евангеліе есть не

[73] Описаніе внѣшности Евангелія См. Памят. Москов. Древ. Снегирева, стр. 142 – 143; о переводѣ см. Учен. Записки 2. Отд. Акад. Наукъ кн. 3, въ Обзорѣ Духов. Литер. Преосв. Филарета, подъ N 70.

только списокъ со старыхъ списковъ, но есть новый переводъ съ Греческихъ лучшихъ списковъ, съ исправленіемъ ошибокъ, прежде вкравшихся; переводъ, выказывающій въ переводчикѣ знаніе дѣла. Этотъ ученый трудъ Митрополита Алексѣя служилъ при исправленіи книгъ въ XVII столѣтіи. Эту ученость Митрополитъ Алексѣй могъ пріобрѣсть въ то время, когда былъ простымъ монахомъ Богоявленскаго Монастыря, и развить въ бесѣдахъ и подъ руководствомъ Митрополита Θеогноста,[74] великаго наставника.» Въ этѣхъ двухъ мѣстахъ онъ могъ свои способности развить въ умственныхъ трудахъ, а два путешествія въ Константинополь еще болѣе могли дать средства для его ученыхъ занятій.

Разсмотрѣвши всю дѣятельность Митрополита Алексѣя и зная всѣ средства, съ помощію которыхъ онъ дѣйствовалъ, можно судить объ немъ. О пользѣ, принесенной имъ для образованія Московскаго Государства, нечего говорить, она сама собою видна: онъ, въ продолженіи своего правленія Московскимъ Великимъ Княженіемъ, вмѣстѣ съ Московскими боярами, вполнѣ оправдалъ надежды Симеона Ивановича. Но что же сказать на тѣ обвиненія враговъ его, обвиненія, не кончившіяся даже и по его смерти? Самое рѣзкое обвиненіе, бросающееся въ глаза, это слова Ольгерда: «до нынѣ не бывало такого Митрополита: благословляетъ Москвитянъ на пролитіе крови.» Но Ольгердъ, сказавъ эти слова, не указалъ примѣра, когда Святитель благословлялъ на пролитіе крови, между тѣмъ какъ остальныя обиды свои онъ пересчитываетъ по именамъ: можетъ ли умный, ученый и притомъ Христіянинъ сочувствовать войнѣ? Въ то время, когда для рѣшенія дѣла прибѣгаютъ къ войнѣ, такой человѣкъ конечно пожелаетъ успѣха своимъ, но наврядъ ли будетъ онъ возбуждать ихъ къ этому. Проклятія же, которыя сыпалъ грозный Митрополитъ на всѣ стороны, прямо указываютъ на то, что онъ именно тѣмъ хотѣлъ остановить враговъ Московскаго Княженія, защитникомъ котораго онъ сдѣлался не по своему желанію, а къ тому привели предшествовавшія обстоятельства. Но во всякомъ случаѣ, какъ бы ни сильны были обвиненія, на него возводимыя, мы, зная пользу, которую онъ принесъ потомкамъ, да при

[74] Ст. Кн. ч. 1 стр. 443.

томъ и то уваженіе самихъ враговъ къ его личности, чему явилъ примѣръ Нижегородскій Князь Борисъ Константиновичъ, наконецъ прямоту его дѣйствій, въ которыхъ онъ не прибѣгалъ ни къ какимъ особеннымъ изворотамъ, мы не можемъ не произнесть, что онъ, не только какъ человѣкъ, но и какъ политическій дѣятель, является довольно чистою личностію въ то темное время.

Но если при жизни Митрополита Алексѣя жаловались на него, то и по смерти не оставили его въ покоѣ. При окончаніи Церковной смуты, бывшей по смерти Митрополита Алексѣя, въ Константинополѣ прямо рѣшили, что главный виновникъ ея — это онъ, давно умершій; тамъ обо всей его дѣятельности писали слѣдующимъ образомъ: «Когда Епископъ Владимірскій Алексѣй получилъ власть Митрополичью, то не ко всѣмъ Князьямъ былъ въ одинаковыхъ отношеніяхъ, но отъ однихъ удалялся, а къ другимъ благоволилъ. Когда Великій Князь Иванъ Московскій, умирая, назначилъ его опекуномъ своего сына Дмитрія, Митрополитъ только и пекся о немъ, и вмѣсто того, чтобы заботиться о мирѣ и единодушіи всѣхъ, онъ, получивъ свѣтскую власть, занимался войнами, битвами и оставилъ совершенно безъ попеченія Епархіи, находящіяся во владѣніяхъ Литовскихъ, и вслѣдствіе этого произошли схизмы, войны и кровопролитія между всѣми Князьями — и всему этому онъ виновникъ. Патріархъ, узнавъ объ этомъ, писалъ ко всѣмъ въ Россіи, чтобы примирились, уговаривая Митрополита и Князей. Князья готовы были мириться, но Митрополитъ, учитель міра и беззлобія, не только не воспользовался внушеніями Патріарха, но совершенно отклонилъ миръ. Патріархъ послѣ этого для примиренія послалъ монаха Кипріана, чтобъ онъ примирилъ Митрополита съ Князьями, но все было тщетно: Митрополитъ считалъ Патріаршія внушенія и его посла враждебными для себя и отклонился отъ примиренія. Послѣ этого Патріархъ получилъ письма отъ Князей, требовавшихъ себѣ другаго Митрополита. Патріархъ и послѣ этого совѣтовалъ Митрополиту примириться; но тотъ и слушать не хотѣлъ и даже на письма Патріарха не отвѣчалъ. Вознегодовавшіе Князья требовали послѣ этого отъ Патріарха другаго Архіерея, грозя въ противномъ случаѣ перейти къ другой Церкви. Что было дѣлать въ этомъ случаѣ Святѣйшему Патріарху: раздѣлить ли Митрополію Россіи

между двумя Митрополитами, или оставить народъ безъ Архіерея и благословенія? Поэтому вышеупомянутый Кипріанъ былъ рукоположенъ въ Митрополиты Кіева, Россіи и Литвы и чтобъ послѣ смерти Алексѣя онъ былъ Митрополитомъ всей Россіи.» [75] Нечего говорить о томъ, откуда шли подобныя обвиненія: изъ Константинополя, отъ людей, которые при жизни Митрополита Алексѣя готовы были лизать прахъ отъ ногъ его, а по смерти во всѣхъ дѣлахъ стали винить его, бросать въ него грязью, зная, что мертвые не мстятъ за подобныя дѣла. Изъ Константинополя. отъ Константинопольской церковной іерархіи шли подобныя обвиненія Русской церковной іерархіи, тогда какъ послѣдняя взята отъ нихъ же, гдѣ власть верховнаго іерарха Церкви сосредоточена и надъ его подчиненными ни чѣмъ не ограничена; изъ Константинополя шла поддержка и теперь этой власти. Такимъ образомъ, если Митрополитъ дѣлалъ то, на что имѣлъ право, въ чемъ ему помогала власть Вселенскаго Патріарха, такъ тѣмъ болѣе этотъ Патріархъ не долженъ бы и заикаться на произнесеніе какихъ бы то ни было обвиненій. Нѣтъ, въ Константинополѣ было досадно всѣмъ, что они были ни болѣе, ни менѣе какъ игрушками въ рукахъ великаго человѣка, который заставлялъ ихъ дѣлать то, чего хотѣлъ, а дѣлалъ онъ великое дѣло: онъ закладывалъ фундаментъ для сооруженія зданія, которое теперь мы называемъ Россійскою Имперіею.

Но теперь для насъ также важенъ и тотъ вопросъ: по чему Митрополитъ дѣйствовалъ такъ? На это, кажется, можно отвѣтить коротко: Государство слагалось въ Москвѣ, сюда притекали всѣ необходимые элементы для его образованія и тянули за собою другіе: церковная іерархія, какъ составная часть его, первая къ нему пришла на помощь; но такъ какъ она, изъ всѣхъ составныхъ частей Государства, была въ Россіи единственнымъ учрежденіемъ, которое уже вполнѣ было готово занять свое мѣсто въ немъ, какъ вполнѣ развившееся, то это учрежденіе и напрягло всѣ силы на помощь развитія остальныхъ частей. При такомъ напряженномъ состояніи общества и стремленіи его къ извѣстной цѣли, явилась борьба во многихъ мѣстахъ и лицахъ, которыя не хотѣли не

---

[75] Acta Patriar. Const. томъ 2 стр. 117 — 121.

только помогать, и войти въ составъ будущаго Государства, но еще старались разрушить все сдѣланное для этого; то въ томъ же созрѣвшемъ Государственномъ учрежденіи явился и человѣкъ, во главѣ его, окруженный помощниками, который, въ самое неблагопріятное время для Московскаго Княженія, вынесъ его на своихъ плечахъ и потомъ сдалъ его въ руки тѣхъ, которымъ должно принадлежать главное завѣдываніе всѣмъ дѣломъ.

12 Февраля 1378 года скончался Святитель Алексѣй. Въ завѣщаніи, оставшемся послѣ него, онъ выказалъ себя еще съ двухъ сторонъ: какъ Святитель, онъ, говоря о себѣ, показываетъ крайнее смиреніе: «я смиренный, грѣшный рабъ Божій Алексѣй, пишу душевную грамоту цѣлымъ умомъ,» говоритъ о себѣ страшный для всѣхъ своихъ современниковъ, великій Святитель. Распорядившись своимъ имуществомъ, которое онъ все завѣщалъ основанной имъ обители Святаго Михаила, въ заключеніи проситъ Великаго Князя заботиться объ исполненіи его завѣщанія и береженіи монастыря. Перечетъ имуществъ и способъ ихъ пріобрѣтенія показываютъ намъ, что Митрополитъ Алексѣй, кромѣ всѣхъ другихъ свойствъ вышеисчисленныхъ, былъ еще хорошій хозяинъ, какъ и многіе изъ его преемниковъ.[76] Авторъ его житія описываетъ кончину и погребеніе Святителя слѣдующимъ образомъ. Въ старости глубокой и сѣдинѣ почтенной, почувствовавъ приближеніе смерти, Святитель призвалъ сына своего, Великаго Князя Дмитрія Ивановича, сдѣлавъ ему наставленіе словами духовными о всякомъ благочиніи, въ заключеніе сказалъ: «сынъ мой! я отхожу отъ житія сего, оставляю тебѣ милость отъ Бога, миръ и благословеніе, такъ же и сыну твоему благовѣрному Князю Василію и всему сѣмени твоему до вѣка.» Послѣ этого Святитель завѣщалъ, да не погребаютъ его въ церкви, но внѣ церкви за алтаремъ, гдѣ и мѣсто указалъ, великаго ради конечнаго смиреномудрія. За симъ Святитель совершилъ литургію и причастился Святыхъ Тайнъ и сталъ молиться о Великомъ Князѣ, чадахъ его, о всѣхъ Князьяхъ благовѣрныхъ, боярахъ, воинствѣ Русскомъ и о всѣхъ православныхъ; простившись со всѣми, бывшими у него, и давъ имъ послѣднее цѣлованіе, началъ творить

---

[76] Завѣщаніе см. Пам. Москов. Древн. Снегирева, стр. 142—143.

молитву объ исхожденіи своей души, и еще молитва была на устахъ его, какъ душа уже разсталась съ тѣломъ. Это было въ пятницу, во время заутренней молитвы. Когда услышано было о преставленіи Святителя, то начали стекаться отвсюду Князья, вельможи, Епископы, иноки и множество народу. Великій Князь Димитрій Ивановичъ, Владиміръ Андреевичъ и многіе, знавшіе покойнаго, скорбѣли о потерѣ такого добраго пастыря и учителя. Вспомнилъ тутъ Димитрій Ивановичъ, что завѣщалъ Святитель, чтобы погребли его внѣ церкви и разсудилъ съ Епископами, что такое завѣщаніе сдѣлано ради смиренія, по этому рѣшили положить его тѣло не внѣ, а внутри церкви. Сдѣлавъ такое рѣшеніе, они, положивъ тѣло Святителя на одрѣ, понесли его въ обитель, имъ созданую и погребли тамъ въ церкви Святаго Архистратига Михаила. Епископы, Пресвитеры и весь народъ, какъ осиротѣвшіе дѣти, проливая слезы, шли за гробомъ. При этомъ авторъ житія Митрополита Алексѣя влагаетъ въ уста народа слѣдующія слова: «увы намъ, потерявшимъ такого наставника душамъ и тѣлу нашимъ, и всегдашняго поборника и промыслителя по насъ и нашего питателя. Но, о Святитель Божій! дорогой нашъ учитель! Ты всегда насъ питалъ пищею не погибельною и съ благоразумнымъ наказаніемъ, и нынѣ не забудь насъ, рабовъ своихъ, но помяни насъ въ святыхъ своихъ молитвахъ; по тому что знаемъ мы, что великое дерзновеніе всегда имѣешь къ Богу.» Этѣми же словами, что Святитель училъ паству свою ученію не погибельному и правилъ ею съ благоразумнымъ наказаніемъ, и мы, сознавая вѣрность этѣхъ словъ, заканчиваемъ свой разсказъ о жизни и дѣятельности Митрополита Алексѣя.[77]

---

[77] О преставленіи и погребеніи Митрополита Алексѣя см. Ст. Кн. ч. 1 стр. 466.

II

МАТЕРІЯЛЫ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ

ЗАПИСКИ

АЛЕКСѢЯ ПЕТРОВИЧА ЕРМОЛОВА.

СЪ ПРИЛОЖЕНІЯМИ.

ИЗДАНІЕ

Н. П. Ермолова.

ЧАСТЬ I.

1801—1812 г.

Приступая къ изданію, переданныхъ мнѣ покойнымъ дядей моимъ, Алексѣемъ Петровичемъ Ермоловымъ, Записокъ его и разныхъ бумагъ, считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ, какъ о тѣхъ, такъ и о другихъ Алексѣй Петровичъ составлялъ свои воспоминанія не для печати, и только въ послѣдній годъ своей жизни, уступая просьбѣ нѣкоторыхъ своихъ знакомыхъ, приступилъ къ пересмотру Записокъ о 1812 годѣ, съ тѣмъ, чтобы однѣ онѣ были изданы послѣ его смерти. Онъ хотѣлъ исправить ихъ и сдѣлать къ нимъ приложенія, но продолжительная болѣзнь, отъ которой онъ и умеръ, помѣшала ему привести въ исполненіе это намѣреніе.

Въ настоящемъ изданіи напечатаны не только этѣ Записки, но и всѣ, которыя были написаны Алексѣемъ Петровичемъ, такъ какъ большая часть ихъ уже сдѣлалась извѣстною публикѣ по текстамъ невѣрнымъ и въ отрывкахъ. Изданіе это сдѣлано со списковъ, составленныхъ вполнѣ рукою покойнаго, единственныхъ, имъ признаваемыхъ за вѣрные. *

---

* При жизни Алексѣя Петровича ходили по рукамъ три, между собою несходныхъ, списка Записокъ о войнѣ 1812 года, подлинность которыхъ онъ не признавалъ.

Въ приложеніяхъ помѣщены различные документы, не исключая и тѣхъ, которые не прямо относятся къ тексту Записокъ, и которые оставлены, какъ матеріялы историческіе и біографическіе. Между этими документами, подлинными и современными, не многіе въ бумагахъ Алексѣя Петровича находятся въ копіяхъ позднѣйшаго времени: каждый изъ таковыхъ обозначенъ въ примѣчаніи.

Н. ЕРМОЛОВЪ.

ЗАПИСКИ

АРТИЛЛЕРІИ ПОЛКОВНИКА ЕРМОЛОВА,

СЪ ОБЪЯСНЕНІЕМЪ, ПО БОЛЬШЕЙ ЧАСТИ, ТѢХЪ СЛУЧАЕВЪ,

ВЪ КОТОРЫХЪ ОНЪ НАХОДИЛСЯ,

И ВОЕННЫХЪ ПРОИСШЕСТВІЙ ТОГО ВРЕМЕНИ.

ЗАПИСКИ
АРТИЛЛЕРІИ ПОЛКОВНИКА ЕРМОЛОВА.

Исполнилось желаніе Россіи! Взошедъ на престолъ нынѣ царствующій Императоръ, прекратились четырехлѣтнія ея страданія!

At vos incertam, mortales, funeris horam
Quaeritis, et qua sit mors aditura via.

Propertius.

Со смертію Императора Павла I-го множество несчаст- 1801.
ныхъ увидѣли конецъ бѣдствій, въ числѣ коихъ и я получилъ свободу. По справедливости, время сіе могу я назвать возрожденіемъ, ибо на 21 году жизни содержался я подъ карауломъ, какъ преступникъ; найденъ невиннымъ и обращенъ, по Именному повелѣнію, на службу; взятъ, менѣе нежели чрезъ двѣ недѣли, вторично; исключенъ изъ списковъ, какъ умершій; заключенъ въ С.-Петербургскую крѣпость, и въ послѣдствіи отправленъ въ ссылку, въ Костромскую Губернію, гдѣ Начальствомъ объявлено мнѣ вѣчное пребываніе. Всемогущій, во благости своей, Царямъ міра, равно какъ и намъ, положилъ предѣлъ жизни, и мнѣ суждено воспользоваться свободою. Радость заставила во мнѣ молчать всѣ другія чувства; одна была мысль: посвятить жизнь на службу Государю, и усердію моему едва ли могло быть равное. Я пріѣзжаю въ Петербургъ, около двухъ мѣсяцевъ ежедневно скитаюсь въ Военной Коллегіи, наскучивъ всему міру Секретарей и писцовъ. Наконецъ до-

1801. кладъ обо мнѣ вносится Государю, и я принятъ въ службу. Мнѣ отказанъ чинъ, хотя принадлежащій мнѣ по справедливости; отказано старшинство въ чинѣ, конечно, не съ большею основательностію. Президентъ Военной Коллегіи, Генералъ Ламбъ, весьма уважаемый Государемъ, при всемъ желаніи, ничего не могъ сдѣлать въ мою пользу. Съ трудомъ получилъ я роту конной артиллеріи, которую колебались мнѣ повѣрить, какъ неизвѣстному офицеру между людьми новой категоріи. Я имѣлъ за прежнюю службу Георгіевскій и Владимірскій ордена, употребленъ былъ въ войнѣ въ Польшѣ и противъ Персіянъ, находился въ концѣ 1795 года при Австрійской арміи въ приморскихъ Альпахъ. Но сіе ни къ чему мнѣ не послужило; ибо неизвѣстенъ я былъ въ экзерциргаузахъ, чуждъ Смоленскаго поля, которое было школою многихъ знаменитыхъ людей нашего времени.

Я пріѣзжаю въ Вильну, гдѣ расположена моя рота. Людей множество, городъ пріятный; отовсюду стекаются убѣгавшіе прежняго правленія насладиться кроткимъ царствованіемъ Александра I-го; всѣ благословляютъ имя его, и любви къ нему нѣтъ предѣловъ! Весело идетъ жизнь моя, служба льститъ честолюбіе и составляетъ главнѣйшее мое упражненіе; всѣ страсти покорены ей! Мнѣ 24 года; исполненъ усердія и доброй воли, здоровье всему
1802. противостоящее! Недостаетъ войны. Счастье нѣкогда мнѣ благопріятствовало!

1803. Мирное время продлило пребываніе мое въ Вильнѣ до конца 1804 года. Праздность дала мѣсто нѣкоторымъ наклонностямъ, и вашу, прелестныя женщины, испыталъ я очаровательную силу; вамъ обязанъ многими въ жизни пріятными минутами!

1804. Я получилъ повелѣніе выступить изъ Вильны. Неблагосклонное начальство меня преслѣдовало, и въ короткое время мнѣ назначены квартиры въ Либавѣ, Виндавѣ, Биржѣ, Гроднѣ и Кременцѣ на Волыни; я веду жизнь кочевую, и долженъ былъ употребить всѣ способы, которые дала мнѣ служба, при моей воздержности и бережливости.

У меня рота въ хорошемъ порядкѣ, офицеры отличные, и я любимъ ими, и по тому все казалось мнѣ сноснымъ, и служба единственное было благо. 1804.

Проходя изъ мѣстечка Биржи, Инспекторъ всей артиллеріи, Графъ Аракчеевъ, дѣлалъ въ Вильнѣ смотръ моей роты, и я, неблагоразумно и дерзко, возразя на одно изъ его замѣчаній, умножилъ неблаговоленіе могущественнаго начальника, что и чувствовалъ въ послѣдствіи. За годъ до того рапортомъ, чрезъ частнаго Инспектора, просилъ я увольненія въ отставку, и чтобы воспользоваться оною за четыре мѣсяца до узаконеннаго времени, я предлагалъ отставить Маіоромъ, хотя почти уже семь лѣтъ находился въ чинѣ Подполковника. Я думаю, что подобной просьбы не бывало и, кажется, надлежало справиться о состояніи моего здоровья! 1805.

Война противъ Французовъ въ Австріи.

Спокойное Россіи состояніе прервано было участіемъ въ войнѣ Австріи противъ Французовъ. Съ 1799 года, знаменитаго блистательными побѣдами Суворова въ Италіи, уклонялась она отъ всѣхъ войнъ, бурнымъ правительствомъ Франціи порожденныхъ. Двинулись арміи наши противъ нарушителей общаго спокойствія. Въ помощь Австріи пошелъ Генералъ Голенищевъ-Кутузовъ; армія его должна была состоять изъ 50 т. человѣкъ. Войска подъ начальствомъ Генерала Михельсена вошли въ области Польскія, пріобрѣтенныя Пруссіею. Отрядъ войскъ, въ командѣ Генералъ-Лейтенанта Графа Толстаго, отправленъ въ Ганноверъ; Пруссія должна была намъ содѣйствовать.

Генералу Кутузову назначено было соединиться съ Австрійскою арміею, расположенною въ Баваріи, подъ предводительствомъ Генерала Мака.

Австрія, въ надеждѣ на дружественное расположеніе Курфирста Баварскаго, и обольщенная имъ, заложила знатные магазины въ его владѣніяхъ, предпринимая вынести войну сколь возможно далѣе отъ областей своихъ. Эрцгерцогъ Карлъ съ другою арміею находился въ Италіи. Ожидаема была наша армія, и военныя дѣйствія не начинались.

1805. Генералъ Кутузовъ находился еще въ Петербургѣ, а Генералъ-Адъютанту Барону Винценгероде поручено было армію его ввести въ Австрію и сдѣлать съ оною всѣ нужныя условія, касательно перехода войскъ. По новому вещей порядку Генералы старшіе чинами должны были ему повиноваться, чего достаточно уже было, чтобы посѣять неудовольствіе; но Генералъ Винценгероде умѣлъ прибавить къ тому надменность и дерзкое обращеніе, и негодованіе сдѣлалось общимъ. Солдаты роптали за то, что когда полки были въ движеніи, онъ приказалъ обозы обратить въ квартиры, продать излишнее имущество солдатъ и уничтожить артели. Все было продано за безцѣнокъ и безъ вѣдома солдатъ. Весьма рѣдки примѣры, чтобы между Нѣмцами братья родные жили безъ строгихъ разсчетовъ, и по тому не удивительно, что Баронъ Винценгероде не имѣлъ понятія объ артеляхъ. Подобныя распоряженія, по счастію, вскорѣ прекращены были прибытіемъ Генерала Кутузова, и радость войскъ изобразить не возможно!

Пришедши съ моею ротою къ Радзивилову, я уже не засталъ арміи, и догонялъ ее ускоренными маршами; по чему, ѣхавшему изъ Петербурга Генералу Кутузову попался я на дорогѣ, и онъ, осмотрѣвъ роту, два уже мѣсяца находившуюся въ движеніи, одобрилъ хорошій за нею присмотръ, ободрилъ привѣтствіемъ офицеровъ и солдатъ, распросилъ о прежней моей службѣ и удивился, что, имѣвши два знака отличія временъ Екатерины, я имѣлъ только чинъ Подполковника, при быстрыхъ производствахъ прошедшаго царствованія. Онъ, сказавъ мнѣ, что будетъ имѣть меня на замѣчаніи, приказалъ поспѣшить въ соединеніе съ арміею.

Между тѣмъ войска наши проходили Австрійскую Галицію въ полномъ избыткѣ, въ порядкѣ совершеннѣйшемъ, и уже не въ дальнемъ были разстояніи отъ Браунау.

По распоряженію Главнокомандующаго, отпущено было въ войска большое число подводъ и учреждены станціи для перемѣны оныхъ другими. Войска въ каждый день

дѣлали удвоенный переходъ, ибо половина пѣхоты попере- 1805.
мѣнно садилась на подводы, артиллерія половину пути дѣлала на обывательскихъ лошадяхъ. Армія слѣдовала пятью колоннами, въ одномъ маршѣ разстоянія между собою.

Такимъ образомъ армія наша собралась въ окрестностяхъ Браунау, и въ семъ городѣ учредилась главная квартира; авангардъ былъ въ Баваріи на 13 часовъ пути.

Извѣстно было, что собирается Французская армія, и уже не весьма въ далекомъ разстояніи отъ Австрійской, по чему войска наши получили маршруты до Ульма, и мы готовились къ выступленію.

Генералу Кутузову представляютъ немолодаго человѣка, имѣющаго сообщить ему важное извѣстіе. Могъ ли ожидать Г. Кутузовъ, что то былъ самъ Генералъ Макъ, съ извѣстіемъ о совершеннѣйшемъ уничтоженіи арміи, бывшей подъ его начальствомъ?

Наполеонъ напалъ на Австрійскую армію при Ульмѣ. Генералъ Макъ, худо извѣщенный о движеніяхъ непріятеля, не довольно былъ осторожнымъ, войска его были разбросаны и собраться не успѣли. Внезапная атака такое произвела замѣшательство, что армія довольно многочисленная, въ хорошемъ весьма состояніи, вся по частямъ и почти безъ сопротивленія разбита была совершенно и большею частію досталась въ плѣнъ; взята вся артиллерія и всѣ обозы. Спаслись отъ пораженія небольшія части войскъ подъ начальствомъ Эрцгерцога Фердинанда, Генераловъ Кинмейера и Мерфельда. Не избѣжалъ плѣна и самъ Генералъ Макъ; но давши реверсъ не служить противъ Французовъ, онъ получилъ увольненіе и за паспортомъ ихъ отправился въ свои помѣстья. Перевязанная бѣлымъ платкомъ голова его давала подозрѣніе, что главнаго подвига сохраняетъ онъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторую память. Но онъ успокоилъ на счетъ опасности, объяснивъ, что отъ неловкости почталіона онъ болѣе потерпѣлъ, нежели отъ непріятеля. Въ дорогѣ опрокинута была его карета, и онъ

1805. ударился головою, такъ, однако же, счастливо, что она сохранена на услуги любезному Отечеству.

Генералъ Макъ въ штабъ-офицерскихъ чинахъ замѣченъ былъ предпріимчивымъ и храбрымъ въ войнѣ противъ Турокъ подъ Бѣлградомъ, и съ того времени, сдѣлавшись извѣстнымъ, нашелъ онъ у Двора сильное покровительство и ко всѣмъ въ послѣдствіи по службѣ назначеніямъ проложилъ путь интригами. По его нелѣпымъ планамъ предпринята кампанія противъ Французской Республики, въ Бельгіи, подъ начальствомъ Принца Кобургскаго. Онъ пользовался особеннымъ благоволеніемъ Императрицы, первой жены Франциска II-го.

Узнавши всѣ подробности происшествія, Генералъ Кутузовъ, поблагодаря Г. Мака за извѣстіе, съ нимъ разстался. Кажется, никому лучше нельзя было повѣрить въ семъ случаѣ.

Генералъ Макъ и то заслужилъ удивленіе, что скоростію путешествія своего предупредилъ и самую молву. Австрійская армія не имѣла на сей разъ расторопнѣйшаго бѣглеца.

Генералъ Кутузовъ нашелся въ необходимости перемѣнить сдѣланныя имъ распоряженія, и положеніе его часъ отъ часу дѣлалось затруднительнѣе. Непріятель шелъ съ большою скоростію и уже не въ далекомъ находился разстояніи. Быстрое отступленіе было единственнымъ средствомъ, но съ нами была вся тяжелая артиллерія, госпитали и обозы. Дабы сколь возможно облегчить войска при отступленіи, приказано всѣ тягости отправить обратно; но Г. Кутузовъ съ войсками оставался въ Браунау, ожидая присоединенія Австрійскихъ войскъ, спасшихся отъ пораженія при Ульмѣ.

Ретирада изъ Баваріи.

Наконецъ вышли мы изъ Браунау, и началось знаменитое отступленіе, которому и самъ непріятель не отказалъ удивленія.

Глубокое осеннее время и безпрерывные дожди до такой степени разрушили дороги, что войска на третьемъ

переходѣ отъ Браунау догнали всѣ отправленныя впередъ 1805.
тягости, и по необходимости умедлилась скорость движенія.

Войска нашей арміи состояли изъ 27 тыс. человѣкъ, ибо кавалеріи большая часть оставалась назади, по причинѣ скораго движенія къ Браунау, и сильная колонна Генералъ-Лейтенанта Шепелева, возвращенная съ походу въ Россію, хотя въ послѣдствіи поступила вновь въ составъ арміи, но еще не присоединилась къ оной.

Въ городѣ Ламбахѣ армія остановилась одинъ день, дабы тягостямъ дать время удалиться. Здѣсь достигъ насъ авангардъ непріятельскій, и мы, въ царствованіе Александра I, въ первый разъ сразились съ Французами. Мы занимали выгодное мѣстоположеніе, войска нашего арріергарда противостали съ наилучшимъ духомъ, потеря была незначительна; отличился 8-й егерскій полкъ, коего начальникъ, Полковникъ Графъ Головкинъ, умеръ отъ полученной раны. Потеряно одно орудіе конно-артиллерійской роты Полковника Игнатьева, подъ которымъ лопнула ось отъ излишней экономіи въ коломази. Начальство точной причины не узнало, а Полковникъ Игнатьевъ въ донесеніи своемъ разсудилъ за благо подбить его непріятельскимъ выстрѣломъ. Авангардъ Французскій былъ не въ большихъ силахъ, ибо войска, не имѣвши продовольствія, разбросались по дорогѣ и производили грабежъ.

При отступленіи отъ Ламбаха войскамъ нашимъ дано слѣдующее распредѣленіе:

Арріергардъ остался въ командѣ Генералъ-Маіора Князя Багратіона.

Подъ начальствомъ Генералъ-Маіора Милорадовича состоялъ отрядъ, наименованный отдѣльной бригадою, которая, назначена будучи въ подкрѣпленіе арріергарду, должна была находиться по близости отъ онаго.

Прочія войска раздѣлены были на двѣ дивизіи и подчинены Генералъ-Лейтенантамъ Дохтурову и Мальтицу.

Конная моя рота и еще двѣ пѣшей артиллеріи въ моей командѣ, не принадлежа ни какой части войскъ,

1805. остались въ особенномъ распоряженіи Главнокомандующаго, какъ резервъ артиллеріи. Сіе особенное благоволеніе, привязывая меня къ Главной Квартирѣ, дѣлало последнимъ участникомъ при раздачѣ продовольствія людямъ и лошадямъ, и тогда какъ способы вообще были для всѣхъ недостаточны и затруднительны, а мнѣ почасту и вовсе были отказываемы, то, побуждаемый голодомъ, просилъ я о присоединеніи моей команды къ которымъ ни будь изъ войскъ. Мнѣ въ семъ было отказано. Австрійскій Генералъ Кинмейеръ, не имѣя при войскахъ конной артиллеріи, просилъ о присоединеніи къ онымъ моей роты, и я долженъ признаться, что совсѣмъ не жалѣлъ, когда Главнокомандующій не изъявилъ на то согласія, ибо лучше хотѣлъ я терпѣть вмѣстѣ съ товарищами.

Въ слѣдованіи отъ Ламбаха жители Зальцбурга, бѣжавшіе отъ Французовъ, извѣстили, что они, занявъ городъ, пошли поспѣшно далѣе по направленію къ Вѣнѣ. Непріятель долженъ былъ знать о нашей малочисленности и что нигдѣ не встрѣтитъ сопротивленія Австрійцевъ, чтобы, ослабляя себя, взять подобное направленіе. До города Вельса арріергардъ нашъ имѣлъ безпрерывныя, но весьма неважныя, перестрѣлки, которыя всегда начинались по прошествіи нѣсколькихъ часовъ дня; ибо, дѣлая въ ночное время переходы, мы далеко за собою оставляли непріятеля. Такимъ образомъ сокращали мы перестрѣлки, которыя, по малому количеству войскъ нашихъ, производили чувствительную потерю.

Далѣе, продолжая отступленіе чрезъ городъ Линцъ, нашли мы, при мѣстечкѣ Эберсбергъ, удобную къ оборонѣ позицію, прикрытую быстрою рѣкою Траунъ, и арміи данъ одинъ день отдохновенія.

Въ Эберсбергѣ случилось странное происшествіе: расположенные на передовыхъ постахъ кавалерійскіе отряды, которымъ приказано было отступать за рѣку, когда переправятся всѣ тягости, наскучивъ продолжительнымъ ихъ движеніемъ, распустили слухъ, что близко непріятель и готовъ ударить на мостъ. Вдругъ сдѣлалось величай-

шее замѣшательство: бросились въ безпорядкѣ обозы, многіе въ поспѣшности упали съ мѣста, а въ лагерѣ начался сильный ружейный огонь, хотя ни одной непріятельской души не было на нашемъ берегу рѣки. Главнокомандующій не въ состояніи былъ остановить безпорядка, но и виновные въ ономъ не были изыскиваемы. 1805.

Непріятель занялъ городъ Линцъ. Маршалъ Мортье съ 11,000 человѣкъ перешелъ на лѣвый берегъ Дуная съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы предупредить насъ въ городѣ Кремсѣ, овладѣть тамъ на Дунаѣ мостомъ и принудить насъ идти на Вѣну; ибо нигдѣ въ другомъ мѣстѣ не было моста, и мы, преслѣдуемы будучи шагъ за шагомъ, не могли рѣшиться на другаго рода переправу, или бы всеконечно не успѣли совершить безъ препятствія и не подвергаясь большой опасности. Въ Вѣну прежде насъ должна была прійти, посланная чрезъ Зальцбургъ, колонна и превосходящая насъ въ силахъ.

О движеніи Маршала Мортье неизвѣстно было Главнокомандующему, и тѣмъ затруднительнѣе было наше положеніе. Къ тому же въ продовольствіи былъ ужаснѣйшій недостатокъ, который далъ поводъ войскамъ къ грабежу и распутствамъ; вселились безпорядки и обнаружилось неповиновеніе. Отъ полковъ множество было отсталыхъ людей, и мы бродягамъ научились давать названіе мародеровъ: это было первое заимствованное нами отъ Французовъ. Они собирались толпами и въ нѣкоторомъ видѣ устройства; ибо посланный одинъ разъ эскадронъ гусаръ, для воспрепятствованія грабежа, видѣлъ въ нихъ готовность безъ страха принять атаку. Конница нерѣдко внимательна къ подобной рѣшительности.

Австрійскій Императоръ, прибывшій къ отступающимъ нашимъ войскамъ въ городъ Вельсъ, отправился въ обратный путь. Повсюду сопровождали его отчаяніе и вопль жителей, которыхъ, до прибытія Французовъ, оставляли мы нищими. Онъ свидѣтелемъ былъ опустошенія земли, и уже не зависѣло отъ него дать помощь. Жителямъ Вельса совѣтовалъ онъ прибѣгнуть къ Наполеону, въ великоду-

1805. шіи котораго найдутъ они пощаду. Императоръ, видя малыя силы наши, не могъ сомнѣваться, что столица его будетъ добычею непріятеля.

Въ городѣ Энсѣ армія наша перешла на правый берегъ рѣки того же имени, арріергардъ остановился, не доходя города. Непріятель, расположась противъ него, пребылъ въ бездѣйствіи; но вскорѣ открыто, что отправленъ имъ значительный отрядъ войскъ на монастырь С. Флоріяна, дабы воспрепятствовать движенію арміи или, по крайней мѣрѣ, умедлить оное. Но Главнокомандующій, будучи извѣщенъ о томъ, успѣлъ предупредить непріятеля, и отрядъ Генералъ-Маіора Штрика, пришедши прежде къ монастырю, закрылъ собою слѣдованіе арміи. При семъ произошло горячее сраженіе, и хотя, по превосходству непріятеля, потеря наша была чувствительна, но армія безпрепятственно совершила предпринятое движеніе. Неизвѣстно мнѣ, въ чемъ Главнокомандующій винилъ Генерала Штрика, но былъ имъ весьма недоволенъ.

Арріергардъ нашъ, угрожаемый быть отрѣзаннымъ, поспѣшно отошелъ за рѣку Энсъ; нѣкоторое время удерживалъ усилія непріятеля и послѣ продолжалъ отступленіе сколь возможно медленнѣе. Артиллерія и излишнія тягости арміи успѣвали также удаляться Раненые отправляемы были Дунаемъ до города Кремса.

Главнокомандующій поспѣшалъ къ переправѣ чрезъ Дунай; ибо съ малыми силами н было средствъ удерживаться противъ непріятеля превосходнаго, и если бы даже встрѣчи съ нимъ оканчивались въ нашу пользу, то обыкновенная потеря должна бы привести насъ въ совершенное безсиліе. Къ тому же, изъ арміи Генерала Михельсена шелъ въ подкрѣпленіе намъ съ значительною частію войскъ Генералъ отъ Инфантеріи Графъ Буксгевденъ, изъ С.-Петербурга съ гвардіею приспѣвалъ Великій Князь Константинъ Павловичъ, и вскорѣ должна была сблизиться колонна войскъ въ командѣ Генералъ-Лейтенанта Шепелева. Малѣйшее замедленіе въ отступленіи было для насъ пагубно; напротивъ, одна скорость, соединяя съ идущими под-

крѣпленіями, могла вывести насъ изъ гибельнаго положенія. Имѣя прикрытіемъ Дунай, можно было войскамъ, изнуреннымъ трудами, дать необходимое отдохновеніе. 1805.

Непріятель имѣлъ всѣ причины желать дать намъ сраженіе, не допустивъ насъ усилиться. Ему извѣстна была малочисленность наша и, вѣроятно, что услужливые Нѣмцы доставляли ему точныя о насъ свѣдѣнія. Сверхъ того, армія, подъ предводительствомъ Эрцгерцога Карла, одержавшая въ Италіи надъ Маршаломъ Массеною успѣхи, поспѣшала къ Вѣнѣ, услышавши о пораженіи Генерала Мака. Эрцгерцогъ Карлъ, будучи Генералиссимусомъ и много разъ начальствуя прежде, въ составъ своей арміи избралъ храбрѣйшіе полки и лучшихъ Генераловъ и офицеровъ.

Октября 22-го арріергардъ Князя Багратіона, при мѣстечкѣ Амштеттенѣ, атакованъ былъ большими силами. Не взирая на храбрость, съ каковою дрались Кіевскій и Малороссійскій гренадерскіе и 6-й егерскій полки, не смотря на всѣ усилія Князя Багратіона, не могли они устоять противъ стремленія превосходнаго непріятеля и, потерпѣвъ большой уронъ, приведены были въ замѣшательство. Артиллерія сбита была съ своихъ мѣстъ, и войска въ нестройныхъ толпахъ тѣснились на дорогѣ.

Лѣсистое мѣстоположеніе скрывало отъ глазъ непріятеля отрядъ Генералъ-Маіора Милорадовича, и когда думалъ онъ только преслѣдовать разбитый арріергардъ, встрѣтилъ свѣжія, твердо ожидающія его, войска. Внезапность привела непріятеля въ нѣкоторую робость, и ею воспользовался Генералъ-Маіоръ Милорадовичъ удачно. Онъ приказалъ конницѣ ударить на колеблющагося непріятеля, и Маріупольскаго гусарскаго полка Подполковникъ Игельстромъ, офицеръ блистательной храбрости, съ двумя эскадронами стремительно врѣзался въ пѣхоту, отбросилъ непріятеля далеко назадъ, и уже гусары ворвались на батарею. Но одна картечь, и однимъ храбрымъ стало менѣе въ нашей арміи! Послѣ смерти его разсыпались его эскадроны, и непріятель остановился въ бѣгствѣ своемъ; за

1805. два дня предъ тѣмъ, какъ добрые пріятели, дали мы слово одинъ другому воспользоваться случаемъ дѣйствовать вмѣстѣ; и я, лишь только узналъ о данномъ ему приказаніи атаковать, бросился къ нему на помощь съ конною моею ротою, но уже не засталъ его живаго, и только, остановивъ непріятеля движеніе, далъ способъ эскадронамъ его собраться и удержаться на мѣстѣ.[1] Я продолжалъ канонаду, и между тѣмъ устроились къ атакѣ гренадерскіе баталіоны Апшеронскаго и Смоленскаго полковъ, и самъ Милорадовичъ повелъ ихъ въ штыки. Ободренные присутствіемъ начальника, гренадеры ударили съ рѣшительностію, и непрітель, далеко прогнанный, скрылся въ лѣсъ и не смѣлъ показаться. Не подалеку въ другихъ мѣстахъ стоявшія его войска, ничего не предпринявъ, также удалились; нѣкоторые продолжали безполезную перестрѣлку, сопровождаемую безвреднымъ дѣйствіемъ артиллеріи, но къ вечеру всѣ отступили, и мы провели ночь на полѣ сраженія. Вмѣстѣ со свѣтомъ пошли мы назадъ, и вскорѣ появился непріятель, но преслѣдовалъ не съ тою, какъ прежде, дерзостію. Съ сего времени отдѣльная бригада Генерала Милорадовича заступила мѣсто аррiергарда, а войскамъ Князя Багратіона приказано составлять подкрѣпленіе, и онѣ, по справедливости, имѣли нужду въ нѣкоторомъ отдохновеніи.

При Амштеттенѣ въ первый разъ былъ я въ сраженіи противъ Французовъ, и въ службу мою въ первый разъ съ конною артиллеріею, которой употребленіе я столько же мало зналъ, какъ и всѣ другіе. Возможность двигаться удобнѣе прочей артиллеріи истолковала мнѣ обязанности поспѣвать всюду, и по тому я попалъ съ гусарами. Впрочемъ, мнѣ удалось предупредить непріятеля, и я, занявъ одно возвышеніе, не допустилъ устроить батарею, которая могла дѣлать намъ большой вредъ.

Генералъ Милорадовичъ чрезвычайно благодарилъ меня, конечно, не за исполненіе его приказаній; ибо удач-

---

[1] Въ одномъ изъ журналовъ обстоятельно описано сіе происшествіе.

ное дѣйствіе принадлежало случаю, и я смѣю подозрѣвать, 1805.
что ему не легко бы было приказать что лучшее. Не менѣе того, мнѣ, какъ офицеру неизвѣстному, весьма пріятно было, что начальникъ отзывается съ похвалою.

Подходя къ монастырю Мёлкъ (Mölk), лежащему на Дунаѣ, арріергардъ усмотрѣлъ идущую на другой сторонѣ онаго колонну войскъ. Отдѣленіе не позволяло распознать ихъ, и думали мы, что то Австрійцы, спасающіеся отъ Французовъ; но какъ у самаго монастыря Дунай протекаетъ въ тѣсныхъ берегахъ и дорога съ обѣихъ сторонъ лежитъ почти по самому краю оныхъ, то легко было удостовѣриться, что колонна была непріятельская и въ не малыхъ силахъ: то былъ маршалъ Мортье, который, какъ сказано выше, въ городѣ Линцѣ перешелъ на лѣвый берегъ Дуная.

Главнокомандующій неравнодушно получилъ сіе извѣстіе, ибо положеніе наше становилось крайне опаснымъ. Съ нашей стороны гористыя мѣста, прилежащія къ берегу Дуная, удаляя отъ онаго дорогу, отклоняли ее на городъ Санктъ-Пёлтенъ и понуждали насъ къ довольно большому обходу. Одною чрезвычайною быстротою могли мы предупредить непріятеля въ Кремсѣ и имѣть удобную переправу. По счастію нашему, Французы встрѣтили трудный путь по лѣвому берегу.

При войскахъ нашихъ находились Австрійскіе Генералы, Мерфельдъ и Ностицъ, съ частію конницы, избѣгшей пораженія при Ульмѣ. Доселѣ полагали они, что Главнокомандующій идетъ защищать Вѣну и въ приближеніи къ ней дастъ сраженіе. Вѣроятно, Генералъ Кутузовъ не старался вывести ихъ изъ сего заблужденія, и хотя Генералъ Мерфельдъ извѣстенъ былъ своею проницательностію, до сего не постигъ онъ точныхъ его намѣреній. У города Санктъ-Пёлтена дорога раздѣляется, и одна идетъ въ Вѣну, другая на Кремсъ, въ четырехъ Нѣмецкихъ миляхъ отстоящій. Здѣсь Кутузовъ объявилъ, что онъ идетъ за Дунай, въ соединеніе съ приспѣвающими къ нему изъ

1805. Россіи войсками, и армія, поворотивъ въ Кремсъ, поспѣшно переправилась на лѣвый берегъ Дуная.

Явно было негодованіе Австрійскихъ Генераловъ и столько же неосновательно, ибо не возможно было сомнѣваться, что Французы прежде насъ будутъ въ Вѣнѣ. Давно примѣтно было, что Австрійскіе Генералы столько же дѣйствовали нечистосердечно, сколько солдаты ихъ дрались боязливо, и уже случилось, что Генералъ Ностицъ съ Венгерскими гусарскими полками, содержавшій передовые посты въ арріергардѣ Князя Багратіона, по ложному извѣщенію Французскаго Генерала о заключенномъ будто бы перемиріи, не предувѣдомивъ войскъ нашихъ, снялъ посты и удалился съ своими полками. Князь Багратіонъ былъ въ затрудненіи, но Генералъ-Маіоръ Уланіусъ, находившійся не въ дальнемъ разстояніи съ частію войскъ отъ арріергарда, скоро то примѣтилъ, и дѣйствуя искусно, вышелъ съ небольшою потерею и съ арріергардомъ соединился.

По отступленіи арміи къ Кремсу, арріергардъ Генерала Милорадовича остался при самомъ раздѣленіи дорогъ, дабы сколько возможно продлить невѣдѣніе непріятеля о направленіи нашей арміи. Его усилили конницею, и Князю Багратіону приказано находиться въ самомъ ближайшемъ разстояніи. Передовые посты наши изъ Венгерскихъ гусаръ довольно далеко впереди занимали между лѣсами выгодное расположеніе, и непріятель не могъ видѣть ни малочисленности нашей, ни занимаемаго нами мѣста. Съ передовыхъ постовъ дано знать, что присланъ парламентеръ, объявляющій желаніе начальника Французскаго авангарда переговорить о дѣлѣ съ Генераломъ Милорадовичемъ. Пріѣхавши на мѣсто, Г. Милорадовичъ не засталъ уже Французскаго Генерала, который, долго дожидавшись, отправился въ свой лагерь, оставивъ Капитана съ даннымъ отъ него порученіемъ. Послѣ довольно не связнаго разговора и множества неумѣстныхъ привѣтствій, на которыя Французскій Капитанъ отвѣчалъ предложеніемъ свести передовые наши посты, присоединяя обѣща-

ніе, что они въ продолженіи дня со стороны своей ничего не предпримутъ. Отвратительная наружность негоціятора опредѣляла мѣру заслуживаемаго имъ довѣрія. Милорадовичъ, исполненный мечтаній о рыцарскихъ блаженныхъ временахъ, когда на каждомъ перекресткѣ первый встрѣтившійся выставлялъ себя за образецъ чести и добродѣтели, гдѣ между неизвѣстными заключались вѣчныя узы дружбы и малѣйшее сомнѣніе въ вѣрности было преступленіемъ, Милорадовичь не дерзнулъ оскорбить рыцаря недовѣріемъ къ словамъ его, и, какъ должно, не спросивъ его о имени, приказалъ снять посты. Я былъ свидѣтелемъ сего свиданія и подозрѣвалъ, что намъ выгоднѣе бы было имѣть дѣло, вмѣсто Наполеона, съ Францискомъ I. 1805.

Только что стали мы приближаться къ своему лагерю, какъ получили извѣстіе, что, когда оставили мѣста свои войска, составлявшія передовую стражу, и начали собираться, непріятель напалъ на нихъ въ большихъ силахъ, преслѣдуетъ ихъ не въ дальнемъ уже разстояніи, и что въ слѣдъ идетъ не малое число войскъ.

Вскорѣ появился непріятель и занялъ всѣ окрестныя возвышенія, такъ что въ виду его отступленіе дѣлалось весьма опаснымъ. Не знаю, кто умѣлъ склонить Милорадовича отмѣнить приказаніе послать помощь отступающимъ гусарамъ, ибо иначе произошло бы дѣло и, по неудобству мѣстоположенія, для насъ, безъ сомнѣнія, невыгодное. Итакъ, не выходя изъ лагеря, устроились мы въ боевой порядокъ и пріуготовились къ отраженію. Непріятель двинулъ сильную пѣхоту на правый нашъ флангъ, слабѣйшій положеніемъ, и заставилъ насъ обратить въ ту сторону и силы наши, и вниманіе, а въ то самое время противъ лѣваго нашего крыла большимъ отрядомъ кавалеріи произвелъ обозрѣніе въ тылу нашемъ, где не могло укрыться отъ него, что, кромѣ войскъ Князя Багратіона, не имѣли мы другаго подкрѣпленія. По счастію нашему непріятель не могъ прежде вечера кончить обозрѣніе, по той причинѣ, что кавалерія его принуждена была сдѣлать большой обходъ вокругъ лѣса, мимо коего кратчайшій путь лежалъ

1805. подъ выстрѣлами нашихъ батарей. Итакъ наставшій вечеръ не допустилъ ничего предпринять рѣшительнаго, и Милорадовичъ избавился наказанія за непростительную ошибку, которую надобно было поправлять потерею многихъ головъ. Непріятель не засталъ бы головы у Милорадовича; ибо, не взирая на безстрашіе, она была въ величайшемъ замѣшательствѣ. Въ полночь, разложивъ весьма большіе огни, мы безпрепятственно отступили, и я признаюсь, что не менѣе радъ былъ многихъ. Не знаю, воспользуется ли рыцарь благосклоннаго счастія вразумительнымъ урокомъ.

Прошедши всю ночь не останавливаясь, на другой день, въ десять часовъ утра, арріергардъ переправился за Дунай; на правомъ берегу оставались одни кавалерійскіе посты. Непріятель прибылъ гораздо послѣ полудня, и мы, отозвавъ послѣднія войска, сожгли прекраснѣйшій на Дунаѣ мостъ.

Положивъ Дунай между собой и непріятелемъ, Главнокомандующій въ первый разъ могъ допустить надежду соединиться съ войсками, идущими изъ Россіи; ничего не зналъ о переходѣ маршала Мортье въ городѣ Линцѣ, и если бы не были они осмотрѣны въ окрестностяхъ монастыря Мёлкъ, могъ онъ, для сбереженія солдатъ, худою погодою и труднымъ отступленіемъ изнуренныхъ, употребить обыкновенную скорость движенія, и тогда Французы успѣли бы овладѣть мостомъ при Кремсѣ.

Главнокомандующій, превозмогши трудности и спасши войско отъ гибели, пріобрѣлъ полную его довѣренность. Начальники не были довольны его строгостью, но увидѣли необходимость оной и утвердились въ уваженіи къ нему. Мнѣ случалось видѣть, какъ давалъ онъ наставленія Генераламъ, сколько въ началѣ былъ снисходительнымъ, и сколько нетерпѣливо сносилъ, когда его не такъ понимали. Однимъ разъ сказалъ онъ имъ: «Вижу, Господа, что я говорю вамъ на Арабскомъ языкѣ.» И точно, можно было замѣтить, что нѣкоторые, вопреки всѣмъ его усиліямъ, пр-

стоянно сохраняли способность не разумѣть его. Въ особенномъ вниманіи его были Генералъ-Лейтенантъ Дохтуровъ и Генералъ-Маіоры Князь Багратіонъ и Милорадовичъ. Послѣдніе два доселѣ были одни дѣйствующіе и наиболѣе переносили трудовъ; словомъ, на нихъ возлежало охраненіе арміи. 1805.

На другой день, по прибытіи въ Кремсъ, заняли мы аррієргардомъ предмѣстье Штейнъ. Маршалъ Мортье, занявши виноградники, простирающіеся по крутизнѣ горъ надъ самымъ городомъ, съ частью войскъ приблизился къ самымъ воротамъ онаго и началась весьма горячая перестрѣлка.

Главнокомандующій располагалъ дать войскамъ отдохновеніе, и нужно было исправить одежду и обувь солдатъ, поврежденныя безпрерывными дождями въ продолженіи цѣлаго мѣсяца, и для того нельзя было терпѣть непріятеля въ столько близкомъ разстояніи.

Генералъ Милорадовичъ получилъ повелѣніе атаковать его, и только его неустрашимость и предпріимчивость могли восторжествовать. Полки наши должны были штурмовать крутыя горы, гдѣ непріятель, совершенно скрытый за каменными стѣнами, [2] одна за другою въ нѣсколько рядовъ устроенными, защищался упорно. Встрѣчая на каждомъ шагу ужасныя препятствія, войска наши, не разъ опрокинутыя, обращались съ потерею, и артиллерія, не имѣя удобнаго мѣста для устроенія батарей, долго не могла имъ содѣйствовать. Наконецъ удалось оттѣснить непріятеля отъ одного пункта и овладѣть частью его лагеря: тогда орудія введены были въ дѣйствіе, чѣмъ пріобрѣтено было равновѣсіе въ бою; но непріятель, имѣя вѣрное отступленіе за ближайшими стѣнами, возобновлялъ упорное сопротивленіе, и мы не иначе, какъ большими пожертвованіями,

---

[2] Такія стѣны строятся по крутизнѣ горъ, дабы не могла осыпаться земля, на коей виноградники и помѣщаются уступами въ нѣсколько рядовъ.

1805 достигали малѣйшихъ выгодъ. Уронъ нашъ былъ очевиденъ, и въ особенности въ офицерахъ не соразмѣрный. [3]

Главнокомандующій вознамѣрился обойти непріятеля, чего, однако же. нельзя было сдѣлать дорогою, лежащею по берегу Дуная, ибо она была подъ выстрѣлами непріятеля, а по тому надлежало проходить горами, дабы напасть на лѣвое его крыло. Австрійскій Генералъ-Квартирмейстеръ Шмидтъ, послѣ долговременной отставки, не задолго предъ тѣмъ призванный Императоромъ на службу, человѣкъ отличныхъ дарованій, предложилъ намѣреніе Главнокомандующаго привести въ исполненіе. Будучи уроженцемъ Кремса, онъ зналъ хорошо окрестности и взялся самъ провести колонну войскъ, которая поручена была въ команду Генерала Дохтурова. Скрытымъ путемъ сблизились войска наши съ непріятелемъ, и онъ не прежде могъ ихъ примѣтить, какъ уже лѣвое его крыло они охватили и простирались въ тылъ. Движеніе сіе наклонило побѣду на нашу сторону. Непріятель сдѣлалъ слабое сопротивленіе, не въ состояніи будучи отвратить вселившагося безпорядка, и войска его отъ всѣхъ занимаемыхъ ими мѣстъ бросились въ совершенное бѣгство. Въ руки наши достались Генералъ Гренъ-д'Оржъ, пять орудій артиллеріи, знамена и болѣе сорока штабъ и оберъ-офицеровъ.

Маршалъ Мортье, съ малымъ числомъ людей, спасся въ горы. Нѣкоторая часть искала на лодкахъ спуститься въ низъ по Дунаю, но истреблена была расположенными по берегу батареями, или, будучи теченіемъ принесена къ сваямъ сожженнаго нами моста, испросила пощаду. Къ числу весьма значительнаго урона съ нашей стороны, надобно съ горестію прибавить потерю Генералъ-Квартирмейстера Шмидта, который убитъ однимъ изъ первыхъ выстрѣловъ съ непріятельской батареи. Артиллерія, по неудобству мѣстоположенія, мало была въ употребленіи, и по тому во все время сраженія находился я при Генералѣ

---

[3] Мѣста ихъ заступили многіе изъ офицеровъ Маріупольскаго гусурскаго полка.

Милорадовичѣ, и могу судить, что оно въ своемъ родѣ было 1805.
одно изъ жесточайшихъ, и войска наши оказали возможную степень мужества.

Рѣшительное окончаніе дѣла произведено искуснымъ направленіемъ войскъ, въ командѣ генерала Дохтурова бывшихъ, но Генералу Милорадовичу, по справедливости, принадлежитъ большое участіе въ успѣхѣ; ибо до того сбилъ онъ непріятеля со всѣхъ высотъ, ближайшихъ къ городу, не взирая на твердость его позиціи.

Здѣсь Генералъ Дохтуровъ положилъ основаніе военной своей репутаціи; но не могу, однако же, умолчать о случившемся съ нимъ странномъ происшествіи, которое, не знаю по чему, не обратило на себя вниманія Когда обошелъ онъ непріятеля и уже увѣренъ былъ въ успѣхѣ, имѣя со стороны своей выгоды внезапнаго нападенія, онъ такъ распорядилъ войска, что потерялъ почти весь баталіонъ Вятскаго мушкатерскаго полка и одно знамя.

Отъ взятыхъ въ плѣнъ узнали мы, что маршалъ Мортье имѣлъ съ собою отъ семи до восьми тысячъ человѣкъ, и что, по причинѣ быстраго движенія отъ Линца, оставилъ онъ по дорогѣ больными и усталыми до четырехъ тысячъ. Количество войскъ, ему порученное, доказываетъ, что назначеніе его состояло въ томъ, чтобы истребить мостъ на Дунаѣ и можетъ быть препятствовать, если бы вознамѣрились мы переправиться на судахъ, но всеконечно не искать сраженія, когда уже перешли мы и всѣ силы наши въ совокупности. Что же заключить должно о дѣйствіи Господина Маршала?

Пребываніе наше и отдохновеніе въ Кремсѣ не должно было продлиться, ибо вскорѣ послѣ сраженія получено извѣстіе, что непріятель овладѣлъ Вѣною безъ сопротивленія. Малое число бывшихъ тамъ войскъ перешли на лѣвый берегъ Дуная, но мостъ не истребленъ по Нѣмецкой расчетливости, хотя возбранить перехода нельзя было иначе. Рѣдкій изъ Нѣмецкихъ Генераловъ не приметъ перемирія, и по тому не отказано предложенное Французами.

1805. Въ продолженіи онаго Маршалъ Ланъ обманулъ стоящій на мосту Австрійскій пикетъ, и колонна Французскихъ войскъ бѣгомъ захватила мостъ.

Императорская фамилія заблаговременно удалилась въ Венгрію, но Французы въ потерѣ сей искали утѣшиться взятою съ города ужасною контрибуціею, пріобрѣтеніемъ богатѣйшаго арсенала, изобильнѣйшими запасами продовольствія и многими другими для войскъ потребностями.

По овладѣніи мостомъ на Дунаѣ, непріятель имѣлъ свободную дорогу на Брюнъ и возможность предупредить насъ въ слѣдованіи отъ Кремса, буде бы Главнокомандующій промедлилъ тамъ нѣсколько дней. И по тому, оставивши часть войскъ въ Вѣнѣ, непріятель со всѣми силами пошелъ поспѣшно на наши сообщенія.

Еще разъ необходимо было для спасенія единственное средство — необыкновенная скорость. Но въ семъ случаѣ нельзя было надѣяться на отступленіе, подобное прежнему, ибо до Брюна не было уже мостовой (chaussée), но дорога чрезвычайно грязная и во многихъ мѣстахъ топкая, которою мы проходили прежде. [1] Испытали ужасныя трудности тогда, какъ не было непріятеля, который бы безпокоилъ. Предстояла глубокая осень, переходы тяжелые, и почти нельзя было сомнѣваться, что мы потеряемъ большую часть артиллеріи и тягостей. Надлежало поспѣшить перейти тотъ пунктъ, гдѣ соединяется дорога, изъ Вѣны идущая, и Главнокомандующій далъ войскамъ повелѣніе выступить.

Арріергардъ порученъ былъ Князю Багратіону. Обезсиленная послѣднимъ сраженіемъ отдѣльная бригада Генерала Милорадовича назначена ему въ подкрѣпленіе.

Мы отступили изъ Кремса. Не имѣя средствъ увести раненыхъ, мы оставили ихъ, и одинъ изъ офицеровъ съ

---

[1] Когда проходили мы къ Горунау, отпускалось большое число обывательскихъ лошадей для подвоза артиллеріи и обозовъ.

письмомъ ожидалъ непріятельскаго начальника, великодушію котораго они поручались. 1805.

За нѣсколько часовъ до выхода нашего сдѣлался сильный морозъ, и дорога, къ счастію нашему, была какъ найлучшая мостовая.

Непріятель, имѣя въ готовности множество судовъ, перешелъ Дунай въ короткое время, и арріергардъ нашъ былъ еще въ маломъ отъ города разстояніи, какъ уже появился онъ для преслѣдованія. Въ тотъ же день возвратился офицеръ, оставленный съ письмомъ въ Кремсѣ, и далъ знать, что уже при немъ расположилась въ городѣ непріятельская главная квартира и вступило въ оный весьма большое число войскъ.

Главнокомандующій увѣдомился, что Генералъ-Лейтенантъ Шепелевъ, идущій изъ Россіи съ колонною войскъ, скоро къ нему присоединится, и какъ при ней не было конницы, то посланъ въ подкрѣпленіе кирасирскій Ея Величества полкъ и вмѣстѣ съ нимъ моя артиллерійская рота, которые, сдѣлавъ большой переходъ, съ колонною соединились, и разъѣзды наши открыли неподалеку отрядъ непріятельской кавалеріи отъ войскъ, слѣдовавшихъ изъ Вѣны.

Главнокомандующій ускорилъ отступленіе и перешелъ мѣстечко Ецельсдорфъ, при коемъ расположился Генералъ Милорадовичъ. Итакъ мы отъ стороны Вѣны не опасались уже быть отрѣзанными.

Дабы избѣжать сраженія всѣми силами и, по превосходству непріятеля, не подвергнуться, безъ всякаго сомнѣнія, пораженію, Главнокомандующій рѣшился противопоставить непріятелю арріергардъ Князя Багратіона, и онъ оставленъ близъ города Голлабруна.

Между тѣмъ силы непріятеля очевидно умножались прибывающими отъ Кремса войсками и Наполеонъ командовалъ самъ авангардомъ. Въ лагерѣ его находился для переговоровъ Генералъ-Адъютантъ Баронъ Винценгероде, и

1805. въ тотъ день заключено перемиріе до четырехъ часовъ по полудни. Наполеонъ не прежде согласился на оное, какъ войска его собрались уже въ большомъ количествѣ, и не хотѣлъ продолжить болѣе, чтобы въ тотъ же день имѣть время истребить нашъ арріергардъ. Съ основательностію предположить возможно, что въ разсчетъ его входило то, что войска, идущія отъ Вѣны, успѣютъ атаковать на пути нашу армію и, остановя ее, ему дадутъ время приспѣть со всѣми силами, которыхъ Князь Багратіонъ не въ состояніи былъ удержать и самое короткое время.

Пользуясь перемиріемъ, Князь Багратіонъ хотѣлъ отойти назадъ, дабы не быть слишкомъ удаленнымъ, а паче отрѣзаннымъ, отъ арміи, и уже нѣкоторыя части войскъ его приведены были въ движеніе. Но онъ долженъ былъ возвратить ихъ; ибо непріятель настоялъ, что они должны находиться въ томъ самомъ расположеніи, въ которомъ застало ихъ перемиріе, или, въ противномъ случаѣ, они немедленно пойдутъ впередъ. Нельзя было отказать требованію, хотя явною была грозящая опасность.

Въ четыре часа по полудни выстрѣломъ изъ пушки непріятель далъ знать о прекращеніи перемирія, и двинулись отовсюду многочисленныя непріятельскія колонны.

Не возможно было ни минуты терять времени, и Князь Багратіонъ приказалъ начать отступленіе.

Правое крыло арріергарда расположено было по хребту небольшихъ возвышеній, на которыхъ стоялъ 6-й егерскій полкъ, простираясь по всей широтѣ оныхъ. Начальнику сего крыла, Генералъ-Маіору Уланіусу, подчинена была конница, состоящая изъ Павлоградскаго гусарскаго, Черниговскаго драгунскаго полковъ и небольшаго количества Казаковъ. Центръ и лѣвое крыло устроены были въ долинѣ, и сей послѣдній составляла бригада Генералъ-Маіора Селихова изъ Подольскаго и Азовскаго мушкатерскихъ полковъ съ одною ротою легкой артиллеріи. Князь Багратіонъ находился въ центрѣ съ Кіевскимъ и Малороссійскимъ гренадерскими полками, при коихъ соединена

была вся артиллерія. Въ трехъ верстахъ позади аррiергарда простирался глубокій ровъ, чрезъ который трудна была переправа. Кавалеріи приказано немедленно перейти за оврагъ, дабы прочихъ войскъ не остановить въ отступленіи. Генералъ-Маіоръ Уланіусъ, отходя въ слѣдъ за кавалеріею, удерживалъ подъ выстрѣлами долину, и по хребту достигъ до оврага, почти безъ всякой потери. На равной съ нимъ высотѣ отходили гренадерскіе полки, вспомоществуемые артиллеріею, которой часть отправлена прежде къ переправѣ. Стрѣлки отъ оныхъ были въ дѣйствіи. На лѣвомъ крылѣ происходило величайшее замѣшательство. Генералъ-Маіоръ Селиховъ имѣлъ неосторожность распустить людей за дровами и за водою, и терялъ время въ ожиданіи ихъ. Они большею частію достались въ плѣнъ, а полки, отсутствіемъ ихъ ослабленные, окружены были большими силами. Храбрые полки, отчаянно защищаясь, продлили сраженіе до глубокой ночи, но большая часть людей побита, взяты знамена и восемь пушекъ. Пользуясь темнотою, спаслись малые только остатки полковъ и четыре орудія. Причиною столь чувствительной потери было невѣжество въ ремеслѣ своемъ Генералъ-Маіора Селихова. Онъ и того не разумѣлъ, что онъ могъ спасти войска, если бы рѣшился оставить людей посланныхъ въ лѣсъ и за водою, которые легко весьма могли уйти, не будучи даже обременены ружьями. Непріятель, окруживъ лѣвый флангъ, хотѣлъ отрѣзать гренадерскіе полки отъ переправы, и если бы не могъ въ томъ успѣть, то, по крайней мѣрѣ, произвелъ бы въ нихъ большой безпорядокъ; но Кіевскаго гренадерскаго полка командиръ 2-го баталіона, Маіоръ Экономовъ, занявши селеніе, которое прикрывало переправу, встрѣтилъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ непріятеля, который, не полагая въ немъ войскъ нашихъ, искалъ овладѣть имъ. Сіе дѣйствіе Маіора Экономова (по собственному его соображенію), уничтоживъ предпріятіе непріятеля, было причиною, что не только гренадерскіе полки прошли безъ потери, но даже могли спастись и самые остатки лѣваго фланга. 1805.

1805. Итакъ, сверхъ чаянія, дѣло кончилось гораздо счастливѣе, нежели должно было ожидать, и Князь Багратіонъ прославился. Подъ начальствомъ его было менѣе семи тысячъ человѣкъ, непріятель имѣлъ въ дѣйствіи болѣе двадцати тысячъ, и Наполеонъ самъ ими командовалъ. Конечно, не упущеніе со стороны Наполеона, не недостатокъ средствъ воспрепятствовали воспользоваться полною побѣдою. Одна скорость движенія спасла арріергардъ нашъ.

Въ продолженіи ночи арріергардъ прошелъ извѣстное соединеніе дорогъ при Ецельсдорфѣ и, оставя далеко назади непріятеля, находился внѣ всякой опасности.

Армія, будучи въ далекомъ разстояніи отъ войскъ, преслѣдовавшихъ изъ Кремса и даже тѣхъ, которыя могли приспѣть со стороны Вѣны, избѣжала сраженія, котораго выдержать не была въ состояніи, и на которое рѣшиться тѣмъ болѣе было бы не благоразумно, что армія Генерала Графа Буксгевдена, шедшая на помощь, уже близко находилась.

На мѣсто арріергарда поступила бригада Генерала Милорадовича, и хотя непріятель вскорѣ догналъ оную, но, кромѣ перестрѣлокъ, не имѣвшихъ ни какихъ слѣдствій, ничего важнѣйшаго не произошло.

Между тѣмъ Главнокомандующій прошелъ городъ Брюнъ и соединился съ арміею Графа Буксгевдена. Часть войскъ отъ оной пришла смѣнить насъ въ арріергардѣ, когда прибыли мы къ мѣстечку Вишау. Государь, вмѣстѣ съ Австрійскимъ Императоромъ, находились въ крѣпости Ольмюцъ. Великій Князь Константинъ Павловичъ вскорѣ долженъ былъ присоединиться съ Россійскою гвардіею.

Такимъ образомъ въ происшедшихъ съ непріятелемъ дѣлахъ, во все время отступленія отъ Браунау и до Брюна, Генералъ Кутузовъ, противъ многочисленныхъ силъ пріобрѣтши успѣхи при Ламбахѣ и Амштеттенѣ и совершенную побѣду при Кремсѣ, довелъ войска, если нѣсколько и утомленныя быстротою движенія, но съ найлучшимъ духомъ, и ничего не потерявши, кромѣ одной пушки при

Ламбахѣ. Сія ретирада по справедливости поставляется въ 1805.
числѣ знаменитыхъ военныхъ событій нынѣшняго времени.

Между соединившимися арміями примѣтна была чрезвычайная разность. Пришедшая изъ Россіи была совершенно сбережена и въ наилучшемъ устройствѣ. Наша, напротивъ, потерпѣла отъ продолжительныхъ трудовъ, изнемогла отъ недостатка продовольствія, отъ ненастнаго времени, глубокой осени. Одежда войскъ истреблена была на бивуакахъ, обуви почти вовсе не было. Самые чиновники были въ различныхъ, и даже смѣшныхъ, нарядахъ.

Государь выѣхалъ на встрѣчу арміи и, судя по привѣтствіямъ, которыми удостоилъ многихъ, казалось, доволенъ былъ службою храбрыхъ и вѣрныхъ войскъ его. Между прочими изъявилъ и мнѣ за службу благоволеніе. Приказалъ дать арміи отдохновеніе.

Арміи, по соединеніи, расположились у самой крѣпости Ольмюцъ, подъ покровительствомъ коей занятъ выгодный лагерь и во многихъ мѣстахъ онаго устроены были укрѣпленія.

Продовольствіе отпускаемо было правильнымъ образомъ На пополненіе въ войскахъ недостатковъ приняты дѣятельныя мѣры, и мы въ продолженіе одной недѣли примѣтно пришли въ лучшее состояніе.

Главная квартира обоихъ Императоровъ была въ крѣпости.

Составился новый авангардъ подъ командою Генерала Князя Багратіона, и расположился противъ мѣстечка Вишау.

Въ Вишау вступилъ непріятельскій авангардъ, но далѣе ни его не предпринималъ.

Въ Ольмюцѣ нашелъ я Инспектора всей артиллеріи, Графа Аракчеева, въ томъ же могуществѣ при Государѣ, съ тѣмъ же ко мнѣ неблагорасположеніемъ, не взирая на лестное свидѣтельство Главнокомандующаго на счетъ мой. Едва имѣлъ я къ нему доступъ и никогда ни надѣй-

1805. шаго ободренія, тогда какъ многимъ другимъ оказывалъ онъ сильное свое покровительство. Тутъ, по сравненію выгодъ, пріобрѣтенныхъ другими, почувствовалъ я, какъ невыгодно не нравиться сильному начальнику, который и то считаетъ за благодѣяніе, что утѣсняя невинно, не погубляетъ!

Въ продолженіе пребыванія арміи при Ольмюцѣ, около Вишау происходили небольшія перестрѣлки. Князь Багратіонъ замѣтивъ, что непріятель мало имѣетъ въ городѣ пѣхоты, но болѣе кавалеріи, приказалъ шефу Маріупольскаго гусарскаго полка, Генералъ-Маіору Графу Витгенштейну, расположиться при выѣздахъ изъ онаго, такъ чтобъ непріятель не могъ уйти, а пѣхотѣ приказалъ атаковать городъ. Кавалерія непріятельская вырвалась съ малою весьма потерею, и Графъ Витгенштейнъ не успѣлъ ничего сдѣлать. Оставленную его пѣхоту, съ небольшимъ сто человѣкъ, взялъ въ плѣнъ находившійся при авангардѣ Генералъ-Адъютантъ Князь Долгорукій (Петръ Петровичъ). Дѣло представлено было гораздо въ важнѣйшемъ видѣ, и Князь Багратіонъ, какъ ловкій человѣкъ, приписалъ успѣхъ Князю Долгорукому, который, пользуясь большою довѣренностію Государя, могъ быть ему надобнымъ. Непріятель отошелъ къ Брюну, гдѣ, какъ извѣстно было, находились главныя его силы. Въ главной нашей квартирѣ восхищены были побѣдою и готовились къ пріобрѣтенію новыхъ.

Армія наша получила повелѣніе выступить впередъ. Генералъ Кутузовъ былъ противнаго мнѣнія, и разсужденія на сей предметъ были различныя. Многіе предполагали, что непріятель отступаетъ, съ намѣреніемъ отвлечь войска отъ выгодной позиціи при Ольмюцѣ, гдѣ онъ не смѣетъ атаковать ихъ, и что по тому должно остаться на мѣстѣ и дать время Генералъ-Лейтенанту Эссену 1-му присоединиться съ корпусомъ, идущимъ изъ Шлезіи. Думали нѣкоторые, что если бы непріятель рѣшился атаковать въ позиціи, то, не взирая на выгоды оной, отступить, дабы армія Эрцгерцога Карла, поспѣшно приближа-

ющаяся къ Вѣнѣ, могла стать въ тылу непріятеля, если 1805.
бы онъ дерзнулъ насъ преслѣдовать. Вѣроятно, Наполеонъ не поставилъ бы себя въ сіе опасное положеніе, и по тому оставалось ему, или тотчасъ отступить, или, наблюдая за нами частію войскъ, со всѣми силами обратиться на Эрцгерцога Карла. Должно предполагать, что Наполеонъ скорѣе избралъ бы сіе послѣднее средство, ибо отступить не могъ онъ иначе, какъ тою же дорогою, которою мы проходили, чрезъ страну совершенно опустошенную, гдѣ армію его встрѣтилъ бы голодъ неотвратимый. Одержавъ побѣду надъ Эрцгерцогомъ Карломъ, не могъ Наполеонъ сомнѣваться, что отклонитъ Императора Австрійскаго отъ союза съ нами, а мы одни не рѣшимся противостать ему. Не могъ Наполеонъ предпочесть средство отступленія, ибо, вмѣстѣ съ нимъ, лишился бы онъ важныхъ выгодъ, пріобрѣтенныхъ побѣдою при Ульмѣ, которая власти его покорила большое пространство земли, самую столицу, заставила Австрійцевъ оставить Италію, и даже очистить Тироль. Наполеонъ, обратясь на Эрцгерцога Карла, не могъ оставить противъ насъ такихъ силъ, которыя бы въ состояніи были насъ удерживать, и по тому думали нѣкоторые, что, прогоняя ихъ, надлежало ити по слѣдамъ Наполеона, дабы поставить его между двухъ армій, не въ далекомъ разстояніи между собою находящихся. Было также мнѣніе нѣкоторыхъ, что надлежало ити впередъ не иначе, какъ приближаясь сколь возможно лѣвымъ флангомъ арміи къ границамъ Венгріи, дабы войти въ скорѣйшее сообщеніе съ Эрцгерцогомъ Карломъ и получить помощь отъ Венгровъ, народа воинственнаго, между которыми Французы не имѣли людей себѣ приверженныхъ. Въ семъ случаѣ, если бы Наполеонъ обратился на нашу армію, и намъ не выгодно было принять сраженіе: Венгрія, гористая земля, имѣющая твердыя границы, представляла большія удобности къ оборонѣ, и тутъ всегда вѣрнѣйшій расчетъ въ томъ, что Наполеонъ не могъ терять время и не могъ допускать ни какого предпріятія иначе, какъ скораго и рѣшительнаго.

1805. По малому значенію, или лучше сказать, по совершенному незначенію моему въ арміи, не могъ я знать точныхъ намѣреній начальства; но общая молва была, что Государь не согласенъ съ мнѣніемъ Генерала Кутузова и склонился на предложеніе Австрійцевъ.

Армія наша двинулась впередъ. Расположеніе движеній поручено было Австрійскому Генералъ-Квартирмейстеру Вейнроту. Мы дѣлали небольшіе марши, но такимъ непонятнымъ образомъ были они расположены, что рѣдко оканчивали мы ихъ скорѣе десяти, или двѣнадцати, часовъ; ибо всѣ колоны непремѣнно одна другую перерѣзывали, и даже не по одному разу, и которая ни будь напрасно теряла время въ ожиданіяхъ.

Въ продолженіи трехъ дней видѣнъ былъ одинъ слабый непріятельскій отрядъ, по дорогѣ къ городу Брюну, гдѣ проходилъ нашъ авангардъ; но, не дѣлая упорнаго сопротивленія, онъ уступалъ мѣсто.

Я съ конно-артиллерійской ротою находился при кавалерійской дивизіи Генералъ-Адъютанта Уварова, которая предъ нѣкоторою частью арміи составляла передовое войско. На четвертый день, около вечера, встрѣтились мы съ непріятельскою кавалеріею въ малыхъ силахъ; перестрѣлка была незначащая, и кавалерія прогнана.

Темнота ночи остановила насъ на вершинѣ одного возвышенія, въ хорошемъ мѣстоположеніи. Не далеко позади стала въ бивуакахъ вся армія. Впереди насъ изрѣдка видны были непріятельскіе огни, которые, казалось, означали цѣпь передовой стражи. Въ арміи былъ слухъ, и почти всѣ вѣрили, что непріятель уходитъ. Около полуночи, у подошвы возвышенія, на которомъ стояла наша дивизія, въ одно мгновеніе загорѣлись огни, охватившіе большое пространство. Мы увидѣли обширные бивуаки и движеніе великаго числа людей, что наиболѣе утвердило многихъ во мнѣніи, что непріятель не ищетъ даже скрывать своего отступленія. Напротивъ того нѣкоторымъ казалось сіе подозрительнымъ. Мы узнали вскорѣ, что огни озна-

чали торжество въ честь Наполеона, и зажжены въ его присутствіи. 1805.

Генералъ-Адъютантъ Уваровъ позванъ былъ въ главную квартиру, откуда возвратился въ скоромъ времени. Немедля за нимъ присланъ офицеръ съ диспозиціею на нѣсколькихъ листахъ, наполненною трудными названіями селеній, озеръ, рѣкъ, долинъ и возвышеній и такъ запутанною, что ни помнить, ни понимать не было ни какой возможности. Списать не было позволено, ибо надобно было успѣть прочитать многимъ изъ начальниковъ и весьма мало было экземпляровъ. Я признаюсь, что, выслушавъ оную, столько же мало получилъ о ней понятія, какъ бы и совсѣмъ не подозрѣвалъ о ея существованіи; одно то ясно было, что на завтра аттакуемъ мы непріятеля.

Еще до разсвѣта выступила армія, опасаясь, по видимому, чтобы непріятель не успѣлъ уйти далеко. Войска на маршѣ должны были войти въ мѣста, по диспозиціи для нихъ назначенныя; и по тому начали колонны встрѣчаться между собою и проходить одна сквозь другую, отъ чего произошелъ безпорядокъ, который ночное время болѣе умножало. Войска разорвались, смѣшались, и конечно не въ темнотѣ удобно имъ было отыскивать мѣста свои. Колонны пѣхоты, состоящія изъ большаго числа полковъ, не имѣли при себѣ ни человѣка конницы, такъ что некѣмъ было открыть, что происходитъ впереди, или узнать, что дѣлаютъ и гдѣ находятся ближайшія войска, назначенныя къ содѣйствію. Генералъ Милорадовичъ въ моихъ глазахъ выпросилъ по знакомству у одного шефа полка двадцать гусаръ, для необходимыхъ посылокъ. Къ сему прибавить надобно, что ни одна изъ колоннъ не имѣла впереди себя авангарда. Общій авангардъ всей арміи находился весьма мало впереди и на самой конечности праваго фланга, такъ что собою не закрывалъ онъ ни одной колонны, и армія въ движеніи своемъ совершенно была открыта. Дивизія Генералъ-Адъютанта Уварова отведена была довольно далеко назадъ, чтобы потомъ перейти ближе къ правому флангу, гдѣ вся почти кавалерія соединена была особенно.

1805. Такимъ образомъ колонны подвигались впередъ въ полной безопасности, и между ними допущены были большія пространства, въ томъ предположеніи, что, приближаясь къ непріятелю, войдутъ онѣ въ надлежащее боевое устроеніе.

Съ началомъ дня, когда полагали мы себя въ довольномъ разстояніи отъ непріятеля и думали поправить нарушенный темнотою ночи порядокъ, мы увидѣли всю Французскую армію, стоящую въ боевомъ порядкѣ, и между нами не было двухъ верстъ разстоянія.

Изъ сего заключить можно, сколько достовѣрныя имѣли мы извѣстія объ отступленіи непріятеля, и чѣмъ обязаны премудро начертанной Австрійской диспозиціи, которая болѣе похожа была на топографическое описаніе Брюнскаго округа, нежели на начертаніе порядка, пріуготовляющаго цѣлую армію къ бою.

Совершенная готовность непріятеля доказываетъ, что онъ предувѣдомленъ былъ о нашемъ предпріятіи, ибо не почиталъ за нужное открывать слѣдованія нашего, и даже до самой занимаемой имъ позиціи не было ни одного пикета. Войска его оставались въ бездѣйствіи, удивленныя страннымъ явленіемъ; ибо трудно было предположить, чтобы могла армія, въ присутствіи непріятеля, устроеннаго въ боевой порядокъ, совершать подобное движеніе, не имѣя какого ни будь хитраго замысла. Къ тому же, неровности мѣстоположенія скрывали силы наши. Когда же перешли мы болотистый и топкій ручей и многія изъ колоннъ вдались въ селенія, лежащія между озеръ, по низменной долинѣ, простирающейся до подошвы занимаемыхъ непріятелемъ возвышенностей, когда обнаружились всѣ наши силы и несоразмѣрные между колоннѣ промежутки,— открылся ужасный съ батарей огонь, и непріятель двинулся къ намъ на встрѣчу, сохраняя всегда выгоду возвышеннаго положенія. Нѣкоторыя изъ колоннъ нашихъ въ слѣдованіи ихъ были атакованы во флангъ и не имѣли время развернуться. Другія хотя и устроили полки свои, но

лишены будучи содѣйствія и помощи другихъ войскъ, или 1805.
даже окруженныя, не могли удержаться противъ превосходныхъ силъ, и въ самое короткое время многія части арміи нашей приведены были въ ужаснѣйшее замѣшательство. Самыя начала дѣйствій, собственно по предположенію, что непріятель въ отдаленіи и войска успѣютъ соединиться, не согласовались съ диспозиціею, а потому и перемѣны необходимо не соотвѣтствовали предначертанной цѣли.

Дѣйствія сдѣлались частными, связи между войскъ не существовало и сблизиться не имѣли они возможности. Пространства между ними столько были велики, что гвардейскій корпусъ, подъ начальствомъ Его Высочества, Цесаревича, назначенный составлять резервъ, долженъ былъ, при самомъ началѣ сраженія, вступить въ первую линію и по необходимости столько занять мѣста, что не могъ онъ отдѣлить ничего на составленіе второй линіи. Лѣвый флангъ, подъ командою Генерала Графа Буксгевдена, занимая ту самую высоту, гдѣ прежде находилась дивизія Генералъ-Адъютанта Уварова, удерживался довольно долго и отступилъ съ меньшею потерею людей; но батарейныя 24 орудія, бывшія въ долинѣ, и часть пѣхоты у прикрытія ихъ достались во власть непріятеля. Изломавшійся подъ переднимъ орудіемъ мостъ остановилъ прочіе въ слѣдованіи. Колонна, находившаяся въ центрѣ Генерала Милорадовича, по долгомъ сопротивленіи разсѣяна; Генералъ-Лейтенанта Пршибышевскаго, неосторожно проходя селеніе, окружена и, потерпѣвъ весьма большой уронъ, чрезвычайно много потеряла плѣнными, въ числѣ коихъ попался и самъ начальствующій колонною; Генералъ-Лейтенанта Графа Ланжерона, по неудобству мѣста, не долго сопротивляясь, также много потеряла. Полки лейбъ-гвардіи сдѣлали нѣсколько удачныхъ атакъ, но въ нихъ не было связи и люди, не обыкшіе къ войнѣ, увлечены будучи храбростію и безполезно истощивъ усилія, понесли большой уронъ. Съ отличною неустрашимостію дѣйствовали полки кавалергардскій и конной гвардіи, и часть сего послѣдняго, врубившись въ конницу, взяла одного орла, но общій испы-

1805. тавъ жребій, была опрокинута съ потерею. Непріятель, одержавъ сіи успѣхи, умножилъ войска свои противъ авангарда Князя Багратіона, расположеннаго на конечности праваго фланга, и противъ кавалерійскихъ дивизій Генералъ-Лейтенанта Эссена 2-го; и Генералъ-Адъютанта Уварова, которыя до того сохранили мѣста свои единственно по той причинѣ, что непріятель обратилъ вниманіе въ другую сторону, а ихъ истребленіе опредѣлилъ въ послѣдствіи. Вся сія кавалерія состояла въ командѣ Австрійскаго Генѣрала, Князя Лихтенштейна. Многіе изъ полковъ врубались въ непріятельскія войска, но должны были уступать превосходнымъ силамъ. При самомъ началѣ сраженія Генералъ-Маіоръ Баронъ Мёллеръ-Закомельскій, съ уланскимъ полкомъ Его Высочества, Цесаревича, сдѣлалъ блистательную атаку, опрокинулъ противоставшую кавалерію, разсѣялъ часть ближайшей пѣхоты, но тяжелая рана, пресѣкшая его успѣхи, оставила его во власти непріятеля, у самыхъ пушекъ, которымъ угрожала его храбрость, и полкъ разсѣянный обратился. Въ кавалеріи нашей, точно какъ и въ другихъ войскахъ, дѣйствія по большой части были частныя, безъ всякаго взаимнаго вспомоществованія. И такъ съ одного крыла и до другаго войска наши по очереди, одни послѣ другихъ, были разстроены, опрокинуты и преслѣдуемы. Потеря наша найболѣе умножилась, когда войска стѣснились у канала чрезвычайно топкаго, на которомъ мало было мостовъ, а иначе, какъ по мосту, перейти чрезъ оный было не возможно. Здѣсь бѣгущая конница наша бросилась въ бродъ, и потопила много людей и лошадей, а я, оставленный полками, при коихъ я находился, остановилъ свою батарею, предполагая своимъ дѣйствіемъ оной удержать преслѣдующую насъ конницу. Первыя орудія, которыя могъ я освободить отъ подавляющей ихъ собственной кавалеріи, сдѣлавъ нѣсколько выстрѣловъ, были взяты, люди переколоны, и я достался въ плѣнъ. Дивизія Генералъ-Адъютанта Уварова, столпившись у моста, имѣла время осмотрѣться, что она бѣжала отъ малаго числа непріятеля, и что главныя его силы остановились на возвышеніяхъ, не спускаясь въ долину. Прогонявшіе насъ

были обращены въ бѣгство и истреблены, и мнѣ, чрезъ самое короткое время, возвращена свобода, когда уже я былъ близко отъ Французскихъ линій.[6] Присоединясь къ остаткамъ истребленной моей роты, нашелъ я дивизію въ величайшемъ безпорядкѣ у подошвы холма, на коемъ находился Государь. Холмъ занятъ былъ лейбъ-гренадерскимъ полкомъ и одною ротою гвардейской артиллеріи, которые не участвовали въ сраженіи, и по тому сохранили устройство. При Государѣ почти никого не было изъ приближенныхъ, на лицѣ его изображалась величайшая горесть, глаза были наполнены слезами. Здѣсь можно было видѣть части почти всей арміи, и если премудрая диспозиція насъ раздѣлила, то бѣгство соединило многихъ. На мѣстѣ сраженія оставили мы болѣе шестидесяти орудій, и армія отступила. Войска Князя Багратіона потерпѣли уронъ несравненно менѣе прочихъ; часть пѣхоты его приведена была въ замѣшательство непріятельскою конницею, но она, не будучи поддержана въ своихъ успѣхахъ, дорого заплатила за свою дерзость; не менѣе, однако же, потеряно нѣсколько пушекъ. Изъ сихъ войскъ составленъ арріергардъ въ командѣ Князя Багратіона. На прямѣйшей дорогѣ къ городку Аустерлицу, чрезъ который должны были проходить наши войска, учрежденъ большой постъ, который порученъ мнѣ въ команду, вѣроятно, по тому, что никто не желалъ принять сего непріятнаго назначенія. 1805.

---

[6] Я обязанъ свободою Елисаветградскаго гусарскаго полка Полковнику Василью Ивановичу Шау, который догналъ меня съ нѣсколькими человѣками Харьковскаго драгунскаго полка. При немъ не было ни одного человѣка полка, которому онъ принадлежалъ, по чему судить должно о безпорядкѣ.

[7] Постъ сей состоялъ изъ одной роты лейбъ-гренадерскаго полка, одной сотни лейбъ-казаковъ, одного эскадрона спѣшенныхъ драгунъ Черниговскаго полка, одного эскадрона лейбъ-кирасирскаго Ея Величества, одного эскадрона Елисаветградскаго гусарскаго полковъ и двухъ орудій конной артиллеріи. Приказано разложить большіе огни и пѣть пѣсни: сего послѣдняго не было исполнено, ибо не было расположенія къ веселости.

1805. По счастію нашему, время клонилось къ вечеру, и непріятель далѣе болотистаго канала насъ не преслѣдовалъ.

Я съ отрядомъ своимъ обязанъ спасеніемъ тому презрѣнію, которое имѣлъ непріятель къ малымъ моимъ силамъ; ибо къ совершеннѣйшей побѣдѣ не могъ онъ желать прибавить нѣсколько сотенъ плѣнныхъ. Но когда нуженъ былъ ему водопой, онъ довольствовался тѣмъ, что отогналъ передовую мою стражу отъ канала. Я долженъ былъ выслушивать музыку, пѣсни и радостные крики въ непріятельскомъ лагерѣ. Насъ дразнили Русскимъ крикомъ ура. Предъ полуночью я получилъ приказаніе отойти, что должно было послѣдовать гораздо прежде, но посланный офицеръ ко мнѣ не доѣхалъ. Въ городкѣ Аустерлицѣ, давшемъ имя незабвенному сраженію, нашелъ я арріергардъ Князя Багратіона, который не хотѣлъ вѣрить, чтобы могли держать одного меня въ шести верстахъ впереди, и не восхитился симъ распоряженіемъ Генералъ-Адъютанта Уварова. Прошедши далѣе четыре версты, прибылъ я къ арміи, но еще не всѣ оной части собраны были и о нѣкоторыхъ не было даже извѣстія; безпорядокъ дошелъ до того, что въ арміи, казалось, полковъ не бывало: видны были разныя толпы. Государь не зналъ, гдѣ былъ Главнокомандующій Генералъ Кутузовъ, а сей безпокоился на счетъ Государя. Я долженъ былъ явиться къ Генералъ-Адъютанту Уварову, и сей былъ въ восхищеніи, что украшеннымъ донесеніемъ могъ придать важность отряду его собственнаго изобрѣтенія. Не дожидаясь присоединенія оторвавшихся частей, армія въ продолженіе ночи пошла далѣе. На разсвѣтѣ стали собираться разбросанныя войска, и около десяти часовъ утра появилась непріятельская кавалерія, наблюдавшая за нашимъ отступленіемъ. Въ сей день, по причинѣ совершеннаго изнуренія лошадей, оставили мы на дорогѣ не менѣе орудій, какъ и на мѣстѣ сраженія.

Вскорѣ узнали мы, что Австрійскій Императоръ заключилъ перемиріе съ Наполеономъ, обязавшись немедленно

приступить къ переговорамъ о мирѣ, и мы уже не мог- 1805.
ли ожидать вспомоществованія Австрійцевъ.

Армія наша прибыла въ мѣстечко Голичъ, на границѣ Венгріи, чрезъ которую предлежалъ намъ путь. Отвсюду окружены мы были Французскими отрядами конницы, и арріергардъ нашъ находился уже въ самомъ близкомъ разстояніи отъ арміи, дабы не подвергнуться опасности быть отрѣзаннымъ.

Въ перемиріи, заключенномъ съ Австрійскимъ Императоромъ, упомянуто было, что Русскіе безпрепятственно отступаютъ въ свои предѣлы, но время и направленіе были назначены, что у Французовъ называется, à journées d'étapes.[1]

Кажется, въ семъ снисходительномъ позволеніи не имѣли мы нужды; ибо непріятель не смѣлъ слѣдовать за нами въ такую страну, какова Венгрія, и въ позднее время осени. Не могъ также быть увѣреннымъ, чтобы Австрія, имѣя въ готовности армію Эрцгерцога Карла и войска Эрцгерцога Фердинанда, расположенныя въ Знаймѣ, не усмотрѣла выгоды прервать перемиріе, что Наполеона поставило бы въ самое затруднительное положеніе.

Итакъ армія наша трудными путями, въ худое время, самою бѣднѣйшею частію Венгріи, прошла чрезъ городъ Кашау, Эперіесъ и, переправясь чрезъ Карпатскія горы близъ Бартфельда, спустилась въ Галицію, не подалеку отъ мѣстечка Дукли.

Повсюду въ Венгріи армія наша принята была самымъ дружественнѣйшимъ образомъ, и ни въ чемъ не отказано къ успокоенію утомленныхъ войскъ.

Главнокомандующій встрѣчаемъ былъ Дворянствомъ, съ изъявленіемъ совершеннаго уваженія.

---

[1] Мнѣ случилось видѣть, что Главнокомандующій, отправляя въ С.-Петербургъ курьера, долженъ былъ дать бумагу, въ которой были слѣдующія выраженія: «Дружественно прошу Господъ командующихъ передовыми войсками большой Французской арміи дать свободный пропускъ.»

1805. Были даны праздники, и къ удивленію находились многіе, которые могли желать забавъ и увеселеній, послѣ постыднѣйшаго сраженія и тогда, какъ непріятель долженъ былъ найти пораженіе и гибель.

Венгры, смотря на войска наши, удивлялись, какъ могли Французы преодолѣть ихъ; видна была досада ихъ; но они не уничижили насъ чувствомъ сожалѣнія. Не могли они предположить другой причины нашей неудачи, какъ измѣну Австрійскихъ Генераловъ, и одна таковая мысль доказываетъ, какое они имѣютъ къ нимъ довѣріе! Не подозрѣвая, что мнѣ знакомъ Латинскій языкъ, они изъяснялись на счетъ сихъ послѣднихъ съ большимъ чистосердечіемъ, и не о многихъ слышалъ я похвалы.

Въ день сраженія при Аустерлицѣ корпусъ Генералъ-Лейтенанта Эссена находился въ разстояніи небольшаго перехода, и онъ, отступивъ другою дорогою, соединился съ нами въ Галиціи. Туда же благополучно прибыла батарейная артиллерія, которая, для удобнѣйшаго слѣдованія, отправлена была на крѣпость Ольмюцъ.

Государь не находился при арміи, и изъ Голича отправился въ Россію.

Я не описалъ Аустерлицкаго сраженія съ большою подробностію, ибо сопровождали его обстоятельства столько странныя, что я не умѣлъ дать ни малѣйшей связи происшествіямъ. Случалось мнѣ слышать разсужденія о семъ сраженіи многихъ достойныхъ офицеровъ, но ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ яснаго о немъ понятія, и только согласовались въ томъ, что никогда не были свидѣтелями подобнаго событія. Нѣтъ сомнѣнія, что въ послѣдствіи составятся описанія, но трудно будетъ дать имъ полную довѣренность, и скорѣе могутъ быть съ точностію опредѣлены частныя дѣйствія, нежели соотношенія ихъ между собою и согласованіе дѣйствій со временемъ. О сраженіи Аустерлицкомъ можно сказать, что каждой части войскъ предоставлено было дѣйствовать отдѣльно, съ условіемъ при

томъ, ни себѣ не ожидать, ни другимъ не давать вспомо- 1806.
committedществованія, и для лучшаго успѣха полезно было бы даже забыть, что на томъ же самомъ полѣ, и въ то же самое время, были еще другія Русскія войска.

Такъ раздѣленныхъ насъ и лишенныхъ взаимнаго вспоможенія, представила судьба предъ лицо непріятеля, и онъ, трепещущій имени Русскаго, осмѣлился быть побѣдителемъ.

Не долженъ Россіянинъ простить пораженія при Аустерлицѣ, и сердце каждаго да исполнится желаніемъ отмщенія!

Non adeo has exosa manus victoria fugit.

Virgilius.

Въ половинѣ Генваря мѣсяца армія наша, возвратясь въ свои предѣлы, расположилась на квартирахъ въ Волынской Губерніи. Главная квартира заняла мѣстечко Дубно.

Армія Генерала отъ кавалеріи Михельсена, проходившая чрезъ Польскія области, пранадлежащія Пруссіи, не видавъ непріятеля, также возвратилась въ свои границы. Начальство надъ нею принялъ Генералъ отъ кавалеріи Беннингсенъ.

До весны пробыли мы на Волыни, гдѣ, послѣ трудовъ тяжелой кампаніи, отдохновеніе и покой, раскрывъ таившіяся болѣзни, армію нашу уменьшили чрезвычайно, и мы, претерпѣвъ отъ стѣсненія неудобство и большой недостатокъ, расположились наконецъ на большомъ пространствѣ. Я съ ротою моею отправленъ въ 3-ю дивизію Генералъ-Лейтенанта Барона фонъ деръ Остенъ-Сакена, расположенную около мѣстечка Шавель, Виленской Губерніи.

Въ непродолжительномъ времени вышли за прошедшую войну награды. Многіе весьма щедрыя получили за одно сраженіе при Аустерлицѣ; мнѣ, за дѣла во всю кампанію, данъ орденъ Св. Анны второй степени, ибо ничего нельзя было дать менѣе.

6

1806. Напослѣдокъ, по отличному отзыву обо мнѣ Главнокомандующаго и ходатайству Генералъ-Адъютанта Уварова, я произведенъ въ Полковники, обойдя одного старѣе меня въ чинѣ. По расположенію ко мнѣ Начальства, я долженъ былъ и то принять за величайшую награду, хотя въ одномъ чинѣ былъ я безъ малаго девять лѣтъ.

По новому преобразованію артиллеріи въ бригады, и по присоединеніи ихъ къ пѣхотнымъ дивизіямъ, я назначенъ командиромъ 7-й бригады, въ дивизіи Генералъ-Лейтенанта Дохтурова, расположенной въ окрестностяхъ Дубна на Волыни, и принялъ вновь сформированную конную роту.

Дѣятельныя, мѣры принятыя къ укомплектованію войскъ, послѣ сдѣланной потери въ минувшую кампанію, подтвердили носящіеся слухи о пріуготовленіяхъ къ войнѣ.

Наконецъ, въ помощь Пруссіи, назначена армія подъ начальствомъ Генерала Барона Беннингсена.

Война противъ Французовъ въ Пруссіи.

Въ составъ сей арміи поступили свѣжія войска, не бывшія въ прошедшемъ походѣ, и она состояла изъ

2-й дивизіи Генералъ-Маіора Графа Остермана-Толстаго.

3-й Генералъ-Лейтенанта Барона фонъ деръ Остенъ-Сакена.

4-й Генералъ-Лейтенанта Князя Голицына.

5-й Генералъ-Маіора Седморацкаго.

Кавалерія непосредственно принадлежала дивизіямъ, но по обстоятельствамъ, отдѣляемая отъ оныхъ, составлялась особыми частьми. Нѣсколько Донскихъ Козачьихъ полковъ присоединены были къ арміи.

Въ началѣ Октября армія сія переправилась за рѣку Нѣменъ, въ мѣстечкахъ Юрбургѣ и Олитѣ.

Подъ начальство Генерала Графа Буксгевдена поручена другая армія, также изъ четырехъ дивизій состоя-

щая; войска, ихъ составлявшія, находились въ сраженіи при Аустерлицѣ и не задолго до похода пополнены были весьма большимъ количествомъ рекрутъ. 1806.

Армія сія въ концѣ Ноября вошла въ предѣлы Пруссіи чрезъ Брестъ Литовскій.

Генералъ Беннингсенъ въ то время находился уже на рѣкѣ Наревѣ, и одною дивизіею занималъ предмѣстье города Варшавы, именуемое Прага. Отрядъ кавалеріи находился на лѣвомъ берегу Вислы, въ 12 часахъ разстоянія.

Наполеонъ, лично предводительствуя сильною арміею, при городѣ Ауерштедтѣ совершенно разбилъ Прусскія войска. Сраженіе неудачнѣе было потеряннаго Австрійцами при Ульмѣ. Также потеряна была вся почти артиллерія, и въ плѣну было необыкновенно большое число войскъ. Преслѣдуемые остатки арміи или разсѣяны, или принуждены сдаться. Лучшія крѣпости взяты, и нѣкоторыя даже безъ сопротивленія. Непріятель овладѣлъ Берлиномъ, и Король, съ малымъ числомъ войскъ, поспѣшно набранныхъ, находился въ Кёнигсбергѣ. Уничтоженною арміею предводительствовалъ Принцъ Брауншвейгскій, одинъ изъ знаменитѣйшихъ полководцевъ времени Фридриха Великаго. Мгновенно пала слава войскъ, преодолѣвшихъ страшный союзъ могущественнѣйшихъ въ Европѣ Государей.

Въ прошедшемъ году Пруссія уклонилась отъ содѣйствія намъ, боясь, какъ будто, славу побѣдить Наполеона затмить нашимъ участіемъ.

Наполеонъ, продолжая успѣхи, послалъ особенный корпусъ для покоренія лежащихъ въ Шлезіи крѣпостей; самъ, ускоряя движеніе, пошелъ съ арміею къ Варшавѣ, извѣщенъ будучи о приближеніи къ ней войскъ нашихъ.

Достигъ слухъ о его движеніи, и обѣимъ нашимъ арміямъ приказано поспѣшно соединиться.

Въ Бѣлостокѣ сошлись арміи, и начальствующіе ими, не будучи пріятелями прежде, встрѣтились совершенными злодѣями. Никогда не было согласія въ предпріятіяхъ, всег-

1806. дашняя нестройность въ самыхъ ничтожныхъ распоряженіяхъ, и въ такомъ состояніи дѣлъ нашихъ ожидали мы скораго прибытія непріятеля, ободреннаго побѣдами.

Отрядъ кавалеріи нашей, бывшій впереди, перешелъ обратно на правый берегъ Вислы.

Наполеонъ занялъ Варшаву и овладѣлъ въ ней знатными магазинами, которыхъ не приказано было истреблять въ томъ предположеніи, что въ послѣдствіи могутъ быть намъ полезными. Но командовавшій въ Прагѣ Генералъ-Маіоръ Седморацкій долженъ былъ, или взять ихъ въ пользу войскъ нашихъ, или, если уже не доставало для того времени, по крайней мѣрѣ, сжечь ихъ, дабы не воспользовался ими непріятель, но онъ не почиталъ себя въ правѣ того сдѣлать, и умѣлъ ожидать особеннаго разрѣшенія. Онъ также не истребилъ судовъ, чтобы не дать непріятелю способовъ къ переправѣ, и, опасаясь, чтобы не перешелъ онъ Вислы въ границахъ Австрійскихъ, весьма близко прилежащихъ къ Варшавѣ, оставилъ предмѣстье Прагу и отдалился на нѣкоторое разстояніе, довольствуясь однимъ наблюденіемъ Вислы конными патрулями.[9] Другая наша дивизія, стоявшая съ правой стороны, также посылала къ Вислѣ свои разъѣзды, но они не всегда исправно съѣзжались съ первыми, и непріятель, имѣя въ своемъ распоряженіи суда и пользуясь мѣстомъ, гдѣ Висла двумя неравными рукавами, обтекая обширный островъ, закрывала его движенія, построилъ мостъ и перешелъ на правый ея берегъ. Поздно съ нашей стороны примѣчено было его намѣреніе, и тогда только могли противостать ему нѣкоторыя силы, когда уже встрѣчены были превосходнѣйшія.

Въ сіе время прибылъ къ командованію обѣими арміями Генералъ-Фельдмаршалъ Графъ Каменскій. Опытный начальникъ при первомъ взглядѣ увидѣлъ, сколько

[9] Генералъ Седморацкій принадлежитъ къ числу офицеровъ, извѣстныхъ подъ именемъ Гатчинскихъ, и познаніе военнаго ремесл

опасно положеніе войскъ нашихъ, разсыпанныхъ на большомъ пространствѣ, тогда какъ непріятель имѣлъ свои силы въ совокупности и уже владѣлъ правымъ берегомъ Вислы. Онъ приказалъ поспѣшнѣе собрать войска. Близость непріятеля не допускала сдѣлать того иначе, какъ отступивши на нѣкоторое разстояніе. 1806.

Армія наша чрезвычайно нуждалась въ продовольствіи, и единственную пищу составлялъ картофель, который надобно было отыскивать вдалекѣ и терпѣть для того отлучки большаго числа людей. Не рѣдко войска направляемы были не туда, гдѣ присутствія ихъ требовали обстоятельства, но гдѣ надѣяться можно было сыскать нѣсколько лучшее продовольствіе. Повсюду селенія были пусты, глубокая осень и безпрерывные дожди разрушили дороги и безъ пособія жителей не было средствъ дѣлать подводы.

Армія наша начала сосредоточиваться, отступая, и, сколько очевидная опасность ни заставляла ускорить соединеніе силъ, не могли, однако же, нѣкоторыя части нашихъ войскъ избѣжать неравной борьбы съ непріятелемъ. Подъ мѣстечками Чарновымъ и Сѣроцкомъ, Генералъ-Маіоръ Графъ Остерманъ-Толстой вытерпѣлъ горячее нападеніе, и со всею его неустрашимостію и храбростію его войскъ, при чувствительной потерѣ, долженъ былъ лишиться нѣсколькихъ пушекъ. При мѣстечкѣ Лопацинѣ атакованъ былъ превосходными силами Генералъ-Маіоръ Графъ Паленъ (Петръ Петровичъ). Онъ шелъ на сборное мѣсто дивизіи, и отъ онаго находился не болѣе одной мили съ половиною. Столько небезопасны были сообщенія между войскъ нашихъ! Графъ Паленъ имѣлъ къ отступленію кратчайшую дорогу на мѣстечко Голиминъ, и ту выгоду, что лѣсистыя мѣста препятствовали непріятелю дѣйствовать многими силами, а сверхъ того въ Голиминѣ онъ могъ найти

пріобрѣлъ въ классѣ Генерала Канебиха, обучавшаго тактикѣ, которую нѣкто весьма остроумно назвалъ наукою о свертываніи плаща; ибо не далѣе простирались свѣдѣнія самаго наставника.

1806 войска. Но должно отдать справедливость благоразумной предусмотрительности его, что, не взирая на большія гораздо трудности, онъ взялъ направленіе на отрядъ Генералъ-Маіора Чаплица, расположенный у мѣстечка Цѣханова, который иначе былъ бы отрѣзанъ и въ послѣдствіи могъ быть уничтоженъ. При семъ отрядѣ находился я съ тремя ротами артиллеріи и легко могъ видѣть, что направленіе его на Цѣхановъ не приносило ни какой пользы, но было слѣдствіемъ одного неблагоразумнаго распоряженія Графа Буксгевдена. Фельдмаршалъ, узнавъ о томъ и сдѣлавъ строгое замѣчаніе за нелѣпое раздробленіе силъ, приказалъ отряду немедленно возвратиться, но уже мы были на мѣстѣ и, утомленные грязною чрезвычайно дорогою, не могли тотчасъ выступить обратно.

По счастью, Генералъ Графъ Паленъ искуснымъ сопротивленіемъ продлилъ сраженіе, и не прежде присоединился къ отряду Генерала Чаплица, какъ уже поздно вечеромъ, и по тому непріятель не могъ воспрепятствовать намъ соединиться съ войсками при мѣстечкѣ Голиминѣ.

Когда на другой день возвращались мы къ оному, непріятель проходилъ по той прямой дорогѣ, о которой сказалъ я выше, но мы однимъ часомъ времени его предупредили.

Прибывъ въ Голиминъ 14 числа Декабря, нашли мы 7-ю дивизію Генералъ-Лейтенанта Дохтурова, 5-ю Генералъ-Лейтенанта Тучкова 1-го, и часть 4-й дивизіи Генералъ-Лейтенанта Князя Голицына изъ арміи Генерала Беннингсена.

Непріятель началъ перестрѣлку. Войска его были въ малыхъ силахъ и по большой части состояли изъ кавалеріи подъ начальствомъ Принца Мюрата. Ужасное превосходство было на нашей сторонѣ, и если топкія мѣста покоряли насъ не самому выгодному устроенію войскъ, которыя расположились по двумъ дорогамъ, почти подъ прямымъ угломъ сходящимся, то непріятель еще менѣе имѣлъ удобности, занимая средину лѣсомъ и мелкимъ кустарни-

комъ покрытую. Противъ восьми его пушекъ имѣли мы 1806.
до восьмидесяти орудій, вся 5-я дивизія нашлась излишнею по тѣснотѣ мѣстоположенія и составляла резервъ, тогда какъ непріятель не имѣлъ другихъ стрѣлковъ, кромѣ спѣшенныхъ конныхъ егерей. Совершенно отъ насъ зависѣло уничтожить Принца Мюрата, но мы довольствовались пустою перестрѣлкою, и Мюратъ былъ атакующимъ. Въ теченіи непродолжительнаго времени пришла сильная непріятельская кавалерія, но число артиллеріи его не увеличилось; ибо она, по причинѣ болотистыхъ мѣстъ и дорогъ, въ то время года непроходимыхъ, не могла слѣдовать равною съ нею скоростію. Та же самая причина препятствовала пѣхотѣ, и она прибыла въ весьма незначительномъ количествѣ. По старшинству, думать надобно, командовалъ съ нашей стороны Генералъ Дохтуровъ, но справедливѣе сказать не командовалъ никто: ибо когда послалъ я бригаднаго Адъютанта за приказаніемъ, онъ, отыскивая начальника и переходя отъ одного къ другому, не болѣе получаса времени, былъ, по крайней мѣрѣ, у пяти Генераловъ, и ничего не успѣлъ испросить въ разрѣшеніе.

Между тѣмъ непріятель сдѣлался предпріимчивѣе и непонятнымъ образомъ успѣлъ обойти лѣвое наше крыло, что не иначе могло произойти, какъ отъ нашей оплошности; но избытокъ силъ вскорѣ возстановилъ порядокъ. Должно отдать справедливую похвалу храбрости Генералъ-Маіора Князя Щербатова: когда полкъ его Костромской мушкатерскій, разстроенъ будучи большою потерею, долженъ былъ уступить удачной атакѣ непріятеля, онъ, взявъ знамя, бросился впередъ, и непріятель обратился въ бѣгство. Къ вечеру стали очевидно уменьшаться войска наши и замѣтны были многіе въ линіяхъ интервалы. Легко было понять, что не таковъ долженъ быть порядокъ при отступленіи, и что войска отходили, конечно, не по приказанію, но по произволу. Долго не смѣлъ я отступить безъ приказанія, но, не видя необходимости оставаться послѣднимъ, согласилъ я Подполковника Князя Жевахова съ двумя эскадронами Павлоградскаго гусарскаго полка итти

1806. вмѣстѣ, и мы отправились въ ту сторону, гдѣ видно было болѣе отступающихъ. Пройдя мѣстечко Голиминъ, взялъ я направленіе на мѣстечко Маковъ. Правый флангъ войскъ нашихъ, состоявшій изъ отряда Генералъ-Маіора Чаплица, видя, что лѣвый флангъ отступилъ, и ни какъ не ожидая, чтобы мѣстечко Голиминъ, занимавшее центръ нашей позиціи, могло быть оставлено нами прежде нежели пройдутъ послѣднія войска, безпечно подошелъ къ нему, но у самаго мѣстечка встрѣченъ былъ картечными выстрѣлами. Внезапный сей случай привелъ въ замѣшательство Екатеринославскій гренадерскій и Владимірскій мушкатерскій полки, темнота способствовала безпорядку, и два орудія остались въ добычу непріятеля.

Такимъ образомъ кончилось сраженіе, имѣвшее для насъ одну ту пользу, что мы развлекли силы непріятеля и собою заняли нѣкоторую часть оныхъ. Но простителенъ ли подобной разсчетъ, когда употреблены на то средства въ три раза болѣе тѣхъ, что имѣлъ непріятель? Надобно бы было видѣть, чтобы съ таковыми сдѣлалъ Наполеонъ.

Въ пяти верстахъ отъ Голимина, въ селеніи Ключницы, нашелъ я, въ господскомъ домѣ, нѣсколько Генераловъ, и конечно они не вмѣстѣ съ нами пріѣхали, ибо засталъ уже ихъ спящихъ, а на полу остатки кушанья свидѣтельствовали, что сонъ не происходилъ отъ голода. Въ подобныхъ случаяхъ тотъ, кто пріѣзжаетъ послѣдній, является съ нѣкоторыми преимуществами и правами, и пробужденные почтили меня бутылкою портера. Я видѣлъ, что спутникъ мой, гусаръ Князь Жеваховъ, недоволенъ былъ излишне скромнымъ привѣтствіемъ.

Въ отступленіи отъ Голимина, не будучи не только преслѣдуемы, ниже почти и наблюдаемы непріятелемъ, оставили мы около сорока пушекъ, большею частію батарейной артиллеріи, единственно по причинѣ крайняго изнуренія лошадей и дорогъ, непроходимыхъ отъ чрезвычайной грязи. Той же участи должна была подпасть и моя рота; но, захватя выпряженныхъ лошадей, брошенныхъ отъ ротъ, я избавился стыда лишиться орудій безъ выстрѣла.

В тотъ же самый день, какъ при Голиминѣ, произошло въ Пултускѣ главное сраженіе. Наполеонъ, собравъ всѣ силы, за исключеніемъ бывшей кавалеріи съ Принцемъ Мюратомъ, сблизился съ Генераломъ Беннингсеномъ, и сей, не имѣя возможности отступить, не подвергаясь крайней опасности, рѣшился дождаться непріятеля. Наполеонъ употребилъ всѣ усилія; войска, присутствіемъ его ободренныя, дѣйствовали съ возможною рѣшительностію и безстрашіемъ. Уже ослабѣвали войска наши, ибо превосходство силъ было на сторонѣ непріятеля и побѣда очевидно склонялась въ его пользу. Оттѣсненныя на нѣкоторыхъ пунктахъ, уже истощевали они послѣднія средства невыгодной обороны, но по счастію, непріятель не могъ противопоставить равнаго дѣйствія нашей артиллеріи; ибо его, за худыми дорогами, оставалась назади, и сіе одно не только могло продлить сраженіе, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже возстановило оное съ большою для насъ выгодою. Генералъ Беннингсенъ непоколебимъ въ твердости своей и самымъ отчаяннымъ положеніемъ возбуждаемый, прибѣгнулъ къ послѣднимъ средствамъ, и резерву, состоявшему изъ двухъ пѣхотныхъ полковъ, приказалъ ударить въ штыки. Начальнику полковъ истолковано было, что отъ сего послѣдняго усилія зависитъ спасеніе прочихъ войскъ, и полки бросились стремительно. Непріятель отступилъ, не устоявъ противъ штыковъ. Войска его, потерявъ взаимную связь и не довольно будучи сильными остановить успѣхи на семъ пунктѣ, искали въ скоромъ удаленіи средства спасти отъ пораженія разорванныя части, и мгновенно часть лучшей позиціи непріятеля была въ рукахъ нашихъ. Клонившійся къ самому вечеру день не допустилъ Наполеона поправить неудачу; ибо необходимо было нѣкоторое время для приведенія въ порядокъ разстроенныхъ войскъ, прежде нежели приступить къ какому либо предпріятію. Итакъ твердость Генерала Беннингсена самое опасное положеніе обратила въ побѣду совершенную. Отразить превосходныя силы подъ личнымъ Наполеона предводительствомъ есть подвигъ великій; но преодолѣть и 1806.

1806. обратить въ бѣгство есть слава, которую доселѣ никто не стяжалъ изъ его противниковъ.

Выгоды, дарованныя побѣдою при Пултускѣ, если бы воспользовались ими, должны были освободить Варшаву и Польскія провинціи, принадлежащія Пруссіи, и отдалить непріятеля за рѣку Одеръ.

Послѣ сраженія при Пултускѣ и Голиминѣ арміямъ надлежало ити за непріятелемъ, или, по крайнѣй мѣрѣ, остановиться. Генералъ Графъ Буксгевденъ первый обязанъ былъ то сдѣлать; ибо противъ войскъ его въ Голиминѣ непріятель былъ безсиленъ, и если не умѣлъ онъ его уничтожить, то всеконечно уже бѣжать было не отъ чего; а если почиталъ онъ отступленіе необходимымъ, то столько же нужно было согласовать его съ дѣйствіями Генерала Беннингсена, о которыхъ долженъ былъ дождаться извѣстія. О направленіи главныхъ силъ непріятеля были точныя свѣдѣнія, и по тому безполезно употребленными при Голиминѣ силами можно было подкрѣпить Генерала Беннингсена и усовершенствовать его побѣду; но Генералъ Графъ Буксгевденъ, по враждѣ ли съ Генераломъ Беннингсеномъ, желая сдѣлать ему вредъ, или собственно по недоумѣнію, продолжалъ выполнять повелѣніе Фельдмаршала объ отступленіи, вынужденное самою крайностію, дабы сосредочить разсѣянныя войска, но силу коего измѣнить должны были необходимо происшествія того дня, слишкомъ разительно обяснившія выгоду противнаго дѣйствія. Если не понимать сего, не надобно браться за командованіе арміею. Если, для удовлетворенія вражды, пренебрегать общими выгодами, надобно быть наказану, и въ обоихъ случаяхъ армія избавилась бы тяжелаго весьма начальника, къ посредственнымъ коего способностямъ не могла она имѣть довѣренности и извѣстнаго одною храбростію, которая въ званіи вождя не замѣняетъ необходимыхъ дарованій.

Въ день сраженія Фельдмаршалъ Графъ Каменскій, въ девять часовъ по утру, былъ въ Голиминѣ и самъ назначилъ посты для Казачьяго Малахова поста, предвидя важ-

ность сего мѣста, къ которому приказалъ войскамъ прибыть поспѣшнѣе; а дабы не потерять время въ перепискѣ, послалъ отъ себя прямо къ начальнику отряда, отправленнаго въ Цѣхановъ, чтобы онъ скорѣе возвратился въ Голиминъ, поставя ему на видъ, что одною быстротою движенія можетъ избѣжать опасности быть отрѣзаннымъ. Фельдмаршалъ былъ также въ Пултускѣ во время сраженія; но когда послѣ онаго необходимо было войскамъ общее распоряженіе, согласно перемѣнившимся неожиданно обстоятельствамъ, уже данъ былъ приказъ арміямъ, что онъ оставляетъ ихъ по причинѣ болѣзни, и отправился въ Гродно. Во всякомъ случаѣ сдѣлалъ онъ непростительный поступокъ; ибо присутствіе его при арміи тѣмъ необходимѣе было, что онъ не полагалъ возможнымъ кончить съ выгодою сраженіе при Пултускѣ, а по отъѣздѣ его и малѣйшая неудача, при несогласіи начальниковъ, могла имѣть бѣдственныя послѣдствія. Армія сожалѣла объ его отъѣздѣ; ибо на опытность его и прежнюю знаменитость полагала большія надежды. Между начальниками были разсужденія, что ни къ чему доброму не поведетъ извѣстная вражда командующихъ арміями. 1806.

Генералъ Беннингсенъ, лишенъ будучи выгодъ одержанной побѣды, нашелся въ необходимости оставить мѣсто; ибо Графъ Буксгевденъ, отступая, открывалъ непріятелю дорогу въ тылъ его расположенія, и по тому, взявъ направленіе на мѣстечко Рожанъ, въ городѣ Остроленкѣ перешелъ на лѣвый берегъ Нарева.

Генералъ Графъ Буксгевденъ туда же отступилъ чрезъ мѣстечко Маковъ. Здѣсь оставленъ былъ арріергардъ въ командѣ Генералъ-Маіора Маркова, для прикрытія арміи, переходившей за рѣку. До самой ночи съ чрезвычайною медленностію продолжалось ея движеніе. Въ безпорядкѣ тѣснились обозы на длинномъ мосту, а уже непріятель, вышедшій изъ окружающихъ лѣсовъ, въ большихъ силахъ занялъ позицію не далеко отъ мѣстечка. Нельзя было въ короткое время разрушить мостъ, и по тому опасно было, чтобы непріятель, пользуясь темнотою ночи, не овладѣлъ

1806. имъ. Съ позволенія начальника, послалъ я команду, и приказалъ ей зажечь два квартала, прилежащіе къ мосту, дабы освѣтить приближеніе непріятеля, если бы покусился онъ идти на оный. Два раза подходили его войска и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ осматривали броды, но большая часть сорока орудій, которыми я командовалъ, употреблены были на защиту оныхъ, и не трудно было успѣть въ томъ. Потеря отъ канонады должна была быть значительною, и мы успѣли разрушить часть моста. Мнѣ грозили наказаніемъ за произведенный пожаръ, въ главной квартирѣ много о томъ разсуждали и находили мѣру жестокою. Я разумѣлъ, что послѣ хорошаго обѣда, на досугѣ, а особливо въ 20 верстахъ отъ опасности, не трудно щеголять великодушіемъ. Вняли, однако же, моимъ оправданіямъ. Аріергардъ отошелъ на селеніе Новавѣсь, гдѣ расположена была дивизія Генерала Дохтурова. Посланный имъ Ингерманландскій драгунскій полкъ по направленію къ мѣстечку Рожану, встрѣтившись съ отрядомъ непріятельской кавалеріи, не удержалъ онаго, и привелъ его за собою къ квартирѣ Генерала, который, занимая не подалеку отъ лагеря домъ Католическаго Священника, сидѣлъ весьма покойно у окна. Онъ видѣлъ скачущихъ около забора Французовъ, но, по счастью, домъ былъ на дворѣ и ворота заперты. Движеніе въ лагерѣ устрашило непріятеля, и онъ отошелъ поспѣшно. Хозяинъ дома подозрѣваемъ былъ, что далъ извѣстіе.

Когда Графъ Буксгевденъ пришелъ къ Нареву, рѣка покрыта была сильнымъ льдомъ, мосты истреблены и съ другимъ берегомъ не было сообщенія. Въ семъ положеніи оставались мы нѣсколько дней, и съ приближеніемъ непріятеля часъ отъ часу умножалась опасность. Онъ могъ имѣть извѣстіе, что арміи раздѣлены были рѣкою и не въ состояніи вспомоществовать одна другой. Надобно было, однако же, думать, что разстройство войскъ воспрепятствовало атаковать; ибо, не смотря на всѣ выгоды, непріятель ограничился однимъ весьма осторожнымъ наблюденіемъ, и передовые наши посты въ командѣ Ге-

нералъ-Маіора Графа Палена удерживали его въ большомъ отдаленіи. 1806.

Генералъ Беннигсенъ употребилъ всѣ старанія, дабы между арміями учредить сообщеніе. Чрезъ рѣку натянуты были канаты, и настилаемая солома, поливаема будучи водою, замерзала такъ, что пѣхота, хотя съ осторожностію, могла, однако же, переправиться на нашу сторону. а вскорѣ по томъ и мосты учреждены были и къ радости арміи соединились.

Императоръ съ неудовольствіемъ получилъ извѣстіе объ отъѣздѣ Фельдмаршала изъ арміи, весьма обрадованъ былъ пріобрѣтенными подъ Пултускомъ успѣхами. Фельдмаршалу, впредь до повелѣнія, назначено пребываніе въ городѣ Гроднѣ. Обѣ арміи составлены въ одну подъ начальствомъ Генерала Барона Беннигсена, а Графъ Буксгевденъ отозванъ въ Россію. Армія обрадована была извѣстіемъ, ибо онъ не пріобрѣлъ привязанности войскъ. Можетъ быть не многіе знали и умъ и способности ограниченныя сего начальника, но гордость несносная и грубости слишкомъ чувствительными были каждому.

Главнокомандующій получилъ приказаніе вступить въ Пруссію, и армія въ самыхъ послѣднихъ числахъ Декабря пошла по направленію на Кольно, Бялу, Іоганнисбургъ и далѣе. Составлены три передовые отряда, изъ коихъ сильнѣйшій данъ въ команду Генералъ-Маіора Маркова, другіе два поручены Генералъ-Маіорамъ Барклаю де Толли и Багговуту. Авангарду Генерала Маркова, въ которомъ опредѣленъ я начальникомъ артиллеріи, назначено слѣдовать на Арисъ, Рейнъ, Растенбургъ, Рессель, до Гейльсберга. Армія въ близкомъ разстояніи двинулась по тому же направленію. 1807.

Слышно было, что непріятель лѣвымъ крыломъ своимъ потянулся также въ Пруссію. Въ скоромъ времени около Николайкена и Зеебурга появились конныя его партіи, для наблюденія за движеніями нашими. Отъ насъ отряжены таковыя же, и онѣ, при помощи жителей, въ зем-

1807. лѣ малооткрытой, изрѣзанной множествомъ озеръ, приносили большую пользу. Въ Николайкенѣ схватили онѣ нѣсколько человѣкъ.

Генваря 12-го числа, авангардъ, прибывши въ селеніе Эльдиттенъ, узналъ отъ жителей, что въ городѣ Либштадтѣ расположенъ отрядъ Французскихъ войскъ, отъ котораго не болѣе получаса назадъ приходилъ въ селеніе разъѣздъ, для узнанія, нѣтъ ли о Русскихъ какихъ либо слуховъ. Мы въ сей день сдѣлали довольно большой переходъ, и по тому Генералъ Марковъ, дабы употребить людей менѣе усталыхъ; приказалъ вызвать охотниковъ. Большое число объявили себя таковыми, но когда предложено было 5 егерскому полку, и люди узнали, что идетъ самъ Шефъ, Полковникъ Гоголь, общій отзывъ былъ, что не останется ни одинъ человѣкъ, ибо равно всѣ ити желаютъ, и, не сдѣлавъ даже привала, полкъ выступилъ немедленно. Я упросилъ послать два орудія, и съ ними пошелъ самъ, чтобы свидѣтелемъ быть происшествія. Въ двухъ верстахъ отъ Либштадта, возвышенности, которыя должны мы были проходить, открыли насъ непріятелю, и тотчасъ по городской стѣнѣ и въ воротахъ начала пѣхота пріуготовляться къ оборонѣ, но примѣтно было, что она не въ большомъ количествѣ. Егеря наши, занявъ прилежащее къ городу кладбище, вошли въ перестрѣлку, а между тѣмъ приспѣла и линѣйная пѣхота и расположилась противъ воротъ, отъ которыхъ продолжалась главная улица. Полковникъ Юрковскій, съ двумя эскадронами Елисаветградскаго гусарскаго полка, ворвался въ городъ съ боковой стороны онаго, и въ то же время пѣхота ударила въ штыки. Непріятель приведенъ былъ въ замѣшательство и, столпясь въ тѣсныхъ и кривыхъ улицахъ, потерпѣлъ большой уронъ, а тѣ, кои бѣжали изъ города, ожидаемы были Казаками храбраго Подполковника Сысоева, который сгремительно ихъ преслѣдовалъ. Изъ пушекъ нашихъ не сдѣлано ни одного выстрѣла. Въ плѣнъ досталось намъ 22 штабъ и оберъ-офицера, и болѣе 300 человѣкъ нижнихъ чиновъ. Гусарскій красный полкъ, не извѣстно по-

чему называемый просто Парижскимъ, почти истребленъ 1807.
при семъ случаѣ. Оставивши въ городѣ небольшой кавалерійскій постъ, Генералъ Марковъ возвратилъ полки въ селеніе Эльдиттенъ, гдѣ утомленнымъ войскамъ готова была пища и покойный ночлегъ. Мы въ сіи сутки въ походѣ и дѣйствіи были 16 часовъ.

По диспозиціи изъ главной квартиры, 13 Генваря авангарду назначенъ ночлегъ въ городкѣ Морунгенъ, и мы выступили съ разсвѣтомъ. Впереди съ Елисаветградскимъ гусарскимъ и двумя Донскими полками Полковникъ Юрковскій, прогоняя передъ собою непріятельскіе пикеты, только лишь взошелъ на хребетъ небольшихъ возвышенностей, у подошвы коихъ оканчивается пространная равнина, въ которой лежитъ Морунгенъ, увидѣлъ онъ устроеннаго въ боевой порядокъ непріятеля довольно сильнаго. Полковникъ Юрковскій имѣлъ неосторожность спуститься въ равнину, и непріятель встрѣтилъ его своею кавалеріею. Прибылъ, ускорившій движеніе, авангардъ и нашелъ, что тѣснимый превосходною кавалеріею, отступаетъ онѣ къ одной мызѣ, въ которой прямая улица могла быть обстрѣливаема непріятельскою артиллеріею. Немедленно привелъ я конную свою роту, и превосходствомъ огня и преимуществомъ возвышеннаго мѣстоположенія, отогнавъ батарею, доставилъ я нашей конницѣ удобное отступленіе. Ей приказано расположиться позади войскъ, часть же Казаковъ, разсыпавшись въ равнинѣ, производила перестрѣлку. Генералъ-Маіоръ Марковъ войска авангарда устроилъ на возвышенностяхъ. Непріятель повелъ атаку на лѣвый нашъ флангъ. Колонна пѣхоты двинулась къ мызѣ (о которой сказано выше), и дабы менѣе испытывать дѣйствіе артиллеріи, взяла направленіе чрезъ озеро, прилежащее съ правой стороны и покрытое весьма твердымъ льдомъ. Занявъ мызу, пѣхота расположилась въ саду, окруженномъ высокимъ заборомъ и рвомъ. Обнаженныя деревья открыли небольшое число стрѣлковъ нашихъ, они немедленно выгнаны и ружейный огонь непріятеля вредилъ линіямъ. Полковнику Вуичу съ 25-мъ егер-

1807. скимъ полкомъ приказано ударить на непріятеля. Полкъ сей, сформированный предъ самою войною и не познакомившійся съ опасностями, разстроился при переходѣ чрезъ ровъ и не могъ удержаться, нѣкоторые изъ храбрѣйшихъ перелѣзли чрезъ ограду, но, не будучи поддержаны, остались на мѣстѣ. Тогда шесть ротъ Екатеринославскаго гренадерскаго полка, съ храбрымъ Маіоромъ Фишеромъ, и двѣ роты 5-го егерскаго полка, бросились впередъ, не сдѣлавъ выстрѣла перелѣзли заборъ и почти всѣхъ бывшихъ въ саду и мызѣ истребили. При семъ случаѣ взято знамя 9-го полка легкой пѣхоты,[10] котораго малые весьма остатки спаслись бѣгствомъ по озеру. Въ сіе время Донскаго полка Подполковникъ Малаховъ далъ знать, что въ разстояніи восьми верстъ открылъ онъ непріятеля, который имѣлъ много пѣхоты и большія орудія, а въ трехъ верстахъ отъ праваго фланга осмотрѣлъ залегшую въ скрытыхъ мѣстахъ пѣхоту отъ полутора до двухъ тысячъ человѣкъ. Всего болѣе непріятно было сіе послѣднее извѣстіе; ибо къ сей сторонѣ лежала единственная дорога, по которой могли мы отступить.

Не прошло двухъ часовъ, какъ увидѣли мы, на разстояніи двухъ пушечныхъ выстрѣловъ, по дорогѣ отъ мѣстечка Голландъ, выходящую изъ лѣсу пѣхоту. Противъ праваго фланга нашего, устроясь въ боевой порядокъ, прикрытая кавалеріею, начала она подвигаться впередъ. Схваченные фланкеры показали, что прибывшія войска составляли корпусъ Маршала Бернадота, имъ лично предводимый. За часъ до сего могли мы отойти безопасно; пропустя время, едва можно было надѣяться спастись, хотя бы и съ большимъ урономъ. Открытые отовсюду, не могли мы обмануть непріятеля на счетъ силъ нашихъ и заставить его дѣйствовать съ осторожностію. При первомъ взглядѣ могъ онъ видѣть, что мы не въ состояніи были

---

[10] Знамя сіе во время Республики дано за храбрость полубригадѣ, которая наименована l'incomparable.

противиться силамъ его, по крайней мѣрѣ, въ трое превосходнымъ. Колонны его двинулись отовсюду противъ занимаемыхъ нами возвышенностей, и хотя нѣкоторыя опрокинуты картечнымъ огнемъ и штыками, свѣжія войска возобновляли немедленно нападеніе, и мы, принуждены будучи уступить, не могли уже удержаться. Нѣсколько баталіоновъ, находившихся на правомъ флангѣ, не далеко отъ дороги, пошли на селеніе Георгіенталь, которое непріятель не успѣлъ занять значительными силами, но одними стрѣлками отъ той пѣхоты, которая открыта была Подполковникомъ Малаховымъ, и потому они не могли быть остановлены. Съ сими баталіонами отправился Генералъ Марковъ. Непріятель подъ сильнымъ огнемъ своихъ батарей тѣснилъ остальную часть авангарда, и мы отступали шагъ за шагомъ. Артиллерія наша не дѣлала другихъ выстрѣловъ, кромѣ картечныхъ. Уже было очень темно, когда вошли мы въ лѣсъ, и тогда непріятель прекратилъ преслѣдованіе, вѣроятно, въ надеждѣ имѣть насъ на другой день въ своихъ рукахъ. По отбытіи Генерала Маркова, не оставалось другаго Генерала, и по тому Полковники, Турчаниновъ (Павелъ Петровичъ), Вуичъ и я, явились въ команду старшаго Полковника, Юрковскаго. Первое стараніе наше было отыскать дорогу, и я не менѣе другихъ заботился о томъ, дабы не имѣть стыда потерять болѣе двадцати орудій артиллеріи; но, встрѣчая по лѣсу или глубокіе снѣга, или незамерзшія болота, мы не находили средства выйти. Командиръ Донскаго полка, храбрый Сысоевъ, отыскалъ мѣсто, по которому артиллерія могла довольно удобно достигнуть большой дороги, но необходимо надлежало проходить весьма близко отъ непріятельскаго бивуака, при селеніи Георгіенталь. Конечно, средство сіе спасти артиллерію было сомнительно, но какъ не было другаго, то рѣшились мы испытать его. Въ слѣдованіи мимо бивуака, Французы произвели по насъ ружейный огонь, и мы имѣли нѣсколько раненыхъ людей, но далѣе мы шли въ совершенной безопасности. Вскорѣ нашли мы кавалерію, бывшую въ командѣ Генерала Анрепа, вмѣстѣ съ которою возвратились въ Либштадтъ. 1807.

1807. Главнокомандующій въ сей день назначилъ, въ подкрѣпленіе авангарду, кавалерію Генерала Анрепа. Поздно дошло до него приказаніе, но онъ, желая поправить то скоростію, шелъ на рысяхъ. Въ разстояніи полуторы мили отъ мѣста сраженія, встрѣтился онъ съ Генераломъ Марковымъ, который увѣрялъ его, что дѣло уже кончено, войска наши отступаютъ безпрепятственно, и что уже онъ ничего не застанетъ. Генералъ Анрепъ не умѣлъ согласить увѣренія Генерала Маркова съ сильною пушечною пальбою, которую онъ слышалъ, и приказалъ полкамъ ускорить движеніе. Въ селеніи Георгіенталь нашелъ онъ сильную пѣхоту непріятельскую; фланкеры его начали перестрѣлку, а онъ лишь только выѣхалъ на пригорокъ ,дабы удобнѣе сдѣлать обозрѣніе, убитъ ружейнымъ выстрѣломъ въ голову. Судя по времени, поздно уже было начать что ни будь важное и не возможно уже было подать помощь авангарду, а по тому и обозрѣніе, имъ предпринятое, безполезно было.

Удивительно весьма, что непріятель не возбранилъ намъ путь мимо его лагеря, что могъ сдѣлать, не подвергаясь большой потери, и мы, конечно, оставили бы всю артиллерію.

Въ Либштадтѣ, въ домѣ Амтманна, нашли мы Генералъ-Маіора Маркова, покойно спящаго послѣ хорошаго ужина, и съ нимъ нѣсколькихъ спутниковъ, которые все съѣли, ничего намъ не оставляя, какъ будто мы уже не должны были возвратиться. Въ утѣшеніе голодному оставалось любоваться пригожимъ станомъ и прелестными глазами жены Амтманна; но какъ я былъ герой, совершившій ретираду, то и не былъ я удостоенъ взгляда, который, какъ мнѣ сказали, могъ принадлежать побѣдителю и съ самымъ сердцемъ. Побѣжденные не налагаютъ контрибуцій! Генералъ Марковъ, какъ человѣкъ весьма ловкій, не показалъ удивленія, видя насъ возвратившихся, какъ будто мы только что исполнили его распоряженія. Мы заплатили ему столько же малымъ удивленіемъ, когда, чрезъ часъ времени, пріѣхалъ Генералъ-Лейтенантъ Князь Багратіонъ принять отъ него начальство надъ аван-

гардомъ. Подъ Морунгеномъ имѣли мы большой уронъ, и 1807.
Псковскій мушкатерскій полкъ потерялъ одно орудіе изъ полуроты, при немъ состоявшей. Въ авангардѣ было подъ ружьемъ 5,400 человѣкъ, непріятель имѣлъ 19,000 войскъ.

Надобно замѣтить, что по дислокаціи въ сей день, самыя отдаленныя отъ Морунгена войска находились въ трехъ миляхъ, и никто не пришелъ къ намъ на помощь. Въ главной квартирѣ слышали пушечные выстрѣлы, и одинъ Генералъ Анрепъ поспѣшалъ къ намъ, но и то по тому, что ему назначенъ былъ ночлегъ въ селеніи Георгіенталь.

Отъ дивизіи Генералъ-Лейтенанта Князя Голицына, по прибытіи ея на мѣсто ночлега, послано было нѣсколько эскадроновъ развѣдать о канонадѣ. Съ ними отправился Генералъ-Маіоръ Паленъ, и звукъ пушекъ привелъ его къ Морунгену въ то время, какъ непріятель, наступая на насъ, отдалился отъ города. Графъ Паленъ вскакалъ въ Морунгенъ прямо къ квартирѣ, занятой для Маршала Бернадота, захватилъ его обозъ, взялъ Секретаря и собранную контрибуцію съ нѣкоторыхъ городовъ Пруссіи. Найденъ былъ готовый ужинъ, ожидавшій побѣдителя. Графъ Паленъ имѣлъ время удалиться отъ непріятельской конницы, посланной противъ него съ поля сраженія. Вотъ доказательство, что могли бы и другія войска, взявъ участіе въ сраженіи, кончить оное блистательною побѣдою. Генералъ Князь Голицынъ не ближе многихъ другихъ былъ отъ Морунгена. Но надобно было случиться, что въ сей день всѣ войска вообще выступили съ ночлега позже обыкновеннаго.

Генералъ Марковъ посылалъ нѣсколько офицеровъ въ главную квартиру, но ни какого не получилъ отвѣта, и не послѣдовало особеннаго распоряженія, вѣроятно, по тому, что Главнокомандующій не имѣлъ достовѣрныхъ о непріятелѣ извѣстій.

14-го числа Генваря, къ девяти часамъ утра, собралось къ Либштадту, по крайней мѣрѣ, до 50,000 человѣкъ,

1807. и мы ожидали нападенія на твердую позицію, занятую нами на крутыхъ высотахъ, прилежащихъ къ городу, тогда какъ непріятель, лучше извѣщенный, оставивъ Морунгенъ, отступалъ поспѣшно далѣе.

Авангарду Князя Багратіона приказано итти впередъ, и мы ночевали въ Морунгенѣ, изъ котораго не задолго вышли послѣднія войска непріятеля.

Выступивъ предъ разсвѣтомъ 15-го числа, около селенія Зонненвальдъ, догнали мы непріятеля, но онъ не держался, размѣнявшись со мною нѣсколькими пушечными выстрѣлами. Далѣе, въ мѣстечкѣ Любешиль, передовыя войска авангарда застали Маршала Бернадота обѣдающаго, и безъ Гасконской лжи можно похвастать оказаннымъ въ семъ случаѣ проворствомъ. Найдены разбросанныя въ торопливости по полу салфетки и кушанье еще не остыло. Имѣя въ виду непріятеля, дошли мы, прогоняя его, до города Дейчъ-Эйлау, передовые наши посты распространились до мѣстечка Неймаркъ, гдѣ непріятель, истребивши мостъ, остановилъ дальнѣйшее наше слѣдованіе.

Авангардъ расположился на квартирахъ и отдыхалъ при изобильномъ продовольствіи изъ Эльбингской провинціи. Армія вся слѣдовала за авангардомъ по одной дорогѣ.

Главнокомандующій передовыми постами, Полковникъ Юрковскій, препроводилъ Князю Багратіону перехваченнаго курьера отъ Наполеона къ Маршалу Бернадотту съ повелѣніемъ прекратить отступленіе, которое до сего времени нужно для того было, чтобы армію нашу отвлечь за собою по направленію на Грауденцъ, а что между тѣмъ Наполеонъ соберетъ всю свою армію у мѣстечка Алленштейнъ, 2-го числа Февраля новаго стиля, и со всѣми силами нападетъ на растянутую нашу армію.

Особенное счастье дало намъ въ руки сего курьера; ибо иначе, слѣдовавшая по одной дорогѣ наша армія, не въ состояніи будучи собраться скоро, или разбита была бы по частямъ, или, по крайней мѣрѣ, разрѣзана будучи въ

которомъ ни будь пунктѣ, понуждена къ отступленію, удаляясь отъ своей операціонной линіи и всѣхъ сдѣланныхъ запасовъ. Въ семъ послѣднемъ предположеніи спаслась бы одна та часть войскъ, которая до того не далеко перешла Либштадтъ; всѣ прочія, оторванныя отъ сообщеній съ Россіею и непремѣнно отброшенныя къ морю, подверглись бы бѣдственнымъ слѣдствіямъ, или необходимости положить оружіе. 1807.

Предпріятіе Наполеона, сколько, впрочемъ, ни хорошо соображенное и на правдоподобномъ разсчетѣ основанное, не должно было иначе исполниться, какъ отъ совершенной и едва ли извинительной неосторожности съ нашей стороны.

Когда изъ Остроленки армія наша вошла въ Пруссію, мы оставили непріятеля близъ рѣки Нарева, и по скорости движенія нашего къ Либштадту и далѣе къ Дейчъ-Эйлау, не могъ непріятель иначе собраться съ своими силами, какъ на нашемъ лѣвомъ флангѣ. Корпусъ Маршала Бернадота до того дѣйствовалъ отдѣльно и съ главною арміею не соединялся, а по тому не могъ свидѣтельствовать присутствія всѣхъ силъ непріятельскихъ, слѣдовательно, до точнаго о нихъ извѣстія, не надлежало предпринимать движенія къ Дейчъ-Эйлау. Если въ предметѣ было истребленіе корпуса Маршала Бернадота, случай представился въ Морунгенѣ, но, конечно, уже не далѣе онаго; ибо онъ бѣжалъ сколько можно поспѣшно, но, впрочемъ, если бы и то возможно было, то не всѣ силы арміи были для того потребны.

Князь Багратіонъ отправилъ перехваченныя бумаги къ Главнокомандующему, и какъ уже оставалось не болѣе двухъ сутокъ до назначеннаго времени Наполеономъ, то, не ожидая разрѣшенія, раздѣлилъ онъ авангардъ, для скорѣйшаго движенія, на двѣ колонны, изъ коихъ одна пошла на Бергфриде, другая, въ командѣ Генерала Маркова, чрезъ Остероде; въ сей послѣдней находился я съ большею частію артиллеріи, и мы, пройдя 26 часовъ и сдѣ-

1807. лавъ два привала, по три часа каждый, прибыли 1-го числа Февраля новаго стиля, весьма поздно вечеромъ, къ селенію Янково, въ маломъ разстояніи отъ Алленштейна. Тутъ присоединилась къ намъ другая колонна, и обѣимъ приказано остановиться до повелѣнія.

Въ сей день части 8-й дивизіи, подъ командою Генералъ-Маіора Графа Каменскаго (Николая Михайловича) и 3-й дивизіи съ Генералъ-Маіоромъ Титовымъ, имѣли небольшое и по неудобству мѣстоположенія невыгодное для нихъ дѣло. Канонада съ обѣихъ сторонъ была сильная.

Утро 22-го числа Генваря открыло намъ сильную непріятельскую армію, и наша стояла напротивъ, готовая къ бою.

Непріятель пораженъ былъ внезапнымъ симъ явленіемъ, ибо конечно не ожидалъ, чтобы могли мы собраться со всѣми силами. Онъ не рѣшился атаковать насъ, а Главнокомандующій, имѣя нужду сблизиться съ своими магазинами, далъ арміи приказаніе отступить, и она съ настоявшимъ вечеромъ двинулась по направленію на мѣстечко Ландсбергъ.

Авангардъ, къ которому съ нѣкотораго времени присоединенъ былъ отрядъ войскъ Генералъ-Майора Багговута, выступилъ съ разсвѣтомъ. Онъ, по диспозиціи назначенъ закрывать движеніе колонны, составленной изъ всѣхъ батарейныхъ ротъ нашей артиллеріи, къ которой присоединена Прусская. Странно весьма было распоряженіе, что фланговая и самая ближайшая къ непріятелю колонна состояла изъ артиллеріи, которой утомленныя лошади чрезвычайно умедливали движеніе.

Авангардъ въ скоромъ времени догналъ ее и долженъ былъ расположиться въ позиціи, чтобы дать ей время удалиться и свободную имѣть къ отступленію дорогу. Непріятель не прежде началъ преслѣдованіе, какъ предъ полуднемъ, и хотя довольно сильно, но авангардъ перешелъ небольшое разстояніе. Генералъ-Маіоръ Багговутъ съ частію войскъ имѣлъ горячую сшибку при селенія Варлакъ.

24-го числа Генваря съ самаго утра догналъ насъ неприятель и въ такихъ силахъ, что съ трудомъ можно было удержать нѣкоторый порядокъ при отступленіи. При селеніи Вольфсдорфъ непріятель стремительно напалъ на нашу позицію, и одно дѣйствіе штыками лѣвый нашъ флангъ поставило въ возможность противиться, хотя, впрочемъ, съ нѣкоторою потерею. 7-я дивизія Генералъ-Лейтенанта Дохтурова, которую закрывалъ арріергардъ, шла въ большомъ безпорядкѣ, обозы ея стѣсняли позади дорогу, и мы безпрестанно занимая позиціи и весьма мало удаляясь, дрались до самой глубокой ночи. Проходя лѣсъ въ темнотѣ, смѣшались мы до такой степени, что по одному крику можно было или распознавать непріятеля, или самимъ собираться. Генералъ-Маіоръ Графъ Ламбертъ, думая собрать разбросанныхъ по лѣсу нашихъ стрѣлковъ, подъѣхалъ къ Французскимъ и едва было не попался въ руки ихъ. 1807.

Артиллерія во весь день была въ ужасномъ огнѣ, и если бы перебитыхъ лошадей не замѣняли гусары отнятыми у непріятеля, я долженъ былъ бы потерять нѣсколько орудій. Конную мою роту, какъ наиболѣе подвижную, употреблялъ я наиболѣе. Нельзя было обойтись безъ ея содѣйствія въ лѣсу, и даже ночью она направляла свои выстрѣлы или на крикъ непріятеля, или на звукъ его барабана. Войска были ею чрезвычайно довольны, и Князь Багратіонъ отозвался съ особенною похвалою. Уронъ нашъ, во весь день, былъ весьма значителенъ и по крайней мѣрѣ равенъ непріятельскому. Противъ насъ дрался корпусъ Маршала Даву. Отрядъ Генералъ-Маіора Барклая де Толли преслѣдовалъ корпусъ Маршала Сульта, но дѣйствіе большею частію происходило стрѣлками.

25-го числа Генваря выступили мы предъ разсвѣтомъ, чтобы, прежде нежели начнетъ непріятель преслѣдованіе, успѣть пройти соединеніе дорогъ, по коимъ отходили арріергардъ и отрядъ Генерала Барклая де Толли, что и удалось по желанію. Отъ соединенія дорогъ арріергардъ Князя Багратіона слѣдовалъ на мѣстечко Ландс-

1807. бергъ проселочною и мало битою дорогою, а туда же, но по большой дорогѣ, чрезъ деревню Гофъ, отравился отрядъ Генерала Барклая де Толли. Не прошло одного часу, какъ показались корпуса обоихъ Маршаловъ. За арріергардомъ пошла небольшая часть войскъ и, малое пройдя разстояніе, скрылась, и въ тотъ день арріергардъ остался совершенно покойнымъ, что ему, утомленному дѣйствіемъ прошедшихъ дней, было необходимо. У мѣстечка Ландсберга присоединились мы къ арміи, которая стояла въ боевомъ порядкѣ.

Совсѣмъ не въ томъ положеніи былъ отрядъ Генерала Барклая де Толли. Противъ него соединились оба Маршала, съ силами въ пять разъ превосходными. Ему оставалось отходить поспѣшнѣе, но онъ предпочелъ удерживать непріятеля; занимая позиціи, принуждаемъ будучи оставлять оныя, не всегда могъ онъ то дѣлать въ порядкѣ, и такимъ образомъ потерявши множество людей и въ положеніи весьма разстроенномъ достигъ онъ селенія Гофъ, лежащаго въ виду нашей арміи. Тутъ онъ остановился, но выбралъ для войскъ весьма порочную позицію. Селеніе Гофъ простирается по долинѣ, стѣсненной съ обѣихъ сторонъ крутыми возвышенностями. Онъ оставилъ его въ тылу своемъ, и тогда какъ въ продолженіи дня непріятель безпокоилъ его многочисленною своею кавалеріею, онъ усталую свою конницу расположилъ впереди селенія, и ей не было другаго отступленія, какъ вдоль тѣсной улицы онаго.

Пѣхоту, которую гораздо выгоднѣе было помѣстить въ селеніи и окружающихъ его огородахъ, обнесенныхъ заборомъ, онъ растянулъ линіями внѣ онаго, и она иначе не могла отступить, какъ чрезъ селеніе, ибо по сторонамъ онаго лежалъ довольно глубокій снѣгъ. Изъ сего произошло, что непріятель, при первыхъ атакахъ на нашу конницу, опрокинулъ ее на пѣхоту и на батареи. Одна изъ сихъ послѣднихъ схвачена имъ мгновенно. Начальникъ другой батареи, Поручикъ Марковъ, разсыпавъ картечью подавляющій его Ольвіопольскій гусарскій полкъ, остано-

вилъ непріятеля, его преслѣдующаго, и обратилъ съ урономъ. Пѣхота на сей разъ отразила съ твердостію нападеніе. Непріятельская конница проникла до самыхъ ея линій. Въ непродолжительномъ времени непріятель сдѣлалъ новое покушеніе и съ лучшимъ успѣхомъ. Днѣпровскій и Костромской мушкатерскіе полки противостали атакѣ кавалеріи, но утомленные трудами цѣлаго дня, недолго сохранили надлежащую твердость и, приведенные въ безпорядокъ, уступили мѣсто и, по крайней мѣрѣ, половина людей изрублена. Взяты знамена и состоящія при полкахъ пушки. Люди, которые успѣли укрыться за оградою садовъ, и егерскіе полки, при началѣ сраженія въ огородахъ расположенные, весьма ничтожную имѣли потерю. Сіе служитъ доказательствомъ, сколько велика погрѣшность въ расположеніи линѣйной пѣхоты на открытомъ мѣстѣ, когда надлежало всѣми пользоваться средствами, дабы придать ей защиту. Въ подкрѣпленіе Генералу Барклаю де Толли отправлены изъ арміи пять баталіоновъ пѣхоты подъ командою Генералъ-Маіора Князя Долгорукова (Василья Юрьевича), но средства сіи недостаточны при общемъ замѣшательствѣ, и его баталіоны не менѣе разсѣяны и много потерпѣли. Стѣсненныя войска, при отступленіи чрезъ селеніе Гофъ, подверглись ужаснѣйшему дѣйствію непріятельской артиллеріи. Неустрашимый Генералъ Барклай де Толли, презирая опасность, всюду находился самъ; но сіе сраженіе не приноситъ чести его распорядительности: конечно, не мудрено было сдѣлать что ни будь лучшее! 1807.

Вмѣстѣ съ позднимъ вечеромъ окончившееся сраженіе не допустило непріятеля безпокоить армію, расположенную при Ландсбергѣ. Главнокомандующій разсудилъ за благо оставить занимаемую ею позицію, по причинѣ весьма важныхъ въ ней недостатковъ. Мѣсто не было довольно обширно, и войска не имѣли свободнаго размѣщенія.

Вторая линія отъ первой отдѣлена рѣчкою, въ крутыхъ берегахъ протекающею, которая, не смотря на силь-

1807. ные морозы, не замерзла и чрезвычайно затрудняла сообщеніе. Правый флангъ прилегалъ къ лѣсу и часть даже самаго фронт'а была имъ охвачена, что должно было подвергнуть невыгодному употребленію стрѣлковъ, которыхъ Французы превосходятъ въ искуствѣ. Близость лѣса препятствовала выгодному дѣйствію артиллеріи и закрывала движеніе непріятеля. Для отступленія предлежали двѣ дороги, и обѣ съ оконечности лѣваго фланга: одна чрезъ гору, которой крутой въѣздъ сдѣлался отъ морозовъ невозможнымъ; другая чрезъ тѣсныя ворота, по кривымъ и тѣснымъ улицамъ Ландсберга, что не могло произойти безъ разстройства войскъ и большой потери

Въ ночи, на 26 Генваря, дивизія Генерала Тучкова 1-го начала отступленіе чрезъ гору, которое нерадиво исполняя, долго задерживала позади идущія войска. Колонны, чрезъ Ландсбергъ направленныя, мало заботясь о соблюденіи порядка, такъ смѣшались въ тѣсныхъ улицахъ, что не безъ труда выпроводили ихъ изъ мѣстечка, и сколько ни продолжительна зимняя ночь, но предъ разсвѣтомъ оставались еще войска, которыя не отступили, ибо впереди не подвигались. Легко представить можно положеніе аррьергарда, остающагося въ виду большой части Французской арміи, и который не иначе долженъ отступать, какъ шагъ за шагомъ, дабы не только дать время арміи удалиться, но даже стать въ боевой порядокъ; ибо Главнокомандующій объявилъ начальникамъ войскъ, чтобы готовились къ генеральному сраженію, и что армія дѣлаетъ послѣдній переходъ назадъ.

Отрядъ Генерала Барклая де Толли отступилъ вмѣстѣ съ арміею.

Арріергардъ Князя Багратіона, въ прежнемъ числѣ войскъ, оставленъ предъ входомъ въ Ландсбергъ. Чрезъ часъ послѣ разсвѣта арріергардъ, пройдя Ландсбергъ, расположился въ ближайшей къ нему позиціи, въ мѣстечкѣ оставленъ сильный отрядъ пѣхоты и у воротъ нѣсколько орудій. Спустя довольно долгое время, въ большихъ си-

лахъ непріятель приблизился къ мѣстечку и, отвлекая вниманіе канонадою, двинулъ гораздо большія силы на правый нашъ флангъ. Обратившись противъ оныхъ и способствуемы мѣстоположеніемъ, долго дрались мы упорно; наконецъ быстро перешли поле, отдѣлявшее насъ отъ лѣса. Въ слѣдъ за нашею пѣхотою непріятель вошелъ въ Ландсбергъ, и его армія въ глазахъ нашихъ стала собираться на прежней нашей позиціи. Видно было, что въ сей день не съ однимъ непріятельскимъ авангардомъ предстояло намъ дѣло, но, къ счастію нашему, пространство между Ландсбергомъ и Прейсишъ-Эйлау по большей части покрыто частымъ лѣсомъ. Князь Багратіонъ отпустилъ назадъ всю кавалерію и часть артиллеріи, дабы свободнѣе быть въ движеніяхъ. Всѣ егерскіе полки соединены вмѣстѣ; линѣйная пѣхота составляла подкрѣпленіе. До одиннадцати часовъ утра дрались мы съ умѣренною потерею; но по дорогѣ нашедши разбросанныя бочки съ виномъ, которыя идущіе при арміи маркитанты оставляли для облегченія своихъ повозокъ, спасая болѣе дорогой товаръ, не возможно было удержать людей, которыхъ усталость и довольно сильный холодъ наиболѣе располагали къ вину, и въ самое короткое время четыре изъ егерскихъ полковъ до того сдѣлались пьяны, что не было средствъ соблюсти ни малѣйшаго порядка. Они останавливались толпами тамъ, гдѣ не надобно было, шли впередъ, когда нужно отступить поспѣшнѣе. Непріятель, примѣтивъ замѣшательство, нападалъ рѣшительнѣе, охватывалъ по возможности болѣе пространства и не было въ лѣсу тропинки, на которой бы не появлялся; въ защиту пьяныхъ надлежало употребить артиллерію, и движенія сдѣлались медленнѣе. Храбрые Генералы, Графъ Паленъ и Графъ Ламбертъ, употребляли кавалерію, замѣняя ихъ; но не возможно было отвести ихъ назадъ, и мы теряли ихъ во множествѣ и убитыми и плѣнными. Приближаясь къ мѣстечку Прейсишъ-Эйлау, арріергардъ вышелъ на открытыя мѣста, и ему показана позиція, которая заслоняла собою мѣстечко, позади котораго, на обширной равнинѣ, армія наша устрои- 1807.

1807. валась въ боевой порядокъ. Въ подкрѣпленіе арріергарду прислано нѣсколько полковъ отъ 8-й дивизіи и полки конницы. Мы расположились по обѣимъ сторонамъ дороги, обсаженной деревьями. Двадцатью четырьмя орудіями занялъ я хребетъ довольно крутыхъ возвышеній на лѣвомъ флангѣ. Къ подошвѣ оныхъ простиралась долина, по коей долженъ былъ проходить непріятель; стрѣлки наши лежали по ней совершенно скрытые. На правомъ флангѣ была часть кавалеріи, большая часть оной поставлена назади. Непріятель, устроивъ на противоположной высотѣ батареи, открылъ сильную канонаду, на которую отвѣтствовано изрѣдка, по разности калибровъ; ибо не имѣлъ я ни одного батарейнаго орудія. Во многихъ пунктахъ спустились съ высоты непріятельскія колонны; но дѣйствіемъ болѣе сорока орудій остановлены нѣкоторыя и съ примѣтною потерею обращены картечью. Около двухъ часовъ имѣли мы выгоды на нашей сторонѣ; наконецъ двинулся непріятель большими силами; идущія впереди три колонны направлены одна по большой дорогѣ, гдѣ у насъ мало было пѣхоты, другая противъ Псковскаго и Софійскаго мушкатерскихъ полковъ, и третья противъ моей батареи изъ 24-хъ орудій. Шедшая по большой дорогѣ проходила съ удобностію и угрожала взять въ тылъ твердѣйшій пунктъ нашей позиціи. Прочія медленно приближались, по причинѣ глубокаго снѣга, лежащаго на равнинѣ, и долго были подъ картечными выстрѣлами. Однако же, дошла одна, хотя весьма разстроенная, и легла отъ штыковъ Псковскаго и Софійскаго полковъ; другая положила тѣла свои недалеко отъ фронта моей батареи. Полковникъ Дегтяревъ съ Санктъ-Петербургскимъ драгунскимъ полкомъ пошелъ противъ колонны, слѣдующей по большой дорогѣ, которая, дабы отнять у кавалеріи выгоду скорости движенія по битой дорогѣ, стала сходить въ сторону на глубокій снѣгъ. Торопливость была причиною разстройства, полкъ имъ воспользовался и, испытавъ слабый ружейный огонь, имѣлъ наградою за смѣлое предпріятіе одного орла и пятьсотъ плѣнныхъ. Столько же, по край-

ней мѣрѣ, убито, и въ числѣ ихъ Генералъ, начальствовавшій колонною. 1807.

Мнѣ не случалось видѣть столько рѣшительной кавалерійской атаки: не менѣе удивленъ я былъ, видѣвши, какъ полкъ не разстроившись, быстро спустился съ крутой, покрытой снѣгомъ, высоты, съ которой нѣсколько разъ до того съѣзжалъ, и съ осторожностію. Не долго пользовались мы пріобрѣтенными успѣхами; ибо непріятель атаковалъ гораздо въ большихъ силахъ, умножились батареи, которыя покровительствовали движенію колоннъ, и мы не въ состояніи будучи противиться, получили приказаніе отступить и присоединиться къ арміи. Непріятель тотчасъ явился на нашей позиціи и по слѣдамъ шелъ за нами. Удачно исполнилъ я приказаніе съ конными орудіями прикрывать войска, пока войдутъ они въ Прейсишъ-Эйлау. Лишь только вошелъ я въ ворота, непріятель подвелъ свои колонны и приступилъ къ атакѣ мѣстечка, котораго оборона возложена на Генерала Барклая де Толли, и отрядъ его умноженъ свѣжими войсками. Несоразмѣрность силъ не допустила извлечь пользу изъ стѣнъ и заборовъ, окружающихъ мѣстечко, стрѣлки непріятельскіе явились на нихъ, вредили въ улицахъ и толпами спускались въ ближайшіе дома. Не разъ наша пѣхота выгоняла ихъ штыками, и мѣстечко сохранили мы во власти до тѣхъ поръ, какъ храбрый Генералъ Барклай де Толли получилъ тяжелую рану. Ослабленный урономъ, его отрядъ оставилъ непріятелю мѣстечко, удерживаясь въ одной части онаго. Бригадный командиръ 4-й дивизіи, Генералъ-Маіоръ Сомовъ, приспѣлъ съ подкрѣпленіемъ, штурмовалъ дома, вырѣзалъ засѣвшихъ въ нихъ и возвратилъ мѣстечко, но имѣлъ неблагоразуміе ударить сборъ въ задней части онаго, и по мѣрѣ того, какъ на звукъ барабана стекались войска, оставляя занятыя мѣста, непріятель безпрепятственно захватилъ мѣстечко до того самаго мѣста, гдѣ войска наши, собираясь, не имѣли еще времени устроиться въ порядокъ. Появленіе непріятеля произвело замѣшательство, картечные выстрѣлы его умножили, а темнота ночи довершила. Мѣстечко оставлено, и

1807. къ чувствительному урону въ людяхъ прибавлена потеря нѣсколькихъ пушекъ.

Обстоятельство сіе понудило Главнокомандующаго перемѣнить боевой порядокъ арміи, и въ продолженіе ночи она приняла совсѣмъ другой видъ расположенія. Онъ и потому почиталъ сіе нужнымъ, что примѣчено было, какъ непріятель, по овладѣніи высотами, гдѣ дрался арріергардъ, особенною колонною кавалеріи произвелъ обозрѣніе нашей позиціи.

Настало 27-е число Генваря, и сраженіе Прейсишъ-Эйлавское было одно изъ кровопролитнѣйшихъ въ послѣднія времена. Изъ описаній онаго можно видѣть всѣ подробности происшествій: я скажу вкратцѣ о нѣкоторыхъ и о невыгодахъ нашего расположенія. Главный недостатокъ состоялъ въ томъ, что весь лѣвый нашъ флангъ имѣлъ противъ себя высоты, гдѣ непріятель поставилъ свою артиллерію, за ними скрывалъ свои движенія, сосредоточивалъ свои силы, и трудно было отвращать нападеніе ихъ, отъ чего, при самомъ началѣ, потеряли мы нѣкоторое разстояніе. По причинѣ близкихъ позади лѣсовъ, нельзя было отодвинуться далѣе. Мѣстечко Прейсишъ-Эйлау, занимая большое пространство, способствовало непріятелю скрытнымъ образомъ приближаться къ самому нашему центру, въ защиту котораго, по необходимости, надлежало употребить большее количество батарейной артиллеріи и держать постоянно на одномъ мѣстѣ. Правый флангъ былъ совершенно въ пользу нашу, ибо впереди простиралась обширная равнина болотистая, для дѣйствія неудобная, на которой показывались одни стрѣлки. Непонятно, какъ Генералъ-Квартирмейстеръ не зналъ о семъ болотѣ, и слѣдствіемъ того было, что не менѣе 12,000 войскъ стояли безполезно, ограничиваясь пустою перестрѣлкою противъ отдаленныхъ батарей, тогда какъ войска сіи во многихъ мѣстахъ были необходимѣе. И я между прочими стоялъ съ двумя конно-артиллерійскими ротами, до полудня стрѣляя изрѣдка и безъ нужды.

Непріятель сдѣлалъ нѣсколько безполезныхъ атакъ на центръ нашъ, уступая дѣйствію 60, поставленныхъ вмѣстѣ, орудій. Нападеніе на лѣвый флангъ было успѣшнѣе. Не остановили его ни благоразумныя распоряженія Генерала Барона Сакена, ни сопротивленіе неустрашимаго Генералъ-Маіора Графа Остермана Толстаго. Лѣвый флангъ отошелъ назадъ и составилъ почти прямой уголъ съ линіею арміи. Около одиннадцати часовъ густой снѣгъ затмилъ свѣтъ, и дѣйствія прекратились на четверть часа. Въ сіе время обманутые темнотою два эскадрона Французскихъ гвардейскихъ карасиръ заѣхали между нашихъ линій пѣхоты и конницы, и едва изъ нихъ нѣкоторые спаслись. Разсѣявшійся мракъ открылъ предъ 7-ю дивизіею колонну Французской пѣхоты во ста не болѣе шагахъ. Внезапно представшіе полки наши остановили ее въ совершенномъ отъ удивленія бездѣйствіи. Съ ужаснѣйшимъ ожесточеніемъ, изъявленнымъ громкимъ хохотомъ, Владимірскій мушкатерскій полкъ бросается въ штыки, и не остается могущій оплакать гибель товарищей. 1807.

Во многихъ мѣстахъ дрались войска наши съ перемѣннымъ счастіемъ, и нигдѣ, кромѣ лѣваго фланга, на шагъ не уступили мы мѣста. Между центромъ и лѣвымъ флангомъ, семь полковъ кавалеріи нашей стремительнымъ ударомъ опрокинули все, что было противъ нихъ; пѣхота непріятельская, бросая ружья, спасалась въ лѣсъ; уже была она на батареѣ, но отъ безпорядка въ минуту потеряны успѣхи, и не безъ стыда надобно было бѣжать отъ такой части непріятельской кавалеріи, которую могъ остановить Александрійскій гусарскій полкъ.

Вскорѣ послѣ начала сраженія на правомъ нашемъ флангѣ слышна была въ отдаленіи канонада. Извѣстно было, что Маршалъ Ней преслѣдуетъ корпусъ Прусскихъ войскъ въ командѣ Генерала Лестока, которому Главнокомандующій приказалъ сколько можно ранѣе присоединиться къ арміи, но чего онъ не выполнилъ. Когда непріятель, около двухъ часовъ послѣ полудня, возобновилъ усилія, Главнокомандующій послалъ подтвержденіе, что-

1807. бы онъ шелъ сколько можно поспѣшнѣе; но между тѣмъ надобно было чѣмъ ни будь умедлить успѣхи непріятеля на лѣвомъ нашемъ крылѣ. Посланная туда 8-я дивизія отозвана къ центру, гдѣ необходимо было умноженіе силъ; резервы наши давно уже были въ дѣйствіи. Итакъ мнѣ приказано итти туда съ двумя конными ротами. Дежурный Генералъ-Лейтенантъ Графъ Толстой махнулъ рукою влѣво, и я долженъ былъ принять сіе за направленіе. Я не зналъ, съ какимъ намѣреніемъ я туда отправляюсь, кого тамъ найду, къ кому поступаю подъ начальство. Присоединивъ еще одну роту конной артиллеріи, прибылъ я на обширное поле на оконечности лѣваго фланга, гдѣ слабые остатки войскъ едва держались противъ превосходнаго непріятеля, который подвинулся вправо, занялъ высоты батареями и одну мызу почти уже въ тылу войскъ нашихъ. Я зажегъ сію послѣднюю и выгналъ пѣхоту, которая вредила мнѣ своими выстрѣлами. Противъ батарей началъ я канонаду и сохранилъ мѣсто свое около двухъ часовъ. Тогда началъ приближаться корпусъ Генерала Лестока, въ головѣ колонны шли два наши полка, Калужскій и Выборгскій, направляясь на оконечность непріятельскаго фланга. Противъ меня стали рѣже выстрѣлы, и я увидѣлъ большую часть орудій, обратившихся на Генерала Лестока. Я подвигалъ на людяхъ мою батарею всякій разъ, какъ она покрывалась дымомъ, отослалъ назадъ передки орудій и всѣхъ лошадей, начиная съ моей собственной, объявилъ людямъ, что объ отступленіи помышлять не должно. Я подошелъ почти подъ выстрѣлы, и все вниманіе обращалъ на дорогу, лежащую у подошвы возвышенія, по которой непріятель усиливался провести свою пѣхоту; ибо, по причинѣ глубокаго снѣга, нельзя было пройти стороною. Картечными выстрѣлами изъ тридцати орудій всякій разъ обращалъ я его съ большимъ урономъ. Словомъ, до конца сраженія не прошелъ онъ мимо моей батареи, и уже поздно было искать обхода; ибо Генералъ Лестокъ, встрѣтивъ умѣренныя силы, опрокинулъ ихъ, обошелъ высоту и батареи, которыя непріятель, оставивъ во власти его, предался совершенному бѣгству, и мрачная ночь

покрыла мѣсто сраженія. Главнокомандующій, желая видѣть ближе дѣйствіе Генерала Лестока, былъ на лѣвомъ флангѣ, и удивленъ былъ, нашедши отъ моихъ ротъ всѣхъ лошадей, всѣ передки и ни одного орудія; узнавши о причинѣ, былъ чрезвычайно доволенъ. 1807.

Корпусъ Маршала Нея, преслѣдуя войска Генерала Лестока, на самой почти дорогѣ, идущей въ Кенигсбергъ, въ тылу нашей арміи занялъ одно селеніе большимъ отрядомъ войскъ. Генералъ-Адъютанту Князю Долгорукову съ Таврическимъ гренадерскимъ полкомъ приказано его выгнать. Два раза будучи отбитъ, когда прислалъ онъ донесеніе о упорной защитѣ, непріятель непримѣтнымъ образомъ оставилъ селеніе, думать надобно, слѣдуя общему отступленію.

Армія наша въ ту же ночь пошла къ Кенигсбергу. Атаману Платову, прибывшему за день до того съ войскомъ Донскимъ, приказано остаться на мѣстѣ сраженія.

Непріятель тогда же съ поспѣшностію отступилъ, и въ продолженіи ночи арріергардъ его дошелъ до мѣстечка Ландсберга. Обозрѣвши на другой день, что армія наша оставила Прейсишъ-Эйлау, онъ возвратился, чтобы собрать брошенныя имъ орудія и тягости. Мы вскорѣ узнали достовѣрно, что въ день сраженія всюду отправлены были курьеры съ приказаніемъ вывозить госпитали, Коммиссаріятъ и кассы арміи. Послѣ сего наглость и безстыдство Наполеона приписали Прейсишъ-Эйлавскую баталію къ числу имъ выигранныхъ!

Главнокомандующій хотѣлъ тотчасъ послѣ сраженія преслѣдовать непріятеля, и о томъ объявлено было частнымъ начальникамъ, но не возможно было скоро собрать разсѣянныя на большомъ пространствѣ войска; къ тому же они чрезвычайно были утомлены и обезсилены большою потерею. Извѣстно было, что Наполеонъ имѣлъ войска, не учавствовавшія въ сраженіи, состоявшія въ корпусѣ Маршала Бернадота, и при такомъ превосходствѣ способовъ можно было усомниться въ успѣхѣ съ нашей стороны.

10

1807. Сверхъ того, самый недостатокъ продовольствія не допускалъ ни какого предпріятія. Не избѣжалъ, однако же, Главнокомандующій порицаній; и какъ не менѣе разсуждаютъ и тѣ, кои не имѣютъ понятія о вещахъ, то много было обвиняющихъ.

Армія, пришедши къ Кенигсбергу, расположилась въ окрестностяхъ онаго; авангардъ въ 12 верстахъ впереди.

Непріятель на послѣднемъ маршѣ къ Кенигсбергу показалъ малое число кавалеріи, но вскорѣ, весьма умноживъ оную, близко насъ расположился.

Въ первыхъ числахъ Февраля отрядъ отъ авангарда разбилъ отдѣленіе непріятельскихъ войскъ при селеніяхъ Мансфельдъ и Бохерсдорфъ. Генералъ Графъ Ламбертъ отличился въ семъ случаѣ особенною распорядительностію

Замѣчено, что Французская кавалерія была въ самомъ изнуренномъ состояніи такъ, что два эскадрона оной, будучи принуждены отступать по озеру, попадали на льду и взяты въ плѣнъ по большей части лежащими. Въ эскадронахъ не болѣе было какъ по шестидесяти человѣкъ.

Генералъ Князь Багратіонъ отправленъ Главнокомандующимъ въ С.-Петербургъ съ подробнымъ объясненіемъ о Прейсишъ-Эйлавскомъ сраженіи, которое, по разнымъ интригамъ, представлено было Государю въ несправедливомъ видѣ. Слышно было, что Генералъ-Лейтенантъ Графъ Толстой, посредствомъ брата, весьма приближеннаго Государю, доводилъ до свѣдѣнія вымыслы, вредные Главнокомандующему. Мнѣніе было, однако же, въ пользу послѣдняго, и съ Графомъ Толстымъ ни въ какомъ отношеніи не сравнивали.

Менѣе двухъ недѣль пробывши около Кенигсберга, армія выступила впередъ. Авангардъ, въ командѣ Генералъ-Маіора Маркова, въ два перехода прибылъ къ Прейсишъ-Эйлау. Его подкрѣплялъ съ кавалеріею Генералъ Князь Голицынъ.

Съ любопытствомъ осматривалъ я поле сраженія.

Я ужаснулся, увидѣвши число тѣлъ на мѣстахъ, гдѣ стояли наши линіи; но я болѣе нашелъ ихъ тамъ, гдѣ были войска непріятеля, и особенно, гдѣ стѣснялись его колонны, готовясь къ нападенію, не взирая, что въ продолженіи нѣсколькихъ дней приказано было жителямъ мѣстечка (какъ то они сами сказывали) тѣла Французовъ отвозить въ ближайшее озеро, ибо нельзя было зарывать въ землю замерзлую. Какъ артиллерійскій офицеръ, примѣчалъ я дѣйствіе нашихъ батарей и былъ доволенъ. Въ мѣстечкѣ не было цѣлаго дома, сожженъ кварталъ, гдѣ, по словамъ жителей, сносились раненые, при чемъ много ихъ истреблено. 1807.

При нашемъ приближеніи къ Прейсишъ-Эйлау непріятель тотчасъ вышелъ. Поспѣшное его отступленіе свидѣтельствовали разбросанные во множествѣ обозы, снаряды и лазареты съ ранеными и больными. Сильная оттепель сдѣлала дороги непроходимыми, и какъ въ подобныхъ случаяхъ терпитъ наиболѣе отступающій, то Французы въ городахъ и селеніяхъ оставили всѣ свои лазареты.

Прибывши въ Ландсбергъ, нашли мы госпиталь офицерскій и, къ удивленію ихъ, они видѣли въ насъ гораздо большее о нихъ попеченіе. Многіе по нѣскольку дней были неперевязаны. Хозяинъ моей квартиры, знающій Французскій языкъ, сказывалъ, что онъ слышалъ Французскихъ офицеровъ разсуждающихъ, въ какомъ состояніи была армія ихъ, когда послѣ сраженія въ ту же ночь прошла она Ландсбергъ. Они говорили, что если бы не корпусъ Маршала Бернадота, не бывшій въ дѣлѣ, который оставленъ былъ въ арріергардѣ, то не кому было прикрыть отступленіе, ибо войска были въ ужаснѣйшемъ безпорядкѣ и число мародеровъ неимовѣрное. Во многихъ корпусахъ не доставало снарядовъ. Арріергардъ также ночью пришелъ въ позицію къ Ландсбергу.

Авангардъ нашъ пришелъ быстро до селенія Аренсдорфъ, отрядъ отъ онаго былъ въ Гутштаттѣ. Атаманъ Платовъ съ своими Казаками, баталіономъ гусаръ и бата-

1807. ліономъ егерей, стоялъ у селенія Бенернъ. Генералъ Графъ Паленъ находился у одной изъ переправъ чрезъ рѣку Пасаргу, содержа сообщеніе арріергарда съ мѣстечкомъ Вормдитъ, куда съ отрядомъ посланъ Полковникъ Вуичъ. Дивизія Барона Сакена, ближайшая къ авангарду, занимала селеніе Лаунау. Прочія войска приближались къ городу Гейльсбергу и его окрестностямъ; главная квартира расположилась въ Бартенштейнѣ.

Непріятель былъ за рѣкою Пасаргою; главная квартира Наполеона въ мѣстечкѣ Остеродѣ. 18 числа Февраля непріятель, собравшись на правомъ своемъ флангѣ, перешелъ Пасаргу, и въ одно время показался въ силахъ передъ Гутштаттомъ и противъ Аренсдорфа. Сіе послѣднее мѣсто оставили мы поспѣшно, но уже не могли соединиться ни съ Атаманомъ Платовымъ, ни съ Генераломъ Графомъ Паленомъ. Генералъ-Маіоръ Багговутъ не могъ удержаться въ Гутштаттѣ, и непріятель, вытѣснивъ 5-й егерскій полкъ, въ слѣдъ за нимъ занялъ селеніе Цехернъ. При сей внезапности едва не потеряны были пушки. Генералъ Багговутъ соединился въ Лаунау съ Генераломъ Барономъ Сакеномъ, куда прибылъ съ кавалеріею Генералъ-Адъютантъ Уваровъ.

Авангардъ не имѣлъ къ отступленію другой дороги, какъ мимо самыхъ бивуаковъ Французскихъ, при селеніи Петерсвальдѣ: всѣ другія дороги были далѣе, и на нихъ осмотрѣнъ непріятель. Французы не любятъ ночью ничего предпринимать важнаго, избѣгая безпорядка, и, благодаря тому, прошли мы безпрепятственно у самыхъ бивуаковъ.

Авангардъ, пришедши въ селеніе Лаунау, поступилъ въ команду Генерала Барона Сакена, куда вскорѣ собрались и всѣ отдѣленные отряды отъ авангарда, не имѣвшіе ни какого между собою сношенія.

19-го числа мы были въ Лаунау съ большими довольно силами. Противъ насъ находился корпусъ Маршала Нея, коего квартира въ Гутштаттѣ. Непріятель отъ стороны Пе-

терсвальде занялъ стрѣлками лѣсъ, лежащій предъ самымъ 1807.
нашимъ лагеремъ. Изъ Цехерна безпокоилъ насъ онъ своими батареями, хорошо расположенными и окопанными. Генералъ Баронъ Сакенъ равномѣрно и съ своей стороны употребилъ стрѣлковъ, но Французы съ большимъ навыкомъ въ семъ родѣ дѣйствія, въ продолженіи двухъ дней, причинили намъ весьма чувствительный уронъ. Почему Генералъ Сакенъ предпринялъ сдѣлать во время ночи нападеніе на Цехернъ, въ томъ предположеніи, что непріятель, выгнанъ будучи изъ онаго, оставитъ Петерсвальде, и мы будемъ имѣть пребываніе выгодное и покойное. Пѣхота, назначенная къ атакѣ, не довольно близко подойдя къ батареѣ, закричала ура, пробудила непріятеля, и онъ пріуготовился къ оборонѣ. Открылся картечный и ружейный огонь; люди въ головѣ колонны оробѣли и легли, задніе продолжали итти, и до такой степени смѣшались, что долго не возможно было вывести изъ выстрѣла. При семъ случаѣ потеряно нѣсколько офицеровъ и не мало нижнихъ чиновъ. Здѣсь въ первый разъ случилось мнѣ видѣть, что въ ночное время отступающую пѣхоту прикрывала кавалерія. Не знаю, по чему разсѣявшихся людей не собрали барабаномъ, но подбиралъ ихъ Генералъ Графъ Паленъ съ Сумскимъ гусарскимъ полкомъ. На другой день Французскій начальникъ въ Цехернѣ прислалъ сказать, что онъ позволяетъ похоронить тѣла, и съ насмѣшкою дано замѣтить, какъ они далеко были отъ батареи. Надобно было молчать; за то, по обыкновенію, бранили возобновившаго ночныя экспедиціи давнихъ временъ! Авангардъ усиленъ былъ нѣсколькими полками, а Генералу Барону Сакену дано другое назначеніе. Генералъ-Маіоръ Марковъ приказалъ противъ Цехерна построить батарею, которую я дѣлалъ весьма прилежно, ибо до того на семъ мѣстѣ много потерпѣла моя рота. Осмотрѣвши часть лѣса, которую удерживалъ за собою непріятель, въ продолженіи ночи, въ опушкѣ ближайшаго лѣса расположилъ я шесть орудій моей роты и, заслоня ихъ нарубленнымъ ельникомъ, ожидалъ разсвѣта, когда непріятель обыкновенно приводилъ свою пѣхоту изъ лагеря

1807. отъ Петерсвальде. Съ самаго начала дня вышла сильная колонна изъ лагеря и безпечно подвигалась къ той части лѣса, гдѣ всегда на ночь оставалась небольшая часть войскъ. Въ движеніи своемъ дала она флангъ моей батареѣ, и картечь изъ шести орудій, на весьма близкомъ разстояніи, произвела такое пораженіе въ колоннѣ, что, оставивъ на мѣстѣ тѣла, колонна обратилась въ поспѣшное бѣгство къ лагерю, провожаемая выстрѣлами. Мы заняли остальную часть лѣса, и непріятель не покушался уже возвратить оный. Мы уже не держали въ немъ, какъ до того было, шести полковъ пѣхоты. Батареи противъ Цехерна часто отвѣчали Французскимъ, и часто безъ пользы. Перехваченъ курьеръ Маршала Нея къ начальнику Главнаго Штаба, Принцу Бертье, съ извѣстіемъ, что Русскіе правдоподобно намѣреваются удерживать позицію, ибо построили во многихъ мѣстахъ батареи. Вскорѣ непріятель оставилъ Цехернъ и Петерсвальде и, отступя въ ближайшій лѣсъ, устроилъ по опушкѣ онаго сильные окопы.

Генералъ Марковъ занялъ Цехернъ двумя егерскими полками, въ Петерсвальде ходили полки посмѣнно и два эскадрона гусаръ. Часто бывали сшибки съ Французами, которые приходили въ пустое селеніе за сухими дровами. Рота конная имени моего, много потерпѣвшая въ дѣлахъ авангарда, отправлена назадъ для починки и укомплектованія людьми; на мѣсто ея прислана другая. Вскорѣ происками старшихъ по артиллеріи Полковниковъ, изъ которыхъ ни одинъ не имѣлъ ни столько большой, ни столько видной команды, мнѣ дано приказаніе отправиться къ моей ротѣ. Главнокомандующему доложено, что смѣна назначена для того, чтобы дать мнѣ отдохновеніе. Такъ объяснилъ онъ самъ Генералу Князю Багратіону, который, возвратясь въ сіе время изъ С.-Петербурга, просилъ, чтобы меня не перемѣняли, и я остался у начальника, который обладалъ полною всѣхъ насъ довѣренностію.

До прибытія его къ авангарду случилось непріятное весьма происшествіе. Четыре полка егерей, подъ командою

Генералъ-Маіора Корфа,[11] расположенные въ Петерсвальде, страшнымъ образомъ лишились своего начальника. Онъ занималъ лучшій въ селеніи домъ Священника, принялся за пуншъ, обыкновенное свое упражненіе, и не заботился о безопасной стражѣ. Гусарскаго офицера, присланнаго для разъѣзда, удержалъ у себя. Нѣсколько человѣкъ волтижеровъ, выбранныхъ Французами, въ темную ночь вошли чрезъ садъ въ домъ, провожаемые хозяиномъ, и схватили Генерала. Сдѣлался въ селеніи шумъ, бросились полки къ ружью, произошла ничтожная перестрѣлка, и непріятель удалился съ добычею. 1807.

Наполеонъ не упустилъ представить въ бюллетенѣ выигранное сраженіе и взятаго въ плѣнъ корпуснаго начальника, а дабы придать болѣе важности побѣдѣ, превознесены высокія качества, и самое даже геройство Барона Корфа. Но усомниться можно, чтобы до другаго дня могли знать Французы, кого они въ рукахъ имѣли, ибо у Господина Генерала языкъ не обращался. Я въ состояніи думать, что если бы не было темно, то Баронъ Корфъ не былъ бы почтенъ за Генерала въ томъ видѣ, въ какомъ онъ находился, и намъ не случилось бы познавать достойнымъ своего Генерала изъ иностранныхъ газетъ.

Послѣ сего происшествія, около трехъ мѣсяцевъ, продолжалось съ обѣихъ сторонъ совершенное бездѣйствіе; не было въ цѣпи стрѣлковъ ни одного выстрѣла, хотя перемирія не было.

Генералъ передовыхъ Французскихъ войскъ предлагалъ Князю Багратіону оставить селеніе Петерсвальде нейтральнымъ, или будетъ оно причиною всегдашнихъ безпокойствъ, и онъ долженъ будетъ овладѣть имъ. Генералъ Князь Багратіонъ отвѣчалъ, что онъ согласенъ; что легче

---

[11] Баронъ Корфъ служилъ нѣкогда въ Генеральномъ Штабѣ, почитаемъ былъ въ числѣ весьма хорошихъ офицеровъ, почему находился волонтеромъ при Прусской арміи въ компанію 1792 года противъ Французской Республики.

1807. сказать, нежели сдѣлать, и доказательство того находитъ въ его предувѣдомленіи. Угрозы оставались въ словахъ, а Петерсвальде за нами.

Расположенные противъ насъ Французы имѣли въ продовольствіи величайшій недостатокъ, кавалерія ихъ отправлена назадъ для поправленія. 27 Драгунскій полкъ, изнуренный голодомъ, большею частію перебѣжалъ къ намъ. Не менѣе терпѣли войска авангарда; не было ни хлѣба, ни соли; выдавались сухари совершенно гнилые и чрезвычайно въ маломъ количествѣ. Солдаты употребляли въ пищу воловьи кожи, которыя двѣ, или три, недѣли служили покрышкою шалашей; въ 23 и 24 егерскихъ полкахъ начинали ѣсть лошадей, и изъ послѣдняго были большіе побѣги.

Князь Багратіонъ посылалъ меня доложить Главнокомандующему о сей крайности. Даны строгія приказанія, и все осталось въ прежнемъ видѣ. Не понравилось дежурному по арміи Генералъ-Маіору Фоку мое донесеніе, и я пріобрѣлъ его вражду, которой подвергался я и по тому, что не удивлялся весьма посредственнымъ его способностямъ, тогда какъ уже многіе находили выгоды превозносить ихъ. По служенію въ артиллеріи мы давно были знакомы.

Государь Императоръ прибылъ къ арміи, и пришла гвардія подъ начальствомъ Цесаревича. Главная квартира Императора расположилась въ Бартенштейнѣ, Великаго Князя въ Шипенбейлѣ. Начались разводы, щегольство, и мы въ авангардѣ, съ тощими желудками, принялись за перестройку аммуниціи.

Къ намъ прежде пріѣхалъ Великій Князь, который, со времени кампаніи Суворова въ Италіи, имѣлъ къ Князю Багратіону дружественное расположеніе. Увидѣвши недостатки наши, онъ взялся заботиться о улучшеніи продовольствія. Первый транспортъ съ провіантомъ, по настоянію его отправленный въ авангардъ, взятъ на дорогѣ другими войсками; но всѣмъ прочимъ давалъ онъ свои

конвои, и они доходили исправно, и чрезъ нѣкоторое время отъ недостатка перешли мы къ изобилію. 1807.

Между многими чиновниками, представленными Великому Князю, удостоился и я его привѣтствія, по засвидѣтельствованію Князя Багратіона о моей службѣ. До того не былъ я ему извѣстенъ, никогда не служивши въ столицѣ.

Вскорѣ приказано приготовиться къ встрѣчѣ Государя вмѣстѣ съ Королемъ Прусскимъ.

Перестроивъ единообразно шалаши, дали мы имъ опрятную наружность и лагерю видъ стройности. Выбравъ въ полкахъ людей менѣе голыхъ, пополнили съ другихъ одежду и показали ихъ подъ ружьемъ. Обнаженныхъ спрятали въ лѣсу и расположили на одной отдаленной высотѣ, въ видѣ аванпоста. Тутъ увидѣлъ я удобный способъ представлять войска и какъ увѣряютъ Государя, что они ни въ чемъ не имѣютъ недостатка. Подъѣзжая къ каждой части войскъ, онъ называлъ начальниковъ по фамиліи Королю Прусскому и, между прочими, сказалъ обо мнѣ, что и въ прежнюю кампанію доволенъ моею службою. Всѣ восхищены были вниманіемъ и благосклонностію Государя, и я, не желая льстить, скажу, что онъ умѣлъ ободрить всѣхъ. Я былъ внѣ себя отъ радости, ибо не былъ избалованъ въ службѣ привѣтствіями. Король Прусскій далъ орденъ за достоинство (pour le mérite) тремъ Штабъ-офицерамъ, [12] въ числѣ коихъ и я находился. Ордена сіи были изъ первыхъ, и еще не были унижены чрезвычайнымъ размноженіемъ.

Вышли награды за Прейсишъ-Эйлавское сраженіе. Вмѣсто 3-го класса Георгія, къ которому удостоенъ я былъ Главнокомандующимъ, я получилъ Владиміра. Въ дѣйствіи сдѣланъ участникомъ мнѣ артиллеріи Генералъ-Маіоръ Графъ Кутайсовъ. Его одно любопытство привело на мою батарею, и какъ я не былъ въ его командѣ, то онъ

[12] Шефу 5 егерскаго полка, Полковнику Гогелю, мнѣ и командующему Псковскимъ мушкатерскимъ полкомъ, Подполковнику Лошкареву.

1807. и не мѣшался въ мои распоряженія. Однако же, не имѣвши даже 4 класса, ему данъ орденъ Георгія 3-го класса. Въ реляціи хотѣли написать его моимъ начальникомъ, но Генералъ-Квартирмейстеръ, Баронъ Штейнгель, знавши обстоятельства, тому воспрепятствовалъ. Князь Багратіонъ объяснилъ Главнокомандующему сдѣланную несправедливость, и онъ, признавая самъ, что я обиженъ, ничего, однако же, не сдѣлалъ. Вотъ продолженіе тѣхъ пріятностей по службѣ, которыми довольно часто я надѣляемъ!

Наполеону выгодно было продолжающееся бездѣйствіе, ибо отправилъ онъ большой корпусъ въ помощь войскамъ, осаждающимъ крѣпость Данцигъ. Корпуса: Маршала Даву, расположенный въ Алленштейнѣ, и Маршала Нея въ Гутштаттѣ и противъ авангарда, были малочисленны, и отъ нихъ часть конницы и артиллеріи отосланы назадъ для прокормленія. По симъ причинамъ предположено, 1-го Мая, атаковать корпусъ Маршала Нея. За день до того прибыла гвардія въ Лаунау, пришли прочія войска и все расположено къ наступленію. Авангардъ занялъ лѣсъ съ тѣмъ, чтобы на разсвѣтѣ захватить равнину, простирающуюся до Альткирхена, и отрѣзать отступленіе непріятелю изъ города Гутштатта.

Государь прибылъ къ войскамъ авангарда, осмотрѣлъ ихъ, объѣхалъ, въ сопровожденіи Главнокомандующаго, передовые посты, оставленные впереди Цехерна и Петерсвальде, дабы непріятель не могъ подозрѣвать о движеніи авангарда. Не извѣстно мнѣ, почему вдругъ дано приказаніе отмѣнить атаку. Государь возвратился въ главную квартиру, всѣ прочіе пошли въ свои прежнія мѣста, и авангардъ вступилъ въ свою позицію при Лаунау

Непріятель между тѣмъ безпрепятственно продолжалъ осаду Данцига, и хотя Генералъ-Маіоръ Графъ Каменскій посланъ былъ съ сильнымъ отрядомъ пройти въ крѣпость, въ помощь ослабѣвающему гарнизону, [13] по непрія-

---

[13] Данцигъ защищали Прусскія войска, къ которымъ Генералъ-Маіоръ Князь Щербатовъ присоединенъ былъ съ тремя гарнизонными

тель въ такихъ былъ при осадѣ силахъ, что Графъ Каменскій былъ отбитъ съ большимъ весьма урономъ и до крѣпости не допущенъ. Предпріятіе имѣло бы полный успѣхъ, если бы ранѣе приведено было въ исполненіе. Вскорѣ за тѣмъ, по причинѣ недостатка въ снарядахъ и по тому, что Англійское судно, которое съ оными приходило въ крѣпость, захвачено Французами, крѣпость сдалась на капитуляцію. 1807

Непріятно было извѣстіе о сдачѣ Данцига, и не было сомнѣнія, что Наполеонъ присоединитъ большую часть осаждавшихъ войскъ.

Я не могъ узнать, что могло понудить, упустивъ 1-го Мая, время, удобное къ нападенію, не прежде произвести оное, какъ 24-го числа, когда армія непріятельская весьма усилилась. Не могло побуждать къ тому ожиданіе сикурсовъ, ибо ни малѣйшихъ не прибыло войскъ, ниже продовольствіе не сдѣлалось лучшимъ прежняго, и мы не могли выйти на продолжительное предпріятіе.

Движеніе 24-го Мая столько хорошо было соображено, что корпусъ Маршала Нея весь долженъ былъ достаться въ наши руки. Направленіе главныхъ частей арміи было слѣдующее:

Авангардъ шелъ на Альткирхенъ и отрѣзывалъ Французовъ въ лѣсу, простирающемся отъ Петерсвальде къ Гутштатту въ то время, какъ оставленные два полка егерей на нихъ ударятъ. Дѣйствія его не должны быть рѣшительны, дабы войскамъ, назначеннымъ обойти непріятеля, дать время совершить движеніе.

Съ правой стороны Генералъ-Лейтенантъ Баронъ фонъ деръ Остенъ-Сакенъ долженъ обойти непріятеля и не допустить къ рѣкѣ Пасаргѣ.

баталіонами и двумя Казачьими полками. Войска сіи выпущены по сдачѣ крѣпости съ тѣмъ, чтобы не служили противъ Французовъ въ продолженіи кампаніи. Генералъ Князь Щербатовъ, не согласясь на сіе условіе, прибылъ къ арміи.

1807. Съ лѣвой стороны Генералъ-Лейтенантъ Князь Горчаковъ (Алексѣй Ивановичъ), переправясь чрезъ рѣку Алле, обходитъ Гутштаттъ.

Генералъ-Лейтенантъ Дохтуровъ, выгнавъ непріятеля, занимающаго постъ съ небольшими силами, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нашего праваго фланга, присоединяется къ арміи.

Генералъ Князь Голицынъ съ кавалеріею подкрѣпляетъ Барона Сакена.

Гвардейскіе полки составляютъ резервъ арміи. Атаманъ Генералъ Платовъ наблюдаетъ за движеніемъ корпуса Маршала Даву къ сторонѣ Алленштейна.

24 числа Мая, рано по утру, авангардъ выступилъ къ Альткирхену. По лѣвую сторону, въ опушкѣ лѣса, видѣли мы Французскихъ часовыхъ, весьма покойно смѣняющихся. Вскорѣ слышны были во многихъ мѣстахъ пушечные сигнальные выстрѣлы, и въ слѣдъ за ними видно было поспѣшное движеніе войскъ по разнымъ направленіямъ къ Альткирхену. Авангардъ далъ имъ свободу собираться, что совершенно согласовалось съ намѣреніемъ Главнокомандующаго. Началась сильная канонада, которую мы продолжали, ничего не предпринимая рѣшительнаго. Судя по времени, Князь Багратіонъ полагалъ, что Генералъ Баронъ Сакенъ успѣлъ бы обойти непріятеля, но не слышно было ни одного выстрѣла, и самое спокойствіе между войсками, которыя стояли противъ насъ, заставляло въ томъ сомнѣваться. Посланы офицеры собрать свѣдѣнія, и никакихъ не усмотрѣно войскъ, кромѣ идущей недалеко кавалеріи Генерала Князя Голицына.

Между тѣмъ у Альткирхена собрались довольно значительныя силы, и авангардъ получилъ повелѣніе атаковать ихъ. Дѣло началось весьма горячее. Непріятель, долго защищавшись, отступилъ. Лѣвое крыло авангарда съ Генераломъ Багговутомъ встрѣтило жестокій огонь. Онъ прошелъ чрезъ Амтъ-Гутштаттъ или предмѣстье Гутштатта,

гдѣ было 600 Французовъ, за которыми онъ оставилъ наблюденіе. Мы не получили должнаго содѣйствія отъ Генерала Князя Горчакова, который, нашедши непріятеля у переправы чрезъ рѣку Алле, не скоро отошелъ отъ оной, и потомъ, занявшись пріобрѣтеніемъ Гутштатта, опоздалъ прійти къ назначенію. Замѣтить должно, что городъ безъ укрѣпленій и для защиты имѣющій 600 человѣкъ; сверхъ того, находясь уже позади войскъ нашихъ, могъ бы достаться намъ, не требуя усилій цѣлаго корпуса. Но какъ во время продолжительнаго бездѣйствія доходили въ главную квартиру слухи, что Французы укрѣпили городъ и что пунктъ сей большой для нихъ важности, то Князь Горчаковъ разсчелъ, что пріобрѣтеніе онаго почтется за великій подвигъ. Но если бы, не вдаваясь въ сей придворный расчетъ, Князь Горчаковъ, оставивши небольшую часть войскъ, поспѣшилъ далѣе, то Маршалъ Ней имѣлъ бы гораздо большую потерю. 1807.

Авангардъ, преслѣдуя непріятеля до вечера, остановился на ночлегъ предъ селеніемъ Квецъ. Въ продолженіи дня захватили мы довольно плѣнныхъ, или которые не успѣли прійти на сборное мѣсто къ Альткирхену, или на маршъ отъ пунктовъ отдаленныхъ нашли дорогу уже отрѣзанную.

Причиною, что диспозиція не выполнена, былъ Генералъ-Маіоръ Сакенъ. Онъ не пришелъ въ назначенное время, отговариваясь далекимъ обходомъ и будто бы ожидалъ повелѣній. Но общій былъ слухъ, что, имѣя неудовольствіе на Главнокомандующаго, онъ нарочно сдѣлалъ, чтобы лишить его успѣха въ предпріятіи. Многіе чрезвычайно негодовали, что упущенъ благопріятнѣйшій случай уничтожить цѣлый непріятельскій корпусъ.

Главнокомандующій былъ свидѣтелемъ, какъ часть Французской пѣхоты, не болѣе 600 человѣкъ, неустрашимо противостала атакамъ нашей кавалеріи. Пѣхота стояла фронтомъ у селенія. Три полка, одинъ послѣ другаго, атаковали ее, каждый отбитъ въ свою очередь, и всякій разъ весьма хладнокровно являлся начальникъ, командую-

1807. щій сомкнуть ряды. Приспѣвшія два орудія понудили картечью оставить мѣсто. Иначе надобно бы было отказаться или отъ Французской пѣхоты, или отъ нашей кавалеріи, и искать другихъ средствъ. Пѣхота сія не досталась въ наши руки.

Генералъ Дохтуровъ нашелъ непріятеля въ малыхъ силахъ, но прикрытаго твердыми засѣками, и вступилъ въ перестрѣлку, употребляя баталіонъ за баталіономъ по одиначкѣ. Лейбъ-гвардіи егерскаго полка два баталіона бросились стремительно въ штыки, и мгновенно вытѣсненъ непріятель.

25-го Мая, противъ непріятеля, устроеннаго въ крѣпкой позиціи, собрались наши войска въ большихъ силахъ; со стороны нашей была въ дѣйствіи многочисленная артиллерія. Егерскимъ полкамъ авангарда, въ командѣ Генералъ-Маіора Раевскаго, приказано обойти лѣсомъ правый флангъ непріятеля. Онъ отступилъ когда стрѣлки подошли къ его батареямъ и, частію пѣхоты, при нѣсколькихъ орудіяхъ, занявши сады при селеніи Квецъ, расположился нѣсколько далѣе. Авангардъ поспѣшно двинулся по большой дорогѣ. Картечными выстрѣлами выгналъ я непріятеля изъ селенія Квецъ; но когда на открытомъ мѣстѣ атаковалъ его Гродненскій гусарскій полкъ, два выстрѣла картечью его разсѣяли.[14] Не взирая на весьма жаркое время, егерскіе наши полки всѣ движенія дѣлали бѣгомъ и непріятель не успѣлъ удалиться. Защищаясь весьма упорно, не могъ онъ удерживаться долго, ибо войска были въ ужаснѣйшемъ безпорядкѣ. Лѣсистыя мѣста препятствовали согласію нашихъ дѣйствій, ему способствовали спасти артиллерію. Онъ пожертвовалъ для того арріергардомъ, нѣко-

---

[14] Полкъ составленъ былъ во время кампаніи изъ эскадроновъ, взятыхъ изъ старыхъ полковъ, но еще ни разу не дрался въ новомъ своемъ составѣ. Офицеры въ полку были отличные. Шефъ Полковникъ Шепелевъ, давая роскошные завтраки и обѣды, не рѣдко говаривалъ, что при первой встрѣчѣ съ непріятелемъ сдѣлаетъ онъ въ немъ большую прорѣху.

торыми частями войскъ, которыя достались въ плѣнъ, имѣлъ 1807.
много убитыхъ, оставилъ всѣхъ раненыхъ и бросилъ всѣ обозы. Отбиты только два орудія: одно Казаками, другое храбрымъ Маіоромъ Кульневымъ, который, съ двумя слабыми эскадронами Гродненскаго гусарскаго полка, догналъ на рѣкѣ Пасаргѣ артиллерійскій паркъ и съ нимъ нѣсколько пушекъ, и овладѣлъ имъ. Увѣдомленъ будучи плѣнными, что недалеко впереди спасается артиллерія, онъ бросился за нею, но обманувшись въ лѣсу дорогою, онъ соткнулся съ сильнымъ отрядомъ кавалеріи, отъ котораго долженъ былъ ретироваться. Возвращаясь по той же дорогѣ, зажегъ онъ паркъ, взятый имъ прежде. Преслѣдующій его непріятель не смѣлъ приблизиться къ переправѣ, и онъ обратно перешелъ безпрепятственно. Онъ при семъ случаѣ взялъ не мало офицеровъ.

Казакамъ достались обозы, и между ними экипажъ [15] Маршала Нея, его серебряный сервизъ и другія вещи. Найдены серьги и браслеты, и трудно было бы понять, какое употребленіе дѣлалъ изъ нихъ Господинъ Маршалъ, если бы не истолковали вырѣзанные на серебрѣ гербы разныхъ Польскихъ фамилій безпристрастіе его къ самымъ вѣрнымъ слугамъ Наполеона. Пруссія не успѣла еще умножить сихъ сокровищъ!

Авангардъ пришелъ на ночлегъ къ селенію Деппенъ, на рѣчкѣ Пасаргѣ. На противоположномъ берегу селеніе Каллистенъ и довольно крутыя возвышенія занялъ непріятель. Передовые наши посты простирались по берегу до селенія Эльдиттенъ, въ которомъ непріятель имѣлъ укрѣпленный постъ съ нѣсколькими пушками. Генералъ Дохтуровъ, будучи близко съ своимъ корпусомъ, не почелъ за нужное овладѣть имъ, и онъ, оставаясь одинъ на нашемъ берегу, прикрывалъ лучшую переправу, которая въ прочихъ мѣстахъ, или была не столько удобна, или охраняема нами.

---

[15] Надобно замѣтить, что Казакамъ достаются обозы не всегда по тому, что они бываютъ впереди всѣхъ войскъ, но по тому, что найдя оные, при нихъ остаются, когда прочія войска, овладѣвъ ими, бросаютъ ихъ и идутъ за непріятелемъ.

1807. Вскорѣ за авангардомъ пришла армія и стала по близости.

26-го Мая, непріятель, пользуясь выгодными высотами, безпокоилъ насъ канонадою, продолжавшеюся весь день, на которую мы отвѣчали. По берегу цѣпь егерей была въ сильной перестрѣлкѣ. У непріятеля примѣчено умноженіе войскъ. Казачьи пикеты дали знать, что то же замѣчено на правомъ флангѣ, и особенно при селеніи Эльдиттенъ. День кончился безъ важныхъ происшествій.

27 Мая, съ самаго разсвѣта въ войскахъ непріятеля противъ авангарда и далѣе примѣчено общее движеніе. Стекались отовсюду войска, парки артиллеріи, обозы. Въ десять часовъ усилены передовые посты и сильная загорѣлась перестрѣлка. Двѣ колонны пѣхоты двинулись къ селенію Каллистенъ и колонна кавалеріи съ лѣваго нашего крыла. Одна колонна, опрокинувъ 7-й егерскій полкъ, подъ командою весьма не храбраго Подполковника Лаптева,[16] такъ проворно пришла къ батареѣ, гдѣ я случайно находился, что я почиталъ ее за свои войска, и только по бѣлымъ перевязямъ можно было узнать, ибо на семъ пунктѣ были одни егеря. Встрѣченная картечью двѣнадцати орудій, она обратилась въ замѣшательствѣ. Егерскіе полки, 5 Полковника Гогеля и 20 Полковника Бистрома, встрѣтивъ ее у переправы, многихъ перекололи и въ слѣдъ за нею ворвались въ селеніе Каллистенъ, въ которомъ вырѣзали все, что находилось. Другая непріятельская колонна пѣхоты, видя подоспѣвающія наши войска, возвратилась. Кавалерія, не смотря на огонь стрѣлковъ, спустилась въ рѣку, но 26-й егерскій полкъ Полковника (фамилію его забылъ), разстроивъ ее батальнымъ огнемъ, бросился на штыкахъ съ берегу. Лошади, увязая въ топкой рѣкѣ, не могли обращаться проворно, и уронъ былъ значителенъ. Послѣ сего на нѣсколько часовъ остались мы въ покоѣ. Князь Багра-

---

[16] Не надобно смѣшивать его съ отлично храбрымъ Полковникомъ Лаптевымъ, въ командѣ котораго 8-й егерскій полкъ извѣстенъ былъ неустрашимостію и особеннымъ устройствомъ.

тіонъ приказалъ всему авангарду быть въ готовности,[17] и 1807.
осторожность была полезна! Въ шесть часовъ по полудни непріятель началъ канонаду противъ селенія Каллистенъ, которое мы удерживали за собою. Большими силами приступилъ къ нему, дабы вытѣснить егерей нашихъ. Они защищались отчаянно, и нѣсколько разъ переходило изъ рукъ въ руки селеніе; наконецъ досталось превосходнымъ его силамъ. Мы перешли на свой берегъ, и сраженіе прекращено наставшею темнотою. Въ сіе время Генералъ-Маіоръ Иловайскій 4-й далъ знать, что корпусъ Маршала Сульта, переправившись у селенія Эльдиттенъ, не менѣе трехъ верстъ подвинулся впередъ. Движеніе сіе могло отрѣзать дорогу авангарду, но мы готовы были отступить, ибо армія предъ вечеромъ отправилась къ Гейльсбергу чрезъ Гутштаттъ и частію чрезъ Лаунау.

Предъ разсвѣтомъ вышелъ авангардъ двумя колоннами. При первой Генерала Маркова находился Князь Багратіонъ. Со второю Генералъ Багговутъ слѣдовалъ по большой дорогѣ, и я былъ при ней съ большею частію артиллеріи. На половинѣ дороги догналъ насъ непріятель: конница и Казаки вступили въ дѣло; изъ арміи прислано намъ нѣсколько полковъ кавалеріи. Между тѣмъ армія выходила изъ Гутштатта. Дороги чрезъ лѣсъ не всѣ были удобны, и движеніе было медленно. Она въ сей день двинулась, по крайней мѣрѣ, четырьмя часами позже, нежели могла и должна была; а главная квартира, населенная множествомъ существъ, не для одной только арміи безполезныхъ, въ то время, какъ мы дрались, и не съ выгодою, противъ неравенства силъ, весьма покойнымъ образомъ предавалась разнымъ прихотямъ, и для защиты ихъ дежурный Гене-

---

[17] По требованію моему, прислано мнѣ нѣсколько батарейныхъ орудій; ибо часто съ трудомъ выдерживалъ я дѣйствіе сильнѣйшихъ калибровъ непріятельской артиллеріи. Подъ Кенигсбергомъ испыталъ я, что могутъ значить трехфунтовыя единорожки противъ порядочной артиллеріи, и я увѣренъ, что непріятель удивился, что не съ первымъ выстрѣломъ обратилъ насъ въ бѣгство.

1807. ралъ привезъ Князю Багратіону приказаніе удерживаться сколь можно долѣе, и еще присланы кавалерійскіе полки. Нѣкоторыя атаки было совершенно въ пользу нашу. Одинъ драгунскій Италіянскій полкъ, отброшенный къ болоту, хотѣлъ спѣшиться и уйти, но окруженный, почти весь попался въ плѣнъ. Но когда въ большемъ количествѣ пришла пѣхота, мы только что могли удержаться на высотахъ у самаго Гутштатта. Въ сей день съ моею ротою я былъ въ ужаснѣйшемъ огнѣ, и одну непріятельскую батарею сбилъ, не употребляя другихъ выстрѣловъ, кромѣ картечныхъ. Прикрывавшій роту С.-Петербургскій драгунскій полкъ стоялъ подъ выстрѣлами съ невѣроятнымъ хладнокровіемъ. Мы послѣдніе отступили за арріергардомъ, и мостъ чрезъ рѣку Алле сожгли за собою. Непріятель занялъ городъ. Пѣхота его наполнила дома, лежащіе по берегу. Я вытерпѣлъ ружейный огонь; и не прежде отошелъ отъ города, какъ загорѣлся онъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Я платилъ негоднымъ жителямъ, приверженнымъ къ Французамъ, за то, что въ Февралѣ, когда 5 егерскій полкъ былъ вытѣсненъ изъ города, они изъявляли радость рукоплесканіями и дѣлали насмѣшки.

Отступивши къ Гейльсбергу по слѣдамъ арміи, авангардъ расположился, не переходя рѣки.

29 Мая авангардъ посланъ къ селенію Лаунау, гдѣ уже находился отрядъ, дабы остановить непріятеля, если возметъ онъ сіе направленіе. Въ семъ не должно было сомнѣваться, ибо дорога сія гораздо лучше всѣхъ проходящихъ лѣсомъ, которыя, сверхъ того, оканчиваются плоскостію, слишкомъ тѣсною, чтобы на оной могла помѣститься армія.

Непріятель, не допустивъ до Лаунау, встрѣтилъ авангардъ у селенія Беверникенъ. Между тѣмъ армія начала располагаться въ окопахъ, устроенныхъ у Гейльсберга, и по обыкновенію тою же погрѣшила медленностію; ибо авангардъ, по крайней мѣрѣ, лишнихъ два часа долженъ былъ удерживать непріятельскія силы, платя за несораз-

вѣрность ихъ большою потерею людей. Отъ Беверникенъ 1807.
къ сторонѣ Гейльсберга мѣстоположеніе идетъ, постепенно понижаясь, и всѣ возвышенія остаются въ пользу непріятеля. Авангардъ всю линѣйную пѣхоту расположилъ на лѣвомъ флангѣ по обѣимъ сторонамъ большой дороги; егерскіе полки размѣщены на правомъ, подкрѣпляя сильную кавалерію, присланную намъ изъ арміи. При ней была моя конная рота. Долго удерживались мы съ выгодою, а конница наша сдѣлала нѣсколько блистательныхъ атакъ. Но когда непріятель привелъ все войско, съ которымъ послѣ напалъ на наши окопы,[18] когда противъ сорока орудій стало 150 пушекъ и кавалерія протянулась далѣе оконечности праваго нашего крыла, положеніе наше сдѣлалось весьма опаснымъ. Непріятельская кавалерія прорывала наши линіи, и съ тылу взяты были нѣкоторыя изъ моихъ орудій. Одна изъ атакъ столько была рѣшительна, что большая часть нашей конницы опрокинута за селеніе Лангевизе. Но расположенные въ ономъ егерскіе полки Генерала Раевскаго остановили успѣхи непріятеля, и конница наша, устроившись, возвратилась на свое мѣсто, и отбиты потерянныя орудія. Я спасся, благодаря быстротѣ моей лошади, ибо во время дѣйствія батареи часть конницы пріѣхала съ тылу и на меня бросилось нѣсколько человѣкъ Французскихъ кирасиръ. Между тѣмъ пѣхота наша, вытерпѣвая ужаснѣйшій огонь и потерявъ много людей, начала отступать. Пріѣзжаетъ дежурный Генералъ-Маіоръ Фокъ, и съ негодованіемъ спрашиваетъ Князя Багратіона: отъ чего отступаетъ онъ, не имѣвши приказанія, тогда какъ армія не успѣла еще расположиться въ укрѣпленіяхъ? Непріятно было Князю Багратіону подобное замѣчаніе отъ Г. Фока, который только не въ большихъ чинахъ извѣстенъ былъ смѣлымъ офицеромъ и далѣе нигдѣ употребленъ не былъ. Князь Багратіонъ повелъ его въ самый пылъ сраженія, чтобы показать причину, понуждающую

[18] Окопы Гейльсберга, обширные и твердые, устроены во время продолжавшагося три мѣсяца бездѣйствія, но еще не всѣ части оныхъ были усовершенствованы.

1807. къ отступленію, и въ глазахъ его приказалъ итти впередъ. Не прошло пяти минутъ, какъ Генералъ Фокъ получилъ тяжелую рану и мы преслѣдованы до самыхъ окоповъ. Войска авангарда потеряли, конечно, не менѣе половины наличнаго числа людей; не было почти полка, который бы возвратился съ своимъ начальникомъ, мало осталось штабъ-офицеровъ.

Великій Князь былъ свидѣтелемъ сраженія, и ему поручено Главнокомандующимъ пѣхоту и артиллерію авангарда перевесть за рѣку Алле на отдохновеніе, и кавалерію, менѣе утомленную, или мало потерпѣвшую, присоединить къ арміи, для дальнѣйшаго дѣйствія. Въ числѣ особенно отличившихся въ сей день замѣчены Генералъ-Маіоры: Багговутъ, подъ начальствомъ его командовавшій всѣми егерями Раевскій, и Шефъ Кіевскаго драгунскаго полка Львовъ. Главнокомандующій благодарилъ меня за службу, а Великій Князь оказалъ мнѣ особенное благоволеніе.[19]

Въ слѣдъ за авангардомъ двинулись непріятельскія колонны къ окопамъ. По направленію отъ селенія Лангевизе были самыя большія усилія. Французы, не разъ отбитые, возобновляли нападеніе; войска разсѣянныя смѣнялись свѣжими. Предъ вечеромъ произведена жесточайшая атака, и нѣкоторыя изъ батарей, лежащихъ къ правому флангу, взяты. На нихъ не могъ удержаться непріятель, ибо ближайшія укрѣпленія тотчасъ обратили на нихъ огонь, а паче одно, построенное на возвышеніи, въ видѣ кавальера, господствующее надъ всею окрестностію. Не имѣя во власти сего укрѣпленія, непріятель не могъ пріобрѣсти ни какихъ успѣховъ, и по тому сильная колонна гренадеръ пошла на оное. На нѣкоторое разстояніе широкая лощина укрывала отъ выстрѣловъ, но когда вышла она изъ оной, встрѣчена было перекрестнымъ дѣйствіемъ бата-

---

[19] Ему понравился отвѣтъ, сдѣланный мною присланному отъ него адъютанту съ замѣчаніемъ, что Французская колонна слишкомъ приближается къ батареѣ; «Я буду стрѣлять, когда различу бѣлокурыхъ отъ черноволосыхъ.» Онъ видѣлъ опрокинутую колонну!

рей и картечью съ главнаго укрѣпленія. Не смотря на произведенное въ ней разстройство, дошла она до самаго рва онаго; но полки, составлявшіе прикрытіе укрѣпленія, ударили на оную въ штыки и обратили въ бѣгство въ величайшемъ замѣшательствѣ. Вся долина устлана мертвыми. Не легко было бы опрокинуть отличное сіе войско, но не могло оно противустать соединенному дѣйствію нѣсколькихъ батарей. Другія атаки, въ то же время произведенныя, не лучшій имѣли успѣхъ, и непріятель преслѣдовалъ далѣко за укрѣпленія. На правомъ флангѣ не были достроены окопы, и тамъ по удобности расположена вся наша конница. Непріятель не успѣлъ на семъ пунктѣ собрать достаточнаго количества кавалеріи, и по тому Главнокомандующій приказалъ на нее ударить: не устояла она противъ стремительнаго нападенія нашей конницы, и отброшена къ самому лѣсу, гдѣ стоящая пѣхота сильнымъ огнемъ прикрыла бѣгущихъ и конницу нашу обратила. При семъ случаѣ два полка Прусской конницы дѣйствовали съ отличнымъ мужествомъ. Во многихъ мѣстахъ пѣхота выходила изъ укрѣпленій, и въ одномъ пунктѣ цѣлыми линіями произведенъ батальный огонь. Наставшая ночь прекратила сраженіе, и войска наши торжествующія возвратились въ укрѣпленія. 1807.

Непріятель, по дошедшимъ, свѣдѣніямъ потерялъ въ семъ сраженіи, убитыми и ранеными, до двѣнадцати тысячъ человѣкъ; уронъ со стороны нашей несравненно былъ менѣе. Наполеона не было при войскахъ, и сраженіе дано соединенными Маршалами.

30-го Мая, непріятель, занимая довольно большою частію войскъ позицію при селеніяхъ Беверникенъ и Лангевизе, послалъ главныя силы по направленію на Кенигсбергъ. Наша армія имѣла отдохновеніе въ окопахъ, но въ ночи на 31 число выступила къ Бартенштейну, ибо непріятель движеніемъ своимъ угрожалъ операціонной нашей линіи. Наполеонъ, понудивши оставить поспѣшно укрѣпленную позицію, доказалъ, сколько неблагоразумны

1807. Маршалы, рѣшившіеся атаковать, при всѣхъ со стороны нашей выгодахъ, и сколько безполезно данное сраженіе.

Вмѣстѣ съ разсвѣтомъ отошелъ арріергардъ, который непріятельская конница догнала въ 10-ть часовъ по утру, но только издали наблюдала за слѣдованіемъ. Арріергардъ провелъ ночь, не доходя Бартенштейна.

1-го Іюня, около вечера, арріергардъ прошелъ мѣстечко Шипенбейль. Непріятельская кавалерія была уже гораздо въ большихъ силахъ, но день кончился пустою перестрѣлкою.

Въ Шипенбейлѣ Князь Багратіонъ получилъ повелѣніе ити поспѣшнѣе къ мѣстечку Фридландъ.

Многіе удивлены были направленіемъ арміи, но открылось, что часть кавалеріи, зашедши неосторожно въ Фридландъ, схвачена эскадронами Татарскаго уланскаго полка, и плѣнные показали, что армія идетъ къ Кенигсбергу, и только одинъ корпусъ расположенъ неподалеку, а по тому полагали, что Главнокомандующій, вознамѣрясь истребить сей корпусъ, изъ предосторожности, что будетъ онъ подкрѣпленъ другими войсками, собираетъ всю армію для вѣрнѣйшаго успѣха.

Арріергардъ прошелъ всю ночь, не останавливаясь, и съ разсвѣтомъ, приближаясь къ Фридланду, слышны были изрѣдка пушечные выстрѣлы. Князь Багратіонъ послалъ впередъ егерскіе полки съ Генераломъ Раевскимъ и мнѣ приказалъ ити съ конною артиллеріею. Перешедши за рѣку въ самомъ Фридландѣ, намъ показано мѣсто на лѣвомъ флангѣ, гдѣ мы нашли гренадеръ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка въ перестрѣлкѣ. Войска собираются отовсюду, но ихъ было еще мало. Мы смѣнили стрѣлковъ гвардейскихъ, и полкъ отошелъ назадъ. Непріятель, какъ послѣ дознано, состоялъ въ десяти тысячахъ сводныхъ гренадеръ Маршала Удино, который скрылъ недостатокъ силъ своихъ въ лѣсахъ, протягающихся параллельно занятой нами позиціи. Вскорѣ собралось большое количество нашихъ войскъ, а непріятель оставался въ томъ

же числѣ. По несчастію, Главнокомандующій былъ въ сей день очень болѣнъ; Генералъ-Квартирмейстеръ, Баронъ Штейнгель, и новый дежурный Генералъ-Лейтенантъ, Эссенъ 1-й (Иванъ Николаевичъ), при обозрѣніи позиціи, получили однимъ выстрѣломъ контузіи, и мы нѣкоторое время не получали ни какихъ приказаній. 1807.

Надлежало напасть рѣшительно на Французскій корпусъ, который, будучи весьма разбросанъ, не могъ ни защищаться упорно, ни отступить съ удобностію. Армія, растянутая въ слѣдованіи на Кенигсбергъ, не могла подкрѣпить въ скоромъ времени, и приходящія въ помощь войска, не иначе являясь, какъ по одиночкѣ, не въ состояніи были бы устоять противъ соединенныхъ силъ всей арміи. [20] Предположа, что, по превосходству силъ непріятеля, не входило въ намѣреніе Главнокомандующаго разрѣзать армію на маршѣ, но, конечно, не упустилъ бы онъ случая истребить одинъ корпусъ. Напротивъ мы занялись продолжительною безплодною перестрѣлкою и безполезно потеряли столько времени, что прибыла кавалерія противъ праваго нашего фланга, и лѣсъ противъ арріергарда наполнился пѣхотою. Кавалерія наша опрокинута и не иначе собралась, какъ за линіями пѣхоты. Но храбрый Генералъ Графъ Ламбертъ съ Александрійскимъ гусарскимъ полкомъ, воспользовавшись разстройствомъ преслѣдующаго непріятеля, обратилъ его, а прочіе полки, присоединившись, прогнали до самаго лѣса, откуда, не выходя во весь день, иногда показывался по опушкѣ. На лѣвомъ флангѣ лѣсъ переходилъ нѣсколько разъ въ руки арріергарда, который подкрѣпленъ былъ многими полками, но наконецъ мы уступили очевидно возраставшимъ силамъ. Лейбъ-гвардіи егерскій полкъ дрался съ отличною неустрашимостію. На всемъ вообще протяженіи войскъ нашихъ многія были весьма удачныя атаки, которыя, однако же, по несвязности

---

[20] Французская армія почти въ томъ же положеніи находилась, какъ и наша, когда, преслѣдуя корпусъ Маршала Бернадота къ Дейчъ-Эйлау, растянута она была на одной дорогѣ.

1807. дѣйствій, ничего рѣшительнаго не произвели. Въ шесть часовъ вечера прибылъ Наполеонъ, и вся армія соединилась. Скрывая за лѣсомъ движенія, главныя силы собрались противъ лѣваго крыла; въ опушкѣ лѣса непримѣтно устроилась батарея въ сорокъ орудій, и началась ужасная канонада. По близости разстоянія выстрѣлы были горизонтальные, и первые не могли выдержать конные полки арріергарда. Вскорѣ онъ отступилъ также. Всѣ вообще войска начали отступать къ мостамъ; къ главному изъ нихъ дорога лежитъ чрезъ городъ, и въ улицахъ отъ стѣсненія происходилъ величайшій безпорядокъ, который умножалъ дѣйствіе непріятельской артиллеріи, обращенной на городъ. Изъ направленія колоннъ видно было, что непріятель ищетъ отрѣзать отъ переправы, и чтобы остановить его, лейбъ-гвардіи Измайловскій и Павловскій гренадерскіе полки ударили на нихъ, но та же ужасная батарея остановила храбрый порывъ, и полки обратились.

Не далѣе провождала конную гвардію отличная ея храбрость. Съ арртиллеріею арріергарда успѣлъ я перейти по ближайшему понтонному мосту, не доходя города, но уже онъ былъ подъ выстрѣлами, и часть его повреждена. [21] Городской мостъ (который я назвалъ главнымъ) не извѣстно, какъ зажженъ прежде времени и безъ приказанія. Оставался одинъ мостъ, а еще большая часть войскъ и артиллеріи не переходила. Непріятель тѣснилъ ихъ къ берегу, и потеря малѣйшаго времени была опасна. Артиллерію спасъ отысканный по близости бродъ, [22] которую иначе надобно было оставить. Итакъ вся потеря подби-

---

[21] Часть артиллеріи арріергарда не имѣла уже возможности отступить на дорогѣ, и орудія спускались къ рѣкѣ прямо съ крутаго берега. Нѣсколько ящиковъ воткнулись оглоблями въ землю и брошены разбитые.

[22] Бродъ показалъ артиллеріи Полковникъ Бѣгуновъ, который, долгое время находясь въ Фридландѣ, для исправленія роты, часто ходилъ на охоту съ ружьемъ, и по тому имѣлъ знакомство съ жителями, отъ которыхъ узналъ о немъ.

тыми, оставленными на мѣстѣ и потонувшими отъ безпорядка на броду, состоитъ въ тринадцати орудіяхъ. Изъ послѣднихъ перешедшихъ войскъ была 7-я дивизія Генералъ-Лейтенанта Дохтурова, но ею въ то время командовалъ Шефъ Владимірскаго пѣхотнаго полка, Поковникъ Бенардосъ, неустрашимый Грекъ. [23] 1807.

Застигла ночь, но двѣ батарейныя роты не успѣли переправиться и ужь къ броду была захвачена дорога. Генералъ-Маіоръ Графъ Ламбертъ, взявъ ихъ подъ прикрытіе Александрійскаго гусарскаго полка, прошелъ болѣе двухъ миль непріятельскимъ берегомъ до мѣстечка Алленбурга, и рано утромъ, перешедши рѣку Алле, присоединился къ арміи.

Итакъ, вмѣсто того, чтобы разбить и уничтожить слабый непріятельскій корпусъ, которому, за отдаленіемъ, не могла армія дать скорой помощи, мы потеряли главное сраженіе. Не могу не повторить еще, что если бы, при самомъ началѣ сраженія, Главнокомандующій не испыталъ припадка болѣзни, дѣла наши были бы совсѣмъ въ другомъ положеніи. Нами въ продолженіи сраженія наконецъ командовалъ Генералъ-Лейтенантъ Князь Горчаковъ (Алекс. Иван.). Но ни онъ въ себѣ не нашелъ, ни войска къ нему не могли имѣть, довѣренности.

3-го Іюня, по утру арріергардъ прибылъ въ Алленбургъ. Еще засталъ онъ остатки выступавшей далѣе арміи, и безпорядокъ былъ ужаснѣйшій. Непріятель занимался построеніемъ мостовъ, и по тому имъ не воспользовался. По обѣимъ сторонамъ рѣки видны были части его кавалеріи, но онѣ не имѣли между собою сообщенія.

Безъ препятствій дошли мы до Велау. Не знаю, справедлива ли молва, что Главнокомандующій намѣревался дать сраженіе; но видно было, что строились редуты; однако сближающійся непріятель не допустилъ ихъ кончить.

---

[23] Надобно, однако же, утѣшиться; ибо Генералы дивизіи всѣ были живы. Они, вѣроятно, хотѣли испытать первые, какова была переправа.

1807. При отступленіи арріергарда посланные разъѣзды открыли отрядъ Генерала Графа Каменскаго, идущій отъ Кенигсберга, и за нимъ непріятеля въ силахъ. Въ нѣсколькихъ верстахъ позади соединялись дороги, и Графъ Каменскій, прошедши прежде, могъ привесть за собою непріятеля, который занялъ бы нашу дорогу. Князь Багратіонъ, благосклонно выслушивающій мои разсужденія, позволилъ мнѣ сдѣлать предложеніе, чтобы всю нашу кавалерію послать на лѣвый флангъ преслѣдующаго насъ непріятеля, новостію сего движенія остановить или, по крайней мѣрѣ, умедлить ходъ его и, съ пѣхотою пройдя поспѣшнѣйшимъ образомъ соединеніе дорогъ, ожидать Графа Каменскаго. Князь Багратіонъ приказалъ привести сіе въ исполненіе, и мы едва могли предупредить Графа Каменскаго, а потомъ кавалерія наша прибыла въ одно время съ послѣдними его войсками. Онъ отправился къ арміи и арріергардъ остался одинъ.

При селеніи Таплакенъ, по удобству мѣстоположенія, дождались мы непріятеля, и довольно горячая сшибка съ передовыми его войсками была совершенно въ пользу нашу.

Въ двѣнадцати верстахъ не доходя Тильзита, нашли мы дожидающіеся полки кавалеріи и приказаніе Главнокомандующаго удерживать непріятеля, дабы армія имѣла время перейти за Нѣменъ. Широкая рѣка сія протекаетъ у самаго Тильзита и на ней только одинъ мостъ. Нельзя было, по обширности города, превратить его въ мостовое укрѣпленіе (tête de pont), и потому каждый изъ насъ видѣлъ, сколько трудное порученіе возложено на Князя Багратіона, и какой опасности подвержено отступленіе арріергарда, имѣя одинъ мостъ и такое множество кавалеріи. Арріергардъ расположился въ боевой порядокъ, дано повелѣніе, во что бы ни стало, удерживаться до ночи. Князь Багратіонъ, оставивъ при арріергардѣ прежнюю его конницу и Казаковъ, къ общему всѣхъ удовольствію, отпустилъ всю прочую кавалерію, дабы она не сдѣлала препятствій при переправѣ. Мы готовились къ послѣднему сраженію на землѣ союзни-

ковъ! Передовые наши посты, отстрѣливаясь, привели наконецъ непріятеля довольно на близкое разстояніе. Рѣшительность, съ которою мы его ожидали, надобно думать, внушила къ намъ уваженіе и, конечно, непріятель одного былъ съ нами мнѣнія, что не равными силами преодолѣть насъ было возможно, а по тому остатокъ дня провелъ въ бездѣйствіи. Онъ ожидалъ прибытія своей арміи, мы нетерпѣливо ожидали приближенія ночи. 1807.

Арріергардъ пришелъ по утру въ Тильзитъ, и тотъ часъ вся конница, Казаки и артиллерія отправлены за Нѣменъ; за ними перешла линѣйная пѣхота. Въ городѣ остались одни егерскіе полки, мостъ приготовленъ къ скорѣйшему сожженію. Около девяти часовъ утра непріятель въ большихъ весьма силахъ подошелъ къ городу и началъ обозрѣніе. Мы оставили его, и едва успѣли егерскіе полки перейти мостъ, какъ на ономъ явился съ кавалеріею Маршалъ Принцъ Мюратъ, и мостъ загорѣлся почти подъ самою его лошадью.

Непріятель занялъ городъ. По берегу, несравненно возвышенному надъ нашимъ, стала многочисленная артиллерія; въ продолженіи дня собралась вся армія и охватила всю окрестность, и мы, не угадывая послѣдствій, не безъ страха ожидали происшествій.

Армія наша была малочисленна и въ безпорядкѣ. Ее крайне ослабили отлучившіеся отъ Полковъ люди при отступленіи отъ Фридланда и на пути до Нѣмена. Собираясь большими толпами, они проходили разными дорогами, снискивая грабежемъ себѣ пропитаніе, и въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ перешли Нѣменъ въ Юрбургѣ, Олитѣ, Меречѣ, и нѣкоторыя даже въ Гроднѣ. Въ доказательство безпорядка приведу слѣдующіе примѣры. Изюмскій гусарскій полкъ забытъ въ Пруссіи на квартирахъ, гдѣ находился для поправленія лошадей; узнавши отъ жителей о Фридландскомъ сраженіи, пошелъ онъ къ арміи, но встрѣчающіеся повсюду наши и Французскіе мародеры истолковали ему, что армія отступаетъ, и полкъ отправился за

1807. Нѣменъ и перешелъ его благополучно. Также забытъ Полковникъ Сысоевъ съ Донскими полками, но гораздо далѣе. Онъ встрѣчался съ войсками непріятеля, дрался съ ними, проходилъ ихъ квартирами, бралъ плѣнныхъ и за Нѣменомъ присоединился къ арміи. Не исключая и самой артиллеріи, часть оной, не получивши во время приказанія, сама избрала направленіе и, отдѣльно слѣдуя отъ арміи, перешла въ Юрбургѣ чрезъ Нѣменъ, изыскавши бродъ, который до того былъ не извѣстенъ.[24]

Армія не въ большомъ разстояніи отъ берега расположилась лагеремъ; лѣсистое мѣстоположеніе весьма кстати ея безсилію. Авангарду приказано стать на самомъ берегу. Князь Багратіонъ, по приказанію Главнокомандующаго, послалъ отъ имени своего Адъютанта съ предложеніемъ перемирія. Онъ представленъ къ Принцу Мюрату, потомъ къ Принцу Бертье, и ему объявлено, что Наполеонъ желаетъ мира, не перемирія! На другой день съ объясненіемъ о томъ пріѣхалъ въ главную квартиру Принцъ Бертье, и послано донесеніе Государю, который находился въ мѣстечкѣ Шавлѣ. Чрезъ два дня прибылъ Государь къ арміи, и Генералъ отъ инфантеріи Князь Лобановъ-Ростовскій отправленъ къ Наполеону, вскорѣ послѣ чего заключено перемиріе и приступлено къ переговору о мирѣ.

Между тѣмъ положено свиданіе Государя съ Наполеономъ, и оно пріуготовлено на срединѣ Нѣмена, гдѣ съѣхались они въ одно время. Король Прусскій находился съ нами на берегу! Чрезъ нѣсколько дней Государь переѣхалъ въ Тильзитъ, гдѣ среди, Французской арміи, караулъ его состоялъ изъ одного баталіона гвардіи Преображенскаго полка и двухъ эскадроновъ лейбъ-гусарскаго полка. Вскорѣ заключенъ миръ; всѣ выгоды онаго были на сторонѣ Наполеона; имъ всѣ изъявленія почтенія, то есть,

---

[24] Простительно желать знать, кому принадлежитъ честь подобныхъ распоряженій? Кажется, Полковнику Адеркассу. И кто же осмѣлился бы оспаривать ее у Нѣмца? ибо съ давнихъ временъ не умѣютъ найти Русскаго въ Генералъ-Квартирмейстеры.

всѣ онаго наружности оказаны Государю. Не отказано 1807
желаніе, чтобы былъ принятъ и Король Прусскій. Наполеонъ показывалъ маневры своихъ войскъ. Государь въ лагерѣ ихъ былъ принятъ съ блистательною почестью, каковая обыкновенно отдается самому Наполеону. Свиту Государя составляли всѣ Маршалы и множество Генераловъ. Наконецъ приглашаема къ обѣдамъ Королева Прусская. Красавица съ наполненными слезъ глазами, стараясь казаться веселою, предстала побѣдителю, противъ котораго возбуждала она къ войнѣ свои ополченія. Между тѣмъ арміи начали возвращаться въ свои предѣлы и назначенъ день прощанья. Вся гвардія Наполеона въ новой одеждѣ (благодаря Пруссіи), въ блистательнѣйшемъ порядкѣ и въ головѣ колонны баталіонъ Преображенскаго полка, прошли мимо обоихъ Императоровъ, и они, простившись, въ одно время выѣхали изъ Тильзита.

Войска арріергарда возвращены въ дивизіи, коимъ они принадлежали; мы всѣ, служившіе подъ командою Генерала Князя Багратіона, проводили любимаго начальника съ изъявленіемъ искренней приверженности. Кромѣ совершенной довѣренности къ дарованіямъ его и опытности, мы чувствовали разность обхожденія его и прочихъ Генераловъ. Конечно, никто не напоминалъ менѣе о томъ, что онъ начальникъ, и никто не умѣлъ лучше заставить помнить о томъ подчиненныхъ. Солдатами онъ былъ любимъ чрезвычайно. Я, простясь съ товарищами, отправился въ Россію.

Итакъ кончилъ я войну съ самаго начала оной и до заключенія мира въ должности начальника артиллеріи въ авангардѣ. По особенному счастію моему, не потерялъ я въ ротѣ моей ни одного орудія, тогда какъ многіе, въ обстоятельствахъ гораздо менѣе затруднительныхъ, лишались оныхъ. Вообще изъ артиллеріи, бывшей въ командѣ моей, брошено одно орудіе Псковскимъ мушкатерскимъ полкомъ, но и тутъ нельзя упрекнуть артиллерійскаго офицера. [15] Я

---

[15] Въ сраженіи при Гейльсбергѣ многія изъ орудій впадали въ руки непріятеля, ибо приказано было мною офицерамъ менѣе заботиться о сохраненіи пушекъ, какъ о томъ, чтобы въ самомъ близкомъ разстояніи послѣдними выстрѣлами заплатили за себя, если будутъ оста-

1807. имѣлъ счастіе пріобрѣсти благоволеніе Великаго Князя Константина Павловича, который о службѣ моей отзывался съ похвалою. Князя Багратіона пользовался я особеннымъ благорасположеніемъ и довѣренностію. Онъ дѣлалъ мнѣ порученія по службѣ, не одному моему званію принадлежащія. Два раза представленъ я имъ къ производству въ Генералъ-Маіоры, и онъ со стороны своей дѣлалъ возможное настояніе, но по тому безуспѣшно, что не было еще до того производства за отличіе, а единственно по старшинству. Между товарищами я снискалъ уваженіе, подчиненные были ко мнѣ привязаны. Словомъ, по службѣ открывались мнѣ новые виды и надежда менѣе испытывать непріятностей, нежели прежде. Въ продолженіи войны я получилъ слѣдующія награды: за сраженіе при Голиминѣ золотую шпагу съ надписью «за храбрость»; при Прейсишъ-Эйлау Св. Владиміра 3-й степени; при Гутштадттѣ и Пассаргѣ Св. Георгія 3-го класса и при Гейльсбергѣ алмазные знаки Св. Анны 2-го класса.

влены. Истолковано имъ, что гораздо менѣе вреда потерять пушки, нежели, для спасенія ихъ, увозя заблаговременно, лишать войска покровительства, а часто и самаго охраненія, единственно отъ нихъ зависящаго. Поставлены офицерамъ въ доказательство случаи, собственно въ авангардѣ происшедшіе, что батареи, оставаясь на мѣстѣ до послѣдней крайности, не взяты непріятелемъ, при всѣхъ возможныхъ усиліяхъ. Приведены примѣры, что самыя малыя части войскъ не могли быть преодолѣны превосходными силами, единственно отъ того, что непріятель не могъ устрашить артиллеріи и заставить ее удалиться; что если бы офицеръ, боясь потерять орудія, и для того въ опасности оставилъ свое мѣсто, войска были бы преданы неминуемому истребленію. Я выдавалъ кавалерійскимъ штабъ-офицерамъ свидѣтельства, когда отбивали они захваченныя непріятелемъ орудія, и они получали по онымъ надлежащую награду. По таковымъ свидѣтельствамъ данъ орденъ Св. Георгія Финляндскаго драгунскаго полка Полковнику Фитингофу, конно-Польскаго полка Подполковнику Буняковскому и Лифляндскаго драгунскаго полка Маіору Римскому-Корсакову. Сими офицерами возвращены всѣ потерянныя при Гейльсбергѣ орудія. О распоряженіи моемъ, спасающемъ отвѣтственность за оставленныя орудія, извѣстно было начальству и доведено до свѣдѣнія самаго Государя, который въ послѣдствіи весьма милостиво о томъ меня спрашивалъ.

ЗАПИСКИ

АРТИЛЛЕРІИ ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРА ЕРМОЛОВА.

ОТЪ ОКОНЧАНІЯ ВОЙНЫ ВЪ ПРУССІИ

ДО КАМПАНІИ 1812 ГОДА.

ЗАПИСКИ

АРТИЛЛЕРІИ ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРА ЕРМОЛОВА.

Отправившись изъ Тильзита въ Россію, проѣзжалъ я Вильну, гдѣ нашелъ Генерала Беннингсена. Онъ принялъ меня съ тою же благосклонностью, каковую оказывалъ мнѣ съ самой моей молодости. Разговаривая о войнѣ, онъ сказалъ мнѣ, что лѣтняя кампанія въ Пруссіи производилась совершенно не такъ, какъ онъ желалъ. Ему обѣщано было подкрѣпленіе изъ 30 тысячъ человѣкъ, съ которыми намѣревался онъ, вмѣстѣ съ раннею весною, начать дѣятельную кампанію, когда силы Наполеона развлечены были осадою Данцига. Подкрѣпленіе умедлено и назначено наконецъ къ первому числу Мая непремѣнно, но совсѣмъ тѣмъ по день заключенія мира не прибыло къ арміи ни одного человѣка. Подкрѣпленіе сіе состояло изъ двухъ дивизій рекрутъ, предъ самымъ походомъ получившихъ оружіе, употребленіе коего совершенно было имъ незнакомо. Не менѣе половины сихъ рекрутъ, проходя Минскую и Виленскую Губерніи, оставлены въ госпиталяхъ. 1807.

Генералъ Беннингсенъ говорилъ мнѣ, что онъ предлагалъ Государю, послѣ сраженія при Прейсишъ-Эйлау, отправить къ Наполеону ловкаго человѣка, который, предложивъ о размѣнѣ плѣнныхъ, старался бы извѣдать средства, наклонить его къ миру и надѣялся заключить выгодный.[1]

---

[1] Онъ назначилъ на сіе Генералъ-Маіора Хитрова (Николая Өедоровича), который, въ пребываніе свое въ Парижѣ, былъ весьма ласкаемъ Наполеономъ.

1807. Въ мѣстечкѣ Шкловѣ присоединился я къ дивизiи (названiя не помню), расположенной лагеремъ. Въ концѣ Августа прибылъ Инспекторъ всей артиллерiи, Графъ Аракчеевъ, осмотрѣлъ артиллерiю, распредѣлилъ укомплектованiе оной и, продолжая прежнее неблаговоленiе, приказалъ мнѣ оставаться въ лагерѣ по 1-ое число Октября, когда всѣмъ прочимъ артиллерiйскимъ бригадамъ назначено ити по квартирамъ 1-го Сентября. Къ сему весьма грубымъ образомъ прибавилъ онъ, что я долженъ былъ прiѣхать къ нему въ Витебскъ, для объясненiя о недостаткахъ. Я отвѣчалъ, что неблагорасположенiе ко мнѣ не должно препятствовать разсмотрѣнiю моихъ рапортовъ. Оскорбили меня подобныя грубости, и я не скрывалъ намѣренiя непремѣнно оставить службу. Узнавши о семъ, Графъ Аракчеевъ призвалъ меня къ себѣ и предложилъ дать мнѣ отпускъ, для свиданiя съ родственниками, приказавъ прiѣхать въ Петербургъ, чтобы со мною лучше познакомиться.

Я поступилъ въ 9-ю дивизiю Генералъ-Лейтенанта Князя Италiйскаго, Графа Суворова-Рымникскаго, сына великаго Суворова, и квартира моя назначена въ мѣстечкѣ Любарѣ на Волынѣ.

1808. Вскорѣ получилъ я Высочайшiй рескриптъ на мое имя и деньги для награжденiя нижнихъ чиновъ, отличившихся храбростiю. Это былъ первый примѣръ подобной награды!

Въ то же время Графъ Аракчеевъ писалъ мнѣ, что о наградѣ ходатайствовалъ онъ, желая доказать уваженiе его къ отличной моей службѣ.

Въ Петербургъ прiѣхалъ я, когда Графъ Аракчеевъ изъ Инспекторовъ всей артиллерiи поступилъ въ званiе Военнаго Министра. Онъ принялъ меня съ особеннымъ благоволенiемъ и встрѣтилъ объявленiемъ новой награды. Государь пожаловалъ, въ знакъ отличiя, нашивки на мундиръ коннымъ артиллерiйскимъ ротамъ моей и Князя Яшвиля. Самъ представлялъ меня Императору, и мнѣ не трудно было видѣть, что предупредилъ его въ мою пользу.

Пробывъ въ Петербургѣ три дня, я подалъ Графу Аракчееву записку о томъ, что, во время ссылки моей, при покойномъ Государѣ, Павлѣ I-мъ, многіе обошли меня въ чинѣ, и что, по тому, состою я почти послѣднимъ Полковникомъ по артиллеріи. Я объяснилъ ему, что если не получу я принадлежащаго мнѣ старшинства, я почту и то не малою выгодою, что ему, какъ Военному Министру, извѣстно будетъ, что я лишенъ былъ службы не по причинѣ неспособности къ оной. Не получивъ отвѣта на поданную записку, въ тотъ же день выѣхалъ я изъ Петербурга. Остановившись въ Орлѣ у моихъ родныхъ, получилъ извѣстіе, что я, при общемъ производствѣ по артиллеріи, пожалованъ Генералъ-Маіоромъ и назначенъ Инспекторомъ части конно-артиллерійскихъ ротъ, съ прибавленіемъ къ жалованью двухъ тысячъ рублей. 1808.

Въ семъ новомъ званіи отправился я для осмотра конной артиллеріи въ Молдавской арміи, подъ начальствомъ отличнаго долголѣтіемъ Фельдмаршала, Князя Прозоровскаго, коего главная квартира находилась въ Яссахъ. Военныя дѣйствія были прекращены на нѣкоторое время. Я былъ свидѣтелемъ перехода войскъ въ лагерь при Кальени, знаменитый зарожденіемъ ужасныхъ болѣзней въ войскахъ и истребленіемъ большаго числа оныхъ. Ни какія убѣжденія не сильны были отклонить отъ занятія убійственнаго сего лагеря. Войска дѣлали марши не болѣе 15 верстъ, и рѣдко употребляли на то менѣе десяти часовъ; ибо устроенныя въ большія каре и въ срединѣ оныхъ имѣя тяжелые обозы, медленно двигались они, по большой части безъ дорогъ. Фельдмаршалъ не преставалъ твердить, что онъ пріучаетъ войска къ маневрамъ. Подверженныя нестерпимому зною, войска очевидно изнурялись, и Фельдмаршалъ, вскорѣ преселившійся въ вѣчность, отправилъ впередъ себя армію, не менѣе той, каковую послѣ себя оставилъ. Въ Валахіи начальствовалъ Генералъ-Лейтенантъ Милорадовичъ, и рѣдкій день не было праздника, которые онъ дѣлалъ самъ и другихъ заставлялъ дѣлать, для забавы своей любезной. Я жилъ очень весело, бывалъ на празд- 1809.

1809 никахъ, ѣздилъ на гулянья, выслушивалъ разсказы его о побѣдахъ, и между прочими о сраженіи при Обилешти. «Я, узнавши о движеніи непріятеля, говорилъ онъ, пошелъ на встрѣчу; по слухамъ, былъ онъ въ числѣ 16,000 человѣкъ; я написалъ въ реляціи, что разбилъ 12,000, а въ самомъ дѣлѣ было Турокъ не болѣе четырехъ тысячъ человѣкъ». Предпріимчивость его въ семъ случаѣ дѣлаетъ ему много чести!

Изъ арміи поѣхалъ я, чрезъ Бендеры и Одессу, въ Крымъ. Обозрѣвъ всѣ древности, прелестный полуденный берегъ, пробылъ я нѣкоторое время въ Карасу-Базарѣ, гдѣ стояла одна рота моей инспекціи. Возвратясь чрезъ Харьковъ, я видѣлъ довольно большую часть полуденнаго края Россіи.

Въ составъ арміи, назначенной противъ Австрійцевъ, подъ командою Генерала Князя Голицына (Сергѣя Өедоровича), поступила дивизія, къ которой я принадлежалъ; но я оставленъ начальникомъ отряда резервныхъ войскъ въ числѣ 14,000 человѣкъ, въ Губерніяхъ Волынской и Подольской. [1]

Военнымъ Министромъ дано повелѣніе занять войсками границы обѣихъ сихъ Губерній; ибо многіе изъ дворянъ перебѣгали и уводили съ собою большое число людей и лошадей въ Герцогство Варшавское, гдѣ формировалась Польская армія. По сему порученію я доносилъ непосредственно Военному Министру, Графу Аракчееву, и имъ одобрены мои распоряженія. Для обузданія своевольныхъ, дана мнѣ власть, захватываемыхъ при переходѣ чрезъ границу, не взирая на лица, отсылать въ Кіевъ, для препровожденія далѣе въ Оренбургъ и Сибирь. Я рѣшился приказать тѣхъ изъ переходящихъ за границу, которые будутъ вооружены и въ большихъ партіяхъ, наказывать оружіемъ,

---

[1] Въ первый разъ въ составъ резервовъ взяты отъ полковъ два батальона и отъ кавалерійскихъ полковъ по одному и по два эскадрона, артиллерія же полными ротами.

и начальство довольно было моею рѣшительностію. Я упо- 1809.
треблялъ строгія весьма мѣры, но не было сосланныхъ.

По окончаніи войны противъ Австрійцевъ, армія наша возвратилась изъ Галиціи, и часть оной, расположась въ Волынской Губерніи, понудила отрядъ мой вывести въ Кіевскую, Полтавскую и Черниговскую Губерніи. Квартира моя изъ Дубна перенесена въ Кіевъ. Вмѣстѣ съ Волынскою Губерніею оставилъ я жизнь самую пріятную. Скажу въ короткихъ словахъ, что я страстно любилъ W., дѣвицу прелестную, которая имѣла ко мнѣ равную привязанность. Въ первый разъ въ жизнь приходила мнѣ мысль о женитьбѣ, но недостатокъ состоянія съ обѣихъ сторонъ былъ главнымъ препятствіемъ, и я не въ тѣхъ уже былъ лѣтахъ, когда столько удобно вѣрятъ, что пищу можно замѣнять нѣжностями. Впрочемъ, господствующею страстію была служба, и я не могъ не знать, что только ею одною могу достигнуть средствъ нѣсколько пріятнаго существованія. И такъ надобно было превозмочь любовь! Не безъ труда, но я успѣлъ.

Дивизія, къ которой я принадлежалъ, вскорѣ, по воз- 1810.
вращеніи изъ Галиціи, отправлена въ Молдавію, но я, по прежнему, оставленъ съ резервомъ. Я писалъ о перемѣнѣ назначенія моего Графу Аракчееву, но въ самое то время на мѣсто его Военнымъ Министромъ назначенъ Генералъ Барклай де Толли, которому я мало былъ извѣстенъ. Всѣ занятія мои въ Кіевѣ ограничивались употребленіемъ порученныхъ мнѣ войскъ на построеніе новой крѣпостцы на Звѣринской горѣ. Избавляясь ужасной скуки, объѣзжалъ я войска въ квартирномъ ихъ расположеніи и занимался сформированіемъ двухъ конно-Татарскихъ полковъ, Евпаторійскаго и Симферопольскаго. При росписаніи всей кавалеріи, непонятнымъ образомъ поручены артиллерійскому Генералу два полка иррегулярной конницы.

Около двухъ лѣтъ прожилъ я въ Кіевѣ, и тяготила меня служба ничтожная и чести не приносящая. Съ другой стороны льстило меня благосклонное мнѣніе начальства,

1810. и Генералъ Князь Багратіонъ, назначенъ будучи Главнокомандующимъ Молдавской арміею, просилъ объ опредѣленіи меня начальникомъ артиллеріи въ арміи, на что не послѣдовало соизволенія. Поступившій на мѣсто его Главнокомандующимъ, Генералъ Графъ Каменскій, проѣзжая Кіевъ, предложилъ мнѣ служить съ собою. За величайшее благодѣяніе принялъ я предложеніе его, и ожидалъ, въ званіи Бригаднаго Командира, имѣть два полка, на которые весьма охотно промѣнивалъ я отрядъ изъ 14 тысячъ человѣкъ, преобразованныхъ въ лопатники. Прибывши въ армію, Графъ Каменскій представилъ Государю о назначеніи меня дежурнымъ Генераломъ. Свыше ожиданія моего было сіе назначеніе, и я съ восхищеніемъ ожидалъ повелѣнія отправиться въ армію. Главнокомандующій былъ въ особенной довѣренности у Государя, и всѣ представленія его были утверждаемы; но въ разсужденіи меня онъ получилъ отказъ, и ему отвѣтствовано, что я надобенъ въ настоящей должности.

Также сдѣлано было предложеніе замѣнить мною умершаго Генералъ-Маіора Графа Цукато, который съ отдѣльною частью войскъ дѣйствовалъ, вмѣстѣ съ Сербами, противъ Видинскаго Паши. На сіе сказано, что я молодъ! Надлежало разумѣть въ семъ случаѣ старшинство въ чинѣ, ибо многимъ въ меньшихъ лѣтахъ не было упрекаемо въ молодости. Не могло счастіе представить болѣе случаевъ, льстящихъ честолюбію, особенно служащему безъ покровительства; но тѣмъ болѣе огорчала меня неудача, что въ настоящемъ чинѣ, не будучи еще употребленъ противъ непріятеля, я желалъ первые опыты сдѣлать противъ Турокъ, гдѣ ошибки легко поправляемы, или, по крайней мѣрѣ, менѣе вредны. Мнѣ нужна была опытность и случай оказать нѣкоторыя способности; ибо, служа во фронтѣ артиллерійскимъ офицеромъ, я могъ быть извѣстенъ одною смѣлостію, а одна таковая въ чинѣ Генералъ-Маіора меня уже не удовлетворяла.

Итакъ, оставаясь по прежнему въ Кіевѣ, долженъ я былъ назначеніе мое почитать продолжительнымъ.

Получивши на короткое время увольненіе въ отпускъ, 1811.
проѣхалъ я въ Петербургъ. Я представленъ былъ Государю въ кабинетѣ, что предоставляемо было не менѣе, какъ дивизіоннымъ начальникамъ. Слухъ носился о рождающихся неудовольствіяхъ съ Наполеономъ, съ которымъ рѣдко можно кончить ихъ иначе, какъ оружіемъ. Многіе къ симъ причинамъ относили благосклонный пріемъ, дѣлаемый военнымъ. Не имѣя сего самолюбія, боялся я въ душѣ моей на случай войны остаться въ резервѣ. Инспекторъ всей артиллеріи, Баронъ Меллеръ-Закомельскій хотѣлъ употребить стараніе о переводѣ меня въ гвардейскую артиллерійскую бригаду, но я отказался, боясь парадной службы, на которую не чувствовалъ я себя годнымъ, и возвратился въ Кіевъ. Вскорѣ за симъ Военный Министръ увѣдомилъ письмомъ, что Государь желаетъ знать, согласенъ ли я служить въ гвардіи командиромъ артиллерійской бригады? Я отвѣчалъ, что, служа въ арміи и болѣе будучи употребляемъ, я надѣюсь обратить на себя вниманіе Государя; что, по состоянію, не могу содержать себя въ Петербургѣ, а безъ заслугъ ни чего выпрашивать не смѣю. Высочайшій приказъ о переводѣ меня въ гвардію былъ отвѣтомъ на письмо мое! Не могъ я скоро отправиться къ новому моему назначенію; ибо, переломивъ себѣ въ двухъ мѣстахъ руку, я долго былъ болѣнъ.

По донесенію о семъ Государю, присланъ курьеръ узнать о моемъ здоровьѣ, и Военному Губернатору приказано каждыя двѣ недѣли увѣдомлять о немъ. Удивленъ я былъ симъ вниманіемъ, и сталъ сберегать руку, принадлежащую гвардіи. До того менѣе я заботился объ армейской головѣ моей!

За два мѣсяца до окончанія года, пріѣхалъ я въ Петербургъ и вступилъ въ командованіе бригадою, не входя въ хозяйственную часть оной, желая показать, что я не ищу выгодъ. Государь принялъ меня съ обыкновенною милостію, и сего довольно, чтобы фигура моя не казалась чужеземною въ столицѣ. Великій Князь, со времени послѣдней кампаніи, постоянно былъ мнѣ благосклоннымъ.

1811. Изломанная рука моя доставляла мнѣ возможность не во всѣхъ участвовать ученьяхъ и разводахъ, которыя большую часть времени отнимаютъ у служащихъ въ Петербургѣ, и я былъ довольно свободнымъ. Вскорѣ вновь сформированъ Литовскій гвардейскій полкъ, поступившій, вмѣстѣ съ Измайловскимъ полкомъ, въ бригаду, въ которую Государь назначилъ меня командиромъ, съ сохраненіемъ артиллерійской бригады. Къ жалованью моему прибавлено въ годъ по 6,000 рублей.

1812. Такимъ неожиданнымъ образомъ перемѣнилось вдругъ состояніе бѣднаго армейскаго офицера, и я могу служить ободряющимъ примѣромъ для всѣхъ, подобныхъ мнѣ. Въ молодости моей началъ я службу подъ сильнымъ покровительствомъ, и вскорѣ лишился онаго. Въ царствованіе Императора Павла I-го содержался въ крѣпости, и отправленъ въ ссылку на вѣчное пребываніе. Всѣ младшіе по службѣ сдѣлались моими начальниками, и я при нынѣшнемъ Государѣ вступилъ въ службу безъ всякихъ выгодъ, испытывалъ множество непріятностей, по неблаговоленію начальства, всего достигалъ съ большими усиліями, по очереди, и не рѣдко, съ равными правами на награду, не равные имѣлъ успѣхи со многими другими. Въ доказательство сего скажу примѣръ, теперь со мною случившійся. Отряды резервныхъ войскъ поручены были артиллеріи Генералъ-Маіорамъ, Князю Яшвилю и Игнатьеву, но по расположенію моего отряда на границѣ, на мнѣ одномъ возлежала стража оной, и съ большею властію большая отвѣтственность. Имъ обоимъ данъ орденъ Св. Анны перваго класса, мнѣ даже не изъявлено благодарности.

О сдѣланной мнѣ обидѣ объяснился я съ Военнымъ Министромъ, Барклаемъ де Толли, который, съ важностію Нѣмецкаго Бургомистра, весьма хладнокровно отвѣчалъ мнѣ: «Правда, что я упустилъ изъ виду службу вашу.» Я желалъ бы въ сію минуту видѣть въ немъ знатнаго человѣка, и отказъ, мнѣ сдѣланный, былъ бы приправленъ вѣжливостію. Не менѣе сего досаденъ мнѣ былъ отказъ на представленіе Инспектора всей артиллеріи, коимъ про-

силъ онъ опредѣлить меня начальникомъ артиллеріи въ 1812.
Молдавскую армію, подъ предводительствомъ Генерала Кутузова, благосклонно расположеннаго ко мнѣ. Послѣ сего, поданною запискою Военному Министру, объяснилъ я необходимость лѣчиться Кавказскими минеральными водами, и просилъ объ опредѣленіи меня на линію Бригаднымъ командиромъ. Онъ сказалъ мнѣ, что, по особенному благоволенію ко мнѣ Государя, я хочу заставить дать себѣ награду, и прошу объ удаленіи, зная, что на оное не будетъ согласія. Итакъ я успѣлъ только, къ общему всѣхъ удивленію, разгорячить ледовитаго Нѣмца, который изъяснился съ великимъ жаромъ. Вскорѣ за симъ я удостовѣрился, что весьма трудно перемѣнить мое назначеніе; ибо когда Инспекторъ всей артиллеріи (по согласію моему) вошелъ съ докладомъ о препорученіи мнѣ осмотра и приведенія въ оборонительное положеніе крѣпости Рижской и мостоваго укрѣпленія при Динабургѣ,[3] Государь, не изъявивъ соизволенія, приказалъ мнѣ сказать, что впредь назначенія мои будутъ зависѣть отъ него, и что я ни въ комъ не имѣю нужды. Когда же увидѣлъ меня, спросилъ, сообщено ли мнѣ его приказаніе, и прибавилъ: «За что гонятъ тебя изъ Петербурга? Однако же я помѣшалъ, и безъ того много будетъ дѣла.» Не смѣлъ я признаться, что желалъ симъ перемѣнить родъ моей службы, и доволенъ былъ, что Военный Министръ не довелъ до свѣдѣнія о поданной мною запискѣ.

Въ такомъ положеніи прошло время до Марта мѣсяца, въ началѣ коего выступила гвардія въ Литовскую Губернію. Его Высочество Цесаревичъ повелъ колонну, составленную изъ гвардейской кавалеріи. Подъ моей командою, въ особенной колоннѣ, слѣдовала вся гвардейская пѣхота.

Qua fata trahunt retrahuntque, sequamur.
Virgilius.

---

[3] Инспекторъ всей артиллеріи желалъ доставить мнѣ случай получить награду, которая дана Генералъ-Маіорамъ Князю Яшвилю и Игнатьеву.

III

МАТЕРІЯЛЫ СЛАВЯНСКІЕ

В. Гаилки или весеннія

хороводныя пѣсьни на святой.

1.

(Изъ Золочевскаго округа.)

Ранняя весна вскресла,
Що же 'сь намъ принесла?
«Принесла я вамъ красу,
Парубоцькую красу.
Порубоцька краса
А въ мази мочена,
На калужи прана,
Въ дёгти крохмалена,
На терню вѣшена,
На вѣтри сушена,
На припêчку качена,
А въ гробу схована,
Затулою заткана,
Коцюбою замкнена». —

Ранная весна вскресла,
Що же 'сь намъ принесла?
«Принесла я вамъ красу,
Панянскую красу,
Панянская краса,
У пивѣ мочена,
На Дунаю прана,
Въ винѣ крохмалена,
На шнурку вѣшена,

На сонêньку сушена
На магли маглёвана,
А въ скриню схована,
Ключикомъ замкнена».

2.

(Изъ Золочевскаго округа.)

А вже весна вскресла,
Що же 'сь намъ принесла?
«Принесла бо я вамъ
Панянскую красу;
Паняньская краса,
Якъ на веснѣ роса.
Панянская краса
Въ меду ся купала,
Въ меду купала,
Въ винѣ выплывала,
Въ винѣ выплывала,
Въ Дунаю ся прала, 2.
На шнурахъ вѣшала, 2.
На сонцѣ сушила, 2.
Въ магли маглювала, 2.
Въ папêръ завивала, 2.
А въ скриню ховала».

А вже весна вскресла,
Що же 'сь намъ принесла?
«Принесла бо я вамъ
Парубоцьку красу,
Якъ у зимѣ росу;
Парубоцька краса
Въ мази ся купала, 2
Въ дêгти выплывала, 2.
Въ калужи ся прала, 2.
На терну вѣшала. 2.

На вѣтри сушила, 2,
На лавѣ качала, 2,
Въ вонучи звивала 2.
Пôдъ лавку сховала». —
Ой вже весна вскресла,
Що же 'сь намъ принесла?
«Ой принесла жъ я вамъ,
Ой бабскую красу,
А восênную росу;
Ой бабская роса
Въ пивѣ ся купала,
Въ горѣвцѣ выплывала,
На рѣцѣ ся прала,
На плотѣ вѣшала,
Въ холодѣ сушила,
На лавцѣ качала,
Въ вонучи звивала,
Въ ковбыцю ховала».

3.

(Изъ Золочевскаго округа.)

Ой дубрôвная зазуле, зазуле,
Ой не куй рано въ дубровѣ, 2.
Не збуди матêнку въ коморѣ! 2.
Бо моя матêнка старая, 2.
Та ще до того чужая, 2.
Скаже она менѣ робити, 2.
Пôдъ гору камêнь точити 2.
Поточу я камêнь на мѣсто, 2.
Принесу панянкамъ злоцвѣсто, 2.
А паробочкамъ шлыйще, 2.
Та на ихъ чорне шійще. 2.
Де вы, паняноньки, бували, 2.

Якъ тй дубрôвоньки палали? 2.
«Ой а мы дубровы гасили, 2.
Цебриками воду носили: 2.
Кôлько въ цебрыку водицй, 2.
Тôлько въ панёнкахъ правдицй». 2.

Ой дубрôвная зазуле, 2, и проч.
Де вы парубочки бували, 2.
Ой якъ дубровоньки палали? 2.
«А мы дубровоньки гасили, 2,
Капелюхомъ воду носили: 2.
Кôлько въ капелюсѣ водицй, 2.
Тôлько въ парубучкахъ правдицй». 2.

Ой дубрôвная зазуле, 2, и проч.
Де вы старй бабы бували, 2.
Якъ тй дубрôвоньки палали? 2.
«А мы дубровоньки гасили, 2.
Чепчиками воду носили: 2.
Кôлько въ чепчику водицй, 2.
Тôлько въ старыхъ бабахъ правдицй». 2.

Ой дубрôвная зазуле, 2, и проч.
Де вы старй дѣды бували, 2.
Якъ тй дубрôвоньки палали? 2.
«А мы дубровы гасили, 2.
Решетами воду носили: 2.
Кôлько въ решетѣ водицй, 2.
Тôлько въ старыхъ дѣдахъ правдицй». 2

4.

(Изъ Бережанскаго округа.)

Панъ Коколенскій
По городу ходитъ,
По городу ходитъ,
Чеглядоньку будитъ:

«Вставай, чеглядонько,
Городъ городити,
Городъ городити,
Тернянькомъ тернити,
Щобы не злетѣла
Сива ей зазуленька,
Щобы не сфатила
Панянскои красы;
Бо панянска краса
У меду мочена,
У меду мочена,
На столѣ качена,
На столѣ качена,
У скриню зложена,
Колодковъ замкнена.

Панъ Коколенскій, и проч.

Щобы не сфатила
Парубоцьку красу;
Парубоцька краса,
Въ помыяхъ мочена,
Въ помыяхъ мочена,
Пôдъ столомъ качена,
Пôдъ столомъ качена,
Пôдъ лавовъ зложена;
Колодковъ замкнена.

5.

(Изъ Бережанскаго округа.)

Ой Дѣдъ, Дѣдъ та й Ладо!
Та повѣдай, кôзле, правду!
«Що жь ти маемъ повѣдати,
Коль нѣчого й не чувати?» —

Ой якъ паняночки скачутъ?
Ой якъ паняночки скачутъ?
Ой то въ гору, то въ долину,
То въ роженьку, то въ калину». —

Ой Дѣдъ, Дѣдъ та й Ладо, и проч.
Та якъ порубочки скачутъ,
Та якъ парубочки скачутъ?
Ой то въ гору, то въ долину,
То въ роженьку, то въ калину.

Ой Дѣдъ, Дѣдъ та й Ладо, и проч.
Та якъ старі̂ бабы скачутъ?
Та якъ старі̂ бабы скачутъ?
Ой то въ гору, то въ долину,
То въ бодлаки, то въ кропиву.

Ой Дѣдъ, Дѣдъ та й Ладо, и проч.
Та якъ старі̂ дѣды скачутъ?
Та якъ старі̂ дѣды скачутъ?
Ой то въ гору, то въ долину,
То въ бодлаки, то въ кропиву.

6.

(Изъ Золочевскаго округа.)

А. Ой самъ же я, самъ я ходжу, самъ я ходжу. —
Б. Де жь ты свои дѣти подѣвъ, дѣти подѣвъ? —
А. Потонули въ быстрôй рѣцѣ по волоцѣ. —
Б. Бодай же ты самъ бувъ пропавъ, самъ бувъ пропавъ! —
А. А я собѣ що найкращу, що найлутшу выволочу.

7.

(Изъ Золочевскаго округа.)

А ты, зазуленько дубрôвна, дубрôвна,
Та не куй рано въ дубровѣ, дубровѣ,
Та закуй менѣ въ коморѣ, въ коморѣ!
Та вода по камени зъ тиха йде, зъ тиха йде.
Въ мене матусенька старая, 2.
Та ще до того чужая, 2.
Та казала менѣ робити, 2.
Та решетомъ воду носити, 2.
Та зъ попелу дѣжу мѣсити! 2.

Де вы, парубоньки, бували, 2.
Якъ сй дубровоньки впалали? 2.
Та решетомъ воду носили, 2.
Та тѣ дубровоньки гасили. 2.

Де вы, паняночки, бували, 2.
Якъ тѣ дубровоньки впалали? 2.
Коновками воду носили, 2.
Та тѣ дубровоньки гасили. 2.

Господарй сѣютъ пшеницю, 2.
А парубки сѣютъ мêтлицю; 2.
Господарй ѣдутъ на коняхъ, 2.
А парубки ѣдутъ на свиняхъ; 2.
Господарй мыютъ руки водою; 2.
А парубки мыютъ золою, 2.
Господарй ходятъ въ сорочкахъ, 2.
А парубки ходятъ въ драночкахъ. 2.
А вы, парубоньки, до гною, 2.
А вы, паняноньки, до строю! 2.
А вы, парубоньки, до цѣпа, 2.
А вы, панянопьки, до хлѣба! 2.
А вы, парубоньки, до лѣса, 2.
А вы, панянопьки, до мѣста! 2.

А вы, парубоньки, до лѣса рубати,
А вы, паняноньки, до мѣста гуляти!
А вы, парубоньки, до леду, до леду,
А вы, паняноньки, до меду, до меду!

8.

(Изъ Золочевскаго округа.)

Ой поѣду я, я, й до Люблина,
По холодоньку въ лѣтѣ,
По студененькôй росѣ,
Милу любити,
Тестя шукати,
По холодоньку въ лѣтѣ,
По студененькôй росѣ.
Ой найшовъ же я си
Любого тестя,
По холодоньку въ лѣтѣ,
По студененькôй росѣ.

Ой поѣду я, я, й до Люблина,
По холодоньку въ лѣтѣ,
По студененькôй росѣ,
Милу любити,
Миленьку шукати,
По холодоньку въ лѣтѣ,
По студененькôй росѣ.
Ой найшовъ я си
Миленьку мою.

Ой а тожъ бо мôй, миленькій тестеньку,
Та жоно жъ моя, жоно,
Та любе мое серденько!
А ты, тестеньку, горѣвки накури!
Та жоно жъ моя, жоно!

Та любе мое серденько!
А ты, тещенько, хлѣба напечй!
Та жоно жъ, и проч.
А ты, швагроньку, коня осѣдлай!
Та жоно жъ, и проч.
А ты, швагрова, хусточку гафтуй!
Та жоно жъ, и проч.
А ты, миленька, лôжко застели!
Та жоно жъ моя, и проч.
Тобѣ, тещенько, горѣвку выпивши,
Та жоно жъ, и проч.
Тобѣ, тещеньку, хлѣба изъѣвши!
Та жоно жъ, и проч.
Тобѣ, швагруню, коника зъѣздивши,
Та жоно жъ, и проч.
Тобѣ, швагрова, хусточку зходивши,
Та жоно жъ, и проч.
А зъ тобовъ, миленька, выспавши,
Та жоно жъ моя, жоно,
Та любе мое серденько!

9.

(Изъ Золочевскаго округа.)

Дѣвушки становятся въ кругъ, взявшись за руки, а одна въ середкѣ.

Всѣ кругомъ обращаясь:

Що жъ я, бѣдна, учинила!
Кострубонька не злюбыла!
Прiѣдь, прiѣдь, Кострубоньку,
Стану рано до шлюбоньку,
А въ недѣлю пораненьку,
На тôмъ бѣлымъ камененьку.

Изъ середки одна:

Помагай, Бôгъ, вамъ!

Всѣ:

Дай, Боже, здоровля!

Изъ середки одна:

Ци не видѣле 'сте
Мого Кострубонька?

Всѣ:

Поѣхавъ ся женити.

Изъ середки одна:

Бѣдна жъ моя головонько,
Нещаслива годинонько!

Всѣ:

Що жъ я, бѣдна, учинила! и проч.

Всѣ:

Поѣхавъ на весѐлья просити.
Бѣдна жъ моя головонько!
Нещаслива годинонько!

Всѣ:

Що жъ я, бѣдна, учинила! и проч.

Изъ середки одна:

Ци не видѣле 'сте
Мого Кострубонька?

Всѣ:

Твôй Кострубонько вмеръ.

Изъ середки одна, приплясывая:

Слава жъ тобѣ, Христе Царю,
Що мôй Кострубъ на цвинтару!
Сама его поховала,
Ноженьками притоптала,
Рученьками приплескала:
Лежи, лежи, якъ колода,
Я молода, якъ ягода!

10.

(Изъ Золочевскаго округа)

Дѣвушки становятся въ хороводъ, взявшись за руки и обращаются кругомъ; одна въ середкѣ круга, а другая внѣ его, и ходитъ совершенно въ противную сторону.

Извнѣ:

Хто видавъ, хто слыхавъ, мою жону на торзѣ?

Всѣ:

А мы ѐѐ ведемо,
Тобѣ ѐѐ не дамо.

Извнѣ:

А я вамъ паски дамъ,
Свою жону выкуплю.

Всѣ:

А мы паску изъѣмо,
Тобѣ жоны не дамо.

Извнѣ:

Хто видавъ, и проч.

Всѣ:

Мы горѣвку выпьемо,
Тобѣ жоны не дамо.

Извнѣ:

Хто видавъ, и проч.

Всѣ:

А мы ёё ведемо,
Тобѣ ёё не дамо.

Извнѣ:

Я перстенець пôдточу,
Свою жону выкуплю.

Всѣ:

Мы перстенець на палець,
Тобѣ жоны кавалець.

Послѣ этого одна дѣвушка ударяетъ рукой по хороводу тамъ, гдѣ держатся руками слабѣе, бѣжитъ и ловитъ дѣвушку, ходившую внѣ хоровода, которая отъ нея спасается бѣгствомъ.

11.

(Изъ Бережанскаго округа.)

А. — Ой чому ты не танцуешъ, Галю, Галю?
Б. — Бо не маю сорочечки ай зъ краму, зъ краму.
А. — А я тобѣ сорочечку куплю, куплю.
Б. — А я собѣ потанцюю

И вашецѣ подякую:
А. — Ой чому ты не танцуешъ, Галю, Галю?
Б. — Бо не маю сподниченьки зъ краму, зъ краму,
хустиночки, черевичкôвъ, и проч.

12.

(Изъ Коломiйскаго округа.)

Три дѣвушки, пошедши въ сторону, прячутъ у себя вѣтку «Бôждерева» (Божьяго дерева, Artemisia abrotanum), потомъ возвращаются въ хороводъ, гдѣ у нихъ ищутъ спрятаннаго, припѣвая:

Былъ былце, Божее деревце,
А вгадайте дѣвчиноньки,
Въ кого ваше былце,
Божее деревце?
Радй бы мы угадати
Та й выдумати,
Въ кого наше былце,
Божее деревце.

13.

(Изъ Коломiйскаго округа.)

Бѣло, Бѣло, Бѣлоданчику!
Поплынь, поплынь, по Дунайчику,
А вмый собѣ бѣле личенько,
А притри собѣ чорнй оченька,
Зачеши собѣ русу косеньку,
А возьми собѣ кошуленьку,
А вбуй чобôтки червоненькй,
А ты, дѣвча, измарися,
Шукай собѣ товариша,
Геть собѣ, прêчь!

Дѣвушка, стоя въ кругу подругъ, которыя поютъ это, показываетъ, что она умывается и т. д.

14.

(Изъ Коломійскаго округа.)

Дѣвушка середи хоровода показываетъ руками, что у нея болитъ голова, руки, ноги и т. п., а подруги припѣваютъ:

Тутъ була, тутъ нема, наша перепелка.
Нашêи перепелцѣ та й головка болитъ.
Тутъ була, тутъ нема, наша перепелка.
Нашêи перепелцѣ плечинята боля'.
Тутъ була, и проч., та рученьки боля',
поперечокъ болитъ,
колѣночка боля',
та ноженьки,
та пôдошвы боля'.
Тутъ була, тутъ нема, наша перепелка.
Нашêй перепелцѣ та нелюбъ ѣде;

(скидываетъ сапоги)

Нашêй перепелцѣ черевички везе:

(показываетъ движеніями радость и какъ бы надѣваетъ башмачки)

Зазувай, защипай, тай сестрички шукай!
Возьмися, перепелко, по пôдъ боченьки,
Та убуйся въ черевиченьки!
Теперь собѣ пôдскôць, пôдскôць!
Котру любишь, тоту собѣ хôпъ!

Она скачетъ и схватываетъ одну дѣвушку изъ круга, которая потомъ заступаетъ ея мѣсто, и т. д.

15.

(Изъ Коломійскаго округа.)

Дѣвушки, взявшись за руки, водятъ кривой танецъ. Этотъ танецъ пляшутъ при всѣхъ Гаилкахъ, гдѣ ненужно дѣлать хоровода, или представлять въ лицахъ двѣ стороны.

Вербовая дощечка, дощечка!
Ходитъ по нѣй Настечка 2.
На всѣ боки лелѣе, 2.
Вôдки милый надъѣде, 2.
Привезе ми чоботы, 2.
Кіевскои роботы. 2.
«А де ты ихъ куповавъ?» — 2.
«А у Львовѣ куповавъ, 2.
А въ Краковѣ пôдковавъ, 2.
Та червоні чобôтки, 2.
А пôдкôвки зъ позлôтки! 2.
Покочу я золото, 2.
А вы, хлопці, въ болото! 2.
Покочу я перстенецъ, 2.
А вы, дѣвки, у танецъ! 2.
Поясочка зъ рясами, 2.
А мôй милый въ крисани». 2.

16.

(Изъ Коломійскаго округа.)

Дѣвушки, взявшись за руки, становятся рядомъ (Б); противъ нихъ поодаль становятся другія двѣ дѣвушки (А); тѣ и другія поютъ:

Б. Пустѣте насъ, пустѣте насъ, сей свѣтъ воювати!
А. Не пустимо, не пустимо, мосты поломати.
Б. А мы якъ схочемо, мосты поломимо,
Та всѣ гроши заберемо,
Та поѣдемо геть пречь, геть пречь.

Послѣ этого бѣгутъ Б, держась крѣпко за руки, подъ руки къ А, перебѣгаютъ всѣ, исключая двухъ послѣднихъ, которыя послѣ должны играть роль А.

17.

(Изъ Коломійскаго округа.)

Дѣвушки, взявшись руками одна черезъ другую, какъ въ Польскомъ, образуютъ цѣпь и, перекладывая руки черезъ головы, дѣлаютъ разныя фигуры и поютъ:

Зеленіи огирочки а густіи попѣночки,
Розвивайтеся!
Вы, молодіи дѣвчатонька,
Завивайтеся!
Зеленіи огирочки а густіи попѣночки,
До горы ся вьютъ,
А молодіи леде̂ники ме̂дъ, горѣвку
Пьютъ, пьютъ.
Зеленіи огирочки а густіи попѣночки,
Розвивайтеся!
Вы, молодіи леде̂ники
Напивайтеся!
Вьяжѣтеся, вьяжѣтеся огирочки!
Звивайтеся, звивайтеся, дѣвчиночки!

18.

(Изъ Коломійскаго округа.)

Дѣвушки, ставши попарно лицомъ къ лицу, схватываются крѣпко руками и образуютъ изъ нихъ мостъ. Одна изъ меньшихъ взлѣзаетъ съ конца на руки, опираясь на головы дѣвушекъ, переступаетъ по мосту, при чемъ оставшіяся назади забѣгаютъ напередъ и, такимъ образомъ, продолжаютъ мостъ на-сколько угодно; при этомъ поютъ:

Ой ходитъ жукъ по жучинѣ,
А дѣвчина по ручинѣ,
Грай, жуче, грай! 2.

Жди, дѣвча, до суботы:
Будутъ сукни и чоботы;
Грай, жуче, грай! 2.
Ой ходитъ жукъ по жучинѣ,
А дѣвчина по ручинѣ,
Грай, жуче, грай! 2.
Жди, дѣвча, до недѣли:
Будутъ твои ручки бѣли;
Грай, жуче, грай! 2.
Ходитъ жукъ по жукахъ,
А дѣвчина по рукахъ,
Грай, жуче, грай! 2.

19.

(Изъ Золочевскаго округа.)

Воробе̂йчику, шпачку, шпачку!
Чи бувавъ ты въ садку, въ садку?
Чи видавъ ты, якъ на макъ орютъ?
Ой такъ, такъ, орютъ макъ!
Воробе̂йчику, шпачку, шпачку!
Чи бувавъ ты въ садку, въ садку?
Чи видавъ ты, якъ макъ сѣютъ, (скородятъ, полютъ,
жнутъ, топчутъ, и проч.)?
Солове̂йчику, шпачку, шпачку!
Чи не бувъ же ты въ садку, въ садку?
Чи не видѣвъ ты, якъ макъ сѣютъ?
Ой такъ, такъ, сѣютъ макъ!

Припѣвъ: «Ой такъ, такъ,» и проч. поетъ дѣвушка, которая стоитъ въ кругу прочихъ и показываетъ руками и движеніями, какъ что работается.

60.

(Изъ Золочевскаго и Коломійскаго округовъ.)

А. Ѣде, ѣде, Жельманъ,
Ѣде, ѣде, его братъ,

Ѣде, ѣде, Жельманова
И братова
Вся родина.

Б. Помагай, Бôгъ, Жельманъ!
Помагай, Бôгъ, єго братъ!
Помагай, Бôгъ, Жельманова,
И братова
Вся родина!

А. Бодай здоровъ, Жельманъ!
Бодай здоровъ, и проч.

Б. Чого хоче, Жельманъ,
Чого хоче, и проч.

А. Панны хоче Жельманъ?
Панны хоче его братъ и пр.

Б. А за кого Жельманъ
А за кого его братъ? и проч.

А. Та за кравця Жельманъ,
Та за кравця его братъ, и проч.

Б. А мы панны не мамо,
Та за кравця не дамо.
Геть, пречь, Жельманъ,
Геть, пречь, его братъ,
Геть, пречь, Жельманова,
И братова
Вся родина!

Дѣвушки, взявшись за руки, образуютъ одинъ рядъ (А), другія три такой же другой (Б); послѣдніе, приплясывая, подступаютъ къ А, которыя поютъ: «Ѣде, ѣде, Жельманъ, и проч. Когда подуйдутъ Б къ А, то поютъ: «Помагай Бôгъ,» и т. д., на что А отвѣчаютъ: «Бодай здоровъ», и т. д., до конца. При словахъ: «Геть, пречь!» и проч. А отступаютъ до своего мѣста, съ котораго опять начинаютъ: «Ѣде, ѣде Жельманъ,» и т. д., замѣняя при этомъ «за кравця» словомъ: за шевця, за коваля, за кушнѣра, и т. п., всякой разъ, когда приходится снова начинать.

В. Шумки и Чабарашки.

1.

Ой дѣвчино, скажи правду,
Чи мя любишъ, чи на зраду?
Най я свѣта не корочу,
Най я люблю, кого хочу! —
«Я ти свѣта не корочу,
Того люблю, кого хочу».

2.

Ой дѣвчино, люблю тя,
Не ѣжъ хлѣба, возму тя.
Не ѣжъ хлѣба, не пій воды,
Та возму тя для выгоды.
Бѣдне дѣвча послухало,
Три дни хлѣба не нюхало,
Три дни, три дни, и три ночи,
Замружила чорнѝ очи.

3.

Ой по горѣ тырличъ сходитъ,
До дѣвчины хлопецъ ходитъ:
Ой тырличу, тырличу!
Люби мене, паничу!

4.

Ой я иду, а тамъ гукъ,
Тамъ дѣвчата хлопця бьютъ.
Та за яку причину?
Що покинувъ дѣвчину.

5.

Передъ паномъ окомономъ,
Били хлопця макогономъ;
Ой тамъ, ой тамъ на току,
Збили его на муку.

6.

Ой дѣвчино, вѣрь менѣ!
Не зраджу тя, Бôгме, нѣ;
Запытайся Николи,
Що 'мъ не зрадивъ нѣколи!

7.

Трясетъ ми ся чуприна,
Любитъ мене дѣвчина,
Трясетъ ми ся волося,
Любитъ мене Явдося.

8.

Ой тамъ не ма безъ причины,
Де два ходитъ до дѣвчины;
Ой тамъ не ма безъ припадку,
Де два ходятъ въ одну хатку.

9.

Ой мати, кохай мене!
За стараго не дай мене!
Въ него сива борода,
Я дѣвчина молода.

10.

Мати журъ варила,
На порозѣ студила:
Ой журъ, мати, журъ,
Лѣпшій Русинъ, якъ Мазуръ.

11.

А я собѣ гадаю,
Що милои не маю:
Якъ у день, такъ въ ночи,
Стоитъ мила предъ очи.

12.

А мôй милый одиначокъ,
Та зацвѣвъ ми, кобы мачокъ;
А я его люба дружа,
Та зацвѣла, кобы лужа.

13.

Ой дѣвчино чорнюхо,
Люблю тебе, псяюхо,
Люблю тебе сердечне,
Возьму тебе конечне.

14.

Пôшла Гандзя по цыбулю,
Почкай, Гандзя, поцѣлую!

15.

Звôдси гора, звôдти скала,
Скажи, мила, съ кимъ ты спала?—
«Ой спала я сама зъ собовъ,
Прійди въ вечеръ, буду зъ тобовъ!
Прійди, прійди, сама буду,
Скину хустку, зроблю буду,
А зъ запаски зроблю двери,
Сама ляжу на постели.

16.

Ой дѣвчино квѣтко!
Фартухъ тобѣ видко,
Мара ткача напала,
Що выробивъ рѣдько.

17.

Ой дѣвчино вѣдьмо,
Запрягаймо, ѣдьмо,
На границю по пшеницю,
Поки ще ся видно!

18.

Кобы ты бувъ добрый хлопецъ,
То бы 'с выйшовъ на ґородецъ,
Я бы тебе пôдголила,
И безъ бритвы и безъ мыла.

19.

На городѣ дудка грає,
Мене мати не пускає.
Пусти мене, моя мати,
Коли хочешъ зятя мати». —
«О не пущу, моя доню,
Бо не прійдешъ ты до дому». —
Прійду, прійду, моя мати,
Ой якъ стане вже свѣтати.»

20.

Гей, гину, мати, гину,
За дѣвчину Катерину;
Не далеко, ино въ межу,
Якъ не пôду, то вôдлежу.

21.

Ой сплю, менѣ снится,
Моє серце веселится,
Обуджуся, та й не ма, —
Болитъ мене голова!

22.

Ой сплю, та й дивлюся,
И дала бы 'мъ, и боюся,
И дала бы 'мъ такому,
Щобъ не сказавъ нѣкому.

23.

Ой що менѣ за весѣлье
Що ми два дни его?
Кобы було цѣлый тыждень,
То бы ладно було.

24.

Зôйшовъ мѣсяць и зора,
Не ма мого сокола,
Не ма жъ мого милого,
Нудно жъ менѣ безъ нёго!

25.

Ой снивъ ми ся мелникъ,
Щезъ бы, та пропавъ бы!
И молоти не дае,
И мѣрочку бравъ бы!
Коли хочешъ наразъ,
Змелю тебѣ заразъ,
А якъ хочешъ пытлювати,
Треба нôчку ночувати.

26.

Дзень, дзень, ковалй,
То великй, то малй,
До сивои кобыли
На залёты ходили!

27.

Оженився нетяга, та взявъ собѣ Гапку,
Кутокъ дѣтокъ накресавъ при своимъ упадку.
Єдно каже: «Тату, тату! »Друге каже: «Папу, папу!»
Я насунувъ шапчерину, пôшовъ по за хату.

28.

Дана, моя дана:
Не пôду за Йвана,
Пôду за Данила,
Що бы 'мъ не робила.

29.

Дана жъ, моя дана,
Не пôду за папа:
Ино за такого,
Якова я сама.

30.

Ой посѣявъ Козакъ гречку
На дубови, на вершечку: —
Зôрвалася шура буря,
Козакови гречку здула.

31.

«Ой Козаче чорновусый,
Чомъ у тебе жупанъ кусый?»
«Мене дѣвки пôдпойли,
Жупанъ менѣ пôдкройли.
Ой маю я десять грошей,
Куплю собѣ упанъ джовшій.»

32.

И ты Козакъ, и я Козакъ,
Обыдва 'смо Козаки:
Ты хорошій, я безъ грошій,
Обыдва 'смо дураки.

33.

Танцювавъ бы 'мъ гопака,
Та не маю сѣрака:
Сѣрачина—по колѣна,
Та й на задѣ пригорѣла!

34.

Атанасъ козы пасъ,
А Марыня бычки:
«Почекай, не втêкаі,
Купью черевички!»

35.

А мôй батько бувъ стрѣлецъ:
Стрѣливъ за пêчь, збивъ горнецъ,
А въ тôмъ горшку пироги,
А я до нихъ: ги-ги-гй!

36.

За грубовъ сѣла, та й здула пыски,
Якъ суне, такъ суне, пироги зъ мыски.

37.

Було не копати
Пôдъ порогомъ ямы.
Було мя не брати,
Вôдъ тата, вôдъ мамы.
Ахъ мати, мати,
    Калиновый цвѣтъ!
Завязала 'сь менѣ
    Мой бѣленькій свѣтъ!

Було не рубати
    Зеленого дуба,
Було мя не брати,
    Коли 'мъ ти не люба!
Ахъ мати, мати,
    Калиновыи цвѣтъ!
Завязала 'сь имѣе
    Мôй бѣленькій свѣтъ!

38.

Моя хатка крайна,
Моя хатка гарна,
Мене хлопцѣ̂ зачêпають,
Бо я собѣ файна.

39.

«Ой дѣвчино, чія ты?
Чи пôйдешъ ты гуляти?» —
«Не пытайся, чія я,
Якъ ты пôдешъ, пôду й я».

40.

А въ дѣвчины моеи,
Чôрни очи у неи;
Хочь я ей не возьму,
Най вороги подражню!

41.

Ой на горѣ, на горѣ,
Кукала кокошка:
Чорнявая, бѣлявая
И чубата трошка.
Ой на горѣ, на горѣ,
Чи чуешъ ты, татку,
Яка сь бѣда ходитъ
По пôдъ нашу хатку?

42.

А дѣдъ бабцѣ купивъ капцѣ,
Короткѣ були, та втявъ палцѣ.

43.

Куда йду, туда йду,
Всюда сѣю лободу,
Я своему миленькому
За кухарку не буду.
Вôнъ пшеницю продае,
Менѣ грошей не дае,
А я зъ родомъ зôйдуся,
За петрушку напьюся.

44.

Ой умеръ мôй небожчикъ,
Було менѣ жаль трошки;
Якъ на лавцѣ лежавъ,
Було менѣ трохи жаль;
Якъ изъ лавки пôшовъ,
То и жаль вôдôйшовъ.

45.

Ой умеръ мôй небожчикъ,
А я свою бѣду въ горщикъ,
Черепочкомъ накрыла,
Щобъ ся на свѣтъ не дивила.

46.

А на дворѣ хмарится:
Навѣдженый бавится;
Навѣждена чекала,
Бо розуму не мала.

47.

А въ Богацькихъ дѣвочокъ,
По дванадцйть сорочокъ,
А въ мене но едная,
И та що день бѣлая.
Я зъ вечера намочу
О пôвночи полочу,
А до свѣта высушу,
А раненько вберуся,
И до хлопцôвъ смѣюся.

48.

Ой го, го-го, го-го-го!
Прійми мене голого!
Я жупана не маю,
Женитися гадаю.

49.

Ой Ляхъ, мати, Ляхъ,
Пытаеся, куды шляхъ?
Пытаеся дороги
До дѣвчины небоги.

Закурило, замело,
Дороженьки не було;
Ой ѣхали два попы,
Дороженьку пробили.

«Встань, доню, не лежи,
Дороженьку покажи!
Покажи му, куды шляхъ,
Нехай ѣде вражій Ляхъ!

50.

Ой гукъ, мати, гукъ,
Куда Козаки йдуть,
Вуличкою, невеличкою,
Та, чей, до насъ зайдуть.

Ой дбай, мати, дбай,
Та мене за мужъ дай!
Не дай мене за недбалицю!
Бо менѣ вродыжаль.

Бо у мене врода,
Якъ въ Дунаю вода:
Чорнѝ очка, бѣле личко,
Сама молода.

«Ой доню жъ моя,
Вважай собѣ сама!» —
«Ой вважала жъ я,
Не вгадала жъ я,
Свою красоньку
Потеряла жъ я,
Матѐнко моя!» —

«Ой жій, доню, жій,
Та краще вôдъ людій,
Най ся не тѣшатъ
Тяжкѝ вороженьки
Та незгодѣ твоѐй!»

«Ой давно, та давно,
Та й уроды не було,
Та вже жъ тая дороженько
Листомъ припала!

Я у батька росла,
Та й вôдъ батька пôшла,
А вже жъ тая дороженька
Терномъ заросла!

Терномъ заросла,
Листомъ припала,
Червоною калиноньков
Понадвисала!

Якъ ся заозьму,
Теренъ высѣчу,
А зъ червоной калиноньки
Вѣнки повяжу!»

51.

«Ой мати, мила мати,
Шо то зъ того буде,
Коли грае музыченька
И сходятся люде?» —

«Ой доню, моя доню!
Якъ ся зôйдуть люде,
Прійде до тя твôй миленькій,
То весêлье буде.»

52.

«Ой дѣвчино красна,
Де ты волы пасла?» —
«Пôдъ корчомъ
Зъ паничомъ,
Де травиця красна.»

53.

По пôдъ садъ виноградъ
По воду ходила:
Не судивъ менѣ Бôгъ,
Кого я любила;
Але давъ менѣ Бôгъ,
Кого я не знала,
То за мôй переборъ,
Що 'мъ переберала.

54.

Просивъ мене Гарасимъ,
Шобъ я пôшла грати зъ нимъ;
Гарасима не люблю,
И грати зъ нимъ не пôду;
А я грати не хочу,
А вôнъ бере опанчу.

55.

Ой мôй милый Гарасимочку,
Пусти коня на долиночку,
Пусти коня на долиночку,
А самъ иди на горѣлочку!

56.

Кобы 'сь не пивъ, мня не бивъ,
Я бъ тебе любила,
Я бы тобѣ, шо суботы,
Головоньку змыла;

Змыла бы 'мъ головоньку,
Змыла, розчесала,
Та й до себе притулила,
Ще й поцѣловала,
А ты, песь, мене бьешъ,
Якъ тебе любити,
Якъ тобѣ, шо суботы,
Головоньку змыти?

57.

Ой тамъ на горѣ
Малёвалы маляри,
Малёвали черевички,
Для хорошой молодычки,
Та не знати, для котри.

«Ой маты жъ моя,
Позычъ менѣ таляра!
Пôду собѣ выберу,
Черевычки выкуплю,
Въ молодого маляра.» —

«Ой доню жъ моя!
Було лѣто и зима,
Було собѣ заробити,
Черевичкы выкупити,
Въ молодого маляра!»

58.

Гей бѣда надъ бѣдами:
Моя мила за горами!
Кличу, кличу, не чуе,
Нехай зъ Богомъ ночуе!
Кличу, кличу, не видати,
Треба зъ жалю умерати!

59.

Не буду ся женити, бо менѣ ниць съ того,
Не стае ми десять грошій до пôвъ золотого.
Гопъ, чукъ, чумудра, чумудрыха молода!

Недавно 'мъ ся оженивъ, буде рôкъ въ Петрôвку,
Ой заберу дѣти въ торбу, пôду на вандрôвку,
Гопъ, чукъ, и проч.

Та й выйду я на село, стану си на горбѣ:
Оглянуся за себе, чи суть дѣти въ торбѣ?
Гопъ, чукъ, и проч.

60.

«Ты, Козаче, пся паро!
Цы тя лихо напало?
Пся паро, пся паро,
Цы тя лихо напало!

А ты любишъ Параску,
Зъ мене чинишъ играшку,
Парашку, Парашку,
Зъ мене чинишъ играшку». —

«Присяй Богу, не люблю,
И любити не буду,
Не люблю, не люблю,
И любити не буду.

Тôлько тебе едную
Надъ све житя милую,
Едную, едную,
Надъ све житя милую.

Ты дѣвчино бѣлява,
Будь на мене ласкава!
Бѣлява, бѣлява,
Будь на мене ласкава!

Ты дѣвчино хороша,
Дай же бузй безъ гроша!
Хороша, хороша,
Дай же бузй безъ гроша!

Ты дѣвчино бѣленька,
Будь для мене миленька!
Бѣленька, бѣленька,
Будь для мене миленька!»

61.

Тресетъ ми ся волося:
Любитъ мене Гануся;
Тресетъ ми ся чуприна:
Любитъ мене дѣвчина.

Ей я хлопецъ молодый
Межи гусарами:
Выгулявъ си дѣвчиноньку
Зъ чорными бровами.

Ей я хлопецъ молодый
Межи всима стою:
Я на вôйну не пôду,
Бо ся меча бою!

62.

«Втêкай, дѣвче, безъ поле!
Бо тя Козакъ поколе,
Гей, гу, безъ поле,
Бо тя Козакъ поколе!»

Дѣвчинонька не слухала,
На Козака зачекала,
Гей, гу, и проч.

Козакъ зъ копя ступає,
Дѣвчиноньку витає,
Гей, гу, и проч.

Привитавъ ю, и скаче,
А дѣвчинонька плаче,
Гей, гу, и проч.

«Бувай менѣ здорова!
Я кавалеръ, ты вдова!»
Гей, гу и проч.

63.

Вчера була недѣлонька, нынѣ понедѣлокъ:
Запросила Марысенька косити барвинокъ.
Ось бѣда, не дума,
Котру люблю, все кума!

«Иди пречъ, не займай, иди до нещастя!
Якъ я тебе полюбила, то не маю щастя.
Ось бѣда, и проч.

Иди пречъ, не займай, иди собѣ къ бѣсу!
Не для тебе чепурюся, свою бѣду тѣшу.» —
Ось бѣда, и проч.

«А де жъ тая керниченька, що голубка пила?
А де жъ тая Марисенька, що мене любила?
Ось бѣда, и проч.

А де жъ тая керниченька, що голубъ купався?
А де жъ тая Марисенька, що я въ нєй кохався?
Ось бѣда, и проч.

А у теи керниченьки золотыи ключи:
Дай же менѣ, Марисенько, що казала илучи!
Ось бѣда, и проч.

Добре тыи Ляшки чинятъ, що не кохаются:
Пôбравшися за рученьки, не занехаются!
Ось бѣда, и проч.

Яромъ, яромъ, Марисенько, а я за тобою!
Чекай, чекай, Марисенько, говоримъ зъ собою!»
Ось бѣда, и проч.

64.

На дорозѣ калюжа:
Я робити не дужа;
Кобы скрыпки, цымбалы,
То бы нôжки скакали.

Ой сѣвъ, за журився,
Що зъ малою оженився:
«Не журися, мôй Андрею,
Пôдросну я за недѣлю!»

65.

И шумитъ, и гуде, дрôбный дощикъ иде:
А хто жъ мене молодую до домоньку заведе?

Обôзвався Козакъ на солодкôмъ меду:
«Гуляй, гуляй, чорнобрôва, я тя до домъ заведу!» —

«Не веди жъ ты мене, ой прошу жъ я тебе!
Бо я злого мужа, буде бити мене.

На бôкъ, хлопцѝ, на бôкъ, хлопцѝ, бо чортъ мужа несе,
Якъ обачитъ мене зъ вами, ёго трясця затрясе.

Нехай трясе, нехай трясе, якъ вѣтеръ лугами!
А я собѣ молодая погуляю зъ вами.»

И шумитъ, и гуде, скрыпка грае, басъ реве,
Козакъ мовчитъ, а все знае, Козакъ до домъ поведе.

66.

Черезъ рѣчку, черезъ ставъ,
Любивъ мене Станйславъ,
И я его любила,
Бо 'мъ до него ходила.

67.

Козакъ.

«Гопъ, чукъ, бабко,
Шо ся дѣе?» —

Баба.

«За Козакомъ
Серце млѣе.» —

Козакъ.

«Гопъ, чукъ, бабко,
Кожухъ гине.» —

Баба.

«За Козакомъ
Серце вяне.»

68.

Гôпъ, чукъ!
Баранчукъ!
Продавъ коня
За Канчухъ,
А кульбаку
За табаку,
А удило за канчукъ!

69.

Ой кобы я мужа мала,
Тобы я го шановала:
Вôдъ недѣлй до недѣлй
Ѣсти бы 'мъ му не давала!

70.

Ой не стôй пôдъ вôкномъ,
Не махай рукавомъ!
Якъ я буду мати часъ,
То я выйду тамъ до васъ.

71.

Ой ѣхала Катерина
Шêстьма кôньми изъ Вольня,
Пыталася Василя:
«Ци далеко до села?»—
«Недалеко, ино миля,
Катерино милостива».

72.

То Костюшка, то Москаль
Сварилися за рыскаль;
Не було тамъ та за що —
Рыскалище ледащо.

73.

А мôй батько
Стрѣлявъ гладко:
Середъ току
Убивъ сороку;
Прійшовъ Дмитро,
Изъѣвъ хитро.

74.

А въ нашои Олены
Все пацерки зелени,
То по штыри, то по пять,
Все на шіи цуркотять.

75.

«Человѣче бѣсноватый!
На що жêнку продавати?» —
«Прійшла менѣ карта зъ неба,
На податокъ грошей треба.

Що зôстане вôдъ податку,
Куплю собѣ стару бабку;
Бабка здохне, я облуплю,
А за скôру дѣвча куплю».

I. Шалалайки.

1.

Спознаць, Боже, спознаць, мою фраѐрочку,
Що м’є за хусточковъ дробну фіялочку.

2.

Самозрадъ, самозрадъ, сама ’мъ ся зрадила,
Коли ’мъ до гаѐчку на травку ходила.

3.

Никто ми не виненъ, лемъ ми братя винны,
Же мя посылали до лѣса за вȏвми.
Никто ми невиненъ, ено стара мацъ,
Же ми наказала зъ гультаѐмъ волки пасцъ.

4.

Гора, гора и долина, иде коникъ одъ Будина,
Иде, иде малѐваный, на нимъ кантарь позлачаный.

5.

Не радуйся, шугай, высокой постели,
Бо мои гусочки за Дунай злетѣли;
За Дунай, за Дунай, за Чорное море,
Бо я си дѣвчатко худобной матере;
Худобной матере, худобного отца,
Не нажену я ти волойкôвъ до дворца.

6.

Що ся червенѣе въ Угорской краинѣ?
Червене яблочко докола яблоні.

7.

Травêчко зелена, то 'сь ся поховала?
Фраêрочко моя, то 'сь ся погнѣвала.
Травêчко зелена, не хубацъ ся было,
Фраêрочко моя, любовацъ ся было.

8.

«Яворе, яворе, де съ тебе конары?» —
«Срубали мене хлопцѝ волаваре;
Обрубали мене велики фигляре,
Забили Янêчка, нехъ ихъ Панъ Богъ скаре!»

9.

Плакало дѣвчатко, плакало голосно,
Же его парада за тонêчкимъ пасомъ.
«Не плачь, дѣвча, не плачь, йще на тобѣ не знати,
Якъ на тобѣ буде знати, я тя готовъ взяти».

10.

Ой коню мôй, коню шарый, та остро кованый:
Варуй же ся, шварне дѣвча, бо тя поранитъ!
Бо тя поранитъ острожейками,
Варуй же ся, шварне дѣвча, съ чорныма бровами!

11.

На припецку горитъ, а въ пецу ся палитъ:
Не берь тото дѣвча, що го мати хвалитъ!
Не на то го хвалитъ, жебы добра была,
Лемъ го на то хвалитъ, жебы го ся збыла.

12.

Турыдай, Турыдай, Турыдайска вода:
Скочила бы 'мъ до ней, та мя, Боже, шкода!

13.

А ни 'мъ ся не выспавъ, а ни 'мъ ничь не зыскавъ,
Лемъ мôй калапочокъ при фраêрцѣ зоставъ;
Не такъ калапочокъ, якъ сива губаня,
Ажь ми ю миленька на облакъ подала.

14.

Тече вода, тече, доловъ тымъ Лаворцомъ,
Бы ся обернула доловъ моимъ дворцомъ.

15.

Єще 'мъ не танцовавъ, лемъ буду прубовавъ,
Зъ бучка на яличку буду прескаковавъ.

16.

Пило бы ся, пило, то Токайско вино,
Пило бы ся, пило, съ кимъ ми, Боже, мило'
Пило бы ся, пило, пôвтора златого,
Ты, мила, заплатишь, бо есь пила ёго.

17.

Дуброва, дуброва, докола букова:
Сама матка не зна, кому дѣвча хова.
И моя не знала, кому мя ховала,
Скурвому сынови до ручокъ мя дала.

18.

Дала 'съ ми, миленька, дала 'съ ми пригану,
Же я е'мъ не варта за файку дугану.

19.

Не разъ я, и не два, на гору позêрамъ,
Бо я ся съ той горы фраêра сподѣвамъ.

20.

Хоцъ бы я не ѣла, водицу не пила,
Лемъ жебы я мала красного фраêра.
Фраêре мизерный, не скрыпай ми дверми:
Горѣ ножки знимай и двери заперай!

21.

Квѣтокъ дѣвча, квѣтокъ, покля не ма'шь дѣтокъ,
Якъ б'ешь мати дѣтки, спадутъ съ тебе квѣтки.

22.

Фраѐрочко моя, такъ една, якъ друга;
Теперь ми повѣджьте, котра самодруга?
А якъ не повѣсте, то сто чортôвъ зъѣсте:
Я пôду на войну, а вы зôстанете.

23.

На высокôй горѣ шугай ся згамовавъ,
Жебы было не дѣвча, тамъ бы бывъ ночовавъ.
«Поможъ же ми, дѣвча, съ той горы спустити:
За роченько, за два, буду тя любити».

24.

«Овчаче говчаре, де 'сте овцы пасли?
Стратила 'мъ перстенецъ, ци 'сте го не нашли?» —
«Ни мы го не нашли, лемъ мы го видѣли,
На широкôй луцѣ милому на руцѣ.

25.

Сашина, сашина, зелена сашина:
Дай ми, Пане Боже, доброй матки сына!
Жебы мя не біявъ, паленку не піявъ,
До корчмы не ходивъ, дѣвчата не зводивъ.

26.

Зелене, зелене, коло зеленёго,
Танцуе милейкій, а я коло ёго.

27.

Зелене 'мъ посѣявъ, зелене ми зôйшло:
Якъ е'мъ дѣвча кохавъ, такъ и за мя пôшло.

28.

Зôйди на горбочокъ, запискай въ листочокъ:
Спôзнавай, милейкій, чій то голосочокъ!

29.

Пôслала ей матка въ долину по ґлину,
А она вынесла на рукахъ дѣтину:
«На жь тобѣ, мамайко, за твою науку:
Колысала 'сь мене, колишь же и внуку!»

30.

По высокôй горѣ снѣжокъ ся бѣлѣе:
Богата дѣвочка зъ худобныхъ ся смѣе;
Богата дѣвочка злотый вѣнецъ носитъ,
Худобна дѣвочка въ Бога щастя проситъ.

31.

Знати, Боже, знати, кто кого любуе:
Иде горѣ, доловъ, все ся присмотруе.
Знати, Боже, знати, кто кого не хоче:
Иде горѣ, доловъ, на него муркоче.

32.

Серцѐ мое, серце, съ камêня твердого,
Чомъ ся не поприска’шь зъ жалю великого?

33.

Плачьте, очка, плачьте, слезойки враняйте!
Кого ’сте любили, ужь го понехайте!

34.

Шкода, Боже, шкода, лѣса зеленого,
Же въ нêмъ не чувати пташка веселого!
Ни вôнъ не заспѣв’атъ, ни вôнъ не записка’тъ,
Ославецкы хлопцѝ якъ совиска ходятъ.

35.

Не ма въ ставѣ воды, выпили еи жабы:
Южъ мя оббрехали Ославецки бабы.

36.

Очка мои сивы, то ми бѣда зъ вами:
Не хочете спати едну нôчку самы!
Очка мои сивы, то ’сте зависливы:
Кого увидите, того полюбите!

37.

Проквѣтай, проквѣтай, калиночка дробна:
Зôставай здорова, милейка надобна!

38.

Ей, Боже жь мôй, Боже, то есь ми боговавъ,
Що есь ми пôдъ бочкомъ милого выховавъ!
Милого пôдъ бочкомъ, при сторонѣ мужа,
Що ему процвѣта'ть зъ его личка ружа.

39

Любуй же мя, любуй, або ми дай покой!
Не позирай по мѣ, якъ сивейкій соколъ!

40.

«Зазулейко сива, де будешь кукала,
Коли 'сь си на бучку вершечокъ зорвала?» —
«Буду я кукати на зеленôй соснѣ,
Доки ми на бучку вершечокъ выросне.»

41.

Любме мы ся, любме, якъ ластôвка въ стрѣсѣ,
Бо ся розлетиме, якъ та пташка въ лѣсѣ.

42.

На высокôй горѣ травка ся колыше,
Стародавный милый листы до мя пише.
Я му одписала на буковôмъ листу,
Жебы си поглядавъ милейкую иншу.

43.

А гуле, гуле, ґуси на воду!
Не каламутьте милейкôй воду!
Ой бо милейка хустойку пере,
Єй ся милый въ дорогу бере.

44.

Пôшовъ бы 'мъ до Ганцй залицятися,
Та не мавъ палички пôдператися.

45.

Ой шила сорочку, покоротила,
Вергла очима на побратима.
Побратимъ свиснувъ, за ручку стиснувъ:
«Ей гоя, гоя, миленька моя!»

46.

Ой гуси, гуси, гусойки на ставъ!
«Добрый день, дѣвчино, ище е'мъ не спавъ.!» —
«Ой цедь есъ не спавъ, не будешъ спати,
Година мине, буде свитати.»

47.

А я мовила, же косу клепле, —
Вôнъ черезъ гору до иншои трепле.
А я мовила, же сѣчку рѣже, —
Вôнъ черезъ ґору до иншои лѣзе.

48.

«Василю небоже, де твоя жена?» —
«На пецу, на пецу, пере прядене.» —
«На потôкъ, на потôкъ, бабо лѣнива!» —
«Не пôду, не пôду, бо на мя зима».

49.

Кобы мѝ не горы, не тота долина,
Дала бы 'мъ поздравѝцъ свого побратима.
Поздравте, поздравте, але знайте кого, —
Янêчка жовтовласъ, фраêра моёго!»

50.

Янêчку жовтовласъ, не ходи ты до насъ!
Бо ты въ нашêмъ домѣ фраêрочки не ма'шъ;
А ни фраêрочки, а ни покрыточки,
А ни на недѣлю бѣлои сорочки.

51.

Ци я не паробокъ, ци я си не врода?
Робицъ мѝ ся не хце, на войну мя шкода!

52.

«Паробцы, паробцы, велька ганьба на васъ:
Повязали дѣвча, повѣда'тъ, же про васъ». —
«Няй оно повѣда'тъ, мы ся не боиме,
Мы шумны паробцы, за то застоиме».

53.

Точитъ ми ся, точитъ, вѣнокъ по обочи:
Чей мй ся приточитъ мôй милый той ночи!

54.

Очи мои, очи, не спали той ночи,
До рана бѣлого ждали миленького!

55.

Фраêръ мôй, милый мôй, де 'сь вчера вечеръ бывъ?» —
«Фраêрочко моя, до иншои 'мъ ходивъ.» —
«Фраêръ мôй, милый мôй, що жъ тамъ повѣдали?» —
«Фраêрочко моя, о тобѣ гадали.»

56.

Дай мя, мамцю, дай мя, кедь мя люде просятъ,
Най мя стари бабы языкомъ не носятъ!
Дай мя, мамцю, дай мя, кедь мя люде знаутъ,
Най ми стари бабы рочки не читаутъ!
Бо ми бабы тôвко рочкôвъ начитали,
Щобы мы обѣдвѣ на листъ не списали.

57.

Пониже Ветлина сами ростопасти:
Дай же менѣ, Боже, зъ милымъ волы пасти!
Буду забѣгати то зъ горы, то зъ долы,
Буду завертати миленького волы.

58.

Гоя же ми, гоя; штыри волки, гоя,
Що ми поганяло дѣвчатко въ Угеля!
Такъ ми поганяло, такъ ми навертало,
Що на конецъ выйшло, все мя побочкало.

59.

Суть конй на ланѣ, кто ми пôде по нй?
Самому ся не хце, малой не мамъ еще.

60.

«Ци есь ся милючькій, ци есь ся загнѣвавъ,
Жесь мя вчера въ вечеръ танцовати не взявъ?» —
«Ни е'мъ загнѣвавъ, ни 'мъ ся на тя завзявъ,
Танцовати 'съ не умѣла, та 'мъ тя про то не взявъ.»

61.

Ластовечка лѣта'ть, повѣда, же свѣта'ть:
«Пусть мя, Янчйкъ, домôвъ, бо я буду бита;
Бо я буду бита одъ свого татичка,
Же 'мъ му не напасла сивого конйчка.

62.

Широкій ярочокъ, быстрая водйчка:
«Напôй ми, миленька, сивого конйчка!» —
«Якъ я то напою, кедь я ся го бою,
Коничокъ неукій, вырве ми ся зъ рукы.»

63.

Ходила 'мъ по полю, зберала 'мъ тополю:
Катъ ми по тополи, нехъ мя главка боли!
Ходила 'мъ по ярку, зберала 'мъ фіялку,
Катъ ми по фіялце, ведь мя милый не хце.

64.

Ой гой же, гоі же, старый небоже!
Змѣй коло тебе лежати може.
Я коло тебе, якъ ягодойка,
Ты коло мене, якъ колодойка.
Я коло тебе, кобы калина,
Ты коло мене, якъ ордѣвъ вина.

65.

«Мужу мôй, мужу, невѣрничейку!
Чо ми не вѣришъ мо'му сердейку?» —
«Не вѣрю я ти, бо не е кому,
Втоптана стежейка до мо'го дому.» —
«Ты, мужу, иншимъ чепцѣ купуешъ,
Ей а на мене кін готуешъ.
Ой кій, кін дубовейкін,
На мои плечи нездоровейкін!»

66.

Мала я милого зъ чорнима очима,
Не подобавъ ми ся, та 'мъ го намочила:
Мокне милый, мокне, три дни и три ночи,
А я до милого — вымокли му очи.

67.

Не ходи, миленькій, до мя о пôвночи,
Бо собѣ выберешъ о сливину очи!
Чомъ 'съ втоды не прійшовъ, якъ мѣсячокъ зôйшовъ?
Дось бы 'сь ся налюбивъ и до дому пôшовъ.
А ты въ тотчасъ прійшовъ, якъ зôрничка зôйшла,
Коли ма стара мать на водицю ишла.

68.

Не плачь, Марысь, не плачь, не буде ти крывды,
Твои чорни вôчка не высхнутъ ти нигды.

69.

Кедъ ти буде гораздъ, то привыкнешъ доразъ;
Якъ ти буде кривда, не привыкнешъ нигда.

70.

Якъ же я си зайду горече плакати,
Ажъ ми будутъ слезы на чижмы падати!
Та якъ же я не мавъ горече плакаты,
Коль мя ся одрѣка'гъ и отецъ и мати?

71.

Засвѣти, мѣсячку, пополу зъ звѣздами,
Тому миленькому, що ѣде рôвнями!
Ой ѣде вôнъ, ѣде, на пищавцѣ писка'тъ.
Мене молоденьку за рученьку стиска'тъ.

72.

Запискай, задуркай, мôй бѣлый Иване,
Та мое личенько къ твоему пристане!

73.

Запискай, задуркай, мôй милый югасе,
Ней намъ ся стадонько по полю роспасе!
Пискай, югасъ, пискай, я буду спѣвати,
Буде намъ ся голосъ на рôвни схаджати!

74.

Дунаю, Дунаю, ты тихонько плынешъ:
Молодости моя, ты мй марнê гинешъ!
Молодости моя, ты моя подоба!
Гинешъ ты мй, гинешъ, якъ въ Дунаю вода!

75.

Веселости моя, де 'съ мй ся подѣла?
По широкôй рôвни есь ся розлетѣла!
Стану же я, стану, въ недѣленьку рано,
Та я си позбêрамъ веселости мало.
Завкну я еї ключомъ, завкну я ей дома,
Ней моя веселôсть перебыва'тъ дома!

76.

Лѣтала павонька по высокôй горѣ,
Враняла пêрêчка по шовковôй травѣ.
Не жаль мй павоньки, а ни пêря еи,
Лемъ ми жаль мамоньки, же 'мъ не бûла неи!

77.

Побила мя бѣда черезъ людскй дѣла:
Що люде дѣлали, на мене складали.
Побій, Боже, побій, кого м'єшъ побити,
Лемъ того не побій, кого мавъ любити!

78.

Займу штыри волы въ глубоку долину,
Вони ся напасутъ, я ся вôдпочину.
Волы мои, волы, не едной масти:
Я ся не выспала, вы ся не напасли!

79.

Тоды мй ся, тоды, дѣвча сподобало,
Коли на ярочку зимну воду брало.

80.

«Повѣжь мй, дѣвчатко, де пôдешъ на траву,
А я тобѣ повѣмъ, де я волы займу?» —
«Я пôду на траву до вышнёго саду.» —
«А я волы займу на нижню заграду.»

81.

«Не плачь, дѣвча, не плачь, не выплакуй очи!
Принесу ти перстêнь съ самой Левочи.» —
«Хоцъ бы ты мй принêсъ зъ самого Токаю,
Ужъ я тя не хочу, надобный шугаю!»

82.

На высокôй горѣ студня мурована:
Таньцуе дѣвчина ужъ зарукована.
«Черкай, милый, черкай до бѣлого рана:
Я къ тобѣ не выйду, бо 'мъ зарукована!»

83.

Я пôшовъ на вôйну, та мя порубали,
Прійшовъ е'мъ до дому, та мя не спôзнали;
Лемъ мене спôзнала моя фраêрочка,
Що мй закладала за калапъ пêрочка.

84.

«На Дунай, дѣвча, на Дунай,
Якъ ти буде зимно, то волай!» —
«А я такъ шумнê волала,
Що ажъ мя главка боляла!»

85.

Кождому добре, лемъ мй нѣтъ:
Кождый ма фраêрочку, лемъ я нѣтъ.
Ой треба бы ся постарацъ,
Шумной фраêрочки поглядацъ!

86.

Я ся въ долину припатривъ,
Кто мою миленьку облапивъ?
Облапали ей гусарй,
На зеленôй луцѣ по травѣ.

87.

Сырови дырва — гôркій дымъ:
Ой оженивъ бы мъ ся, не ма съ кимъ!
Каждый лежитъ при женѣ,
А я, неборачокъ, при стѣнѣ.
Сыровіи дырва — гôркій плачь:
Ой напивъ бы 'мъ ся, не мамъ за чь;
Якій, такій въ перинѣ,
А я, неборачокъ, на сѣнѣ.

88.

Добрê тому панъ Бôгъ дає,
Що на горѣ кошарь має,
А въ долинѣ колибочку,
Середъ села фраêрочку.
Добре тому, не зле тому,
Що м'є милу близко дому:
И дровъ собѣ нарубає,
И на милу позырає.

89.

Зъ горы ми ся волы ґзыли,
На долинѣ овесъ зъѣли:
Бодай бычки выгравали,
На що вôзса напсовали!

90.

Шугай, шугай, шугаêчку,
Не берь тоту нехлюйничку,
Не берь тоту нехлюйничку,
Возми мене робôтничку!

Я робôтна, барзо ма'тна,
Я мавъ повный сусѣкъ платна,
А и клочя барзо много,
Половина ленянoго.

91.

Червена ружа калинка:
Зохабила мене миленька,
Зохабила мене у полю,
Ой про Ганичку, про мою!

92.

Червена ружа, бѣлый квѣтъ:
«Ой пусть мя, мамцю, за Бескидъ!
Не довго я тамъ побуду,
Покъ о миленькôмъ забуду.»

93.

Червена ружа ядлôвця:
«Не дай мя, мамо, за вдôвця!
Бо удовецъ буде вымавлявъ,
Же першу жêнку лѣпшу мавъ;
А дѣти будутъ плакати:
«Бодай мачехи не знати!»

94.

Заградила заградочку,
Посѣяла шалаточку,
На шалатѣ дрôбне зерно:
«Не ходь, Янчикъ, до нась дармо!»
А ни до насъ, Янчикъ, не ходь,
А ни дармо блато не бродь!
Бо то блато по колена,
Не буду я твоя жена.

95.

«Ганцю, Ганцю, Ґанцю бѣла,
За що тебе мати била?» —
«За то мене мати била,
Жебы 'мъ хлопцѣ не любила,
А я буду того пана,
Що е'мъ была рочокъ сама.»

96.

Якъ я пôйду въ иншу страну,
Буде плакацъ дѣвча за мновъ,
Буде плакацъ и бановацъ,
Же не знала, якъ шановацъ.

97.

Кобы 'съ менѣ не кумочка,
Была бы 'съ мѣ фраєрочка,
Лемъ ми тото кабатує,
Що мѣ мовишъ: «Пане куме!»

98.

Мамцю моя, купте коня,
Няй не сѣджу дармо дома!
Нехай ѣду до Шариша,
Глядати си товариша.

99.

«Мамцю, мамцю, що робите,
Же мя ужь разъ не жените!» —
«Чекай, сыну, до осени,
Налюбишъ ся младой жены!
Якъ ти прійде до любости,
Наѣстъ ти ся бѣда кости.»

100.

Зумру, зумру въ чуджôмъ краю:
Кто ми буде брати яму?
Сроки, вроны крамкаць будутъ,
А дѣвчатка плакаць будутъ.

101.

Добрê е'мъ зробивъ, же 'мъ ся оженивъ:
Жена пôде до роботы, я ся положивъ;
Жена пôде до роботы наперед меня,
А я собѣ полежу въ бѣлôй постелѣ;
Жена пôде до роботы й съ кухарочковъ,
А я си полежу пôдъ периночковъ.

102.

Ой Боже мôй, Боже, не хоче ся робити,
Ужъ менѣ пріиде на смѣхъ голôй ходити!
Зароди, Боже, широкое лопушя,
А я вшію кошулю и фартушя;
Сонце пригрѣе, кошулейка зôпрѣе,
Вѣтрець подуе, фартушину змяздуе!

103.

Стоитъ яворъ надъ водою,
Повѣдае свою долю:
«Доле моя нещасная!
Моя жêнка некрáсная!
Людскй жêнки — якъ ластôвки,
Моя жêнка — якъ Жидôвка!»

104.

Я такого мужа маю,
Буде бити, добре знаю,
Буде бити, молотити,
За волосья волочити.
«Якъ мя будешъ, мужу, бити,
То ся верну назадъ пити».

105.

Ганю моя, Ганю,
Я тебе не ганю,
Ганятъ ми тя люде,
Же съ тя ничъ не буде.
Ней ми тя приганятъ,
Ужь ми тя не зганятъ.

106.

Якъ ёмъ ишовъ зъ винобраня,
Спавъ ми калапъ до Луная:
Лай ми, Боже, калапъ достацъ,
Заречуся милу кохацъ!
Моя мила безумниця:
Згорѣла ей фарбаниця,
Не зôстало, лемъ двѣ полы,
Купила си чтыри волы.

107.

Вылетѣла ластôвонька зо скаля,
Обудила мою милу зо спаня;
Не была то ластôвонька, лемъ то птакъ,
Не была то моя мила, лемъ то такъ.

108.

Обôзрися, сивый коню, на себе!
Якій сѣда'тъ шумный Янчикъ на тебе!
Обôзрися, сивый коню, еще разъ,
Якій сѣда'тъ шумный Янчикъ жовтовласъ.

109.

Ой лѣтавъ пташокъ по надъ ставъ,
Хопивъ рыбочокъ, не дôставъ,
Умочивъ крылця до леду:
Мильша миленька вôдъ меду.

Г. Царинныя пѣсни.

1.

Сборомъ идеме, полонъ несеме:
Выходжай, соборе, съ села на поле,
А съ поляночки на царинойки,
А вы, дѣвойки, війте вѣнойки!
Ей вили, вили, Бога просили,
А чей бы намъ квѣтли всѣ Божи вѣны,
Всѣ Божи вѣны, наши царины;
А чей бы квѣтли горы, долины,
Горы долины та й полонины;
Наша царинойка пречь поорана,
Срѣбломъ, золотомъ пречь засѣяна,
Стрѣцовымъ пѐркомъ заволочена.

2.

Гей на великдень, на славный день,
Садило дѣвча зелене вино,
Садило, садило, Богу ся молило:
«Спусти, Божейку, чорну хмаройку,
Чорну хмаройку, дрȏбного дожджу,
Чей бы ся пріяло зелене вино!
Ей, вино жъ мое зеленейкое!
Прійшовъ до неи татцейко еи:

«Дай ми, дѣвойко, хоть галузь вина,
Або дармо дай, або ми продай!» —
«Ни дармо не дамъ, а ни не продамъ,
Бо мое вино барзъ дорогое,
Барзъ дорогое, непочатое.» —
Гей на великдень, на славный день,
Садило дѣвча зелене вино,
Садило, садило, Богу ся молило:
«Спусти, Божейку, чорну хмаройку,
Чорну хмаройку, дрôбного дожджу,
Чей бы ся пріяло зелене вино!
Ей, вино жь мое зеленейкое!» —
Прійшла до неи мамцейка ей:
«Дай ми, дѣвойко, хоть галузь вина,
Або дармо дай, або ми продай.» —
«Ни дармо не дамъ, а ни не продамъ,
Бо мое вино барзъ дорогое,
Барзъ дорогое, непочатое.» —
Гей на великдень, на славный день,
Садило дѣвча зелене вино,
Садило, садило, Богу ся молило:
«Спусти, Божейку, чорну хмаройку,
Чорну хмаройку, дрôбного дожджу,
Чей бы ся пріяло зелене вино!
Ей, вино жь мое зеленейкое!» —
Прійшовъ до неи милейкій ей:
«Дай ми, милейка, хоть галузь вина,
Або дармо дай, або ми продай.» —
«Тобѣ не продамъ, лемъ ти дармо дамъ.»

3.

Ой Римъ-Собота, гора высока,
А на тôй горѣ церковця стоитъ,
А въ тôй церковцѣ золотый престôлъ,
За тимъ престоломъ самъ милый Господь.

Самъ милый Госпôдь книжейку читавъ,
Книжейку читавъ, постойку глядавъ.
Ей а якого?.. та Петрового;
«Кто жь ми го споститъ та й по щирости,
А буде тому рай отвореный,
Рай отвореный, пекло замкнене.»

4.

Вiйте, дѣвойки,
Божи вѣнойки,
Зъ Божи кровцѝ
На коругoвцѣ!

Ей скаржилося свѣтле сонейко,
Свѣтле сонейко милому Богу:
«Не буду, Боже, ранô сходжати,
Рано сходжати, свѣтъ освѣчати;
Бо зли газдове понаставали:
Въ недѣлю рано дрова рубали,
А мй до личка трéски прыскали!» —
«Свѣти, сонейку, якъ есъ свѣтило:
Буду я знати, якъ ихъ карати,
На тамтôмъ свѣтѣ, на страшнôмъ судѣ.» —

Вiйте, дѣвойки,
Божи вѣнойки,
Зъ Божои кровцѝ
На коругoвцѣ!

Ей скаржилося свѣтле сонейко,
Свѣтле сонейко милому Богу:
«Не буду, Боже, рано сходжати,
Рано сходжати, свѣтъ освѣчати;
Бо зли газдинѝ понаставали:
Въ пятойку рано хусты зваряли,
А мй на лице золу выливали.» —
«Свѣти, сонейку, якъ есъ свѣтило:
Буду я знати, якъ ихъ карати,
На тамтôмъ свѣтѣ, на страшнôмъ судѣ.» —

Війте, дѣвовки,
Божѝ вѣнойки,
Зъ Божои кровцѝ
На коруговцѣ!
Ей скаржилося свѣтле сонейко,
Свѣтле сонейко милому Богу:
«Не буду, Боже, рано сходжати,
Рано сходжати, свѣтъ освѣчати;
Бо зли дѣвойки понаставали:
Въ недѣлю рано косы чесали,
А ми до личка волося метали.» —
«Свѣти, сонейку, якъ єсь свѣтило:
Буду я знати, якъ ихъ карати,
На тамтôмъ свѣтѣ, на страшнôмъ судѣ.»

5.

Красна дѣвойка коруну шила,
Пôдъ коругою, пôдъ червеною;
Ей шила, шила, Богу ся молила,
Богу ся молила, гôрко плакала:
«Чого жь ты млачешь, красна дѣвойко?» —
«Якъ же я не мавъ гôрко плакати:
Кой ми татцейко, ажь на днѣ въ пеклѣ.» —
Ище дѣвойка коруну не вшила,
Коруну не вшила, ужь ся тѣшила,
Же ёй татцейко по раю ходитъ:
«Не жаль ми, Боже, дѣвойку мати,
Дѣвойку мати, тай годувати.»

6.

(Идучи подъ гору).

Ей горе, горе! самъ ся Бôгъ оре,
Бôжа матёнка насѣня носитъ,
Насѣня носитъ и Бога проситъ:
«Зародь, Божейку, насѣня трое,

Насѣня трое, не еднакое:
Перше насѣня — яра пшеничка,
Друге насѣня — зелено вино,
Трете насѣня — пахнячій ладань.
Яра пшеничка на проскуройки,
А на якіи, на всенощніи;
Зелене вино до Службы Божоіі,
На причащаня, душь очищаня,
Пахнячій ладанъ до кадилнички.

7.

(Идучи возлѣ лѣса.)

Ей въ лѣсѣ, въ лѣсѣ, на полянойцѣ,
Тамъ Турчанине дѣвойку судятъ,
Судятъ еи, судятъ, ажь ей загубять:
«Злый Турчанине, не губи мене!
Выйде татцейко, выкупъ вынесе,
Выкупъ вынесе, выкупитъ мене.»—
Татцейко выйшовъ, выкупу не е.
Ей въ лѣсѣ, въ лѣсѣ, на полянойцѣ,
Тамъ Турчанине дѣвойку судятъ,
Судятъ ей, судятъ, ажь ей загубять:
«Злый Турчанине, не губи мене!
Выйде мамцейка, выкупъ винесе.» —
Мамцейка выйшла, выкупу не е. —
Ей въ лѣсѣ, въ лѣсѣ, на полянойцѣ,
Тамъ Турчанине дѣвойку судятъ,
Дѣвойку судятъ, ажь ей загубятъ.
«Злый Турчанине, не губи мене!
Выйде милейкій, выкупъ вынесе,
Выкупъ вынесе, выкупитъ мене.»
Выйшовъ милейкій, выкупивъ мене.
Лѣпшій милейкій, якъ братъ рôднейкій!»

8.

(Возвращаясь назадъ.)

Сборомъ идеме, полонъ несеме!
Мольме ся Богу и всѣ посполу,
Жебы насъ тучй не заходили,
Злыи вѣтрове не пановали;
Оборонь, Боже, горы, долины,
Горы, долины, нашй царины!
Пріими, Божейку, трудъ, дорожейку,
Же ме обо̂йшли горы, долины,
Горы, долины, наши царины!

9.

(Идучи къ церкви.)

Ей а въ Калницы, на монастыри,
Зорейки зорятъ, свѣчейки горятъ,
Дзвонойки дзвонятъ, службойки стоятъ.
Дзвони, дзвонойку, противъ сборойку,
Бо мы идеме съ сборомъ въ дорогу,
Бо мы спѣваме вшитки спѣванки,
Жебы насъ тучи не заходили,
Жебы проломи не заливали.
Заваруй, Боже, горы й долины,
Горы й долины, нашй царины!

10.

Кады идеме, Бога слѣдиме,
Бога слѣдиме, Бога просиме:
«Зароди, Боже. горы ї долины,
Горы й долины, нашй царины!
Наша царина пречь поорана,
Сре̂бломъ, золотомъ пречь засѣяна,
Стрѣцовымъ пе̂ркомъ заволочена.

IV.

ПѢСЬНИ ПЛЯСОВЫЯ.

1. КОЛОМІЙКИ.

1.

«А зъ вôдки жь ты, пане брате? Чи не съ Коломыи?
Чи 'сь не видѣвъ, чи 'сь не бачивъ, дѣвчины Маріи?» —
«Ой не бачивъ и не чувавъ, не буду казати,
Не буду тѣ, пане брате, туги завдавати.»

2.

Коломыя — не помыя, Коломыя — мѣсто,
Въ Коломыи дѣвчатонька, якъ пшеничне тѣсто.

3.

Коломыецъ — чорнобривецъ, тай Коломыёчка:
Яка була красна неня, а ще краще дочка.

4.

Коломыецъ — чорнобривець, не боится Бога,
Що лишае чорнобривку на селѣ, то дома.

5.

Коломыйку запаливши, Коломыйка горитъ,
За красною дѣвчиною ажь ми серце болитъ.

6.

Ой славная Коломыя та й межи горами,
Ой славнѣйша дѣвчинонька съ чорными бровами.

7.

Коломыя — не помыя, Печенѣжинъ — мѣсто:
Котра дѣвка не роблена, мяхконька якъ тѣсто.

8.

«Ба, що же ты, дѣвчинонько, гадала, гадала,
Та якъ тота Коломыйка палала, палала?» —
«Я гадала, мôй миленькій, гасити, гасити,
Та не могла я що наити, щобъ воду носити.»

9.

«А звôдки ты, пане брате? Чи не зъ Городенки?
Чи 'сь не видѣвъ, чи 'сь не чувавъ, дѣвчины Оленки?» —
«Ой я видѣвъ, ой я чувавъ, дѣвчину Оленку,
Ой ходила съ Козаками поза Городенку.»

10.

Ой пôду я до Вербêжа, або до Мишина,
Ой чей же мьня тамъ полюбить хороша дѣвчина?
Ой бувъ же я у Мишинѣ, не пивъ е'мъ горѣвки,
Не видѣвъ я у Мишинѣ хорошои дѣвки.
А прійшовъ я до Испаса, напивемъ ся пива,
Та чи мала, чи велика́, то все чорнобрива.

11.

Ой заспѣвай, сивый пташку, на зеленôмъ вершку,
Ой не буду у сêй землѣ, пôду на Угерску.

12.

Ой Гуцуле, Гуцуленьку, Гуцуле небоже!
А нѝ орешь, а нѝ сѣешь, пожаль тя ся, Боже!

13.

Гуцулія—кукурія, не хоче робити,
Але иде въ Коломыю мелай дорожити.

14.

Якъ Гуцула не любити? У Гуцула вôвцѝ,
А въ Гуцула поза поясъ самѝ сороковцѝ.

15.

Ей Гуцулъ ся лехко вбуе, легко му ходити;
Любко жь моя солоденька, лишь бы тя любити!

16.

Ой ѣхала Гуцулонька зъ верху съ полонины,
Загубила терхивочку съ сивои кобылы.
Та не жаль ми терхивочки, же ся загубила,
Лише ми жаль Гуцулочки, же ся зажурила.

17.

Ой ходѣмо, пане брате, въ Гуцулы, въ Гуцулы,
Щобы за насъ бѣлявочки нй знали, нй чули!
Якъ учуютъ бѣлявочки, що мы на Муньтавѣ,
А мы собѣ, пане брате, поступимо далѣ.

18.

Ой Гуцулъ ся лехко убувъ по еднôй онучи,
Сеи ночи о пôвночи до бѣлявки йдучи.

19.

Ой Гуцуле, Гуцуленьку, поганая вѣра:
Твоя жёнка у середу солонину ѣла.

20.

«Ой Гуцулы, Гуцуленьки, де 'сте Бойка дѣли?
Ци вы его испекли 'сте, ци сирого зъѣли?» —
Нй мы его испекли 'сме, нй сирого зъѣли,
Лише ишовъ черезъ гору, та го вовки зъѣли.»

21.

Не стôй, дубе, край дороги, лихо тобѣ буде:
Гилье маешь зелененьке, обрубають люде!

22.

Ой яворе зелененькій, маю на тя гадку:
Гадаю тя порубати миленькôй на хатку;
Гадаю тя порубати, гилье потесати,
Щобы своей миленькôи хатку збудовати.

23.

«Ой лѣщино, лѣщинонько, чому 'сь не зродила?» —
«Зимка була студененька, та мья зморозила.»

24.

Зашумѣли воды, броды, зелененьки гаи:
Вылетѣла зазуленька у далекî краи;
Перестаньте воды, броды на тотъ часъ шумѣти,
Та якъ буде зазуленька до до́му летѣти.

25.

Ой не летай, зазуленько, въ ночи по убочи,
Абы 'сь собѣ не выбрала на калинку очи!
Ой бо тото, зазу́ленько, пригода бувае,
Та що собѣ зазуле́чка очи выберае.

26.

Горы мои высокіи, мушу васъ лишити:
Волѣвъ бы 'мъ бувъ у васъ гнити, якъ въ чужинѣ жити!

27.

Уже сонце на западѣ, уже ся спущае,
Мѣсяченько на востоцѣ ему ся всмѣхае.

28.

Ой скрипочки изъ липочки, а струны зъ барвѣнку,
Якъ заграю, заспѣваю, чути на зарѣнку.

29.

Любй мои спѣваночки, де я васъ подѣю?
Хиба я васъ, спѣваночки, горами посѣю!

30.

Пôслала мья моя мати горѣшочки рвати
Высокая лѣщиночька, не можь досягати:

31.

Пôду же я въ полонинку по зелене сѣно:
Въ полонинѣ при долинѣ тамъ сонечько сѣло;
Ще менѣ ся, посестрице, таке не здавало,
Абы менѣ въ полонинѣ сонце спочивало.

32.

Сухій дубе, сухій дубе, нічо съ тя не буде,
Ой а зъ мене, березочки, колясочка буде,
Колясочка малёвана, коникъ вороненькій,
Ой якъ сяде, та й поѣде, Козакъ молоденькій.

33.

«Ба, чому вы, ледѣники, ба й не спѣваете?
Де вы свои спѣваночки позадѣваете?» —
«Ой знаю я, товаришу, де я ихъ задѣю:
Занесу ихъ въ Чорногоры, та тамъ ихъ посѣю;
Та будете, спѣваночки, по горахъ спѣвати,
А я, ледѣнь молоденькій, по свѣтѣ блукати!

34.

Не тяжко ся оженити та й на бѣду прійти,
Богато бы пошукати, щобы чемну найти.

35.

Коломыець — чорнобривець въ гору ся бичуе,
Коломыйка — чорнобривка зъ другими ночуе.

36.

Ой косити, молотити головочка болитъ,
А зъ дѣвчиновъ постояти ажь серденько дрожитъ.

37.

Чи я тобѣ не казала, чи не говорила:
Прійди, прійди, мôй миленькій, я рыбу варила!

38.

Ой выйду я на улицю, на улицѣ стану:
Єдна мила несе пирôгъ, а друга сметану;
Поливьюся у сметану, а сметана рѣдка:
Неси собѣ, моя мила, сметану до дѣдька!

39.

Ой пôду я до покою, туну тутъ ногою:
Усѣ мене паны любятъ и молодôсть мою.

40.

Чи я тобѣ не «казала: «Не бери ты мене!
Бо я роду великого, не навчишь ты мене;
Бо я роду великого, та й ты не малого,
То жъ ты, любку, женихливый, и я не вôдъ того.»

41.

Ой зродила верба груши, а калина — ябка:
Та не знае отецъ, мати, яка въ мене гадка;
Ой у мене така гадка, шобы 'мъ ся вôддала,
Шобы 'мъ своей головонцѣ приворотокъ дала.

42.

Ой уньюся, повалюся и такъ не ялося;
Видитъ ми ся, моя любко, що посваримося.

43.

Ой згорѣла стырта сѣна на бѣлымъ пѣсочку:
Тата нема, мами нема, бѣдна головочко!

44.

Коли мы ся не побрали, то покумаймося,
А мы двое, серце мое, не почужаймося!

45.

«А де жь ты ся такъ забавивъ, малый, невеличкій?» —
«На майданѣ, мостя пані, коло молодички.»

46.

Ишовъ же я горѣ селомъ, всюды ся свѣтило,
Куды я мавъ повернуты, тамъ ся загасило.

47.

Шуми, луже, шуми дуже, дѣвчино, покайся!
Ой хоть я тя, любко, люблю, зводити не дайся!

48.

Ой на ставу, на ставочку, водиця лелѣе:
Ахъ ще жь моя дѣвчинонька робити не вмѣе!

49.

Ой все посты, та й все посты, чей будутъ мясниці:
Якъ не пôду въ осêнь замужь, то пôду въ черниці.

50.

На що менѣ женитися, на що менѣ жѣнки,
Коли менѣ другѣ жѣнки купують горѣвки?
На що менѣ женитися, на що менѣ жѣнки,
Ой якъ менѣ навтямится, иду до сусѣдки?

51.

Ой оттвори, мати, хату, най воды напьюся!
Чи хорошу доньку маешь, нехай подивьюся!
Оттворила мати хату, я воды напився:
Нехороша донька була, а я не дивився.

52.

Єденъ чобѣтъ на пѣдковѣ, а другій на корку:
А хто хоче бѣду знати, най си возьме дворку!
Тадже вона, любко, дворка, бо и въ дворѣ була,
Уже вона, пане брате, роботу забула.

53.

Очи мои за таляра, а бровы за лева:
Не пѣду я до Испаса, бо я Василева.
Очи мои за таляра, а бровы за вѣрта:
Любѣмося, не бѣймося нѣ пана, нѣ вѣйта!

54.

Ой не купуй коралики, лише купи перла:
А не ходи до другои, поки я не вмерла!
А якъ же я коли умру, а ты зажурися:
«Кобы тѣло поховали, то бы 'мъ оженився.»

55.

Ой качочка качуриста по болотѣ скаче:
Возьми собѣ вбоге дѣвча, най богацьке плаче!
У богацькôй дѣвчиноньки нѝ стану, нѝ силы,
Богацькую дѣвчиноньку вборы прикрасили:
Ой убоге та худоге и до того гôдне,
А богацьке та ледащо, дѣдькови потрêбне.

56.

Ой я гинтяй молоденькій, по гинтяйски ходжу:
А на чужѝ дѣти роблю, а самъ голый броджу.

57.

Ой ковала зазуленька, ковала, ковала:
Питалася лиха доля, де я ночовала?
«Хиба бы я дурна була, розуму не мала,
Щобы я ти исказала, де я ночовала!»

58.

«Ой ты покинь молотити, я покину терти,
Та пôдемо до стодолы ворота заперти.»—
«А якъ же ихъ заперати коли панъ не каже?
А якъ же тя не любити, коли 'сь красный, враже!»

59.

Куда иду, туда иду, корчмы не минаю:
«Дай, шенкарко, горѣлочки, хоть грошей не маю!
Дай же менѣ горѣлочки, ты Жидику, Жиде.
Нехъ ся напью до милои, закимъ жêнка прійде!»

60.

Не стôй, дѣвко, коло танця, та съ танця не смѣйся:
Возьми собѣ фартухъ въ руки, тай до дому хвêйся!

61.

Ой якъ я ся та й оженю, то чоловѣкъ буду:
Кожду корчму не мину жь я, якъ до церкви пôду.
Хоть пôду я та до церкви, стану собѣ въ кутку:
Подивлюся разъ на попа, десять разъ на любку.

62.

«Ой Господи милосердный, за що мья караешь?» —
«Ой «Отче нашь» не говоришь, якъ спати лягаешь.»

63.

Не тяжко ся оженити, прійти на бѣдочку:
Озьми бѣса молодого, не вшіе сорочку.

64.

Ой а нынѣ недѣленька, а завтра будный день:
Иде мила по при мене, не каже: «Добрый день!»

65.

Ой ковала зазуленька на банѣ, на банѣ:
Така любка солоденька, що ю любьятъ паны.

66.

Ой изъ тои полонинки студененкій вѣе:
Не пье любка горѣлоньки, в'дай вона змарнѣе!

67.

Ой косити, молотити, тото бѣда моя!
А зъ дѣвчиновъ постояти, тото душа моя!

68.

Напіймося, любко, нынѣ при зеленôмъ винѣ,
Бо вже завтра не будемо, якъ ся розôйдемо.

69.

По надъ село Йвановецьке зацвѣли цвѣточки:
Ой помѣшивъ мôй миленькій купити ковточки;
Ой ковточки зелененькі, де жь вы купованї?
А що жь бо вы въ Коломыйске мѣсто завезенї?
Купованї ковтинята въ мѣстѣ на долинѣ,
Дарованї дѣвчинонцѣ у Ланчинськимъ млынѣ.

70.

Ой Михайле, Михайлочку, та й ты Григорочку!
Зачекай мья въ Коломыи, тамъ коло крамочку!
Не буду я жита жати, лише пшеничоньку:
Не буду я вдовы брати, лише дѣвчиноньку;
Бо у вдовы та два сыны будутъ мене бити,
А въ дѣвчины чорнї очи, будемъ ся любити.
Бо у вдовы та два сыны, оба неженатї,
А въ дѣвчины бѣле личко, буду цѣловати.

71.

Кажутъ люде, що я впився, а я зажурився,
И мясниці вже минули, а я не женився.

72.

Ты не яво̂ръ, ты не яво̂рь, а я не билина,
Є у тебе отець, мати, а въ мене родина.

73.

Ой гаю жь мо̂й зелененькій, ой гаю жь, мо̂й гаю!
Ой взявъ я си него̂дницю, а теперь ся каю!

74.

А бо ты мья, коню, вези, або ты мья звержи,
То̂лько ты мья не завези до якои мерзы!

75.

Поставлю я коничейька на мостѣ, на мості,
А самъ по̂ду до дѣвчины, тамъ буду за гості:
«Добрый вечеръ, дѣвчинонько, ци нема тамъ кого,
Жебы ты мья не зрадила, хлопця моло̂дого?»

76.

Ой грай менѣ, музыченько, во̂дъ села до села,
Шобы моя головонька все була весела!

77.

Доля моя утонула, щастье вже не верне,
Жаль за серце истискае, ажь тѣло мйзерне!

78.

Нй я въ лѣтахъ, ни я въ дѣлахъ, нй я при роботѣ:
Тôлько моя головонька въ журбѣ и клопотѣ!

79.

Стративъ же я свôй вѣкъ марне, стративъ я надѣю:
Де жь я теперь, нещасливый, въ свѣтѣ ся подѣю?

80.

Журилася маты мною, якъ рыба водою,
А теперка мья вôддала въ тяжкую недолю.

81.

Ой коли насъ, пане брате, три разомъ ходило:
Єденъ Иванъ, другій Степанъ, а третій Гаврило;
Иванъ любивъ напитися, Степанъ погуляти,
А Гаврило зъ дѣвчатами нôчку ночовати,

82.

Въ тамтôмъ боцѣ, на толоцѣ, кобыла ся пасла:
Выховала мене мати, жебы 'мъ була красна.

83.

Ой мѣсяцю, мѣсяценьку, мѣсяченьку, князю!
Скажи менѣ щиру правду, изъ кимъ я ся звяжу?

84.

Дала 'сь мене, моя мати, за высокі̂ горы:
Будешь мене выглядати по пôдъ ясні̂ зоры.

85.

Не того йду до церковцѝ, Богу ся молити,
Лишь того йду до церковцѝ, на любку дивити.
Ой пôду я до церковцѝ, стану пôдъ образы:
Подивьюся разъ на образъ, на любку три разы.

86.

Тѐче рѣчка невеличка, въ выринку впадае:
Гôрша любовъ вôдъ болести, хто ю добре знае.

87.

Ой вже жь я ся не дивую, чому Марця красна:
Коло неи вчора зрана впала зоря ясна;
Ой упала зоря зъ неба, та й россыпалася,
А Марця ю позберала, закосичилася.

88.

Ой кумъ пôшовъ долиною, а кума горою,
Ой кумъ зацвѣвъ калиною, а кума ружою.

89.

Ой ковала зазуленька, ковала, ковала,
Вôтъ святои недѣлоньки до святого Йвана.
Ой ковала зазуленька, теперь не чувати.
Де мья мамка не родила, мушу привыкати.

90.

Ой засвѣти, мѣсяченьку, засвѣти, засвѣти,
Та на тотй полонины, на хорошй цвѣты!

91.

Ой куда жъ я походила молоденьковъ дѣвковъ,
Устелена дороженька зеленымъ барвêнкомъ;
А куда я походила бѣдновъ молодицевъ,
Устелена дороженька бѣловъ метелицевъ.

92.

Шелевѣю перевѣю, руту перетычу,
Ще я тоту неправдочку вôдъ себе вôдкличу.

93.

Ой летѣла зазуленька, та сказала: «Гаю!»
Та вронила сиве пêрце на тихôмъ Дунаю.
Ой якъ тому сиву пêрцы на тихôмъ Дунаю,
Та такъ менѣ, молоденькôй, та й у чужêмъ краю!

94.

Кобы жь менѣ не калина, та не луговина,
Давно бы мья, молодого, земля примулила!

95.

Сумна гора безъ явора та безъ яворины:
Сумна моя головонька безъ меи дружины.

96.

Молодіи лѣта мои, якъ вода плынете!
Жалй жъ мои тяженькіи, коли жъ вы минете?

97.

А въ котрои молодыцй катицй на задѣ,
Тота менѣ молодиця на великôй зрадѣ;
А въ котрои молодицѣ китиць не видати,
Тота менѣ молодиця, якъ рôдная мати.

98.

Горѣлонько паленая, то 'сь перепалена:
Бѣда тота молодиця, що перехвалена!

99.

Зродила 'сь мья моя мати безъ щастя, безъ долй:
Жію, жію на чужинѣ гôрше, якъ въ неволѣ!
Лѣпше було мене, мати, нйкды не родити,
Або було мене, мати, въ купели втопити!

100.

Молодіи орленята, позычте ми крылятъ!
Нехай же я тамъ полену, де нйхто не быва'тъ!

101.

Пôшли козы по пôдъ лозы, а вôвцѣ ланками:
Не пій, не пій, кучерявый, горѣлки зъ дѣвками!

102.

Ой у горахъ снѣги впали, горы забѣлѣли:
Чого 'сь нашѣ дѣвчатонька теперь помарнѣли!

103.

Ой цу, коню, пôдо мною, бѣлѣ въ тя копыта!
Не єдная бѣлявочка черезъ мене бита.

104.

Ой на горѣ на Самборѣ камêнь муку меле:
Пытаєтся Козакъ дѣвки: «Чи пôдешь за мене? —
«Не пôду я за такого, зъ далекого краю,
Ни татуня, ни мамуні, родины не має.

105.

Ходять козы по пôдъ лозы, вôвцѣ берегами:
Соромъ дѣвцѣ при горѣвцѣ, та ще съ парубками!

106.

Зазулечко, кукулечко, позычь-ко ми крылець,
Най полечу вôдвѣдати, де мôй чорнобривець!

107.

Ой дана же, моя дана, не пôду за Ивана,
Але пôду за Данила, щобы 'мъ не робила;
Бо въ Данила будутъ дѣти, та будутъ робити,
А мы ме'мо зъ Данилочкомъ горѣлочку пити.

108.

Горѣлочко оковита, медомъ перельята!
Черезъ тоту горѣлочку була 'мъ вчера бита;
Ой бита, каже, бита, та бита побитомъ,
Щобы я ся не дивила у очи жонатомъ!

109.

Ой пôду я до Ланчина, Ланчинъ на долинѣ,
А Ланчинска челядочка, якъ листъ на калинѣ.

110.

Ой седѣла зазулечка у лѣсѣ на краю:
А хто любитъ дѣвчатонько, то тотъ буде въ раю.
Ой седѣла зазулечка въ лѣсѣ на трепетѣ:
А хто любитъ молодицѣ, то тотъ буде въ пеклѣ.

111.

Вѣтеръ вѣе, шелевѣе, кучерами зноситъ,
А мôй милый чорнобрôвецъ на передѣ коситъ.

112.

По надъ гору высокую голубы лѣтають:
Ще 'мъ гаразду не зазнала, та й лѣта минають;
Ще 'мъ гаразду не зазнала, та й не буду знати,
Кохала я вѣрнû хлопцû, та й буду кохати.

113.

Ой ковала зазулечка та на зарѣночку:
Дякую ти, парубочку, отъ за горѣлочку!

114.

Огирочки, пупиночки, тутъ ся розвивайте,
А вы, нашû молодчики, медокъ попивайте!

115.

Ой на горѣ стырта сѣна самого дрôбного:
Ой пристала дѣвчиночка до серденька мого!

116.

Хто высоко та лѣтае, тотъ нызенько сяде,
Хто багато выберае, тотъ на лихо прійде.

117.

Доки була 'мъ у мамочки, цвела 'мъ, якъ калинка,
Якъ е'мъ пôшла вôдъ мамочки, зôсхламъ, якъ былинка.
Доки була 'мъ у мамочки, то цвела 'мъ, якъ ружа,
Якъ е'мъ пôшла вôдъ мамочки, то 'мъ бôльша недужа.

118.

Ой выйду я на улицю, на улицѣ хлопцѝ:
Соромъ менѣ, моя мамко, що въ калнôй сорочцѣ.
Ой пôду я до домоньку сорочечку брати,
Выйду жь бо я на улицю, — хлопцêвъ не видати!

119.

Ой на що ми, моя мамко, та гôршок муки,
Та щобы я допалася піякови въ руки!

120.

Бѣдна моя головочко, що я такъ зробила?
Усѣ дѣвки вѣнки маютъ, я свôй згубила!
Ой пôду жь я на улицю вѣночка шукати:
Куды пôшла, вже не найшла, прійшло загибати!

121.

Ой Василю, та Василю, та не седи въ былью,
Купи менѣ коралики на бѣленьку шêю!

122.

«Ой Иване, Иваночку, ци маешь сорочку?» —
«Ой маю я вышивану, виситъ на кампочку.
Ой не та ми ненька шила, що мья породила,
Лише тота файна дѣвка, що мья полюбила.»

123.

За вороты въ папороти сивый бычокъ рыче:
А выйди жь ты, дѣвчинонько, ледень тебе кличе!

124.

Ой ты, брате, братеёчку, не пій горѣлочку,
Але, брате братеёчку, озьми си дѣвочку:
Ой хорошу да й дѣвочку, хорошу дѣвчину,
Та запали сѣни, хату, ходѣмъ въ Волощину!
Ой у тоту Волощину, ба й въ Волощиночку,
Та щобы 'сме не робили тяжку панщиночку!

125.

Ой заграй ми, музыченько, та въ тоти лавуты!
Казали ми приходити, хиба ся вернути!

126.

Ой изъ горы на долину по воленьки зôйду:
Звари, любко, пироженьки, въ вечѣръ до тя прійду!

127.

Журилася мати мною, якъ рыба водою:
«Не пій, сыну, горѣлоньки, бо будешь бѣдою!» —
«Якъ же менѣ, моя мати, горѣлки не пити,
Якъ же менѣ, моя мати, дѣвчатъ не любити?»

128.

Ой летѣла зазулечка та через дуброву,
Выдзёбала пшениченьку, лишила полову.
Та що менѣ по половѣ, коли не ма зерна:
Та що менѣ по дѣвчинѣ, коли в'на мизерна?

129.

«Мамко моя старенькая, що днины зъ очима,
Прокляла 'сь ми щастье, долю, ще 'мъ була дѣвчина?» —
«Ба я тебе, моя доню, та не проклинала,
Лишь тôлько 'мъ тѣ исказала: «Доли бы 'сь не мала!»

130.

А у горахъ снѣги впали, горы побѣлѣли:
Бодай нашимъ вороженькамъ зубы заболѣли!

131.

Ой вороги, вороженьки, вступѣтся зъ дороги!
Бо 'сьте мене оббрехали вôдъ нôгъ до головы.

132.

Бодай тебе, дѣвчинонько, сѣмь лѣтъ дѣдько мучивъ,
А я тебе вѣрне любивъ, хто иншій заручивъ!

133.

Хиба въ воду зануруся и вже не вернуся:
Збуду смутку и клопоту, тамъ не зажурусся!

134.

Було же мене, моя мати, малою втопити,
Завязавши чорнії очи, у воду пустити.

135.

Ой якъ собѣ нагадаю, якъ е'мъ любку любивъ,
Кобы 'мъ тѣлце не шановавъ, то бы 'мъ душу згубивъ!

136.

Бодай тебе, мôй миленькій, стôлько разъ кололо,
Кôлько разы твое личко було коло мого!

137.

Ой пôду я лѣсомъ, лѣсомъ, де дерево тешутъ:
Бодай тіи погинули, що на мене брешутъ!

138.

Бодай они та спасѣня, прощѣня не мали,
Що они мья розлучили съ коханои пары!

139.

«Бодай тобовъ, ледѣнику, дѣдько возивъ дубы,
Черезъ тебе мене люде узяли на зубы!» —
«Бодай тобовъ, дѣвчинонько, дѣдько возивъ латы,
Та що я ся черезъ тебе не удержу хаты!

140.

Бодай же ты, файный любку, въ колесѣ звивався:
Не трохя жь ты мого личка та й надѣловався!

141.

Бодай же ты такъ видѣла свѣта бѣленького,
Якъ я тобѣ подарую мого миленького!

142.

Горѣвка, ся брате, пила, люлька ся курила,
Дѣвка ся зъ мья смѣяла, иса бы ми навчила.
Не зъ мене ся посмѣяти, не зъ мене ся кпити,
Будешь же ты, любко моя, за то въ землѣ гнити.
Будешь же ты, каже, гнити, а пити просити,
А я, ледѣнь молоденькій, не схочу носити.

143.

Идутъ козы по пôдъ лозы, вôвцѣ по пôдъ дубы:
Бодай тебе, Морашкане, заболѣли зубы!

144.

Бодай тебе лѣска вбила, а мене ворота,
Абы я ся не лишила по тобѣ сирота!
Бодай тебе лѣска вбила, а мене полиця,
Щобы я ся не лишила пôсля тя вдовиця!

145.

Бодай тебе, бодай мене, бодай насъ обое:
На що жь мы ся покохали, на нещастье свое!

146.

Чіи волы на дубровѣ, мои на свѣточку:
А хто любитъ на сторонѣ, а я сусѣдочку.
На сторону бы ходити, коника трудити,
А съ сусѣдовъ постояти, та й поговорити.

147.

Пôдъ моею кобылою пôдковы калачутъ:
Перше дѣвки мновъ гордили, теперь за мновъ плачутъ.

148.

Ой дѣвчино, дѣвчинонько, не боишься Бога?
Вôдправила 'сь добрыхъ людей вôдъ твого порога;
Вôдправила 'сь добрыхъ людей, чекаешь до нынѣ:
Теперь пôдешь за такого, котрый пасе свиній!

149.

Якъ идете, хлопці, въ танець, берѣтъ рукавиці:
Маты стоять, якъ коровы, дочки якъ телиці!
Якъ идете, хлопці, въ танець, берѣтъ буки въ руки:
У нашои сусѣдочки зубы, якъ у суки.

150.

Ой пôшовъ я до дѣвчины люльки закурити,
Здерли зъ мене сердачину, та й ще хтѣли бити;
А я хлопець зуховатый, въ свою батька вдався,
Сердачину вôдобравъ, та й бити не дався.

151.

А якій ты гидкій, бридкій, а я яка пышна:
Куда жь бы я очи дѣла, шо бы 'мъ за тя пôшла!

152.

Якъ Гуцула не любити? А въ Гуцула вôвцѣ,
А въ Гуцула за поясомъ писанѣ топôрцѣ:
Тай якъ зачне жёнку бити, бича не пытає,
Та якъ утне межи плечи, ажь душа минає!

153.

Ой ишовъ я черезъ село, та ми було встыдно:
Нёсъ е'мъ курку пôдъ пахою, а ѣ хвостикъ видно.
Ой ишовъ я черезъ село, курка мене вздрѣла,
Щобы була не палиця, була бы мья зъѣла.

154.

Ой пôду я на ярмарокъ, ой тото упьюся:
Покажу вамъ тои штуки, шо перевернуся.

155.

Кличутъ мене на панщину, але жь я не пôду:
Маю жёнку навѣджену, якъ же ю вôдôйду?

156.

Ой я хлопець хлопцёватый, та й не волоцюга:
Де хороше дѣвча чую, тамъ нôчку ночую;
Одну нôчку на запêчку, а другую въ кутку:
Обѣцявъ я черевички, гôренькій мôй смутку!

157.

Ой конику, воронику, грива ти бѣленька:
Занеси мья въ полонинку, де моя миленька!

158.

Ой конику, воронику, бѣлокопытистый:
За неси мья въ полонинку, у верхъ каменистый!

159.

Сивый голубъ, сивый голубъ, сивѣйша голубка:
Милый отець, мила мати, ще милѣйша любка!

160.

Ой конику, воронику, на чолѣ си граска:
Ой маю я миленькую, имня ей Параска.

161.

Ой на горѣ та монастырь зъ новои дубины:
Шкода, любко, тои славы, що мы ся любили!

162.

А що тоти наробили, що мья сокотили?
Падне любцѣ та на ручцѣ до бѣлои днины.

163.

Я у броду брала воду, а на сподѣ неряздъ:
Чому 'сь така неласкава, якъ есь була въ передъ?

164.

Пане брате, товаришу, буде мо ся бити,
Ой не ходи, де я ходжу, дѣвчину любити!

165.

Ой одную люблю, люблю, а другу цѣлую,
А третои чорнобривки розуму требую.

166.

Ой засвѣти, мила, свѣчку, най перейду рѣчку,
Ой засвѣти та и обѣ, най перейду дъ тобѣ!
Иди, мила, доломъ, а я пôду верхомъ,
А тамъ мы ся изôйдемо у годинѣ смеркомъ!
А якъ мы ся изôйдемо, по слову речемо,
Чи будемъ ся любитоньки, чи ся розôйдемо.

167.

Сваритъ мене родинонька, жебы 'мъ ся не любивъ,
Хиба бы я нещасливый свое житье згубивъ!
Нехай сваритъ, нехай сваритъ, хоть бы и побила,
Що я виненъ, що ма душа тебе полюбила?

168.

Пожену я волы пасти на зелену пашу,
А самъ пôду до дѣвчины на молочну кашу.
Пасѣтеся, сивй волы, не бôйтеся вовка,
А я пôду до дѣвчины, болитъ мья головка!

169.

Не самъ же я ту прійшовъ, вода мья занесла,
Дѣвчина мья пôдмовила, дѣвчина принесла.

170.

Ой до гуты дороженька, до гуты, до гуты:
Повѣджь менѣ, дѣвчинько, де бы съ тобовъ бути?
Де бы съ тобовъ изôйтися наговоритися,
Личка твого румяного нацюловатися?

171.

Коли тужишь такъ за мною, якъ я за тобою,
Поберѣмся 'ся серце мое, та жіймо съ собою!
Ты, дѣвчино, умри въ вечêрь, а я умру зранку:
Нехай же насъ поховаютъ у єдную ямку!

172.

Коло млина конюшина, зацвела калина,
А де жь тая дѣвчинонька, що мене любила?

173.

Вôдси гора, вôдти друга, а тамъ долинонька,
Межи тыми гороньками моя дѣвчинонька;
Мушу горы прорубати, долины зрôвнати,
Шобы менѣ було видко до милои хаты.

174.

Куда мила походила, звôнкомъ позвонила,
Тамъ сходила и розцвела рожа и калина.

175.

Траву кошу, траву кошу, вода траву сушитъ:
Коли мила поцѣлуе, якъ гадина вкуситъ.

176.

То 'мъ я любку наоббôймавъ, то 'мъ нацюлувався,
Якъ соловêй у садочку ягôдъ назêбався.

177.

Ой чого ся погинаешь, лавочко тоненька?
Ой уповѣджь, що тя болитъ, любко солоденька?

178.

Сюда ми ся, товаришу, мило подивити,
Вôдки буде солодятко волыки гонити.

179.

Ой выйди жь ты, файна любко, хоть на заднй дворй,
Та покажи бѣле личко та жовтй кучерй!

180.

Кобы 'сь, мила чорнобрыва, якъ есь уродлива,
Не жаль бы тѣ исказати: «Солодюнько мила!»

181.

А хто знае вôдъ любости, та порадьте, люде,
Бо вже менѣ за миленьковъ загибелька буде!

182.

Ой тамка, де при лотоцѣ травиця въ потоцѣ,
Дала, любко, любысточки въ солодкôмъ молоцѣ;
Ой въ молоцѣ, не въ молоцѣ, то въ колачи зъѣсти:
Прійде ми ся, солоденько, за тобовъ розсѣсти!

183.

Чого ты ся погинаешь, дубова кладочко?
Ой уповѣджь, що думаешь, файна бѣлявочко?

184.

Не ма жь мого уже личка, лише половичка,
Сцюлювала, зъобôймала красна молодичка.

185.

По пôдъ тоти полонины ожины зродили:
А мы бы ся зъ файновъ любковъ не наговорили.

186.

Ой у поли плужокъ оре, мила волы гонитъ:
Коли мила загейкае, якъ въ дзвоны задзвонитъ.

187.

Ой не буду водовъ плысти, пôду де на лавку,
Якъ е'мъ любивъ, такъ и буду, тоту кучеравку.

188.

Ой перейду тоту рѣчку, та затну смерѣчку:
Таку маю бѣлявочку, якъ у травѣ чѣчку.

189.

Ой изôйшла съ полонинки бѣлая овечка:
Люблю тебе, файна любко, та й твои словечка.

191.

Ци я такій нещасливый, ци мôй коникъ сивый,
Що ся любка уродила съ чорными очима!

192.

Ой засвѣти мѣсяченьку, та й ты зоро ясна,
Та на тото подвôречко, де дѣвчина красна!

193.

Сивый голубъ, сивый голубъ, сивѣйша голубка:
Милый отець, мила мати, ще милѣйша любка;
Съ татомъ, зъ матковъ посварюся, грѣха наберуся,
А зъ любкою изôйдуся—не наговоруся.

194.

Коло млина яворина, яворъ похилився,
Якъ не возьму, котру люблю, не буду женився.

195.

Скрипливіи воротонька тяженько заперти:
Кого люблю, не забуду до самои смерти.
Скрипливіи воротонька не можь заперати:
Котру люблю, не забуду, хоть буду вмерати.

196.

Червоная калиночка въ воду ся мачае:
Чи ты, мила, така красна, чи менѣ ся здае?

197.

Оїі коли жь мня вѣрне любишь, люби жь мья едного:
Не поглядай оченьками на хлопця другого!

198.

Сеи ночи о пôвночи солома горѣла:
Якъ емъ любку поцѣловавъ, ажь ся розболѣла.

199.

Темна нôчка, петрôвочка, не можу заснути:
Смутна люба дѣвчинонька не могу забути.
Забувъ бы 'мъ тя, дѣвчинонько, забувъ бы 'мъ тя швидко,
Кобы съ твого подвôрочка на мое не видко.

200.

А зъ Джуркова до Тишковець колясочка иде:
Буде така дѣвчинонька, що за мене пôде.

201.

Не втѣпана, не дергана, не рѣзани поли,
Засватана до Кіева черезъ чорнѣ бровы.

202.

Любко жъ моя солоденька, лишь бы тя любити,
Яки маешь чорнѝ очи, выкапали бы тѣ!
Ой дѣвчино, дѣвчинонько, я въ тобѣ кохався,
А ты 'сь менѣ вôдповѣла, я не сподѣвався!

203.

Бодай тебе, дѣвчинонько, бодай твою неньку,
Та що тебе породила такую красненьку!

204.

Ой изъ горы на долину помаленьку зôйду:
«Звари, душко, пироженькôв, въ вечѣръ до тя прійду.
А зь вечера якъ не прійду, то прійду изъ ночи,
Надѣй ми ся, фаїна любко, около пôвночи!»

205.

Ты гадаешь, моя мила, що я тебе люблю,
А я тебе, моя мила, словами голюблю.

206.

Ой на горѣ огонь горить, на долинѣ жаръ, жаръ:
Якъ я пôду до Испаса, комусь буде жаль, жаль!
А на горѣ огонь горить, на долинѣ дымно:
Якъ я пôду до Испаса, комусь буде дивно.

207.

«Порадь менѣ, товаришу, що маю робити,
Чи дѣвчину покидати, чи ѐ ще любити?»—
«Ой не люби, товаришу, та й не забувайся,
Бо лѣнива до роботы, хоть людей спытайся!
Бо лѣива до роботы, не хоче робити,
Плете вѣнки що субо̂тки, щобы ей любити.
Ой най бы то що суботы, а то що недѣлѝ,
Щобы еи завидѣли хлопцѝ молодіи.
Ой най бы то що недѣлѝ, то що понедѣлка,
Щобы еи завидѣли, що хороша дѣвка.»

208.

Ой Господи милосердный, змилуйся надо мновъ.
Та паруєшь людськѝ дѣти, паруй любку зо мновъ!

209.

Якъ я собѣ пагадаю та за давнѝ лѣта,
Слозы мене такъ обмыюгъ, що не виджу свѣта.

210.

Стоитъ хибка надъ водою, хибае собою:
Яка любка дуже дурна, що плаче за мною.

211.

Бодай тебе, файна любко, нѣчогъ не болѣло,
А нѝ ноги, а нѝ ручки, нѝ бѣленьке тѣло!

212.

Ой до гуты дороженька, до гуты, до гуты:
Не можу тя, файна любко, забути, забути!

213.*

Ой ти моя, файна любко, нѣчимъ не журися:
Держи очи про недѣлю, въ будденъ не дивися!

214.

Ой на горѣ на Самборѣ выкопана ямка:
Ой то жъ ми ся сподобала Комйсаря мамка.

215.

Ой пошовъ я въ Волощину, лишь тамъ було бути,
Якъ нагадавъ на дѣвчину, мусѣвъ ся вернути.

216.

Ой вганявъ я, товаришу, три дни за возами,
Якъ нагадувъ за дѣвчину, то вмився слезами.

217.

Туманъ, туманъ по дорозѣ, ажъ ся розлягае:
До милои дѣвчиноньки серденько вмлѣвае.

218.

Гей, упала зоря зъ неба, нѣкому свѣтити:
Нема жь моей миленькоя—нѣ съ кимъ говорити.

219.

Куда ѣду, туда ѣду, дороженьку знаю,
А якъ иду до милои, то ся не пытаю.

220.

Моя мила громадила въ глыбокôй долинѣ,
А я кивнувъ бѣловъ ручковъ: «Ходи, мила, дъ менѣ!»

221.

Ой конику вороненькій, дамъ тобѣ оброку:
Перенеси Анниченьку зъ Волоського боку!

222.

Летитъ качуръ, летитъ качуръ, крыленьками плеще:
На добранôчь, серце, на нôчь, нарêченôй тещи!

223.

Ой не видко тои вербы, лишень похилечко:
Ой не видко миленькои, лишень подвôречко.

224.

Бѣда жь менѣ молодому, бѣда жь менѣ, бѣда,
Не кажутъ ми та любити дѣвчины въ сусѣда!
Якъ въ сусѣда не любити, коли сусѣдъ близкій,
Та въ сусѣда гарна дѣвка, та й перелазъ низкій.

225.

Було гараздъ у Бѣлѣвцяхъ, сухи сады цвели,
Доки мы ся изъ сусѣда дѣвчиновъ любили.
Коли моя дѣвчинонька пошла меже люде,
Теперь смутно улицями, якъ не ходятъ люде.

226.

Чи ты менѣ, дѣвчинонько, що була зробила,
Шо ты менѣ, дѣвчинонько, була надъ всѣхъ мила?

227.

Цветутъ въ лѣсѣ краснѣ зѣля, де мёдъ бере пчола,
Ой я той мёдъ въ губахъ чую, якъ дѣвча цѣлую.

228.

Ой бодай ты, дѣвчинонько, на вѣки пропала,
Менѣ 'сь дала принадочку, зъ другимъ ся звѣнчала!

229.

Ой у полѣ двѣ дорозѣ, трета поперечна:
Чи будешь ми, дѣвчинонько, на осѣнь беспечна?

230.

Сказавъ бы 'мъ ты, мамо, мамо, сказавъ бы 'мъ ти, нене,
Кобы 'сь дала свою дочку въ осени за мене.

231.

Ой дѣвчино, дѣвчинонько, не боишься Бога:
Заморила 'сь мого коня у твого порога;
Коня 'сь мого заморила, а мене 'сь завела,
Все врываешь серця мого твоими очима.

232.

Тото мене съ свѣта жене, тото мене губить,
Та що мою дѣвчиноньку ляда дурень любитъ.
Тото мене съ свѣта жене, тото мене рѣже,
Що до моей дѣвчиноньки ляда дурень лѣзе.

233.

Ой вôйду я до покою, та тупну ногою:
Взяло дѣвча житье мое и молодость мою!

234.

Не велика пташиночка, все гôлья вгинае:
А хто знае вôдъ любости, нехай менѣ дае;
А хто знае водъ любости, та порадьте, люде,
Бо вже менѣ за дѣвчиновъ загибелька буде!

235.

Не велика поляночка густыи копиці:
А втративъ я щастье, долю черезъ молодиці.

236.

Болитъ мене бѣле тѣло, головка побита,
Та за тоту молодицю, що красно завита.

237.

Ой вôрлята, соколята, скиньтесь по перочку,
Та вынесѣтъ изъ Подоля мою дѣвчиночку!

238.

Яка жь тото вода чиста, що на морѣ грае:
Яка жь тото дѣвка мила, що въ передъ гуляе.

239.

Стоитъ дѣвка коло танцю, голова бѣлѣе,
Якъ погляне на парôбка, ажь мало не млѣе.

240.

Ой шапка ми мармазинка, ой чорна ми гуня,
Ой чôбôтъ мôй залупчастый и жêнка Маруня!

241.

Ой дѣвчино, дѣвчинонько! Я въ тобѣ кохався,
А ты 'сь менѣ вôдповѣла, я не сподѣвався;
Вôдповѣла, вôдповѣла, заказала бути,
Я о тобѣ, моя мила, не могу забути.

242.

Або тоту хату спалю, або ю розвалю,
Най я свои чорнѝ очи на нѣй не зрываю!

243.

Ахъ пôду я до коршмоньки, стану на порозѣ:
Всѣ дѣвчата пютъ, гуляютъ, а мила въ дорозѣ.

244.

Ой кобъ не ты, дѣвчинонько, та не твои очи,
Не стоявъ бы мôй коничокъ до темнои ночи.
Ой кобъ не ты, дѣвчинонько, та не твоя мати,
Не стоявъ бы мôй коничокъ коло твоей хаты.

245.

Стоитъ яворь надъ водою, гôлёмъ похилився:
Якъ ся съ тобой не оженю, не буду женився.
Верни мои подарунки, верни мои гроши:
Твоя мати говорила, що я не хорошій.

246.

Ой засвѣти, мѣсяченьку, хоть годину въ нôчку,
Най перейду, най перейду до дѣвчины рѣчку!
Най перейду, наї перейду, ноги не заброджу,
Нехай люде та не знають, що до неи ходжу.

247.

Сивый коню, сивый коню, сива твоя грива,
Скажи менѣ, сивый коню, де дѣвчина мила?

248.

Ой не ходи коло воды бѣлыми ногами,
Не урывай серця мого чорными бровами!
Ой не ходи коло воды, нехай тя забуду,
Нехай тебе иншій любитъ, я тебе не буду!

249.

Ой вже менѣ не ходити въ лѣски по орѣшки,
Ой вже менѣ не любити дѣвчины потѣшки.

250.

Пôдмовивъ бы 'мъ, каже, камêнь, та й камêнь зь водою,
Лишь не можу пôдмовити дѣвчины съ собою;
Пôдмовивъ бы 'мъ, каже, воду, та й воду зъ водицѣ,
Лишь не можу пôдмовити чужой молодицѣ.

251.

По тôмъ боцѣ Днѣстра воды гильтай сѣно коситъ,
По сîмъ боцѣ Днѣстра воды дѣвчина голоситъ:
«Бодай сѣно вогнемъ сѣло, коса зломилася,
Щобы моя дѣвчиночка та не журилася!»

252.

У котрои дѣвчиноньки брови надъ очима,
Тота жь мене дѣвчинонька та й розволочила;
Тота жь мене дѣвчинонька та й розволочила,
Та й чого я въ свѣтѣ не знавъ, того научила.

253.

Ой не кури, вуйку, люльку въ моей хатечинѣ,
Не выкури чорни̂ очи молодôй дѣвчинѣ!

254.

А я любью, що не робью, лишь напиваюся,
Не мила ми роботонька, лишь позыраюся.

255.

А я любью, що не робью, мои руки гладки̂,
А все тото за панъ отця, та й за пани̂ матки;
А все тото за панъ отця, та й за пани̂ матки,
Повилися по головѣ та й кучери гладки̂.
А якъ прійшли кучерики на милои ручки,
Повилися по головѣ, якъ бобови̂ стручки.

256.

Ей що 'мъ гадавъ учинити, тото я учиню:
Продамъ коня вороного, выкупью дѣвчину;
Продамъ коня вороного, продамъ и другого,
А выкупью свое дѣвча съ пôдъ пана чужого;
Бо я свого пана маю, на пана дуфаю,
А якъ иду улицями, плотами хитаю.

257.

Пане брате товаришу, мы товаришуймо,
А возьмѣмъ си по дѣвчинѣ, та господаруймо!

258.

Ой я возьму та дѣвчину за бѣлу ручину,
Переведу тихій Дунай, та й быстру рѣчину;
Переведу, переведу, та й ся не замочу,
Шобы люде не сказали, що я ся волочу.

259.

Чому хлопцѣ не спѣваютъ? Гаразду не маютъ,
Якъ въ грудехъ ихъ задусило, та й не вôддихаютъ.
Ой дати имъ попоѣсти сирои капусты,
Ой чей же имъ та й у грудехъ хоть трохи попуститъ.

260.

Ой на горѣ кремеництѣ, на долинѣ крейда:
Ой вже жь мене оббрехала Парасуня фрейда.

261.

Ой носивъ я до дѣвчины три разы орѣшки,
А стративъ я кониченька, теперь ходжу пѣшки.

262.

Ой на горѣ волы въ ярмѣ, а вôвцѣ пасутся:
Ой якъ дѣвку дѣдьки гонятъ, ажь люде смѣются.

263.

Ой любивъ я дѣвокъ сорокъ, а молодиць триста,
Ой у Бога надѣёчка, що ще душа чиста.

264.

А учера изъ вечера, якъ мѣсяць мѣнився,
Ишовъ крывій на залёты, слѣпій придивився.

265.

Заграйте ми, музыченьки, ней си потанцюю,
Якъ ми когуть яйце знесе, то вамъ подарую.

266.

Не умѣю нѣ косити, а нѣ копы класти,
Лише зъ гаю зазираю, де бы дѣвку вкрасти.

267.

Ишовъ же я до дѣвчины темненькои ночи,
Седитъ гуска на купинѣ, вытрêщила очи;
А я кажу: «Гиля, гиля!» а вона й присѣла,
Кобы була не палиця, була бъ мене зъѣла.

268.

Ой ковала зазуленька на високôмъ горбѣ:
Та прıѣхавъ мôй миленькій, нема нѣчогъ въ торбѣ.

269.

Я калинку не рубаю, пôдъ калинковъ стою:
Ой за мене люде брешуть, я ихъ ся не бою;
Та най они собѣ брешутъ, най на безголовье!
Піймо, душко, горѣлочку: «Дай, Боже, здоровье!»

270.

Ой пôду я слободою, стану надъ водою:
Дурный, любку, безъ розуму, що плачешь за мною!

271.

Ой Парася придалася, та й заморгалася,
Ой перейшла чтыре рѣчки, та не вмывалася.

272.

Ой хлопчики, молодчики, теперь погуляйте:
Прійде карта вôдъ Цêсаря, на вôйну рушайте!

273.

Гоя моя, гоя моя, та ще нынѣ гоя!
А завтра вже повандрую, головонько жь моя!

274.

Ой волю я, пане брате, Цêсарю служити,
Нêжь я маю вражимъ Ляхамъ панщину робити!

275.

Ой Цêсару, Цêсареньку, Цêсару Францȋшку,
Пусти мене до домоньку, дѣвкамъ на потѣшку!

276.

Ой то я ся закосичу зеленовъ посталью,
Волѣю йти у жовнѣри, нêже на пристаю.

277.

Прійшла карта Цêсарева святои недѣлȋ,
Шобы брати въ выбранчики хлопцȋ молодіи.

278.

Ой выйду я на улицю, та тамъ уберу̀ся:
Я бы 'мъ не бувъ у некрутахъ, кобы не Маруся.

279.

Пане брате, товаришу, неволя, неволя:
Въ Коломыи постригають, до Черновець гоня'.

280.

Велѣла 'сь мья, моя мати, въ болото веречи,
Нёжь мья мали Печинѣжскй гайдуки стеречи.

281.

Славне мѣсто Коломыя, ще славнѣйшй Куты:
Ой ще бы я не женився, кобы не рекруты.

282.

Прійшла карта съ Коломыи, зъ самого Крайзему,
Котрй були хлопцй гарнй, пôшли до рейменту.

283.

Заковала зозуленька на жовтôмъ пѣсочку:
А хто жь мому миленькому выпере сорочку?

284.

А всѣ куры на сѣдалѣ, когутъ на порозѣ:
Всѣ жовнѣри на кватырѣ, мôй милый въ дорозѣ.

285.

«Ой Цêсару, Цêсароньку, на що насъ вербуешь?
Забравъ Турокъ магазины, чимъ насъ выгодуешь?» —
«Ой буду васъ годовати вôвсяновъ полововъ,
Ой буду васъ высылати Цêсарсковъ дороговъ.» —
«Якъ мы будемъ, Цêсароньку, половоньку ѣсти,
То мы будемъ дороженьковъ по воленьки лѣзти.»

286.

Ой Цêсарю, Цêсароньку, якій же ты глупый:
Убравъ есь мя у камашû, не закрывъ есь дупы!

287.

«Кобъ ты була, моя мила, гарбузôвъ не крала,
Була бы 'сь ся той осени вже замужь вôддала.» —
«Охъ моя жь ты, матусенько, чи я жь тому винна?
Я гарбузы накрывала, а фостики видно.»

288.

Любко моя солоденька, якъ же 'сь ся убрала?
Кобы 'сь ся мья вôдчепила, прости Бôгъ бы 'сь мала.

289.

Казали ми молодицû: «Не женися, любку:
Ушіемъ ти сороченьку съ тоненького рубку;» —
А я собѣ молоденькій сêмь лѣтъ не женився,
Якъ узяли вышивати, ажь до руба взявся.

290.

Сами дѣвки крупы мелють, сами й опалають,
Сами дѣвки на парбки очима зглядають.

291.

Ой якъ взяла говорити, словами мастити,
Ой мусѣвъ є'мъ за копѣйку горѣвки купити.

292.

Седитъ сова на воротахъ, вытрêщила очи:
«Верни, любко, капустêйникъ, шо 'сь украла съ ночи!» —
Гадавъ е'мъ ся оженити сихъ мясниць допевне,
У сêмъ селѣ дѣвки гордй, не пôдутъ за мене;
У сêмъ селѣ дѣвки гордй, а у другôмъ голй,
А у мѣстѣ май одѣтнй, але бо голоднй.

293.

Ой не знала Овдокія, якъ качата звати:
Ой «Тась, тась тась!» бувъ Ивась коло моей хаты!
Ой не знала Овдокія, якъ индики звати:
Ой «Пуль, пуль, пуль!» бувъ Костунь коло меи хаты.
Ой не знала Овдокія, якъ гусята звати:
Ой «Гусь, гусь, гусь!» бувъ Петрусь коло мея хаты.

294.

Танцёвали паробочки, ажь корчма гудѣла,
Богачева дѣвчиноньиа пôдъ корчмовъ седѣла.
«Не стôй, дѣвко, пôдъ корчмою, та иди до дому,
Нехай мати воши выбье, та прійдешь по тому!»

295.

Оженися, не журися, пôде ти рукою:
Жêнка пôде за кисликомъ, а ты за мукою!

296.

Ой нема, дѣ, въ горахъ добра, та й, вѣдай, не буде,
Доки ся въ насъ по Нѣмцеви заваджати буде.

297.

Кобы ми ся тотъ букъ розвивъ, та й березы бѣлй,
Ой пôшовъ бы 'мъ въ гайдамахи хоть на три недѣлй.
Кобы ми ся бучокъ розвивъ, я топорець въ руки,
Черезъ гору высокую най не брешуть суки!

298.

Не обôймай, побратиме, котру й обôймаю,
Бо я тобѣ топорикомъ руки обрубаю.

299.

Ѣдуть брыки изъ Улыки, все кованй конй:
Ходѣмъ, братя, въ гайдамахи, чуемъ за червонй!

300.

Пôшовъ любко у опришки на штыре недѣли,
Чей принесе своêй жêнцѣ сорокôвцѣ̂ бѣли.

301.

Въ мене бучокъ деревяный, а на кôнцѣ бляшка,
Якъ замахну, то не лишу нѣ̂ Жида, нѣ̂ Ляшка.

302.

Ой затну я барду въ дуба, та й похолытаю,
А за свои давнѣ̂ лѣта, та й не забуваю.
Лѣта мои молодіи, де вы ся подѣли?
Завыли ся въ кленовый листъ, та въ лѣсь полетѣли!

303.

А нынѣ я тутка, тутка, а завтра я пôду,
Ой хто буде припадати коло мого слѣду?
Буде мати припадати, буде жаловати,
Дрôбненькими слёзоньками слѣды заливати.
Ой нынѣ я тутка, тутка, а завтра я инде,
Вôдти мене вызирайте, вôдки сонце зôйде!

304.

До Цêсарôвъ ба й не пôду, служити не буду,
Дѣвча ми ся сподобало, женитися буду.
А якъ мине двѣ недѣли, каятися буду,
Ай ще бо я не каявся, хиба колись буду;
А ще бо я не каявся, хиба покаюся,
Въ Пилипôвку на сопѣвку а нѣ̂ подивьюся.

305.

Ба усѣ ся поженили, лишень я ся зôставъ,
А щобы я на Цêсарскимъ коничeньку свиставъ.

306.

Ой не видко Коломыи, лишень видко сѣни,
Тотамъ мого миленького кучерѣ посѣли.

307.

Ой не видко Коломыи, лишень видко хрести,
Туда будемъ, пане брате, карабѣны нести.

308.

Повернувъ е'мъ до дѣвчины, казала ми сѣсти,
Дала менѣ нелуплену Мандебурку ѣсти;
А я тоту Мандебурку нѣ сякъ оберaю,
На полицѣ вареницѣ, но ся поглядаю.

309.

Горѣлочко оковита, лише бы тя пити:
Ой якъ гôрко заробиты, тебе заплатити!
Горѣлочко оковита, по чотыре дудцѣ:
Не буду я самъ еи пити, но понесу любцѣ.

310.

Ой ишовъ я съ Коломыи, та й упавъ въ помыи:
Не дали ми загинути дѣвки чорнобрôвѣ.

311.

Любко моя солоденька, я за тобовъ гину,
А якъ за товъ замѣтелковъ, шо нимъ мѣшу глину.

312.

Ой пôшли 'смо до коршмоньки, хтѣли танцêвати:
Напавъ дѣдько на музыку, не хотѣвъ намъ грати.

313.

А я паву затыкаю, а пава ся ґубитъ:
Бери дѣдько мого любка, коли другѣ любитъ!

314.

На що менѣ коло хаты собаки тримати,
Є у мене сусѣдоньки, що вмѣютъ брехати?
Нехай брешутъ, нехай брешутъ, та якъ розумѣютъ,
Прійде тая годинонька, вони понѣмѣютъ!

315.

По тôмъ боцѣ на толоцѣ сиву клячу бачу:
Ой не смѣяйся, та не кпися изъ мене, богачу!
Не зъ мене ся посмѣяти, не зъ мене ся кпити,
Лѣпше взяти палку въ руки, та ити пси бити.

316.

Ой пôду я въ лѣсокъ трѣсокъ, а тамъ дубы тешутъ:
Поверну я до сусѣды, тамъ на мене брешутъ.
Брешѣтъ же вы, сусѣдоньки, та якъ песъ на вовка,
Ой чей же васъ та й заболитъ серденько, головка!
Брешѣтъ же вы, сусѣдоньки, чей ся набрешете,
Вынесу вамъ цеберъ помый, чей ся нахлепчете!

317.

Всюда бѣда, всюда бѣда, въ нашêмъ селѣ гараздъ,
А якъ выйдешь на панщину, покладаютъ заразъ;
И Грицкови и Федькови кажутъ потримати,
Панъ пôдстарôсть бере смычокъ, зачинае грати.

318.

Та що тоти поробили, що ся поженили:
Оденъ продавъ сорочину, хлѣба накупили;
Оденъ продавъ сорочину, я продамъ бекешу,
Та купѣмо жêнкамъ муки на одну кулешу.

319.

Ой чого ты поскрипуешь, яловая хато?
Нема добра въ нашêмъ селѣ, бо панôвъ багато.

320.

Ой Бодай ти, ватамане, та й хата згорѣла,
А якъ менѣ молодому панщина доѣла!
Панщина ми та й доѣла, побыли мья злыднѣ,
Урбарія великая, та й панщины три днѣ!

321.

Ватамана нема дома, ватаманка дома,
Ой стала ся въ ватамана въ городѣ содома.

322.

Выправляла мати сына въ день на косовицю,
Зачесала кучароньки по надъ потылицю.

323.

Напіймося, кумцю, любцю, довше не будемо,
Сонце низько, вечерь близько, вже ся розôйдемо.
Напіймося, кумцю, любцю, напіймо, напіймо,
Хто намъ буде на зрадонцѣ, того ся набіймо!

324.

«Ой мôй милый, чорнобрôвый за потокомъ кôситъ,
Вѣтеръ вѣе, шалевѣе, кучерами носитъ.» —
«Ой ты, душко, громадила, менѣ було видко,
А я кинувъ кресанину: «Ходи, душко, швидко!»

325.

Иде Козакъ зъ Украины, въ пôдкôвочки дзень, дзень!
За нимъ, за нимъ дѣвчинонька, якъ бѣленькій день, день!
Иде Козакъ зъ Украины, въ пôдкôвочки креше,
За нимъ, за нимъ дѣвчинонька жовтй косы чеше.

326

«Повѣй, повѣй, буйный вѣтре, по высокôй горѣ,
Та росчеши кучерики по моей головѣ!» —
«Хоть я буду та по горѣ высокôй вѣяти,
Таки треба кучерики гребенемъ чесати.»

327.

«Ой де идешь, пане брате? Чи на косовицю?
А на кого зоставляешь свою молодицю?»—
«Ой на тебе зоставляю, мôй брате Степане,
Доглядай ми молодицѣ, съ кимъ она зôстане;
Доглядай ми молодицѣ, доглядай ми жѣнки,
Якъ прїѣду съ косовицѣ, куплю ти горѣлки.»

328.

Бѣдна жь моя головонька, що я наробила!
Полюбила 'мъ вôвчаронька за кавалокъ сыра;—
Покушаю я тотъ сырець – сырець солоденькій:
Подивлюся на вôвчаря—вôвчарь молоденькій.

329.

Пôшли вôвцѣ въ полонинку, а все бѣленькіи,
А за ними вôвчароньки все молоденькіи;
Пôшли вôвцѣ въ полонинку, а ягнятка блѣютъ,
Та що нашѣ вôвчарики въ полонинцѣ дѣютъ?

330.

Ой на горѣ на высокôй сивый заяченько:
Ой нѣхто такъ не заграе, якъ Нагимюченько;
Якъ заграе, заспѣвае, далеко го чути,
Аже въ тую Нѣмеччину, та де бы намъ бути.

331.

Гей, займу я волы пасти та й на левадочки,
А самъ пôду до дѣвчины та на порадочки;
«Порадь же ми, дѣвчинонько, якъ рôдная мати,
Чи маю ся оженити, чи тебе чекати?»—
«Пораджу тѣ, мôй нелюбе, якъ рôдная мати,
Ой волишься оженити, якъ мене чекати.»

332.

Ой долино, долипочко, та въ тобѣ явôрци̂:
Жени, мила, волы пасти, я пожену вòвци̂.

333.

Ой ходѣмо въ полонину, та въ полониночку,
Цы не зваливъ буйный вѣтеръ нашу колибочку?

334.

На маленькôмъ салашику ватагъ ватагуе,
Та наробивъ писарчикôвъ, менѣ подаруе.

335.

На маленькôмъ салашику ватагъ молоденькій,
Та полюбивъ дѣвчиночку, та давъ будзъ бѣленькій.

336.

Та на веснѣ днинка красна, пташеньки спѣваютъ,
Въ полонинцѣ еще краще вôвчарики граютъ.

337.

«Ой овечки, берулечки, великй бутею,
Хто жь васъ буде завертати, якъ я ся оженю?»—
«Ой буде насъ завертати бай хлопецъ молодець,
Въ правôй ручцѣ сопѣлочка, а въ лѣвôй топорець.

338.

Ой ходѣмо, пане брате, за горы, за горы,
Та винесемъ своимъ жêнкамъ шовку на чемборы!

339.

Ой пôду я въ полонину, та й тамъ и загину,
Кажу собѣ посадити въ головкахъ калину:
Будутъ пташки прилетати, калиноньку ѣсти,
Будутъ менѣ приносити вôдъ милои вѣсти.

340.

Шобы тобѣ, мôй сыночку, кучери лелѣли,
Шобы тобѣ, мôй сыночку, люде завидѣли!

341.

Добре вôвци̂ въ зимѣ пасти, не треба доити,
Не буде го вôдъ жентици̂ черево болѣти.

342.

Чіи волы на дубровѣ, мои на свѣточку:
А хто любитъ на сторонѣ, а я сусѣдочку;
На стороны бы ходити, коника трудити,
А съ сусѣдовъ постояти, тай поговорити.

343.

Хиба тогди, дѣвчинонько, мои мысли згасишь,
Коли твою бѣлу ручку та зъ моею звяжешь;
Хиба тогди, дѣвчинонько, я тебе забуду,
Якъ на вѣки изъ симъ свѣтомъ прощатися буду.

344.

«Ой не рубай лѣщиноньки, най горѣшки родитъ:
Ой не сватай вдовы дочку, най дѣвкою ходитъ!» —
«Шкода жь тои лѣщиноньки горѣхи родити,
Шкода дочки вдовинои дѣвкою ходити.»

345.

Шумитъ менѣ, якъ у млинѣ, въ моей головонцѣ,
Не могу я привыкнути въ чужôй сторононцѣ.

346.

Ой бѣдома, сама 'мъ дома, прійди, любку, нынѣ,
Сама буду простерати ленокъ на долинѣ.

347.

Видитъ бы 'мъ ся не здрêмала, хоть бы й день бѣленькій,
Кобы сидѣвъ коло мене хлопець молоденькій.

348.

Ой у садѣ вишня, чому не черешня?
Коли мене любку любишь, чому не берешь мня?

349.

Ой мѣсяцю, перерадься на двѣ половини̂:
Едновъ свѣти миленькому, а другою менѣ!

350.

Кобъ я була така красна, якъ та зоря ясна,
Стѣтила бы 'мъ знаю кому, нѣколи не згасла.

351.

Нема мого миленького, нема моей квѣтки,
Пôшла бы 'мъ го выглядати, та не знаю звôдки.

352.

Ой якъ тяжко конопелцѣ, якъ въ болотѣ гніе,
Еще тяжше дѣвчинонцѣ, якъ безъ мужа жіе.

353.

Журилася мати мною, якъ рыба водою,
А теперка мья вôддала въ тяжкую недолю.

354.

Якъ поѣдешь съ кôньми на нôчь, свисни на листочокъ,
А я буду спôзнавати, чи твôй голосочокъ!

355.

Пусти коні на отаву у желѣзнôмъ путѣ,
Прошу тебе, мôй миленькій, не толочь ми руты!
А на рутѣ жовте цвѣтье, рута зеленая,
Прошу тебе, не зрадь мене, бо я молодая!

356.

Пусти коні на отаву, самъ иди до хаты,
А тамъ будемъ розмовьяти, шобъ не чула мати!

357.

Точилися возы зъ горы, поломали свôрні:
Покимъ була молоденька, не було ми рôвні.

358.

Бодай тебе, мôй миленькій, спаливъ снѣгъ бѣленькій:
Сêмь разъ е'мъ тя чаровала, а ты здоровенькій!
Сêмь разъ е'мъ тя чаровала у новôй коморѣ,
Не поможуть тѣ, миленькій, Цêсарські дохтори.

359.

Ой щобы ты, мôй миленькій, такій веселенькій,
Якъ у лѣтѣ въ Чорногорѣ вѣтрець холодненькій!

360.

Въ мене очка чорненькіи, якъ терень на галузѣ,
Личко таке румяненьке, якъ калина въ лузѣ.

361.

Любила 'мъ тя, ледѣнику, якъ зъ орѣха зерня,
Теперь буду обходити, якъ колюче терня.

362.

Є, дѣ, въ мене, въ городочку, червона ружочка:
За любочкомъ моимъ милымъ болить головочка.

363.

Тече вода зъ загорода, тече вода, рѣчка:
Ой мôй милый, чорнобрôвый, якъ у травѣ чѣчка.

364.

Цы ты, милый, такій ладный, цы менѣ здаеся,
Шо, мôй милый, черезъ тебе спанье не береся?

365.

Ой тожь-то 'мъ ся находила горѣ тимъ потокомъ,
Ой тожь-то 'мъ ся налюбила милого пôдъ бокомъ!

366.

Коли хочешь, любку любый, щобы 'мъ тя любила:
Поставъ лавку черезъ рѣчку, щобы 'мъ не бродила!

367.

Ой изôйшовъ мѣсяченько, та й обгородився:
Въ нещасливу годиноньку мôй любко вродився.

368.

Гадай, любку, загодочку та на давнû слова,
Яка була межи нами любая розмова;
Яке було запôзнанье, яке закоханье,
Таке буде межи нами любое мешканье.

369.

Вѣтеръ вѣе, шелевѣе, вѣтеръ повѣвае,
Тото жь менѣ за миленькимъ серденько вмлѣвае.

370.

Ци я ся не находила тыми плаёчками,
Ци 'мъ си бѣдку не глаѣла та спѣваночками.

371.

Ой не рубай, та не теши, зеленого дуба,
Ой не цюлуй, не обôймай, коли 'мъ ти не люба!

372.

Ой яворе, яворочку, ростешь у поточку:
Вôдки тя ся надѣяти, файный, парубочку?

373.

Ой пташечки прелетѣли, воробчики сѣли,
Ишовъ милый, не повертавъ черезъ мои сѣни.

374.

Ой рѣченька тече, тече, плаваечко мече:
Стоитъ любко за плечима, словечко не рече.

375.

Ой не лѣтай, воробею, по пôдъ чорну стелю,
Не пороши миленькому бѣленьку постелю!

376.

Ой выйди ты, файный любку, зъ вышневого садку,
Ой дамъ же ти, файный любку, червоненьке ябко!

377.

Ци ты, мати, свого сынка у меду купала,
Та щобъ я ся твого сынка не нацюловала?

378.

«Ой сивенька зазуленько, высоко лѣтаешь,
Та вповѣжь ми, зазуленько, де любка видаешь?» —
«Ой выдаю, тажь видаю, седитъ надъ водою,
Протерае оченята хусточковъ рябою.»

379.

Ой у лѣсѣ три тополѣ̂, всѣ три зелененькѣ̂:
Любивъ мене, не взявъ мене, ледѣнь молоденькій.

380.

Ой зазулько, ой сивулько, позычько ми нôжокъ,
Най я скочу до милого, поки не впавъ снѣжокъ!

381.

«Зазулечко, сивулечко, высоко лѣтаешь,
Искажи жь ми вѣрну правду, де зъ любкомъ буваешь?» —
«Ой буваю та видаю на широкôмъ полѣ,
Выгравае въ сопѣлочку зъ голубыми волы.»

382.

Щобы тебе дверцѣ̂ вбили, а мене ворота,
Щобы я ся не лишила пôсля тя, сирота!

383.

Я у броду брала воду, не видѣла 'мъ денця:
Невидала 'мъ миленького, не втѣшила серця.

384.

Якъ я свого миленького не виджу, не виджу,
То я свою челядоньку въ дому зненавиджу.
Якъ я свого миленького на годину уздрю,
То я свою челядоньку та усюю люблю.

385.

Ой Василю, ты Василю, та не седи въ билю,
Ой не плети дѣ вѣночки, не дури дѣвочки!

386.

Поповичу, всеповичу, житній колосоньку,
Спôзнаю тя, поповичу, хоть по голосоньку!

387.

Коли мене, любку, любишь, не кажи жь нѣкому,
Нехай люде не розносять, якъ вѣтеръ солому!

388.

Та коли жъ мья вѣрне любишь, люби жь мья самую,
Не поглядай оченьками на суку другую!

389.

Сюда, туда, улыцями, моя хата крайна,
Мене, мамко, хлопцѣ любятъ, бо 'мъ, не въ року, файна.

390.

Перескочь си въ загороду, урви собѣ бобу:
Коли хочешь мене взяти, проси мого роду!
Перескочь си до городця, урви собѣ тои:
Коли хочешь мене взяти, проси мья самои!

391.

Сюда, туда, улицями, моя хата сема,
Мене, ненько, хлопцѣ люблягъ, бо я собѣ чемна.

392.

Сѣдай же но коло мене, низенькій, маленькій:
Твое личко бѣленькое, якъ мёдъ солоденькій.

393.

Черезъ гору высокую шовковая нитка:
Чому жь, любку, не приходишь? Яка нôчка видка!

394.

Черезъ гору высокую шовковый шнурочокъ:
Чому, любку, не приходишь? Якій ти смуточокъ?

395.

Ой мѣсяцю, мѣсяченьку, засвѣти по полю,
Ней выберу пшениченьку съ куколю, съ куколю!

396.

Ненько жь моя солоденька, любьять мене хлопцѣ,
Дають менѣ по таляру, жита по коробцѣ;
Ой я жита та й не беру, бо я жито маю,
Они мене зачѣпають, а я жарты знаю.

397.

Чи я тобѣ не казала, чи не говорила:
«Прійди, прійди, мôй миленькій, я рыбу варила!»

398.

Подивися разъ на мене, два разы на себе,
Чи не буде шкода мене, якъ пôду за тебе?
Подивися разъ на мене, два разы у воду,
Чи не буде мене шкода и моего роду?

399.

Посѣю я трошки маку, уродится бôлше:
Любитъ мене файный любко, а я го ще лѣпше.

400.

Самъ до мене приходжавъ есь, менѣ присягавъ есь:
За що, мене покидаешь, другôй руку даешь?

401.

Коли мене покидаешь; покинь воду пити,
Ой щобы ты не дочекавъ другую любити!
Коли мене покидаешь, покинь хлѣба ѣсти,
Ой щобы ты не дочекавъ коло другой сѣсти!

402.

Не буду я сама спати, кусаютъ мья блохи:
Ой ходѣмо до корчмоньки, погуляймо трохи!

403.

Ой убита дороженька до луга, до луга:
Уже мого миленького вôдобрала друга.

404.

Ой чи жь бо я не дѣвчина, чи я не вродлива?
Тôлько менѣ доганоньки, що 'мъ не чорнобрôва!
Ой чи жь бо я не дѣвчина, чя не вродa паньска?
Тôлько менѣ доганоньки, що врода Цыганська!

405.

Ой коли я була мала, не знала нѣчого,
Я казала, що не буду любити нѣкого;
А коли я вже велика, на станочку стала,
Теперь же я та до серця кождому припала.

406.

Пôдъ тѣмь мостомъ рыба съ хвостомъ, якъ бы еи ймити,
Щобы свому миленькому вечеру зварити?

407.

А коли тѣ такій, милый, колы такôй душка,
То повѣсь си го на шею та замѣсть ягнушка!

408.

Подивлюся у вôконце, чи высоко сонце:
Нема жь мого миленького, треба жь ми го конче.

409.

Ей Андрêю, Андрêечку, не кажи нѣкому,
Дамъ я тобѣ перстенину якъ прійду ло дому:
Дамъ я тобѣ перстенину съ трома камêнцями,
Лишь не кажи коло коршмы межи легѣнями!

410.

На зеленôмъ зарѣночку пасе милый конй,
Я бы 'мъ его не спôзнала, по вôнъ у галонѣ;
Злотый галонъ Коломыйській, капелюхъ Загôрській,
А мôй милый чорнобрôвый, якъ панъ Перерѣвській.

IV

МАТЕРІЯЛЫ ИНОСТРАННЫЕ

СРЕДНЕВѢКОВЫЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ЗАМѢЧАНІЕ.

Слѣдствія великаго переселенія народовъ, которымъ начинаются Средніе вѣка, составляютъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ, но вмѣстѣ и печальныхъ, отдѣловъ Всеобщей исторіи. Будьто огромная рѣка, затопляющая хорошо обработанный берегъ и въ нѣсколько часовъ смывающая труды многихъ лѣтъ, дикія орды, прежде едва извѣстныя по имени, проносятся по Римской всесвѣтной Имперіи: онѣ разрушаютъ въ короткое время все, что создалъ, и сберегалъ духъ человѣка въ продолженіе многихъ тысячелѣтій. Толчокъ къ общему движенію дали Гунны, народъ отвратительной наружности, жившій на сѣверныхъ границахъ Китая: тѣснимые превосходнымъ въ силахъ непріятелемъ и увлекши за собою другія родственныя племена, они образовали страшную массу, пошли къ западу и столкнулись съ Готами, которые господствовали на восточной границѣ Германіи отъ Балтійскаго до Чернаго моря. Какъ ни храбрый отпоръ дали Готы, однако жь не могли отразить Гунновъ, и въ 376 году бѣжали за Дунай въ Римскую область, гдѣ получили позволеніе поселиться, въ чемъ и не легко было отказать имъ. Будучи и сами безпокойнымъ народомъ и часто раздражаемые вѣроломными поступками Римлянъ, они скоро возстали на нихъ открытою войною и разнесли безконечное бѣдствіе по всей Имперіи. Аларикъ, одинъ изъ храбрыхъ вождей, прошелъ, дѣлая грабежи, Грецію и Италію и завоевалъ Римъ (410). Когда онъ въ первый разъ ворвался въ Италію, всѣ войска, стоявшія въ качествѣ гарнизоновъ въ областяхъ, должны были спѣшить на помощь и

не возвращались уже на свои постоянныя квартиры. Въ послѣдній день 405 года перешли Рейнъ Аланы, Вандалы, Свевы и Бургунды и наводнили беззащитныя Римскія области; Бургунды поселились въ Галліи, но Аланы, Вандалы и Свевы проникли съ своими разореніями до Пиринеевъ, перешли этѣ горы и овладѣли Испаніей. Съ этого полуострова скоро появились (414 г.) и Вест-Готы, которые все усиливались и тѣснили Германскія племена, поселившіяся тамъ сначала. Оттуда же Вандалы бросили жадный взглядъ на богатые Африканскіе берега, нашли вскорѣ случай перебраться черезъ проливъ (429 г.) и наводнили эту прекрасную страну отъ Тангера до Триполи. Въ Британію высадились Саксы и покорили (449) тамошнихъ жителей только послѣ храбраго сопротивленія, съ помощію другихъ, послѣдовавшихъ за ними Нѣмецкихъ племенъ. При такомъ разстроенномъ положеніи дѣлъ Царь Гунновъ, Аттила, по прозванію бичъ Божій, бросился съ войскомъ изъ 700,000 варваровъ по Германіи, черезъ Рейнъ, въ Галлію, уничтожая все, что могъ настичь въ своемъ походѣ. Римляне поднялись въ послѣдній разъ и, въ соединеніи съ Германскими племенами, уничтожили силу Гунновъ на поляхъ Шалона (451 г.). Однако жь, нельзя ужь было ожидать спасенія для разлагавшейся западной половины Имперіи, раздѣленной между сыновьями Өеодосіемъ Великимъ: спустя послѣ того недолго (471) она досталась Аларику, вождю вспомогательныхъ войскъ, составлявшихъ пеструю смѣсь изъ всякихъ варваровъ. Италія явилась теперь заманчивою добычею для Ост-Готовъ, жившихъ на нижнемъ Дунаѣ. Весь народъ поднялся въ походъ подъ начальствомъ Өеодорика, столько же благоразумнаго, какъ и храбраго своего Короля, положилъ конецъ господству Одоакра и основалъ Ост-Готское царство (493). И оно вскорѣ пало: войска Восточно-Римскаго Императора Юстиніяна завоевали опять эту, облитую кровью, страну (553), однако жь не могли удержать ее за собою на долго. Лонгобарды, Германское племя, появившееся на Эльбѣ еще при Августѣ, ринулись съ Альповъ (568 года)

и покорили верхнюю Италію, которая и по сіе время называется по ихъ имени Ломбардіею. Межъ тѣмъ какъ Ост-Готы добывали мечомъ владычество Италіей, Франки, самое отважное Германское племя, распространились изъ Белгіи, гдѣ основали свои первыя поселенія, по всему Нижнему Рейну; при Королѣ Клодвигѣ (481 — 511), основателѣ Французской монархіи, вмѣстѣ съ которымъ приняли Христіянскую вѣру и Франки, они мало по малу образовали державу, которая вскорѣ давала повелѣнія прочимъ племенамъ въ Галліи и Германіи и располагала будущностью Европы. . . . . . .

Едва ли нужно замѣчать, что, при такомъ положеніи дѣлъ, науки не могли дѣлать успѣховъ ни въ Италіи, ни въ западныхъ Римскихъ областяхъ; однако жь Этнографія и Георгафія не совсѣмъ оставались безъ движенія. Мы не будемъ говорить о распространеніи ихъ предѣловъ, благодаря даже переселенію народовъ, но только скажемъ о попыткахъ, безъ сомнѣнія, слабыхъ, постепенно умирающей Римской учености. Въ исходѣ IV-го столѣтія Фестъ Авіенъ не совсѣмъ плохими стихами написалъ обозрѣніе Географіи и картину береговъ Средиземнаго моря: особливо послѣдняя навсегда удержитъ за собою нѣкоторое достоинство, по тому что въ ней находится путешествіе Гимилькоса къ западному Европейскому берегу, изложенное по не существующимъ уже Финикійскимъ источникамъ, только, къ сожалѣнію, очень сбивчиво и почти непонятно. Мы не станемъ описывать подробнѣе нѣсколькихъ другихъ сухихъ компиляцій названій народовъ и городовъ, также и много дорожниковъ, показывающихъ направленіе Римскихъ дорогъ и разстояніе одного мѣста отъ другихъ, безъ всякихъ дальнѣйшихъ примѣчаній; упомянемъ только о большой картѣ древняго міра, сохранившейся для насъ по счастію. Она находится теперь въ Императорской Библіотекѣ въ Вѣнѣ и, по имени ея прежняго владѣльца, Конрада Певтингера, Аугсбургскаго патриція, называется «Певтингерова таблица.» О времени ея происхожденія несогласны; однако жь, мнѣніе, что

она составлена въ царствованіе Императора Александра Севера, около 230 года, имѣетъ вѣсъ, какъ самое вѣроятное. Не было бы трудно опредѣлить ея время, если бы существовалъ ея подлинникъ, но у насъ только списокъ съ нея, сдѣланный однимъ монахомъ XIII-го столѣтія. Отъ него ли, или отъ прежнихъ писцовъ, вкралось много ошибокъ и смѣшныхъ прибавокъ. Такъ у Рима, гдѣ не забыта и церковь Св. Петра, сидитъ Нѣмецкій Императоръ съ короною, скипетромъ и державой, а въ одной степи видно мѣсто, гдѣ разбили свой станъ «чада Израиля.» У карты недостаетъ лоскутка, на которомъ изображено было больше половины Британіи, Испанія и западная часть Африки; за то карта показываетъ земли восточной Азіи, на сколько доставало свѣдѣній объ нихъ у Римлянъ, жилища Серецовъ, устья Ганга, островъ Цейланъ, по тогдашнему мнѣнію, далеко протянутый съ востока на западъ, и даже дорогу во внутреннюю Индію. Впрочемъ, составили бы очень ложное понятіе объ этой картѣ, если бы захотѣли думать, что каждая страна изображена на ней по ея географическому положенію, ея границамъ и дѣйствительной величинѣ. Составитель, кажется, не имѣлъ ни какого понятія объ тѣхъ требованіяхъ. Страны придѣланы къ другимъ странамъ въ направленіи съ запада къ востоку, безъ отношенія къ фигурѣ, длинѣ и широтѣ каждой страны, которыя обозначались еще прежними географами, отъ чего карта, при длинѣ 21 съ $^1/_4$ фута, вышла только въ одинъ футъ ширины. Впрочемъ кромѣ направленія главныхъ дорогъ, она означаетъ также высокія горы, теченіе значительныхъ рѣкъ, моря и очертанія морскихъ береговъ, также названія областей и замѣчательнѣйшихъ народовъ. Сначала она была начерчена для государственнаго употребленія и для полководцевъ; въ послѣдствіи, когда купецъ и всякой путешественникъ убѣдились въ ея необходимости, она побывала во многихъ рукахъ, стала подробнѣе отъ поправокъ и дополненій, и даже введена была въ учебныя заведенія; по крайней мѣрѣ, зна-

емъ, что еще въ IV-мъ столѣтіи на стѣнѣ Отюнской школы висѣлъ этотъ географическій чертежъ всего міра.

Перенесемъ теперь нашъ взглядъ съ безотраднаго состоянія западной Европы на восточную часть Римской имперіи. Вовсе неутѣшительная картина является для насъ и здѣсь: дикія орды съ Дуная и тутъ ломятся къ столицѣ, — Константинополь спасаетъ его выгодное положеніе: буря отхлынула, и тѣмъ опустошительнѣе свирѣпѣетъ на западѣ; опаснѣйшимъ непріятелемъ являются Персы, и долгая, ожесточенная война оканчивается только совершеннымъ изнуреніемъ обѣихъ сторонъ. Къ бѣдственнымъ внѣшнимъ обстоятельствамъ присоединились, въ сердцѣ Византійской имперіи, междоусобныя войны, мятежи, церковные споры цареубійства, глубокая испорченность министровъ, кичливое вліяніе войска, большею частію состоящаго изъ варваровъ, и разнородный позоръ. При Юстиніанѣ I (527—565), который называется Великимъ вовсе не по заслугамъ, побѣды знаменитыхъ полководцевъ, Велизарія и Нарзеса, опять доставили Имперіи уваженіе и вліяніе; но этотъ блескъ былъ мимолетный и походилъ на вечерній сумракъ, за которымъ слѣдуетъ темная ночь.

И для наукъ и искуствъ проглядывалъ иногда живительный лучъ надежды въ Константинополѣ, гдѣ нашли онѣ единственное убѣжище въ это время всеобщей дикости: изъ этого періода Греческой Литературы мы еще имѣемъ нѣсколько произведеній, изумляющихъ основательностью содержанія и мастерскимъ изложеніемъ. Но изъ всѣхъ отраслей знанія почти ни одна не была обработана менѣе Географіи. Сюда не могутъ принадлежать азбучные перечни названій странъ, народовъ и городовъ, и руководства, списанныя съ древнѣйшихъ источниковъ, безъ вкуса и знанія дѣла: во всемъ этомъ періодѣ находимъ единственнаго Греческаго путешественника, съ котораго и начнемъ біографіи этой книги.

КОЗМА ИНДИКОПЛОВЪ.

Во все то время, пока Египетъ принадлежитъ къ Восточной Римской имперіи, вѣроятно, все еще продолжались очень выгодныя торговыя сношенія съ Индіею и доставляли много важныхъ извѣстій изъ самыхъ отдаленныхъ странъ Азіи въ Египетъ и Европу; этѣ извѣстія, однако жь, замолкли, не послуживъ для пользы Географіи. Книжечка о народахъ Индіи и Браминахъ, составленная Епископомъ Геліополиса, Палладіемъ, въ началѣ V-го столѣтія, своимъ страннымъ монашескимъ содержаніемъ заставляетъ очень сомнѣваться въ ея достовѣрности, да врядъ ли она и итогъ наблюденій, собранныхъ на мѣстѣ. Но этѣ наблюденія ясно проглядываютъ въ другомъ сочиненіи, подъ заглавіемъ: «Христіянская топографія»; оно носитъ также и имя своего творца, Козмы, Египетскаго купца въ половинѣ VI столѣтія, который предпринималъ много путешествій и въ послѣдствіи пошелъ въ монахи. Козма воспользовался своими свѣдѣніями для составленія системы, согласной съ Священнымъ Писаніемъ, мнѣніями Отцовъ Церкви, и противоположной мнѣніямъ Птолемея и другихъ языческихъ географовъ, казавшимся для него грѣшными. Какъ ни много нелѣпостей утверждаетъ добрый монахъ, сколько ни наблюдалъ онъ странныхъ вещей, которыя не легко доводится видѣть новѣйшему путешественнику, на примѣръ: слѣды Фараоновыхъ колесницъ въ Чермномъ морѣ, однако жь, система его составлена такъ остроумно и такъ важна для обсужденія тогдашнихъ Христіянскихъ воззрѣній на міръ, что мы думаемъ изложить главныя черты ея, прежде нежели станемъ передавать его извѣстія объ Индіи и Цейланѣ, много разъ подтвержденныя новѣйшими путешественниками.

Обитаемая земля — четвероугольная плоскость, которой долгота съ востока на западъ вдвое болѣе ширины съ сѣвера къ югу. Этотъ параллелограммъ кругомъ обнесенъ стѣною, на верху сведенною въ полукругъ и дающею цѣлому видъ хлѣбной печи. Тамъ, гдѣ стѣна начинаетъ закругляться, растянута, подобно скатерти, твердь, и отдѣляетъ отъ земли небо, гдѣ живутъ Богъ и Святые. Подъ твердью движутся солнце, мѣсяцъ и звѣзды, только

не кругомъ земли, по тому что этому бы мѣшала стѣна, а кругомъ очень высокой горы съ острою вершиною и широкимъ основанiемъ, находящейся на сѣверномъ концѣ земли. Когда солнце стоитъ передъ горою—у насъ день, а пока оно движется позади ея — ночь. Лѣтомъ оно ходитъ кругомъ горной вершины, и ночи бываютъ короткiя по тому, что оно не долго можетъ скрываться за узкою горной вершиной; зимою оно опускается все ниже къ широкому основанiю, и ночи становятся длиннѣе. Когда гора приходится между мѣсяцемъ и солнцемъ, бываютъ лунныя затмѣнiя: подобнымъ же образомъ объясняются и всѣ явленiя на небѣ. Земля и небо ни на чемъ не лежатъ: ихъ держатъ въ равновѣсiи силы, имѣющiя свое тяготѣнiе и сдерживаемыя въ совокупности стѣною; это силы тѣлъ, стремящихся въ глубину, и огня, поднимающагося къ верху: такимъ образомъ все остается въ неподвижномъ порядкѣ. Кругомъ земли течетъ океанъ и вдается въ материкъ 4-мя углубленiями: Средиземнымъ и Каспiйскимъ моремъ и Арабскимъ и Персидскимъ заливами. Кругомъ океана тянется другая земля еще больше, связующая относительно первой: люди достичь ея не могутъ, хотя и жили на ней когда-то, по тому что на восточной сторонѣ ея находился рай, и еще теперь большiя рѣки, орошавшiя его, текутъ оттуда подземными каналами на нашу землю. По изгнанiи изъ рая, Адамъ остался съ своимъ потомствомъ на берегу океана, но наконецъ потопъ принесъ Ноя съ ковчегомъ въ теперешнее жилище людей.

Крайнюю восточную страну нашей земли Козма называетъ Триница и явно разумѣетъ Китай, который, такимъ образомъ, встрѣчается сдѣсь въ первый разъ; съ восточной стороны онъ омывается океаномъ, и торговые люди доходятъ до него очень дальней и трудной дорогой. Онъ въ такомъ же разстоянiи отъ острова Селедивы (Цейлана), въ какомъ этотъ отъ Персидскаго залива. Островъ Селедива, который отъ того-то и считается средоточiемъ торговли, имѣетъ 180 миль длины и столько же ширины. Два Государя, живущiе въ ссорѣ между собою, раздѣляютъ власть надъ нимъ и получаютъ большую прибыль отъ значительной торговли. Каждый купецъ долженъ тотчасъ же по прiѣздѣ представиться Государю той области, гдѣ пристанетъ, и дать точный отчетъ въ дѣлахъ, какими намѣренъ заниматься; онъ всегда долженъ при-

носить съ собой монету новаго чекана. Вблизи Селедивы лежитъ много малыхъ острововъ (Мaледивскіе), на которыхъ находятъ прѣсную воду и много кокосовыхъ орѣховъ. Всѣмъ западнымъ берегомъ Передней Индіи отъ Синда до самой южной части, называемой Мале, гдѣ растетъ перецъ, владѣютъ пять Королей и имѣютъ много богатыхъ торговыхъ городовъ. На сѣверномъ теченіи Синда живутъ бѣлые Гунны, которые, подъ начальствомъ своего Царя, Голласа, съ двумя тысячами слоновъ и большими полками конницы, покорили значительную часть Индіи. Однажды осаждали они крѣпкій городъ, обведенный рвами съ водою; но стояли подъ нимъ до тѣхъ поръ, пока не выпили воды въ рвахъ и потомъ отважились съ успѣхомъ на приступъ. Но южныя страны на Синдѣ находятся подъ властью одного тамошняго Государя, который держитъ 500 слоновъ.

Козма описываетъ и нѣкоторыхъ замѣчательнѣйшихъ Ѳеіопскихъ и Индѣйскихъ звѣрей и деревья: больше всего удивилъ его носорогъ. По словамъ его, онъ называется такъ отъ роговъ на носу, которые подвижные, и когда онъ ходитъ, качаются изъ стороны въ сторону, а когда осердится, дѣлаются такими жесткими и твердыми, что можно вырывать ими съ корнемъ деревья. Глаза у него лежатъ весьма глубоко въ челюстяхъ, взглядъ очень страшный. У него сильная вражда со слономъ, на котораго онъ, впрочемъ, походитъ по ногамъ и кожѣ. Эта кожа въ 4-ре пальца толщины: высушенные лоскутки ея во многихъ мѣстахъ употребляютъ вмѣсто сошниковъ. Въ Ѳеіопіи Козма однажды видѣлъ издали живаго звѣря, котораго Ѳеіопы зовутъ ару или гариси; видѣлъ также и чучелу его въ Царскомъ дворцѣ. Очень полезный звѣрь — волъ-олень (у новѣйшихъ естествоиспытателей Варварійская корова), живущій въ Индіи, какъ домашнее животное: его употребляютъ больше всего для носки мѣшковъ съ перцемъ, а изъ молока его дѣлаютъ хорошее масло; мясо его очень вкусно. Въ Ѳеіопіи встрѣчаютъ его только въ дикомъ состояніи: тамъ еще не могутъ пріучить его къ работѣ. Камелопардъ (жирафъ) водится только въ Ѳеіопіи; его также не могутъ сдѣлать домашнимъ; въ Царскомъ дворцѣ, однако жъ, выращиваютъ нѣсколькихъ дѣтенышей: когда имъ захочется пить изъ таза, въ которомъ даютъ имъ молоко и воду, то, по высотѣ своихъ шей, они должны

разставлять переднія ноги, чтобы опустить голову на землю. Мускуса (бизама), который у туземцевъ называется кастури, вездѣ усердно преслѣдуютъ охотники и бьютъ стрѣлами. Мясо его не употребляютъ въ пищу и бросаютъ, а кровь, которая копится и сгущается въ пупкѣ, тщательно вырѣзываютъ. Въ торговлѣ онъ слыветъ подъ именемъ москуса: по причинѣ пріятнаго запаха, его спрашиваютъ вездѣ и покупаютъ за дорогую цѣну. Козма не видалъ живаго единорога («инорогъ» по Древне-Славянски), о которомъ такъ много толковали, а встрѣчалъ его только на мѣдныхъ картинахъ во дворцѣ Еѳіопскаго Царя. Ему разсказывали, что это страшный звѣрь: вся его сила сосредоточена въ рогѣ, и другіе звѣри одолѣваютъ его рѣдко. Когда же преслѣдуетъ его очень большая толпа людей, отъ которой оборониться не въ силахъ и предчувствуетъ, что его поймаютъ, онъ бросается въ пропасть такимъ образомъ, что сначала касается земли своимъ рогомъ, который ломается при паденіи, а самъ онъ остается невредимъ. Козмѣ не случилось видѣть и гиппопотама; но въ Египтѣ и въ Еѳіопіи ему нерѣдко встрѣчались въ торговлѣ зубы этого звѣря. Козма даже досталъ нѣсколько очень большихъ зубовъ, изъ которыхъ каждый вѣсилъ 13 фунтовъ. Морскихъ собакъ, дельфиновъ и черепахъ онъ не описываетъ подробно, но не можемъ умолчать объ его замѣчаніи, что онъ, вмѣстѣ съ другими купцами, ѣздившими въ Индію, ѣдалъ ихъ часто. Черепашье мясо онъ нашелъ такъ же вкуснымъ, какъ баранье, хоть оно и чернаго цвѣта; мясо дельфиновъ и морскихъ собакъ походило вкусомъ на свинину, только у дельфиновъ оно было черное и горьковатое, а у морскихъ собакъ — бѣлое и не имѣло непріятнаго запаха. Изъ Индѣйскихъ растеній называетъ онъ только перецъ и кокосовую пальму. Перцовое растеніе очень тонко, слабо и вьется по другимъ деревьямъ. Отдѣльно растущія ягоды имѣютъ зеленую скорлупу, состоящую изъ двухъ листковъ. Кокосовая пальма растетъ дико и отличается отъ другихъ пальмъ только значительно высокимъ ростомъ и толщиною и сучья у ней длиннѣе. Плодъ пріятнаго вкуса, точно молодые орѣхи. Пока онъ свѣжъ, въ немъ чрезвычайно сладкій сокъ, замѣняющій Индѣйцамъ вино и называемый на ихъ языкъ ронхосура (сури), но, спустя нѣсколько времени послѣ того, какъ сорванъ, скорлупа его дѣлается похожею

на рогъ и сокъ въ ней отвердѣетъ: если дать ему долго лежать, онъ прогорькнетъ и больше не будетъ годенъ для пищи. *

---

* Объ этомъ Козмѣ «Индопловѣ» есть небольшая, но довольно любопытная, статья въ «Biographie Universelle» Мишо, которую и помѣщаемъ сдѣсь. «Козма, Александрійскій купецъ, жившій въ VI столѣтіи, извѣстенъ намъ подъ именемъ Индоплова (Cosmas Indicopleusta), плавателя въ Индію. Дѣйствительно, онъ посѣщалъ эту страну, также и весь Востокъ и Еѳіопію. По возвращеніи изъ путешествій, онъ оставилъ торговлю, избралъ монашеское званіе и написалъ много сочиненій, изъ которыхъ дошла до насъ «Христіянская топографія», оконченная имъ въ 536 году. Мельхиседекъ Тевено въ 1663 году помѣстилъ нѣсколько отрывковъ изъ нея въ первомъ томѣ своего сборника; цѣлое же произведеніе было издано въ 1707 году, съ Латин. переводомъ, П. Монфокономъ во 2-мъ томѣ его «Collectio nova Patrum et Scriptorum Graecorum»; стр. 113—345. Онъ приложилъ къ нему четыре гравюры, вѣрно снятыя съ рисунковъ прекрасной Ватиканской рукописи, которою онъ пользовался; рукопись принадлежитъ, кажется, къ IX столѣтію. Слѣдуя Козмѣ, земля имѣетъ совершенно видъ большаго дома: поверхность ея ровная и образуетъ параллелограммъ, котораго длинныя стороны вдвое больше двухъ другихъ сторонъ; на этѣхъ послѣднихъ перпендикулярно возвышаются двѣ стѣны, которыя потомъ идутъ дугою и соединяются въ аркѣ или сводѣ. Двѣ другія стѣны, также перпендикулярныя, идутъ съ длинныхъ сторонъ параллелограмма и также соединяются съ этѣмъ сводомъ, такъ что человѣкъ на землѣ, точно птица въ клѣткѣ; небо образуетъ кровлю зданія. Внутри клѣтки, на сѣверной сторонѣ, за сѣвернымъ океаномъ, котораго заливъ Каспійское море, находится земля допотопная; въ центрѣ этой земли возвышается высокая гора, вокругъ которой обращаются солнце, луна и всѣ свѣтила: это движеніе круговращательное, и отъ него происходятъ восхожденіе и захожденіе свѣтилъ, фазы, затмѣнія. Первый рисунокъ представляетъ частности этой странной системы. Произведеніе Козмы раздѣляется на 12-ть книгъ: въ 1-й онъ сильно возстаетъ противъ шаровидности земли и считаетъ это сресью; во 2-й излагаетъ свою систему; въ 3-й доказываетъ ее изъ Св. Писанія и повторяетъ вкратцѣ въ 4-й. 5-ая книга предлагаетъ описаніе Скиніи, поставленной Моисеемъ въ пустынѣ, и всѣхъ украшеній верховнаго первосвященника. Въ 6-й книгѣ Козма доказываетъ, что солнце величиною много что съ осьмую часть земли: «вотъ простая причина, говоритъ онъ, почему свѣтъ распространяется мало по малу: этого не могло бы случиться, если бъ солнце было больше нашей планеты.» 7-ая книга разсуждаетъ о твердости небесъ, 8-я о пѣсни Іезекіиля и возвратномъ движеніи солнца, 9-я о теченіи звѣздъ, въ 10-й собраніе текстовъ изъ Отцевъ Церкви, въ 11-й Козма сообщаетъ описаніе острова Тапробана (Цейлона) и животныхъ Индіи, въ 12-й же собираетъ всѣ свои доказательства; впрочемъ, эта книга не кончена. Не смотря на незнаніе физики, Козма былъ ученъ для своего вѣка. Его произведеніе — единственный, сколько ни будь значительный, географическій

АРАБЫ.

Эти скудныя замѣтки, едва не пропадающія совсѣмъ изъ вида въ твореніи Козмы, подробномъ выше всякаго понятія и большею частію составленномъ изъ текстовъ Священнаго Писанія и Отцовъ Церкви — послѣднія извѣстія, получаемыя нами отъ Грековъ объ Индіи; по тому что Египетъ, откуда велась торговля съ Востокомъ, достается во власть Арабамъ въ первой половинѣ VII-го столѣтія. Этотъ народъ, мало замѣтный прежде, теперь съ быстротою молніи распространяетъ свои завоеванія по большей части извѣстнаго свѣта и основываетъ Царство, которому далеко уступаетъ въ обширности Римское въ его самую цвѣтущую пору.

Арабы, которыхъ Магометъ умѣлъ воодушевить не только къ принятію своей Вѣры, но и къ распространенію ея по всѣмъ

отрывокъ, оставшійся для насъ отъ этой эпохи; онъ сохранилъ намъ измѣренія и мѣста Древнихъ писателей, нами утраченныя. Его описаніе острова Цейлона и другихъ странъ, которыя онъ посѣщалъ, не презирали наши лучшіе новѣйшіе географы и легко объясняли многія мѣста изъ него; но самый важный памятникъ, которымъ мы обязаны Козмѣ, это знаменитая надпись въ Адулѣ. * Четвертый рисунокъ, кромѣ изображеній животныхъ Индіи, представляетъ еще земледѣльческій календарь, Египетскій или Коптскій: фигуры каждаго отдѣла — плоды, или зелень, соотвѣтствующіе каждому мѣсяцу; Египетскія названія переданы Греческими буквами. Козма написалъ еще: «Астрономическія таблицы», «Толкованіе на пѣсни пѣсней», и «Всеобщую Космографію», въ которой подробно описалъ теченіе Нила, Египетъ и Ееіопію.» Сочиненіе Козмы Индикоплова находится и въ Древне-Славянскомъ переводѣ и нерѣдко встрѣчается въ собраніи рукописей, со множествомъ изображеній и даже самаго Козмы.

* Адулисъ — Пристань въ Ееіопіи на Аравійскомъ заливѣ. Адульская надпись, снятая Козмою, прославляетъ походы и подвиги Птолемея Эвергета (ум. 221 г. до Р. Х.) въ слѣдующихъ словахъ: «Государь отправился въ Азію съ великою силою конною и пѣшею, съ отрядами судовъ, съ Троглодитскими и Ееіопскими слонами, которыхъ отецъ его и онъ въ первый разъ наловили въ тѣхъ краяхъ и приспособили потомъ въ Египтѣ къ военному дѣлу. Завоевавъ всѣ земли по сю сторону Евфрата, Киликію, Памфилію, Іонію, Геллеспонтъ и Ѳракію съ ихъ войсками, слонами и властителями, онъ перешелъ Евфратъ и покорилъ Мессопотамію, Вавилонію, Сузіану, Персію, Мидію и всю остальную страну вплоть до Бактріяны. Онъ повелѣлъ отыскать всѣ святыни, похищенныя Персами изъ Египта, и вмѣстѣ съ другими сокровищами отвезти ихъ назадъ, потомъ отправилъ военные отряды по теченію каналовъ (нижняго Евфрата и Тигра).»

странамъ Востока, съ самаго древняго времени были дѣятельный, торговый народъ: при посредствѣ ихъ большая часть произведеній южной Азіи приходила въ Африку и Европу. Магометъ, самъ купецъ, не могъ не знать выгодъ, притекавшихъ къ его единовѣрцамъ, благодаря оживленной торговлѣ, и содѣйствіе ей вмѣнялъ въ обязанность во многихъ предписаніяхъ своей Вѣры. Часть военной добычи должна отдаваться «сыну пути» и употребляться на постройку мостовъ и каналовъ; совершенно въ духѣ Пророка говорилъ своимъ полководцамъ и вѣрный другъ его, почтенный Абубекръ, въ видѣ увѣщанія: «Когда одержите побѣду, не убивайте ни дѣтей, ни стариковъ, не разоряйте пальмовыхъ рощей, не жгите пшеницы, не рубите яблоней и не истребляйте скота, кромѣ такого, какой вамъ нуженъ для пищи!» Если и встрѣчается много вопіющихъ нарушеній этѣхъ правилъ, особливо въ позднѣйшихъ завоевательныхъ походахъ, когда войска составлялись изъ воиновъ разныхъ націй, однако можно утверждать съ полною правдою, что почти ни въ какихъ другихъ войнахъ сила умѣренности не являлась въ такомъ блескѣ, какъ въ войнахъ Ислама. Такимъ образомъ старинная склонность Араба къ торговлѣ должна была не только продолжаться, но еще и усиливаться: вездѣ съ распространеніемъ его завоеваній быстро и прочно соединялись торговыя сношенія, взятіе всякаго новаго города служило началомъ и часто средоточіемъ новой отрасли торговли. Тѣмъ объясняется странное явленіе, что вереница каравановъ могла ходить, не тревожимыя боязнію непріятельскихъ войскъ; что тамъ, гдѣ не задолго прежде свирѣпѣла война, тотчасъ же возникала живая торговля; даже видѣли Арабскихъ солдатъ, заводившихъ мѣну и торгъ съ жителями тѣхъ городовъ, подъ которыми расположились станомъ. Такимъ образомъ въ короткое время вся торговля отъ Испаніи до Индіи, отъ внутренней Африки до Каспійскаго моря находилась почти исключительно въ рукахъ Арабовъ, потому что до такихъ размѣровъ доходили ихъ завоеванія. Однако жь, ни снѣжныя горы Белуръ, ни знойныя песчаныя степи Сагары, мѣшавшія дальнѣйшему вторженію ихъ оружія, не положили предѣла распространенію ихъ Вѣры и торговли. Отдѣльные проповѣдники, большею частію ученики самаго Пророка, въ неутомимомъ усердіи обращать въ его Вѣру, проникали далеко во внутреннюю Африку и до Китая и проповѣдывали Исламъ съ немаловажнымъ успѣхомъ, что

удовлетворительно доказываютъ многочисленные поклонники Магомета въ этѣхъ странахъ. Болѣе тѣсная связь съ Меккою и странствованія ко гробу Пророка, съ принятіемъ Ислама вмѣнявшіяся въ обязанность каждому Правовѣрному, должны были необходимо провести торговлю по всѣмъ, даже самымъ отдаленнымъ, краямъ, куда еще прежде нея проникнулъ Исламъ. Вездѣ, куда бы ни входилъ онъ, рождались Арабскія поселенія, имѣвшія слѣдствіемъ дальнѣйшіе успѣхи Магометанской Вѣры и торговли; обѣ онѣ не останавливались до тѣхъ поръ, пока не полагали имъ предѣла мрачный океанъ, или ужасныя пустыни, или также непобѣдимые народы съ другими вѣроисповѣдными мнѣніями. Вообразимъ себѣ проведенную отъ самаго сѣвернаго мѣста, котораго они касались, черту, теперь разрушеннаго, большаго торговаго города, Болгара, не далеко отъ Казани, черезъ южную Россію, Кавказскія земли, Малую Азію и Африку, до страны Тимбукту на Джолибѣ, потомъ оттуда къ востоку до Абиссиніи; продолжимъ эту черту отъ Цуллы, самой важной пристани этой страны, къ югу до Софалы, потомъ отъ этого самаго южнаго складочнаго мѣста къ сѣверо-востоку, чрезъ Зондскіе острова, до Китая, наконецъ отсюда, минуя Алтай, соединимъ ее съ начальнымъ мѣстомъ, Булгаромъ: такимъ образомъ узнаемъ обширность Арабской торговли; а какъ торговля идетъ рука объ руку съ Географіею, то мы нашли теперь и обширность Арабской Географіи. Между этѣми странами, такъ отдаленными одна отъ другой, безпрестанно ходили караваны, поддерживавшіе сообщеніе, по тремъ большимъ дорогамъ, которыя прикасались къ важнѣйшимъ промежуточнымъ мѣстамъ. Первая вела изъ Аравіи къ сѣверу, черезъ Арменію, мимо западнаго берега Каспійскаго моря, въ Астрахань, къ Русскимъ областямъ, Болгарскимъ и къ другимъ сѣвернымъ народамъ; вторая пролегала чрезъ Персію, Кашміръ и Индію, или черезъ широкія степи Татаръ до Китайскихъ границъ; третья соединяла Египетъ и сѣверную Африку съ землями Негровъ, и была самая трудная и опасная, потому что пересѣкала великую степь; только блестящія выгоды, получаемыя отъ торговли слоновою костью, золотымъ пескомъ и невольниками, могли соблазнять къ этому путешествію, изъ котораго не всегда возвращались назадъ. Четвертая большая дорога, по которой двигалась Арабская торговля, былъ Индѣйскій океанъ: она вела къ востоку и югу, куда

только выгоды заманивали смѣлыхъ купцовъ. Этѣ выгоды увеличились съ усилившеюся роскошью знатнаго Араба, для котораго вскорѣ стали потребностью пряности, благовонія и дорогія матеріи. Обыкновенно плавали, кажется, близъ береговъ, и съ вѣтромъ муссономъ пересѣкали открытое море только тогда, когда держали путь прямо къ складочнымъ мѣстамъ Передней Азіи, лежащимъ южнѣе. При сношеніяхъ съ Китайцами, Арабы узнали и компасъ, хоть это часто и оспаривали; но, кажется, въ найбольшей части случаевъ звѣзды оставались ихъ единственными путеводителями.

Никто не станетъ оспаривать, что этѣ торговыя путешествія по всѣмъ частямъ свѣта должны были имѣть слѣдствіемъ многія важныя открытія, но, къ сожалѣнію, мы знаемъ еще такъ мало географическую часть чрезвычайно богатой Арабской литературы, что не смѣемъ судить о ходѣ этѣхъ открытій и о заслугахъ Арабовъ для Географіи. Особливо очень мало дневниковъ сдѣлалось до сихъ поръ доступными; но только на нихъ слѣдуетъ установить правильный взглядъ, по тому что во всѣхъ систематическихъ сочиненіяхъ Арабовъ по Географіи, мало по малу обнародованныхъ, представляется очень странное явленіе: самыя древнія изъ нихъ, о которыхъ говорится въ исторіи Географіи, заключаютъ въ себѣ такъ же мало свѣдѣній о менѣе извѣстныхъ и новооткрытыхъ странахъ, какъ и позднѣйшія, а этѣ послѣднія сказываютъ о себѣ слишкомъ ясно, что они почти слово въ слово списаны съ первыхъ. По тому-то въ нашемъ описаніи мы держимся не многихъ, до сихъ поръ существующихъ, путешествій: съ ихъ помощію и съ прибавкою при случаѣ объяснительныхъ примѣчаній и дополненій, попытаемся представить сколько можно ясную картину географическихъ свѣдѣній Арабовъ.

АБУ-ÇЕИДЪ.

Когда народъ, являющійся завоевателемъ, успѣетъ покорить значительную часть земли и соединить ее въ большое царство, тогда тотчасъ же обнаруживается не только потребность близкаго знакомства съ его отдѣльными составными частями и жителями, но даже и охота узнать отношенія добытыхъ владѣній

ко всѣмъ прочимъ землямъ, принадлежащимъ другимъ народамъ, и войти съ ними въ сношенія изъ политическихъ, или торговыхъ, видовъ. Еще первые Калифы приказывали полководцамъ, отправлявшимся для завоеваній, знакомиться съ покоренными областями въ географическомъ отношеніи; такъ уже въ 833 году, для опредѣленія величины земли, славный Калифъ Аль-Мамунъ велѣлъ измѣрить градусы широты въ степи Сандшарѣ, между Раккою и Пальмирою. При Калифѣ Валидѣ (704—715) посланники ходили въ Китай, для приведенія въ порядокъ дѣлъ Арабскихъ купцовъ, съ раннихъ поръ поселившихся въ этой Имперіи, и воротились съ богатыми подарками. Съ того времени непрерывно продолжались живыя сношенія съ этой Имперіей и хорошо ознакомили Арабовъ со всѣми промежуточными странами, по тому что мореплаваніе принимало не прямое направленіе въ Китай, но прерывалось многочисленными, опредѣленными станціями, которыя въ то же время были и значительными складочными мѣстами. Счастливый случай сохранилъ для насъ подробное описаніе этого пути, написанное, неизвѣстно кѣмъ, въ 851 году, исправленное и дополненное около 880 года Абу-Сеидомъ эль-Гассаномъ Сирафа, и сдѣлалъ возможнымъ слѣдовать за Арабами въ ихъ поѣздкахъ на Востокъ.

Большая часть плавателей въ Китай, говоритъ это извѣстіе, останавливаются въ Сирафѣ, гдѣ выгружаютъ товары, привезенные изъ Басры и Омана, по тому что дальше, въ Персидскій заливъ и Чермное море, они не ѣздятъ, по причинѣ отмелей и частыхъ бурь. Если они съ полнымъ грузомъ, то направляютъ путь въ Маскате (на Аравійскомъ берегу), гдѣ берутъ воду и съѣстные припасы, а оттуда въ Индію, гдѣ, при попутномъ вѣтрѣ, черезъ мѣсяцъ, пристаютъ въ Кавкаммели (Куланѣ). Тутъ запасаются свѣжей водой изъ колодцевъ, за что должны платить пошлину, и послѣ короткаго отдыха продолжаютъ свое путешествіе въ море Герксидъ (между Индіею и Цейланомъ),. въ которомъ находятся острова Робайгатъ (Маледивскіе), числомъ до 1900. Они въ четырехъ миляхъ другъ отъ друга, всѣ населены и управляются Королевой. Туземцы славятся промышленностью и ткутъ чрезвычайно тонкую ткань, почти не уступающую шелковой, изъ нитей кокосовой пальмы, которая хорошо сдѣсь родится. Изъ ко-

косоваго дерева они строятъ свои дома и суда. Монета у нихъ — маленькія раковины (каурисъ), появляющіяся при бурномъ морѣ на поверхности воды и собираемыя вмѣстѣ съ пальмовыми вѣтками, къ которымъ онѣ пристаютъ. На этѣхъ же островахъ находятъ и сѣрую амбру, какъ въ чрезвычайно большихъ кускахъ, такъ и въ малыхъ, похожихъ на выдернутыя растенія. Она растетъ на морскомъ днѣ, съ котораго срываютъ ее и выкидываютъ на берегъ сильные вѣтры; тамъ и находятъ ее, въ видѣ Грецкой губки и трюфелей. Долго раздѣляли это мнѣніе о происхожденіи амбры: теперь большая часть естествоиспытателей считаютъ ее камнемъ, иногда попадающимся въ желчи кита.

По ту сторону Робайгата лежитъ Серендибъ (Цейланъ), величайшій изъ Индѣйскихъ острововъ, и управляется двумя Королями. Посреди его возвышается гора Рагунъ (Адамъ-пикъ), на которой видѣнъ слѣдъ ноги, въ 70 аршинъ длиною: этотъ слѣдъ будто бы тамъ со временъ Адама, стоявшаго одною ногою на этой горѣ, а другою на морѣ. При подошвѣ горы находятъ много драгоцѣнныхъ камней: рубиновъ, опаловъ и аметистовъ, которые большею частію вымываются проливными дождями изъ ущельевъ и разсѣлинъ и рѣдко добываются изъ горы; Царскіе чиновники зорко смотрятъ за людьми, приставленными для собиранія этѣхъ драгоцѣнностей. Островъ богатъ также алойнымъ деревомъ, золотомъ, жемчугомъ, который ловится у береговъ, и очень большими раковинами, употребляемыми вмѣсто военныхъ трубъ. Прелесть долинъ, открывающихся съ моря, нельзя описать: онѣ хорошо орошены и покрыты прекрасными деревьями и роскошною зеленью. Воздухъ чрезвычайно здоровъ: отъ того-то путешественники и проживаютъ здѣсь мѣсяца два и больше; это тѣмъ удобнѣе для нихъ, что очень дешевы съѣстные припасы, на примѣръ: овца стоитъ полдрахмы, за ту же цѣну получаютъ столько пальмоваго вина, сколько въ состояніи выпить двое. Пальмовое вино дѣлается изъ вареннаго пальмоваго меда, разводимаго съ тари, сокомъ, который каплетъ изъ пальмоваго дерева. Вѣроучители и законовѣды этого острова славятся по всей Индіи: со всѣхъ сторонъ къ нимъ сходятся ученики, чтобы пользоваться ихъ назиданіями. На храмы идутъ значительныя суммы, и въ одномъ изъ нихъ стоитъ очень большой идолъ изъ лучшаго золота. Впро-

чемъ, находятъ сдѣсь много Жидовъ и приверженцевъ другихъ сектъ, по тому что Царь дозволяетъ неограниченную свободу вѣроисповѣданій. Когда онъ умираетъ, его кладутъ спиною на колесницу, такъ что голова свѣшивается назадъ и волосы тащатся по землѣ. За нимъ идетъ жена и безпрестанно сметаетъ вѣникомъ пыль съ головы покойника, межъ тѣмъ какъ другіе громко кричатъ: «Люди, посмотрите на вашего Короля, который вчера былъ вашъ повелитель, а теперь власть его надъ вами миновалась. Не полагайтесь на невѣрныя надежды жизни!» Съ колесницею ѣздятъ три дни, потомъ покрываютъ трупъ драгоцѣнными матеріями и поливаютъ духами, сожигаютъ его и пепелъ бросаютъ во всѣ стороны. Часто кидаются въ огонь Царскія жены и сгараютъ съ нимъ; впрочемъ, онѣ не обязаны дѣлать это. Жители Серендиба чрезвычайно легкомысленны и распутны, не считая постыднымъ разврата, по тому-то Магометанскіе учители и запрещаютъ строго молодымъ людямъ посѣщать этотъ островъ. Жители предаются также съ необузданною страстью игрѣ въ шашки и забавѣ пѣтушьихъ боевъ. Пѣтухи въ этой странѣ очень сильны и имѣютъ очень большіе когти, снабженныя еще желѣзными иглами. За развязку такихъ битвъ проигрываютъ значительные заклады — золото, серебро, земли и разное имущество. Еще непонятнѣе ихъ увлеченіе въ игрѣ: вѣтренные люди, промотавъ все имѣніе, рискуютъ кончиками своихъ пальцевъ, чтобы только имѣть возможность играть: нельзя смотрѣть безъ страха на это опасное занятіе. На огнѣ, возлѣ играющихъ, стоитъ сосудъ съ орѣховымъ, или сезамовымъ, масломъ, а между ними лежитъ маленькій острый топоръ. Проигравшій тотчасъ же кладетъ руку на камень, выигравшій беретъ топоръ и очень хладнокровно рубитъ ему кончикъ пальца. Первый такъ же спокойно кладетъ изуродованный палецъ въ кипящее масло, чтобы рана затвердѣла, и упрямо продолжаетъ игру, которая часто кончается не прежде, пока игрокъ не потеряетъ кончиковъ у всѣхъ пальцевъ. Но чтобы еще больше послужить своей страсти, онъ прибѣгаетъ къ другому средству и, вмѣсто расплаты кончиками пальцевъ, кладетъ гдѣ ни будь на тѣлѣ кусокъ обмакнутой въ масло и зажженной свѣтильни и даетъ ей совсѣмъ сгорѣть. Межъ тѣмъ какъ играющіе наслаждаются запахомъ жженаго мяса, онъ совсѣмъ не обнаруживаетъ ни какого чувства боли.

Въ томъ же морѣ, по направленію отъ Серендиба, лежатъ еще другіе острова, не такъ многочисленные, но необыкновенно большіе: всѣхъ ихъ не знаютъ по имени. Одинъ изъ этѣхъ островъ, Рамни, величиною въ 98 миль и управляется двумя Князьями. Жители ѣдятъ человѣчье мясо. На островѣ находятъ золотые рудники, изъ которыхъ, какъ самый изобильный, извѣстенъ Фансуръ,—также и серебряные, алое, Бразильское дерево, превосходную камфару, собольи мѣха, которыми обиваютъ сѣдла и попоны, и много слоновъ. Изъ хлопчатой бумаги сдѣсь умѣютъ дѣлать такія тонкія платья, что можно продѣвать ихъ сквозь кольцо средней величины: ихъ особенно спрашиваютъ купцы и даютъ за нихъ дорогую цѣну. Вмѣсто ходячей монеты служатъ каурисы. Самый замѣчательный звѣрь въ этой странѣ — знаменитый карканданъ (носорогъ), съ рогомъ на лбу, на которомъ можно отличить бѣлое пятно, похожее видомъ на человѣка, павлина, или рыбу. Онъ меньше слона и съ шеи походитъ на буйвола; копыта у него раздвоены, ноги безъ колѣнокъ. Ревъ его сходенъ съ мычаньемъ вола, имѣетъ также нѣкоторое сходство и съ воемъ верблюда. Силой онъ выше почти всѣхъ другихъ звѣрей и самый слонъ обращается отъ него въ бѣгство. Рогъ этого звѣря, всего лучше живущаго въ болотистыхъ странахъ, спрашиваютъ Китайцы, которые обыкновенно носятъ его за поясомъ и, смотря по яркости и красотѣ фигуръ на немъ, платятъ за него двѣ, или три, тысячи золотыхъ. Царь всѣхъ этѣхъ островов, къ которымъ принадлежитъ и Рамни, ни стариннаго, ни знатнаго рода, но очень богатъ и силенъ. Для войска его нужно 15,000 палатокъ, въ походы всегда отправляется зимою, по тому что слоны, которыхъ у него 50,000, только въ это время года находятъ себѣ достаточно воды для питья. Неподалеку отъ Рамни лежатъ острова Элніанъ, на которыхъ находятъ великое множество золота. Кокосовое дерево доставляетъ жителямъ все нужное для жизни: плодъ его служитъ имъ въ пищу; краска, добываемая изъ него, идетъ для расписыванья тѣла, масло для мазанья. Сдѣсь существуетъ такой странный обычай, что ни одинъ мужчина не можетъ жениться, не убивъ на войнѣ одного непріятеля, котораго голову приноситъ съ собою домой. Если удастся ему убить двоихъ, онъ беретъ себѣ двухъ женъ, и такъ все соразмѣрно больше, а когда убьетъ двадцать человѣкъ, можетъ

имѣть и право на столькоже женъ. Много предположеній высказано было о положеніи Рамни и Элиіана: этѣ острова даже смѣшивали съ Суматрой; но ходъ путешествія показываетъ уже достаточно, что подъ этѣмъ надо разумѣть мало извѣстный Арабамъ восточный берегъ Передней Индіи, гдѣ потомъ нужно искать и малое Царство Тафекъ, въ которомъ Царь имѣетъ самыхъ бѣлыхъ и красивыхъ женъ въ Индіи, — также землю Кашбинъ, лежащую внутри, гористую и богатую верблюдами, гдѣ жители необыкновенной бѣлизны и особливо бросаются въ глаза своими продырявленными ушами, — маленькую и бѣдную береговую область Гитренишъ, дающую только немного перца, который ѣдятъ зеленый; безъ амбры, выкидываемой изъ моря, и часто попадающихся слоновыхъ зубовъ, эта страна не имѣла бы ни какихъ способовъ. Повелитель всей Индіи до Китайской границы называется Балгара (Рая Балагара, побѣдитель армій) и признается въ Царскомъ санѣ всѣми независимыми Королями отдѣльныхъ земель. Они принимаютъ съ чрезвычайными почестями пословъ этого Царя, за то онъ часто даетъ имъ значительные подарки, по тому что у него страшное богатство въ слонахъ, лошадяхъ и серебряной монетѣ. Индѣйскіе Цари носятъ ожерелья и длинныя серьги изъ цвѣтныхъ, особливо красныхъ и зеленыхъ, драгоцѣнныхъ камней, въ великолѣпной золотой оправѣ; выше всего они цѣнятъ жемчугъ и хранятъ его въ своей казнѣ съ самыми дорогими вещами. Придворные, вожди и главные сановники также щеголяютъ въ богатыхъ нарядахъ и тонкихъ платьяхъ; въ рукахъ носятъ зонтикъ изъ павлиныхъ перьевъ для защиты отъ солнца, и всегда окружены многочисленной дружиной. Войска въ Индіи получаютъ жалованье и содержаніе не отъ Государей, но каждое само должно исправлять всѣ свои нужды во все продолженіе похода.

Царское достоинство наслѣдственно въ одномъ семействѣ, какъ и вообще всякое ремесло въ Индіи, одинъ разъ выбранное въ какомъ ни будь семействѣ, ведется въ немъ постоянно, и если отецъ ученый, лѣкарь и ремесленникъ, то навѣрное и сынъ не посвятитъ себя ни какому другому званію. Самымъ высшимъ значеніемъ пользуется жреческое званіе, занимающіеся вѣроученіемъ называются Брахманы. Есть также люди, называемые

Бикаръ (кающіеся). Они всю жизнь ходятъ нагіе, отращиваютъ волосы, такъ что покрываютъ ими все тѣло и никогда не обрѣзываютъ ногтей на рукахъ и ногахъ. У каждаго на шеѣ снурокъ, къ которому привязанъ деревянный горшокъ: почувствовавши голодъ, онъ останавливается у дверей какого ни будь дома; живущій въ домѣ съ радостію спѣшитъ подать ему варенаго риса, по тому что вѣритъ что исполняетъ тѣмъ религіозную обязанность. Кающійся ѣстъ рисъ изъ своего горшка и преспокойно проходитъ дальше, пока опять не проголодается. Другіе, для которыхъ еще недовольно строгъ такой образъ жизни, совсѣмъ избѣгаютъ общества людей и проживаютъ въ горахъ и лѣсахъ, гдѣ питаются травой и дикими древесными плодами; нѣкоторые становятся на одномъ мѣстѣ нагишомъ, обернувшись лицомъ къ солнцу, и остаются многіе годы въ такомъ положеніи. Вообще въ Индѣйской религіи много странныхъ предписаній, посредствомъ которыхъ вѣрующіе стараются снискать благоволеніе божества: такъ считаютъ чрезвычайно заслуженнымъ дѣломъ построеніе постоялыхъ дворовъ для успокоенія путешественниковъ, снабженіе ихъ всѣми удобствами и подарки храмовымъ жрецамъ, состоящіе въ самыхъ драгоцѣнныхъ вещахъ.

Индѣйцы несомнѣнно вѣрятъ въ переселеніе душъ изъ одного тѣла въ другое, и только изъ этого убѣжденія можно объяснить ихъ безпредѣльное презрѣніе смерти. Одинъ Король, у котораго была оспа, выздоровѣвши, посмотрѣлся въ зеркало и замѣтилъ съ большимъ неудовольствіемъ, какъ обезображено у него лицо. Ему казалось несноснымъ дольше оставаться въ такомъ тѣлѣ, и онъ спокойно сказалъ своему племяннику: «Мое тѣло точно мѣхъ, надутый вѣтромъ: покинувъ его, душа перейдетъ въ другое, лучшее, тѣло; вступай на престолъ, потому что я хочу разлучить эту плоть съ моею душою, чтобы эта душа перешла въ другую. Возьми эту саблю и отруби мнѣ голову!» Племянникъ сдѣлалъ, какъ было приказано. Люди въ преклонныхъ лѣтахъ, чувствуя свою слабость, просятъ близкихъ родныхъ топить, или сожигать, себя, по тому что надѣются помолодить свое тѣло посредствомъ перехода своихъ душъ въ другія. Отсюда также объясняется странный обычай, по которому напередъ вмѣняютъ себѣ въ обязанность умирать огненною смертью въ какомъ ни будь случаѣ.

Это бываетъ всякой разъ при восшествіи на престолъ Короля. При этомъ торжествѣ варятъ множество рису и ставятъ на столъ передъ Королемъ, который ѣстъ его, и потомъ позволяетъ принимать участіе въ пирѣ всѣмъ, кто захочетъ. Обыкновенно является 300, или 400, человѣкъ желающихъ Всѣ, отвѣдавшіе риса, тѣмъ самымъ обязываются сожигать себя въ день смерти Короля, и никому не приходитъ никогда въ голову освободиться отъ этой обязанности. Нерѣдко случается также, что люди безъ всякой другой причины, кромѣ той, что имъ самимъ угодно разстаться съ жизнью, кончаютъ ее на кострѣ. Если кто рѣшился сжечь себя, онъ идетъ сперва въ королевскій дворецъ взять на то позволеніе. Когда позволеніе дано, онъ отправляется съ музыкой по всему городу, въ сопровожденіи родныхъ и друзей, къ тому мѣсту, гдѣ сложенъ костеръ изъ сухаго дерева. Уже во время перехода кладутъ ему на голову вѣнокъ изъ соломы, или сухой травы, наполненный горячими угольями. Хоть они и горятъ уже низко на головѣ, онъ все таки не теряетъ спокойнаго расположенія духа; такъ же безстрашно всходитъ и на горящій костеръ, который въ нѣсколько минутъ обращаетъ его въ пепелъ. Разсказываютъ и другіе примѣры безчувствія Индѣйцевъ къ боли, которые нельзя бы было считать за правду, если бы они не подтверждались достовѣрными очевидцами. Такъ видѣли одинъ разъ, что человѣкъ, избравшій огненную смерть, прежде чѣмъ прыгнуть въ пламя, распоролъ себѣ брюхо ножомъ, вынулъ лѣвою рукою печень, отрѣзалъ отъ нея кусокъ и отдалъ его одному изъ своихъ собратій, не прерывая дружескаго разговора съ этѣмъ послѣднимъ. Такіе люди часто вступаютъ въ споръ между собою о выборѣ самаго мучительнаго рода смерти: упоминаютъ о случаѣ, который такъ страненъ, что нельзя не разсказать о немъ. Приверженцы двухъ различныхъ сектъ долго спорили другъ съ другомъ въ изобрѣтеніи самыхъ ужасныхъ мученій, однако жь ни одной сторонѣ не удавалось взять верхъ надъ другою. Наконецъ вышелъ впередъ приверженецъ одной секты и вызывалъ приверженцовъ другой или подражать ему, или признать себя побѣжденными, когда они приняли вызовъ, онъ сѣлъ на одномъ мѣстѣ, усаженномъ бамбуковымъ тростникомъ, велѣлъ пригнуть къ землѣ самую крѣпкую трость и привязать къ ней себя за волосы. Потомъ взялъ саблю и сказалъ окружающимъ: «Я отъ

рѣжу себѣ теперь голову: какъ скоро она отдѣлится отъ туловища, вы въ ту же минуту выпустите изъ рукъ конецъ трости, и увѣряю васъ, что когда голова моя взлетитъ на верхъ, я такъ громко захохочу, что вы услышите это явственно.» Онъ и въ самомъ дѣлѣ исполнилъ свое обѣщаніе: другая сторона, не имѣя духа сдѣлать то же, была побѣждена.

Однако жъ довольно объ Индіи: послѣдуемъ теперь за пловцами въ Китай, въ ихъ дальнѣйшемъ странствованіи. Изъ Серенгиба, продолжаетъ дневникъ, держатъ путь къ островамъ Нешебалусъ (Никобарскимъ), которыхъ многочисленные жители ходятъ совсѣмъ нагіе, по тому что ихъ не безпокоятъ ни жары, ни холода. Когда мимо плывутъ корабли, туземцы спѣшатъ къ нимъ въ малыхъ судахъ для обмѣна на желѣзо произведеній своей земли — кокосовыхъ орѣховъ, сѣрой амбры, пальмоваго вина и сахарнаго тростника. Сдѣлки ведутся знаками, по тому что эти люди не понимаютъ ни Арабскаго, ни какого другаго языка, употребительнаго у торговыхъ людей. По ту сторону острововъ Нешебалусъ входятъ въ Андеманское море: на берегу его (на западномъ берегу Малакки) живутъ черные люди, обыкновенно нагіе, съ курчавыми волосами, страшными глазами и длиною въ аршинъ ногами: они питаются человѣческимъ мясомъ, отъ чего и пристаютъ сюда только по крайней муждѣ. Бури въ этомъ морѣ очень опасны и разбиваютъ корабли о безчисленные скалы и утесы; по тому-то съ большою радостью пловцы видятъ островъ Кала (Суматру), гдѣ опять берутъ свѣжую воду. Въ дальнѣйшемъ плаваніи касаются государствъ Бетрумы и Сенефа, потомъ изобильныхъ мускусомъ странъ Мудшетъ и Мабетъ (всѣ онѣ на восточномъ берегу Малакки), которыхъ жители одѣваются, какъ Китайцы, и наконецъ острова Тендерфулата (Пуло Кондоръ на берегу Камбоджи), откуда, еще разъ запастись водою, въ продолженіи мѣсяца пріѣзжаютъ въ Канфу (Ганг-чей-фу), самую значительную пристань Китая.

Канфу — городъ хорошо укрѣпленный, красивый и богато снабженный всѣмъ, необходимымъ для жизни, гдѣ поселилось много Арабовъ, живущихъ подъ властію своего собственнаго Короля. Сдѣсь должны приставать всѣ торговые корабли: какъ скоро они бросятъ якорь, являются Китайскіе чиновники, берутъ

подъ секвестръ весь грузъ и отвозятъ его въ магазины, гдѣ остается онъ шесть мѣсяцевъ, пока не прибудетъ послѣдній пріѣзжій въ Китай. Потомъ берутъ 30 процентовъ со всѣхъ товаровъ, а остальные уступаютъ купцамъ. Когда Императору бываетъ надобность въ покупкахъ, онъ дѣлаетъ ихъ еще до открытія магазиновъ, однако жь за все платитъ самую дорогую цѣну и очень добросовѣстно, такъ что нельзя упрекнуть его ни въ малѣйшей несправедливости. Чего Арабы не могутъ сбыть въ Канфу за приличную цѣну, то везутъ во внутреннюю страну, и при этой торговлѣ пользуются самымъ сильнымъ покровительствомъ Китайскихъ властей. Но каждый купецъ, тамошній ли онъ, или иностранный, долженъ достать себѣ два паспорта, если хочетъ ѣздить изъ одного мѣста въ другое. Въ одномъ показаны имя и лѣта путешественника, его товарищей и всего семейства, ѣдущаго съ нимъ, а въ другомъ подробный списокъ чистыхъ денегъ и товаровъ, какіе везетъ съ собою общество путешественниковъ. На границахъ всякой области паспорты осматриваются и вносятся въ книги Такимъ образомъ безъ вѣдома Правительства нельзя ввозить ни денежныхъ суммъ, ни товаровъ, за то нельзя и потерять ихъ. Когда путешественникъ умретъ въ дорогѣ, законные наслѣдники получаютъ его имущество, не потерявъ ни малѣйшей безлѣлицы.

Но такой превосходный порядокъ нарушенъ былъ кровопролитнымъ переворотомъ, причинившимъ незамѣнимый вредъ и Арабской торговлѣ. Байшу, сильный намѣстникъ, не принадлежавшій, однако жь, къ Императорскому семейству, взбунтовался и сталъ собирать значительное войско, въ чемъ скоро и успѣлъ, благодаря своей щедрости. Завоевавъ уже часть Имперіи, онъ явился передъ Канфу въ 877 году и, послѣ упорнаго сопротивленія, взялъ приступомъ это богатое складочное мѣсто. Всѣ жители, за свою храбрую оборону, были перебиты, и, кромѣ безчисленнаго множества Китайцевъ, нашли свою смерть 26 тысячъ Магометанъ, Жидовъ, Христіянъ и Персовъ, проживавшихъ тамъ для торговли. Потомъ Байшу велѣлъ срубить всѣ шелковичныя деревья, отъ чего, къ неисчислимому вреду страны, обработка и вывозъ шелка прекратились почти совсѣмъ, а шелкъ составлялъ самую важную и прибыльную отрасль торговли. Императоръ ни какъ не могъ остано-

вить мятежника и оттѣсненный къ самымъ границамъ Имперіи, принужденъ былъ просить помощи у своего родственника, Короля Таггасгаса въ Туркестанѣ (въ теперешней области Уйгуровъ). Этотъ послалъ къ нему съ большимъ войскомъ своего сына; Байшу побѣжденъ былъ во многихъ сраженіяхъ и нашелъ свою смерть. о которой ничего неизвѣстно подробнѣе. Императоръ тогда возвратился, но финансы были въ совершенномъ разстройствѣ, и намѣстниковъ отдѣльныхъ области, сдѣлавшихся независимыми во время войны, не скоро можно было привести опять въ прежнюю безусловную покорность. Величайшій безпорядокъ мало по малу распространился по всей Имперіи; намѣстники начали открытую войну между собою, разоряли области и даже до того дошли въ своихъ безчинствахъ, что пожирали подданныхъ другъ друга и мясо ихъ продавали на рынкахъ. Иностранные купцы отягощаемы были пошлинами, но совсѣмъ тѣмъ не находили защиты ни лично для себя, ни для своей собственности; отъ того-то большая часть ихъ покинула несчастную страну и прекратила съ нею торговлю на полстолѣтія, пока не миновали ужасы междоусобной войны.

Но какъ непоколебима остается большая часть государственныхъ учрежденій въ Китаѣ, наперекоръ всѣмъ насильственнымъ переворотамъ, это доказываютъ замѣчанія Арабовъ, которыя почти всѣ согласны съ теперешнимъ битомъ Китайской имперіи: это окажется изъ краткаго сличенія ихъ всѣхъ вмѣстѣ, которое и попытаемся сдѣлать сдѣсь.

Китай—страна пріятная и плодоносная, съ сильнымъ населеніемъ, пересѣкаемая большими рѣками, безъ болотъ; отъ того тамъ вездѣ дышатъ благорастворенным воздухомъ и не знаютъ очень многихъ болѣзней, причиняющихъ большія опустошенія въ другихъ странахъ. Кромѣ леопарда и волка, не встрѣчается ни какихъ свирѣпыхъ звѣрей, за то великое множество лошадей и ословъ, которыми Китайцы пользуются для верховой и всякой ѣзды, также и для ношенія тяжестей; къ верблюду у нихъ неодолимое отвращеніе: они не могутъ терпѣть его. Плодовитыя деревья почти вездѣ растутъ превосходно: сдѣсь собираютъ самыя вкусныя яблока, груши, персики, лимоны, айвы, смоквы, виноградъ, миндаль, орѣхи, тыквы и другіе плоды. Вся Имперія покрыта городами и мѣстечками, которыхъ значеніе соразмѣряется съ ихъ величи-

ною и числомъ жителей. Всякой городъ, имѣющій право на это названіе, въ знакъ его преимущества, имѣетъ четыре большія трубы, расписанныя тушью: въ этѣ трубы трубятъ въ извѣстные часы дня у четырехъ воротъ, и звукъ ихъ слышанъ за 1000 шаговъ. Потомъ на всякой городъ роздано по 10-ти барабановъ, въ которые бьютъ въ одно время, для показанія часовъ; впрочемъ, не рѣдки также часы солнечные и съ гирями. Столица Кумбуинъ (Нанкинъ) лежитъ въ очень пріятной и плодоносной странѣ: это городъ большой и населенный; очень широкая и длинная улица раздѣляетъ его на двѣ части. Въ восточной, прорѣзанной каналами множества рѣкъ, украшенной великолѣпными зданіями и тѣнистыми купами деревьевъ, живетъ Императоръ съ своимъ семействомъ, министрами, придворными, солдатами и верховнымъ судьей; въ западной части тѣснится народъ и купечество, по тому что общественные мѣста и рынки занимаютъ очень большое пространство. Каждое утро съ разсвѣтомъ дня являются чиновники Императорскаго Дома съ многочисленною прислугою, отчасти на лошадяхъ, отчасти пѣшкомъ, и у купцовъ, стоящихъ уже наготовѣ, запасаются необходимыми съѣстными припасами и другимъ нужнымъ, по тому что, кромѣ этого времени для покупокъ, имъ не позволено навѣщать эту часть города. Самъ Императоръ показывается публично только одинъ разъ въ 10 мѣсяцевъ: онъ думаетъ, что лишится уваженіе въ народѣ, если станетъ являться чаще; это, конечно, вполнѣ согласуется съ мнѣніемъ государственныхъ людей Китая, что власть можетъ держаться только посредствомъ насильственнаго угнетенія народа и его слѣпаго повиновенія. Согласно съ этѣми правилами поступаютъ и намѣстники, которыхъ значеніе различно, смотря по величинѣ тѣхъ городовъ, гдѣ они управляютъ. Впрочемъ, никто, хоть бы и самаго высокаго происхожденія, не получаетъ этого достоинства прежде 40-го года жизни, по тому что только въ такомъ возрастѣ ожидаютъ необходимой для того опытности. Всѣ дѣла жителей, ввѣренныя его попеченію, сообщаются ему письменно; его рѣшеніе на нихъ слѣдуетъ также письменно, черезъ помощника, который всегда стоитъ за нимъ и называется Лику (Секретарь). Всѣ просьбы должно писать одно свѣдущее въ дѣлахъ лицо и подписывать подъ ними свое имя: онъ отвѣчаетъ за встрѣчающіяся въ нихъ ошибки противъ существующихъ постановленій и на-

казывается за нихъ палочными ударами Когда самъ намѣстникъ дѣлаетъ преступленіе, его удавливаютъ, а тѣло раздѣляютъ для пищи, по тому что Китайцы ѣдятъ мясо всѣхъ казненныхъ. Намѣстники, также и подчиненные имъ чиновники, покрываютъ всѣ свои нужды изъ общественной городской казны, которою поручено имъ завѣдывать. Когда намѣстникъ появляется въ народѣ, что случается только изрѣдка и при томъ съ большою пытностью, передъ нимъ идутъ люди съ деревянною хлопушкою; только что заслышавъ ее, жители какъ можно скорѣе очищаютъ дорогу, которою ѣдетъ намѣстникъ, и каждый домовладѣлецъ запираетъ ворота до тѣхъ поръ, пока онъ не проѣдетъ. Такъ внушается должное благоговѣніе, и всякому задается страхъ не подходить слишкомъ близко къ своему главному начальнику. Всѣ чиновники одѣваются въ чрезвычайно дорогія матеріи, гораздо превосходнѣе тѣхъ шелковыхъ тканей, которыя имѣютъ обращеніе въ торговлѣ.

Императорскіе доходы, идущіе въ государственную казну, большею частію состоятъ въ поголовномъ налогѣ; однако жь, онъ такъ значителенъ, что въ одномъ вородѣ Канфу, который еще не изъ самыхъ большихъ въ странѣ, каждый день простирается до 50-ти тысячъ динаріевъ. Кромѣ того Императору принадлежитъ весь доходъ съ соляныхъ копей и съ растенія, по имени сагъ (чай), имѣющаго пріятный, но нѣсколько острый, запахъ. Китайцы потребляютъ изумительно много этого растенія: обливаютъ его кипяткомъ и такъ приготовляютъ напитокъ, почитаемый у нихъ вѣрнымъ средствомъ противъ всякой боли. Поголовную подать долженъ платить каждый, когда достигнетъ 17-года возраста, а съ 80-мъ не только освобождается отъ нея, но и получаетъ положенную сумму изъ государственной казны, чтобы ему можно было безъ всякихъ заботъ наслаждаться такою преклонною старостью. Единственная монета, которою пользуются Китайцы, — круглые мѣдные кружки, называемые фалюсъ, съ дирочкою по срединѣ, чтобы можно было нанизывать ихъ на шнурокъ. На каждомъ снуркѣ тысяча такихъ кружковъ, и между всякой монетой завязанъ узелокъ: этой монетой производятся всѣ уплаты.

Правосудіе соблюдается очень строго въ Китаѣ и совершенно безъ всякихъ уваженій: намѣстникъ, онъ же и судья, долженъ быть готовъ во всякое время выслушивать обвинителя и обвинен-

наго и произносить приговоръ безъ всякихъ проволочекъ; у дворца повѣшенъ большой колоколъ: кто чувствуетъ, что съ нимъ поступлено несправедливо, долженъ только позвонить, чтобы его впустили въ ту же минуту. Такъ же быстро слѣдуетъ приглашеніе въ судъ и наказаніе обвиненнаго, если онъ окажется виноватымъ; а когда можетъ удовлетворительно доказать свою невинность, тогда обвинитель жестоко наказывается палочными ударами. Въ преступленіяхъ, наказываемыхъ смертію, если вина не довольно ясно доказана дѣломъ обвиненнаго спрашиваютъ, не хочетъ ли онъ подвергнуться испытанію огнемъ? Въ случаѣ его согласія, кладутъ ему на руки семь деревесныхъ листковъ, а на нихъ раскаленное докрасна желѣзо, съ которымъ онъ и долженъ ходитъ положенное время вездѣ. Когда онъ сдѣлаетъ это счастливо, кладутъ эту руку въ кожаный карманъ и запечатываютъ его. Спустя три дня, онъ долженъ явиться опять, и если найдутъ руку невредимою, объявляютъ его невиннымъ. Вмѣсто раскаленнаго желѣза судья можетъ приказать, чтобы обвиненный досталъ желѣзное кольцо изъ котла съ кипяткомъ: если рука останется неповрежденной, убѣждаются въ его невинности, и присуждаютъ донощика къ значительной денежной пенѣ. Воровство считается однимъ изъ самыхъ жестокихъ преступленій и, какъ бы ни было маловажно, наказывается смертію. При казни преступника поступаютъ очень сурово. Сначала вяжутъ ему руки и притягиваютъ ихъ черезъ голову къ затылку, тутъ привязываютъ къ нимъ и ноги, также загнутыя назадъ, отъ чего всѣ члены выходятъ изъ суставовъ и отдѣляются другъ отъ друга съ такою болью, что уже одно это мученіе должно имѣть слѣдствіемъ скорую смерть. Еще недовольные тѣмъ, даютъ ему извѣстное число ударовъ толстымъ кнутомъ, и въ такомъ положеніи предоставляютъ его голодной черни, которая тотчасъ же убиваетъ и съѣдаетъ его. Когда надобно бываетъ доложить Императору о необыкновенномъ преступленіи, или какомъ ни будь другомъ дѣлѣ, то это дѣлается чрезвычайно скоро чрезъ курьеровъ, нарочно для того поставленныхъ въ извѣстныхъ мѣстахъ; черезъ нихъ же приходятъ и Императорскіе приказы къ Намѣстникамъ.

Вѣра Китайцевъ состоитъ въ поклоненіи идоламъ, передъ которыми они бросаются на землю и ожидаютъ отъ нихъ исполненія своихъ просьбъ. У нихъ есть и книги, въ которыхъ заклю-

чается ихъ вѣроученіе. Всѣ Китайцы, знатные и низкіе, богатые и бѣдные, учатся читать и писать. Правительство содержитъ для того училища во всѣхъ мѣстахъ и даетъ жалованье учителямъ. Но тѣмъ и ограничивается вся ихъ ученость, по тому что они не занимаются науками; свою Вѣру, также и большую часть законовъ, они получили отъ Индѣйцевъ, по ихъ собственному сознанію. Отъ Индѣйцевъ же получили и нѣкоторыя свѣдѣнія въ Астрономіи и Медицинѣ, которая состоитъ только въ употребленіи раскаленнаго желѣза, да въ искуственномъ произведеніи отвлекающихъ нарывовъ. Цѣны этѣхъ и другихъ лѣкарственныхъ средствъ написаны на большомъ камнѣ, поставленномъ на площади каждаго города; бѣднякъ, которому нечѣмъ заплатить за нихъ, получаетъ нужныя деньги изъ государственной казны.

Въ искуствахъ, а особливо въ живописи, Китайцы выше всѣхъ народовъ въ свѣтѣ, и произведенія, вышедшія изъ ихъ рукъ, такъ совершенны, что никто не въ состояніи подражать имъ. Когда художникъ окончитъ какое ни будь прекрасное произведеніе, онъ приноситъ его во дворецъ намѣстника и требуетъ награды, какой заслуживаетъ, по своему собственному мнѣнію. Намѣстникъ приказываетъ поставить это произведеніе у дверей, и оно остается тамъ цѣлый годъ. Если во все это время никто не найдетъ въ немъ недостатка, творецъ его получаетъ награду и принимается въ цехъ художниковъ; если же отыщется хотя самый малый недостатокъ, ему отказываютъ. Фарфоровая посуда, выдѣлываемая въ Китаѣ, превосходной красоты и прозрачна, какъ стекло. Да и самыя зданія ихъ, которыхъ лицевыя стороны покрыты блестящимъ, бѣлымъ, какъ молоко, лакомъ, похожи на большіе фарфоровые сосуды, но стѣны изъ простаго плетенаго тростника, и когда загорится пожаръ, что бываетъ нерѣдко, онъ съ величайшею быстротою обращаетъ въ пепелъ цѣлую четверть города. Отъ того-то дома имѣютъ немного этажей, а только одинъ нижній, гдѣ хранится все имущество въ большихъ сундукахъ съ колесами: когда огонь грозитъ опасностью, ихъ легко можно вытаскивать и спасать.

Китайцы вообще люди красивые и хорошо сложены, съ очень бѣлою кожей и черными, какъ воронъ, волосами, только не такъ опрятны, какъ Индѣйцы. по тому что не моются, какъ

они, а только счищаютъ съ себя грязь бумагою. Китайскія женщины не покрываютъ головы, а украшаютъ волосы, гладко примаженные, множествомъ гребенючекъ изъ слоновой кости, или металла; мущины носятъ особеннаго вида шапки на длинныхъ, также приглаженныхъ, волосахъ, бороду тщательно брѣютъ. Каждый мущина беретъ столько женъ, сколько ему угодно: уговорившись съ родителями невѣсты и пославъ имъ обычные подарки, большею частію, состоящіе въ серебрѣ, онъ играетъ свадьбу съ торжествомъ и музыкой.

Самая главная пища Китайцевъ рисъ, рожь и мясо; животныхъ, употребляемыхъ въ пищу, они не колютъ, а бьютъ ихъ по рылу до тѣхъ поръ, пока они не околѣютъ. Ихъ единственный крѣпкій напитокъ приготовляется изъ риса: къ вину они имѣютъ отвращеніе. Страненъ обычай въ продолженіи цѣлаго года ставить для покойниковъ кушанье и напитки: во все это время трупы сохраняютъ въ домахъ, предохраняя ихъ отъ гнилости негашеною известью. Умершій похороняется только по прошествіи этого срока, а печаль по немъ продолжается три года. Во все это время они должны часто облегчать свое горе слезами: кто не дѣлаетъ того, считается человѣкомъ безъ сердца и наказывается палками.

Столько извѣстій передаютъ намъ Арабскіе путешественники о нравахъ и обычаяхъ Небесной Имперіи. Земли и народы къ сѣверу отъ нея они знаютъ очень несовершенно. Сначала называютъ Хорасанъ, подъ именемъ котораго разумѣютъ все пространство земель къ сѣверу отъ Персіи и Индіи до границъ Тибета. Путь изъ Китая до Самарканда, столицы Хорасана, идущій широкою песчаною степью, едва можно проѣхать въ два мѣсяца. Между Хорасаномъ, землею Тагхасхасъ, о которой говорено было выше, и Китаемъ, лежитъ Тибетъ, особливо замѣчательный мускусомъ: это предметъ торговли, продающійся почти на вѣсъ золота. Животное (бизамъ), доставляющее мускусъ, видомъ, шерстью и цвѣтомъ походитъ на обыкновенную серну, имѣетъ тонкія ноги, раздвоенныя копытами, прямые, или только не много закривленные, рога, и по обѣимъ сторонамъ рыла два бѣлые зуба, въ полъ пальца длиною, нѣсколько похожіе на слоновые: они-то особенно и отличаютъ его отъ серны. Всего чаще находятъ

его на границахъ Тибета и Китая; за нимъ охотятся жители этѣхъ обѣихъ странъ. Тибетскій мускусъ, однако жь, гораздо превосходнѣе Китайскаго, по тому что въ Тибетѣ бизамъ питается душистыми растеніями, а въ Китаѣ одною обыкновенной травой; сверхъ того Китайцы различнымъ образомъ поддѣлываютъ этотъ драгоцѣнный сокъ, который скопляется у животнаго около пупка, точно сгустившаяся кровь, и появляется въ видѣ нарыва. Когда этотъ нальется совсѣмъ, животное чувствуетъ непріятный зудъ и трется о камни до тѣхъ поръ, пока не прорвется нарывъ и жидкость не пойдетъ изъ него каплями. Она тотчасъ же густѣетъ и пристаетъ къ камнямъ, гдѣ тщательно ищутъ ее такіе люди, которые только и занимаются этѣмъ промысломъ: такой родъ мускуса, который созрѣваетъ самъ собою въ животномъ, считается самымъ лучшимъ; точно такъ же, какъ и плодъ, созрѣвшій на деревѣ, лучше. Когда бизама убьютъ на охотѣ, тотчасъ же вырѣзываютъ у него этотъ сокъ, вмѣстѣ съ мѣшечкомъ, въ которомъ онъ находится, часто далеко еще не зрѣлый: такой мускусъ густѣетъ съ большимъ трудомъ и только въ продолженіи долгаго времени.

Въ океанѣ, къ востоку отъ Китая, лежатъ острова Сила (можетъ быть, Японія), населенные бѣлыми людьми, которые ежегодно посылаютъ подарки къ Китайскому Императору, думая, что если не станутъ дѣлать того, тогда не будетъ и дождя, оплодотворяющаго ихъ землю. На этѣхъ островахъ множество бѣлыхъ соколовъ; но Арабы еще не заѣзжали туда, а потому и не имѣютъ объ нихъ вѣрныхъ свѣдѣній. Вообще направленіе восточнаго Азіятскаго берега оставалось для нихъ такъ же не извѣстнымъ, какъ и Грекамъ и Римлянамъ, и у нихъ также долго еще пользовалось довѣріемъ то мнѣніе, что Восточный океанъ продолжается къ сѣверу около Туркестана и посредствомъ Хозарскаго моря (Каспійскаго) соединяется съ Средиземнымъ. Доказательствомъ для этого мнѣнія послужило одно Китайское судно, извѣстное своимъ особеннымъ способомъ постройки и найденное разбитымъ на Сирійскомъ берегу: какимъ же инымъ образомъ и какою другою дорогою оно зашло бы въ Средиземное море? Дальше всего были отъ возможности, что это судно могло быть занесено бурями кругомъ мыса Доброй Надежды, вдоль западнаго

берега Африки, черезъ Гибралтарскій проливъ въ Средиземное море и къ Сирійскому берегу, по тому что возможность объѣзда Африки была Арабамъ во всякомъ случаѣ не извѣстна, хоть, можетъ быть, корабль, когда ни будь пригнанный бурями къ страшному мысу Коріентесъ, и подалъ поводъ къ темнымъ слухамъ объ южной оконечности Африки.

Вообще, морскія поѣздки Арабовъ ни въ какое время нельзя считать путешествіями для открытій, а только торговыми предпріятіями, да онѣ и не доходили до золотой земли Софалы, по тому что произведенія южнѣе идущаго берега не представляли ни какого достаточнаго вознагражденія за издержки на снаряженіе корабля и за тѣ опасности, какія надобно было преодолѣть для того. Гораздо заманчивѣе казались богатства дальняго Востока, гдѣ еще въ IX столѣтіи на всѣхъ берегахъ искали рѣдкихъ товаровъ, которые можно было сбывать на родинѣ съ огромною прибылью; даже знали большую часть Зондскихъ острововъ, составлявшихъ тогда великое царство Цападше и управляемыхъ сильнымъ Царемъ Мерадше. Царство Цападше, говоритъ Абу-Сеидъ, со всѣми, къ нему принадлежащими, островами, должно имѣть болѣе 100 миль пространства; одинъ изъ этѣхъ острововъ, по имени Кала (Суматра), лежащій на половинѣ дороги между Китаемъ и землею Арабовъ, часто посѣщается торговыми людьми: оттуда привозятъ алое разныхъ родовъ, камфару, сандальное дерево, слоновую кость, свинецъ, черновое дерево, Бразильское, разныя пряности и другіе товары, по тому что этотъ островъ, гдѣ имѣетъ пребываніе и Мерадше, очень плодоносенъ, города и мѣстечка такъ плотно прилегаютъ одни къ другимъ, что тамошніе пѣтухи слышатъ другъ друга и пѣніе раздается по всей странѣ въ одно и то же время. Царскій дворецъ возвышается недалеко отъ берега, у небольшаго озера, которое находится въ соединеніи съ рѣкою, впадающею близко отъ него въ море. Въ это озеро каждое утро первый придворный сановникъ бросаетъ, во время отлива, золотую полосу особенной формы, которую приливъ покрываетъ водою. Когда Царь умретъ, всѣ этѣ полосы вытаскиваютъ, считаютъ по нимъ время его царствованія, потомъ переливаютъ ихъ и раздаютъ это золото между членами Царскаго дома, чиновниками, также бѣдными и больными людь-

ми. Другой островъ этого государства называется Сербеза (Борнео) и имѣетъ 400 миль пространства. На одномъ островѣ поменьше (Явѣ) находятъ огнедышащую гору, которая днемъ выбрасываетъ густой дымъ, а ночью пламя, и при подошвѣ ея бьютъ два ключа съ соленой водою, одинъ съ теплою, а другой съ холодною.

Замѣчаніе Абу-Сеида, что между Суматрою и Оманомъ (восточною оконечностью Аравіи) существуетъ правильное сообщеніе, даетъ намъ понятіе о дѣятельности Арабскихъ торговцевъ, а въ особенности объ крѣпости жителей области Омана, которые также славились кораблестроеніемъ, хотя собственная ихъ земля и не доставляла дерева. Люди, занимавшіеся такимъ дѣломъ, плавали на Лакедивскіе острова, рубили тамъ кокосовыя пальмы, покрывающія этѣ острова, въ такомъ количествѣ, сколько хотѣли, и пилили изъ нихъ доски, которыя связывали веревками, сдѣланными изъ коры этѣхъ деревьевъ, ставили одну пальму въ видѣ мачты, на кораблѣ, нагруженномъ кокосовыми орѣхами, распускали на ней парусъ, сдѣланный изъ пальмовыхъ листьевъ, и возвращались на родину, гдѣ продавали и корабль, и грузъ, состоявшіе также изъ частей пальмоваго дерева.

На этѣхъ жалкихъ судахъ Арабскіе купцы не только плавали къ востоку, гдѣ путешествіе облегчалось правильными пассатными вѣтрами, но также и гораздо опаснѣйшимъ путемъ, къ югу, до Камбалу (Мадагаскара), и познакомили насъ, хоть и поверхностно, съ большею частію восточнаго берега Африки. Первое мѣсто, обращающее наше вниманіе—островъ Сокотора, съ которымъ Арабы соединяютъ странное сказаніе. Въ то время, когда Александръ Великій разрушилъ Персидское царство, учитель его, Аристотель, съ которымъ онъ постоянно переписывался о завоеванныхъ странамъ, отнесся къ нему, чтобы онъ особенно позаботился велѣть отыскать островъ Сокотору, гдѣ растетъ алое, превосходное лѣкарство отъ большей части болѣзней. А когда найдутъ его, то чтобъ вѣрнѣе достичь предположенной цѣли, пусть онъ удалитъ съ острова всѣхъ туземцевъ и населитъ его Греками, черезъ которыхъ легко можно будетъ получать алое. Александръ послушался совѣта Аристотеля, и послалъ на Сокотору Греческое поселеніе, которое въ послѣдствіи, вмѣстѣ съ сво-

ею отечественною страною, приняло Христіанскую Вѣру и исповѣдовало ее еще въ IX-мъ столѣтіи, когда берега ближней Аравіи давно уже приняли Исламъ.

Отъ восточнаго мыса Африки, лежащаго напротивъ Сокоторы, до Софалы тянется земля Циндше (теперь называемая берегъ Зангвебаръ). Тамошніе жители питаются маисомъ, разводятъ также во многихъ мѣстахъ сахарный тростникъ, однако жь, онъ даетъ плохой, очень черный, сахаръ. Они управляются многими Королями, которые постоянно въ ссорѣ между собою. Воины, составляющіе особенное сословіе, носятъ кольца въ проколотыхъ носахъ и цѣпочки на шеѣ. Когда станутъ противъ непріятеля, каждый беретъ висящій конецъ цѣпочки сосѣда и продѣваетъ въ кольцо на носу у себя. Боковые на обѣихъ сторонахъ боевой черты стоятъ неподвижно твердо и, имѣя въ своихъ рукахъ начало и конецъ этой живой цѣпи, не даютъ никому бросаться въ бой прежде другихъ, пока идутъ мирные переговоры, бывающіе всякой разъ. Если примиреніе состоится, цѣпь опять вынимается изъ колецъ на носу и потомъ расходятся; если же дѣло дойдетъ до сраженія, скованные или одерживаютъ побѣду, или всѣ остаются убитыми на мѣстѣ сраженія. Циндше оказываютъ такое глубокое уваженіе Арабамъ, что падаютъ на колѣни, когда увидятъ кого ни будь изъ нихъ, потому что, по ихъ словамъ, Арабы приходятъ изъ той земли, гдѣ растутъ финики, ихъ любимое кушанье. Лошади, мулы и верблюды не встрѣчаются въ этой странѣ; жители ѣздятъ верхомъ на неповоротливыхъ волахъ и привозятъ на нихъ свои товары въ пристань, гдѣ Арабы поселились въ такомъ большомъ числѣ, что Циндше вскорѣ должны были предоставить имъ весь берегъ и удалиться внутрь страны. Самымъ важнымъ предметомъ торговли, какой доставляла эта страна, были красные и черные леопардовые мѣха, павлиныя перья, амбра большими кусками, черепа исполинскихъ черепахъ, употреблявшіеся для умывальныхъ тазовъ и ваннъ, и слоновые зубы. Высокая цѣна, какую давали за эти зубы, заставила туземцевъ выбрать охоту за слонами своимъ главнымъ занятіемъ. Но такихъ сильныхъ звѣрей трудно и только съ большою опасностію жизни можно одолѣвать копіемъ, стрѣлами и лукомъ: для того отравляли какою-то одуряющею древесною корою воду въ тѣхъ мѣстахъ,

куда они обыкновенно ходили пить, и легко убивали ихъ, когда опьянѣніе дѣлало для нихъ невозможнымъ бѣгство и оборону.

И въ Софалѣ, самомъ богатомъ золотомъ ключѣ, Арабы владѣли многими мѣстами на берегу: успѣли ли они завести поселенія также и на Мадагаскарѣ, это открылось бы только тогда, когда бы Арабскіе источники для Географіи и Этнографіи были богаче. Вѣрно, что Арабы никогда не могли совсѣмъ отрѣшиться отъ мнѣнія Птолемея, которому они слѣдовали безусловно вездѣ, гдѣ было недостаточно ихъ собственныхъ свѣдѣній. По этому мнѣнію, какъ мы видѣли, Африка соединяется большимъ материкомъ съ восточною Азіею; Арабы, конечно, подвигали этотъ материкъ гораздо дальше къ югу и не соединяли его непосредственно съ Азіею, а оканчивали цѣпью острововъ, по тому что къ востоку отъ Китайской имперіи видѣли океанъ. Эта купа острововъ, носившая названіе Ваквакъ и только въ туманѣ выступавшая изъ волнъ на концѣ міра, сдѣлалась мѣстомъ безконечнаго множества чрезвычайно странныхъ созданій плодовитаго воображенія Арабовъ. На самомъ крайнемъ изъ этѣхъ острововъ стоятъ три изваянія съ поднятыми правыми руками и указываютъ пришлецу на морской берегъ, чтобы заставить его вернуться назадъ. Уже это сказаніе доказываетъ, что ни одинъ Арабскій корабль не достигалъ этѣхъ острововъ, и принялъ теперь, что описанное выше царство Пападше заключало въ себѣ всѣ Зондскіе острова: купою острововъ Ваквакъ можемъ считать Молуккскіе острова, и такимъ образомъ найдемъ самый крайній предѣлъ Арабской Географіи.

САЛАМЪ ТОЛМАЧЪ.

Не такъ легко было бы опредѣлить самый сѣверный пунктъ Азіи, котораго достигли разысканія любознательныхъ Арабовъ, и мы, ни мало не сомнѣваясь, должны бы были принять за него уже упомянутую землю Тагхасхасъ, если бъ одно, мало извѣстное, путешествіе половины IX-го вѣка не приподняло на мгновеніе завѣсы и не позволило намъ видѣть порядочное пространство земли еще дальше.

Сначала сообщимъ этотъ занимательный разсказъ безъ перерывовъ, и за тѣмъ послѣдуетъ объясненіе, какое окажется наиболѣе вѣроятнымъ.

Это было около 227-го года Эгиры (въ 842 году). Ватекъ Биллагъ, девятый изъ Калифовъ Бени-Аббаса, ясно видѣлъ во снѣ стѣну, построенную Александромъ Великимъ между его Имперіею и землями Ядшудшъ и Мадшудшъ (Гогъ и Магогъ), и проснувшись, тотчасъ же велѣлъ позвать къ себѣ толмача Салама и сказалъ ему: «Ступай, осмотри это укрѣпленіе и донеси мнѣ подробно, въ какомъ оно теперь положеніи!» Потомъ далъ ему 50 человѣкъ провожатыхъ, достаточную сумму денегъ, на годъ съѣстныхъ припасовъ, которые тащили сто муловъ, и велѣлъ отправляться въ дорогу немедленно. Саламъ исполнилъ очень добросовѣстно данное ему трудное порученіе, и воротясь благополучно домой, передалъ слѣдующіе выводы своихъ разысканій. «Мы отправились изъ Сорра-мен-ра (къ сѣверу отъ Багдада) съ препоручительнымъ письмомъ Калифа къ Арменскому Царю, Исааку бен-Измаилу, и застали его въ Тифлисѣ, гдѣ получили новыя препоручительныя письма къ Царю золотаго престола, который принялъ насъ очень благосклонно и отправилъ дальше къ Царю Алланъ (Аллановъ). Отсюда прибыли мы къ Филагъ-Шаху, гдѣ жили многіе дни, до тѣхъ поръ, пока не получили надежныхъ провожатыхъ въ дальнѣйшій путь. Въ 27 дней мы добрались до границъ Багдширта (Башкировъ), и по томъ шли 10 дней по обширной черной странѣ, по которой разстилался паръ съ такимъ отвратительнымъ запахомъ, что мы безпрестанно должны были употреблять бывшіе съ нами благовонія. Послѣ того цѣлый мѣсяцъ шли пустынною страною, покрытою облаками и признаками старинныхъ жилищъ: на наши вопросы проводники отвѣтили намъ, что это развалины городовъ, съ давнихъ поръ завоеванныхъ и разрушенныхъ народами Ядшудшъ и Мадшудшъ. Сдѣлавъ еще 6-ть дней пути, мы дошли до укрѣпленныхъ замковъ по близости одной горы, на которой возвышается знаменитый валъ, и нашли тамъ людей, говорившихъ по Арабски и по Персидски. Сдѣсь лежитъ также и городъ, котораго начальникъ носитъ титулъ Какана Адкаша, а подданные его Мусульмане и имѣютъ мечети и училища. Когда мы освѣдомились, какъ пришелъ къ нимъ

Исламъ и кто научилъ ихъ Корану, они отвѣчали, что уже очень давно явился къ нимъ человѣкъ на большомъ звѣрѣ съ длинными ногами и горбомъ на спинѣ и поселился въ ихъ землѣ. Отъ него узнали они ученіе и обряды Магометанской Вѣры и стали ее исповѣдывать. Мы отправились потомъ къ валу, лежащему въ 2-хъ миляхъ отъ города, и увидали, что онъ сдѣланъ на оврагѣ во 150 аршинъ ширины и по срединѣ снабженъ крѣпкими желѣзными воротами. Надъ воротами возвышается крѣпкая цитадель изъ желѣзныхъ полосъ, крытая мѣдью; въ ней находится гарнизонъ. Начальникъ цитадели каждую пятницу садится на коня и подъѣзжаетъ къ воротамъ съ 10-ю другими всадниками; въ рукахъ у нихъ молотки, которыми они и колотятъ въ ворота по нѣскольку разъ, чтобы люди Мадшудшъ и Ядшудшъ, находящіеся по другую сторону вала, могли знать, что ворота хорошо охраняются и потеряли бы охоту приступать къ нимъ. Всадники прикладываютъ иногда къ воротамъ уши, чтобы послушать, что такое происходитъ за валомъ, и обыкновенно слышатъ глухой шумъ, похожій на говоръ множества народа. Мы старательно записали всѣ этѣ показанія, и отправились въ обратный путь въ Хорасанъ; на этомъ пути проходили города Локманъ, Харіанъ, Берджадшанъ, Таранъ и Самаркандъ; наконецъ, послѣ 28-ми мѣсячнаго отсутствія, опять достигли Сорры-мен-ра» До сихъ поръ говоритъ Саламъ. По дальнѣйшимъ примѣчаніямъ, которыми Арабскіе Географы снабжаютъ это путешествіе, Мадшудшъ лежитъ ниже Ядшудша. Мадшудши, мужчины и женщины, малы и невзрачны на видъ, всѣ покрыты множествомъ пуха и замѣтны по своимъ длиннымъ, круглымъ и отвислымъ ушамъ; языкъ ихъ походитъ на рѣзкій свистъ; напротивъ Ядшудши ничѣмъ не разнятся отъ другихъ людей, однако жъ не извѣстно, что за Государство у нихъ и какой они Вѣры. По обѣимъ землямъ протекаетъ рѣка неизвѣстной глубины, по имени Эльманшегеръ, въ которую туземцы бросаютъ своихъ военноплѣнныхъ; на днѣ ея долженъ находиться вѣчно горящій огненный ключъ. На берегахъ ея въ пещерахъ живутъ чрезвычайной величины птицы, которыя обыкновенно хватаютъ брошенныхъ въ рѣку людей, прежде нежели они упадутъ на дно, уносятъ ихъ въ свои гнѣзда и пожираютъ. Вся область этѣхъ народовъ ограничивается на югѣ горою Кокайя, такой крутой, что только съ трудомъ можно всхо-

дить на нее; еще труднѣе взбираться на ея вершину, по тому что ее покрываютъ массы вѣчнаго снѣга и густой туманъ, а ущелья кишатъ змѣями и вредными гадами. Кто отваживается на это, тотъ обыкновенно не возвращается назадъ, потому что либо пожираютъ его звѣри, либо берутъ въ плѣнъ люди, живущіе по ту сторону горы Не многіе, будто чудомъ совершившіе благополучно такое отчаянное предпріятіе, разсказывали, что ночью они всегда видали много огня, а днемъ, изъ загустаго тумана, не могли распознать ничего. Сверхъ того обитатели этой земли, цѣпенѣющей круглый годъ отъ холода и льда, люди низкой души, преданы отвратительнымъ порокамъ. Прежде они чаще переходили гору въ одномъ удобномъ проходѣ и неистово опустошали земли, лежащія отъ него къ западу, пока Александръ Великій не велѣлъ запереть стѣною переходнаго пункта. У подошвы этой горы живутъ Адкаши, Турецкое племя, съ толстыми головами, широкими лицами и мигающими глазами. Они говорятъ особеннымъ языкомъ, покланяются огню и всему, что блеститъ. У сѣверной границы ихъ страны тянется, съ запада къ востоку, горная цѣпь Фарганъ. На ней находится круглая равнина, а посреди ея озеро, глубины котораго не могъ извѣдать никто. Ни люди, ни звѣри, ни куски дерева не плаваютъ на водахъ озера: все, что ни упадетъ, гибнетъ безъ всякаго спасенія. Но Богъ вѣдаетъ, правда ли все это, заключаетъ Арабское извѣстіе.

Не легко было бы объяснить всѣ частности въ этомъ разсказѣ, прикрашенномъ Восточною фантазіей, но положеніе странъ Ядшудшъ и Мадшудшъ окажется ясно, если удастся открыть, гдѣ жилъ народъ Адкашъ. Точкою опоры могутъ служить Башкиры, жившіе на южномъ Уралѣ: къ нимъ приходилъ Саламъ такою дорогой, которую не описываетъ подробнѣе. Въ дурно пахнущей странѣ къ востоку отъ Башкировъ, которую путешественники проходили съ отвращеніемъ, нельзя не узнать болотистую полосу на восточной сторонѣ рѣки Урала, гдѣ испаряющіяся воды безчисленныхъ озеръ распространяютъ противный запахъ. Слѣдовательно, обширную пустыню съ развалинами многихъ городовъ, на переходъ которой нуженъ былъ цѣлый мѣсяцъ, надобно искать къ сѣверу отъ большой Киргизской Орды: сдѣсь дѣйствительно находятся и теперь еще слѣды безчислен-

ныхъ жилищъ и могилъ погибшаго народа. И такъ Адкашей, жившихъ по другую сторону этой пустыни, слѣдуетъ помѣстить вблизи Иртыша, а потому и цѣль путешественниковъ — страна около нынѣшняго Семипалатинска, а Кокайя, отдѣлявшая Адкашей отъ Мадшудшей, — Алтайскія горы. Слѣдовательно, кто отваживался восходить на ихъ вершины, тотъ видѣлъ Сибирь, если не мѣшали тому дымъ и туманъ. Новѣйшіе путешественники также подтверждаютъ это явленіе, потому что, по разсказамъ ихъ, чрезвычайно густыя облака часто покрываютъ большую часть горныхъ купъ Алтая, и особенное образованіе этѣхъ облаковъ почти заставляетъ думать, что изнутри горъ, черезъ многія большія разсѣлины, вылетаетъ густой паръ, или дымъ: тамошніе жители говорятъ тогда, что «горы топятся.» Совершенно также справедливо и затѣчаніе Салама, что ночью вездѣ видно огонь, потому что въ Сибири, какъ на равнинахъ, такъ и на горныхъ склонахъ, сожигаютъ стебли прошлогоднихъ растеній, такъ что столбы дыма поднимаются вдругъ во многихъ мѣстахъ. Въ темнотѣ ночи это дѣлаетъ прекрасный видъ: большія и малыя поляны сіяютъ въ разныхъ мѣстахъ, и кажется, что пламя на горныхъ склонахъ то поднимается къ верху, то опускается внизъ. Далѣе изумительно подтверждается разница въ ростѣ Ядшудшъ и Мадшудшъ, показанная Арабскими географами, потому что, благодаря новѣйшимъ наблюденіямъ, мы знаемъ, что Березовскіе Самоѣды высоки и стройны, напротивъ живущіе на заливѣ Тазъ (на Тазовской губѣ) малорослы. Ограничиваемся этѣми общими намеками, которые достаточно показываютъ, что Арабы подъ землями Ядшудшъ и Мадшудшъ разумѣли Сибирь, а изслѣдованія о стѣнѣ, построенной Александромъ Великимъ, и другія частности путешествія, предоставляемъ людямъ, болѣе ученымъ.

АХМЕДЪ БЕНЪ-ФОЦЛАНЪ. *

Изъ разсказа Салама мы видѣли, что усердіе къ дѣлу обращенія въ Магометанскую вѣру довело одного смѣлаго право-

* У Адегунга, въ его «Kritisch-literärische Uebersicht der Reisenden in Russland bis 1700,» сказаноо немъ вотъ что: «Ибн-Фоцланъ, или какъ называетъ его пол-

вѣрнаго до подошвы Алтая; видѣли также, какимъ успѣхомъ увѣнчалось это предпріятіе. Что этотъ случай былъ не отдѣльный, и что Арабы такимъ только образомъ узнали самые дальніе края Азіи и Европы, доказываютъ слѣды Ислама, которые можно открыть, сначала у народовъ между Чернымъ и Каспійскимъ морями, потомъ вверхъ по теченію Волги до Сѣверной Россіи. Обращенію одного Князя Волжскихъ Болгаръ въ Исламъ мы даже обязаны древнѣйшимъ описаніемъ нравовъ и обычаевъ Русскихъ: это обращеніе было поводомъ Арабскаго посольства въ Булгаръ (въ Казанской Губерніи) и непрерывныхъ торговыхъ сношеній съ этѣмъ, нѣкогда столь цвѣтущимъ и славнымъ, а теперь совершенно исчезнувшимъ, городомъ. Альмсъ, неизвѣстный подробнѣе, Булгарскій Князь, отправилъ письмо въ Багдадъ къ Калифу Муктедиру (907—932), съ просьбою прислать къ нему людей для наученія его «истинной» вѣрѣ и религіознымъ обрядамъ Ислама; строенію мечетей, а кромѣ того пособить ему при постройкѣ крѣпости, въ которой онъ былъ бы безопасенъ отъ нападеній непріятеля. Калифъ съ охотою исполнилъ эту просьбу, и при-

---

ное имя Якутъ въ своемъ «Алфавитѣ земель,» A'hmed Ben-Foszlan-Ben-Abbas Ben-Raschid Ben - Hammad, родился въ 921 году, по Р. Х., былъ отправленъ Абассидскимъ Калифомъ, Муктедиромъ, въ качествѣ товарища посланника, къ Царю Славянъ. Въ этомъ путешествіи онъ повстрѣчался на Волгѣ съ Русскими: онъ сообщаетъ замѣчательное и подробное описаніе этѣхъ Руссовъ, ихъ нравовъ и обычаевъ, которое сдѣлалъ для насъ доступнымъ Френъ въ своей превосходной обработкѣ этого сочиненія и объяснилъ его. Хотя разсказъ Ибнъ-Фоцлана былъ извѣстенъ другимъ древнѣйшимъ Арабскимъ писателямъ, да и не могъ оставаться въ тайнѣ для этѣхъ писателей, которые даже имъ пользовались, какъ открывается изъ болѣе внимательнаго сличенія; однако жь вполнѣ сохранилъ его одинъ Якутъ. Оттуда первый обнародовалъ его тотъ замѣчательный оріенталистъ, котораго мы сейчасъ назвали, въ слѣдующихъ сочиненіяхъ: «Die ältesten arabischen Nachrichten über die Wolga-Bulgharen аиъ Jbn—Foszlan's Reise-Berichte. In den Memoires de l'Acad. Imp. des Sciences de St. Pét. VI série, t. 1. St. Pétersb. 1832 p. 527 — 577. Ibn-Foszlan's und anderer Araber Berichte uber die Russen älterer Zeit. Text und Uebersentzung mit kritisch-philologischen Anmerkungen; nebst drei Beylagen über sogenannte Russen-Stämme und Kiew, die Warenger und das Warenger-Meer und das Land Wisu, ebenfalls nach arabischen Schriftstellern, von C. M. Frähn etc. Herausgegeben von der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. St. Petersburg. 1823, 4.»

слалъ къ Булгарскому Князю Ахмеда бенъ-Фоцлана, о подробностяхъ жизни котораго ничего болѣе не знаемъ, съ многочисленною свитою и великолѣпными подарками. Посольство оставило Багдадъ въ Іюнѣ 921 года, а на другой годъ, 11-го Мая, прибыло въ Булгаръ и совершило обычные обряды при обращеніи въ Магометанскую Вѣру. На обратномъ пути, а можетъ быть, и ѣхавши туда, онъ повстрѣчалъ на Волгѣ Русскихъ, приплывшихъ сюда по торговымъ дѣламъ: этѣ люди показались ему такъ странны и замѣчательны, что онъ попытался описать ихъ жизнь и занятія, и успѣлъ въ этомъ такъ хорошо, что мы передаемъ его сдѣсь слово въ слово, на сколько это отвѣчаетъ нашей цѣли.

«Я встрѣтилъ Русскихъ, разсказываетъ онъ, когда они только что прибыли съ своими товарами и расположились на рѣкѣ Итилѣ (Волгѣ); не думаю, чтобы видали когда ни будь людей съ такимъ крѣпкимъ тѣлосложеніемъ: они высоки, какъ пальмы, и съ свѣжимъ, розовымъ цвѣтомъ лица. Мущины носятъ грубую одежду, которую накидываютъ на плечи, такъ что руки остаются на свободѣ. У каждаго сѣкира, ножикъ и мечъ, и безъ этѣхъ оружій ихъ никогда не видно. Мечи у нихъ Французской работы, широкіе, съ вольнообразными полосами, и съ одной стороны отъ острея до ручки украшены деревьями, фигурами и другими изображеніями. Женщины украшаютъ грудь маленькою коробочкой, которая дѣлается изъ золота, серебра, мѣди, или желѣза, смотря по средствамъ ихъ мужей. На коробочкѣ кольцо, къ которому привѣшенъ ножикъ. Шею обвиваютъ золотыми и серебряными цѣпочками, которыхъ число соразмѣрно съ богатствомъ мужа, часто видаютъ Русскихъ женщинъ со множествомъ цѣпочекъ на шеѣ. Но выше всего цѣнятъ онѣ зеленый стеклярусъ и платятъ за него чрезвычайныя цѣны. Русскіе — самые неопрятные люди, какихъ только создавалъ Богъ, по тому что они никогда не моются и не чистятся по исправленіи естественной надобности, точно они дико бѣгающіе ослы.

Поставивъ свои суда на якорь въ Итилѣ, они строятъ на берегу большія деревянныя хижины. Въ одной такой хижинѣ живетъ ихъ вмѣстѣ отъ 10 до 12 человѣкъ: у каждаго скамья для отдыха, гдѣ сидитъ онъ съ своими служанками и дѣвушками, которыхъ везетъ на продажу. Каждое утро они моются, но самымъ

отвратительнымъ образомъ, какой только можно вообразить. Служанка приноситъ большой тазъ съ водой и ставитъ его передъ однимъ изъ мущинъ: этотъ моетъ въ немъ лицо, руки и волосы, чешется, сморкается и плюетъ все въ одинъ и тотъ же тазъ. Когда онъ кончитъ, служанка беретъ тазъ и ставитъ его съ той же водой передъ другимъ; такимъ образомъ этотъ сосудъ переходитъ отъ одного къ другому, пока всѣ не умоются. Но по пріѣздѣ на обыкновенную якорную стоянку, прежде нежели прiймутся они за какое ни будь другое дѣло, каждый беретъ хлѣбъ, мясо, луковицы, молоко и опьяняющій напитокъ, и отправляется со всѣмъ этѣмъ къ высокому столбу, съ человѣческимъ лицомъ, поставленному на берегу: кругомъ его видны идолы поменьше, а позади много другихъ высокихъ столбовъ. Онъ подходитъ къ этому высокому идолу, бросается передъ нимъ на землю и говоритъ: «Господинъ, я прибылъ изъ дальнихъ краевъ и привезъ съ собой столько-то дѣвушекъ и столько-то собольихъ мѣховъ»; пересчитавъ, такимъ образомъ, всѣ привезенные товары, онъ кладетъ передъ идоломъ дары, соразмѣрно съ числомъ этѣхъ товаровъ, и продолжаетъ: «Хочу, чтобы ты послалъ мнѣ покупщика, у котораго много золотыхъ и серебряныхъ монетъ, чтобы онъ купилъ у меня все, по такой цѣнѣ, по какой мнѣ можно продать.» Потомъ уходитъ и начинаетъ свою торговлю: если торговля идетъ плохо, онъ приходитъ опять и приноситъ вторые, также и третьи, дары. Если же и тогда не исполнится его желаніе, онъ даритъ тѣхъ идоловъ, которые поменьше, по его мнѣнію, женъ и дочекъ большаго, и проситъ за него вступиться. Когда же послѣ того торговля у него пойдетъ хорошо, онъ, распродавъ всѣ товары, убиваетъ нѣсколько воловъ и овецъ, раздаетъ часть мяса бѣднымъ, другую приноситъ въ жертву идоламъ, а головы животныхъ вѣшаетъ на частоколъ позади ихъ. Если ночью прійдутъ собаки и съѣдятъ мясо, онъ въ радости кричитъ: «Мой Богъ благоволитъ ко мнѣ: онъ съѣлъ мои дары».

Когда кто изъ нихъ захвораетъ, они разбиваютъ для него палатку вдалекѣ отъ своихъ хижинъ, оставляютъ ему нѣсколько хлѣба и воды, но больше и не заботятся о немъ и не посѣщаютъ его ни разу, особливо, если онъ бѣднякъ, или рабъ. Выздоровѣвъ, онъ возвращается къ нимъ тотчасъ же, лишь только

сможетъ подняться съ одра болѣзни; а въ случаѣ смерти, сжигаютъ его, если онъ не рабъ, по тому что рабовъ оставляютъ лежать до тѣхъ поръ, пока они не сдѣлаются добычею собакъ, или хищныхъ птицъ Поймавъ на дѣлѣ вора, или разбойника, они привязываютъ его длинною веревкою къ дереву и даютъ ему висѣть до тѣхъ поръ, пока онъ не распадется въ куски, разложившись отъ дождя и вѣтра. Пьянству они предаются самымъ безумнымъ образомъ; часто пьютъ день и ночь, и нерѣдко кто ни будь падаетъ замертво со стаканомъ въ рукѣ. Если кто умираетъ въ такое время, когда они расположатся станомъ на берегу Волги, того сожигаютъ вмѣстѣ съ судномъ. Если онъ богатъ, собираютъ его пожитки и дѣлятъ ихъ на три части: одну треть получаетъ его семейство, другая идетъ на покупку платья для покойника, на третью покупаютъ хмѣльнаго напитка, чтобы распить его въ тотъ день, когда будутъ сожигать умершаго.

Мнѣ очень хотѣлось узнать различные обряды, которые, какъ мнѣ сказывали, они соблюдаютъ при сожиганіи своихъ покойниковъ, какъ вдругъ увѣдомили меня, что умеръ одинъ изъ ихъ вельможъ. Въ тотъ день, когда надобно было сожигать умершаго, я пошелъ на берегъ, гдѣ находился его корабль; этотъ былъ уже вытащенъ на берегъ и поставленъ на костеръ: хлопотали уже о томъ, чтобы кругомъ его поставить деревянныя статуи, похожія на человѣка. Люди ходили туда и сюда съ безпрестаннымъ, не понятнымъ для меня, говоромъ и дѣлали дальнѣйшія приготовленія. Сначала принесли скамью, и поставили на ней корабль; потомъ пришла старуха, которую называютъ они Ангеломъ смерти, и постлала на скамьѣ тканыя золотомъ покрывала и подушки. Она вообще заботится обо всемъ снаряженіи, о приготовленіи платьевъ, убиваетъ также и ту рабу, которая всегда сожигается съ покойникомъ. Старуха пришла съ мрачнымъ, сердитымъ взглядомъ и походила на чорта. Но дѣвушка изъ рабынь, добровольно вызвавшаяся сгорѣть съ господиномъ, пѣла, пила и весело расхаживала. Тогда только отправились къ ямѣ, гдѣ сохраняли покойника подъ кровлею, усыпанною землей, пока не кончатся приготовленія, и вынули его съ саваномъ, въ которомъ онъ умеръ. Отъ тамошней стужи онъ весь почернѣлъ. Въ ямѣ находились также плоды, хмѣльной напитокъ и лютня: всѣ этѣ

вещи также понесли съ покойникомъ, чтобы съ нимъ же положить и въ корабль. Покойника одѣли во все платье: въ кафтанъ, панталоны и сапоги, надѣли на голову ему шапку, тканую золотомъ, съ собольимъ околышемъ, потомъ подняли его въ находившуюся на кораблѣ палатку, положили на скамью и подперли подушками. Возлѣ него поставили напитокъ, плоды, царскую траву (базилику, ocymum basilicum), хлѣбъ, мясо и луковицы. Потомъ привели собаку, разрѣзали ее на двое и бросили въ корабль; положили возлѣ покойника все его оружіе, привели двухъ лошадей и гоняли ихъ до тѣхъ поръ, пока не закапалъ съ нихъ потъ, и послѣ того изрубили мечами въ куски, которые также бросили въ корабль. То же сдѣлали съ двумя волами, и наконецъ принесли пѣтуха и курицу, также убили ихъ и бросили къ другимъ убитымъ животнымъ.

По окончаніи всѣхъ этѣхъ приготовленій, привели дѣвушку, подвели ее къ нарочно для того устроенному станку, приподняли ее и дали ей посмотрѣть внутрь его. При этомъ она пробормотала нѣсколько словъ на своемъ языкѣ, и была опять поставлена на землю. Подняли ее въ другой разъ, и она сдѣлала то же, что и въ первый. Опять опустили ее внизъ, а потомъ подняли въ третій разъ, и она поступила точно такъ же. Послѣ того подали ей курицу, у которой она отрѣзала голову и бросила ее прочь, а курицу кинула въ корабль. Я спросилъ переводчика, что значатъ слова, которыя она сказала, заглянувъ въ станокъ. «Въ первый разъ, отвѣчалъ этотъ, она сказала: вотъ я вижу сдѣсь моего отца и мать; въ другой разъ: вотъ теперь вижу всѣхъ своихъ родныхъ, они сидятъ всѣ вмѣстѣ; а въ третій разъ: вотъ тамъ мой господинъ: онъ сидитъ въ раю; рай такъ прекрасенъ, такъ зеленъ; онъ зоветъ меня, отведите меня къ нему!» Чтобы исполнить это желаніе, повели ее къ кораблю: тутъ сперва сняли къ нея два браслета, и подали ихъ женщинѣ, которую называютъ Ангеломъ смерти, потомъ кольца съ ногъ, и отдали ихъ двумъ дѣвушкамъ, прислуживавшимъ старухѣ: ихъ называютъ дочерьми ангела смерти. Послѣ того подняли ее на корабль, однакожь не впустили еще въ палатку, по тому что теперь пришли люди со щитами и палками и подали ей кубокъ съ хмѣльнымъ питьемъ: она выпила его, распѣвая пѣсню, въ которой, какъ го-

ворилъ переводчикъ, прощалась съ своимъ милымъ. Она взяла и другой, поданный ей кубокъ, и запѣла протяжную пѣсню, но старуха велѣла ей выпить и итти въ палатку господина; когда же дѣвушка все еще медлила, она сама повела ее туда. Тогда мужчины тотчасъ же начали колотить палками въ щиты, чтобы не слышно было ни какого звука изъ крика, который могъ бы напугать другихъ дѣвушекъ и отбить у нихъ охоту умирать съ господиномъ. Между тѣмъ шестеро мужчинъ отправились въ палатку и положили упиравшуюся дѣвушку возлѣ ея повелителя. Тутъ схватили ее двое за ноги, другіе двое за руки, а остальные двое удавили ее веревкой, обвитой кругомъ ея шеи, — и Ангелъ смерти вонзилъ ей между ребрами широкій ножъ. Когда старуха съ мужчинами ушла съ корабля, явился близкій родственникъ умершаго, совсѣмъ нагой, зажегъ полѣно и, держа его въ одной рукѣ, а другую заложивъ назадъ себѣ, подошелъ къ кораблю и зажегъ костеръ, сложенный подъ нимъ. Потомъ подбѣжали и прочіе и стали бросать въ огонь горящія полѣнья: пламя въ короткое время истребило корабль со всѣмъ, что было на немъ. На пожарищѣ насыпали круглый курганъ; по срединѣ его поставили большой отрубокъ дерева, на которомъ написали имя покойника, вмѣстѣ съ именемъ Царя Руссовъ.

На нашъ вопросъ объ этомъ Царѣ мы узнали, что при немъ въ замкѣ всегда находится 400 самыхъ храбрыхъ и надежныхъ людей изъ его дружины, всегда многочисленной; они готовы умереть съ нимъ, или пожертвовать за него жизнью. У каждаго есть дѣвушка, которая ему прислуживаетъ, моетъ ему голову, готовитъ кушанье и питье. Этѣ 400 человѣкъ сидятъ внизу у Царскаго престола, богато украшеннаго драгоцѣнными камнями, а на самомъ престолѣ 400 дѣвушекъ, назначенныхъ для прислуги ихъ повелителю. Онъ никогда не сходитъ съ престола, и когда захочетъ исправить естественную необходимость, дѣлаетъ это посредствомъ чаши; когда желаетъ выѣхать, ему подводятъ лошадь къ самому престолу, съ котораго онъ и садится на нее, а потомъ опять на престолъ. У него есть и намѣстникъ, который начальствуетъ его войсками, сражается съ непріятелемъ и ведетъ дѣла съ подданными.

Этѣмъ пріятнымъ описаніемъ покойной жизни Царя Ахмедъ бенъ-Фоцланъ заключаетъ свое извѣстіе о Руссахъ, въ землю которыхъ, лежащую западнѣе, Арабы не заходили никогда, или очень рѣдко, а потому и мнѣніе, которое высказывалось такъ часто, что ихъ караваны проникали далеко во внутренню Европу, даже до Балтійскаго моря, не имѣетъ ни какого прочнаго основанія. Единственное доказательство, которому придаютъ столько вѣса и которое основывается на невѣроятномъ множествѣ Арабскихъ монетъ, находимыхъ не только въ собственной Россіи, въ Курляндіи и Финляндіи, но и по всему Балтійскому приморью, совершенно ничтожно, по тому что существованіе этѣхъ монетъ объясняется торговлею Русскихъ купцовъ: этѣ послѣдніе, какъ говоритъ намъ переданный сей часъ разсказъ Арабскаго посланника, хотѣли за привозимые товары взять очень много золотыхъ и серебряныхъ денегъ. И можно, ни сколько не сомнѣваясь, принять за правило, что торговля Арабовъ никогда не доходила дальше ихъ Вѣры, а всѣмъ извѣстно, что эта Вѣра нигдѣ не находила входа въ Сѣверную Европу. Арабскіе географы насчитываютъ много городовъ во Франціи, Германіи, Голландіи и Англіи (которую называли они Антаркатъ), но сбивчивое описаніе ихъ уже показываетъ, что оно основано исключительно на однихъ слухахъ. Въ Англіи царствуетъ вѣчная зима, а прочіе острова, лежащіе въ морѣ мрака (Атлантическомъ океанѣ), Берланда (Ирландія), Скозія (Шотландія) и Ресланде (Исландія), пусты и не обитаемы; также темны для нихъ положеніе и природа Польши, Даніи, Швеціи и Норвегіи. Арабы обыкновенно прикрываютъ свое невѣжество безцеремоннымъ замѣчаніемъ, что только слегка упомянутъ о Христіянскихъ странахъ, отъ того, что очень любятъ мудрость, благородный образъ мыслей, религію, справедливость и благоустроенное правленіе, такъ что и не могутъ заниматься такими людьми (т. е., Христіянами).

МУХАММЕДЪ ИБНЪ-БАТУТА. *

Какъ рѣдко Арабскій корабль, плывя вдоль западнаго Афри-

* У Аделунга: «Ибнъ-Батута, Арабскій писатель, оставилъ описаніе путешествія

канскаго берега, принималъ направленіе къ югу, такъ же часты и правильны были поѣзды Арабскихъ каравановъ во внутреннюю Африку и даже до самыхъ тѣхъ странъ, которыя до сихъ поръ еще или совсѣмъ не изслѣдованы, или очень несовершенно, Европейскими путешественниками. Только пытливое усердіе новѣйшаго времени обнародовало, для познанія этѣхъ, почти не доступныхъ, Негритянскихъ земель неоцѣненное пособіе въ путешествіи Ибнъ-Батуты. Этотъ человѣкъ, увлекшись непреодолимою страстью къ путешествіямъ, объѣздилъ большую часть Азіятскихъ и Африканскихъ государствъ, а въ Европѣ Испанію, и все богатство своихъ свѣдѣній оставилъ въ дневникѣ, который неоспоримо принадлежитъ къ лучшимъ описаніямъ путешествій во всѣ времена и у всѣхъ народовъ. Довольно удивительное сходство его извѣстій о самыхъ дальнихъ краяхъ, особливо о Китаѣ, съ замѣчаніями новѣйшихъ путешественниковъ, служитъ доказательствомъ его превосходнаго наблюдательнаго таланта, любви къ истинѣ и правильности въ сужденіяхъ. Отъ того еще больше надобно сожалѣть, что до сихъ поръ не сдѣлался доступнымъ полный. Дневникъ его, и что мы принуждены довольствоваться извлеченіемъ, которое, однако жь, нельзя назвать бѣднымъ.

Ибнъ-Батута, съ его полнымъ именемъ Абу Абд-аллахъ Мухаммедъ ибнъ-Абу-Аллахъ эль-Лавати, по прозванію Ибнъ-Батута, родился въ 1303 году, въ Тангерѣ, въ Африкѣ. Онъ посвятилъ себя изученію Корана съ блестящимъ успѣхомъ, и въ 1325 году отправился въ путешествіе въ Мекку, предписанное всѣмъ правовѣрнымъ. Предпринявъ это путешествіе въ благочестивыхъ видахъ, онъ, кажется, во всѣхъ странахъ отыскивалъ людей, извѣстныхъ своею святостію, тотчасъ же по приходѣ туда. Къ числу такихъ людей принадлежалъ также въ Александріи Иманъ (уче-

---

въ которомъ кое гдѣ упоминаются Русскіе. Смотр. объ немъ: Frähn's Ibn-Foszlan, стр. 229—230.

Его сочиненіе впервые явилось въ печати въ Англійскомъ переводѣ подъ заглавіемъ: The Travels of Ibn-Batuta, translated from the abridged Arabic Ms. copies by Lee, London 1829, 4°.

Подробное извѣстіе о Ибнъ-Батутѣ и его сочиненіяхъ находится въ Русскомъ Вѣстникѣ 1841 года, N 11, стр. 462.

ный книжникъ) Форганъ Оддинъ эль Аараджъ, который даже пользовался извѣстностію чудотворца, и Ибнъ-Батута не преминулъ сдѣлать ему посѣщеніе. «Вижу, сказалъ Иманъ, что вы очень любите посѣщать отдаленные краи». — «Да, отвѣчалъ тотъ хотя въ эту минуту и совсѣмъ не имѣлъ намѣренія пускаться въ дальнія странствованія». — «Въ такомъ случаѣ, продолжалъ Иманъ, вамъ надобно посѣтить моихъ собратій въ Индіи и Китаѣ и отнести имъ мой поклонъ». — Какъ ни изумило молодаго странника такое предположеніе, онъ рѣшился, однако жь, послушаться его, и успокоился не прежде, пока не исполнилъ даннаго ему порученія въ точности. Прежде, чѣмъ покинулъ Египетъ, онъ хотѣлъ увидать Нубію; но какъ въ этой странѣ вспыхнули тогда опасныя смятенія, то онъ вернулся на границу, опять поплылъ внизъ по Нилу, продолжалъ свое путешествіе на Сирію и Персію, и наконецъ добрался до цѣли своего странствованія — священнаго города Мекки, гдѣ и прожилъ три года.

Послѣ удовлетворительнаго, по его мнѣнію, исполненія его религіозной обязанности, онъ присталъ къ обществу купцовъ, шедшихъ въ Еменъ, посѣтилъ самые замѣчательные города этой области, и въ Аденѣ поплылъ въ Цуллу, пристань Абиссиніи. Прибрежную полосу, населяемую Варварійцами, онъ описываетъ большою степью, которая тянется на 60 дней пути отъ Цуллы до Макдасу (Магадохо). Варварійцы питаются верблюжьимъ мясомъ и рыбой, и вонь отъ обрѣзковъ этѣхъ животныхъ, которыхъ бьютъ и потрошатъ на улицахъ, дѣлаетъ пребываніе тамъ несноснымъ. На поѣздкѣ моремъ въ Макдасу, лежащемъ южнѣе въ 15-ти дняхъ пути, кажется, во всѣ этѣ дни жили очень роскошно: Ибнъ-Батута съ большимъ удовольствіемъ говоритъ объ элькусганѣ, въ родѣ жареннаго изъ мяса, рыбы, дичи и растеній, о вареныхъ въ свѣжемъ молокѣ плодахъ пизанга, обсахаренныхъ лимонахъ, о свѣжихъ стручкахъ перца и зеленомъ инбирномъ вареньѣ, которыя онъ ѣлъ. Но прежде нежели туземцы принимались за этѣ лакомства, они сначала утоляли голодъ блюдомъ риса, по тому что, говоритъ Батута, они ѣдятъ ужасно много и необыкновенно толсты; каждый изъ нихъ съѣдаетъ столько же, сколько цѣлый монастырь. Изъ Макдасу посѣтилъ онъ область Цанулша (Циндше) и присталъ къ острову Момбасѣ. Не имѣя

охоты продолжать путешествіе дальше къ югу, онъ опять поѣхалъ въ Аравію и приплылъ въ Цафаръ, на границѣ области Еменъ. Это городъ, очень населенный, но также и грязный: самый жестокій бичъ его — мухи, привлекаемыя изумительнымъ множествомъ рыбъ и фиников ъ, которые выставляются на продажу на рынкахъ. Жители кормятъ рыбою даже скотъ, чего нельзя бы было дѣлать въ другихъ мѣстахъ. Изъ Цафара вывозили также и лошадей въ Индію, и этотъ переѣздъ, на который прежде нуженъ былъ мѣсяцъ при попутномъ вѣтрѣ, въ то время дѣлали, по самой большей мѣрѣ, въ 10 дней. Въ половинѣ пути отъ Цафара достигаютъ города Эль Агкафа, окруженнаго прекрасными садами, гдѣ растительность Индіи развивается уже во всемъ ея великолѣпіи. Сдѣсь встрѣчаются самыя разнородныя и рѣдкія растенія, и перецъ, идущій въ продажу, вьется вездѣ по стволамъ кокосовой пальмы. Направляясь по Арабскому берегу въ Оманъ, Ибнъ-Батута въ первый разъ видѣлъ въ Гасикѣ дерево, доставляющее ладанъ. На корѣ его дѣлается разрѣзъ, изъ котораго течетъ бѣлый, похожій на молоко, сокъ, который въ короткое время твердѣетъ. Домы построены изъ рыбьихъ костей и крыты верблюжьими кожами. Въ городахъ области Омана ѣдятъ мясо дворовыхъ ословъ и съ разрѣшенія правительства продаютъ его на улицахъ. На островѣ Ормусѣ, въ Персидскомъ заливѣ, Ибнъ-Батута видѣлъ огромную китовою голову, которую, безъ преувеличенія, можно сравнить съ холмомъ; глаза у нея были больше воротъ: въ одинъ можно войти, а въ другой выйти. Уже Неархъ говоритъ о такихъ морскихъ чудахъ на Персидскомъ берегу, куда теперь очень рѣдко заплываетъ китъ. Ибнъ-Батута объѣздилъ Персидскую область Фарсистанъ, и потомъ отправился во вторичное странствованіе въ Мекку, куда и прибылъ въ 1332 году.

Совершивъ свои молитвы, онъ опять отправился въ путь и пошелъ въ пристань Джидду, чтобы оттуда плыть въ Индію. Но противные вѣтры загнали корабль въ другую, болѣе сѣверную пристань Чермнаго моря: это, кажется, было для Ибнъ-Батуты все равно; онъ присталъ къ каравану Бедуиновъ и отправился степью, кишащею страусами и газелями, въ Верхній Египетъ. Оттуда поплылъ онъ внизъ по Нилу къ Каиру, потомъ, послѣ нѣсколь-

кихъ дней отдыха, ѣздилъ, черезъ Іерусалимъ, въ Триполи, а отсюда моремъ въ Малую Азію, въ землю Туркомановъ, которыхъ гостепріимство изумило его чрезвычайно. Во всѣхъ Туркоманскихъ, городахъ, говоритъ онъ, существуютъ, такъ называемыя, «братства» изъ молодыхъ людей, которые чрезвычайно услужливы ко всѣмъ туземцамъ и спѣшатъ доставать для нихъ съѣстныхъ припасовъ и все необходимое. Этѣ общины составляются очень просто: всѣ люди, занимающіеся однимъ дѣломъ, даже чужеземцы безъ друзей и покровителей, собираются вмѣстѣ и составляютъ одну толпу около старшины, который называется преимущественно братомъ. Онъ велитъ строить келью, ставитъ въ ней лошадь, кладетъ сѣдло и все нужное и ссужаетъ тѣмъ товарищей, которые носятъ названіе молодыхъ людей. Вечеромъ всѣ они собираются вмѣстѣ, и каждый приноситъ съ собою съѣстныхъ припасовъ, сколько могъ достать въ продолженіи дня. Если явится къ нимъ иностранецъ, они принимаютъ его ласково и оказываютъ ему гостепріимство до тѣхъ поръ, пока онъ не уйдетъ отъ нихъ. Ибнъ-Батута самъ увѣрился въ благодѣтельности такихъ общинъ: едва только вошелъ онъ въ область Туркомановъ, какъ явился къ нему одинъ человѣкъ и позвалъ на пиръ со всѣми его товарищами. Когда онъ не могъ скрыть своего изумленія, что, по видимому, такой бѣднякъ хочетъ угощать столько людей, ему объяснили, что приглашающій—членъ братства изъ 200 торговцевъ шелкомъ, у которыхъ есть своя собственная келья. Такъ онъ и принялъ приглашеніе, и вскорѣ имѣлъ случай узнать ихъ необыкновенное добродушіе и щедрость. Въ бытность свою въ этой землѣ съ нимъ часто случались такія приключенія. Такъ однажды, вблизи какого-то города, къ не малому для него страху, онъ увидѣлъ себя окруженнымъ множествомъ людей, которые схватили за поводья его лошадь; наконецъ одинъ, говорившій по Арабски, замѣтилъ ему, что они спорили о чести угощать его, по тому что всѣ они принадлежатъ къ братству молодыхъ людей. Этѣ люди ни какъ не могли согласиться и кинули жеребій: тотъ, кому поблагопріятствовало счастье, повелъ Ибнъ-Батуту съ торжествомъ, со всѣми его товарищами.

Изъ Малой Азіи онъ направилъ путь въ Арзерумъ, въ Арменію, гдѣ Царь этой страны принялъ его очень милостиво. Онъ

показывалъ ему также и камень, упавшій съ неба близъ города (аэролитъ), чернаго цвѣта, 100 фунтовъ вѣса и такой крѣпкій, что самые сильные удары молотомъ не оставляли на немъ никакихъ слѣдовъ. Въ Кастемуни, на Черномъ морѣ, Ибнъ-Батута сѣлъ на корабль, чтобы посѣтить Крымъ. Кипчацкую степь описываетъ онъ очень плодоносною, покрытою зеленью, страной, но въ ней не видно ни горъ, ни холмовъ, ни деревьевъ. Обыкновенно проѣзжали ее на телѣгахъ, устроенныхъ особеннымъ образомъ и называемыхъ «ариба» (арба) и употребляли на переѣздъ не менѣе шести мѣсяцевъ. Ибнъ-Батута нанялъ себѣ такую телѣгу, чтобы отправиться въ Эль-Кафу и пріѣхавъ туда, былъ не мало удивленъ, увидавъ передъ собою цѣлый подвигающійся къ нему городъ съ мечетями и домами. Владѣлецъ этого города принялъ путешественника очень благосклонно и подарилъ ему барана, лошадь и кожаный мѣшокъ съ кумысомъ (кобыльимъ молокомъ), любимымъ Татарскимъ напиткомъ.

Когда Ибнъ-Батута услыхалъ тамъ разсказы о большомъ городѣ Булгарѣ, ему пришла охота посѣтить и это мѣсто и увѣриться, въ самомъ ли дѣлѣ тамъ стоитъ такая стужа, а дни и ночи такъ не равны, какъ разсказываютъ. Такъ онъ и отправился въ дорогу въ Булгаръ, съ однимъ Татарскимъ проводникомъ, и нашелъ тамъ полное подтвержденіе разсказовъ прежнихъ путешественниковъ: въ то время стояло глубокое лѣто и ночи были такъ коротки, что едва только онъ окончилъ свою вечернюю молитву, какъ ужь и стало свѣтать. Въ Булгарѣ много говорили о землѣ мрака, и онъ едва могъ заглушить въ себѣ желаніе посѣтить эту полную чудесъ страну, но на путешествіе туда нужно было 40 дней, опасности были такъ велики, а выгоды такъ незначительны, что онъ отложилъ это намѣреніе. Ему сказывали, что въ этой странѣ можно ѣздить только на маленькихъ, запряженныхъ собаками, саняхъ, по тому что всѣ дороги покрыты такимъ твердымъ и гладкимъ льдомъ, что люди и животныя поскользаются на немъ, и только собаки умѣютъ держаться своими когтями. Единственные посѣтители этой страны—богатые купцы: каждый имѣетъ около сотни саней, которыя, въ положенное время, нагружаютъ съѣстными припасами, напитками и деревомъ, по тому что по всей дорогѣ нѣтъ ни домовъ, ни колодцевъ, ни де-

ревьевъ. Собака, сдѣлавшая путешествіе уже нѣсколько разъ, служитъ проводникомъ: такая вожатая собака рѣдко стоитъ меньше 1000 динаріевъ. Ее запрягаютъ въ сани съ тремя другими собаками, которыхъ ведетъ она безъ всякихъ побоевъ и брани отъ хозяина, по тому что, въ противномъ случаѣ, она взбѣсится и подвергнетъ его большой опасности. Когда путники въ 40 дней доберутся до земли мрака, они складываютъ товары на мѣстѣ, назначенномъ по старинному договору, и потомъ удаляются на нѣкоторое разстояніе. На другой день они отправляются опять на торговое мѣсто, и находятъ тамъ собольи, горностаевые и другіе мѣха. Если они довольны обмѣненными товарами, то ѣдутъ съ ними домой, а если недовольны, опять удаляются и ждутъ, пока прибавятъ имъ еще другихъ. Часто, однако жь, и туземцы берутъ назадъ свои товары и оставляютъ на мѣстѣ товары иноземныхъ купцовъ, если этѣ просятъ за нихъ слишкомъ дорого. Такъ ведется покупка и продажа въ землѣ мрака, но до сихъ поръ никто не видалъ существъ, съ которыми ведется эта нѣмая торговля, и не знаетъ, люди ли они, или злые духи. Мѣха, привозимые оттуда, имѣютъ то главное достоинство, что въ нихъ не заводится ни какихъ насѣкомыхъ.

Изъ Булгара Ибнъ-Батута вернулся опять въ странствующій станъ Татарскаго Хана и провожалъ его въ Астрахань, большой городъ на Волгѣ, гдѣ и находился во все продолженіе всей суровой зимы. Волга замерзла, и Татары усыпали ледъ сѣномъ, чтобы безопаснѣе ѣздить. Когда около этого самаго времени одна изъ женъ Татарскаго Князя, дочь Константинопольскаго Императора Такфура (Андроника II-го), захотѣла посѣтить своего отца, Ибнъ-Батута, не видавшій еще столицы Восточныхъ Римлянъ, просилъ позволенія провожать эту Княгиню, и получилъ его. Княгиня, которую Татары звали Байлунъ, ѣхала въ сопровожденіи 5000 солдатъ, и въ числѣ ихъ было до 500 всадниковъ. Въ горахъ проходили они мимо Русскихъ: это безобразный и вѣроломный народъ, съ голубыми глазами и рыжими волосами, исповѣдывавшій Христіянскую вѣру. Только что вступила Байлунъ въ предѣлы своего отечества, какъ тотчасъ же отпустила мечеть, которую до сихъ поръ везли за нею для совершенія молитвъ, пила вино, ѣла свинину, и вела себя совершенно какъ Христі-

янка; когда же приблизилась къ Константинополю, на встрѣчу къ ней вышли ея родители, братья и сестры, Дворъ и почти все населеніе столицы въ лучшихъ нарядахъ, съ барабаннымъ боемъ и радостными восклицаніями: сдѣлалась такая тѣснота, что Ибнъ-Батута подвергался опасности лишиться жизни, и едва только издали могъ видѣть пріемъ Принцессы. Она вошла въ свой родной городъ уже при захожденіи солнца, и тогда зазвонили такъ сильно въ колокола, что потрясенъ былъ воздухъ. На четвертый день послѣ того Ибнъ-Батута представлялся Императору, однако жь, сперва обыскали его у пятыхъ, охраняемыхъ стражами, воротъ дворца, и убѣдились, что съ нимъ нѣтъ оружія: этой обрядности подвергался всякій, желавшій явиться къ Императору, иностранецъ ли онъ, или тамошній урожденецъ. Потомъ ввели его въ пріемную залу, гдѣ онъ засвидѣтельствовалъ свое почтеніе Императору, сидѣвшему на престолѣ съ женою и дочерью, Татарской Княгиней, и принятъ имъ очень милостиво. На вопросы о приключеніяхъ его въ путешествіяхъ, онъ отвѣчалъ черезъ толмача, Жида по происхожденію; на прощаньи Императоръ подарилъ ему почетное платье, совсѣмъ снаряженнаго коня и свой зонтикъ, что считается совершенно особеннымъ отличіемъ. Дали ему и проводника, чтобы показать замѣчательности города. Онъ посвятилъ много дней на удовлетвореніе своего любопытства, осматривалъ также и славную во всемъ свѣтѣ Софійскую церковь, но только снаружи, по тому что при входѣ стоялъ крестъ, которому должны были молиться всѣ, желавшіе войти въ церковь.

Пробывъ одинъ мѣсяцъ и шесть дней, Ибнъ-Батута покинулъ Константинополь и возвратился въ Астрахань. Хотя сдѣсь обращались съ нимъ съ отличіемъ, однако жь ненасытная страсть къ путешествіямъ не давала ему покоя. Вскорѣ онъ распрощался съ Татаріею и пошелъ великою степью, безъ травы и воды, въ Хоарезмъ, столицу соименной страны между Каспійскимъ и Аральскимъ морями. Онъ описываетъ ее величайшимъ городомъ, какимъ только владѣютъ Турки, и ея жителей — очень ласковыми и гостепріимными людьми. Однако жь, одинъ обычай у нихъ онъ нашелъ очень страннымъ: въ присутствіи всей общины Иманъ таки порядочно сѣкъ всякаго, кто хоть однажды пропускалъ быть за богослуженіемъ, для чего и висѣла въ каждой мечети

плеть. Изъ Ховарезма онъ отправился въ Бухару, а оттуда, черезъ Самаркандъ, Балкъ и Гератъ, гдѣ все еще видны были страшныя разоренія Чингисъ-Хана, въ землю Синдъ: тамъ особенно бросился ему въ глаза способъ собиранія войскъ у Индѣйцевъ. Посреди охотниковъ въ службу, стекавшихся со всѣхъ сторонъ, сидѣлъ Эмиръ, а кругомъ лежало множество большихъ и малыхъ луковъ. Люди, желавшіе записаться въ стрѣлки, должны были испытывать себя въ натягиваніи луковъ, и каждый получалъ мѣсто и жалованье, смотря по тому, какую покажетъ силу. Таже соразмѣрность соблюдалась и относительно конныхъ, только имъ надобно было показать другой опытъ своей ловкости: съ опущенными поводьями они скакали къ барабану, свободно висѣвшему въ воздухѣ, и втыкали въ эту цѣль копья.

Послѣ короткаго пребыванія въ Мультанѣ, Ибнъ-Батута спѣшилъ въ Дели, одинъ изъ самыхъ красивыхъ и большихъ городовъ Востока, но нашелъ его почти совсѣмъ безлюднымъ, по тому что жители разбѣжались изъ за неслыханной жестокости ихъ Государя, Мугамеда, сына Гіагъ-Оддинъ-Тогляка, Турка. Смѣлый путешественникъ, уже умѣвшій доставить себѣ пріемъ и значеніе при стольких Дворахъ, не потерялъ духа и сдѣсь: засвѣдѣтельствовалъ почтеніе тирану и вскорѣ благоразумнымъ поведеніемъ снискалъ себѣ такой высокій почетъ, что назначенъ былъ судьею въ Дели и украшенъ почетнымъ платьемъ. Его доходы были не маловажны, но онъ всегда долженъ былъ слѣдовать за Дворомъ, а потому ихъ ставило такъ не надолго, что въ короткое время его начали безпокоить довольно значительные долги. Похвальная ода тирану хоть и выручила его изъ этого затрудненія, однако жь вскорѣ за тѣмъ послѣдовало другое, едва не стоившее ему жизни. Одинъ изъ самыхъ знатныхъ сановниковъ впалъ въ немилость, и обо всѣхъ, имѣвшихъ съ нимъ знакомство, произведено было строгое слѣдствіе. Въ числѣ ихъ находился, по несчастію, и Ибнъ-Батута, и долженъ былъ, вмѣстѣ съ другими, цѣлые 4 дня стоять передъ воротами Дворца, межъ тѣмъ какъ судъ, собранный тамъ, имѣлъ совѣщаніе объ ихъ участи. Такое положеніе было чрезвычайно мучительно для бѣднаго судьи: онъ видѣлъ уже погибель столькихъ жертвъ ужасной жестокости своего повелителя и зналъ, съ какимъ удовольствіемъ этотъ приказывалъ разбивать осужден-

ныхъ въ дребезги метательными машинами, или давить слонами, къ ногамъ которыхъ прикрѣплены были ножи. Какъ благочестивый человѣкъ, онъ прибѣгнулъ къ Богу, держалъ строгій постъ, пилъ одну воду. Онъ 30 тысячъ разъ повторялъ изреченіе: «Богъ наша подпора и нашъ сильный защитникъ», — и на четвертый день былъ освобожденъ, межъ тѣмъ какъ всѣ остальные умерли страшною смертью. Полный отвращенія къ такой неслыханной жестокости, онъ сложилъ свою судейскую должность, раздарилъ все свое имѣніе факирамъ (нищимъ монахамъ), поступилъ въ ихъ орденъ и скоро такъ успѣхъ въ своихъ покаянныхъ упражненіяхъ, что могъ выдерживать пятидневный постъ. Между тѣмъ его отыскали и опять позвали ко Двору, куда онъ явился въ грубомъ монашескомъ платьѣ и принятъ былъ милостивѣе, нежели когда ни будь. «Зная, что ты охотно странствуешь, сказалъ тиранъ, по дальнимъ краямъ, хочу отправить тебя посломъ къ Китайскому Императору.» — Ибнъ-Батута принялъ съ большимъ удовольствіемъ это нечаянное предложеніе, и тотчасъ же получилъ почетныя платья, лошадей, деньги и все нужное для такого дальняго путешествія. Впрочемъ, это порученіе было не очень пріятное: на просьбу Китайскаго Императора выстроить снова древній храмъ Будды въ области Государя Дели, онъ долженъ былъ принести отвѣтъ, что ни въ одной странѣ, подвластной Магометанамъ, не позволяется строить храмы приверженцамъ другой Вѣры, безъ положенной за то полати. Этотъ непріятный отвѣтъ сопровождали, однако жь, подарки, и такіе богатые, что для прикрытія ихъ послано было 2000 всадниковъ до того мѣста, гдѣ нагружались они на суда.

Это ни мало не испугало Индѣйскихъ разбойниковъ: они напали на караванъ, и хотя были отражены съ урономъ, однако жь успѣли отрѣзать самаго посла отъ прикрытія и захватить его въ плѣнъ. Они ограбили его дочиста, но послѣ долгаго размышленія, отказались отъ намѣренія убить его, и убѣжали оттуда. Въ страхѣ, чтобы они не передумали и не явились опять, онъ убѣжалъ въ густой лѣсъ и укрывался тамъ семь дней: во все это время питался только дикими плодами да листьями. На седьмой день онъ замѣтилъ Негра, у котораго въ одной рукѣ было ведро, а въ другой палка, обитая желѣзомъ. Послѣ взаимныхъ привѣт-

ствій, онъ спросилъ этого раба, какъ звать его? «Меня зовутъ Калебъ-эль-карагъ (уязвленное сердце), отвѣчалъ этотъ, съ участіемъ подалъ голодному горсть сухихъ бобовъ да воды для питья и вызвался показать ему дорогу. Ибнъ-Батута поднялся было, чтобы итти за нимъ, но силы его такъ упали, что онъ тотчасъ же повалился на землю, почему Негръ взялъ его на плечи и понесъ. Дорогой напалъ на него глубокій сонъ, а проснувшись на другое утро, онъ нашелъ себя у воротъ Дворца въ Дели, гдѣ сострадательный на этотъ разъ Государь принялъ его ласково и снова снабдилъ всѣмъ нужнымъ. Послѣ короткаго отдыха, онъ опять отправился въ путь и теперь счастливо добрался до пристани Калькуты, гдѣ долженъ былъ сѣсть на корабль. Тутъ много стояло Китайскихъ кораблей, однако жь прошло еще три мѣсяца, пока не наступило благопріятное время года для плаванія. Нѣкоторыя изъ этѣхъ судовъ, называемыхъ джонки, помѣщали 1000 человѣкъ, и каждое сопровождалось тремя другими судами поменьше. Паруса ихъ, изъ плетенаго тростника, всегда, даже и въ пристани, остаются распущенными. Кромѣ парусовъ, этѣ суда ходятъ на такихъ широкихъ и длинныхъ веслахъ, что на многихъ едва достаточно 25 матросовъ, чтобы приводить ихъ въ движеніе. Въ большихъ сосудахъ, поставленныхъ рядами по сторонамъ корабля, растутъ поваренныя растенія и инбирь, а по срединѣ возвышаются просторные деревянные дома, въ которыхъ помѣщаются начальники и офицеры съ женами и дѣтьми. У Китайцевъ большое число такихъ кораблей, и каждый составляетъ почти цѣлый городъ. Наконецъ назначили день отъѣзда. Ибнъ-Батута перенесъ на корабль подарки и свои собственные пожитки, но самъ еще остался на сушѣ, чтобы помолиться въ мечети и потомъ рано утромъ отправиться въ дальній путь. Ночью поднялась такая страшная буря, что большая часть кораблей, а въ числѣ ихъ и тотъ, на который долженъ былъ взойти Ибнъ-Батута, потонули со всѣмъ, что было на нихъ. Вечеромъ еще богатый, на утро онъ не имѣлъ ничего, кромѣ платья, бывшаго на немъ, и десяти денаріевъ, подаренныхъ ему какими-то сострадательными людьми.

Не смѣя теперь воротиться въ Дели, онъ старался найти средства для отправленія въ Индію, и опять, наживъ себѣ кое-какую собственность, поплылъ на Мaледивскіе острова, которыхъ

и достигъ безъ всякаго несчастія. Этѣ острова, которыхъ считаютъ до 2000, по выраженію Ибнъ Батуты, принадлежатъ къ чудеснымъ произведеніямъ міра: всѣ они лежатъ очень близко другъ къ другу, такъ что съ одного острова всегда можно видѣть другой. Всѣ жители исповѣдуютъ Исламъ, благочестивы, добродушны и честны, но слабы тѣломъ и такъ не любятъ кровопролитія, что однажды, когда одному преступнику отрубили руку, большая часть зрителей упала въ обморокъ. Одно изъ лучшихъ преимуществъ этѣхъ людей ихъ опрятность: они молятся по два раза въ день и обливаютъ себѣ тѣло духами. Никто не покидаетъ своей родины, и если иностранецъ женится на туземкѣ, онъ долженъ оставить ее, когда будетъ уѣзжать оттуда, по тому что она не переселится съ нимъ ни подъ какимъ условіемъ. Женщины ходятъ безъ покрывалъ, и вся ихъ одежда, какъ и у мужчинъ, состоитъ въ одномъ передникѣ, по тому что здѣшніе жары почти не выносимы, климатъ вообще нездоровъ, и всѣхъ иноземцевъ посѣщаетъ лихорадка. Самыя первыя произведенія Малединскихъ острововъ — какосовыя пальмы, лимоны, гранатовые яблока и перецъ; иноземные купцы особливо вывозятъ рыбу, кокосовые орѣхи, желѣзные сосуды, раковины и бичевки. Приготовленіе послѣднихъ изъ нитей кокосовыхъ орѣховъ — самая доходная отрасль промышленности всего населенія. Орѣхи размягчаютъ въ ямахъ на морскомъ берегу, а потомъ колотятъ ихъ молоткомъ до тѣхъ поръ, пока отдѣлятся нити, а изъ нихъ и дѣлаютъ бичевки, которыя далеко предпочитаются пеньковымъ; ихъ очень много идетъ въ Аравію и Индію, для ошиванія корабельныхъ досокъ, вмѣсто гвоздей. Когда Ибнъ-Батута пріѣхалъ на этѣ острова, тамъ царствовала женщина, которая приняла его очень ласково и опредѣлила судьей, съ хорошими доходами. Это мѣсто ему понравилось, онъ взялъ себѣ многихъ женъ и, кажется, хотѣлъ поселиться тамъ. Но его вліяніе, возраставшее все больше и больше, возбудило зависть Великаго Визиря, который вмѣстѣ былъ и мужъ Королевы: Ибнъ-Батута благоразумно разсчелъ заблаговременно взять отставку и плыть на твердую землю Индіи. Но противные вѣтры сбили судно съ его направленія и занесли на островъ Цейланъ, къ не малому удовольствію путешественника: ему выпало неожиданное счастье посѣтить священную гору, на которой еще видѣнъ слѣдъ Адамовой ноги.

Эта гора видиѣется еще съ берега и походитъ на огромный столбъ дыма, окруженный у подошвы облаками. Благочестивый Ибнъ-Батута всходилъ на гору, какъ ни затруднительна была дорога, видѣлъ Адамовъ слѣдъ, величина котораго, по его мнѣнію, доходитъ только до 9 футовъ, а въ лѣсу, одѣвающемъ нижнюю часть Адамъ-пика, замѣтилъ великое множество людей, очень похожихъ на обезьянъ, съ темною кожею и длинными бородами. Они, какъ увѣряли его достовѣрные люди, повинуются Царю, который носитъ на головѣ тюрбанъ изъ древесныхъ листовъ, его всегда сопровождаютъ четыре обезьяны, вооруженныя палками, и доставляютъ ему орѣхи, лимоны и другое съѣстное.

Изъ Цейлана неутомимый путешественникъ поплылъ на Коромандельскій берегъ и благополучно достигъ его, послѣ страшной бури, которая долго бросала корабль въ разныя стороны и едва не потопила. Отсюда прошелъ онъ въ глубину страны до Малабара, и снова сѣлъ на корабль въ Конланѣ, чтобы вернуться въ Гинауръ, гдѣ прежде былъ принятъ ласково; но на дорогѣ туда корабль былъ взятъ морскими разбойниками, а самъ онъ ограбленъ дочиста и совсѣмъ нагой высаженъ на берегъ. Въ такомъ положеніи прибылъ онъ въ Каликутту и убѣжалъ въ мечеть, гдѣ увидали его какіе-то купцы, знавшіе его прежде въ Дели, и снова снабдили всѣмъ нужнымъ.

Теперь онъ въ другой разъ посѣтилъ Малединскіе острова и отплылъ оттуда въ Бенгалію: она показалась ему лучше всѣхъ странъ, которыя онъ объѣзжалъ, по плодоносной почвѣ и дешевизнѣ всего необходимаго для жизни. Но главная цѣль, заставившая его посѣтить эту страну, было набожное странствіе къ одному главному святому, жившему на горѣ, которая на границѣ съ Тибетомъ и славится своими мускусовыми звѣрками. Шейкъ Джалаль-Оддинъ, какъ называли святаго, обошелся съ большимъ уваженіемъ съ странникомъ и даже накинулъ ему на плечи собственное платье изъ козьей шерсти.

Когда Ибнъ-Батута опять возвратился на морской берегъ, онъ нашелъ джонку, готовую отплыть въ Суматру. Онъ не могъ одолѣть искушенія побывать и на этомъ дальнемъ островѣ, и отправился туда съ радостью. Послѣ 50 дневнаго плаванія онъ до-

стигъ земли Барагнакаръ (вѣроятно, одного изъ Никобарскихъ острововъ), которой безобразные жители имѣютъ собачьи пасти. Жилища, выстроенныя изъ тростника, стояли у самаго берега. Спустя 15 дней онъ находился въ Суматрѣ, гдѣ Царь, большой пріятель Арабовъ, принялъ его съ отличіемъ и ссудилъ всѣмъ нужнымъ для продолженія пути въ Китай. Послѣ 34 дневнаго плаванія онъ вошелъ въ море краснаго цвѣта, которое называютъ тихимъ, по тому что на немъ не замѣтно ни вѣтра, ни волнъ, ни теченія, и гдѣ меньшія суда, плывущія позади джонки, должны брать ее на буксиръ. Джонка плыла 37 дней по этѣмъ тихимъ водамъ, прежде нежели достигла Государства Тавалиста, о положеніи котораго ничего не знаемъ въ подробности. Государь его довольно силенъ, и даже можетъ сопротивляться Китайскому Императору. Всѣ жители идолопоклонники, но чрезвычайно красивые люди съ темною кожею и славятся силой и храбростью. Даже и женщины ѣздятъ верхомъ, съ чудною ловкостью бросаютъ дротики и сражаются въ бояхъ, точно мужчины. Въ большомъ городѣ Кайлукѣ, въ пристань котораго вошла джонка, главнымъ правителемъ была Царская дочь: она позвала къ себѣ Ибнъ-Батуту, велѣла ему сказать привѣтствіе на Турецкомъ языкѣ и обошлась съ нимъ съ особеннымъ вниманіемъ. Отсюда въ 7-мь дней онъ сдѣлалъ переѣздъ въ Китай, и только что по пріѣздѣ туда не могъ надивиться ремесленной дѣятельности, богатству, образованности и любви къ порядку Китайскаго народа: особливо ему тотчасъ же бросилось въ глаза, что Китайцы, при продажѣ и покупкѣ, пользовались не чистыми деньгами, а бумажными листками, величиною съ ручную кисть и съ Императорскою печатью. Когда этѣ листки изорвутся, или очень изотрутся, ихъ относятъ для обмѣна въ назначенный для того домъ и получаютъ за нихъ новые. Жителей Китая онъ считаетъ за самыхъ искусныхъ ремесленниковъ во всемъ свѣтѣ и утверждаетъ, что въ живописи никто не сравнится съ ними. Разъ онъ пробылъ въ какомъ-то городѣ только съ минуту, когда же спустя нѣсколько времени вернулся туда опять, къ немалому удивленіе увидалъ на листахъ бумаги портретъ свой и своихъ товарищей: этѣ портреты были приклеены на углахъ улицъ. Тогда на вопросъ свой онъ узналъ, что по предписанію закона снимаютъ портретъ съ каждаго чужеземца, проѣзжающаго городомъ, и вывѣшиваютъ его

публично. Если онъ сдѣлаетъ какой ни будь достойный наказанія проступокъ, а потомъ бѣжитъ, портретъ его разсылаютъ во всѣ области, и такимъ образомъ ловятъ его очень скоро. Ибнъ-Батута первый посѣтилъ городъ Эль-Цайтунъ (Янг-чей-фу), съ прекраснѣйшею пристанью, какую онъ видалъ когда ни будь: въ ней находилось до 100 очень красивыхъ джонокъ и безчисленное множество меньшихъ судовъ Сдѣсь проживало очень много Арабскихъ купцовъ, которые въ короткое время скопляли большія богатства, принимали очень гостепріимно всѣхъ Магометанъ и оказывали имъ всякое пособіе. За городомъ Цайтуномъ, по увѣренію Китайцевъ, не было ни одного значительнаго мѣста, и отъ него до земли Гогъ и Магогъ считалось 60 дней пути. Никто, впрочемъ, не посѣщаетъ эту землю, по тому что ея дикіе жители пожираютъ всякаго, кого успѣютъ поймать. Ибнъ-Батута плылъ 10 дней вверхъ по одной большой рѣкѣ въ городъ Эль-Ханзу (можетъ быть, Кай-фон-фу): онъ называетъ его самымъ большимъ городомъ въ свѣтѣ, который собственно состоялъ изъ шести разныхъ городовъ, обнесенныхъ стѣнами: въ первомъ изъ нихъ живетъ сильный гарнизонъ изъ 12 тысячъ человѣкъ; въ другомъ, самомъ красивомъ, — Жиды, Христіяне и Турки, въ третьемъ чиновники, въ четвертомъ богатые и знатные люди, въ пятомъ простой народъ, въ шестомъ моряки и рыбаки. Нужно было три дня, чтобы пройти изъ перваго до послѣдняго города. Между превосходными произведеніями мануфактурной промышленности этого города, всего больше удивлялись блюдамъ изъ тростника, расписаннымъ самыми блестящими и прочными красками. Въ бытность Ибнъ-Батуты въ Китаѣ умеръ Императоръ, и по Татарскому обычаю похороненъ былъ съ большими церемоніями: вырыли широкую яму, на днѣ ея поставили пышную постель и положили на ней покойника въ самомъ богатомъ платьѣ, со всѣмъ оружіемъ, съ золотыми и серебряными сосудами изъ его домашняго хозяйства, съ четырьмя служанками и шестью самыми любимыми его тѣлохранителями; потомъ надъ всѣмъ этѣмъ насыпали курганъ, а на вершинѣ его закололи четырехъ коней. Когда по смерти Императора начались ссоры въ его семействѣ, а за тѣмъ послѣдовала междоусобная война, Ибнъ-Батута покинулъ этотъ замѣчательный край, въ которомъ охотно пожилъ бы дольше, и отправился, черезъ Суматру и Калькуту, въ Персію,

откуда, въ 3-й разъ, сдѣлалъ странствованіе въ Мекку. Изъ этого города онъ воротился на родину въ 1349 году.

Однако жь для него все еще было несносно долгое отдохновеніе на одномъ мѣстѣ: вскорѣ потомъ посѣтилъ онъ южную Испанію, и опять, недолго поживъ на родинѣ, на 53 году жизни рѣшился на путешествіе во внутреннюю Африку. Сдѣлавъ немедленно всѣ нужныя приготовленія, онь отправился въ красивый, изобильный финиками, городъ Седжельмасу, чтобы присоединиться тамъ къ каравану. Послѣ труднаго двадцатипяти дневнаго пути по великой степи, онъ достигъ города Тегазы, гдѣ, по словамъ его, нѣтъ ничего хорошаго и замѣчательнаго, кромѣ того, что мечети и дома построены изъ большихъ глыбъ соли и крыты верблюжьими кожами. Деревьевъ не видать нигдѣ: куда ни взглянешь, вездѣ безпредѣльныя песчаныя пространства. Сдѣсь выкапываютъ каменную соль большими и толстыми плитами: двѣ такихъ плиты составляютъ грузъ одного верблюда. Жители этого города только и занимаются добываніемъ соли, по тому что земледѣліе и другія занятія не могутъ итти съ успѣхомъ въ этой сухой пустынѣ. Пища жителей состоитъ въ финикахъ, получаемыхъ изъ Седжельмассы, и въ верблюжьемъ мясѣ, которое привозится сюда изъ Негритянскихъ земель Вмѣсто денегъ, Негры употребляютъ куски соли, отрубленные болѣе или менѣе правильно. До Тегацы Негры ходятъ 10 дней степью, гдѣ встрѣчается много трюфелей, но ни капли воды. Великій бичъ для путешественниковъ — клещи, которые впиваются въ кожу и причиняютъ мучительное воспаленіе. Для сохраненія отъ этѣхъ насѣкомыхъ и умерщвленія ихъ, носятъ на шеѣ трубку, наполненную ртутью. Изъ Тегацы караванъ поѣхалъ въ Тассаль (Тисгестъ), гдѣ купцы отдыхали нѣсколько дней и послали передоваго гонца въ Эйвелатеръ (Валетъ), для найма квартиры. Степь между Тассалемъ и Эйвелатеромъ, шириною въ 12 дней пути, наполнена злыми духами, которые нерѣдко такъ заводятъ гонцевъ, что они теряютъ дорогу и гибнутъ. А если это случится, обыкновенно погибаетъ и большая часть каравана, по тому что когда гонецъ сдѣлаетъ свою дорогу благополучно, жители Эйвелатера выходятъ на встрѣчу къ каравану съ водою, на разстояніи 4 дней пути; если же онъ погибнетъ, никто не явится, и путники умрутъ отъ жажды.

Ибнъ-Батута со всѣмъ караваномъ доѣхалъ счастливо до Эйвелатера: это первый городъ, принадлежащій къ Негритянскимъ землямъ. Тотчасъ же по пріѣздѣ купцы снесли свои товары въ большой амбаръ, гдѣ Негры и сторожили ихъ. Въ этой землѣ стоятъ несносные жары, и только подъ хранительною сѣнью не многихъ пальмъ, которыя сдѣсь растутъ хорошо, можно разводить какія-то дыни; овецъ тамъ великое изобиліе. Всѣ женщины рѣдкой красоты, мужчины не ревнивы. Очень страненъ обычай, что мужчина носитъ имя не отца, а дяди съ материнской стороны, и главный наслѣдникъ не сынъ, а племянникъ. Изъ Эйвелатера Ибнъ-Батута, въ двадцать дней, прибылъ въ Мали (Мелли). Дорога также шла степью, въ которой, однако жь, часто встрѣчаются очень высокія и толстыя деревья, предлагающія путнику тѣнь и освѣженіе, по тому что многія изъ нихъ дуплисты и наполнены дождевой водой, или медомъ. По близости одного мѣста стояло дуплистое дерево такого объема, что ткачъ удобно могъ заниматься въ немъ своимъ дѣломъ. По этой дорогѣ много населенныхъ мѣстъ, отъ того-то купцы и не возятъ съ собою ни воды, ни съѣстныхъ припасовъ, а только кусочки соли, служащіе вмѣсто денегъ, и благовонныя вещества, до которыхъ большіе охотники тамошніе жители. Когда путники станутъ подъѣзжать къ какому ни будь мѣсту, на встрѣчу къ нимъ выходятъ Негритянки съ молокомъ, курицами, мукою и рисомъ; но сдѣшній рисъ очень вреденъ для бѣлыхъ. Въ 10-ти дняхъ пути отъ Эйвелатера достигаютъ большаго города Саггери, населеннаго Негритянскими купцами, а потомъ Карсеку на Нилѣ (Жолибѣ), который течетъ сдѣсь мимо Томбукту въ восточномъ направленіи до Египта. По ту сторону Карсеку переправляются черезъ Сансарру (вѣроятно, боковую рѣку Кворры), и наконецъ пріѣзжаютъ въ Мали, главный городъ Негровъ. Ибнъ-Батута жилъ сдѣсь въ гостинницѣ бѣлыхъ и тотчасъ засвидѣтельствовалъ почтеніе Государю Негровъ, но встрѣтилъ мало ласки. Онъ горько жалуется на скупость Государя, который прислалъ ему въ подарокъ три хлѣбныя корки, жареную рыбу да тыкву съ кислымъ молокомъ. Негры оказываютъ ему рабскую покорность, божатся его именемъ: когда подходитъ къ нему кто ни будь изъ нихъ, обнажаетъ себѣ спину и посыпаетъ голову пылью; когда Царь говоритъ въ собраніи, всѣ снимаютъ свои тюрбаны и хранятъ глубокое мол-

чаніе. Впрочемъ, очень похвальна его любовь къ справедливости: никто не дѣлаетъ преступленія безнаказанно, и чужеземецъ странствуетъ въ его области съ такою же безопасностью, какъ и въ какой ни будь другой странѣ на свѣтѣ. Онъ и всѣ подданные исповѣдаютъ Исламъ; мальчики должны рано заучивать Коранъ въ училищѣ; если же дѣлаютъ это не скоро и не охотно, ихъ понуждаютъ побоями.

Изъ Мали Ибнъ-Батута отправился въ городъ Томбукту, въ четырехъ миляхъ отъ Нила. На дорогѣ онъ видѣлъ много гиппопотамовъ, щипавшихъ на берегу траву. Изъ Томбукту онъ плылъ, изъ мѣста въ мѣсто, на суднѣ, состоявшемъ изъ одного выдолбленнаго древеснаго пня, въ большой и красивый городъ, Куку, а потомъ въ Текедду, построенный изъ краснаго камня, гдѣ вдоволь воды. Но она, пробѣгая сквозь металлическія жилы, имѣетъ темный цвѣтъ и особенный вкусъ. Сдѣсь много также скорпіоновъ, которыхъ укушеніе причиняетъ дѣтямъ смерть, а взрослымъ вредитъ рѣдко. Жители богатые купцы, которые ѣздятъ до Египта и привозятъ оттуда дорогія платья. Они также заставляютъ своихъ многочисленныхъ рабовъ разработывать желѣзные рудники, находящіеся вблизи города, и переливаютъ желѣзо въ длинныя полосы, которыя большею частію отправляются дальше во внутренность страны.

Этѣми, хотя и не многими, впрочемъ важными, замѣчаніями о Негритянскихъ земляхъ ограничивается извлеченіе изъ путешествія Ибнъ-Батуты: чтобы точнѣе опредѣлить границы географіи Арабовъ къ югу, мы дополнимъ это извлеченіе изъ нѣкоторыхъ лучшихъ Арабскихъ сочиненій по Географіи, особливо изъ славныхъ «Душевныхъ увеселеній» Эдризи, жившаго въ первой половинѣ XII-го столѣтія. Всѣ Негритянскія страны, извѣстныя Арабамъ и лежащія между 10 и 17 сѣвернымъ параллельнымъ кругомъ, отъ западныхъ границъ Сенегамбіи почти до самаго Нила, Арабы вообще разумѣютъ подъ именемъ Судана, а Нигеръ и всѣ воды, текущія къ востоку отъ озера Чадъ, подъ названіемъ Негритянскаго Нила. Западнѣе всѣхъ этѣхъ Негритянскихъ странъ—Мекцара, а самое юго-западное, извѣстное Арабамъ, мѣсто въ ней островъ Улиль (вѣроятно, островъ на Кворрѣ, не много повыше Томбукту). Сдѣсь главное складочное мѣсто соли,

развозимой отсюда по всѣмъ направленіямъ во внутреннюю Африку, гдѣ совсѣмъ нѣтъ этой, столь необходимой, потребности для жизни. Обитаемы только тѣ полосы, которыя тянутся по теченію Нила и впадающихъ въ него рѣкъ; всѣ прочія сухи и пусты; коегдѣ только, на разстояніи 2 хъ и даже 12-ти дней пути, встрѣчаются лужи дождевой воды, а потому караваны должны возить съ собой воду на верблюдахъ. Большія пространства въ Суданѣ состоятъ изъ мелкаго песку, разносимаго въ разныя стороны вѣтромъ, но земля вездѣ суха, и зной такъ великъ, что кожа у туземцевъ почернѣла, а волосы стали курчавые. Отъ Улила до Салы считаютъ 16-ть дней пути. Этотъ населенный городъ, лежащій на сѣверномъ берегу Нила, — сборное мѣсто Негровъ, и тамошніе жители слывутъ за храбрыхъ людей и ведутъ значительную торговлю. Онъ принадлежитъ къ владѣніямъ Токрури, такъ же сильнаго, какъ и правосуднаго, Государя, который начальствуетъ многочисленнымъ войскомъ и съ неумолимою строгостью соблюдаетъ порядокъ въ своей землѣ. Главный городъ Токруръ, больше и богаче Салы и складочное мѣсто, гдѣ обмѣниваются товары западныхъ береговъ Африки: шерсть, мѣдь и морскія раковины, на золото и рабовъ. Жители Салы и Токрура питаются дгоррою (просомъ), рыбою и молокомъ, которое доставляютъ имъ стада верблюдовъ и козъ. Простой народъ одѣвается въ овечьи шкуры и накрываетъ голову шерстяной шапкой, богатые носятъ шелковое платье и покрывала. Къ югу отъ государства Токрура слѣдуетъ земля Лем-лемъ, въ которую часто дѣлаютъ вторженія прочія Негритянскія племена, чтобы уводить въ рабство жителей, которыхъ и продаютъ потомъ Арабскимъ караванамъ. Туземные жители Лемлема людоѣды, грубы и дики выше всякаго понятія; мущины ходятъ нагіе, а женщины носятъ на тѣлѣ только домотканыя перевязи. Достигнувъ возмужалости, они выжигаютъ себѣ знаки на лицѣ и вискахъ, и по этѣмъ знакамъ узнаютъ ихъ вездѣ, гдѣ продаются они въ рабство. Даже и до сихъ поръ Исламъ не могъ найти доступа къ нимъ: они все еще поклоняются отвратительнымъ идоламъ, ходятъ на богомолье къ нимъ и приносятъ имъ человѣческія жертвы. Два не очень значительные ихъ города, Меллель и Дау, лежатъ на одной рѣкѣ, впадающей въ Нилъ; Меллель, построенный на холмѣ, на который взбираться трудно, служитъ для нихъ убѣжищемъ при

частыхъ вторженіяхъ сосѣднихъ народовъ. На вершинѣ холма, посреди, города, вытекаетъ ручей, но вода его имѣетъ не очень пріятный, соленый вкусъ.

Отъ Меллеля до Ганага, славной столицы страны, носящей то же названіе и лежащей восточнѣе, считаютъ около 12-ти дней пути степью изъ подвижнаго песка. Ганагъ раскинулся по обоимъ берегамъ Нила и самый значительный и населенный торговый городъ въ Суданѣ, гдѣ всегда можно встрѣтить множество богатыхъ купцовъ изо всѣхъ сосѣднихъ странъ и самыхъ далекихъ западныхъ краевъ. Всѣ жители Магометане, и ихъ Царь, хотя и независимый правитель, оказываетъ, однако жь, покорность Государю Правовѣрныхъ. Онъ живетъ въ замкѣ, который построенъ въ 1116 году на берегу Нила и хорошо укрѣпленъ, а внутри украшенъ изваяніями, живописью и стеклянными окнами. Но величайшею его рѣдкостью считаютъ кусокъ литаго золота въ 30 фунтовъ вѣсомъ, вдѣланный въ Царскій престолъ: это золото найдено въ сдѣшней странѣ. Сѣверную часть города населяли Магометане, отсюда же они распространяли ученіе Корана, а съ нимъ и начала образованности между черными народами Средней Африки. Широкая улица, обставленная съ обѣихъ сторонъ красивыми домами, то каменными, то изъ дерева акаціи, ведетъ изъ этой части города въ южную, гдѣ Царь содержитъ свой блестящій Дворъ. Великолѣпна картина, когда онъ, въ браслетахъ и ожерельяхъ, дозволяетъ подданнымъ доступъ къ себѣ и разбираетъ ихъ жалобы. За кресломъ его стоятъ 10-ть рабовъ, вооруженные щитами и саблями, украшенными золотомъ, направо отъ него сыновья дворянъ, одѣтые въ пышное платье, съ заплетеннымъ въ волосахъ золотомъ; на полу передъ нимъ сидитъ начальникъ города посреди важнаго кружка Визирей. Король Ганнага считается справедливѣйшимъ человѣкомъ и вмѣняетъ себѣ въ обязанность ежедневно убѣждаться въ благополучіи и горѣ своихъ подданныхъ. Каждое утро его чиновники отправляются въ замокъ, съ барабанами на головѣ, и по дорогѣ туда бьютъ въ нихъ безпрестанно. Когда всѣ они соберутся, барабанный бой утихаетъ, Царь садится на коня и ѣдетъ во главѣ ихъ по всѣмъ улицамъ города, даже по самымъ отдаленнымъ и тѣснымъ закоулкамъ. Если у кого ни будь есть жалоба на сдѣланную ему не-

справедливость, Царь останавливается на мѣстѣ до тѣхъ поръ, пока не разберетъ и не рѣшитъ дѣла. Послѣ этого отъѣзда онъ возвращается въ замокъ и распускаетъ чиновниковъ. Около 3 часовъ по полудни, когда изнурительный жаръ свалитъ, онъ опять садится на коня и ѣдетъ въ сопровожденіи своихъ тѣлохранителей. Но въ это время уже никто не смѣетъ заговорить съ нимъ, или подходить къ нему. Обыкновенно носитъ онъ покрывало, плащъ, исподнее платье и башмаки, завязанные ремнями; кромѣ того у него много пышнаго платья и украшеній: все это, со множествомъ значковъ и знаменемъ, носится передъ нимъ въ торжественныхъ случаяхъ. Тогда шествіе открываютъ слоны, жирафы и другіе дикіе звѣри, какіе встрѣчаются въ Суданѣ. Одежда жителей состоитъ въ плащѣ, который прикрѣпляется поясомъ. Главное занятіе ихъ торговля: она ведется частію сухимъ путемъ, частію рѣкою Ниломъ, на хорошо устроенныхъ судахъ, въ которыхъ плаваютъ они и на рыбную ловлю.

Отъ Ганага до границъ государства Вангары, лежащаго восточнѣе, считается восемь дней пути. Эта земля, имѣющая видъ острова, вездѣ окруженнаго Ниломъ, въ 300 миль длины и 150 ширины, славится во всемъ свѣтѣ обиліемъ и добротой золота. Въ Августѣ, когда жары самые сильные и Нилъ выходитъ изъ береговъ, большая часть острова долго бываетъ затоплена и жители удаляются на высоты. Когда же вода станетъ сбывать, со всего Судана сбѣгаются Негры и безъ труда раскапываютъ землю, пока Нилъ убываетъ: никто не трудится понапрасну; каждый находитъ золота больше или меньше, смотря по тому, сколько милостивъ къ нему Богъ. Однако жь, выкопанный металлъ не весь принадлежитъ тому, кто нашелъ его, а только одна золотая пыль; чистое же золото идетъ въ Царскую казну, по тому что безъ этой предосторожности, золота появилось бы столько, что оно упало бы въ цѣнѣ.

Образъ жизни всѣхъ Негритянскихъ народовъ очень простой: обыкновенная пища ихъ — верблюжье мясо, свѣжее и сушеное, и полевые плоды. Поля, правда, находятся только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, лежащихъ между песчаными равнинами, однако жь очень плодоносны и даютъ много тыквы, луку, а особливо дорры, замѣняющей для жителей совершенный недостатокъ въ пшеницѣ;

изъ нея же умѣютъ добывать и нѣкоторый родъ вина. Нилъ и другія рѣки побольше доставляютъ гиппопотамовъ и рыбу: когда изобильный ловъ ея не можетъ быть съѣденъ тотчасъ же, какъ ни жирна и вкусна она, въ ту же минуту ее солятъ и сберегаютъ для будущей надобности. Такъ какъ желѣзо у нихъ рѣдко и прежде всего идетъ на необходимыя орудія и утвари, то жилища строятся изъ земли, и такимъ образомъ всего лучше отвѣчаютъ своей цѣли въ этой сухой и жаркой странѣ. Свои оружія, луки, стрѣлы и палицы Негры очень искусно вырѣзываютъ изъ крѣпкаго чернаго дерева, а изъ тростника, растущаго на берегахъ ихъ рѣкъ и озеръ, выдѣлываютъ тетивы. Для лодокъ выдалбливаютъ деревья не многихъ, но густыхъ, лѣсовъ, въ тѣни которыхъ счастливые сосѣди ихъ ищутъ съ своими стадами убѣжища отъ жгучаго солнца; въ нихъ же водятся и хищные львы, гіены и слоны съ мирными жирафами, газелями, зайцами и ласочками. Самое вѣрное средство для удовлетворенія потребностей золото, данное имъ въ изобиліи щедрой природой: сѣверные народы гоняются за нимъ съ такою ненасытною алчностью, но въ глазахъ Негровъ оно имѣетъ только ту цѣну, что его можно обмѣнять на стеклярусъ, мѣдныя кольца для украшеній, на шелковыя платья, мечи, желѣзные сосуды, раковины, свѣжіе плоды, шерсть и соль.

Уже изъ этой мѣновой торговли можно узнать важность сношеній, которыя съ самаго древняго времени велись между сѣверною и восточною Африкою и Негритянскими землями, и кажется достигли высшаго цвѣтущаго состоянія съ владычествомъ Арабовъ въ извѣстныхъ полосахъ этой части свѣта. Самыми усердными посредниками этой торговли называются люди Варкеланъ, построившіе себѣ жилища между береговою землею Варваріи и Бел-ед-ель-джерида и исходившіе знойную степь во всѣхъ направленіяхъ, съ пшеницею и свѣжими плодами, на что вымѣнивали золото изъ Вангары и рабовъ изъ Лемлема. Ихъ посѣщаемый рынокъ на мѣстѣ Седшельмасы подалъ первый поводъ къ основанію этого города, и еще нынѣ ихъ же встрѣчаютъ на рынкахъ Судана съ товарами купцовъ изъ Тафильельта, который заступилъ мѣсто Седжельмасы, лежащей теперь въ развалинахъ. Дороги степью были разныя, смотря по различной цѣли путе-

шествія: онѣ, по крайней мѣрѣ, отчасти имѣли и другое направленіе, нежели нынѣшнія, по тому что теперь главное складочное мѣсто уже не Ганагъ, какъ прежде, а западнѣе лежащій Томбукту; однако жь, съ точностью можно полагать двѣ большія дороги: западную и восточную. Западная имѣла своею исходною точкою Седжельмасу и сначала вела черезъ область Сенигадше, сильнаго Варварійскаго народа, раздѣлявшагося на многія отрасли: его богатство состояло въ верблюдахъ и страусахъ, а пища въ мясѣ и молокѣ, рѣже въ хлѣбѣ и мукѣ, которую проѣзжіе купцы должны были поставлять ему въ видѣ пошлины. Собравшись, караванъ покидалъ городъ при желаніяхъ благополучнаго пути отъ родныхъ и друзей, и подвигался съ осторожностью отъ колодца къ колодцу, которые находились другъ отъ друга на разстояніи 2-хъ и даже 12-ти дней пути. Караванъ поднимался въ путь съ разсвѣтомъ и ѣхалъ до тѣхъ поръ, пока солнце не будетъ высоко и жаръ не сдѣлается изнурительнымъ: тогда позволяли верблюдамъ стать на колѣни, развьючивали ихъ и раскидывали широкій пологъ для защиты отъ зноя. Какъ скоро солнце спускалось къ западу, ѣхали дальше до сумерекъ, и тогда въ другой разъ перекладывались и на ночь разбивали палатки. Послѣ 13-ти дней пути достигали Гвалаты (восточной Гаццы), перваго роздыха побольше другихъ, и запасшись сдѣсь водою, ѣхали или къ юговостоку, въ большое складочное мѣсто Ганагъ, куда пріѣзжали въ 25-ть дней, или въ южномъ направленіи въ Абціаль, чтобы взять сдѣсь соли, мѣноваго товара въ Негритянскія земли. Соляныя Абціальскія копи были очень изобильны и разрабатывались множествомъ работниковъ, которые для того только и проживали въ совершенно безплодномъ и пустомъ мѣстѣ. У нихъ не было ничего съѣстнаго, кромѣ того, что привозилось къ нимъ купцами, по тому что они удалены были почти на 20 дней пути отъ ближайшаго населеннаго мѣста: у нихъ находили много умершихъ, если долго не приходилъ къ нимъ ни одинъ караванъ.

Восточная дорога, ведшая въ Суданъ и выходившая изъ города Цавиляга въ Фецціанъ, посѣщалась не меньше западной. Цавилягъ, сборное мѣсто всѣхъ товаровъ изъ гаваней Средиземнаго моря, и самый значительный рынокъ невольниковъ въ Африкѣ, не могъ предложить ни какихъ собственныхъ произведеній

для торговли, даже совершенный недостатокъ чеканной монеты надобно было замѣнять небольшими кусками ткани краснаго цвѣта: мѣновой торгъ былъ его богатство. Изъ Цавиляга въ 15-ть дней пріѣзжали въ оазъ Кавваръ, очень важный въ Арабской торговлѣ по своимъ горамъ, изобильнымъ квасцами. Жители были большею частію земледѣльцы, частію торговые люди, которые въ своихъ путешествіяхъ къ востоку доходили до Египта, а къ западу до Седжельмасы. Такъ же дѣятельны, даже еще богаче, являются жители ближайшаго оаза Андагоста (Агадеса), которые постояннымъ заботливымъ поливаніемъ обратили свою землю въ плодоносную, хотя она и состояла изъ песчаныхъ равнинъ. Пальмовые сады чередовались съ роскошными пахатными полями и грядами тыквъ: цвѣтущій видъ этѣхъ полей дѣлалъ еще возвышеннѣе далекія, лишенныя растеній, горы, при подошвѣ которыхъ хорошо расло только камедное дерево, доставлявшее выгодный товаръ. Главный городъ, Андагостъ, своими великолѣпными мечетями и домами, еще издали приводилъ въ восхищеніе путешественниковъ, которые собирались сюда въ такомъ множествѣ, что въ шумѣ голосовъ нельзя было разслушать словъ сосѣда. Жители Варкелана привозили пшеницу, плоды и изюмъ: караваны изъ сѣверныхъ прибрежныхъ областей—мѣдь въ дѣлѣ, также красныя и синія ткани; изъ Негритянскихъ земель приходилъ въ изобиліи медъ. Богатство раждаетъ роскошь: на столѣ знатныхъ людей въ Андагостѣ красовались пастеты, пироги и конфекты, со вкусомъ приготовленные Негритянками, свѣдущими въ поваренномъ искуствѣ: изумленные путешественники разносили по всему свѣту похвалы этѣмъ кушаньямъ. Золотая пыль ходила сдѣсь вмѣсто монеты; лощеная амбра и выдѣланная золотая канитель отдавались въ обмѣнъ за ввозимыя произведенія. Повелитель этого Государства распространилъ свою власть надъ землею въ 60 дней длины и такой же ширины. Двадцать Негритянскихъ Царей платили ему дань; военныя силы его состояли изъ 200 тысячъ отборнаго войска. Изъ Андагоста въ 15 дней приходили въ Ганагъ — соединительный пунктъ, гдѣ сходились восточная и западная дороги. Но изъ Андагоста, также и при Кавварѣ, шелъ путь прямо къ югу до города Куку, средоточія царства, которое обыкновенно называютъ Борну. Куку, какъ увѣряютъ Арабскіе географы, одинъ изъ славнѣйшихъ Негритян-

скихъ городовъ и состоитъ изъ двухъ частей: въ одной живетъ Царь и черные, а въ другой Мусульмане. Онъ лежитъ на рѣкѣ, текущей съ сѣвера, но объ ней ничего не извѣстно, Нилъ ли она, или рукавъ его: думаютъ, что она южнѣе теряется въ песчаныхъ степяхъ и пустыняхъ. Царь Куку очень силенъ, имѣетъ много чиновниковъ и солдатъ и окружаетъ себя великою пышностью. У его подданныхъ много лошадей и верблюдовъ; по храбрости они выше другихъ сосѣднихъ племенъ. Большинство народа одѣвается въ звѣриныя шкуры, а болѣе богатые носятъ плащи и красивыя платья, которыя, и также необходимую для нихъ пшеницу и соль, они вымѣниваютъ на рабовъ. Къ востоку отъ этой второй караванной дороги жили Цаггаваги (нынѣшніе Тиббо), отъ границъ Феццана до Лунныхъ горъ, многочисленное кочевое племя, которое больше всего занималось разведеніемъ верблюдовъ и ссужало этѣми необходимыми животными проѣзжихъ купцовъ. Цаггавага, извѣстные также, какъ лучшіе скороходы, мало отличаются своимъ образомъ жизни отъ другихъ кочевниковъ; вся одежда ихъ состояла изъ дубленыхъ воловьихъ и козлиныхъ шкуръ; ихъ обвивали они по срединѣ голаго тѣла; различный видъ такой одежды означалъ различіе чиновъ. Верблюдъ, котораго сушеное мясо служило имъ пищею, доставлялъ молоко и жиръ, также волосы для кровель на палатки: всѣмъ этѣмъ они вели значительный торгъ.

Ибнъ-Батута, ѣздившій въ Негритянскія земли западною дорогой, не возвращался назадъ ни по этой, ни по восточной, а выбралъ третью, меньше посѣщаемую, которая вела черезъ оазъ Теватъ (Туатъ) въ Седжельмасу и была очень затруднительна, отчасти по недостатку въ водѣ и съѣстныхъ припасахъ. Изъ Седжельмасы пошелъ онъ въ Фецъ, и тамъ навсегда положилъ свой страннический посохъ въ 1353 году, проведя 28 лѣтъ въ путешествіяхъ.

НИКОЛАЙ АСЦЕЛИНЪ. *

Со временемъ Карла Великаго государственный бытъ Европы и взаимныя отношенія отдѣльныхъ Государствъ развивались вообще спокойнѣе и получали болѣе прочный видъ, не смотря на проносившіяся иногда тревоги въ набѣгахъ Арабовъ на Испанію и Италію и въ разбойническихъ походахъ и завоеваніяхъ Норманновъ. Но въ то же самое время Азію потрясали перевороты: она сдѣлалась добычею страшныхъ Монголовъ, послѣ того какъ Турецкія племена разбили въ жалкіе обломки обширное царство Калифовъ. Этотъ народъ, который у Европейскихъ писателей среднихъ вѣковъ всегда, хоть и несправедливо, называется Татарами, изъ окружающихъ Байкалъ степей, его настоящаго отече-

* У Аделунга: «Асцелинъ, Доминиканецъ, такъ же, какъ и Плано Карпини, посланный Папою Иннокентіемъ IV къ Монголамъ, ходилъ, съ своими помощниками, монахами Александромъ, Альбертомъ и Симономъ Сенъ-Кентенскимъ, на югъ Каспійскаго моря черезъ Сирію, Персію и Хоразанъ, къ Монгольскому вождю Баю-Ноіоку, котораго этѣ монахи называютъ Баіотопи. Все его путешествіе продолжалось короткое время, и такъ какъ онъ преимущественно говоритъ въ своемъ разсказѣ о томъ, какъ его приняли у Монголовъ, то и сообщаетъ мало объясненій о тѣхъ странахъ, которыми проѣзжалъ. Разсказъ Асцелина дошелъ до насъ невполнѣ; знаемъ его только изъ извѣстій, какія узналъ изъ него отъ спутника Асцелинова, Симона Сенъ-Кентенскаго, и сохранилъ Винцентъ Бове.

Путешествіе Асцелина находится въ слѣдующихъ сочиненіяхъ:

Speculum historiale Vincentii Bellovacensis. Venetiis 1499, fol. I, 31, c. 40 sq.

Opera dilettevole ad intendere, la qual si contiene dei Itinerarii in Tartaria, Venezia 1537, 4°.

Voyage du P. Ascelin, въ Bergeron Voyages, ed. de P. van der Aa. Vol. I. Вмѣстѣ съ путешествіемъ Плано Карпини.

Въ Murray' Discoveries and Travels in Asia, Vol. I, p. 75—85.

Voyage du frère Ascelin. Напечатано въ Voyage de Benjamin de Tudèle etc. Paris 1830, 4°.

На Русскомъ: въ «Собраніи путешествій къ Татарамъ,» и пр. T. I, стр. 232—263 »

ства, постепенно разошелся далѣе къ юго-востоку до сѣверной границы Китая и раздѣлился на многочисленныя орды. Многія изъ этѣхъ ордъ, въ исходѣ XII-го столѣтія, покорены Езукаемъ, Монгольскимъ вождемъ на берегахъ Амура; сынъ его, Темучинъ, знаменитый благоразуміемъ и храбростью, все больше и больше увеличивалъ власть, доставшуюся ему по наслѣдству, побѣждая сосѣднихъ вождей, которые старались отнять ее у него; на большомъ сеймѣ у истоковъ Амура въ 1206 году, въ награду блестящихъ военныхъ подвиговъ, его привѣтствовали именемъ Чингисъ-Хана (Великаго Хана), которое въ скоромъ времени должно было наполнить міръ ужасомъ. Менѣе чѣмъ въ 20 лѣтъ, его завоеванія простирались уже отъ самаго крайняго Востока до передней Азіи и Днѣпра. Его дѣти и внуки проникли во внутреннюю Россію и наводнили безчисленными полками Угрію, Польшу и Силезію. Герцогъ Силезскій, Генрихъ, храбро противосталъ имъ у Вальштадта при Лигницѣ, но они сломили его превосходствомъ числа и удержали за собою поле сраженія. Общій ужасъ разнесся по всей Европѣ, какъ видно изъ историческихъ книгъ того времени. Этѣхъ завоевателей, столько же дикихъ, какъ и безобразныхъ, считали дьяволами, посланными изъ ада, въ наказаніе развращенному человѣчеству за его пороки, прибѣгали къ постамъ и общенароднымъ молебствіямъ, для отвращенія этой кары. Покоривъ Угрію, Монголы требовали отъ Нѣмецкаго Императора, чтобы онъ присягнулъ Великому Хану и, въ вознагражденіе за Имперію, предлагали ему мѣсто въ Ханскомъ войскѣ, какое онъ самъ выберетъ себѣ: предложеніе, по Монгольскимъ понятіямъ, очень почетное и вполнѣ отвѣчавшее значенію и сану перваго Государя Христіянскаго міра. Фридрихъ II, Гогенштауфенъ (ум. 1250), напротивъ, въ неоднократныхъ грамотахъ, убѣждалъ всѣ Христіянскія Державы къ соединенному отпору такой близкой и грозной опасности. Папа Иннокентій IV прибѣгнулъ къ духовному средству: онъ послалъ проповѣдниковъ къ Монголамъ, чтобы склонить ихъ къ Христіянству и такимъ образомъ удержать отъ новыхъ вторженій. Однако жь, этѣхъ вторженій и не было, по разнымъ причинамъ, о которыхъ намъ сдѣсь нечего входить въ подробности. Ни какого, разумѣется, успѣха не имѣли этѣ усилія къ убѣжденію въ истинахъ Христіянской вѣры того народа, который сначала преданъ былъ грубому идолопоклонству, а потомъ Ламанству, отрасли уче-

нія Будды, распространившейся по большей части Восточнаго міра. За то этѣ усилія оказали существенную услугу Географіи и Этнографіи, по тому что пролили свѣтъ на жилища, образъ жизни и гражданское устройство Монгольскихъ племенъ.

Иннокентій IV счелъ за лучшее отправить разомъ два посольства въ оба главныя становища Татаръ, какъ мы и станемъ впередъ называть Монголовъ, во избѣжаніе сбивчивости. Это дѣло, столько же трудное, какъ и опасное, Папа возложилъ на многихъ монаховъ Францисканскаго ордена, который въ то время доставлялъ большую часть лучшихъ проповѣдниковъ вѣры и обращателей язычниковъ. Главою посольства, отправлявшагося въ восточный Татарскій станъ, на восточномъ берегу Каспійскаго моря, гдѣ начальствовалъ Баіот-Ной (Баю-Ноіонъ), былъ почтенный отецъ **Николай Асцелинъ**, чрезвычайно усердный, но ужь и очень неодаренный ловкостью, необходимой для такого предпріятія, что достаточно показываютъ намъ извѣстія Симона Сенъ-Кентенскаго, одного изъ товарищей Асцелина, существующія, къ сожалѣнію, только въ скудномъ извлеченіи. Послѣ труднаго путешествія черезъ Сирію, Месопотамію и Персію, въ 1247 году, послы дошли до границъ Ховарезма (Хивы), гдѣ расположилось станомъ Татарское войско. Когда Баіот-Ной узналъ объ ихъ пріѣздѣ, онъ послалъ къ нимъ своего Эгипа (перваго совѣтника) съ переводчиками, спросить, откуда они и за чѣмъ пришли? Асцелинъ отвѣчалъ, что онъ посолъ отъ Папы, верховнаго главы Христіянства. Татарамъ показалось, что наружный видъ пословъ ни сколько не отвѣчаетъ такому высокому посольству; они спросили потомъ, знаетъ ли же ихъ повелитель, Папа, что Великій Ханъ сынъ Неба и властелинъ всей земли, и что Баіот-Ной одинъ изъ его Принцевъ? Монахъ гордо отвѣчалъ, что Папа не слыхалъ ни о Великомъ Ханѣ, ни о его намѣстникахъ: онъ знаетъ только, что иноплеменный и дикій народъ, который называютъ Татарскимъ, ворвался съ разореніемъ въ Христіянскія земли и не даетъ никому пощады; почему и возложилъ на него отыскать Татарское войско и увѣщевать вождей его, чтобы они покаялись въ своихъ злодѣйствахъ и впередъ не дѣлали такихъ опустошеній. Уполномоченные, тотчасъ же передавшіе отвѣты Асцелина вождю, являлись каждый разъ въ другомъ платьѣ, и наконецъ

освѣдомились о подаркахъ, принесенныхъ посломъ для Великаго Хана: на это Асцелинъ далъ короткій отвѣтъ, что Папа привыкъ получать подарки, но никогда не даритъ самъ даже лучшихъ своихъ друзей въ Христіянствѣ, а тѣмъ менѣе иноплеменниковъ и невѣрныхъ. Терпѣніе уполномоченныхъ, смотрѣвшихъ съ изумленіемъ на этѣхъ иноземцевъ, которые ходили босикомъ, а говорили такѣ неприлично и гордо, все еще не истощилось. Они даже обѣщали монахамъ выхлопотать пріемъ у Баіот-Ноя, если они три раза станутъ передъ нимъ на колѣни, по Татарскому обычаю. Обсудивъ это основательно, монахи объявили, однако жь, единогласно, что такое униженіе передъ язычникомъ будетъ позоромъ для всего Христіянства: если же Великій Ханъ со всѣми своими подданными приметъ Христіянскую вѣру, тогда, во славу Церкви, они готовы подвергнуться обряду, какого отъ нихъ требуютъ. Такое приглашеніе озлобило Татаръ: и Папу, и его пословъ они обругали собаками, грозили начальнику посольства содрать съ него живаго кожу и, набивъ ее сѣномъ, отправить къ Папѣ съ другими монахами. Предложеніе одобрено, и было бы приведено въ исполненіе, если бы старшая изъ женъ Баіот-Ноя не отсовѣтовала такой жестокости изъ за послѣдствій, какія можетъ имѣть она для Татарскихъ пословъ. Благодаря тому, монахи избавились отъ смертельнаго страха, однако жь не были отпущены, какъ ни сильно желали того. Татары находили удовольствіе въ насмѣшкахъ надъ ними въ станѣ и въ затрудненіи ихъ разными лукавыми вопросами. Такъ распрашивали ихъ часто о войскахъ, побѣдахъ и завоеваніяхъ Папы, и громко смѣялись, услыхавъ, что власть его только духовная; также совсѣмъ не могли понять и того, что монахи не хотѣли оказать вождю должнаго уваженія, однако жь кланялись же деревяннымъ и каменнымъ образамъ и крестамъ. Они такъ же не поняли отвѣта на это, какъ и содержанія писемъ, принесенныхъ послами, велѣли перевести ихъ по Татарски и послали къ Великому Хану. Монаховъ удерживали подъ предлогомъ, что надобно подождать отвѣта на этѣ письма, но давали имъ такую скудную и плохую пищу, что они чуть не умерли съ голода. Часъ ихъ освобожденія наконецъ наступилъ: сдѣлавшись благоразумнѣе и расположивъ къ себѣ одного изъ совѣтниковъ вождя подарками, на что бы слѣдовало имъ рѣшиться пораньше, они были отпущены съ пись-

момъ къ Папѣ слѣдующаго содержанія: «Знай, Папа, что твои посланники приходили въ нашъ станъ, подали намъ твои письма и говорили самыя странныя рѣчи, какія мы слыхали когда либо. Не знаемъ, уполномочилъ ли ты ихъ говорить такъ, какъ они говорили; но посылаемъ тебѣ точное и ясное приказаніе, идущее отъ Бога: если хочешь сохранить свое царство и землю, приходи къ намъ самъ и преклонись передъ тѣмъ, кто распространяетъ свою законную власть на всю землю; а если не послушаешь яснаго повелѣнія Бога и того, который простираетъ свое законное владычество по всей землѣ, Богу одному извѣстно, какія послѣдствія будетъ имѣть твоя непокорность.» Какъ ни мало было утѣшительнаго въ такомъ успѣхѣ ихъ посольства, монахи, однако жь, съ великой радостью покинули Татарскій станъ, поспѣшили какъ можно скорѣе въ ближайшую Сирійскую пристань, и отплыли во Францію: они прибыли туда благополучно, почти послѣ 15-ти мѣсячнаго отсутствія.

ДЖІОВАННИ ДЕ ПЛАНО КАРПИНИ. *

Гораздо благоразумнѣе велъ себя начальникъ другаго посольства, назначеннаго въ сѣверный Монгольскій станъ, Джіованни де Плано Карпини, также Францисканскій монахъ. О прежней его жизни намъ ничего не извѣстно, кромѣ того, что онъ ро-

* У Аделунга: «Іоаннъ де Плано-Карпино, изъ фамиліи del Plan di Carpini въ Перуджіи, Францисканскій монахъ, былъ избранъ для путешествія въ землю Монголовъ, вмѣстѣ съ другими братьями по Ордену, Францисканцемъ Бенедиктомъ изъ Польши, и монахами-проповѣдниками Асцелиномъ, Симономъ Сенъ-Кентенскимъ, Александромъ и Альбертомъ. Такъ какъ разрушительныя орды этѣхъ завоевателей все больше и больше угрожали Европѣ, то Папа Иннокентій IV положилъ на Ліонскомъ Соборѣ 1245 г. отправить вышеупомянутыхъ монаховъ къ этому страшному врагу Христіянства въ качествѣ посланниковъ; при томъ имъ поручено было, сколько можно отвлекать Монголовъ отъ Европы и гораздо лучше склонять ихъ къ войнѣ съ Турками и Сарацинами. Вмѣстѣ съ тѣмъ они должны были попытаться расположить Монголовъ къ Христіянской вѣрѣ, и во всякомъ случаѣ собрать свѣдѣнія объ этомъ, еще мало извѣстномъ, народѣ.

дился въ Италіи около 1220 года и по окончаніи ученія отличался въ качествѣ проповѣдника. Джіованни и его товарищъ, Бенедиктъ, отправились въ дальнее путешествіе въ 1246 году и, черезъ Чехію и Силезію, прибыли въ Польшу. Тамъ, какъ и во всѣхъ земляхъ Восточной Европы, желавшихъ, для собственной безопасности, возстановленія мирныхъ отношеній къ Татарамъ, они были приняты ласково и получили всякаго рода пособіе. Услыхавъ, что у Татаръ ничего нельзя сдѣлать безъ подарковъ, они накупили въ Краковѣ бобровыхъ и другихъ мѣховъ и получили знающаго дорогу служителя, который проводилъ ихъ въ

Плано Карпино съ Асцелиномъ пошелъ изъ Ліона, гдѣ проживалъ тогда Иннокентій IV, черезъ Германію Чехію, Силезію и Польшу въ Кіевъ, находившійся въ то время въ рукахъ Татаръ, а оттуда, черезъ Днѣпръ, Донъ и Волгу, въ Кипчакъ, гдѣ господствовалъ Бату-Ханъ. Отсюда онъ отправился, черезъ землю Комановъ, имѣвшихъ позади себя Россію, Булгарію и Мордвиновъ, землю Камгитовъ и Наймановъ, къ Хану Гаюку, верховному Государю всѣхъ Монгольскихъ ордъ, и исправивъ, сколько могъ лучше, свое порученіе, возвратился опять въ Европу, послѣ 16-тимѣсячнаго отсутствія. Мы имѣемъ подробный и краткій разсказъ этого путешествія, оба на Латинскомъ языкѣ; есть много и списковъ съ нихъ, частію современныхъ. Императорская Придворная Библіотека въ Вѣнѣ имѣетъ три рукописи большаго разсказа, изъ которыхъ три на пергаментѣ и XIII-го столѣтія. Одна, въ 4-ю долю листа и подъ рубрикою: Hist. prof. No DCLI, носитъ названіе: Relacio fratris Joannis de Plano Carpini, ordinis fratrum minorum, de Tartaris, и начинается словами: «Anno Domini M°. CC°. XL. V°. Frater Johannes de ordine minorum fratrum dictus de planocarpini a domino papa missus ad tartaros cum alio fratre ejusden ordinis.»

Рукопись in folio обозначена: Hist. prof. No XCIV и имѣетъ названіе: Carpini Plano libellus de moribus bellicis Tartarorum. 1245. Она начинается вступленіемъ: «Omnibus Christi fidelibus frater Johannes de Plano Carpini etc.»

Третій Вѣнскій списокъ, in folio и на бумагѣ, отмѣченъ N° 651, и имѣетъ названіе: Carpini Plano legatio in Tartariam.

Другая рукопись находится въ Ватиканской Библіотекѣ подъ названіемъ: Libellus historicus Joannis de Plano Carpini, qui missus est legatus ad Tartaros anno Domini 1246 ab Innocentio IV, Pontifice Maximo.

Потомъ извѣстны еще слѣдующіе списки: два въ Кембриджѣ: одинъ въ Университетской Библіотекѣ подъ N° 61. 3. См. Catalogi libror. msptor. Angliae et Hiberniae in unum collecti, Oxonii 1697, fol. P. III, p. 137. Другой въ Библіотекѣ Corporis Christi Collegium, подъ N° 181. См. D'Avezac Plan Car-

Кіевъ, преждебывшую столицу Россіи. Знающіе люди, у которыхъ они собирали въ этомъ городѣ свѣдѣнія о дорогѣ, какою надобно ѣхать дальше, дали имъ добрый совѣтъ оставить Европейскихъ лошадей, потому что онѣ не привыкли, подобно Татарскимъ, отыскивать траву подъ снѣгомъ и навѣрное скоро падутъ въ тѣхъ краяхъ, гдѣ нѣтъ ни сѣна, ни другаго корма. И такъ они взяли тамошнихъ лошадей, и 4-го Февраля благополучно доѣхали до Кановы (Канева) на Днѣпрѣ, перваго города Татарской области. Сдѣсь остановила ихъ стража и спрашивала, за чѣмъ они ѣдутъ? Получивъ отвѣтъ, что они Папскіе послы, которые должны жаловаться на Татарскія разоренія въ Христі-

---

pini, p. 52. Въ Турне, въ Библіотекѣ Сенъ-Мартенской, подъ G. 6. См. Bibliotheca Belgica manuscripta etc. 1641, 4°, 1, p. 130. Въ Лейденѣ, въ Университетской Библіотекѣ. Эта рукопись прежде принадлежала знаменитому Павлу Петау. См. D'Avezac Plan Carpin. Въ Лондонѣ, въ Британ. Музеѣ, также и тотъ списокъ, который принадлежалъ прежде Лорду Лумлею и которымъ пользовался Гаклюйтъ для своего Principal Navigations. Въ Парижѣ, въ Императорской Библіотекѣ, подъ № 2477, писанная на пергаментѣ въ XIV вѣкѣ и принадлежавшая прежде Министру Кольберту.

Сочиненіе Плано Карпини раздѣлено на 8 главъ, изъ которыхъ 1-я содержитъ описаніе собственно путешествія, прочія семь говорятъ о правахъ, обычаяхъ и т. д. Татаръ.

Печатное это путешествіе находится въ слѣдующихъ сочиненіяхъ:

Due Viaggi in Tartaria per alcuni frati del Ordine de'Minori et di San Domenico mandati dal Papa Innocenzio IV nella detta provincia. Въ Raccolta di Ramusio. Vol. II, p. 234 sq.

Въ извлеченіи въ Speculum historiale auct. Vincentio Bellovacensi, Venetiis, 1494. fol. Lib. LXXII. cap. 2. Винцентъ Бове прибавилъ къ этому разсказу примѣчанія о прочихъ путешественникахъ по изустнымъ разсказамъ Симона Сенъ-Кентенскаго. Это извлеченіе находится въ Historia Orientalis Рейнера Рейнекція, Basel 1585 года. fol. Потомъ въ Divi Antonini Chronicis, Marcos da Lisboa Chronica, Oderici Rinaldi Annales и проч. Особенно напечатанное явилось оно въ Парижѣ 1495 г. 4°. Потомъ въ Венеціи 1537, 4°: Voyages très-curieux, faits et écrits par les RR. PP. Jean du Plan Carpin, Cordelier, et N. Ascelin, Jacobin. Envoyez en qualité du Légats Apostoliques et d'Ambassadeurs de la part du Pape Innocent IV vers les Tartares et autres peuples Orientaux: avec ordre exprès de décrire de bonne foi ce qui redarde les Tartares, comme la situation tant de leur pays que de leurs affaires; leur véte-

янскихъ земляхъ, ихъ проводили къ Коррензѣ, начальнику войска, охранявшаго западныя границы и состоявшаго изъ 60 тысячъ Татаръ. Когда они подъѣхали близко къ стану, явились уже и послы, освѣдомлявшіеся о подаркахъ, какіе везутъ они Хану. У дверей Коррензовой орды (палатки) имъ велѣно три раза стать на колѣни, не дотрагиваясь, однако жь, до порога; потомъ они повторили свое порученіе и получили отвѣтъ, чтобы обратились съ своею надобностью къ Батыю (Хану Бату), Принцу Царской крови. Они тотчасъ отправились съ 3 мя проводниками, и пробыли въ дорогѣ 44 дня, хотя и ѣхали хорошей рысью и часто мѣняли лошадей по четыре раза въ день. Путь ихъ лежалъ черезъ землю Умановъ (юговосточную Россію) до Волги, на берегахъ

---

ment, Boire et Manger, leur Gouvernement politique et civil; culte de Religion; discipline militaire; enterremens et autres points, les plus remarquables; dont l'observation était le sujet de leur Ambassade. Le tout raporté fidèlement par ces Religieux. Avec des notes, tables, observations, vne carte très-exacte de ces Voyages et de très-belles figures pour explications des choses. Въ Бержероновомъ сборникѣ: Voyages en Tartarie etc. édition de van der Aa. Leiden 1729, 4°. Vol. 1. — Это съ вышеупомянутой рукописи Петау.

Relation du voyage de Jean du Plan Carpin en Tartarie. Въ Recueil des Voyages au Nord. T. VII. Напечатано съ «Voyages de Renjamin de Tudèle и проч. Voyages en Tartarie, Paris 1830, 4°.

Путешествіе Плано Карпини въ Муррея Discoveries and Travels in Asia Vol. I, p. 84 — 109.

Критически обработанное и особенно богато снабженное, можно сказать, исчерпывающее, изданіе явилось подъ заглавіемъ: Relation Mongols ou Tartares par le Frère de Jean Du Plan de Carpin de l'ordre des Frères Mineurs, Légat du Saint Siège Apostolique, Nonce en Tartarie pendant les annèes 1245, 1246, 1247, et Archevêque d'Antivari. Premiére Edition complète publiée d'après les Manuscrits de Leyde, de Paris, et de Londres, et précédée d'une notice sur les ancien Voyages en Tartarie en général, et sur celui du Plan de Carpin en particulier, par M. d'Avezac. Paris. 1838, 4°.—Оно находится также въ 4-й книгѣ Recueil de Voyages et de Mémoires, publiés par le Société de Géographie de Paris. p. 399 — 779: Avis sur le voyage vers le Grand-Chan. Въ Relalions Thévenot, Vol. III, p. 1.

О путешествіи Плано Карпини смот. также Шпренгеля Gesch. d. geogr. Entdeck. стр. 278 — 288, гдѣ объяснено оно со многими назидательными примѣчаніями.

которой имѣлъ пребываніе Ханъ Бату, повелитель этой части Татарскаго царства, простиравшейся отъ Ганка (Урала) до Днѣпра. Когда посланники приблизились къ стану, они должны были разбить свою палатку за милю отъ него и только теперь услыхали, что не могутъ представиться Хану, если сначала не пройдутъ между двумя огнями. Сперва они упорно отказывались, пока имъ не замѣтили, что съ этѣмъ не соединено ни какой опасности: это дѣлается только для очищенія ихъ отъ всякой, приставшей къ нимъ, злой чары, которая могла бы новредить Хану. Счастливо наконецъ выдержавъ испытаніе огнемъ, они могли явиться къ Бату-Хану и подали ему съ обыкновенными колѣнопреклоненіями Папскую грамоту, переведенную по Татарски. Онъ прочиталъ ее съ большимъ вниманіемъ, однако жь не далъ на нее ни какого отвѣта и велѣлъ отвести пословъ въ ихъ палатку, гдѣ больше и не заботились о нихъ, и едва дали имъ нѣсколько проса для утоленія голода. Бату-Ханъ показывалъ большую пышность: какъ у Императора, у него были свои придверники и придворные сановники. Самъ онъ съ одною изъ женъ красовался на возвышеніи, похожемъ на тронъ; его братья и сыновья, какъ самыя знатныя лица въ странѣ, занимали мѣсто на лавкахъ, посреди палатки; прочіе люди сидѣли позади ихъ, на полу, мущины по правую,

---

Русскій переводъ: «Любопытнѣйшее путешествіе монаха Жана дю Планъ-Карпина, посланнаго въ 1246 году въ достоинствѣ Легата-Посла отъ Папы Иннокентія IV къ Татарамъ. Перев. съ Франц. А. М. Москва. 1795, 8°.

Потомъ въ «Собраніи путешествій къ Татарамъ и другимъ Восточнымъ народамъ, въ XIII, XIV и XV столѣтіяхъ. Томъ I. Санктпетерб. 1825, 4°. (Больше изъ этого сочиненія не явилось). Стр. 1—217. Объ этомъ переводѣ смотри рецензію (I. В. Шнитцлера) въ Revue Encyclop. T. XXXI (Іюль 1826 г.), p. 131.

Голландскій переводъ: Seer aanmerkelyke Reysebeschryvingen van Johan du Plan Carpin en Br. Ascelin, beyde als Legaten van den Paus Innocentius de IV afgesonden na Tartaryen en andere oosterche volkeren.... Nu aldereerst getrouwelijk na het egte handschrift vertaald door Salomon Bor predikant tot Zeyst. Leyden (1706), 8°. Оно составляетъ также первую часть первой книги собранія замѣчательныхъ путешествій въ Голландскомъ переводѣ, изданнаго извѣстнымъ Лейденскимъ книгопродавцемъ van der Aa съ 1706 года подъ заглавіемъ: Naaukerige versameling der gedenkwaardigste zee en land Reysen na Ost en West-Indien.»

женщины по лѣвую руку. На столѣ, неподалеку отъ входа, стояли золотые и серебряные кубки; когда пилъ Ханъ, играла музыка. При выѣздахъ надъ головой его носили зонтикъ; этѣмъ же преимуществомъ пользовались и Принцы съ ихъ женами. Бату-Ханъ обращался милостиво съ своими людьми, однако жь всѣ боялись его.

Спустя нѣсколько времени монахи опять были позваны въ станъ, и получили тамъ приказаніе отправляться къ Великому Хану Куине (Гаюку) и представить ему свое дѣло. Не трудно отгадать намѣренія Татаръ—такимъ путешествіемъ увѣрить посланниковъ въ огромности и могуществѣ ихъ Царства. Но у пословъ едва доставало силъ и мужества на такую дальнюю дорогу, по тому что весь постъ они ничего не ѣли, кромѣ небольшаго количества проса, вареннаго съ водою и солью, и не пили, кромѣ талаго снѣга. Нельзя было и думать объ отдыхѣ подольше, чтобы сначала совсѣмъ оправиться передъ дорогой, по тому что едва только отдано приказаніе къ отъѣзду, какъ они уже должны были садиться на лошадей съ своими Татарскими проводниками и крупною рысью поспѣшать къ цѣли. Они мѣняли лошадей пять разъ въ день, а часто и больше: только когда дорога шла пустыней, —садились на лошадей болѣе крѣпкихъ, которыя должны были выносить до ближняго населеннаго мѣста. Такъ ѣхали цѣлый мѣсяцъ, не останавливаясь подолѣе, нежели сколько нужно для ночнаго отдыха, и наконецъ добрались до границъ Куманіи. Эта большая земля, подвластная Бату-Хану, граничила къ сѣверу съ Россіею, Мордвинами и Билеоенъ въ Великой Булгаріи (на западномъ берегу Волги) и съ Баштарками (Башкирами) въ Великой Угріи (на Уралѣ); еще сѣвернѣе слѣдовали Пароситы (Пермяки), Самогеты (Самоѣды) и другой народъ съ собачьими лицами, жившій до самыхъ пустынныхъ береговъ Океана. Съ юга Куманія примыкала къ племенамъ, населявшимъ Арменію, Грузію и Черкесію, и къ Греческой имперіи, а къ западу къ Угріи и Россіи. Завоевавъ Куманію, Татары изрубили большую часть жителей, или сдѣлали ихъ рабами. Еще теперь видны были вездѣ груды человѣческихъ костей, и никто не думалъ хоронить ихъ.

Изъ Куманіи путешественники прибыли въ землю Кангиттовъ (между Ураломъ и Сигономъ), широкую, бѣдную водой степь,

гдѣ только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ встрѣчались жители: они такъ же мало, какъ и Куманы, занимались какою ни будь работой, или ремесломъ, но получали содержаніе отъ скотоводства и кочевали съ своими палатками. Сдѣлавъ какъ можно скорѣе дорогу черезъ пустыни Кангиттовъ, они достигли области Бисерминовъ (на восточномъ берегу Каспійскаго моря), которые говорили Куманскимъ языкомъ, но признавали себя Мусульманами. Сдѣсь посланники встрѣтили развалины безчисленныхъ замковъ и городовъ и услыхали, что повелитель этой, прежде цвѣтущей, страны, по имени Алти-Голданъ, убитъ былъ Татарами со всей семьей. Меньше пострадала земля черныхъ Китайцовъ (Карсъ-Китай), гдѣ угощалъ пословъ Татарскій вождь въ находящемся сдѣсь дворцѣ Великаго Хана. Отсюда нѣсколько дней проѣзжали они близко озера, которое осталось у нихъ влѣво и въ которомъ замѣтили множество островов, проѣхали землю языческихъ Найманов, гдѣ стояла такая стужа, что въ исходѣ Іюля шелъ снѣгъ, и потомъ вступили въ настоящее царство Монголовъ. Когда же перебрались за границу, путешествіе пошло такъ скоро, какъ только могли выдерживать лошади, которыхъ мѣняли теперь еще чаще: съ ранняго утра до ночи, безъ всякой пищи по цѣлымъ днямъ, оно продолжалось цѣлыя три недѣли, по тому что проводникамъ предписана была величайшая поспѣшность, чтобы во время явиться съ послами къ поставленію новаго Великаго Хана. Со всѣмъ измученные, они прибыли къ мѣсту своего назначенія 24-го Іюня, получили удобную палатку, богато спабженную всѣмъ, что нужно. Спустя нѣсколько времени ихъ позвали къ матери Гаюка; она правила Царствомъ до избранія и поставленія сына и окружена была блестящимъ Дворомъ. Они вошли въ великолѣпную палатку изъ бѣлой ткани, такую обширную, что легко могло помѣститься 2000 человѣкъ; посреди ея находилась досчатая перегородка, украшенная множествомъ картинъ. Татарскіе вожди и начальники, разъѣзжавшіе съ своими людьми по ближнимъ холмамъ и равнинамъ, въ первый день явились въ бѣлыхъ одеждахъ, на другой, когда Гаюкъ вошелъ въ шатеръ, въ красныхъ, на третій въ синихъ и на четвертый въ ярко-красныхъ. Въ перегородкѣ было двѣ большія двери: одна исключительно назначалась для Великаго Хана, и хотя была отворена, но не имѣла караула, другая, служившая входомъ для всѣхъ, кто имѣлъ на то право и но-

зволеніе, окружена была многочисленной стражей, вооруженной мечами, луками и стрѣлами. Когда кто переходилъ за перила, обведенныя кругомъ шатра, того наказывали палками, если успѣли схватить; но если онъ былъ такъ неблагоразуменъ, что пытался убѣжать, то сейчасъ же падалъ, пронизанный стрѣлами стражи. Сбруя на лошадяхъ вождей была богато убрана золотомъ и у нѣкоторыхъ стоила не меньше 20-ти марокъ. На четвертый день вожди отправились въ палатку и совѣщались до полудня о выборѣ Великаго Хана; потомъ стали пить въ изумительномъ количествѣ кумысъ, позвали и монаховъ на пиръ; но какъ для этѣхъ кобылье молоко показалось невкусно, подали имъ пива и такъ жестоко подчивали, что они едва не пришли въ отчаяніе и просили пощады. Кромѣ монаховъ, сказывали имъ, тамъ было четыре тысячи другихъ пословъ, но этѣхъ угощали за перилами. Этѣ торжества продолжались 4-е недѣли, и выборъ Великаго Хана, по видимому, былъ уже конченъ, хотя еще не обнародованъ, по тому что когда Гаюкъ вышелъ изъ палатки, впереди его шла толпа музыкантовъ, а другіе Татары опускали передъ нимъ очень красивые бичи, украшенные на концахъ пурпуроваго цвѣта шерстью: такая почесть нѐ отдавалась ни одному изъ прочихъ, бывшихъ тутъ, Принцевъ. Послѣ этѣхъ четырехъ недѣль все собраніе отправилось въ путь и ѣхало три, или четыре, мили до одной красивой равнины, окруженной горами; на ней поставлена была другая палатка, еще великолѣпнѣе, называвшаяся Золотою Ордой: тамъ и должно было происходить восшествіе Гаюка на престолъ. Палатка была изъ яркаго краснаго сукна и другихъ дорогихъ тканей и поддерживалась множествомъ столбовъ, обитыхъ листовымъ золотомъ. 24-го Августа собралась необозримая толпа народа: всѣ повернулись лицомъ къ югу и, раздѣлившись на два отряда, почти на разстояніи брошеннаго камня одинъ отъ другаго, шли все далѣе къ югу съ безпрестанными молитвами и колѣнопреклоненіями. Послѣ порядочно долгаго повторенія этѣхъ обрядовъ, они вернулись въ шатеръ, и Гаюкъ взошелъ на престолъ. Сначала вожди, а потомъ весь народъ, стали передъ нимъ на колѣни и присягнули ему. Великій Ханъ, мущина 40, или 45, лѣтъ, былъ средняго роста, держалъ себя очень важно и, какъ увѣряли, очень рѣдко смѣялся. Никогда лично не разговаривалъ онъ съ иностранцемъ, не смотря ни на какую его знатность, а все-

гда съ помощію третьяго лица; докладывая ему о дѣлѣ, подданный долженъ былъ стоять на колѣняхъ до тѣхъ поръ, пока не получитъ рѣшенія. Въ своихъ грамотахъ онъ называлъ себя: «Сила Божія и повелитель всего человѣческаго рода», а на печати его были слова: «Богъ на небѣ, а Ханъ Гаюкъ на землѣ, сила Божія. Печать властелина всѣхъ людей».

Вскорѣ по вступленіи на престолъ Великаго Хана, Папскіе послы были позваны къ нему, и когда явились передъ его палаткою, одинъ придворный чиновникъ прокричалъ громко ихъ имена. Ихъ тщательно обыскали, не спрятали ли они у себя какого оружія; три раза становились послы на колѣни у порога, не прикасаясь къ нему, потомъ вошли и изложили свое дѣло, однако жь на этотъ разъ еще не получили отвѣта. Спросили только ихъ о подаркахъ, какіе они подадутъ Великому Хану, по порученію своего Государя. Послы смиренно отвѣчали, что все взятое съ ними, роздано на пути, и теперь ничего не осталось въ ихъ распоряженіи. Тѣмъ великолѣпнѣе были подарки другихъ посланниковъ. Передъ палаткою уже лежали высокія груды дорогихъ матерій, шелковыхъ товаровъ и мѣховъ, а на ближнемъ пригоркѣ разставлено было до пяти сотъ телѣгъ съ золотомъ, серебромъ и шелковою одеждой. Великій Ханъ раздѣлилъ всѣ драгоцѣнности съ своими вождями, а этѣ обдарили своихъ людей. Спустя нѣсколько времени, монахи, которыхъ, по окончаніи празднествъ, содержали такъ скупо, что они едва могли кое-какъ влачить жизнь, приглашены были изложить свою просьбу на бумагѣ, а потомъ получили отвѣтную грамоту съ Царскою печатью, и были отпущены. Мать Великаго Хана подарила на прощаньи каждому изъ нихъ по красивому платью и по лисьему мѣху. На возвратномъ путешествіи, которое пришлось зимою, они должны были переносить много нужды: на всей дорогѣ, по безконечнымъ степямъ, они не видали ни одного дерева; ночью спали на снѣгу, а проснувшись нерѣдко находили себя совсѣмъ занесенными снѣгомъ. Наконецъ 8 Іюня, 1247 года, они опять добрались до Кіева, гдѣ ихъ привѣтствовали и угощали съ большою радостью, точно воскресшихъ мертвецовъ. Отсюда они пріѣхали благополучно къ Папѣ и донесли ему объ успѣхѣ своего посольства. Джіованни де Плано Карпини, благоразумному поведенію котораго въ самыхъ

затруднительныхъ обстоетельствахъ нельзя не удивляться, наблюдалъ съ неизмѣннымъ вниманіемъ жизнь и занятія Татаръ, какъ въ дорогѣ, такъ и въ пребываніи Хана. Онъ изложилъ свои наблюденія въ простомъ разсказѣ, и, за исключеніемъ нѣсколькихъ вставленныхъ туда нелѣпыхъ басенъ, ему переданныхъ, они вездѣ носятъ на себѣ отпечатокъ истины; сообщаемъ сдѣсь главные выводы его наблюденій, сколько можно, его собственными словами.

Обширная страна, называемая Монголіею или Татаріею, отчасти очень гориста, отчасти ровная; почва, вездѣ состоящая изъ крупнаго песка, плодоносна только въ немногихъ мѣстахъ, гдѣ орошаютъ ее рѣки. Тамъ нѣтъ ни деревень, ни городовъ, кромѣ одного, который называется Кракуримъ (Каракорумъ) и должно быть хорощій городъ; онъ лежитъ въ полуднѣ пути отъ Золотой Орды. Но хотя и безлюдна эта страна, однако особенно очень удобна для скотоводства по своимъ превосходнымъ паст бищамъ; кое-гдѣ видно и нѣсколько лѣса, но вообще она очень бѣдна имъ: Великій Ханъ, его полководцы и подданные грѣются и варятъ свои кушанья на огнѣ, разводимомъ на лошадиномъ, или воловьемъ, πометѣ. Погода тамъ удивительно перемѣнчивая: среди лѣта подпимаются страшныя бури; множество людей погибаетъ отъ грозъ, и въ то же время выпадаетъ глубокій снѣгъ. Зимою никогда нѣтъ дождя, лѣтомъ онъ чаще, но такой скудный, что едва смачиваетъ пыль и траву. Вихри часто такъ сильны, что всадникъ не можетъ удержаться на лошади; такая буря поднялась при восшествіи на престолъ Великаго Хана: тучи пыли затмили воздухъ, люди ложились на земяю, чтобы ихъ не повалило; къ тому же еще выпалъ такой частый градъ, что много палатокъ и домашняго скарба уплыло и 200 человѣкъ потонуло. Такъ изнурительный жаръ смѣняется чувствительнымъ холодомъ.

Наружный видъ Монголовъ очень отступаетъ отъ всѣхъ прочихъ людей: ихъ лица тотчасъ же поражаютъ большимъ удаленіемъ глазъ отъ щекъ, выдавшимися скулами, маленькимъ плоскимъ носомъ, маленькими глазами и до бровей достающими рѣсницами; легко также узнать ихъ по крошечнымъ ногамъ. Они брѣютъ волосы по обѣимъ сторонамъ головы, но на макушкѣ отпускаютъ ихъ и, заплетши въ двѣ косички, подвязываютъ за

уши. Одежда мужчинъ и женщинъ почти одинакова, и состоитъ изъ льнянаго, или шелковаго, платья и мѣховой накидки съ висящимъ назади угломъ. Всѣ части одежды моются рѣдко, а въ жаркое время года, пока бываетъ громъ и молнія, никогда. Ихъ жилища — палатки, искусно устроенныя изъ прутьевъ и палокъ, съ круглымъ отверстіемъ на верху, черезъ которое падаетъ свѣтъ и выходитъ дымъ, по тому что по срединѣ палатки находится очагъ. Стѣны и кровля обиты войлокомъ, двери также войлочныя. Этѣ палатки большею частію устраиваются такъ, чтобы можно было поскорѣе разобрать и уложить ихъ на вьючныхъ животныхъ; другія же не разбираются и надобно возить ихъ на телѣгахъ, по тому что Татары возятъ ихъ съ собой вездѣ, куда бы ни поѣхали сами въ мирное, или военное, время, и для того-то у нихъ однихъ столько вьючнаго скота и лошадей, сколько у всѣхъ другихъ народовъ вмѣстѣ. У нихъ также безчисленныя стада верблюдовъ, воловъ, козъ и овецъ, но свиней они не терпятъ. Въ кушаньяхъ не дѣлаютъ ни какого различія и ѣдятъ все, что можно ѣсть, даже вшей; питье у нихъ — молоко, особливо кобылье, которое считаютъ за лучше лакомство. Бѣдные люди, у которыхъ на зиму недостаетъ кобыльяго молока, варятъ жидкій бульонъ изъ проса съ водою, пьютъ его по утрамъ по одному, или по два стакана, и часто ничего не ѣдятъ больше во весь день; по вечерамъ ѣдятъ немного мяса съ отваромъ, въ которомъ оно готовилось; лѣтомъ, и пока есть кобылье молоко, они рѣдко ѣдятъ мясо и обыкновенно тогда только, когда поймаютъ дикаго звѣря, или птицу.

Ихъ нравы отчасти заслуживаютъ большой похвалы, отчасти же отвратительны. Своимъ господамъ они покорнѣе всѣхъ другихъ людей въ мірѣ и искренно уважаютъ ихъ: для нихъ не легко обмануть и обокрасть господъ. Между собою они ссорятся рѣдко, даже въ пьяномъ видѣ: важныхъ ссоръ, увѣчьевъ, убійствъ у нихъ не бываетъ. Между ними нѣтъ ни воровъ, ни разбойниковъ, отъ того-то ихъ палатки и телѣги, хотя бы тамъ хранились величайшія сокровища, не запираются никогда. Если кто ни будь повстрѣчаетъ заблудившееся животное изъ домашняго скота, онъ оставляетъ его бѣжать, или отводитъ къ такимъ людямъ, которые обязаны отыскивать забѣжавшій скотъ; когда же законный

владѣлецъ навѣдается у нихъ о пропажѣ, онъ въ ту же минуту получаетъ назадъ свою собственность. Вообще всѣ они оказываютъ другъ другу приличную почесть и дружбу, и охотно дѣлятся съѣстными припасами съ бѣдняками, какъ ни рѣдки они у Татаръ. Лишенія переносятъ съ чудною терпѣливостью и проголодавши день, или два, не кажутся недовольными, но поютъ и играютъ, точно пришли съ сытнаго обѣда. Женщины очень цѣломудренны: никогда не слыхать объ нихъ ни какого безнравственнаго поступка, хотя въ разговорахъ онѣ не рѣдко употребляютъ неприличныя слова. Съ иноземцами, знатные ли они, или простые люди, Татары ведутъ себя надменно и гордо, надуваютъ и обманываютъ ихъ; можно обвинять ихъ въ самыхъ дикихъ поступкахъ и обхожденіи съ этѣми людьми; убійство чужеземца — бездѣлица, на которую никто не обращаетъ вниманія. Когда хотятъ что ни будь получить отъ другихъ, они безотвязны до безстыдства, а если приходится давать самимъ, скупы выше всякаго понятія. Въ кушаньяхъ и напиткахъ, также и въ другихъ вещахъ, они очень неопрятны; обжорство у нихъ всеобщее, однако жъ никому не ставится въ порокъ.

Многіе изъ Татарскихъ законовъ чрезвычайно строги: такъ прелюбодѣяніе у мужчинъ и женщинъ наказывается смертію; падшая дѣвушка тотчасъ же подвергается такой же казни вмѣстѣ съ ея обольстителемъ; та же казнь положена за грабежъ и воровство. Измѣнникъ, разболтавшій опредѣленія Совѣта, особливо относительно военныхъ походовъ, получаетъ сотню жестокихъ ударовъ палками; такъ же колотятъ и молодыхъ людей, если они обидятъ стариковъ. Бракъ позволителенъ во всякихъ степеняхъ родства, кромѣ матери, дочери и тетки; въ обычаѣ также женитьба на отцовской вдовѣ, если она не мать жениха, и на сестрѣ, если она только отъ одного отца съ нимъ; младшій братъ обыкновенно женится на вдовѣ умершаго старшаго брата. Кромѣ такихъ случаевъ, Татарская женщина рѣдко выходитъ замужъ въ другой разъ. Татаринъ беретъ столько женъ, сколько ему угодно; впрочемъ у каждой своя палатка, гдѣ помѣщается она съ своими дѣтьми; мужъ живетъ то съ той, то съ другой, однако жъ всѣ онѣ согласны между собою; только одна изъ нихъ имѣетъ преимущество, и мужъ живетъ съ нею чаще. Дѣти, отъ какой бы

они ни были жены, пользуются равными правами, и отецъ надѣляетъ каждаго, чѣмъ и сколько хочетъ.

Что касается религіозныхъ понятій Татаръ, то, благодаря ихъ стариннымъ суевѣрнымъ преданіямъ, у нихъ слыветъ за грѣхъ много пустяковъ, а настоящіе и большіе проступки не считаются грѣхами. Такъ не позволяется класть въ огонь ножикъ, или прикасаться имъ къ огню, вынимать ножемъ мясо изъ котла, или рубить возлѣ огня что ни будь топоромъ, по тому что, по ихъ мнѣнію, это отнимаетъ у огня силу; потомъ считается грѣхомъ опираться на кнутъ, которымъ погоняютъ они лошадей, по тому что не носятъ шпоръ, или прикасаться кнутомъ къ стрѣламъ; наказывать поводьями лошадей, ловить, или убивать, молодыхъ птицъ, разбивать кость другою костью, проливать на землю кушанье, молоко, или другое питье, а особливо исправлять въ палаткѣ естественную потребность. Если кто сдѣлаетъ этотъ послѣдній проступокъ умышленно, его убиваютъ; если же это невольная его вина, для очищенія отъ нея ему надобно заплатить заклинателю много денегъ: это дѣлается такъ, что палатка со всѣмъ, находящимся въ ней, переносится между двумя огнями; до этого очищенія никто не смѣетъ входить въ нее, или брать что ни будь оттуда. Когда кто ни будь выплюнетъ поданный ему кусокъ, котораго не можетъ проглотить, его вытаскиваютъ изъ палатки черезъ отверстіе, продѣланное внизу ея, и убиваютъ: то же бываетъ и съ тѣмъ, кто ступитъ на порогъ палатки вождя. Этѣ и многія подобныя вещи считаются у нихъ проступками, а убивать людей, нападать на чужія земли и грабить ихъ, поступать противъ заповѣдей Божіихъ, они не считаютъ за грѣхъ. Они ничего не знаютъ о вѣчномъ блаженствѣ и осужденіи, однако жь вѣруютъ, что по смерти будутъ жить въ другомъ свѣтѣ, пасти тамъ безчисленныя стада, ѣсть, пить и вообще дѣлать все то, что приноситъ имъ удовольствіе. Всякія предпріятія они начинаютъ въ новолуніе, или полнолуніе; мѣсяцъ зовутъ Великимъ Ханомъ и чтутъ его колѣнопреклоненіями. Одно изъ первыхъ предписаній ихъ Вѣры — есть очищеніе огнемъ, какъ самихъ себя, такъ и своего имущества; это дѣлаютъ слѣдующимъ образомъ: разводятъ два огня и вбиваютъ возлѣ нихъ въ землю два копья, острія ихъ связываютъ веревкою, на которой висятъ лоскутки сукна.

Все, что должно быть очищено: люди, животные, палатки, проходитъ подъ этою веревкою. По сторонамъ стоятъ двѣ женщины: онѣ кропятъ водою и говорятъ заклинанія. Когда кого ни будь убьетъ громъ, такимъ же образомъ должны очищаться всѣ обитатели его палатки, а до самой палатки, утварей, телѣгъ, войлоковъ и платьевъ никто уже не дотрогивается: все это бросается, какъ нечистое.

Въ этомъ изображеніи Татарскихъ нравовъ и обычаевъ Джіованни де Плано Карпини передаетъ также нѣкоторыя извѣстія о разныхъ племенахъ и военныхъ подвигахъ этого народа: этѣ извѣстія, впрочемъ, ни очень ясны, ни достовѣрны, да и не принадлежатъ сюда. Отъ того и выбираемъ только нѣкоторыя, отчасти похожія на басню, замѣчанія о другихъ Азіятскихъ племенахъ, съ которыми повстрѣчались Монголы въ своихъ завоевательныхъ походахъ. Октай, сынъ Чингисъ-Хана, построилъ городъ Ханиль (Галга въ Малой Бухаріи), въ покоренной имъ землѣ Кара-Китайцевъ, и ворвался въ южнѣе лежащую отъ нихъ степь (Шамо), гдѣ повстрѣчалъ дикихъ людей, у которыхъ совсѣмъ не замѣтили человѣческаго языка; у нихъ не было на ногахъ и колѣнокъ, такъ что упавши, они не могли опять встать на ноги. Когда Татары пускали въ нихъ стрѣлы, они клали себѣ въ раны траву и поспѣшно убѣгали отъ нихъ; однако жь имѣли на столько разсудка, что выдѣлывали войлоки изъ верблюжьей шерсти, служившіе имъ для одежды и крова въ дурную погоду. Другой сынъ Чингисъ-Хана пошелъ съ большимъ войскомъ на Индію и покорилъ часть этой страны, называемой Малою Индіей и населенной черными Сарацинами. Когда же онъ вторгнулся въ Великую Индію, гдѣ населеніе состояло изъ Христіянъ, Царь этой страны, носившій имя Попа Ивана, пошелъ къ нему на встрѣчу и отразилъ его силой и хитростью. Сдѣсь впервые встрѣчаемъ извѣстіе о населенной Христіянами странѣ въ Индіи и о Попѣ Иванѣ, и нарочно обращаемъ вниманіе на этого Государя, вѣроятно, по какому ни будь недоразумѣнію вошедшаго въ Исторію, по тому что послѣ это сказаніе о немъ имѣло такое рѣшительное вліяніе на умноженіе свѣдѣній по Географіи и Этнографіи. На возвратномъ пути изъ Великой Индіи Татары зашли въ страну, обитаемую чуднымъ народомъ: женщины были какъ обыкновенные люди, а мущины по-

ходили на собакъ. Сперва они разбѣжались, но когда чужеземные воины остались у нихъ слишкомъ надолго, они собрались на берегу рѣки, побросались въ воду, а потомъ вываляліись въ пыли. Въ то время было очень холодно, и въ одну минуту вода съ пылью смерзлись въ одну твердую кору: подъ защитою такой натуральной брони, этѣ люди кинулись на Татаръ съ великимъ бѣшенствомъ: Татарскія стрѣлы отскакивали безъ всякаго вреда отъ покрытаго льдомъ непріятеля, который жестоко кусался, и Татары отступили съ большимъ урономъ; отъ того-то и долго слышалось между Татарами шутливое словцо: «Моего отца, или брата, загрызли собаки». На возвратномъ пути они проходили страною Буритгабетъ (можетъ быть, Тибетомъ), которой уродливые обитатели были побѣждены ими: у этѣхъ людей былъ гнусный обычай съѣдать съ великимъ торжествомъ своихъ умершихъ родителей; они не отращивали бородъ, но всегда носили въ рукахъ желѣзо, которымъ вырывали каждый волосокъ, выходившій наружу. Такія же басни разсказывали посланникамъ и о походахъ Татаръ на западъ, гдѣ они повстрѣчали цѣлые народы, жившіе подъ землею, и у Каспійскихъ горъ должны были вернуться назадъ, по тому что этѣ горы состояли изъ алмаза и съ неодолимою силой притягивали къ себѣ желѣзныя оружія и стрѣлы Татаръ. Но мы не станемъ дольше останавливаться на этомъ, передадимъ только замѣчаніе Джіованни о власти и значеніи Великаго Хана и о военномъ искуствѣ Татаръ.

Великій Ханъ имѣетъ удивительную власть надъ всѣми своими подданными: каждый Татаринъ долженъ всегда оставаться на томъ мѣстѣ, которое отведено ему, а это дѣлается слѣдующимъ образомъ. Великій Ханъ раздаетъ отдѣльные участки земли главнымъ вождямъ, которые отводятъ мѣсто для жизни начальникамъ надъ тысячью человѣкъ, этѣ — сотникамъ, а они десятникамъ. Что бы такое ни приказалъ Великій Ханъ, на какомъ бы то ни было мѣстѣ и въ какое угодно время, Татаринъ тотчасъ же повинуется, безъ всякихъ отговорокъ: отдаетъ ему дочь, сестру, по его требованію, съ полною готовностью снабжаетъ съѣстными припасами, платьемъ и лошадьми гонцовъ, развозящихъ Ханскіе приказы изъ одного мѣста въ другое, и вообще все свое имущество считаетъ не своею, а Ханскою, собственностію. На

раздѣленіи народа на тысячи, сотни и десятки основывается и все военное устройство Татаръ: вмѣстѣ живутъ, вмѣстѣ выходятъ они и въ поле. У каждыхъ десяти тысячъ особенный вождь, а цѣлое войско находится подъ начальствомъ двухъ, или трехъ, полководцевъ, получающихъ приказанія отъ Великаго Хана, или отъ одного, назначеннаго имъ, вождя. Если въ сраженіи отступятъ не всѣ вмѣстѣ, то трусы, показавшіе тылъ непріятелю, наказываются смертію; если одинъ, двое или многіе изъ одного отряда смѣло пойдутъ впередъ для нападенія, а прочіе не послѣдуютъ за ними, этѣхъ убиваютъ также. Ихъ оружія: два, или, по крайней мѣрѣ, одинъ лукъ, три колчана со стрѣлами, топоръ и веревка для тасканья военныхъ машинъ; кто побогаче, у тѣхъ сабли объ одномъ лезвеѣ, очень острыя и немного кривыя На людяхъ и лошадяхъ надѣты кожаныя, или чешуйчатыя, желѣзныя брони; Татары носятъ также и крѣпкіе шлемы, кожаные, или желѣзные. Щитами пользуются только ночью на стражѣ, но никогда въ сраженіи. Рѣки переплываютъ Татары на мѣхахъ, въ которыхъ завязаны ихъ платья и другіе пожитки; этѣ мѣха привязываются къ лошадинымъ хвостамъ. Благодаря своимъ частымъ походамъ, Татары очень свѣдущи въ военномъ искуствѣ, и Христіянскіе Государи могутъ сопротивляться имъ только тогда, когда положатъ конецъ своимъ взаимнымъ раздорамъ, соединятся на общую войну съ ними и будутъ соблюдать воинскую покорность лучше, нежели это было до сихъ поръ между ихъ войсками.

Этѣмъ добрымъ совѣтомъ Джіованни де Плано Карпини заключаетъ свое донесеніе: оно принято было Папою съ такимъ удовольствіемъ, что онъ наградилъ своего посла многими знаками своей благосклонности и вскорѣ сдѣлалъ начальникомъ Францисканскаго Ордена въ Германіи. Но для Джіованни, кажется, была привлекательнѣе спокойной жизни опасная, но похвальная, дѣятельность проповѣдника Христіянской вѣры: мы встрѣчаемъ его потомъ въ Чехіи, Угріи, Даніи и Норвегіи, гдѣ онъ проповѣдывалъ Евангеліе и до глубокой старости остался вѣрнымъ этому призванію.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ РУИСБРЕКЪ (РУБРУКВИСЪ). *

Очень бы ошиблись, если бы внезапное прекращеніе Монгольскихъ вторженій въ Христіанскія земли стали считать послѣдствіемъ Папскаго посольства къ Великому Хану. Бѣдствіе страшнаго разоренія навѣрное посѣтило бы Европу, или отвращено бы было ожесточенною, кровопролитною войною, если бы великое Монгольское царство, по случаю междоусобій, не раздѣлилось на многія Ханства: этѣмъ Ханствамъ надобно было сохранять себя другъ отъ друга, а потому и не могло быть мысли о завоеваніяхъ. Уже восшествіе на престолъ Гаюка, при которомъ присутствовалъ Плано Карпини, благодаря разнымъ проискамъ, было причиною раздоровъ между вождями; послѣ преждевременной кончины (1248 года) этого Хана, раздоры все больше и боль-

* Вильгемъ Руисбрекъ, или Русброкъ, Руброкъ, обыкновенно называемый Рубруквисъ, былъ Францисканецъ изъ Брабанта. По распесшимся слухамъ въ Европѣ, будто Монгольскій Государь, Мангу-Ханъ, принялъ Христіанскую Вѣру, Французскій Король, Лудовикъ IX, находившійся въ 1253 году въ Крестовомъ походѣ противъ Сарацинъ въ Сиріи, послалъ Рубруквиса къ Монголамъ, въ томъ же году Рубруквисъ и отправился въ путешествіе съ товарищемъ, Варѳоломеемъ Кремонскимъ, изъ Константинополя черезъ Черное море и Крымъ, и наконецъ, послѣ многихъ затрудненій, прибылъ въ область города Каракорума, въ степи Гоби, гдѣ находился тогда Мангу-Ханъ. Его извѣстія о пройденныхъ имъ странахъ полнѣе извѣстій его предшественниковъ, которыхъ онъ и не зналъ; впрочемъ, онъ приводитъ также множество городовъ подъ такими названіями, которыхъ опять еще не встрѣчали. Между прочимъ мы обязаны ему первыми, по его собственнымъ распросамъ, собранными извѣстіями о Китаѣ, которыя получилъ онъ отъ Китайскаго посольства въ Монгольскомъ станѣ. Рубруквисъ оставался болѣе 5-ти мѣсяцевъ при Мангу-Ханѣ, а потомъ, черезъ Сарай, Астрахань, Дербентъ, Грузію, Арменію, Туркоманію и Средиземное море ѣздилъ въ Кипръ, Антіохію и Триполи; изъ этого послѣдняго города онъ послалъ донесеніе о своемъ путешествіи къ Королю Французскому. По этому послѣднему обстоятельству онъ называется иногда Вильгельмомъ Триполькимъ.

Шпренгель говоритъ объ этомъ путешествіи: «Благодаря своему дневнику, Рубруквисъ, безъ сомнѣнія, многоразлично распространилъ тогдашнія свѣдѣнія о Сѣверной Азіи и земляхъ на Каспійскомъ и Черномъ моряхъ, но онъ тѣмъ еще драгоцѣннѣе, что при случаѣ включаетъ въ свой дневникъ

ше усиливались и были причиною паденія Царства. Когда послѣ Гаюка, не безъ великихъ противорѣчій, вступилъ на престолъ Мангу, въ Европѣ вдругъ распространился слухъ, что этотъ Великій Ханъ принялъ Христіанскую вѣру, и что примѣру его послѣдовали многіе Принцы, между которыми особливо называли Сартака, сына Хана Батыя, повелителя Татарской орды. Благочестивый Французскій Король, Лудовикъ IX, услыхалъ эту ложную

разныя замѣчанія, которыя тогдашніе путешественники рѣдко считали достойными своего вниманія» — и въ доказательство этого сужденія приводитъ много примѣровъ съ 295 по 299 стр. Sprengel Gesch. d. Entdeck., стр. 288—299.

Рубруквисъ написалъ это путешествіе по Латини, и есть еще много списковъ съ его подлинника. Рукописный въ Парижской Импер. Библіотекѣ, въ сборникѣ за № 686, который носитъ заглавіе: Itineraria in Tartariam. См. д'Авезака Plan Carpin, p. 50.

На языкѣ подлинника это путешествіе напечатано было только одинъ разъ, въ собраніи Гаклюйта Т. I, стр. 71—99, но съ неполной рукописи Лорда Лумлея, въ которой не было конца.

Перчасъ нашелъ полный списокъ путешествія въ Библіотекѣ въ Кембриджѣ подъ № 61 съ надписью: Historia Monogallorum sive Tartarorum. См. д' Авезака, стр. 52. Онъ перевелъ его по Англійски, и взялъ этотъ переводъ въ свое соч. «Pilgrimes» Vol. III, p. I. Туда же включилъ и извлеченіе изъ путешествія Рубруквиса, находящееся въ Opus Majus Рожера Бакона.

Съ этого Англійскаго перевода Бержеронъ перевелъ его по Французски подъ заглавіемъ: Voyage remarquable de Guillaume de Rubruquis, envoyé en Ambassade par le Roi Louis IX en differentes parties de l'Orient, principalement en Tartarie et à la Chine, l'an de notre Seigneur 1253. Contenant des récits très-singuliers et surprenans. Écrit par l'Ambassadeur même. Le tout orné d'une carte de voyage, de tailles douces et accompagné de Tables. Traduit de l'Anglais par le Sr. de Bergeron. Въ Voyages Bergeron etc. Vol. I, сличенное, по словамъ Бержерона, съ двумя Латинскими рукописями.

Въ Discoveries and Travels in Asia Murrays, Vol. I, p. 105—150.

Вновь напечатано подъ заглавіемъ: Relation du Voyage en Orient de Guillaume de Rubruk, въ 4-й книгѣ изданнаго Географическимъ Обществомъ въ Парижѣ «Recueil de Voyages et de Mémoires, p. 205—296.

Сюда же и въ объимъ предшествующимъ путешествіямъ принадлежитъ также слѣдующее сочиненіе:

вѣсть съ такою же великой радостію, какъ и изумленіемъ: считая обращеніе Татаръ неоцѣненнымъ благомъ для всего Христіянства, онъ тотчасъ же отправилъ посольство въ станъ Сартака, чтобы увѣриться въ дѣйствительномъ положеніи дѣлъ.

Во главѣ этого посольства находился Вильгельмъ Рубруквисъ, Францисканскій монахъ изъ Брабанта; однако жь, онъ получилъ скромное порученіе дѣйствовать отъ имени своего духовнаго главы, а не въ качествѣ посланника Короля Французскаго, чтобы не повредить значенію этого Государя, если бы посольство не имѣло успѣха. Послѣ необходимыхъ приготовленій къ такому дальнему путешествію въ Константинополѣ, гдѣ въ это время еще царствовали Императоры, поставленные Крестоносцами, посланники, 12-го Мая, 1252 года, сѣли на суда и поплыли Чернымъ моремъ въ Сольдаю (теперь Судакъ) въ Крыму. На берегу отъ Сольдаи до Керсовы (Херсона) лежали тогда 40 укрѣпленныхъ городовъ и почти въ каждомъ говорили другимъ языкомъ; тутъ, къ немалому удивленію, посланники нашли многихъ Готовъ, говорившихъ по Нѣмецки; если это извѣстіе, повторяемое позднѣйшими путешественниками, не основывается на ошибкѣ,* этѣхъ Готовъ можно считать за потомковъ Германскихъ племенъ, которыя въ IV-мъ столѣтіи переселились на Черное море. Послы видѣли также на берегу большія соляныя озера, приносившія богатыя выгоды, по тому что соль отсюда развозилась по всей Россіи, а моремъ по всему Черноморью. Извѣстно, что эта прибыльная торговля продолжалась непрерывно до настоящаго времени,

---

Quelques observatians du Moine Bacon, touchant les parties Septentrionales du monde, avec les relations touchant les Tartares; tirées de l'histoire de R. Wendover et de Matthieu de Paris, avec quelques lettres sur le même sujet: où l'on fait voir l'inhumanité, les moeurs sauvages, la rage et la cruauté des Tartares, leurs invasions, par lesquelles ils menacent de détruire la Chrétienté; avec une Lettre de l'Empereur pour demander du secours au Roi d'Angleterre contre les Tartares, dont on fait voir les rapines, les cruautez et les meurtres; mais ils y sont courageusement repoussez. Въ «Voyages Bergeron etc. Vol. II.

* Отнюдь нѣтъ. О Готахъ въ Крыму упоминается и въ «Словѣ о полку Игоревѣ»: «Се бо Готьскыя красныя дѣвы въспѣша на брезѣ Синему морю, звоня Русскимъ златомъ», и проч. *О. Б.*

хотя и не въ такихъ большихъ размѣрахъ, какъ въ Средніе вѣка. На пути черезъ полуостровъ Крымъ, сначала очень красивымъ лѣсомъ, изобильнымъ источниками и ручьями, а потомъ длинною, въ пять дней пути, равниною, они добрались до перешейка, пересѣкаемаго широкимъ рвомъ (у Перекопа). На этой равнинѣ прежде жили Куманы и владѣли всею окрестною страною до тѣхъ поръ, пока не напали на нихъ Татары и такъ стѣснили ихъ, что большая часть этого народа умерла съ голода и пожрана оставшимися въ живыхъ.

На третій день ихъ путешествія по равнинѣ, посланники повстрѣчались съ Татарами: этѣ тотчасъ же обступили ихъ и приставали съ расспросами, за чѣмъ они ѣдутъ и что у нихъ въ фурахъ, которыя везли съ собою? Послы отвѣчали уклончиво и дали Татарамъ, которые все настойчивѣе требовали подарковъ, нѣсколько сухарей и бутылку вина. Татары тотчасъ же выпили ее и просили другой, по тому что человѣкъ, говорили они, ходитъ не на одной ногѣ. Вмѣсто того, чтобы исполнить это желаніе, монахи просили убѣдительно проводить ихъ къ Джагатаю, родственнику Батыя, къ которому у нихъ есть препоручительныя письма, а не то — они вернутся назадъ; тогда ихъ оставили въ покоѣ и обѣщали сдѣлать, чего они хотѣли. Теперь въ первый разъ послы отвѣдали кумыса (кобыльяго молока), со страхомъ и отвращеніемъ, однако жь, сверхъ ожиданія, нашли это питье очень вкуснымъ. На слѣдующій день они отправились съ провожавшими ихъ Татарами, и тотчасъ же повстрѣчались съ Джагатаемъ: онъ ѣхалъ со множествомъ лошадей, воловъ и овецъ, и столько везъ съ собой телѣгъ, нагруженыхъ домами и палатками, что казалось, будьто на встрѣчу къ нимъ идетъ цѣлый городъ. Онъ тотчасъ же позволилъ имъ явиться къ себѣ, и они вошли въ его палатку съ кое-какими подарками: Ханъ сидѣлъ на постелѣ съ цитрою въ рукѣ и разговаривалъ съ одною изъ своихъ женъ, безобразной и до того курносой, точно носъ у ней былъ отрѣзанъ. Давъ знать ему о цѣли своего путешествія, и получивъ отъ него обѣщаніе проводить ихъ въ станъ Сартака, они стали проповѣдывать ему о Христіянской вѣрѣ; онъ не отвѣчалъ ни слова, а только сомнительно покачалъ головою и отпустилъ ихъ. Но о содержаніи пословъ заботились такъ мало, что они умерли бы съ голода, если

бы не взяли съ собою съѣстнаго. На слѣдующій день они отправились дальше съ данными имъ отъ Джагатая провожатыми и, прошедши перешеекъ, соединяющій Крымъ съ твердою землею, повернули къ востоку по великой пустынѣ (Ногайской степи), которая, какъ имъ сказывали, во многихъ мѣстахъ въ 20 дней пути ширины: въ ней нѣтъ ни лѣсовъ, ни горъ, ни камней, а очень богатыя пастбища. Вода, удобная для питья, встрѣчается рѣдко и при томъ дурная; черпаютъ ее изъ ямъ, выкопанныхъ во многихъ мѣстахъ. Тамъ пасли свой скотъ Куманы, которые сами называютъ себя Капшатъ и прежде занимали всю страну отъ Дуная до Волги. Какъ ни должны были бороться монахи съ лишеніями, однако жь чувствовали себя сдѣсь гораздо лучше, нежели въ округахъ, населенныхъ Татарами, по тому что лишь только добрались до Татарскаго стана, какъ окружены были людьми, столько же навязчивыми, какъ и любопытными, которые забирались даже въ телѣги къ нимъ и буйно требовали посмотрѣть находившіяся тамъ вещи. Но всего прискорбнѣе для благочестивыхъ людей было, легко извиняемое поведеніе ихъ Татарскаго толмача, который постоянно отказывался проповѣдывать своимъ землякамъ о Христіянской вѣрѣ и съ важностью просилъ не заставлять его болтать такія непонятныя слова. Въ концѣ Іюля они добрались до Танаиса (Дона), который показался для нихъ такой же ширины, какъ и Сена въ Парижѣ. Лѣвый берегъ покрытъ былъ краснымъ лѣсомъ, а на правомъ стоялъ шалашъ, гдѣ жили Русскіе, которые, по приказанію Батыя и за плату отъ него, должны были перевозить черезъ рѣку купцовъ и путешественниковъ. Лѣтомъ Татары доходили берегомъ рѣки до этого мѣста, а въ Августѣ возвращались опять на югъ. Полоса на 10 дней пути между Танансомъ и Этиліею (Волгою) очень понравилась посланникамъ: вездѣ по дорогѣ они видѣли много прекрасныхъ рѣкъ и густыхъ лѣсовъ, которые населялись только остатками Меркласовъ (Мордвиновъ) и Моксель (Моншау, отрасль Мордвиновъ), * по тому что вождей ихъ, съ большею частію ихъ самихъ, Татары принудили итти съ собою въ Германію, гдѣ они и нашли свою смерть. Тутъ не попадалось ни деревень, ни городовъ, по тому что этѣ племена, большею частію язычники, жили

* Не Моншау, а вѣроятно Мокша. Примѣч. Перев.

разсѣянно въ отдѣльныхъ хижинахъ, но имѣли великое богатство въ свиньяхъ, соколахъ, медѣ, воскѣ и драгоцѣнныхъ мѣхахъ, и по тому часто посѣщались торговыми людьми. Къ югу на высокихъ горахъ жили Цергисы (Черкесы) и Аланы или Акасы (Абхазы): они исповѣдывали Христіянскую Вѣру и вели войну съ Татарами.

Наконецъ, послѣ труднаго путешествія, въ продолженіи котораго они не заходили ни въ одинъ домъ, ни въ палатку, но должны были спать на землѣ подъ своими повозками, они прибыли въ станъ Сартака, разбитый на три дня пути по су сторону Волги, и тотчасъ доложили о себѣ придворному чиновнику, который долженъ былъ принимать иноземцевъ и назывался Янна. Сартакъ имѣлъ блестящій Дворъ: у него было шесть, а у его старшаго сына двѣ, или три, жены, и каждая имѣла большой домъ и почти 200 повозокъ. Когда посланники были представлены Принцу, и придворные спросили ихъ съ насмѣшкою, гдѣ подарки отъ нихъ Хану? они извинялись обѣтомъ убожества, котораго требуетъ ихъ Орденъ. Сартакъ очень хвалилъ ихъ совѣстливость, но тотчасъ же прибавилъ, что не имѣетъ надобности ни въ какихъ подаркахъ; напротивъ, онъ очень будетъ радъ снабжать своихъ гостей всѣмъ нужнымъ. Не смотря на этотъ благородный отзывъ, послы во всю свою бытность не получили ни разу съѣстныхъ припасовъ, хоть и съ покорностію исполняли всѣ прихоти Принца, и даже, по его желанію, явились къ нему въ полномъ священническомъ облаченіи, съ крестомъ, служебникомъ и кадиломъ и запѣли Церковную пѣснь; это, по видимому, принесло большое удовольствіе Хану и женѣ его, сидѣвшей возлѣ. Но послѣ, когда любопытство его было удовлетворено, онъ вѣжливымъ образомъ старался спровадить посланниковъ и замѣтилъ имъ, что дѣло, по которому они пришли, такъ важно, что онъ не можетъ принять на себя его рѣшеніе: пусть они обратятся къ отцу его, Хану Батыю. Но какъ мало думалъ Сартакъ принимать Христіянскую Вѣру, они могли уже заключить изъ того, что изъ убѣдительно предостерегали не называть Сартака Христіяниномъ, по тому что онъ не Христіянинъ, а Монголъ.

Такимъ образомъ монахи, прождавъ этого уклончиваго отвѣта четыре дня, опять отправились въ дорогу, и, послѣ 3-хъ-днев-

наго путешествія, добрались до Волги, которую нашли вчетверо шире Сены. Такъ какъ съ приближеніемъ зимы Батый пошелъ уже далѣе къ югу, то они сѣли на суда и вскорѣ прибыли въ Ханскій станъ, имѣвшій видъ обширнаго города и занимавшій 4 мили пространства. Такой городъ возникалъ очень быстро, по тому что каждый снималъ съ своей телѣги палатку и ставилъ ее на приличномъ мѣстѣ. По срединѣ стоялъ главный шатеръ, прочія палатки помѣщались рядами кругомъ его, кромѣ только съ южной стороны, гдѣ были входы. На другой день послы позваны къ Батыю: они явились въ своей монашеской одеждѣ, босикомъ, съ непокрытыми головами; все собраніе долго осматривало ихъ съ головы до ногъ. Ханъ, здоровый мужчина, съ свѣжимъ цвѣтомъ лица, сидѣлъ возлѣ своей жены на возвышепіи, богато вызолоченномъ и похожемъ на постель. Тихо и важно посмотрѣвъ на нихъ нѣсколько времени, онъ велѣлъ имъ говорить. Потомъ они сѣли, по приказанію проводника, но прежде нежели высказали свою просьбу, помолились о душевномъ спасеніи Хана. Услыхавъ, что дѣло идетъ объ его обращеніи, онъ равнодушно улыбнулся, а бывшіе тутъ придворные подняли громкій, насмѣшливый хохотъ. Однако жь Рубруквисъ не смутился, подалъ письмо Короля Французскаго и отвѣтилъ на нѣсколько вопросовъ объ этомъ Государѣ, потомъ его съ товарищами угощали кумысомъ и отпустили не съ очень утѣшительнымъ отвѣтомъ, что только самъ Великій Ханъ, Мангу, можетъ рѣшить это дѣло, и что дорогу въ его пребываніе легко можно сдѣлать въ 4 мѣсяца.

Бѣдные монахи, которымъ давали такую скудную пищу, что они едва могли жить, первыя пять недѣль шли съ Батыемъ пѣшкомъ по теченію Волги; наконецъ снабдили ихъ кафтанами, панталонами и сапогами изъ овечьихъ кожъ, на которыхъ была еще шерсть, и 16-го Октября отправили съ проводниками дальше къ востоку. На этой трудной дорогѣ они перебрались черезъ большую рѣку (Ягакъ, Уралъ) и черезъ область Паскатировъ (Башкировъ), отъ которыхъ происходятъ Угры. Каждый день они должны были дѣлать порядочныя разстоянія и обыкновенно мѣняли лошадей два, или три, раза; только въ пустынныхъ странахъ, гдѣ не встрѣчалось многіе дни ни людей, ни жилья, ѣхали медленнѣе, чтобы поберечь лошадей.

Но всего хуже для монаховъ, не привыкшихъ къ безпрестанной верховой ѣздѣ, была злость Татарскихъ проводниковъ, которые садились на лучшихъ лошадей, а имъ оставляли такихъ, которыя едва тащились и надо было безпрестанно погонять ихъ ударами: нерѣдко случалось, что такая кляча падала, и тогда два посла, измученные, должны были тащиться на другой, такой же плохой, лошади, до ближайшаго населеннаго мѣста. При томъ имъ надо было переносить голодъ, холодъ и жажду, по утрамъ получали они только немного овсяной похлебки, а потомъ уже вечеромъ кусокъ баранины да нѣсколько мяснаго отвара, который подкрѣплялъ ихъ лучше всего. Однако жь мясо часто было полусырое, потому что не всегда находили довольно конскаго навоза для поддержанія огня столько времени, сколько было нужно. Въ послѣднее число Октября они перестали ѣхать къ востоку, а начали путь къ югу: на этой дорогѣ они 8 дней странствовали по горѣ, гдѣ видѣли много дикихъ ословъ, которыхъ Татары называли «коланъ», и такихъ проворныхъ, что, не смотря на всѣ усилія, нельзя было поймать ни одного. Къ горѣ прилегала хорошо обработанная равнина, и по ней добрались они до города Кенката (Ташкентъ, въ Туркестанѣ); начальникъ города тотчасъ вышелъ на встрѣчу ихъ проводнику съ пивомъ и кубками, чтобы такимъ предписаннымъ образомъ оказать должное уваженіе ему, какъ послу Батыя. Большая рѣка, вытекающая изъ горъ и раздѣленная на многіе каналы (Сыръ-Дарья), орошала всю страну и впадала въ озеро (Аральское). Тутъ они видѣли много винограда, пили также и вино; на другой день достигли хижины и освѣдомлялись тутъ о какихъ-то Нѣмцахъ, которые, какъ имъ сказывали на родинѣ, должны были поселиться на Таласѣ (вѣроятно, на соименной рѣкѣ, текущей въ Сыръ-Дарью), и услыхали, что Ханъ Мангу переселилъ ихъ въ Болакъ, восточнѣе лежащее мѣсто, чтобы добывать тамошнюю золотую руду и выдѣлывать оружіе. Послѣ они проѣзжали въ трехъ дняхъ пути отъ этого мѣста; но какъ оно отходило отъ дороги, которой должны были держаться проводники, то послы и не могли посѣтить своихъ земляковъ, какъ ни пріятно было бы для нихъ собрать отъ этѣхъ поселенцевъ поточнѣе свѣдѣніе о Татарахъ и обращеніи Великаго Хана въ Христіанскую Вѣру.

Изъ хижины они опять поѣхали прямо къ востоку, и вскорѣ достигли горной страны Кара-Катай (Малой Бухаріи), гдѣ переправлялись на судахъ черезъ большую рѣку. Въ равнинахъ этой страны жили прежде люди, называвшіеся Яманъ: они были приверженцы Несторіянской секты и имѣли верховнаго главу, который назывался Царемъ Іоанномъ: Несторіяне разсказывали про него много исторій, но изъ нихъ едва ли десятая часть согласна съ истиною, въ чемъ убѣдились монахи на мѣстѣ, хоть и они вездѣ находили слѣды Христіянства, и искаженіе, въ какомъ воображали видѣть Христіянскую Вѣру, обыкновенно приписывали Несторіянской сектѣ. Сходство многихъ обрядовъ Ламанства или Шаманскаго идолопоклонства съ богослуженіемъ нѣкоторыхъ Христіянскихъ сектъ, въ самомъ дѣлѣ такъ странно, что даже Ламанство, выродокъ Буддистской вѣры, послы сочли искаженною Христіянскою Вѣрою. Многозначащее сказаніе о Попѣ Иванѣ могло проистекать изъ этого же источника: а какъ страна, гдѣ онъ царствовалъ, потомъ была покорена Монголами и слѣды его исчезли, то и стали искать его во всей Средней Азіи, отъ Аральскаго озера до Китая.

Перебравшись совсѣмъ черезъ горный хребетъ (Белуттага), они прибыли на прекрасную равнину, прежде покрытую деревнями, но теперь обращенную Татарами въ пастбище, и помимо большаго озера (Палкати-Норъ), остававшагося влѣво отъ нихъ, они добрались потомъ до большаго торговаго города, Кайлака (вѣроятно, Гульдша-Хайнекъ на Или), гдѣ они 15 дней должны были поджидать Батыева писца, отправлявшагося ко Двору Мангу, по дѣламъ своего Хана. Монахи воспользовались временемъ своего пребыванія, чтобы осмотрѣть идольскіе храмы, которыхъ было въ городѣ три, и наблюдать вѣроисповѣдные обряды язычниковъ. Всѣ храмы лежали съ востока къ западу и по срединѣ сѣверной стороны имѣли похожую на хоры комнату, въ которой помѣщался длинный ящикъ или столъ, похожій на алтарь, а изъ за него выдавался главный идолъ, съ обращеннымъ къ югу лицомъ. Этотъ идолъ обыкновенно былъ большой и напоминалъ Св. Христофора: имъ сказывали, что и въ Катаѣ (Китаѣ) есть похожій на него, но такой высокій, что его можно видѣть на разстояніи двухъ дней пути. Кругомъ каждаго главнаго идола стоя-

ли другіе поменьше и позолоченные, а на самомъ ящикѣ свѣчи и жертвенные дары. Храмы имѣли особенные входы съ южной стороны, а колокола ихъ были такіе же большіе, какъ и въ Христіанскихъ церквахъ. Молящіеся стояли на колѣнахъ, повернувшись лицомъ на сѣверъ, сложивъ руки и оперщись на нихъ лбами. Языческіе жрецы, брившіе совсѣмъ бороды и одѣтые въ желтое платье, соблюдали обѣтъ цѣломудрія и жили по сту, или по двѣсти, въ одномъ монастырѣ. Когда посѣщали храмы, что бывало по нѣкоторымъ днямъ, они садились съ непокрытыми головами на лавкахъ противъ идола и читали въ книгахъ, которыя клали иногда впереди себя, съ большимъ усердіемъ, но никогда громко. Вездѣ, гдѣ ни видали ихъ, они носили похожій на четки шнурокъ, съ одною или двумя сотнями шариковъ, и безпрестанно шептали слова: «У мам гактави»; по словамъ одного изъ нихъ, это значило то же, что: «Боже, ты это знаешь». Каждый храмъ стоялъ посреди красиваго, обнесеннаго заборомъ, двора съ большими воротами съ южной стороны, у воротъ обыкновенно сидѣли и разговаривали между собою жрецы; сверху воротъ возвышался надъ всѣми прочими домами высокій шестъ и составлялъ отличіе храма. Идолослуженіе у каждой секты и каждаго племени, которое совершаетъ его, различно. Жрецы въ Кайлакѣ принадлежали къ сектѣ и народу Югуровъ, обитавшему въ ближайшихъ гористыхъ странахъ, отъ которыхъ происходятъ Турки. Почти всѣ Несторіяне знали языкъ этого народа; Монголы заимствовали отъ него свои буквы: этѣми буквами написано было и то письмо, которое отправилъ Мангу съ посланниками къ Людовику IX-му; строки начинались сверху на лѣвой сторонѣ листа, шли внизъ и слѣдовали одна за другою слѣва вправо. Югурскіе жрецы носили на головѣ бумажныя шапки, похожія на тіару, плотно сидѣвшее на тѣлѣ платье и сверху его плащъ, укрѣпленный на лѣвомъ плечѣ и упадавшій на грудь и спину. Въ храмахъ у нихъ вездѣ были видны, висѣвшіе на стѣнахъ, листы бумаги, исписанные волшебными формулами (изреченіями). Сколько можно было заключить изъ ихъ словъ, они вѣруютъ, что Богъ единъ, что Онъ духъ, а не плоть, и никогда не принималъ человѣческаго образа; идолы, которыхъ они ставили въ храмахъ, были, по увѣренію ихъ, изображенія не божества, а значительныхъ людей, изваянные, по приказанію ихъ родныхъ, въ память объ

нихъ. Къ сектѣ Югуровъ принадлежали всѣ Монголы; въ какой мѣрѣ они вѣровали въ единаго Бога; также чтили и своихъ покойниковъ въ изображеніяхъ, которыя выдѣлывали изъ войлока, украшали драгоцѣнными одеждами, ставили на телѣжкахъ, отдавали подъ сохраненіе жрецамъ, или предсказателямъ, и никто не могъ прикоснуться къ нимъ. Когда снимался станъ, этѣ жрецы открывали шествіе и назначали мѣсто, гдѣ разбить его опять, снимая прежде всѣхъ шатры свои съ телѣгъ. Въ первый день каждаго мѣсяца, почитавшійся праздничнымъ, этѣ изображенія ставились въ отведенномъ для того домѣ: Монголы ходили туда и чествовали ихъ поклоненіями.

На востокъ отъ Югуровъ слѣдовали Тангуты, очень храбрый народъ, который только послѣ долгаго сопротивленія и многихъ кровопролитныхъ сраженій склонился подъ Монгольское иго. Въ ихъ области видѣли чрезвычайно сильныхъ воловъ, съ хвостами, какъ у лошадей, и длинными волосами на спинѣ и животѣ; ноги у нихъ были толще, чѣмъ у другаго рогатаго скота, а рога тонкіе, кривые и такіе длинные и острые, что обыкновенно острея ихъ отрѣзывались. Этого вола Монголы употребляли для возки своихъ телѣгъ: у нихъ назывался онъ сарлыкъ, а въ Тибетѣ—якъ; это хрюкающій волъ (bos grumiens) новѣйшихъ естествоиспытателей, за Тангутомъ жили Тебеты (Тибетцы), имѣвшіе гнусный обычай пожирать своихъ умершихъ родителей; они вѣрили, что дѣлали честь имъ такою могилою въ своихъ желудкахъ Изъ череповъ ихъ выдѣлывали чаши и заботливо сохраняли ихъ въ знакъ нѣжнаго воспоминанія. Въ этой землѣ было много золота: стоило только взять на себя трудъ добывать его. Тебеты по большей части были безобразны, Тангуты большіе, чернобурые люди, а Югуры средняго роста, какъ Европейцы. Къ Тебетамъ примыкали Ланга, Золанга и Мукъ (въ восточной половинѣ Тибета). Пословъ этѣхъ неизвѣстныхъ въ подробности племенъ Рубруквисъ видѣлъ при дворѣ Мангу: это были небольшіе черносмуглые люди и везли съ собою больше десяти телѣгъ, изъ которыхъ каждая запряжена была шестью волами; ихъ одежда состояла изъ армяка съ рукавами, на головѣ носили четвероугольную, сверху остроконечную, соломенную шапку, блестящую точно стекло въ большіе жары. Глава этого посоль-

ства все посматривалъ на дощечку изъ слоновой кости, которую держалъ въ рукѣ, во время разговора съ Великимъ Ханомъ, или съ другими людьми, точно бралъ оттуда каждое сказанное имъ слово. Самая крайняя на востокѣ земля, о которой слышалъ Рубруквисъ, называлась великій Катай (Китай), и многія ея области еще не были покорены Монголами: тамъ долженъ находиться большой городъ съ серебряными стѣнами и золотыми укрѣпленіями. Послы этого народа, бывшіе въ станѣ Мангу, были крошечные люди съ маленькими глазами и говорили въ носъ; но Китайцы описывались народомъ, очень способнымъ и опытнымъ во всякихъ искуствахъ и рукодѣльяхъ. И у нихъ пріютились Несторіянцы и населяли 15 городовъ. Самый отдаленный изъ нихъ, по имени Сегинъ (Син-ган-фу, въ области Шензи), былъ пребываніемъ Епископа, который едва только однажды въ 50 лѣтъ объѣзжалъ округъ, и тогда посвящалъ въ Священники всѣхъ мужескаго пола дѣтей, хотя бы они были еще въ колыбели. Богослуженіе совершалось на Сирійскомъ языкѣ, но этѣ Священники разумѣли его также хорошо, какъ многіе западные монахи — Латинскій. Вообще они мало заботились о Вѣрѣ и богослужебныхъ обрядахъ, если они не приносили денегъ, но предавались ростовщичеству, самому любимому изъ занятію, или вину, до котораго были страстные охотники, и своею жизнію, во всѣхъ отношеніяхъ соблазнительною, не мало содѣйствовали къ тому, что Монголы мало по малу получили такое великое отвращеніе къ Христіянству.

30-го Ноября посланники оставили Кайлакъ, и послѣ трехдневнаго пути добрались до южнаго конца озера (Алактугалъ), которое показалось имъ бурнымъ, какъ море; по срединѣ его они замѣтили довольно большой островъ; вода озера была солоновата, однако жь годилась для питья. Между высокими, къ юговостоку идущими, горами они видѣли широкую долину, а посреди ихъ другое большое озеро (Кіургу), соединявшееся съ первымъ рѣкою, текущею въ долинѣ. Дулъ такой сильный вѣтеръ, что имъ надо было опасаться, чтобы не унесло ихъ въ озеро, отъ того и предпочли обойти его съ сѣвера, и прибыли въ страну гористую и покрытую снѣгомъ, гдѣ дороги становились все затруднительнѣе и не встрѣчалось ни одной живой души, кромѣ

Янисовъ (проводниковъ для путешественниковъ), разставленныхъ отъ одного дневнаго переѣзда до другаго. Самимъ Татарамъ было тамъ страшно, и они просили монаховъ употребить свои заклинанія для разогнанія злыхъ духовъ, которые сдѣсь часто уводили съ собою людей и животныхъ, у всадниковъ вырывали внутренности и потомъ сажали ихъ трупы на лошадей. Послѣ весьма усиленной 21 дневной ѣзды, прерванной только однажды короткимъ отдыхомъ во время ночи, по гористой странѣ (Алтю), они доѣхали, наконецъ, 27-го Декабря, до широкой равнины, походившей на море (въ Калкасъ-Монголіи), гдѣ находился Дворъ Великаго Хана. Проводнику ихъ тотчасъ же отвели прекрасное жилище, а имъ самимъ такую тѣсную хижину, что они едва могли умѣститься въ ней съ своей, не очень значительной, поклажей. Рисовое вино, которымъ угощали ихъ, показалось для нихъ такъ же вкуснымъ, какъ и Французское виноградное вино. Стояла чрезвычайно суровая стужа, однако жь у благочестивыхъ Францисканцевъ (босоногихъ) стало довольно благоразумія не прежде надѣть сапоги, пока не отморозили пальцевъ. Морозы, какъ они замѣтили въ долгую бытность ихъ въ этой странѣ, прекращались сдѣсь только въ Маѣ, а когда дулъ еще сѣверный вѣтеръ, были такіе пронзительные, что мерзло много скота. Зимою падало довольно снѣга, и погода стояла тихая до Апрѣля, а около этого времени поднимался вѣтеръ и приносилъ самую опасную стужу.

Чиновники помучили сначала посланниковъ безконечными распросами о цѣли ихъ путешествія, а потомъ, въ первый день 1254 года, позвали ихъ ко Двору. Напередъ ихъ тщательно обыскали и предостерегли, чтобы они не дотрогивались до порога; потомъ, распѣвая церковную пѣснь, монахи вошли въ палатку, обитую золотомъ, гдѣ отвели имъ мѣсто на скамьѣ противъ придворныхъ госпожъ. По срединѣ палатки горѣлъ огонь, поддерживаемый терновникомъ, большими корнями полыни и воловьимъ пометомъ. Ханъ въ шубѣ сидѣлъ, рядомъ съ женою, на подножіи, похожемъ на кровать, и по видимому былъ средняго роста и 45-ти лѣтъ отъ роду. Онъ спросилъ пословъ, какой они лучше любятъ напитокъ? Когда же они предоставили это на выборъ самого Хана, онъ велѣлъ имъ подать «серафины,» сладкаго и

очень вкуснаго сока (рисоваго вина). Во все время, пока они пили, Ханъ игралъ съ своимъ соколомъ, сидѣвшимъ у него на рукахъ; потомъ, посмотрѣвъ на нихъ долго и внимательно, велѣлъ имъ стать передъ собой на колѣни и сказать свою просьбу. Теперь Рубруквисъ замѣтилъ ему, что они собственно посланы къ Сартаку, будто бы принявшему, по слухамъ, Христіанскую Вѣру, и по тому явились къ нему безъ подарковъ; онъ прибавилъ еще просьбу, чтобы имъ дозволено было пожить въ его землѣ, покамѣсть лучшая погода не дозволитъ имъ возвратиться домой. «Какъ солнце, гордо отвѣчалъ на это Мангу, посылаетъ свои лучи во всѣ стороны, такъ и власть наша съ Батыемъ простирается по всѣмъ странамъ міра, и намъ не надобно ни вашего золота, ни серебра.» Послы не могли понять, что говорилъ онъ дальше, по тому что толмачъ, дѣлавшій слишкомъ много чести кумысу, который подавали ему, не въ состояніи былъ говорить, да и самъ Ханъ выражался такъ несвязно, что показался имъ тоже нетрезвымъ. Окончивъ свою рѣчь, онъ далъ имъ знакъ удалиться, и велѣлъ потомъ извѣстить ихъ, что изъ состраданія позволяетъ имъ остаться на два мѣсяца при его Дворѣ и велитъ ихъ снабжать всѣмъ нужнымъ.

Во все это время монахи съ большимъ соблазномъ наблюдали безстыдные обманы Несторіянскихъ Священниковъ; благодаря росказнямъ этѣхъ послѣднихъ, и дошло до Европы сказаніе объ обращеніи въ Христіянство Монгольскихъ вождей; вскорѣ убѣдились, что Великій Ханъ ни о чемъ не думалъ меньше, какъ о принятіи Христіянской Вѣры; подобно прочимъ Татарамъ, пристрастился къ самому грубому суевѣрію и посѣщалъ храмъ, въ которомъ садился на золотомъ ложѣ, а жрецы съ пѣніемъ окуривали его. Въ продолженіе молитвы, жрецовъ и богомольцевъ такъ усердно угощали кумысомъ, что они выходили изъ храма пьяные. Когда Ханъ принимался за какое ни будь дѣло, важное или неважное, онъ старался напередъ увѣриться въ счастливомъ, или несчастномъ исходѣ его слѣдующимъ образомъ. Размышляя объ этомъ дѣлѣ, онъ держалъ въ рукахъ три кости изъ передняго воловьяго колѣна, и потомъ отдавалъ ихъ служителю, который относилъ эти кости въ смежную съ Дворцомъ комнату и клалъ въ огонь. Когда онѣ обгарали дочерна, Ханъ приказывалъ

приносить ихъ къ себѣ и разсматривалъ очень внимательно: если онѣ трескались вдоль, онъ считалъ это знакомъ, что долженъ исполнить свое намѣреніе; если же на нихъ были поперечныя трещины, или отскочили отъ нихъ куски, это считалось для него плохимъ предвѣстіемъ, и онъ отмѣнялъ предпріятіе. Когда около этого времени жена Хана впала въ опасную болѣзнь и обращеніе къ воловьимъ костямъ не принесло никакого дѣйствительнаго средства, прибѣгнули къ одному Несторіянскому монаху, который излѣчилъ Ханшу заговорами и ревенемъ. Извѣстіе объ излѣченіи Монгольской Княжны само по себѣ не важно: оно имѣетъ вѣсъ въ такой только мѣрѣ, что при этомъ случаѣ называется лѣкарствомъ ревенный корень, въ послѣдствіи занявшій столь важное мѣсто во врачебной наукѣ.

Въ бытность свою при Дворѣ Рубруквисъ пользовался всѣми случаями для собранія свѣдѣній объ окрестныхъ странахъ, и сообщаетъ намъ ихъ итоги. Замѣчаніе, предпосланное имъ, вполнѣ правильно, что Азія съ восточной стороны становится выше, и что рѣки вообще текли съ востока на западъ, хотя теченіе ихъ направляется больше или меньше къ сѣверу, либо югу. Отъ того мѣста, гдѣ находился Дворъ, до Катая (Китая) считалось 20 дней пути и десять до Онанъ-Керуле (между рѣками Онономъ и Керлономъ), родины Монголовъ и родовой земли Чингисъ-Хана, гдѣ еще нѣкоторыя плоскія возвышенности такъ священны для Монголовъ, что ни одинъ охотникъ не смѣетъ тамъ охотиться, хотя онѣ и наполнены оленями, дикими козами и кабанами.

Здѣсь не находилось ни одного города, а только шатры племени, которое называлось Сумонголы или Водяные Монголы, и кормилось охотою и рыболовствомъ, но не занималось скотоводствомъ, какъ прочіе Монголы.

Дальше и сѣвернѣе слѣдовали очень бѣдные народы, къ которымъ принадлежали Киркисы (Киргизы), бродившіе съ своими стадами, и Орангеи (Манджуры), бѣгавшіе на гладкихъ костяхъ, которыя они привязывали къ ногамъ себѣ, такъ быстро по снѣгу и льду, что догоняли дикихъ звѣрей и птицъ. Жители Катая, вмѣсто обыкновенной монеты, употребляли листы бумаги, вели-

чиною съ руку, сдѣланные изъ хлопчатой бумаги и исписанные. Жители писали кистью и связывали многія буквы въ одну фигуру, сама собою составлявшую цѣлое слово; въ Тибетѣ писали такъ же, какъ и въ Европѣ: буквы походили на Римскія; въ Тангутѣ строки начинали снизу, такъ что послѣдняя строка стояла вверху, и писали отъ лѣвой руки къ правой, какъ пишутъ Арабы.

Около половины поста, Мангу съ своимъ Дворомъ дѣлалъ путешествіе въ Каракорумъ, столицу Великихъ Хановъ; туда сопровождали его и послы, но едва не погибли отъ жестокой стужи въ дорогѣ, въ которой провели 18 дней. Каракорумъ, показавшійся имъ почти такой же величины, какъ Сенъ-Дени близъ Парижа, имѣлъ двѣ улицы: одну для Магометанъ, гдѣ торговали, и одну для Китайцевъ, которые всѣ были художники и ремесленники. Послы видѣли на этѣхъ улицахъ большія зданія, въ которыхъ жили тайные Секретари Хана, также храмы для наибольшей части Вѣроисповѣданій, по тому что всѣ они сдѣсь терпимы. Городъ обнесенъ былъ глиняною стѣною, улицы оканчивались четырьмя воротами, которые служили вмѣстѣ и рынками. У восточныхъ продавали просо и другой хлѣбъ, который привозится сюда, разумѣется, очень рѣдко и скупо, у западныхъ—овецъ и козъ, у сѣверныхъ—лошадей, у южныхъ—воловъ и телѣги. Каракорумъ былъ сборнымъ мѣстомъ многочисленныхъ торговыхъ людей, по тому что Дворъ всегда имѣлъ пребываніе близко отсюда, отъ чего же находилось сдѣсь и много посланниковъ. Тутъ встрѣчали Китайцевъ, Тибетцевъ, Индѣйцевъ, Персовъ, Арабовъ, Французовъ и Нѣмцевъ, которыхъ страсть къ прибытку, или случай, привели въ столицу Великаго Хана. Особливо пріятны были Монголамъ Еврейскіе художники и ремесленники: они тщательно выбирали такихъ между военноплѣнными и разселяли по своей землѣ, чтобы употреблять ихъ для приготовленія оружія и утварей. Такимъ образомъ уже рано распространились Европейскія мастерства во внутренней Азіи; такъ же легко объяснить и то оригинальное явленіе, что во многихъ могильныхъ курганахъ Сѣверной Азіи еще нынѣ находятъ такое множество металлическихъ идоловъ и сосудовъ, которые неоспоримо носятъ на себѣ отпечатокъ Европейской работы.

Близъ города Каракорума, среди широкаго пространства, обнесеннаго кирпичною стѣною, возвышался красивый дворецъ, гдѣ Ханъ обыкновенно каждый годъ праздновалъ два большіе праздника: одинъ зимою, когда пріѣзжалъ въ свое пребываніе, другой—лѣтомъ, когда опять возвращался на югъ. На второмъ праздникѣ, который отправлялся самымъ торжественнымъ образомъ, должны были находиться всѣ власти и благородные, жившіе не дальше двухъ мѣсяцевъ отъ Двора: при этомъ случаѣ, служившемъ Великому Хану поводомъ выставлять на показъ всю свою пышность и доказывать свою щедрость, онъ дарилъ ихъ дорогимъ платьемъ и другими вещами. Дворецъ, тянувшійся съ сѣвера къ югу и весьма походившій на церковь, состялъ изъ широкаго пространства въ срединѣ и изъ двухъ боковыхъ сторонъ, отдѣленныхъ отъ средины колоннадою: на южномъ концѣ находились трои ворота. Противъ нихъ, въ сѣверномъ углубленіи, сидѣлъ Великій Ханъ на помостѣ, такомъ высокомъ, что Хану можно было съ него обозрѣвать всѣ пространство. Къ нему вели двѣ лѣстницы: по одной ходили кравчіе съ полными кубками, а по другой возвращались съ пустыми. Направо сидѣли мужчины, налѣво женщины, а по обѣимъ сторонамъ, близко колоннъ, возвышалось одна надъ другою, много ступеней, на которыхъ справа занимали мѣста сынъ и братъ Хана, а слѣва ихъ жены и дочери; только одна изъ женъ Хана сидѣла съ нимъ рядомъ, немного пониже его. Пространство между обѣими колоннадами, между воротами и помостомъ, оставлено пустымъ для придворныхъ чиновниковъ, подававшихъ кушанья, и для пословъ, приносившихъ подарки. Цѣлое составляло величественную картину, и Ханъ походилъ на бога, посреди его поклонниковъ.

У среднихъ воротъ стояло большое серебряное дерево, которое выдумалъ и сдѣлалъ Вильгельмъ Бушеръ, искусный мастеръ серебряныхъ дѣлъ: родомъ онъ былъ изъ Лотарингіи, и въ Угріи попрпался въ руки Монголамъ. У подножія этого дерева, назначеннаго для провода во дворецъ напитковъ, лежали 4 льва; у каждаго изъ нихъ изъ пасти выставлялось по трубкѣ: одна была для вина, другая для кумыса, третья для баля (родъ меда) и четвертая для тарасины (рисоваго вина, арака). На каждомъ львѣ лежала золотая змѣя, обвивавшаяся хвостомъ около

дерева. На верхушкѣ его стоялъ ангелъ съ трубою въ рукѣ. Когда хотѣли во дворцѣ пить, начальникъ виннаго погреба кричалъ ангелу, и этотъ, посредствомъ устроеннаго подъ землею механизма, подносилъ трубу ко рту, а спрятанный внутри человѣкъ трубилъ въ нее. По ея пронзительному звуку, служители, бывшіе въ комнатѣ, до которой доставали древесныя вѣтви, наливали разные напитки въ трубки, проведенныя междя вѣтвями: черезъ львиныя пасти напитки стекали въ тазы, а оттуда и черпали ихъ кравчіе. За это произведеніе Бушеръ получилъ значительную награду и былъ въ большой силѣ у Хана, да и въ Каракорумѣ, гдѣ проживалъ.

Въ бытность свою при Ханскомъ Дворѣ и въ Каракорумѣ Рубруквисъ имѣлъ всего лучше случай наблюдать образъ жизни и нравы Монголовъ; мы помѣщаемъ сдѣсь его замѣчанія, на сколько дополняютъ и объясняютъ они тѣ извѣстія Плано Карпини, которыя мы уже сообщили. У Татаръ или Монголовъ, говоритъ Рубруквисъ, нѣтъ постоянныхъ жилищъ: они ведутъ бродячую жизнь въ своей землѣ, которая простирается отъ Дуная до восхожденія солнца, однако жь всякому вождю, смотря по большему, или меньшему, числу его людей, отведены пространства, на которыхъ онъ долженъ пасти свой скотъ въ разное время года и которыхъ границы не смѣетъ переходить. Зимою ходятъ они на югъ, въ края потеплѣе, а лѣтомъ на сѣверъ и на сухія пастбища, по тому что тамошній снѣгъ замѣняетъ для нихъ воду. Вездѣ, куда ни ходятъ, они возятъ съ собою на телѣгахъ палатки, въ которыхъ спятъ. Этѣ палатки состоятъ изъ круглаго ивоваго кузова, на верху остроконечнаго и открытаго для пропусканія дыма: этотъ кузовъ покрывается бѣлымъ, часто и чернымъ, войлокомъ, расписаннымъ и украшеннымъ разными фигурами; въ кузовѣ есть и двери, также красиво раскрашенныя. Часто этѣ хижины такъ велики и широки, что ихъ очень трудно возить: Рубруквисъ видалъ такія большія, что ихъ съ трудомъ тащатъ двадцать два вола. Всѣми, сколько бы ихъ ни было запряжено, правитъ одинъ возница, сидящій въ дверяхъ палатки. Изъ ивовыхъ прутьевъ плетутъ также большіе, сверху круглые, ящики, обитые чернымъ войлокомъ и съ одного конца снабженные дверцей: въ нихъ хранятъ они все свое имущество. Этѣ

ящики не рѣдко также раскрашены пестрыми красками, или убраны птичьими перьями, и всѣ вымазаны саломъ, или овечьимъ молокомъ, чтобы не проходила сырость. Они крѣпко привязываются къ особеннымъ телѣжкамъ и никогда не снимаются съ нихъ. Когда выберутъ мѣсто для стана, палатки для жилья снимаются съ телѣги, а телѣжки съ ящиками заѣзжаютъ по обѣ стороны ея, такъ что она точно между двумя стѣнами, по тому что такихъ телѣжекъ очень много: у богатаго Монгола ихъ до двухъ сотъ; его жены правятъ этѣми телѣжками и сохраняютъ ихъ.

Когда палатка для жилья поставлена на землю такъ, что двери приходятся къ югу, на сѣверной сторонѣ ея ставятъ кровать хозяина, оттуда ему видны всѣ домашніе, изъ которыхъ женщины живутъ на восточной, мущины на западной сторонѣ. Въ головахъ у владѣльца палатки ставятъ войлочную куклу, которую зовутъ братомъ хозяина, а въ головахъ его первой жены— другую, называемую братомъ хозяйки: между обѣими, не много повыше ихъ, маленькая, тощая кукла, представляющая духа-покровителя дома. Внизу у постели хозяйки стоитъ на возвышеніи чучела козла, набитая шерстью, или другимъ веществомъ, а возлѣ нея куколка, надзирающая за женщинами и служанками. У дверей на женскую половину видна кукла съ коровьимъ вымемъ: она назначена для женщинъ, доящихъ коровъ, а у дверей на мужскую половину—другая, съ кобыльимъ вымемъ, для мущинъ, доящихъ кобылъ.

Когда Татары сойдутся попить, они сперва выливаютъ нѣсколько напитка передъ куклой въ головахъ хозяина, а потомъ поочередно передъ прочими куклами; потомъ выходитъ передъ палатку служитель съ полнымъ кубкомъ, и три раза ставъ на колѣни, выплескиваетъ изъ него три раза къ югу, въ честь огня, три раза къ западу, въ честь воды, и три раза къ сѣверу, въ честь умершихъ. Только послѣ добросовѣстнаго совершенія этой жертвы подаютъ на тарелкѣ кубки хозяину и хозяйкѣ, сидящей возлѣ него на постелѣ: еще не поднесши кубка ко рту, хозяинъ отливаетъ немного напитка на землю, а если пьетъ на конѣ, на гриву ему.

Зимою они приготовляютъ хорошій и чистый, какъ вино, напитокъ изъ риса, проса и меда: виноградное вино пьютъ рѣдко,

по тому что оно привозится къ нимъ только изрѣдка изъ очень далекихъ краевъ. Лѣтомъ не надо имъ ни какого другаго напитка, кромѣ кумыса, который приготовляется слѣдующимъ образомъ. Къ веревкѣ, протянутой между двумя деревянными гвоздями, привязываютъ двухъ жеребятъ; кобылы, бродящія кругомъ, подходятъ къ нимъ и даются доить; молоко, которое пока еще свѣжо, ни мало не уступаетъ въ сладковатости коровьему, сливаютъ въ мѣхъ, или сосудъ, и сбиваютъ полѣномъ, съ вырѣзанною внизу шишкою, величиною съ человѣческую голову, до тѣхъ поръ, пока оно запѣнится и забродитъ, какъ молодое вино, и станетъ появляться масло. Тогда напитокъ получаетъ пріятную, раздражающую остроту и щиплетъ языкъ, точно полевая рѣпа, а послѣ питья оставляетъ на немъ вкусъ миндальнаго молока. Онъ въ одну минуту располагаетъ къ веселости, но и быстро опьяняетъ съ непривычки. Еще вкуснѣе кара кумысъ (черный кумысъ), но его пьютъ одни богатые и знатные люди. Для приготовленія этого кумыса бьютъ молоко до тѣхъ поръ только, пока части его, погрубѣе, осядутъ на дно, и болѣе нѣжныя всплывутъ наверхъ. Напитокъ, состоящій изъ нѣжныхъ частей, похожій на бѣлое вино, чрезвычайно пріятенъ и оказываетъ очень благотворное дѣйствіе на тѣло. Осадку получаютъ служители и потомъ спятъ очень крѣпко. У Батыя кругомъ его стана, на разстояніи дневнаго пути, было до 30-ти доенъ: каждая ежедневно должна была давать молоко отъ сотни кобылъ, приготовленное такимъ же образомъ. Въ кумысѣ не можетъ быть недостатка ни у одного Монгола: готовый во всякое время, этотъ напитокъ стоитъ у него въ жилищѣ на столѣ, возлѣ двери. На праздничныхъ попойкахъ у этого стола сидитъ музыкантъ съ особеннымъ Татарскимъ инструментомъ, неизвѣстнымъ въ Европѣ. Когда хозяинъ поднесетъ кубокъ ко рту, служитель громко кричитъ: «Га!» и между тѣмъ, какъ музыкантъ играетъ, всѣ хлопаютъ въ ладоши и пляшутъ, мущины передъ хозяиномъ, а женщины передъ хозяйкой. Когда хозяинъ выпьетъ кубокъ, служитель повторяетъ тотъ же крикъ, музыка умолкаетъ, всѣ, мущины и женщины, примутся пить, и кубки ходятъ кругомъ до тѣхъ поръ, пока всѣ не опьянѣютъ. Когда хотятъ выпить за чье ни будь здоровье, подбѣгаютъ къ тому по трое съ пѣніемъ и пляской; середній держитъ въ рукѣ полный кубокъ и подаетъ ему, но только что этотъ про-

тянетъ руку къ кубку, смѣясь надъ нимъ, они отпрыгиваютъ назадъ. Подразнивъ его такъ три, или четыре, раза и пробудивъ въ немъ желаніе выпить, они подаютъ ему кубокъ, поютъ, хлопаютъ въ ладоши, топаютъ ногами, до тѣхъ поръ, пока онъ не выпьетъ до дна. Если же тотъ, кому подносятъ, не хочетъ пить, они берутъ его за уши и дерутъ до тѣхъ поръ, пока онъ не разинетъ рта и не проглотитъ поданнаго питья.

Монголы ѣдятъ, не разбирая, всякое мясо, кромѣ мышинаго, даже и такихъ животныхъ, которые пали отъ болѣзни, что бываетъ нерѣдко при такомъ значительномъ количествѣ скота. Впрочемъ, пока лѣтомъ можно имѣть кумысъ, они не заботятся ни о какой другой пищѣ. Если падетъ волъ, или лошадь, они рѣжутъ ихъ мясо на тонкіе ремни, сушатъ ихъ на вѣтрѣ и солнцѣ, не посоливъ сначала, и сберегаютъ на зиму. Изъ лошадиныхъ внутренностей дѣлаютъ колбасы, которыя лучше свиныхъ, и ѣдятъ ихъ сырыя. Изъ воловьихъ шкуръ, которыя сушатъ въ дыму, они дѣлаютъ большіе мѣха, а изъ задней части лошадиныхъ — превосходные сапоги. Мясомъ одного барана кормятся отъ 50 и до 100 человѣкъ: рѣжутъ его на малые куски, мѣшаютъ ихъ въ большомъ сосудѣ съ соленою водой, и потомъ, остреемъ ножа, или вилкою, подаютъ каждому изъ окружающихъ, смотря по числу ихъ, одинъ или два куска. Но сначала мясо подается хозяину, и онъ беретъ, сколько и что ему угодно; когда же онъ самъ подастъ кому ни будь кусокъ изъ особеннаго расположенія, этотъ долженъ съѣсть его одинъ и не можетъ удѣлять изъ него другому. Если онъ не можетъ съѣсть всего, то отдаетъ служителю, чтобы онъ сохранилъ и отнесъ этотъ кусокъ домой, а если при немъ нѣтъ слуги, прячетъ кусокъ въ свой саптаргатъ или сумку, которую носитъ всегда съ собою каждый Монголъ и кладетъ въ нее кости, чтобы послѣ оглодать ихъ до чиста на досугѣ. Коровье молоко Монголы варятъ до тѣхъ поръ, пока оно не обратится въ масло, и сохраняютъ въ воловьихъ мѣхахъ: въ нихъ оно держится долго, хоть и не посолено, и это надо приписать тому, что долго варилось. Оставшейся сывороткѣ они даютъ киснуть, сколько можно, потомъ варятъ его еще разъ и сушатъ эту массу на солнцѣ до тѣхъ поръ, пока она не получитъ вида желѣзныхъ выгарковъ. Зимою, когда бываетъ недостатокъ въ свѣжемъ

молокѣ, они разводятъ въ горячей водѣ это молоко, сберегаемое въ мѣшкахъ и называемое у нихъ гріутъ, и мѣшаютъ его до тѣхъ поръ, пока оно не разойдется совсѣмъ. Такой отваръ очень киселъ, однако жь служитъ для нихъ вмѣсто обыкновеннаго питья, по тому что они никогда не утоляютъ жажды чистой водой.

У вождей есть запасные магазины въ южныхъ частяхъ страны: зимой они получаютъ оттуда просо и муку; не такъ богатые люди вымѣниваютъ этѣ припасы на барановъ и кожи; рабы должны довольствоваться тою водою съ сывороткой, о которой мы говорили. Изъ животныхъ, служащихъ пищею, кромѣ рогатаго скота, лошадей и овецъ, главное мѣсто занимаютъ особливо кролики съ длинными хвостами, на концѣ которыхъ клочки черныхъ, или бѣлыхъ, волосъ, зайцы, газели, дикіе ослы и сурки, называемые у нихъ согуръ; этѣ послѣдніе живутъ вмѣстѣ по 20, или 30, въ одной норѣ и 6-ть мѣсяцевъ спятъ. Рубруквисъ видѣлъ также одно животное, которое звали артака, совсѣмъ похожее видомъ на барана, съ загнутыми рогами, но такими толстыми и тяжелыми, что пару такихъ роговъ едва можно поднять одной рукой: Монголы дѣлаютъ изъ нихъ кубки. Это животное, безъ сомнѣнія, Азіятская овца, называется также аргали (ovis ammo).

Мѣха этѣхъ звѣрей служатъ зимнею одеждою для людей побѣднѣе, богатые кутаются въ дорогіе мѣха, получаемые изъ Россіи и другихъ сѣверныхъ странъ. У зимнихъ кафтановъ погрубѣе, которые должны защищать отъ вѣтра и снѣга, мѣховая сторона обращена наружу, а у другихъ потонѣе, крытыхъ бархатомъ, или другою нѣжною матеріею, внутрь. Лѣтомъ богатые носятъ платье изъ золотыхъ и шелковыхъ тканей, приходящихъ изъ Китая, а бѣднѣйшіе изъ тонкой хлопчатой бумаги. Изъ грубой шерсти они дѣлаютъ войлоки, обиваютъ ими свои дома и ящики. Изъ двухъ третей шерсти и одной трети конскаго волоса они вьютъ всѣ свои канаты и веревки, которые очень крѣпки. Мужчины выбриваютъ себѣ на верхушкѣ головы четвероугольникъ и съ переднихъ угловъ его — полосу до самыхъ висковъ, такъ что только на лбу остается клокъ волосъ, достающій до рѣсницъ; назади отращиваютъ волосы и заплетаютъ ихъ въ косы, которыя закладываютъ за уши. На лицѣ не терпятъ

волосъ и тщательно брѣютъ щеки, подбородокъ и шею. Платье дѣвушекъ отличается отъ мужскаго только тѣмъ, что оно немного длиннѣе: на другой день свадьбы женщина брѣетъ себѣ волосы на головѣ съ макушки до лба и надѣваетъ широкое платье, похожее на одежду монахинь: спереди оно открыто и завязывается на лѣвой сторонѣ. Женщины носятъ также головной уборъ, называемый «ботта» и сдѣланный изъ нѣжной березовой коры и другихъ гибкихъ веществъ. Онъ походитъ на карнизъ у колонны, внизу круглый и почти такой толщины, что можно схватить его обѣими руками, вышиною въ аршинъ и больше, сверху четвероугольный. Этотъ батта весь обвивается дорогою шелковою тканью, а наверху украшается гибкою тростью, длиною въ аршинъ, или перьями, а по бокамъ драгоцѣнными каменьями. Волосы, заплетенные узлами, совсѣмъ спрятаны подъ шляпой, которая придерживается лентою, подвязанною подъ подбородкомъ. Монгольскія женщины чрезвычайно тучны, съ маленькими тупыми носами, которые еще больше безобразятъ ихъ лица, намазанныя масломъ, а у Монголовъ считаются за большую красоту. Обязанности Монгольскихъ женщинъ не маловажны: они возятъ телѣгѣ, ставятъ на нихъ и снимаютъ палатки, доятъ коровъ, дѣлаютъ масло и гріутъ, приготовляютъ шерсть, шьютъ, дѣлаютъ сапоги, чулки и платья. Шьютъ онѣ звѣриными жилами: расщипываютъ ихъ на тонкія нити, а этѣ опять свиваютъ въ одну крѣпкую нитку. Мущины работаютъ луки и стрѣлы, сѣдла, стремена и узды, дѣлаютъ палатки и телѣги, пасутъ лошадей и доятъ кобылъ, толкутъ кумысъ, дѣлаютъ мѣха, въ которыхъ онъ сберегается, пасутъ и навьючиваютъ верблюдовъ. Овецъ и козъ пасутъ поперемѣнно мущины и женщины. Кожи дубятъ кислымъ козьимъ молокомъ съ солью.

Монголы мало заботятся о чистотѣ: они никогда не ополаскиваютъ ни блюдъ, ни кубковъ; деревянныя блюда, на которыхъ подается мясо, они хоть и моютъ меснымъ отваромъ, однако жь опять сливаютъ его въ котелъ съ похлебкой. Когда хотятъ умывать лицо и руки, набираютъ полный ротъ воды, плюютъ ее на руки и моютъ такъ ихъ и все тѣло. Платьевъ они не моютъ, по тому повѣрью, что Богъ гнѣвается на это и посылаетъ бурю, когда вывѣшиваютъ одежду для сушки. Увидавъ, что кто ни будь

моетъ платье, они бросаются и отнимаютъ его, по тому что выше всякаго понятія боятся грома и молніи. Когда начнетъ собираться гроза, они выгоняютъ изъ своихъ жилищъ всѣхъ чужеземцевъ и забиваются въ войлоки, гдѣ и лежатъ до тѣхъ поръ, пока не пройдетъ гроза.

Каждый Монголъ беретъ столько женъ, сколько ему угодно, однако жь всѣхъ долженъ покупать у ихъ родителей, или родныхъ, отъ того-то и встрѣчается у нихъ много старыхъ дѣвъ, по тому что не всегда же можетъ найтись покупатель. Когда сватъ покончитъ съ отцомъ торговую сдѣлку, этотъ готовитъ пиръ, а дѣвушка уходитъ къ роднымъ и скрывается у нихъ. Когда явится женихъ, отецъ говоритъ ему: «Моя дочка — твоя: бери ее, гдѣ ни найдешь!» Счастливецъ тотчасъ же отправляется въ дорогу съ своими друзьями, отыскиваетъ невѣсту и будьто силою уводитъ ее домой.

При заключеніи браковъ, или другихъ сдѣлокъ, рѣдко происходятъ ссоры. Когда же это случится, соблюдается строгая, однако жь, безпристрастная справедливость. Если двое поссорятся между собою, никто третій не можетъ вмѣшиваться въ ссору, даже отецъ не смѣетъ помогать сыну. Уступившій можетъ подать свою жалобу на рѣшеніе Государя, или вождя, другой уже не смѣетъ сдѣлать ему за то никакаго зла, но въ ту же минуту долженъ ити за нимъ къ приглашеннымъ судьямъ. Убійство, важное воровство и колдовство наказываются смертію, но преступникъ долженъ быть пойманъ на дѣлѣ, или сознаться въ немъ. Впрочемъ, когда подозрѣніе подтверждено обстоятельствами, или свидѣтелями, стараются вынудить сознаніе пыткою. Менѣе важныя вины наказываются палочными ударами: число ихъ не рѣдко увеличиваютъ до ста, и послѣ каждаго удара берутъ другую палку. Однако, большія преступленія случаются очень рѣдко и по тому смертная казнь совершается не часто: всѣ Монголы, не убитые на полѣ сраженія, умираютъ своею смертію, съ очень немногими исключеніями.

Когда Монголъ сдѣлается такъ болѣнъ, что долженъ лежать въ постелѣ, онъ велитъ ставить на своемъ жилищѣ знакъ, чтобы никто не входилъ туда; по тому что больнаго ни видитъ, ни навѣщаетъ никто, кромѣ его прислуги; если же больной изъ знат-

ныхъ, то на дальнемъ разстояніи отъ дома, гдѣ онъ лежитъ, ставится караулъ, который отсылаетъ назадъ всякаго, подходящаго очень близко, по тому что боятся, чтобы съ посѣтителями не прокрались къ больному злые духи, или вѣтры. Когда умретъ кто ни будь, Татары поднимаютъ страшный вой; ближніе родные горюютъ цѣлый мѣсяцъ, и на все это время освобождаются отъ всякихъ податей. Кто былъ при кончинѣ взрослаго, тотъ цѣлый годъ не можетъ показываться при Дворѣ Великаго Хана; если же умершій былъ еще ребенокъ, доступъ ко Двору разрѣшается черезъ мѣсяцъ. Возлѣ каждаго гроба ставятъ палатку, а на мѣстахъ погребенія своихъ вождей большіе домы, гдѣ живутъ люди, стерегущіе гробы. Если умершій изъ Чингисъ-Ханова рода, мѣсто его погребенія должно оставаться въ неизвѣстности. Куманы сметываютъ надъ умершимъ курганъ, и на вершинѣ его ставятъ статую, которая обращена къ востоку и въ одной рукѣ держитъ у живота кубокъ. Для знатныхъ они строятъ пирамиды, или лучше, домикъ съ остроконечною верхушкою, часто также высокія кирпичныя башни. Въ восточныхъ странахъ Монгольской земли Рубруквисъ замѣтилъ особенныя могилы большія, отчасти четвероугольныя, отчасти круглыя мѣста, выложенныя камнемъ, съ четырьмя высокими камнями по четыремъ странамъ свѣта. У могилы одного недавняго покойника онъ видѣлъ 16-ть лошадиныхъ шкуръ, развѣшанныхъ между высокими шестами, по четыре на каждой сторонѣ, а въ пространствѣ, которое онѣ составляли, кумысъ и мясо для умершаго, не смотря на то, что онъ, говорятъ, былъ крещеный.

Съ явнымъ отвращеніемъ Рубриквисъ говоритъ о Монгольскихъ жрецахъ, осмѣявшихъ этого монаха во время его опытовъ обращенія и проповѣданія Христіянской Вѣры: онъ называетъ ихъ лжецами, колдунами и злыми, мстительными обманщиками, но сознается, что они пользовались такимъ же вліяніемъ, какъ и Христіянское духовенство. Этѣ жрецы, говоритъ онъ, очень многочисленны и имѣютъ начальника, который всегда разбиваетъ свою палатку на разстояніи брошеннаго камня отъ Дворца Великаго Хана и смотритъ за телѣгами, на которыхъ находятся идолы. Всѣ жрецы живутъ въ отведенныхъ для нихъ мѣстахъ стана, тутъ же и даютъ совѣты людямъ, которые вѣрятъ ихъ обманамъ.

Нѣкоторые изъ нихъ, а особливо главный жрецъ, очень свѣдущи въ звѣздочетствѣ и предсказываютъ солнечныя и лунныя затмѣнія. Когда начинаются этѣ явленія, они бьютъ въ барабаны и литавры и сопровождаютъ этотъ шумъ страшнымъ крикомъ. Эта усильная работа всегда завершается большимъ пиромъ, на которомъ нѣтъ недостатка ни въ чемъ, по тому что народъ съ готовностью доставляетъ въ изобиліи кушанья и напитки. Они назначаютъ также, какіе дни счастливые, или несчастные, для всякаго дѣла; не спросивъ ихъ напередъ, не собираютъ войска, не ходятъ на войну. Жилище и утвари покойниковъ, также всѣ вещи, приносимыя ко Дворцу, они очищаютъ описаннымъ выше образомъ между двумя огнями: все, упавшее между этѣми огнями на землю во время очищенія, принадлежитъ имъ, чтобы такое ни было. 9-го Мая они освящаютъ всѣхъ бѣлыхъ кобылъ, которыя сгоняются въ одно мѣсто: церемонія главное состоитъ въ томъ, что выливаютъ на землю, въ видѣ жертвы, нѣсколько свѣжаго кумыса, котораго приготовленіе начинается вновь около этого времени. При рожденіи ребенка призываютъ жрецовъ и спрашиваютъ объ его судьбѣ; ихъ также зовутъ и къ больнымъ, чтобы испытать на этѣхъ ихъ заговоры и узнать отъ нихъ, спроста ли эта болѣзнь, или напущена колдовствомъ. Рубруквисъ не сомнѣвается, что этѣ жрецы, какъ сказывали ему, могутъ своими чарами помрачать воздухъ и заговаривать дьявола, чтобы заставить его дать отвѣты на трудные вопросы, которые имъ дѣлаютъ.

Благочестивый монахъ, сожалѣя о погибели такого множества душъ отъ этого идолопоклонства, внушавшаго ему ужасъ, нѣсколько разъ покушался говорить при Дворѣ въ пользу Христіянской Вѣры и расположить къ ней Великаго Хана, однако жь напрасно: «Монголы, отвѣчалъ этотъ спокойно, вѣруютъ въ единаго Бога и чтутъ его чистосердечно. Точно такъ же, какъ Богъ снабдилъ руку многими пальцами, онъ вложилъ и разныя мнѣнія въ человѣческій духъ; Христіянамъ далъ онъ писаніе, но этѣ не слѣдуютъ его ученію, по тому что тамъ не написано, что должно клеветать другъ на друга и за деньги уклоняться отъ пути справедливости. Намъ Богъ далъ предсказателей, мы слѣдуемъ ихъ предписаніямъ и живемъ въ мирѣ». Разговаривая такъ, Ханъ перешелъ вдругъ къ другому предмету и, выпивъ четыре раза, строго

сказалъ: «Я позволилъ вамъ остаться подольше при моемъ Дворѣ; теперь моя воля такова, чтобы вы воротились въ свою землю. У меня въ головѣ два глаза, но у обоихъ одна точка зрѣнія, и куда оборачивается одинъ, туда же слѣдуетъ за нимъ и другой: вы пришли сюда черезъ Батыево пребываніе; черезъ него же должны и возвращаться назадъ». Потомъ велѣлъ имъ выдать деньги и платье на дорогу, и отдалъ имъ письмо къ Королю Лудовику, въ которомъ замѣчалъ ему, что «готовъ отправить къ нему пословъ для переговоровъ о мирѣ, если онъ поспѣшитъ присягнуть ему и принести покорность; но если, въ надеждѣ на великую отдаленность своей земли и высоту своихъ горъ, онъ захочетъ враждовать съ Монголами, пусть винитъ самаго себя въ послѣдствіяхъ». Письмо начиналось словами: «Повелѣніе вѣчнаго Бога. Какъ на небѣ единый Богъ, такъ и на землѣ долженъ быть одинъ властелинъ: это Великій Ханъ Монголовъ».

Съ этѣмъ письмомъ Рубруквисъ тотчасъ же покинулъ Дворъ и, послѣ труднаго двухмѣсячнаго путешествія, 16 Октября, 1254 года, добрался до Батыева стана. По всей этой дорогѣ ему не встрѣчалось ни городовъ, ни мѣстечекъ, а только одна жалкая деревня, гдѣ онъ не могъ достать себѣ даже куска хлѣба. Часто по два и по три дня онъ не имѣлъ другой пищи, кромѣ кумыса; однажды даже подвергнулся было опасности погибнуть съ голода, по тому что ошибкою проѣхалъ станцію, а лошади были очень измучены. Ближайшій путь во Францію съ Волги, гдѣ имѣлъ пребываніе Батый, лежалъ бы черезъ Угрію и Германію; но еще не зная, что Король Лудовикъ возвратился изъ Крестоваго похода, Рубруквисъ свернулъ къ югу и, черезъ Грузію и Арменію, прибылъ въ Сирію, и 15-го Августа, 1255 года, благополучно добрался до Триполи. Сдѣсь хотѣлъ онъ отплыть въ Европу, однако жь получилъ отъ своихъ властей приказаніе остаться въ монастырѣ своего Ордена, въ Сенъ-Жанъ-д'Акрѣ, откуда и послалъ свое донесеніе къ Королю Лудовику Дальше не знаемъ ни какихъ подробностей объ его послѣдующей жизни, кромѣ того, что въ 1293 году онъ былъ еще живъ.

Путевые разсказы Жіованни де Плано Карпини и Рубруквиса принадлежатъ неоспоримо къ самымъ драгоцѣннымъ этнографическимъ произведеніямъ Среднихъ вѣковъ: разсматривая ихъ

строго, они первыя проливаютъ нѣсколько свѣта на состояніе Азіи, совершенно измѣненное Монголами. Въ одно время съ Рубруквисомъ при Дворѣ Батыя находился Король Армянскій, Гаито I: по возвращеніи оттуда, онъ разсказалъ своимъ дѣтямъ и внукамъ все, что привелось ему видѣть и испытать тамъ. Внукъ его, Гаито, отказавшійся отъ престола и бывшій монахомъ, въ своей Восточной исторіи сообщилъ на память этѣ извѣстія, но они не довольно важны и слишкомъ мало помогаютъ распространенію знаній о земляхъ и народахъ, а по тому и не могутъ имѣть сдѣсь мѣсто. Замѣтимъ только, что и они больше всего выставляютъ на видъ величину, богатство и многолюдность Катайской земли (Китая), которую не совсѣмъ еще успѣли завоевать Монголы; гордость и высокое понятіе Катайцевъ о своемъ умственномъ превосходствѣ они описываютъ собственнымъ иносказательнымъ образомъ выраженія этого народа, что только «Катайцы смотрятъ обоими глазами, что Франки по необходимости одарены однимъ, а остальные народы поражены слѣпотою». Надобно очень жалѣть, что ни одинъ Европейскій путешественникъ не описываетъ состоянія Азіи непосредственно передъ Монгольскими завоевательными походами и не показываетъ царствъ и народныхъ племенъ, которыя были поглощены ими въ такое короткое время. Хотя имѣемъ еще описаніе путешествія одного Испанскаго Жида, Веніямина изъ Туделы, который за 100 лѣтъ до Рубруквиса объѣзжалъ Европу и посѣщалъ синагоги, и много также разсказываетъ объ Африканскихъ и Азіятскихъ странахъ, но ихъ навѣрно онъ не видалъ, что достаточно доказываютъ нелѣпыя лжи, навранныя ему о Государствахъ Востока и выдаваемыя имъ за истину, и разныя грубыя географическія ошибки, въ которыхъ вездѣ можно уличать его. Слѣдовательно, его плохое произведеніе, кромѣ того еще сдѣлавшееся неразрѣшимымъ хаосомъ безчисленныхъ ошибокъ и перевранныхъ названій, ни коимъ образомъ не можетъ доставить тѣ объясненія, какихъ бы желали.

ДЖІОВАННИ ДИ МОНТЕ КОРВИНО И ОДЕРИКО ДИ ПОРДЕНОНЕ.*

Ласковость, какую оказывалъ Великій Ханъ являвшимся при Дворѣ его Европейцамъ, не только заставляла многихъ купцовъ пренебрегать опасностями дальняго пути, которыя награждались богатою прибылью, но и всегда снова оживляла въ усердныхъ проповѣдникахъ Вѣры надежду доставить наконецъ Христіянству доступъ въ Монгольское царство: это и въ самомъ дѣлѣ удалось имъ, хотя и на короткое время. Послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ, Папа Николай IV въ 1288 году отправилъ посломъ въ Китай Францисканскаго монаха, Джіованни ди Монте Кор-

* «Джіованни ди Монте Корвино, Францисканскій монахъ изъ Калабріи, въ 1288 г. былъ посланъ Папою Николаемъ IV въ качествѣ посла къ Аргуну, Монгольскому Хану въ Персіи, и къ Хакану Кубилаю, и умеръ около 1330 года въ Канъ-Баликѣ или Камбалу, столицѣ Татаръ, теперешнемъ Пекинѣ, въ санѣ Архіепископа миссій въ этомъ городѣ. О путешествіи въ Татарію есть два его письма, 1305 и 1306 годовъ, напечатанныя въ слѣдующихъ сочиненіяхъ: Wadding, Annales Minorum. Romae 1832, fol. Vol. VI, p. 69 sq.— Mosheimii Historia Tartarorum Ecclesiastica, App. XLIV и XLV, p. 114—120.— Marsden, The Travels of Marco Polo, a Venetian, in the thirteenth century. London, 1818, 4⁰, p. 243—245.

Объ этомъ Джіованни смот. также: Nouveaux mélanges asiatiques, par Mr. Abel Remusat, Vol. II, p. 193—198.

Одерико Mattheussi, Францисканскій монахъ, родился около 1285 года, въ Порденоне, въ Фріулѣ, по чему обыкновенно называется Одерико Фріульскій, Одерикъ de Foro Julii, а также Одерикъ Портенау. Въ 1317 году онъ предпринялъ путешествіе, черезъ Татарію на Трапезундъ, въ Индію и возвратился черезъ Тибетъ въ Европу. Въ 1330 году онъ продиктовалъ свои путешествія одному монаху въ Падуѣ, Guilielmo di Sologna, на Итальянскомъ языкѣ, и потомъ отправился въ Удино, гдѣ и умеръ въ 1331 году.

Списки съ разсказа Одерико, подъ названіемъ: «De Mirabilibus mundi», съ Латинскаго перевода монаха Генриха Глатца (изъ Кладска, въ Силезіи) находятся въ Удино, въ Королевской Парижской Библіотекѣ подъ NN 2584 и 3195; въ Кембриджѣ въ Коллегіи Тѣла Христова, подъ N 407 и въ Соборной Библіотекѣ въ Майнцѣ, подъ N 52. Французскій переводъ Іоанна де Лонга изъ Иперна находится въ рукописи въ Королевской Париж. Библіотекѣ подъ N 7500 C. и N 8392, на пергаментѣ и со многими миніатюрами въ Городской Библіотекѣ Берна и въ Коттоніянской Библіотекѣ въ Кембриджѣ.

вино. Папа послалъ съ нимъ собственноручное письмо къ Великому Хану, въ которомъ настоятельно приглашалъ его принять Христіанскую Вѣру. Хотя Ханъ въ то время ни сколько и не думалъ слушаться этого приглашенія, однако жь не мѣшалъ стараніямъ монаха и даже позволилъ ему построить церковь въ Ханскомъ пребываніи, Канъ-Баликѣ (Пекинѣ), и составить общину изъ новообращенныхъ. Жіованни ди Монте Корвино перевелъ на Монгольскій языкъ Псалмы и Новый Завѣтъ, обратилъ въ Христіанство многихъ Князей и заявилъ въ своихъ стараніяхъ такое постоянное усердіе къ чести Церкви, что Папа Климентъ V учредилъ для него, въ 1314 году, Камбалицкую Епархію и, возложилъ на него завѣдываніе всѣми дѣлами Церкви въ Восточной Азіи. Этѣ дѣла, однако жь, никогда не были очень значительны, и по смерти перваго Архіепископа (въ 1330 г.) церковь въ Камбаликѣ, по недостатку пособій, пришла въ совершенное забвеніе. Сверхъ того междоусобія и возмущенія, вспыхнувшія около этого времени въ восточной Монгольской землѣ, сдѣлали пребываніе тамъ небезопаснымъ для иноземца, и усердіе къ обращенію Монголовъ вскорѣ охладѣло, по причинѣ малоуспѣшности неоднократныхъ стараній. Послѣдній проповѣдникъ Вѣры, котораго находимъ въ Азіи въ XIV вѣкѣ, былъ Одерико ди Порденоне или Портенау: онъ видѣлъ еще Архіепископа Джіованни ди Монте Корвино при

Путешествіе Одерико напечатано: Въ Actis Bollandi и Annalibus Виддинга; по Латини и по Англійски у Гаклюйта Т. II, р. 39—67; на Итальянскомъ языкѣ у Рамузіо въ прибавленіяхъ Томмасо Джюнти Vol. II, fol. 237—248, и въ Elogio storico alle gesta del Beato * Oderico dell' Ordine de' Minori conventuali, con la storia da lui dettata de' suoi viaggi asiatici, illustrata da un religioso dell'ordine stesso, e presentata agli amatori della antichità (Dal Fr. Giuseppe Venni). Venezia 1761, 4°. На Французскомъ въ L'hystore merveilleuse plaisante et recteative du grand Empereur de Tartarie, etc. Paris 1520, fol. На Англійскомъ въ Discoveries and Travels in Asia, Муррея. Vol. I, р. 183—192.

Шпренгель, въ своей Geschichte der geographischen Entdeckunden, стр. 348—349, сличаетъ названія различныхъ мѣстъ, встрѣчающіяся въ путешествіи Одерико.

Слич. также статью: Oderic, написанную Ренодьеромъ въ Biographie Universelle, Micheau. T. XXXI, р. 799—500».

* Папскимъ декретомъ 2-го Іюля, 1755 г., Одерико причтенъ къ лику Святыхъ.

отправленіи его должности, и покинулъ Камбаликъ не задолго до его кончины.

Одерико, родившійся около 1286 года въ Порденоне (Портенау), во Фріулѣ, по окончаніи ученія, поступилъ въ Францисканскій монастырь въ Удино и, подобно многимъ собратіямъ своего Ордена, увлекся господствовавшимъ тогда усердіемъ къ дѣлу обращенія въ Христіянскую Вѣру язычниковъ. Въ 1318 году онъ сѣлъ въ одной Итальянской пристани на корабль и черезъ Константинополь отправился въ Требизондъ, гдѣ собиралось въ большемъ числѣ общество путешественниковъ, чтобы, черезъ Арменію и Персію, доѣхать безопаснѣе до Ормуса, откуда обыкновенно отъѣзжали корабли, плывшіе въ Индію. Близъ Требизонда удивило его очень чудное явленіе. На дорогѣ онъ увидалъ странника съ стадомъ больше чѣмъ изъ 4-хъ тысячъ рябчиковъ, которые летали у него надъ головою и были такіе ручные, что во время его отдыха садились кругомъ его, а когда онъ вставалъ, провожали его дальше. Такъ довелъ онъ ихъ до Царскаго Дворца въ Требизондѣ, и когда тамъ выбрали изъ этѣхъ птицъ, сколько было надобно для Двора, онъ опять воротился домой. Городъ Азаронъ (Эрзерумъ), когда-то славный и богатый, Одерико нашелъ большею частію разоренным Татарами, однако жь съѣстныхъ припасовъ было тамъ вдоволь; охотно бы взошелъ онъ на гору Араратъ, чтобы посмотрѣть на Ноевъ ковчегъ, который, какъ всѣ увѣряютъ, лежитъ на ней, но товарищи его, поблагоразумнѣе другихъ, удержали его отъ этого намѣренія, увѣривши, что еще никому изъ людей не удалось увидать этого святаго мѣста. Въ Таврисѣ (Тебрисѣ) дивился онъ богатствамъ, стекавшимся туда со всего свѣта, и слышалъ отъ тамошнихъ Христіянъ, что Персидскій Царь съ одного этого города получаетъ больше податей, нежели Французскій Король со всей своей земли: еще не обложена пошлиной соль, которой очень много доставляла ближняя гора, и всякой могъ брать оттуда столько соли, сколько ему было надобно. Одерико думаетъ, что проходилъ мимо Вавилонскаго столба, но, къ сожалѣнію, не сообщаетъ намъ подробнѣйшаго описанія его, а передаетъ только нѣсколько извѣстій о Халдеяхъ, какъ называетъ онъ жителей этой страны. Этѣ люди, по его словамъ, говорятъ особеннымъ языкомъ; мущины кра-

сивы, но женщины безобразны; мущины прилагаютъ много стараній о своей одеждѣ и объ убранствѣ своихъ, гладко припомаженныхъ, волосъ, которые перевиваютъ златотканымъ сукномъ, съ драгоцѣнными каменьями и жемчугомъ, а женщины ходятъ съ распущенными волосами, босикомъ и въ плохихъ рубашкахъ, достающихъ только до колѣнъ, съ висящими до земли рукавами.

Въ Ормусѣ, къ крайнему своему удивленію, Одерико видѣлъ родъ кораблей, называемыхъ ясе, которыхъ доски сшиты не гвоздями, а толстыти нитками; онъ сѣлъ на такое судно и. послѣ 28 дневнаго плаванія, счастливо добрался до Таны (Тинны) въ Индіи, города богатаго съ хорошимъ мѣстоположеніемъ, изобильно снабженнаго разными съѣстными припасами; но его жители преданы постыдному идолопоклонству и обожали змѣй, деревья и огонь. Незадолго до того были сдѣсь казнены четверо Францисканскихъ монаховъ, неблагоразумно обругавшіе Магомета; Одерико досталъ кости этѣхъ мучениковъ: въ жестокую бурю, грозившую опрокинуть судно на пути въ Минибаръ (Малабаръ), онъ спасъ жизнь всему обществу путешественниковъ, укротивъ море кусочкомъ этѣхъ костей, брошенныхъ въ волны. Черезъ Минибаръ, замѣчаетъ онъ, тянется лѣсъ въ 18-ть дней пути, и въ немъ растетъ очень много перца. Кустъ, доставляющій эту пряность, садятъ по близости толстыхъ деревьевъ, по которымъ всползаетъ онъ вверхъ и приноситъ плодъ, похожій на грозды винограда; созрѣвшій, онъ бываетъ зеленаго цвѣта; сѣмена его сушатъ на солнцѣ и сохраняютъ въ глиняныхъ горшкахъ. Лѣсъ пересѣкается многими рѣками, въ которыхъ водится множество крокодиловъ и змѣй, и чтобы безопасно для жизни начать собираніе перца, надобно сперва прогонять и истреблять ихъ большими огнями зажженой соломы. Природные жители этой земли обожаютъ вола, на которомъ шесть лѣтъ работаютъ, а на седьмой даютъ ему отдыхать и ставятъ на святое, общественное мѣсто. Калъ и мочу этого вола они подхватываютъ серебряными и золотыми блюдами: мочею моютъ себѣ лицо, глаза и уши, а каломъ мажутъ щеки и грудь и думаютъ, что такъ освятили себя на весь день. Они также чтутъ идола, который сверху человѣкъ, а снизу волъ, и даетъ отвѣты на ихъ вопросы. По временемъ онъ требуетъ крови 40 дѣвушекъ и юношей, и тогда этѣ глупцы охотно приносятъ ему въ жертву сыновей и дочерей.

Въ 10-ти дняхъ разстоянія оттуда лежитъ земля Мобаръ (Бейяпуръ), гдѣ находятъ чудное изваяніе бога, такой же величины, какъ и Св. Христофоръ, чтимое всѣми Жидами. Все оно состоитъ изъ самаго чистаго и блестящаго золота и имѣетъ на шеѣ снурокъ съ драгоцѣнными каменьями, изъ которыхъ одинъ стоитъ больше всего Королества. Храмъ этого идола чрезвычайно великолѣпенъ, и съ крыши до полу сплошь обитъ золотыми листами. Индусы ходятъ сюда на поклоненіе, какъ Христіяне въ Римъ: одни съ веревкою на шеѣ, другіе съ связанными назади руками, нѣкоторые даже съ ножомъ, воткнутымъ въ руку, или ногу. Когда, послѣ странствованія, рука, или нога, загніется отъ раны, они думаютъ, что принесли Богу очень угодную жертву. Возлѣ храма прудъ, въ который богомольцы бросаютъ золото, серебро и драгоцѣнные камни въ честь идола и на содержаніе его дома; а когда надобно бываетъ починить что ни будь, или прикупить новое украшеніе, жрецы идутъ къ пруду и выуживаютъ, сколько нужно, изъ находящихся тамъ сокровищъ. Одинъ разъ въ годъ, въ большой праздникъ идола, Царь и Царица являются сюда со всѣмъ народомъ и всѣми богомольцами, берутъ идола изъ храма и везутъ его на драгоцѣнной колесницѣ, передъ которою идетъ попарно множество дѣвушекъ (баядерки), съ пѣснями и музыкой. По дорогѣ ежеминутно бросаются богомольцы подъ колеса этой колесницы и даютъ раздавить себя, думая, что получатъ за то милость отъ Бога. Такъ ежегодно умираетъ до 500 человѣкъ. Трупы ихъ сожигаютъ, а пепелъ хранятъ, точно святыя мощи. Благодаря не менѣе гнусному обычаю, кто ни будь вызывается иногда принести себя въ жертву богу: тогда собираются друзья его и родные и дѣлаютъ веселый пиръ; послѣ того вѣшаютъ добровольно покидающему жизнь пять острыхъ ножей и ведутъ его въ храмъ. Пришедши туда, онъ беретъ одинъ за другимъ всѣ ножи, отрѣзываетъ себѣ каждымъ ножомъ кусокъ мяса отъ тѣла и бросаетъ этотъ кусокъ въ лицо идолу, прокричавъ: «Для Бога я рѣжу себѣ тѣло»; послѣднимъ ножемъ онъ наноситъ себѣ смертельный ударъ, съ словами: «Умираю для моего бога». Трупъ потомъ сожигается, и всѣ считаютъ умершаго за святаго.

Изъ Мобара, послѣ 50-ти дневнаго плаванія, Одерико прибылъ на островъ Ламори (Суматру), гдѣ стояли несносные жары

и туземцы ходили нагіе; они смѣялись надъ монахомъ, потѣвшимъ въ своей рясѣ, и на его замѣчанія о приличіи возражали, что Богъ создалъ нагими Адама и Евву. Они также ѣли человѣческое мясо: купцы, посѣщавшіе эту страну, богатую пшеницей, скотомъ, золотомъ, серебромъ, алойнымъ и камфарнымъ деревомъ, за самый любимый мѣновой товаръ привозили откормленныхъ людей, которые тотчасъ же убивались, какъ свиньи, и пожирались. Изъ Ламори путешественникъ прибылъ на островъ Яву, который онъ считаетъ однимъ изъ величайщихъ острововъ въ свѣтѣ: по его описанію, онъ очень богатъ гвоздикою, кубебой, мускатнымъ орѣхомъ и другими пряностями, также и всякими съѣстными припасами. У Царя этой земли пышный дворецъ, на очень высокой мѣстности, къ которой ведутъ широкія лѣстницы съ золотыми и серебряными ступенями; полъ походитъ на шахматную доску и состоитъ изъ золотыхъ и серебряныхъ тесницъ; крыша золотая, внутреннія стѣны также обиты золотыми листами, на которыхъ изображены рыцари съ золотыми кольцами кругомъ головъ и блестящіе драгоцѣнными каменьями. Великій Ханъ Катая часто воевалъ съ этѣмъ Царемъ, но каждый разъ былъ разбитъ. Монахъ, вѣроятно, слышалъ о Кублаевомъ походѣ въ Японію, о которомъ говоритъ и Марко Поло, и смѣшалъ оба острова. Вообще его замѣчанія о Восточномъ архипелагѣ такъ неопредѣленны и неточны, что не всегда можно угадать, съ какою мѣстностью соединяетъ онъ свои извѣстія; впрочемъ, онъ знаетъ саговую пальму и приготовленіе саговой муки и упоминаетъ еще о другой замѣчательности растительнаго царства, которая, не смотря на невѣроятность ея описанія, по крайней мѣрѣ отчасти подходитъ къ дѣйствительности. Въ той странѣ, говоритъ онъ, можно видѣть исполинскій тростникъ длиною въ 60 шаговъ и похожій огромностью на дерево; другіе тростники, называемые кассанъ, стелются по землѣ, точно трава; изъ каждаго колѣнца у нихъ выростаютъ тонкія вѣтки, которыя часто вытягиваются на милю длины. Въ такихъ тростяхъ находятъ чудные камни, имѣющіе силу закалять человѣка, носящаго ихъ при себѣ, отъ всякаго желѣзнаго оружія. Для того тамошніе жители дѣлаютъ своимъ дѣтямъ на рукѣ разрѣзъ, вкладываютъ въ него камень и заживляютъ рану пепломъ какой-то неизвѣстной рыбы. Благодаря тому, они долго выигрывали всѣ сраженія съ непріятелями,

до тѣхъ поръ, пока этѣ не открыли причину ихъ неуязвимости, напали на нихъ съ деревянными дубинами и одержали побѣду. Натуралистамъ не безъизвѣстно, что въ колѣнцахъ тростника часто попадается кремень; а какъ невѣжество съ священнымъ ужасомъ смотрѣло на всякое необыкновенное явленіе и соединяло его съ сверхъестественными силами, то легко объяснить суевѣріе жителей Восточнаго архипелага, о которомъ упоминалъ Марко Поло и другіе путешественники.

Въ этѣхъ странахъ, продолжаетъ Одерико, особливо на берегу Кампа (Теямпа), такое удивительное множество рыбы, что часто на дальнемъ разстояніи въ морѣ не видно больше ничего, кромѣ рыбьихъ хребтовъ. Одинъ разъ въ годъ этѣ рыбы кидаются на берегъ и остаются на немъ по три дня, пока прибрежные жители не запасутся рыбою, сколько нужно для нихъ. На вопросъ: какъ же это можетъ случиться? туземцы отвѣчали, что рыбы являлись по природному побужденію принести свое почтеніе Императору. Всѣ считаютъ за вѣрное, что Восточный архипелагъ самый изобильный рыбою въ цѣломъ свѣтѣ; но новѣйшіе путешественники утверждаютъ также, что жители Явы знаютъ искуство выманивать рыбу на берегъ какими-то извѣстными имъ звуками.

Изъ Кампы отплылъ Одерико въ Манци (Южный Китай), большую землю, въ которой, по единогласному увѣренію туземцевъ и живущихъ тамъ иностранцевъ, находилось больше 2000 великихъ городовъ, изобильно снабженныхъ всѣмъ необходимымъ для жизни. Всѣ люди, говоритъ путешественникъ, сдѣсь художники и купцы, и никто, не смотря ни на какую бѣдность, не проситъ милостыни, пока можетъ владѣть руками для какой ни будь работы. Мужчины, которые брѣютъ себѣ волосы на головѣ и бородѣ, красивы, но блѣдны, а женщины — красавицы, какихъ только можно видѣть на свѣтѣ; главная красота ихъ состоитъ въ маленькихъ и худыхъ ногахъ, для чего матери зашнуровываютъ ноги у дѣвушекъ тотчасъ послѣ ихъ рожденія, чтобы помѣшать ихъ развитію; мущины отращиваютъ такіе длинные ногти, что могутъ отгибать ихъ за руку и не мало хвастаютъ этою мнимою красотою. Въ Кайтонѣ (Цайтунѣ) Одерико нашелъ два монастыря своего Ордена и передалъ туда кости мучениковъ, которыя

носилъ до сихъ поръ съ собою. Въ этомъ большомъ городѣ также много было языческихъ монастырей: Одерико посѣтилъ одинъ изъ нихъ, гдѣ жило до 3 тысячъ жрецовъ и стояло до 11-ти тысячъ идоловъ, изъ которыхъ самый меньшій показался ему больше Св. Христофора. Онъ присутствовалъ и при обѣдѣ этѣхъ идоловъ и видѣлъ, какъ ставили передъ ними блюда съ поднимавшимся отъ нихъ паромъ для насыщенія боговъ ихъ запахомъ, какъ жрецы потомъ опорожнили блюда и такимъ образомъ раздѣлили обѣдъ съ богами. Въ другомъ городѣ на большой рѣкѣ онъ наблюдалъ новый способъ ловить рыбу, употребительный въ Манци и мало извѣстный въ другихъ стронахъ. Хозяинъ Одерика, желавшій сколько ни будь помочь его развлеченію, взялъ его съ собою на мостъ и спустилъ тутъ въ воду множество нырковыхъ утокъ, привязанныхъ къ шесту, но сначала завязалъ имъ тесемкою шеи, чтобы онѣ не глотали добычи. Птицы были такъ превосходно обучены, что въ одинъ часъ наполнили рыбой три плетюшки.

Одерико жилъ въ Камбаликѣ (Пекинѣ) три года и имѣлъ часто случай удивляться могуществу и богатству Великаго Хана, однако жь его замѣчанія о городѣ и пышномъ Царскомъ Дворцѣ такъ совершенно согласны съ гораздо болѣе подробнымъ и славнымъ описаніемъ Марка Поло, что почти можно считать ихъ сухимъ извлеченіемъ изъ него. Онъ часто бывалъ и на пирахъ во Дворцѣ, по тому что въ такихъ случаяхъ Христіянскіе Священники, какъ и языческіе жрецы, одинаково были обязаны молиться за Великаго Хана по обрядамъ своей вѣры и благословлять его. Благочестивый монахъ нерѣдко также выгонялъ дѣйствіемъ св. воды демоновъ изъ тѣхъ идоловъ, въ которыхъ они выбрали себѣ жилище; посѣщалъ очарованную, наполненную покойниками, долину, гдѣ многочисленныя лютни играли трогательные напѣвы, безъ прикосновенія руки человѣка; бывалъ свидѣтелемъ и множества другихъ чудесъ, о которыхъ мы умалчиваемъ, по тому что, по собственному его замѣчанію, имъ никто не повѣритъ, не видавъ ихъ собственными глазами, хотя Одерико и не разъ божится, что разсказываетъ сущую правду. Для возвращенія на родину Одерико выбралъ путь сушею, и сперва прибылъ въ землю Попа Ивана, котораго столицу онъ называлъ Козанъ; но ее нелегко

можно опредѣлить, по тому что онъ не сообщаетъ о ней ни какихъ подробнѣйшихъ извѣстій; потомъ проходилъ онъ черезъ большое и плодоносное Царство Казанъ (Кашгаръ), гдѣ ревень былъ въ такомъ изобиліи и такъ дешевъ, что за шесть грошей можно было купить цѣлый грузъ его. Изъ Казана онъ прибылъ въ Тибекъ (Тибетъ), страну, изобильно снабженную всѣмъ необходимымъ для жизни; обитатели ея обыкновенно живутъ въ палаткахъ изъ чернаго войлока. Въ красивой, обнесенной стѣнами, столицѣ живетъ Абасси (Далай-Лама), который царствуетъ надо всѣми идолопоклонниками, какъ Папа надъ Христіянами. Сдѣшнія женщины носятъ болѣе сотни косичекъ, а во рту у нихъ по два клыка, какъ у кабановъ. Когда умираетъ отецъ семейства, сынъ созываетъ всѣхъ жрецовъ и кудесниковъ и заставляетъ ихъ нести покойника, въ сопровожденіи всей родни и друзей, въ назначенное для того мѣсто: тамъ, съ великомъ торжествомъ, отрѣзываютъ покойнику голову и отдаютъ ее сыну, а прочее тѣло рѣжутъ на куски, которые тотчасъ же утаскиваютъ и пожираютъ ястребы, водящіеся сдѣсь во множествѣ. Голову сынъ уноситъ домой, варитъ и съѣдаетъ, а изъ черепа дѣлаетъ чашу, изъ которой, въ торжественныхъ случаяхъ, пьетъ все семейство, въ честь умершаго отца.

Тибетомъ оканчиваетъ Одерико описаніе своего путешествія: не знаемъ, какою дорогою онъ возвращался въ Испанію, гдѣ уже въ 1330 году встрѣчаемъ его въ новыхъ сборахъ во вторичное путешествіе въ Азію. Однако жь ссоры у Папы Іоанна XXII съ Антипапою Николаемъ V, также и трудная болѣзнь помѣшали ему исполнить свое намѣреніе и остановили его въ Падуѣ; тутъ, по приказанію своихъ властей, онъ и продиктовалъ свое путешествіе собрату по Ордену, Вильгельму Солопьскому. Вскорѣ потомъ онъ возвратился въ свой монастырь, въ Удино, и умеръ тамъ 14 Генваря, 1331 года, съ извѣстностію Святаго.

ДЖОНЪ МАНДЕВИЛЛЬ. *

Въ одно время съ монахомъ Одерикомъ странствовалъ въ Азіи Англійскій рыцарь, Джонъ Мандевилль: онъ, кажется, посѣщалъ тѣ же самыя земли, путешествовалъ по тѣмъ же дорогамъ

* «Іоаннъ де Мандевилль принадлежалъ къ одной старинной знатной семьѣ въ Англіи. Онъ родился въ Сентъ-Альбансѣ и изучалъ Математику, Медицину, Богословіе и написалъ сочиненія по всѣмъ этѣмъ наукамъ. Впрочемъ предпріимчивый духъ побуждалъ его искать знаній и занятій вдали, и такимъ образомъ въ 1322 году онъ отправился въ путешествіе, черезъ Францію, въ Обѣтованную Землю, служилъ много лѣтъ у Египетскаго Султана и Великаго Китайскаго Хана, и, исходивши въ 33 года всю Азію, воротился въ Европу и умеръ, въ 1371 г., въ Литтихѣ, гдѣ видѣнъ еще его памятникъ. Въ 1356 году, какъ онъ самъ говоритъ, на 34 году послѣ своего отъѣзда, онъ написалъ разсказъ о своемъ путешествіи, вѣроятно, на Французскомъ языкѣ, но вскорѣ потомъ самъ же перевелъ его по Латини и, по собственному признанію, заимствовалъ для него многое изъ любимыхъ тогдашнихъ хроникъ, путевыхъ приключеній и рыцарскихъ романовъ. Въ Англіи есть много списковъ Англійскаго разсказа объ этомъ путешествіи, подлинникъ котораго посвященъ Королю Эдуарду III-му; сочинитель его долженъ быть также Мандевилль.

Его произведеніе принадлежитъ сюда особливо по подробнымъ его извѣстіямъ о Татарахъ и земляхъ, которыми они владѣли (Кюльбъ выпустилъ этѣ извѣстія, потому что все, относящееся къ Татарамъ, помѣщено у него въ жизнеописаніяхъ Карпини и Рубруквиса).

Кромѣ упомянутыхъ Англійскихъ рукописей, есть еще очень древняя на Французскомъ языкѣ, въ городской Библіотекѣ въ Бернѣ, и другая, очень красивая, въ Королевской Парижской Библіотекѣ, на пергаментѣ и со многими миніатюрами. Различныя изданія этого путешествія слѣдующія. Англійскія: A lytele Treatise or Booke, named Johan Mandeuyll, Knyht, born in Englande, in the towne of Saint Albone, and speaketh of the ways of the Huoly Lande toward Jherusalem, and of Marnyles of Inde, and of other dyverse countries. London 1499, 8°, 1503, 8°, 1568, 4°, 167 , 4°, 1696, 4°, 1722, 4°, и наконецъ самое полное изданіе подъ заглавіемъ: The vojage and travaile of Jde Mandeville, which treateth of the way of Hierusalem and of marvayles of Inde, with other islands and countryes. London, 1727, 8°.

Съ этого послѣдняго изданія также въ Discoveries and Travels in Asia Vol. I, p. 193 — 197.

и входилъ въ сношенія съ тѣми же самыми людьми, по тому что его извѣстія во многихъ мѣстахъ почти слово въ слово согласны съ извѣстіями Одерика. Но его особенность составляютъ разсказы о повсемѣстныхъ чудесныхъ приключеніяхъ, которые онъ вставилъ въ свои путевыя замѣтки, чтобы, по его собственному

Латинскія: Dom. Joh. de Monte villa equitis itinerarius a terra Angliae in partes Iherosolimitanas et in ulteris res transmarinas... translatus in hanc formam latinam. s. l. et a. Напечатано при первомъ изданіи Марка Поло, въ Римѣ, или Венеціи, 1484 до 1430. Въ Pilgrimes Перчаса, въ Латинскомъ извлеченіи.

Французскія. «Ce livre est appelé Mandeville, chevalier natif d'Angléterre de la ville de St. Albain, et parle de la terre de promission, c'est à dire de Jerusalem etc. Lyon, 1480. fol. m. Тамъ же 1487. 4°. — Maitre Jehan de Mandeville, lequel parle des grandes aventures des pays étranges où il s'est trouvé ensemble la terre de promission et du saint voyage de Hierusalem. Paris. S. 1, 4°. Тамъ же 1517-го и 1542 г.

Столь любимой книгѣ слѣдовало быть очень рано переведенной на другіе языки. Изъ этѣхъ древнѣйшихъ переводовъ мы знаемъ слѣдующее:

Итальянскіе: Tractato delle più maravigliose cosse et più notabili, che si trovano in le parte del mondo vedute.... del cavalier J. da Mandavilla. Milano, 4°, Firenze, 1424, Venetia 1515, 4°. Тамъ же 1534, 8°, 1587, 8°, 1564, 8°, 1567, 8°.

Нѣмецкіе: Das buch des Ritters von Montevilla, Augspurg. 1481, in fol. съ картинками. Тамъ же 1482, in fol. съ картинками: этотъ переводъ Михельфельзера. Johannes von Montevilla, Ritter. Strassburg, 1484, съ картинками. Перев. Оттонъ фонъ Демерингенъ. Вновь напечатано тамъ же 1488, 4°; 1499, in fol. съ картинками; 1501, in. fol., съ картинк.; 1507, in fol Des Ritters Johannes von Montevilla Reyss und Wanderschaft durch das gelobte Landt, Indien und Persien. Francf 1580, 8°, 1600, 1608. Оно же въ Reisbuch des heiligen Landes et cet. Frankf. 1629, in fol. Th. I. Des Ritters Johannes von Montevilla curieuse Reissbeschreibung. 1690, 8.; 1692, 1696.

Испанскіе: Valencia, 1540, in fol.

Французскіе: Бержерона, съ Латинскаго извлеченія, находящагося у Перчаса, во 2-й части его сборника, подъ слѣдующимъ названіемъ: Recueil ou Abrégé des Voiages, et Observations du Sr. Jean de Mandeville, chevalier et Professeur en Médecine, faites dans l'Asie, l'Afrique etc. Commencées en l'an MCCCXXXII (это какъ мы выше видѣли, ложно, и должно означать 1322 годъ). Dans lesquelles sont compris grand nombre de choses inconnues. Par Monsieur John Bale».

выраженію, сдѣлать совершеннѣе свое произведеніе. Вмѣстѣ съ баснями старшаго Плинія по Естественной Исторіи, находятъ тамъ отрывки изъ исторіи о прекрасной Мелюзинѣ и другихъ рыцарскихъ книгъ Среднихъ Вѣковъ, сказанія изъ житій Святыхъ и фантастическія Арабскія сказки о великанахъ и дьяволахъ. Мандевилль вполнѣ достигъ своей цѣли приковать такимъ образомъ читателя: его путешествіе, съ большими, или меньшими, искаженіями и прибавками почти во всѣхъ Европейскихъ земляхъ сдѣлалось одною изъ самыхъ любимыхъ народныхъ книгъ; даже старинныя Нѣмецкія передѣлки его, Михельфельсера и Отто Демерингена, прожили длинный рядъ изданій до новѣйшаго времени.

Джонъ Мандевилль родился около 1300 года въ Сентъ-Альбансѣ, въ Гертфордскомъ Графствѣ, и происходилъ отъ одного благороднаго Англійскаго семейства. Надобно полагать, что его воспитаніе было очень заботливое, потому что онъ имѣлъ свѣдѣнія въ Медицинѣ, Математикѣ и Богословіи. Но его живой духъ, вѣроятно, не давалъ ему долго останавливаться на однихъ и тѣхъ же предметахъ, и страсть къ дальнимъ путешествіямъ и приключеніямъ скоро взяла верхъ надъ всѣми другими планами и разсчетами. Собравъ нужную сумму денегъ, въ 1337 году онъ покинулъ Англію, прошелъ Францію, и при первомъ случаѣ отплылъ въ Константинополь, а оттуда въ Святую Землю; но тамъ, вмѣсто того, чтобы воевать съ Невѣрными, онъ поступилъ на жалованье къ Египетскому Султану. Прослуживъ нѣсколько времени въ его войскахъ и прошедши Египетъ и Сирію, онъ взялъ отставку, странствовалъ по Персіи и въ Ормусѣ отплылъ въ Индію. Сдѣсь наблюдалъ онъ всѣ замѣчательности, которыя мы уже знаемъ изъ разсказовъ Одерика: перцовый лѣсъ, чудовищныхъ идоловъ и богомольцевъ, приносящихъ себя на жертву въ честь ихъ, но, кромѣ того, благодаря своимъ изслѣдованіямъ, нашелъ, что вся эта земля, во времена Карла Великаго, была завоевана Датскимъ рыцаремъ, Огеромъ, также и островъ Ява, гдѣ, на стѣнахъ Царскаго Дворца, Мандевилль думалъ видѣть изображенія подвиговъ этого рыцаря. Тутъ же пробовалъ онъ поднять одну изъ тѣхъ большихъ тростей, о которыхъ говоритъ Одерико, но съ 20-ью товарищами не въ состояніи былъ даже и подвинуть ее. Этѣ и многія другія вещи, попадавшіяся ему каждый день на остро-

вахъ Восточнаго архипелага, сдѣлали ему наконецъ до того непріятнымъ пребываніе на островѣ, что онъ отплылъ на твердую землю и, послѣ многодневнаго плаванія, достигъ Манхуса (Манци). Вознамѣрившись итти ко Дворцу Великаго Хана и предложить ему свои услуги, онъ безостановочно продолжалъ путь въ Китай черезъ землю Пигмеевъ, красивыхъ и пріятныхъ людей, только не выше трехъ пяденей ростомъ. Рѣдко кто ни будь изъ нихъ достигалъ 8-ми лѣтняго возраста, за то они мужали спустя полгода послѣ рожденія, обнаруживали не мало разсудка и большое искуство въ выдѣлкѣ шелковыхъ и хлопчато-бумажныхъ тканей. Ни что не показалось Мандевилю такъ страннымъ, какъ то, что дѣти поселившихся здѣсь иноземцевъ являлись на свѣтъ Пигмеями, хотя отцы ихъ и были большаго роста.

Великолѣпіе и пребываніе Двора въ Камбалу Мандевилль описываетъ по Вильгельму Рубруквису и Одерику ди Порденоне, но гдѣ только приведется ему, вмѣшиваетъ въ свои извѣстія врядъ ли понятныя нелѣпости. Такъ въ спальнѣ Великаго Хана онъ видѣлъ будьто бы на золотомъ столбѣ камень карбункулъ, величиною въ пять футовъ, который ночью служилъ вмѣсто свѣчи и освѣщалъ все пространство. Не менѣе важно онъ разсказываетъ, что въ лежащей къ востоку отъ Катая землѣ, Кадилья, есть плодъ съ большую тыкву въ объемѣ, а въ немъ растетъ похожее на ягненка животное, съ плотью и кровью, только безъ шерсти, и ѣдятъ его вмѣстѣ съ плодомъ. Мы оставляемъ въ покоѣ тамошнія виноградныя ягоды такой величины, что одну изъ нихъ едва можетъ стащить силачъ; морскія раковины, въ которыхъ удобно живетъ много людей и другія подобныя диковинки, и лучше послѣдуемъ за нашимъ рыцаремъ въ обратный путь, въ которомъ также нѣтъ недостатка въ странныхъ приключеніяхъ. Послѣ 15-тидневнаго пребыванія при Дворѣ, онъ покинулъ Камбалу, чтобы воротиться въ Европу сухимъ путемъ черезъ Среднюю Азію. Онъ пришелъ сперва въ богатую и обширную землю Пентоксирію, въ которой царствовалъ Царь, носившій имя Попа Ивана. Прежніе путешественники, какъ мы видѣли, по слухамъ разсказывали много путаницы объ этомъ Государѣ, а Мандевилль видѣлъ его лицомъ къ лицу, на великолѣпномъ престолѣ, окруженнаго 12-ю Архіепископами и 220-ю Епископами. Пышность, какую

нашелъ онъ при Дворѣ Великаго Хана, едва заслуживаетъ, чтобы говорить о ней, въ сравненіи съ блескомъ и безчисленными богатствами Попа Ивана. Престолъ и почти всѣ утвари въ его Дворцѣ были изъ драгоцѣнныхъ камней и слоновой кости; на главной башнѣ, украшавшей огромное зданіе, лежали два шара изъ самаго чистаго золота, а въ нихъ два толстые карбункула, освѣщавшіе всю страну въ ночное время. Въ этомъ государствѣ Мандевилль входилъ въ песчаное море, котораго волны поднимались и упадали, точно волны океана; въ море впадала песчаная рѣка, и хоть нигдѣ нельзя было замѣтить ни капли воды, однако жь ни въ морѣ, ни въ рѣкѣ не было недостатка въ очень вкусной рыбѣ. Сдѣсь слышалъ онъ объ островахъ, населенныхъ мужчинами въ 20 футовъ вышины и злыми женщинами, убивавшими однимъ своимъ взглядомъ; однако жь не чувствовалъ ни малѣйшей охоты посѣтить такія опасныя мѣста и отправился, черезъ Персію и Сирію, къ Средиземному морю, сѣлъ на корабль и, послѣ благополучнаго плаванія, въ 1355 году, прибылъ къ берегамъ Франціи. Опасная болѣзнь подолѣе удержала его въ Литтихѣ; выздоровѣвъ, онъ воротился въ отечество и написалъ свое путешествіе, посвященное имъ Эдуарду III. Съ тѣхъ поръ онъ рѣшился жить въ покоѣ и утѣшать себя воспоминаніемъ о своихъ приключеніяхъ; но врожденное безпокойство вскорѣ опять выгнало его изъ отечества во Францію и Нидерланды, гдѣ онъ и умеръ въ Литтихѣ, 17-го Ноября, 1372 года. Мандевилль—настоящая личность XIV-го вѣка, когда съ ненасытною жадностью бросались на чудесное и даже вѣрили въ невозможное; онъ отвѣчалъ этой склонности читающаго міра въ своей книгѣ, и за то нашелъ въ народѣ такія общія похвалы и получилъ такую извѣстность, что по тому самому и нельзя умолчать о немъ. Впрочемъ, кто осмѣлится сомнѣваться въ истинѣ содержанія его книги, пусть замѣтитъ себѣ поговорку Мандевилля: «Кто ни чему не вѣритъ, тотъ ни чего и не знаетъ, и не можетъ ни чему научиться».

V

СМѢСЬ

Слово

на обрѣтеніе чтныхъ и многоцѣлебныхъ мощей преподобнаго и бгоноснаго оца нашего Кѵрілла игумена, новоезерскаго чудотворца.

Мнози ѿ человѣкъ овіи убо богатства и имѣнія хвалятъ, и удивляются о нихъ: иніи же блажатъ славу и силу: друзіи же пищу, иніи же сладость. отъ сихъ же ніедино есть блженно ни достойно похваленію, или славѣ и удивленію: понеже убо не имать присное пребытіе, но с симъ вѣкомъ и привременнымъ житіемъ купно разрушается и погибаетъ. многимъ же человѣкомъ ни здѣ послужи, ниже пребысть с ними богатство и слава, ни сладость ни пища: но яко явися, подобно яко сніе мимо иде, и остави содержащихъ е. и абіе бысть красный и славный унылъ, и богатый нищъ, и блгія дни имѣвый пріиде в напасти. едина же добродѣтель безсмертна есть и вѣчна вещь и блженна, и та убо есть едина достойна ублаженію и удивленію: понеже во содержащихъ ю, блженныхъ и достойныхъ похваленію показуетъ. воспомянемъ, братіе, колицы силніи и богатіи пищинницы отъ вѣка быша, и ні единаго ихъ память с похваленіе бысть. добродѣтелныхъ же и стыхъ неугасима есть похвала, и безсмертна, и вѣчно ублаженіе: и похваляющіи сихъ веселятся и играютъ дховно и радуются. похваляему бо рече праведному, возве-

селятся людіе: безсмертіе бо есть ему и благопохваленіе о причащеніи слова оныхъ. и се явѣ есть ѿ нихъ же дѣлаемъ, днесь празднующе краснаго и пресвѣтлаго праздника, прпбнаго и бгоноснаго оца нашего кѵрілла, игумена бѣлаго новоезерскаго чудотворца, чтныхъ и многоцѣлебныхъ мощей его обрѣтеніе или пренесеніе.

Веселимся убо воистину, и радуемся, и просвѣщаемся, ублажающе сего и прославляюще пѣсньми и похвалами, и пѣніи духовными, и непрестанно моляще всещедраго въ трцѣ стѣй славимаго великаго гда бга и спса нашего інса хрта, и пречтую его бгомтрь, и прпбнаго чудотворца кѵрілла. того новоезерскаго мнтра игуменъ и братія въ постѣ и млтвѣ и к колѣнопреклоненіи со слезами, с велією любовію и радѣніемъ, и совѣтомъ многихъ хртолюбивыхъ людей вкладчиковъ того мнтра, црткующаго великаго града москвы и иныхъ градовъ, и с желаніемъ помышляху, како бы мощно создати цркову каменную, на новомъ езерѣ на красномъ островѣ, в честь и славу стаго живоноснаго и тридневнаго воскрнія гда бга и спса нашего інса хрта, и к похвалу прпбному оцу кѵріллу: дабы и изволилъ гдь бгъ, млтвъ ради пречтыя бцы и прпбнаго чудотворца, обрѣсти честныя и многочудесныя цѣлеботочащія стыя его мощи ѿ воку зеленую, на осщеніе и благословеніе и исцѣленіе ѿ различныхъ болѣзней, с вѣрою приходящихъ множества народа хртіанскаго. и не возмогоша ничто же сотворити, но токмо мало каменія и плинѳовъ и иныхъ припасовъ приготовиша к зданію цркоеному. яко же рече двдъ: аще не гдь созиждетъ домъ, всуе трудишася зиждущіи: понеже не у приспѣ время сему бытн, яко рече соломонъ: всякой вещи время. и яко же лѣствичникъ глетъ: да не опечалимся, просяще у гда прошенія на лѣта и лѣта не услышаваеми. хотѣл бы убо и гдь вся члки во единовременнѣмъ часѣ безстрастны бытн. вси просящіи и не пріемлющіи ѿ бга прошенія ради единыя ѿ сихъ винъ всяко не пріемлютъ: или яко прежде времени просятъ, или яко недостойнѣ и тщеславнѣ, или яко пріемше взятися хотяху, или не радѣти прочее по пріятіи прошенія. кромѣ бо бжіаго изволенія и помощи, и прпбнаго оца кѵрілла млтвъ, ничто же мощно сотворити.

ѿ человѣ́къ бо не возмо́жно, ѿ бг҃а же вся̀ возмо́жна су́ть: вѣ́сть гдⷭ҇ь, и҆ми́ же судба́ми ѿ нача́ла мі́ра вся̀ стро́ити. ѻ҆ вели́кое бж҃іе посѣще́ніе и҆ наказа́ніе, є҆ли́ко бг҃ъ наказꙋ́етъ мі́ръ се́й, мно́гими ка́зньми приводя̀ на́съ къ покая́нію, любо́вь, цѣломꙋ́дрію, ми́лость же и҆ кро́тость; ѻ҆во́гда́ нахожде́ніемъ ра́ти иноплеме́нныхъ ва́рварскихъ ѧ҆зы́къ : ѻ҆во́гда́ же гла́домъ и҆ мо́ромъ: и҆но́гда́ же мѣ́доусо́бною бра́нію, и҆ и҆ны́ми мно́гими и҆ разли́чными ско́рбьми, человѣ́ческаго ра́ди невоздержа́нія. Во дни̑ скипетродержа́вста бл҃гочести́вѣйшаго гдⷭ҇ра и҆ вели́каго кнѧ́зѧ а҆лексі́ѧ миха́йловича, всеѧ̀ россі́и самодержца: въ лѣ́то ҂зрнз бы́сть ᲂу҆́бо грѣ́хъ ра́ди на́шихъ въ црⷭ҇твꙋ́ющемъ вели́комъ гра́дѣ москвѣ̀ ве́ліе междоусо́бное смяте́ніе и҆ ᲂу҆бі́йственное неᲂу҆крото́мое въ лю́дахъ колеба́ніе. и҆ мно́гихъ ѿ боля́ръ поби́ша до̀ сме́рти: петра̀ траханіо́това, и҆ дїака̀ є҆леаза́ра чи́стого и҆ и҆ны́хъ мно́гихъ, и҆ до́мы и҆́хъ и҆ и҆мѣ́нія разгра́биша, и҆ разъѧри́вшеся неᲂу҆кроти́мою ᲂу҆́ѧростію, колеба́щеся, ꙗ҆́ки во́лны морскі́ѧ пѣ́нѧщеся, прїидо́ша съ ве́лїемъ свирѣ́пствомъ ко̀ црⷭ҇скомꙋ дворꙋ̀ на̀ кра́сное крыльцо̀, и҆ нача́ша вѧ́дити црⷭ҇скаго є҆го̀ сѷгкли́та, на бли́жнаго болѧ́рина и҆́менемъ бори́са, по реклꙋ̀ моро́зова, мно́гїѧ крамо́льныѧ и҆ неи́стовыѧ рѣ́чи, не хотѧ́ще є҆го̀ жи́ва ви́дѣти, но̀ похи́тити и҆ растерза́ти, рыка́юще ꙗ҆́ки ѕвѣ́рїе ди́кїи, и҆лѝ волцы̀ сыроѧ́дцы: а҆ ᲂу҆жѐ до́мъ є҆го̀ разби́ша, и҆ и҆мѣ́нїе расхи́тиша. болѧ́ринъ же то́й бори́съ во̀ стра́сѣ и҆ ᲂу҆́жасѣ вели́цѣ тогда̀ бы́въ, и҆ ве́сь трепета́ше ѿ стра́ха и҆ боѧ́зни, ненадѣ́ѧсѧ жи́въ бы́ти. ви́дѧше бо прⷣе ѻ҆чи́ма сме́рть себѣ̀, и҆ моля́шесѧ гдⷭ҇ꙋ бг҃ꙋ и҆ прⷭ҇тѣ́й є҆го̀ бг҃ома́три, и҆ всѣ́мъ ст҃ы́мъ съ те́плыми сле́зами, да бы̀ гдⷭ҇ь бг҃ъ поми́ловалъ є҆го̀, и҆ и҆зба́вилъ ѿ напра́сныѧ и҆ го́ркїѧ сме́рти и҆ ѿ всенаро́днаго растерза́нїѧ. и҆ понѐ ги́знꙋлъ ѿ рꙋ́къ и҆́хъ и҆збѣжа́ти, и҆ ᲂу҆кры́сѧ на̀ бѣло̀ є҆́зеро въ кѵрі́ллові мнⷭ҇трь. новоезе́рскаго же мнⷭ҇трѧ и҆гꙋ́менъ а҆мфилѡ́хїй и҆ бра́тїѧ ᲂу҆вѣ́дѣвше ѡ҆ не́мъ, посла́ша къ немꙋ̀ ѿ бра́тїи є҆ди́наго мона́ха і҆ѡ́нꙋ, и҆ съ ни́мъ посла́ша ст҃ы́й ѻ҆́браз прпⷣбнаго чꙋдотво́рца кѵрі́лла новоезе́рскаго, и҆ написа́нїе жи́тїѧ є҆го̀. болѧ́ринъ же бл҃гогове́йно и҆ со̀ стра́хомъ ве́лїимъ поклони́сѧ ст҃о́мꙋ ѻ҆́бразꙋ прпⷣбнаго, па́че же и҆ съ ра́достїю и҆ вели́кою че́стїю прїе́мъ, и҆ любе́зно цѣлова̀ є҆го̀: и҆ прочетъ жи́тїе и҆ чꙋдеса̀ прпⷣбнаго, є҆́же въ живо́тѣ свое́мъ со-

творилъ и преставленіи и еже по преставленіи, и зѣло удивися о преславномъ жительствѣ и о чудесѣхъ бываемыхъ ѿ него. и гдь бгъ млтію своею вразуми его, и дхъ стый осія срце его, яко же нѣкоею зарею пресвѣтлою, наполнися радости и веселія вся внутренняя его и ѿ великія тоя скорби и печали ко утѣшенію и радость преложися, и молитвами прпбнаго чудотворца кѵрілла новоезерскаго, гдь бгъ нашъ вложи ему, болярину, мысль блгу, еже ити въ домъ стаго и живоноснаго воскрнія хрства помолитися и у гроба чудотворца кѵрілла честнымъ и многочудеснымъ мощемъ его приложитися: и по блгой той мысли вскорѣ пути касается. и пришедъ в новоезерскій мнтрь и въ црkви стаго и живоноснаго воскрнія хртова пѣвъ молебное пѣніе, и пріиде ко гробу чудотворца кѵрілла, и падъ на земли, моляся со слезами, гла: О прпбне оче и преблженне авво кѵрілле великій, ты скорый помощниче и въ бѣдахъ теплый заступниче, избавляеши ѿ напрасныя смерти, и исцѣляеши ѿ различныхъ болѣзней и скорбей, и имѣеши веліе дерзновеніе, помолися ко гду бгу и пречтѣй его бгомтри, дабы твоими стыми млтвами, всемлтивый гдь бгъ помиловалъ мене грѣшнаго, еже возвратитися въ црткующій градъ и в радости видѣти пресвѣтлое црское величество, и получити первый свой чинъ. и тако ему молящуся со воздыханіемъ срчнымъ и слезами у гроба чудотворца на долгъ часъ, и коставъ ѿ молитвы, рече ко игумену и братіи, ту стоящимъ: оцы стіи, помолитеся о мнѣ ко гду бгу и пречтѣй его бгомтри и прпбному чудотворцу кѵріллу, и аще гдь бгъ умилосердится о мнѣ грѣшнемъ, млтвъ ради угодника своего, блаженнаго кѵрілла, возвращуся въ цртвующій градъ, и великій гдрь пожалуетъ во свой црскій сѵгклітъ въ первый чинъ, то созижду на семъ мѣсте црковь каменную, въ честь и славу стаго и живоноснаго воскресенія хртова и в похвалу угодника бжія, прпбнаго оца кѵрілла бѣлаго. игуменъ же и братія слышавше таковое обѣщаніе болярина бориса и возрадовашеся, рекоша ему вси едиными усты: мть бжія да будеть с тобою, и млтвы прпбнаго чудотворца кѵрілла да поспѣшествуютъ ти ко блгое, да вовратишися в первый свой чинъ. онъ

же прирече аминь: буди тако по глаголу вашему, отцы стіи. и давъ братіи милостыню доволну, и возвратися въ кирилловъ монастырь бѣлоезерскаго. не по мнозѣхъ же днехъ въ царствующемъ градѣ москвѣ гнѣвъ божій преста, и умолче молва людска, и крамолницы разыдошася, и бысть тишина. и во дни тыя благочестивѣйшій царь, воспомянувъ о предреченномъ, ближнѣмъ своемъ болярнинѣ борисѣ, и посла по него вскорѣ. болярнинъ же той, по царскому повелѣнію спѣшно возвращается въ царствующій градъ, и приходитъ къ пресвѣтлому царскому величеству, и покланяется ему благочинно, прося прощенія и молитви. великій же государь, зря его въ таковѣй бѣдѣ невинно страждуща, пожаловалъ его паки въ царскій свой сигклитъ, въ первый его чинъ, яко же и бысть. онъ же, болярнинъ, воспомянувъ свое обѣщаніе, еже обѣщася на новомъ езерѣ, у гроба чудотворца кирілла бѣлаго: и како вскорѣ божіею милостію и молитвами преподобнаго кирілла бѣлаго получилъ, по желанію сердца своего, царскую премногую милость и призрѣніе и возвращеніе въ первый свой чинъ, и повелѣ немедленно создати на новомъ езерѣ, на красномъ островѣ, церковь каменную. и въ пріидущее лѣто зрнз обложена бысть церковь, и начаша дѣлатели рвы копати ко основанію церкве: яко же рече господь во святомъ евангеліи: не можетъ гра укрытися верху горы стоя, ниже вжигаютъ свѣтилника и поставляютъ его подъ спудомъ, но на свѣщницѣ, да входящіи видятъ свѣтъ. тако и сей свѣтилникъ христовъ, блаженный отецъ нашъ кирілъ, ѿ земленыхъ боковъ сіяетъ и хощетъ поставитися на свѣтилѣ небоподобной апостольстѣй церкви, во явленіе всѣмъ человѣкомъ, на просвѣщеніе и исцѣленіе немощствующимъ ѿ различныхъ недуговъ и скорбей с вѣрою приходящимъ. обрѣтохомъ не яко сокровище злата или сребра чиста, ни бисеръ свѣтлосіяющихъ, ни камыкъ драгоцѣнныхъ свѣтящихся: но обрѣтохомъ сокровище чистѣе злата и сребра и свѣтлѣе бисеръ и дражайши камыкъ, не мимотекущее, но во вѣки пребывающее, не яко на селѣ скотопажитномъ ѿ человѣкъ издавна положенное, но яко в горнѣмъ іерусалимѣ ѿ бога хранимое рік лѣтъ, среди нова езера на красномъ островѣ честныя и многоцѣлебныя мощи преподобнаго отца нашего кирілла, гро его весь цѣлъ и нерушимъ бли

верху земли, ако единъ лакоть. игумен же и братіа возвѣстиша о семъ боларину. онъ же повѣда благочестивѣйшему црю все бывшее по раду, како его бгъ сохранилъ ѿ растерзаніа людска, и како былъ в новоезерскомъ мнтрѣ и обѣщался у гроба чудотворца кѵрілла бѣлаго, и како стыхъ ради его млтвъ вскорѣ ему возвращеніе бысть, и прожитіе чудотворца кѵрілла и преславныа и многоразанчныа чудеса его, и како явился благочестивѣйшему гдрю црю и великому кнзю иоанну василіевичу московскому и всеа россіи самодержцу, и избавилъ его своимъ явленіемъ ѿ напрасныа смерти,* и како

---

* Въ поясненіе этого указанія проповѣдника предлагаемъ вниманію читателя слѣдующую выписку изъ той же рукописи:

«О явленіи Преподобнаго Отца нашего Кѵрилла Бѣлаго Благочестивѣйшему Царю и Великому Князю Іоанну Васильевичу Московскому и всея Россіи Самодержцу.

«Въ лѣто 7050, царствующу Благочестивѣйшему и Богохранимому Государю Царю и Великому Князю Іоанну Васильевичу, Московскому и всея Россіи Самодержцу, и во едину от нощей почивающу ему во своихъ чертогѣхъ, явися ему во снѣ монахъ благообразенъ зѣло, и рече ему тихимъ гласомъ: Царю, заутра, воставъ, не ходи до третіаго часа дне в полату, и имянемъ нарекъ ю. Царь же рече ему: чесо ради не ити; онъ же рече: да не умреши напрасною смертію. Царь же вопроси, глаголя: ты кто еси, и что имя твое, и какъ имѣлъ еси без повелѣнія нашего в полаты моя внити. Явившійся же рече Царю: имя мое есть Кѵріллъ Бѣлый, а пустыня моя отстоитъ от града Бѣлаозера тридесять поприщъ, и прирече: послушай мене, Царю, еже рекохъ ти первѣе: и потомъ невидимъ бысть. Царь же, возбужся от сна своего, и пристрашенъ бывъ о необычномъ томъ и чудномъ видѣніи, и помышляше во умѣ своемъ, яко аще не бы отъ Бога посланъ былъ сей монахъ, не бы имени своего повѣдалъ, и о пустыни своей возвѣстилъ намъ, и воставъ скоро с ложа своего, и пребысть без сна и до утра, моляся Господу Богу, и Пречистѣй его Богоматери, и ихъ угоднику и чудотворцу Кѵріллу Бѣлому. Имѣяше бо Царь обычай по вся дни въ ту полату ходити, о ней же Святый заповѣдалъ: и не иде въ ню до третіаго часа дне. Видѣнія же своего никому не повѣда, но во умѣ своемъ храняше, и помышляя, что будетъ явльшагося возвѣщеніе. Во утрій же день собрашася въ ту полату

нынѣ ѻ҆брѣ́тесѧ съ че́стными мощми̑ гро́бъ є҆гѡ̀ блѝ верхꙋ̀ ꙁемлѝ, ꙗ҆́кѡ ла́коть є҆ди́нъ. и҆ сѐ слы́шавъ благочести́вый гдⷭ҇рь цр҇ь и҆ вели́кїй кнꙗ҆ꙁь а҆леѯі́й мїха́йловичъ, самодє́ржецъ всеѧ̀ рѡссі́и, ѿ болꙗ́рина

Князи и Боляре и весь Сигклітъ Царевъ по обычаю своему, видѣти Царское его и пресвѣтлое Величество, и поклоненіе ему сотворити, яко же достоитъ Царю, и ожидающе по обычаю Царскаго пришествія, не вѣдятъ что есть медленіе сіе. Въ третій же часъ дне бысть звукъ великъ, яко громъ возгремѣ, и потрясеся мѣсто, и паде та полата, и многихъ людей поби и подави до смерти, о ней же блаженный Кvриллъ возвѣстилъ. Царь же видѣвъ то, и удивися о преславномъ явленіи Преподобнаго Чудотворца Кvрілла Бѣлаго, како избавилъ его Святый явленіемъ своимъ от напрасныя смерти: въ купѣ же и радости многи исполнися, и повѣда явленіе Святаго всѣмъ ту предстоящимъ, како ему явися, и заповѣда не ити въ полату до третіяго часа дне, и нача вопрошати ихъ: кто бывалъ на Бѣлѣозерѣ, и кто знаетъ пустыню Кvрілла Бѣлаго. И многи рекоша ему ту предстоящіи: мы, благочестивѣйшій Царю, на Бѣлѣзерѣ бывали, и о пустынѣ Преподобнаго Кvрілла слышали, что отстоитъ от града Бѣлаезера тридесять поприщъ, по Новгородской дорогѣ, среди Новаезера (на Красномъ рекомѣмъ островѣ), и быша словеса ихъ по глаголу Святаго. Царь же в той часъ повелѣ послати съ грамотою на Бѣлоезеро в Кvріллову пустыню Бѣлаго, да вскорѣ пріѣдетъ тоя пустыни игуменъ и монахъ от братіи. Посланный же вскорѣ пріѣхавъ въ Новоезерскій монастырь, и подаде Царскую грамоту Игумену Васіану. Онъ же пріятъ ю с великою честію, и покланяется благоговѣйно, яко же есть лѣпо не посланнику, по пославщему и. И прочетъ ю пред всею братіею; и идоша вси въ церковь Святаго и живоноснаго воскресенія Христова, и пѣвше молебное пѣніе Всемилостивому Спасу, и Пречистѣй его Богоматери, и Преподобному Чудотворцу Кvріллу, и освятивше воду, и игуменъ Васїанъ, поимъ с собою от братій монаха, именемъ Сильвестра, благоговѣйна и монашескому жительству наказана, пути касается. И въ мирѣ достигаютъ царьствующаго града Москвы, молитвами Преподобнаго Кvрілла. И возвѣстиша Царю о пришествіи Новоезерскаго игумена. Царь же повелѣ ему къ себѣ пріити, и пріидоша къ Царю игуменъ Васіанъ и монахъ Сильвестръ, и принесоша ему святую икону, имущую написанъ образъ Преподобнаго Чудотворца Кvрілла, и святую воду, и хлѣбъ. Благочестивый же Царь покланяется образу благоговѣйно и со страхомъ

своегѡ̀, и҆ совѣ́това ѻ҆ се́мъ со ѻ҆ц҃е́мъ свои́мъ и҆ бг҃омо́льцемъ кѷръ Ѻ҆́сїфомъ, ст҃ѣ́йшимъ па҃тріа́рхомъ моско́вскимъ и҆ всеѧ̀ россі́и, и҆ со всѣ́мъ ѻ҆с҃ще́ннымъ собо́ромъ и҆ съ свои́мъ цр҃скимъ сѷгкли́томъ, и҆

велiимъ, паче и радостiю, прiемлетъ святую икону, и любезно цѣловавъ ю, и зря прилежно на ню, и позна Святаго, яко той есть явивыйся ему во снѣ, и рече: о преподобне отче и преблажение Кvрiлле, великiй скорый помощниче и теплый предстателю, и избавителю напрасныя смерти, споспѣшествовавый мнѣ во святыхъ твоихъ молитвахъ ко Христу Богу. И сiя ему глаголющу со слезами, и повѣда игумену явленiе Преподобнаго Чудотворца Кvрiлла, и како его избавилъ от напрасныя смерти. И повелѣ угостити игумена и монаха, иже съ нимъ, и даде имъ Царь ризы, и иныя церковныя утвари, и царскiя своея казны на церковное зданiе и украшенiе, и монастырское строенiе и на потребу братiи тысящу рублевъ денегъ, и что отецъ его Государевъ, блаженные памяти, Великiй Князь Василiй Iоанновичъ всея Россiи, пожаловалъ Преподобному отцу Кvрiллу Бѣлому, еще ему живу сущу, на пропитанiе ему съ братiею, деревни Кобылина да Шиднемъ. И благочестивѣйшiй Государь Царь и Великiй Князь Iоаннъ Васильевичъ Московскiй и всея Россiи Самодержецъ, по таковомъ къ тому отческому даянiю, повелѣлъ придати на всѣ четыре страны по три версты отчины деревни съ крестьяны и со всякими угодiи, въ домъ святаго и живоноснаго воскресенiя Христова и Пречистыя Богородицы, и Преподобнаго Чудотворца Кvрiлла Бѣлаго, в Новоезерскiй монастырь игумену Васiану с братiею, и кто по нихъ инiи игумени и братiя въ той обители жительствовати будутъ. И давъ имъ грамоту за своею Царскою рукою и за великою печатью, в вѣчное утвержденiе, еже есть и до нынѣ всѣми видимое и хранимое въ монастырской крѣпостной хартопратiи... и на двѣнадцать братiй столовыя мѣдныя и оловянныя сосуды, и в келлiи рукомои и лохани, и водоносы мѣдныя. И напутствовавъ игумена и монаха довольно, и отпусти ихъ во обитель с мiромъ. Игуменъ же, прiѣхавь в монастырь, и собра всю братiю, повѣдаетъ имъ Великаго Государя Царское его жалованье и милость. Братiя же слышавше, рекоша вси: буди Государь здравъ на Царскомъ своемъ престолѣ на многая лѣта. И идоша в церковь воскресенiя Христова, и пѣвше молебное пѣнiе Всемилостивому Спасу и Пречистѣй его Богоматери, и ихъ угоднику Преподобному Чудотворцу Кvрiллу, и воздавше благодарственныя молитвы с радостными слезами, и въ Троицѣ слави-

посла́ша на бѣло̀ е́зеро въ новоезе́рскій мнтрь преосщенна́го марке́лла архіеп̃кпа вологодскаго и великопе́рмскаго, и повелѣ́ша ему̀ честныѧ многочѵде́сныѧ мо́щи преподо́бнаго кѵрі́лла чѵдотво́рца ѿ земныхъ нѣ́дръ взѧ́ти. по бл҃гословенію же ст҃ѣйшаго патріа́рха, и по црскомѵ повелѣ́нію, преѡ́сщенный марке́ллъ архіеп̃кпъ пріѣ́хавъ в новоезе́рскій мнтрь со архима́дритомъ аѳана́сіемъ кѵрі́ллова мнтра̀ бѣлоезе́рскаго, да̀ того̀ новоезе́рскаго монастыра̀ со амѳилохіемъ игѵменомъ, со̀ іере́и же и діа́коны и сщенныимъ собо́ромъ, и мона́хи и мно́жествомъ наро́да, пѣ́вше всено́щное бдѣ́ніе, и по̀ моле́бномъ проше́нїи ѡкопа́вше гро́бъ, и ѿкрывше, ѡбрѣто́ша мо́щи прпдбнаго ѻ҆ца̀ кѵрі́лла чѵдотво́рца , ꙗ҆ко бл҃гоуха́нный ѳѵміа́мъ, или ꙗ҆ко бл҃говонный кипарисъ, испѵща́ѧ арома́тныѧ воня̀: изы́де ко из гро́ба ѿ чтныхъ его̀ моще́й бл҃гоуха́ніе ве́ліе, и исполни мѣ́сто то̀, ꙗ҆ко всѣмъ тѵ бы́вшимъ, архіере́ю же и мно́жествѵ наро́да, ѵдивла́тиса. архіере́й же со архимандри́томъ и игѵменомъ и со̀ всѣ́мъ ѡ҆сщенны́мъ собо́ромъ,

---

мому Богу, и Чудотворцу Кѵріллу, сице глаголюще: О великославный преподобне отче нашъ Кѵрілле, о совершенный въ добродѣтеляхъ человѣче, о дивный подражателю совершенства Отца нашего небеснаго, о преблагій наставниче монахомъ, образе пустынножителей и устроителю общаго житія, всѣхъ православныхъ и правовѣрныхъ скорый помощниче и заступниче, Царя небеснаго умилостивителю, пролій нынѣ теплую твою молитву о насъ грѣшныхъ ко Господу Богу, яко, да презрѣвъ вся наша прегрѣшенія, отеческое свое намъ отверзетъ благоутробіе, въ первыхъ же да подастъ благовѣрному и благочестивому Государю нашему Царю и Великому Князю, имркъ, всея Россіи Самодержцу, здравіе Моисеево, лѣта его вѣку равная, силу Самсонову, міръ Соломоновъ, обладаніе Августово, Славу Александрову, побѣды на враги, яко Царю Константину и яко Давиду на Голіаѳа, и вся благая желанія сердца его да исполнитъ, благочестивую державу его да разширитъ и укрѣпитъ, Церковь свою Святую незыблемо сохранитъ, обиліе всяческихъ плодовъ земныхъ да даруетъ, рогъ православныхъ, благочестивое воинство да укрѣпитъ, и вся правовѣрные Христіаны да спасетъ и помилуетъ, яко единъ благій Богъ и человѣколюбецъ, ему же слава нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ.»

вземше чтныѧ мощы стаго ѿ ве́тхаго гро́ба, и преложи́ша и́хъ в но́вый гро́бъ, и принесо́ша а҆ в ве́тхую це́рковь вскрнїѧ хрто́ва че́стно, со свѣща́ми и канди́лы, со псалмы и пѣсньми и пѣнїими дхо́вными, и всенаро́днымъ хвале́нїемъ, и положи́ша и́хъ тѵ, до́ндеже соверши́тсѧ црковь ка́меннаѧ, въ лѣто ,зрнз, мца ноемврїа въ з днь. в то́ же вре́мѧ бы́вшїе тѵ лю́дїе ѿ разли́чныхъ болѣ́зней исцѣлева́хусѧ, и ѿхожда́ху в домы своѧ, сла́вѧще и блгодаря́ще всеси́льнаго бга и пречтую его бгомтрь, и угодника и́хъ прпбнаго кѵрі́лла. ве́тхаго же гро́ба, в не́мъ же бы́ли мо́щи стаго, прїима́ху лю́дїе ма́лыѧ части́цы с вѣрою, и ѿ того мно́гимъ неду́гомъ прогна́нїе быва́етъ, и исцѣле́нїѧ подава́ютсѧ мтвами прпбнаго оца нашего кѵрі́лла. егда́ же совершена́ бы́сть собо́рнаѧ ка́меннаѧ црковь стаго и живоно́снаго воскрнїѧ хрто́ва со предѣлы, вели́ми укра́шена стыми и пречу́дными ико́нами и про́чимъ црко́внымъ украше́нїемъ, и осщена́ бы́сть кѵрі́лова монастыря митрофа́номъ архимандри́томъ, да того новоезе́рскаго мнтря а҆мфило́хїемъ игу́меномъ, и ра́ку съ чтны́ми моща́ми прпбнаго чудотво́рца кѵрі́лла вземше ѿ ве́тхїѧ црквe, пренесо́ша че́стно со свѣща́ми и канди́лы и с пѣнїемъ дхо́внымъ и наро́днымъ хвале́нїемъ к но́вую ка́менную црковь вскрнїѧ гда бга и спса нашего и҆нса хрта, и положи́ша а҆ на десно́й странѣ у южныхъ вратъ, на мѣстѣ, идѣже пре́жде в земли сокрове́ни бы́ша, въ лѣто ,зрѯ, мца а҆вгуста въ кв день. ѿто́лѣ же и донынѣ и҆сточа́ютъ разли́чныѧ чудеса́ и подаю́тъ неоску́днаѧ исцѣле́нїѧ, с вѣрою приходѧ́щимъ къ чтнѣй рацѣ многочу́десныхъ моще́й его. тѣм же, о҆ блгочести́вїи праздноль́бцы, днесь бла́женную бла́женнаго оца кѵрі́лла па́мѧть пра́зднующе, о҆наго а҆ко му́жа пра́веднаго съ дхо́внымъ похвала́юще весе́лїемъ: и҆бо похвала́ему пра́веднику, возвеселѧ́тсѧ лю́дїе, писа́нїе гле́тъ. 'О бгоизбра́нный вы́шнѧго града і҆ерли́ма гражда́ни́не, о҆чище́нный дхомъ стымъ у́ме, златови́днаѧ дше, земный а҆ггле, небе́сный члче, чтнѣйшїй чи́стаго дѣвства хра́ме, бгопи́санный достоу́днаго терпѣ́нїѧ о҆бразе, бгохрани́мое дха стаго жили́ще, до́блественный хрто́въ во́ине, прпбне о҆че нашъ кѵрі́лле, ско́рый помо́щниче, проси у всеблга́го творца́ на́шего гда бга дарова́ти здра́вїе и долгоде́нствїе, блгочести́вѣйшему

цр҃ю нáшему, и҆мр҃къ: и҆ способствꙋ́й емꙋ̀ хра́брьствовати на̀ вса̀ вáрварскїа ѧ҆ѕы́ки, є҆́же побѣди́ти и҆ покори́ти под но́ѕѣ є҆го̀ всѧ́каго врагà и҆ сопостáта, и҆ подáти мі́р цéрквáмъ ст҃ы́мъ, ти́шинꙋ́ же и҆ бл҃годѣ́йствїе и҆ и҆ѕоби́лїе плодо́въ ѕемныхъ, всемꙋ̀ православнороссїйскомꙋ нарóдꙋ. днéсь же с вѣ́рою приходѧ́щихъ, со̀ стрáхомъ и҆ любо́вїю припáдающихъ ко̀ ст҃о́мꙋ гро́бꙋ ч҃тны́хъ и҆ многоцѣлéбныхъ мощéй твоихъ, и҆ ѡ҆́бра҃ подо́бїѧ твоего̀ любéѕно цѣлꙋ́ющихъ, и҆ вса̀ правосла́вныѧ хрⷭ҇тїáны, млⷭ҇тивымъ твои́мъ предстáтельствомъ сохранáй, ѿ всѣ҃ напáстей, бѣ́дъ и҆ скорбéй, и҆ ѿ нападéнїѧ врáжїѧ, и҆ смертоно́сныѧ ѧ҆́ѕвы и҆ ѿ всѧ́каго ѕла̀. мы́ же твою̀ пáмать ст҃ꙋ́ю ѿ ро́да в ро́дъ и҆мамы ч҃тно прáѕдновати, слáвѧще прослáвльшаго та̀ хрⷭ҇та̀ бг҃а, емꙋ́ же подобáетъ всѧ́кая слáва, чéсть и҆ держáва, со̀ ѻ҆ц҃éмъ и҆ со̀ ст҃ы́мъ дх҃омъ ни҃ и҆ прнⷭ҇о и҆ во̀ вѣ́ки вѣко́въ.

(Изъ рукописи XVII в., принадлежащей И. В. Бѣляеву).

Сообщ. Д. Ч. Илья Бѣляевъ.

ВЗЯТІЕ АЗОВА

ДОНЦАМИ ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ МИХАЙЛА ѲЕДОРОВИЧА.

Въ лѣта Благочестиваго Государя Царя и Великаго Князя Михаила Феодоровича, всея Россіи Самодержца.

Собравшеся военное вольное казачество изъ городовъ 500 человѣкъ на тихой Донъ, Атаманъ у нихъ былъ родомъ Нижняго Новаграда, что на Волгѣ рѣкѣ, Наумъ Васильевичъ. Въ некое время Азовскій Паша, по нашему Воевода, отъ Турскихъ бояръ отдаде въ замужество дочь свою за Крымскаго Хана, а по нашему ихъ Царя Старчева, и тотъ Азовскій Паша, нагрузя четыре буса живота, отпустилъ на оныхъ дочь свою по Дону къ Крымскому Хану Старчеву, а провожатыхъ съ нею послалъ 700 человѣкъ.

И въ то время, услышавъ на Дону казаки, Атаманъ съ товарищи, начали мыслить, какъ бы Царя Старьчия невѣсту въ полонъ взять и живота нажить, чего для сдѣлали они легкіе струги, и собравшеся во единъ кругъ, совѣтовали ити въ путь свой; и молились угодникамъ святымъ, Іоанну Предтечи и Николаю Чудотворцу, прося отъ нихъ помощи сіе дѣло совершить.

И по молитвѣ, собравшеся казаковъ четыреста человѣкъ, пошли въ путь свой, на Дону оставили для обереженія 100 человѣкъ, да чернаго попа Серапіона, который къ нимъ пришелъ изъ Астрахани отъ Архіепископа Макарія, по нѣкоей винѣ случившейся. Отправясь же Атаманъ съ казаками въ путь, влекли на себѣ струги свои къ морю, и шли до онаго недѣлю и два дни

« Пришедши они къ морю, стали въ камышникъ, дабы устремить бусы, и оттуда Атаманъ отпустилъ десять человѣкъ казаковъ въ степь, да изловятъ какихъ ни будь звѣрей на съѣденіе; и тогда казаки въ степи нашли двухъ Татаръ спящихъ, а кони ихъ привязаны были; они же, емши ихъ, приведоша къ Атаману, которой началъ ихъ спрашивать: откуда вы ѣдете, и гдѣ пловутъ вашего Паши бусы, и сколько на оныхъ живота съ дочерью Пашевою? Татара же сказали, что мы изъ города Азова, ѣздили для звѣринаго промысла, и бусы заутра будутъ здѣсь, живота на оныхъ весьма много, а провожатыхъ 700 человѣкъ; и повелѣлъ Атаманъ Татарамъ головы срубить.

Въ половинѣ третьяго дня казаки, усмотрѣвъ пловущія бусы, сѣли въ легкія свои струги и прямо устремились на оныя, Татаръ же тутъ всѣхъ 700 человѣкъ порубили и пометали въ море, а бусы приставивъ къ берегу, всѣ товары выгрузили.

Потомъ Атаманъ всѣмъ казакамъ заказалъ накрѣпко, чтобъ никто къ Пашевой дочери и служащимъ при ней не ходили и насилія имъ не учинили, понеже надѣялся Атаманъ, что отъ Паши Азовскаго за дочерь и служащихъ при ней выкупу скоро быть должно.

Вскорѣ послѣ того Атаманъ послалъ на Донъ двухъ казаковъ на двухъ Татарскихъ лошадяхъ, да пригонятъ 300 коней; и пришедше они скоро на Донъ, сказали оставшимъ казакамъ, что помощію Крестителя Господня Предтечи и Чудотворца Николая поручилъ Богъ взять 74 буса съ дочерью и дѣвицами и со всѣми животами, а Татаръ всѣхъ 700 человѣкъ убили и пометали въ море; они же, услышавъ о томъ, прославиша Бога и угодниковъ его, и скоро пригнавше коней, всѣ животы свезли на Донъ, и дочь Пашеву со всѣми служащими взяли съ собою, и на Дону весь животъ раздѣлили.

Услышавъ же Азовскій Паша, что Донскіе казаки бусы разбили, дочь его и служащихъ при ней двадцать пять дѣвокъ въ полонъ взяли, прислалъ на Донъ злата, сребра, жемчугу и всякаго живота на 10,000 тысячь рублей, чтобъ дочерь его съ дѣвками на выкупъ отдали. И казаки на выкупъ всѣ отдали, а Турецкій животъ весь отправили въ Астрахань смѣнять на Русскіе

творі́лъ и҆ преставле́нїи и҆ є҆́же по преставле́нїи, и҆ ве́льми ᲂу҆диви́сѧ ѡ҆ пресла́вномъ жи́тельствѣ и҆ ѡ҆ чꙋдесѣ́хъ быва́емыхъ ѿ негѡ̀. и҆ гдⷭ҇ь бг҃ъ мл҇тїю свое́ю вразꙋмѝ є҆гѡ̀, и҆ дх҃ъ ст҃ы́й ѡ҆сїѧ̀ срⷣце є҆гѡ̀, ꙗ҆́коже нѣ́коею ꙁаре́ю пресвѣ́тлою, напо́лнисѧ ра́дости и҆ весе́лїѧ всѧ̀ внꙋ́треннѧѧ є҆гѡ̀ и҆ ѿ вели́кїѧ тоѧ̀ ско́рби и҆ печа́ли во ᲂу҆тѣ́шїе и҆ ра́дость преложи́сѧ, и҆ моли́твами прпⷣбнагѡ чꙋдотво́рца кѷрі́лла новоеꙁе́рскагѡ, гдⷭ҇ь бг҃ъ на́шъ вложѝ є҆мꙋ̀, болѧ́ринꙋ, мы́сль бл҃гꙋ, є҆́же и҆тѝ въ до́мъ ст҃а́гѡ и҆ живоно́снагѡ воскрⷭ҇нїѧ хрⷭ҇тва помоли́тисѧ и҆ ᲂу҆ гро́ба чꙋдотво́рца кѷрі́лла че́стнымъ и҆ многочꙋде́снымъ моще́мъ є҆гѡ̀ приложи́тисѧ: и҆ по̀ бл҃го́й то́й мы́сли вско́рѣ пꙋтѝ каса́етсѧ. и҆ прише́дъ в новоеꙁе́рскїй мнⷭ҇трь и҆ къ цр҃кви ст҃а́гѡ и҆ живоно́снагѡ воскрⷭ҇нїѧ хрⷭ҇то́ва пѣ́въ моле́бное пѣ́нїе, и҆ прїи́де ко̀ гро́бꙋ чꙋдотво́рца кѷрі́лла, и҆ па́дъ на̀ ꙁемлѝ, молѧ́сѧ со слеꙁа́ми, гл҃а: ѽ прпⷣбне ѻ҆́ч҃е и҆ преблж҃е́нне а҆́вво кѷрі́лле вели́кїй, ты̀ ско́рый помо́щниче и҆ въ бѣда́хъ те́плый ꙁасꙋ́пниче, и҆ꙁбавлѧ́еши ѿ напра́сныѧ сме́рти, и҆ и҆сцѣлѧ́еши ѿ раꙁли́чныхъ болѣ́ꙁней и҆ скорбе́й, и҆ и҆мѣ́еши ве́лїе дерꙁнове́нїе, помоли́сѧ ко гдⷭ҇ꙋ бг҃ꙋ и҆ пречⷭ҇тѣй є҆го бг҃омт҃ри, да́бы твоѝми ст҃ы́ми мл҃твами, всемл҇ти́вый гдⷭ҇ь бг҃ъ поми́ловалъ менѐ грѣ́шнагѡ, є҆́же воꙁврати́тисѧ въ црⷭ҇твꙋ́ющїй гра́дъ и҆ к ра́дости ви́дѣти пресвѣ́тлое црⷭ҇кое вели́чество, и҆ полꙋчи́ти пе́рвый сво́й чи́нъ. и҆ та́кѡ є҆мꙋ̀ молѧ́щꙋсѧ со̀ воꙁдыха́нїемъ срⷣчнымъ и҆ слеꙁа́ми ᲂу҆ гро́ба чꙋдотво́рца на до́лгъ ча́съ, и҆ воста́въ ѿ моли́твы, речѐ ко̀ и҆гꙋ́менꙋ и҆ бра́тїи, тꙋ̀ стоѧ́щимъ: ѻ҆ц҃ы̀ ст҃і́и, помоли́тесѧ ѡ҆ мнѣ̀ ко̀ гдⷭ҇ꙋ бг҃ꙋ и҆ пречⷭ҇тѣй є҆гѡ̀ бг҃омт҃ри и҆ прпⷣбномꙋ чꙋдотво́рцꙋ кѷрі́ллꙋ, и҆ а҆́ще гдⷭ҇ь бг҃ъ ᲂу҆милосе́рдитсѧ ѡ҆ мнѣ̀ грѣ́шнемъ, мл҃твъ ра́ди ᲂу҆го́дника своегѡ̀, блаже́ннагѡ кѷрі́лла, воꙁвращꙋ́сѧ въ црⷭ҇твꙋ́ющїй гра́дъ, и҆ вели́кїй гдⷭ҇рь пожа́лꙋетъ во̀ сво́й црⷭ҇кїй сѷгклі́тъ въ пе́рвый чи́нъ, то̀ соꙁи́ждꙋ на̀ се́мъ мѣ́сте цр҃ковь ка́меннꙋю, въ че́сть и҆ сла́вꙋ ст҃а́гѡ и҆ живоно́снагѡ воскресе́нїѧ хрⷭ҇то́ва и҆ въ похвалꙋ̀ ᲂу҆го́дника бж҃їѧ, прпⷣбнагѡ ѻ҆ц҃а̀ кѷрі́лла бѣ́лагѡ. и҆гꙋ́менъ же и҆ бра́тїѧ слы́шавше таково́е ѡ҆бѣща́нїе болѧ́рина бори́са и҆ воꙁра́довашесѧ, реко́ша є҆мꙋ̀ всѝ є҆ди́нѣми ᲂу҆сты̀: мл҇ть бж҃їѧ да̀ бꙋ́детъ с тобо́ю, и҆ мл҃твы прпⷣбнагѡ чꙋдотво́рца кѷрі́лла да̀ поспѣше́ствꙋютъ тѝ во̀ бл҃го́е, да̀ воꙁврати́шисѧ в пе́рвый сво́й чи́нъ. ѻ҆́нъ

же наречѐ а҆ми́нь: бꙋ́ди та́ко по глаго́лꙋ ва́шемꙋ, ѻ҆́ч҃ы ст҃і́и. и҆ да́въ бра́тїи ми́лостыню дово́лнꙋ, и҆ возврати́ся ко кѵрі́лловꙋ мн҃трь бѣлоеѕе́рскагѡ. не по мно́зѣхъ же дне́хъ въ цр҃ствꙋ́ющемъ гра́дѣ москвѣ̀ гнѣ́въ бж҃їй преста̀, и҆ ᲂу҆молѐ молва̀ лю́дска, и҆ крамо́льницы разыдо́шася, и҆ бы́сть тишина̀. и҆ во дни̑ ты̑ѧ бл҃гочести́вѣйшїй цр҃ь, воспомѧнꙋ́въ ѡ҆ преждерече́нномъ, бли́жнѣмъ свое́мъ боѧ́ринѣ бори́сѣ, и҆ посла̀ по негѡ̀ вско́рѣ. боѧ́ринъ же то́й, по цр҃скомꙋ повелѣ́нїю спѣшнѡ̀ возвраща́етсѧ въ цр҃твꙋ́ющїй гра́дъ, и҆ прихо́дитъ къ пресвѣ́тломꙋ цр҃скомꙋ вели́чествꙋ, и҆ покланѧ́етсѧ є҆мꙋ̀ бл҃гоче́стнѡ, прося̀ проще́нїѧ и҆ мл҃твы. вели́кїй же гд҃рь, зря̀ є҆го̀ въ такове́й бѣ́дѣ неви́ннѡ стра́ждꙋща, пожа́ловалъ є҆го̀ па́ки въ цр҃скїй сво́й сѵнклі́тъ, въ пе́рвый є҆го̀ чи́нъ, ꙗ҆́кѡ же и҆ бы́сть. ѻ҆́нъ же, боѧ́ринъ, воспомѧнꙋ́въ своѐ ѡ҆бѣща́нїе, є҆́же ѡ҆бѣща́сѧ на̀ но́вомъ є҆́зерѣ, ᲂу҆ гро́ба чꙋдотво́рца кѵрі́лла бѣ́лагѡ: и҆ ка́кѡ вско́рѣ бж҃їею ми́лостїю и҆ мл҃твами прпⷣбнагѡ кѵрі́лла бѣ́лагѡ полꙋчи́лъ, по жела́нїю срⷣца своегѡ̀, цр҃скꙋю премно́гꙋю ми́лость и҆ призрѣ́нїе и҆ возвраще́нїе въ пе́рвый сво́й чи́нъ, и҆ повелѣ̀ неме́дленнѡ соѕида́ти на̀ но́вомъ є҆́зерѣ, на̀ кра́сномъ ѻ҆́стровѣ, цр҃ковь ка́меннꙋю. и҆ въ прїидꙋ́щее лѣ́то ,зр҃нз ѡ҆бложена̀ бы́сть цр҃ковь, и҆ нача́ша дѣ́лателї рвы̀ копа́ти ко̀ ѡ҆снова́нїю цр҃кве: ꙗ҆́кѡ же речѐ гдⷭ҇ь во ст҃о́мъ є҆ѵⷢ҇лїи: не мо́жетъ гра́дъ ᲂу҆кры́тисѧ верхꙋ̀ горы̀ стоѧ̀, ни́же вжига́ютъ свѣти́льника и҆ поставлѧ́ютъ є҆го̀ по́дъ спꙋ́домъ, но̀ на свѣ́щницѣ, да̀ входѧ́щїи ви́дѧтъ свѣ́тъ. та́кѡ и҆ се́й свѣти́льникъ хрⷭ҇то́въ, бл҃же́нный ѻ҆те́цъ на́шъ кѵрі́ллъ, ѿ земле́ныхъ бокѡ́въ сїѧ́етъ и҆ хо́щетъ поста́витисѧ на̀ свѣти́лѣ нб҃оподо́бной а҆пⷭ҇тльстѣй це́ркви, во̀ ꙗ҆вле́нїе всѣ́мъ человѣ́кѡмъ, на просвѣще́нїе и҆ и҆сцѣле́нїе немощствꙋ́ющымъ ѿ разли́чныхъ недꙋ́говъ и҆ ско́рбей с вѣ́рою приходѧ́щымъ. ѡ҆брѣто́хомъ не ꙗ҆́кѡ сокро́вище зла́та и҆лѝ сребра̀ чи́ста, ни бі́серъ свѣтлосїѧ́ющихъ, ни ка́мыкъ драгоцѣ́нныхъ свѣтѧ́щихсѧ: но̀ ѡ҆брѣто́хомъ сокро́вище чи́стѣе зла́та и҆ сребра̀ и҆ свѣтлѣ́е бі́серъ и҆ дража́йши ка́мыкъ, не мимотекꙋ́щее, но̀ во вѣ́ки пребыва́ющее, нѐ ꙗ҆́кѡ на̀ селѣ̀ скотопа́житномъ ѿ человѣ́къ и҆здавна̀ положе́нное, но̀ ꙗ҆́кѡ в го́рнѣмъ і҆ерⷭ҇ли́мѣ ѿ бг҃а храни́мое рі҃ лѣ́тъ, средѝ нова̀ є҆́зера на крⷭ҇но́ ѻ҆́стровѣ чⷭ҇ты́ѧ и҆ многоцѣле́бныѧ мо́щи прпⷣбнагѡ ѻ҆ц҃а̀ на́шегѡ кѵрі́лла, гро́бъ є҆гѡ̀ ве́сь цѣ́лъ и҆ неру́шимъ бл҃и

солнца, въѣхали въ Азовъ градъ, и Турки поставили ихъ на гостинной дворъ, сказавъ имъ, чтобъ товары вносили въ лавку, а казаки просили до утра оставить, а завтра, сказали, осмотримъ и перепишемъ, а иной товаръ просушимъ, и тогда въ лавки сносимъ, и начаша готовити пищу. Тогда пріидоша отъ Паши съ повелѣніемъ, чтобъ хозяева шли къ нему съ письменнымъ видомъ.

Атаманъ отобралъ получше 4 человѣка, пошелъ съ ними къ Пашѣ, взявъ съ собою отпускной листъ и на товары таможенные выписи, и пришедъ, по чину ему поклонились, и отдаде листъ. Паша же взялъ листъ и распечаталъ, и прочитавъ, спросилъ: Есть ли у васъ таможенные выписи? Атаманъ и выписи показалъ, сколько товаровъ и на сколько тысячъ; и, просмотря выписи, отдалъ торговымъ людямъ, а листъ взялъ себѣ.

Между тѣмъ Атаманъ вынулъ изъ мѣшка три сорока соболей и подарилъ ими Пашу, онъ же, принявъ, почтилъ ихъ и отпустилъ до утра. А какъ вышелъ Атаманъ съ товарищи своими отъ Паши, говорилъ слугѣ его: Заутра принесу ему драгіе подарки, чтобы у нашихъ возовъ караула не было; понеже мы опасныхъ людей сего города не боимся; слуга же о томъ возвѣстилъ Пашѣ, которой у возовъ торговыхъ людей караулу стоять не велѣлъ. Казаки же, сваря пищу, начали ѣсть, и по отъяденіи затворены ворота на запоръ, и они мало пріумолкли.

Потомъ Атаманъ велѣлъ телѣги развязать, и вылѣзло изъ оныхъ 400 человѣкъ, которые также начали ѣсть. По отъяденіи сказалъ Атаманъ: Всѣхъ казаковъ во единой кругъ, и сказалъ имъ: Какъ изъ гостиннаго двора выдете, на розно раздѣлитесь, никому назадъ не отступать и не выдавать. Самъ онъ пошелъ къ Пашеву двору, а прочіе въ другія мѣста; у возовъ же оставили чернаго попа Серапіона, съ нимъ десять человѣкъ, чтобы молились Богу и угодникамъ его, Іоанну Предтечи и Николаю Чудотворцу. Какъ пошли съ гостиннаго двора, закричали громкимъ голосомъ, и начали на караулахъ Турокъ и Татаръ рубить, къ воротамъ же поставили свой караулъ. Къ Пашѣ въ палату зашелъ самъ Атаманъ, и голову у него срубилъ, потомъ услышали въ городѣ Турки и Татары голосъ Русскихъ людей, иные вышли безъ ружья, а другіе съ ружьемъ, но казаки рубятъ и копіями колютъ, какъ свиней, или овецъ, и разыдошася казаки по всему Азову, гдѣ сто,

гдѣ пятдесятъ, а индѣ и по десяти человѣкъ, и рубили съ полуночи до самаго свѣту; и видѣвъ Турки и Татары, что ихъ много убили, прятались гдѣ кто могъ, казаки жъ въ домахъ ходя, ихъ убивали, и всѣхъ Турокъ и Татаръ и старыхъ бабъ побивали, а молодыхъ женокъ и дѣвокъ къ себѣ взяли.

По окончаніи сего дѣйствія, Атаманъ приказалъ мертвыя тѣла собирать и возить въ море, и возили ихъ ровно два дня, молодыхъ же ребятъ, женокъ и дѣвокъ и со всѣхъ домовъ имѣніе собравъ, начали дѣлить, и по дѣлу на каждаго казака досталось по три человѣка, а живота по двѣ тысячи рублей да по четыре коня, и взявъ съ собой иконы, несоша посредѣ града съ псалмопѣніемъ, и украсиша ихъ сребромъ и златомъ.

Атаманъ, раздавъ казакамъ домы, въ коихъ они начали жить и Бога хвалить, и создали церковь деревянную во имя Іоанна Предтеча и Николая Чудотворца; потомъ казаки отъ воинства своего послали трехъ человѣкъ въ Астрахань къ Архіепископу Макарію съ писаніемъ, чтобъ далъ имъ на освященіе церкви Архимандрита, попа и діякона, а пожаловалъ бы въ ту церковь антиминсъ.

Преосвященный Макарій послалъ попа бѣлаго и діякона на освященіе церки и далъ имъ антиминсъ и грамоту, да живутъ тамъ въ Азовѣ. Пришедъ же попъ и діяконъ, церковь освятили, и многіе казаки на Турчанкахъ женились и въ Христіянскую Вѣру приведены.

Пронесошеся о семъ вѣстъ въ Русскихъ странахъ и городахъ, и много людей къ нимъ въ Азовъ пришло, и собралось ихъ до 5,000 человѣкъ.

РОСПИСЬ

ВЕЩАМЪ, ПОСЛАННЫМЪ ИЗЪ РИЗНИЦЫ ТРОИЦКАГО СЕРГІЕВА МОНАСТЫРЯ

ВЪ МОСКВУ, ВЪ ГРАНОВИТУЮ ПАЛАТУ,

въ 1654 году.

---

162 года, Февраля въ день. Роспись, что по Государеву Цареву и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всея Россіи Указу, отпущено къ Москвѣ изъ Троицкаго Сергіева монастыря разные казны, и та разная казна принята въ Грановитую палату:

Евангеліе печатное на Александрійской бумагѣ, по обрѣзу золочено, верхняя цка золота, на ней посреди распятіе Христово, а по угламъ Евангелисты, около распятія Господня, и около Евангелистовъ каймы, а на каймахъ яхонты червчаты и изумруды, въ подписи искорки алмазные да искорки червчаты яхонтовые, прокладка ткана золотомъ съ червчатымъ шолкомъ, у прокладокъ ворворочки низаны жемчюгомъ, застѣшки золоты, на верхней за-

---

* Предлагаемая Роспись писана столбцемъ, на 15 листкахъ, и находится въ библіотекѣ Троицкой Сергіевой Лавры подъ N 71. Слова, включенныя между знаками «   », писаны другою, современною, рукою, но въ концѣ первыхъ трехъ статей Росписи—рукою Московскаго Митрополита Платона, который, на оборотѣ, сверху, замѣтилъ еще: «Ризъ 21, епитрахелей 7, стихарей 2, орарей 2, поручей 3, подризникъ 1, поясовъ 15, всѣ жемчужные, данные въ обитель Преподобному Сергію отъ разныхъ вкладчиковъ, по ихъ вѣрѣ къ Чудотворцу. Неизвѣстно, по чему изъ сей обители взяты и розданы по разнымъ мѣстамъ, по Указу Царя Алексѣя Михайловича. 1806 года».

стѣшкѣ два яхонта червчаты, да четыре искры яхонтовые червчаты, да шесть искоръ изумрудные, на исподней застѣшкѣ два яхонта жъ червчаты, да четыре искры яхонтовые жъ червчаты, да шесть искоръ изумрудные съ финифты. Вкладъ боярина Ивана Никитича Романова. «Евангеліе сіе въ Лаврѣ имѣется».

Шапка, на ней вѣнецъ золотъ, а на вѣнцѣ каменья, четыре лалы, два изумруда, два яхонта лазоревы, на шапкѣ жъ восемь дробницъ золотыхъ, а на нихъ начертаны Деисусъ да святые страстотѣрпцы Борисъ и Глѣбъ, и святый мученикъ Ѳеодоръ Стратилатъ, да святая Марія Магдалина, да преподобный Сергій, вверху на шапкѣ посреди дробница большая круглая золота же, а на ней начертано и наведено чернью Святая Троица, восемь дробницъ золотыхъ, а на нихъ начертаны и наведены чернью Херувимы, промежъ дробницъ каменье, восемь яхонтовъ лазоревы, восемь лаловъ, восемь изумрудовъ, а поверхъ вѣнца и поверхъ дробницъ и около каменья обнизано жемчюгомъ большимъ Каѳимскимъ въ одну прядь, а на вѣнцѣ начертана подпись, наведена чернью: Повелѣніемъ Царя и Великаго Князя Бориса Ѳедоровича всея Россіи дѣлана сія шапка во 111 году. «Шапка сія признается быть въ Лаврѣ, ибо по большой части съ описью сею сходна и кажется, передѣлана и называется Годуновскою».

Шапка, на ней семь дробницъ золоты, на нихъ начеканенъ Деисусъ, да семь дробницъ круглыхъ, а на нихъ чеканены Святые, около Святыхъ наведено финифты разными, поверхъ шапки дробница большая, на ней начеканенъ образъ Святые Троицы, около дробницъ по край резанъ трепарь: Благословенъ еси, Христе Боже нашъ,—финифтомъ чернымъ, на Спасовѣ дробницѣ восемь каменей, алмазы и яхонты черьчаты въ гнѣздахъ, да у Спаса жъ надъ главою и на престолѣ искорки яхонтовы, да по обѣ стороны Спасова образа двѣ запонки золоты, наведены финифтомъ, да на тѣхъ же двухъ запонкахъ кресты золоты жъ, а въ нихъ вставливаны изумруды и яхонты червчаты, да межъ большихъ дробницъ три запонки золоты съ финифты, а въ нихъ по яхонту лазореву, да двѣ запонки золоты жъ съ финифты, а въ нихъ по изумруду, да по два алмаза, да по два яхонта въ гнѣздѣхъ, да межъ круглыхъ дробницъ четыре яхонта лазоревы въ гнѣздахъ, одинъ великъ, да межъ тѣхъ же дробницъ лалъ, да два лала въ

гнѣздахъ съ финифты гранены; около всѣхъ дробницъ и около запонковъ обнизано жемчюгомъ, а около жемчюга обшито канителью, вѣнецъ около шапки золотъ. Дана по бояринѣ Князѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ Мстисловскомъ. «Сей шапки нѣтъ; а какъ не подписано, чтобъ она была въ отдачѣ, то не передѣлана ли она?

Ризы аксамитъ золотной, оплечье бархатъ червчатъ, низано жемчюгомъ оплечье большимъ, промежъ жемчюгу шестнатцать дробницъ серебряные золочены, на нихъ начертаны Святые, да тритцать одна дробница, золоты не велики круглые. въ оплечье же четыре яхонта лазоревы, и въ томъ числѣ одинъ гранень, да четыре лалика, да изумрудецъ не велики, да осьмнатцать камней разныхъ цвѣтовъ, винисъ и достаканъ и смазни всѣ въ гнѣздѣхъ, а крестъ на ризахъ низанъ жемчюгомъ, въ крестѣ яхонтъ червчатъ, да два яхонта лазоревы, да бирюза да изумрудъ, да на подолѣ звѣзда низана жемчюгомъ по черному бархату съ дробницами мелкими, а снето то круживо съ Судцкихъ ризъ, И съ тѣхъ ризъ оплечье по Государеву Указу взято къ Москвѣ въ прошломъ въ 159 году Августа въ 12 день. «162-го Маiя въ 15 день съ сихъ ризъ крестъ и звѣзда и круживо снято и нашиты Савинсково Сторожевскаго монастыря Архимариту къ ризамъ».

Ризы отласъ золотной съ серебромъ, травы межъ золота и серебра, шолкъ червчатъ да зеленъ, крестъ низанъ жемчюгомъ большимъ, а въ крестѣ два яхонта лазоревы, да два лала да изумрудъ, оплечье низано жемчюгомъ большимъ и среднимъ по червчатому бархату съ дробницами, дробницы серебрены золочены со Святыми, а иные простые, да на оплечьѣ жъ семь яхонтовъ лазоревыхъ, да пять лаловъ, звѣзда чеканная, а въ ней бирюза, около низано жемчюгомъ въ одну прядь, по подолу круживо, отласъ золотной по черной землѣ. «Приняты и отданы Савинскому Архимариту Никонору».

Ризы отласъ серебренъ, въ травахъ золото да шелкъ алъ, да зеленъ да лазоревъ, оплечье бархатъ черпъ, низано жемчюгомъ, а на оплечьѣ шесть дробницъ серебреныхъ кiотцами, на нихъ начертаны Святые, да десять дробницъ круглыхъ, на нихъ резаны репейки, около репейковъ шито розными шолки, да дватцать четыре камени въ гнѣздахъ розными цвѣты, а межъ большихъ дробницъ и каменья дѣлано дробницы мелкiе серебреные, кру-

живо около ризъ отласъ цвѣтной. «Приняты и отданы Савинскому Архимариту Никонору».

Ризы отласъ золотной по зеленой землѣ, оплечье бархатъ золой Венедицкой по червчатой землѣ аксамитинъ, низанъ жемчюгомъ мелкимъ около травъ въ одну прядь. Дачи Василья Ивановича Нагово. «Приняты и отданы Савинскому Архимариту Никонору».

Ризы отласъ лазоревъ, оплечье низано жемчюгомъ по черному бархату съ дробницами серебреными золочеными, подложены киндякомъ лазоревымъ. Дачи боярина Князя Ѳедора Ивановича Мстисловского. «Приняты и отданы Савинскому Казначею Микитѣ».

Ризы отласъ серебренъ, въ травахъ шелкъ алъ да рудожелтъ, оплечье бархатъ чернъ, низано жемчюгомъ, а на нихъ шесть дробницъ кіотцами, десять дробницъ круглыхъ серебрены золочены, а на нихъ начертаны Святые Херувимы, да въ травахъ мелкіе золотые дробницы, три камени смазни въ гнѣздахъ, около дробницъ и жемчюгу обвожены веревочки золотные, крестъ и звѣзда низано жемчюгомъ, а въ крестѣ камень лазоревъ, яхонтъ да четыре дробницы, круживо бархатъ золотной червчатъ, подпушка отласъ червчатъ, подложено бязью. Дачи Сутскихъ Князей. «Приняты и отданы Савинскому Казначею Микитѣ».

Ризы алтабазъ Немѣцкой на багровомъ шелку, оплечье и складное низано жемчюгомъ, травы порознымъ бархатомъ, а въ немъ одинатцать каменей да девятнатцать мѣстъ порозжихъ, около дватцать три дробницы, на нихъ резаны Святые стоячіе, да по другому краю пятнатцать дробницъ малыхъ круглыхъ, а на нихъ резаны Святые поясные, крестъ жемчюгомъ низанъ, а въ немъ икона Спасовъ образъ на камени, около три камени розныхъ цвѣтовъ, круживо плетенецъ серебромъ золотомъ по бархату по червчатому. «Приняты и отданы Козминскому Игумну».

Ризы отласъ серебренъ по лазоревой землѣ чешуйчаты, оплечье бархатъ таусинной, низано жемчюгомъ, дробницы серебрены, наведены чернью, опушены бархатомъ таусиннымъ золотнымъ. «Приняты и отданы ему жъ».

Ризы отласъ золотной клинчаты по таусинной землѣ, оплечье низано жемчюгомъ, земля вся шита золотомъ, на оплечьѣ девять дробницъ большихъ кіотцами, на нихъ резаны Святые, да восемь дробницъ круглыхъ, на нихъ резаны Херувими и Серафими, всѣ дробницы золочены, да въ оплечьѣ жъ два яхонта лазоревы, да три бирюзы, да дватцать два камени смазни розными цвѣтами, около жемчюгу обложено багровымъ шелкомъ, крестъ и звѣзда бархатъ багровъ, а въ крестѣ пять каменей плохихъ, да въ крестѣ жъ и звѣздѣ по четыре дробницы басмейные, круживо золотое дѣлано въ кружки; подложены киндякомъ дымчатымъ. «Приняты и отданы Стрѣтенскому Протопопу Петру».

Ризы отласъ золотной, круги уголчаты по червчатой землѣ, въ травахъ шелкъ червчатъ бѣлъ, зеленъ, дѣланы изъ Сутскихъ гробныхъ покрововъ: оплечье, на нихъ бархатъ багровъ, низано жемчюгомъ, а межъ жемчюгу девять дробницъ кіотцами, да двѣ дробницы круглые, на нихъ начертаны Святые золочены, да межъ дробницъ большихъ дробницы мелкіе, около жемчюгу и дробницъ обложены веревочки золотные, крестъ низанъ жемчюгомъ по черному бархату, а въ крестѣ камышекъ въ гнѣздѣ, круживо шито золотомъ и серебромъ, елки по лазоревой землѣ; подложены крашениною. «Приняты и отданы Борисоглѣбскому Игумену Антонію».

Ризы отласъ золотной по лазоревой землѣ, травы золоты уголчаты, оплечье низано жемчюгомъ съ каменьи и съ дробницами по червчатому бархату, подольникъ отласъ зеленъ, шито серебромъ; подложены киндякомъ червчатымъ. Подпись 24 глава (по Описи). «Принято (и) отдано Борисоглѣбскому Игумну».

Ризы отласъ серебрянъ, травы шелкъ рудожелтъ да червчатъ, оплечье бархатъ червчатъ, жемчюгомъ низано большимъ, дробницы большіе серебряные золочены, а на нихъ на задней дробницѣ вырезанъ образъ Живоначальные Троицы, а на передней дробницѣ образъ Пречистые Богородицы на престолѣ; а на стороннихъ дробницахъ начертаны Святые, а межъ большихъ дробницъ дробницы середніе съ каменьи, а каменье плохіе, круживо около ризъ дѣлано канителью и куртулиномъ по червчатому отласу. Словутъ Никонскіе. «Приняты и отданы Благовѣщенскому Протопопу Степану».

Ризы отлась золотной по лазоревой землѣ, въ травахъ шелкъ разныхъ цвѣтовъ, оплечье бархатъ багровъ, низано жемчюгомъ, на оплечьѣ шиты образъ Живоначальные Троицы да Пречистые Богородицы и иные Святые, шиты золотомъ и серебромъ, въ вѣнцахъ жемчюги и камушки, крестъ и звѣзда серебреные тканые, круживо серебряное тканое, подпушка тафта лазорева, подкладка киндякъ зеленъ. «Приняты (и) отданы Рожественскому Протопопу Андреяну».

Ризы отласъ золотной по таусинной землѣ, оплечье низано жемчюгомъ по червчатому бархату, около жемчюгу веревочки золотые, а на оплечьѣ четырнатцать дробницъ серебряные золочены, да двѣ дробницы золотые, да двѣ дробницы чеканные, на оплечьѣ жъ каменья тумпазъ, да два яхонта лазоревы въ гнѣздахъ, да яхонтъ безъ гнѣзда, да лаликъ не великъ, да двѣ бирюзы въ гнѣздахъ, да четырнатцать каменей простыхъ, крестъ и звѣзда низано жемчугомъ, круживо около ризъ отласъ золотной по лазоревой землѣ, подложены дорогами лазоревыми, подпушка подложена отласомъ зеленымъ. «Приняты (и) отданы Мокѣю Протопопу».

Ризы отласъ бѣлъ серебрянъ, травы разводъ круги большіе золотомъ да шелки розными, оплечье и круживо низано жемчюгомъ середнимъ и мелкимъ съ дробницами золочеными по червчатой камкѣ, да на оплечьѣ жъ девять дробницъ большихъ круглыхъ серебряны позолочены, а на нихъ начертаны Святые, въ крестѣ четыре дробницы да камень яхонтъ, да въ звѣздѣ четыре дробницы, круживо низано жемчюгомъ по червчатой землѣ. Дачи Государя Царя и Великого Князя Михаила Ѳеодоровича всеа Русіи. «Принято (и) отдано Казанскому Архимариту Прохору. Написано было 10 дробницъ, по досмотру 9 дробницъ большихъ».

Ризы отласъ серебрянъ, травы золотые, оплечье низано жемчюгомъ по таусинному бархату съ дробницами золотыми, на дробницахъ наведены черныю праздники и Святые. Даны по Иванѣ Тарасьевичѣ Грамотинѣ, во иноцѣхъ Іоилѣ. «Приняты и отданы Казанскому Архимариту Прохору».

Ризы бархатъ золотной Перситцкой по рудожелтой землѣ, оплечье низано жемчюгомъ съ камышки и съ канителью, крестъ

низанъ жемчюгомъ. Дачи Околничево Князь Василья Петровича Львова. «Приняты и отданы Петровскому Игумену».

Ризы бархательные, оплечье шито золотомъ и серебромъ и розными шелки, земля шита шолкомъ вишневымъ, около оплечья кайма на камнѣ багровѣ, низано жемчюгомъ мелкимъ въ одну прядь, лѣтописецъ круживо отласъ бѣлъ процвѣчиванъ, шелкъ вишневъ зеленъ репейками, подпушены тафтою червчатою, подложены зенденью лазоревою.

Ризы отласъ серебрянъ бѣлъ, травы золоты съ шолки розными, оплечье бархатъ чернъ, низано жемчюгомъ середнимъ съ дробницами, поверхъ травъ и по краемъ жемчюгъ большой, крестъ и звѣзда низано жемчюгомъ съ каменьемъ, круживо бархатъ чернъ, низано жемчюгомъ съ дробницами золочеными. Дачи Королевы старицы Мареы Володимеровны. «Приняты и отданы Савинскому Ризничему Филарету».

Ризы отласъ золотной по червчатой землѣ, оплечье бархатъ чернъ, низано жемчюгомъ лапками съ травами, да на оплечьѣ жъ восемь дробницъ большихъ полатками серебряными, а на дробницахъ резаны Святые, а около дробницъ низано жемчюгомъ въ одну прядь, а около ворота и около оплечья кайма, слова низаны жемчюгомъ мелкимъ тропарь Святѣй Троицѣ, крестъ низанъ жемчюгомъ въ одну прядь, а въ крестѣ пять дробницъ круглыхъ золочены, а въ нихъ начертаны Херувими и Серафими; посередь начертанъ крестъ, звѣзда жемчюгомъ низана въ одну прядь, репей на бархатѣ на черномъ, круживо алтабасъ. Нѣмецкой мѣдяной на черной землѣ; подложены зенденью свѣтло зеленою, подпушка тафта червчата. «Приняты и отданы Протопопу Мокѣю».

Ризы отласъ золотной по бѣлой землѣ, оплечье низано жемчюгомъ по червчатому бархату, на немъ десять дробницъ большихъ серебряные золочены, на нихъ начертанъ Деисусъ, а въ травахъ дробницы серебряны золочены троеуголчаты, около оплечья слова, низано жемчюгомъ съ дробницами серебряными золочеными, въ крестѣ и въ звѣздѣ по камышку бирюзѣ, круживо бархатъ червчатъ золотной аксамитной петлеватъ; подложены дорогами желтыми, подпушены тафтою червчатою. Дачи боярина Князя Дмитрея Тимоѳѣевича Трубецкаго. «Приняты и отданы Петровскому Игумену».

Патрахели жемчюжные:

Патрахель бархатъ червчатъ, низано жемчюгомъ съ дробницами золотыми, ердань шита золотомъ и серебромъ по червчатому бархату, на ердани низанъ крестъ жемчюгомъ, пугвицы золотые, кисти розныхъ шелковъ, накищиваны золотомъ и серебромъ, ворворки низаны жемчюгомъ; подложена камкою червчатою. Дачи Государя Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи.

Патрахель шита золотомъ со Святители, низаню жемчюгомъ, пугвицы серебряные золочены, ердань отласъ цвѣтной по лазоревой землѣ, на ердани образъ Спасовъ низанъ жемчюгомъ, семнадцеть кистей шелковыхъ, ворворки низаны жемчюгомъ; подложена камкою червчатою. «Приняты и отданы Савинскому Архимариту Никонору».

Патрахель бархатъ таусинной, низана жемчюгомъ съ дробницами серебряными золочеными, пугвицы серебряные золоченые, ердань у патрахели отласъ червчатъ золотной съ кистьми, ворворки низаны жемчюгомъ, подложена камкою червчатою. «Принята и отдана Савинскому Архимариту Никонору».

Патрахель бархатъ чернъ, низана жемчюгомъ съ дробницами серебряными, пугвицы серебряны золочены, кисти жетковы (д. б. шелковы), ворворки низаны жемчюгомъ, ердань отласъ золотной червчатъ, подложена камкою червчатою. «Принята и отдана Савинскому Архимариту Никонору».

Патрахель отласъ золотной по червчатой землѣ съ дробницами, низана жемчюгомъ, пугвицы серебряные золочены, кисти жетковы, ворворки низаны жемчюгомъ, ердань отласъ золотной, подложена камкою червчатою. «Принята и отдана Савинскому Казначею Микитѣ».

Патрахель бархатъ чернъ, низанъ жемчюгомъ съ дробницами серебряными золочеными, на ней шесть дробницъ большихъ серебряные чеканеные, на дробницахъ Святые, у патрахели тринатцеть пуговицъ серебряные скаnные золочены, ердань бархатъ червчатъ золотной, да одинатцеть кистей накищиваны золотомъ, ворворки низаны жемчюгомъ, подложена дорогами свѣтлолазоревыми. Дача Княгини Анны Васильевны Трубецкой.

Патрахель отласъ золотной по лазоревой землѣ, на ней десять дробницъ большихъ золоченыхъ, начертаны празники, около дробницъ обнизано жемчюгомъ въ одну прядь, кисти шелковые, десять пугвицъ хрустальныхъ. «Принято и отдано Мокѣю Протопопу».

Поручи жемчюжные:

Поручи бархатъ червчатъ, низанъ жемчюгомъ съ дробницами золотыми, пугвицы золотые. Дачи Государя Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи Поручи бархатъ чернъ съ дробницами серебряными, низаны жемчюгомъ, пугвицы серебряные золочены. «Приняты и отданы Савинскому Архимариту».

Поручи бархатъ таусинной, низано жемчюгомъ, пугвицы серебряны золочены.

Порухи бархатъ червчатъ, низаны жемчюгомъ, а на нихъ восемь дробницъ круглыхъ серебряны золочены, на нихъ начертанъ Деисусъ, дватцать четыре пугвицы серебряные золочены не велики, подложены дорогами зелеными. Дачи Княгини Анны Васильевны Трубецкой.

Поручи отласъ червчатъ, а на нихъ шитъ празникъ Благовѣщенія Пречистыя Богородицы, низаны жемчюгомъ мелкимъ. Дачи Евдокѣи Скуратовы. «Приняты и отданы Савинскому Архимариту».

Стихари дьяконскіе жемчюжные:

Стихарь отласъ серебрянъ, травы золоты съ шелки, оплечье низано жемчюгомъ съ дробницами золотыми по зеленому отласу, зарукавье низано жемчюгомъ съ дробницами золотыми по зеленому отласу, круживо бархатъ золотной червчатъ. Дачи Государя Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи. «Принято, отдано Казанскому Протодьякону».

Стихарь отласъ бѣлъ серебрянъ, травы золоты, оплечье и зарукавье низано жемчюгомъ по таусинному бархату. Данъ по Иванѣ Тарасьевичѣ Грамотинѣ, во иноцѣхъ Іоилѣ. «Принятъ и отданъ Савинскому Дьякону Кипреяну».

Улари жемчужные:

Уларь низанъ жемчюгомъ по зеленому отласу съ дробницами золотыми, подложенъ камкою червчатою, кисти шелковые, ворворки низаны жемчюгомъ. Дачи Государя Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича всеа Русіи. «Принятъ и отданъ Казанскому Протодьякону».

Уларь низанъ жемчюгомъ по таусинному бархату. Данъ по Иванѣ Тарасьевичѣ Грамотинѣ. «Принятъ и отданъ Савинскому Дьякону Кипреяну».

Стихари подризные:

Стихарей кушачей полосы розные, оплечье и зарукавье камка червчата, круживо Камка Кизылбашская. «Приняты и отданы Андреяну Протопопу».

Поясы жемчюжные:

Поясъ шелкъ червчатъ да лазоревъ, по немъ тканы кресты лазоревы да червчаты, у кистей ворворки низаны жемчюгомъ.

Поясъ шелкъ червчатъ да зеленъ крещатъ, у кистей ворворки низаны жемчугомъ. «(п)».

Поясъ шелкъ червчатъ да зеленъ, у кистей ворворки низаны жемчюгомъ, кисти шелкъ розной. «Принятъ и отданъ Ризничему Савинскому».

Поясъ шелкъ червчатъ да лазоревъ крещатъ, у пояса кисти золотомъ перевиваны, ворворки у кистей низаны жемчюгомъ. «Принято».

Поясъ шелкъ червчатъ да желтъ крещатъ, у кистей ворворки низаны жемчюгомъ съ дробницами, у перевяски ворворки просты. «Принято».

Поясъ шелкъ червчатъ да зеленъ крещатъ, кисти шелкъ черпъ да бѣлъ, ворворки низаны жемчюгомъ. «Принято».

Поясъ шелкъ червчатъ, кисти шелкъ багровъ да черпъ да бѣлъ, ворворки низаны жемчюгомъ. «Принято».

Поясъ шелкъ червчатъ крещатъ, у кистей ворворки низаны жемчюгомъ, а промежъ кистей подъ жемчюгомъ перевиван оволоченымъ золотомъ. «Принято».

Поясъ шелкъ червчатъ да зеленъ крещатъ, у кистей ворворки низаны жемчюгомъ, у перевяски ворворки перевиваны золотомъ. «Принято».

Поясъ шелкъ червчатъ да лазоревъ крещатъ, у кистей ворворки низаны жемчюгомъ мелкимъ, шито золотомъ. «Принято».

Поясъ тканъ золотомъ да серебромъ крещатъ, кисти золото да серебро, ворворки низаны жемчюгомъ. «Принятъ и отданъ Савинскому Казначею».

Поясъ большой дѣланъ въ крушки золотомъ и серебромъ, кисти золото съ серебромъ, ворворки обнизаны жемчюгомъ по червчатому отласу, пряжа и наконечки серебряные.

Поясъ шелкъ зеленъ, кресты тканы золотомъ и серебромъ, кисти шелкъ зеленъ, четыре ворворки жемчюжные, пряжа серебряная.

Поясъ шелкъ червчатъ да лазоревъ, привяски шелкъ тканъ столбцомъ, ворворки низаны жемчюгомъ. «Принято».

Поясъ шелкъ червчатъ, тканъ въ крушки, у него кисти шелкъ червчатъ, ворворки низаны жемчюгомъ. «Принято».

Сообщ. Іеромонахъ Арсеній.

ИСТОРИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ

ОБЪ

ИКОНОПИСАНІИ ВЪ СИБИРИ.

Ермакъ разбилъ Кучума и овладѣлъ его столицей осенью 1581 года. Съ этѣхъ поръ отъ покоренной Татарской столицы, какъ бы отъ центра, владычество Русскихъ стало распространяться на сѣверъ, югъ и въ особенности на востокъ Сибири и распространилось чрезвычайно быстро; къ 1620 году наша власть и наши заселенія простирались отъ Урала до Енисея и отъ Томска до Пелыми, Обдорска и Мангазеи; къ 1660 году Русскіе были уже на низовьяхъ Лены и Колымы и въ верховьяхъ Амура, и тамъ имѣли, кромѣ другихъ городовъ, Иркутскъ, Якутскъ и Албазинъ; а въ концѣ XVII и самомъ началѣ XVIII столѣтія они уже утвердились въ Камчаткѣ.

Съ Русскими явилось въ Сибири и Христіянство, сначала въ лицѣ ихъ однихъ, а потомъ и въ лицѣ, обращенныхъ ими, туземныхъ племенъ: Остяковъ, Вогуловъ, Якутовъ, Тунгусовъ и пр.

Русскіе, какъ Христіяне, селясь въ Сибири, съ особеннымъ усердіемъ устрояли мѣста общественнаго богослуженія. Это въ началѣ обыкновенно дѣлалось такъ: гдѣ Русскіе промышленники и Казаки избирали мѣста удобныя для мѣновой торговли съ инородцами и для сбора съ нихъ ясаку, тамъ они тотчасъ ставили крестъ, а послѣ строили и часовню; гдѣ Русскіе ставили острогъ (укрѣпленіе), тамъ они строили уже и церковь, а гдѣ основывали городъ, тамъ заводили уже не только церковь, или церкви, но

и монастырь.[1] Съ неменьшимъ усердіемъ Русскими въ послѣдствіи устроились молитвенныя зданія и среди обратившихся инородцевъ, на пр., на р. Оби, гдѣ нынѣ Кондинскій монастырь, еще въ 1602 году была устроена церковь для принявшаго передъ тѣмъ крещеніе Остяцкаго Князьца Алачева, а въ 1712—27 годахъ Митрополитомъ Тобольскимъ Филоѳеемъ, среди 40 тысячъ крещенныхъ имъ Остяковъ, Вогуловъ, Самоѣдовъ, Татаръ (живущихъ по Турѣ) и другихъ инородцевъ, выстроено было до 37 церквей, и кромѣ того поставлено много часовенъ и крестовъ подъ деревянными навѣсами.

Нужныя для монастырей, храмовъ, часовенъ, а также и для жилищъ, какъ Русскихъ, такъ и новокрещенныхъ Сибирскихъ инородцевъ иконы (равно какъ и всякая другая церковная утварь, на пр., священные сосуды, колокола, богослужебныя книги и пр.) первоначально всѣ были получаемы изъ Россіи. Ихъ въ нѣкоторомъ количествѣ прежде другихъ принесъ въ Сибирь Ермакъ съ своими сподвижниками;[2] ихъ (между прочимъ списки съ чудотворныхъ иконъ, чтимыхъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи) везли[3] и несли,[4] вмѣстѣ съ домашней утварью, частныя лица, переселявшіяся въ Сибирь, или только на время пріѣзжавшія туда; ихъ привозили изъ Россіи для сбыта Сибирякамъ торговцы; ихъ выписывали, и цѣлыми иконостасами, строители монастырей, собо-

---

[1] Ист. Обозр. Сиб. Словцова. Кн. I, стр. 58.

[2] Ермаковыхъ иконъ въ Тоб. Соборѣ, какъ это видно изъ описей соборныхъ, сохранилось до настоящаго времени до семи, между прочимъ икона Христа Спасителя съ предстоящими въ серебряныхъ вѣнцахъ; изъ прочихъ, какъ замѣчательныхъ исторически, Преосв. Тобольскими однѣ были отправлены для поднесенія Государямъ Императорамъ, по случаю ихъ восшествія на престолъ, или коронованія, а другія розданы въ благословеніе важнымъ лицамъ, на пр., Сибирскимъ Губернаторамъ и Воеводамъ.

[3] Къ иконамъ, привезеннымъ изъ Россіи, слѣдуетъ отнести особенно чтимую икону Смоленской Божіей Матери, что въ Осиповой слободѣ, Ялутор. уѣзда, и икону Тихвинской Божіей Матери, находящуюся въ Тарской кладбищенской церкви, и также много чтимую.

[4] Изъ Россіи въ Сибирь принесена, принимая это слово въ буквальномъ смыслѣ, икона Святителя Николая, называемая Можайскою, что въ деревнѣ Самсоновой, близъ Тары. (Моск. Вѣд. 1852 г., N 138, стр. 1419).

ровъ и (лучшихъ) приходскихъ храмовъ; ихъ присылали иногда въ благословеніе или цѣлой паствѣ, или частнымъ лицамъ, и вновь назначаемые туда Архипастыри;[5] ихъ наконецъ присылали, особенно въ первыя церкви Сибирскихъ городовъ и остроговъ наши благочестивые Цари, на пр., отъ Царя Ѳеодора Ивановича были присланы въ первую Тобольскую (Троицкую) церковь иконы: 1) Господа Іисуса Христа, сѣдящаго на престолѣ; 2) Одигитріи Божіей Матери, и 3) Нерукотвореннаго образа Спасителя (изъ которыхъ двѣ первыя, со времени уничтоженія Троицкаго собора, въ 1791 году, находятся въ алтарѣ теплаго Тобольскаго каѳедральнаго собора, а третья въ Тобольской же Спасской церкви), и въ церковь городка Табаръ, нынѣ села Табаринскаго уѣзда; отъ Царя Бориса Ѳедоровича Годунова были присланы въ 1601 году въ Туринскъ, въ строившуюся тогда тамъ церковь во имя Святыхъ благовѣрныхъ Князей Бориса и Глѣба, сверхъ разной церковной утвари, храмовой образъ Бориса и Глѣба, Деисусъ (состоящій) изъ 9 иконъ, Царскія двери со стольцами, запрестольный образъ Богоматери и крестъ, обложенный мѣдью, да въ началѣ 1605 г. въ Верхотурскій Николаевскій монастырь нѣсколько иконъ; въ 1607 году Царь Василій Ивановичъ Шуйскій въ тотъ же Верхотурскій монастырь выслалъ почти цѣлые иконостасы для настоящей его Николаевской церкви и придѣльной Борисоглѣбской; Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, около 1623 года, прислалъ разныя иконы въ Кузнецкій Преображенскій соборъ и

---

[5] Такихъ иконъ доселѣ извѣстно три: одна Казанской Божіей Матери въ Нижне-Тагильской Николаевской церкви, другая Знаменія Божіей Матери въ Иркутскомъ каѳедральномъ соборѣ, и третья на пищебумажной Панаевской, что близъ Туринска, фабрикѣ, въ домѣ управляющаго. Первая дана была въ 1701 году въ Москвѣ Святителемъ Димитріемъ Ростовскимъ (по рукоположеніи въ Митрополита Тобольскаго) въ напутствіе Никитѣ Демидову, при отправленіи его въ пожалованныя ему Петромъ Велик. Невьянскія и Нижне-Тагильскія дачи (Жур. М. Нар. Просв. на 1857 г., М. Февр., Отд. 2, стр. 269); вторая была послана въ благословеніе всѣмъ жителямъ Иркутска Митр. Іоанномъ Максимовичемъ; третьею (на стеклѣ, въ аршинъ длины и 3 четв. ширины) въ 1769, или 1770 г. благословилъ Преосв. Варлаамъ Туринскаго Воеводу Панаева, которому и котораго потомству прежде принадлежала фабрика. О сей послѣдней иконѣ скажемъ еще, что она писана была самимъ Преосв. Варлаамомъ.

въ два Тарскіе монастыря, мужской Спасскій и женскій Пятницкій (около 1764 года упраздненные, съ обращеніемъ церквей ихъ въ приходскія), а Царевна Софія Алексѣевна пожертвовала въ Тобольскій Богородице-Рождественскій монастырь обложенныя серебромъ, Царскія двери, доселѣ невредимо сохраняющіяся въ придѣлѣ Святаго Николая Тобольской Богородице-Рождественской, иначе Ильинской, церкви, обращенной, по закрытіи монастыря, въ приходскую.[6]

Но такой способъ пріобрѣтенія Св. иконъ для жителей Сибири, очевидно, былъ слишкомъ неудобенъ: иконы въ продолжительномъ пути портились и были гораздо дороже, чѣмъ въ Россіи; при постройкѣ и освященіи храмовъ происходили замедленія и остановки: нужно было дѣлать продолжительныя сношенія съ отдаленными Москвой, Устюгомъ, Суздалемъ и другими Россійскими городами, гдѣ производилось иконописаніе.

Само высшее Правительство заботилось освободить Сибирь отъ этѣхъ неудобствъ. Такъ въ царствованіе Михаила Ѳедоровича изъ Устюга Великаго и Соли Вычегодской были присланы въ Тобольскъ, въ распоряженіе тамошнихъ Преосвященныхъ, нѣсколько иконописцевъ, конечно, съ тою цѣлію, чтобы они завели тамъ свои мастерскія, писали въ нихъ для монастырей, храмовъ, часовенъ и для лицъ частныхъ Сибирской Епархіи иконы, и съ тѣмъ вмѣстѣ обучали бы своему искуству дѣтей, какъ своихъ, такъ и людей постороннихъ, разумѣется, по ихъ желанію. «А мѣстный образъ Живоначальныя Троицы,» говорится въ Наказѣ Царя Михаила Ѳедоровича, отъ 10 Февраля, 1644 года, Якутскимъ Воеводамъ, Пушкину и Супоневу, и Царскія двери, да межъ тѣхъ Царскихъ и сѣверныхъ дверей образъ Пречистыя Богородицы Одигитріи, да Деисусъ не великій, въ тое (первую предполагавшуюся къ постройкѣ въ Якутскѣ Троицкую) церковь велѣно было (еще въ 1638 году чрезъ предмѣстниковъ помянутыхъ

---

[6] Ист. Акт. Арх. Ком. т. 2, стр. 110, и сл. Вѣст. Геогр. Общ. 1854 г., N 1. Отд. 2, стр. 27 и 28. Опис. Сиб. царства Миллера, т. 1, стр. 186 и др. Еще: 1) мое Описаніе Тоб. собора стр. 11, 15, 75; 2) Абрамова Матеріалы для Ист. Христ. просв. Сиб. въ Жур. Мин. Нар. Просв. на 1854 г., N 2, стр. 4 и 5, и 3) Варлакова: Нѣчто о г. Тарѣ въ Тоб. Губ. Вѣд. 1859 г., N 18; Томскія Губ. Вѣд. 1860 г., N 45, стр. 343.

воеводъ, воеводъ же Петра Головина и Матвѣя Глѣбова, отправлявшихся тогда, т. е., еще въ 1838 году изъ Москвы въ Якутскъ черезъ Тобольскъ) написать въ Сибири жъ въ Тобольску, [7] иконникомъ, которые посланы въ Тобольскъ къ Архіепископу съ Устюга Великаго да отъ Соли Вычегодскіе. [8]

Цѣли Правительства, избавить Сибирь отъ добыванія иконъ издалека и образовать въ ней самой иконописаніе, содѣйствовали и частныя лица тѣмъ, что иные изъ Устюжскихъ и другихъ Великороссійскихъ иконописцевъ, и не по распоряженію Правительства, а добровольно, переселялись въ Сибирь, и здѣсь занимались своимъ мастерствомъ. Таковъ былъ родоначальникъ донынѣ существующаго въ Тюмени, купеческаго дома Иконниковыхъ, иконникъ Спиридонъ, переселившійся въ началѣ XVII столѣтія изъ Устюга Великаго въ Тюмень, и тамъ написавшій во вновь строившуюся тогда Знаменскую церковь, между прочими, икону Знаменія Божія Матери, нынѣ, да и съ давнихъ поръ, особенно чтимую въ Тюмени; къ такимъ же, т. е., къ добровольно переселившимся въ Сибирь, иконописцамъ, по всей вѣроятности, долженъ быть отнесенъ и Протодьяконъ Тобольскаго каѳедральнаго

---

[7] Всѣ означенныя иконы для первой Якутской церкви, согласно Царскому Указу въ Тобольскѣ, и были написаны и Преосв. Нектаріемъ переданы въ 1639 году проѣзжавшимъ тогда чрезъ Тобольскъ въ Якутскъ упомянутымъ Воеводамъ и находившимся при нихъ Священникамъ, посланнымъ изъ Казани (Записки Сиб. Отд. Геогр. Общ. 1856 г., кн. 1, стр. 16—19.

[8] Дополн. къ Ист. Акт. Арх. Комм. т. II, стр. 265 и сл.

[9] Сего Протодьякона отношу къ пріѣзжимъ изъ Россіи на томъ, во 1-хъ, основаніи, что, до учрежденія въ Тобольскѣ Архіер. каѳедры, духовенства въ Сибири, въ особенности порядочнаго, было чрезвычайно мало, и во 2-хъ, на томъ, что если бъ онъ родился въ Сибири, ему не у кого и негдѣ было бы такъ хорошо научиться иконописанію.

Судя по обычаю многихъ Тобольскихъ Преосвященныхъ—привозить съ собой изъ Россіи Дьяконовъ съ хорошими голосами, также кого ни будь изъ пѣвчихъ и другія духовныя лица, можно съ вѣроятностію полагать, что Протодьяконъ Матвѣй былъ привезенъ или изъ Новгорода первымъ Тобольскимъ Архіереемъ, Кипріаномъ, въ 1621 году, или изъ Костромы, вторымъ Тобольскимъ Преосвященнымъ, Макаріемъ, въ 1625 году, по крайней мѣрѣ, достовѣрно извѣстно, что въ 1628 г. Матвѣй былъ уже Протодьякономъ (Москвит. на 1855, N. 8, стр. 120; Тоб. Губ. Вѣд. 1858 г., N 18, стр. 350.

собора Матвѣй,[9] написавшій, между прочимъ, чудотворную Абалацкую икону Божія Матери и списокъ съ нея, находящійся нынѣ въ Семипалатинскѣ.

Всѣ первые Сибирскіе иконописцы, какъ прибывшіе въ Сибирь по волѣ Правительства, такъ и добровольно переселившіеся туда, согласно порядку, существовавшему въ старину и во всѣхъ Россійскихъ Епархіяхъ, состояли въ вѣдѣніи Тобольскаго Архіерейскаго дома,[10] который, для наблюденія надъ ними, всегда имѣлъ своихъ надсмотрщиковъ. Впрочемъ, Тобольскіе Преосвященные прежнихъ временъ и непосредственно могли наблюдать надъ иконописцами, по крайней мѣрѣ, надъ жившими въ ихъ Епархіяльномъ городѣ и мѣстахъ, ближайшихъ къ нему, по тому что они сами, бывъ съ юности монахами, и ежедневно и до Архіерейства посѣщая монастырскіе храмы, украшенные не только множествомъ иконъ, но еще и стѣнною живописью, имѣли вкусъ въ иконописи, и тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ нихъ, на примѣръ, четвертый Архіепископъ Герасимъ Кремлевъ (1640—50), сами, въ минуты, свободныя отъ дѣлъ по управленію Епархіей, съ усердіемъ занимались иконописаніемъ.[11]

---

[10] Это видно изъ выше приведенныхъ словъ Царскаго Наказа Якутскимъ Воеводамъ: «а иконы (для первой Якутской церкви) велѣно написати въ Сибири жъ, въ Тобольску, иконникомъ,» которыя посланы въ Тобольскъ къ Архіепископу. Кромѣ того см еще: Старинные акты къ опис. гор. Шуи, собранные Борисовымъ, N 26 и 27.

[11] Отъ Архіепископа Герасима до сихъ поръ сохраняется въ Ивановскомъ Межугорскомъ монастырѣ образъ Святителя Николая съ своеручною его Преосвященства подписью: «Архіепископомъ Герасимомъ 7153 (1645 году см. статью Н. А. Абрамова въ Журн. М. Нар. Пр.» 1854 г., подъ названіемъ: «Матеріалы для Ист. Хр. просвѣщенія Сибири». Изъ Тобольскихъ Преосвященныхъ послѣдующаго времени живописью занимался Архіепископъ Варлаамъ (1768—1802): его кисти иконъ и картинъ, преимущественно библейскаго содержанія (на примѣръ, притча въ лицахъ о впадшемъ въ разбойники и милосердомъ Самарянинѣ и пр.) по нѣскольку находится въ Тобольскомъ Архіерейскомъ домѣ, Софійскомъ соборѣ, Абалацкомъ монастырѣ, въ Тобольской Захарьевской церкви, и одна на Туринской бумажной фабрикѣ. О Варлаамѣ, какъ живописцѣ, см Странникъ на 1862 г. Февраль, Отд. 1, стр. 49—51.

Объ иконописцахъ старыхъ временъ замѣчаютъ еще, что отъ нихъ требовалась неукоризненная жизнь; что они, когда располагались писать икону, приготовлялись къ этому священному труду постомъ и молитвою, и что, во время писанія иконы, хранили чистоту духовную и тѣлесную и старались быть въ настроеніи чувствъ благоговѣйномъ и благочестивомъ.[12]

Труды иконописцевъ, прибывшихъ въ Сибирь, какъ по распоряженію Правительства, такъ и добровольно, имѣли добрыя для здѣшняго края послѣдствія: въ Сибири, въ первой же половинѣ XVII столѣтія, образовалась цѣлая, особенная отъ Московской, Строгоновской, Фряжской и другихъ, школа (иначе пошибь, письмо, стиль) иконописанія, извѣстная подъ названіемъ Сибирской. «Иконы Сибирскаго письма, говоритъ Г. Ровинскій, авторъ «Исторіи Русскаго иконописанія,»[13] по большей части не очень высокой работы; лица въ нихъ и даже цѣлыя фигуры отъ толстыхъ слоевъ красокъ, наложенныхъ одна на другую, а также и отъ особеннаго способа выглаживать левкасъ[14] на свѣтъ, выступаютъ впередъ въ видѣ полурельефовъ.» Въ существѣ дѣла это, быть можетъ, и такъ; но для большинства молящихся, которое всегда и вездѣ состоитъ изъ людей простыхъ, не получившихъ утонченнаго образованія и со вкусомъ къ живописи не развитымъ, иконы съ лицами и цѣлыми фигурами, какъ бы выступающими впередъ въ видѣ полурельефовъ, весьма полезны: сильно поражая взоры простыхъ людей, они этѣмъ самымъ могутъ благодѣтельно дѣйствовать на ихъ души и сердца, могутъ возвышать и усиливать ихъ благочестивыя чувствованія. При томъ, не безъ причины же знатоки и любители живописи и иконнаго письма, въ своихъ знаменитыхъ и многостоящихъ собраніяхъ, на ряду съ иконами высокаго достоинства школъ Московской, Строгановской и другихъ, имѣютъ иконы и школы Сибирской.[15]

---

[12] Тоб. Губ. Вѣд. 1859 г., N 6, стр. 52 и сл.

[13] Въ запискахъ Археол. Общ. т. VIII, 1836 г., стр. 27 и сл.

[14] Левкасъ составлялся изъ алебастра, разведеннаго въ жидкомъ клею; послѣ засушки на холстинѣ (которая наклеивалась на доску, приготовленную для иконы), онъ подскабливался ножемъ и выглаживался хвощомъ (особая трава). Примѣч. Н. А. Абрамова (См. Тоб. Губ. Вѣд. 1858 г., N 49, стр. 704).

[15] Въ Москвѣ, въ собраніи иконъ и картинъ Графа С. Г. Строганова, есть трой-

Но какъ бы то ни было, только искуство иконописанія въ Сибири утвердилось. Иконописцы Сибирскаго и обыкновеннаго письма были въ разныхъ мѣстахъ Сибири, но преимущественно они сосредоточились въ Тобольскѣ, при Архіерейскомъ домѣ. И дѣйствительно, Тобольскій Архіерейскій домъ славился въ Сибири живописцами и рѣзчиками почти во все XVII и до шестидесятыхъ, или семидесятыхъ, годовъ XVIII-го столѣтія.[16] Молодые и болѣе способные люди изъ Архіерейскихъ вотчинъ вытребовались въ Тобольскъ, жили по нѣскольку лѣтъ при Архіерейскомъ домѣ и практически съ образцовъ и по указанію лучшихъ изъ прежнихъ крѣпостныхъ же Архіерейскихъ мастеровъ[17] учились иконному письму и рѣзьбѣ изъ дерева, чрезъ что сами дѣлались мастерами, обзаводились семействами, строили, или пріобрѣтали, въ городѣ домики и цѣлый вѣкъ писали иконы: и принимая заказы отъ частныхъ лицъ, и исполняя порученія Архіерейскаго дома, и подряжаясь писать иконостасы для городскихъ, монастырскихъ и сельскихъ церквей Тобольской Епархіи, простиравшейся, съ учрежденія ея, т. е., съ 1620 и по 1727 годъ, чрезъ цѣлую Сибирь, отъ Урала и до Камчатки, а съ 1727 г. и по 1799 отъ Урала и до нынѣшней Иркутской Губерніи, а съ сего времени (съ 1799 г.) и по 1834 г., когда была открыта особая Епархія въ Томскѣ, обнимавшей три нынѣшнія Губерніи, Тобольскую, Томскую и Енисейскую. Но въ 1764 году, съ отобраніемъ въ казну вотчинъ отъ всѣхъ Архіерейскихъ домовъ и монастырей, и Тобольскій Архіерейскій домъ ли-

---

ные Сибирскаго письма складни съ праздниками Богоявленія Господня, Благовѣщенія, Успенія и Знаменія Божія Матери и съ избранными святцами; въ Москвѣ же, и также складни, но съ шестью и другими праздниками, находятся еще въ собраніи Г. Кузьмина. Изъ надписи на задней сторонѣ складней видно, что они писаны 7108 (1600) года въ Туруханскѣ (Зап. Археол. Общ. т. VIII, ст. 27 и слѣд.). Но въ этой надписи есть, какъ кажется, ошибка, или въ годѣ написанія иконы, по тому что Туруханскъ былъ построенъ гораздо позднѣе 1600 г., или въ названіи мѣста, гдѣ она была написана, по тому что въ 1600 г. на дальнемъ сѣверѣ Сибири, на рѣкѣ Тазѣ, вмѣсто Туруханска, былъ городъ Мангазея.

[16] Тоб. Губ. Вѣд. 1859 г., N 22, стр. 290.

[17] Лучшіе мастера, въ числѣ двухъ, служившіе при Архіер. домѣ въ качествѣ учителей иконописанія, получали отъ Тоб. Архіерея и жалованье (Изъ дѣлъ стараго Консист Архива).

шился, вмѣстѣ съ прочими мастеровыми всякаго рода (которыхъ у него было всегда въ избыткѣ), и даровыхъ иконописцевъ. Изъ бывшихъ его иконописцевъ, а равно и рѣзчиковъ, одни возвратились въ мѣста прежняго своего жительства, и тамъ забыли свое мастерство, занявшись сельскими работами; а другіе, оставшись въ Тобольскѣ, приписались въ мѣщанство и по прежнему занимались иконописью и рѣзьбою, передавая, для снисканія пропитанія, свое мастерство или своему потомству, или желающимъ изъ постороннихъ. Вотъ объясненіе того явленія, что въ Тобольскѣ, въ нѣкоторыхъ изъ мѣщанскихъ семействъ, на пр., Чеботныхъ, Грязева и пр., и до сихъ поръ сохранялось и сохраняется по преданію искуство иконописанія, или рѣзьбы.[18]

По примѣру Архіерейскаго дома, и монастыри Тобольской Епархіи, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые въ прежнее время имѣли своихъ иконописцевъ, или изъ своихъ вотчинныхъ крестьянъ и монастырскихъ служекъ, или изъ своихъ послушниковъ и монашествующихъ. И вотъ на это доказательства: въ 1675 году у болѣвшей долго жены Тобольскаго Воеводы, Петра Михайловича Салтыкова, послѣ молебствія предъ Абалацкою иконою Божіей Матери, возродилось сильное желаніе написать для дома копію съ нея, во всемъ и совершенно сходную съ нею; Воевода, уступая желанію больной и съ благословенія тогдашняго Митрополита Корнилія, и заказалъ написать таковую (лучшему въ то время въ Тобольскѣ) живописцу Знаменскаго монастыря, Мирону Кириллову. Чрезъ три съ половиною недѣли икона была готова, и когда, по освященіи, была принесена съ процессіей изъ монастыря въ Воеводскій домъ, и тамъ начали предъ нею совершать Владычицѣ молебное пѣніе, больная получила совершенное исцѣленіе.[19] Въ церкви села Исетскаго (Ялуторовскаго Округа), надъ Царскими вратами, есть икона Живоначальныя Троицы. Надпись

---

[18] Изъ наиболѣе извѣстныхъ иконъ въ Сибири писаны въ Тобольскѣ слѣдующія: 1) Абалацкая Знаменская икона Божіей Матери и копія съ нея; 2) Семипалатинская; 3) Боровская, что близъ Ишима, 4 и 5) двѣ Иркутскія; 6) Куринская; 7) Успенія Божіей Матери, что въ Далматовскомъ монастырѣ, и 8) Одигитріи, что въ селѣ Богородскомъ, близъ Томска.

[19] Сл. въ (рукоп.) Книгѣ чудесъ отъ Абалацкой иконы Б. Матери, чудо 120, л. 148—153.

на ней показываетъ, что она была приложена въ церковь еще въ 1668 году служилымъ Бѣлоисетскаго острога, Козмой Ивановичемъ Зелениными, но что въ послѣдствіи, за ветхостію, была поновлена въ Рафаиловской обители[20] (находившейся не вдалекѣ отъ Исетскаго села и также, какъ и оно, на р. Исети, но въ тридцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія, по неимѣнію монашествующихъ, закрытой).

При Архіерейскомъ домѣ всегда бывало много ставлениковъ, для посвященія на священныя должности и другихъ, преимущественно молодыхъ, людей духовнаго званія, для обученія чтенію, нотному пѣнію и вообще отправленію Богослуженія; при немъ же, со временъ Митрополита Филоѳея (съ 1703 года), была школа для обученія священно-и церковнослужительскихъ и новокрещенскихъ дѣтей въ послѣдствіи (въ 1744 г.), преобразованная въ Семинарію; а въ монастыряхъ всегда бывало не мало, кромѣ монашествующихъ, молодыхъ послушниковъ, выходившихъ въ послѣдствіи времени на приходы, и учениковъ, существовавшихъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ (на пр., въ Тобольскомъ Знаменскомъ, Рафаиловскомъ и Томскомъ Алексѣевскомъ) Духовныхъ Училищъ. Эти ученики Училищъ и Семинаріи, разумѣется, тѣ изъ нихъ, которые сами въ себѣ чувствовали наклонность къ живописи, а равно и упомянутые молодые ставленики, готовившіеся къ посвященію, заходя въ мастерскія Архіерейскихъ и монастырскихъ иконописцевъ, или даже, быть можетъ, иные квартируя въ домахъ этѣхъ небогатыхъ людей, присматривались къ ихъ мастерству, сами въ свободное отъ ученія, или отъ службы церковной, время, принимались за краски и кисти и, при собственномъ усердіи, подъ руководствомъ учителей-мастеровъ, мало по малу выучивались мастерству, да продолжали заниматься имъ и тогда, когда находились уже на мѣстахъ въ городахъ и селахъ, надъ нимъ коротали свободное отъ службы и, слѣдственно, скучное время, а между тѣмъ чрезъ него же пріобрѣтали подспорье своему нероскошному содержанію, получаемому ими отъ приходовъ и монастырей. Изъ лицъ духовныхъ, занимавшихся въ старину иконописаніемъ, исто-

---

[20] Тоб. Губ. Вѣд. 1859 г., N 11, стр. 115.—И въ недавнее время причетникъ Рафаиловскій отлично рѣзалъ на деревѣ кресты и иконы.

рія сохранила для насъ, кромѣ Протодьякона Матвѣя, имена пятерыхъ: Священника одной изъ церквей г. Тобольска, Василья, послушника Тобольскаго Архіерейскаго дома, Лукьяна Филиппова, Іеромонаха Архіерейской же домовой церкви Іоанна, Священника села Шкотскаго (Курганскаго Уѣзда) Чемесова и Протоіерея Градо-Омской Ильинской церкви, Андрея Васильевича Комарова. Первый изъ нихъ, между прочимъ, написалъ, по просьбѣ жителей села Богородскаго, что на р. Оби, въ 60 верстахъ отъ Томска, икону Божіей Матери Одигитріи, которая въ послѣдствіи прославилась тамъ чудотвореніями и которая въ Томскѣ и вообще въ Томскомъ краѣ особенно чтится. Второй, бывъ въ 1687 г. застигнутъ на пути изъ Тобольска въ Туруханскій монастырь, на поклоненіе мощамъ почивающаго и мѣстно чтимаго тамъ невиннаго страдальца, Василія Мангазейскаго,[21] страшною бурею съ дождемъ и сильнымъ послѣ того холодомъ, при томъ въ совершенно пустомъ мѣстѣ, молился мысленно тому страдальцу объ избавленіи его отъ смерти, и при этомъ далъ обѣщаніе, въ случаѣ избавленія, написать его изображеніе, что, по полученіи избавленія, дѣйствительно и исполнилъ. Распросивъ въ бытность въ Туруханскѣ о наружномъ видѣ чтимаго тамъ страдальца, написалъ первый и въ первый разъ его изображеніе.[22] Третій, т. е., Іеромонахъ Іоаннъ, въ концѣ XVII столѣтія (около 1695 г.), написалъ иконы, и хорошаго достоинства, для Верхотурскаго, только что въ то время построеннаго, каменнаго собора.[23] Четвертый (Свящ. Чемесовъ, — несчастный), послѣ написанія многихъ иконъ для церквей и домовъ, въ 1774 г. написалъ знамя съ изображеніемъ на одной сторонѣ Спасителя, а на другой Божіей Матери, для толпы сподвижниковъ Пугачева, дѣйствовавшей подъ начальствомъ Атамана Новгородова, на востокѣ отъ Урала, въ Уѣздахъ Челябинскомъ, Шадринскомъ, Курганскомъ и другихъ, написалъ, впрочемъ, только тогда уже, когда Пугачевцы (чтобы запугать его, чтобы показать, какія страшныя послѣдствія для него и его семейства повлечетъ за собой его отказъ) поставили передъ нимъ

---

[21] Житія Святыхъ Русскихъ, мѣсяцъ Авг., и въ Ист. Іер. Р. Ц. Троиц. Монастырь.

[22] Записки объ Енисейской Губерніи, Пестова.

[23] Вѣсти. Геогр. Общ. 1854 г., N 1, Отд. 2.

висѣлицу и повѣсили Казака, лишь передъ тѣмъ захваченнаго ими изъ воинской команды, вѣрной Правительству.[24] Что жь касается до Протоіерея Андрея Комарова, умершаго около 1840 года, то отъ этого достопочтеннаго старца много остается иконъ, есть даже цѣлые, или почти цѣлые, иконостасы въ Градо-Петро-Павловскомъ соборѣ и въ церквахъ Омской Ильинской, бывше-крѣпостной Пещанской, и разныхъ сельскихъ.

Иконописанію, утвердившемуся въ Сибири въ первой половинѣ прошедшаго столѣтія, явилась помощь, откуда, по видимому, нельзя было и ожидать: Демидовы, получивши отъ Петра I на Уралѣ богатыя желѣзной рудой дачи, и построивши нѣсколько желѣзнодѣлательныхъ заводовъ, на одномъ изъ нихъ, и именно на Нижне-Тагильскомъ, для возвышенія достоинства и цѣнности своихъ издѣлій, завели школу живописи, выписали для нея изъ за границы искусныхъ живописцевъ, изъ приписанныхъ къ заводамъ вотчинъ набрали мальчиковъ, пріобрѣли для нея довольно богатое собраніе эстамповъ, картинъ и иконъ, и снабдили ее въ изобиліи и другими нужными пособіями; выучившіеся мастера расписывали у нихъ желѣзные столы, подносы, шкатулки и пр , и за то получали хорошее жалованье; или дѣлалось и такъ: мастера покупали съ завода, по сходнымъ цѣнамъ, желѣзныя издѣлія, расписывали ихъ на свой счетъ и продавали въ свою пользу. Сосѣдніе съ Нижне-Тагильскимъ заводомъ, при томъ издавна склонные къ разнымъ мастерствамъ, жители Туринска, понимая, какія выгоды можно извлечь изъ вновь явившагося мастерства, сами стали отправляться, и дѣтей своихъ отправлять, въ заводскую школу, и когда выучивались и послѣ устарѣвали одни, на ихъ мѣсто въ Нижне-Тагильскъ, какъ бы въ какую ни будь своего рода Академію художествъ, или въ Италію, отправлялись другіе, и это продолжалось до начала настоящаго столѣтія, доколѣ Демидовы, увидѣвши, что живопись въ Тагилѣ и сосѣднихъ мѣстахъ привилась, не закрыли школы. Туринцы, обучавшіеся живописи, по возвращеніи домой, почти обыкновенно заводили у себя мастерскія, въ нихъ писали иконы, покупали въ Нижне-Тагильскѣ

---

[24] См. въ «Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн. Росс. 1859 г.,» мою статью: Матер. для Исторіи Пугач. бунта.

листовое желѣзо, поручали другимъ дѣлать изъ него желѣзные столы, подносы, шкатулки и пр., все это расписывали, разрисовывали, и съ хорошею выгодою для себя сбывали на торжкахъ и ярмаркахъ Тобольской и Пермской Губерній, а особенно въ Ирбити.[25] Но этого мало: Туринскіе живописцы, вмѣстѣ съ появившимися въ ихъ городѣ рѣзчиками, стали подряжаться устроять и писать цѣлые иконостасы для церквей Западной Сибири и ближайшихъ къ Туринску Уѣздовъ Губерніи Пермской, и въ теченіи прошедшаго и въ настоящее столѣтіе устроили и написали ихъ много и много, и надобно отдать имъ честь, написали гораздо лучше Суздальцевъ и другихъ, волей и неволей пріѣзжающихъ и приходящихъ въ Сибирь, мастеровъ этого рода. Впрочемъ, въ настоящее время число мастерскихъ въ Туринскѣ почти съ каждымъ годомъ уменьшается; по тому что иконы пишутся, равно какъ шкатулки и другія желѣзныя вещи, расписываются Туринскими мастерами тщательно, а не какъ ни будь; отъ того онѣ довольно цѣнны, и на Ирбитской ярмаркѣ, при соперничествѣ во множествѣ привозимыхъ туда подобныхъ же вещей низкаго до-

---

[25] Покойный Петръ Андр. Словцовъ, въ одномъ изъ своихъ сочиненій (Ист. Обозр. Сиб. кн. 2, стр. 73) о происхожденіи иконописанія и рѣзьбы изъ липы въ Туринскѣ говорилъ иначе: по его догадкѣ начало искуствамъ иконописанія и рѣзьбы въ Туринскѣ положили или Угличане, изъ Пелымя отчасти туда переселенные, или Кіевляне, писавшіе въ началѣ XVIII столѣтія, по порученію Митрополита Тобольскаго, Филоѳея, иконы для церквей Тюменскаго монастыря и, быть можетъ, бравшіе себѣ въ помощь Туринцевъ. Но, по самымъ точнымъ справкамъ, это оказалось невѣрнымъ; да и характеръ живописи Туринцевъ совсѣмъ иной, чѣмъ Кіевлянъ, или Угличанъ: письмо этѣхъ послѣднихъ старинное, Греческое, а тѣхъ первыхъ новѣйшее, болѣе Италіянское. Справки о происхожденіи въ Туринскѣ иконнаго письма наводилъ учитель рисованія Омскаго Училища, Г. Панаевъ, который самъ искусный иконописецъ, при томъ родился и долго жилъ въ Туринскѣ, а главное нѣсколько лѣтъ тому назадъ, вмѣстѣ съ жившимъ въ 30-хъ и 40-хъ годахъ въ Туринскѣ, образованнымъ Ив. Ив. Пущинымъ, нарочито занимался собираніемъ свѣдѣній объ этомъ предметѣ на мѣстѣ, и въ недавнее время былъ въ Нижне-Тагильскѣ, и тамъ видѣлъ остатки вышеупомянутой школы рисованія. Еще менѣе правды у Г. Завалишина (въ его 1 томѣ Описанія Сибири), который говоритъ, что живопись Туринцевъ есть отрасль школъ или Строгановской, или Арзамазской.

стоинства, но дешевыхъ, такъ называемаго, Московскаго издѣлія, не имѣютъ хорошаго сбыта.[26]

Итакъ забота Правительства и попеченіе Архипастырей Тобольскихъ о водвореніи въ Сибири иконописанія, равно какъ и усилія частныхъ лицъ, къ тому же направленныя, имѣли успѣхъ, но, къ сожалѣнію, успѣхъ неполный и не навсегда. И во 1-хъ, искусныхъ иконописцевъ въ Сибири всегда было не много; во 2-хъ, искуство иконописанія утвердилось только въ весьма не многихъ мѣстностяхъ Сибири; въ 3-хъ, и въ этѣхъ не многихъ мѣстностяхъ, исключая доколѣ Туринска, оно не осталось навсегда. При Тобольскомъ Архіерейскомъ домѣ и въ монастыряхъ Сибирскихъ, какъ видѣли мы, ни иконописцевъ, ни рѣзчиковъ давно уже (около 100 лѣтъ) нѣтъ, и не многіе Тобольскіе мѣщане, въ концѣ прошедшаго и въ настоящемъ столѣтіи занимавшіеся, и доселѣ занимающіеся, иконописаніемъ и рѣзьбою, служили и служатъ только памятникомъ того, что было прежде въ Тобольскѣ; въ самомъ Туринскѣ, какъ было замѣчено, число мастерскихъ у иконописцевъ годъ отъ году уменьшается. Между тѣмъ потребность въ иконахъ по Сибири, съ постояннымъ увеличеніемъ въ ней народонаселенія и сильнымъ умноженіемъ числа церквей, особенно въ послѣдніе 15, 20, 30 лѣтъ,[27] всегда была и есть особенно велика. По чему лавочники Сибирскихъ городовъ и пріѣзжіе коробочники, извѣстные въ Сибири подъ именемъ Вязниковцевъ, и прежде привозили и нынѣ привозятъ въ Сибирь иконы, такъ называемыхъ, Московскаго и Суздальскаго издѣлій, не только возами, но почти обозами, не только десятками, но сотнями

---

[26] Тоб. Губ. Вѣд. 1859 г., N 22, стр. 290, и 1858 г., N 18, стр. 352.

[27] Въ 1702 г. церквей во всей Сибири было только 160, и чрезъ 40 лѣтъ послѣ того, въ 1742 г., ихъ было уже 448 (Полн. Собр. Зак. т. 8, N 1541; Ист. Іер. Р. Ц. ч 1, стр. 72, ч. 2, стр. 79, и сл.); въ 1840 г. ихъ было (замѣтимъ, что это кромѣ Сибирскихъ Уѣздовъ, отошедшихъ* еще въ 1799 г. къ Епархіямъ Пермской и Оренбургской) 707; а въ настоящее время гораздо болѣе и этого: въ послѣдніе годы многіе приходы по Епархіямъ Тобольской и Томской раздѣлились не только на два, или на три, прихода, но и болѣе.

* «А въ нихъ церквей есть сотъ до пяти, или шести». См. Отчетъ Оберъ-Прокур. Св. Синода за 1840 годъ и за всѣ послѣдующіе годы.

и болѣе, и онѣ всѣ расходились и расходятся безъ остатка. По той же причинѣ почти всегда и прежде бывало, и нынѣ бываетъ такъ, что если въ какомъ ни будь городѣ вновь строился, или строится, храмъ, или перестраивается прежній, болѣе другихъ великолѣпный, и если требовалось, или требуется, украсить его особенно благолѣпнымъ иконостасомъ, иконостасъ тотъ, не смотря на трату времени, на разныя проволочки, лишніе расходы и другія непріятности,[28] заказывался и заказывается въ Россіи, или же, для написанія и устройства его, вызывались и вызываются оттуда мастера. Изъ множества примѣровъ укажу на слѣдующіе: дворянинъ Иванъ Качаловъ, построившій въ 1701—03 годахъ въ Томскѣ церковь Знаменія Божіей Матери, иконы для двухъ ея иконостасовъ выписалъ изъ Москвы;[29] Митрополитъ Тобольскій Филоѳей, въ 1708 году перестраивая Тюменскій монастырь изъ деревяннаго въ каменный, и въ 1710 году передѣлывая иконостасъ холоднаго Тобольскаго собора, для написанія пяти иконостасовъ въ церквахъ монастырскихъ и одного иконостаса въ соборѣ, вызывалъ иконописцевъ изъ Кіева;[30] около 1840—42 го-

---

[28] Вотъ, какъ образчикъ, одинъ изъ непріятныхъ случаевъ, какіе бываютъ иногда при заказахъ иконостасовъ вдали. Въ 1839 году Омская Войсковая Николаевская (пока одна теплая) церковь была совсѣмъ готова къ освященію; получаются наконецъ изъ Москвы заказанныя тамъ чрезъ купца Корнилова дорогія иконы; нѣкоторыя изъ иконъ оказываются, однако жь, велики противъ приготовленныхъ для нихъ мѣстъ; ихъ обрѣзали, которыя сверху или снизу, а которыя со сторонъ, и поставили. Но что же? Чрезъ нѣсколько дней оказывается, что этѣ иконы тѣмъ же купцомъ Корниловымъ были писаны для Кяхтинскаго собора, а въ Омскую Войсковую церковь попали единственно по ошибкѣ Корниловскаго прикащика, писавшаго на ящикахъ адресъ. Само собою разумѣется, что этѣ обрѣзанныя иконы были послѣ того отправлены по принадлежности (въ Омскѣ дождались своихъ), но увы!—Для Кяхтинскаго собора онѣ, какъ обрѣзанныя, оказались уже малыми, и по тому негодными. Тутъ подрядчикъ Корниловъ потерпѣлъ значительный убытокъ. по тому что долженъ былъ даромъ написать другія иконы для Кяхтинскаго собора, да и Кяхтинскій соборъ не былъ въ выгодѣ, но тому что освященіе его было отложено еще надолго.

[29] Томскія Губ. Вѣд. 1858 г., N 32, стр. 255—58.

[30] Тоб. Губ. Вѣд. 1858 г., N 50, стр. 718 и сл. Мои: 1) Опис. Тоб. собора, стр. 43, и 2) Митр. Филоѳей Лещ., стр. 10. Иконы Тюменскаго монастыря, писанныя Кіевлянами, и доселѣ такъ хороши, съ такими свѣжими красками,

довъ великолѣпные иконостасы для Омской Козачье-войсковой Николаевской церкви и для Кяхтинскаго собора, по заказамъ распоряжавшихся ихъ постройкою, писаны были въ Москвѣ чрезъ купца Корнилова, а около 1844 года, по заказу купца Ал. С. Пиленкова, также въ Москвѣ устроенъ иконостасъ для Казанской церкви Тобольскаго Знаменскаго монастыря. Подобнымъ образомъ поступалъ и поступаетъ живущій въ Омскѣ купецъ, Вл. П. Кузнецовъ, когда ему нужны были иконостасы для построенныхъ имъ церквей Омской кладбищенской, степной, Каркаралинской и Консульской въ Китайскомъ городѣ Кульджѣ.

Вотъ еще немаловажное обстоятельство: надзоръ Сибирскихъ Епархіяльныхъ начальствъ за мѣстными иконописцами и продавцами привозныхъ иконъ, соблюдавшійся въ древности, почему-то давно уже (впрочемъ, какъ и во всѣхъ Россійскихъ Епархіяхъ) ослабѣлъ, или лучше почти совсѣмъ не существовалъ, по крайней мѣрѣ, на дѣлѣ. Пользуясь этѣмъ, иконописаніемъ занимались, да и доселѣ занимаются, иногда люди, совершенно неспособные къ тому, въ собственномъ смыслѣ слова не болѣе какъ красильщики, маляры, и пишутъ иногда, равно какъ и торговцы привозятъ изъ Россіи, иконы въ высшей степени неблагообразныя и неправильныя. Покойный Преосвященный Тобольскій Георгій, въ 1846, или 1847 году, при обозрѣніи Епархіи, въ одной изъ церквей, то ли Тюменскаго, то ли Туринскаго Округа нашелъ, на первомъ мѣстѣ, по правую сторону Царскихъ вратъ, икону съ изображеніемъ (только и замѣтной) бѣлой лошади (вмѣсто осла), а Спасителя, ѣхавшаго на ней (въ Іерусалимъ), изображеннымъ въ такомъ маломъ размѣрѣ и такими темными красками, что его молящимся совсѣмъ было не видать.[31] Къ покойному Омскому Про-

---

что какъ будто бы только недавно изъ мастерской иконописца. Да и иконы холоднаго Тобольскаго каѳедральнаго собора, въ особенности мѣстныя: Спасителя, Божіей Матери и Святителя Николая, доселѣ отличныя, но, къ сожалѣнію, онѣ послѣ новой передѣлки соборнаго иконостаса, на счетъ покойнаго золотопромышленника Н. Ѳ. Мясникова, въ 1860—62 годахъ, помѣщены уже не въ иконостасѣ, а по сѣверной и южной стѣнамъ собора, и замѣнены иконами, какъ кажется, низшаго достоинства.

[31] Преосв. Георгій, тотчасъ по возвращеніи изъ Епархіи, съ ужасомъ и негодованіемъ разсказывалъ объ этомъ при мнѣ и при всѣхъ служившихъ тогда въ Тобольской Семинаріи, а также при соборномъ духовенствѣ и пр.

тоіерею Димитрію Пономареву разъ принесли было, для освященія, икону Распятаго Господа Іисуса, изображеннаго въ видѣ дряхлаго старика, лѣтъ шестидесяти, при томъ съ рѣдкой, полусѣдой и подстриженной бородой. Въ другой разъ къ самому пишущему, также для освященія, приносили икону Усѣкновенія главы Іоанна Предтечи, на которой почти только и видно было, что дочь Иродіады, въ костюмѣ нынѣшней не высокаго тона барышни (въ кофтѣ, воротничкахъ, съ прическою для мужикъ), и отчасти палача съ огромнѣйшей саблей, да у ногъ его окровавленный трупъ Крестителя (какъ будто усѣкновеніе послѣдовало не въ темницѣ, а въ самомъ дворцѣ, въ присутствіи Соломоніи), и на которой (иконѣ) усѣкнутой главы праведника, по причинѣ изображенія ея и блюда подъ ней въ крайне миніатюрномъ размѣрѣ, почти совершенно и не видно было. Разъ Преосвященный Аѳанасій (1832—42), наслышавшись о неблагообразіи продаваемыхъ въ Епархіи иконъ, приказалъ освѣдѣтельствовать привезенныя Вязниковцами въ большомъ количествѣ иконы, и оказалось, что только самое небольшое изъ нихъ число можно было дозволить пустить въ продажу.

Кромѣ иконъ, писанныхъ на доскахъ и полотнѣ,[33] въ Сибири, какъ и во многихъ мѣстахъ Россіи, съ теченіемъ времени по-

---

[32] Въ 1836 году, въ г. Омскѣ, при постройкѣ Войсковой Николаевской церкви, возникло недоумѣніе, можно ли писать для Православныхъ храмовъ иконы на полотнѣ? Нѣсколько членовъ Казачье-Войсковой Канцеляріи доказывали, и Омское духовное Правленіе доносило (послѣднее, на основаніи одного Указа Тобольской Консисторіи 1828 года, что писаніе и почитаніе иконъ на полотнѣ въ нашей Церкви не дозволяется. Но командовавшій въ то время Сибирскимъ Казачьимъ Линѣйнымъ войскомъ, Полковникъ Фалецкій, утверждалъ, что во всѣхъ Русскихъ полковыхъ походныхъ церквахъ иконостасы писаны, а обыкновенно пишутся, не на деревѣ, а на полотнѣ. Въ подкрѣпленіе словъ Фалецкаго одинъ изъ членовъ свѣдѣтельствовалъ, что въ Барнаульской, не задолго предъ тѣмъ освященной, богатой Дмитріевской церкви всѣ иконы (кисти Академика Мягкова) также на полотнѣ. (Знакомый съ Сибирскими древностями могъ бы кстати тутъ присовокупить, что въ самой Сибири есть нѣсколько святыхъ иконъ, которыя писаны давно и дивно и которыя уже пользуются отъ народа особеннымъ почитаніемъ, напримѣръ, икона Нерукотвореннаго Образа въ Кодскомъ селѣ Ялуторовскаго Уѣзда, икона Вседержителя Спаса въ часовнѣ деревни Галактіоновой Туринскаго вѣдомства, и икона Божіей Матери, именуемая Тобольскою, что въ

явились по мѣстамъ и иконы рѣзныя,—изображенія (на примѣръ, Христа Спасителя, сидящаго въ узахъ и въ темницѣ, а особенно Святителя и Чудотворца Николая,[33] рѣзныя, въ видѣ изваяній, преимущественно изъ дерева, а иногда и изъ другихъ матеріаловъ,[34] и были не только въ храмахъ съ усердіемъ отъ народа почитаемы, но иногда отправляемы отъ нѣкоторыхъ монастырей и церквей со сборщиками по городамъ и селеніямъ для сборовъ.[35] Но такія изображенія дѣлались вопреки постановленію Седмаго Вселенскаго Собора, и по тому съ давнихъ поръ, и именно со времени Петра Великаго и съ учрежденія Святѣйшаго Синода, они были воспрещены. Однако жь, изъ снисхожденія къ особенному усердію, какое народъ изъявлялъ къ разнымъ священнымъ изображеніямъ, они были терпимы почти до послѣдняго времени:

Тобольскомъ каѳедральномъ соборѣ, и что онѣ писаны именно на полотнѣ). Но главное было то, что писать иконы для Омской Войсковой церкви на доскахъ, при томъ нѣкоторыя изъ нихъ огромныхъ размѣровъ, и еще съ обязанностію доставить ихъ въ Омскъ изъ за трехъ, или двухъ, тысячъ верстъ въ совершенной цѣлости, не брался ни за какую цѣну ни одинъ Академикъ (а Войсковому Начальству непремѣнно хотѣлось свою великолѣпную, по крайней мѣрѣ, одну холодную, церковь украсить иконами кисти Академической) ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ, ни даже въ Барнаулѣ, гдѣ въ то время служилъ по Горному Вѣдомству (Академикъ) Мягковъ. Вошли чрезъ Генералъ-Губернатора Западной Сибири съ представленіемъ къ тогдашнему Архіепископу Тобольскому, Аѳанасію, и этотъ просвѣщенный Архипастырь, отъ 10 Генваря, 1837 г., отвѣчалъ, что «къ писанію святыхъ иконъ на холстѣ онъ, съ своей стороны, не находитъ ни какого препятствія.»

[33] Въ Тобольскѣ рѣзныя изображенія Святаго Николая были, между прочимъ, въ Знаменскомъ монастырѣ (въ его нижней Николаевской церкви) и въ церквахъ Архангельской и Николаевской; въ послѣдней при томъ такихъ изображеній Святителя Николая было два, одно большое, а другое маленькое, и они-то особенно и пользовались отъ народа уваженіемъ.

[34] Въ Томскѣ, въ Знаменской церкви, доселѣ сохраняется (въ серебряной золоченой ризѣ) икона Господа Іисуса Христа, изсѣченная на аспидномъ камнѣ. См. Том. Губ. Вѣд. 1858 г., N. 32, стр. 258.

[35] Изъ Туринскаго Николаевскаго (прежде мужескаго, а нынѣ женскаго), весьма бѣднаго, монастыря рѣзной Святитель Николай Чудотворецъ небольшаго размѣра былъ каждогодно отправляемъ для сборовъ на Ирбитскую ярмарку. Однако жь, въ 1770 году это монастырю Преосвященнымъ Варлаамомъ было воспрещено. См. Тоб. Губ. Вѣд. г. 1859, N 21, стр. 293.

по Тобольской Епархіи изъ церквей, хотя, какъ слышно, и не изъ всѣхъ, ихъ вынесли и поставили въ укромныя мѣста,[36] замѣнивъ ихъ напередъ обыкновенными иконами (разумѣется,[37] тѣхъ же Святыхъ).[38]

Тобольскіе Архипастыри снова стали озабочиваться, какъ бы завести въ Сибири собственное, при томъ сообразное съ требова-

---

[36] Въ городахъ — въ соборныя и монастырскія ризницы, а въ селахъ — въ придѣлы, а послѣ и въ кладовыя церковныя.

[37] Указъ Консисторскій былъ разосланъ, отъ 30 Сентября, 1835 года.

[38] По отношенію къ иконописанію въ Сибири замѣчательно еще слѣдующее, хотя и частное только, говорятъ, распоряженіе Преосвященнаго Аѳанасія: онъ приказалъ закрасить бывшее на задней стѣнѣ Тобольской Богородице-Рождественской церкви изображеніе Страшнаго Суда, по той причинѣ, что на немъ, въ аду между грѣшниками, при томъ на первомъ планѣ, былъ написанъ, лѣтъ за 70 до Аѳанасія, а до настоящаго времени лѣтъ за 100, по распоряженію одного изъ предмѣстниковъ Аѳанасіевыхъ, громкій, Екатерининскихъ временъ Тобольскій Губернаторъ N, и былъ написанъ въ мундирѣ и въ орденахъ, словомъ, совершенно сходно съ подлиннымъ.* Сконфуженный такимъ образомъ Губернаторъ, однако жъ, не остался въ долгу: и онъ заказалъ образъ Страшнаго Суда (только на доскѣ), съ приказаніемъ живописцу написать въ аду между грѣшниками, и также на первомъ планѣ, бывшую съ нимъ въ непріятныхъ отношеніяхъ духовную особу, и когда образъ этотъ былъ написанъ, передалъ его въ находящуюся въ окрестностяхъ Тобольска, Аремзянскую церковь, по всей вѣроятности, чрезъ ктитора ея и его хорошаго знакомаго, купца Кор—ва, имѣвшаго на Аремзянкѣ стеклянную фабрику. Зналъ ли Преосвященный Аѳанасій о существованіи этого послѣдняго образа, хорошо не извѣстно; только М—вы, родственники выбывшихъ изъ Сибири Кор—выхъ и управлявшіе ихъ стеклянной фабрикой въ 30-хъ и 40-выхъ годахъ настоящаго столѣтія, бывало каждый разъ, какъ засбирается Преосвященный Аѳанасій побывать на Аремзянкѣ, осмотрѣть ея церковь, полюбопытствовать на ея фабрикѣ и полюбоваться прекраснымъ ея мѣстоположеніемъ, помянутый образъ Страшнаго Суда приказывали изъ церкви убирать на колокольню, или на чердакъ. Аѳанасій, однако жъ, не бывалъ на Аремзянкѣ ни разу, и слѣдовательно образа того не уничтожилъ. Только онъ едва ли уже существуетъ въ настоящее время, едва ли онъ не уничтоженъ самимъ Промысломъ Божіимъ: въ 1848 году, спустя 6 лѣтъ по смерти высокообразованнаго Архипастыря, Аремзянская церковь сгорѣла, и сгорѣла со всею утварью.

* Такъ поступлено было съ Губернаторомъ по тому, что онъ по чему-то находился съ современнымъ ему Тобольскимъ Владыкой въ весьма непріятныхъ отношеніяхъ.

ніями Церкви, иконописаніе. Для этого они не видѣли инаго лучшаго средства, какъ ввести и распространить искуство иконописанія въ духовенствѣ Сибирскомъ, и потомъ изъ лицъ духовнаго званія, опытныхъ въ иконописаніи, назначать особыхъ надзирателей за иконописцами, ревизоровъ для осмотра иконъ, привозимыхъ изъ Россіи на продажу и для освидѣтельствованія иконостасовъ во вновь строимыя, или вновь украшаемыя, церкви. Почему, по распоряженію Преосвященнаго Варлаама, въ 1800 году, и былъ открытъ въ Тобольской Семинаріи классъ рисованія, съ назначеніемъ учителемъ этого класса Мисюрева. Въ послѣдствіи времени Мисюрева смѣнилъ на классѣ рисованія, всѣми уважаемый въ свое время за характеръ, умъ и строгую жизнь, Ключарь Тобольскаго Собора, Священникъ, а послѣ и Протоіерей, Петръ Михайловичъ Карпинскій. Но съ преобразованіемъ Тобольской Семинаріи (въ 1818 году), классъ рисованія въ ней, какъ и во всѣхъ Семинаріяхъ, былъ закрытъ, и только чрезъ 36 лѣтъ, и именно въ Маѣ 1854 года, возобновленъ, по ходатайству покойнаго Архіепископа Тобольскаго, Георгія,[39] въ Семинаріи подъ названіемъ класса живописи и иконописанія, а въ высшемъ отдѣленіи Тобольскаго Духовнаго Училища, подъ названіемъ рисованія, черченія и началъ иконописанія. Учителями въ этѣ классы назначены были, нарочно посыланные для обученія рисованію и иконному письму на два года въ Петербургскую Семинарію,[40] студенты Тобольской Семинаріи: въ первый Михаилъ Знаменскій,

---

[39] Преосвященный Георгій, донося Святѣйшему Синоду, что, «по недостатку хорошихъ живописцевъ во ввѣренной ему Епархіи церковныя иконы пишутся по большей части весьма неблагообразно, ходатайствовалъ о дозволеніи выслать въ С.-Петербургъ для обученія живописи двухъ, или трехъ, оказывающихъ особую охоту къ сему искуству воспитанниковъ Тобольской Семинаріи, дабы потомъ имѣть изъ среды духовенства людей, которые не только сами могли бы писать иконы правильнымъ образомъ, но слѣдили бы за правильностію работы и другихъ иконописцевъ.» Это было писано въ концѣ 1850 г., или въ самомъ началѣ 1851 года, по тому что согласіе Святѣйшаго Синода на приведеніе въ исполненіе сей мѣры изъявлено было, въ отношеніи Духовно-Учебнаго Управленія, отъ 29 Марта, 1851 года.

[40] Тамъ они, вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ учениковъ Петербургской Семинаріи, учились живописи и иконописанію подъ надзоромъ извѣстнаго Профессора Академіи Художествъ Солнцева.

съ жалованьемъ 106 руб. 80 коп , а въ послѣдній Яковъ Бисеровъ, съ жалованымъ 42 руб 96 коп. Для безбѣднаго содержанія, первому изъ нихъ предоставлено мѣсто Учителя въ Тобольскомъ Училищѣ, а послѣдній рукоположенъ во Священника Тобольскаго собора, съ назначеніемъ его ревизоромъ всѣхъ вновь устрояемыхъ по Тобольской Епархіи иконостасовъ. Изъ учениковъ Семинаріи и Тобольскаго Училища учатся иконописанію только желающіе и чувствующіе наклонность къ тому; въ классѣ занимаются они иконнымъ письмомъ по два раза въ недѣлю. Какъ желательно, чтобы это благородное и святое искуство привилось навсегда къ Сибирскому духовенству, и чтобы чрезъ это былъ положенъ конецъ письму священныхъ изображеній неблагообразныхъ и съ ошибками противъ Церковной Исторіи и Археологіи.

Изъ безчисленнаго множества иконъ, въ теченіе слишкомъ 280 лѣтъ привезенныхъ, или принесенныхъ, изъ Россіи и написанныхъ въ Сибири, нѣкоторыя уже пользуются особеннымъ предъ прочими (иконами) почитаніемъ отъ вѣрующихъ. Однѣ изъ этѣхъ многочтимыхъ иконъ Господь прославилъ явленіями благодати своей очень рано, почти въ самомъ началѣ владычества Русскихъ надъ Сибирью, на пр., икона Смоленской Божіей Матери или Одигитріи, стоявшая на городской Березовской башнѣ, просіяла чудотвореніями еще въ 1623 году, почему вскорѣ послѣ того была снесена съ башни и постановлена, въ собственно ради ея построенной жителями города Березова Одигитріевской церкви; [41] а икона Божіей Матери, именуемая Абалацкою, прославилась исцѣленіемъ разслабленнаго крестьянина, возвращеніемъ зрѣнія слѣпой дѣвицѣ и другими знаменіями, какъ во время самаго ея написанія, такъ и тотчасъ послѣ того, и именно въ концѣ 1636, или въ началѣ 1637 года [42] Енисейскъ былъ основанъ только въ 1619 году, а икона Нерукотвореннаго Образа Спасителя, стоявшая на его острожной башнѣ, къ 1645 году уже столько прославилась

---

[41] Изв. Археол. Общ. т. 3, 1861 г. Вып. 4, стр. 3 9, и сл. Тоб. Губ. Вѣд. 1859 г., N 9, стр. 85.

[42] См. Сказаніе объ иконѣ Божіей Матери, именуемой Абалацкою, или лучше Древн. Вивл. час. 3, стр. 156 и 157.

чудотвореніями, что граждане въ томъ году просили у Начальства дозволенія построить ради ея особую церковь, и чрезъ два года, а именно въ 1647 году, построили ее, замѣтимъ, на одни только приклады къ ней. [43] «14 Ноября, говорится въ (рукоп.) Сибирской Лѣтописи, принадлежащей Тобольской Семинаріи, подъ 1654 годомъ, образъ Вседержителя и Спаса Нашего, Іисуса Христа, который потомъ поставленъ въ соборной (города Тобольска) церкви, у сѣвернаго столба, просіялъ въ предивныхъ и славныхъ чудесахъ и во исцѣленіи тяжкихъ и различныхъ недуговъ». [44] Другія изъ наиболѣе чтимыхъ въ Сибири иконъ, на пр., Нерукотворенный образъ Спасителя, называемый Тарханскимъ, который теперь находится въ Покровской слободѣ Тюменскаго Уѣзда, икона Одигитріи Богородицы, находящаяся близъ Томска, въ селѣ Богородскомъ, икона Смоленской Божіей Матери, что въ Осиповой слободѣ Ялуторовскаго Уѣзда, икона Св. Николая, именуемая Можайскою, что въ деревнѣ Самсоновой, близъ Тары, Семипалатинская копія съ Абалацкой иконы Божіей Матери [45] и пр., стали быть особенно чтимы нѣсколько позднѣе тѣхъ первыхъ, и именно, только со временъ Царя Алексѣя Михайловича и Петра Великаго; а иныя, какъ-то: иконы Мученицы Параскевы въ селахъ Введенскомъ Курганскаго Уѣзда, Черволуцкомъ Омскаго и Вознесенскомъ Каинскаго, копія съ Абалацкой иконы Божіей Матери, имѣющаяся въ церкви села Бороваго, [46] что близъ Ишима и пр., сдѣлались извѣстны въ народѣ еще позднѣе и этѣхъ, не ранѣе какъ въ царствованіе Императрицы Анны Ивановны, или Елисаветы Петровны, или даже Екатерины Второй. Наконецъ, есть и такія иконы, которыя стали быть особенно чтимы только недавно, на пр., икона Почаевской Божіей Матери, что близъ Тобольска, въ Ивановскомъ Межугорскомъ монастырѣ, и икона Знаменія Божіей Матери, что въ Тюменской Знаменской церкви, ста-

[43] Допол. къ Ист. Акт. т. 3, стр. 42.

[44] См. мое Описаніе Тоб. соб. 1852 г., стр. 44, и въ самой Лѣтописи, подъ 1654 годомъ.

[45] Обо всѣхъ этѣхъ иконахъ есть особыя статьи въ Тобольскихъ и Томскихъ Губ. Вѣдомостяхъ 1857—59 годовъ.

[46] Также и объ нѣкоторыхъ изъ этѣхъ иконъ есть особыя статьи въ Вѣдомостяхъ, названныхъ въ предыдущемъ примѣчаніи.

ли быть почитаемы въ особенности такъ, какъ чтутъ ихъ теперь, только со времени холеры, постигшей нѣкоторую часть Сибири въ 1848 году. Вообще въ Сибири, конечно, какъ и въ другихъ мѣстахъ, особенными знаменіями и чрезвычайными благодатными явленіями прославлялъ Господь лики, какъ свой и своей Пренепорочной Матери, такъ и угодниковъ своихъ, для поддержанія и возбужденія въ людяхъ вѣры и для избавленія ихъ отъ бѣдъ и скорбей; притомъ Онъ, милосердый, это дѣлалъ по мѣрѣ потребности въ тѣхъ знаменіяхъ отъ Святыхъ иконъ, на пр., по случаю повальныхъ болѣзней на людей, или на скотъ, либо засухи, либо ненастья, голода и другихъ общенародныхъ бѣдствій, постигавшихъ какую ни будь мѣстность, либо же еще, когда вѣрующіе поселялись на мѣстахъ новыхъ, среди невѣрующихъ Язычниковъ и Магометанъ.

Протоіерей Александръ Сулоцкій.

2-го Октября, 1863 года.
Омскъ.

ВСТРѢЧА

ВЪ

ТОБОЛЬСКѢ ВЪ СТАРИНУ

ВНОВЬ ПРИБЫВШИХЪ ПРЕОСВЯЩЕННЫХЪ.

Въ Тобольскѣ, какъ и во всѣхъ Епархіяльныхъ городахъ, прибытіе вновь назначенныхъ Преосвященныхъ составляетъ весьма немаловажное событіе Лишь только каѳедра Архіерейская, за кончиною ли Преосвященнаго, за перемѣщеніемъ ли его на другую Епархію, или за отбытіемъ на покой, сдѣлается праздною, какъ начинаются въ городѣ, да и по всей Епархіи, думы, толки и мечты, кто-то будетъ новый Владыка. Вскорѣ за тѣмъ распространяются, неизвѣстно откуда и съ чего, слухи о назначеніи въ Тобольскъ того, или другаго, Владыки. Когда же слухи этѣ подтвердятся, или, что всего чаще случается, опровергнутся Указомъ Св. Сѵнода о дѣйствительномъ назначеніи новаго Преосвященнаго, то сейчасъ начинаются распросы (отъ лицъ, гдѣ ни будь встрѣчавшихся съ нимъ, или хотя какое ни будь понятіе о немъ имѣющихъ) и толки въ народѣ о прежней его службѣ, объ его лѣтахъ, качествахъ и пр. и пр. Но вотъ, наконецъ, получается въ Тобольскѣ извѣстіе о скоромъ прибытіи, или уже о приближеніи къ предѣламъ паствы новаго Архипастыря: вниманіе Тобольска къ его пріѣзду и его встрѣчѣ усиливается, болѣе бываетъ въ народѣ говора, а въ церквахъ у духовенства идутъ приготовленія, чистка и повѣрка утвари, упорядоченіе и очистка книгъ и дѣлъ по церкви; и когда раздастся благовѣсть въ боль-

шой соборный колоколъ и въ необычное время, когда зазвонять на многочисленныхъ колокольняхъ церквей Тобольскихъ, одни изъ гражданъ спѣшать на перевозъ въ Подчуваши, если только случится то лѣтомъ и въ благопріятную погоду, другіе идутъ, или лучше бѣгутъ и ѣдутъ, на Никольскій вавозъ, на гору, въ соборъ, къ Архіерейскому дому. Въ томъ случаѣ, если Преосвященный входитъ въ соборъ, послѣдній мгновенно наполняется народомъ, и съ какимъ усердіемъ за начинающимся благодарственнымъ молебствіемъ о благополучномъ прибытіи Архипастыря, или за другимъ какимъ либо священнослуженіемъ, всѣ молятся о новомъ своемъ Архипастырѣ, и вмѣстѣ съ нимъ съ какою стремительностію, и при входѣ его въ соборъ, и при выходѣ оттуда, спѣшатъ принять отъ него въ первый разъ благословеніе, облобызать его благословляющую десницу, и какъ тщательно стараются разсмотрѣть, замѣтить черты его лица, его наружный видъ! Но едва ли не болѣе еще стекается народа къ первой литургіи вновь прибывшаго Владыки, особенно если пріѣздъ его послѣдовалъ въ ночное время, или и днемъ, но прямо въ Архіерейскій домъ: тутъ уже не только стараются видѣть Владыку, принять отъ него благословеніе, не только молятся вмѣстѣ съ нимъ и за него, но въ особенности стараются слышать его голосъ, на пр., при сказываніи первыхъ возгласовъ, при чтеніи Евангелія на молебнѣ и пр., и получить первое отъ него наставленіе во вступительномъ на новую паству словѣ. Живо помню, какая мертвая тишина водворилась въ тепломъ соборѣ 25 Сентября, 1845 года, часу въ 3-мъ по полудни, когда лишь прибывшій въ тотъ часъ Преосвященный Георгій на благодарственномъ молебнѣ началъ читать по Кіевски Евангеліе! Нельзя забыть и того, съ какимъ вниманіемъ жители Тобольска, 18 Генваря, 1843 года, въ тепломъ же соборѣ, слушали за литургіей первые возгласы и первое вступительное слово громогласнѣйшаго Преосвященнаго Владиміра! Почти всегда бываетъ такъ, что, по окончаніи первой литургіи, совершаемой вновь прибывшимъ Преосвященнымъ, къ нему являются значительнѣйшіе гражданскіе и военные чины, а представители Тобольскаго купечества, сверхъ того, подносятъ ему и хлѣбъ-соль. Духовенство градское, а также начальники и учащіе Семинаріи и Духовнаго Училища, какъ непосредственные подчиненные и ближайшіе по-

мощники, одни въ управленіи паствою, а другіе въ дѣлѣ духовнаго образованія, новому Владыкѣ обыкновенно представляются прежде всѣхъ другихъ, тотчасъ по его пріѣздѣ, иногда въ соборѣ, а иногда въ Архіерейскомъ домѣ, при чемъ кѣмъ либо изъ значительнѣйшихъ и вмѣстѣ способнѣйшихъ соборянъ, или изъ служащихъ при Семинаріи, сказываются (нынѣ только иногда, а прежде за всегда сказывались) Рѣчи.

Впрочемъ, это все почти общія черты встрѣчи всѣмъ Тобольскимъ Преосвященнымъ, начиная съ Кипріяна и до благополучно нынѣ правящаго Тобольскою паствою, Преосвященнѣйшаго Варлаама, черты, развѣ малымъ чѣмъ измѣнившіяся въ теченіе 243 лѣтъ существованія въ Тобольскѣ Архіерейской каѳедры и, быть можетъ, только весьма не во многомъ по временамъ разнообразящіяся. Но въ старину, при встрѣчѣ вновь пріѣзжавшихъ Преосвященныхъ, въ Тобольскѣ еще соблюдалась особенная церемонія, такая, которой въ настоящее время уже не бываетъ, а именно: вновь пріѣзжавшій въ Тобольскъ Владыка напередъ останавливается подъ горой въ Знаменскомъ монастырѣ; къ нему тотчасъ являлись должностныя лица изъ градскаго духовенства (на пр., Настоятель Знаменскаго монастыря, каѳедральный Протоіерей, Ключарь, Экономъ Архіерейскаго дома, Поповскій Староста или Благочинный градскихъ церквей, Дьякъ Архіерейскаго Приказа, въ послѣдствіи Секретарь Консисторіи), а также Полицмейстеръ города, или другой какой ни будь чиновникъ отъ Воеводъ Тобольскихъ, а въ послѣдствіи отъ Сибирскаго Губернатора, кто съ рапортами о состояніи управляемыхъ ими частей, кто за приказаніями о предстоявшихъ распоряженіяхъ. Тутъ вновь прибывшій Владыка, послѣ краткихъ распросовъ и освѣдомленій и по соображеніи обстоятельствъ времени, погоды и собственнаго здоровья, назначалъ день для своего торжественнаго входа на гору,[1] въ каѳедральный соборъ и свой Архіерейскій домъ, тотъ же ли самый, въ который прибылъ, или слѣдующій, или другой какой ни будь, только всего чаще ближайшій праздничный. Въ назна-

---

[1] Тобольскъ расположенъ на двухъ мѣстностяхъ: подъ горой, почти на болотѣ, и на горѣ, саженъ на 25 выше подгорной мѣстности. Архіерейскій домъ въ нагорной части, а Знаменскій монастырь въ подгорной.

ченный день и часъ начинается въ соборѣ благовѣстъ въ большой колоколъ; туда собиралось все градское духовенство и, во облаченіи, со крестами и хоругвями, шло въ Знаменскій монастырь. По приходѣ его, Владыка входилъ въ монастырскую церковь, облачался иногда въ полное, а чаще въ малое, облаченіе (т. е., въ мантію, епитрахиль, поручи, митру и омофоръ), принималъ пастырскій жезлъ, выходилъ изъ церкви и, осѣнивъ собравшійся на монастырской оградѣ народъ, начиналъ шествіе на гору, совершенно походившее на самый торжественный крестный ходъ: на колокольняхъ соборной, монастырской и всѣхъ градскихъ перквей звонили во всѣ колокола, пѣвчіе пѣли приличныя случаю священныя пѣсни, Священники шли попарно, младшіе впередъ, Діяконы съ кадилами, впереди ихъ несли кресты и хоругви; предъ процессіей и позади процессіи шелъ и по сторонамъ толпился, смотрѣлъ изъ оконъ домовъ народъ всѣхъ званій и возрастовъ и обоихъ половъ; многіе изъ народа старались принять отъ Архипастыря благословеніе и облобызать его десницу. Доколѣ не былъ устроенъ въ Тобольскѣ болѣе удобный Никольскій взвозъ, Владыки поднимались на гору по Казачьему, а случалось и по Прямскому, взвозу, гдѣ иногда по обѣимъ сторонамъ, ради почета, стояли фронтомъ воинскіе чины. Поднявшись на гору, нѣкоторые изъ Преосвященныхъ, на площади предъ соборомъ, служили благодарственный Господу Богу молебенъ, и за тѣмъ уже вступали въ соборъ и тамъ служили литургію; но большая часть Преосвященныхъ, по входѣ на гору, прямо вступали въ соборъ, тамъ служили благодарственный молебенъ и литургію; [2] если то было утро, говорили вступительное въ управленіе Епархіею Слово, а по окончаніи служенія со славою провожаемы были въ Архіерейскій домъ. Здѣсь новаго хозяина встрѣчали: Экономъ и Казначей Архіерейскаго дома, Архіерейскія Боярскія дѣти, доколѣ они были, и другіе домовые слуги; первые двое встрѣчали Владыку непремѣнно съ иконою и хлѣбомъ-солью. Такъ вступали на новую свою паству, и такъ были встрѣчаемы Тобольскіе Архипастыри близъ 200 лѣтъ: первый взошелъ на нагорную часть Тобольска въ процессіи, подобной крестному ходу, если не Ки-

[2] Иногда дѣлалось и наоборотъ: напередъ служили литургію, а благодарственный молебенъ послѣ.

пріянъ, первый Тобольскій Архіепископъ въ 1621 году (объ его встрѣчѣ въ лѣтописяхъ ничего не сказано), то несомнѣнно Макарій, [3] второй Тобольскій Архіепископъ; а послѣдній Архіепископъ Антоній III Знаменскій, 25 Марта, 1803 года.

Процессія входа Тобольскихъ Преосвященныхъ изъ подгорной части города на нагорную и встрѣча иногда разнообразилась въ мелкихъ подробностяхъ и по обстоятельствамъ времени года и въ слѣдствіе или личныхъ приказаній самихъ ихъ, Преосвященныхъ, или по распоряжерію свѣтскихъ властей (Воеводъ, а послѣ Губернаторовъ), принимавшихъ въ ихъ встрѣчѣ дѣятельное участіе. На пр., Митрополитъ Сильвестръ, прибывши въ Тобольскъ въ жестокую стужу, въ ночь на 12 Декабря, и желая избавить отъ мороза и себя, и духовенство, и народъ, шелъ въ процессіи только отъ Богородской (иначе Богоявленской) церкви, а до нея отъ Знаменскаго монастыря ѣхалъ въ берлинѣ, [4] запряженномъ 6 лошадями; Архіепископъ Антоній III (Знаменскій), прибывши въ Тобольскъ въ началѣ весны, во время самаго таянья снѣга (23, или 24 Марта, 1803 г.), чтобы миновать грязь и воду, въ которыхъ каждогодно веснами бываетъ великое изобиліе на сѣверной сторонѣ Знаменскаго монастыря, также какъ и

---

[3] Въ Записной Книгѣ о Сибири, хранящейся при Тобольскомъ соборѣ, объ Архіепископѣ Макаріѣ сказано: «Арх. Макарій прибылъ въ Тобольскъ 1 Апрѣля 7133. 1655) г., и на гору и въ городъ (т. е., въ крѣпость) и въ Соборную церковь и въ свой Святительскій домъ, пришелъ Апр. во 5 день, въ субботу 5-ю поста, на праздникъ Похвалы Богородицы.» Арх. Нектарій, тамъ же сказано, «прибылъ 1 же Апрѣля 1636 года, а на гору (далѣе то же, что и о Макаріѣ) пришелъ Апр. во 5 день.» Герасимъ прибылъ 31 Декабря.... (тоже что и о Макаріѣ).... пришелъ Генваря въ 1 день. О Симеонѣ и Корнилiѣ также.... Въ Сиб. лѣтописи, принадлежащей Тоб. Семинаріи, о Митрополитѣ Сильвестрѣ замѣчено: «Митрополитъ Сильвестръ прибылъ въ Тобольскъ на 12 Декабря 1749 г., ночью, присталъ въ Знаменскомъ монастырѣ, по утру показаннаго числа сѣлъ въ берлинъ, запряженный въ 6 лошадей и ѣхалъ до Богоявленской церкви,» (которая также подъ горой) и пр.

[4] Берлины и другія стародавнія Митрополичьихъ временъ кареты, отличавшіяся, между прочимъ, своею громадностію, развалившіяся и изоржавѣвшія, изъ Архіер. каретника распроданы кузнецамъ и мелочникамъ торговцамъ, руб. по 5, по 6 сер. и менѣе, только въ недавнее время при Преосвященомъ Аѳанасіи (1822 — 42 г.).

Митрополитъ Сильвестръ, отъ Знаменскаго монастыря ѣхалъ (25 Марта) въ каретѣ, и въ процессіи шелъ на гору только отъ Захарьевской церкви, по Казачьему взвозу. [5] Но едвали не всѣхъ разнообразнѣе по подробностямъ, не оригинальнѣе, не замѣчательнѣе для насъ, живущихъ въ иныя времена и при иныхъ нравахъ, были встрѣчи двухъ Архипастырей, приснопамятныхъ для Сибири, и въ особенности для Тобольска, Митрополита Іоанна Максимовича и Епископа (въ послѣдствіи Архіепископа) Варлаама. По тому я и опишу ихъ со всѣми подробностями.

Митрополитъ Іоаннъ Максимовичъ приплылъ [6] въ Тобольскъ 11 Августа, 1712 (а не 1711, какъ индѣ говорится) года, на двухъ дощаникахъ [7] и пристал къ берегу Иртыша противъ Знамен-

---

[5] Это взято изъ домашнихъ записокъ Полутова, хранящихся у Омскаго Протоіерея Ст. Знаменскаго

[6] Въ старину главный трактъ изъ Россіи въ Сибирь шелъ чрезъ Верхотурье. Преосвященные Тобольскіе, пріѣзжавшіе въ Сибирь въ лѣтнюю пору, отъ Верхотурья до Тобольска обыкновенно плыли водой по Турѣ, Тоболу и наконецъ входили въ Иртышъ. Первоначально плавали они на казенныхъ судахъ, а потомъ, когда при Архіерейскомъ домѣ образовались двѣ значительныя вотчины, на своихъ собственныхъ; когда нужно было, Архіерейскій домъ высылалъ дощаники въ Верхотурье заблаговременно.

[7] Первый Тобольскій Архіерей, Архіепископъ Кипріянъ, плылъ отъ Верхотурья до Тобольска на нѣсколькихъ судахъ (Ист. Акт. т. 1, стр. 118 и сл.); Іоаннъ Максимовичъ приплылъ въ Тобольскъ на двухъ дощаникахъ; Митрополитъ Антоній, въ Декабрѣ 1721 года отъ Петербурга до Москвы ѣхалъ на 25 лошадяхъ, а отъ Москвы до Тобольска на 35 (Изъ дѣла Конс. арх. по старинной описи подъ N 34). Для чего это Тобольскимъ Преосвященнымъ старыхъ* временъ для проѣзда изъ Россіи требовалось такъ много лошадей и судовъ? Отвѣтъ простой: 1, Преосвященные, слыша о крайней неразвитости торговли въ Тобольскѣ и вообще въ Сибири, при отправленіи изъ Россіи, накупали и брали съ собой много всякаго рода припасовъ и вещей, нужныхъ какъ для нихъ самихъ и ихъ Архіер. дома, такъ и монастырей и церквей Сибирской Епархіи (на пр., Архіепископъ Кипріянъ отъ Верхотурья везъ съ собой на судахъ 1236$^1/_2$ четвертей разнаго рода хлѣба, собраннаго Правительствомъ съ крестьянъ Сѣверной полосы Россіи и купленнаго на счетъ казны, и до 80 пудовъ разныхъ припасовъ (масла, меду и проч.) для стола (Ист. Акт. т. 5, стр, 118 и слѣд.). 2, Преосвященные, слыша о безлюдствѣ въ Сибири, и вообще, и между прочимъ въ монастыряхъ и при церквахъ, привозили съ собой изъ Малороссійскихъ и Великороссійскихъ Епар-

скаго монастыря. По предварительному приказанію Тобольскаго Воеводы, Бибикова, Полковникъ коннаго Казачьяго полка, Нефедьевъ, и Головы двухъ пѣшихъ Казачьихъ полковъ, Аршинскій и Марушенскій, стояли съ своими командами въ строю отъ монастырскихъ воротъ до самаго Митрополичьяго дощеника. Самъ Воевода, съ своими товарищами, и при нихъ Сибирскіе Дворяне, Дѣти Боярскіе и старшины отъ гражданъ, вошли къ Его Преосвященству на дощаникъ. Преосвященный, преподавъ благословеніе, въ сопровожденіи посѣтителей, сошелъ на берегъ, вошелъ въ монастырь, выслушалъ тамъ краткое молебствіе и, благословивъ народъ, возвратился на судно, гдѣ и ночевалъ. Утромъ слѣдующаго дня (15 Августа), Преосвященный Іоаннъ, снова прибывъ въ Знаменскій монастырь, облачился (въ церкви) въ полное Архіерейское облаченіе. Тутъ къ нему пришли каѳедральный Протоіерей и все градское духовенство въ полныхъ облаченіяхъ, съ иконами и съ молебнымъ пѣніемъ. Благословивъ новыхъ своихъ сотрудниковъ въ дѣлѣ пастырскаго служенія, Архипастырь пѣшкомъ отправился въ Соборъ, находящійся слишкомъ въ верстѣ отъ Знаменскаго монастыря, при томъ въ нагорной части города, въ сопровожденіи Воеводы и его товарищей, Дворянъ, Дѣтей Боярскихъ, городскихъ старшинъ и множества народа и при звонѣ на колокольняхъ всѣхъ градскихъ церквей. На взвозѣ, [8] по обѣ стороны, и на горѣ, по площади, до самаго Собора стояли въ строю три помянутые полка Казаковъ. На горѣ, въ кремлѣ, на площади противъ Собора, Преосвященный служилъ молебенъ съ водосвятіемъ, а по входѣ въ церковь литургію. Послѣ литургіи отправился въ Архіерейскій домъ. [9]

хій значительное количество духовенства, какъ чернаго, такъ и бѣлаго. 3, Преосвященные Тобольскіе на пути въ Сибирь везли съ собой Архіерейскую ризницу и пѣвчихъ Тобольскихъ: ту и этѣхъ Тобольскій Архіер. Приказъ (нынѣ Консисторія), каждый разъ высылалъ въ Москву ко времени хиротоніи новаго для Сибири Архипастыря (изъ отрывка дѣла за 1729 годъ, видѣннаго мною при пересмотрѣ стараго Консисторскаго Архива). Вообще о прежнихъ временахъ нельзя судить по времени настоящему.

[8] Такъ называется въ Тобольскѣ путь, проложенный на гору, на которой находится Архіерейскій домъ. Этотъ взвозъ называется Прямскимъ. По причинѣ его крутизны, позднѣе проложенъ новый взвозъ, мимо Николаевской церкви, называемый Никольскимъ.

[9] Лѣт. Сборникъ, принадлежащій Тоб. Семинаріи, рукописный, годъ 1711.

Преосвященный Варлаамъ 1-й прибылъ въ Тобольскъ 5 Марта, 1769 года, на первой недѣлѣ Великаго поста, въ четвертокъ утромъ, присталъ, по примѣру всѣхъ своихъ предмѣстниковъ, въ Знаменскомъ монастырѣ, и не медливши въ кельѣ и получаса, пошелъ къ часамъ. Въ субботу служилъ въ монастырѣ (въ теплой Казанской церкви) литургію; на завтра, т. е., 8 числа, въ воскресенье, именуемое недѣлей Православія, въ 7 часовъ по полуночи, начался въ Соборѣ благовѣстъ на Соборъ (т. е., такой, какой бываетъ въ храмовые праздники предъ литургіею). По трехъ переводахъ, [10] все градское духовенство въ облаченіяхъ пошло процессіей изъ Собора въ Знаменскій монастырь; по приходѣ его, Преосвященный Варлаамъ отправился въ церковь, облачился, и по облаченіи пошелъ въ процессіи, подобной крестному ходу, въ Соборъ, и дошедши до Богородской церкви, служилъ молебенъ. Прямской взвозъ, отъ самой уличной мостовой, усыпанъ былъ пескомъ и рубленнымъ ельникомъ, а по сторонамъ воткнуты и утверждены были цѣлыя, рубленныя при корени, ели, которыя и образовали собой какъ бы настоящую аллею; надъ аркою, надъ проходомъ, что подъ зданіемъ Губернскаго Архива, стояла картина, на которой былъ представленъ самъ Преосвященный входящимъ съ освященнымъ чиномъ (съ духовенствомъ) въ городъ, позади его изображенъ народъ, а вверху надъ нимъ написаны были отъ лица Пастыреначальника, Господа Іисуса Христа, слова: «Варлааме, Варлааме! гряди во имя мое! Въ сей ты странѣ овцы моя храни и заблудшіе звѣри искорени!» Путь отъ башни и до самаго холоднаго Собора былъ устланъ по песку и ельнику краснымъ сукномъ. При вступленіи въ каменный городъ, Преосвященный былъ встрѣченъ Сибирскимъ Губернаторомъ и Кавалеромъ, Денисомъ Ивановичемъ Чичеринымъ; его пѣвчіе одѣты были [11] въ бѣлое платье съ нашивными, въ пристойныхъ мѣстахъ (какими-то), отличительными знаками; на головахъ

---

[10] Въ благовѣстѣ на соборъ такъ называется переборъ, удареніемъ нѣсколько разъ въ каждый изъ колоколовъ, находящихся на колокольнѣ, не во всѣ вдругъ, а постепенно въ одинъ за другимъ, начиная съ самаго большаго и до самыхъ малыхъ, до заэвонныхъ.

[11] Что пѣли при этомъ Чичеринскіе пѣвчіе, у лѣтописца не сказано.

у нихъ были вѣнки изъ цвѣтовъ; [12] въ рукахъ они держали (какъ бы миртовыя) вѣтви. По встрѣчѣ отъ Чигерина, Преосвященный Варлаамъ 1-й вошелъ въ холодный Софійскій Соборъ; тамъ въ началѣ отправлялъ церемонію Православія, потомъ служилъ литургію; предъ окончаніемъ ея говорилъ проповѣдь, а по окончаніи служилъ молебенъ Божіей Матери, съ пѣніемъ тропаря и чтеніемъ канона на день Ея Успенія. При возглашеніи многолѣтія и во все время шествія Преосвященнаго въ Архіерейскій домъ производились звонъ на Соборной колокольнѣ и пальба [13] изъ пушекъ. [14] Такъ-то великолѣпно встрѣтилъ Преосвященнаго Варлаама Сибирскій Губернаторъ, Денисъ Ивановичъ Чичеринъ, то ли изъ уваженія къ личнымъ качествамъ и добродѣтелямъ новаго Тобольскаго Архипастыря, то ли для того, чтобы оправдать себя, и въ понятіи публики и въ глазахъ новаго Архипастыря, въ своихъ непріязненныхъ отношеніяхъ къ его предмѣстнику, послѣднему Тобольскому Митрополиту, Павлу II (Конюшкевичу). Впрочемъ, искренняя пріязнь и отмѣнное уваженіе Чигерина къ Преосвященному Варлааму оставались неизмѣнны въ продолженіе 12 лѣтъ, до самаго его отъѣзда изъ Тобольска (въ 1780 году). [15]

Выше было замѣчено, что послѣдній изъ Архипастырей Тобольскихъ, по пріѣздѣ, шелъ на гору въ процессіи, подобной крестному ходу; это былъ Архіепископъ Антоній III, въ праздникъ Благовѣщенія 1803 года. Теперь скажемъ, что обычай этотъ первый оставилъ преемникъ Преосвященнаго Антонія, Амвросій I (Келембетъ). Онъ, 1806 года, 28 Іюня, слѣдовательно, на канунѣ праздника верховныхъ Апостоловъ, Петра и Павла, подъѣжая къ Тобольску, остановился за Иртышемъ, противъ Подчувашъ,

---

[12] Изъ искуственныхъ, или натуральныхъ, также не объяснено.

[13] Съ пальбою изъ пушекъ встрѣченъ и Преосвященный Михаилъ Миткевичъ, въ Иркутскѣ 17 Марта, 1773 г., Губернаторомъ Брилемъ. Облачился онъ во Владимірской церкви и шелъ въ Соборъ въ процессіи, подобной крестному ходу. См. Ирк. Губ. Вѣд. 1852 г., N 40, стр. 7.

[14] Описаніе это заимствовано изъ краткаго лѣтописца, писаннаго (надобно признаться, довольно безграмотно) современникомъ Преосвященнаго Варлаама, помнится, Тобольскимъ Діьякономъ Щетининымъ, и нынѣ принадлежащаго Тарскому Стряпчему Ал. Дм. Иноземцеву, его по женской линіи потомку.

[15] Тоб. Губ. Вѣд. 1857 г., стр. 122.

въ раскинутой палаткѣ, и немедленно вытребовалъ къ себѣ Ректора Семинаріи, Архимандрита Михаила Бурдукова, Эконома Архіерейскаго дома, каѳедральнаго Протоіерея Льва Земляницина, Ключаря и бывшаго питомца Преосвященнаго Антонія, тогда молодаго соборнаго Священника, а нынѣ каѳедральнаго Протоіерея, П. А. Фелицына. [16] Распросивъ каждога изъ явившихся, о чемъ ему было нужно, Преосвященный приказалъ вечеромъ того дня отслужить въ палаткѣ всеночную, а на другой день, 29 Іюня, въ благовѣстъ къ литургіи, переправился чрезъ Иртышъ и пріѣхалъ прямо, ни куда не заѣжжая, въ каѳедральный Соборъ, здѣсь служилъ литургію, а по окончаніи ея сопровожденъ былъ со славою въ Архіерейскій домъ.

Такъ точно, т. е., безъ особенной славы, безъ крестоподобной церемоніи, а прямо или въ соборъ, или въ Архіерейскій домъ, пріѣжжали, и пріѣжжаютъ, и всѣ преемники Преосвященнаго Амвросія Келембета. За исключеніе или за возвращеніе къ прежнему нельзя принять того, что Преосвященный Евгеній (Казанцевъ), 30 Декабря, 1825 года, прибывши въ Тобольскъ, въ 3 часу по полудни, напередъ заѣхалъ въ Архангельскую церковь, потому что онъ, по встрѣчѣ тамъ соборнымъ Ключаремъ (П. М. Карпинскимъ) и двумя мѣстными Священниками, послѣ ектеніи и многолѣтія, снова сѣлъ въ экипажъ и поѣхалъ прямо на гору, въ Соборъ. [17]

Протоіерей Алексаиръ Сулоцкій.

Марта 5-го 1864 года.
Омскъ.

---

[16] Отъ него-то мнѣ и сообщенъ этотъ разсказъ.

[17] Изъ домашнихъ записокъ Полутова, нынѣ принадлежащихъ О. Прот. Ст. Знаменскому.

МАТЕРІЯЛЫ

для

ИСТОРІИ СѢВЕРОВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

ВЪ XVIII ВѢКѢ.

I.

Высокопревосходительнѣйшему и почтенному господину, господину генералъ-маіору и кавалеру Киндерману, отъ обрѣтающагося въ Анадырской партіи сибирскаго гарнизона, якутскаго полку, отъ капитана Шатилова

покорнѣйшее доношеніе.

Въ полученномъ мною, Мая 24, сего 1751 года, писанномъ отъ Октября отъ 23 числа, минувшаго 1750 года, Ея Императорскаго Величества Указѣ изъ Якутской Воеводской Канцеляріи написано: Понеже, де, въ присланномъ отъ Вашего Высокопревосходительства секретномъ письмѣ, Февраля отъ 28 дня, того жь 1750 г., на имя Полковника и Воеводы Жеребятникова, объявлено: по присланному, де, къ Вашему Высокопревосходительству Ея Императорскаго Величества изъ Государственной Военной Коллегіи секретному Указу, между прочимъ предложено, чтобъ, яко въ тамошнихъ мѣстахъ надъ войскомъ и къ защищенію Ея Императорскаго Величества границъ учрежденному Командиру прислать въ самоскорѣйшемъ времени нѣкоторое извѣстіе, по приложеннымъ при томъ, сочиненнымъ двадцати пяти пунктамъ, чего для съ тѣмъ письмомъ присланъ нарочной, и требовали, де, Ваше Высокопре

восходительство, чтобъ того нарочно посланнаго съ тѣми пунктами съ потребнымъ извѣстіемъ возвратить, и оное дѣло весьма содержать въ найвящей тайности и секретѣ, чтобъ о томъ никто увѣдать не могъ. А буде же о здѣшнихъ мѣстахъ еще извѣстіе въ полученіи имѣется, и что здѣсь нынѣ чинится и происходитъ, то бъ о томъ по тому жъ увѣдомить. И по справкѣ, де, въ Якутской Воеводской Канцеляріи на вышеозначенные приложенные пункты, тако жь и о нынѣшнихъ состояніяхъ, о чемъ тамо извѣстно, о томъ на тѣ пункты отвѣтствовано, а на прочіе отвѣтствовать не съ чего, а для того при томъ Указы съ тѣхъ пріобщено шесть пунктовъ и велѣно по онымъ о всемъ со всякою вѣрностію и обстоятельствомъ учинить исполненіе, какъ скоро возможно, и прислать въ ту Канцелярію съ нарочнымъ немедленно. А имянно: 1) Коряки какъ давно въ подданство Ея Императорскаго Величества пришли, и сколь силы и множества ихъ, хотя, на примѣръ, и гдѣ жительство имѣютъ, и у какихъ рѣкъ и урочищей, и напредь сего въ подданствѣ у Чукочъ бывали ль, и за чѣмъ отъ нихъ отложились, и какъ давно, и нынѣ въ подданствѣ ль и въ вѣрности ль находятся? 2) Чукочъ въ какой силѣ и множествѣ состоитъ, и кто у нихъ старшина, и гдѣ жительство имѣютъ, и у какихъ рѣкъ и урочищей, и нынѣ какія отъ нихъ происхожденіи имѣются? 3) Артиллерія съ принадлежащимъ припасомъ имѣется ль, и сколько при надобномъ случаѣ оной съ собой взять можно, и какимъ способомъ, тако жь около онаго Анадырскаго острогу лѣсъ какой имѣется? 4) И небезъизвѣстно, яко отъ Охотска найдена рѣка, по которой до самаго Анадырскаго острога провіянтъ ставить можно, токмо подлинно ли таковая рѣка имѣется, и какъ ея званіе, и какіе способы, и на чемъ оной провіянтъ возить, и въ какомъ разстояніи оная имѣется, не извѣстно? 5) Въ Якутскѣ, въ Охотскѣ, въ Колымскомъ острогѣ, въ Анадырскомъ и въ прочихъ по званіямъ острогахъ и защитахъ, гдѣ имянно и сколько регулярной и нерегулярной команды имѣется, сколько въ коемъ мѣстѣ артиллеріи, пороху, зарядовъ, запаснаго ружья и прочаго; тако жь по послѣднимъ, полученнымъ оттуда, репортамъ и съ котораго числа провіанта, муки, ржи, крупъ, сухарей прочихъ, харчевыхъ припасовъ имѣется, и въ которомъ мѣстѣ сколько по званіямъ, по тому жь въ тѣхъ мѣстахъ по чему пудъ муки покупается? 6) Небезъизвѣстно, что

въ Якутскѣ, въ тамошнихъ отдаленныхъ мѣстахъ, за недостаткомъ и недородомъ хлѣба, въ пищу тамошніе люди употребляютъ болѣе рыбы и разныхъ звѣрей мясо, къ тому жъ съ березъ дѣлаютъ толчу и варятъ вмѣсто каши съ масломъ, къ тому жъ и молоко употребляютъ. И тако уповательно, что находящіеся тамо Дворяне и Казаки къ тому уже привыкли, и для того, убѣгая великаго казнѣ Ея Императорскаго Величества ущербу, можно ли онымъ Дѣтямъ Боярскимъ и Казакомъ пробавляться, и такимъ случаемъ, вмѣсто провіянта, можно ль онымъ выдавать деньги, или половину провіянтомъ, другую деньгами, чтобъ провіянту только для удовольствія регулярныхъ употреблять можно, и тако не малое число меньше провіянта въ годовую дачу потребно будетъ?

На оное Вашему Высокопревосходительству покорнѣйше доношу и предлагаю по толику, о чемъ по здѣшней знаемости извѣстно.

На 1 е: По справкѣ въ Анадырской партіи и съ Анадырскою приказною ясашною избою, по окладнымъ ясашнымъ книгамъ состоитъ ясашныхъ плательщиковъ оленныхъ и сидячихъ Корякъ 558 человѣкъ, да съ 730 по нынѣшній 1751 г. прежней и нынѣшней партіей сыскано и объясачено 196 человѣкъ, и того 754 человѣка. Изъ оного числа съ 745 году отложилися человѣкъ ста съ три. И оные ясашные и збунтовавшіеся Коряки жительство имѣютъ въ Сѣверной сторонѣ, около Олюторскаго и Пензинскаго моря, на рѣкахъ Олюторѣ, на Пахачѣ, на Апукѣ, на Хатыркѣ, на Паренѣ и на Акланѣ. А сколь давно тѣ Коряки въ подданство Ея Императорскаго Величества пришли, того по дѣламъ не явно, токмо по сказкѣ отставнаго Казака, Ивана Петрова сына Пурги, коему отъ роду имѣетъ быть 80 годъ, означенные, де, Коряки, какъ память его скажетъ, въ подданствѣ у Чукочъ никогда не бывали, а въ подданство Ея Императорскаго Величества пришли они, Коряки, котораго году, того подлинно не упомятуетъ, однако жь, де, на примѣръ, будетъ тому назадъ времени лѣтъ 70. 10 сего 1751 году, будучи я съ партіей въ походѣ въ Тайгуновскомъ носу, для призыву измѣнниковъ Корякъ въ подданство подъ высокодержавную Ея Императорскаго Величества руку и въ ясашной платежъ, и прошедшаго Апрѣля 9 дня,

за противность ихъ, какъ они вѣрноподданныхъ Ея Императорскаго Величества народовъ непріятельски смертно побивали и въ конецъ разоряли, такими жъ мѣрами они, измѣнники, сами побиты и вовсе искоренены, числомъ однѣхъ лушниковъ со 120 человѣкъ, кромѣ подростковъ и малыхъ робятъ, а всѣхъ поголовно большихъ и малыхъ, какъ видно по репорту Прапорщика Ковалева, ста съ два человѣкъ и больше, и при томъ взято въ плѣнъ мужеска и женска полу 12 человѣкъ и нѣсколько оленнаго табуна и прочаго. И по возвращеніи изъ того похода въ Анадырской острогъ, чрезъ неусыпное жь и ревностное мое стараніе, приведено паки ихъ, измѣнниковъ, Корякъ, въ подданство подъ Высокосамодержавную Ея Императорскаго Величества руку и въ ясашной платежъ, Охотскихъ и Янадырскихъ Корякъ, 84 человѣка, и по ихъ иновѣрческому обыкновенію (приведены) къ шерти; и впредь къ содержанію ихъ во всякомъ постоянствѣ, не имѣя ни какихъ злыхъ противныхъ поступокъ, взято съ нихъ аманатовъ 8 человѣкъ, и привезены были въ Анадырскъ и содержались подъ присмотромъ Комисарскимъ съ прочими аманаты въ ясашной аманацкой казенкѣ подъ карауломъ. И на сей 1751 г. и на прошлые годы изъ домика взято было съ нихъ въ казну Ея Императорскаго Величества ясаку 51 лисица красныхъ, съ лапы и хвосты, а съ прочихъ за безпромыслицею лисицъ не взято, и объ ономъ въ Иркутскую Провинціальную Канцелярію, Іюня отъ 10 числа, сего 1751 г., писано доношеніе, и того же Іюня съ 3 числа, за непривозомъ изъ Якутска въ Анадырскъ провіянта и за весьма скудостію рыбныхъ кормовъ, убѣгая отъ несноснаго и нестерпимаго голоду, обрѣтался я съ командою на низу р. Анадыри, при урочищѣ Родіоновѣ и у бани, для обыкновенныхъ оленныхъ и рыбныхъ лововъ того жъ Іюня по 26 число. А оленныхъ и рыбныхъ лововъ не было, отъ чего солдаты и Казаки и прочіе чины претерпѣвали, и нынѣ претерпѣваютъ, несносную нужду и голодъ, и многіе отъ того голоду почти всѣ съ головы на голову въ изнуреніе и въ безсиліе пришли (отъ чего, Боже, сохрани!), чтобъ не померли. И за отбытіемъ моимъ, въ предосторожность отъ непріятелей же, измѣнниковъ Корякъ, оставленъ мною былъ Поручикъ Кекеровъ съ командою въ пятидесяти человѣкахъ, которой и ордированъ, чтобъ онъ имѣлъ надъ Комисаромъ Корякинымъ крѣпкое смотрѣніе, дабы онъ, Комисаръ Корякинъ, предъ-

явленныхъ аманатовъ содержалъ всегда безотлучно въ ясашной аманацкой казенкѣ подъ карауломъ, чтобъ отъ неосторожности караула означенные аманаты не могли обрѣсти къ утечкѣ какого способу, о чемъ и къ нему, Корякину, минувшаго 1750 г., Декабря 24 числа, отъ меня ордиръ посланъ. И за тою моею небытностію, Іюля 8 на 9 число, въ полночь, слабостію и несмотрѣніемъ Комисара Корякина, въ крѣпости, въ ясашной избѣ содержащіеся аманаты Анадырскаго вѣдомства, Князецъ Анвуманъ Амьятовъ и съ привезенными изъ Тайгоноскаго носу, въ пятнадцати человѣкахъ, сидя въ аманатѣхъ, получали стрѣлы, луки и копья, измѣнили, одного Ясаула Казачья и одного караульнаго Козака и своихъ трехъ аманатовъ закололи, и потомъ стоящихъ въ крѣпости у казны и у воротъ подъ башнею двухъ человѣкъ закололи жь, и выскоча изъ воротъ калиткою, пришедши къ гоубвахтѣ, одного часоваго паки непріятельски смертно побили и ранили трехъ караульныхъ, и бросились въ лѣсъ, и унесли тѣхъ побитыхъ часовыхъ двѣ фузеи съ лядунки и патронами, и съ собою увели аманатовъ же, женокъ и робятъ девять человѣкъ. И того моменту командировано было отъ Поручика Кекерова для поимки тѣхъ злодѣевъ, а паче въ сикурсъ къ имѣвшемуся въ казенномъ оленномъ табунѣ въ караулѣ за Капрала, Енисейскаго полку солдату Никитѣ Рушкову съ командою, солдатъ и Казаковъ 30 человѣкъ съ ружьемъ и аммуниціею. И отъ тѣхъ посланныхъ, оны, измѣнники, утечкою лѣсными весьма чащеватыми мѣстами очень ускорили, и за тѣмъ ихъ поймать и постичь не могли; однако жь, оные посланные пришедши, гдѣ оленной табунъ стоялъ, и тогда еще до прибытія ихъ Іюля 9 имѣющіеся въ томъ табунѣ Коряки жь пастухи паки измѣнили и побили гранадера одного, солдатовъ двухъ, Казаковъ троихъ, и оленной табунъ отогнали весь безъ остатку; токмо изъ тѣхъ табунныхъ Корякъ поймано мужиковъ двое, женокъ трое, да въ крѣпости женокъ трое жь, и того восемь человѣкъ. И того въ крѣпости и въ табунѣ побито гранадеръ двое, мушкатеровъ двое, Казаковъ семь, всего одиннадцать человѣкъ. Въ чемъ надъ предписаннымъ Коммисаромъ Корякинымъ и предъявленными пойманными измѣнниками и другими, кѣмъ надлежитъ, имѣетъ быть въ силѣ Указовъ слѣдовано, и по окончаніи оного въ Иркутскую Провинціяльную Канцелярію представлено будетъ безъ упущенія.

На 2-е. Немирныхъ Чукочъ коликое число подлинно состоитъ, того при партіи по дѣламъ не видно, а старшинство оныя имѣютъ по своему иноземческому древнему обыкновенію, также какъ и Коряки, по родамъ, кто изъ нихъ постояннѣе и прожиточнѣе, вмѣсто рогатова, коннова и другова скота, олеными табунами, тотъ у нихъ и старшина. Жительство имѣютъ въ Сѣверной же сторонѣ, въ носу, около моря, по разнымъ мѣстамъ, разстояніемъ отъ Анадырска сухимъ путемъ за тысячу верстъ, и отъ оныхъ происхожденіи бываютъ вѣрноподданнымъ Ея Императорскаго Величества народамъ ясашнымъ оленнымъ Корякамъ, понеже оные Чукчи бываютъ изъ своей землицы зимнимъ путемъ на оленяхъ въ ихъ Коряцкую землицу и непріятельски оныхъ побиваютъ смертію, оленные табуны отгоняютъ и берутъ женъ и дѣтей ихъ въ плѣнъ; также и водяною коммуникаціею лѣтнимъ временемъ оные Чукчи приходятъ подъ Анадырской острогъ байдарами, т. е., судами, которые дѣлаются изъ дерева, рѣшетки на подобіе мелкихъ лодокъ, и обтягиваютъ оныхъ съ стороны моржевыми кожами, и по тому жь Русскихъ людей изождавъ въ какой либо малой неосторожности по рыбнымъ промысламъ, и паки побиваютъ же смертно, берутъ себѣ въ плѣнъ женъ и дѣтей, мѣдные и желѣзные котлы, топоры, ножи и прочее, понеже онаго въ ихъ землицѣ не имѣется. И въ томъ отъ нихъ, Чукочъ, лѣтнимъ временемъ въ промыслу рыбы крайнее утѣсненіе и опасность обстоитъ. А что же за неотправленіемъ Якутскою Канцеляріею въ Анадырскъ на партію довольнаго числа провіанта обрѣтающимся въ партіи разнаго чина людемъ безъ рыбнаго промыслу ни по которой мѣрѣ обойтись не можно, и ежели бъ оною Канцеляріею здѣшняя Анадырская партія всегда удовольствована была провіантомъ, и тако бы надъ непріятелями Чукчами и надъ измѣнниками Коряками было въ удобное время чинить достойные поиски весьма способно.

На 3-е. При Анадырскомъ острогѣ артиллеріи имѣется оставленныхъ флота Капитаномъ Лаптевымъ въ 742 году пушекъ чугунныхъ 3, калыберомъ двуфунтовыя, токмо при надобномъ случаѣ, во время приступовъ къ измѣнникамъ Корякамъ, къ отпрядышамъ, яко то есть высокіе и крутые около моря въ губахъ каменные острова, на которые они по своему Азіяцкому непо-

стоянству забунтовавшись и не хотя быть въ подданствѣ подъ Высокосамодержавною Ея Императорскаго Величества рукою, отъ военнаго страху убѣгаютъ и отсиживаются, понеже ихъ оттуда достать и къ нимъ взойтить, за неспособностію мѣста, также и выжить стрѣляніемъ изъ пушекъ и изъ мелкаго ружья, ни по которой мѣрѣ нельзя; и для того весьма потребно въ здѣшней Анадырской партіи имѣть отъ артиллеріи нѣкоторую часть, и объ ономъ въ Иркутскую Провинціальную Канцеляріею представлено доношеніемъ Іюля отъ 10 числа, сего 1751 года, и покорнѣйше прошено, чтобъ, для искорененія тѣхъ бунтовщиковъ и измѣнниковъ Корякъ и безопаснаго отъ оныхъ нахожденія вѣрноподданнымъ Ея Императорскаго Величества народомъ житія, и для обученія артиллерійской наукѣ, прислать сюда, въ Анадырскъ, изъ артиллерійскихъ служителей штыкъ-юнкера, или изъ ундеръ-офицеровъ одного человѣка достойнаго, и при нихъ двухъ канонеровъ и двѣ мортиры десятифунтовыхъ висячихъ, со станками безъ подножьевъ и по калыберу ихъ бомбъ до ста, и на нихъ принадлежащихъ составовъ карказовъ до пятидесяти; ибо хотя и штыкъ-юнкеръ въ Анадырскъ присланъ будетъ, токмо къ составленію карказовъ надлежащихъ составовъ въ Анадырскѣ не имѣется, понеже оная не только на измѣнниковъ Корякъ, но и въ поискахъ немирныхъ Чукочъ, весьма очень крайняя нужда зависитъ и оную отъ артиллеріи часть можно возить съ собою въ походъ на оленяхъ безъ затрудненія. И около Анадырскаго острогу, вверхъ по р. Анадырю, лѣсъ имѣется тополь и ветельникъ, и хотя въ вершинѣ оной рѣки есть лиственъ и березникъ, но не весьма около острогу близко и не очень довольно, также и на низу не въ дальномъ же разстояніи отъ острогу лѣсъ мелкой тальникъ, ольховникъ и кедровой сланецъ, и оттуда далѣе къ устью ни какова лѣсу не имѣется.

На 4-е Отъ Охотска до самаго Анадырскаго острогу ни какой рѣки не имѣется, токмо имѣется рѣки Акланъ, Таловка и Пенжина, которыя впали въ Пенжинское море, въ Сѣверную губу, и оною до самаго Охотскаго порта имѣется водяная коммуникація, точію къ поставкѣ натурою на партію провіянта до означенныхъ рѣкъ судовой моремъ имѣется ль способной путь и удобныя гавани, о томъ при партіи не извѣстно; однако жь объ

ономъ, по Указу Иркутской Провинціальной, Апрѣля 3 дня, 745 года, велѣно Охотской Канцеляріи о взысканіи оного пути возымѣть крайнѣйшее стараніе, и что тою Канцеляріею учинено, о томъ не извѣстно жъ; а предписанныя рѣки Акланъ, Таловка и Пенжина отъ Анадырска разстояніемъ, на примѣръ, отстоять не болѣе 300 верстъ, и ежели до оныхъ рѣкъ Охотскою Канцеляріею способной моремъ путь и удобныя къ пристани гавани къ поставкѣ на партію провіанта изысканы были, то оттуда до Анадырска ясашными иноземцами на оленяхъ провіантъ зимнимъ путемъ перевозить было можно безъ малѣйшей имъ тягости и разоренія, ибо оные отъ показанныхъ рѣкъ не весьма въ дальнемъ разстояніи жительство имѣютъ; да къ тому жъ, въ силу Указа Правительствующаго Сената, къ возобновленію Акланскаго острога для учрежденія и постройки оттуда по пристойнымъ мѣстамъ, даже до самыя Камчатки, удобныхъ крѣпостей, къ приращенію Ея Императорскаго Величества высочайшаго интереса и къ убѣжанію и безопасному житію вѣрноподданнымъ Ея Императорскаго Величества народамъ отъ нахожденій непріятельскихъ найлучшая польза имѣла быть.

На 5-е. Въ Анадырскомъ острогѣ нынѣ съ нижеписаннаго числа состоитъ команды, не выключая въ дальнихъ и въ ближнихъ отлучкахъ, больныхъ и подъ арестомъ, регулярныхъ разныхъ чиновъ 173, нерегулярныхъ разныхъ же чиновъ 367, всего 540 человѣкъ; запаснаго ружья 52 фузеи, да и тѣ уже негодны, кромѣ того, что развѣ употреблять оныя на разныя казенныя подѣлки; пороху вѣсомъ 13 пудъ 25 фунтовъ, патроновъ запасныхъ въ ящикахъ 11,982, картечь 3,612; провіанта, муки, ржи, крупъ и сухарей и прочихъ харчевыхъ запасовъ не имѣется; а провіантъ, мука ржаная въ Анадырскѣ покупается по 8 рублевъ пудъ, а иногда купили бъ на потребу и свыше оной цѣны, хотя по 10 рублевъ, да случается то, что и купить не у кого. А въ Указѣ Ея Императорскаго Величества изъ Иркутской Провинціальной Канцеляріи, Февраля 21, прошлаго 749, а въ Анадырской партіи полученнаго Апрѣля 28, 750 года, подъ нумеромъ 842, написано: Минувшаго, де, Генваря 24 числа, того жъ 1749 года, присланнымъ во оную Иркутскую Провинціяльную Канцелярію Якутская Воеводская Канцелярія доношеніемъ представляла, чтобъ

за показанными въ томъ доношеніи въ поставкѣ изъ Якутска до Анадырска провіянта неспособностями, и дабы отъ того казнѣ Ея Императорскаго Величества не происходило излишнихъ расходовъ, и ясашнымъ иноземцамъ отъ упадку лошадей и оленей разоренія, повелѣно было въ Анадырской острогъ на дачу служащимъ въ состоящей здѣсь партіи, солдатамъ, и Казакамъ и прочимъ чинамъ, въ жалованье посылать за провіянтъ деньгами, по чему въ каждомъ году тотъ провіянтъ въ продажѣ имѣетъ быть, а денежное бъ жалованье давать противъ окладовъ ихъ двойное, такъ какъ и бывшимъ въ Камчатской экспедиціи солдатамъ и прочимъ служителямъ въ дачу было; ибо де показанные служащіе въ Анадырску въ партіи, получа такое двойное денежное жалованье и за провіянтъ деньгами, могутъ тамо пропитаться оленнымъ мясомъ и рыбою противъ того, какъ и прочіе, живущіе въ здѣшнихъ мѣстахъ Русскіе люди питаются. А по справкѣ, де, въ Иркутской Провинціяльной Канцеляріи на присланные изъ Анадырскаго острогу отъ покойнаго Маіора Павлуцкаго и изъ Якутской Воеводской Канцеляріи репорты, писано изъ Иркутской Провинціяльной Канцеляріи въ Правительствующій Сенатъ и въ Сибирской Приказъ доношеніями, первымъ Октября 12, 743, вторымъ Іюля 19, 744, третьимъ Апрѣля 4 чиселъ, 745 годовъ, въ которыхъ представлено, чтобъ, за показанными въ тѣхъ доношеніяхъ резоны, повелѣно было служащимъ въ партіи ундеръ-офицерамъ, солдатамъ и служилымъ, дабы имъ въ такомъ весьма отдаленномъ мѣстѣ и нужнѣйшей партіи не понесть голоду, наготы и босоты, давать, до возврату изъ оной партіи, денежное и хлѣбное жалованье двойное; ибо отъ того казнѣ Ея Императорскаго Величества излишняго расходу и народной тягости не будетъ; а вмѣсто бъ провіянта, для такого дальняго пути, въ предосторожность, ко убѣжанію Ея Императорскому Величеству Высочайшему интересу ущерба и народной пользы, посылать деньгами, почему въ каждой годъ тотъ провіянтъ въ Якутскѣ въ продажѣ будетъ; которые солдаты и служилые, получа такое двойное денежное и за хлѣбъ деньгами жалованье, могутъ покупать въ тамошнихъ мѣстахъ у иноземцовъ оленье мясо и рыбу и оною безъ провіянта пропитаться. Но ежели къ одинакому ихъ жалованью посылать за всѣ ихъ хлѣбные оклады по Якутской цѣнѣ деньгами, то имъ такимъ малымъ жалованьемъ въ здѣшнихъ краяхъ безъ провіянта

пропитаться будетъ не чѣмъ. А провіантъ отправляется въ Анадырскъ весьма съ великимъ казеннымъ Ея Императорскаго Величества расходомъ, что каждой пудъ меньше 1 рубля 50 коп. въ поставкѣ обойтись не можетъ, да къ тому жъ, отъ упадку подъ тѣмъ провіантомъ въ подводахъ лошадей и оленей, Якуты и прочіе ясашные иновѣрцы придутъ во всеконечную скудость; и что объ ономъ повелѣно будетъ чинить, требовано Указу, точію о дачѣ упоминаемымъ служащимъ въ партіи денежнаго жалованья противъ окладовъ ихъ двойнаго, и по нынѣ съ резолюціею Указа не получено, а о посылкѣ тѣмъ служащимъ за провіантъ деньгами въ Указѣхъ написано, въ первомъ, изъ Сибирскаго Приказу Октября отъ 24, 745 года, чтобъ въ Анадырскъ на состоящую въ партіи команду, ежели оной партіи служилымъ людемъ отъ неполученія въ натурѣ провіанта вреда и нужды Иркутская Провинціальная Канцелярія быть не уповаетъ, и на свой отвѣтъ примѣтъ, тако жъ и къ перевозкѣ онаго провіанта въ натурѣ, способу изыскать не можно, а хотя и есть, да съ крайнимъ казеннымъ убыткомъ и тамошнихъ жителей съ великимъ разореніемъ и опасностію къ разбѣжанію иновѣрцовъ, и тотъ провіантъ оная команда въ надлежащее время исправно получить не можетъ; въ такомъ случаѣ отправлять за провіантъ безъ всякаго удержанія деньгами. Буде же оной провіантъ хотя и съ нѣкоторымъ затрудненіемъ и небольшимъ казеннымъ убыткомъ, но безъ разоренія и розгону иноземцовъ, препровождать можно, и оная де, партія довольнѣе быть можетъ провіантомъ, а нежели деньгами, въ такомъ разсужденіи, всѣми удобь возможными способы стараться пересылать провіантъ въ натурѣ. А во второмъ (Указѣ), изъ Правительствующаго Сената, Іюля отъ 13 числа, 748 года, чтобъ какъ возможно изъ Якутска въ Охотскъ и въ прочіе тамошніе остроги на дачу солдатамъ и служилымъ людемъ провіантъ натурою отправленъ былъ въ самой скорости, дабы, за неспорымъ отправленіемъ провіанта, въ тѣхъ мѣстахъ солдаты и служилые люди не претерпѣли крайней нужды, и впредь Иркутской Провинціяльной Канцеляріи крайнѣйшее стараніе прилагать, чтобъ на довольство обрѣтающихся тамо служилыхъ людей (провіантъ) заблаговременно приготовленъ былъ, подъ опасеніемъ, ежели тамошніе служители, за неимѣніемъ провіанта, претерпятъ нужду и гладъ, взысканія на Иркутской Провинціяльной Канцеляріи, не

пріемля ни какихъ отговорокъ. Буде же, по крайней невозможности тѣхъ служителей провіянтомъ удовольствовать будетъ не возможно, то перевесть хотя деньгами въ самой же крайней скорости, дабы обрѣтающіеся тамо служители, не только голоду, но ни какой нужды претерпѣть не могли. По справкѣ жъ въ Иркутской Провинціяльной Канцеляріи, въ Иркутскихъ подгородныхъ острогахъ и слободахъ Иркутской провинціи едва не ежегодно бываетъ хлѣбу недородъ, отъ чего, де, и сами бѣлые крестьяне и обыватели претерпѣваютъ въ пропитаніи крайней недостатокъ. Того, де, ради, по Указу Ея Императорскаго Величества и по опредѣленію Иркутской Провинціяльной Канцеляріи, въ Якутскую Воеводскую Канцелярію посланъ Ея Императорскаго Величества Указъ, и велѣно той Канцеляріи въ Анадырской острогъ на служащихъ въ партіи денежное жалованье отправлять по Указу, по окладамъ, одинакое, а не двойное, тако жь и провіянта отправлять повсягодно способнымъ путемъ, отъ коего бъ излишняго казеннаго расходу и народной тягости быть не могло; ежели больше, за какими законными, причины не возможно, то хотя по одной тысячѣ пудъ, а за достальной провіянтъ при томъ же присылать деньгами, по настоящей цѣнѣ, по чему въ коемъ году будетъ въ Якутскѣ въ продажѣ, заблаговремянно, дабы въ таковъ отдаленномъ, нужномъ и безхлѣбномъ мѣстѣ тѣ служители не только голоду, но ни какой нужды претерпѣть не могли, въ чемъ Якутской Воеводской Канцеляріи, яко о самонужнѣйшемъ Ея Императорскаго Величества интересѣ, крайнее стараніе прилагать, подъ опасеніемъ, ежели здѣшніе служители претерпятъ нужду и голодъ, взысканій на Якутской Воеводской Канцеляріи, не пріемля ни какихъ отговорокъ. А въ Правительствующій Сенатъ и въ Сибирской Приказъ писано доношеніями, и при оныхъ съ присланнаго изъ Якутской Воеводской Канцеляріи доношенія, для лутчаго разсмотрѣнія, сообщены точныя копіи и покорнѣйше прошено, чтобъ, за вышепоказанными въ преждепосланныхъ изъ Иркутской Провинціяльной Канцеляріи доношеніяхъ, тако жь и въ вышеявленномъ Якутской Воеводской Канцеляріи доношеніи, въ поставкѣ изъ Якутска въ Анадырскъ провіянта законными невозможностьми и многотрудной службой, повелѣно было въ состоящей здѣсь партіи денежное жалованье двойное, и за провіянтъ ундеръ-офицеромъ, капраломъ, солдатамъ и Казакамъ, за

всѣ оклады ихъ, посылать по Якутской цѣнѣ деньгами; ибо изъ того, о чемъ Правительствующій Сенатъ и Сибирской Приказъ изъ доношенія Якутской Канцеляріи усмотрѣть изволятъ, казнѣ Ея Императорскаго Величества излишняго расходу и народной тягости не будетъ, понеже, де, тѣ служители, получа двойное денежное и за одинарной хлѣбъ деньгами жалованье, могутъ покупать въ здѣшнихъ мѣстахъ у иноземцовъ оленье мясо и рыбу, и оною пропитаться, нежели, де, нынѣ къ одинакому ихъ денежному жалованью посылать за весь по окладамъ провіянтъ по Якутской цѣнѣ деньгами, то имъ такимъ малымъ жалованьемъ въ здѣшнихъ отдаленныхъ и безхлѣбныхъ мѣстахъ пропитаться ни какъ не возможно. И на оное въ Иркутскую Провинціяльную Канцелярію прошедшаго Февраля отъ 13 числа, сего 1751 г., доношеніемъ представлено: 1) что обрѣтающимся въ Анадырской партіи унтеръ-офицеромъ, капраломъ, солдатамъ, Казакамъ и прочимъ чинамъ, съ 747 по предбудущей 752 годъ, за недосланной провіянтъ, за муку ржаную вѣсомъ за 45,766 пудовъ, за 8 фунтовъ, да за крупу яшную за 460 п. 1 ф., деньгами отъ Якутской Воеводской Канцеляріи и по нынѣ не прислано, отъ чего унтеръофицеры, капралы, солдаты, Казаки и прочіе чины претерпѣваютъ несносную нужду и голодъ, впали въ неоплатные великіе долги, за весьма дорогою въ Анадырскѣ покупкою на рыбные заводы холста и крашенины, также и прядива, которой холстъ и крашенина продается за рубль по 4 аршина, а прядина пудъ по 40 рублевъ. Да по здѣшнему обращенію, какъ солдаты, такъ и Казаки, покупаютъ у Анадырскихъ обывателей и у ясашныхъ иноземцевъ зимнее платье, безъ чего ни по которой мѣрѣ пробыть не возможно, а имянно: изъ оленьихъ кожъ парка вмѣсто шубы въ 2 рубли, куклянка съ верхней кашлеею вмѣсто епанчи въ 3 рубли, штаны въ 1 р., санки съ уборомъ, съ лямки, съ потяги и съ уздами въ 1 р. въ 50 коп., лыжи въ р., обуви двѣ пары, въ томъ числѣ однѣ щетошныя, въ которыхъ ходятъ на лыжахъ, цѣною въ 1 р., чибика съ рукавицами въ 1 р. 50 к.; да къ тому жъ лѣтняго платья: двои штаны ровдужные въ 1 р. 60 к., рубаха ровдужная да кашлея въ 3 р., обуви шесть паръ, цѣною каждая по 25 коп пара. И оное платье зимнее болѣе обойтись не можетъ, какъ на одну зиму, а лѣтнее на одно лѣто; да сверхъ же того каждому служителю, по необходимой нуждѣ, надобно

для рыбнаго промыслу въ лѣто на двѣ сѣти, да на одну шережу прядины 13 фунтовъ, цѣною по 1 р. фунтъ, которыя сѣти и шережи болѣе одного лѣта въ промыслу обойтись не могутъ же. И того каждому служителю покупкою вышеписаннаго платья и прочаго имѣетъ обойтисъ въ годъ на 30 р. на 10 коп. 2) А у Анадырскихъ ясашныхъ оленныхъ Корякъ, за взятьемъ немирны ми Чукчами въ 747 и 748 годѣхъ, оленныхъ табуновъ нынѣ имѣется самое малое число, и не токмо, чтобъ служителямъ у нихъ, Корякъ, покупать на пропитаніе оленей, но и въ походъ съ партіей марширывалъ я изъ Анадырска въ 408 человѣкахъ, для поиску бунтовщиковъ и измѣнниковъ Корякъ, въ прошломъ 1751 г., и то уже съ превеликою нуждою, для того что, за весьма крайнимъ недостаткомъ у Корякъ и Юкагирей оленей, солдатъ и Казаковъ оставалось въ Анадырскѣ 90, да въ казенномъ оленномъ караулѣ 25, и того 115 человѣкъ, да и тѣмъ, которые въ походѣ имѣлись, только давано было по одному оленю, а прежде, сначала партіи, въ походахъ давалось всѣмъ служителямъ ѣзжалыхъ по два оленя. 3) Въ прошломъ 1749 г., въ бытность надъ партіею командиромъ Якутскаго полку Порутчика Семена Кекерова, по прибытіи его изъ походу, за неприсылкою отъ Якутской Воеводской Канцеляріи, за недосланной провіянтъ на предписанные годы деньгами, какъ солдаты, такъ и Казаки, на рыбные заводы, безъ чего пробыть было нельзя, забрали холста и крашенины, тако жь и прядива разныхъ сортовъ у посланнаго изъ Якутска питейныхъ и мелочныхъ сборовъ отъ Компанейскаго Алексѣя Глазунова съ товарищи въ Анадырскъ за винною продажею, у работника ихъ Іева Григорьева сына Безстужева, всего по цѣнѣ на 2002 рубля на 40 коп., да у Якутскаго посацкаго Василья Матвѣева сына Жгилева на 938 р. на 97 коп, въ чемъ имъ, Іеву Безстужеву, по силѣ присланнаго Ея Императорскаго Величества Указу изъ Иркутской Провинціяльной Канцеляріи, Сентября отъ 19, 1749 г., по вексельному праву Генваря 30, а Якутскому посадскому Василью Матвѣеву сыну Жгилеву, Февраля 19 чиселъ, сего 1751 г., отъ здѣшней Анадырской партіи даны вексели. 4) Въ Якутскую Воеводскую Канцелярію писано промеморіею, съ пріобщеніемъ имянной вѣдомости, кому имянно и за которые годы не дослано провіянта, и на комъ сколько ихъ купеческаго долгу состоитъ, требовано, чтобъ та Канцелярія благово-

лила предъявленнымъ Безстужеву съ товарищемъ, по силѣ вексельнаго права, вышеписанное число денегъ выдать изъ казны Ея Императорскаго Величества по исчисленію за недосланной за прошлые казенные годы хлѣбный окладъ, и будетъ еще останется за вычисленіемъ въ казнѣ провіянта, то за оной прислать въ Анадырскъ деньгами по Якутской продажной цѣнѣ, въ самой крайней скорости, съ росписками же, кому имяны, на которые годы, и за сколько пудовъ и по какой цѣнѣ, также и впредь повсягодно денежное жалованье сначала года, а провіянта въ натурѣ посылать въ Анадырскъ на каждаго служителя по необходимой нуждѣ по 10 пудъ, и къ тому за достальной, въ силу вышепрописанныхъ изъ Правительствующаго Сената и Сибирскаго Приказу Указовъ, деньгами въ указные сроки, коего еще и по нынѣ отъ Якутской Воеводской Канцеляріи въ Анадырскъ не отправлено, не точію, чтобъ Якутская Канцелярія во отправленіи провіянта имѣла стараніе, но и за провіантъ денегъ въ указные сроки не присылаетъ, моритъ голодомъ; а что же военнослужащимъ въ партіи всякаго званія людемъ, за показанными выше сего невозможностями, безъ провіянта ни какъ пробыть не возможно, и тѣмъ доношеніемъ Иркутскую Провинціяльную Канцелярію покорно прошено, дабы соблаговолила о немедленномъ отправленіи Якутскою Воеводскою Канцеляріею подтвердить Ея Императорскаго Величества Указомъ, дабы, за нескорымъ отправленіемъ означеннаго жалованья, въ порученной мнѣ партіи не воспослѣдовало въ поискѣ надъ непріятелемъ остановки и въ военномъ дѣйствіи помѣшательства, понеже и такъ обрѣтающіеся въ партіи служители отъ неполученія того жалованья претерпѣваютъ великую нужду и голодъ, и многіе отъ того голоду въ изнуреніе пришли (отъ чего, Боже, сохрани!) ежели помрутъ, и отъ того учинится высокому Ея Императорскаго Величества интересу безвременная трата и упущеніе, или на вѣрноподданныхъ Ея Императорскаго Величества народовъ отъ непріятеля незапное нападеніе и смертное убійство, и оного бъ впредь на мнѣ взыскано не было.

На 6-е. Хотя за неприсылкою отъ Якутской Канцеляріи провіянта, состоящіе въ Анадырской партіи ундеръ-офицеры, капралы, солдаты, Казаки и прочіе чины въ пищу и употребляютъ

себѣ одну рыбу, только съ превеликою крайнею нуждою, для того, не по природѣ, и такъ отъ оной рыбной яди почти всѣ съ головы на голову солдаты и Казаки впали въ изнуреніе, да къ тому жь повсягодно жь, за скудостію рыбы, претерпѣваютъ голодъ и вредъ; ежели отъ Якутской Канцеляріи провіянта въ натурѣ пересылаться не будетъ, то уже и вящѣе, ко убѣжанію казнѣ Ея Императорскаго Величества ущербу, болѣе инаго добраго порядку послѣдовать не можетъ, кромѣ того, что служащіе въ партіи солдаты и Казаки смертно отъ гладу помрутъ. А въ Анадырскѣ рагатаго и онаго скота не имѣется, и для того солдатомъ и Казакомъ на употребленіе въ пищу (кромѣ одной рыбы), на варенье березовой толчи, вмѣсто каши, масла и молока, получить не откуда. И хотя Якутская Канцелярія доношеніемъ въ Иркутскую Провинціяльную Канцелярію, Генваря отъ 24, прошлаго 749 года, представляла, чтобъ обрѣтающимся въ партіи солдатомъ и Казакомъ и прочимъ чинамъ, до возврату изъ здѣшней партіи, денежное жалованье давать двойное, и къ тому за весь ихъ одинарной годовой провіянтъ посылать деньгами, по чему въ каждомъ году тотъ провіянтъ въ продажѣ будетъ, и на оное, по мнѣнію моему, всеконечно за показанными въ посланныхъ отсель, Февраля отъ 13 числа, сего 1751 г., въ Иркутскую Провинціяльную Канцелярію доношеніи, а въ Якутскую Воеводскую Канцелярію промеморіи, невозможностьми, безъ провіянта военнослужащимъ въ партіи людемъ ни по которой мѣрѣ обойтись не можно, и для того, за посылкою сюда въ партію на каждаго служителя натурою по 10 пудъ провіянта въ годъ, къ тому за достальной посылать деньгами надлежитъ, счисляя за муку по 1 руб. за пудъ, а денежное жалованье до возврату изъ здѣшней партіи оберъ и ундеръ-офицеромъ, капраломъ и рядовымъ солдатомъ, Казакомъ и прочимъ чинамъ давать двойное, и тако немалое число меньше провіянта въ годовую дачу потребно будетъ. Въ Анадырскѣ мука ржаная покупается весьма дорогою цѣною, по 6 и по 8 руб. пудъ, да и то случается кому изъ служителей по необходимой нуждѣ продать развѣ 1 пудъ между собою; а иногда купили бъ и свыше оной цѣны, хотя и по 10 руб. пудъ, да и того купить не у кого, понеже, кромѣ казеннаго, въ Анадырскѣ посторонняго провіянта въ привозѣ никогда не имѣется; ибо въ Охотскѣ и въ Камчадальскихъ острогахъ какъ солдатомъ, такъ и Казакомъ вы-

дается изъ казны Ея Императорскаго Величества за провіянтъ деньгами, счисляя за муку по 1 р. 50 коп. за пудъ, а столько нужды ни вполы не претерпѣваютъ, какъ здѣсь, въ Анадырску, служители нужду претерпѣваютъ: 1) отъ неполученія, за неприсылкою отъ Якутской Канцеляріи, за означенной заслуженной провіянтъ, денегъ, впали въ неоплатные великіе долги, къ тому же наги и босы и въ лѣтнее время случится когда водяною коммуникаціею чинить достойные поиски надъ непріятелемъ, и тогда ходятъ безъ обуви и безъ платья, почти нагіе, а зимою, стоя на караулахъ, и яко въ здѣшнемъ отдаленномъ мѣстѣ во опасное время отъ непріятеля, ходятъ во объѣздъ пѣшкомъ на лыжахъ повсядневно вкругъ Анадырской крѣпости, для подсмотру непріятельскихъ шлягъ и воровскихъ перелазовъ, отъ нестерпимаго морозу, за скудостію жъ платья, знобятся, а купить, какъ уже о томъ выше сего показано, платья, за весьма дорогою продажею, не чѣмъ. 2) За неудовольствіемъ натурою провіянта отъ рыбной всегдашней яди пришли въ изнуреніе и едва только видится остовъ человѣка, а больше оное отъ поносу приключается, что нѣкоторые уже имѣютъ кровавые поносы, ибо оное не по природѣ; да къ тому жь почти ежегодно и рыбнаго корму бываетъ мало, и отъ того найвящѣе претерпѣваютъ несносной, великой смертной голодъ, и тако многіе изъ служителей не въ состояніи и въ службѣ Ея Императорскаго Величества находиться.

Да особливо Вашему Высопревосходительству покорнѣйше доношу: 1) надлежитъ быть въ состоящей здѣсь въ Анадырску въ немалой командѣ одному Штапу, ибо и напредь сего имѣлся Командиромъ Маіоръ Павлуцкой, который, по вступленіи его въ оную нужнѣйшую и весьма многотрудную партію, былъ пожалованъ изъ Капитановъ въ Премьеръ-Маіоры. А нынѣ я, въ силу присланнаго Ея Императорскаго Величества Указа изъ Сибирскаго Приказа, вмѣсто его, Павлуцкаго, за неимѣніемъ въ Тобольскѣ, въ Сибирскомъ гарнизонѣ, въ Иркутскѣ и въ Якутскомъ полку, штапныхъ офицеровъ, опредѣленъ надъ партіею главнымъ Командиромъ; ибо хотя въ предъупоминаемыхъ мѣстахъ Штапы имѣются, токмо уповаемо и пространно видно изъ присланныхъ Указовъ, что оные обрѣтаются въ разныхъ раскомандированіяхъ, а другіе у разныхъ дѣлъ находятся всегда безотлучно. 2) Здѣсь, въ Анадырской партіи,

регулярной и нерегулярной команды состоитъ 500, оберъ-офицеровъ имѣется, Порутчиковъ двое, Прапорщиковъ двое жь, изъ которыхъ Якутскаго полку Порутчикъ Семенъ Кекеровъ весьма старъ, къ тому же имѣетъ отъ непріятеля раны, того жь полку Прапорщикъ Петръ Ковалевъ старъ же и ногами весьма болѣнъ и имѣетъ раны, также и я обдержимъ цынготною болѣзнею, и ежели бы былъ не болѣнъ, то бы и въ прошломъ 747 г. изъ Селенгинска отъ полку въ Анадырскъ командировали меня, а не Порутчика Кекерова послали сюда, о чемъ и по репортамъ Иркутской Провинціяльной Канцеляріи, можеть быть, а въ Правительствующемъ Сенатѣ не безызвѣстно. Да и нынѣ я паки отъ всегдашней рыбной яди, вящѣе того жь болѣзнею весьма одержимъ, отъ которой и зубы вывалились, къ тому жь головою болѣнъ и въ глазахъ имѣю повреждение, и рыбнаго корму и сухой юколы, за неимѣніемъ провіанта, ѣсть мнѣ ни какъ невозможно, и отъ того яко въ здѣшней многотрудной партіи, весьма нужномъ, отдаленномъ и безхлѣбномъ краю, болѣе въ службѣ, какъ я, такъ и Порутчикъ Кекеровъ и Прапорщикъ Ковалевъ, имѣемъ быть не въ состояніи. Да къ тому жь и по Указу Правительствующаго Сената, 746 г., Февраля отъ 20 дня, велѣно мнѣ быть въ Иркутской провинціи, для содержанія школы; точію Господинъ Бригадиръ Якобій командировалъ меня въ партію больнаго, по злобѣ, ибо я къ атестату Аудитора Суворова не подписался, для того что онъ былъ не пограничной, но съ приписью Селенгинской Воеводской Канцеляріи, которой атестатъ имѣется въ Государственной Военной Коллегіи. И того ради покорнѣйше Ваше Высокопревосходительство прошу, ежели заблагосне принято будетъ, то бъ повелѣно было, для вышеписанныхъ резоновъ: 1) о произвожденіи обрѣтающимся въ партіи, какъ оберъ, такъ и ундеръ-офицерамъ, капраламъ и рядовымъ гранодерамъ, солдатамъ, Казакамъ и прочимъ чинамъ денежнаго жалованья двойнаго; 2) о поставкѣ въ Анадырскъ на каждаго служителя натурою провіанта по 10 пудъ на годъ и о посылкѣ къ тому за достальной деньгами, счисля за муку по 2 руб. за пудъ; 3) о подтвержденіи Иркутскую Провинціяльную Канцелярію во отправленіи вышеупомянутой артиллеріи съ принадлежностьми и артиллерійскихъ служителей; 4) о опредѣленіи на мѣсто мое въ партію одного Штапа и вмѣсто помянутыхъ Порутчика Кекерова и Прапорщика Ковалева другихъ здо-

ровыхъ, молодыхъ и здѣшней партіи годныхъ, Порутчика одного, Прапорщиковъ двухъ, чтобъ для лутчаго порядку и учрежденія къ военному дѣйствію нерегулярнаго войска было оберъ офицеровъ 5 человѣкъ. 5) Хотя Якутская Воеводская Канцелярія, Иркутской Провинціяльной Канцеляріи доношеніемъ представляетъ, яко бы провіантъ, за дальностію изъ Якутска въ Анадырскъ, на дачу служащимъ въ партіи весьма становится съ великимъ казеннымъ убыткомъ, и отъ упадку подъ тѣмъ провіантомъ лошадей и оленей иновѣрцамъ съ крайнимъ разореніемъ, но оная Якутская Канцелярія не имѣвъ, въ силу вышепрописанныхъ Ея Императорскаго Величества Указовъ, объ изысканіи лутчаго способу къ поставкѣ на партію въ Анадырскъ провіанта, ни какого старанія, и безразсудное имѣетъ мнѣніе, коимъ и обнадеживаетъ Иркутскую Провинціяльную Канцелярію напрасно, будто въ здѣшнемъ, весьма отдаленномъ, нужномъ и безхлѣбномъ краю служители и безъ провіанта оленнымъ мясомъ и рыбою пропитаться могутъ, какъ и другіе Русскіе люди въ здѣшнихъ мѣстахъ питаются, не разсудя того, что на пропитаніе оленей купить негдѣ, а отъ всегдашней рыбной яди и сухой юколы и за неимѣніемъ соли, понеже въ Анадырскѣ въ продажѣ никогда не бываетъ, отъ чего служители уже пришли въ изнуреніе и едва только остово человѣка видится, а больше отъ поносу приключается, что нѣкоторые имѣютъ уже и кровавые поносы, къ тому и ноги пухнутъ 6) А понеже усмотрѣно мною, какъ я слѣдовалъ изъ Якутска въ Анадырскъ, что имѣется способъ къ поставкѣ натурою на дачу служащимъ въ партіи провіанта безъ великаго казнѣ расходу и народной тягости, такимъ порядкомъ: отъ Якутска до Алданской заставы водяною коммуникаціею на судахъ, на оной учредить первой станецъ, второй станецъ на полѣ Чапынѣ, гдѣ живалъ Кангалаской волости Князецъ Куржага Алтахановъ; третей станецъ на Табалахъ рѣчкѣ и на Серылахѣ, гдѣ жительство имѣетъ Балдунской волости Якутъ Мухорка Архагировъ; четвертой станецъ на Кисломъ озерѣ. Токмо отъ поля Чапыны надлежитъ слѣдовать съ провіантомъ прямою дорогою, не хвативъ Верхоянскаго зимовья, чрезъ Хрепты, даже до Табалахи рѣчки, и отъ оной до Кислова озера прямою жь дорогою, не заѣзжавъ въ Зашиверской острогъ, ибо оной трактъ способнѣе и разстояніемъ мѣста меньше, а съ Чапыны поля черезъ Верхоянскъ и Зашиверской острогъ

до озера Кислова, растояніемъ мѣста больше. И оттуда на р. Ожогину сухимъ же путемъ на лошадяхъ, и по оной внизъ до рѣки Ковымы, и оною внизъ же до усть-Анюю, и по оному вверхъ даже до урочища рѣчки Ангарки, водяною коммуникаціею на судахъ провіянтъ препровождать можно; хотя и съ нѣкоторымъ затрудненіемъ, однако жь безъ великаго казнѣ ущербу и народной тягости. И въ предписанныхъ станціяхъ должно быть по 500 лошадей со всѣмъ конечно уборомъ, и того 2000, и при томъ, для содержанія тѣхъ лошадей и кошенія на оныхъ сѣнъ, опредѣлить изъ ясашныхъ иновѣрцовъ Якутовъ лутчихъ семьянистыхъ и прожиточныхъ скотомъ пристойное число посельщиковъ, а вышеписанное число лошадей собрать въ Якутскомъ вѣдомствѣ съ волостей, и чтобъ посланные за сборомъ оныхъ худыхъ лошадей и за лошадиное число деньгами отнюдь не принимали, и вмѣсто тѣхъ своими негодными вь набранное число не употребляли, и для такого случая по всѣмъ станціямь быть надлежитъ хотя изъ отставныхъ ундеръ-офицеровъ по одному человѣку достойныхъ, коимъ имѣть крѣпкое стараніе, чтобъ и посельщики Якуты тѣмъ лошадямъ какъ воровски своими негодными перемѣны не чинили и на кормъ себѣ тѣльныхъ лошадей не били, не замѣняли бъ тѣмъ, что оныя сами безъ всякой нужды подохли, и сѣна на лошадей заблаговремянно заготовляли со удовольствіемъ, ибо въ предписанныхъ станціяхъ и пооколо ихъ по близости мѣстъ сѣнныхъ покосовъ довольно имѣется И такъ чрезъ вышеписанной способъ отъ Алданской заставы станецъ отъ станецъ даже до рѣки Ожогиной, подъ провіянтомъ лошади могутъ обращаться по два разъ на годъ, безъ наймалѣйшей трудности, ибо отъ Якутска до Алданской заставы сухимъ путемъ и водою имѣется растояніемъ пятисотныхъ 204, отъ Алданской заставы до Верхоянскаго зимовья 350, итого 554 версты; отъ Верхоянскаго зимовья до Зашиверского острогу 360, а отъ Зашиверскаго до Кавымскаго зимовья 834, всего 1748 верстъ. И такъ изъ Якутска подъ провіянтомъ лошади чрезъ дальные переѣзды, за неимѣніемъ станцовъ по пустымъ мѣстамъ, съ голоду дохнутъ, понеже заготовленныхъ сѣнъ нигдѣ не имѣется, къ тому жь и Якуты изъ тѣхъ же подводныхъ лошадей, выбравъ воровски полутче, убивъ, и употребляютъ себѣ на пищу; и ежели предъупоминаемые станцы учредятся и во оныхъ на лошадей сѣнъ заготовлено будетъ со

удовольствіемъ, то въ такомъ разсужденіи подъ провіантомъ лошади съ голоду дохнуть не будутъ, для того что между назначенными станціями растоянія обойдется развѣ ста по три верстъ, и между иными и меньше 300 верстъ, и по станціямъ всегда будутъ сѣна готовые, да къ тому жь и противъ прежняго тракта возкою на лошадяхъ провіянта отъ Якутска чрезъ писанные станцы до р. Ожогиной умалится ста съ три верстъ и больше; однако жь, для выдачи иновѣрцамъ за перевозку провіянта между станцами надлежитъ размѣрить версты, а на р. Ожогинѣ должно содержать для постройки судовъ и для ставки до р. Ковымы и по оной внизъ до усть Анюю и по оной вверхъ до усть Ангарки рѣчки пристойное число рабочихъ людей. И сверхъ того много жь усмотрѣно, что хотя въ Ковымскихъ зимовьяхъ нѣсколько судовъ шитиковъ и построено, но точію оные къ перевозкѣ провіянта вверхъ по р. Анюю неспособны, за тѣмъ что оная рѣка небольшая и во многихъ мѣстахъ по ней имѣются розсыпныя мели, а суда востроденные, и для того асто съ судовъ провіянтъ долой выгружаютъ, и только однѣ доски чрезъ мели перетаскиваютъ, и между тѣмъ удобное время продолжается, и отъ того ежегодно провіянтъ до предписаннаго урочища рѣчки Ангарки не доходитъ, и для того надлежитъ къ перевозкѣ провіянта построить такимъ же подобіемъ длиною и широтою, токмо плоскоденные суда шитики жь, и когда оные построятся, и тогда уже на оныхъ безопасно до усть рѣчки Ангарки провіянтъ становиться будетъ ежегодно всегда заблаговременно. 7) И для понужденія Якутской Воеводской Канцеляріи во отправленіи, что по Указомъ надлежитъ, въ партію, безъ чего и пробыть нельзя, должно жь быть въ Якутскѣ оберъ-офицеру одному достойному, а безъ оного обойтись ни какъ не возможно, которому бъ о подлежащихъ по предложенію командира, что будетъ въ партію требно, помимо Иркутской Провинціяльной Канцеляріи, писать въ Правительствующій Сенатъ и въ Сибирской Приказъ, дабы въ отправленіи въ партію провіянта, денежной казны и протчаго, ни какого медленія и остановки не было; а ежели жь въ состоящую здѣсь партію натурою сполна служителямъ по 10 пудъ провіянта присылаться не будетъ, то уже не иного какого болѣе къ пользѣ и приращенію Ея И. В. высочайшаго интереса ожидать будетъ можно, кромѣ того, что служители всѣ безъ остатку

съ голоду помрутъ.—Представить Правительствующему Сенату и въ Сибирской Приказъ. Декабря 20 дня, 1751 года.

Капитанъ Шатиловъ.

Подканцеляристъ Алексѣй Мельниковъ.

II.

ВСЕПРЕСВѢТЛѢЙШАЯ, ДЕРЖАВНѢЙШАЯ, ВЕЛИКАЯ ГОСУДАРЫНЯ, ИМПЕРАТРИЦА, ЕЛИСАВЕТЪ ПЕТРОВНА, САМОДЕРЖИЦА ВСЕРОССІЙСКАЯ, ГОСУДАРЫНЯ ВСЕМИЛОСТИВѢЙШАЯ!

Доноситъ Ковымскаго вѣдомства Якутской Князецъ Мятюнской волости, новокрещенъ Петръ Лаптевъ, Якутское имя Женокъ Илягинъ, той же волости новокрещенъ же Иванъ Оконешниковъ, а о чемъ наше доношеніе, тому слѣдуютъ пункты:

1.

Съ прошедшаго 1743 по 1754 годъ становился нами, рабами Вашими, живущими при Ковымскихъ зимовьяхъ, ясашными Якутами и Юкагирами, отправленной изъ Якутска въ Анадырской острогъ на партію провіянтъ, лѣтнимъ воднымъ путемъ на судахъ внизъ по Ковымѣ и вверхъ по Анюю рѣкамъ до урочища Лабазнаго и выше, а по рѣкѣ Омолону до усть Олоя рѣчки. Посылалися мы, Якуты, безъ остатку за прогоны и безъ прогоновъ Іюня съ первыхъ чиселъ, а обратно отъ поставки приходимъ въ Среднековымское въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, предъ заморозомъ. И въ ту поставку провіянта имѣющихся при караулѣхъ, какъ посылающихся изъ Ковымска, такъ и прибывшихъ изъ Якутска Казаковъ наймываемъ вмѣсто себя, каждаго Казака по 10 и по 12 рублевъ, не хотя лишиться рыбныхъ кормовыхъ промысловъ и поморить женъ и дѣтей и собакъ своихъ голодомъ, такожде отлучиться отъ сѣнной косьбы, чтобъ за безсѣнницею малоимѣющееся скотишко не утратить.

2.

А отъ поставки провіянта прибывшихъ насъ, Якутовъ, посылаютъ въ Октябрѣ мѣсяцѣ съ первыхъ числъ до Анадырска съ прибывшими изъ Якутска денежною и съ протчею посылающеюся на партію казною и за всякими за разными дѣлами по вся зимы, на 50-ти и на 60 партенныхъ подводахъ, которыя нынѣ стали быть обходиться намъ наймы отъ Средневовымска до Анадырскаго острогу по 35 рублевъ каждая нарта, которая числится за одну треть подводы.

3.

А отъ Анадырска мы же, Якуты, обратно въ Средневовымъ въ подводахъ же посылаемся со отправленными въ Якутскъ сказками и дѣлами, безъ прогоновъ и безъ всякаго платежа, не разсуждая, какъ можетъ человѣкъ и собаки безъ отдыху выслужить толикое дальное разстояніе, понеже въ Анадырску никогда больше одной недѣли намъ, подводчикомъ, житья не бываетъ за кормовою скудостію, а протчимъ случается и безъ обратной подводной гоньбы идучи, добровольно собою въ той Анадырской дорогѣ, не токмо собаки, но и отъ проводниковъ, многіе отъ голоду безвремянно помираютъ, отъ чего нынѣ и собакъ лишились, не точію своихъ, но отъ живущихъ въ Ковымскихъ зимовьяхъ всякихъ Русскихъ людей выведены собаки ихъ нами жь, подводчиками, а каждую собаку купимъ по 3 руб. и выше для подводныя гоньбы.

4.

А какъ изъ Анадырскаго острогу посылающіяся ясашныя казны и подъ всякія разныя дѣла, такъ и изъ Ковымскихъ и изъ Алазейскаго зимовей до Якутска отправляющіеся служилые съ насъ же берутъ въ одинъ годъ по сту и больше лошадей до Зашиверскаго острогу, которыя стали быть обходиться намъ наймы отъ Ковымска до Зашиверскаго острогу на сходъ одной лошади наемъ по 5 и по 6 рублевъ, а ежели та наемная лошадь дорогою идучи впередъ, или обратно, падетъ, то за каждую лошадь берутъ съ насъ по 10 рублевъ; отъ которыхъ посылающихся подводныхъ лошадей, отъ дальнаго разстоянія, за глубокими снѣ-

гами и отъ неимѣнія въ Алазейскомъ дорогою живущихъ Якутовъ, малое число возвращаются, и то въ другое лѣто, а на каждой годъ по 40 и по 50 лошадей урону бываетъ, отъ чего малоимѣющаго скота мы лишилися и въ нищету пришли.

5.

А когда имѣли жительства въ Алазейскомъ присутствіи Верхоянскаго вѣдомства Якуты человѣкъ 50 и больше, то намъ, Средневковымскимъ Якутамъ, въ подводной гоньбѣ чинили вспоможеніе немалое, и посылающіяся до Зашиверска подводныя лошади наши не умирали; которые Якуты нынѣ съ предшедшаго 1746 году, оставя свои жилища, всѣ откочевали въ Зашиверское и Верхоянское вѣдомство, боясь гонимыхъ нами такихъ тяжкихъ подводъ.

6.

А отъ Среднековымска до Нижнековымскаго зимовья ѣдущіе за дѣлами и посылающіеся изъ Якутска имѣющимся въ тѣхъ зимовьяхъ господамъ Прапорщикамъ на команду провіянтъ и содержащимся арестантамъ припасы, въ одинъ годъ по 70 и по 80 лошадей берутъ съ насъ, и обходится намъ каждая подводная лошадь по зимѣ по 6 и по 5 рублевъ, а водянымъ путемъ по 4 рубля.

7.

А отъ Нижнековымскаго до Среднековымскаго зимовья мы же, Якуты, обратно въ подводахъ же посылаемся со отправленными въ Якутскъ и въ Ковымское сказками и дѣлами безъ прогоновъ и безъ всякаго платежа, а за неимѣніемъ въ Нижнековымскомъ ставленнаго сѣна, подводнымъ нашимъ лошадямъ за кормовою скудостію и собакамъ чинится ущербъ немалой.

8.

А между вышеписанными въ Анадырскъ и въ Нижнековымское отпусками, прибывшіе изъ Якутска слѣдующіе въ Анадырскъ за дѣлами всякаго чина люди требуютъ противъ данныхъ имъ подороженъ съ насъ подводы нартенныя и лошадей, ко-

торыхъ подводъ взять намъ негдѣ и отправить не на чемъ и не кѣмъ; и объявляемъ мы имъ, что подводы наши и люди всѣ усланы въ подводахъ и поднять нынѣ насъ ни коими образы невозможно, понеже наши собаки и лошади всѣ безъ остатку отъ насъ усланы, а у Русскихъ людей, тамо живущихъ, собакъ и лошадей не имѣется и нынѣ нѣтъ, понеже ихъ собаки и лошади всѣ забраны нами жь въ наймы и усланы туды жь въ подводы во очередь нашу, и чтобъ оные слѣдующіе дали намъ до возврату подводъ нашихъ сроку; которые вѣдая и сами, что подняться имъ не на чемъ, и говорятъ: «За ваше нескорое отправленіе велѣно, де, отвѣчать головою.» Въ чемъ просимъ ихъ и обязуемся подписками, что по прибытіи изъ подводъ собакъ нашихъ и родниковъ, коликое число возвратится, поставимъ на срокъ; и они, не взирая на тѣ наши подписки, вяжутъ насъ ко столбу и бьютъ безъ милости; отъ которыхъ ѣдущихъ страха ихъ и отъ побой откупаемся, даемъ имъ въ презентъ деньгами по 50, по 40, по 30, по 20, по 10 и по 5 рублевъ, и того отдано по разницѣ 195 рублевъ, которыя деньги и по нынѣ на насъ имѣются, взятыя изъ казны Среднековымской Покровской церкви и у другихъ жителей имѣющихъ, да и сверхъ вышеписанныхъ денегъ, прогонными деньгами уступаемъ, которыя по поставкѣ ихъ подлежано намъ взять.

9.

Да на насъ же при Среднековымскомъ имѣющихся Якутовъ наложено Ковымскихъ и Алазейскаго зимовей Комисарами ставить дрова къ топленію арестантскихъ покоевъ, и къ караульному офицерскому покою, и солдатской караульнѣ и кухнѣ. А за неимѣніемъ у насъ собакъ и кормовыхъ припасовъ, въ одну зиму ставить наймуемъ Русскихъ жителей, подряжая по 70 и по 80 руб. А намъ, Якутамъ, за тѣ дрова ниже отнюдь ни какія малыя платы не бываетъ, не разсуждая, что и безъ того отъ подводныя гоньбы мы разорились, не точію мы, живущіе малолюдствомъ при Среднековымску, но и подгородные многолюдные Якуты отъ нартовской подводной гоньбы отягощаются, а мы малолюдствомъ своимъ пришли въ послѣднюю нищету, что въ одинъ годъ съ одного человѣка сходитъ съ насъ на всякія подводныя

наймы по 25 рублевъ и больше, отъ чего женъ и дѣтей своихъ имѣемъ въ закладныхъ подпискахъ.

10.

А изъ Ковымска отъ вышеписаннаго подводныя гоньбы Ковымскаго вѣдомства платежа Якуты, оставя жены и дѣтей своихъ, бѣжали, а другіе совсѣмъ съ домами откочевали и понынѣ живутъ втуне, имѣются въ здѣшнихъ подгородныхъ волостяхъ, за которыхъ бѣглыхъ ясаки и подводы повсягодно бездоимачно берутъ на насъ. А протчіе Якуты и Юкагоры платежа ясаку Ковымскаго, отбывая тоя подводныя гоньбы, многіе имѣются въ Среднемъ и Нижнемъ Ковымскихъ зимовьяхъ у арестантовъ въ работѣ, и не даются ни въ какія подводныя гоньбы господами Прапорщиками, защищаяся ими; за которыхъ арестантскихъ скотниковъ и работныхъ подводы мы же, Ковымскіе Якуты, гоняемъ безденежно.

11.

А мы, раби ваши, люди весьма скудные и зѣло убогіе, ни какихъ пожитковъ у себя не имѣемъ и пришли отъ такихъ сбѣглыхъ съ платежа ясаковъ и отъ подводныя гоньбы въ конечное разореніе, что и своихъ окладныхъ ясаковъ платить чѣмъ не имѣемъ, и пришли въ великіе, неокупные долги, а имѣющеевся у насъ не по большему числу скотишко, за безсѣнницею, выпале, а остальныхъ Русскихъ людемъ раздавали за поставку за насъ провіянта и за всякія подводные наймы и за дровные вôзки и на ясашной платежъ. А отъ сѣнной косьбы, и отъ рыбнаго и отъ ясашнаго и отъ всякихъ промысловъ съ вышеписанныхъ лѣтъ, за вышеписанными резоны, отлучилися, и завсегда претерпѣваемъ гладъ смертной, а на ясашной платежъ лисицъ и соболей покупаемъ дорогою цѣною, каждую лисицу по 3 рубли и выше, а за соболя по 9 рублевъ берутъ Комисары, отъ чего въ нищету пришли.

12.

А слѣдующему въ Анадырскъ въ партію Господину Поручику Кекерову съ командою Олойскимъ трактомъ, отъ насъ, Яку-

товъ, отправлено было подводныхъ и проводническихъ 137 лошадей, отъ которыхъ ни едина лошадь спастися не могла, всѣ безъ остатку выпали, и едва чрезъ великіе труды родники наши, которые были въ проводникахъ, спаслися и вышли пѣши, отъ чего нынѣ чинится отправляющимся въ Якутскъ остановка.

13.

А имѣющіеся въ Ковымскихъ и въ Алазейскомъ зимовьяхъ ясашные народы,—Лашутки, Тунгусы, Алазейскіе Юкагиры, съ нами въ подводахъ никогда не бываютъ, и сбираемые отъ нихъ, Дашутокъ, поборы на одного человѣка по рублю на подводную потребу, намъ отъ нихъ не бываетъ, и Ковымскихъ зимовей Комисары такія сбираемыя поборныя деньги куды употребляютъ, о томъ мы не извѣстны. А Юкагиры токмо ставятъ на суда провіянтъ въ равенство съ нами, а кромѣ той поставки, ни въ какихъ же подводахъ не бываютъ и помощи ни какой не чинятъ. А при Ковымскихъ зимовьяхъ насъ, платежныхъ Якутовъ живущихъ, имѣется 130 человѣкъ не съ большимъ, въ томъ числѣ не точію что убогихъ, но дряхлыхъ и весьма старыхъ довольно, въ которыхъ въ подводахъ и въ промыслахъ ни какія надежды не имѣется, но едва живы и скитаются между рѣкъ. А отъ живущихъ при Верхнековымску Якутовъ отъ 50 человѣкъ ни вполы съ нами во всякихъ зимнихъ въ подводахъ и вышеписанныхъ резонахъ отягощенія не бываютъ, яко бы отъ проѣзжаго Анадырскаго пути за дальностію, по волѣ Ковымскихъ зимовей Комисаровъ бываютъ хранимы. А отъ вышеписаннаго числа имѣющіеся у арестантовъ скотники и работники имѣются свободны; отъ котораго малолюдства за нихъ подводы на насъ, въ Среднековымскомъ живущихъ Якутовъ, и въ очередь по два человѣка насъ въ Анадырскую нарту (партію?) отправляютъ, а другіе подводы по одному человѣку, и достается въ годъ по двакраты на одного человѣка ходить, отъ которыя (ходьбы) ни на малыя времена упокою себѣ не имѣемъ.

14.

А для вышеупоминаемаго, посылающагося на партію провіянта, ради вспоможенія, присланы къ намъ присыльные, отъ ко-

торыхъ мы, раби ваши, въ великой опасности находимся отъ ихъ бездѣльныхъ поступокъ и коварныхъ происковъ. А ежели намъ гдѣ случится съ таковыми въ пути въ подводной гоньбѣ, то по ихъ состоянію надѣемся, что лишены мы будемъ дневныя своея пищи и одежды и обуви, отъ чего намъ прилучитися будетъ безвремянная смерть. А въ зимнее время намъ отъ оныхъ ссыльныхъ ни какія помощи и надежды никогда не будетъ, но токмо развѣ разореніе отъ нихъ пропитанія и опасеніе опасностей.

И дабы высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества Указомъ повелѣно было сіе наше доношеніе принять, а сошлыхъ за малолюдствомъ нашимъ Ковымскаго платежа изъ подгородныхъ волостей и гдѣ жительство имѣютъ, возвратить на прежнее ихъ жилище, въ Ковымскъ, такожде и Верхоянскаго вѣдомства прежде-живущихъ Якутовъ изъ Верхоянска и изъ Зашиверска перевесть на прежнія свои жилища и поселить всѣхъ необходимо въ Алазейскъ, которые объявлены имяннымъ реестромъ при доношеніи въ Якутской Воеводской Канцеляріи, да по онымъ же въ прибавокъ отселѣ, изъ подгородныхъ волостей, отъ трехъ улусовъ, отъ Таты, отъ Мегинцовъ, отъ Намцовъ 50 семей, или сколько возможно скотныхъ людей, понеже хотя и вышеписанные прежде живущіе при Алазейску Якуты поселены и переведены будутъ, токмо на таковые большія надежды не имѣемъ, понеже отъ подводъ же весьма скудные и убогіе люди; а ежели отселѣ съ показанныхъ улусовъ поселщики поселены и переведены въ Ковымское 100 человѣкъ, или больше, что безъ толикаго числа людей быть намъ и отправлять всякія подводы ни коими образы невозможно; а ежели такое позволеніе не будетъ, вышепоказанные Якуты къ намъ на вспоможеніе, для всякія подводныя гоньбы, въ Ковымску и въ Алазейское переведены не будутъ, отъ чего безвремянная смерть будетъ намъ приключатися, женъ и дѣтей своихъ лишимся, а окладные наши ясаки запустятся въ доимку, отъ такихъ гонимыхъ нами тяжкихъ подводъ, что нигдѣ въ Якутскомъ вѣдомствѣ наша братья, Якуты, и другато рода ясашные люди въ таковыхъ въ тяжкихъ въ подводахъ не находятся. А къ нашей, рабамъ вашимъ, пользѣ къ прошенію отъ Якутска за дальностію конечная скудость и нищета наша не допущаетъ.

Всемилостивѣйшая Государыня! Просимъ Ваше Императорское Величество о семъ нашемъ прошеніи рѣшеніе учинить. Іюля 21 дня, 1754 года.—Къ поданію надлежитъ слѣдующему въ партію Командиру, Высокоблагородному Господину, Майору Ивану Степановичу Шмалеву.

Доношеніе писалъ Якутскаго вѣдомства новокрещенъ Иванъ Оконешниковъ и руку приложилъ.

Къ сему доношенію, прошеніемъ Якутскаго Князца новокрещена Петра Лаптева, Якутской Казакъ Петръ Дьячковъ руку приложилъ.

III

ВЪ ИРКУТСКУЮ ПРОВИНЦІЯЛЬНУЮ КАНЦЕЛЯРІЮ ОТЪ КАНЦЕЛЯРІИ ОХОТСКАГО ПОРТА

Доношеніе.

Сего 1753 года, Сентября 16 дня, въ присланныхъ изъ Гижигинской крѣпости отъ Сержанта Николая Сторожева да Каптенармуса Якова Байбародина (доношеніяхъ), Іюля отъ 7 числа, сего 753 г., въ Канцелярію Охотскаго порта, написано, въ первомъ: Сего, де, 753 году, Іюля 1 дня, полученъ партіи у походныхъ дѣлъ изъ Товатомской крѣпости репортъ, въ коемъ объявлено: минувшаго Мая 31 дня прибыли къ помянутой Товатомской крѣпости непріятельскихъ людей на трехъ байдарахъ человѣкъ съ 40 Тайгуносскихъ, въ томъ числѣ трое Чачебъ, да пѣшихъ Тайноческихъ четыре человѣка, и командуетъ ими Егачинской Анниль, о которомъ, въ нынѣшнемъ сего 753 году, Августа отъ 2 дня, въ Иркутскую Провинціяльную Кацелярію доношеніемъ объявлено. И не дошедъ байдарами оные измѣнники до устья р. Товатомы, оставя байдары свои на мысу той губы въ прикрытномъ мѣстѣ, Іюня 1 числа, означенные злодѣи, пришедъ на устье, истрафили вѣрноподданнаго ясашнаго Коряцкаго Князца, которой имѣется у предосторожности той крѣпости, Говырлю, съ родниками своими, понеже оной Говырля отпущенъ былъ изъ крѣпости къ

морю съ женою и дѣтьми для промыслу себѣ на пропитаніе; и увидя означенной Говырля измѣнниковъ довольство то, того жъ часу послалъ съ вѣстью мать, а самъ съ женою и малыми дѣтьми за чежелостію ити не возможно было, и сѣлъ онъ въ байдару, отвалилъ въ море, а тѣмъ, де, измѣнникамъ постичь было не въ чемъ, и звали ласкою къ себѣ, на что онъ, Говырля, отвѣтствовалъ, что, де, на землѣ умереть неохотно, подите,де, ко мнѣ на море, — угребъ онъ отъ тѣхъ бунтовщиковъ на рѣку Силегу, или въ Туманскую крѣпость, про то, де, знать не можно. И того жъ числа показаннаго Іюня, предъявленные измѣники посланныхъ изъ крѣпости на китовой жиръ, означеннаго Говырли родствениковъ его, двухъ человѣкъ перехвативъ, одного Коряку, по крещеніи Логина, смертно побили, а другому, де, связавъ руки, держали, а къ вечеру того жъ числа напавъ на крѣпость, отаковали и отшибли означеннаго Князца Говырли со всѣми рыбными заводами и съ платьемъ анбаръ; и тотъ день непрестанно оные измѣнники покушались, чтобъ оную Товатомскую крѣпость взять, и ночевавъ подъ тою крѣпостью, назавтра и отступили. И въ тѣ числа командированы были изъ той крѣпости Казаки за промысломъ 5 человѣкъ; и какъ, де, онымъ Казакомъ подана была вѣсть, то тѣ Казаки возвратились въ крѣпость благополучно, токмо ихъ оставленные заводы на промыслахъ унесли тѣ измѣнники: котелъ, топоръ, сковороду, и 18 сѣтей и казенныхъ 3 лодки да байдару коженую изрубили. И показаннаго Іюня 3 числа паки оные измѣнники вознамѣрились, по всезлобному своему и замерзѣлому злодѣйству, разорить оную Товатомскую крѣпость и Казаковъ прибить, то съ нашей стороны изъ крѣпости употребленъ огонь и подшибли съ ихъ измѣннической стороны, что не самаго изъ нихъ удалаго и легкаго мужика Холчегымпа, отъ котораго въ прошломъ 752 году немалые злодѣйства происходили. И видя тѣ измѣники, что съ ихъ стороны уронъ, тотчасъ отъ крѣпости отступили. Да при томъ же бою и другого измѣнника смертно ранили. А случаются, де, отъ тѣхъ измѣнниковъ отаки и набѣги въ самое дождливое погодье, чтобъ дѣйствія огненнаго ружья не было. А того жъ выписаннаго Іюня 6 числа, выписанной пойманной бунтовщиками и измѣнниками вѣрноподданной Говырлинъ, родникъ Коряка, связанной прибѣжалъ и объявилъ онъ, что, де, шесть дней у измѣнниковъ былъ связанъ и хотѣли заколоть смерт-

но, токмо, де, отъ оплошности тѣхъ измѣнниковъ скрывся, и убѣжалъ. А слышалъ, де, онъ между тѣми измѣнниками въ разговорахъ, что яко бы Чачебской Княжецъ Анвуланъ, которой побитъ въ минувшемъ 752 году подъ крѣпостью Гижиги, приказывалъ при жизни своей, чтобъ Юкагирямъ и присовокупя Чачебъ, и пѣшихъ, и Тканскихъ, и Ягачинскихъ и другихъ рѣкъ измѣнниковъ, и отомщать свою и прочихъ родниковъ кровь, и разорить Гижигинскую крѣпость; на что, де, часто упоминаемые ворыв есьма неотмѣнно намѣрены по лѣту прійти походомъ на Гижигинскую крѣпость, и онную сжечь, и вѣрноподданныхъ Русскихъ людей всѣхъ прибить. А вышеписанные измѣнники, Іюня 9 числа, отступили, и состоитъ оная крѣпость и въ ней служители благополучно. Токмо пропитаніемъ въ оной крѣпости весьма скудно, что въ нынѣшнее лѣтнее время находится голодъ.

А во второмъ (донесеніи написано): Минувшаго, де, Іюня 9 числа, сего 753 году, прибыла въ Гижигѣ рѣкѣ большая вода противъ крѣпости на берегъ, а паче съ лѣсную сторону, и вкругъ обняла, и какъ въ крѣпость, такъ и въ казармы входила, а яру подъ крѣпость той большой водой обрало на двѣ сажени, и стояла оная вода трои сутки, и стала сбывать означеннаго Іюня 13 дня. И паки едва съ голоду не примерли, и ежели бы, де, прибыло еще хотя на полъаршинъ, или застоялась долговременно, то бъ, де, и каждой душѣ не остатись, понеже на сухое мѣсто перебратися во близости было не куда и не въ чемъ, а найпаче опасность, къ тому жъ и люди были все хворые, а лодки, де, и байдары были утхлые. И на тѣхъ трехъ лодкахъ, четырехъ байдарахъ, прошедшаго Мая 27 числа, посланъ былъ на устье рѣки Гижиги къ морю, для промыслу рыбнаго корму, на пропитаніе камандѣ, Каптенармусъ Байбородинъ, которые люди на ногахъ едва шатались, солдатъ, и Казаковъ, и Корякъ, всего въ 50 человѣкахъ. И былъ онъ, Байбородинъ, съ командою на устьѣ рѣки Гижиги у моря до 20 числа, а рыбы добыть и кормовъ обыскать къ пропитанію ни какъ не могли, кромѣ малого числа акипъ, т. е, морскихъ нерпъ. И въ бытность свою у моря паки голодовали, у сѣтей тетивы и поводки и всѣ обуви ветхія Коряцкія и свои прїѣли, и у которыхъ служителей камзолы были, обрѣзывая, ѣли, и едва назадъ въ крѣпость пришли, изъ которыхъ два

человѣка солдатъ, отъ того замору, Ѳедоръ Гостевъ Іюня 23, Алексѣй Первухинъ Іюля 4 чиселъ, Казакъ Захаръ Кулаковъ 6 числа, померли. А на Гижигѣ къ пропитанію человѣческому во близости крѣпости угодныхъ травъ и коренья, какъ и на прочихъ малыхъ рѣкахъ, ничего не имѣется. А рыба изъ моря пошла Іюня 28 числа, и то не такъ, какъ по другимъ рѣкамъ, день есть, а два нѣту; а команда партіи служители весьма отъ прошедшаго гладу истощали. А сего 753 году, при Гижигинской крѣпости, несказаемо служители претерпѣвали, и какъ спалясь съ гладу на морскую рыбу, и паки отяжелѣли и ни какъ не могутъ справиться. А строеніе поправить, или же вновь что построить, а найпущѣе что о поисканіи измѣнниковъ ко искорененію военною оружейною рукою, ни какъ до исправы выйти не возможно, что едва стѣнь свою носятъ. А сего жъ Іюля по 5 число Гижигинская крѣпость состоитъ благополучно, въ ней дѣйствительно служащихъ партіи служителей: Сержантъ 1, Каптенармусъ 1, артиллерійскихъ служителей 2, Якутцкаго полку солдатъ 12, Казаковъ 65, и того въ наличности 85 человѣкъ, въ томъ числѣ дряхлыхъ и престарѣлыхъ 6, Казаковъ увѣчныхъ ранами 7, и того 13 человѣкъ, которые въ здѣшнемъ многотрудномъ мѣстѣ въ службѣ быть негодны, кромѣ тѣхъ, больныхъ чахоточною болѣзнію 7 человѣкъ. И предлагали они тѣми рапортами, чтобъ, де, соблаговолено было заступленія къ предосторожности въ крѣпости и при партіи сикурсу, и требуемое число противъ посланнаго, сего 753 года, Іюня 6 дня, репорту, по крайней мѣрѣ военного люду сто человѣкъ съ настоящими урядниками и съ принадлежащею къ тому аммуницыею, съ пристойнымъ числомъ пороху; къ тому жъ найпаче къ предбудущей зимѣ на команду провіянту и для объѣздовъ и подзоровъ оленныхъ Тунгусовъ. И по онымъ предложеніямъ къ пропитанію, де, ихъ отъ того смертнаго гладу, до полученія сихъ репортовъ, по прежде присланному предложенію, имѣя въ томъ къ отправленію Канцелярія Охотскаго порта все тщательное и неусыпное стараніе, отправила, минувшаго Августа 24 дня, судномъ брегантинъ «Михаиломъ» на пропитаніе во оной Гижигинской крѣпости солдатъ и Казаковъ провіянта и денежной казны, также порохъ и свинецъ и принадлежащее число артиллеріи съ Подпоручикомъ Иваномъ Рыб никовымъ солдатъ и Казаковъ и съ малою оной Рыбниковъ ар-

тиллеріею; о чемъ, сего Сентября отъ 2 числа, подъ N 542, въ Иркутскую Провинціальную Канцелярію обстоятельно представлено. А что же за малолюдствомъ во означенной партіи, какъ и изъ репорту ихъ видно, по предложенію Сторожева съ товарищемъ, ради всекрайнѣйшей предосторожности сикурсовать, пристойное число людей командировать подлежитъ, токмо за неимѣніемъ при Охотскѣ служителей и за раскомандированіемъ на морскіе суда въ матрозы, никого надежныхъ въ таковую дальную командировку, кромѣ престарѣлыхъ и больныхъ, не имѣется, но и тѣ съ великою нуждою караулы заступаютъ. А Якутская Воеводская Канцелярія по многократно посылаемымъ изъ Иркутской Провинціяльной Канцеляріи строгимъ Ея Императорскимъ Величество Указомъ, учиня только одну славу, командировала въ Охотскъ здѣшнихъ служительскихъ дѣтей человѣкъ до 30, но и тѣ дорогою разбѣжались, а прочіе человѣкъ 20 и прибыли; точію изъ оныхъ девять человѣкъ, оставя настоящихъ здѣшней команды людей здоровыхъ и легкихъ и молодыхъ, которые безъ крайней нужды могли въ здѣшнихъ трудныхъ мѣстахъ быть, прислала на мѣсто ихъ престарѣлыхъ и слѣпыхъ, а иныхъ и весьма въ тяжко прѣбываемыхъ болѣзняхъ, коихъ не принявъ, Канцелярія Охотскаго порта отослала обратно. Токмо принося въ томъ оная Канцелярія неправильныя отговорки, яко бы оные находятся у дѣлъ, а болѣе того не состоитъ, какъ видно, изъ своихъ лакомствъ оное чинится, пріумножая себѣ немалые прибытки, отпущены за сборами ясаковъ; а къ пріумноженію высокаго интереса, какъ издавна уже та Якутская Канцелярія заобыкла, ни какого старанія не имѣетъ. О чемъ со обстоятельствомъ и съ приложеніемъ вѣдомости впредь Иркутской Провинціяльной Канцеляріи представлено будетъ. И о вышеписанномъ Иркутская Провинціальная Канцелярія соизволитъ быть извѣстна.

Премьеръ Майоръ Аѳанасій Зыбинъ.
Канцеляристъ Иванъ Баженовъ.
Подканцеляристъ Андрей Мигалкинъ.

Сообщ. Сер. Шашковъ.

Сентября 16 дня,
1752 году.

—

О
ВЫПЛАВКѢ
НА НЕРЧИНСКИХЪ ЗАВОДАХЪ СЕРЕБРА
Съ 1704 по 1768 годъ.

Нерчинскіе заводы заведены въ 1702 году, а выплавка серебра началась съ 1704 году, и по 1763 годъ, чрезъ 59 лѣтъ, выплавлено серебра 2006 пудъ, 35 фунтовъ, 38 $^{1}/_{4}$ золотника, полагая каждой золотникъ по 19 $^{1}/_{2}$ копейки, какъ считать велѣно на 1,502,755 рублевъ 45 $^{1}/_{4}$ копейки, а съ 1763 года, Февраля съ 19 числа, съ прибытія на оные Бригадира Суворова, по 1775 годъ, чрезъ 12 лѣтъ, выплавлено серебра 4972 пуда, 11 фунтовъ, 42 золотника, на 3,723,247 рублевъ, 50 копеекъ; въономъ невыдѣленнаго золота до 40 пудъ, полагая каждой золотникъ по 2 рубля, по 50 копеекъ, на 384,000 рублевъ; а съ начала 1775 года Маія по 2-е число, выплавлено и раздѣлено при немъ же Суворовѣ, серебра 70 пудъ, свинца руднаго 21,664 пуда, изъ котораго по пробамъ должно получить отъ перваго раздѣленія серебра 120 пудъ, которое отдано прибывшему на Нерчинскіе заводы Командиромъ, Статскому Совѣтнику Нарышкину. Всего жъ съ 1763 года по 1775 годъ, Маія по 2-е число, въ бытность при Нерчинскихъ заводахъ Суворова, выплавлено серебра 5152 пуда, 11 фунтовъ, 42 золотника, золота 40 пудъ на 4,249,519 рублевъ, 50 копеекъ; вновь сыскано серебро содержащихъ рудниковъ 21 и

немалое число пріисковъ, построено заводовъ казенныхъ 3, изъ которыхъ на Дучерскомъ плавильныхъ печей 11, въ томъ числѣ одна большая, серебро-раздѣлительныхъ горновъ 4, на Кутомарскомъ печей 8, горновъ 2, на Шилкинскомъ печей 4, горнъ 1; при плавительныхъ печахъ и раздѣлительныхъ горнахъ сдѣланы машины новымъ маномеромъ, въ вожденіи лошадей весьма легкія; а въ пріѣздъ Суворова, въ 1763 году, былъ одинъ Нерчинскій заводъ съ 12-ю плавильными печами, съ 5-ю раздѣлительными горнами, изъ коихъ, за ветхостію, изломано 6 печей, и въ мѣсто тѣхъ сдѣлано вновь 4; еще вновь строено на Кутомарскомъ заводѣ 2 плавильныя печи и 2 серебро-раздѣлительные горна; да находящимся при Нерчинскихъ заводахъ рудопромышленникомъ, Гитенъ Фервартеромъ Сибиряковымъ, вновь построенъ партикулярной заводъ съ 6-ю плавиленными печами и съ 2 горнами, на которомъ, въ бытность Суворова, плавки рудъ еще не было. Въ вѣдѣніи заводскомъ хлѣбопашество размножено, и по тому нѣсколько лѣтъ уже изъ Иркутска, для содержанія служителей заводскихъ и протчихъ, хлѣбъ не привозится, который дорогою цѣною становился, пудъ по рублю и больше, и были великіе недостатки, для чего принуждено бывало крестьянъ для пропитанія отпускать въ Иркутское и другія вѣдомства, а нынѣ въ казенныхъ магазинахъ запаснаго хлѣба, года на три заготовленнаго, всегда лежитъ, а крестьяне, умножа свое хлѣбопашество и для продажи довольно въ заводы привозятъ, и продается отъ 10 до 15 копеекъ пудъ, а въ деревняхъ и дешевле, а на казенныхъ поляхъ, на которыхъ опредѣленные крестьяне пашутъ, становится пудъ отъ 5 до 8 копеекъ; а по причинѣ той, что крестьяне собственное свое хлѣбопашество умножаютъ, и въ хлѣбѣ недостатка не предвидится, казенное хлѣбопашество уменьшено, и тѣ крестьяне опредѣлены въ заводскія работы, по тому паче, что урожаемой у крестьянъ на содержаніе работниковъ въ казну покупать способнѣе, а крестьянамъ сдѣлалось побужденіе тѣмъ къ умноженію своего хлѣбопашества, для полученія прибытка продажею. На производство заводское въ жалованье всѣмъ, при оныхъ находящимся, и на покупки разныхъ надобностей, въ бытность Суворова, издержано по 1774 годъ 1,030,759 рублевъ, 67½ копейки, а за 1774 годъ вѣдомостей до отъѣзду Суворова еще не было сдѣлано, но полагая по тому, какъ въ прошлыхъ годахъ употреблено

бывало и въ послѣднемъ 1773 году 140,000 рублевъ, 1,230,759 рублевъ, 67½ копейки, прибыли получено, въ бытность Суворова, отъ Нерчинскихъ заводовъ 3,018,760 рублевъ, 82½ копейки, да сдѣлано и отпущено въ Колывано-Воскресенскіе заводы свинца 214,656 пудъ, за которой денегъ ни сколько не получено; разныхъ сортовъ свинцовъ наплавлено, гертовъ, глетовъ и другихъ матерій, тоже къ раздѣленію подлежащихъ заготовлено весьма много, припасовъ для дѣйства заводскаго, рудъ, угля, дровъ и другихъ года на два, рудъ добывалося, до 1763 года, въ годъ до 400,000 пуда, а съ 1763 года отъ 800,000 пудъ до 2 милліоновъ пудъ. Для одежды работныхъ людей и ссыльныхъ суконъ, холста и обуви посыланы бывали всегда закупать въ Казань и на Вятку нарочные офицеры, и какъ отъ дальнаго провоза, такъ и отъ нерачительнаго попеченія и пристрастія, приваживаны бывали на немалыя суммы тѣ вещи весьма плохія, и по щотамъ являлись хищенія, и отъ того происходили немалые убытки; а что они худыя доброты были, то получающіе оныя не могли настоящихъ сроковъ вынашивать, и отъ того претерпѣвали тягости, и дѣлали побѣги, а тѣмъ казнѣ дѣлался убытокъ; а при бытности Суворова пріохочены были вольные люди, которые сами привозили все оное, и ставили въ казну, и добровольно продавали, дешевле и добротою лутчее, чѣмъ излишніе убытки прекратились и тѣ вредныя причины истреблены, а получающіе довольны стали; и оныхъ всѣхъ припасовъ оставлено въ магазинахъ заготовленныхъ весьма довольно, да и тамошніе жители пріучены потребное для одеждъ и протчаго дѣлать и заготовлять въ самомъ томъ мѣстѣ, которое за необыкновеніемъ, лѣностію и нерачeніемъ начальниковъ, не дѣлали, имѣя многіе для того потребные матеріялы въ томъ мѣстѣ, и уже отъ жителей въ казну покупаемо бывало довольно холста, суконъ и протчаго, а для обуви уже все тутошнее бывало со удовольствіемъ, чѣмъ немалые убытки истреблены, да и другихъ полезностей для тамошняго, весьма для Государства нужнаго, мѣста сдѣлано много, гдѣ не бывало съ начала заведенія оныхъ заводовъ ни какого усерднаго и прилежнаго разсмотрѣнія и распоряженія. О чемъ примѣчательно изъ пріобщенной при семъ росписи, какъ сначала заведенія оныхъ о умноженіи выплавки серебра, по временамъ бывшихъ начальниковъ происходило.

А при тѣхъ Нерчинскихъ заводахъ находится разнаго званія людей:

Горныхъ и заводскихъ всѣхъ чиновъ	1162
Военныхъ	504
Ссыльныхъ	1064
Крестьянъ	9531
Приписныхъ изъ ссыльныхъ въ крестьяне. . . .	407
Въ томъ числѣ годныхъ въ работу	7674
Негодныхъ за старостію и умершихъ	2264
Всѣхъ	12,671

Вѣдомость, сколько съ начала на Нерчинскихъ заводахъсъ 1704 по 1775 годъ, въ каждомъ году и при чьей бытности начальниковъ, въ выплавкѣ было серебра.

		Пуд.	Фун.	Зол.
Подъ вѣдѣніемъ бывшаго въ городѣ Нерчинскомъ Воеводы Петра Мусина-Пушкина.	въ 1704.	—	1	24
	въ 1705.	1	22	36
	въ 1706.	3	19	17½
	въ 1707.	5	7	37
	въ 1708.	5	26	—
	въ 1709.	2	3	—
	въ 1710.	8	3	62
	въ 1711.	8	14	71
	въ 1712.	11	4	6
	въ 1713.	11	26	14
Кабинетъ-Курьера Ильи Голенищева-Кутузова.	въ 1714.	11	30	54
	въ 1715.	2	16	39
	въ 1716.	12	3	45
	въ 1717.	15	13	72
	въ 1718.	10	9	3
	въ 1719.	7	17	82
	въ 1720.	10	4	72
Комисара Тимофѣя Бурцова.	въ 1721.	5	32	84
	въ 1722.	10	4	72
	въ 1723.	7	17	82
	въ 1724.	6	10	31
	въ 1725.	3	9	61
	въ 1726.	1	15	48
	въ 1727.	—	4	38½
	въ 1728.	—	23	15
	въ 1729.	1	21	81
	въ 1730.	—	35	—

Въ полученіи ни сколько не было.	въ 1731	—	—	—
	въ 1732	—	—	—
	въ 1733	—	—	—
Гитенъ-Фервалтера Петра Дамеса.	въ 1734	—	28	48
	въ 1735	1	14	70
	въ 1736	2	24	—
	въ 1737	4	4	38
	въ 1738	3	19	59
Комисара Ивана Утитникова.	въ 1739	7	24	78
	въ 1740	13	17	79
	въ 1741	12	20	11
Порутчика Елизара Назарова.	въ 1742	9	32	90
	въ 1743	16	12	7
Бергъ-Мейстера Дмитрія Одинцова.	въ 1744	15	39	48
	въ 1745	18	37	48
	въ 1746	20	19	8
	въ 1647	37	24	20
	въ 1748	81	26	7
Ассесора Игнатья Юдина.	въ 1749	88	22	14
	въ 1750	89	23	17
	въ 1751	41	31	8
Ассесора Баннера.	въ 1752	51	7	69
	въ 1753	100	25	29
	въ 1754	51	7	69
	въ 1755	139	16	86
	въ 1756	126	16	86
	въ 1757	100	2	9¼
Коллежскаго Совѣтника Клеопина.	въ 1758	143	34	21
	въ 1759	173	18	21
Въ 1761 до половины мѣсяца Маія Ассесора Баннера, а послѣ въ 762 Оберъ-Бергъ-Мейстера Лодыгина.	въ 1760	161	9	57
	въ 1761	151	27	17
	въ 1762	184	36	46
Генералъ-Маіора Суворова; въ отлучку Генералъ-Маіора Суворова.	въ 1763	322	26	3
	въ 1764	408	25	21
Обергъ-Бергъ-Мейстера Лодыгина, Генваря 11; его жъ, Лодыгина.	въ 1765	302	19	28
	въ 1766	150	33	12
	— —	164	—	21
Сентября 11 по 1767 годъ Генералъ-Маіора и Кавалера Суворова.	въ 1767	435	—	—
	въ 1768	343	31	43
	въ 1769	312	21	13½

Бытности Генералъ - Маіора и Кавалера Суворова.	въ 1770.	414	26	81
	въ 1771.	470	6	87
	въ 1772.	503	34	60
	въ 1773.	525	29	24
	въ 1774.	619	2	$^{1}/_{2}$

ВЪ НИЖЕ ПИСАННЫХЪ ГОДАХЪ ВЫПЛАВЛЕНО ПРИ НЕРЧИНСКИХЪ ЗАВОДАХЪ СЕРЕБРА.

Въ 1775 году:

	пуд.	фун.	обошелся золотникъ. золотн.		коп.
Казеннаго.	373	4	$15^{95}/_{96}$	доли	$5^{3}/_{8}$
Рудопромышленничьяго.	125	—	$13^{5}/_{96}$	—	$11^{5}/_{8}$
И того . . .	498	4	$29^{4}/_{96}$	—	—

Въ 1776 году:

Казеннаго	283	35	$67^{64}/_{96}$	доли	$8^{1}/_{8}$
Рудопромышленничьяго.	87	36	$83^{96}/_{95}$	—	$11^{1}/_{8}$
Его же, выплавленнаго при Воздвиженскомъ заводѣ.	5	1	$51^{53}/_{96}$	—	14
И того . . .	376	34	$11^{20}/_{96}$	—	—

Въ 1777 году:

Казеннаго.	223	—	$55^{67}/_{96}$	—	$9^{3}/_{4}$
Рудопромышленничьяго.	79	26	$12^{91}/_{96}$	—	$11^{1}/_{8}$
При собственномъ же заводчика Сибирякова заводѣ	—	35	$80^{86}/_{96}$	—	14
И того . . .	303	22	$53^{52}/_{96}$	—	

Въ 1778 году:

Казеннаго.	231	37	$10^{11}/_{96}$	—	$12^{5}/_{8}$
Рудопромышленничьяго	115	20	$55^{72}/_{96}$	—	$10^{7}/_{8}$
При Воздвиженскомъ заводѣ.	—	2	$89^{40}/_{96}$	—	14
И того . .	347	20	60	—	29

Въ 1779 году:

Казеннаго.	220	33	$21\frac{11}{96}$	—	$11\frac{1}{8}$
Рудопромышленничьяго.	98	6	$42\frac{62}{96}$	—	$11\frac{7}{8}$
И того . . .	318	39	67	—	73

Въ 1780 году:

Казеннаго	431	34	$38\frac{1}{2}$	—	$11\frac{3}{4}$
Партикулярнаго	20	34	21	—	$11\frac{1}{4}$
Изъ крецовъ.	1	27	—	—	—
И того. . .	454	15	$59\frac{1}{2}$	—	—

Въ 1781 году:

Казеннаго	358	21	51	24	$13\frac{3}{8}$
Рудопромышленничьяго	38	6	70	48	$17\frac{1}{8}$
И того. . .	396	28	25	72	—

КРАТКАЯ ВѢДОМОСТЬ

О

ВСѢХЪ, ДѢЛАННЫХЪ НА МОНЕТНЫХЪ ДВОРАХЪ,

РОССІЙСКИХЪ ЗОЛОТЫХЪ И СЕРЕБРЯНЫХЪ МОНЕТАХЪ.

ЗОЛОТЫХЪ.

ПРИ ГОСУДАРѢ ИМПЕРАТОРѢ ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ.

Съ 1701 по 1725 годъ.

ЧЕРВОНЦОВЪ.

	Счетъ.	Рубли.	Коп.
93-й пробы по 118 изъ фунта по 2 руб. 25 коп. каждой	35,410	79,672	50
75-й пробы по 100 изъ фунта 2 рубля.	341,148	682,296	—
И того на	—	761,968	50

ПРИ ГОСУДАРѢ ИМПЕРАТОРѢ ПЕТРѢ ВТОРОМЪ.

Съ 1727 по 1730 годъ.

75-й пробы по 100 изъ фунта двурублевыхъ	44,913	89,826	—

ПРИ ГОСУДАРЫНѢ ИМПЕРАТРИЦѢ АННѢ ІОАННОВНѢ.

Съ 1730 по 1742 годъ.

93-й пробы по 118 изъ фунта по 2 руб. 25 коп.	78,707	177,090	75

ПРИ ГОСУДАРЫНѢ ИМПЕРАТРИЦѢ ЕЛИСАВЕТѢ ПЕТРОВНѢ.

Съ 1743 по 1762 годъ.

93-й пробы по 118 изъ фунта червонцовъ по 2 руб. 25 коп.	203,577	458,048	25
94-й пробы двойныхъ.	3,960	17,820	—
88-й пробы имперіаловъ, каждой вѣсомъ по 3 зол. $^{85}/_{96}$	52,370	513,700	—
Полъимперіаловъ по 1 зол. $^{90}/_{96}$.	43,525	217,625	—
Двурублевыхъ по $^{73}/_{96}$	70,622	141,244	—
Рублевыхъ по $^{89}/_{96}$.	44,337	44,337	—
Полтинныхъ по $^{18}/_{96}$ доли	21,000	10,500	—
И того на	—	1,413,274	25

ПРИ ГОСУДАРѢ ПЕТРѢ ТРЕТЬЕМЪ.

Въ 1762 году:

93-й пробы червонцовъ по 118, изъ ф.	10,042	22,594	50
Имперіаловъ.	25,876	258,760	—
Полъимперіаловъ	9,482	47,410	—

ПРИ ГОСУДАРЫНѢ ИМПЕРАТРИЦѢ ЕКАТЕРИНѢ АЛЕКСѢЕВНѢ ВТОРОЙ.

Съ 1762 по 1764 годъ:

88 й пробы имперіаловъ, вѣс. по $3^{85}/_{96}$ золот. каждой	53,455	534,550	—
Полъимперіаловъ, вѣсомъ по $1^{90}/_{96}$ золот.	28,428	142,140	—

Съ 1764 по 1768 годъ:

Имперіаловъ, вѣсомъ каждой по $3^{3}/_{44}$ зол.	313,737	3,137,370	—
Полъимперіаловъ; вѣсомъ по $1^{47}/_{48}$ зол. .	219,960	1,099,800	—
93-й пробы червонцовъ, по 118 изъ фун.	78,369	178,330	25
А всего на . .	—	7,863,114	25

СЕРЕБРЕНЫХЪ ДЕНЕГЪ И МОНЕТЪ ДО 1664 ГОДА СКОЛЬКО СДѢЛАНО БЫЛО, ТОГО ПО ДѢЛАМЪ НЕ ОТЫСКАНО.

	Рубли.	Коп.
А съ того 1664 по 1725 годъ, при Государѣхъ Царѣ Михайлѣ Федоровичѣ и Императорѣ Петрѣ Великомъ, по 1711 годъ, сдѣлано дробныхъ безъ установленной пробы денегъ по 9 коп., по 10 и по 15 к., изъ золотника. . .	25,663,432	47
Съ 1711 по 1725 годъ сдѣлано 70-й пробы, а какихъ, не расписано.	728,570	2
Пятикопѣешниковъ, алтынниковъ и круглыхъ копѣекъ, 38-й пробы по $7\frac{51}{96}$ к. изъ золотн.	32,199	11
Рублевиковъ 70-й пробы по 14 р. 40 к. изъ ф.	1,158,787	—
И того на	34,139,788	60

ПРИ ГОСУДАРЫНѢ ИМПЕРАТРИЦѢ ЕКАТЕРИНѢ АЛЕКСѢЕВНѢ.

	Рубли.	Коп.
Съ 1725 по 1727 годъ, 70-й пробы монетъ, а какихъ, не расписано.	2,004,296	—
Рублевыхъ	945,360	—
Гривенниковъ новой инвенціи 36 пробы по $16\frac{1}{2}$ коп. золотн.	57,549	—
И того	3,007,205	—

ПРИ ГОСУДАРѢ ИМПЕРАТОРѢ ПЕТРѢ ВТОРОМЪ.

	Рубли.	Коп.
Съ 1727 по 1730 годъ, 70-й пробы, монетъ, а какихъ, не расписано	1,902,728	—
Рублевыхъ	305,264	—
Гривенниковъ новой инвенціи 36 коп. изъ золот.	57,549	—
И того	2,265,541	—

ПРИ ГОСУДАРЫНѢ ИМПЕРАТРИЦѢ АННѢ ІОАННОВНѢ.

	Рубли.	Коп.
Съ 1730 по 1743 годъ, рублевыхъ 70-й пробы. .	382,220	—
77-й пробы по $16\frac{1}{2}$ коп. изъ золотника монетъ, а какихъ, не написано	16,101,766	1

Рублевыхъ	4,396,517 —
Полтинныхъ	2,185,557 50
Полуполтинныхъ	12,000 —
Гривенныхъ	79,071 30
И того	23,153,131 81

ПРИ ГОСУДАРЫНѢ ИМПЕРАТРИЦѢ ЕЛИСАВЕТѢ ПЕТРОВНѢ.

Съ 1743 по 1762 годъ, 77-й пробы, по 16 изъ золотника монетъ, а какихъ, не показано	2,272,326 —
Рублевыхъ	21,994,909 —
Полтинныхъ	774,570 50
Полуполтинныхъ	1,654,669 50
Гривенныхъ 72 и 77 пробъ	1,243,956 60
Пятикопѣечныхъ 77-й пробы	511,324 70
И того	28,421,756 30

ПРИ ИМПЕРАТОРѢ ПЕТРѢ ТРЕТЬЕМЪ.

Съ 1762 году, 72-й пробы, по 17⁷/₉ коп. изъ золотника, рублевыхъ	787,000 —
Полтинныхъ	84,000 —
И того	871,000 —

ПРИ ГОСУДАРЫНѢ ИМПЕРАТРИЦѢ ЕКАТЕРИНѢ АЛЕКСѢЕВНѢ ВТОРОЙ.

Съ 1762 по 1768 годъ, 72-й пробы, по $17^{7}/_{9}$ изъ золотника, рублевыхъ въ Москвѣ	12,065,245 —
Полтинныхъ	687,400 —
Полуполтинныхъ по $1^{32}/_{96}$	464,100 —
Двугривенныхъ по $1^{11}/_{96}$	392,200 —
Пятіалтынныхъ $^{80}/_{96}$	233,411 70
Гривенныхъ	161,100 —
Всего серебреныхъ	103,886,639 40

ОПРЕДѢЛЕНІЕ КАЗАНСКАГО ДВОРЯНСТВА

О

СОБРАНІИ КОННАГО КОРПУСА ВОЙСКЪ

ИЗЪ СВОИХЪ ЛЮДЕЙ ПРОТИВЪ ПУГАЧОВА.

1774 года, Генваря 1 дня, собравшееся Казанское Дворянство, по бѣдственнымъ въ Оренбургской Губерніи, происшедшимъ отъ злодѣя Пугачева, обстоятельствамъ, которыя уже и здѣшней Губерніи нѣкоторыя прилежащія къ границѣ Оренбургской селенія бунтомъ и измѣною заразили, и къ скорѣйшему искорененію сего зла и къ возстановленію всеобщаго покоя и соотвѣтственной своей безопасности, а всего найпаче, сострадая огорченію матерняго человѣколюбиваго сердца премудрой и милосердой нашей Императрицы, усердно, согласно и единодушно всѣ и каждый положили и утвердили посвятить свой покой, имѣнія и жизнь во услугу Ея Величества и Отечеству.

Въ слѣдствіе чего на первый случай и въ самой скорости, какъ только возможно, собрать конной корпусъ войскъ изъ собственныхъ своихъ людей и иждивенія, съ числа двү сотъ душъ по одному человѣку, вооружить и снабдить всѣмъ потребнымъ къ службѣ, и просить Его Высокопревосходительства, Господина Генералъ-Аншефа, Лейбъ-гвардіи Маіора и Кавалера, Александра Ильича Бибикова, о присоединеніи онаго къ войскамъ Ея Величества, подъ достохвальною его командою находящимся, а за тѣмъ всѣмъ и каждому особливо пріуготовить себя на всякой потребной случай къ защищенію Отечества, не щадя жизни своей.

Сочиненіе опредѣляемаго корпуса не токмо съ числа наличныхъ Дворянъ, нынѣ собравшихся, но и со всѣхъ Дворянскихъ деревень, здѣсь находящихся, учинить, дабы не лишить и отсутственныхъ Дворянъ таковаго жъ, какъ и нашего, усердія и ревности къ поспѣшествованію общаго блага.

А кто изъ насъ, хотя и въ другихъ Уѣздахъ здѣшней Губерніи имѣетъ свои деревни, за тѣхъ по тому жъ положенію, къ умноженію сего корпуса, представить вооруженныхъ людей обще съ тѣми, что и за здѣшнія деревни представлены будутъ.

Равнымъ образомъ, чтобы поспѣшествовать ревности и усердію къ Отечеству, при семъ нужномъ случаѣ и всѣмъ Дворянамъ Казанской Губерніи, то просить Его Высокопревосходительства, Господина Генералъ-Аншефа и Кавалера, чтобы соизволилъ отъ себя сообщить въ провинціи и города и Дворянскимъ Предводителямъ почему и они не оставятъ учинить подобное нашему вооруженію.

Къ сему нашему корпусу избрали мы, по извѣстной ревности къ службѣ и по оказуемой усердности при нынѣшнемъ случаѣ, Шефомъ Господина Генералъ-Маіора Ларіонова, и къ командованію эскадронами и ротами, по самопроизвольному ихъ ревностному желанію, Господина Полковника Николая Толстова, Подполковника Дмитрія Молостова, Лейбъ-гвардіи Капитана-Поручика Александра Толстова, артиллеріи Капитана Дмитрія Родіонова, Секундъ-Маіора Сергѣя Тютчева, Капитана Сергѣя Левашова, Титулярнаго Совѣтника Алексѣя Мельгунова, Подпоручика Михайлу Гокоснитскаго; въ адъютанскія должности Лейбъ-гвардіи Фурьера Якова Кудрявцева, Капрала Никанора Нарматскаго, а въ добавокъ къ тому сколько и когда потребно будетъ офицеровъ, выбрать Дворянству и отослать къ избранному Господину Шефу; что же принадлежитъ до ундеръ-офицеровъ и капраловъ, о томъ просить Его Высокопревосходительства, чтобы соизволилъ приказать опредѣлить оныхъ изъ прибывшихъ сюда гусарскихъ эскадроновъ.

Дѣйствительное окончаніе сего дѣла поручаемъ мы: пріемъ людей и лошадей, вооруженіе, обмундированіе и прочее, къ тому избранному Господину Шефу съ опредѣленными штабъ и

оберъ-офицерами, а росписаніе о сборѣ людей и лошадей и во всемъ прочемъ по сему опредѣленію, что до того принадлежитъ, Господону Статскому Совѣтнику и Казанскаго Дворянства Предводителю Кудрявцеву съ Дворянами.

О всемъ, что ни учинено симъ опредѣленіемъ, Господину Предводителю донести Его Высокопревосходительству, Господину Генералъ-Аншефу, Кавалеру и Казанскому Губернатору, Якову Ларіоновичу Фонъ Бранту, а къ его Высокопревосходительству, Господину Генералъ-Аншефу и Кавалеру, Александру Ильичу Бибикову, представить при письмѣ отъ насъ самое сіе наше опредѣленіе, которое, также и письмо, подписать, отъ лица всѣхъ насъ, Дворянскому Господину Предводителю, а подписанныя нами опредѣленіе и письмо оставить ему у себя.

ПРИВѢТСТВІЕ СИМБИРСКАГО ДВОРЯНСТВА

Графу П. И. Панину.

Изъ дневнаго журнала, между прочимъ, выписано: Какъ Его Сіятельству, Графу Петру Ивановичу Панину, въ день тезоименитства Ея Императорскаго Величества, Дворянство Симбирское подносило привѣтствіе о принятіи надъ ними предводительства, отъ котораго Его Сіятельство, поблагодаривъ, отрекся, но вторично собравшись отъ сего Дворянства корпусъ въ 62 человѣка сдѣлалъ, устами предводителя своего, слѣдующее привѣтствіе:

«Живоподатель твоихъ собратій, посреди коихъ первенство кому иному, кромѣ тебя, приличествуетъ? Чистота души твоей, чуждое всякаго пристрастія сердце; ни какими превратностями слѣпаго стеченія случаевъ не потрясаемая твоя твердость; примѣрная любовь, усердіе, ревность ко главѣ и всему составу твоего Отечества, всегдашнее отъ самаго твоего отрочества предпочтеніе его пользъ всему, собственно до тебя надлежащему; твои побѣды иноплеменниковъ; разрушеніе неприступныхъ градовъ ихъ, твои укрѣпленія силъ и дѣйствительности законовъ Царей нашихъ, а напослѣдокъ совершившееся нынѣ спасительное Отечеству твоему служеніе, которому не токмо мы, живущіе во времена твои, но ниже самые отдаленнѣйшіе наши потомки, никогда обязанными быть не престанутъ: вотъ права твои, священныя твои права къ первенству надъ твоими собратіями; вотъ убѣжденія, коими порываемое Дворянство Симбирское предстояло уже предъ тобою съ подношеніемъ надъ собою предводительства, но великія дѣла, неисходно изъ мыслей твоихъ тебя занимающія, не прерывающіеся никогда твои труды, здѣшнихъ предѣловъ благоденствіе промышляющіе, не попустили тебя исполнить наше прошеніе; ты почтилъ приношеніе наше вмѣненіемъ себѣ въ честь, и онымъ показалъ, что въ душѣ твоей толико же и снисхожденіе, сколько и героическія свойства водворяются. Пріими же, великій мужъ, за оное благодареніе отъ Симбирскаго Дворянства: имя и память твоя пребудетъ сладостна и неоцѣненна въ роды онаго и роды.»

НАСТАВЛЕНІЕ

ЛЕЙБЪ-ГВАРДІИ ИЗМАЙЛОВСКАГО ПОЛКУ ГОСПОДИНУ КАПИТАНУ

АЛЕКСАНДРУ ЛУНИНУ.

Съ полученіемъ сего, извольте принять изъ учрежденной въ Казани, по Всевысочайшему Ея Императорскаго Величества имянному Указу, Секретной Коммиссіи, по включенному здѣсь списку преступниковъ, всего двадцать шесть человѣкъ, и слѣдовать съ ними въ Симбирскъ, а по пріѣздѣ туда явитесь къ Главнокомандующему въ здѣшнемъ краю надъ войсками, Его Сіятельству, Господину Генералъ-Аншефу и разныхъ орденовъ Кавалеру, Графу Петру Ивановичу Панину, для испрошенія безопаснаго по учрежденнымъ станціямъ конвоя, такъ какъ и дачи потребнаго количества подводъ; когда жь все сіе получите, то извольте слѣдовать со всѣми, вамъ врученными, преступниками прямо въ Москву и по пріѣздѣ туда явитесь къ Его Сіятельству, Господину Генералъ-Аншефу, Сенатору и Кавалеру, Князю Михайлѣ Никитичу Волхонскому, и потомъ, представя ему сихъ преступниковъ, имѣете остаться въ его повелѣніи. Впрочемъ, я излишнимъ почитаю дѣлать вамъ предписанія, какимъ образомъ поступать вамъ съ помянутыми колодниками, или охранять безопасность и цѣлость оныхъ, но предаю все сіе на ваше благоразуміе, поелику мнѣ извѣстно о усердіи вашемъ и ревности къ службѣ и интересамъ Ея Императорскаго Величества; но рекомендую о томъ только, чтобъ, по отправленіи изъ Симбирска, да другой разъ изъ Арзамаса, предварили вы увѣдомленіемъ о путешествіи вашемъ Князя Михайла Никитича, а равно и меня. На платежъ прогонныхъ денегъ и на всякія случающіяся дорожныя издержки, къ оставшимъ у васъ отъ расхода Оренбургской Секретной Коммиссіи двумъ стамъ сорока четыремъ рублямъ шестидесяти копѣйкамъ съ половиною, пріобщаю я отъ себя еще сто пятдесять пять рублей тридцать девять копѣекъ съ половиною. Дано въ Казани, Октября 26 дня, 1774 года.

Подписалъ: Генералъ-Маіоръ Потемкинъ.

РАЗНЫЯ ЗАМѢЧАНІЯ

ПО СЛУЖБѢ АРМЕЙСКОЙ,

ОТЪ ЧЕГО ОНА ВЪ УПАДОКЪ ПРИВЕДЕНА, И НЕ ЛЕСТНО ХОРОШИМЪ ОФИЦЕРАМЪ ПРОДОЛЖАТЬ ОНУЮ, И О ПОЛКОВНИКАХЪ.

1.

Неограниченность во власти, которую себѣ Полковники присвоили, къ существенному вреду, состоитъ, между прочимъ, въ слѣдующемъ: 1) Запискà людей къ себѣ въ полкъ всякаго званія, рода и націи. 2) Употребленіе людей полковыхъ себѣ въ лакеи, камердинеры, дворецкіе и пр., а сему примѣру и всѣ полковые офицеры пріятно слѣдуютъ, увѣрены будучи, что Полковникъ не можетъ строго за то взыскать. 3) Отдаленіе во всѣхъ вещахъ отъ штатнаго положенія. 4) Наглое похищеніе полковыхъ денегъ и беззаконная натяжка въ поддѣлкѣ расходныхъ статей въ книгахъ, которыя документами принуждены подписывать всѣ офицеры, подъ лишеніемъ милости Господина Полковника, или совсѣмъ подъ потеряніемъ мѣста въ полку. 5) Грабежъ наглый людей и перемѣнка ихъ изъ другаго полку къ себѣ. 6) Разрушеніе чинопочитанія въ полку, а установленіе одной только тиранской власти Полковничей, который за первѣйшую уже считаетъ должность не повиноваться своимъ Генераламъ болѣе иначе, какъ ему самому угодно, и то для какихъ ни будь своихъ собственныхъ выгодъ, или нѣкоторой заступы противъ горькихъ жалобъ, на полкъ приносимыхъ. Сіи суть главные только случаи, о которыхъ можно сказать вѣрно, что ими всѣ полки заражены. Прочія же развратности меньшей важности такъ многочисленны,

что написать ихъ не можно, и онѣ всякій день произрастаютъ отъ которой ни-будь изъ капитальныхъ причинъ, о которыхъ выше упомянуто.

2.

Нечувствительное истребленіе непремѣнныхъ квартиръ, не взирая на то, что божественное сіе узаконеніе начало уже служить непоколебимымъ основаніемъ къ пользѣ службы внутренней, притяженіемъ рекрута къ полку и службѣ и къ неописанной выгодѣ бѣдныхъ офицеровъ, которыхъ жены и дѣти симъ узаконеніемъ подъ кровлей находились, вмѣсто того, что нынѣ по міру скитаются не токмо солдатскія, но и офицерскія, и съ дѣтьми ихъ малолѣтными.

3.

Неслыханная дороговизна въ подрядахъ, въ Провіантской Канцеляріи чинимыхъ, и отвращеніе отъ торговъ всѣхъ тѣхъ честныхъ подрядчиковъ, которые бы хотѣли несравненно дешевле армію прокормить: тутъ явное воровство чинится казнѣ.

4.

Дѣло Борзова, другое Стратиновича, такъ важны по нерѣшимости ихъ, что они всю службу и сюбординацію съ основаніемъ искореняютъ, утверждая на мѣсто того наглость, неподчиненность и безстрашіе.

5.

Обиды, въ произвожденіяхъ честнымъ и заслуженнымъ офицерамъ чинимыя для фаворитовъ или пронырливыхъ и проворныхъ тунеядцевъ, отняли всю охоту къ службѣ и погашаютъ весь патріотизмъ.

6.

Такой же вредъ дѣлается и отъ произвожденія въ сверхъ комплектъ, во всѣхъ чинахъ чинимаго, а особливо въ штабъ-

офицерскихъ, которые тѣмъ самымъ осуждены отправлять должности ниже своихъ чиновъ; тѣмъ гнушаясь ни какой уже въ самомъ дѣлѣ службы и не несутъ.

7.

Легкая весьма отставка отводитъ молодаго офицера отъ службы; ибо онъ, слѣдуя натуральному движенію сердца человѣческаго и наклонности онаго къ независимости, ни какой себѣ препоны въ томъ не видитъ; въ дополненіе же сего урона, который въ потерѣ достойнаго офицера служба уже понесла, возвращаются изъ отставки въ службу обыкновенно недостойные и лѣнивые офицеры своимъ пронырствомъ и случаями, и тѣмъ самымъ двойной службѣ вредъ дѣлаютъ: 1) тѣмъ, что шалунъ однимъ больше сдѣлался въ полку; да и онъ же, 2) возвратился съ чиномъ, при отставкѣ полученнымъ, слѣдовательно, къ обидѣ, досадѣ и несносности тѣхъ офицеровъ, кои до того обществомъ его брезговали, а тутъ вдругъ ему подчинены стали, не умѣя при томъ и командовать.

8.

Установленіе гошпиталей въ арміяхъ и корпусахъ, ихъ содержаніе, образъ контрактовъ, ужасаютъ всякаго человѣка, кто только каплю чести и тѣнь человѣколюбія имѣетъ. Къ сей части, которая обнищаваетъ казну и истребляетъ родъ человѣческій, присоединить дурной выборъ лѣкарей, которые убивали всегда наукою своею больше солдатъ, нежели погибло отъ ружья непріятельскаго.

9.

Перемѣщеніе офицеровъ съ повышеніемъ чиновъ въ пикинерные полки уничижаетъ честныхъ офицеровъ, при своихъ полкахъ за должность служить считающихъ. Сіи бѣдные въ уныніе приведены, а пользуются перебѣгами такими пронырливые, лѣнивые и, слѣдовательно, недостойные офицеры.

10.

Отдѣленіе Генераловъ отъ ихъ полковъ вредъ наноситъ службѣ тѣмъ самымъ: 1, что Генералы, оставшіеся безъ управленія, вы-

ходятъ изъ охоты и вкуса къ службѣ, а отъ того слѣдуетъ 2, что Полковники изъ предѣловъ своей власти выступаютъ и, находя въ томъ лестную для себя пріятность, впадаютъ нечувствительно во всякія злоупотребленія. Отъ сего самаго вошло въ обычай теперь нѣкоторое наблюденіе токмо формы службы, а не о истинной службѣ раченіе. На семъ правилѣ бываютъ и смотры полкамъ, гдѣ Генералу Полковникъ отдаетъ должную честь за то имянно, что онъ пріѣхалъ полкъ его смотрѣть , а не свидѣтельствовать. Сія истина доказывается тѣмъ, что ни одинъ почти Генералъ не пересмотрѣлъ полка ни въ какое время командованія своего, и ничего не смѣлъ приказать въ немъ отмѣнить, то, что противно штатамъ и противно службѣ. А то самое малое число Генераловъ, которые требовали отъ полковъ всего того, что прямая служба и законъ Ея Императорскаго Величества повелѣваютъ, тѣ прослыли нападчиками, неспокойными, и за сіе самое претерпѣваютъ къ себѣ родъ нѣкоторой дикости, лишены случаевъ къ полученію по службѣ оказывать свои услуги отечеству, и наконецъ отъ обращенія съ ними Государскаго великіе имѣютъ доводы увѣриться, что они обнесены Государю своему, съ которымъ въ невинности своей и объясниться нельзя, за тѣмъ что ни какихъ къ тому слѣдовъ, ни случаевъ нѣтъ. Ранами покрытаго и безпорочнаго, долговремянною службою утвержденнаго, туда не впускаютъ, гдѣ съ Государемъ свободно всѣ говорятъ его подданные, однако наглый за кавалергардовъ входъ имѣетъ. Сколь сіе уничижительно, можетъ чувствовать одна только душа благородная и патріотическая.

11.

Въ двухъ мѣстахъ служить равно, и съ пользою равно, Полковнику ни какъ нельзя; слѣдовательно, Флигель-Адъютантъ и вмѣстѣ Полковникъ дѣлаетъ службѣ вредъ и отнимаетъ мѣсто у другаго Полковника, который бы, сходно съ присягою своею, не долженъ отъ полка отлучаться. А Флигель-Адъютантъ можетъ въ случаѣ семь безъ отвѣта нарушить свою присягу всякій разъ, когда ему при полку быть наскучитъ, или съ Генераломъ не поладитъ, или дворскія интриги, въ коихъ непремѣнно ему много, или мало, должно быть замѣшану, въ Петербургъ его позовутъ. Тогда полкъ обыкновенно остается безъ сдачи, для того что

г. Флигель-Адъютантъ скоро обратно ожидается безъ денегъ, для того что онъ же на дорогу съ собою взять изволилъ самъ въ Коммиссаріатѣ, или въ Провіантской Канцеляріи принимать годовыя суммы, то онѣ для выводки тамъ нужны. Послѣ сего кто меня можетъ увѣрить, чтобы полкъ такой могъ въ какой ни будь части быть исправенъ, умалчивая о его наружности, то есть, люди отмѣнно хороши, но солдаты слабы, чисто и прекрасно одѣты, но вездѣ стянуты и задавлены, такъ что естественныхъ нуждъ отправить не могутъ, ни стоять, ни сидѣть, ни ходить покойно имъ нельзя. Тесакъ, какъ огонь горитъ, но полоса заржавѣла, вмѣстѣ и съ ножнами: ружье, какъ зеркало чисто, но не можетъ цѣльно выстрѣлить отъ уродливой ложи, которая нарочно такъ сооружена, чтобъ изъ ружья не стрѣлять цѣльно, а имѣть только на плечѣ его прямо. Я бы не окончилъ, если бы всѣ неисправности описывать вздумалъ. Сердце содрогается на все, когда, судя по упадку и таковому разврату службы, вглядишься въ пространное поле несчетныхъ возможностей, отъ коихъ да сохранитъ насъ Боже!

12.

Для личныхъ выгодъ дозволяется Полковнику съ полкомъ брать такую дорогу, какую онъ заблагоразсудитъ и какъ долго итти хочетъ. Какія же изъ того слѣдствія происходятъ, или для какихъ резоновъ Полковникъ въ сихъ выгодахъ старается, легко всякій понять можетъ, а бѣдные обыватели всѣхъ вѣрнѣе могутъ сказать, что имъ стоитъ посѣщеніе того полка.

13.

Недавно случилось, что одинъ преславный полкъ, выступя съ караула въ походъ, укралъ 26 лошадей у другаго полка, на смѣну прибывшаго. Лошади узнаны; вездѣ бѣднякъ просилъ; нигдѣ управы не нашелъ, а рѣшено наконецъ тѣмъ, что совѣтовали командиры ему самому украсть. Счастливая идея и скоро сысканное рѣшеніе!

14.

Безпрепятственное офицеровъ изъ полка въ полкъ перехожденіе новый дѣлаетъ развратъ службѣ, а свободный отпускъ по-

далъ поводъ самовластнымъ Полковникамъ отпускать офицеровъ своихъ подъ видомъ разныхъ будто комиссій, отъ чего и дѣлается, что большая часть офицеровъ больше пріятности находятъ въ отлучкахъ отъ полка, нежели служить при полку, гдѣ ежедневная служба отправляется уже оставшими бѣдняками весьма исподоволь.

15.

Подъ тиранскимъ Полковничьимъ правленіемъ офицеръ находится въ работѣ, Полковникъ въ гордости, самолюбіи, а все вмѣстѣ въ совершенномъ невѣжествѣ и незнаніи существа службы. Можно ли ожидать храбрости въ такомъ развратномъ войскѣ, гдѣ первѣйшею поставлено должностію отдаляться отъ должности, гдѣ офицеръ доведенъ до унынія, гдѣ онъ отъ безмѣрнаго и принужденнаго щегольства разоряется, гдѣ солдатъ въ горькихъ слезахъ снѣдаетъ сухарь свой, проклиная и службу, и командировъ, озираясь только во всѣ стороны, гдѣ скорѣе къ побѣгу найти дорогу и случай? Капральствами бѣгали! да кто жъ? Русскіе солдаты; и къ кому? къ Туркамъ. Не содрогается ли отъ сего душа у всякаго Россіянина прямомыслящаго? Однако же Полковника какъ сіе не трогаетъ, такъ и все надъ нимъ не дѣлаетъ ни малаго дѣйствія. Когда онъ мало что по полку дѣлаетъ безчестное, беззаконное и вредное, такъ ужъ прудъ общей тони.

16.

Непонятно мнѣ, что нѣтъ ни какого и посредственно нужнаго ремесла и рукодѣлія, въ коемъ бы не долженъ выдержать строгій экзаменъ всякій тотъ ученикъ, который идетъ въ подмастерья и въ мастера. Неужели военная наука такъ легка кажется, что безъ всякаго разбора произвожденіе итти можетъ, какъ будто мундиръ вселяетъ въ офицера знаніе, а имянный указъ сочиняетъ Генерала? Я увѣренъ, что ни офицеры, ни Генералы такимъ образомъ не дѣлаются нигдѣ, кромѣ насъ. За то мы въ случаѣ семъ и отличны! Не можно, однако же, сказать, чтобъ и у насъ шли произведенія безъ нѣкотораго формалитета. Собираются офицеры всякую треть къ аттестатамъ и подписываютъ слѣпо, что Г. Полковникъ прикажетъ; но Боже! все сіе

неистовство чинится подъ присягою. Итакъ, недовольно того, что Полковникъ преступаетъ долгъ правосудія, но и объявляетъ себя торжественно клятвопреступникомъ, къ чему и всѣхъ своихъ подданныхъ офицеровъ влечетъ безмолвно. Представить же противное, или сдѣлать возраженіе на Полковничье опредѣленіе, поставляется тотчасъ ослушаніемъ команды, и наконецъ такой случай обыкновенно бываетъ слѣдствіемъ ненависти Полковника, его гнѣва и изгнанія изъ полка. Что потомъ съ симъ бѣднымъ офицеромъ послѣдуетъ? За то, что онъ совѣсть свою и присягу нарушить не хотѣлъ, выброшенъ Г. Полковникомъ изъ полка и присылается въ другой съ дурнымъ аттестатомъ; и въ новомъ полку найдетъ точно то же, что въ старомъ оставилъ. Въ случаѣ семъ должно Господамъ Полковникамъ отдать справедливость, что они во всемъ томъ, что службѣ вредитъ, что чинопочитаніе разрушаетъ и отъ чего всеобщее вкореняется невѣжество, весьма строго наблюдаютъ одинаковость, а разнятся только всѣ въ понятіи статовъ, инструкцій, въ образѣ отправленія службы, въ содержаніи оружія и аммуничныхъ вещей и пр. Если бы, паче чаянія, сіи замѣтки мои попались въ чужія руки, то долженъ всякій подумать, что я Полковниковъ ненавижу до крайности. Но, истинно, нѣтъ! Между ими имѣю пріятелей и родственниковъ, то какъ для сихъ резоновъ, такъ особливо не имѣя совершенно ни одного между ими себѣ злодѣя, ни какъ ненавидѣть ни кого не могу. Напротивъ того, судя генерально о всѣхъ теперешнихъ Полковникахъ, исключая совершенныхъ невѣждъ, странное дѣлаю, однако и вѣрное, заключеніе, имянно: что Русская армія никогда не была снабжена такимъ хорошимъ матеріяломъ Полковниковъ и офицеровъ, какъ теперь; они всѣ только изъ сферы своей вышли; сколь же скоро бы военное Правительство глаза на нихъ открыло военные, то я увѣренъ, что такіе будутъ бойкіе, такіе честные и такіе всѣ порядочные офицеры, какихъ нигдѣ нѣтъ. Я практически сію правду доказать берусь. Для достиженія же сего необходимо нужно: 1. чтобъ главное Военное Правительство возчувствовало упадокъ службы въ томъ самомъ сильномъ градусѣ, въ какомъ мы его видимъ, обращаясь съ войскомъ вѣчно. Потомъ 2) приняться послѣ того тотчасъ за Генераловъ, и приняться строго, чтобы они во всякое время были при полкахъ и при должностяхъ своихъ, строжайшимъ взыска-

ніемъ о наблюденіи воли Ея Императорскаго Величества, въ военныхъ Ея законахъ изображенной. Все оживотворится послѣ сего и всякій опрокинутый членъ исправитъ свое положеніе, войдетъ въ свое мѣсто, и цѣпь службы въ непобѣдимую связь войдетъ. Но доживемъ ли мы до сихъ блаженныхъ времянъ, извѣстно только тому, кто больше меня смыслитъ.

17.

Какая намъ нужда въ иностранныхъ и такомъ множествѣ офицеровъ? Не горько ли то, что, изключая самаго малѣйшаго числа посредственныхъ изъ нихъ, видимъ мы камердинеровъ, купцовъ, учителей, переодѣтыхъ Россійскими штабъ-офицерами, къ поношенію службы и къ угнетенію природныхъ достойныхъ офицеровъ? Сіи случаи, обще съ другими, гдѣ достойный офицеръ наряду всегда былъ съ недостойнымъ, или же и назади у него оставался, выгнали изъ арміи множество добрыхъ и служивыхъ офицеровъ. Ихъ столь много въ отставкѣ, что жалко смотрѣть на ихъ потерю. Намѣстничествы сбираютъ теперь плоды съ нихъ, но не съ такою пользою, каковую бы могла имѣть военная служба.

Написаны сіи замѣчанія въ 1782 году Генералъ-Поручикомъ и Кавалеромъ Степаномъ Матвѣевичемъ Рясевскимъ, по смерти котораго они найдены и собраны.

НѢКОТОРЫЯ ЗАМѢЧАНІЯ ПО ВОИНСКОЙ СЛУЖБѢ,

ПИСАННЫЕ ГЕНЕРАЛЪ-ЛЕЙТЕНАНТОМЪ И ШЕФОМЪ

СИБИРСКАГО ГРЕНАДЕРСКАГО ПОЛКА,

ИВАНОМЪ ПЕТРОВИЧЕМЪ ЛЯПУНОВЫМЪ.

Отъ чего происходитъ, что солдата съ самаго рекрутскаго состоянія и по то время, какъ отпустятъ его въ отставку, ежегодно по зимамъ начинаютъ учить по одиначкѣ стоять, маршировать и дѣлать ружьемъ, какъ будто только вступившаго въ службу?

Вотъ причина: что съ самаго своего вступленія въ полкъ не былъ онъ въ рукахъ хорошаго мастера и, слѣдовательно, никогда не былъ совершенно и какъ должно ремесленнику военнаго ремесла выученъ. Хотя же и препоручаютъ его старому солдату, хорошо дѣлающему ружьемъ, но какъ самъ учитель выученъ машинально, то и не можетъ ученика инако научить, какъ машинально.

Такимъ образомъ обученный, не имѣя ничего въ своемъ умѣ и понятіи, лишь только учитель отъ него прочь, то онъ все и забылъ. А еще хуже: между зимнимъ временемъ отвыкши, какъ было показывано, получаетъ свои привычки и дѣлаетъ совсѣмъ напротивъ. Очень часто случается, что перестаютъ учить не тогда, какъ выученъ, а тогда, какъ зима кончилась.

По вкравшимся злоупотребленіямъ въ порядочную службу, ротный командиръ, такъ какъ и той роты офицеры, считаютъ выполнившими свой долгъ, если прикажутъ тому-то учить такого-то; а какъ его учатъ, и выученъ ли какъ должно, не

смотрятъ. Сносно бы было, если бы ротный командиръ дѣлалъ это по одной лѣни, ибо таковаго можно бы было заставить; но та бѣда, что иногда ротный командиръ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о надлежащемъ способѣ ученія и какія при всякомъ дѣйствіи каждаго пріема находятся уловки.

Симъ оканчивается и ограничивается обученіе толико важнаго, нужнаго и полезнаго ремесленника. А отъ сего и происходитъ, что въ полку мастеровъ солдатъ, хотя машинально дѣлающихъ, содержится какъ 1 къ 30, если не менѣе; а такихъ, которые о своемъ ремеслѣ имѣли бы чистое понятіе и могли толковать другимъ, или совсѣмъ нѣтъ, или такъ мало, что не стоитъ труда и показать.

Чтобы вышеписанное неустройство привести въ надлежащій порядокъ, должно поступать такимъ образомъ:

Рекрута, или немастера солдата, прежде всего надлежитъ учить стоять. При семъ обученіи ясно вразумить о всѣхъ уловкахъ, толковать ему, для чего должно стоять перпендикулярно, грудь впередъ, руки съ плечами нѣсколько назадъ, ноги въ икрахъ и коблукахъ сжавши, носки по опредѣленной пропорціи раздвигнуты.

Потомъ надлежитъ учить маршировать. Какъ же? Не тотъ часъ за ефрейторомъ, или за тѣмъ, кто учитъ, а на первой случай начинать первой урокъ только тѣмъ, какъ ему поднимать ногу при словѣ маршъ, и какъ корпусъ свой обнадеживать на другой ногѣ. Второй урокъ, по выученіи перваго практически и теоретически, какъ поднятою ногою ступить со всею надлежащею фигурою ноги и мѣрою опредѣленнаго шага, и сдѣлавъ шагъ, ступя ногою, въ какомъ положеніи должна остаться другая нога и какую ловкость надлежитъ употребитъ, чтобы ступить шагъ другою ногою. Третій урокъ останется уже маршировать, который весьма будетъ легокъ, если первые два хорошо будутъ изъяснены и въ то же самое время практически пріучены.

Теперь надлежитъ приниматься за ружье. Но прежде нежели рекрута обучать пріемамъ, надлежитъ выучить его знать всѣ части ружья, и не токмо названія оныхъ, но чтобъ умѣлъ ружье разобрать и знать каждой части дѣйствіе, а о многихъ частяхъ,

въ чемъ состоитъ и доброта. О обученіи пріемами весьма ясно показано въ Высочайшемъ Его Императорскаго Величества воинскомъ Уставѣ; остается только сказать, какъ и о шагѣ, что ни одной хватки не оставлять безъ изъясненія: для чего берется тутъ, а не въ другомъ мѣстѣ, для чего та или другая рука, или которой палецъ остается въ такомъ-то положеніи; ибо каждый пріемъ имѣетъ свои ловкости. Раздѣлять также на уроки по Высочайшему Уставу. Не быть довольну знаніемъ обучающагося солдата до тѣхъ поръ, пока онъ порядочно и въ состояніи будетъ разсказать, и не смотря, что хотя хорошо пріемъ дѣлаетъ, не оставлять, пока не пойметъ умственно, для чего что.

Если бы кто спросилъ меня: для чего нужно солдату такъ много толковать и чтобы онъ умѣлъ расказать все то, чему его учатъ, а довольно и того, что хорошо дѣлаетъ, отвѣтствую: 1, Чтобъ ежегодно по одиначкѣ такъ рекрута не учить. 2, Отъ сего ежегоднаго рекрутскаго ученія солдаты не стыдятся незнанія своего ремесла, почитая должнымъ въ зимнее время учиться по рекрутски. 3, Каждому солдату, въ продолженіе его службы, дойдетъ очередь обучать нѣсколько учениковъ, и если кто примѣчалъ, тотъ конечно видѣлъ, съ какимъ удовольствіемъ, написаннымъ на лицѣ, молодой солдатъ начинаетъ учить своего перваго ученика, и 4, Получатъ нечувствительно амбицію называться мастерами и будутъ стыдиться, если бъ котораго стараго солдата заставили учиться по рекрутски.

Нѣтъ сомнѣнія, что нѣкоторые лѣнивцы доведутъ себя до того, что нужно будетъ ихъ иногда поучить одиначкою; но должно, чтобъ это случалось, не опредѣляя зимняго времени, а тогда, какъ скоро только усмотрѣно будетъ, что началъ слабо дѣлать.

Между тѣмъ непрестанно пріучать людей къ чистотѣ и опрятности, что не только просто приказывать, но и вразумлять, что это приказывается не для того только, чтобы имѣть хорошій видъ, но для того, что чистота тѣла и опрятность одежды совершенно сохраняютъ человѣческое здоровье. Солдатъ же, будучи о семъ вразумленъ, не по одному приказу будетъ слѣдовать сему правилу, а по собственной своей пользѣ и, слѣдовательно, безъ палокъ.

Неминуемо нужно обучать солдатъ походкѣ партикулярной, гдѣ бъ то ни случилось, и приличной солдату; при чемъ равномѣрно объяснять и толковать, для чего по мужичьи во всемъ корпусѣ согбенные и не у мѣста лежащіе члены не годятся для ремесла солдата; что хорошею походкою солдатъ привлекаетъ къ себѣ почтеніе, а ходящій по мужичьи—презрѣніе. Если солдатъ хорошо будетъ вразумленъ и пойметъ, то полученною отъ сего одного амбиціею удержится отъ посѣщенія кабаковъ и пьяной въ грязи по улицѣ валяться не будетъ.

Солдатъ, обученный такъ, какъ въ семъ замѣчаніи показано, будетъ совершенно мастеръ военнаго ремесла.

Теперь нужно сего мастера военнаго ремесла оживить и вложить въ него военную душу, которая состоитъ въ знаніи и исполненіи нижеслѣдующаго:

«Что значитъ солдатъ?»—Воинъ, оруженосецъ, ремесленникъ военнаго ремесла; и по сему-то оно обще принадлежитъ Генералу, офицеру и рядовому, даже и Государь симъ именовать себя соизволяетъ.

«Когда получаетъ солдатъ сіе знатное именованіе?»—Съ того времени, когда подъ освященнымъ знаменемъ, отъ освященной десницы Государя Императора полученнымъ, пріемлетъ присягу и клянется предъ всемогущимъ Богомъ, невидимо присутствующимъ, и святымъ его Евангеліемъ, что хочетъ, не по неволѣ, а по волѣ, и долженъ, какъ сынъ отечества, въ семъ званіи служить Государю Императору и Его любезнѣйшему Наслѣднику вѣрою и правдою, не щадя живота своего до послѣдней капли крови, и во всемъ повиноваться предпоставленнымъ командирамъ съ крайнимъ и охотнымъ желаніемъ.

«Въ чемъ состоитъ должность солдата, и на что онъ полезенъ?»—Защищать Вѣру Христіанскую и ни какого зла не допускать до Государя и отечества, какъ отъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ враговъ; сохранять государственный интересъ, не допуская его до вреда и убытка; охранять и утверждать спокойствіе Государя и отечества.

«Въ чемъ состоитъ защищать Вѣру Христіянскую?» — Если какой врагъ осмѣлился приближиться къ любезному отечеству, съ намѣреніемъ испровергнуть Вѣру Христіянскую и безпокоить обожаемаго нами Государя, въ такомъ случаѣ, по велѣнію Государя, итти со всякимъ рвеніемъ и усердіемъ, съ охотою и желаніемъ, противу такого врага имяни Христа Спасителя нашего, не смотря ни на какія трудности, не бояся и самой смерти, и не вопрошая, сколько непріятеля, а гдѣ онъ. 2, Не соблазняться ни на какія прельщенія и подкупы, не токмо перемѣнить Вѣру, отъ чего, Боже, сохрани! ниже оставлять драгое отечество, переходя въ другія страны: ибо клявшись предъ всемогущимъ Богомъ быть вѣрну и неизмѣнну, Господомъ данному, Государю и отечеству, .и оставить, есть клятвопреступленіе; а клятвопреступникъ не есть уже Христіянинъ и, слѣдовательно, не защитникъ Вѣры, но измѣнникъ, и, слѣдовательно, не солдатъ, а шельма.

«Въ чемъ состоитъ защита отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ?» — Если бы кто изъ внѣшнихъ непріятелей отечества нашего осмѣлился вздумать отнять у Государя каковую часть его владѣнія съ живущими нашими собратіями, въ такомъ случаѣ за Государя и за други наша сражаться храбро, и до тѣхъ поръ непріятеля отражать и поражать, пока послѣдній палецъ перестанетъ дѣйствовать. 2, Если бы, паче чаянія, и въ самомъ отечествѣ нашемъ появились каковые злодѣи, не вѣрующіе въ Іисуса Христа, и имѣли навлечь каковое либо безпокойство любезному нашему Государю, тогда, по Его Императорскому повелѣнію, усмирять ихъ всѣмъ тѣмъ, что отъ Государя повелѣно будетъ, и яко Христіянину-воину не соблазняться ни на какія, противныя Богу и Государю, дѣянія, и гдѣ солдатъ поставилъ ногу, тутъ должны тотъ часъ явиться тишина и спокойствіе.

«Въ чемъ состоитъ сбереженіе Государственныхъ интересовъ?» — Если бъ солдатъ поставленъ былъ для охраненія Государевой казны, или чего ни будь казеннаго, то долженствуетъ смотрѣть за онымъ со всякою осторожностію, и стоя на часахъ, не только не спать и оружія своего изъ рукъ не выпускать, но безпрестанно осматриваться, не хочетъ ли кто чего похитить, и на случай какого произшествія отъ хищниковъ защищаетъ до послѣдней капли крови, не смотря на силу пришедшихъ, и мѣста

своего не уступаетъ, пока или помочь получитъ, или умеръ; ибо гдѣ солдатъ, тутъ должно быть все цѣло и невредимо. До сохраненія Государственныхъ интересовъ непремѣнно принадлежитъ и то, чтобъ 1-е, солдатъ имѣлъ неусыпное попеченіе о исправности своего оружія и аммуниціи; ибо неисправность и небреженіе оружія и аммуниціи лишаетъ солдата способности дѣйствовать съ успѣхомъ въ пораженіи враговъ, заставляетъ казну дѣлать напрасныя издержки, умышленно и непамятованіемъ долга присяги причиненныя, и лишаетъ попечительнаго Отца Государя принадлежащей ему славы. 2-е, Получаемое отъ премилосердаго Государя денежное жалованье не употреблять на пьянство и другія постыдныя и честному солдату не приличныя издержки, а стараться на оное содержать и покупать такія вещи, которыя бы служили на пользу службы и честнаго солдата.

«Въ чемъ состоитъ утвержденіе и спокойствіе отечества?»— Находясь въ какомъ городѣ въ гарнизонѣ, караулы отправляя съ знаніемъ и точностію того, что повелѣно, отвращаютъ и не допускаютъ всякіе грабежи, кражи, шумъ, драки и другіе непорядки, и не только въ караулъ отряженные суть страхъ и преграда сдѣлаться безпорядку, но солдатъ однимъ даже своимъ присутствіемъ устрашаетъ бездѣльника и не допускаетъ его сдѣлать что либо дурное, по увѣрительности, что солдатъ не потерпитъ того дѣйствія, но тотъ часъ бездѣльника схватитъ и отдастъ подъ стражу. Жители того мѣста почиваютъ спокойно, благодаря Государя за пожалованіе имъ хранителей, и увѣрены, что бдительная стража почтеннѣйшаго солдата не допуститъ, чтобы случилось имъ какое безпокойство, вредъ и убытокъ; ибо гдѣ солдатъ, тутъ должны истребиться и искорениться всѣ грабители и воры. Ежели бы случилось гарнизону то мѣсто оставить, жители съ рыданіемъ и плачемъ проводятъ ихъ, и свидѣтельствуя имъ должную благодарность за ихъ попеченіе и утвержденіе спокойствія, будутъ желать скорѣйшаго ихъ возвращенія, дабы наслаждаться тѣмъ покоемъ, который единые воины доставлять могутъ.

«Какихъ качествъ долженъ быть солдатъ?»—Въ отношеніи къ Богу: истинный Христіянинъ, твердый въ своей Вѣрѣ такъ, что не только ни какія прельщенія оставить оную не возмогутъ,

но даже смерть принять въ защиту оной всегда готовъ. Долженъ быть прибѣженъ къ Богу: возставъ отъ сна, первое, воспоминаетъ Господа и благодаритъ Его отъ чистаго сердца за пріятный сонъ, которымъ онъ возстановилъ свои геройскія силы, прося при томъ, что какъ благоволилъ освѣтить дневнымъ свѣтомъ, такъ освятилъ бы Духомъ своимъ Святымъ душу и сердце его, дабы съ таковымъ сердцемъ возмогъ благодарить его за всѣ благодѣянія, которыя непремѣнно отъ блатворительной десницы Его происходятъ; и умывъ лице и руки, ставъ и возведъ очи свои къ Живущему на небесахъ, прочиталъ, съ надлежащимъ благоговѣніемъ, молитву Отче нашъ и еще что знаетъ изъ святыхъ молитвъ. Въ отношеніи къ Государю: истинный и послушный сынъ, не только любитъ своего Государя, но и обожаетъ его, ибо знаетъ, что онъ возведенъ и помазанъ на царство десницею Вышняго, и сіе знаетъ по тому, что когда принималъ присягу, тогда лежало святое Евангеліе, въ которомъ устами Божіими сказано: «Нѣсть власть, аще не отъ Бога,» то есть, что ни какая власть сдѣлаться не можетъ, если на то нѣтъ воли Божіей; и еще: «Противляяйся власти, противляется самому Богу,» и какъ же не такъ? Ибо если Господь Богъ повелѣлъ власти, и если кто осмѣлился не слушать, то нѣтъ сомнѣнія, что тотъ противится самому Богу. И еще: «Раби, повинуйтеся господѣмъ своимъ, не только кроткимъ, но и строптивымъ.» Для чего? Для того, что такъ угодно Богу; а по сему солдатъ и не сомнѣвается, что его Государь, будучи возведенъ на царство самимъ Господомъ, управляетъ своими подданными согласно съ управленіемъ Божіимъ, то есть, Богъ насъ любитъ и ежечастно о насъ печется, и Государь насъ любитъ, яко чадъ своихъ, и ежечасно печется о благѣ своихъ поданныхъ, не требуетъ ничего, кромѣ богоугоднаго, и повелѣнія свои даетъ согласно съ закономъ Божіимъ, почерпая всѣ правила изъ источника Высочайшей премудрости.

Стóитъ только взглянуть на солдата, тотъ часъ увидишь отцовское попеченіе и Богу подобное милосердіе Государя. Бывалъ ли солдатъ и есть ли гдѣ въ такомъ состояніи, какъ подъ скипетромъ Царя Русскаго? Денежное жалованье не только достаточно на всѣ надобности, но и остается еще столько, чтобы

солдату послѣ трудовъ, для бодрости и подкрѣпленія силъ, выпить чарку вина. Кушанье вкушаетъ свѣжее и съ толикимъ вкусомъ сдѣланное, что мужикъ и въ праздникъ рѣдко ѣстъ; квартира не похожа на выпачканную и худымъ воздухомъ наполненную избу; одежда преполная для всѣхъ времянъ года, и солдатъ въ походѣ въ худую погоду, или стоя на часахъ, не думаетъ, что отъ стужи и трясенія кости всѣ изломаетъ, или опасался бы потерять и самые члены и сдѣлаться калекою; обуви такъ много, что какъ бы ни таскалъ, никогда пальцы изъ сапога не обнаружатся. Этого еще мало, что солдатъ обезпеченъ въ своихъ нуждахъ для того, чтобы единственно занимался выполненіемъ своей должности; но чрезъ 20 лѣтъ безпорочной службы облагораживается именованіемъ кавалера и получаетъ орденъ, а по выслуженіи 25 лѣтъ честно, получаетъ отставку съ позволеніемъ жить, гдѣ заблагоразсудитъ, и съ полученіемъ по смерть полнаго жалованья, а по сему не опасается сей герой, защитникъ Вѣры, Государя и отечества, бывъ покрытъ ранами, умереть съ голода, или просить милостыни. Господинъ солдатъ! Пройди мысленно всѣ сіи милости, и пади на землю предъ всемогущимъ Богомъ, пролей радостныя слезы благодарности, что Онъ благоволилъ тебѣ такимъ премилосердымъ Государемъ, такимъ чадолюбивымъ отцомъ, который о тебѣ думаетъ, печется и устроаетъ, не только для теперешняго твоего времяни, но и впредь успокоивая и утѣшая тебя въ старости и дряхлости; гори любовію къ своему отцу всѣмъ сердцемъ твоимъ, и ни о чемъ не думай, кромѣ того, какъ бы, въ знакъ всеподданнѣйшей благодарности, оказывать опыты ревности и усердія; молись непрестанно, да продлитъ Господь ему жизнь, для прославленія имяни Іисуса Христа и для счастія его вѣрноподданныхъ.

Въ отношеніи къ отечеству: благодарность его къ той матерѣ землѣ, которая руками его родителей воздѣлована и потомъ трудовъ ихъ орошаема, не можетъ во всю жизнь его истребиться; вспомня, что хлѣбомъ, на ней произрастшимъ, онъ вскормленъ и возврастенъ, на ней живутъ его родители, братья и друзья, въ мысль его никогда не взойдетъ, чтобы, по какимъ либо гнуснымъ и безчестнымъ прельщеніямъ, оставить оную, но, напротивъ того, готовъ всегда, не щадя живота своего, отра-

жать непріятеля, жаждущаго оную похитить. Захочетъ ли оставить свое отечество, отца и мать и лишить себя святаго родительскаго благословенія, безъ котораго человѣкъ не что иное, какъ погибшій; ибо самимъ Господомъ сказано: «Чти отца твоего и матерь твою, да благо ти будетъ;» кто же не чтитъ, тотъ лишается всякой милости Божіей. Никогда не вздумаетъ мерзости убѣжать въ иную страну къ поганымъ и перемѣнить Вѣру Святую Христіянскую на поганую и самимъ дьяволомъ изобрѣтенную Магометанскую, но единственно занимается мыслію, чтобы жить для защищенія своего отечества, въ благодарность за рожденіе и воскормленіе, и съ честію умереть за него.

Въ отношеніи своего воинскаго ремесла: страстный охотникъ; ружье лучшая для него игрушка и забава, а строй веселая и пріятная прогулка и упражненіе. Для чего? Для того, что тутъ воинъ научается быть ловкимъ, расторопнымъ и способнымъ разить непріятеля и, слѣдовательно, пріобрѣтаетъ способъ доставить славу своему знатному имени. Мастеръ своего ремесла, не какъ выученный только медвѣдь, или обезьяна, но понимаетъ совершенно всѣ ловкости въ пріемахъ и въ движеніяхъ, такъ что можетъ и другаго сдѣлать мастеромъ. Одѣвается чисто и опрятно, тѣло свое содержитъ въ чистотѣ, ибо отъ сего зависитъ здравіе; походку имѣетъ осанистую, приличную солдату и такую, чтобы не по одному платью солдатъ узнавался, но и по походкѣ и осанкѣ; живъ, быстръ и развязанъ, умѣетъ говорить и при томъ вѣжливо и хорошимъ языкомъ, всякое приказаніе командира можетъ пересказать явственно и вразумительно, безъ всякаго вранья; въ пищѣ не обжора, походя не ѣстъ, а еще менѣе идучи по улицѣ, но въ обыкновенное время; не только не упивается, но даже ненавидитъ сей гнусный и Богу противный порокъ, который не токмо ведетъ ко всякому злу и безпорядку, но и лишаетъ вѣчно Царствія Небеснаго; ибо Священное Писаніе сказуетъ: «Пьяницы и блудники не наслѣдятъ Царствія Небеснаго.» Лѣность и праздность ненавидитъ, ибо знаетъ, что лѣнивый и изнѣженный солдатъ не можетъ переносить ни какихъ военныхъ трудовъ, а находящійся во всегдашнихъ трудахъ не только можетъ перейти отъ 50 до 60 верстъ, но и не останавливаяся атаковать непріятеля и разбить; ловкой и умѣющій дѣй-

ствовать своимъ оружіемъ и въ трудахъ обращающійся солдатъ, по десятку непріятелей готовъ еще бить, а въ лѣности обращающійся и неловкой и надъ двумя устанетъ, такъ что третій его убьетъ. Командировъ своихъ не только почитаетъ, но и усердно любитъ, по тому что они отъ Государя предуставлены и ежечасно пекутся о своихъ подчиненныхъ, дабы содержать ихъ въ добромъ порядкѣ, довольствіи и покоѣ.

Относительно непріятеля: до тѣхъ поръ храбростію и неустрашимостію на него наступаетъ, пока онъ обороняется и оружіе у него въ рукахъ; какъ же скоро побѣжденъ, то пріемлетъ о немъ попеченіе и помогаетъ ему, чѣмъ можетъ. Если случится штурмовать городъ, то поражаетъ противящихся оруженосцевъ, но стыдится проливать кровь слабаго пола и младенцевъ, и не только не убиваетъ, но всемѣрно защищаетъ ихъ отъ всякаго насилія, помня, что онъ воинъ-Христіянинъ и герой, слѣдовательно, для него низко проливать кровь неповинную и бить то, что ни обороться не можетъ, ни оружія не имѣетъ. Если бъ случилось стоять въ квартирахъ и въ непріятельской землѣ, не только не помышляетъ о какомъ либо грабительствѣ, но всячески старается ласкать хозяина и сберегать его имущество и не допускать ни кого ни до какихъ неистовствъ. Такимъ образомъ и непріятели, увидя, что они не только живы, но и имущество цѣло, мужъ не лишился своей супруги, дочь осталась при отцѣ и ни какого безчинства ей не сдѣлано, младенцы не лишились своей матери и съ голоду не померли, проводятъ съ благодарными слезами и скажутъ, что это прилично только героямъ Россіянамъ.

МНѢНІЕ

СЕНАТОРА ГРАФА СЕВЕРИНА ОСИПОВИЧА ПОТОЦКАГО

О

ДОКЛАДѢ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГІИ,

Высочайше конфирмованномъ 5 Декабря, 1802 года.

Высочайшимъ Указомъ, 8-го Сентября, истекшаго 1802 года, о правахъ и обязанностяхъ Сената, Августѣйшій Монархъ Всемилостивѣйше дозволилъ ему: «На случай, если бы, по общимъ Государственнымъ дѣламъ, существовалъ Указъ, которой былъ бы сопряженъ съ великими неудобствами въ исполненіи, представлять о томъ Императорскому Величеству.»

Такимъ образомъ Александръ І-й, соединяя съ чистосердечіемъ своего возраста прозорливость, свойственную лѣтамъ преклоннымъ, всею душею любя истину, къ коей многіе другіе властители по наружности токмо являются привязанными, не удовольствовался постановить, что проектъ всякаго узаконенія до изданія своего будетъ предметомъ разсужденій Министровъ предъ его лицемъ, но какъ бы предупреждая, чтобъ при всемъ томъ еще не былъ иногда стѣсненнымъ путь, которымъ истина и правда должны достигать къ нему, позволилъ Сенату, яко верховному мѣсту въ Имперіи, предстать во всякомъ важномъ случаѣ къ престолу, побораѧ о нихъ. Кто изъ насъ, кто изъ прямыхъ сыновъ отечества, не удостовѣренъ глубоко, что такое позволеніе, данное такимъ Государемъ, есть самое предписаніе священнѣйшей должности? Сіе принуждаетъ меня нынѣ обратить вниманіе Правительствующаго Сената на докладъ Государственной Военной Коллегіи, Высочайше конфирмованный минувшаго Декабря въ 5 день, и представить мои сомнѣнія.

Можно бы остановиться на многихъ мѣстахъ сего доклада, какъ то: на положеніи увольнять съ оберъ-офицерскимъ чиномъ дворянъ не прежде двѣнадцати, а названныхъ вольно-опредѣляющимися не прежде пятнадцати лѣтъ службы. Каковое ограниченіе едва ли сообразно со 2-ю статьею Указа 1762 г., Февраля 18,

съ Указами 1763, Августа 8, 1775, Августа 29 и другими, послѣдовавшими имъ. Можно бы остановиться на уравненіи разночинцевъ, опредѣляющихся въ службу по желанію, съ даточными рекрутами, что, думаю, не можетъ быть ободреніемъ ко вступленію въ военное званіе, и пр. и пр. Все сіе не принадлежитъ до меня, и я не дерзну разсуждать о таковыхъ предметахъ, не имѣя воинскихъ свѣдѣній; но обязанностію почитаю представить здѣсь, сколько, по разумѣнію моему, упомянутый докладъ самымъ первымъ своимъ пунктомъ о служащихъ изъ дворянъ противорѣчитъ предшествовавшимъ рѣшительнымъ узаконеніямъ 1762 и 1785 г., хотя они во вступленіи его и поставлены за основаніе.

1-я статья во вѣки достопамятнаго Указа 18-го Февраля, 1762 года, опредѣляетъ ясно, что «всѣ, находящіеся въ разныхъ службахъ, дворяне, могутъ оныя продолжать, сколь долго пожелаютъ и ихъ состояніе имъ дозволитъ.» Изъ сего исключено токмо время военныхъ дѣйствій противъ непріятеля, т. е., обстоятельство, которое, если бы и не упомянуто было, объяснится само собою извѣстнымъ благородствомъ души и храбростію Россійскаго дворянства. И хотя въ 8-й статьѣ того Указа сказано: «находящихся же нынѣ въ военной службѣ дворянъ въ солдатскихъ и прочихъ нижнихъ чинахъ менѣе оберъ-офицера не отставлять, развѣ кто болѣе 12 лѣтъ военную службу продолжалъ»; но выраженіе «находящихся же нынѣ, развѣ кто болѣе 12 лѣтъ службу продолжалъ», очевидно объясняетъ, что сія статья, поставленная не безъ причины послѣднею, имѣла въ виду только настоявшее тогда время, и дворяне въ оной разумѣлись не иные, какъ именно служившіе при самомъ изданіи Указа. Безъ сомнѣнія, необходимо было симъ временнымъ исключеніемъ удержать въ службѣ молодыхъ людей, которые не умедлили бы слѣдовать первому порыву, произведенному ощущеніемъ новаго для нихъ права свободы, и такимъ образомъ скоропостижно лишили бы армію пріобыкшихъ къ строю нижнихъ чиновъ. Что таковый точно, а не иной смыслъ и цѣль сей 8-й статьи, доказывается тѣмъ, что въ теченіе послѣдовавшихъ 40 лѣтъ, 18 статья славной на вѣчные роды Россійскому дворянству дарованной грамоты гласитъ: «Подтверждаемъ благороднымъ, находящимся въ службѣ, дозволеніе службу продол-

жать и отъ службы просить увольненія по сдѣланнымъ на то правиламъ.» Правительство ни какъ не принимало ее во уваженіе, между тѣмъ какъ существенное содержаніе самаго Указа ежедневно болѣе утверждалось. Хотя положеніе Военной Коллегіи естественно и неоспоримо, что въ таковыхъ случаяхъ подаютъ прошенія по правиламъ, и по правиламъ не оставляютъ службы иначе, какъ въ положенное время года, или по окончаніи смотровъ, что ожидаютъ рѣшенія и пр.; но не думаю, чтобы сталъ кто утверждать, будто подъ именемъ правилъ долженъ разумѣться и 12-ти лѣтній срокъ, вводимый докладомъ. На семъ основаніи Военная Коллегія весьма удобно можетъ 24-хъ или 36-ти лѣтнее время служенія поставить въ число правилъ, и тѣмъ въ самые тѣсные предѣлы привести силу грамоты дворянской.

Не простирая столь далеко робкихъ ожиданій, должно согласиться, что и 12-ти лѣтнее принужденное служеніе произведетъ на опытѣ великія неудобства. Молодой дворянинъ, вошедшій въ службу изъ одного благороднаго подвига, не можетъ ли отъ сего строгаго закона потерпѣть разстройки въ своей жизни, разстройки, отъ которой иногда будетъ зависѣть все его состояніе? Выгодное, на пр., супружество съ особою, не могущею рѣшиться сопутствовать мужу въ мѣста службы воинской, его жилище, равно и другія обстоятельства, невольно могутъ заставить благонамѣреннѣйшаго дворянина желать отставки. Одно опасеніе таковыхъ препонъ и врожденное отвращеніе отъ принужденія, не произведутъ ли дѣйствій, совсѣмъ противныхъ тѣмъ, какія кажется имѣла въ виду Коллегія? Вмѣсто ограниченнаго числа людей, которые удержаны будутъ на нѣсколько лѣтъ въ службѣ насильно (печальное прибѣжище полководцу), сколько тысячъ другихъ и вступить въ оную побоятся! Не прискорбно ли будетъ, столь извѣстную Россійскаго юношества ревность къ воинской службѣ видѣть погасающую, ревность, которая разительнѣе нежели когда либо окажется въ нынѣшнее благословенное царствованіе многочисленностію дворянъ, ежедневно ищущихъ опредѣляться. Не жестоко ли столь чувствительнымъ образомъ опечалить дворянство цѣлой Имперіи повреждевіемъ силы драгоцѣннѣйшаго для него постановленія, которое Петръ III называетъ «непоколебимымъ утвержденіемъ Самодержавнаго Всероссійскаго

престола,» которое безсмертная Екатерина столько уважила, распространила, постановленія, напослѣдокъ, которое обожаемый Александръ торжественно наименовалъ и удостовѣрилъ «кореннымъ и непрелагаемымъ закономъ?»

Я увѣренъ, что нечего намъ опасаться кого бы то ни было въ сіи златые дни душевнаго спокойствія и свободы, когда и справедливость, сѣдящая на престолѣ, не оставила отеческою улыбкою одобрить нашего усердія, даже и въ такомъ случаѣ, если бы наше представленіе не было благоугодно. Но положивъ, что въ семъ дѣлѣ, или во всякомъ другомъ, ему подобномъ, и слѣдуетъ намъ ожидать явной, или сокровенной, злобы сильныхъ, то не уже ли сіе насъ заставитъ колебаться, когда священный гласъ должности взываетъ? Можно ли тогда преклонять ухо къ шопоту раболѣпной осторожности и боязни? Оставаться ли намъ въ молчаніи, когда докладъ, низпровергая самое то, что полагаетъ основаніемъ своимъ, и предубѣдивъ, смѣю сказать, строгую внимательность Государя, коснулся почти единственнаго кореннаго закона, коимъ Россія справедливо гордиться можетъ? Не обязаны ли мы говорить, когда общее мнѣніе, кажется, насъ уже предварило? Не должны ли мы слѣдовать духу царствованія сего, вѣроятно, единственнаго въ вѣкахъ, чтобы намъ, движимымъ благоволеніемъ Монарха-благотворителя, возвратить верховному сословію Имперіи, хранилищу законовъ, первобытную его силу, достоинство и славу? Ежели нерадѣніемъ нашимъ упустить такое время, то не понесемъ ли праведной укоризны позднѣйшаго потомства?

Въ слѣдствіе сего, мнѣніе мое, чтобы Правительствующій Сенатъ, на основаніи 9 статьи Высочайшаго имяннаго Указа, Сентября 8 дня, 1802 г., вошелъ къ Его Императорскому Величеству со всеподданнѣйшимъ докладомъ: не благоугодно ли будетъ повелѣть Министрамъ разсмотрѣть вновь упомянутое столь важное узаконеніе?

Если настоящее представленіе мое не будетъ большинствомъ голосовъ одобрено, то прошу принять его, по крайней мѣрѣ, слабымъ доводомъ искренности и ревности, съ каковыми приверженъ я къ новому моему отечеству.

ПРЕДЛОЖЕНІЕ

МИНИСТРА ЮСТИЦІИ, ДЕРЖАВИНА,

ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМУ СЕНАТУ, 6 ФЕВРАЛЯ, 1803.

Минувшаго Генваря 16 числа, въ Общемъ Собраніи сего знаменитаго сословія, произошли разные Господъ Сенаторовъ отзывы на мнѣніе Г. Тайнаго Совѣтника Графа Потоцкаго, поданное имъ противъ Высочайше конфирмованнаго доклада Военной Коллегіи относительно службы дворянъ въ нижнихъ чинахъ. Изъ нихъ большая часть согласна съ Г. Потоцкимъ войти къ Его Императорскому Величеству съ представленіемъ, дабы тотъ докладъ вновь Министрами былъ разсмотрѣнъ.

Я, по долгу званія моего, будучи обязанъ соглашать и ходатайствовать о единообразномъ положеніи, нужнымъ почитаю обратить вниманіе Правительствующаго Сената на нижеслѣдующее:

1. Въ Высочайшемъ Указѣ Сентября 8 дня, 1802 г., въ 9 пунктѣ напечатано: «Дозволяется Сенату, если бы, по общимъ Государственнымъ дѣламъ, существовалъ Указъ, который былъ бы сопряженъ съ великими неудобствами въ исполненіи, представлять о томъ Императорскому Величеству»; а въ Манифестѣ о учрежденіи Министерствъ, изданномъ въ послѣдствіе уже сего Указа, между прочимъ, въ X статьѣ напечатано: «По изслѣдованіи жь доклада (поднесеннаго которымъ либо Министромъ), ежели Мы признаемъ предлагаемыя имъ средства за полезныя, и увидимъ, что они не требуютъ ни отмѣны существующихъ законовъ, ни введенія, или учрежденія, новыхъ, то Мы, утвердивъ соб-

ственноручно сей докладъ Министра Нашего, возвращаемъ къ нему для учиненія по оному исполненія и объявленія Правительствующему Сенату для вѣдѣнія». Но какъ, съ одной стороны, въ правилахъ, собранныхъ въ докладѣ Военной Коллегіи, новаго ничего нѣтъ и ни какихъ неудобствъ въ исполненіи быть не можетъ, по тому что, въ теченіи сорока лѣтъ, поступая по онымъ, полководцы въ нижнихъ чинахъ изъ дворянъ недостатка не имѣли, да и сами тѣ нижніе чины ни какого сѣтованія, или ропота, при строжайшей дисциплинѣ, никогда, нигдѣ не изъявляли и отъ службы не удалялись; напротивъ того, воинство Россійское, въ безпрерывныхъ и трудныхъ походахъ съ ревностію послѣдуя великимъ вождямъ своимъ, многочисленными и знаменитыми побѣдами распространило предѣлы Имперіи и пріобрѣло себѣ безсмертную славу, чѣмъ самымъ и доказало великое удобство законовъ, имъ управляющихъ; а съ другой, поелику сказанный докладъ Военной Коллегіи, по основанію упомянутой X статьи Манифеста, Высочайшею особою Государя Императора изслѣдованъ, и по извѣстнымъ Его Величеству причинамъ удостоенъ конфирмаціи, Сенатомъ принятъ безпрекословно и отосланъ въ 4 Сената Департаментъ, для наблюденія за исполненіемъ, о чемъ и журналъ, 17 Декабря, прошлаго 1802 г., многими изъ Господъ Сенаторовъ и самимъ Графомъ Потоцкимъ подписанъ, то, за силою всего выше изъясненнаго, и нѣтъ уже теперь ни малѣйшаго права, ниже повода, Правительствующему Сенату вопреки оному докладу разполагаться.

2. Въ Манифестѣ 1762 г., Февраля 18 дня, въ пунктахъ изображено. Въ 1-мъ: «Всѣ находящіеся въ разныхъ службахъ дворяне могутъ оныя продолжать, сколь долго пожелаютъ и ихъ состояніе имъ позволитъ; первыхъ осми классовъ увольняются отъ службы по Высочайшей конфирмаціи, а прочіе чины (о нижнихъ не сказано) по опредѣленіямъ отъ ихъ Департаментовъ». Въ 7: «Изключаются изъ сего однодворцы, которые вольностію не пользуются». Въ 8: «Находящихся нынѣ въ военной службѣ дворянъ въ солдатахъ и прочихъ нижнихъ чинахъ менѣе оберъ-офицера, кои не дослужились оберъ-офицерства, не отставливать, развѣ кто болѣе 12 лѣтъ военную службу продолжалъ, то таковые получать увольненіе». Въ 9: «Нигдѣ и ни какой службы не несшіе и ни-

чему полезному не научившіеся, но въ лѣности и праздности время препровождающіе, яко суще нерадивые о добрѣ общемъ, презрѣны и уничтожены будутъ, у Двора же, въ публичныхъ собраніяхъ и при торжествахъ нетерпимы». — Въ жалованной дворянству Грамотѣ, въ предисловіи: «Преимущество дворянъ состоитъ въ вѣрности къ престолу и любви къ отечеству; они не иначе, какъ прехожденіемъ отъ самой юности своей въ нижнихъ степеняхъ въ чиноначаліи, въ повиновеніи, въ перенесеніи трудовъ и въ исполненіи должностей своихъ твердо и терпѣливо опытами пріобрѣтаютъ знанія и способности, достигая до совершенствъ, званію ихъ принадлежащихъ» Въ 17 и 18 статьѣ: «Хотя и подтверждены на вѣчныя времена и въ потомственные роды благородному дворянству вольность и свобода, но не инаково, какъ по сдѣланнымъ на то правиламъ службу оставлять дозволяется». Въ 20 й: «Какъ благородное дворянство изстари, нынѣ, да и впредь пріобрѣтаетъ свое достоинство службою и трудами, Имперіи и престолу полезными, и существованіе его зависитъ отъ безопасности отечества и престола, то во всякое время, когда нужда потребуетъ, по первому позыву Самодержавной власти, всякой благородной обязанъ не щадить ни труда, ни самаго живота своего». Въ 64: «Дворянинъ, который вовсе не служилъ или, бывъ въ службѣ, не дошелъ до оберъ-офицерскаго чина, или же хотя и получилъ чинъ, но только при отставкѣ, не долженъ сидѣть съ заслуженными, ни голоса имѣть въ дворянскомъ собраніи, ниже выбираться въ должности собратіями своими».

По симъ законамъ ясно, что дворянство, по Манифесту 1762 г. и Грамотѣ 1785 г., право свое на вольность распространять можетъ только на дворянъ, въ классахъ состоящихъ и на обучавшихся полезнымъ знаніямъ, которые, по 1, 7 и 9 пунктамъ того Манифеста, въ опредѣленное время могутъ быть изъ службы увольняемы. Но тѣ дворяне, кои въ нижнихъ чинахъ состоятъ и ничему полезному не научены, не дослужась до оберъ-офицерскаго чина, прежде 12 лѣтъ (кромѣ что за болѣзнію) уволенными изъ службы быть не должны; коль же скоро кто дослужится до офицерства, хотя бы чрезъ годъ, тотъ можетъ пользоваться правомъ свободы; словомъ, порода есть только путь къ преимуществамъ, воспитаніе же и заслуги единственно запе-

чатлѣваютъ благородство. Взявъ за основаніе сіе разсужденіе, мѣра 12 лѣтъ въ нижнихъ чинахъ службы не есть мѣра стѣсненія и принужденія дворянъ къ оной, но только политическое средство, которымъ благодѣтельное Правительство доводитъ нижнечиновныхъ дворянъ до той степени чести, которая доставляетъ имъ право на вольность и прочія преимущества, предостерегаетъ при томъ отъ презрѣнія и стыда, въ 9 пунктѣ Манифеста и въ 64 статьѣ Грамоты изображенныхъ, изъемлетъ изъ ничтожества или, по крайней мѣрѣ, отъ сближенія съ однодворческимъ состояніемъ, которое, сколько извѣстно, произходитъ отъ дворянъ, уклонившихся отъ службы и по 7 пункту Манифеста вольностію не пользуется. Кратко сказать, дворянинъ, по одному только рожденію, безъ заслугъ, безъ просвѣщенія, можетъ ли роптать, что онъ чрезъ нѣкоторое урочное время опытами и искуствомъ въ ремеслѣ военномъ доводится до офицерскаго званія? Самыхъ знатнѣйшихъ фамилій благородные дворяне не уже ли не знаютъ, что долгъ отечеству надлежитъ имъ отдать службой, на которой и основаны всѣ дарованныя имъ преимущества?

Но что касается до слова «нынѣ», Манифеста въ 8 пунктѣ сказаннаго, на коемъ Г. Потоцкій основалъ всю силу своего мнѣнія, то оно ошибочно имъ понято. Оно бы дѣйствительно значило, какъ онъ изъясняетъ, что на тогдашнее только время дворяне изъ нижнихъ чиновъ прежде 12 лѣтъ въ отставку уволенными быть долженствовали, если бы сіе самое нарѣчіе «нынѣ» точно опредѣляло время, доколѣ тому пункту существовать въ своей силѣ, и если бы глаголъ, смысломъ управляющій, не разпространялъ дѣйствія и на будущее время; ибо, вмѣсто «не отставлять», сказано «не отставливать», что и даетъ совсѣмъ другое понятіе. По чему, Военная Коллегія, держась онаго и не имѣя въ виду отмѣны тому особымъ узаконеніемъ, опредѣленіями своими 763, 764, 765, 767 и прочихъ годовъ, никогда нижнихъ чиновъ изъ дворянъ прежде выслуги 12, въ теченіе 40 лѣтъ, не отставливала; а ежели и бывали какія въ арміи злоупотребленія, изъ гвардіи же и изъ корпусовъ по особымъ Высочайшимъ конфирмаціямъ, или Указамъ, прежде помянутаго 12 лѣтняго срока, отставки дворянъ отъ службы, то сіе не можетъ относиться къ общему положенію.

Объясня такимъ образомъ существенное содержаніе правъ дворянства и правилъ Военной Коллегіи, смѣю вопросить: гдѣ же докладъ поколебалъ коренные законы, когда они въ немъ всѣ собраны и ознаменованы числами? Оставалось ихъ только прочесть и лучше проникнуть, а не увлекаться неосновательными толками и подавать мнѣнія. Почему и чѣмъ дворянство опечалено? Подтвержденіемъ того, что оно нѣсколько лѣтъ столь ревностно исполняло. По чему удаляться оно будетъ отъ службы, при напоминовеніи столь давно извѣстныхъ ему обязанностей, когда, принимаясь нынѣ прямо унтеръ-офицерами, по 3-й статьѣ доклада, весьма противъ прежняго облегчено? Словомъ, таковымъ неправильнымъ о дворянствѣ заключеніемъ не можетъ оно не оскорбиться. Сколько примѣровъ въ прошедшихъ царствованіяхъ было, что дворяне съ лона роскоши, изъ среды великолѣпія Двора, изъ страстнѣйшихъ объятій любви, при единомъ звукѣ оружія, летѣли на поприще славы! Никогда имъ въ мысль не приходило ни выгодное супружество, ни разстройки ихъ состоянія; но они, изъ единой ревности своей, всѣмъ жертвовали общему благу, пользамъ любезнаго своего отечества, презирая самую жизнь свою, стяжали вѣнцы преславныхъ побѣдъ. Сколько предъ Россійскими силами народовъ покорилось! Сколько царствъ упало! Развѣ нынѣшними иноплеменными развратами и не соотвѣтственными нашимъ законамъ внушеніями бывъ развлечены, дворяне охладѣютъ въ своей привязанности къ отечеству и престолу? Но нѣтъ, я сему повѣрить не могу! Кому былъ учителемъ Петръ Великій, преходившій самъ всѣ нижнія степени службы и всѣ трудности оной переносившій и показавшій примѣры терпѣнія, мужества и повиновенія, то тѣ ли воины, тѣ ли Россійскіе дворяне, которымъ воля Монарха есть собственная ихъ воля, обольстятся гласомъ мечтательной, буйной вольности, бывшей единственною причиною погибели многихъ царствъ? Нѣтъ, я сего не думаю, и смѣю поручиться въ томъ за благородное дворянство.

А если бы, по перемѣнившимся нравамъ и умягченному воспитанію, паче же по просвѣщенію нынѣшняго дворянства, нужно было сдѣлать какое облегченіе ему въ службѣ и сократить срокъ въ оной, то бы оно мало оказало своей преданности благотворительному своему Монарху, ежели бы не предало себя въ

полной мѣрѣ отеческому его о себѣ попеченію и съ терпѣніемъ не ожидало новыхъ постановленій, ему еще болѣе благотворительныхъ.

Доказавъ такимъ образомъ неправильное заключеніе Графа Потоцкаго о утѣсненіи яко бы Россійскихъ дворянъ, не могу здѣсь не припомнить, что законы наши не позволяютъ въ актахъ, въ Правительство взносимыхъ, никого возбуждать, не употреблять ничего посторонняго, ничего не нужнаго, особливо колкостей и оскорбительныхъ выраженій на лице, кромѣ настоящаго дѣла; то по всему тому прошу Правительствующій Сенатъ войти во всѣ обстоятельства сего дѣла и во всѣ отдаленные виды онаго, по соображеніи коихъ и самый посредственный разумъ не можетъ предвидѣть выгодныхъ слѣдствій, и учинить единодушное положеніе.

Наконецъ, по долгу званія моего, заключаю тѣмъ: при гласѣ законовъ, при Самодержавномъ правленіи, до толикой степени славы и благоденствія возвысившимъ Россію, всякое противомысліе должно умолкнуть; ибо власть Сената ограничивается властію Императорскаго Величества. *

6 Февраля, 1803 г.

Сообщ. Д. Чл. **А. Аѳанасьевъ.**

---

* Другое опроверженіе мнѣнія Графа Потоцкаго см. въ «Чтеніяхъ» 1858 г., кн. 3, отд. V, стр. 128—132.

РАПОРТЪ И ПИСЬМА

КЪ

ДѢЙСТВИТЕЛ. ТАЙНОМУ СОВѢТН., СЕНАТОРУ И ГЛАВНОМУ ДИРЕКТОРУ ПАВЛОВСКОЙ БОЛЬНИЦЫ,

А. М. ЛУНИНУ,

ТОЙ ЖЕ БОЛЬНИЦЫ СМОТРИТЕЛЯ, К. С. ПАВЛА НОСКОВА,

во время пребыванія Французовъ въ Москвѣ.

Его Высокопревосходительству,

Господину Дѣйствительному Тайному Совѣтнику, Сенатору, Павловской больницы Главному Директору и разныхъ орденовъ Кавалеру, Александру Михайловичу Лунину,

Той же больницы Коллежскаго Совѣтника Носкова

Рапортъ.

Къ первому Сентября больныхъ состояло 55, но сего числа и втораго по утру въ домы, ихъ господами взятыхъ, было 32 человѣка, а за тѣмъ 13 мужчинъ и 10 женщинъ, въ числѣ 23, остались при занятіи непріятелемъ Москвы въ больницѣ, при коей всѣ принадлежащіе чины находились, кромѣ Священника, выпросившагося у меня послѣдними днями проводить въ деревню свою жену и, по скорому вступленію непріятеля, чаятельно, по опасности, возвратиться въ городъ не успѣвшаго, да двухъ фельдшеровъ, старшаго Бабкова и младшаго Быкова, самовольно отлучившихся и понынѣ еще не прибывшихъ.

Втораго Сентября, въ пять часовъ по полудни, непріятель изъ Польскихъ войскъ, въ авангардѣ находившихся, расположился въ предмѣстіи города, не далѣе двухъ сотъ шаговъ отъ больницы, и окончаніе того дня было спокойно; но въ ночи, во второмъ часу, пришли въ больницу три Польскіе офицера и 15 рядовыхъ съ большими восковыми церковными свѣчами и, проходя оную съ дежурнымъ фельдшеромъ, Морозовымъ, спрашивали: «гдѣ живетъ Аптекарь?» къ которому тотъ ихъ проводилъ. Они, разбудя его, требовали, чтобъ ихъ накормилъ и далъ имъ винъ и пива. Когда все сіе для нихъ приготовлялось, солдаты начали повсюду бѣгать и что находили укладывать въ мѣшки, ими принесеные; но какъ Аптекарь сказалъ отомъ офицерамъ, то сіи, приглася съ собою ихъ вмѣстѣ пить, отъ наглости поудержали и, пробывши до полутора часа, пошли обратно въ лагерь.

Третьяго числа по утру, въ 11-ть часовъ, отрядъ Польскихъ войскъ, изъ двухъ сотъ человѣкъ и потомъ болѣе умножившійся, стремительно вбѣжалъ на дворъ больницы и, ворвавшись въ домы служащихъ, началъ уносить вещи, ломать мебель, а другіе у кладовыхъ, сараевъ и магазиновъ сбивать замки; всѣ съѣстные казенные и у служащихъ бывшіе въ домахъ припасы, вещи, лошади, экипажи, упряжь, дворовый скотъ и птица были забраны, при чемъ и я остался въ одномъ только платьѣ, которое на мнѣ было. Ни увѣщанія, ни угрозы, что будетъ принесена ихъ начальству жалоба, не могли удержать неистовства сихъ грабителей: они при малѣйшемъ упорствѣ обнажали сабли и грозили изрубить всякаго. Неизвѣстность, у кого сіи войска состояли въ командѣ, а болѣе повсюду скитавшіеся по улицамъ солдаты, обиравшіе съ каждаго платье и обувь, угрожали опасностію искать ихъ начальника. Предвидимое отъ буйства сего народа всему расхищеніе заставило презрѣть угрожавшее бѣдствіе, а узнавъ наконецъ отъ ихъ офицера, что Генералъ Фишеръ, ими командующій, не въ дальнемъ живетъ отъ больницы разстояніи, пошелъ я съ Докторомъ просить его о защищеніи, который, по неотступной просьбѣ нашей, и далъ охранительное письмо, а потомъ одного рядоваго въ обезпеченіе; но сіе дѣлало весьма слабое пособіе, ибо часовой, имѣя притонъ свой при больницѣ, въ прочихъ мѣстахъ не могъ воспрепятствовать многолюдству, грабительст-

вомъ тогда занимавшемуся, да и войска, ежедневно перемѣнявшіяся, состояли подъ начальствомъ другихъ Генераловъ, а пользуясь позволеніемъ расхищать все, ими найденное, не имѣли къ таковымъ запрещеніямъ и уваженія. По счастію, пріѣхавшій 4-го числа Герцога Данцигскаго, Маршала Лефевра, Адъютантъ Бойе, съ обозомъ, при которомъ былъ изъ гвардейскихъ гренадеръ караулъ, занялъ для ночлега Маршала въ больницѣ комнаты, но Маршалъ, не остановясь, проѣхалъ прямо въ Петровскій дворецъ, а восемь Адъютантовъ ночевали въ томъ покоѣ. Ночь сія, при защитѣ квартировавшихъ и караула, могла бы дать нѣсколько отдыха, но при сильномъ вѣтрѣ, пламенемъ объятая Москва и приближавшійся по вѣтру огонь наполнялъ всѣхъ ужасомъ, чтобъ и сіе заведеніе не было жертвою пожара. Всѣ служащіе провели ночь, какъ и протедшія, въ большой осторожности и страхѣ. Спасавшіеся отъ пожара люди бродили по улицамъ и прятались по садамъ, гдѣ послѣднее отъ оныхъ платье и кусокъ хлѣба, служившій для одного дня пропитаніемъ, извергами были отбираемы. Многія семейства прибѣгали ко мнѣ съ малыми дѣтьми просить въ несчастномъ жребія ихъ убѣжища, въ чемъ я и не могъ отказать; да и возможно ли въ бѣдственномъ таковомъ положеніи не дать помощи погибающимъ? Они никогда не забудутъ сего священнаго пристанища, и проливъ слезы, возблагодарятъ Богу и премилосердной Матери, ихъ сохранившей.

5-го числа, когда Адъютанты Маршала Лефевра намѣрены были переѣхать въ Петровскій дворецъ, просилъ я о защитѣ сего заведенія, на что они отозвались, что мнѣ непремѣнно должно явиться къ самому Маршалу, и если намѣренъ сіе сдѣлать, вмѣстѣ съ ними туда могу отправиться; но въ самое время выѣзду обоза со двора вбѣжало изъ Поляковъ шесть человѣкъ въ хлѣбенную, изъ коихъ одинъ съ ножемъ кинулся на ключника, а другой, имѣвшій въ рукавахъ десять патроновъ съ порохомъ, началъ было зажигать строеніе; на шумъ, отъ того во всемъ домѣ происшедшій, взялъ я одного изъ гренадеровъ, который, догнавъ сего зажигателя, однимъ ударомъ опрокинулъ его на землю, отобралъ бывшіе при немъ патроны и, связавъ руки назадъ, повелъ съ обозомъ въ лагерь, куда я съ Докторомъ пошли вмѣстѣ. По прибытіи въ Петровское, въ квартиру Маршала Лефевра,

сказано намъ было чрезъ его Адъютанта, чтобъ мы именемъ его явились къ Оберъ-Гофмаршалу, Дюроку, имѣвшему жительство въ Петровскомъ дворцѣ, до котораго гвардейскимъ гренадеромъ и были провожаемы и дожидались его до 11-ти часовъ вечера. Наконецъ онъ, вышедши, спросилъ, кто мы и чего хотимъ, а на просьбу, чтобъ дать намъ для больницы защиту, презрительно отвѣчалъ, что до него сіе не принадлежитъ, приказавъ намъ немедленно выйти, а часовымъ подтвердилъ болѣе насъ къ нему не допускать, послѣ чего и должны были одни черезъ весь лагерь, безъ провожатаго, дойти до квартиры Маршала Лефевра. Онъ принялъ насъ благосклоннѣе и, по выслушаніи представленія о предохраненіи больницы, приказалъ Адъютанту, чтобъ при немъ же написалъ отъ него письмо къ Маршалу Мортье, Дюку Тревизскому, и когда тотъ занялся писать, онъ, оборотясь ко мнѣ, говорилъ, что онъ удивляется, что при всѣхъ стараніяхъ его и наказываніи зажигателей города разстрѣливаніемъ, не можетъ онъ пресѣчь продолжать далѣе сіи пагубныя дѣйствія, упомянувъ при томъ, что приведенный при обозѣ его Полякъ, въ зажиганіи больницы пойманный, по приказанію его завтра же разстрѣлянъ будетъ; потомъ, подписавъ письмо, отдалъ и пошелъ отъ насъ. Мы, опасаясь ночью возвратиться въ городъ, ночевали при обозѣ его на полѣ, и по утру на другой день пошли къ Маршалу Мортье, котораго въ городѣ еще не было, а возвратясь въ больницу, нашли его Адъютанта Пиньятелли: онъ, принявъ письмо, взялся доставить самъ къ Маршалу, и оставилъ изъ бывшаго гвардейскаго караула капрала и семь рядовыхъ, безсмѣнно цѣлый мѣсяцъ находившихся.

Съ 8-го Сентября больница начала замѣщаться ранеными Французскими офицерами, числомъ 23, сперва положенными, а потомъ и 71 человѣкомъ рядовыхъ; сіи послѣдніе находились не болѣе недѣли; ибо, по осмотрѣ пріѣхавшаго главнаго по Медицинской части Барона Ларре, а послѣ Генералъ-Интенданта, Графа Дюмаса, всѣ солдаты были перевезены въ Университетъ для пользованія, какъ и Россійскіе больные приготовлены были къ переводу въ Екатерининскую гошпиталь, но по представленію моему и просьбѣ къ военному Коммиссару, остались на мѣстѣ. Назначеніе пріема впредь послѣдовало однихъ только офицеровъ, коихъ

въ продолженіи недѣли и помѣщено до 120 человѣкъ, въ числѣ которыхъ положенъ былъ и раненый въ правую ногу контузіей, попавшійся къ нимъ въ плѣнъ, первой артиллерійской бригады, роты Полковника Глухова, Поручикъ Гречъ, въ сей больницѣ по вывезеніи Французскихъ больныхъ 22 го прошедшаго мѣсяца отъ послѣдовавшей гнилой горячки умершій. Изъ всѣхъ въ пользованіи бывшихъ Французовъ, съ 8-го Сентября по 10 Октября, умершихъ было одинъ офицеръ и двое рядовыхъ; отправленіе же прочимъ изъ гошпиталя по Смоленской дорогѣ въ Польшу начато первой половины 2-го Октября, а послѣдней при выступленіи Французскаго гарнизона, 10 числа по утру; изъ нихъ остался въ гошпиталѣ одинъ больной, Бранденбургской уроженецъ, Лѣкарь Бартманнъ. Пища на больныхъ выдавалась по назначенію военныхъ коммиссаровъ изъ передовыхъ частей самой худой говядины по фунту и хлѣба, изъ ржаной муки просѣяннаго, столько жь вѣсомъ. Огородной овощъ для варенія супа, какъ то: картофель, рѣпа и морковь, собирался служащими въ больницѣ рабочими людьми по сосѣднимъ огородамъ; питье оныхъ состояло изъ одного декокта, а съ 23 Сентября до выходу ихъ отпускалось на каждаго по полубутылкѣ виноградного вина. Неудовольствія больныхъ полученіемъ худаго содержанія, къ начальству ихъ доходившія, всегда принимаемы были безъ вниманія и съ одинаковымъ отвѣтомъ, что лучшаго имѣть не возможно и имъ должно быть симъ довольными. Россійскіе больные имѣли супъ изъ картофеля съ снятками и по два фунта ржанаго хлѣба, нами имъ удѣляемаго. Съ 12 жь Октября мѣсяца порція начала производиться по прежнему изъ покупной вольными цѣнами провизіи, которая, по выступленіи непріятеля, для жителей съ того числа изъ ближайшихъ деревень, а потомъ изъ городовъ, въ продажу привозится; медикаментовъ въ остаткѣ, за большимъ оныхъ употребленіемъ, можетъ служить на 50 человѣкъ до Генваря мѣсяца съ малымъ прибавленіемъ. Недостатокъ дровъ, излишнею топкою покоевъ употребленныхъ и въ разныя мѣста по бивакамъ растасканныхъ, можетъ дополненъ быть, по наступившему зимнему времени, нужнымъ оныхъ заготовленіемъ, а съѣстные припасы поставщиками до Генваря условленными цѣнами доставляться имѣютъ.

За бывшими при больницѣ Французскими Медицинскими чинами и Аптекарями, Докторъ, Аптекарь и Надзирательница были упо-

треблены по ихъ должностямъ безотлучно, и еще сверхъ того находился Directeur surveillant, записывавшій входящихъ и выздоравливающихъ больныхъ. Внутренность же управленія домомъ, довольствованіемъ пищею и употребленіемъ при больницѣ служителей, предоставлено было мнѣ. Нечистота, безпорядокъ и своевольство, больнымъ офицерамъ позволенныя, заставили переносить много безпокойства; при чемъ нужно было скрыть терпимое нами состояніе, дабы предохранить благодѣтельное сіе заведеніе отъ угрожавшей ему опасности; ибо до выхода гарнизона 10 Октября сами Французы насъ предваряли, что все, оставшее въ городѣ, предастся истребленію, но по поспѣшному ихъ выступленію, а болѣе милосердіемъ Всевышняго, отъ онаго спасено.

Больничной каменной корпусъ, церковь съ утварью, въ которой ни одного Француза за порогомъ нога не была, и денежная сумма, находятся въ сохранности; но больничное деревянное строеніе, дома, сараи и прочее, гдѣ множество людей располагались постоемъ, во многомъ повреждены и заборы стоявшими солдатами на раскладываніе огней разломаны. Также посудѣ, бѣлью и другимъ вещамъ, увезеннымъ съ больными непріятелемъ, представляю у сего Вѣдомость.

Третьягонадесять Октября приглашеннымъ изъ Данилова монастыря Священникомъ совершена литургія и принесено было съ колѣнопреклоненіемъ благодареніе Богу, спасшему сей домъ и избавившему насъ отъ врага, погибелью всему угрожавшаго.

Прилежное исправленіе должностей Доктора, Аптекаря и Надзирательницы, имѣвшихъ крайнее по дому наблюденіе и порядокъ и сохранившихъ оной отъ многихъ опасностей, я истинною обязанностью поставляю и беру смѣлость покорнѣйше просить Вашего Высокопревосходительства принять ихъ въ высокое покровительство и милостивое вниманіе.

По начавшемуся нынѣ ходу почты, по Павловской больницѣ о приходѣ и расходѣ за Августъ, Сентябрь и Октябрь три Вѣдомости, для полученія изъ Московскаго Воспитательнаго Дома на содержаніе больницы слѣдующихъ съ вѣчнаго капитала 833 рублей 33$^1/_4$ коп. процентовъ, отношеніе въ Опекунской Совѣтъ, и съ послѣдовавшихъ въ отсутствіе Вашего Высокопревосходитель-

ства ко мнѣ двухъ Высочайшихъ повелѣній копіи, при семъ подношу. Испрашивая повелѣнія, когда штатное Казначейство въ Москву не возвратится и денегъ въ отпускъ на Сентябрскую треть отъ онаго принадлежащихъ до шести тысячъ больница имѣть не будетъ, то въ заготовленіи дровъ и въ уплатѣ третной поставщикамъ послѣдуетъ остановка, въ каковомъ случаѣ не соизволите ли приказать заимствоваться отъ Его Превосходительства, Ивана Акинфіевича Тутолмина, на счетъ имѣющейся въ Сохранной казнѣ экономической больничной суммы, въ разрѣшеніе чего и прошу покорнѣйше Вашего Высокопревосходительства предписанія.

Смотритель Павелъ Носковъ.

№ 32-й.
Ноября 13 дня, 1812 г.
Москва.

ВѢДОМОСТЬ

ПРОПАВШИМЪ И ЗАБРАННЫМЪ ИЗЪ ПАВЛОВСКОЙ БОЛЬНИЦЫ, ВО ВРЕМЯ ПОЛЬЗОВАНІЯ ФРАНЦУЗСКИХЪ ОФИЦЕРОВЪ И СОЛДАТЪ, ТЮФЯКАМЪ, БѢЛЬЮ И ПРОЧЕМУ, КАКЪ И УТРАЧЕННОЙ ПРИ ГРАБЕЖѢ ПЕРВЫМИ ДНЯМИ ОЛОВЯННОЙ И МѢДНОЙ ПОСУДѢ.

Ноября 13 дня, 1812 года.

При перевозкѣ изъ больницы солдатъ въ учрежденную при Университетѣ госпиталь оными взятыхъ, по повелѣнію начальства.

Рубахъ	65	—
Косынокъ	21	—
Платковъ носовыхъ	14	—
Халатовъ затрапезныхъ	12	—
Плотенецъ	45	—
Туфель	40	паръ

При вывозѣ офицеровъ больныхъ, къ отправленію въ Польшу назначенныхъ, подъ оныхъ на повозки взятыхъ:

Тюфяковъ верхнихъ тиковыхъ	53	—
Простынь	53	—
Подушекъ { большихъ	30	—
Подушекъ { малыхъ	20	—
На оныя наволокъ	50	—
Бумажныхъ одѣялъ	31	—
Одѣялъ { стеганыхъ набойчатыхъ зимнихъ	15	—
Одѣялъ { лѣтнихъ	5	—
Полотенецъ отъ рукомойниковъ	8	—

Для перевязыванія ранъ на ветошки и корпію, требованнаго Французскими медицинскими чинами бѣлья и выданнаго изъ ветхаго:

Женскихъ рубахъ	58	—
Простынь	10	—

УНЕСЕННОЙ ВЪ РАЗНОЕ ВРЕМЯ ПОСУДЫ.

Оловянной:

Декоктныхъ кувшиновъ	2	—
Кружекъ	3	—
Стакановъ	19	—
Тарелокъ	21	—
Ложекъ	29	—
Блюдъ	3	—
Урыльниковъ	3	—
Суповыхъ чашекъ съ крышками	12	—
Суповыхъ чашекъ безъ крышекъ	8	—

Мѣдной посуды:

Кострюль	2	—
Ведро	1	—
Четверть ведра	1	—
Шандаловъ	7	—

———

ПИСЬМА.

1.

Милостивый Государь,

Александръ Михайловичъ!

Съ открывшимся чрезъ почту въ Петербургъ сообщеніемъ, по содержанію всепокорнѣйшаго моего къ Вашему Высокопревосходительству отношенія, представилъ я 31-го Октября, къ Его Превосходительству Григорію Ивановичу Вилламову, мое донесеніе, къ чему могу присовокупить только, что больница единымъ Провидѣніемъ Божіимъ спасена, какъ и находившіеся въ оной насильственной и голодной смерти избавлены. Нужно было быть здѣсь, чтобъ чувствовать всю силу жестокости, вообще надъ всѣми производимую, и вообразить себѣ признаваемый другими просвѣщеннымъ народомъ, одному неистовому грабительству, насильству и корыстолюбію предавшійся, безъ закона и совѣсти, могли ли имѣть какое либо къ угнѣтеннымъ ими жителямъ сожалѣніе? Они, въ продолженіи шестинедѣльнаго здѣсь пребыванія, выискивали и усугубляли мученія; ни возрастъ, ни полъ ими пощажены не были; присоедините къ тому еще, со дня вступленія ихъ въ городъ, начавшіеся пожары, которые день ото дня, при сильныхъ вѣтрахъ, увеличивались, и на третій уже день Москва представлялась вся огнемъ объятою. Въ продолженіи двухъ недѣль невозможно было различить дня съ ночью, выключая, что послѣдняя заревомъ и видимымъ болѣе пламенемъ ужаснѣе казалась. Изъ пятнадцати тысячъ домовъ осталось три тысячи, но и послѣдніе до одного разграблены; рѣдкій Божій

храмъ остался въ цѣлости отъ пожара, но утварь похищена, образа и иконостасы расколоты, а другіе находились и подъ конюшнями. Не можно чувствовать почти никому собственной потери, взглянувъ на общее несчастіе; хотя я и лишился въ маломъ моемъ имуществѣ всего, но съ признательностію въ сердцѣ благодарю Всевышняго, что для семьи моей живъ еще остался; ибо въ продолженіи всего времени, кромѣ чтобъ оная сохранена была, и въ мысль ничего не приходило. Благодаренъ Г. Доктору Даму, который во всѣхъ опасныхъ случаяхъ былъ со мною всегда вмѣстѣ и способствовалъ своимъ радѣніемъ спасти сіе благотворительное заведеніе.

Домъ Князь Алексѣя Борисовича (Куракина) не сгорѣлъ, но отъ взрыву въ Кремлѣ подкоповъ всѣ рамы въ окнахъ повреждены и стекла повыбиты; остававшіяся въ домѣ вина и нѣкоторыя вещи разграблены, а другія переломаны; изъ перевезенныхъ же мною въ Воспитательный Домъ, въ кладовую, нѣсколько изъ мѣдной посуды Французами увезено, а прочее находится въ сбереженіи. Всѣ бывшіе въ домѣ вашемъ люди, иные до вступленія въ Москву Французовъ, а другіе въ бытность ихъ здѣсь еще, по претерпѣніи крайнихъ нуждъ и недостатку въ пропитаніи, просились у меня по деревнямъ и отпущены въ Коломенскую и Рязанскую; но Дмитрій Сергѣевъ находился все время сіе здѣсь, которому я и приказалъ разбросанное и поломанное прибрать; онъ особенною своею приверженностію къ дому вашему почесться можетъ добрымъ и честнымъ человѣкомъ; ибо при всемъ, своемъ болѣзненномъ состояніи, крайне заботливъ и рачителенъ.

Въ стѣсненномъ моемъ положеніи и недостаткѣ въ кормѣ, птицъ, порученныхъ мнѣ, не могъ я сберечь, и изъ сожалѣнія къ онымъ, дабы общіе изверги не сдѣлали и имъ какого вреда, выпустилъ на волю.

При больницѣ служащіе вели себя благопристойно, кромѣ двухъ Канцеляристовъ, Фефилова и Невѣжина, ежедневно въ пьянствѣ находившихся, и Фельдшеровъ, старшаго Бабкова, и младшаго Быкова, ни малѣйшаго повиновенія по своей части не имѣвшихъ и послѣ совсѣмъ отъ больницы отлучившихся. Гнусная невоздержность первыхъ и нетерпимые другихъ по службѣ поступки,

побуждаютъ меня безпокоить Вашего Высокопревосходительства къ поправленію ихъ употребить строгія мѣры и позволить, какъ людей ни малаго по своимъ должностямъ не имѣющихъ вниманія и худымъ поведеніемъ разстроивающихъ порядокъ, по увольненіи ихъ, замѣстить людьми, могущими заниматься опредѣленнымъ имъ дѣломъ.

Въ полномъ усердіи желая, чтобъ Богъ сохранилъ здоровье и спокойствіе Вашего Высокопревосходительства, я, съ чувствами глубочайшаго высокопочитанія и совершеннѣйшей преданности, имѣю называться,

Милостивый Государь,
Вашего Высокопревосходительства
всенокорнѣйшій и приверженнѣйшій слуга,

Павелъ Носковъ.

Москва.
Отъ 13-го Ноября,
1812 года.

2.

Милостивый Государь,

Александръ Михайловичъ!

Отъ 13-го сего мѣсяца имѣлъ я честь Вашему Высокопревосходительству доносить чрезъ почту о всемъ, по Павловской больницѣ происшедшемъ, и по содержанію сего отношенія, 17-го нынѣшняго мѣсяца, удостоился я получить отъ Его Превосходительства, Григорія Ивановича Вилламова, изъ Петербурга, Высочайшимъ повелѣніемъ изъявленное благоволеніе, въ подносимой здѣсь копіи значущееся. Въ разсужденіи же починокъ въ домахъ служащихъ, сараяхъ, анбарахъ и заборахъ находящихся, препоручено Архитектору Жирарди во всѣхъ заведеніяхъ сдѣлать опись и представить Государынѣ Императрицѣ, который, чаятельно, на сихъ дняхъ въ Петербургъ съ требуемыми объясненіями и отправится.

Иванъ Акинфіевичъ отъ прошедшаго безпокойства и трудовъ занемогъ и пятой день не встаетъ съ постели. Докторъ Дамъ съ недѣлю также захворалъ и находится въ сомнительномъ положеніи; исправляющій нынѣ должность по больницѣ одинъ Штабъ-лѣкарь Васьяновъ, ибо другой два мѣсяца по болѣзни своей не выходитъ изъ дому. Зима еще здѣсь не установилась, и сырая погода продолжается: по нечистотѣ въ городѣ опасно весьма, чтобъ жестокія сіи болѣзни не умножились.

О деньгахъ, оставленныхъ для содержанія Вашего Высокопревосходительства людей, включаю здѣсь расходъ, чтобъ не пересылать имѣющихся у меня 143 рублей 50 копѣекъ, какъ и слѣдующаго Штабъ-лѣкарю Охерналю за Сентябрскую треть жалованья; не благоугодно ли будетъ удержать изъ отпускаемыхъ Опекунскимъ Совѣтомъ съ вѣчнаго капитала процентныхъ 833 рублей 33 $1/_{4}$ копѣекъ?

Всѣ, бывшія въ домѣ князя Куракина, Вашему Высокопревосходительству принадлежащія, вещи перевезены въ Воспитательный Домъ, а двѣ кареты, внутри коихъ сукно ободрано, и телѣга получены мною подъ сохраненіе.

Жизнь веду я въ одиночествѣ, ибо семья моя, отправленная въ Ярославскую деревню, не возвратилась, и скоро по болѣзни жены моей и худому пути видѣть ихъ не надѣюсь, да и извѣстія, по неустановленію еще почтъ, рѣдкія имѣю.

Беру смѣлость поручить себя въ милостивое Вашего Высокопревосходительства покровительство; при усердіи полнаго здоровья и спокойствія, съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ и совершеннѣйшею преданностію по конецъ дней моихъ буду называться,

Милостивый Государь,

Вашего Высокопревосходительства

всепокорнѣйшимъ и приверженнѣйшимъ слугою,

Павелъ Носковъ.

Ноября 22 дня,
1812 года.
Москва.

3

Ваше Высокопревосходительство,

Милостивый Государь,

Александръ Михайловичъ!

Не могу изъяснить Вашему Высокопревосходительству тѣхъ чувствъ благодарности, коими я, за милостивѣйшее соболѣзнованіе и вниманіе къ прошедшей моей участи, въ почтеннѣйшемъ письмѣ отъ 24 Ноября Вами, Милостивый Государь, изображенныя, остаюсь обязаннымъ Я благодарю Бога, что крѣпость силъ моихъ меня еще не оставила, но нѣсколько времени начинаю и я чувствовать отъ перенесеннаго безпокойства въ моемъ здоровьѣ перемѣну; можетъ быть, продолжавшаяся здѣсь сырая погода, нечистота въ городѣ, суть послѣдствія болѣзней, которыя начинаютъ показываться гнилыми горячками и коими, большею частію, люди въ больницу поступаютъ. Докторъ помаленьку оправляется, но по слабости скоро выходить еще не можетъ. Штабъ-лѣкарь же Язвинъ находится въ одномъ положеніи. Я всячески стараюсь очищать больницу и сдѣлать легкія поправки въ домахъ служащихъ, дабы сколько ни будь въ зимнее время къ житью приспособить, ибо рамы въ окнахъ выломаны, зимнія окончины сожжены, и стеколъ въ лѣтнихъ много перебито. Рабочихъ здѣсь недостаточно, и тѣ, по нуждѣ въ нихъ всякому, отвлекаются, такъ что въ двѣ недѣли едва ли котораго пригласить можно; притомъ же, отъ погорѣнія заготовленнаго здѣсь лѣсу и другихъ матеріяловъ, цѣны, кромѣ рабочими требуемой, на все вздорожали. Сколько ни имѣю заботы о заготовленіи дровъ, не могу сыскать охотниковъ ставить оныя; ибо вощиковъ, которые были всегда изъ Можайской округи, по разоренію въ томъ краю поселянъ, нынѣ не отыскивается, да и въ окружности Москвы рѣдкіе крестьяне сберегли у себя лошадей.

На сихъ дняхъ прибылъ изъ Петербурга Почетный Опекунъ Алексѣй Ульяновичъ Болотниковъ, и по Высочайшему повелѣнію Государыни Императрицы требовалъ меня къ себѣ для разныхъ о состояніи больницы вопросовъ, 30-го же Ноября

посѣщалъ оную самъ, приказывая, чтобъ стараться воздухъ очищать кислотворными средствами. Александръ Петровичъ Нечаевъ тѣ жь имѣлъ препорученія; онъ собирается ѣхать въ Петербургъ, и Архитекторъ Жирарди, 1-го сего мѣсяца у меня бывшій, дѣлалъ опись всему поврежденному строенію и заборамъ, съ каковою, какъ и о другихъ заведеніяхъ, въ концѣ недѣли сей отправится туда же.

О домѣ Князя Алексѣя Борисовича Куракина, который нанимали уже подъ Англійскій Клубъ въ годъ за пять тысячъ рублей, слышалъ я отъ управителя, что Князь, имѣя намѣреніе быть самъ въ Москвѣ, кромѣ желающихъ жить помѣсячно, въ годы отдавать въ наемъ не приказывалъ, почему съ сей стороны Ваше Высокопревосходительство и извольте быть спокойны. Подробнѣйшее донесеніе объ оставленныхъ здѣсь вещахъ, отправившіеся 22-го Ноября въ Казань люди Вашего Высокопревосходительства. Дмитрій Сергѣевъ, Яковъ Еремѣевъ и Александръ Розберковъ, могутъ представить имѣющимися у нихъ вѣдомостьми, куда что подъ сохраненіе отдано.

Вдова Штабъ-лѣкарша Охерналь, получающая изъ собственной казны, Всемилостивѣйше Ея Величествомъ ей пожалуемой по 200 рублей пансіонъ, находясь нынѣ, по лишенію ея непріятелемъ послѣдняго имущества, въ крайнемъ положеніи, просила меня, чтобъ ходатайствовать объ ономъ, какъ единомъ средствѣ, остающемся къ ея пропитанію, и я, узнавъ нынѣ отъ тещи Ильи Богдановича Охерналя, въ Москву 29 Ноября пріѣхавшей, что оной къ Вашему Высокопревосходительству доставленъ, осмѣливаюсь о присылкѣ ей онаго безпокоить покорнѣйшею просьбою.

Изъ служащихъ здѣсь чиновниковъ женъ и дѣтей ни у кого не оставалось, кромѣ Аптекаря Крона жены, двухъ сестеръ ея и Штабъ-лѣкаря Жамбеля племянницы, дѣвицы Сиваніусъ, которымъ ни какого оскорбленія въ бытность непріятеля не послѣдовало.

Семейство мое 24-го Ноября изъ Углицкой моей деревни возвратилось, коимъ я теперь весьма и обрадованъ.

Отъ 31 Августа, изъ Рязани, почтеннѣйшаго письма Вашего Высокопревосходительства я прежде не получалъ, но нынѣ вру-

чено мнѣ оное пріѣхавшимъ изъ Казани Г-мъ Оливье, чрезъ котораго и всѣ сіи бумаги получить изволите.

Благорасположеніе и покровительство во всѣхъ случаяхъ и послѣдне сдѣланное милостивое отношеніе побуждаютъ чувствовать въ полной мѣрѣ благодѣяніе ко мнѣ Вашего Высокопревосходительства, и я, въ признательности души моей, сохраню по конецъ дней моихъ совершеннѣйшую благодарность и глубочайшее высокопочитаніе, съ коими и беру смѣлость называться,

Милостивый Государь,

Вашего Высокопревосходительства

всепокорнѣйшій и преданнѣйшій слуга,

Павелъ Носковъ.

Москва.
Декабря 4 дня,
1812 года.

МНѢНІЕ
АДМИРАЛА МОРДВИНОВА
О
КОЛЛЕГІЯЛЬНОМЪ И МИНИСТЕРСКОМЪ УПРАВЛЕНІИ ВЪ РОССІИ,

ОТПРАВЛЕННОЕ ПРИ ПИСЬМѢ

КЪ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ

1827 года, Іюня 1-го дня.

Россія, со времени образованія ея Петромъ Великимъ, около столѣтія, управляема была Коллегіями.

Но когда предѣлы сего Царства получили обширнѣйшее пространство, и когда народъ Россійскій вошелъ въ новыя нужды и достигъ той степени просвѣщенія, при которыхъ Коллегіяльное управленіе признано было останавливающимъ дальнѣйшіе успѣхи его усовершенствованій, необходимо нужныя, какъ для общаго благосостоянія, такъ и для частныхъ соотношеній и пользъ, то блаженной памяти Императоръ Александръ I й, изъ отеческаго желанія поставить Царство свое на высшую степень благоденствія, уничтожилъ Коллегіи и учредилъ Министерства, дозволивъ имъ отступать отъ законовъ, но только отвѣчать за послѣдствія. Съ тѣхъ поръ въ правленіи Россіи не всегда слѣдовали законамъ, а большею частію оно стало производиться по Министерскимъ мнѣніямъ, кои Государь Императоръ утверждаетъ, и мнѣнія часто замѣняли законы.

Сколько ни уважительна была для таковой перемѣны причина, и сколь, по видимому, ни полезнымъ казалось учрежденіе

Министерствъ, но уничтоженіе власти, исполняющей свято законы, и замѣщеніе оной другою, ни чѣмъ не ограниченною и свободною, по умозаключеніямъ своимъ дѣйствующею, могло содѣлать управленіе Россіи нетвердымъ, часто измѣняемымъ, часто произвольнымъ, всегда зависящимъ отъ умственныхъ способностей и душевныхъ качествъ правителей. Но Сюлліи, Кольберты и Питты рѣдко являются, а по тому не всегда можно одному лицу, безъ нѣкоего опасенія, предоставлять право отклоняться отъ законовъ и измѣнять оные.

Отъ ослабленія же силы законовъ и постояннаго ихъ дѣйствія послѣдовали въ Государственномъ благоустройствѣ многія неудобства.

Сіи неудобства еще болѣе начали возникать, когда Министры успѣли отклонить отъ себя возложенную на нихъ учрежденіемъ, по личнымъ ихъ въ управленіи дѣяніямъ, отвѣтственность. Она единая могла воздержать самовластіе, остеречь въ предпріятіяхъ, остановить самонадѣянность, оградить права личныя и до собственности относящіяся подвластныхъ имъ людей, и увеличить ихъ заботливость и доставленіе каждому и всѣмъ вообще высшей степени благосостоянія.

Но Министры, дабы выйти изъ таковой отвѣтственности, которая могла быть для нихъ тягостною, открыли легчайшій къ тому способъ въ самомъ учрежденіи Комитета Министровъ. Они приняли правиломъ вносить въ оный на утвержденіе всѣ дѣла, до управленія ихъ касающіяся, сперва по важнѣйшимъ предметамъ, а наконецъ всѣ безъ изъятія и самыя мелочныя, дабы никогда и ни за что не отвѣчать, какія бы послѣдствія отъ ихъ предположеній и представленій ни оказались; ибо каждое ихъ дѣйствіе, будучи разрѣшено общимъ сословіемъ прочихъ Министровъ и утверждено Высочайшею властію, до нихъ лично коснуться не можетъ.

Сему самому начали слѣдовать и всѣ подчиненныя имъ лица и мѣста, такимъ образомъ, что ни одинъ чиновникъ и ни какое Присутственное Мѣсто, не могутъ быть законно преслѣдуемы.

Директоры же, правители главныхъ частей Государственнаго состава, содѣлались безмолвными исполнителями воли Министровъ

и равно безотвѣтными по ихъ управленію. Они хотя долженствовали бы быть присными совѣтниками начальниковъ своихъ, но осмѣлиться на сіе не могутъ, будучи во всегдашнемъ опасеніи встрѣтить противное ихъ мнѣнію и чтобы откровенностію своею не огорчить того, коему совершенно предана судьба ихъ, а съ оною и личное ихъ благосостояніе.

Въ такомъ положеніи Правительства, не токмо не могъ ускориться ходъ дѣлъ, но каждое дѣйствіе встрѣтило новое препинаніе, и предполагаемая поспѣшность въ исполненіяхъ замѣнилась сочиненіемъ бумагъ. Они размножились повсемѣстно до безконечности, и дѣло, которое могло бы, при твердомъ соблюденіи положительныхъ законовъ, разрѣшиться Капитанъ-Исправникомъ, или Городничимъ, проходитъ по разнымъ высшимъ инстанціямъ, и оставляется безъ исполненія продолжительное время; а когда получается разрѣшеніе, то нерѣдко бываетъ, что оно не согласно съ случаемъ и неудобоисполнительно по мѣстнымъ обстоятельствамъ.

Сколь ни велики, съ учрежденія Министерскаго управленія, оказывались разстройства по разнымъ Государственнымъ частямъ, правосудіе найболѣе потерпѣло, и сему причиною бывало то, что измѣнился коренной судебный порядокъ, и въ Комитетъ Министровъ начали входить дѣла тяжебныя. кои, по свойству своему, должны необходимо подлежать разсмотрѣнію и разрѣшенію однихъ судебныхъ мѣстъ. Комитетъ Министровъ, составляя власть исполнительную, не можетъ ни какихъ тяжбъ разсматривать съ подробностію, заниматься судебнымъ долголѣтнимъ производствомъ, отдѣлять побочныя обстоятельства отъ самаго существа дѣла и безошибочно, въ сложной и часто хитро затѣянной тяжбѣ, увидѣть правду и, сообразно съ оною и приличными законами, основать мнѣніе свое.

Всегда и вездѣ признаваемо было за непреложную истину, что раздѣленіе властей составляетъ совершенство Правительствъ: законодательная, судебная и исполнительная власти должны въ упражненіяхъ и дѣяніяхъ своихъ быть раздѣлены. Одна не должна входить въ предѣлы обязанностей другой Степень и точность раздѣленія сихъ трехъ главныхъ Государственныхъ властей опредѣляютъ достоинство Правительствъ. Изъ нихъ благоустроеннѣй-

шимъ можетъ почесться то, гдѣ лица и мѣста, въ предметахъ ихъ должностей и занятій, не имѣютъ ни какого между собою смѣшенія.

Между Европейскими Державами почитается худшимъ правленіе Турецкое, по тому что тамъ не судья судитъ, но Паша. Онъ рѣшаетъ дѣла тяжебныя о собственности и казнитъ виновныхъ, не по приговору судебному, коего основаніемъ суть законы, но по собственному своему произволу.

Таковое нераздѣленіе властей въ Турецкомъ Правительствѣ содѣлало то, что на поляхъ древней Греціи исчезло изобиліе урожаевъ и померкла красота земли. Въ великолѣпныхъ ея городахъ не осталось и слѣдовъ прежнихъ художествъ и наукъ, повсемѣстно же водворились дикость, уныніе и нищета. Нынѣ въ Аѳинахъ живутъ пастухи, и гдѣ поучали Платоны и Сократы, тамъ кружатся съ крикомъ Дервиши и бѣснуются юродивые умомъ, коихъ почитаютъ святыми. Столь пагубно есть смѣшеніе властей, предпоставленныхъ для созиданія общественнаго и частнаго благоденствія и для удержанія въ здравіи и силѣ Царствъ земныхъ.

Но дабы согласить пользы, могущія проистекать отъ умозрѣнія правителей, одаренныхъ превосходными способностями и движимыхъ рвеніемъ къ благу отечественному (что было въ виду при учрежденіи Министерства), съ единообразнымъ и твердымъ исполненіемъ законовъ, доколѣ они верховною властію не измѣнятся, или не уничтожатся, то не безполезно было бы оставить Министерское Управленіе съ возстановленіемъ Коллегій на слѣдующемъ основаніи:

Коллегіи управляютъ по существующимъ законамъ.

Министръ представляетъ Государю Императору доклады отъ Коллегіи, излагая при оныхъ свое мнѣніе, когда находитъ что ни будь, или полезнымъ къ отмѣнѣ, или потребнымъ къ усовершенствованію.

Всѣ дѣла приводятся въ исполненіе Указами отъ Коллегіи.

Рѣшенія Коллегіи сообщаются Министру прежде исполненія оныхъ.

Министръ присутствуетъ въ Коллегіи, когда усматриваетъ въ томъ надобность.

Журналовъ онъ не подписываетъ, но предоставляетъ оныя исполнять, когда соглашается съ рѣшеніемъ Коллегіи.

Противъ статей, по коимъ Министръ могъ бы быть не согласенъ съ рѣшеніемъ Коллегіи, отмѣчаетъ, дабы дѣла по онымъ передоложены были, когда онъ будетъ въ засѣданіи Коллегіи.

Въ Китаѣ, по каждой части Государственнаго управленія, находится два Министра: одинъ дѣйствующій, а другой умствующій. Изъ нихъ первый занимается текущими дѣлами, а другой— обозрѣніями, для удержанія въ благосостояніи ввѣренной ему части, и заботится объ усовершенствованіи оной.

Императрица Екатерина II, кажется, имѣла подобную мысль, при учрежденіи Попечителя или Директора при каждой Коллегіи.

На Графа Васильева возложена была таковая обязанность при Медицинской Коллегіи.

Для легчайшаго разрѣшенія вопроса о превосходствѣ между Коллегіальнымъ и Министерскимъ управленіями можетъ послужить руководствомъ мнѣніе Петра Великаго, означенное въ Духовномъ Государя сего Регламентѣ.

Въ ономъ мудрый Монархъ провозглашаетъ за лучшее и превосходнѣйшее с о б о р н о е п р а в л е н і е, доказывая слѣдующими разсужденіями:

«Да не возмнитъ же кто, что сіе управленіе неугодно есть и лучше бы единому лицу правити. Предлагаются здѣ важныя вины, которыя показуютъ, что сіе правленіе соборное совершеннѣйшее есть и лучшее, нежели единоличное правительство, наипаче же въ Государствѣ Монархическомъ, яковое есть наше Россійское.

1. Во первыхъ бо извѣстнѣе взыскуется истина соборнымъ сословіемъ, нежели единымъ лицомъ. Древнее пословіе есть Греческое: Другіе помыслы мудрѣйшіе суть паче первыхъ; то кольми паче помыслы многіе, о единомъ дѣлѣ разсуждающіе, мудрѣйшіе будутъ паче единаго. Случается, что въ нѣкоей трудности

усмотритъ тое человѣкъ простый, чего не усмотритъ книжный и остроумный. Въ соборномъ правительствѣ, гдѣ предложенную нужду разбираютъ умы многіе, что единъ не постигнетъ, то постигнетъ другій, а чего не увидитъ сей, то онъ увидитъ Се тако вещь сумнительная и извѣстнѣе и скорѣе объяснится, и каковаго требуетъ опредѣленія, не трудно покажется.

2. А яко извѣстнѣе въ познаніи, тако и сила въ опредѣленіи дѣла большая здѣ есть; понеже вящше ко увѣренію и повиновенію преклоняетъ приговоръ соборный, нежели единоличный Указъ.

3. Еще же и се важное есть, что въ единоличномъ правленіи часто бываетъ дѣлъ продолженіе и остановка, за случающимися правителю необходимыми нуждами и за недугомъ и болѣзнію. А когда въ живыхъ не станетъ его, то паче пресѣцаются дѣла. Инако въ правленіи соборномъ: не присутствующу единому, еще бы и первѣйшему лицу, дѣйствуютъ другія, и дѣло идетъ непресѣкомымъ теченіемъ.

4. Но се наипаче полезно, что въ Коллегіумѣ таковомъ не обрѣтается мѣста пристрастію, коварству, лихоимному суду. Како бо могутъ сложитися въ заступленіи винной, или во осужденіи невинной, стороны, гдѣ аще и будетъ единъ отъ нихъ къ лицу судимому пристрастенъ, или яростенъ, обаче другій и третій и прочіе отъ гнѣва и пристрастія того свободны. Како же и мзда одолѣти можетъ, гдѣ не по власти, но по правильнымъ и важнымъ причинамъ дѣло вершится и единъ другаго (аще благословной мнѣнія своего вины не покажетъ) зазорится, да не познанъ будетъ въ мздопріимствѣ своемъ. Се же наипаче, егда Коллегіумъ состоится въ таковыхъ лицахъ, которымъ отнюдь невозможно тайно всѣмъ согласитися, сіе есть, аще будутъ лица разнаго чина и званія.

5. И се тому жъ подобно, что Коллегіумъ свободнѣйшій духъ въ себѣ имѣетъ къ правосудію, не тако бо, яко же едино личный правитель, гнѣва сильныхъ боится; понеже и причины пріискивать на многихъ, а еще разностатейныхъ, особъ, не тако удобно есть, яко на единого человѣка.

6. Наконецъ въ таковомъ правительствѣ соборномъ будетъ аки нѣкая школа правленія; ибо отъ сообщенія многихъ различныхъ сужденій, и совѣтовъ и доводовъ правильныхъ, яковыхъ частныя дѣла требуютъ, всякъ отъ сосѣдателей удобно можетъ научиться и повседневнымъ искуствомъ навыкнути, какъ бы лучше управить возмогъ.»

Такъ мыслилъ и убѣждалъ Петръ Первый. Онъ изложилъ въ Уставѣ семъ не единую самодержавную волю свою, но укрѣпилъ оную пользою Государства, проистекающею отъ превосходства совѣщательнаго сужденія. За таковыми изреченіями мудростію прославившагося Царя и устроителя Россіи, ничего уже сильнѣе къ разрѣшенію предлагаемаго предмета сказать не возможно.

Но какъ прошло уже болѣе столѣтія отъ образованія чиноначалій въ Россіи, и многія дѣйствительно послѣдовали перемѣны въ степени просвѣщенія и нуждахъ Россійскаго народа, то, при таковомъ уже состояніи, ближайшимъ было бы средствомъ, для благоденствія его, соединить вмѣстѣ оба рода правленія: одно, которое бы исполняло въ точности законы, а другое, которое бы, при усмотрѣніи въ оныхъ недостатка, заботилось о потребномъ ихъ дополненіи и усовершенствованіи.

СОВРЕМЕННЫЙ ГОЛОСЪ РУССКАГО.

(Въ 1848 году).

Со временъ историческихъ возмущенія и перевороты разнаго рода возникали безпрерывно тутъ и тамъ, въ различныхъ точкахъ населеннаго людьми материка, но, какъ явленія частныя, основанныя на мѣстныхъ причинахъ, они представляли болѣе или менѣе ограниченный кругъ дѣйствія и мѣстное, а при томъ и преходящее, вліяніе.

Событія, до которыхъ внезапно и неожиданно дожило наше поколѣніе, и коихъ за нѣсколько дней до совершенія ихъ не могъ предугадать ни одинъ изъ самыхъ мудрыхъ и опытныхъ умовъ человѣческихъ, представляютъ въ этомъ отношеніи нѣчто вовсе исключительное: общность переворотовъ сихъ должна поразить и поставить въ недоумѣніе всякаго. Въ глазахъ нашихъ совершился переломъ, какому не было подобнаго въ историческія времена: въ двѣ, или три, недѣли вся Европа перевернута была вверхъ дномъ; и чѣмъ бы все это ни разрѣшилось, повторяемъ, никогда еще историческій міръ не былъ свидѣтелемъ подобныхъ событій.

Въ переворотахъ этѣхъ поражаетъ насъ: 1) общность и повсемѣстность ихъ; 2) неизъяснимое и небывалое единодушіе народовъ, а въ слѣдствіе того 3) внезапность и сокрушительная сила движеній; 4) отсутствіе всякой личности, которая повсюду теряется въ общности стремленій.

Смиряясь предъ непостижимостію Промысла на счетъ будущности, пытливый умъ человѣка стремится, однако же, невольно къ разгадкѣ настоящаго, обращаясь къ прошедшему. Архимедовъ

рычагъ, покачнувшій нынѣ міръ на оси его, явнымъ образомъ покоится на двойственной точкѣ опоры: одна, это требованія духа человѣческаго, другая—нужды плотскія; народъ въ обширномъ смыслѣ, т. е., всѣ сословія, хотятъ простора и свободы духа; а собственно народъ, чернь, хочетъ хлѣба.

Обратимся же теперь сами на себя, или къ себѣ. Что именно произвели перевороты этѣ въ Россіи? Чѣмъ они сказались въ ней, или какъ отразились? Чего ей ожидать и что остается дѣлать теперь по чувству самохраненія?

Рычагъ, который встряхнулъ остальной міръ, не могъ и не можетъ теперь покачнуть Россіи, по тому что у насъ нѣтъ для него той опорной точки, которой требовалъ Архимедъ и которая въ наше время нашлась для всѣхъ почти земель, кромѣ нашего отечества. Общество, которое чувствуетъ истинную потребность въ свободѣ духовной, у насъ очень не велико, а бездомныхъ бобылей, которые живутъ, какъ говорится, изъ кулака въ ротъ, у насъ нѣтъ, или сравнительно съ прочимъ населеніемъ число ихъ ничтожно. Изъ этого слѣдуетъ неоспоримо, что намъ вовсе не угрожаетъ то, что уже свершилось надъ другими; по крайней мѣрѣ, не угрожаетъ на основаніи тѣхъ причинъ, которыя произвели перевороты этѣ въ другихъ мѣстахъ. Между тѣмъ, однако же, отрицать нельзя, чтобы событія, о коихъ мы говоримъ, не произвели у насъ какого-то тревожнаго волненія умовъ, которое невольно сказывается тутъ и тамъ неопредѣлительнымъ безпокойствомъ и какими-то темными опасеніями. Какая жъ тому причина, и что это доказываетъ?

Скажемъ напередъ всего, что умственное волненіе и безпокойство это у насъ вышли не изъ среды народа, ни даже изъ большинства населенія: они только на немъ отразились, или, вѣрнѣе сказать, возбуждены въ немъ случайными и весьма неумѣстными обстоятельствами, чуждыми нашего быта. Высшее сословіе наше, которое, и въ добромъ и худомъ смыслѣ, почти уравняло себя, скороспѣлкой, съ высшими сословіями остальной Европы, это сословіе мало и худо знаетъ Россію, ея положеніе, силы, болѣзни, нужды, причуды и потребности; это сословіе, какой бы ни былъ, впрочемъ, политическій образъ мыслей его, невольно

смотрить на все съ своей, т. е., чуждой намъ, не родной, точки зрѣнія; а какъ это же сословіе занимаетъ и всѣ правительственныя мѣста и должности, то образъ мыслей его неминуемо долженъ былъ отразиться на дѣйствія сего послѣдняго, а отъ него уже перейти на самый народъ.

Итакъ тревожное состояніе это у насъ, наоборотъ, чѣмъ у прочихъ народовъ, появляется напередъ въ высшемъ сословіи: тамъ раждаются толки, предположенія, опасенія и мнимыя мѣры, къ сожалѣнію, весьма рѣдко согласныя съ истиннымъ положеніемъ дѣла; оттуда распространяется волненіе на низшія сословія и отражается опять обратно вверхъ, и при томъ обыкновенно уже въ искаженномъ видѣ.

Такое искуственное возбужденіе неудовольствія и безпокойства, однако же, не менѣе того не можетъ остаться безъ послѣдствій. Если броженіе однажды привито, то оставить и подавить его очень трудно: оно пріурочивается къ той стихіи, въ которой оказывается какая либо воспріимчивость; а гдѣ, при какомъ управленіи, при какомъ состояніи гражданскаго быта, нѣтъ подобныхъ стихій, когда удѣлъ всего человѣчества есть суетность и несовершенство, безпрерывное стремленіе къ недостигаемой, мечтательной цѣли?

Такъ, намъ не угрожаютъ тѣ сѣмена раздора, которыя принесли уже частію плоды свои въ остальной Европѣ, по тому что у насъ и зародышей къ сѣменамъ этѣмъ нѣтъ, и нѣтъ воспріимчивой для нихъ почвы; но у насъ есть свои занозы, явныя, несомнѣнныя язвы, о которыхъ, по непостижимому попущенію Промысла, молчатъ, будто ихъ нѣтъ, или на которыя смотрятъ съ непонятнымъ спокойствіемъ и равнодушіемъ. И это опять можно только объяснить однимъ невѣдѣніемъ, отчужденіемъ всего высшаго сословія отъ роднаго быта, ложнымъ взглядомъ на вещи, по такой мѣркѣ, которая на насъ не приходится.

Но ужасный примѣръ у всякаго передъ глазами: не изъ тучи громъ ударилъ, а при ясномъ небѣ, и внезапно, неожиданно для самыхъ дальновидныхъ и опытныхъ людей, совершился переворотъ, передъ коимъ цѣпенѣетъ мысль, коего послѣдствія для насъ нынѣ еще также непостижимы и неизвѣстны, какъ

было и самое событіе, до совершенія его. Мы напоминаемъ объ этомъ не въ видѣ какой ни будь наглой и безсмысленной угрозы, но какъ о спасительномъ примѣрѣ, коимъ могутъ воспользоваться тѣ счастливые народы, которымъ Провидѣніе дозволило быть не дѣйствующими лицами, а только зрителями настоящихъ событій.

На дняхъ пріѣзжій крестьянинъ Тверской Губерніи, мужикъ вовсе неглупый и спокойный, благовидной наружности, спросилъ: «А что, баринъ, правда ли, слышно Французъ опять бунтуетъ?»—«Правда».—«Такъ что же, идетъ онъ, что ли, на насъ, или бунтуетъ промежъ себя?»—«Покуда еще только промежъ себя; чай на насъ итти онъ не посмѣетъ.»—«Такъ что же, баринъ, по нашему разуму, и пусть бы себѣ дома обрыкался; не наше дѣло; намъ что до него?» Помолчавъ немного, крестьянинъ вздохнулъ и продолжалъ: «Однако, видно и у нихъ тоже не лучше нашего». —«Какъ такъ?»—«Да какъ же, не отъ добра же это самое дѣло дѣлается».. «Да на что же ты жалуешься, любезный? Что же у насъ худаго?»—«Обиды много, батюшка, жить нельзя; нигдѣ правды нѣтъ; до Бога высоко, до Царя далеко».

Да будетъ же намъ дозволено выговорить безоколичественно и прямо, чего Россіи должно страшиться, что ее угнетаетъ, и въ чемъ состоитъ обида эта, о которой крестьянинъ изъ глубины души вздыхаетъ:

1) Произволъ и неуваженіе къ закону людей сильныхъ, которые совѣсть свою замѣняютъ угодливостію, а попеченіе о благѣ общемъ наружнымъ блескомъ и лоскомъ своихъ дѣйствій. Каждый частный и, по видимому, незначительный случай вопіющаго произвола и несправедливости, разореніе какого ни будь подрядчика изъ крестьянъ, на котораго налагаютъ вовсе болѣе работъ противу условія, каждый подобный случай доводитъ до отчаянія и раздражаетъ сотни и тысячи народа.

2) Такъ называемое бюрократическое направленіе, то есть, правительственное бездѣйствіе, прикрытое бумажнымъ многодѣліемъ, мнимымъ порядкомъ и исправностію на бумагѣ. Мы въ этомъ отношеніи до того поражены бѣдственною слѣпотою, что считаемъ всякое дѣло конченнымъ, если оно написано, записано

и подписано; все, что носитъ гражданскій мундиръ, считаетъ призваніемъ и священнымъ долгомъ своимъ писать бумаги; о томъ, какъ идетъ дѣло, никто не заботится.

3) Общее разстройство полицейскихъ и судебныхъ управленій, по безполезному многописанію, по приверженности къ ничтожной формальности, при свободномъ нарушеніи существующихъ узаконеній, по продажности должностныхъ лицъ и совершенному недостатку довѣренности къ нимъ. Замѣтимъ здѣсь одно: благородные и благомыслящіе люди есть, хотя ихъ и не слишкомъ много, но имъ, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, въ полицейскихъ и судебныхъ мѣстахъ служить нельзя. Либо съ волками выть, либо съѣдену быть.

4) Возрастающія съ году на годъ земскія повинности, на примѣръ, удвоились въ теченіе послѣднихъ 15-ти лѣтъ, и изможженіе народнаго благосостоянія и нравственности винными откупами. Нынѣ и послѣднія 16-ть Губерній Западной и Южной Руси подпадаютъ этому же бичу и вскорѣ будутъ окончательно высосаны Жидами.

Если благое Правительство наше, не смущаясь пустыми возгласами людей или не знающихъ Россіи, или просто недобросовѣстныхъ, сохранитъ достойное спокойствіе и обратитъ все усиліе свое на искорененіе внутреннихъ злоупотребленій, на устройство Гражданскаго управленія, которое одно только въ нынѣшнее время можетъ обезпечить общественное спокойствіе; если обратитъ все вниманіе на дѣйствительныя нужды народа и облегчитъ участь его тамъ, гдѣ на дѣлѣ оказывается непосильное бремя, падающее на народъ, вовсе не по крайности и необходимости, а отъ одного только неустройства, то не можетъ быть въ томъ никакого сомнѣнія, что Россіи еще долго суждено стоять и процвѣтать, среди мірскихъ превратностей, и что судьба великаго Государства не будетъ въ зависимости отъ переворотовъ такого роду, которые вовсе ея не касаются, по тому что они чужды ея стихіямъ. Но язвы внутреннія настоятельно требуютъ пособія: это святая истина, которую подтвердитъ всякой вѣрный сынъ своего отечества.

ОБЪЯСНЕНІЕ.

I.

Въ Майской книжкѣ (№ 5-й) «Русскаго Вѣстника» текущаго года, въ обзорѣ «Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ,» за послѣдніе 3 года, составленномъ Г-мъ К. П., сказано, по поводу записки Очевидца: «О послѣднихъ событіяхъ въ Царствѣ Польскомъ,» напечатанной въ 1-й книгѣ на этотъ годъ, что «она писана, если не ошибаемся, по Французски и была первоначально напечатана за границей отдѣльною брошюрой» (стр. 406). Бывши недавно за границей (въ Іюнѣ — Сентябрѣ), я нарочно освѣдомлялся, гдѣ только могъ, у книгопродавцевъ Берлина, Лейпцига, Дрездена, Праги, Вѣны и др., не могутъ ли они доставить мнѣ этой брошюры, или же, по крайности, не знаютъ ли, гдѣ, кѣмъ и когда она выпущена и на какомъ языкѣ? Но отъ всѣхъ ихъ получалъ я въ отвѣтъ увѣреніе, что имъ это рѣшительно не извѣстно. Напрасно также обращался я за свѣдѣніями о ней и ко многимъ людямъ міра журнальнаго по ту сторону Русскаго рубежа. Да и изъ Русскихъ, кого ни спрашивалъ я о Французскомъ текстѣ этой записки, никто не въ состояніи былъ удовлетворить моему любопытству, возбужденному упомянутой замѣткой. И то сказать, быть не можетъ, чтобы брошюра эта не попала въ тотъ списокъ разныхъ сочиненіямъ о Россіи, большею частью запретнаго достоинства, напечатанныхъ за границей на Русскомъ и другихъ языкахъ, который изданъ и даромъ предлагается каждому извѣстнымъ Берлинскимъ книгопродавцемъ Беромъ (B. Behr), равно какъ и въ списокъ другаго Берлинскаго книгопродавца, Ашера, не уступающаго въ этомъ случаѣ въ радушіи послѣднему. Впрочемъ, симъ дѣлается вы-

зовъ: пусть скажетъ намъ, кто знаетъ, какъ это дѣло происходило. Безъ сомнѣнія, лучше всякаго могъ бы это разъяснить самъ сочинитель этой, чрезвычайно замѣчательной и въ высшей степени правдивой, записки о событіяхъ въ Царствѣ Польскомъ въ 1861 году: на какомъ языкѣ собственно писалъ онъ ее, по Французски ли, или по Русски, а также и то, была ли она, до появленія своего на страницахъ «Чтеній», гдѣ напечатана отдѣльно?

II.

Въ той же самой книжкѣ «Русскаго Вѣстника» и въ той же самой статьѣ, въ отвѣтъ на мой подстрочный вопросъ, кѣмъ писана «Записка о Керчи», помѣщенная въ 1-й книгѣ «Чтеній» за этотъ годъ, сказано еще: «Намъ кажется, что отвѣтъ на этотъ вопросъ самъ собою сказывается всякому, кто читалъ хотя начало Записокъ Ф. Ф. Вигеля, печатаемыхъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» настоящаго года. Нѣтъ сомнѣнія, что интересная Записка о Керчи писана тѣмъ же самимъ Вигелемъ, который именно въ 1827 году занималъ должность Керченскаго Градоначальника и проч.» (стр. 407). Конечно, отвѣтъ на этотъ вопросъ самъ собою сказывается всякому, кто читалъ хотя начало Записокъ Вигеля; но кто не читалъ, не легко было отгадать сочинителя Записки о Керчи. Дѣло въ томъ, что эта послѣдняя отпечатана, была еще до появленія Записокъ Филиппа Филипповича, начало коихъ, какъ извѣстно, показалось только въ 1-й книжкѣ «Русскаго Вѣстника» за этотъ годъ, вышедшей лишь въ концѣ Генваря. Я не считалъ нужнымъ перепечатывать моего подстрочнаго вопроса и послѣ того, какъ уяснилось мнѣ, чьему перу принадлежитъ эта Записка о Керчи, полагая, что онъ вызоветъ кого ни будь на обстоятельное разъясненіе его и, статься можетъ, познакомитъ насъ и съ другими статьями Вигеля, не извѣстными намъ по сю пору, по тому что подъ однѣми изъ нихъ не подписано его имени, подъ другими же стоятъ вымышленныя имена, которыя не всякому понятны. Въ этомъ я и не ошибся. На мой вопросъ откликнулся Н. В. Сушковъ, доставившій мнѣ 1-го Мая свой отвѣтъ, въ которомъ перечислены всѣ, извѣстныя ему, сочиненія Вигеля, что и помѣщено мною во 2-й книгѣ «Чтеній» сего года (Отд. V, стр. 231 — 232). Но и ему не все было извѣстно изъ написаннаго

Вигелемъ: въ томъ же самомъ Маѣ, въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» появилось объявленіе о «Trois mémoires à propos de la question polonaise in 1831, par le conseillier privé Philippe Viguel. Moscou 1864,» а въ Іюньской книжкѣ «Русскаго Вѣстника» Г. Щебальскій тиснулъ статью по поводу ихъ, озаглавивъ: «Вигель о Польскомъ вопросѣ» (стр 819 — 832). Вѣроятно, въ послѣдствіи откроется еще кое-что въ этомъ родѣ, такъ какъ Вигель принадлежалъ къ тому разряду людей, которыхъ за живое затрогивалъ всякій современный вопросъ, особливо если онъ касался, прямо, или косвенно, дорогой для него Россіи. Подъ вліяніемъ его онъ не имѣлъ покоя, и до тѣхъ поръ носился съ нимъ, пока не отдѣлывалъ его. И какъ еще отдѣлывалъ! По своему, по Вигелевски! Мнѣ самому не разъ приходилось выслушивать его сужденія о такихъ предметахъ и словесныя, и письменныя. Гдѣ-то теперь послѣднія? Быть не можетъ, чтобы они пропали безслѣдно; уже по тому одному это невѣроятно, что онъ охотно дѣлился ими, позволяя обязательно снимать съ нихъ копіи, а нѣкоторыхъ и самъ даже дарилъ оными.

III.

Въ томъ же «Русскомъ Вѣстникѣ», въ книжкѣ за Іюнь мѣсяцъ (№ 6-й), помѣщена статья Г. Ѳеоктистова: «Магницкій. Матеріялы для исторіи просвѣщенія въ Россіи,» которая продолжена и въ слѣдующихъ двухъ книжкахъ (Іюльской и Августовской). Приступая къ своему дѣлу, сочинитель говоритъ, что Магницкій теперь забытъ; «въ печати нельзя указать ни на одно произведеніе, гдѣ находилось бы сколько ни будь обстоятельное упоминаніе объ его дѣятельности.» Только въ сочиненіи Барона Корфа о Сперанскомъ сообщены нѣкоторыя подробности о томъ времени его службы, когда состоялъ онъ при этомъ государственномъ человѣкѣ.» Далѣе Н. А. Поповъ представилъ въ Русскомъ Вѣстникѣ, въ статьѣ: «Общество любителей отечественной словесности и періодическая литература въ Казани» (1859 г., томъ XXIII) «краткій очеркъ его управленія Казанскимъ Университетомъ.» «Если присоединить къ этому нѣсколько документовъ,» говоритъ г. Ѳеоктистовъ, обнародованныхъ въ «Русскомъ Архивѣ» (1864 г.), то вотъ, кажется, и все, что было писано о Магницкомъ» (стр. 464 — 465).

На «кажется» позволю себѣ напомнить Г. Өеоктистову слѣдующее: 1. Самъ же Г. Өеоктистовъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ своей статьи ссылается на «Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университѣ,» указывая «на Историческую Записку о дѣлѣ С.-Петербургскаго Университета» (1862 г., кн. 3, Отд. V, стр. 179 — 205), въ которой изображены дѣйствія Рунича, столь тѣсно связаннаго съ Магницкимъ. 2. Невѣрно, что только въ упомянутомъ имъ находятся кое-какія свѣдѣнія о личности Магницкаго, «заслуживающей, какъ онъ выражается, внимательнаго изученія и сама по себѣ, и по направленію, котораго онъ держался?» Уже а) «Московскій Телеграфъ» помѣстилъ «Рѣчь къ Императорскому Казанскому Университету, произнесенную Попечителемъ онаго, Магницкимъ, 15-го Сентября, 1825 года» (1826 г., № 6). б) Рѣчь эта была вновь напечатана въ «Чтеніяхъ,» по ея связи съ двумя другими актами, относящимися къ дѣятельности Магницкаго, именно: «Мнѣніемъ его о Наукѣ Естественнаго Права,» и «Отношеніемъ къ Митрополиту Новгородскому, С.-Петербургскому, Эстляндскому и Финляндскому, отъ 24-го Мая, 1824 года,» по поводу перевода Новаго Завѣта на Персидскій языкъ (см. «Чтенія» 1861 г., кн. 4, Отд. V, стр. 157 — 163). в) А «Доношеніе Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа, М. Л. Магницкаго, на издателя «Библіографическихъ Листовъ» Г. Минстру Народнаго Просвѣщенія, и Объясненія противъ Доношенія, представленныя П. И. Кеппеномъ,» которыя тоже напечатаны во 2-й книгѣ тѣхъ же «Чтеній» нынѣшняго года (Отд. V, 142 — 170)? Не уже ли и это ничего не значитъ для опредѣленія такой замѣчательной личности? А если значитъ, почему же Г. Өеоктистовъ не воспользовался имъ въ своей статьѣ, даже не упомянулъ о томъ, какъ о матеріялѣ, между тѣмъ какъ тѣ нѣсколько документовъ, которые обнародованы въ «Русскомъ Архивѣ» (1864 года), не пропущены? Вѣдь, и «Доношеніе съ Объясненіями» обнародованы въ одномъ и томъ же годѣ съ этѣми документами, даже въ той же самой Москвѣ. Сбираясь изучать какую либо личность, думаю, надобно изучать ее внимательно, особливо если она заслуживаетъ того «и сама по себѣ, и по направленію, котораго она держалась, направленію, явившемуся далеко не случайнымъ въ исторіи общества.» Не слѣдуетъ довольствоваться одними лишь документами, доставшимися намъ такъ,

22

или иначе, въ обладаніе, но перечесть и изучить также все то, что представлено до насъ и другими, особливо если это столь подручно, свѣжо, само напоминаетъ о себѣ своей недавностью. И это тѣмъ болѣе обязательно было, что, называя сообщаемыя свѣдѣнія только матеріяломъ для подробной біографіи, нельзя же пропускать и матеріялы, для того самаго сообщенные и другими. Иначе, можно ли надѣяться когда либо на полученіе подробной біографіи чьей бы то ни было? Али и тутъ уже приходъ?...

О. Бодянскій.

Октября 23-го дня,
1864 года.
Москва.

ПРОТОКОЛЪ ЗАСѢДАНІЯ.

ИМПЕРАТОРСКАГО

ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ,

1864 года, Марта 28-го дня.

1864 года, Марта 28 дня, Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ, подъ предсѣдательствомъ Его Превосходительства, Г. Вице-Президента, Димитрія Сергѣевича Левшина, и въ присутствіи Гг. Дѣйствительныхъ Членовъ: А. Ѳ. Вельтмана, С. М. Соловьева, В. М. Ундольскаго, П. В. Хавскаго, Графа М. В. Толстаго, П. А. Безсонова, Г. Д. Филимонова, Соревнователя Г. Н. Геннади, и Секретаря Общества, Д. Чл. О. М. Бодянскаго, имѣло обыкновенное засѣданіе, въ коемъ, по прочтеніи и подписаніи протокола послѣдняго засѣданія 14 Декабря, 1863 года, происходило слѣдующее.

Читаны были:

А. Отношенія.

1. Г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа, отъ 16-го Генваря, 1864 года, № 145, объ утвержденіи его, 7-го Генваря, Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія, въ званіи Вице-Президента Общества, на мѣсто выбывшаго Д. Члена, Н. В. Исакова въ С.-Петербургъ. Опредѣлено: принять къ свѣдѣнію.

2. Почетнаго Члена, Н. В. Исакова, отъ 28-го Декабря, 1863 г., пол. 3-го Генваря, 1864, письмо на имя Секретаря Общества, въ коемъ проситъ, въ ближайшемъ засѣданіи Общества, выра-

вить его искреннюю признательность за оказанную ему честь избраніемъ въ Почетные Члены. Определено: принять къ свѣдѣнію.

3. Правленія Московскаго Университета, отъ 17-го Марта, 1864 г., № 921, увѣдомленіе объ отпускѣ изъ Московскаго Уѣзднаго Казначейства на содержаніе Общества въ Генварской трети 476 руб. 16 к. Опредѣлено: принять къ свѣдѣнію.

4. Прокурора Московской Конторы Святѣйшаго Синода, отъ 24 Декабря, 1863 г., № 1453, пол. 31-го, увѣдомленіе о полученіи рукописи подъ № 856, возвращенной въ Синодальную Библіотеку изъ Общества. Опредѣлено: принять къ свѣдѣнію.

5. Карамзинской Общественной Библіотеки въ Симбирскѣ, отъ 2-го Генваря, № 6, пол. 20-го, 1864 г., благодарность Обществу за «Чтенія 1863» и, съ тѣмъ вмѣстѣ, просьба о продолженіи пожертвованія и въ текущемъ году. Опредѣлено: увѣдомить о согласіи.

6. П. Чл. Филарета, Митрополита Московскаго, отъ 24-го Марта, пол. 26-го, съ препровожденіемъ трехъ рукописей изъ Библіотеки Чудова Монастыря, Четь-Миней за Февраль, Апрѣль и Октябрь, одна на 706, другая на 613 и третья на 624 листахъ, на трехмѣсячный срокъ. Опредѣлено: принять къ свѣдѣнію.

Б. Предложенія.

7. Редакціи Христіянскаго Чтенія, отъ 31-го Генваря, 1864 г. № 797, объ обмѣнѣ его на «Чтенія» въ текущемъ году. Опредѣлено: увѣдомить о согласіи.

8. Редакціи Журнала Юстиціи, отъ 2 Марта, 1864 г., № 159, пол. 6 го, объ обмѣнѣ его на «Чтенія» въ текущемъ году. Опредѣлено: увѣдомить о согласіи.

В. Приношенія.

а. Матеріялами:

9. Іеромонаха Троицко-Сергіевой Лавры Арсенія, пол. 4-го Генваря, 1864 г.: «Роспись вещамъ, посланнымъ изъ ризницы Троицкаго Сергіева монастыря въ Москву, въ Грановитую Палату, въ 1654 году.»

10. Д. Чл. П. И. Иванова, 17-го Февраля: «Слѣдственное дѣло о Князѣ Дмитріѣ Михайловичѣ Пожарскомъ во время бытности его Воеводою во Псковѣ». Опредѣлено: означенныя въ §§ 9 и 10 статьи передать для разсмотрѣнія Гг. Членамъ, первую О. М. Бодянскому, вторую С. М. Соловьеву.

б. Статьями:

11. Кандидата Московскаго Университета, Геннадія Карпова, пол. Декабря 15, статья: «Очерки изъ исторіи Россійской Церковной Іерархіи: Св. Петръ, Св. Алексій Митрополиты, Церковная смута и Св. Іона Митрополитъ». Опредѣлено: передать Д. Чл. О. М. Бодянскому для разсмотрѣнія.

в. Книгами:

12. Казанскаго Университета, пол. 29-го Декабря: «Ученыя записки 1861 г., № IV, и 1862 № II.

13. Профессора Рязанской Семинаріи, Н. Θ. Глѣбова, 1-го Генваря, 1864 г., его сочиненіе: «Психологія. Рязань, 1863».

14. П. Чл. Филарета, Митрополита Московскаго и Коломенскаго, пол. 7-го Генваря: «Монастырскія письма. М. 1863 г.»

15. Соревнователя Саввы, Епископа Можайскаго, Викарія Московскаго, 9-го Февраля: «Указатель для обозрѣнія Московской Патріяршей Ризницы, изд. 4, съ приложеніемъ XV таблицъ фотолитографированныхъ снимковъ съ замѣчательнѣйшихъ предметовъ. М. 1863».

16. Старшаго Учителя Нѣжинской Гимназіи, Ам. Добротворскаго, отъ 8-го Февраля, пол. 20-го, особый оттискъ изъ Вѣстника Югозападной Россіи 1863 года: «Загоровскій монастырь, его библіотека и сохранившійся въ ней Западно-Русскій литературный памятникъ XVII столѣтія».

17. Помощника Директора Императорской Публичной Библіотеки, Князя Юсупова, отъ 12 Февраля, пол. 22-го, 1864 г., экземпляръ изданнаго на его иждивеніи «Систематическаго Каталога книгъ на Русскомъ языкѣ Императорской Публичной Библіотеки, по части Правовѣдѣнія, Политическихъ и Статистическихъ наукъ. С.-Петербургъ, 1863 г.»

18. Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, отъ 8-го Февраля, № 29, пол. 22-го: «Отчетъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, съ 14 Ноября 1862 по 14 Ноября 1863 года. Одесса 1863.»

19. Совѣта Лицея Князя Безбородка, отъ 10-го Февраля, № 42, пол. 26-го: «Годичный, торжественный актъ въ Лицеѣ Князя Безбородка и Нѣжинской Гимназіи 4-го Сентября, 1863 г. Кіевъ, 1863 г.»

20. Н. В. Сушкова, 7-го Марта: 1. «Воспоминанія о П. А. Тучковѣ, Московскомъ Военномъ Генералъ-Губернаторѣ. Соч. Н. В. Сушкова. М. 1864; 2. Слово при погребеніи П. А. Тучкова, произнесенное Свящ. А. Ключаревымъ. М. 1864». Оба особые оттиски изъ ежемѣсячнаго изданія «Душеполезнаго Чтенія» за Генварь.

21. Эстонскаго Ученаго Общества при Дерптскомъ Университетѣ, отъ 28 Февраля, пол. 10 Марта, 1864 г.: 1. Schriften, № 1, 1863 г., и 2. Sitzungsberichte, 1863. Dorpat».

22. Профессора Московскаго Университета, Н. С. Тихонравова, 24 Марта, 1864 г.: «Лѣтописи Русской Литературы и Древности. Томъ V. М. 1863 г.»

23. Профессора Московскаго Университета, К. П. Побѣдоносцева, 28 Марта: «Письма о путешествіи Государя Наслѣдника по Россіи отъ Петербурга до Крыма. М. 1864 г.»

24. Д. Чл. П. В. Хавскаго, отъ 28 Марта, 1864 г.: «Генеалогическія изслѣдованія о родѣ Романовыхъ. М. 1863 г.»

25. Д. Ч. Н. Г. Устрялова, отъ 19-го Марта, пол. 27-го: IV томъ «Исторіи царствованія Петра Великаго», въ 2-хъ частяхъ, съ планами, картами и снимками. Спб. 1863».

Опредѣлено: всѣ означенныя въ §§ 12—25 включительно книги и брошюры сдать въ Библіотеку Общества, а жертвователей благодарить. При семъ Г. Д. Чл. Н. Г. Устрялову повторить еще, что первыхъ трехъ томовъ его сочиненія Общество отъ него никогда не получало, хотя онъ и извѣщаетъ о томъ, что они были имъ посланы въ оное.

Въ концѣ засѣданія Г. Секретарь и Д. Чл. Общества, О. М. Бодянскій, представилъ только что отпечатанную первую книгу «Чтеній» 1864 года, состоящую изъ $43^3/_8$ листовъ. Содержаніе ея слѣдующее:

I. Изслѣдованія: Первобытное вѣрованіе и Буддизмъ. Д. Чл. А. Ѳ. Вельтмана.

II. Матеріялы Отечественные: О послѣднихъ событіяхъ въ Царствѣ Польскомъ. Очевидца.

III. Матеріялы Славянскіе: Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси. Собраніе, составленное Профессоромъ Русскаго языка и Словесности въ Львовскомъ Университетѣ, Я. Ѳ. Головацкимъ, и изданное съ предисловіемъ и разными объясненіями О. М. Бодянскимъ. Часть II. Обрядныя пѣсни: Колядки, Ладканя, Крестины и Щедровки.

IV. Матеріялы Иностранные: Критико-литературное обозрѣніе путешественниковъ по Россіи, соч. Ф. Аделунга, пер. съ Нѣмецкаго Д. Чл. А. С. Клеванова. Дополненія.

V. Смѣсь 1. Показаніе Князя Ивана Алексѣевича Долгорукаго, и мнѣніе о томъ Тайной Канцеляріи. 2. Дѣло объ Егорѣ Столѣтовѣ, Гофмейстерѣ Андріанѣ Елагинѣ, Поручикѣ Князѣ Михайлѣ Бѣлосельскомъ, Мундшенкѣ Сергѣѣ Несторовѣ и женѣ его, Марѳѣ, 1736 г. Сообщ. С. Н. Шубинскій. 3. Записка о Керчи. 4. Мнѣніе о правахъ и преимуществахъ Сената. Графа П. В. Завадовскаго. 5. Примѣчаніе о правахъ и преимуществахъ Сената. Графа А. Р. Воронцова. Сообщ. Д. Чл. А. Н. Аѳанасьевъ. 6. Паденіе Польши. М. А. Волкова. 7. Рѣчь къ Императору Наполеону отъ Депутатовъ Могилевской Губерніи, произнесенная въ 1812 году въ Смоленскѣ, на Французскомъ языкѣ, Обознымъ Литовскимъ Прозоромъ, обывателемъ Виленской Губерніи. 8. Князь Николай Андреевичъ Долгоруковъ и всеподданнѣйшій Отчетъ его по управленію ввѣренными ему Виленской и Гродненской Губерніями и Областію Бѣлостоцкою. Н. В. Сушкова. 9. Рѣчь Кн. Н. А. Долгорукова къ Дворянству Жмудскому. 10. Объявленіе отъ Кн. Н. А. Долгорукова по ввѣреннымъ ему Губерніямъ и Области. 11. Проектъ плана образованія однодворческихъ и гражданскихъ Обществъ. 12. Проектъ положенія рекрутской повинности Западныхъ Губерній однодворцевъ и гражданъ. Сообщ. Н. В. Сушковъ. 13. Рѣчь Государя Императора Николая I къ Варшавскимъ Депутатамъ 4-го Октября, 1835 г. 14. Письмо Московскаго Митрополита Платона къ Викарію своему, Преосвященному Августину, о Лобномъ мѣстѣ. Сообщ. Д. Чл. И. М. Снегиревъ. 15. Замѣчательный надгробный камень. Д. Чл. Графа М. В. Толстаго. 16. Каталогъ

рукописямъ и стариннымъ книгамъ церковной и гражданской печати Ржевскаго Почетнаго Гражданина Е. В. Берсенева. 17. Протоколъ Засѣданія Общества Исторіи и. Древностей Россійскихъ Октября 26, 1863 г.

Опредѣлено: 1 книжку «Чтеній» 1864 года раздать Гг. Членамъ присутствующимъ и разослать отсутствующимъ (роздана и разослана).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

II

МАТЕРІЯЛЫ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ.

III

МАТЕРІЯЛЫ СЛАВЯНСКІЕ.

IV

МАТЕРІЯЛЫ ИНОСТРАННЫЕ.

V

СМѢСЬ.

ИСТОРІЯ РОССІЙСКАЯ, В. Татищева, книга 5-я или часть 4-я. М. 1848 1 р. 50 к. сер., перес. за 4 ф.

ПОРТРЕТЪ Кіевскаго Митрополита **ЕВГЕНІЯ**, со снимкомъ почерка его ру М. 1854 г., Цѣна безъ пересылки 50 к.

ЧТЕНІЯ
ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ.

ГОДЪ 2-й:
изъ 9-ти книгъ, каждая — Цѣна 2 р. 50 к.
за всѣ, безъ пересылки 22 р. 50
а съ пересылкой . . . . 25 р. сер.
ГОДЪ 3-й, тоже изъ 9-ти книгъ, каждая по . . . 1 р. 50 к.
ГОДА 4-го кн. I. . . . . . 1 р. 50 к.
И того безъ пересылки . . . 37 р. 50
съ пересылкой. . . . . . . 44 р. с
ГОДЪ 1858-й, 1859-й, 1860, 1861, 1862 и 1863 по 4 книги въ годъ, безъ перес. каждый . . 5 р. с.
съ пересылкой. . . . . 6 —
За всѣ годы, безъ пересылки. 67 р. 50
съ пересылкой же. . . . . 80 р. се

ВРЕМЕННИКЪ
ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ

съ 1849 по 1858 г.

25 книгъ, каждая по 1 р. 50 к.
а за всѣ безъ пересылки. . . . 37 р. 50 к.
съ пересылкой. . 45 — —

На пересылку всякой книги «Чтеній» и «Временника» безъ различія за 4 фунта.

Изданія Императорскаго Общества исторіи и древностей Россійскихъ можно получать: 1) въ самомъ Обществѣ, у Актуарія Дмитрія Ивановича Штейнберга, на Моховой, въ зданіи Университета, и 2) у Коммиссіонера Общества, Ивана Васильевича Базунова, на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ Загряжскаго, противъ Университетской Типографіи.

Тамъ же можно получать:

СЛАВЯНСКІЯ ДРЕВНОСТИ, соч. П. І. Шафарика, перев. съ Чешскаго О. Бодянскаго, 2 тома въ 5 книгахъ. М. 1848, ц. 6. р. сер., перес. за 10 ф.

О ВРЕМЕНИ ПРОИСХОЖДЕНІЯ СЛАВЯНСКИХЪ ПИСЬМЕНЪ, соч. О. Бодянскаго. М. 1855, ц. 2 руб. серебр., съ перес. 3 р.

ИСТОРІЯ РУССОВЪ ИЛИ МАЛОЙ РОССІИ, соч. Преосвящен. Георгія Конисскаго. М. 1846 г., ц. 3 р. сер. безъ пересылки.

ГУСЪ И ЛЮТЕРЪ. Критическое изслѣдованіе Е. Новикова. М. 1859 г., два тома. Цѣна 4 р. сер.

ЗАПИСКИ НѢКОТОРЫХЪ ОБСТОЯТЕЛЬСТВЪ ЖИЗНИ И СЛУЖБЫ Д. Т. Сов. и Сенатора И. В. Лопухина, сочиненныя имъ самимъ. М. 1860, ц. 1 р. 50 к. сер.

О ПРОИСХОЖДЕНІИ И РОДИНѢ ГЛАГОЛИТИЗМА; соч. П. І. Шафарика; перев. съ Нѣмецкаго А. Шемякина. М. 1861, ц. 75 к. сер., съ перес. 1 р.

ПОХОДЫ ВИКИНГОВЪ, государственное устройство, нравы и обычаи древнихъ Скандинавовъ, соч. А. М. Стриннгольма, пер. съ Нѣмецкаго А. Н. Шемякина. 2 части. М. 1861, ц. 2 р. 50 к. сер., съ пересылкою 3 р.

ПУТЕШЕСТВІЯ Венеціянца Марка Поло въ XIII стол., напечатанныя въ первый разъ вполнѣ съ объясненіями на Нѣмецкомъ по лучшимъ изданіямъ и съ объясненіями Авг. Бюркомъ, а перев. А. Н. Шемякинымъ, М. 1863. ц. 1 р. 50 к. сер., съ перес. 2 р.

ЧТЕНІЯ

въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ и въ 1865-мъ году будутъ выходить, какъ повременное изданіе, четыре раза въ годъ, по одной книгѣ отъ 30 до 40 и болѣе печатныхъ листовъ, въ концѣ Марта, Іюня, Сентября и Декабря. Содержаніе каждой книги составляютъ: I. Изслѣдованія, II. Матеріалы: Отечественные, III. Славянскіе, IV. Иностранные, и V. Смѣсь.

Подписка годовая — пять рублей серебромъ въ Москвѣ, а съ пересылкой въ другія мѣста — шесть. Съ требованіями обращаться въ самое Общество, или къ Московскому книгопродавцу, Коммиссіонеру Общества, И. В. Базунову, на Страстномъ бульварѣ, противъ Университетской Типографіи.

ПРАВЛЕНІЕ ОБЩЕСТВА.

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ

Графъ Сергѣй Григорьевичъ Строгановъ,

въ С.-Петербургѣ.

ВИЦЕПРЕЗИДЕНТЪ.

Попечитель Университета, Дмитрій Сергѣевичъ Левшинъ,

на Пречистенкѣ, въ домѣ Кильдюшевскаго.

СЕКРЕТАРЬ.

Осипъ Максимовичъ Бодянскій,

у Никитскихъ воротъ, въ домѣ Мещериновой.

БИБЛІОТЕКАРЬ.

Вуколъ Михайловичъ Ундольскій,

За Каменнымъ мостомъ, по Набережной, въ д. Сорокина.

КАЗНАЧЕЙ.

Николай Никифоровичъ Бахвалевъ,

На Пречистенскомъ бульварѣ, въ д. Іерусалимскаго подворья.

АКТУАРІЙ.

Антипій Ивановичъ Штейнертъ.

на Моховой, въ зданіи Московскаго Университета.

ЧТЕНІЯ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ

ОБЩЕСТВѢ

ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ

ПРИ

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ПОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНІЕ.

1864.

ОКТЯБРЬ — ДЕКАБРЬ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

МОСКВА.

1864.

ИЗДАНІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ.

Цѣны на серебро.

ТРУДЫ И ЛѢТОПИСИ ОБЩЕСТВА исторіи и древностей Россійскихъ, 8 частей. М. 1815—1837 г. Цѣна за всѣ части, кромѣ 1-й, по 40 к. за каждую, на перес. за 2 ф.

РУССКІЯ ДОСТОПАМЯТНОСТИ. Часть 1-я. 1815 г., ц. 30 сер., перес. за 2 ф., Ч. 2-я Русская Правда. 1843 г., ц. 75 к., пер. за 2 ф.; Ч. 3-я Слово о Полку Игоревѣ. 1844 г., ц. 75 к., пер. за 2 ф.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЯ КРИТИЧЕСКІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ для Россійской исторіи, г. Эверса; пер. съ Нѣм. М. Погодина. М. 1826 г., ц. 75 к., перес. за 2 ф.

ДРЕВНОСТИ СѢВЕРНАГО БЕРЕГА ПОНТА, соч. П. Кеппена, переводъ съ Нѣм. Среднаго-Камашева. М. 1828 г., ц. 10 к., перес. за 2 ф.

ОБОЗРѢНІЕ КОРМЧЕЙ КНИГИ въ историческомъ видѣ, соч. Барона Розенкампфа. М. 1829 г., ц. 1 руб., перес. за 3 ф.

КОРСУНСКІЯ ВРАТА въ Новгородскомъ Софійскомъ Соборѣ, описаны и объяснены Ѳ. Аделунгомъ; пер. съ Нѣмецкаго П. Артемова; съ рисунками. М. 1834 г., ц. 1 р. 75 к., перес. за 3 ф.

СУПРАСЛЬСКАЯ РУКОПИСЬ, содержащая Новгородскую и Кіевскую сокращенныя лѣтописи, изд. Княземъ М. Оболенскимъ. М. 1836 г., ц. 1 р., перес. за 2 ф.

ПСКОВСКАЯ ЛѢТОПИСЬ, изд. М. Погодинымъ. М. 1837 г., ц. 1 р., перес. за 3 ф.

РУССКІЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ, изд. М. Погодинымъ. М. 1837—1846 г. 7 томовъ. Цѣна за каждый томъ по 1 р., перес. на 3 ф. за каждый.

ПОВѢСТВОВАНІЕ О РОССІИ, въ трехъ томахъ, соч. Н. С. Арцыбашева. М. 1838—1843 г. Цѣна за всѣ 10 р., перес. за 13 ф.

КНИГА ПОСОЛЬСКАЯ МЕТРИКИ ВЕЛИКАГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКАГО, содержащая въ себѣ дипломатическія сношенія Литвы въ государствованіе Королей Сигизмунда Августа и Стефана Баторія; два тома, изданные Кн. М. Оболенскимъ, И. Даниловичемъ, М. Погодинымъ и Д. Дубенскимъ. М. 1843 г., 2 р., перес. за 6 ф.

КРИТИКО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ временныхъ лѣтъ Червонной или **ГАЛИЦКОЙ РУСИ** до конца XV столѣтія, соч. Д. Зубрицкаго, пер. съ Польскаго О. Бодянскаго. М. 1845 г., ц. 1 р., пер. за 2 ф.

КНИГА, БОЛЬШОЙ ЧЕРТЕЖЪ, изд. по 8 стар. рукоп. и 2 печ. книг. Г. Спасскимъ. М. 1846 г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 3 ф.

О РУССКОМЪ ВОЙСКѢ въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича и послѣ его до Петра 1-го, изслѣд. И. Бѣляева. М. 1846 г., ц. 50 коп., перес. за 2 ф.

БИБЛІОТЕКА ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ, сост. П. М. Строевымъ; съ снимкомъ съ 1-го листа Правды Русской по пергам. сборнику конца XIV вѣка. М. 1845 г., ц. 1 р. 50 к., пер. за 2 ф.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ, ЗАМѢЧАНІЯ И ЛЕКЦІИ о Русской исторіи, М. Погодина, М. 1846 г.: томы: 1, 2 и 3-й, ц. 4 р., перес. за 6 ф.

ИСТОРІЯ О ДОНСКИХЪ КОЗАКАХЪ, соч. А. Ригельмана, съ 19 рисун. М. 1846 г., ц. 1 р. 60 к., пер. за 2.

ЛѢТОПИСНОЕ ПОВѢСТВОВАНІЕ О МАЛОЙ РОССІИ, соч. А. Ригельмана, съ 30 рисун. М. 1847 г., ц. 2 р., пер. за 4 ф.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1865 ГОДУ ЖУРНАЛА:

ЧТЕНІЯ

ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ

ОБЩЕСТВѢ ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ

ПРИ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ будуть издаваться и въ наступающемъ 1865 году, какъ повременное изданіе, четыре раза, въ концѣ Марта, Іюня, Сентября и Декабря, по книжкѣ отъ 30 до 40 и болѣе печатныхъ листовъ. Содержаніе каждой изъ нихъ составляютъ: I. Изслѣдованія, II. Матеріялы: Отечественные, III. Славянскіе, IV Иностранные, и V. Смѣсь.

ПОДПИСКА ГОДОВАЯ:

Пять рублей серебромъ въ Москвѣ, а съ пересылкою въ другія мѣста *шесть*.

Сь требованіями обращаться:

1. Въ самое Общество, или

2. Къ Коммиссіонеру Общества, Московскому книгопродавцу, Ивану Васильевичу Базунову, на Страстномъ бульварѣ, противъ Университетской Типографіи.

ЧТЕНІЯ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ

ОБЩЕСТВѢ

ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ

ПРИ

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ПОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНІЕ.

ОКТЯБРЬ—ДЕКАБРЬ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1864.

I

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

ЦЕРКОВНАЯ СМУТА.

Крайность вызываетъ крайность. Святители Алексѣй и его предшественники подняли авторитетъ Митрополита всея Руси до такой высоты, до какой только можетъ достигнуть авторитетъ Епископа Восточной Церкви; но, чтобы поддержать его, нужны и преемники, подобные предшественникамъ. Святитель Алексѣй желалъ, чтобы преемникомъ его, на Митрополичьемъ престолѣ, былъ преподобный Сергій, пользовавшійся всеобщимъ уваженіемъ и имѣвшій уже такое вліяніе на дѣла, къ которымъ его привлекали, что съ нимъ, можно было надѣяться, не только не падетъ сила Митрополичьяго престола, но еще пожалуй выше поднимется. Но преподобный Сергій былъ силенъ не тою силою, какая нужна Митрополиту. Святой при жизни, онъ былъ отецъ и наставникъ сѣвернаго монашества; въ этой сферѣ онъ составилъ себѣ положеніе, и изъ этого монашескаго круга имѣлъ вліяніе на дѣла мірскія, а на Митрополичьемъ престолѣ ему пришлось бы приняться за другую дѣятельность, къ которой нужно было долгое и другое приготовленіе, а не то, которое онъ получилъ. Преподобный Сергій отъ предложеній Митрополита Алексѣя и отъ просьбъ другихъ отказался. Кто нибудь другой долженъ былъ занять Митрополичій престолъ. Великій Князь хотѣлъ, чтобы этотъ кто-нибудь былъ ни кто иной, какъ умный его печатникъ — Митяй, отрекшійся отъ міра для той же цѣли. Но умный, краснорѣчивый печатникъ не выдержалъ той роли, которую приходилось ему играть. Привязанность Дмитрія Ивановича къ нему дала средства достигнуть высоты, — но на этой высотѣ нужно было держаться самому. Дѣятельность Митрополита по своей обширности и разнообразію не можетъ итти въ сравненіе съ дѣятельностію придворнаго. Митяй не былъ выдержанъ въ

такой школѣ, въ какой воспитался Святитель Алексѣй, а послѣдній прямо указалъ на это, т. е., что Митяю для такой дѣятельности, какую ему предназначаютъ, нужно поискуситься. Такъ говорилъ опытный человѣкъ, но его не послушалъ ни молодой Князь, ни его любимецъ — они хотѣли осуществить свою мысль.

12-го Февраля 1378 года скончался великій Святитель, заключивъ собою рядъ Русскихъ Митрополитовъ всея Руси отъ Кирилла, поставившихъ Русскую Церковь въ извѣстное положеніе; но со смертію послѣдняго изъ нихъ Русская Церковь какъ бы истощила свои силы и не могла выставить человѣка для занятія Митрополичьяго престола подобнаго имъ. Первымъ дѣломъ, въ Церкви, слѣдовавшимъ за смертію Алексѣя, было то, что Митяй, не будучи еще поставленъ въ Епископа, по совѣту Великаго Князя и бояръ, оставилъ Архимандрію и вошелъ на Митрополичій дворъ, присвоивъ себѣ всѣ принадлежности Митрополичьяго сана: возложилъ на себя бѣлый клобукъ, надѣлъ мантію съ источниками и скрижалями и крестъ съ парамондомъ, взялъ посохъ и печать, во время служенія сталъ садиться на Митрополичьемъ мѣстѣ (горнемъ). При этомъ, какъ видно, былъ пущенъ въ ходъ слухъ, что все это дѣлать благословилъ его покойный Митрополитъ.[1] Такимъ образомъ Митяй самъ себя произвелъ въ Митрополиты; Митрополичьи бояре стали ему служить, отроки предстоять, и куда бы онъ ни пошелъ, послѣдніе ему предшествовали. Началъ Митяй и дѣлами всѣми заправлять: суды судить, дани, оброки и пошлины Митрополичьи сбирать; возсталъ онъ на многихъ священниковъ и другихъ лицъ, началъ ихъ осуждать и наказывать, многихъ людей сталъ въ вериги желѣзныя сажать и смирять со властію. Все покуда кругомъ молчало. Епископы, Архимандриты, Игумны, иноки и священники воздыхали, молили Бога, чтобы не далъ Онъ достигнуть Митяю Митрополичьяго сана на ихъ погибель; но сказать что либо подобное боялись, между тѣмъ какъ Митяй смѣло приступалъ ко всякимъ дѣламъ, и звучно и грозно раздавался его чистый голосъ въ приказаніяхъ и угрозахъ.

---

[1] Прав. Соб. 1860 г. т. 2 стр. 94.

Такъ началъ поступать Митяй, опираясь на силу покровителя. Но были люди, которые могли поставить нѣкоторое препятствіе быстрому его ходу. Такимъ человѣкомъ являлся во первыхъ Митрополитъ Кипріанъ: онъ былъ поставленъ Митрополитомъ не къ однимъ Западно-Русскимъ Епархіямъ, предполагалось, что онъ долженъ быть преемникомъ Митрополита Алексѣя; но при жизни Алексѣя онъ получилъ въ Москвѣ рѣшительный и суровый отказъ самъ же онъ, отъ назначенія своего, не думалъ отказываться. Послѣ отказа онъ отправился въ Кіевъ, занялся устроеніемъ своей паствы, которая во время правленія Алексѣя Митрополіей, вслѣдствіе различныхъ отношеній послѣдняго къ Литвѣ, впала въ сильное запустѣніе: въ подобныхъ занятіяхъ Митрополитъ Кипріанъ ожидалъ своего времени. Существованіе Кипріана, какъ Митрополита, и при его надеждахъ, представляло значительное препятствіе для цѣлей Митяя, и вотъ онъ отыскиваетъ средствъ достигнуть своей цѣли другимъ путемъ, а не тѣмъ, какимъ достигали ее прежде занимавшіе Митрополичій престолъ. Митяй сначала намѣревался отправиться въ Константинополь для поставленія въ Митрополиты, но потомъ раздумалъ, нашедши средства обойтись и безъ этого. Во время частыхъ разговоровъ съ Великимъ Княземъ, Митяй замѣтилъ: «читалъ я въ правилахъ Святыхъ Отцевъ, и нашелъ тамъ, что дозволительно двумъ или тремъ, а тѣмъ болѣе пяти или шести собравшимся Епископамъ поставлять Епископа, а также и Первосвятителя; такъ теперь да прикажетъ твоя держава поспѣшно собраться Епископамъ Русской земли, находящейся подъ твоей властію, и они, собравшись, пусть поставятъ меня по Епископа и Первосвятителя.» Подобная мысль, льстящая самолюбію могущаго это сдѣлать, была принята Великимъ Княземъ, бояре одобряли ее и даже со стороны выгоды, потому что этѣмъ можно обойти трату необходимую на путешествіе.[2]

---

[2] Тат. ч. 4, стр. 246. Въ лѣтописяхъ, гдѣ помѣщена повѣсть о Митяѣ, этотъ разговоръ относится ко времени на полтора года по смерти Митрополита Алексѣя; но мы ниже увидимъ изъ письма Митрополита Кипріана, что подобная мысль Митяя была и прежде извѣстна; по тому кажется лучше отнести не разговоръ, а приказанія собраться Епископамъ, ко времени обозначенному въ лѣтописяхъ.

Такъ думалъ Митяй обойти одно препятствіе для своей цѣли. Но Кипріанъ, поставленный Патріархомъ въ Митрополиты для всей Россіи, теперь не хотѣлъ уже что нибудь ждать, имѣя за собою право: онъ какъ только узналъ, что скончался Митрополитъ Алексѣй, отправился изъ Кіева въ Москву, гдѣ его совсѣмъ не желалъ видѣть Митяй, конечно, также и Великій Князь. По этому на дорогѣ изъ Кіева были высланы заставы, чтобы не пропускать Кипріана. Но для духовенства, узнавшаго, что такое есть Митяй и могшаго предполагать что̀ еще онъ будетъ, сдѣлавшись настоящимъ Митрополитомъ, Кипріанъ, конечно, былъ пріятнѣе. Самъ же Кипріанъ зналъ уже по первому пріему, что его наврядъ ли желаютъ видѣть еще разъ въ Москвѣ, а теперь и слухи о заставахъ до него дошли, и вотъ мы видимъ, что онъ заискиваетъ у тѣхъ людей, которые имѣютъ громадное вліяніе на общество, вліяніе, добытое жизнію въ высшей степени нравственною. Изъ Любутска 3 Іюня 1378 г. Митрополитъ Кипріанъ написалъ письмо къ преподобному Сергію и его племяннику (сыну брата преподобнаго Стефана, извѣстнаго уже намъ, какъ Архимандрита Богоявленскаго Монастыря) Ѳеодору Игумену Симоновскому: «слышу объ васъ и вашей добродѣтели, что вы всѣ мірскія мудрованія отбрасываете и только печетесь объ исполненіи воли Божіей. По этому молю Бога, да сподобитъ насъ свидѣться и насладиться духовныхъ словесъ. Да будетъ вамъ вѣдомо: пріѣхалъ я въ Любутскъ, въ четвергъ, въ 3 день Іюня мѣсяца, а отсюда иду къ сыну своему, Князю Великому, въ Москву. Иду какъ Іосифъ, посланный къ братьямъ, миръ и благословеніе неся. Хотя нѣкоторые обо мнѣ другое говорятъ, я же святитель есмь, а не ратный человѣкъ; съ благословеніемъ иду, какъ и Господь, посылая Своихъ учениковъ на проповѣдь, сказалъ имъ: «принимающій васъ — Меня принимаетъ». Вы же будьте готовы свидѣться со мной, гдѣ сами найдете удобнымъ; я же весьма желаю видѣть васъ и утѣшиться духовнымъ утѣшеніемъ». Митрополитъ Кипріанъ сравнилъ себя съ Іосифомъ, и дѣйствительно довольно подобное случилось съ нимъ въ Москвѣ. Въ другомъ письмѣ къ тѣмъ же лицамъ онъ описалъ, какъ его приняли: «Кипріанъ, милостію Божіею Митрополитъ всея Руси, честному старцу Игумену Сергію и Игумену Ѳеодору, и если кто иной единомудрствуетъ съ вами. Не утаилось отъ васъ и отъ всего ро-

да Христіянскаго того, что сдѣлалось надо мною, и чего не бывало ни надъ однимъ Святителемъ, какъ стала Русская земля. Я Божіимъ изволеніемъ и избраніемъ великаго Св. Собора, благословеніемъ и ставленіемъ Вселенскаго Патріарха, поставленъ Митрополитомъ на всю Русскую землю — это вся вселенная знаетъ; по этому нынче поѣхалъ со всѣмъ чистосердечіемъ и доброхотѣніемъ къ Князю Великому, а онъ посланцевъ своихъ разослалъ, чтобы меня не пропускать, да еще заставы разставилъ, собравъ рати и воеводъ, предъ нами поставилъ, чтобъ всякое зло надъ нами сдѣлать и даже смерти насъ предать не милостиво научилъ и наказалъ имъ. Я же, берегши безчестіе и душу его, инымъ путемъ прошелъ, надѣясь на свое чистосердечіе и на свою любовь къ нему, къ его Княгинѣ и дѣтямъ его. Онъ же приставилъ надо мною мучителя проклятаго Никифора. Этотъ, ужъ не знаю, какое зло оставилъ, чтобы не сдѣлать надо мною? Хулы, наруганіе, насмѣшки, грабленіе, голодъ! Меня ночью заточилъ, нагого и голоднаго, и отъ той ночи студеной по сіе время страдаю. Надъ слугами же моими надъ многими, чего не дѣлали: отпустили ихъ на изморенныхъ лошадяхъ, безъ сѣделъ, въ уздахъ мочальныхъ, вывели ихъ изъ города, ограбленныхъ даже до сорочки и до исподняго платья и обуви, и сапоговъ и киверовъ не оставили на нихъ![3] И не нашлось въ Москвѣ никого, кто бы пожелалъ добра душѣ Великаго Князя и всей его отчинѣ? Ну еще міряне боятся Великаго Князя, по тому что жены и дѣти, стяжанія и богатства, берегутся чтобы все это не потерять! Но какъ же вы-то, от-

---

[3] Вѣроятно, на этотъ пріемъ и обиды намекаетъ Митрополитъ Кипріанъ, когда въ заключеніи житія Митрополита Петра разсказываетъ о томъ, какъ угодникъ Божій исцѣлилъ его отъ болѣзни, когда Кипріанъ обратился къ нему съ молитвой: «Азъ смиренный возведенъ быхъ на высокій престолъ Св. Митрополіи Русскія... но къ Русской земли пришедшу ми, мало нѣчто противно прилучило ми ся ради моихъ грѣховъ» (Ст. Кн. ч. 1 стр. 422). Что можно было говорить въ письмѣ къ Преподобному и даже съ цѣлію, чтобы это прочли многіе, но когда мало было надежды на успѣхъ; объ томъ лучше было молчать, и развѣ только намекать, при необходимости, въ то время, когда писалъ Митрополитъ Кипріанъ житіе Митрополита Петра; можетъ быть поэтому же самому и въ лѣтопись не занесено извѣстіе объ этомъ пріѣздѣ: Кипріанъ самъ былъ въ числѣ главныхъ лѣтописцевъ.

рекшіеся отъ міра и живущіе въ мірѣ ради одного Бога, какъ же вы-то, видя такую злобу, молчали? Растерзали бы ризы свои, говорили бы предъ Царями не стыдяся: если бы послушали васъ, добро вамъ; если бы убили, то вы святые. Не знаете развѣ, что грѣхъ мірской на Князя, а Княжескій на людей падаетъ? Какъ же молчаніемъ прошли, видя святое мѣсто поруганнымъ. Такъ-то почитаетъ Князь Митрополію и гробы святыхъ Митрополитовъ? Или нѣтъ никого читающаго Божественныя правила? Не знаете развѣ, что въ нихъ написано?. Что не подобаетъ Святительство брату или сыну, или иному сроднику даровать и на Святительское достояніе поставлять кого захотятъ. И если что будетъ таковое сдѣлано, то сотворенному быть разрушену, правила повелѣваютъ, сотворившій же отлученъ да будетъ». Это, какъ мы видимъ, говорится о Митяѣ. Далѣе Митрополитъ Кипріанъ излагаетъ, на основаніи правилъ церковныхъ, опроверженіе желанія Митяя быть поставленнымъ соборомъ Русскихъ Епископовъ: «Епископовъ соборомъ поставлять повелѣно.. но по правиламъ... и нѣтъ ничего хуже, если Божественныя дарованія купленіемъ себѣ пріобрѣтать, мздою или силою Княжескою; таковое прегрѣшеніе не прощается... какъ же у васъ на Митрополичьемъ мѣстѣ стоитъ чернецъ, въ мантіи Святительской и въ клобукѣ, и парамандъ Святительскій на немъ, и посохъ въ рукахъ? И гдѣ же такое безчиніе и злое дѣло слыхано?— Ни въ какихъ книгахъ. Если мой братъ преставился: я Святитель на его мѣстѣ, моя есть Митрополія. Нельзя ему наслѣдника оставлять по своей смерти. Когда слышалося: прежде поставленія возлагать на кого либо Святительскія одежды, ихъ же нельзя никому иному носить, но только Святителямъ однимъ! Какъ же смѣетъ стоять на Святительскомъ мѣстѣ? Не боится ли казни Божіей? Не страшно ли то, что онъ дѣлаетъ: садится во святомъ алтарѣ на горнемъ мѣстѣ. Повѣрьте, братія, лучше бы ему не родиться.. А что клеплютъ Митрополита брата нашего, что онъ благословилъ на всѣ такія дѣла, то это ложь. Развѣ утаилось отъ насъ, какъ учинилось по смерти Митрополичьей? Видѣлъ грамоту, что написалъ Митрополитъ умирая, а та грамота будетъ съ нами на великомъ соборѣ.» За симъ въ письмѣ опять, какъ и въ началѣ, идетъ рядъ оправданій Митрополита Кипріана, что онъ ничего не сдѣлалъ дурнаго Великому Князю. Этѣ оправданія любопытны тѣмъ, что въ Москвѣ

враги его указывали, какъ видно, на то, что онъ поставленъ по требованiямъ Литовскаго Великаго Князя и по этому долженъ быть крайнимъ его сторонникомъ: «Да будетъ извѣстно вамъ, что какъ выѣхалъ я на Кiевъ... не вышло изъ моихъ устъ ни слова на Великаго Князя Димитрiя, ни до поставленiя, ни по поставленiи, ни на его Княгиню, ни на его бояръ; не заключалъ я ни съ кѣмъ договора, чтобы добра хотѣлось иному, болѣе, чѣмъ ему, ни дѣломъ, ни словомъ, ни помысломъ; нѣтъ моей вины предъ нимъ, но молилъ Бога объ немъ, о его Княгинѣ и о его дѣтяхъ; любилъ отъ всего сердца, и добра хотѣлъ ему и всей его отчинѣ: если же слышалъ кого замышляющаго на него лихо, ненавидѣлъ того. А когда гдѣ приходилось служить соборомъ, то приказывалъ сначала пѣть ему многолѣтiе, а потомъ другимъ. Если кого находилъ отведеннаго въ плѣнъ изъ его отчины, на сколько средствъ моихъ хватало, добывалъ отъ поганыхъ и отпускалъ. Кашинцевъ нашелъ въ Литвѣ, сидящихъ два года въ погребѣ, то ради Княгини Великой выручилъ ихъ какъ могъ, лошадей далъ подъ нихъ и отпустилъ къ зятю ея, Князю Кашинскому.... Я къ нему ѣхалъ благословить его и Княгиню его, и бояръ, и отчину его, и жить съ нимъ въ своей Митрополiи, какъ жили и моя братiя съ отцомъ и съ дѣдомъ его, Князьями Великими, а еще и дарами честными хотѣлъ его дарить. Винитъ онъ меня въ томъ, что я былъ въ Литвѣ первое: какое же лихо я сдѣлалъ ему, бывши тамъ? Ни кто не скажетъ, что я ложь говорю. Если я былъ въ Литвѣ, то я тамъ много Христiянъ отъ горькаго плѣненiя освободилъ, многiе незнавшiе Бога чрезъ насъ познали истиннаго Бога и къ Православной Вѣрѣ святымъ крещенiемъ пришли. Я тамъ церкви святыя ставилъ, Христiянство утверждалъ, мѣста церковныя запустѣвшiя давно оправилъ и возвратилъ къ Митрополiи всея Руси. Новый-городокъ Литовскiй давно отпалъ, и я его оправилъ, и десятину и села къ Митрополiи возвратилъ. Волынскую землю также устроилъ; Владимiрская Епископiя сколько времени была безъ Владыки запустѣвшею, и я Владыку поставилъ и мѣста всѣ исправилъ. Нынѣ же, Божiею помощiю, нашимъ трудомъ церковное дѣло исправилось и слѣдовало бы Великому Князю насъ радостiю принять, по тому что въ этомъ ему большая честь. Я хочу отпавшiя мѣста возвращать къ Митрополiи, чтобы

до вѣка такъ стояло, на честь и величіе Митрополіи; Князь же Великій хочетъ двоить Митрополію. Какое же величіе будетъ ему отъ такого намѣренія?» Защитивъ такимъ образомъ въ письмѣ себя, Митрополитъ Кипріанъ начинаетъ опять разсказъ объ обидахъ себѣ, гдѣ сообщаетъ дальнѣйшія подробности ихъ и въ заключеніе говоритъ о томъ, что подобное дѣло такъ нельзя оставить. Вотъ этотъ разсказъ и угрозы обиженнаго святителя: «Какая вина моя есть предъ Великимъ Княземъ? Да если бы и была какая, то не годится Князьямъ казнить Святителей: есть Патріархъ, главный надъ нами, есть Великій Соборъ и онъ бы туда послалъ мои вины и они съ исправою меня казнили. А то нынѣ меня безъ вины обезчестилъ и пограбилъ... Такъ-то воздалъ мнѣ Князь Великій за мою любовь и доброхотѣніе... заперли меня въ уединенной клети, за сторожами, такъ что и до церкви не имѣлъ выхода; а потомъ на другой день, какъ смерклось, пришедши, вывели меня, не сказали куда ведутъ, на убіеніе или на потопленіе. А тутъ еще больше безчестія: меня вели, а сторожа и проклятый Никифоръ воевода въ одеждахъ моихъ слугъ, на ихъ коняхъ и сѣдлахъ ѣхали... хулили Патріарха, Царя и соборъ великій; Патріарха Литвиномъ называли, также Царя и Вселенскій Соборъ. А понеже такое безчестіе возложили на меня и мое Святительство; то отъ благодати, данныя мнѣ отъ Пресвятыя и Живоначальныя Троицы, по правиламъ Святыхъ Отецъ и Божественныхъ Апостоловъ, тѣ, которые причастны моему иманію, запиранію, безчестію, хуленію, тѣ, которые объ этомъ совѣтъ совѣщали, да будутъ прокляты и не благословенны отъ меня, Кипріана, Митрополита всея Руси,... а кто покусится сію грамоту сжечь, или утаить, и тотъ таковъ. Вы же, честные старцы и Игумены, отпишите мнѣ скорѣе, дабы ваша грамота меня догнала что думаете, по тому что здѣсь я васъ не благословилъ. А къ Царюграду ѣду обороняться Богомъ, Святымъ Патріархомъ и Великимъ Соборомъ; тѣ надѣются на куны и на иностранныхъ ростовщиковъ, я же надѣюсь на Бога и свою правду... мнѣ ихъ безчестіе въ большую честь послужило по всей землѣ и въ Царьградѣ.» Оскорбленный до того, что по порядку не можетъ пересчитать обиды, Митрополитъ Кипріанъ былъ не правъ въ сомнѣніяхъ, какъ бы относимыхъ имъ къ людямъ, на которыхъ надѣялся, какъ на такихъ, которые ни за что не рѣшатся идти

противъ правды. По этому самъ онъ, отъ 18 Октября 1378 года, писалъ изъ Кіева, посылая благословеніе преподобному Сергію и его племяннику, что «какое они смиреніе и повиновеніе и любовь имѣютъ къ Святой Божіей Церкви и къ нашему смиренію, все позналь отъ словъ вашихъ. Какъ вы повинуетесь, такъ и крѣпитесь. Я же славы не ищу и ни богатства: но Митрополію свою, которую мнѣ предала Святая Божія Великая Церковь и смиренія и соединенія церковнаго желаю и Христіянскаго. А кто насъ не восхотѣлъ, тѣ потомъ познаютъ истину. А я непремѣнно ѣду къ Царюграду, а предъ собою вѣсти послалъ уже. А вы, сынове, не тужите, молите Господа Бога, да сподобитъ насъ видѣться, и тогда утѣшимся веселіемъ духовнымъ». [5]

Такимъ образомъ мы видимъ, что ни преимущества, даваемыя Митрополитомъ Кипріаномъ Московскому Князю, въ пѣніи многолѣтія, ни выкупъ Кашинцевъ изъ плѣну, ни честные дары не послужили Митрополиту въ пользу; въ Москвѣ сильные люди не хотѣли его видѣть, и Великій Князь допустилъ Митяю сдѣлать надъ соперникомъ то, чего никогда не бывало на Руси, до того времени, надъ Первосвятителями. Подробности въ исполненіи этого дѣла смѣло можно отнести къ Митяю, какъ дѣло рукъ его. Но Митяй, задавъ страха сопернику, въ лицѣ Кипріана, самъ поругалъ тотъ санъ, который желалъ достигнуть лично. Онъ забылъ, что по первому примѣру могутъ и другіе точно также дѣлать, пожалуй, и съ нимъ, и если не въ погребъ посадятъ, по тому что не имѣютъ силы, такъ могутъ что нибудь подобное сдѣлать. Но Митяй принадлежалъ къ лицамъ, живущимъ однимъ сегоднешнимъ днемъ; даже тотъ примѣръ, что при Алексѣ Митрополитѣ того же Кипріана выпроводили изъ Москвы безъ скандала, ему не послужилъ въ пользу.

Но для насъ особенно важенъ не столько характеръ послѣдняго дѣла съ Митрополитомъ Кипріаномъ, — онъ самъ видѣнъ и характеризуетъ хорошо всѣхъ участвующихъ и самую эпоху, сколько общее направленіе дѣла. По этому нѣсколько остановим-

---

[5] Письма Митрополита Кипріана къ преподобному Сергію см. Прав. Соб. 1860 г. т. 2 стр. 84 — 104.

ся здѣсь. Митрополитъ Кипріанъ, услышавъ о смерти Алексѣя, какъ назначенный быть его преемникомъ, тотчасъ же ѣдетъ въ Москву. Ему еще въ 1376 году уже разъ отказали, теперь же онъ знаетъ напередъ, что его въ Москвѣ совсѣмъ не желаютъ видѣть, и наконецъ не только что слухи дурные распускаютъ, но очень дѣйствительныя доказательства есть на лицо: заставы на дорогахъ и, если только правда, то приказаніе убить. Но Кипріанъ Митрополитъ все таки ѣдетъ. За чѣмъ?.. Онъ могъ бы остаться въ Кіевѣ: Кіевъ главный городъ Митрополіи. Смуты въ Литвѣ, начавшіяся послѣ смерти Ольгерда, не служатъ ему оправданіемъ: Митрополитъ долженъ управлять паствой, а по своей обязанности, какъ лица духовнаго, умирять мірскія смуты. Соперничество Митяя съ одной стороны отталкивало его отъ Москвы, а съ другой не служитъ оправданіемъ: на сторонѣ Митрополита Кипріана правда, а правда должна, такъ или иначе, въ заключеніе всплыть наверхъ. Если Митрополиты Кириллъ, Максимъ, Петръ, Ѳеогностъ и Алексѣй жили большею частію на Сѣверѣ Россіи, а послѣдніе три въ Москвѣ, то и это не оправданіе: они жили, соображаясь съ обстоятельствами, по удобству, и все таки считали Кіевъ своею столицею. Кажется, что бы еще могло тянуть Кипріана въ Москву: не Угодники же Божіи, чему хотѣли приписать переѣздъ въ Москву Митрополита Петра, ихъ было такъ много въ Святомъ градѣ Кіевѣ; по этому все отталкивало Кипріана въ Кіевъ отъ Москвы. Но вспомнимъ о характерѣ и основной мысли, лежащей въ учрежденіи церковной іерархіи Восточной Церкви, какъ учрежденія Государственнаго, гдѣ начальникъ Церкви не можетъ иначе существовать и жить, какъ близко въ связи и подчиненіи свѣтской власти, то этѣмъ просто объяснится опасное путешествіе Кипріана въ Москву. Въ Литвѣ и вообще-то мало было похожаго на Государство, а смуты и это послѣднее малое уничтожали; за то въ Москвѣ все противоположное: ради того, что Государство въ ней зарождалось, здѣсь стали жить Митрополиты, и сила Дмитрія Ивановича предъ Куликовской битвой была такъ блестяща, что если бы излишній блескъ былъ дѣйствительностію, то смѣло бы можно было назвать Московское Великое Княжество Государствомъ. Вотъ, почему съ опасностію жизни, окольными дорогами, ѣдетъ Митрополитъ Кипріанъ въ Москву. Дѣло Митрополита Петра руками Але-

ксѣя окрѣпло вполнѣ. И какъ бы нарочно въ доказательство ложнаго государственнаго блеска Кипріанъ вытерпѣлъ на себѣ то, что приходилось терпѣть начальникамъ Церкви въ государствѣ Греческомъ, когда они непріятны были Государю.

Но обратимся теперь къ дальнѣйшему изложенію событій смуты церковной. Митяй отдѣлался отъ одного соперника и сорвалъ на немъ свое зло. Митрополитъ Кипріанъ, огорченный пріѣхалъ въ Кіевъ, а оттуда собрался ѣхать въ Константинополь искать справедливости. Но тамъ въ это время происходила такая же исторія: Императорская власть показывала свою силу надъ церковной іерархіей, смѣняя Патріарховъ по своему благому усмотрѣнію.[6] Тамъ Митрополитъ Кипріанъ пробылъ 13 мѣсяцевъ, и потомъ пріѣхалъ въ Кіевъ, какъ видно, не отыскавъ правды. Причина этому простая: ниже увидимъ, что въ Константинополѣ по этой части, да и вообще, играетъ главную роль сила и деньги, чего не было у Кипріана.

Наступилъ 1379 годъ, а Митяй все еще не былъ поставленъ въ Митрополиты, хотя по прежнему управлялъ дѣлами Митрополіи. Выше приведены слова, которыя онъ говорилъ Дмитрію Ивановичу о томъ, чтобы послѣдній приказалъ собраться Епископамъ для поставленія его. Вѣроятно, Митяй напоминалъ о своей мысли Великому Князю и послѣдній приказалъ, чтобъ по желанію его было исполнено. Епископы начали съѣзжаться въ Москву и по пріѣздѣ явились къ Митяю и принимали отъ него благословеніе. Но когда пріѣхалъ Діонисій, Епископъ Суздальскій, счастливый ходъ дѣла повернулся въ дурную сторону. Діонисій не поѣхалъ благословляться къ Митяю, негодуя на него, а къ Великому Князю обратился съ слѣдующими словами: «кто это научилъ тебя извращать законы; этому дѣлу такъ не быть, а должно Митяю принять благословеніе отъ Патріарха, по древнему чину». Подобными рѣчами Діонисій остановилъ въ началѣ предпріятіе Митяево. Митяй, осрамленный тѣмъ, что его желаніе признано бездѣльнымъ, восколебался гнѣвомъ на не во время явившагося обличителя. Къ развитію ссоры явились пособники: дурные лю-

[6] См. объ этомъ Приб. къ Тв. Св. Отц. г. 6, въ статьѣ о Митр. Кипріанѣ, прим. 3; Ст. Кн. ч. 1, стр. 422 — 424.

ди начали наговаривать Митяю на Діонисія, а Діонисію на Митяя. Нареченный Митрополитъ нашелъ Діонисія виновнымъ предъ собою; посланный отъ него явился къ Суздальскому Епископу съ слѣдующими словами: «по чему это Епископъ, пришедши въ городъ, не явился ко мнѣ прежде всѣхъ поклониться и принять благословеніе: этѣмъ вмѣсто чести небреженіе ко мнѣ выказалъ, какъ къ человѣку ничтожному; развѣ онъ не знаетъ, что я имѣю власть надъ нимъ и надъ всей Митрополіей». Діонисій тотчасъ отправился къ Митяю и, пришедши, сказалъ: «прислалъ ты ко мнѣ съ рѣчами, что власть имѣешь надо мною. Надо мною ты не имѣешь ни какой власти; а тебѣ бы слѣдовало явиться ко мнѣ, принять благословеніе и поклониться: я Епископъ, а ты попъ. Если имѣешь власть во всей Митрополіи въ правду судить, такъ суди по правдѣ; но скажи намъ истинно, по свидѣтельству Божественныхъ писаній: кто больше Епископъ или попъ?» Митяй на этѣ слова отвѣчалъ: «ты меня попомъ называешь, но я Архимандритъ и нареченъ Митрополитомъ; такъ знай же, что я тебя превращу хуже чѣмъ въ попа, а скрижали твои своими руками спорю; но не нынче тебѣ мщу, а вотъ погоди, когда приду изъ Царяграда отъ Патріарха.» Послѣ этѣхъ словъ много было между ними брани и споровъ. Узнавъ объ этомъ Великій Князь сталъ сердиться на Епископа Діонисія.

Такъ тянулось время цѣлыхъ полтора года. Діонисій послѣ споровъ съ Митяемъ задумалъ ѣхать въ Царьградъ, «желая самого себя видѣть на Митрополичьемъ столѣ», говоритъ лѣтописецъ. Эта мысль Діонисія не утаилась отъ Митяя; послѣдній сказалъ объ этомъ Великому Князю и просилъ его, чтобы онъ запретилъ Діонисію идти въ Царьградъ, да не сдѣлаетъ ему, Митяю, препятствія къ поставленію.

Великій Князь положительно запретилъ Діонисію ходить къ Царюграду до тѣхъ поръ, пока Митяй возвратится оттуда Митрополитомъ; а для предосторожности Дмитрій Ивановичъ приказалъ самого Діонисія силою удерживать. По этому приказанію Діонисія держали за стражею; но онъ перехитрилъ Великаго Князя, которому такъ началъ говорить: «освободи и отпусти меня по своей волѣ жить, я ужь къ Царюграду безъ твоего слова не пойду, и во всемъ этомъ ставлю поручникомъ преподобнаго Игумена

Сергія Радонежскаго.» Великій Князь внялъ его моленіямъ, повѣрилъ его словамъ, и, устыдившись поручника, отпустилъ Діонисія на томъ словѣ, что не ходить ему въ Царьградъ безъ разрѣшенія Великаго Князя и ждать до времени (до году), пока Митяй будетъ Митрополитомъ. Митяй не вѣрилъ ни Епископу Діонисію, ни преподобному Сергію На Преподобнаго, кромѣ того какъ на поручника Діонисіева, Митяй сердился и за то, что думалъ, будто онъ совѣтовалъ покойному Митрополиту Алексѣю не благословлять его, Митяя, по себѣ на Митрополію Русскую; еще Митяй думалъ, что и теперь преподобный Сергій самъ хочетъ быть Митрополитомъ. [7] Подобнымъ подозрѣніямъ давало пищу и то. что многіе упрашивали Преподобнаго послѣ смерти Митрополита Алексѣя занять Митрополичій престолъ; а хотя святой старецъ и отказывался, но для Митяя это было достаточно и онъ сталъ думать, что преподобный Сергій, соединившись съ Діонисіемъ въ единомысліи не хотятъ поставленія его въ Митрополиты. На основаніи всего этого Митяй сильно негодовалъ на обоихъ и грозился на нихъ. Узнавъ это Преподобный говорилъ: «Молю Господа Бога сокрушеннымъ сердцемъ, да не попуститъ Митяя исполнить свою похвальбу: раззорить сіе мѣсто святое и изгнать насъ безъ вины.» Но гнѣвъ Митяя долженъ былъ еще болѣе увеличиться, когда Діонисій, пріѣхавши въ свою Епископію, Суздаль, а оттуда въ Нижній Новгородъ, не подождавши даже недѣли, поспѣшно отправился изъ Нижняго Новгорода въ судахъ Волгою къ Сараю, а оттуда къ Царюграду. Измѣнилъ Діонисій своему обѣщанію и поручника своего преподобнаго Сергія выдалъ. Плохо бы пришлось послѣднему, если бы онъ не стоялъ по своей нравственности такъ высоко, что въ обманѣ его подозрѣвать могли только люди, подобные Митяю.

Это бѣгство ввело въ смущеніе и печаль Великаго Князя, а Митяй кипѣлъ гнѣвомъ на обманъ, оправдывалъ себя и еще больше винилъ и поносилъ Діонисія; но самъ сталъ сбираться въ Константинополь; Князь же Великій понуждалъ его къ путешествію. Митяй зналъ, что Дмитрій Ивановичъ любилъ его и съ удовольствіемъ всегда слушалъ, по этому когда онъ совсѣмъ собрался

[7] Ст. Кн. ч 1, стр. 468.

въ путь, то рѣшился просить у Великаго Князя сверхъ мѣры всякаго прошенія: онъ сталъ говорить: «если милость твоя будетъ ко мнѣ, то дай мнѣ хартіи не написанныя, но подписанныя и запечатанныя твоею печатью, Великаго Князя, да возьму ихъ съ собою на запасъ; и когда мнѣ надобно будетъ занять серебра тысячу или сколько нужно будетъ по оскудѣнію и нуждѣ, то и напишу на нихъ.» Великій Князь сдѣлалъ по его прошенію, и, отдавая ему таковыя хартіи, говорилъ: «возьми ихъ: когда что тебѣ будетъ надобно, или потребуется занять у кого тысячу серебра или больше, то тебѣ будутъ для этого онѣ, какъ кабала за моею печатью.» Получивъ все желанное, Митяй отправился къ Царюграду сухимъ путемъ; въ это же время и Діонисій ѣхалъ Волгою къ Сараю.

Путешествіе началось лѣтомъ 1379 года. Митяй отправился изъ Москвы въ Коломну; изъ Коломны, перевезясь за Оку 26 Іюля, поѣхалъ въ Рязань. Изъ Москвы провожали Митяя съ великою честію и славою: самъ Великій Князь съ своими дѣтьми и боярами, всѣ Русскіе Епископы, Архимандриты, Игумены, Священники, иноки, купцы и множество народа провожали его далеко. Митяя сопровождала великолѣпная свита: въ ней были три Архимандрита: первый былъ Архимандритъ Петровскій, Іоаннъ, первый установитель общаго житія въ Москвѣ; второй Пименъ, Архимандритъ Переяславскій съ Горицъ, и третій Архимандритъ Мартьянъ, Коломенскій; кромѣ того, ѣхало съ нимъ множество духовенства, ѣхали клирошане Владимірскіе, люди дворовые и слуги лучшіе Митрополичьи, казна и ризница Митрополичья, бояре и толмачи; также ѣхали съ нимъ бояре Великаго Князя, изъ которыхъ Юрію Васильевичу Кочевину-Олешинскому, какъ большему боярину, приказано было старѣйшинство, и былъ полкъ Митяя весьма великъ. Митяй съ этой громадной свитой прошелъ съ миромъ чрезъ землю Рязанскую и вступилъ въ степь, въ мѣста Половецкія — въ предѣлы Татарскіе. Когда проходили Орду, то Митяй со всею свитою былъ остановленъ Мамаемъ, который, продержавъ ихъ у себя не много времени, отпустилъ съ миромъ и тихостію. Во время бытности своей въ Ордѣ, Митяй получилъ ярлыкъ, какъ Митрополитъ, отъ Хана Атюляка, по мысли дяди-

ной, Мамая.[8] Въ основаніи этого ярлыка лежатъ прежніе ярлыки, Митрополитамъ данные, и онъ имѣетъ съ ними совершенно тотъ же характеръ: признаніе Монголами свободы всѣхъ вѣроисповѣданій и уваженіе ко всѣмъ представителямъ духовенства. Митяй изъ Орды отправился съ своимъ полкомъ, двинулся чрезъ земли Татарскія къ морю Кафинскому, до котораго Мамай приказалъ своимъ проводить Митяя. Здѣсь сѣли въ корабли и на нихъ благополучно переплыли море. Путешественникамъ былъ уже видѣнъ Константинополь, цѣль путешествія и средство къ дальнѣйшей дѣятельности Митяя. Что думалъ въ этѣ минуты Митяй? Онъ могъ смѣло смѣяться теперь надъ тѣми, которые тамъ, въ далекой родинѣ, въ Москвѣ, его не любили, хотѣли законными средствами остановить его незаконныя дѣла. Вотъ видѣнъ городъ, гдѣ дадутъ ему санъ, при которомъ не такъ легко будетъ срамить и стыдить его; онъ будетъ начальникъ неограниченный надъ тѣми, которые были выше его саномъ, гордились предъ нимъ и сами поступали въ заключеніе незаконно; будетъ онъ начальникъ и надъ тѣми, которые своимъ личнымъ авторитетомъ имѣли вліяніе на всѣ дѣла; всѣхъ онъ смиритъ и подчинитъ себѣ, пожалуй, и тѣхъ, если удастся, которые по слѣпой своей къ нему привязанности были его покровителями и опорою во всѣхъ дѣлахъ, и все пойдетъ, какъ онъ захочетъ; ума ему для этого не искать: умѣлъ же онъ добиться одной цѣли, — сумѣетъ, можно полагать, добиться и другой. Кипріанъ въ Константинополѣ не препятствіе: у того денегъ нѣтъ такихъ, какія у него, Митяя. Но Митяй вдругъ разболѣлся такъ, что почувствовалъ близость смертнаго часа и скоро умеръ, и не сбылась его мысль — быть ему на Руси Митрополитомъ, воскицаетъ лѣтописецъ. Задумывается лѣтописецъ надъ концемъ такой блестящей карьеры и съ удивленіемъ записываетъ разсказы очевидцевъ изъ свиты Митяя, также пораженныхъ такою трагическою смертію своего начальника. Спутники Митяя разсказывали, что когда начальникъ ихъ разболѣлся, тогда корабль, на которомъ онъ былъ, остановился и не подвигался ни въ одну сторону, какъ будто бы тотъ корабль, который остановился ради Про-

---

[8] О дост. Хан. ярл. Григорьева стр. 73—76 и 121.

скихъ и Восточныхъ купцовъ въ ростъ денегъ; и ростетъ тотъ долгъ и до сего дни, говоритъ лѣтописецъ, его же больше 20,000 гривенъ серебра.[10] Добывъ денегъ, насулили посулы многіе, раздавали ихъ всюду, а поминковъ и даровъ, захваченныхъ изъ Москвы отъ Великаго Князя и изъ дому Митрополичьяго, никто не можетъ пересчитать и пересказать сколько; такъ что едва могли удовлетворить всѣхъ и купить Митрополію Пимену. Императоръ и Патріархъ начали испытывать Пимена и бывшихъ съ нимъ, и послѣ многихъ распросовъ рѣшили поставить Пимена въ Митрополиты на Русь, [11] при чемъ было сказано: «вы, Русскіе, правду или неправду говорите, но мы истинствуемъ и правду говоримъ и дѣлаемъ, и вѣримъ вамъ.» Послѣ этого Патріархомъ Ниломъ Пименъ былъ поставленъ въ Митрополиты Кіевскія и Великой Россіи, а Кипріанъ признанъ былъ Митрополитомъ Малой Россіи и Литвы, и то по снисхожденію: «такъ какъ прежде былъ рукоположенъ обманомъ, ради угрозъ Литовскихъ Князей». [12]

Достигла вѣсть до Великаго Князя, что его Митяй скоропостижно умеръ на морѣ, близь Царяграда, а Пименъ сталъ Митрополитомъ. При этомъ носились слухи, и одни говорили, что Митяя задушили, другіе, что его морскою водою уморили; по тому что никто въ Россіи не хотѣлъ видѣть Митяя въ Митрополитахъ, но одинъ только Великій Князь хотѣлъ. Тогда Дмитрій Ивановичъ, глубоко опечаленный и оскорбленный извѣстіемъ о Митяевой смерти, не захотѣлъ принять Пимена. «Я не посылалъ Пимена ставиться на Митрополію,» говорилъ Великій Князь, «а послалъ его, какъ одного изъ служащихъ Митяю: что же такое сдѣлалось съ Митяемъ и какъ онъ умеръ, — не знаю; Богъ знаетъ и судитъ неправды, которыя я слышу; но Пимена не принимаю и видѣть не хочу.»

Пименъ со всѣми своими служащими еще медлилъ въ Константинополѣ, между тѣмъ какъ Великій Князь послалъ въ Кіевъ

---

[10] Ник. Лѣт. ч. 4 стр. 76, а у Тат. час. 4 стр. 251 сказано 2000.

[11] У Татищева ч. 4 стр. 251. «Тогда Царь и Патріархъ сице по многомъ стяжаніи изволиша поставить Пимена Митрополитомъ на Русь».

[12] См. Ж. М. Н. Пр. 1847 г. стр. 155.

отца своего духовнаго, Симоновскаго Игумена, Θеодора, уже извѣстнаго намъ по связямъ его съ Кипріаномъ, къ Митрополиту Кипріану, зовя его къ себѣ на Москву. Θеодоръ и посланные съ нимъ поѣхали въ Кіевъ на великое говѣнье. По приглашенію Митрополитъ отправился изъ Кіева и пріѣхалъ въ Москву на шестой недѣлѣ по Пасхѣ, въ самый праздникъ Вознесенія Христова, 23 Мая 1380 года. Встрѣчали его торжественно: вездѣ по дорогѣ, гдѣ онъ проѣзжалъ, въ селахъ и городахъ звонили въ колокола; множество народу сходилось со всѣхъ сторонъ на встрѣчу ему; духовенство: Архимандриты, Игумны, Священники и Иноки были тутъ. Въ день въѣзда его въ Москву звонъ городскихъ колоколъ носился въ воздухѣ; все Московское населеніе: мужчины женщины, дѣти, матери съ грудными младенцами, все это вышло на встрѣчу Святителя. Великій Князь съ дѣтьми и со всѣми своими боярами вышелъ далеко за городъ, встрѣтилъ Митрополита съ честію, любовію, вѣрою и смиреніемъ. Послѣ этого вмѣстѣ всѣ отправились въ городъ, взошли въ церковь. Сдѣсь Митрополитъ Кипріанъ приложился къ иконамъ и отслужилъ молебенъ. И было великое торжество въ тотъ день Великому Князю съ Митрополитомъ, радовались они и веселились веселіемъ многимъ; милостыню многую страннымъ и нищимъ раздавали и прославляли Христа Бога.[13]

Великій Князь принялъ торжественно Митрополита Кипріана; считаться непріятностями, сдѣланными другъ другу, теперь было

---

[13] Ник. лѣт. ч. 4, стр. 66—78; Татищева Ист. Росс. ч. 4, стр. 245—253; П. С. Р. Л. т. 8, стр. 28—32; Типографская Лѣт., М. 1784 г., стр. 137—148. Въ Никоновской лѣт. и у Татищева повѣсть о Митяѣ одной редакціи, отличающейся подробностями и краснорѣчіемъ въ сравненіи съ Воскресенской и Типографской лѣтописями, которыя другой сокращенной редакціи; у Татищева даже иногда встрѣчается лишнее въ сравненіи съ Никоновской лѣт. и вообще повѣсть о Митяѣ отличается большею точностію разсказа, па который указано выше, относительно счета долговъ Пимена 20 и 2 тысячи: послѣднее вѣрнѣе; а для сравненія долговъ, которые дѣлали Митрополиты въ Константинополѣ см. Ак. Ист. т. 1 № 252. Потомъ разсказъ Татищева отличается, такъ называемою, либеральностію, прежде стави мою ему въ упрекъ: напр. о поставленіи Пимена озаглавлено: «Купля духовная» (стр. 251). Сокращенно и довольно сбивчиво повѣсть о Митяѣ помѣщена еще въ Тверской лѣтописи (П. С. Р. Л. т. 15, стр. 438—441).

не время, наступало время испытанія для силы Московскаго Князя; теперь было лѣто, предшествовавшее великой битвѣ Куликовской. Побѣда Русскихъ надъ Татарами при Вожѣ показала ясно Мамаю, что въ Россіи не уважаютъ и не боятся силы Орды, и Мамай началъ готовиться къ тому, чтобы напомнить Сѣверной Россіи погромъ Батыя. Какъ ни былъ смѣлъ Московскій Князь и его окружающее новое молодое поколѣніе, но и на него нападало сильное раздумье о могущей произойти неудачѣ; начали думать, какъ бы задобрить Орду и остановить окончательный разрывъ съ нею; но было уже поздно: пришлось приготовляться къ расчету. Непріязненныя отношенія между отдѣльными лицами были забыты: всѣ совокупились на хлопоты объ одномъ общемъ дѣлѣ. Религіозныя утѣшенія и одобренія служителей Церкви являлись въ дѣлѣ нравственной опорой. Великій Князь началъ обращаться къ Митрополиту за совѣтами. Митрополитъ не оттолкнулъ его отъ себя, давалъ умные совѣты относительно того, что нельзя ли остановить движеніе Орды деньгами; когда же это средство оказалось недѣйствительнымъ, то началъ совѣтовать своими рѣчами Великому Князю, его неизмѣнному союзнику, Владиміру Андреевичу, и всѣмъ союзникамъ и окружавшимъ ихъ о томъ, чтобы они не забыли чего либо въ приготовленіяхъ; ободрялъ ихъ всѣхъ надеждой помощи Божіей въ правомъ дѣлѣ. Великій Князь въ тяжкое это время только и находилъ себѣ утѣшеніе въ молитвѣ, ходилъ постоянно въ храмъ Божій и молилъ Бога со слезами. 18 Августа поѣхалъ Великій Князь къ преподобному Сергію, въ его монастырь, просить у него благословенія на дѣло защиты родины. Преподобный утѣшалъ его, обѣщалъ Князю побѣду надъ врагами имени Христова и свободу Христіанскаго народа. Утѣшенный обѣщаніемъ, Великій Князь возвращается въ Москву, идетъ къ Митрополиту и говоритъ о пророчествѣ Преподобнаго. Умный Митрополитъ, оставляя Князю нравственную поддержку въ пророчествѣ, между прочимъ, совѣтуетъ и не забывать о томъ, что не мѣшаетъ заняться хорошенько приготовленіями къ битвѣ, а покуда молчать о словахъ Святаго Игумена. Наступило время выступить воинству изъ Москвы. Великій Князь идетъ въ Успенскій Соборъ, молится, припадаетъ со слезами къ образамъ, прикладывается къ мощамъ Великаго во Святителяхъ Святаго Митрополита Петра, проситъ у него заступленія и мо-

литвъ предъ Богомъ. Изъ собора идетъ Князь къ Митрополиту, проситъ у него прощенiя и благословенiя. Митрополитъ прощаетъ его и благословляетъ, знаменуетъ его честнымъ крестомъ и окропляетъ его святою водою. Воинство Русское стоитъ около Кремля по Восточной и Южной сторонамъ; по приказу Митрополита священники и дiаконы выходятъ изъ Кремля чрезъ Никольскiя, Фроловскiя и Константиноеленскiя ворота, съ честными крестами и освященною водою, благословляютъ всѣхъ: каждый воинъ въ отдѣльности получилъ благословенiе и окропленiе освященною водою. Великiй Князь отъ Митрополита пошелъ въ Архангельскiй соборъ и молился у гробовъ своихъ знаменитыхъ предковъ, приготовившихъ ему средства для наступающаго дѣла. Наконецъ нужно было выступать: Великiй Князь вышелъ изъ церкви, сѣлъ на коня и съ войскомъ удалился изъ Москвы. По удаленiи изъ Москвы воинства стало въ городѣ грустно, не было никого, у котораго бы самый близкiй человѣкъ не находился въ войскѣ, и по этому всѣ ждутъ вѣстей объ удалившихся. Великая Княгиня, Митрополитъ и воевода, оставленный для охраненiя ихъ, получили наконецъ извѣстiе, разошедшееся по всѣмъ городамъ, что Великiй Князь перевезся чрезъ Оку, вступилъ въ землю Рязанскую и пошелъ на бой. При этой вѣсти на всѣхъ напала скорбь: за чѣмъ это Великiй Князь пошелъ за Оку: если его и самаго Богъ сохранитъ, то множество изъ войска должно погибнуть. Скорбь была неутѣшная. Но Великiй Князь все шелъ далѣе и далѣе, и приблизился къ Дону; прогремѣла великая битва Куликовская, и съ побѣдою возвращается Великiй Князь въ Москву. Преосвященный Митрополитъ встрѣтилъ его съ крестами и со всѣмъ соборомъ; началъ благословлять побѣдителей — Дмитрiя Ивановича и Владимiра Андреевича честнымъ крестомъ; потомъ начали цѣловаться. Великiй Князь говорилъ о битвѣ, приписывалъ побѣду помощи Божiей, заступленiю Святителя и Чудотворца Петра, молитвамъ Митрополита Кипрiана и преподобнаго Сергiя. Бесѣдуя такъ, они вошли въ Успенскiй соборъ, самъ Митрополитъ отслужилъ молебенъ и литургiю; во всемъ городѣ священники служили молебны о здравiи Великаго Князя; послѣднiй раздавалъ многую милостыню по церквамъ, монастырямъ, и убогимъ и нищимъ. Велика была радость, не мало было и горя: много полегло храбраго воинства за отечество, оскудѣла вся Русская

земля людьми, а вскорѣ послѣ Мамая занялъ его мѣсто Тохтамышъ.

Въ то время, когда опьяняющее чувство побѣды не прошло и воспоминанія объ этой побѣдѣ пріятно дѣлить съ лицами участвовавшими въ ней словомъ и дѣломъ, тогда явленіе человѣка, который напоминаетъ много стараго, непріятнаго, и вообще такаго, которое лучше забыть, производитъ то, что этого человѣка пожелаютъ многіе удалить. Въ такое-то время явился Пименъ изъ Константинополя, какъ Митрополитъ на Русь. Наступилъ седьмой мѣсяцъ послѣ прихода Кипріана на Москву и третій послѣ Куликовской битвы, и пришла вѣсть къ Великому Князю, что выѣхалъ Митрополитъ Пименъ на Митрополію изъ Царяграда и идетъ чрезъ степь изъ Орды. Князь Великій не хотѣлъ его принять. Пименъ уже находился въ Коломнѣ и туда явились отъ Великаго Князя посланные съ приказаніемъ: снять съ Пимена бѣлый клобукъ, а самаго отвести въ заточеніе; дружину его — думцевъ, совѣтниковъ и клирошанъ повелѣно было развести и въ вереги желѣзныя посажать. Отняли у Пимена ризницу его и всю казну, приставили приставникомъ къ нему боярина Ивана Григорьева Чурилова, прозываемаго Драницу. Повезли Пимена изъ Коломны на Вохну, минуя Москву, а отъ Вохны въ Переяславль, отъ Переяславля въ Ростовъ, отъ Ростова въ Кострому, а съ Костромы въ Галичь, и наконецъ въ Чухлому; и пробылъ онъ въ Чухломѣ цѣлое лѣто, а оттуда отведенъ былъ въ Тверь. Такимъ образомъ удалено одно изъ препятствій къ продолженію наслажденія чувствомъ побѣды, напоминаніемъ стараго. Торжество по прежнему продолжалось. У обоихъ знаменитыхъ Князей-побѣдителей, въ продолженіи года, слѣдующаго за битвой Куликовской, родилось по сыну; у Владиміра Андреевича крестили сына Митрополитъ и преподобный Сергій, а у Дмитрія Ивановича Ѳеодоръ, Игуменъ Симоновскій. Воротился изъ Константинополя и Діонисій Епископъ Суздальскій уже съ титуломъ Архіепископа и не съ цѣлію увеличивать церковную смуту, а съ порученіемъ отъ Патріарха, относительно ереси Стригольниковъ, появившейся во Псковѣ и Новгородѣ; а въ свою пользу Діонисій еще получилъ, кромѣ титула Архіепископа, и то, что къ его епархіи была возвращена часть, отнятая отъ Суздальской епар-

хіи при Митрополитѣ Алексѣѣ (см. выше). Все соединилось, кажется, для того, чтобы наслаждаться счастіемъ. Но остановимся сдѣсь и взглянемъ на личныя отношенія Великаго Князя къ Митрополиту и потомъ на самые плоды смуты. или, лучше сказать, первой ея половины.

Митрополитъ Кипріанъ пріѣхалъ по приглашенію Великаго Князя въ Москву, встрѣченъ торжественно, съ любовію, и долженъ былъ забыть старое; но легко ли такія вещи забываются! Нѣтъ, при всемъ желаніи забыть ихъ, отъ нихъ, и у людей, стоящихъ на высокой степени нравственности, останется какая-то накипь на душѣ. Даже при всей патріархальности тогдашнихъ отношеній, все-таки трудно забыть насмѣшки надъ беззащитнымъ, правымъ, желающимъ добра и добро дѣлающимъ, хотя бы послѣднее и офиціально все-таки можетъ случиться, что обруганное лицо при случаѣ невольно вспомнитъ обиды; у него все-таки не такъ будетъ лежать сердце къ обидѣвшему, хотя послѣ и загладившему свой проступокъ. Но кромѣ того, сдѣсь примиреніе можетъ быть еще отравлено тѣмъ, если обиженный будетъ знать, что обидѣвшій проситъ прощенія у него не вслѣдствіе раскаянія, а вслѣдствіе неудачи того, чѣмъ онъ хотѣлъ до конца обиженнаго обидѣть, а это послѣднее дѣло такъ не удалось, что еще вышла досада обидчику. Тутъ едва ли примиреніе будетъ дѣйствительно, и сдѣсь вспомнимъ характеръ, который выказалъ Митрополитъ Кипріанъ въ своихъ письмахъ: онъ хочетъ защищаться, искать правды, побѣдить, а не съ смиреніемъ Христіанина перенести обиду. Христіанское смиреніе въ Митрополитѣ затемняется страстію. Что же мы должны ждать отъ такого человѣка послѣ примиренія его съ другимъ, его обидѣвшимъ? Но сдѣсь не забудемъ, что Митрополитъ Кипріанъ былъ человѣкъ умный и по этому мы видимъ, что онъ не напоминаетъ о своихъ обидахъ и съ сознаніемъ своихъ обязанностей исполняетъ все, что они отъ него требуютъ, но исполняетъ офиціально. Затихшія страсти могутъ вспыхнуть при первомъ удобномъ случаѣ.

Теперь посмотримъ на отношенія Дмитрія Ивановича къ Митрополиту Кипріану. Любящее сердце Великаго Князя должно было сильно болѣть о томъ, когда онъ узналъ, до какихъ край-

ностей доведены дѣла его слѣпою привязанностiю къ Митяю: — послѣ смерти послѣдняго ему церковныя дѣла должны были явиться въ другомъ свѣтѣ, и онъ приглашаетъ къ себѣ два раза отвергнутаго Кипрiана, устроивается великолѣпная патрiархальная сцена встрѣчи. Самъ Великiй Князь идетъ на встрѣчу Святителя съ своими дѣтьми, боярами и народомъ. Митрополитъ, ничѣмъ себя не замаравшiй, является предъ Великимъ Княземъ мученикомъ за правду. Наступило время испытанiя, и Митрополитъ ведетъ себя прекрасно, даетъ постоянно умные совѣты и выказываетъ участiе къ дѣлу, а объ обидахъ какъ будто все забыто: отъ чего же Князю не любить Митрополита? И онъ дѣйствительно любилъ. Это добрая сторона отношенiй, явившихся теперь; но есть и злая. Вѣдь этотъ Святитель служилъ главнымъ препятствiемъ исполненiя его плановъ относительно Церкви; существованiе его возбуждало въ другихъ вражду къ Митяю, несчастному, можетъ быть погибшему варварскимъ образомъ отъ окружавшихъ. Этотъ Святитель идетъ въ Москву точно побѣдитель, а трогательная и торжественная сцена унижаетъ Князя. Умный Святитель не напоминаетъ о своихъ обидахъ, но для Князя, при случаѣ, могъ родиться вопросъ: забылъ ли Кипрiанъ, какъ онъ сидѣлъ ночь въ клѣти, въ холодной при томъ, и какъ его тогда неприличнымъ образомъ ругали: на это на все дадутъ отвѣтъ обстоятельства, и въ какую изъ этѣхъ двухъ сторонъ, хорошую или злую, будетъ ударъ этѣхъ обстоятельствъ, отъ этого зависитъ и рѣшенiе вопроса. Покуда, какъ мы видѣли, обстоятельства все били въ хорошую сторону, и Князь по своей привычкѣ любить не раздражающихъ его, любитъ до крайности Митрополита; явился было Пименъ, и его упрятали въ хорошее мѣсто, откуда трудно что-нибудь сдѣлать. Не одни однако жь крупныя дѣла, но и мелкiя обстоятельства могутъ приготовить ссору, — а таковыми являлись сплетни. Придворные могли опасаться, чтобы Кипрiанъ не сдѣлался такимъ лицемъ въ отношенiи къ Великому Князю, какимъ былъ Митяй; тогда, если это случится, Митрополитъ будетъ мстить всѣмъ хлопотавшимъ за Митяя и, изъ угожденiя послѣднему, безобразничавшимъ надъ нимъ, Кипрiаномъ; они могли указывать на то, что Кипрiанъ не любитъ Великаго Князя, ему добра не хочетъ, помнитъ зло и гордится побѣдой; а вотъ, дескать, есть другой, которому не гдѣ искать

защиты, и возять его изъ угла въ уголъ по Великому Княженію: конечно, онъ виноватъ, но по этому онъ будетъ безъ всякихъ претензій, все отдастъ за помиловавшаго его. А этотъ заключенникъ былъ выгоденъ и для придворныхъ: онъ отъ нихъ бы зависѣлъ, потому что имъ всѣмъ обязанъ, да и былъ ихъ, такъ сказать, созданіе. [14]

Какія же слѣдствія этой смуты церковной? Два Митрополита и оба въ Москвѣ; одинъ изъ нихъ былъ разъ прогнанъ, а потомъ принятъ; другой же покуда теперь только сосланъ и осрамленъ. Дѣло сдѣлано, никто не возражаетъ, а если жалуются, такъ только обиженные, а на ихъ жалобы въ защиту никто не встаетъ. Великій Князь не зналъ, что подобныя дѣла можно дѣлать съ Митрополитами всея Руси; но обстоятельства привели къ тому, что онъ самъ, или другіе его властію сдѣлали это. Никто ихъ не защитилъ, значитъ онъ можетъ это дѣлать; или, лучше сказать, что дѣлали въ Греціи съ Святителями по праву свѣтской власти, до того въ Москвѣ дошли практически. — Но кромѣ того выработалось и другое средство къ продолженію смуты церковной и къ униженію авторитета Митрополичьяго престола. Въ лицѣ Великаго Князя явилась власть надъ Митрополитомъ, но ихъ двое и оба тянутъ къ Москвѣ, по причинамъ выше объясненнымъ. Обоихъ Митрополитовъ, а ужь особенно одного, Пимена, Князь наврядъ ли сколько-нибудь сердечно любитъ, поэтому который будетъ для него выгоднѣе и услужливѣе, того онъ и выберетъ; оба должны угождать, а не то придется плохо: сгонитъ съ Митрополичьяго престола Великій Князь, возьметъ на него другаго, котораго не нужно, какъ приходилось прежде Ольгерду, добывать въ Константинополѣ. Слѣдовательно, со стороны Великаго Князя произволъ, а со стороны Митрополита — угожденіе. Но обратимся къ дальнѣйшему изложенію событій.

---

[14] Въ лѣтописи (см. напр. Ник. Л. ч. 4, стр. 77) замѣчено, что когда услышалъ Великій Князь, что идетъ Пименъ изъ Царяграда, то онъ гнѣвался на своего большаго боярина Юрія Васильевича Кочевина-Олешинскаго которому, какъ мы видѣли, надъ посланными съ Митяемъ старшинство было приказано; не хлопоталъ ли онъ за Пимена, — лѣтописецъ не даетъ отвѣта. Можетъ быть Князь сердился за то, что онъ допустилъ надѣлать различныхъ дѣлъ Пимену, но вовсякомъ случаѣ мы должны допустить при Дворѣ партію и довольно сильную, стоявшую за Пимена, о чемъ и ниже будемъ видѣть намеки.

Выше мы замѣтили слѣдующее; что въ какую сторону ударятъ обстоятельства, отъ которыхъ должны были зависѣть отношенія Великаго Князя къ Митрополиту, въ добрую или злую, и, какъ видѣли, обстоятельства все били въ добрую; по этому Великій Князь и Митрополитъ наслаждались счастіемъ мира и любви. Но счастіе непродолжительно. Дѣйствительность скоро послѣ Куликовской побѣды начала весьма чувствительно напоминать о себѣ; старыя отношенія, кажется забытыя, начинаютъ занимать свое мѣсто и требовать для себя окончанія.

Крайнее напряженіе силъ для побѣды вызвало крайнее ихъ ослабленіе; Москва, занимавшая первое мѣсто въ Россіи до битвы Куликовской и вызвавшая ее, должна была выносить на себѣ и всѣ ея плоды: покуда пришлось пользоваться дурными. Тохтамышъ вдругъ изгономъ двинулся на Великаго Князя; Дмитрій Ивановичъ, видя оскудѣніе въ воинствѣ, оставилъ въ Москвѣ Великую Княгиню и Митрополита, а самъ пошелъ къ Волгѣ собирать войско. Безъ Князя въ Москвѣ сталъ мятежъ: одни хотѣли убѣжать, другіе сидѣть въ городѣ; отъ споровъ дѣло перешло къ разбою и грабежу. Митрополитъ хотѣлъ возстановить порядокъ, но его не думали слушаться, и даже Великую Княгиню обидѣли. Тогда Митрополитъ и Великая Княгиня начали проситься, у захватившихъ правленіе городомъ, вонъ изъ Москвы. Но изъ города никого не пускали, во всѣхъ городскихъ воротахъ стояли люди съ обнаженнымъ оружіемъ, а въ бѣгущихъ бросали камнями съ воротъ. Послѣ усиленныхъ просьбъ Митрополитъ Кипріанъ и Великая Княгиня были выпущены изъ города; но при этомъ они со всѣми ихъ окружавшими были ограблены. Митрополитъ отправился въ Тверь, Великая Княгиня, къ мужу. Тохтамышъ пришелъ подъ Москву. Чрезъ нѣсколько дней ему удалось захватить городъ обманомъ и раззорить; послѣ Москвы были раззорены многіе города Великаго Княженія. Но когда Тохтамышъ услышалъ, что стоитъ войско на Волокѣ, ушелъ назадъ въ свои степи, ведя огромное количество плѣнныхъ.

Послѣ этого дѣйствительность должна была представиться въ довольно грустныхъ картинахъ: нужно было устроить раззоренное Великое Княжество, а тутъ еще поднялись старые враги на Москву. Приходилось Великому Князю воевать съ Олегомъ

Рязанскимъ, да и въ Твери хотѣли воспользоваться несчастіемъ Москвы. Дмитрій Ивановичъ воротился въ свою раззоренную столицу и послалъ за Митрополитомъ Кипріаномъ въ Тверь, зовя его въ Москву. Митрополитъ пріѣхалъ на зовъ. Но вдругъ между Великимъ Княземъ и Митрополитомъ Кипріаномъ появилась какая-то ссора, вслѣдствіе которой въ ту же осень Митрополитъ уѣхалъ изъ Москвы въ Кіевъ, гдѣ былъ принятъ съ такою же честію, какъ прежде былъ принятъ въ Москвѣ. Какая была побудительная причина къ ссорѣ? Лѣтописи сообщаютъ слѣдующія извѣстія объ этомъ: у Татищева въ Исторіи Россійской[15] это дѣло разсказывается такъ: Митрополитъ 7 Октября пріѣхалъ въ Москву изъ Твери.[16] Потомъ услышалъ Великій Князь Дмитрій Ивановичъ, что Князь Михаилъ Александровичъ Твѐрской пошелъ въ Орду просить Великаго Княженія и что сдѣлать это совѣтовалъ ему Митрополитъ Кипріанъ, который даже не хотѣлъ ради этого ити въ Москву, но едва былъ упрошенъ; и началъ говорить Великій Князь Митрополиту, что такъ дѣлать не годится: отсюда пошло у нихъ великое нелюбье, и по сей причинѣ Митрополитъ Кипріанъ въ ту же осень уѣхалъ въ Кіевъ. Въ Никоновской лѣтописи[17] прямо говорится, что не захотѣлъ Великій Князь Митрополита Кипріана, имѣя къ нему нелюбье; при чемъ вставлено длинное разсужденіе о томъ, что не заслуживаетъ упрека тотъ, который бѣжитъ отъ людей, не хотящихъ его имѣть около себя. Въ Софійской первой,[18] въ Воскресенской[19] и въ Типографской[20] лѣтописяхъ сказано, что Митрополитъ Кипріанъ съѣхалъ съ Москвы по тому, что сердился на него Великій Князь: за чѣмъ Митрополитъ не сидѣлъ въ осадѣ въ Москвѣ. Въ другихъ лѣтописяхъ объ этомъ дѣлѣ встрѣчаются еще болѣе краткія из-

---

15 Ч. 4 стр. 304 — 305.

16 Въ Тверской лѣсописи (П. С. Р. Л. т. 15, стр. 442) сказано, что Митрополитъ Кипріанъ пріѣхавъ въ Тверь изъ Новгорода Великаго (?), а оттуда въ Москву.

17 Ч. 4 стр. 139—140.

18 П. С. Р. Л. т. 5, стр. 238.

19 Тамъ же т. 8, стр. 48

20 Стр. 182.

вѣстія. Мы должны принять во вниманіе всѣ этѣ извѣстія: они другъ другу въ сущности не противорѣчатъ, и главное взглянемъ на извѣстіе Татищева, что Великій Князь подозрѣвалъ Митрополита во враждѣ къ себѣ по слуху.

Состояніе раззоренныхъ столицы и Княжества, послѣ того какъ голова кружилась отъ побѣды и счастія, какъ черезъ чуръ сильный переходъ, должно было подѣйствовать на Великаго Князя. да при томъ старые враги поднялись, желая воспользоваться несчастіемъ. Очень естественно было при всемъ этомъ появиться подозрѣнію, что есть враги, не только явные, но и такіе, которыхъ не видно, между тѣмъ какъ они близко находятся. Москва раззорена; а если бы остался Митрополитъ въ ней, то, можетъ быть, своимъ умомъ проникнулъ бы хитрость Татарскую, и такимъ образомъ не далъ бы обмануться начальникамъ и гражданамъ, и тогда бы Москва была спасена. Но Митрополитъ уѣхалъ въ Тверь къ союзнику Литвы, а этотъ Тверской Князь сей часъ послѣ погрома Москвы отъ Тохтамыша ѣдетъ въ Орду просить Великаго Княженія. Не научилъ ли Тверскаго Князя это сдѣлать Митрополитъ, думая отомстить прежнія себѣ обиды отъ Московскаго Князя? Этѣ подозрѣнія могли явиться въ головѣ Дмитрія Ивановича. А тутъ еще бояре, ѣздившіе за Митрополитомъ, говорятъ, что они едва упросили его ѣхать въ Москву; да этѣ же бояре очень легко могли сказать, или навести на мысль Великаго Князя, что искать Великаго Княженія Михаила Александровича научилъ Митрополитъ. Въ раздраженномъ состояніи, въ какомъ необходимо долженъ былъ находиться Дмитрій Ивановичъ, глядя на состояніе дѣлъ, всякое подозрѣніе, брошенное на кого либо, какъ на творца смуты, могло развиться въ убѣжденіе, а тутъ еще, кромѣ того, такъ много другихъ побудительныхъ причинъ къ подкрѣпленію подозрѣнія. Но сдѣсь мы должны сказать въ оправданіе Дмитрія Ивановича слѣдующее: онъ, пріѣхавъ въ Москву, тотчасъ послалъ за Митрополитомъ; значитъ, онъ его не подозрѣвалъ во враждѣ, а то не зачѣмъ бы и посылать. Митрополитъ пріѣхалъ, а тутъ дѣла пошли все хуже и хуже: тогда уже указаніе на Митрополита возбудило подозрѣніе. Но теперь посмотримъ: не далъ ли самъ Митрополитъ поводъ къ подозрѣнію. Онъ уѣхалъ въ Тверь, пробылъ тамъ и поѣхалъ въ

Москву, когда его пригласили. Во время даже приглашенія не являлось ли у него раздумье, да пожалуй выраженное и въ слухъ, какъ жить въ раззоренной Москвѣ? Это послѣднее у него могло естественно появиться; а если появилось, то давало средства къ развитію подозрѣній. Но справедливы ли тѣ обвиненія, которыя на него взводили? При краткости лѣтописныхъ извѣстій, мы не можемъ отвѣчать утвердительно; но выше было замѣчено, что между Митрополитомъ Кипріаномъ и Дмитріемъ Ивановичемъ трудно было ожидать близкихъ, сердечныхъ, добрыхъ отношеній: ихъ свели обстоятельства, а одинъ другаго не могъ полюбить сильно, особенно же Митрополитъ. Митрополитъ уѣхалъ въ Тверь и услышалъ, что Москва раззорена и раззорено почти все Великое Княженіе. За чѣмъ онъ поѣдетъ въ Москву, теперь совершенно, кажется, безсильную отъ такихъ полновѣсныхъ испытаній силы и при томъ въ короткое время? Если Москва стала безсильною и кажется не оправится послѣ всѣхъ этѣхъ несчастій, то сильнѣйшее Княженіе послѣ нея должна быть Тверь, Князь которой будетъ по этому такъ обязанъ Кипріану, что ужь всегда будетъ его лучшимъ заступникомъ: не задумалъ ли Митрополитъ Кипріанъ выбирать между Князьями и, знаменитый авторъ житія Митрополита Петра, написаннаго съ цѣлью показать Московскимъ Князьямъ, что средствами къ побѣдѣ надъ Татарами они главное обязаны Митрополитамъ всея Россійскимъ, не проникнулся ли онъ духомъ своего предшественника и не вздумалъ ли разыграть его роль? Но дѣло Митрополита Петра приготовлялось, по крайней мѣрѣ, цѣлыхъ полтора столѣтія, а не полтора года; да и самъ-то Митрополитъ Петръ свое дѣло сдѣлалъ не сразу, какъ приходилось дѣлать Митрополиту Кипріану, а въ концѣ своей жизни. Сдѣсь опять должны сказать и въ защиту Митрополита Кипріана: онъ все таки на приглашеніе пріѣхалъ въ Москву.

Не опираясь положительно на всѣ этѣ предположенія, не можемъ ихъ, кажется, прямо и оттолкнуть въ сторону. Корень ссоры лежалъ далеко и между сведенными лицами не было общаго интереса, по этому первый толчокъ повелъ къ разрыву. Митрополитъ Кипріанъ уѣхалъ въ Кіевъ, гдѣ приняли его съ честію, и тамъ сталъ заправлять дѣлами церковными; а Великій Князь

Дмитрій Ивановичъ, вскорѣ по отъѣздѣ Кипріановомъ, послалъ въ Тверь за Пименомъ, котораго освободили изъ заточенія и «отъ узъ въ таковое время.» Пименъ былъ принятъ въ Москвѣ, точь въ точь съ такимъ же торжествомъ, какъ прежде Кипріанъ, и началъ заправлять церковными дѣлами Сѣверной Россіи по обычаю церковному, и всѣ стали его слушать и чествовать. Митрополія опять раздѣлилась между Митрополитами, не вслѣдствіе ихъ личной дѣятельности, а вслѣдствіе того, что свѣтская власть была въ ссорѣ съ представителемъ духовной власти, который имѣлъ средства укрыться въ другой половинѣ своей Митрополіи, не находящейся подъ вліяніемъ власти, гнавшаго его Великаго Князя; а послѣдній безъ особеннаго труда могъ добыть себѣ другаго Митрополита. Такимъ образомъ сильнѣйшій Князь выбираетъ между Митрополитами, а не послѣдніе между Князьями.[21] Этѣмъ дѣломъ снова началась церковная смута или, лучше сказать, второй ея періодъ.

Пименъ Митрополитъ, принятый Дмитріемъ Ивановичемъ и такимъ образомъ всѣмъ ему обязанный, какъ бы онъ послѣднему ни угождалъ, наврядъ ли могъ ему особенно быть милъ; онъ ужъ очень много напоминалъ непріятнаго, да, наконецъ, и самая смута въ церковной іерархіи должна была непріятно дѣйствовать на Великаго Князя, который долженъ былъ невольно себя считать ея создателемъ. По этому мы видимъ, что Великій Князь первый началъ заботиться объ уничтоженіи смуты, и въ слѣдующее лѣто, т. е. почти только чрезъ полгода, послѣ призыва Пимена, 30 Іюня отправился снова въ Царьградъ Діонисій Архіепископъ Суздальскій, а съ нимъ вмѣстѣ отпустилъ Великій Князь Ѳеодора, Игумена Симоновскаго, къ Патріарху Нилу по дѣламъ, относившимся до управленія Митрополіи Россійской. Вотъ одно извѣстіе, помѣщенное въ лѣтописи, за чѣмъ поѣхалъ Діонисій съ Ѳеодоромъ; другое извѣстіе, болѣе дающее къ уразумѣнію со-

---

21 «Какъ прежде присутствіе нѣсколькихъ Князей, предъявлявшихъ права свои на старшинство, давало возможность выбора между ними; такъ теперь присутствіе двухъ Митрополитовъ, уже поставленныхъ въ Константинополѣ, дѣлало возможнымъ и выборъ между ними.» (Ист. Россіи т. 4, стр. 308, изд. 2).

бытій, разсказывается подъ слѣдующимъ годомъ. Діонисій возвратился изъ Константинополя въ Сѣверную Россію и ѣхалъ на Кіевъ уже въ санѣ Митрополита всея Руси. Но тогда былъ въ Кіевѣ Митрополитъ Кипріанъ, котораго, какъ мы выше упомянули, тамъ приняли съ честію. И вотъ Митрополита Діонисія Кіевскій Князь Владиміръ Ольгердовичъ остановилъ, и причину этому объявилъ слѣдующую: «за чѣмъ пошелъ въ Царьградъ къ Патріарху ставиться въ Митрополиты безъ нашего совѣта; на Кіевѣ есть Митрополитъ Кипріанъ, и онъ есть Митрополитъ всея Руси; по этому ты здѣсь и посиди въ Кіевѣ.» Діонисій просидѣлъ въ Кіевѣ до своей смерти, случившейся чрезъ годъ по заключеніи. Θеодоръ воротился спокойно и уже не Игуменомъ, а Архимандритомъ, каковой санъ далъ ему Патріархъ. Извѣстія лѣтописи до того кратки, что трудно заключать о побуждающихъ причинахъ къ тому или другому дѣйствію; однако жь сдѣсь можно предположить, что Діонисій сдѣлалъ послѣднее дѣло, т. е. выхлопоталъ себѣ санъ Митрополита, не безъ того, чтобы къ этому не былъ побужденъ Великимъ Княземъ. Остановка его въ Кіевѣ была, быть можетъ, местію со стороны Митрополита Кипріана, который могъ нажаловаться въ Кіевѣ на то, какъ съ нимъ поступали въ Москвѣ. Не очень сильный Князь Владиміръ Ольгердовичъ не могъ особенно высказывать свои притязанія о вліяніи на избраніе Митрополитовъ; онъ могъ въ этомъ дѣлѣ дѣйствовать какъ ширма для мести другихъ, желавшихъ сдѣлать непріятность, только не лично.

Но самъ Митрополитъ Кипріанъ не оставался въ бездѣйствіи; онъ намѣревался дѣйствовать въ Константинополѣ, и въ то же время, какъ можно предполагать, велъ дѣятельную переписку съ своими сторонниками въ Сѣверной Россіи, что можно видѣть изъ одного письма,[22] писаннаго въ 1383 г. неизвѣстно къ какому-то Игумену, обозначенному въ письмѣ подъ буквою «а», можетъ быть, судя по смыслу письма въ сравненіи съ вышеприведенными, къ тому же преподобному Сергію. Вотъ содержаніе этого письма: «да будетъ тебѣ вѣдомо: ѣду въ Царьградъ чрезъ Волошскую землю. Мнѣ не хотѣлось бы отъ своей паствы никуда не ходить,

---

[22] Прав. Соб. 1860 г. т. 2, стр. 105—106.

но что же дѣлать! Кто меня заставилъ этотъ путь совершать? Господь Богъ опять ему подастъ познать истину. А мнѣ должно быть у васъ скоро изъ Царяграда, а лживаго и льстиваго человѣка Богъ объявитъ[23] .... Отпиши ко мнѣ и дай извѣстіе — какъ еси». Кипріанъ Митрополитъ отправился въ Константинополь и, вѣроятно вслѣдствіе его жалобъ тамъ, Митрополитъ Пименъ, чрезъ двухъ Греческихъ Митрополитовъ, пріѣхавшихъ въ Россію, былъ вызванъ къ Патріарху. Пименъ отправился: что тамъ было между нимъ и Кипріаномъ предъ Патріархомъ, не извѣстно; но можемъ предполагать, что Великій Князь наврядъ ли желалъ, чтобы Пименъ, какъ бы онъ ни былъ ему непріятенъ, проигралъ въ спорѣ противъ Кипріана; такъ какъ въ сущности споръ Кипріана мы должны считать за споръ не съ Пименомъ, а съ Великимъ Княземъ. Въ слѣдующемъ году по отъѣздѣ Пимена онъ послалъ въ Константинополь Ѳеодора, Архимандрита Симоновскаго, хлопотать объ управленіи Митрополіею Россійской въ пользу, какъ видно, Пимена.[24] Митрополитъ Кипріанъ изъ этѣхъ враждебныхъ дѣйствій противъ себя и изъ вниманія, которое оказывали въ Константинополѣ въ требованіяхъ Московскаго Князя, могъ вполнѣ убѣдиться, что для успѣшнаго рѣшенія его дѣла нужно прежде всего, на какихъ бы то ни было условіяхъ, примириться съ Дмитріемъ Ивановичемъ. Въ это же время къ примиренію представился случай. Въ 1386 году Василій Дмитріевичъ находился проѣздомъ въ Литвѣ и, вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ, долженъ былъ дать слово Витовту жениться на его дочери.[25] Митрополитъ Кипріанъ, какъ умный человѣкъ, воспользовался этѣмъ случаемъ. Можно предполагать, что Витовтъ предложилъ своему будущему зятю захватить съ собой въ Москву Кипріана; Василій Дмитріевичъ, находясь почти что въ плѣну у Витовта, долженъ былъ на это согласиться. Въ лѣтописи объ этомъ дѣлѣ весьма

---

[23] Подъ этѣмъ лживымъ и льстивымъ человѣкомъ достопочтенные издатели 4-хъ писемъ Митрополита Кипріана предполагаютъ подразумѣвать Митрополита Пимена; при неясности выраженія, это кажется относится къ кому нибудь изъ поссорившихъ Великаго Князя съ Митрополитомъ Кипріаномъ, что Пименъ, изъ своего заключенія, наврядъ ли могъ сдѣлать.

[24] См. ниже стр. 136.

[25] Ник. лѣт. ч. 4, стр. 152.

кратко говорится: Василій Дмитріевичъ убѣжалъ изъ Орды, обошелъ многія земли и пришелъ въ Москву, а съ нимъ изъ Кіева пріѣхалъ Митрополитъ Кипріанъ, и не принялъ его Князь Великій.[26] Такимъ образомъ въ четвертый разъ долженъ былъ Святитель Кипріанъ уѣхать изъ Москвы и возложить всю надежду въ своемъ дѣлѣ на Константинополь и на своихъ покровителей Гедиминовичей. Въ Константинополѣ же, по выслушаніи всего дѣла отъ Кипріана, отпустили его по прежнему въ Россію, но не въ Великую, т. е. какъ его прежде отпустили въ 1380 году и какъ еще прежде отпустили Романа послѣ спора его съ Алексѣемъ Митрополитомъ.[27] Лѣтописецъ говоритъ объ этомъ рѣшеніи, что въ 1387 году 6 Іюня пришелъ Пименъ Митрополитъ изъ Царяграда не на Кіевъ, но на Москву только, пришелъ безъ исправы (и, кажется, даже бѣжалъ), по тому что на Кіевѣ былъ Митрополитъ Кипріанъ, а на Москвѣ Пименъ. Изъ этѣхъ отрывочныхъ извѣстій о рѣшеніи спора Митрополитовъ мы должны сказать, что сей часъ сказали, что въ Константинополѣ это дѣло рѣшили по прежнимъ образцамъ, т. е. предоставили его рѣшить дальнѣйшему ходу обстоятельствъ. Но такъ какъ Пименово дѣло было ужъ очень не чисто, то мы можемъ видѣть, какъ изъ словъ грамоты Константинопольскаго Патріарха, что отпустили Кипріана Митрополитомъ на Русь «но не Великую», такъ и изъ словъ лѣтописи, что Пименъ много проигралъ въ сравненіи съ Митрополитомъ Алексѣемъ: тотъ по рѣшеніямъ Константинопольскаго Патріарха никогда не терялъ Кіева изъ подъ своей власти, хотя имъ и правили его соперники, но по волѣ Ольгерда.

Но дѣла этѣ скоро сами собой окончились: 13 Апрѣля 1389 года Митрополитъ Пименъ тайно отъ Великаго Князя поѣхалъ изъ Москвы въ Константинополь. Великій Князь понегодовалъ на Митрополита за то, что онъ это сдѣлалъ безъ его совѣта. Лѣтописецъ объясняетъ причину отъѣзда краткими словами: была «распря нѣкая промежъ ихъ». Вѣрно, трудно стало жить въ Москвѣ и Пимену: ему, разъ допустившему обманъ, приходилось

[26] П. С. Р. Л. т 15, стр. 444.

[27] См Ж. М. Н. Пр. 1847 г. Протоколы Константинопольскаго Патріарха стр. 157.

нести и всѣ плоды его; да и Великому-то Князю тоже трудно было любить такого Митрополита. Дмитрій Ивановичъ, не видно, чтобъ послалъ теперь за Кипріаномъ, да къ тому же онъ 19 Мая того же года скончался. Митрополитъ Пименъ теперь ѣхалъ въ Константинополь не съ такой великолѣпной и громадной свитой, съ какой ѣхалъ нѣкогда Митяй, а съ небольшой, какъ и въ предыдущій разъ, когда онъ ѣхалъ судиться съ Кипріаномъ. На дорогѣ его насильно остановили кредиторы, которымъ не были уплачены долги, сдѣланные прежде въ Константинополѣ; но Пимену удалось упросить кредиторовъ, чтобъ они отпустили его. Теперь Пимену не пришлось видѣть и Константинополя: онъ остановился, не доѣзжая цѣли своего путешествія, и послалъ туда нѣкоторыхъ изъ своей свиты, вѣроятно для того, чтобы они дали извѣстіе о состояніи его дѣла. Теперь время перемѣнилось: въ Константинополѣ увидѣли, что Пименъ не ужился съ Великимъ Княземъ, а Кипріанъ былъ около Патріарха и хлопоталъ; вслѣдствіе всего этого Пименъ былъ низложенъ. Такъ какъ при этомъ окончательно возстановлялось единство Митрополіи, потому что изъ Митрополитовъ одинъ Кипріанъ остался, то судъ Священнаго Собора облекъ все дѣло въ законную форму: пересчитали всѣ событія смуты и нашли, что виновникъ всему есть давно умершій Митрополитъ Алексѣй, потому что онъ власть сосредоточивалъ въ своихъ рукахъ; другимъ виновникомъ смуты являлся тоже умершій Митрополитъ Діонисій, потому что онъ употреблялъ происки, и наконецъ живой, и то долженъ быть отсутствующій, Θеодоръ, такъ какъ онъ сначала обвинялъ Пимена (вѣроятно, когда былъ съ Діонисіемъ), а послѣ съ нимъ согласился. Послѣднее мы знаемъ, что онъ дѣлалъ по приказу Великаго Князя. Послѣ всего этого въ Константинополѣ рѣшили исправить прежнія ошибки и возстановить единство Митрополіи Русской.[28] Но Пименъ не дождался слѣдствій низложенія. 11 Сентября онъ скончался въ Халкидонѣ: тѣло его привезли въ Констанополь и погребли противъ Галаты, въ которой прежде былъ погребенъ Митяй. Такимъ образомъ Митяй, Діонисій и Пименъ, дѣйствующія лица въ церковной смутѣ, какъ будто не удостоились быть погребенными

[28] Протоколы Константинопольскаго Патріарха Ж. М. Н. Пр. 1847 г. т. 54 стр. 157.

вмѣстѣ съ Митрополитами Всея-Россійскими въ Москвѣ, гдѣ стали ихъ погребать, начиная съ Святителя Петра.

Изъ четырехъ соискателей на престолъ Митрополіи всея Руси остался теперь одинъ въ живыхъ, Кипріанъ, на сторонѣ котораго такъ много права было, въ сравненіи съ его соперниками. Кипріанъ, пришедшій въ Константинополь еще до смерти Пимена, теперь получилъ благословеніе отъ Патріарха быть Митрополитомъ Кіевскимъ и всея Руси. Въ это время, должно полагать, прибылъ въ Константинополь извѣстный намъ Ѳеодоръ, теперь Епископъ Ростовскій, явившійся сюда, какъ думають,[29] что однако и не трудно допустить, отъ Великаго Князя, чтобъ пригласить Митрополита Кипріана въ Москву. 8 Сентября Митрополитъ Кипріанъ и Ѳеодоръ, возведенный Патріархомъ изъ Епископовъ въ Архіепископы, заняли 1000 Новогородскихъ рублей, на какіе расходы, мы не знаемъ,[30] и 1 Октября отправились изъ Константинополя въ Россію. Патріархъ благословилъ и отпустилъ ихъ съ честію.

Дѣла теперь такъ устроились хорошо для Митрополита Кипріана, что ему нечего было опасаться продолженія неблагопріятныхъ для своего права препятствій. Онъ остался одинъ Митрополитомъ на всю Русь; Великій Князь, который имѣлъ къ нему непріязнь, умеръ; наслѣднику послѣдняго не для чего было враждовать на Кипріана изъ за Митяя и другихъ прошедшихъ непріятностей, въ которыхъ самъ не былъ замѣшанъ, да наконецъ и вообще смута должна надоѣсть, и тѣмъ болѣе, что если ее продолжитъ Великій Князь, то самъ много потеряетъ; въ Литвѣ на мѣсто Ольгерда явился Витовтъ. Самъ же Кипріанъ, испытавшій много дурнаго, принужденный давно къ тому, чтобы хорошенько понять свои и чужія отношенія, существовавшія при немъ въ Россіи, долженъ былъ по этому забыть старую борьбу, которую не съ кѣмъ, да и не изъ чего было вести.

Зимою Митрополитъ Кипріанъ пріѣхалъ въ Кіевъ, а предъ великимъ заговѣньемъ поѣхалъ въ Москву. Здѣсь онъ былъ при-

---

[29] Приб. къ Твор. Св. От. годъ 6, ст. о Митр. Кипріанѣ, стр. 309, прим. 6.
[30] Ак. Ист. т. 1. N 252.

нятъ съ такою же честію, какъ прежде, 10 лѣтъ тому назадъ. Бояре Великаго Князя встрѣтили Митрополита Кипріана далеко за Москвою; самъ Великій Князь Василій Дмитріевичъ, со всѣми своими родными, бывшими въ Москвѣ, съ боярами и множествомъ народа встрѣтилъ его въ Котлахъ и принялъ благословеніе; у Николы Стараго Митрополитъ облачился въ Святительскія ризы и со всѣмъ соборомъ, въ сопровожденіи множества народа, отправился въ храмъ Успенскій и занялъ свой Митрополій престолъ всея Руси. Кипріанъ былъ послѣдній изъ тѣхъ Митрополитовъ всея Руси, изъ подъ власти которыхъ, въ продолженіи всего настоящаго правленія Митрополіею, Кіевъ не отдѣлялся. Это, конечно, было слѣдствіемъ какъ долговременнаго его пребыванія въ главномъ стольномъ городѣ Митрополіи Россійской, а отсюда крѣпкихъ связей съ владѣтельными лицами тамошняго края, на что мы имѣли намекъ въ дѣлѣ Діонисія; также это было слѣдствіемъ и того, что отношенія Московскаго Великаго Князя къ Литвѣ, при жизни Кипріана, были довольно мирнаго свойства. Кончилась смута церковная въ Россіи, какъ можемъ видѣть, довольно счастливо: она продолжалась почти 15 лѣтъ, т. е. менѣе чѣмъ на половину того, сколько продолжалась Западная церковная смута, извѣстная подъ названіемъ великаго раскола, начавшаяся въ одно время съ нашей.

Теперь въ заключеніе взглянемъ на тѣ слѣдствія, къ которымъ повела въ Россіи церковная смута, для чего обратимъ вниманіе только на нѣкоторые характеристическіе факты. Но прежде посмотримъ на то, не было ли замѣтно измѣненій отношеній свѣтской власти къ духовной въ продолженіи смуты, въ сравненіи съ прежними патріархальными отношеніями. Здѣсь, конечно, бросается намъ въ глаза то, не весьма большое уваженіе, которое выказываетъ Великій Князь къ личностямъ Митрополитовъ, мѣняя ихъ по своему произволу; но въ сущности неуваженіе одного лица къ другому есть личное отношеніе, и по этому оно не можетъ вести къ вліянію на существенныя положенія отношеній двухъ сторонъ другъ къ другу. Форма отношеній свѣтской власти къ духовной оставалась прежняя: такъ при обоихъ Митрополитахъ, Кипріанѣ и Пименѣ, договорныя грамоты, писанныя во время бытности ихъ въ Москвѣ, начинались по прежнему съ

благословенія Митрополитовъ, и даже въ договорной грамотѣ Дмитрія Ивановича съ Владиміромъ Андреевичемъ, писанной при Пименѣ, находится слѣдующее условіе: если бояре, рѣшающіе спорныя дѣла между владѣніями Князей, сопрутся о чемъ нибудь, то для рѣшенія спора пусть ѣдутъ къ Митрополиту; а если Митрополита не будетъ въ Москвѣ, тогда уже должны ѣхать на третій, кого изберутъ.[31] Для насъ особенную важность составляетъ не это случайное условіе, а то, что, въ продолженіи смуты, не вступала ли свѣтская власть, въ лицѣ Великаго Князя, въ сферу власти духовной, въ сравненіи съ тѣмъ, какъ было прежде? Но при крайней скудости извѣстій и при неопредѣленности прежнихъ отношеній властей, мы ничего положительнаго не можемъ сказать. За то слѣдствія смуты высказывались въ послѣдствіи, когда обѣ власти стали одна противъ другой съ спокойнымъ видомъ, и что прежде велось по обычаю и что въ смутное время по этому могло подвергнуться нарушеніямъ, нужно было исправить. Отсюда являются договоры, такъ сказать, опредѣляющіе пространство власти каждой стороны. Вслѣдствіе желанія привести дѣла въ порядокъ чрезъ договоры, необходимо должны были явиться взаимныя уступки и, конечно, по общему порядку, большая ихъ часть падала на сторону побѣжденную. И вотъ въ подтвержденіе сказаннаго до насъ дошли двѣ грамоты, опредѣляющія положеніе Церкви у насъ, съ двухъ сторонъ, а именно: во первыхъ, какъ учрежденія духовнаго, имѣющаго свою самостоятельную іерархію, управляющуюся по законамъ, переданнымъ намъ изъ Греціи, и во вторыхъ, какъ учрежденія, владѣющаго имуществами, которыя, не составляя отдѣльной области, находятся въ извѣстныхъ отношеніяхъ къ свѣтскимъ владѣльцамъ, Великимъ Князьямъ. Въ среду перваго положенія Церкви вмѣшательство свѣтской власти представлялось нарушеніемъ церковныхъ уставовъ, признаваемыхъ и глубоко уважаемыхъ Великими Князьями. По этому Великій Князь Василій Дмитріевичъ съ Митрополитомъ Кипріаномъ опредѣлилъ этѣ отношенія по старинѣ: какъ опредѣлилъ ихъ прадѣдъ Св. Князь Великій Владиміръ и сынъ его Князь Великій Ярославъ; какъ опредѣлили они къ Митрополитамъ о судахъ церковныхъ по Греческому Номоканону, чтобъ

---

[31] С. Г. Г. и Д т. I, NN 32 и 33.

все церковное шло такъ, какъ пошло издавна; по этому же и мы, говоритъ Василій Дмитріевичъ, опредѣлили такъ чтобъ впередъ ничего не увеличивать и не умалять, но чтобъ такъ и шло по старому неподвижно.[32] Самый источникъ грамоты прямо указанъ въ ней. Но несравненно труднѣе было опредѣлить другія отношенія, имущественныя. Изъ дошедшей, писанной по этому случаю, грамоты, видимъ, что утверждаются ею не особенно старыя отношенія, или вводятся новыя, но тѣ именно, которыя особенно выгодны для свѣтской власти, т. е. тѣ, главное, когда Церковь, въ лицѣ своего Митрополита, употребляла всѣ средства на помощь Московскимъ Князьямъ, и эти-то отношенія поставлены въ основаніе всему. Вотъ краткое содержаніе этой грамоты:[33] Великій Князь и Митрополитъ опредѣлили между собою: о домахъ церковныхъ, о волостяхъ, о земляхъ, водахъ и о всѣхъ пошлинахъ церковныхъ, установляется все по старинѣ; что Великаго Князя—то его, а что Митрополичье — то его; Великому Князю съ волостей Митрополичьихъ оброку, противъ прежняго, лишняго не брать. Тѣ села Митрополичьи, которыя даваны давно, еще до Алексѣя Митрополита, тамъ тѣ пусть и тянутъ къ Митрополиту, какъ тянули при Митрополитѣ Алексѣѣ; дань брать съ тѣхъ селъ въ выходъ Великому Князю по оброчной его грамотѣ; а если дадутъ дани лишнія села Великаго Князя, то тогда должны дать тоже и села Митрополичьи. А про войну, коли я самъ, Князь Великій, сяду на конь, тогда идти и Митрополичьимъ боярамъ и слугамъ, подъ Митрополичьимъ воеводою, а подъ стягомъ моимъ, Великаго Князя; а кто изъ бояръ или слугъ не служивалъ Алексѣю Митрополиту, а приказался ново Митрополиту тѣ должны ити подъ моимъ воеводою, Великаго Князя. Далѣе этою уставною грамотою опредѣляются тѣ отношенія имущественныя, которыя вообще уже прежде сложились «за Митрополита Алексѣя.» Главную роль, въ этомъ послѣднемъ договорѣ, какъ можемъ видѣть, играютъ финансовыя отношенія: о податяхъ, о принадлежности людей тому или другому владѣльцу, какъ такія

---

[32] Опис. Кіево-Соф. собора и Кіев. іер. Митр. Евгенія, въ приложеніяхъ стр. 39; И. Г. Р. т. 5 прим, 233; о подлинности этой грамоты см. П. С. С. покойнаго профессора Неволина т. 6 стр. 312—315.

[33] Ак- Арх. Эк. т. 1, N 9.

отношенія, которыя прежде всего стоятъ въ виду въ обществѣ, управляющемся покуда на основаніи правилъ гражданскаго права о моемъ и твоемъ.

Изъ всего вышеизложеннаго о смутѣ церковной и ея слѣдствіяхъ, мы кажется, можемъ заключить разсказъ объ ней тѣми же словами, которыми начали: высоко поднялся авторитетъ Митрополита въ лицѣ Алексѣя и низко палъ вскорѣ въ лицѣ Пимена; но такъ какъ это двѣ крайности, то вся смута церковная уравновѣсила ихъ, и она, приготовленная обстоятельствами, привела къ тому, чтобъ выказать яснѣе разнообразныя отношенія и привести къ окончательно правильному положенію Русской Церкви въ Государствѣ; о чемъ будетъ говорено ниже при описаніи жизни и дѣятельности Митрополита Іоны.

Но здѣсь замѣтимъ противуположность нашей церковной смуты великому западному расколу. У насъ свѣтская власть тянула смуту и всѣ хорошіе плоды ея взяла въ свою пользу; на Западѣ Церковная іерархія, вслѣдствіе своего разврата, произвела смуту и вслѣдствіе того же разврата тянула; а когда націи, заинтересованныя въ дѣлахъ Церкви, возстали съ требованіемъ исправленія Церкви въ главѣ и членахъ, церковная іерархія сожгла Гуса, а націямъ, участвовавшимъ въ Констанскомъ Соборѣ, сдѣлала ничтожныя уступки въ видѣ договоровъ (конкордатовъ). Про противуположность главныхъ лицъ нечего и говорить, напр. Донской — Дмитрій Ивановичъ и Сигизмундъ, Пименъ и Валтасаръ Косса. Здѣсь на сторонѣ Россіи стоятъ ангелы, въ сравненіи съ западными двигателями смуты, по своему личному достоинству и характеру.

СВ. ІОНА, ПОСЛѢДНІЙ МИТРОПОЛИТЪ КІЕВСКІЙ И ВСЕЯ РУСИ.

Въ житіи Митрополита Іоны помѣщены только слѣдующія извѣстія о его жизни, до того времени, когда онъ выступилъ на политическое поприще. [1] Онъ былъ родомъ изъ мѣстности около Галича Костромскаго, изъ селенія Ондушева; отцомъ его былъ Ѳедоръ Ондушъ. Съ юности Іона почувствовалъ призваніе къ монашеской жизни, и двѣнадцати лѣтъ постригся въ одномъ изъ Галицкихъ монастырей; но спустя нѣкоторое время перешелъ въ Москву и вступилъ въ Симоновъ монастырь. [2] Здѣсь онъ принялъ на себя исполненіе различныхъ иноческихъ подвиговъ и, вмѣстѣ съ другими, нѣкоторыми подвижниками, бывшими въ обители, не давалъ въ монастырѣ ничему мѣста, что противно было монастырскому уставу; по этому подвижники позволяли себѣ дѣлать упреки и самому Архимандриту, если онъ не вполнѣ исполнялъ предписанія устава. Архимандритъ за это гналъ обличителей. Въ этомъ монастырѣ Іона занимался постоянно Священнымъ Писаніемъ, а также заботился и о своемъ нравственномъ совершенствованіи. Митрополитъ Фотій, въ одно изъ посѣщеній своихъ Симонова монастыря, зашелъ въ монастырскую пекарню: Здѣсь онъ увидалъ Іону, заснувшаго отъ усталости; долго Святитель смотрѣлъ на изнуренное лице спавшаго, запретивъ его будить,

---

[1] Житіе въ Ст. Кн. ч. 2 стр. 69 и далѣе.

[2] Симоновъ монастырь имѣлъ въ Солигаличѣ свои соловарни: Ист. Г. Р. т. 5. пр. 122 и по этой связи Солигалича съ Симоновымъ монастыремъ предполагаютъ, по чему Іона перешелъ именно въ Симоновъ монастырь. Пр. къ Тв. Св. От. годъ 4 въ статьѣ о Митрополитѣ Іонѣ стр. 221 прим. 9 а также и подъ буквою г.

и наконецъ, какъ разсказываетъ авторъ житія Іоны, сказалъ окружавшимъ себя, что спящій инокъ будетъ великій Святитель, а царствующему граду и другимъ городамъ истинный пастырь и учитель[3].

Кромѣ вышеизложеннаго, о жизни Іоны въ монастырѣ мы ничего не знаемъ: но можно предполагать, что святость его жизни и другія достоинства были извѣстны многимъ, и даже Великому Князю; послѣднее видно изъ того, что въ житіи говорится, что Іона былъ поставленъ въ Епископа Рязани Мурома, «по избранію освященнаго Собора и по совѣту Самодержца». Въ санѣ Епископа Рязани и Мурома онъ занялся обращеніемъ къ Христіянству иновѣрныхъ жителей своей Епархіи.

2-го Іюля 1431 года скончался въ Москвѣ Фотій Митрополитъ всея Руси; нужно было позаботиться объ избраніи ему преемника. Мы видѣли выше, что Святитель Алексѣй былъ избранъ въ Митрополиты по желанію Великаго Князя и Митрополита Ѳеогноста; ихъ избраніе въ Константинополѣ было утверждено. По смерти Алексѣя началась церковная смута, кончившаяся тѣмъ, что Святитель Кипріанъ, посвященный въ Константинополѣ въ Митрополиты, по ходатайству Литовскихъ Князей, сдѣлался наконецъ настоящимъ по власти Митрополитомъ всея Руси и умеръ въ Москвѣ. По смерти его изъ Москвы послали въ Константинополь съ требованіемъ, чтобы прислали оттуда Митрополита для Россіи; изъ Константинополя былъ присланъ Фотій. Но избранію Фотія въ Митрополиты всея Руси явилось явное противодѣйствіе изъ Литвы. Витовтъ, находившійся въ это время во враждебныхъ отношеніяхъ къ Москвѣ, желалъ, чтобы преемникомъ Кипріану былъ его избранникъ; но какъ въ Константинополѣ не было удовлетворено его желаніе, то Соборомъ Западно-Русскихъ Епископовъ въ 1415 году былъ поставленъ Григорій въ Митрополиты для Епархій, входившихъ въ составъ владѣній Литовскаго Великаго Князя.[4] Но Витовтъ примирился съ своимъ зятемъ, Василіемъ Дмитріевичемъ, а Григорій въ 1419 году скончался, и тогда обѣ поло-

[3] Ст. Кн. ч. 2 стр. 70.

[4] Объ этомъ см. ниже.

вины Митрополіи соединились подъ власть одного Митрополита Фотія. По смерти Фотія въ Москвѣ не имѣли времени для сношеній съ Константинополемъ о поставленіи преемника умершему Митрополиту: въ это время происходила борьба между Московскими Князьями. Вскорѣ, по смерти Фотія, Василій Васильевичъ отправился изъ Москвы въ Орду, для спора тамъ съ дядею, Юріемъ Дмитріевичемъ, о Великомъ Княженіи; споръ былъ рѣшенъ въ пользу Василія Васильевича, и онъ пріѣхалъ въ Москву, а его дядя отправился къ себѣ, въ Дмитровъ, а потомъ уѣхалъ въ свой Галичъ. Въ Апрѣлѣ 1433 года Василій Васильевичъ принужденъ былъ бѣжать изъ Москвы, которую занялъ Юрій Дмитріевичъ.

Во время этѣхъ смутъ Іона, Епископъ Рязанскій, былъ нареченъ на Митрополію и сталъ заправлять ея дѣлами; этому свѣдѣтельствомъ служитъ грамота, посланная Іоною въ Печерскій Нижегородскій монастырь, 11 Марта 1433 года. Изъ грамоты видно, что онъ поступаетъ такъ, какъ могъ поступать только правитель Митрополіи.[5] Даже можно предполагать, что нареченіе его на Митрополію произведено тотчасъ по смерти Фотія.[6] Такъ какъ грамота въ Печерскій монастырь относится къ тому времени, когда Василій Васильевичъ обладалъ Москвой, то можно предполагать, что нареченіе вообще произошло не безъ его воли, хотя не имѣемъ данныхъ сдѣлать другое предположеніе, что Іона поставленъ въ Епископа Рязани съ тою же цѣлію, какъ Алексѣй былъ поставленъ во Епископа Владимірскаго. Какъ видно смуты, начавшіяся въ Россіи, помѣшали Святителю Іонѣ отправиться въ Константинополь для поставленія на Митрополію, между тѣмъ какъ въ это время въ Константинополѣ былъ поставленъ въ Митрополиты всея Россіи пріѣхавшій туда Герасимъ, Епископъ Смоленскій. Онъ, должно быть, былъ избранникъ Свидригайла, Литовскаго Великаго Князя. Свидригайло, прежде хорошо принявшій Фотія, кромѣ причины смерти Митрополита и постояннаго направленія, по этому случаю, Литовскихъ Князей имѣть на Митрополичьемъ престолѣ своего избранника, могъ быть побужденъ къ покровительству Герасиму, въ его дѣлѣ, Юріемъ Дмитріевичемъ,

---

[5] Ак. Ист. т. 1. № 37.

[6] Тамъ же № 41 «и отъ того же тогдашняго времени» т. е. со смерти Фотія.

своимъ побратимомъ,[7] который могъ указать Литовскому Князю, что Іона сторонникъ Василія Васильевича, такъ по этому не мѣшало бы устранить его поставленіе. Такъ или иначе, но со стороны Москвы не видимъ противодѣйствія Герасиму, ждавшему въ Смоленскѣ конца Московскихъ смутъ, чтобъ переѣхать въ Москву. Въ кратковременное Митрополитствованіе свое Герасимъ имѣлъ нѣкоторое вліяніе на церковныя дѣла не въ одной Западной Россіи: такъ онъ поставилъ Архіепископа Новгороду; впрочемъ къ этому могли быть и другія побуждающія причины. Дѣятельность Герасима скоро кончилась: въ 1435 году Великій Князь Свидригайло «выня грамоты перевѣтныя» у Герасима, заковалъ его и велѣлъ, сжечь, вѣроятно подозрѣвая его въ связи съ какими нибудь своими врагами; въ Литвѣ у него шла борьба съ Сигизмундомъ Кейстутовичемъ, ради котораго онъ лишился Великокняжескаго престола; впрочемъ лѣтописецъ, записавшій это событіе, что Свидригайло сжегъ Герасима, по вышесказанному поводу, прибавляетъ: «а вѣдаетъ то Самъ Христосъ промежъ ими о томъ.»[8]

Послѣ смерти Юрія Дмитріевича Василій Васильевичъ занялъ Москву; борьба его съ сыновьями дяди шла; но какъ только она немного позатихла, то мы видимъ, что Іона отправляется въ Константинополь. Путешествіе его туда, какъ можно предполагать, было продолжительно; а когда онъ прибылъ наконецъ, то нашелъ, что для Россіи поставленъ въ Митрополиты Исидоръ. Въ Константинополѣ покровительствовали Исидору, но утѣшали Іону, которому былъ непріятенъ этотъ случай, тѣмъ, что говорили: «мы не можемъ теперь иначе поступить; но если съ Исидоромъ что-либо случится, тогда ты, Іона, будь готовъ принять престолъ Митрополіи.» Съ этѣмъ обѣщаніемъ Іона воротился въ Россію, и долженъ былъ покуда заняться дѣлами своей Рязанской Епархіи.

---

[7] Ист. Рос. т. 4 стр. 59 и 124.

[8] П. С. Р. Л. т. 4 стр. 206 — 209. Здѣсь побудительныя причины къ такому поступку выражены довольно темно, но у Карамзина (т. 5 прим. 293) это объяснено такъ, Герасимъ держалъ перевѣтъ къ Сигизмунду Кейстутовичу и за это Свидригайло схватилъ его въ Смоленскѣ и, заковавъ, отвезъ его въ Витебскъ, гдѣ на Двинѣ сжегъ. Лѣт. Княж. Литов. стр. 52, въ Учен. Запис. 2 отд. Ак. Наукъ, кн 1.

Съ Исидоромъ, дѣйствительно, случилось нехорошее: его желаніе подчинить Русскую Церковь Папѣ не удалось. Явясь въ Москву, послѣ Флорентійскаго Собора, съ объявленіемъ о соединеніи Церквей, онъ былъ отвергнутъ Великимъ Княземъ и потерялъ власть надъ Митрополіей. Тогда Великій Князь захотѣлъ кончить давно начатое дѣло Іоны; для этого было ему время: смуты въ Россіи позатихли. Приготовлена была грамота, чтобъ послать ее въ Константинополь; въ ней излагалось слѣдующее: Василій Васильевичъ пишетъ къ Патріарху, что Русская Церковь, находясь всегда въ соединеніи съ Церковью Константинопольскою, принимала оттуда себѣ Митрополитовъ иногда изъ Грековъ, иногда же изъ Русскихъ, поставляемыхъ Вселенскимъ Патріархомъ и что такъ продолжалось до временъ отца его, Великаго Князя Василія Дмитріевича. По преставленіи же Фотія Митрополита, за нужду поганьскаго на насъ нашествія и междоусобныхъ браней, и христіянскаго ради устроенія и пользы духовной, былъ понужденъ нами Іона Епископъ Рязанскій, мужъ духовный и въ добродѣтельномъ житіи отъ младенчества многія лѣта подвизавшійся, идти къ вамъ, дабы вы поставили его на Митрополію. Не знаемъ мы, по чему вы нашего прошенія не приняли, грамотъ нашихъ не послушали, словамъ пословъ не вняли, и того Епископа Іону на Митрополію не поставили, а прислали того, о комъ мы не просили — Исидора. Мы его, только ради прошенія Царскаго посла и благословенія Святѣйшаго Патріарха и его Исидорова покоренія и челобитья едва-едва приняли. Мы приняли Исидора, какъ отца и учителя со многою честью и благимъ усердіемъ по прежнему, какъ прежнихъ Святѣйшихъ Митрополитовъ Русскихъ, думая, что и онъ подобенъ имъ, не зная, какое дѣло отъ него можетъ быть. Но пришедши къ намъ, Исидоръ съ перваго же дня началъ собираться къ путешествію на Соборъ, и сколько мы его ни уговаривали, да не пойдетъ; онъ же началъ говорить: «что если я не пойду, то буду имѣть отъ Святѣйшаго Патріарха вмѣсто благословенія клятву.» Мы же, не могши удержать его отъ путешествія, стали ему говорить: «если пойдешь, и когда къ намъ возвратишся, то принеси къ намъ древнее наше благочестіе и Православную Вѣру, а иностраннаго и новаго не приноси къ намъ.» Онъ же съ клятвою обѣщался не приносить ничего новаго; но, пришедши, много чужаго при-

несъ въ наше Православіе. Мы же, слыша и видя сія, созвали Епископовъ отечества нашего, которые были близь насъ, также Архимандритовъ, Игуменовъ, Священниковъ и иноковъ не мало: всѣмъ имъ показались чужими и странными правила Исидоровы. Того ради послали пословъ къ Царю, къ тебѣ (Патріарху) и ко всему собору, просимъ, да разсудите по Божественнымъ правиламъ дѣло Исидора; а по этому еще, ради дальняго и труднаго путешествія и другихъ многихъ причинъ, дозвольте поставленіе Митрополита въ нашей землѣ, по тому что и прежде за нуждою бывало поставленіе Митрополита въ Россіи. Мы же отъ нихъ никакого разлученія съ вами не хотимъ имѣть до вѣка.» Въ это время въ Москву пришла вѣсть, что Императоръ перешелъ въ Латинскую Вѣру: по этому изъ Москвы послали воротить пословъ, которые пошли въ Константинополь съ вышеизложенною грамотою [9]. Дозволеніе поставлять Митрополита для Россіи въ Россіи такимъ образомъ не было испрошено изъ Константинополя, а въ Москвѣ покуда на это не рѣшались, а можетъ быть этому помѣшало что-нибудь другое. Въ 1445 году начались опять въ Сѣверной Россіи особенно сильныя смуты; но какъ только онѣ отчасти прекратились, то Василій Васильевичъ, уже Темный, позаботился о дѣлахъ Церкви, и Іона соборомъ Русскихъ Епископовъ былъ поставленъ въ Митрополиты всея Руси. [10] По этому случаю была написана въ Константинополь къ Императору грамота, и въ ней говорилось, какъ и въ прежней, къ Патріарху о необходимости поставленія Всероссійскаго Митрополита въ Россіи, и что теперь, на основаніи правилъ Апостоловъ и Святыхъ Отцовъ, нужды ради, поставленъ, давно нареченный на Митрополію, въ Митрополиты, Іона, Епископъ Рязанскій. Это поставленіе произведено, говоритъ грамота, за великую нужду, а не кичешіемъ и не дерзостію; а по этому Церковь Русская отъ Константинопольской ищетъ себѣ благословенія и соединенія и въ соединеніи пребудетъ. Въ заключеніе говорится, что такъ какъ не извѣстно, есть ли Православный Патріархъ въ царствѣ Императора, потому что объ немъ ничего не слышно, по этому и не

---

[9] Ак. Ист. т. 1, N. 39; П. С. Р. Л. т. 6, стр. 162 — 167.

[10] Ник. Лѣт. ч. 5 стр. 215; П. С. Р. Л, т. 6 стр. 167.

пишутъ къ нему.[11] Такимъ образомъ въ Россіи 1448 года 15 Декабря поставленіемъ Іоны соборомъ Русскихъ Епископовъ въ Митрополиты, рѣшена была независимость Русской Церкви отъ Константинопольской; потому что, при поставленіи Іоны предполагалось, чтобы и впредь Митрополиты поставлялись, какъ поставленъ онъ. Великій Князь, который хлопоталъ объ этомъ, послѣднею грамотою утвердилъ это право за Русскою Церковью. Изъ Константинополя нечего было ждать по этому случаю сопротивленія, а самъ Митрополитъ Іона, извѣщая всѣхъ окружною грамотою о своемъ поставленіи, говорилъ: «вѣдомо всѣмъ, сколько времени не было въ Россіи Митрополита; теперь же, по Божію изволенію, собрался соборъ Владыкъ, Архимандритовъ, Игуменовъ и всего великаго Священства и поставили меня Митрополитомъ, поминая прежнее на насъ повелѣніе Царя и благословеніе Святѣйшаго Патріарха и всего Вселенскаго собора и по думѣ Господина, сына моего, Великаго Князя Василія Васильевича и его младшей братіи, Князей. Это, дѣти, учинилось не хотѣніемъ нашего смиренія, но Богу такъ угодно и волѣ Великаго Самодержавства.»[12] Но Митрополитъ Іона, какъ видно, самъ заботился о томъ, чтобы его поставленіе не считалось противозаконнымъ на Востокѣ и было бы утверждено изъ Константинополя. Ради этого онъ, по случаю невзгодъ для Константинопольской Церкви, посылалъ туда денежныя поминки и просилъ оттуда благословенія и грамоты, по тому, дескать, что въ Москвѣ всѣ грамоты прежнихъ Патріарховъ сгорѣли, имѣя, конечно, въ виду, что если будетъ послана грамота изъ Константинополя къ нему, то тѣмъ самымъ будетъ признано его избраніе.[13]

---

[11] Ак. Ист. т. 1. NN 41 и 222, о томъ, что помѣщенныя подъ этѣми номерами посланія не были посланы одно за другимъ, а есть одно посланіе, различныхъ редакцій. См. Пр. къ Тв. Св. От. годъ 4 стр. 240, прим. а; Ист. Рус. Цер. ч. 3, стр. 15 и пр. 10.

[12] Акт. Ист. т. 1, N. 43.

[13] Ак. Ист. т. 1, N 263; Ист. Р. т. 4 стр. 320 — 321. Это посланіе Митрополита Іоны въ Константинополь возилъ, должно быть, Касьянъ Игуменъ Кирилловскій, а потомъ Спасо-Каменскій; въ Кирилловскомъ онъ былъ преемникъ Трифона. Въ Спасо-Каменскій монастырь Василій Васильевичъ заѣзжалъ помолиться, когда изъ Вологды отправился въ Кирилловъ мона-

Теперь обратимся къ тѣмъ событіямъ Сѣверной Россіи, которыя совершились въ политическомъ мірѣ, со смерти Митрополита Фотія до поставленія въ Митрополиты Іоны, и здѣсь посмотримъ на то участіе, которое принимало въ нихъ духовенство; а потомъ взглянемъ на участіе въ нихъ Святителя Іоны, какъ Митрополита. Фотій, со времени начала борьбы Василія Васильевича съ дядей его до своей смерти, находился на сторонѣ Василія Васильевича.[14] Вскорѣ послѣ смерти этого Митрополита миръ между Князьями былъ нарушенъ, вслѣдствіе перваго удобнаго случая къ этому, и Василій Васильевичъ долженъ былъ бѣжать изъ Москвы. Юрій Дмитріевичъ занялъ ее, захватилъ скитавшагося по Россіи племянника; но какъ только далъ ему въ удѣлъ Коломну, то къ Василью Васильевичу стали сбѣгаться со всѣхъ сторонъ люди и такъ много, что Юрій Дмитріевичъ, видя свою слабость, самъ пригласилъ племянника занять Московскій престолъ. Послѣ этого былъ заключенъ между ними миръ, который впрочемъ опять былъ скоро нарушенъ. Василій Васильевичъ проигралъ сраженіе и опять принужденъ былъ скитаться изъ угла въ уголъ по Сѣверной Россіи, а дядя занялъ Москву. Находясь въ Нижнемъ-Новгородѣ, Василій Васильевичъ хотѣлъ было ужь искать помощи въ Ордѣ противъ дяди, по тому что онъ не имѣлъ ея ни откуда въ Россіи; но въ это время Юрій Дмитріевичъ умеръ. Старшій сынъ его занялъ было Московскій престолъ по новому праву наслѣдства, отъ отца къ сыну, а не по старому, за которое боролся его отецъ; но остальные его братья, Шемяка и Красный, этого не захотѣли и послали въ Нижній-Новгородъ за Василіемъ Васильевичемъ, который, предъ ними, былъ старшій въ родѣ, съ предложеніемъ, чтобъ шелъ въ Москву и занялъ Великокняжескій престолъ. Василій Юрьевичъ бѣжалъ изъ Москвы въ Кострому, имѣя также намѣреніе искать себѣ помощи въ Ордѣ. Василій Васильевичъ занялъ Москву; заключилъ договоръ съ Дмитріемъ Юрьевичемъ Шемякою о дружбѣ и согласіи, чтобъ дѣйствовать вездѣ заодно; а потомъ въ слѣдующемъ году, послѣ различныхъ

стырь, гдѣ былъ разрѣшенъ отъ клятвъ, данныхъ Шемякѣ. Пр.Соб. 1861 г. т. 1 стр. 197 — 216; Ист. Рус. Іер. ч. 4 стр. 496, М. 1812 г.

[14] См. лѣт. подъ 1425 годомъ.

военныхъ движеній, заключалъ миръ и съ Васильемъ Юрьевичемъ Косымъ. Но борьба этѣмъ не кончилась, и миръ между Васильемъ Васильевичемъ и Васильемъ Юрьевичемъ скоро былъ нарушенъ. Шемяка, во время этого размирья, пріѣхавшій въ Москву, съ цѣлію пригласить, какъ родственника, Василья Васильевича къ себѣ на свальбу, былъ схваченъ Великимъ Княземъ и отосланъ въ Коломну. Ожесточенная борьба между Князьями кончилась тѣмъ, что Василій Юрьевичъ попался въ плѣнъ и былъ ослѣпленъ; а Шемяка, находившійся въ продолженіи этой борьбы въ Коломнѣ, сначала закованный, былъ освобожденъ отъ оковъ, а потомъ, послѣ погибели брата, выпущенъ на свободу, при чемъ былъ возвращенъ ему его удѣлъ и заключенъ съ нимъ договоръ. Но смута все-таки этѣмъ не кончилась: борьба у Василія Васильевича началась уже съ Шемякою и продолжалась до начала сороковыхъ годовъ XV столѣтія и потомъ на время поутихла. Во все продолженіе этого времени не видимъ участія духовенства въ дѣлахъ политическихъ, только иногда отдѣльные его члены показываются здѣсь. Такъ, лѣтописецъ подъ 1442 годомъ упоминаетъ, что Троицкой Игуменъ Зиновій ввелъ въ любовь Шемяку съ Василіемъ Васильевичемъ; или же въ житіи Григорія Игумена Вологодскаго монастыря (на Плешнѣ) говорится, что онъ уговаривалъ Юрія Дмитріевича, захватившаго Москву, уступить ее законному владѣльцу.[15] Духовенство теперь находилось безъ главы; Митрополитъ Исидоръ, пришедшій въ Россію въ 1437 году, снова оставилъ Церковь, отправившись на Соборъ въ Италію и не успѣлъ, по краткости своего пребыванія въ Россіи, заявить себя чѣмъ нибудь особеннымъ въ политическихъ дѣлахъ; наконецъ, въ 1441 году, онъ явился и объявилъ о соединеніи Церквей. Здѣсь, кажется, былъ удобный случай заявить себя вообще духовенству. Вотъ какъ разсказываетъ это дѣло лѣтописецъ: «Слыша и видя Великій Князь, что Митрополитъ въ Божественной службѣ поминаетъ Папу Римскагѣ, а не Патріарха Цареградскаго и много иныхъ вещей слыша и видя, дѣлаемыхъ не по обычаю Русской земли, — дивился, и сказалъ Великій Князь Василій Васильевичъ: «при нашихъ прародителяхъ и

---

[15] Ист. Рос. т. 4, стр. 346.

отцахъ и при нашей братьѣ, Великихъ Князьяхъ, этого не бывало и я не хочу,» и повелѣлъ ему жить въ Чудовомъ монастырѣ, а поимали его въ среду крестопоклонныя недѣли великаго поста и сидѣлъ въ томъ монастырѣ все лѣто. Достойно удивляться разуму и великому смыслу Великаго Князя Василія Васильевича, по тому что объ этомъ Исидорѣ Митрополитѣ всѣ молчали и бояре и многіе другіе; еще же удивительнѣе, что и Епископы Русскія земли всѣ молчали, воздремали и уснули: одинъ только богомудрый и христолюбивый Государь Великій Князь Василій Васильевичъ, позналъ Исидорову пагубную прелесть, и скоро обличивъ — посрамилъ его, и, вмѣсто пастыря и учителя, злымъ и губительнымъ волкомъ назвалъ его. И тогда всѣ Епископы Русскія земли, бывшіе въ то время въ Москвѣ, проснулись; Князья, бояре и вельможи и множество Христіанъ вспомнили тогда прежніе Греческіе законы и начали звать Исидора еретикомъ И тогда Князь Великій Василій Васильевичъ возрадовался о согласіи Епископовъ и всѣхъ Православныхъ Христіанъ, и повелѣлъ Исидору пребывать въ монастырѣ, пока обыщутъ объ немъ по правиламъ Святыхъ Апостоловъ и Соборовъ. Но Исидоръ, вмѣсто раскаянія, не дождавшись суда надъ собой, съ учениками своими, Григоріемъ и Аѳанасіемъ, бѣжалъ ночью изъ Чудова, направившись въ Тверь, а оттуда въ Литву, да и къ Риму, къ Папѣ своему. Великій же Князь не послалъ за нимъ никого въ погоню, не желая его удерживать.[16] Дѣйствительно, странно, что не отыскалось ни одного человѣка, даже между Епископами, бывшими въ то время въ Москвѣ, пока Великій Князь самъ не догадался; оправданіе молчанія Епископовъ тѣмъ, что они боялись Митрополита,[17] въ такомъ важномъ дѣлѣ нельзя принять въ уваженіе. Послѣ бѣгства Исидора была написана, для посылки въ Константинополь, вышеизложенная грамота о дозволеніи поставить Митрополита въ Россіи; но покуда къ тому, что было просимо грамотою, въ Москвѣ еще не приступили. Чрезъ нѣсколько времени послѣ этого началась вновь борьба между Василіемъ Васильевичемъ и Димитріемъ Юрьевичемъ, въ самомъ ожесточенномъ видѣ. Въ такой

---

[16] Ник. Лѣт. ч. 5, стр. 156 — 157.

[17] Тат. ч. 4, стр. 547 — 549.

борьбѣ духовенство, какъ членъ общества, должно было показать, на чьей оно сторонѣ находится. Этого высказыванья отъ него можно было требовать, даже и при томъ положеніи, въ которомъ оно тогда находилось, т. е. что оно было безъ Митрополита, — безъ своего главы, и было разсѣяно по мѣстамъ и областямъ, которыя не всѣ принадлежали Москвѣ, но уже все-таки тянули окончательно къ ней. Сдѣсь говорится это про духовенство Сѣверной Россіи. Рядъ заключенныхъ мирныхъ договоровъ между Шемякою и Василіемъ Васильевичемъ поддерживали миръ потому, что стороны не имѣли средствъ нарушить его; особенно это относится къ Шемякѣ, потому что Дмитрій Юрьевичъ не могъ забыть того, что сдѣлалъ Великій Князь съ братомъ его и съ нимъ. Случай для враждебныхъ поступковъ съ его стороны наконецъ представился. Въ 1445 году Татары сдѣлали одинъ изъ постоянныхъ своихъ набѣговъ на Россію. Великій Князь самъ выступилъ противъ нихъ. Во время битвы подъ Суздалемъ Русскіе были разбиты, и онъ попался въ плѣнъ. Татары повели съ собою Великаго Князя, а къ Шемякѣ отправили посла. Посолъ былъ принятъ Шемякою съ честью, потому что онъ былъ радъ случаю пріобрѣсти себѣ Великое Княженіе. Дмитрій Юрьевичъ отпустилъ Татарскаго посла назадъ со всѣмъ лихомъ на Великаго Князя и вмѣстѣ съ Татарскимъ посломъ отправилъ и своего для хлопотъ, чтобъ Василій Васильевичъ не былъ выпущенъ на Великое Княженіе. Но, должно быть, послы долго замѣшкались, и Татары подумали, что ихъ посолъ убитъ Шемякою, тогда они укрѣпили Василія Васильевича крестнымъ цѣлованіемъ, чтобы дать ему за себя окупъ сколько можетъ, и отпустили домой. Шемяка не занялъ въ это время Москвы; но за то воспользовался разнесшимся слухомъ о невыгодномъ до крайности договорѣ для Россіи Василія Васильевича съ Татарами. Перепугавъ этѣмъ слухомъ другихъ Князей, Шемяка набралъ такимъ образомъ себѣ союзниковъ и единомышленниковъ: всѣ они стали думать противъ Великаго Князя. По возвращеніи изъ плѣна Василій Васильевичъ отправился съ дѣтьми въ Троицкій монастырь на богомолье. Шемяка, извѣщенный объ этомъ своими агентами, былъ готовъ къ дѣлу: во время отсутствія Великаго Князя онъ занялъ безъ сопротивленія Москву, захватилъ Великихъ Княгинь, а къ Троицѣ отправилъ своего союзника, Князя

Ивана Можайскаго. Иванъ Можайскій схватилъ въ монастырѣ совершенно перетрусившаго Василія Васильевича, объявилъ ему, что это дѣлается ради большаго Татарскаго окупа, потому что Татары, увидя его въ плѣну, облегчатъ окупъ. Захвативъ Великаго Князя, по небрежности, не захватили бывшихъ съ нимъ его дѣтей — Ивана и Юрія, схоронившихся въ монастырѣ. Послѣ захвата отца, дѣти съ оставшимися въ монастырѣ слугами бѣжали къ Князю Ряполовскому, который вмѣстѣ съ ними и своими братьями бѣжалъ въ Муромъ и тамъ затворился. Василій Васильевичъ, отвезенный въ Москву, былъ ослѣпленъ, какъ ослѣпилъ онъ старшаго брата Шемяки. Послѣ ослѣпленія, его отправили съ женою въ Угличъ въ заключеніе, а мать его, Софью Витовтовну, въ Чухлому.

Послѣ такого дѣла, Шемяка увидалъ къ себѣ всеобщее несочувствіе: началось бѣгство знатныхъ лицъ изъ Россіи въ Литву, много людей стали думать, какъ бы возвратить престолъ Великокняжескій Василію Васильевичу; около же Шемяки не было людей, которые бы могли поддержать его. Видя это, Дмитрій Юрьевичъ вспомнилъ еще опасность, грозившую ему отъ дѣтей ослѣпленнаго Князя, около которыхъ могли собраться, въ значительномъ количествѣ, люди преданные ихъ отцу, и рѣшилъ избавиться отъ этой будущей бѣды. Вслѣдствіе этого рѣшенія, онъ обратился къ Іонѣ, Епископу Рязанскому, призвалъ его къ себѣ въ Москву, обѣщалъ ему давно имъ ожидаемую Митрополію, и началъ говорить: «отче, чтобы тебѣ идти въ свою Епископію, въ городъ Муромъ, и взять тамъ дѣтей Василія Васильевича на свою епитрахиль! Я же радъ ихъ жаловать и отца ихъ выпущу, и вотчину дамъ довольную; такую, чтобъ можно бы было имъ жить какъ слѣдуетъ.» Владыка Іона, обманутый мягкими словами Дмитрія Юрьевича, отправился въ его судахъ водою въ Муромъ; пріѣхалъ туда и началъ говорить Шемякины слова Князьямъ Ряполовскимъ и другимъ, бывшимъ съ ними. Бояре долго о томъ думали и наконецъ рѣшили такъ: «если мы теперь Святителя не послушаемъ, не пойдемъ къ Князю Дмитрію, съ этѣми Великаго Князя дѣтьми, то онъ придетъ съ ратью, возьметъ городъ, а захвативъ дѣтей, что захочетъ, то и сдѣлаетъ съ ними, да такъ же и отцу ихъ, Великому Князю, да и намъ всѣмъ тогда во что бу-

детъ сопротивленіе наше словамъ Святителя.» Вслѣдствіе такого рѣшенія бояре обратились къ Іонѣ, говоря: «если ты съ такими рѣчьми пришелъ отъ Князя Дмитрія къ дѣтямъ Великаго Князя и къ намъ, то исполнить это сами собою мы не дерзаемъ, чтобъ отпустить съ тобой дѣтей безъ крѣпости; но пойдемъ въ соборную церковь, и тамъ съ пелены образа Пресвятыя Богородицы возьми ихъ на свою епитрахиль: на такомъ условіи ихъ отпустимъ, да и сами пойдемъ съ ними.» Владыка Іона согласился это исполнить, пошелъ въ церковь, отслужилъ молебенъ и взялъ дѣтей съ пелены образа Богородицы на свою епитрахиль. Получивъ подъ свое покровительство дѣтей, Святитель отправился къ Шемякѣ въ Переяславль, гдѣ тотъ тогда находился. Дмитрій Юрьевичъ принялъ дѣтей съ ласкою, пригласилъ ихъ къ себѣ обѣдать, одарилъ ихъ; но потомъ, на третій день послѣ этого, съ тѣмъ же Владыкою Іоною послалъ въ Угличъ къ отцу въ заточеніе. Святитель исполнилъ приказаніе и воротился къ Шемякѣ; этотъ же приказалъ ему ити въ Москву и сѣсть на Митрополичьемъ дворѣ, на основаніи своего обѣщанія, и потому, что Святитель Іона прежде былъ нареченъ и благословленъ на Митрополію. [18]

Это событіе весьма замѣчательно: Дмитрій Юрьевичъ зналъ, конечно, что Іона былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ Василіемъ Васильевичемъ, и по этому воспользовался его авторитетомъ съ этой стороны, а также и всеобщимъ уваженіемъ, которымъ пользовался Святитель отъ всѣхъ. Но главное сдѣсь то, что сторонника своего врага Дмитрій Юрьевичъ обманувъ сначала, потомъ возвышаетъ, приказавъ ему сѣсть на Митрополичьемъ дворѣ. Шемякѣ нуженъ былъ Митрополитъ для поддержанія себя, и онъ не находитъ для этого другаго человѣка, кромѣ Іоны. Сдѣсь трудно принять въ разсчетъ относительно поступка Шемяки то, что Іона прежде былъ нареченъ на Митрополію. Положеніе Дмитрія Юрьевича было не очень хорошо: онъ желалъ бы примириться со всѣми, привлечь на свою сторону лучшихъ людей и даже тѣхъ, которые держатъ себя въ сторонѣ отъ мірскихъ дрязговъ; но Шемяка не отсталъ отъ тѣхъ маиеръ въ поступкахъ,

---

[18] Ст. Кн. ч. 2. стр. 77.

которые такъ разжигаютъ вражду и возбуждаютъ къ употребляющимъ ихъ отвращеніе; а до чего это отвращеніе и ненависть къ Шемякѣ простирались, то можемъ видѣть изъ Степенной Книги,[19] гдѣ говорится, что многіе хотѣли его убить.

Дмитрій Юрьевичъ не заглушилъ совѣсти у Владыки Іоны возвышеніемъ его, а всѣхъ другихъ, поступкомъ съ дѣтьми Великаго Князя, еще болѣе раздражилъ и особенно Ряполовскихъ. У всѣхъ явилось желаніе какъ бы освободить Великаго Князя. Бѣгство въ Литву болѣе и болѣе увеличивалось, и тамъ стали собираться недовольные, составляя изъ себя значительную силу противъ Шемяки. Видя кругомъ себя одно недовольство, мучимый опасеніями, Дмитрій Юрьевичъ послалъ по Епископовъ, приглашая ихъ къ себѣ на совѣтъ, и вмѣстѣ съ ними и своими приверженцами сталъ думать: выпустить ли Василія Васильевича, или нѣтъ? Между тѣмъ Святитель Іона не отставалъ отъ него и твердилъ ему каждый день: «за чѣмъ ты эту неправду учинилъ и меня ввелъ въ грѣхъ и срамъ? Князя бы тебѣ выпустить, а ты и дѣтей его съ нимъ посадилъ. Ты мнѣ далъ правое слово; меня послушали, и теперь я весь во лжи. Выпусти его, сними съ моей и твоей души грѣхъ: что тебѣ можетъ сдѣлать слѣпой съ малыми дѣтьми? Если боишься, то укрѣпи его честнымъ крестомъ, да и нашею братіею, Владыками.» Такъ говорилъ Святитель Іона постоянно и много. Трудно приходилось Дмитрію Юрьевичу; много онъ думалъ, и наконецъ рѣшился на то, чтобы выпустить Василія Васильевича, и дать ему вотчину, чтобы было ему на чемъ жить. Съ этою цѣлію отправился Шемяка въ Угличъ; съ нимъ ѣхали Епископы, Архимандриты, Игумены. Выпустилъ онъ Василія Васильевича, каялся предъ нимъ и прощалъ его. Василій Васильевичъ также каялся, принималъ на себя всю вину; говорилъ, что мало ему того, что сдѣлано съ нимъ, за его преступленія, что достоинъ онъ смертныя казни, но Государь только надъ нимъ смиловался; и много онъ говорилъ подобнаго, что и исписать всего нельзя; а какъ говорилъ онъ, то слезы ручьемъ текли изъ его слѣпыхъ глазъ, и до того онъ расплакался, что всѣ присутствовавшіе, глядя на него, не могли удер-

---

[19] ч. 2 стр. 17.

жаться и тоже расплакались. Послѣ этого примиренія Дмитрій Юрьевичъ далъ слѣпому Князю пиръ, на которомъ присутствовали и всѣ Епископы Русской земли и много другихъ людей; одарилъ Шемяка Василія Васильевича и жену его, далъ имъ съ дѣтьми въ удѣлъ Вологду и отпустилъ ихъ всѣхъ.

Но ошибся Дмитрій Юрьевичъ въ расчетѣ, что выпустивъ Василія Васильевича, онъ будетъ спокоенъ. Выпущенный Князь, побывъ не много въ Вологдѣ, пошелъ со всѣми своими въ Кирилловъ монастырь, притворяясь, что идетъ на богомолье. Въ Кирилловѣ Игуменъ Трифонъ снялъ съ него клятвы, данныя Дмитрію Юрьевичу. Если для слѣпаго Князя нужно было церковное разрѣшеніе отъ клятвъ, то для его сторонниковъ нужно было только, чтобы его выпустили. Они со всѣхъ сторонѣ стали къ нему сходиться, и Шемяка также легко потерялъ Москву, какъ и пріобрѣлъ ее. Бѣжалъ онъ въ свой Галичъ, захвативъ съ собой Софью Витовтовну, которую послѣ выпустилъ, потому что и держать ее у себя нѣтъ ни какой чести, да и потому, что и стеречь-то ее не кому. Раздраженный всѣмъ этѣмъ Шемяка не хотѣлъ уже оставить своего дѣла безъ конца; началась, болѣе чѣмъ прежде ожесточенная, борьба между нимъ и Василіемъ Васильевичемъ.

Изъ всѣхъ вышеизложенныхъ фактовъ можно уже заключить, что всеобщее сочувствіе находилось на сторонѣ Василія Васильевича, наслѣдственнаго представителя новаго порядка вещей въ Россіи; духовенство же, безъ начальника, все таки и въ своемъ положеніи, на сколько могло, показало, на чьей оно сторонѣ находится. Мы можемъ видѣть, что оно сочувствуетъ темному Князю и учавствуетъ въ дѣлахъ больше даже на сколько приказываетъ долгъ пастырей умирять враждующихъ. Но занялъ Василій Васильевичъ Москву, и тогда явилось отъ Русскаго духовенства замѣчательное посланіе къ Шемякѣ, отъ 29 Декабря 1447 года. Вотъ содержаніе: [20] «Господину Князю Дмитрію Юрьевичу богомольцы старѣйшаго твоего брата и твои общіе, пишемъ къ твоему благородію, по своему долгу, попеченіе творя

---

[20] Ак. Ист. т. 1, N. 40.

о твоей душѣ и твоемъ здравіи. Потомъ говорится, что вотъ Адамъ пожелалъ равно божества и по этому сталъ снискивать хлѣбъ въ въ потѣ лица, и за его грѣхъ мы страдаемъ; такъ вотъ и твой отецъ, самъ ты это лучше всѣхъ знаешь, такую же заботу, какъ и Адамъ, имѣлъ для пріобрѣтенія Великаго Княженія: какіе труды для этого принималъ и ничего не получилъ, только для всѣхъ отъ этого истома была; а потомъ и братъ твой Василій тоже хотѣлъ, да не допустилъ его Богъ; самъ знаешь, каково его нынѣ житье. Теперь же и о тебѣ скажемъ: ты не помогалъ Великому Князю противъ Татаръ, и сколько Христіанъ поведено въ плѣнъ, и сколько произошло другихъ несчастій, и все это отъ твоего небреженія, и всесильный Богъ съ тебя за это взыщетъ. Потомъ, когда Богъ Своею милостію Великаго Князя отъ поганыхъ освободилъ и какъ онъ въ свое Государство пришелъ, то тебя дьяволъ на него вооружилъ, разбойнически изгналъ его, на крестномъ цѣлованіи, и сотворилъ ты надъ нимъ не меньше прежняго брата убійцы Каина и окаяннаго Святополка. Разсуди самъ, какое ты благо сотворилъ Православному Христіянству, сколько погосударствовалъ, и въ тишинѣ ли пожилъ? Не все ли въ суетѣ и въ перескакиваніи съ мѣста на мѣсто, днемъ помышленіями томимый, а ночью мучимый сновидѣніями. Ища и желая большаго и меньшее истерялъ; а братъ-то твой старѣйшій опять на своемъ Государствѣ и Богъ ему вложилъ въ сердце все тебѣ простить; да и пожаловалъ тебя Великій Князь, по твоему челобитью, вотчину тебѣ далъ, а ты цѣловалъ къ нему честный крестъ, чтобы исполнять все по докончальнымъ грамотамъ. И являлъ намъ, богомольцамъ своимъ, Великій Князь тѣ докончальныя съ тобой грамоты и общую вашу перемирную грамоту: какъ вамъ жить и правити. И увидали мы въ этѣхъ грамотахъ, какъ вамъ жить, и на всѣхъ ты этѣхъ грамотахъ цѣловалъ крестъ. Что жъ ты, Господинъ, за просто что ли принялъ крестное цѣлованіе? или тебя ослѣпила душевная слѣпота? или златолюбствомъ объятъ ты? или женовнимателенъ и женопокоренъ, подобясь Ироду, что ты попралъ Православіе и крестное цѣлованіе ни во что вмѣнилъ, и ни одному слову не сталъ вѣренъ? Обѣщался ты всѣмъ крестное цѣлованіе сложить, а теперь ты самъ посылаешь вездѣ на лихо Великаго Князя, какъ всюду во Христіянство, такъ и въ бесерменство; къ Великому Новгороду посылаешь, къ Князю

Ивану Андреевичу (Можайскому) посылаешь, въ Казань посылаешь, а святыя епитрахили наши сквернишь неподобными своими богомерзкими рѣчьми: а надѣемся, и самъ ты знаешь, что значатъ этѣ эпитрахили: вѣдь они воображаемыя муки Господа нашего Іисуса Христа; эпитрахили твоими рѣчьми не могутъ скверниться нисколько, только ты свою душу губишь.» Это послѣднее, какъ предполагаютъ,[21] должно быть, помѣщено ради Владыки Іоны, которому, очень можетъ быть, раздраженный вѣчными неудачами, даже въ побѣдѣ, Дмитрій Юрьевичъ, на упреки Владыки, сказалъ сгоряча что нибудь неприличное на счетъ того: что, дескать, за важность, что ты бралъ съ просту-то, повѣривъ мнѣ, на свою эпитрахиль дѣтей, а я этѣмъ воспользовался. Этѣми словами Шемяка выражалъ, такъ сказать, свое неудовольствіе ко всему духовенству, которое не выказывало ни какого сочувствія и помощи его дѣлу. За симъ слѣдуетъ въ посланіи рядъ обвиненій за то, что Дмитрій Юрьевичъ все дѣлалъ противъ докончальныхъ грамотъ, и перечетъ этѣхъ винъ оченъ великъ; да еще къ этому прибавляютъ, «что иныхъ рѣчей брата твоего Великаго Князя, что намъ сказывалъ, не исписали всего, что надъ нимъ было отъ тебя, не по докончанію и не по крестному цѣлованію. А мы, Господинъ, богомольцы ваши, по своему долгу, били за тебя челомъ своему Господину, а твоему брату, старѣйшему Великому Князю, и Господинъ Великій Князь нашего слова, своихъ богомольцевъ, послушалъ и тебя своего брата жаловать хочетъ и въ братствѣ и любви держать по старинѣ, и ты бы, Господинъ, Бога ради и нашего къ тебѣ моленія и спасенія своей души, не вкладывалъ бы высокомыслія и желанія начальства, которыхъ тебѣ не дано Богомъ. За симъ опять слѣдуютъ примѣры изъ Исторіи, какъ Богъ наказываетъ много думающихъ о себѣ. «Молимъ твое благородіе, да смиришся; тогда Божія благодать и благословеніе наше будутъ съ тобою. Если же въ своемъ жестокосердіи хочешь пребывать и не хочешь смириться и исполнить всего по докончальнымъ граматамъ, то ужь не мы на тебя наложимъ, но самъ на себя наложишь тягость церковную, потому что мы имѣемъ, по Господню слову, власть рѣшить и вязать. Если не обратишься къ Богу и брату своему ста-

---

[21] Пр. къ Тв. Св. Отц. годъ 4, стр. 231, прим. 60.

рѣйшему, то не будетъ на тебѣ милости Богородицы и Святаго Креста, который ты цѣловалъ Великому Князю, и по Святымъ правиламъ проклятъ да будешь.» Василію Васильевичу, какъ видно, очень былъ нуженъ миръ, а Шемяка его постоянно нарушалъ, и Великій Князь, по примѣру своего врага, звалъ духовенство, а оно, стоя постоянно на сторонѣ его, сильно хлопочетъ о томъ же мирѣ и по этому такъ стращаетъ Димитрія Юрьевича. Чрезъ годъ послѣ этого посланія былъ поставленъ въ Митрополиты Іона, и тогда уже дѣйствія духовенства приняли, въ лицѣ своего Начальника, опредѣленный порядокъ.

Посланіе духовенства къ Шемякѣ не произвело никакого дѣйствія, во первыхъ потому, что оно написано такимъ тономъ, что оно скорѣй могло раздразнить Шемяку, а во вторыхъ и самая вражда его съ Великимъ Княземъ зашла такъ далеко, что трудно было остановить ее. Такимъ образомъ Василій Васильевичъ долженъ былъ постоянно бороться съ нимъ; Димитрій же Юрьевичъ когда видѣлъ, что ему не побѣдить Великаго Князя, смирялся, давалъ на себя проклятыя грамоты и вскорѣ же ихъ нарушалъ. Великій Князь не зналъ, чѣмъ запугать своего отчаяннаго врага: по этому онъ кромѣ войны постоянно дѣйствовалъ и чрезъ посредство духовной власти, дѣйствія которой однако жь мало приносили пользы. Такъ, во время одного похода на Шемяку, Великій Князь захватилъ съ собою и Митрополита и Епископовъ, желая, вѣроятно, поразить этѣмъ религіозное чувство Дмитрія Юрьевича. Дѣйствительно, послѣдній въ это время смирился; но какъ видно, не ради того, что Митрополитъ съ Епископами находились въ арміи противника, потому что и послѣ этого примиренія опять принялся за прежнее.[22]

---

[22] Вотъ какъ разсказывается это дѣло въ лѣтописи подъ 1449 годомъ. «Князь Дмитрій Шемяка, преступивъ крестное цѣлованіе и проклятыя на себя грамоты, пошелъ къ Костромѣ со многою силою и пришелъ туда на Великій день и много бился подъ городомъ, но ничего не успѣлъ, потому что въ городѣ была застава съ Княземъ Иваномъ Васильевичемъ Стригою и Ѳедоромъ Басенкомъ, а съ ними были многія дѣти боярскія. Князь Великій, услышавъ это, пошелъ противъ Шемяки, взялъ съ собою Митрополита и Епископовъ и братію свою, и Царевичевъ со всею силою: и какъ пришелъ близь Волги, то отпустилъ братію свою и Царевичей со всѣми силами, и какъ дошли они

Слѣдствіемъ проклятыхъ грамотъ, данныхъ Юріемъ Дмитріевичемъ Василію Васильевичу, было то, что Митрополитъ Іона, извѣщая окружною грамотою о своемъ поставленіи, не преминулъ упомянуть въ ней слѣдующее: «знаете, дѣти, сколько лиха и запустѣнія землѣ нашей учинилось и множество Христіянской крови пролилось отъ Князя Дмитріа Юрьевича: теперь Князь Дмитрій Юрьевичъ билъ челомъ Великому Князю и грамоту на себя написалъ и крестъ цѣловалъ; такъ если послѣ этого кровь Христіанская опять прольется, то она на васъ отъ Бога взыщется и чужды будете благословенія нашего смиренія и всего Священства и всѣ Божіи Церкви въ землѣ вашей будутъ затворены отъ нашего смиренія.»[23] Послѣднія слова грамоты собственно относятся къ тѣмъ мѣстамъ Россіи, гдѣ Шемяка искалъ и находилъ себѣ помощь. Но кровь Христіанская опять пролилась не разъ. Шемяка бѣжалъ въ Новгородъ, потерявъ свой удѣлъ; въ Новгородѣ онъ былъ принятъ по обыкновенію, и отсюда предпринималъ различныя дѣла на вредъ Василію Васильевичу, а для этого искалъ всюду средствъ. Святитель Іона все еще думалъ обратить по своему на путь истинный Шемяку: онъ писалъ къ Новгородскому Архіепископу Евѳимію посланіе, которое, по обыкновенію, начинаетъ словами, что извѣстно, какъ много крови пролилось и проливается, и что извѣстно, отъ кого это происходитъ; такъ по этому и совѣтуетъ Владыкѣ, чтобъ тотъ «своимъ духовнымъ дѣтямъ, Великому Новгороду, говорилъ и духовно наказывалъ, чтобы они позаботились о душевномъ своемъ спасеніи, а то, говоритъ Митрополитъ, присылаютъ пословъ къ Великому Князю и ко мнѣ, чтобъ я за нихъ ходатайствовалъ предъ Великимъ Княземъ о томъ, чтобъ Великій Князь пожаловалъ и нелюбья не держалъ къ Великому Новгороду, а къ преступившему человѣку смиловался, по его покаянію. Опасныя грамоты отъ насъ были даны, такъ Великому бы Новгороду прислать своихъ пословъ, да и Князю Дмитрію тоже бы прислать своего посла и чистымъ покаяніемъ бить челомъ своему Господину и брату старѣйшему, отъ чистаго сердца,

до Рудина, то Князь Дмитрій перевезся на ихъ сторону и тутъ смирился» Нвк. лѣт. ч. 5, стр. 215 - 216; П. С. Р. Л. т. 6, стр. 178.

23 Ак. Ист. т. 1, N. 43.

безъ лукавства, истинно, и просить пожалованія такого, какое пригодно; а то вотъ прислалъ своихъ пословъ Великій Новгородъ ни съ чѣмъ, а Князь Дмитрій прислалъ своего посла, да съ такими требованіями, что и дѣла свести нельзя, а объ своей винѣ не приказалъ говорить ни единаго слова. А мы должное дѣлаемъ: Великій Князь, по укрѣпленнымъ грамотамъ и нашему челобитью, о чемъ просилъ Великій Новгородъ, все исполнилъ; а какъ бы Князь Дмитрій съ чистымъ покаяніемъ билъ челомъ своему брату старѣйшему, то онъ его бы пожаловалъ по тому. А ты бы, святый пастырь, своего ради спасенія, попеченіе имѣлъ, чтобы кровь Христіянская не лилась, а если ужь прольется, то вина будетъ не на насъ съ Великимъ Княземъ, а кто крови захочетъ и кровь прольется, то на тѣхъ она и будетъ».[24] Въ заключеніи этого письма говорится, что въ Москвѣ, по челобитью Великаго Новгорода, исполнять просимое готовы. Но подобныя желанія Архипастыря относительно Дмитрія Юрьевича, конечно, не были исполнимы, потому что онъ не хотѣлъ отставать отъ своего дѣла. Святитель Іона, видя его неисправимость, какъ изъ сей часъ изложенной грамотѣ видно, онъ какъ будто отступилъ отъ крайнихъ прежнихъ требованій и все еще думаетъ примирить всѣхъ своими добрыми и убѣдительными словами, и поручаетъ Новгородскому Владыкѣ убѣждать его, чтобъ онъ покаялся и смирился. Но это отступленіе отъ требованій есть отступленіе только въ формѣ, а не въ содержаніи. Подобныя письма Митрополита Владыкѣ Новгородскому казались очень требовательными въ отношеніи къ Дмитрію Юрьевичу, который не думалъ смиряться. Тогда Митрополитъ, въ одномъ изъ писемъ къ тому же Владыкѣ, вотъ какъ говорилъ, какъ о Князѣ, такъ и о Новгородцахъ вообще: «пишешь ты къ намъ, что будто бы я, посылая къ тебѣ, пишу о Князѣ Дмитріѣ Юрьевичѣ, называя его сыномъ. Такъ посмотри прежнюю грамоту, которую я писалъ, что твоимъ дѣтямъ, Великому Новгороду, не велю съ нимъ ни пить ни ѣсть, потому что онъ себя отъ Христіянства отлучилъ. А ты, сынъ мой, знаешь, какъ онъ себя отлучилъ отъ Христіянства, его грамоту къ Великому Князю читалъ, и знаешь, что онъ сдѣлалъ: такъ какъ же его по Божественнымъ правиламъ можно

---

[24] Тамъ же, N. 53.

называть сыномъ духовнымъ; а я вмѣстѣ съ Владыками и Священствомъ имѣемъ Князя Дмитрія отлученнымъ отъ Церкви. Ты пишешь, что прежде Русскіе Князья въ домъ Св. Софіи въ Великій Новгородъ пріѣзжали и имъ честь воздавали, а прежніе Митрополиты съ такою тягостію грамотъ не посылали; такъ ты вотъ что скажи: прежде сдѣлалъ ли хоть одинъ Князь, что этотъ сдѣлалъ надъ Великимъ Княземъ: чрезъ крестное цѣлованіе къ вамъ пріѣхалъ, оставивъ свою Княгиню, съ дѣтьми, со всѣмъ домомъ у васъ, въ Великомъ Новгородѣ, да отъ васъ и ходитъ Христіянство губитъ и кровь проливать; по этому такъ какъ прежде этого не бывало, то и прежде такъ къ вамъ не писали.»[25] Вотъ ужь до чего дошелъ Дмитрій Юрьевичъ въ своей дѣятельности, которой составилъ себѣ такую незавидную славу; но скоро послѣ этого письма его горемычная жизнь кончилась: онъ умеръ въ Новгородѣ отъ отравы; отравитель былъ награжденъ въ Москвѣ.[26] Такъ кончилъ свою жизнь несчастнѣйшій Князь, введенный въ борьбу теченіемъ обстоятельствъ. Вопросъ въ спорѣ между нимъ и Василіемъ Васильевичемъ былъ поставленъ такъ, что каждому приходилось или пріобрѣсть полную побѣду, или пасть, и побѣда переходитъ изъ рукъ одного въ руки другаго; въ ожесточеніи они позволяютъ себѣ дѣлать противъ врага крайнія ни чѣмъ неоправдываемыя выходки, какъ только местію и варварскимъ временемъ; но каждый изъ нихъ сознавалъ, послѣ полнаго наслажденія побѣдою, что онъ къ своему побѣжденному врагу не совсѣмъ справедливъ. Но какъ удовлетворить побѣдителю побѣжденнаго, который милостей не хочетъ принимать, а отъ всего отказаться нельзя же? Да и милость-то оказать не умѣли хорошенько, а вражду заглушить не могли. У каждаго противъ врага накопилось столько злобы, что формальное примиреніе, на которое они другъ другу указывали, совершенно не шло къ дѣлу. Ожесточенной этой борьбѣ основа лежала далеко-далеко, тамъ еще въ Кіевской Руси,—въ борьбѣ между дядями и племянниками. Олегъ, величаемый Гориславичъ, былъ счастливѣе Шемяки, потому что

---

[25] Ак. Арх. Эк. т. 1, N. 872.

[26] Ист. Р. т. 4, прим. 94 и т. 7 стр. 487, прим. къ 94 прим. 4-го т.; Ник. Лѣт. ч. 5, стр. 278.

тогда еще не имѣли понятія о такомъ общественномъ устройствѣ, которое называется Государствомъ. Но что Дмитрій Юрьевичъ Шемяка имѣлъ много хорошихъ человѣческихъ чувствъ, то стоитъ вспомнить его Углицкое выпущеніе Василія Васильевича и вмѣстѣ съ плакавшими тогда Епископами Руской земли, пожалѣть объ немъ, какъ о главной очистительной жертвѣ за старый родовой порядокъ вещей въ Россіи, порядокъ, въ существованіи котораго онъ не былъ ничуть виноватъ, такъ же какъ и Василій Васильевичъ въ новомъ, за который и этотъ послѣдній тоже дорого, и не менѣе Шемяки, поплатился. Ожесточенность же характера Шемяки объясняется тѣмъ, что онъ, на основаніи стараго права, хочетъ дѣйствовать по новому вездѣ, и по этому вездѣ не успѣваетъ, а вслѣдствіе этого ожесточается.

Если Новгородскій Владыка говорилъ, что прежде съ такою строгостію въ Новгородъ Митрополиты не писали, то это по тому, что другіе не имѣли средствъ прекратить дѣятельность Новгорода на этомъ поприщѣ поддержанія смутъ внутри Россіи; теперь же это время пришло и покуда, какъ только поустроились дѣла Москвы, то Новгороду показали, что не долго ему оставалось принимать къ себѣ и поддерживать такихъ Князей, какъ Дмитрій Юрьевичъ Шемяка. Василій Васильевичъ въ 1456 году наказалъ Новгородъ за его дѣла: послана была на него рать, — войска Новгородскія были разбиты и былъ заключенъ мирный договоръ, гдѣ, въ числѣ другихъ, невыгодныхъ для Новгорода, условій постановлено было, чтобы всѣхъ сторонниковъ дѣла Шемяки ни подъ какимъ видомъ ему не принимать.[27]

Чрезъ нѣсколько времени послѣ смерти Дмитрія Юрьевича Шемяки кончилось дѣло и съ его союзниками, и въ нихъ Святитель Іона принималъ участіе, въ такомъ же видѣ, какъ и противъ главнаго дѣйствующаго лица. Дмитрій Юрьевичъ, во время борьбы съ Василіемъ Васильевичемъ, находилъ себѣ помощь въ колоніи Новгородской въ Вяткѣ; вслѣдствіе этого союзничества жители ея, отличавшіеся жизнію не совсѣмъ нравственною, еще при жизни Шемяки, около 1452 года получили посланіе отъ

[27] Ак Арх. Эк. т. 1, N 58.

Митрополита Іоны. Вотъ содержаніе этого посланія, по образцу котораго писали Митрополиты, и потомъ посланія въ Вятку. [28] «Не знаю ужь, какъ васъ назвать: называетесь Христіяне, а живете и дѣлаете хуже нечестивыхъ: Церковь обижаете, законы церковные не исполняете, Великому Князю грубите и пристаете къ его недругу, съ которымъ вы приходили на Великаго Князя множество разъ и дѣлали вы дѣла богомерзкія и поганыя; Христіянъ людей невинныхъ избиваете, а плѣнныхъ поганымъ продаете. Но Великій Князь еще васъ пожаловалъ и нашего смиренія послушалъ, и я, его богомолецъ, со многими слезами молилъ за васъ, по своему Святительскому долгу: по этому Князь Великій терпитъ до сихъ поръ, ожидая отъ васъ челобитья и покаянія, что вы отстанете отъ вашего злаго дѣла; а отъ васъ еще нѣтъ исправленья. По этому я, богомолецъ его, ужь въ послѣдній разъ послалъ къ вамъ краткую грамоту, чтобы вы отстали отъ вашего злаго дѣла и Государю своему, Великому Князю, за за свою сдѣланную къ нему грубость, челомъ били, грабежи бы всѣ отдали и полонъ отпустили.» Въ заключеніе говорится: «что если все исполнятъ это, то милость Божія и нашего смиренія благословеніе, а Великаго Князя пожалованіе будутъ по исправленію. А не исполните всего этого, то не будетъ вамъ милости Божіей и нашего благословенія и нынѣ, и въ будущемъ вѣкѣ, а кровь Христіянская на васъ отольется.» Подобная же строгая грамота была послана и къ Вятскому духовенству, которое сначала Митрополитъ сомнѣвается признать, какъ духовенство, потому что не знаетъ, отъ кого члены его получили посвященіе, а потомъ упрекаетъ за то, что оно потакаетъ всѣмъ порокамъ Вятчанъ и не заботится о томъ, чтобы они покорились Великому Князю и исполнили бы всѣ требованія, которыя онъ изложилъ въ грамотѣ къ жителямъ. [29] На сколько произвели вліяніе этѣ грамоты на далекихъ и загрубѣлыхъ жителей Вятки, не извѣстно; но можно предполагать столько же, сколько произвели подобныя посланія на Шемяку, да притомъ и въ лѣтописи подъ 1458 и 1459 годами говорится, что ходили Великаго Князя воеводы на

---

[28] Ак. Ист. т. 1, N. 97 и 98.

[29] Тамъ же N. 261.

Вятчанъ и въ послѣдній только походъ они, со многою силою, послѣ взятія городовъ, привели Вятчанъ къ крестному цѣлованію.

Въ дѣлѣ съ главнымъ союзникомъ Шемяки, съ Иваномъ Андреевичемъ Можайскимъ, который при жизни Шемяки умѣлъ довольно хорошо вести свои дѣла въ отношеніи къ враждующимъ, Митрополитъ Іона принялъ явное участіе уже въ концѣ его дѣятельности въ Сѣверной Россіи. До Ивана Андреевича въ Москвѣ, какъ видно, давно добирались, и наконецъ его участь рѣшилась слѣдующимъ образомъ: въ 1454 году до него дошелъ слухъ, что Василій Васильевичъ идетъ на него съ ратью; тогда онъ бѣжалъ съ своимъ семействомъ въ Литву, съ которой онъ былъ въ связи и прежде.[30] Въ Литвѣ онъ вмѣстѣ съ другими изгнанниками изъ Сѣверной Россіи мечталъ о томъ, какъ они сгонятъ съ Великокняжескаго престола Василія Васильевича и сами будутъ всѣмъ распоряжаться въ Россіи.[31] Но чтобы этѣ мечты не осуществились, хотя въ маломъ видѣ, какъ только онъ бѣжалъ изъ Можайска, то изъ Москвы Митрополитъ Іона послалъ грамоту къ Епископу Смоленскому, и по обыкновенію начиная перечисленіемъ винъ, которыя сдѣлалъ Иванъ Андреевичъ Можайкій «противъ Великаго Князя, или, лучше сказать, говоритъ Митрополитъ, противъ своего Государя, чрезъ крестное цѣлованіе; потомъ также говорится и то, что Иванъ Андреевичъ не хотѣлъ помогать Великому Князю, и даже разъ, когда Татарская рать приходила на Галичъ, то Великій Князь и мы посылали къ нему Коломенскаго Владыку съ тѣмъ, чтобы шелъ онъ на оборону Христіянства.[32] Вслѣдствіе всѣхъ этѣхъ винъ, Великій Князь по нуждѣ сложилъ къ нему крестное цѣлованіе, а тотъ, оставивъ свою отчину, побѣжалъ въ державу Великаго Короля. А Великій Князь, желая быть постоянно въ миру съ Королемъ, ни самъ не пошелъ и никого не послалъ изъ своихъ за Можайскимъ

---

[30] Ак. отн. до Ист. З. Р. т. 1, N. 49.

[31] Ак. Арх. Эк. т. 1. N. 70.

[32] Сдѣсь, конечно, разумѣетъ Святитель послѣднія времена, а не предшествовавшія, когда Иванъ Андреевичъ очень рачительно помогалъ Великому Князю и противъ Татаръ.

Княземъ.» Такъ по этому Митрополитъ Iона совѣтуетъ Владыкѣ Смоленскому, чтобъ онъ, сколько ему можно, позаботился о томъ, чтобы отъ Князя Ивана не было никакой пакости для Великаго Князя; а по этому бы Владыка говорилъ о томъ и Канцлеру, чтобъ и тотъ о томъ же позаботился.[33]

Бѣгствомъ Ивана Андреевича Можайскаго уничтожились въ сущности дѣла Князей въ Сѣверной Россiи, начатыя Юрiемъ Дмитрiевичемъ, по тому что Князья, враждебные новому порядку вещей въ Россiи, были уничтожены, и ихъ волости были присоединены къ Москвѣ, при чемъ иногда присоединялись и волости тѣхъ Князей, которые стояли на сторонѣ Василiя Васильевича. Но въ этѣхъ послѣднихъ дѣлахъ мы не видимъ участiя Митрополита Iоны, о которомъ можно сказать, что онъ участвовалъ только въ чистыхъ дѣлахъ Москвы; относительно же плодовъ его дѣятельности будетъ сказано ниже. Но Святитель Iона работалъ вмѣстѣ съ Московскимъ Великимъ Княземъ не только противъ враговъ общественной тишины на ихъ уничтоженiе; но онъ болѣе при этомъ заботился о томъ, чтобы враги этѣ жили мирно со всѣми, что мы можемъ видѣть изъ всего приведеннаго выше. Такъ какъ подобная цѣль дѣятельности Митрополиту не удалась, то другiе дѣйствовали по тому направленiю, куда клонили ихъ обстоятельства. Святитель Iона главный упрекъ, какъ мы видѣли, дѣлаетъ врагамъ Василiя Васильевича, тотъ, что они, кромѣ того, что ослѣпили Великаго Князя и постоянно нарушаютъ миръ, никогда не помогаютъ Великому Князю противъ общихъ враговъ Россiи,—противъ Татаръ, да еще при томъ находятся съ ними въ союзѣ. Въ такомъ-то темномъ свѣтѣ вездѣ выставляются у Митрополита Iоны Шемяка съ братiею; рѣзкiе же и довольно не чистые поступки со стороны Василiя Васильевича у Митрополита какъ-то сглаживаются: конечно, Святой человѣкъ не рѣшается ихъ оправдывать; но если гдѣ онъ говоритъ объ нихъ, такъ оправдываетъ тѣмъ, что они были сдѣланы по нуждѣ.

Вотъ дѣятельность Митрополита Iоны въ отношенiи враговъ Великаго Князя, находящихся внутри Россiи; теперь перейдемъ

---

[33] Ак. Ист. т. 1, N. 50.

къ дѣятельности, которая относилась къ завоевателямъ. Рядъ постоянныхъ набѣговъ Татаръ на Россію, въ описываемое время, не прекращался, и если уже во времена Донскаго страхъ предъ завоевателями значительно уменьшился, то теперь можемъ видѣть еще большее уменьшеніе этого страха Великій Князь постоянно борется съ Татарами, отражая ихъ набѣги, а зависимость его отъ Орды почти совсѣмъ уничтожилась; Великій Князь и другіе преклоняются передъ ней только въ случаѣ нужды. Если таковы были отношенія къ Ордѣ представителя Россіи, то въ такой же мѣрѣ безъ страху къ ней относился и Митрополитъ. Прежде Митрополитъ долженъ былъ преклоняться предъ Монголами, дѣлать для нихъ угодное, имѣя цѣлію извлечь изъ этѣхъ дѣйствій то, что они вообще будутъ милостивѣе относиться къ Россіи. Въ этой роли самымъ блестящимъ дѣйствующимъ лицомъ явился Митрополитъ Алексѣй; Митрополитъ Іона жилъ уже въ другое время и всталъ впереди уже другой по времени дѣятельности. Какъ онъ относился къ завоевателямъ, это можно видѣть изъ всякаго его посланія, гдѣ только пришлось ему упомянуть объ нихъ. Выше видѣли, что главный упрекъ соперникамъ Василія Васильевича всѣмъ духовенствомъ и потомъ Митрополитомъ выставляется тотъ, что Великій Князь борется за общее Русское дѣло, ходитъ отражать набѣги варваровъ, употребляетъ для побѣды надъ ними всѣ средства, самъ во время сраженія попадается къ нимъ въ плѣнъ, а они, вмѣсто того, чтобы тоже бороться съ завоевателями, союзники Татаръ; когда Великій Князь идетъ противъ нихъ и зоветъ Князей къ себѣ на помощь, они нейдутъ къ нему и пользуются тѣмъ, если въ этой святой борьбѣ случится съ нимъ несчастіе. Духовенство, получившее отъ завоевателей освобожденіе отъ всякихъ податей, особенно прежде, чрезъ этѣ льготы много принесло пользы для Россіи; теперь оно стало дѣйствовать другимъ образомъ: оно стало прямо возбуждать всѣхъ къ борьбѣ съ невѣрными, эту борьбу оно считаетъ обязанностію всѣхъ Христіянъ; убитыхъ въ такомъ сраженіи называетъ мучениками. Обо всемъ этомъ представитель духовенства, Митрополитъ, вотъ какъ говоритъ: онъ пишетъ къ Тверскому Владыкѣ слѣдующаго содержанія письмо: «По нашимъ грѣхамъ учинилось, нашему православному Христіянству, отъ безбожнаго Царя Казанскаго святымъ церквамъ раззореніе и запустѣніе:

и сколько Христіянской крови пролилось! и какъ много православныхъ Христіянъ къ бусурманамъ въ плѣнъ пошло! И Великій Государь, сынъ мой, Князь Великій, положа упованіе на Бога и Пречистую Его Матерь и Святыхъ Великихъ Чудотворцевъ, Петра и Леонтія Ростовскаго, и всѣхъ Святыхъ, хочетъ идти за святыя Божіи церкви и православное Христіянство, на того безбожнаго Царя, со всею своею братіею и со всѣми своими людьми. Благословляю тебя, чтобы ты сыну своему, Великому Князю Борису Александровичу говорилъ и билъ челомъ и докучалъ твердо, по своему Святительскому долгу, чтобъ онъ, сынъ мой, Великій Князь, Борисъ Александровичъ, Великому Князю Василію Васильевичу своихъ воеводъ послалъ на тѣхъ безбожныхъ, со своими многими людьми. Самъ ты знаешь, что тамъ можетъ случиться Божіимъ милосердіемъ, и добро, отъ этого происшедшее, есть добро обоихъ тѣхъ Великихъ Государей и всего нашего Христіянства Православнаго; а если не такъ станется, по нашимъ грѣхамъ, то общее несчастіе. А я непрестанное моленіе имѣю къ Богу о любви и соединеніи великихъ Государей нашихъ православныхъ и устроеніи Православнаго Христіянства, и далъ бы Богъ Государю, Господину и сыну моему, побѣду на поганыхъ. И вѣрую Христу моему Владыкѣ, что кому случится отъ Православныхъ на томъ великомъ дѣлѣ умереть, и тѣ люди, за Божіи церкви и за все Христіянство пострадавшіе, какъ прежніе Великомученики будутъ и вѣнецъ мученія воспріимутъ отъ Христа. Такъ ради этого ты попеченіе имѣй великое».[34] Кажется, эта грамота, какъ чистѣйшее выраженіе духа времени, сама за себя говоритъ; лучше филиппики противъ невѣрныхъ завоевателей, грабителей и разбойниковъ, едва ли что можно было написать. Здѣсь Митрополитъ Іона, выставляетъ борьбу съ невѣрными общимъ дѣломъ, потому что побѣда въ ней есть общее добро Великихъ Государей; но онъ выставляетъ въ тоже время главнымъ бойцомъ въ этой борьбѣ Московскаго Великаго Князя, какъ это дѣйствительно и было; а по этому и это общее добро въ сущности приходилось собирать только одному этому герою, труженику въ этой борьбѣ и защитнику Провославнаго Христіянства отъ поганыхъ.

---

[34] Ак. Ист. т. 1, N 51.

Святитель Іона, возбуждая всѣхъ къ борьбѣ съ невѣрными, и самъ сдѣлался такимъ лицомъ, которое указывало своею дѣятельностію, какъ должно дѣйствовать членамъ духовенства въ дѣлахъ съ завоевателями, не только словомъ, но и дѣломъ. Въ 1451 году 2 Іюня Царевичъ Мазовша съ Татарами осадилъ Москву со всѣхъ сторонъ. Великаго Князя не было въ городѣ: онъ отправился собирать войско, котораго въ Москвѣ было мало. Святитель Іона со всѣмъ священнымъ соборомъ, взявши кресты и иконы, сталъ обходить съ ними по городскимъ стѣнамъ; народъ во множествѣ сопровождалъ крестный ходъ и со слезами молился. Въ то время, когда стрѣлы осаждающихъ сыпались со всѣхъ сторонъ около молящихся, но никого не задѣвая, Святитель Іона обратился къ иноку Чудова монастыря, Антонію Клозыня, извѣстному своей святой жизнію, со словами: «Братъ Антоній! Помолись прилежно Богу объ избавленіи города и всего Православія отъ безбожныхъ Агарянъ». Антоній отвѣчалъ: «ты, Великій Архіерей, твои молитвы не презритъ Богородица; вѣруемъ, что умолила Сына своего и Бога нашего, да спасенъ будетъ городъ сей и Православное Христіянство; безбожные Агаряне скоро побѣждены и прогнаны будутъ, и я одинъ убитъ буду». Сказавъ эти слова, святой инокъ тотчасъ упалъ, пораженный Татарскою стрѣлою. Этотъ инокъ былъ погребенъ Митрополитомъ Іоною съ соборомъ въ Чудовомъ монастырѣ. Пророчество исполнилось: ночью Татары бѣжали, боясь, чтобы не напало на нихъ сзади войско. Чрезъ четыре года Татары опять напали на Россію. Великій Князь взялъ благословеніе у Митрополита предъ походомъ на нихъ и разбилъ ихъ на Окѣ. Ради обоихъ случаевъ Митрополитъ Іона поставилъ по церкви: по первому — положенія честныя ризы Богородицы, а по второму — во имя честныя похвалы Богородицы. А когда Святитель Іона поставилъ Новгороду Архіепископомъ друга своего Іону же, и оба они вмѣстѣ испросили людямъ Новгородскимъ милость у Великаго Князя, то оба за это, какъ разсказываетъ авторъ житія Митрополита Іоны, обѣщались испросить у Бога, что Ордынскіе цари не будутъ отнынѣ имѣть силы одолѣвать Русской Державы, Великіе Князья не будутъ ходить въ Орду на поклоненіе Царямъ, а будутъ царствовать самодержавно въ отечествѣ своемъ, одолѣвая противныя. Такъ же оба они пророчили Ордѣ раззореніе, а Русскому Царству распростра-

неніе.[35] Вслѣдствіе этой дѣятельности Святитель Іона явился въ преданіяхъ народа, какъ ходатай предъ Богомъ о защитѣ Россіи отъ иноплеменниковъ. Тамъ же, гдѣ ему приходилось съ Татарами сталкиваться совсѣмъ на другомъ поприщѣ, а именно по случаю различныхъ отношеній торговыхъ, какъ владѣльца имуществъ, и чрезъ своихъ слугъ торгующаго различными продуктами, то въ этѣхъ случаяхъ Митрополитъ Іона обращался къ нимъ, какъ равный къ равному. Такъ онъ писалъ къ вольнымъ Царямъ Казанскимъ, всевышняго Бога силою, и въ письмахъ называетъ ихъ своими пріятелями, проситъ ихъ, чтобъ они облегчили пошлины съ товаровъ, посылаемыхъ съ его слугами въ Казань для продажи, и оберегали бы этѣхъ слугъ отъ обидъ и убытковъ.[36] Вотъ уже какъ пишетъ Митрополитъ Іона грознымъ прежде завоевателямъ; сохраняя въ письмахъ Татарскія выраженія, власти царей, «всевышняго Бога силою» слова, которыя прежде такъ звучали въ ярлыкахъ, даваемыхъ Ханами Митрополитамъ.

Но прежде чѣмъ приступать къ дальнѣйшему изложенію событій, связанныхъ съ личностію Митрополита Іоны, какъ Митрополита всея Руси, для поясненія послѣдующаго, посмотримъ на изложенные факты: какъ Князья и духовенство, а потомъ Митрополитъ, выражаютъ свои отношенія другъ къ другу? Духовенство дѣйствуетъ въ пользу одной стороны; но какъ оно дѣйствуетъ? Василій Васильевичъ въ грамотѣ къ Константинопольскому Патріарху, при упоминаніи о дѣлѣ Исидора, прямо высказываетъ свое право о томъ, что отъ него зависитъ принять Митрополита или нѣтъ: мы, говоритъ, Исидора едва-едва приняли, и то только ради его покоренія и вашего за него ходатайства. Шемяка обѣщаетъ одному изъ Епископовъ Митрополію, а потомъ приказываетъ ему сѣсть на Митрополичьемъ дворѣ; а также онъ созываетъ къ себѣ Владыкъ на совѣтъ. Онъ самъ какъ бы считаетъ себя начальникомъ духовенства и приказываетъ ему дѣлать то или другое. Говоря о Митрополитѣ Петрѣ, Алексѣѣ и церковной смутѣ, мы не видѣли, чтобы Великій Князь положи-

---

[35] Ст. Кн. ч. 2, стр. 82—84.

[36] Ак. Ист. т. 1, NN 67 и 266.

тельно могъ обѣщать кому либо Митрополичій столъ. Князь тамъ ходатайствуетъ за покровительствуемое имъ лицо; но онъ сознаетъ, что можетъ встрѣтить сопротивленіе своему желанію какъ въ Константинополѣ, такъ и въ Россіи, и Митяй все-таки долженъ былъ отправиться за посвященіемъ въ Константинополь. Теперь же высказался прямо способъ, какимъ образомъ Великій Князь можетъ добыть себѣ Митрополита; но сначала Василій Васильевичъ проситъ объ этомъ разрѣшенія въ Константинополѣ; Шемяка, какъ видно, хочетъ осуществить его планъ; но ему, какъ вообще всѣ дѣла, и это не удалось. Занялъ Василій Васильевичъ Москву, и является отъ духовенства посланіе къ Шемякѣ; оно написано совершенно по мысли Великаго Князя. Въ посланіи Дмитрій Юрьевичъ упрекается въ преступленіяхъ и пересчитываются его вины, а поступки Василія Васильевича считаются такими, какими они будто и должны быть. Но духовенство пишетъ посланіе съ цѣлію принести пользу, считаетъ настоящій порядокъ вещей полезнымъ для Государства; послѣднее хотя и такъ — но все-таки должно замѣтить, что духовенство собирается къ Великому Князю, который отдаетъ ему свое дѣло на судъ, какъ и послѣ Государи Русскіе не разъ отдавали подобныя дѣла на судъ духовенства. Идетъ Василій Васильевичъ въ походъ противъ Дмитрія Юрьевича, и беретъ съ собою Митрополита и Владыкъ для устрашенія, должно быть, его. Такъ распоряжается теперь Великій Князь, между тѣмъ какъ можно смѣло сказать, что, напримѣръ Митрополита Алексѣя, трудно было бы Великому Князю заставить сдѣлать то, чего Святитель самъ бы не хотѣлъ.

Но если такова разница между прежними отношеніями и описываемыми, то такова разница и въ слѣдствіяхъ дѣйствій Митрополита и духовенства. Дѣйствія Митрополита Алексѣя имѣютъ непріятное вліяніе на враговъ Московскаго Князя; и что они достигаютъ своей цѣли, то это показываетъ ненависть Князей. Іона дѣйствуетъ такъ же, пожалуй, какъ и Алексѣй; но на его дѣйствія не видимъ чтобы много обращали вниманія тѣ, противъ кого онъ обращаетъ орудія Митрополичьяго престола: что прежде было ново и дѣйствительно непріятно для враговъ Москвы, то теперь уже стало старо; противники Московскаго Великаго Князя привыкли къ проклятіямъ Митрополитовъ. Конеч-

но, сдѣсь нужно принять во вниманіе лица и обстоятельства того и другаго времени; но главное остается тоже, и плоды дѣятельности того и другаго Митрополита ясно видны. Теперь на Митрополитовъ смотрятъ уже, какъ на одну изъ силъ Московскаго Великаго Княжества, по этому борются съ главной силой, въ увѣренности, что если ее побѣдятъ, то эта второстепенная сила и сама подчинится.

Такъ высказывали Князья свои отношенія къ духовенству и Митрополиту, главное посредствомъ дѣйствій. Теперь посмотримъ, какъ духовенство и Митрополиты сами высказываютъ понятія, какъ вообще объ отношеніяхъ государственныхъ, такъ главное объ отношеніи свѣтской власти къ церковной. Сдѣсь нужно замѣтить прежде всего, что духовенство высказываетъ этѣ отношенія не одними дѣйствіями, а уже словами. Духовенство пишетъ къ Шемякѣ, что онъ не долженъ желать начальства, котораго ему не дано отъ Бога; называетъ Великаго Князя Государемъ, Господиномъ своимъ, а себя его богомольцами; при томъ высказываетъ мысль, что Государь долженъ заботиться о благѣ народа и, упрекая Дмитрія Юрьевича, говоритъ: «разсуди самъ, какое благо Православному Христіянству сдѣлалъ, сколько погосударствовалъ.» Нигдѣ духовенство и Митрополитъ не напоминаютъ о своихъ правахъ въ отношеніи къ Великому Князю, котораго они считаютъ непремѣннымъ ихъ охранителемъ и прибѣгаютъ, какъ увидимъ ниже, въ своихъ дѣлахъ имущественныхъ подъ его покровительство. Если прежде враги Москвы болѣе соединяли, чѣмъ отдѣляли, Митрополита отъ Князя Московскаго, а въ Москвѣ понимали его своимъ человѣкомъ, хотя самъ Митрополитъ Алексѣй своими словами не высказываетъ ничего; за то теперь Митрополитъ Іона самъ себя не отдѣляетъ отъ него. Митрополитъ Іона пишетъ въ Новгородъ, что если кровь Христіянская прольется, то это будетъ не на насъ съ Великимъ Княземъ. Чтобы заставить Ивана Андреевича Можайскаго быть въ союзѣ съ Великимъ Княземъ противъ Татаръ, Святитель говоритъ, что по этому случаю Великій Князь и мы посылали къ Можайскому Князю Владыку Коломенскаго; у Новгорода идутъ дѣла съ Москвою, то Митрополитъ пишетъ чтобы Новгородцы просили Великаго Князя чрезъ него и даетъ имъ, отъ себя, вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ, опасныя грамоты; точ-

но такъ же и въ другихъ случаяхъ, какъ и въ этомъ, онъ указываетъ на себя, и говоритъ, что готовъ Великому Князю за просящихъ бить челомъ и что Великій Князь дѣлаетъ то или другое по его челобитью. Такъ къ Вятчанамъ пишетъ, чтобы они обратились къ своему Государю, а онъ, Митрополитъ, упросилъ покуда его не наказывать ихъ говоритъ, что просилъ со слезами. Вообще же мы не видимъ, чтобы Митрополитъ въ чемъ нибудь противорѣчилъ Великому Князю, даже такой нечистый поступокъ послѣдняго какъ дѣло съ Княземъ Можайскимъ, когда Святителю пришлось объ немъ упомянуть, то онъ говоритъ, что онъ сдѣланъ по нуждѣ. Но всего лучше выразилось понятіе Святителя Іоны о власти Великаго Князя въ отношеніи къ другимъ Русскимъ Князьямъ въ словахъ о томъ же Можайскомъ Князѣ: «извѣстно, что онъ сдѣлалъ надъ своимъ братомъ старѣйшимъ; но что я говорю надъ братомъ: надъ Государемъ». — Изъ смысла вышеприведенныхъ уже посланій Святителя Іоны видно, что онъ требуетъ отъ всѣхъ безпрекословнаго повиновенія волѣ Великаго Князя, даже какъ бы не желаетъ, чтобы другіе, повинуясь ему, требовали о своихъ отношеніяхъ къ власти Великаго Князя какихъ-либо опредѣленій, а просто говоритъ, чтобы повиновались да и только, а тамъ что Богъ положитъ на сердцѣ Великаго Князя по ихъ исправленію. Такимъ образомъ, производя власть Великаго Князя отъ Бога, возводитъ ее на неограниченное ни чѣмъ положеніе, даже и въ отношеніи къ тѣмъ изъ Русскихъ, зависящихъ отъ Великаго Князя, которые бы могли съ нимъ условливаться по праву. Самъ о себѣ постоянно говоритъ, что онъ молитъ Великаго Князя, бьетъ ему челомъ, и какъ бы гордится тѣмъ, что по его челобитью исполняется что либо, и не только самъ, но и другихъ членовъ духовенства заставляетъ, чтобы они заботились о томъ, чтобы ихъ духовныя дѣти повиновались Великому Князю. Заставляя повиноваться Великому Князю, Митрополитъ опирается въ этомъ дѣлѣ не только на Божественное происхожденіе его власти; но для этого покуда представляется отличное средство: борьба съ невѣрными, потому что если не будутъ повиноваться Великому Князю, то какъ ему тогда защитить православныхъ отъ варваровъ, другой же никто не защититъ, потому что другіе союзники Татаръ на погибель Христіянству. О своей самостоятельности Митрополитъ не думаетъ

и говорить, потому что прямо уже разъ сказалъ, что онъ поставленъ въ Митрополиты по мысли Великаго Князя. Наконецъ мы видимъ, что дѣйствія духовенства и Митрополита въ политическихъ дѣлахъ производятся именно въ то время, когда Великій Князь не имѣетъ средствъ дѣйствовать другими силами, или желаетъ лучше, чтобы то или другое было сдѣлано духовенствомъ. Но самымъ чувствительнымъ мѣриломъ зависимости или независимости одной стороны отъ другой представляются имущественныя права: сдѣсь какъ Митрополитъ дѣйствуетъ? Митрополитъ Петръ искалъ средствъ защитить церковныя имущества отъ лукавыхъ человѣкъ; Алексѣю это дѣло можно было хорошо вести: при немъ: въ рукахъ его была и свѣтская власть, и трудно было кому-либо сдѣлать обиду Церкви съ этой стороны. Во время смуты церковной, какъ видно, начались нарушенія имущественныхъ правъ Церкви со стороны свѣтской власти; а когда вступилъ въ управленіе Митрополіею Фотій, то поднялъ вопль на разграбленіе имуществъ Церкви, и вслѣдствіе этѣхъ воплей даже навлекъ себѣ много непріятностей. Митрополитъ Іона тоже защищаетъ права Церкви на имущества, но какъ? Для отвѣта на этотъ вопросъ приведемъ содержаніе нѣкоторыхъ грамотъ по этой части. Святитель Іона, какъ видно хорошій хозяинъ, проситъ Великаго Князя о томъ, что на праздники, пиры и братчины въ Митрополичьи села ѣздятъ многіе люди незваные и отъ этого чинится много различныхъ лихихъ дѣлъ, и Великій Князь по этому бы случаю пожаловалъ Митрополита и далъ бы грамоту: запрещающую ѣздить незванымъ туда.[37] Въ другой разъ Митрополитъ проситъ у Великаго Князя, чтобъ ѣздоки не ѣздили не пошлыми дорогами, не дѣлали бы насилій крестьянамъ Митрополичьимъ, и по этому случаю дана была грамота отъ Великаго Князя, запрещающая подобныя правонарушенія.[38] Отъ Великаго Князя по просьбѣ Митрополита давались крестьянамъ, по случаю какихъ либо несчастій, напр. пожара, льготы.[39] Такимъ образомъ въ этой дѣятельности Митрополитъ, а за нимъ и все

---

[37] Ак. Арх. Эк. т. 1, № 50.

[38] Тамъ же, № 61.

[39] Тамъ же, № 63.

духовенство опирается на власть Великаго Князя и отъ него ищетъ себѣ защиты. Теперь Великій Князь защищалъ права духовенства; а, какъ извѣстно, при сынѣ Василья Васильевича уже возникъ вопросъ объ отобраніи недвижимыхъ имуществъ духовенства въ пользу Государства; но, по незрѣлости сознанія въ этой потребности и ради защиты самаго себя, духовенство, которое опиралось въ своихъ словахъ на то, что недвижимыми имуществами жаловали Церковь предки Іоанна III и то, что ими владѣла Церковь въ Византіи, этотъ вопросъ былъ отложенъ для разрѣшенія на послѣдующее время.[40]

Изъ всего вышеизложеннаго, кажется, можно вывести заключеніе, что церковная власть, въ описываемое время, представляется какъ одна изъ Государственныхъ силъ, находящихся въ распоряженіи Великаго Князя, и направляется къ извѣстной политической дѣятельности по его усмотрѣнію.

Пересчитавши вышеизложенныя положенія, которыя я далеко не всѣ привелъ и подтвержденіе которыхъ найдемъ ниже и при томъ яснѣе, теперь скажу о томъ, что такъ какъ всякое понятіе о точномъ опредѣленіи закономъ отношеній двухъ сторонъ между собою въ обществѣ, и главное слагающемся въ Государство, проходитъ въ жизнь путемъ практическимъ, то точно такъ же и сдѣсь понятіе объ отношеніи власти свѣтской къ духовной проходили въ жизнь практически, и по мѣрѣ развитія Государства, ихъ отношенія опредѣлялись, и Церковь постепенно принимала въ обществѣ то положеніе, которое она должна была занимать, по основѣ своего устройства, т. е. такое, какое она занимала въ Византіи. Стороны покуда не сознаютъ, по чему онѣ совершаютъ то или другое; но теперь иногда уже очень прямо, и безъ примѣси старыхъ понятій, называютъ вещи настоящимъ ихъ именемъ. Сдѣсь выказываются особенно прямо лица, принадлежащія къ духовному званію, по тому что церковная іерархія Русская, по преданіямъ матери своей, Византійской Церкви, въ извѣстныя формы, переданныя отъ нея Русской Церкви, встав-

---

[40] Калачева, о Кормчей, въ Чт. Об. Ист. и Др. Рос. годъ 3, 1847 г. стр. 7 и прим. 15; И. Г. Р. т. 6, прим. 622.

ляетъ понятія о своихъ отношеніяхъ; потому-то духовенство и называетъ Великаго Князя своимъ Господиномъ и Государемъ. Сдѣсь я не говорилъ ничего о томъ, что Исидоръ былъ свергнутъ съ Митрополіи силою Великаго Князя: это случай особенный, выдающійся изъ ряда обыкновенныхъ дѣйствій, но показывающій, какъ власть Великаго Князя, могущаго по своему усмотрѣнію рѣшить подобное дѣло, выразившагося словами: «что при нашихъ предкахъ этого не было, и я не хочу,» такъ и ту громадную пользу права всѣмъ Православнымъ Христіянамъ разсуждать о дѣлахъ Церкви, какъ о дѣлахъ собственно до нихъ касающихся, и особенно необходимость имѣть это право представителю народа, Государю.

Если стороны въ словахъ и дѣйствіяхъ высказываютъ ясно понятіе о своихъ отношеніяхъ, то другіе со стороны могли также понять этѣ отношенія въ самой ихъ сущности; тѣмъ болѣе, если съ необходимостію замѣтить это будетъ связанъ извѣстный интересъ. Въ Сѣверной Россіи такихъ заинтересованныхъ лицъ не было, все стояло въ зависимости отъ Москвы или въ такомъ положеніи, что были на очереди, при первомъ удобномъ случаѣ, потерять независимость въ пользу Московскаго Великаго Князя; но въ Западной Россіи, гдѣ Государство почти такъ же развилось, какъ и въ Москвѣ, и гдѣ въ описываемое время происходила подобная же борьба, какъ и въ Сѣверной Россіи, тамъ могли это замѣтить. Для нихъ Митрополитъ, живущій въ Москвѣ и имѣющій власть надъ Православными Епархіями, находящимися во владѣніяхъ Литвы, являлся не болѣе, какъ подданный Московскаго Великаго Князя; но если подданный будетъ имѣть подобную власть въ другомъ Государствѣ, какую имѣлъ Всероссійскій Митрополитъ надъ подчиненнымъ ему духовенствомъ, то наврядъ ли другое Государство на это согласится, особенно если при томъ имѣется еще масса другихъ отношеній, становящихъ это Государство во враждебное положеніе къ Москвѣ и ко всему Московскому, а, слѣдовательно, и къ власти Митрополита, живущаго тамъ. Для Литвы было важно уже одно то, кромѣ многаго остальнаго другаго, что Митрополитъ поставленъ въ Москвѣ и будетъ тамъ ставиться, а послѣднее было, кажется, уже ясно рѣшено: зависимость его отъ Константинополя и вообще слабая, теперь же останется, конечно, только по преданію.

Но въ отношеніи къ личности Митрополита Іоны, попавшаго въ подобныя отношенія, существовало преданіе, лежавшее въ основѣ Русской церковной іерархіи, что всѣ Митрополиты всея Россіи, бывшіе до него, были Митрополитами Кіевскими и всея Руси. На этомъ послѣднемъ, съ прибавленіемъ того, для ясности, что Святитель Іона постоянно встрѣчалъ препятствія почти всѣмъ своимъ весьма законымъ планамъ, въ отношеніи занятія имъ престола Митрополіи, основывается вся его дѣятельность, къ которой теперь приступаемъ.

Предшественники Святителя Іоны на Митрополичьемъ престолѣ были Митрополитами Кіевскими и всея Руси; Кіевъ и вся Западная половина Митрополіи принадлежали Литвѣ, и по этому обращаюсь къ событіямъ, касающимся личности и власти Святителя Іоны, въ отношеніи къ этой половинѣ его Митрополіи. Выше было замѣчено, что поставленіе Герасима въ Митрополиты совершилось подъ вліяніемъ Свидригайла, который въ заключеніе сжегъ его. Въ это время въ Литвѣ шли смуты, совершенно подобныя происходившимъ въ Сѣверной Россіи. Этѣ смуты сами по себѣ мѣшали заняться дѣлами церковными, и тѣмъ менѣе на это могли бы обратить тамъ вниманія, что вскорѣ послѣ Герасима сталъ Митрополитомъ Исидоръ, склонный къ Западной Церкви, къ которой принадлежали почти всѣ владѣтельныя особы Литовско-Польскаго Царствующаго Дома. Исидоръ, возвращавшійся съ Флорентійскаго собора, былъ хорошо принятъ въ Польшѣ и Литвѣ властями, но не всѣми Православными [41] Польскій Король Владиславъ Ягайловичъ, на основаніи того, что въ лицѣ Митрополита Исидора Русская Церковь соединилась съ Римскою, издалъ грамоту, которой объявлялось, что хотя прежде Русское духовенство кое-гдѣ нѣкоторое утѣсненіе терпѣло, но теперь оно должно пользоваться вообще тѣми же правами, какими пользуется духовенство Римской Церкви въ Польшѣ и Венгріи. [42] Такъ дѣло шло при Исидорѣ, хотя его бѣгство изъ Москвы могло произвести впечатлѣніе въ Литвѣ; но въ это время и въ самой Мо-

---

[41] Зубрицкій повѣсть о Черв. Руси, стр. 328; И. Р. Ц. ч. 3, стр. 73—74, пр. 86; Опис. К. Соф. Соб. и Кіев. Іер. стр. 107.

[42] Ак. Зап. Рос. т. I, N 42.

скве не было Митрополита, а въ Литве смуты еще не утихли. Въ 1445 году былъ избранъ на Польскій престолъ после Владислава Ягайловича Варнскаго, братъ его Казиміръ, Великій Князь Литовскій, который въ 1447 году венчался на престолъ Польши. Но его наклонность более къ Литве, нежели къ Польше, постоянное соперничество двухъ Государствъ, вследствіе необъятныхъ притязаній Польской знати, и т. п. причины, заставляли Казиміра заботиться о томъ, чтобъ извне было покойно. Въ Москве только что отчасти прекратились смуты, и по этому въ ней такъ же желали мира. Эта взаимная нужда въ мире была причиною явленія договорной грамоты между Московскимъ Великимъ Княземъ и Королемъ Казиміромъ въ 1449 году 31 Марта, о мире и любви между договаривающимися сторонами; каждый изъ договаривающихся, въ этой грамоте, старается угодить другъ другу и сделать уступку, чтобъ не было возможности нарушить миръ. [43] Но такъ какъ въ Северной Россіи скоро дела поправились, а Казиміру еще нуженъ былъ миръ, то съ его стороны началось заискиваніе въ Москве. Въ это время былъ поставленъ въ Митрополиты Іона, который хотелъ быть настоящимъ Митрополитомъ, какъ и его предшественники, т. е. Митрополитомъ обеихъ половинъ Россіи. Но если его поставленіе зависело, какъ мы видели, главное отъ воли Великаго Князя Московскаго, то точно такъ же сделалось, какъ увидимъ ниже, это и въ отношеніи къ Литовскому Великому Князю. Святитель Іона былъ сильный человекъ при Московскомъ Дворе, какъ это мы видели, и вотъ со стороны Казиміра, для выше объясненной надобности, начинается заискиваніе расположенія у него; а Митрополиту, для осуществленія своей задушевной мысли, такъ же нуженъ былъ Казиміръ. При такой взаимной нужде другъ въ друге, Митрополита и Короля, мы видимъ, что они находятся въ следующихъ между собою отношеніяхъ. Во время переговоровъ Казиміра съ Василіемъ Васильевичемъ, последовавшихъ за миромъ, Іона писалъ къ Казиміру: «Превысокому, благородному, славному Великому Королю Казиміру общій богомолецъ Іона, Митрополитъ Кіевскій, благословляетъ и челомъ бьетъ, что ты, Господинъ и сынъ нашъ, прислалъ къ нашему сыну, а своему брату, Великому Князю Ва-

---

[43] Ак. Зап. Рос. т. 1, N 50.

силію Васильевичу посла о земскихъ вашихъ дѣлахъ, а ко мнѣ приказывалъ съ нимъ же, чтобъ я, вашъ общій богомолецъ, попеченіе имѣлъ между васъ, Великихъ Государей, чтобъ ваше братство и любовь были прочны, и я, Господинъ, по твоему приказу, своему сыну, а вашему брату, Великому Князю Василію Васильевичу, твои рѣчи говорилъ съ благословеніемъ и мольбою; и Князь Великій вельми хочетъ братства и любви и прочнаго житія съ тобою. И благодарю и благословляю великое ваше господство, чтобы къ своему брату, а нашему сыну, Великому Князю Василію Васильевичу, братство и любовь свою имѣлъ, по тому крестному цѣлованію, на чемъ межъ себя честный и животворящій крестъ цѣловали: а братъ вашъ, а нашъ сынъ, того же хочетъ, а я по своему святительскому долгу Бога молить радъ, сколько могу, и попеченіе свое буду имѣть, чтобъ Богъ далъ между вами любовь. О великомъ же вашемъ жалованьѣ и вашихъ поминкахъ благодарю и благословляю».[44] За этѣ ходатайства Митрополита въ пользу Короля, отъ послѣдняго и дана была Святителю Іонѣ грамота (составляющая, должно быть, то великое жалованье, за которое онъ благодарилъ Короля), слѣдующаго содержанія. «Полюбили мы отцемъ Митрополитомъ и дали ему столъ Митрополичій Кіевскій и всея Руси, какъ прежде бывало, по обычаю и установленію Русскаго Христіянства: а онъ пусть правитъ Христіянствомъ, какъ прежде Митрополиты правили; а всѣ должны имѣть, почитать его и быть ему какъ прежнимъ Митрополитомъ».[45] Далѣе мы знаемъ, что Святитель Іона, чтобы старина, о которой говоритъ и Казиміръ, была вполнѣ возстановлена, въ 1451 году благодарилъ Короля за то, что тотъ далъ ему Кіевскій Митрополичій столъ по старинѣ и просилъ при этомъ, чтобы онъ возстановилъ и извѣчную старину и подчинилъ бы ему Митрополію Галицкую, а также вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ, чтобы Церковь Божія не была изобижена ни отъ кого.[46] Неизвѣстно, была ли удовлетворена послѣдняя просьба Митрополита на счетъ Галиціи; но какъ мы видѣли, говоря о Галицкой Ми-

---

[44] Ак. Арх. Эк. т. 1, N 49.

[45] Ак. Ист. т. 1, N 42.

[46] Тамъ же, N 260 — 1.

трополіи, Галиція давно имѣла своихъ Митрополитовъ, и только преемство ихъ одного другому постоянно прерывалось, ради притязаній на Галицію Всероссійскихъ Митрополитовъ; притязаній, удовлетворявшихъ собственно только личному честолюбію Святителей и весьма вредящихъ благосостоянію Галицкой Церкви. Галиція могла имѣть теперь Митрополита, и наврядъ ли Святитель Іона имѣлъ успѣхъ въ этомъ отношеніи.

Такъ заискивалъ Митрополитъ Іона у Короля; но онъ также заискивалъ и у другихъ сильныхъ людей въ Западной Россіи. Такъ еще въ то время, когда Казиміръ обѣщалъ подчинить ему Западно-Русскія Епархіи, Святитель Іона писалъ къ Кіевскому Князю Александру Владиміровичу, котораго, извѣщая о своемъ поставленіи на Митрополію, доказывалъ ему, по чему въ Россіи долго не было Митрополита и по чему онъ поставленъ, а также доказывалъ исторіей, что Кіевъ есть главный столъ Митрополита, и въ заключеніе говоритъ: «я знаю и отъ другихъ многихъ слышалъ про тебя, великаго человѣка, что ты есть поборатель истинной Церкви и закона, и заступникъ всему Православному Христіянству, и той державы Литовскія земли всѣмъ Христіянамъ тамошнимъ похвала и поможеніе; по этому прошу тебя, сына своего, чтобы вашего благородія попеченіемъ и споспѣшеніемъ воспріяла бы Церковь Божія древнее свое благолѣпіе и да совокупилась бы по прежнему Святѣйшая Кіевская и всея Руси Митрополія во едино».[47]

Подобными исканіями, при помощи обстоятельствъ, Святитель Іона добился почти вполнѣ исполненія своего желанія и сдѣлался настоящимъ Митрополитомъ Кіевскимъ и всея Руси. Но какъ было достигнуто это, точно также оно должно было и поддерживаться. Это бы еще ничего, что онъ просилъ Короля, чтобы Церковь не была изобижена ни отъ кого, но онъ принужденъ былъ просить и сильныхъ вельможъ о томъ, чтобы они печаловались у Короля о дѣлахъ Церкви;[48] онъ принужденъ былъ ставить дѣла, относящіяся до церковнаго управленія, подъ по-

---

[47] Ак. Ист. т. 1, N 47.

[48] Тамъ же, N 260 — II и III.

кровительство различныхъ Князей Литовскихъ.[49] Всѣмъ этѣмъ людямъ Святитель Іона долженъ былъ говорить, если ужь не лесть, то, по крайнѣй мѣрѣ, такъ мягко, чтобы по возможности всегда имѣть ихъ на свой сторонѣ. Съ тою же цѣлію, т. е. чтобы утвердить свою власть надъ Западно-Русскими Епархіями, какъ предполагаютъ, Митрополитъ Іона ѣздилъ и самъ въ Литву.[50] Если такъ относился Святитель Іона къ свѣтскимъ людямъ Западной Россіи, то не лучше было его отношеніе и къ лицамъ, подчиненнымъ тамъ ему, какъ Митрополиту. Однимъ изъ первыхъ дѣлъ его въ отношеніи управленія Западной половиной своей Митрополіи, послѣ подчиненія ея ему, было то, что онъ поставилъ своихъ намѣстниковъ тамъ, какъ было при Митрополитѣ Фотіѣ;[51] а потомъ онъ обратилъ вниманіе на то, чтобы уничтожить тѣ сѣмена Католицизма, которыя были посѣяны между лицами духовными и даже между Епископами. Такъ съ этою цѣлію Епископъ Владиміро-Волынскій, поставленный Исидоромъ, былъ вызванъ въ Москву; сдѣсь онъ отрекся отъ своихъ заблужденій, и Митрополитъ Іона приказалъ ему литургисовать, вмѣстѣ съ собою, и послѣ этого снова отпустилъ его въ свою Епископію.[52] Но не всегда такъ легко и успѣшно могъ Митрополитъ дѣйствовать. Лучшимъ примѣромъ его отношеній къ лицамъ, ему подчиненнымъ въ Западной Россіи, служатъ его письма въ Полоцкъ. Полоцкій Владыка Симеонъ написалъ къ нему письмо, въ которомъ называлъ его, своего Митрополита, своимъ братомъ. Святитель Іона на подобную дерзость отвѣчалъ слѣдующимъ образомъ: онъ написалъ вотъ какое письмо къ этому Владыкѣ: «листъ твой, сыну, до насъ дошелъ и подивился я, что ты пишешь ко мнѣ, называя себя мнѣ братомъ, не такъ какъ писали Епископы По-

---

[49] Ак. Ист. т. 1, N 48 — II.

[50] Это предположеніе дѣлается на основаніи примѣчанія къ 48 N Ак. Ист. т. 1, въ прим. на стр. 7. Впрочемъ наврядъ ли Святитель былъ въ Литвѣ: въ 1-хъ, нигдѣ, кромѣ какъ по этому примѣчанію, о его поѣздкѣ нельзя заключить, а во 2-хъ въ письмѣ къ Архимандриту Калисту (тамъ же N 270) Святитель говоритъ такъ, что можно заключить, что онъ никогда не видалъ Казиміра: «прежде я не былъ у него (Короля) по случаю своей болѣзни».

[51] Ак. Ист. т. 1, N 48.

[52] Тамъ же N 52.

лоцкіе къ прежде-бывшимъ Митрополитамъ. Увѣрены мы, что ты старину знаешь и также въ Божественныхъ правилахъ искусенъ. Посмотри же и самъ разсуди: пригодно ли намъ къ Святѣйшему Патріарху писаться братомъ, имѣя на себѣ его рукоположеніе. Нѣтъ. А онъ къ намъ это можетъ дѣлать, точно также какъ и мы къ вамъ можемъ писать, но не вы, развѣ затмитесь тщеславіемъ и гордостію и будете безъ ума.»[53] А когда умеръ Симеонъ, то къ избранному на его мѣсто Архимандриту Калисту Іона писалъ: «ты хорошо дѣлаешь, въ письмѣ къ намъ, что вспоминаешь прежнее рукополагательство нашего смиренія на себѣ. Ты пишешь, что Великій Государь, сынъ нашъ, и всѣ тебя излюбили, чтобы ты былъ Епископомъ, и мы молимъ Бога. чтобы онъ довершилъ сіе начатое дѣло своимъ милосердіемъ, и мы этому очень ради. А что ты пишешь, что тебѣ ѣхать ко мнѣ для поставленія не свободно, то Богу извѣстно, какъ мнѣ хотѣлось бы быть у Великаго Государя Короля, когда онъ былъ въ своей отчинѣ, въ Литовской землѣ, чтобъ видѣть его, благословить и Бога за него помолить; но гдѣ бы я ни былъ, я вездѣ его богомолецъ; а прежде, за своею немощію, не могъ къ нему поѣхать. Если когда онъ будетъ около насъ и Богъ поможетъ, и укрѣпитъ нашу старость здравіемъ, и ни отъ кого не будетъ препятствій, то мы хотимъ у него быть и твое дѣло тогда будетъ совершено».[54]

Изъ приведенныхъ писемъ Митрополита Іоны мы можемъ видѣть, что отношенія его къ Литвѣ очень похожи на тѣ отношенія, въ какихъ находился прежде Митрополитъ Петръ къ цѣлой Россіи: они были до крайности натянуты и вездѣ онъ въ своихъ дѣлахъ опирается на старину и ее напоминаетъ; а съ нимъ уже, какъ видимъ, дѣйствуютъ совершенно по новому. Для поддержанія старины онъ принужденъ былъ ухаживать тамъ за всѣми: о Королѣ выражаться съ самымъ крайнимъ уваженіемъ; къ духовенству, подчиненному ему по милости Короля, онъ точно также относится, какъ и къ свѣтскимъ вельможамъ, Епископы въ отношеніи къ нему забываются, и онъ дѣйствуетъ на нихъ убѣж-

---

[53] Ак. Ист. т. N 1, 268.

[54] Тамъ же, N 270.

деніемъ, а не наказаніемъ. Въ Сѣверной Россіи, гдѣ Митрополитъ опирается въ сущности не на старину, а на силу Великаго Князя, тамъ не видно, чтобы Епископы не только сопротивлялись, но даже противорѣчили Митрополиту: по тому что при первомъ сопротивленіи ихъ, съ ними могли поступить строго; а если, какъ видѣли и увидимъ ниже, является что-то похожее на то, что Владыки высказываютъ свою самостоятельность въ дѣйствіяхъ, такъ это въ особенности въ Новгородѣ и Твери; но и сдѣсь имѣютъ средства съ ними управиться; а съ Литовскими Владыками Митрополитъ долженъ обходиться осторожно, особенныхъ требованій противъ нихъ онъ не можетъ выставить; власть Московскаго Князя туда не достигаетъ, а Литовкій Великій Князь только по нуждѣ его помощникъ, точно такой же, какъ и союзникъ Москвы. Митрополитъ называетъ себя общимъ богомольцемъ обоихъ Великихъ Государей, но такъ какъ онъ живетъ въ Государствѣ одного, и управляетъ частію своей паствы въ Государствѣ другаго, то это могло повести, при первомъ удобномъ случаѣ, къ непріятностямъ для него, особенно въ то время, когда Митрополитъ не будетъ нуженъ для Короля. Мы видѣли, что Галиція получила отдѣльнаго Митрополита, главное по двумъ причинамъ: во первыхъ, потому, что Митрополиты переѣхали на Сѣверъ Россіи и удалились отъ Галиціи, а второе потому, что Галиція, сознавая свою самостоятельность политическую, не хотѣла, чтобы ея Церковь управлялась извнѣ, а по томъ потому, что подпапа подъ власть Польши, страны крайне Католической: сдѣсь Православіе требовало себѣ защиты само изъ себя, а Митрополитъ жилъ далеко и не могъ удовлетворить этой потребности; Король Казиміръ Великій требовалъ Митрополита для Галиціи, стращая, въ случаѣ неудовлетворенія этого требованія, тѣмъ же Католицизмомъ. Этѣ же самыя условія существовали теперь и въ отношеніи къ Западной Россіи. Потомки Гедимина неотличались особенною религіозною ревностію, но сдѣсь могли выступить на сцену и другія условія; а по этому, для объясненія какъ послѣдующихъ происшествій, такъ и для яснаго пониманія изложенныхъ отношеній Святителя Іоны вообще къ Литвѣ, сдѣлаю отступленіе ко временамъ Витовта, когда тотъ хотѣлъ имѣть своего избранника на Митрополичьемъ престолѣ послѣ смерти Митрополита Кипріана.

По смерти Кипріана, когда Московскій Князь посла ъ въ Константинополь съ требованіемъ, чтобы оттуда прислали Митрополита для Россіи, Витовтъ хотѣлъ, чтобы преемникомъ Кипріану былъ его избранникъ, и съ этою цѣлію отправленъ былъ въ Константинополь Өеодосій, Епископъ Полоцкій, чтобы Патріархъ посвятилъ его въ Митрополита всея Руси. Но прошеніе Витовта не было исполнено, и въ Россію былъ присланъ Фотій, который послѣ различныхъ затрудненій, со стороны Литовскаго Великаго Князя, попалъ наконецъ въ Москву. Но Витовтъ не хотѣлъ оставить своего намѣренія (онъ былъ въ это время въ размирьѣ съ Москвою): онъ отнялъ у Фотія титулъ Митрополита Кіевскаго, а Епископы Епархій, находящихся во владѣніхъ Литовскаго Великаго Князя, написали Фотію письмо слѣдующаго содержанія: «бывшему Митрополиту Кіевскому и всея Руси: мы, Епископы, видя, что ты многое дѣлаешь не по правиламъ апостольскимъ и отеческимъ, ждали твоего исправленія, но слыша о тебѣ такія вещи, за которыя ты подвергаешься проклятію и изверженію, а ихъ ты самъ знаешь. Мы тебѣ пишемъ, не хотя тебя посрамить; а говоримъ по тому, что имѣемъ тебя Епископомъ по правиламъ».[55] Это письмо замѣчательно тѣмъ, что наполнено общими мѣстами и не видимъ что за вины такія успѣлъ надѣлать Фотій; но это объясняется отчасти слѣдующими словами, заключающимися въ соборной грамотѣ Епископовъ, которые избрали Григорія Цамблака въ Митрополиты, и въ окружной грамотѣ Витовта, объ отдѣленіи Кіевской Митрополіи отъ Московской. По этому случаю: Епископы говорятъ «скорбя о Церкви нашей матери Кіевской и видя ее презираемою отъ Митрополита Фотія, котораго только по названію имѣемъ какъ пастыря, а не дѣломъ, сбирающаго только доходы церковные, а живущаго въ иномъ мѣстѣ. Ради этого Великій Князь Александръ, называемый Витовтъ, изгналъ того Митрополита и послалъ къ Царь-граду къ Царю и Патріарху, прося дать ему Митрополита; но Царь Мануилъ не хотѣлъ послушать его прошенія, ради прибытковъ неправедныхъ. По совѣту Великаго Князя со всѣми и нашимъ избраніемъ поставленъ Григорій Ми-

55 Ак. Зап. Рос. т. 1, N 23.

трополитомъ Церкви Кіевской и всея Руси.» Далѣе Епископы приводятъ основаніе, на какомъ правѣ они это сдѣлали и также рядъ историческихъ примѣровъ подобныхъ избраній. Потомъ говорятъ: «да не скажутъ, что отрекаемся отъ вѣры, по тому что поставляемъ сами Митрополита; но мы по прежнему исповѣдуемъ Святую Православную Вѣру и Константинопольскаго Патріарха имѣемъ въ Патріарха и отца; также, какъ и прочіе всѣ Патріархи и Епископы и всѣ служители Православной Церкви, учимъ и вѣруемъ; но не можемъ терпѣть царева насилія, по тому что Святый Патріархъ и Соборъ не могутъ по правиламъ поставлять, а поставляютъ того, кого Царь прикажетъ, а по этому покупается и продается даръ Святаго Духа. Примѣромъ этому служатъ Кипріанъ, (!) Пименъ, Діонисій и многіе другіе». [56] Въ заключеніе приводится, сколько изъ этого слѣдуетъ дурнаго, вслѣдствіе этой продажности. Витовтъ въ окружной грамотѣ повторяетъ за Епископами тоже, что Митрополиты, живя не въ Кіевѣ, только заботятся о сборѣ пошлинъ и не брегутъ о Церкви, «и мы то видя,» говоритъ Витовтъ, «по смерти Митрополита Кипріана посылали въ Царьградъ Владыку Полоцкаго Ѳеодосія, прося, чтобъ намъ его поставили Митрополитомъ, чтобъ сидѣлъ на столѣ Кіевской Митрополіи по старинѣ, строилъ бы Церковь по давнему, какъ нашъ; по тому что Божіимъ изволеніемъ мы обладаемъ тѣмъ мѣстомъ Кіевомъ. Но они того не хотѣли сдѣлать, не поставили Ѳеодосія Митрополитомъ, но прислали намъ своего Митрополита Фотія. Мы сначала приняли Фотія, но онъ у насъ не жилъ, а только заботился о доходахъ, и мы, того не терпя, изгнали того Фотія: послали опять къ Царюграду, чтобъ поставили Григорія; но тамъ этого не сдѣлали. Поэтому мы, видя хорошо, что они хотятъ по своей волѣ ставить Митрополитовъ, сами стали дѣйствовать, да не скажутъ: «что Государь не той Вѣры, отъ того и Церковь оскудѣла.» По совѣту съ Епископами мы еще посылали въ Царьградъ; назначали для рѣшенія дѣла нашего сроки; но такъ какъ ничего ими не было сдѣлано, то и былъ соборомъ Русскихъ Епископовъ поставленъ Григорій Митрополитомъ Кіевскимъ, чтобъ сидѣлъ на столѣ въ Кіевѣ, какъ пошло издавна,

---

[56] Ник. Лѣт. ч. 5, стр. 58 — 36; Ак. Зап. Рос. т. 1, N 24.

а не такъ какъ по новому въ Москвѣ.»[58] Витовтъ въ этой грамотѣ старается указать, что его не что иное побудило къ раздѣленію Митрополіи, какъ только однѣ заботы о православныхъ подданныхъ и ихъ Церкви, даже и при томъ, что хотя онъ и Государь иновѣрный. А смотря на причины, которыя изложены въ грамотахъ Епископовъ и Витовта, по чему поставленъ Григорій, мы можемъ видѣть громадную разницу между жалобами на Митрополитовъ Ольгерда и Витовта: первый жаловался на множество политическихъ обидъ, которыя надѣлалъ ему Митрополитъ Алексѣй, и не говорилъ ничего подобнаго Витовту; при послѣднемъ нашли только одну жалобу, относительно личности Митрополита: что онъ пошлины сбираетъ и относитъ въ другое мѣсто и не заботится о Церкви. Но между тѣмъ Витовтъ все-таки не могъ укрыть за этѣми жалобами настоящую причину своего поступка; онъ говоритъ: «видя хорошо, что они (т. е. въ Константинополѣ по просьбѣ изъ Москвы) хотятъ по своей волѣ ставить Митрополитовъ» для нашей земли, а по этому я и сталъ этому противодѣйствовать, т. е. сталъ распоряжаться въ своей землѣ тѣмъ, чѣмъ другіе распоряжались. Про обвиненія Епископовъ сдѣсь нечего и говорить; они обвиняя Митрополита, не зная, какъ видно, въ чемъ бы обвинить его, говорятъ: «самъ знаешь, въ чемъ ты виноватъ.» Этѣ Епископы, когда Великій Князь, по смерти Григорія, согласился принять Фотія, приняли его какъ своего Митрополита, хотя прежде говорили, что онъ достоинъ проклятія. Сдѣсь должно замѣтить и то отличіе требованій, какое было при Ольгердѣ и Витовтѣ: Ольгердъ положительно желаетъ добыть себѣ Митрополита такого, какъ Алексѣй. Витовтъ тоже сначала желалъ имѣть своего избранника на Всероссійскомъ Митрополичьемъ престолѣ, а потомъ безъ всякихъ разсужденій самъ рѣшился имѣть Митрополита только для своихъ владѣній.

Самымъ лучшимъ объясненіемъ, какъ совершилось поставленіе Григорія въ Митрополиты, служитъ разсказъ лѣтописи: — Витовтъ собралъ Епископовъ своей земли и сказалъ: «изберите въ Митрополиты кого хотите и пошлите въ Константинополь для поставленія, и избранъ былъ Григорій Цамвлакъ. Нѣкоторые

[58] Ак. Зап. Рос. т. I, N 25.

при этомъ Епископы говорили, что лучше примириться съ Фотіемъ. Но Витовтъ своею властію запретилъ имъ говорить объ этомъ, и они замолчали. Посланъ былъ Григорій въ Константинополь и многія жалобы на Фотія; но Григорій не былъ посвященъ тамъ. Тогда Витовтъ приказалъ Епископамъ своимъ писать вины на Фотія и поставить Григорія. Владыки выставляли причины, по чему нельзя быть двумъ Митрополитамъ въ одной области; но были принуждены исполнить все по пожеланію Витовта.»[58] Вотъ, кажется, простое объясненіе, по чему Епископы писали такими общими мѣстами къ Фотію, и по чему его послѣ признали своимъ Митрополитомъ.

Но если по заказу и принужденію писали Епископы дурное о Фотіѣ, то послѣдній самъ не оставилъ этого дѣла такъ, и поднялъ борьбу. Въ изданномъ по этому случаю окружномъ посланіи онъ въ началѣ написалъ слѣдующее:» Епископы по названію велики, а по нраву малы; образомъ ученики Христовы, а нравомъ предатели; словомъ благочестивы и кротки, а дѣломъ нечестивы и лукавы; именуются Святителями, а дѣлаютъ такъ, какъ язычники». Обсыпавъ значительнымъ числомъ подобныхъ выраженій Епископовъ, Митрополитъ Фотій указывалъ при томъ на то, что никто не можетъ самовольно поставлять Митрополита иначе, какъ изъ Константинополя, и потомъ разбираетъ окружную грамоту Литовскихъ Епископовъ, и относительно симоніи въ Константинополѣ говоритъ: «скажи ты мнѣ, особенно прельщенный не Епископъ Полоцкій, Θеодосій, по преставленіи почившаго Митрополита Кипріана, не ты ли ходилъ въ Константинополь? И ты самъ окаянный знаешь, сколько ты золота и серебра давалъ за поставленіе, а вѣдь тебя не поставили, и со стыдомъ отослали. Да также поискалъ Митрополіи прельщенный Григорій и обѣщалъ за это много имѣнія, вѣдь его не послушали же, а еще сану священническаго лишилъ его Вселенскій Патріархъ и проклялъ, и онъ едва убѣжалъ отъ казни. Какъ же послѣ этого вы, Епископы, такую хулу и ложь говорите на Святую Соборную Церковь и святаго Царя.» За симъ Митрополитъ Фотій совѣтовалъ всѣмъ Православнымъ не имѣть никакого общенія съ Литовски

---

[58] Ник. Лѣт. ч. 5, стр. 54 -- 59.

им Епископами; въ подтвержденіе всѣхъ своихъ словъ онъ приводитъ правила Церкви и въ заключеніе говоритъ, что все его посланіе писано имъ не отъ себя, а отъ Божественныхъ правилъ, для соединенія Церкви и для обращенія заблудшихъ.[59] Съ этою же цѣлію Митрополитъ обращался не только вообще ко всѣмъ, но и въ частности въ различныя мѣстности, совѣтуя жителямъ не присоединяться къ отдѣлившимся. Но вообще этою дѣятельностію, направленною не противъ главнаго дѣйствующаго лица, а противъ второстепенныхъ, Митрополитъ Фотій не возвратилъ потерянной для его власти части Матрополіи, по тому что, когда умеръ Григорій и онъ вступилъ въ управленіе Западно-Русскими Православными Епархіями, въ качествѣ Митрополита, то самъ объ этомъ такъ говорилъ: «по благодати Святаго Духа и милости Христа, устрояющаго всю вселенную, украшена Православная Церковь прежнимъ благолѣпіемъ и мое смиреніе въ Церковь свою введено совѣтованіемъ благороднаго, славнаго, Великаго Князя Александра» (Витовта).[60] Вотъ причина, по чему Казиміръ пожаловалъ Митрополію Іонѣ. При Витовтѣ свѣтская власть Литвы еще не коснулась вполнѣ, съ своими принадлежностями (и даже въ одной изъ нихъ оправдывается) дѣлъ церковныхъ. При Митрополитѣ же Іонѣ, кромѣ уясненія всѣхъ отношеній, въ Казимірѣ присоединилось, кромѣ Католицизма но еще и то, что онъ Король Польши.

Тѣ отношенія, которыя были между властями духовною и свѣтскою въ Москвѣ, потомъ это право Литовскаго Великаго Князя, признанное и Митрополитами, распоряжаться Митрополичьимъ престоломъ, при вышепоказанныхъ натянутыхъ отношеній Святителя Іоны къ Литвѣ, могли при первомъ удобномъ случаѣ повести не къ такому раздѣленію Митрополіи, какое случилось при Фотіѣ, а къ окончательному. Къ этѣмъ двумъ причинамъ присоединялись и другія: Католицизмъ Литовскаго Великаго Князя, отдаленность Западно-Русскихъ Епархій отъ Москвы, гдѣ жилъ Митрополитъ, и зависимость избранія Епископовъ отъ Великаго Кня-

---

[59] Ак. Ист. т. 1, N 19.

[60] Доп. къ Ак. Ист. т. 1, N 183. стр. 538

зя, а главное Церковь Восточная, имѣющая въ іерархіи своей характеръ учрежденія государственнаго, и по этому не представляющая особенной трудности къ утвержденію независимости ея въ одномъ самостоятельномъ государствѣ отъ другаго. По этому единство Митрополіи и зависимость ея отъ Патріарха Константинопольскаго могла держаться до тѣхъ поръ, пока Княжества не развились въ государства; но теперь это время наступило, и Русское общество, сгруппировавшись около Москвы и Литвы, вышло теперь изъ состоянія, называемаго гражданскимъ обществомъ, и выказало ясно уже твердыя начала государства. Въ Москвѣ мы видѣли, въ какомъ отношеніи стала духовная власть къ свѣтской; въ Москвѣ государство развилось и готовое государственное учрежденіе, церковная іерархія, заняло свое мѣсто, для него назначенное. Точно также развилось государство и въ Литвѣ, а по этому наступило и время отдѣленія отъ власти Митрополита, живущаго въ Москвѣ, подчиненныхъ ему Литовскихъ Епархій; отдѣленіе, пріостановленное на время, какъ будто случайными обстоятельствами, но въ сущности тѣмъ, что къ этому дѣлу не все еще было приготовлено. Это раздѣленіе Митрополіи выяснялось постепенно, практически, какъ и все другое въ обществѣ, пока не явилось въ осуществившемся фактѣ. Видимымъ въ этомъ представлялось: сначала вліяніе Великаго Князя на поставленіе Епископовъ, потомъ недовольство тѣми изъ нихъ, которые поставлены безъ его вліянія, отсюда изгнаніе ихъ; за тѣмъ жалобы на дѣйствія Митрополита, живущаго въ другой странѣ; желаніе переманить его къ себѣ или добыть такого же; за тѣмъ ясное опредѣленіе требованія вліянія Князя на избраніе Митрополита и хлопоты объ этомъ въ Константинополѣ, а если это послѣднее не удастся, то поставленіе его у себя дома, и такимъ образомъ этѣмъ всѣмъ приводилось дѣло къ окончательному своему результату, въ связи съ сознаніемъ самостоятельности и силы, приведшее въ заключеніе къ учрежденію въ одной части Россіи Патріархата. Всѣ этѣ дѣйствія вытекаютъ постепенно, въ связи со всѣмъ другимъ и подъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ. Они, повидимому, перемѣшиваются между собою; но хорошенько всматриваясь въ нихъ, видимъ, что они совершаются въ порядкѣ и въ связи съ прочнымъ развитіемъ самостоятельности и силы. Оба Государства, Московское и Литовское, развившіяся вмѣстѣ въ одно

время, по мѣрѣ того, на сколько каждое имѣло залоговъ прочнаго развитія силы, на столько успѣвало достигнуть своихъ цѣлей въ отношеніи къ Православной Церкви и ея іерархіи. Московское Государство было прочнѣе, и оно въ своемъ еще зародышѣ успѣло притянуть главу Церкви. Литва начала противъ этого бороться. Теперь въ Москвѣ твердо установили дѣйствительную независимость отъ Константинополя поставленіемъ Митрополита Іоны: неужели въ Литвѣ это дѣло могло быть оставлено безъ вниманія, въ то время, когда она во всемъ боролась съ Москвою Теперь же было такое время, что Византійская Имперія растлѣвшая до того, что раздѣлялась на Государства и вообще потеряла видъ Государства, передавала въ наслѣдство, такъ сказать, Россіи свои интересы во всѣхъ отношеніяхъ, а конечно и Церкви, хотя, по завоеваніи Константинополя Магометомъ II и явленія въ Европѣ Азіятской Имперіи, церковная православная греческая іерархія и въ Турціи заняла свое мѣсто государственнаго учрежденія.

Но обратимся, для подтвержденія всѣхъ этѣхъ положеній, къ фактамъ. Исидоръ, бѣжавшій изъ Россіи въ Римъ, не думалъ отказываться отъ Митрополіи Русской, но самъ не хотѣлъ ѣхать въ Россію, по тому что мечталъ уже о Патріархатѣ, а по этому указалъ на своего ученика Григорія, который въ Римѣ, Константинопольскимъ Патріархомъ Уніатомъ, Григоріемъ же Мамою, былъ посвященъ въ Митрополиты для всей Россіи. Новопоставленный Митрополитъ отправился изъ Рима. Но какъ только узнали въ Москвѣ о такомъ дѣлѣ, идущемъ изъ столицы католическаго міра на Россію; то Василій Васильевичъ еще прежде, чѣмъ его офиціально извѣстили изъ Литвы объ этомъ, написалъ къ Казиміру слѣдующее: «Григорія не принимай, новизны не дѣлай и старины не разрушай: старина въ томъ, что отъ святаго Владиміра избраніе Митрополитовъ есть право Великихъ Князей Русскихъ до сего времени; а Литовскимъ Князьямъ принимать кто намъ любъ, а отъ Рима у насъ Митрополитамъ не быть, и мнѣ не надобно; если ты его примешь, то разрушишь старину».[41] Съ этою же цѣлію самъ Святитель Іона писалъ къ Православнымъ боя-

[41] Ак. Арх. Экс. т. 1, N 80.

рамъ и панамъ Литвы: онъ хвалитъ ихъ за то, что они крѣпко держатся Православія, и совѣтуетъ имъ обосляться со всѣми Православными и крѣпко стоять за Православную Вѣру; а въ заключеніе говоритъ, что «я и самъ бы къ этому великому дѣлу поѣхалъ къ вамъ, чтобы васъ поддержать въ Православіи, но посѣтившая меня болѣзнь этого не дозволяетъ; а вмѣсто себя посылаю къ вамъ Игуменовъ, которыхъ вы слушайте, по тому что они будутъ говорить тоже, чтобы и я говорилъ, ибо ихъ слова суть наши слова».[62] Святитель Іона былъ отчасти утѣшенъ тѣмъ, что на его посланіе къ Православнымъ въ Литву оттуда отвѣчали, что тамъ готовы стоять за Православіе и имѣть Митрополитомъ его, Іону, а объ Григоріи его извѣстили сами Литовскіе Епископы.[63] Но такъ какъ старина, на которую указывалъ Василій Васильевичъ, была разрушена, теперь прежде всего въ Москвѣ, то и въ Литвѣ дѣлали тоже. Казиміръ принялъ Григорія; ему трудно было сопротивляться подобнымъ дѣламъ, выходившимъ изъ Рима, какъ Католику, а главное Королю Польскому. По этому онъ хотѣлъ, не ссорясь съ Москвой, устроить это дѣло мирно: явилось посольство въ Москву къ Василію Васильевичу съ предложеніемъ, чтобы онъ принялъ Григорія, какъ Митрополита, по тому что Іона уже старъ. Василій Васильевичъ о такомъ дѣлѣ не хотѣлъ и слышать. Въ Москву были созваны Епископы Сѣверной Россіи; они дали обѣщаніе не принимать пришедшаго изъ Рима Григорія, называющаго себя Митрополитомъ Кіевскимъ.[64] Въ Литвѣ же нѣкоторые изъ Епископовъ вступили въ общеніе съ Григоріемъ. Подобнымъ извѣстіемъ Святитель Іона былъ сильно огорченъ, и отъ него посыпались посланія къ Православнымъ въ Литву: въ нихъ онъ упрекаетъ тѣхъ, которые вступаютъ въ общеніе съ ученикомъ Исидора; совѣтуетъ стоять за Православіе, бороться противъ насилій, и если придется, то принять и мученическій вѣнецъ за Вѣру; приглашаетъ, если будетъ гоненіе, ѣхать въ Москву; объясняетъ всѣмъ дѣло Исидора и оправдываетъ церковными правилами собственное избраніе.[65] Но въ Литвѣ молчали на

[62] Ак. Ист. т. 1, N 43.
[63] Тамъ же, N 65 стр. 118.
[64] Тамъ же, N 61.
[65] Тамъ же NN 62. 63 и 66; П. С. Р. Л. т. 6, стр. 169.

эти посланія, и только покуда нѣкоторыхъ смущало то, что Григорій поставленъ въ Римѣ отъ Латинъ, и по этому изрѣдка являлись иногда утѣшенія для Митрополита Іоны отъ нѣкоторыхъ Епископовъ, но и тѣ желали пріѣхать въ Москву.[66] Но дѣло по отношенію къ власти Митрополита Іоны надъ Западно-Русскими Епархіями вообще разомъ замолкло изъ Литвы и пришлось въ Москвѣ заняться дѣлами Сѣверной части Митрополіи, по тому что явленіе Григорія имѣло вліяніе, какъ видно, и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ ея, которыя были изъ старины враждебны къ Москвѣ. На Соборѣ, собранномъ для того, чтобъ написать посланіе въ Литву и дать обѣщаніе не отпадать отъ власти Митрополита Іоны, присутствовали Владыки только тѣхъ Епархій, области которыхъ находились болѣе или менѣе въ полной связи съ Москвой: Ростовскій, Суздальскій, Коломенскій, Сарскій и Пермскій.[67] Вслѣдствіе, вѣроятно, этого, было отправлено посланіе отъ Митрополита къ Новгородскому Владыкѣ Іонѣ о томъ, чтобы онъ берегся Григорія, ученика Исидорова,[68] а къ Тверскому Епископу Моисею послана была строгая грамота съ требованіемъ явиться непремѣнно въ Москву, по церковнымъ дѣламъ, къ сроку.[69]

Но всѣ хлопоты Митрополита Іоны по главному дѣлу своей Митрополіи остались тщетны. Тверь и Новгородъ остались за Сѣверной Митрополіей; прежнее ихъ противодѣйствіе Москвѣ, а

---

[66] Доп къ Ак. Ист. т. 1, NN 12 и 13. Предполагаютъ, что это былъ Епископъ Черниговскій Евѳимій, воспользовавшійся приглашеніемъ Митрополита. Приб. къ Тв. Св. От., XIII, стр. 527. Вслѣдствіе, вѣроятно, этѣхъ сомнѣній Православныхъ объ томъ, что Григорій поставленъ въ Римѣ и также того, что Казиміръ не хотѣлъ особенно рѣзко и вполнѣ исполнять требованій Римской Куріи, ради своихъ политическихъ отношеній къ Москвѣ, былъ личный неуспѣхъ ученика Исидорова, который до своей смерти долженъ былъ быть только по имени Митрополитомъ [и жить около и подъ покровительствомъ Короля. Опис. Кіево-Соф. Соб. и Кіевской іерархіи стр. 109—110; Приб. къ Твор. Св. От. XIII въ статьѣ О Кіевской Митрополіи въ началѣ отдѣленія ея отъ Московской.

[67] Ист. Рос. т. 4, прим. 526.

[68] Ак. Ист. т. 1, N 65.

[69] Тамъ же, N 271.

вслѣдствіе того и церковной власти, сосредоточенной тамъ, было уничтожено уже; притяженіе Москвы къ себѣ этѣхъ областей съ государственною цѣлію началось окончательное, и по этому они не могли, хотя, можетъ быть, и желали отдѣлиться и въ церковномъ отношеніи. Но Западная Россія была потеряна для Митрополитовъ, жившихъ въ Москвѣ, окончательно. Такимъ образомъ совершилось раздѣленіе Митрополіи. Причинъ этому событію я не буду повторять, но только при этомъ замѣчу, что хотя время и приспѣло къ раздѣленію, и оно произошло отъ перваго толчка, но толчка, пришедшаго изъ Рима, характеризующаго положеніе Западныхъ Русскихъ Православныхъ и опредѣлившаго дальнѣйшую судьбу Православной Церкви въ областяхъ Литвы и Польши.

Но сдѣсь можетъ возникнуть вопросъ: дѣйствительно ли церковная іерархія, въ лицѣ своего начальника, Митрополита, совсѣмъ окончательно подчинилась свѣтской власти Московскихъ Великихъ Князей? По тому что только отъ этого могло произойти раздѣленіе Митрополіи. Прежніе выводы объ отношеніи властей, можетъ быть, не совсѣмъ ясно объ этомъ говорятъ. Но вотъ слова Епископовъ, говорящихъ о себѣ и о Митрополитѣ: «даемъ мы обѣщаніе предъ Богомъ и Святыми Ангелами, при своемъ поставленіи, своему Господину и отцу Іонѣ Митрополиту всея Руси, что намъ отъ Святой Соборной Московской церкви Святыя Богородицы быть не отступными, а отъ нашего Господина и отца Іоны, Митрополита всея Руси также быть не отступными, и повиноваться ему во всемъ. И кто по его отшествіи къ Богу, иной Митрополитъ поставленъ будетъ, по избранію Святаго Духа и по святымъ правиламъ Святыхъ Апостоловъ и Святыхъ Отцовъ, и по повелѣнію Господина нашего, Великаго Князя Василія Васильевича Русскаго Самодержца».[70] Этѣ слова сами за себя говорятъ; да кстати Митрополита Іону Епископы Сѣверной Россіи называютъ уже не Кіевскимъ, а просто всея Руси, и главнымъ престоломъ Митрополичьимъ, какъ можемъ видѣть, считается Москва, а не Кіевъ.

Теперь еще можетъ возникнуть вопросъ: какъ же опредѣлить тѣ попытки къ самостоятельности, или, лучше сказать, не-

---

[70] Ак. Ист. т. I N 61.

зависимости, отъ Митрополита или Епископовъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ Церквей, попытки, встрѣчающіяся въ Русской Исторіи? Исключая Литвы, вспомнимъ мысль Андрея Боголюбскаго, Галицкихъ Князей, Новгородъ, Псковъ и даже Тверь, гдѣ (въ Твери) Епископы ставились подъ вліяніемъ тамошнихъ Князей.[71] Вездѣ, гдѣ только проявлялась самостоятельность Княжества, или республики, или гдѣ сильный Князь вообще дѣйствовалъ въ политическихъ дѣлахъ весьма независимо, или гдѣ проявлялись зачатки или даже развитіе, хотя болѣзненное, въ государство, вездѣ съ политическою независимостію проявлялось желаніе утвердить и независимость своей церковной іерархіи отъ непосредственной высшей духовной власти, находящейся въ другой мѣстности. Византійская Церковь по своему характеру способствовала этому, и сама въ лицѣ своего представителя въ Россіи, Митрополита, постоянно клонилась въ ту сторону, гдѣ была настоящая сила Россіи, — гдѣ слагалось государство. Борьба, происходившая вслѣдствіе этого стремленія мѣстныхъ Церквей, имѣла вообще на столько успѣха, на сколько самая сила Княжества или республики могла вообще выказать свою самостоятельность въ отношеніи противника. Конечно, точно также было и обратно, т. е. какъ только начиналось подавленіе самостоятельности политической, вмѣстѣ съ этѣмъ шло и подавленіе самостоятельности церковной. Лучшимъ примѣромъ для всего этого служитъ въ древней Русской Исторіи Новгородъ, пользовавшійся всякимъ удобнымъ случаемъ для отдѣленія отъ подчиненія власти Митрополитовъ всея Руси, особенно же во время смутъ на Митрополичьемъ престолѣ; въ Новгородѣ извѣстнаго рода самостоятельность церковной іерархіи въ отношеніи къ Митрополиту и зависимость ея отъ правительства республики, все рухнуло вмѣстѣ съ политической независимостію.[72] Такая борьба происходила въ Россіи, но

---

71 Такъ даже Митрополитъ Іона долженъ былъ ставить Епископа Моисея въ самой Твери П. С. Р. Л. т. 15, стр. 496.

72 Систематическій сводъ фактовъ объ Новгородѣ въ этомъ отношеніи, см. Сѣверно-Русскія Народоправства Костомарова т. 2, стр. 266—276; только изложены событія тамъ чрезъ-чуръ пристрастно къ Новгородской свободѣ; объ этомъ же см. Прав. Обозрѣніе 1863 г. Мартъ, стр. 228—245, о спорѣ Новгородцевъ съ Московскими Митрополитами изъ-за мѣсячнаго суда.

онѣ были вообще и вездѣ. Вездѣ, гдѣ только проявлялась самостоятельность политическая, начиналась и борьба за независимость мѣстной церковной іерархіи и даже вообще Церкви, служившей прежде единственною представительницею націи или даже многихъ націй. Успѣхи борьбы и ея плоды обыкновенно соотвѣтствовали какъ силѣ возставшаго на борьбу, такъ и средствамъ противленію и теоріи, противъ кого боролись; Конкордатъ и Реформація слѣдовали за борьбою съ Римскою Церковію и образовывали, при образованіи государствъ, государственныя Церкви. При развитіи же сознанія о самостоятельности и независимости убѣжденій отдѣльныхъ членовъ въ обществѣ, начиналась борьба за свободу совѣсти и соотвѣтствовала также средствамъ матеріальнымъ и нравственнымъ борющихся. Борьба же внутри самаго общества съ государственною Церковію, или съ господствующею Вѣрою, если само Государство не дѣлаетъ уступокъ членамъ своимъ, требующимъ себѣ свободы дѣйствій и своихъ убѣжденій, есть уже борьба съ самимъ государствомъ. Такимъ образомъ идея о единствѣ націи, или многихъ цѣлыхъ обществъ человѣческихъ, передается отъ грубаго общества Церкви, при развитіи государства — государству и его представителямъ.

Теперь въ заключеніе скажемъ о Святителѣ Іонѣ въ личномъ отношеніи его къ паствѣ, какъ учителя, и вообще о характерѣ его. Сдѣсь прежде всего бросается въ глаза то уваженіе, которымъ онъ пользовался отъ всѣхъ; это мы можемъ видѣть и изъ вышеприведенныхъ фактовъ, и тутъ же видно и личное положеніе Святителя въ Москвѣ, какъ человѣка, имѣющаго вліяніе на дѣла государственныя. Такъ Казиміръ, для извѣстныхъ цѣлей, обращается къ Святителю Іонѣ, чтобъ онъ ходатайствовалъ объ его дѣлахъ у Великаго Князя. Самъ Святитель не говоритъ о томъ, что онъ имѣетъ вліяніе на государственныя дѣла; но можно видѣть изъ его же словъ, что не только по его просьбѣ сдѣлаетъ то или другое Великій Князь, но что безъ его ходатайства, пожалуй, трудно чего либо важнаго добиться въ Москвѣ. Да и всѣ другія лица увѣрены въ томъ же, съ прибавленіемъ еще того, что въ Москвѣ только и можно положиться на его слова. Это послѣднее всего лучше можно видѣть изъ того, что Дмитрій Юрьевичъ Шемяка и другіе Князья, заключая договоры съ только что

побѣдившимъ ихъ Василіемъ Васильевичемъ Темнымъ, еще до поставленія въ Митрополиты Іоны, ставятъ условіемъ слѣдующее: «тебѣ, Князю Великому, брату нашему старѣйшему, насъ пожаловать, не приказывать намъ ѣздить къ себѣ, пока не будетъ въ нашей землѣ у насъ Митрополита».[73] Этѣ Князья знали, конечно, что Митрополитомъ будетъ никто другой, какъ уже нареченный на Митрополію Іона, а Дмитрій Юрьевичъ, по собственному опыту, зналъ, какъ совѣстливъ Святитель Іона, и какъ на него можно положиться; а по этому-то Князья ни въ чью честность столько не вѣрили, какъ въ его, будущаго Митрополита; они были увѣрены, что, пріѣхавши въ Москву, при немъ не будутъ схвачены. Сдѣсь, въ этомъ условіи, конечно, много можно отнести и къ тому уваженію, которымъ пользовался санъ Митрополичій, т. е., что человѣкъ, облеченный имъ, непремѣнно долженъ служить образцомъ нравственности и не допускать дѣлать другимъ крайнихъ злоупотребленій изъ своей власти. Но, во всякомъ случаѣ, трудно предположить, чтобы Князья поставили подобное условіе на томъ основаніи, что всякій, кто бы ни былъ Митрополитомъ, непремѣнно не допуститъ сдѣлать надъ ними озорства, а мы знаемъ, что и при Митрополитѣ Алексѣѣ бояре не стѣснялись имъ и схватили пріѣхавшаго къ нимъ Тверскаго Князя; а въ сочувствіи такому вѣроломству трудно заподозрить Святителя Алексѣя.

Святитель же Іона, на основаніи уваженія къ своему сану и обязанностямъ, съ нимъ сопряженнымъ, въ дѣлахъ политическихъ считалъ своею обязанностію ходатайствовать и печаловаться предъ Великимъ Княземъ за сдѣлавшихъ противъ него какой либо проступокъ. Онъ, какъ можемъ видѣть, своею дѣятельностію, какъ представителя нравственности въ обществѣ, хочетъ смягчить дѣйствія свѣтской власти, онъ желалъ, чтобы всѣ жили мирно, хлопочетъ объ этомъ и показываетъ, что именно изъ этой обязанности пастыря выходятъ всѣ его дѣйствія.

Считая своею обязанностію ходатайствовать предъ Великимъ Княземъ за виновныхъ предъ нимъ, Святитель Іона обращается

---

[73] С. Г. Г. и Д. т. 1, NN 66 и 67.

строго къ преступившимъ и особенно не исправляющимся. Такъ онъ пишетъ къ Вятчанамъ, совѣтуя имъ исправиться[74] отъ ихъ дурной жизни; но видя, что они живутъ по прежнему, наконецъ пиш тъ, что слышалъ онъ, что на Вяткѣ чинится Богу противныхъеи ненавистныхъ дѣлъ очень много, и тамошніе Священники допускаютъ все это дѣлать; такъ таковые Священники хуже еретиковъ. Потомъ Святитель совѣтуетъ Вятскимъ властямъ смотрѣть за тѣмъ, чтобы подобныхъ проступковъ, противъ правилъ Церкви, впредь не было; а сами бы они, т. е. власти, отъ безбожниковъ удалялись; а къ Священникамъ пишетъ съ напоминаніемъ о томъ великомъ санѣ, который они на себѣ имѣютъ, по этому-то и говоритъ имъ, чтобы они были образцомъ хорошей жизни для мірянъ; если же они сами себя будутъ вести по прежнему и допускать другимъ дѣлать всякія нарушенія правилъ церковныхъ, то грозитъ имъ, что, по уставу Церкви, они должны быть отлучены и извержены изъ нея.[75] Но еще яснѣе это понятіе о своихъ обязанностяхъ наставлять паству миру, любви и хорошей доброй жизни, а также таковую же обязанность и всего духовенства, Святитель Іона высказываетъ въ посланіяхъ въ Новгородъ и Псковъ. Онъ пишетъ къ Новгородскому Владыкѣ Евѳимію: «слышалъ я, что въ отчинѣ Великаго Князя, между твоими духовными дѣтьми, въ Великомъ Новгородѣ, происходятъ междуусобныя спиранія, раздоры, и убійства, и кровопролитія. Ради этого хочу тебѣ нѣчто вмалѣ отъ Священнаго Писанія написать, которое, я знаю, ты самъ хорошо вѣдаешь, по этому вмалѣ и пишу, по своему Святительскому долгу». За симъ, напомнивъ Архіепископу обязанность духовенства учить паству и остерегать ее отъ дурныхъ поступковъ, по этому совѣтуетъ Владыкѣ позаботиться и наставить Новгородцевъ, чтобы они отстали отъ тѣхъ злыхъ дѣлъ, а если не отстанутъ, то «ты, нашъ сынъ и братъ, въ этомъ не повиненъ будешь, и злые сами погибнутъ, если къ покаянію не придутъ». А къ самимъ Новгородцамъ Святитель писалъ объ этомъ же, что онъ слышалъ, что «нѣкое богоненавистное и богомерзкое злое дѣло сотворяется у нихъ, не

---

[74] См. выше.

[75] Ак. Ист. т. 1, N 267.

только отъ простыхъ, но и отъ честныхъ и великихъ людей: начинается гнѣвъ, ярость и свары, и прекословія, и многонародное собираніе съ обѣихъ сторонъ; да еще нанимаютъ на то дѣло пьянчивыхъ и кровопролитныхъ людей и бои замышляютъ и пролитіе крови. Слыша это ваше нестроеніе, я написалъ къ нашему сослужебнику и брату, Владыкѣ Евѳимію, и вы бы, дѣти, послушали его, на свою душевную пользу, и отступили отъ того богомерзкаго дѣла». За симъ, указывая Новгородцамъ, какъ вредна ярость и гнѣвъ вообще, съ Христіянскою любовію совѣтуетъ имъ прійти къ покаянію, и чтобы они были во всемъ послушны своему учителю, Архіепископу Евѳимію, по тому что и обязаны слушать его, по слову Господню: «слушающій васъ Меня слушаетъ, а отметающійся отъ васъ, отъ Меня отметается и отъ Пославшаго Меня». И также, по слову апостола Павла: «повинуйтесь наставникамъ вашимъ и покаряйтесь»; такъ какъ онъ вамъ, дѣти, поставленъ Святителемъ и учителемъ и власть имѣетъ Святыхъ Апостоловъ вязать и рѣшить: того ради, дѣти, воздайте ему честь и повиновеніе».[76] А къ Псковичамъ Митрополитъ пишетъ о томъ, «чтобы они жили по старинѣ и были бы вѣрны Великому Князю, а онъ, Митрополитъ, готовъ, по своему Святительскому долгу, бить челомъ Великому Князю объ ихъ дѣлахъ, «колико мочно». Въ заключеніе прибавляетъ: «да еще, дѣти, и о томъ вамъ воспоминаемъ и многократно: вѣру къ Богу по своему Православію отъ всего сердца, ко Святымъ Божіимъ церквамъ, и къ своимъ духовнымъ настоятелямъ и ко всему Священству также духовную любовь и благопокореніе имѣйте, а разногласія въ Православной Вѣрѣ никогда бы у васъ не было. А когда отъ нашего смиренія что либо отъ Божественныхъ Писаній потребуется, то вы къ намъ пишите, а мы посмотря въ Божественныя правила хочемъ къ вамъ, къ дѣтямъ своимъ, писать, чѣмъ насъ Богъ вразумитъ. А вы бы насъ о своемъ здравіи и о своемъ пребываніи безъ вѣсти не оставляли. А Священниковъ благословляю и о томъ имъ напоминаю, чтобы они о своей паствѣ всегдашнее попеченіе имѣли, да не были бы осуждены предъ Богомъ и могли бы каждый предъ нимъ сказать: «Господи, се азъ и дѣти, яже ми далъ есть

---

[76] Тамъ же, N 44.

Богъ».[77] Но не только по подобнымъ случаямъ поучалъ Святитель членовъ своей паствы, онъ писалъ посланія къ разнымъ лицамъ по случаю семейныхъ несчастій: умерла у Князя жена, и Святитель пишетъ къ нему, утѣшаетъ его въ несчастіи и совѣтуетъ не предаваться отчаянію;[78] дѣти не повинуются матери и къ нимъ пишетъ, напоминаетъ обязанности дѣтей къ родителямъ, благословляетъ ихъ на то, чтобы они испросили у матери прощеніе и были бы ей послушны; говоритъ, что онъ пишетъ къ нимъ, не только по жалобѣ матери ихъ, но и по своему Святительскому долгу, и если они не исправятся, то на нихъ будетъ клятва матери и церковная.[79] Считая своею обязанностію всюду, гдѣ ни понадобится, исполнить свой Святительскій долгъ, Митрополитъ требовалъ и отъ подчиненныхъ своихъ, чтобы они также исполняли добросовѣстно свои обязанности, и если дѣлались виноватыми противъ этого, то Святитель для нихъ являлся самымъ строгимъ судьею. Такъ извѣстно, что Ростовскій Владыка Ѳеодосій по необдуманности разрѣшилъ въ навечеріе Богоявленія ѣсть мясо: за это его Митрополитъ Іона хотѣлъ лишить сана, и только ходатайство предъ нимъ Великой Княгини спасло отъ наказанія Архіепископа, и онъ поплатился за это тѣмъ, что принесъ

---

[77] Ак. Ист т. I, N 60. Вѣроятно, напоминаніе къ Псковичамъ о покореніи пастырямъ относилось къ постоянному ихъ стремленію къ отдѣленію отъ власти Новгородскаго Владыки ихъ церковнаго управленія; стремленіе, въ настоящее время особенно возбужденное, кромѣ ссоры съ Архіепископомъ Евѳиміемъ, тѣмъ, что Исидоръ, проѣзжая въ 1438 году чрезъ Псковъ и пробывъ тамъ 7 недѣль поставилъ въ немъ своего намѣстника Архимандрита Геласія (а потомъ на мѣсто Геласія былъ присланъ Архимандритъ Григорій), и отнялъ у Владыки Новгородскаго судъ, печать, воды, земли, оброкъ и всѣ церковныя пошлины и отдалъ ихъ своему намѣстнику. (П. С. Р. Л. т. 4 стр. 210—211; т. 5 стр 29). При Митрополитѣ же Іонѣ этого уже не существовало, и Псковичи хотя съ 1449 года, какъ видно, жили мирно съ Владыкою Евѳиміемъ; но Митрополитъ въ своемъ посланіи. какъ видно, хотѣлъ утушить ихъ завѣтную мысль. Профессоръ Костомаровъ въ сочиненіи своемъ Сѣв. Рус. Народоправства въ статьѣ о спорахъ Новгородскихъ Владыкъ со Псковомъ, (т. 2, стр. 290—297) не обратилъ надлежащаго вниманія на этѣ событія (да они и пропущены совсѣмъ), хотя онѣ не менѣе имѣютъ значенія того, что было при Митрополитѣ Ѳеогностѣ.

[78] Ак. Ист. т. I, N 46.

[79] Доп. къ Ак. Ист. т. 1, N 11.

чистое покаяніе въ своемъ проступкѣ;[80] въ послѣдствіи Митрополитъ относился къ Ѳеодосію милостиво и по совѣту съ Великимъ Княземъ благословилъ его быть себѣ преемникомъ:[81] Сдѣсь спасло Владыку ходатайство Великой Княгини. Но другое было съ Новгородскимъ Архіепископомъ Евѳиміемъ: его Митрополитъ, за покровительство Дмитрію Юрьевичу Шемякѣ, простилъ только тогда, когда предъ своею смертію Архіепископъ сталъ съ чистымъ покаяніемъ просить себѣ разрѣшенія; тогда Святитель Іона въ прощальной къ нему грамотѣ, напомнивъ Шемяку, требовалъ, чтобы онъ каялся и каялся во своемъ покровительствѣ Князю, проклятому Митрополитомъ.[82] Но характеристически эта строгость, къ лицамъ дурно исполняющимъ свои обязанности, выражается въ преданіяхъ о чудесахъ, которыя Митрополитъ творилъ еще при жизни. Вотъ одно изъ нихъ: «слуга Святителя, приставленный къ тому, чтобы раздавать нищимъ милостыню, частію раздавалъ, а большую часть скрывалъ для себя. Разъ пришла вдовица къ Святителю и сказала ему: «Святый Божій Святитель! Слуга твой, которому ты поручилъ раздавать милостыню нищимъ, мнѣ ничего не далъ». Тогда Святитель призвалъ слугу и спросилъ его: «по чему ты презрѣлъ вдовицу и ничего ей не далъ»? Слуга отвѣчалъ: «я ей не только что ни разу, но много разъ давалъ». Вдовица при этомъ замѣтила: «Богу извѣстно, что не давалъ мнѣ ничего». Слуга, обратясь къ вдовицѣ, сказалъ на этѣ слова. «Иди и умри, да не лжешь больше на меня». Святитель, слыша этѣ послѣднія слова, сказалъ: «не будетъ такъ, по тому что вдовица правду говоритъ, и будетъ жива; ты же лгущій долженъ умереть

---

80 П. С. Р. Л. т. 4, стр. 181; Ак. Ист. т. 1, N 57.

81 Ак. Ист. т. 1, N 69.

82 Тамъ же, N 269. Объ этомъ Владыкѣ Евѳиміи Профессоръ Костомаровъ выражается такъ: «Не поставленный отъ Московскаго Митрополита, Евѳимій считалъ себя не подлежащимъ его власти, и въ свое двадцатилѣтнее правленіе пребывалъ въ независимости; покрайней мѣрѣ, не видно никакихъ отношеній подчиненности къ Москвѣ». Сѣв. Рус. Народоп. т. 2 стр. 275. Что Владыка дѣйствовалъ согласно съ Правительствомъ Новгорода, это такъ; но чтобы былъ независимъ, то изъ переписки его съ Митрополитомъ Іоною можетъ всякій видѣть, что и при сопротивленіи онъ относится къ Митрополиту не какъ равный къ равному, а какъ подчиненный къ начальнику.

за то, что помыслилъ въ сердцѣ своемъ искусить духъ Господень, не человѣческое похищая имѣніе, но Богу обѣщанное». Съ того же часа слуга заболѣлъ и вскорѣ умеръ».[83] Но не въ однихъ такихъ дѣлахъ Святитель былъ строгъ и требователенъ: онъ вообще не позволялъ нарушенія никакихъ правъ и особенно правъ Церкви. Такъ къ Верейскому Князю онъ писалъ: «Жалуюсь тебѣ на твоихъ поповъ соборныхъ Вышегородскихъ, да и на міранъ: пріѣхалъ мой десятникъ, съ конюшимъ и дворянами, за десятиною, и остановился на подворьѣ у попа, и тотъ попъ съ твоими городскими людьми пришли и всѣхъ моихъ людей били на смерть, такъ что изъ дворянъ остались трое на вѣкъ изувѣченными. Ты самъ посмотри и старыхъ бояръ спроси: бывало ли прежде такое безчестіе Церкви Божіей и прежде бывшимъ Святителямъ? Тебя благословляю, чтобъ защитилъ ты Церковь Божію и меня, своего отца и пастыря, и отъ тѣхъ своихъ горожанъ оборонилъ бы, чтобъ подобнаго не бывало впередъ; а не защитишь меня ты, то поберегись воздаянія отъ Бога, а я буду защищать себя закономъ Божіимъ. Если бы мой десятникъ что нибудь не хорошее сдѣлалъ, и ты бы то обыскалъ чисто и ко мнѣ отписалъ, и я того десятника безъ суда выдалъ бы тебѣ головой».[84]

Сдѣсь могутъ замѣтить: къ чему этотъ рядъ фактовъ, которые доказываютъ только то, что Митрополитъ Іона, кромѣ того, что вездѣ поддерживалъ Московское Правительство? былъ для своего подчиненнаго учрежденія справедливый исполнитель своихъ обязанностей, но притомъ строгій начальникъ. Этѣ всѣ факты изложены какъ для полноты объ немъ извѣстій, такъ и для того, чтобы имѣть болѣе средствъ точно опредѣлить его личный характеръ и причины, какъ его строгости къ себѣ, такъ и къ подчиненнымъ.

Всѣ поученія и посланія Митрополита, въ описываемое время, пишутся болѣе или менѣе по извѣстной формѣ, но все таки могутъ свидѣтельствовать о характерѣ и направленіи пишущаго, чему лучшимъ разъясненіемъ можетъ служить то, что если вспомнимъ

---

[83] Ст. Кн. ч. 2, стр. 85—86.

[84] Ак. Ист. т. 1, N 50.

вышеприведенное посланіе его и его предшественника, писанныя по одному и тому же дѣлу: при обоихъ случилось раздѣленіе Митрополіи, то найдемъ, что разница между этѣми посланіями очень значительная. Митрополитъ Фотій, обиженный обвиненіями Епископовъ, сознавая за собою право, съ запальчивостью обличаетъ ихъ; Святитель Іона напротивъ (раздѣленіе Митрополіи его страшно поразило, а вмѣстѣ съ его поставленіемъ въ Митрополиты оно имѣло главное вліяніе на его дѣятельность и его личный характеръ), обличая другихъ, самъ себя защищаетъ и доказываетъ постоянно, что его избраніе на Митрополію правильно, и что не имѣетъ и не должно имѣть вліянія ни на что въ отношеніи его власти и его дѣятельности. Чтобъ доказать это, у него являются постоянныя заботы о Церкви, его поученія миру и любви. Но и сдѣсь онъ, какъ видно, сознаетъ, по тому что высказываетъ свою зависимость отъ Великаго Князя, а между тѣмъ отношенія къ послѣднему старается представить въ другомъ видѣ: въ видѣ отношеній духовнаго отца къ духовному сыну. Онъ старается писать свои посланія такъ, чтобъ не уронить себя въ глазахъ другихъ. Но обстоятельства его давятъ, его завѣтные планы рушатся, и онъ хочетъ отъ первыхъ защититься, хочетъ преборотъ, думаетъ, что ему люди враждебны, какъ къ такому человѣку, который, по своему положенію, не можетъ удовлетворить тому, что можно требовать отъ начальника Церкви; а чтобы пребороть все это, онъ своею дѣятельностію, своими заботами о паствѣ, хочетъ довести всѣхъ до того, чтобы они безъ него не могли обойтись. Но подобныя отношенія, какъ отношенія его къ Казиміру, Королю Польскому и Великому Князю Литовскому, Государю областей, составляющихъ половину его Митрополіи, и къ Василію Васильевичу, Великому Князю Московскому, у котораго Митрополитъ живетъ и отъ котораго зависитъ, подобныя отношенія до того противоположны, что соединить ихъ нѣтъ никакой возможности; а Святитель Іона хочетъ ихъ соединить, хочетъ поддержать это соединеніе угожденіемъ Казиміру посредствомъ ходатайства объ его дѣлахъ у Московскаго Великаго Князя. Но это-то и показывало всѣмъ ясно, что такое этотъ Митрополитъ, и по чему его планы должны рушиться. Но спросятъ: изъ за чего это безпокоится такъ Митрополитъ, и какіе это особенные планы, которые такъ безпокоятъ его? Планы его были просты:

во первыхъ, до него Митрополиты всѣ были Кіевскими и всея Руси; онъ же давно былъ нареченъ на Митрополію, его надежды по этому случаю долго не осуществлялись, а когда и осуществились, то ему желательно было, чтобы быть Митрополитомъ по старому, настоящимъ по власти Кіевскимъ и всея Руси; и во вторыхъ, любя всѣхъ, быть, какъ прежніе святые Митрополиты, наставникомъ и учителемъ своей Русской паствы. Этому послѣднему плану никто не мѣшаетъ, и всѣ, за этѣ желанія и дѣятельность, любятъ и уважаютъ его, тѣмъ болѣе, что онъ самъ не только словами, но и дѣломъ, представлялъ изъ себя образецъ нравственной и вполнѣ святой жизни. Но въ отношеніи перваго плана онъ встрѣчаетъ полную неудачу. Святитель Іона не замѣчаетъ, что событія, ясно выставившіяся при Фотіѣ и приготовленныя прежде, при его жизни окончательно перемѣнили старый порядокъ дѣлъ на новый; что онъ самъ въ Сѣверной Россіи стоитъ вездѣ на сторонѣ новаго порядка, собой вездѣ представляетъ новое, а между тѣмъ хочетъ, чтобы въ отношеніи къ Западной половинѣ Россіи все шло по старому, какъ будто тамъ въ то время, какъ въ Москвѣ новое торжествовало надъ старымъ, ничего не дѣлалось; какъ будто тамъ не жили и не могли дожить до новаго. Онъ не хочетъ видѣть, что въ это время всѣ отношенія, противъ прежняго времени, перемѣнились и, что Казиміръ по новому далъ ему право управлять Епархіями Западно-Русскими, далъ по тому, что Митрополитъ нуженъ ему въ Москвѣ, какъ сильный тамошній вельможа и, такъ сказать, этѣмъ пожалованіемъ показалъ, что соединяетъ раздѣленное. Видя вездѣ препятствіе своимъ планамъ, основаннымъ на старинѣ, Святитель хочетъ доказать, что онъ также, какъ и прежніе Митрополиты, заботится о паствѣ, и мало того, что поучаетъ всѣхъ, нѣтъ,—онъ еще проситъ поучаемыхъ, что если имъ понадобится въ церковномъ отношеніи что либо, то, ради Бога, обратились бы къ нему, и онъ, что ему Богъ положитъ на разумъ, то и напишетъ имъ отъ Священнаго Писанія. Сдѣсь уже не говорю о томъ предложеніи всѣмъ своего ходатайства у Великаго Князя о ихъ дѣлахъ. Все за него стоитъ: люди, которые всѣ его уважаютъ, обстоятельства даже и его дѣятельность; но вотъ одинъ незначительный толчокъ изъ Рима, толчокъ, который только, пожалуй, въ одномъ Римѣ и радуетъ,—и всѣ его завѣтные планы съ разу рушились. Митрополитъ

начинаетъ отражать этотъ толчокъ, но ничего сдѣлать не можетъ, а Великому Князю не войну же изъ за этого поднимать. Святитель получаетъ утѣшительныя извѣстія изъ Западной Россіи отъ частныхъ лицъ, но все вообще дѣло такъ съ разу и замолкло. Съ самаго начала своей дѣятельности Святитель Іона ищетъ причины, по чему это всѣ его дѣла идутъ не тѣмъ путемъ, какимъ бы онъ желалъ; а сдѣлавшись Митрополитомъ, онъ думаетъ, что это отъ того, что онъ поставленъ какъ будто неправильно, по новому. Но тутъ-то его и ошибка: напротивъ, всѣ признаютъ его поставленіе на Митрополію правильнымъ, но только, во первыхъ, въ Западной Россіи желательно было всѣмъ, чтобы оно происходило не въ Москвѣ, а въ Литвѣ, чего въ Москвѣ допустить не могутъ; а во вторыхъ, всѣмъ какъ-то не ловка эта связь Москвы съ Литвою посредствомъ власти Митрополита. Такимъ образомъ при всеобщемъ разсчетѣ съ старымъ, разсчетѣ, начавшемся прежде, а теперь окончательно выяснившемся, въ настоящее время также порѣшили и съ старымъ устройствомъ управленія въ Церкви. Но лицо, попавшее въ этотъ разсчетъ, ничуть не виновато, и тѣмъ болѣе, что оно, по своей личной дѣятельности, до того чисто, что Казиміръ, оправдывая себя въ принятіи Григорія и предлагая, для утишенія смуты, принять его въ Москву, выставляетъ только одну причину, что Святитель-то Іона уже довольно старъ.

Ко времени Митрополита Іоны зданіе Государства было построено уже въ Москвѣ; но оно выстроилось и въ Литвѣ, хотя не такъ прочно. Въ Москвѣ Митрополитъ живетъ въ палатахъ, а въ Западной Россіи хочетъ, чтобы еще жили по прежнему, въ избѣ. Эту двойственность въ отношеніи къ Москвѣ и Литвѣ можно прослѣдить въ дѣятельности всѣхъ Митрополитовъ, жившихъ въ Москвѣ, начиная даже съ Ѳеогноста; но она окончательно ясно выразилась именно при Митрополитѣ Іонѣ, и въ добавокъ въ самомъ мирномъ видѣ, по тому что при немъ дѣло Митрополита Петра окончательно и тихо совершилось, но только сильно отразилось въ характерѣ лица, тутъ дѣйствовавшаго.

Митрополитъ Іона уже не думаетъ такъ дѣйствовать, какъ дѣйствовалъ, на примѣръ, Митрополитъ Алексѣй; послѣдняго рода дѣятельность ему только отчасти возможна въ Сѣверной Россіи, а въ остальныхъ мѣстахъ ему, для поддержанія старины, прихо-

дится только защищаться. Это постоянное защищеніе и оправданіе самаго себя имѣетъ вліяніе на его поученія и посланія, и дѣлаетъ пишущаго ихъ до крайности осторожнымъ. Такъ о Казимірѣ Святитель Іона боится что либо высказать, кромѣ своей любви и уваженія къ нему, дабы изъ его неосторожныхъ словъ не вышло что нибудь. Эту осторожность мы можемъ замѣтить и въ отношеніи къ Шемякѣ, съ которымъ строго сталъ обращаться Святитель только тогда, когда тотъ дошелъ уже до крайности. Эта осторожность высказывается и въ томъ, что, исполняя свою обязанность какъ слѣдуетъ, и требуя отъ подчиненныхъ себѣ того же, мы не видимъ, чтобы Святитель хотя разъ разгорячился и забылся при какомъ нибудь возмущающемъ поступкѣ, которыхъ при немъ совершалась масса: онъ вездѣ старается дѣйствовать только по закону, и боится выйти изъ его сферы.

Но вотъ еще отличіе въ характерѣ дѣятельности Митрополита Іоны, которое мы можемъ замѣтить: онъ хочетъ поступить какъ Митрополитъ всея Россіи, но вообще уже дѣйствуетъ, какъ Митрополитъ только Московскій, какъ членъ Московскаго Правительства. Если обратимся къ посланіямъ Митрополита Іоны, какъ произведеніямъ собственно ума, на основаніи Священнаго Писанія, а не вызваннымъ обстоятельствами всей его жизни и всѣхъ его отношеній, то и тутъ увидимъ крайнее вліяніе всего Московскаго: всѣ его мысли вставляются въ извѣстную форму — форму Московскую, и стараніе выставить ихъ независимость отъ формы остается тщетнымъ. Пишетъ, на примѣръ, онъ къ Казиміру (а ужь какъ онъ ему нуженъ), и все таки выставляется эта особенная, выработанная исторіей, Московская вѣжливость и предупредительность, — предупредительность ради обстоятельствъ, вѣжливость и обѣщанія такія, что противъ нихъ ничего нельзя сказать, но мало можно положиться, по тому что въ нихъ такъ ясно и проглядываетъ то, чтобы никто не думалъ, что они дѣлаются даромъ, изъ желанія сдѣлать добро.

Въ борьбѣ этихъ двухъ началъ, стараго и новаго, Святитель изнемогаетъ; онъ хочетъ устранить враждебныя себѣ обстоятельства, и прежде всего въ себѣ самомъ, по этому онъ страшно строгъ къ себѣ; постоянно, такъ сказать, отбираетъ у себя отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ; наконецъ сознаетъ, что онъ дѣй-

ствуетъ, какъ истинный пастырь. Но что же такое, какой врагъ противъ пастыря? Обстоятельства его давятъ, и они такъ сильны, что личность, и такая, какъ Святитель Iона, ничего не можетъ сдѣлать, и онъ, не будучи въ состоянiи выбраться изъ подъ подавляющихъ массы новыхъ отношенiй, къ которымъ онъ вполнѣ не могъ быть приготовленъ, по тому что носилъ въ себѣ и представлялъ собою множество старыхъ понятiй и преданiй, долженъ былъ вытерпѣть все то, что ему дала исторiя; примириться съ нею онъ не могъ, да и не зналъ, какъ это сдѣлать: для этого онъ, дѣйствительно, былъ старъ.

Такая тяжелая участь выпала на долю Митрополита Iоны, сдѣлавъ его совершеннымъ мученикомъ, страдающимъ за то, что было приготовлено всѣми прежде него. Въ этомъ грустномъ и невыносимомъ, борющемся состоянiи, скончался послѣднiй Кiевскiй и всея Руси Митрополитъ Iона 1461 года, Марта 31, въ Москвѣ. Преемники его были уже Митрополитами и потомъ Патрiархами Московскими и всея Россiи, и только близкимъ къ нему по времени было отчасти понятно то, за что такъ много хлопоталъ и страдалъ этотъ Святой Митрополитъ, который своими страданiями представилъ изъ себя жертву, мучившуюся въ борьбѣ стараго съ новымъ, мучившуюся на тотъ же манеръ, какъ страдали въ то время и другiе представители Русскаго общества.

1862 года, Сентября 8 дня.
1863 года, Iюня 3 дня.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

II

МАТЕРІЯЛЫ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ

ЗАПИСКИ

ГЕНЕРАЛА ЕРМОЛОВА,

НАЧАЛЬНИКА ГЛАВНАГО ШТАБА 1-й ЗАПАДНОЙ АРМІИ

ВЪ ОТЕЧЕСТВЕННУЮ ВОЙНУ

1812 года.

А. П. Ермоловъ, желая, чтобы были обнародованы только Записки его объ отечественной войнѣ, предпослалъ имъ введеніе, въ которомъ изложено, въ короткихъ словахъ, прохожденіе его по службѣ до 1812 года. Введеніе это, которое начинается словами Горація: «Grata superveniet, quae non sperabitur, hora,» есть повтореніе того, что выше уже было описано гораздо пространнѣе, а по тому оно и не печатается.

Н. Ермоловъ.

ЗАПИСКИ
ГЕНЕРАЛА ЕРМОЛОВА
ВЪ ОТЕЧЕСТВЕННУЮ ВОЙНУ
1812 года.

Настал 1812 годъ, памятный каждому Русскому, тяжкій потерями, знаменитый блистательною славою въ роды родовъ!

Въ началѣ Марта мѣсяца гвардія выступила изъ С.-Петербурга. Чрезъ нѣсколько дней получилъ я повелѣніе быть командующимъ гвардейскою пѣхотною дивизіею.[1] Назначеніе, которому могли завидовать и люди самаго знатнаго происхожденія, и несравненно старшіе въ чинѣ. Долго не рѣшаюсь я вѣрить чудесному обороту положенія моего. Къ чему, однако же, не пріучаетъ счастіе? Я начиналъ даже вѣрить, что я того достоинъ, хотя, впрочемъ, весьма многимъ позволяю и съ тѣмъ не согласоваться. Скорое возвышеніе мало извѣстнаго человѣка непремѣнно порождаетъ зависть, но самолюбіе умѣетъ истолковать ее выгоднымъ для себя образомъ, и то же почти сдѣлалъ я, не безъ оскорбленія, однако же, справедливости.

---

[1] Дивизію составляли полки:

1-я бригада: Преображенскій, Семеновскій — Бригадный командиръ Генералъ-Маіоръ Баронъ Розенъ.

2-я бригада: Измайловскій, Литовскій — Бригадн. командиръ Флигель-Адъютантъ Удомъ.

3-я бригада: Егерскій, Финляндскій — Бригадный командиръ Полковникъ Бистромъ.

Къ сей бригадѣ присоединенъ гвардейскій морской экипажъ.

Дивизіоннымъ начальникомъ прихожу я на маневры въ Вильну. Всѣ находятъ гвардію превосходною по ея устройству, и часть похвалы, принадлежащей ей по справедливости, удѣляется мнѣ, безъ малѣйшаго на то права съ моей стороны.

Послѣ краткаго пребыванія въ Вильнѣ, гвардія возвратилась на свои квартиры въ городъ Свенцяны.

Французы въ большихъ силахъ находились близъ нашихъ границъ. Слухи о войнѣ не были положительны; къ нападенію, по видимому, ни какихъ не предпринималось мѣръ, равно и съ нашей стороны не было особенныхъ распоряженій къ возбраненію перехода границъ. Ближайшіе изъ окружающихъ Государя допускали мысль о возвращеніи Графа Нарбонна, Адъютанта Наполеона, присыланнаго съ порученіями, который, въ разговорахъ своихъ, ловкимъ весьма образомъ, далъ нѣкоторыя на то надежды. Были особы, совершенно въ томъ увѣренныя.

Въ тотъ самый день, когда Государю Императору данъ былъ праздникъ знатнѣйшими сановниками и составляющими его свиту (la maison de l'empereur), въ загородномъ гуляньи близъ Вильны (въ Закретѣ), среди великолѣпія и роскошныхъ увеселеній, пріѣхалъ изъ Ковна чиновникъ съ извѣстіемъ, о которомъ немедленно доведено до свѣдѣнія Государя. Не могло укрыться смятеніе между окружающими, и дало поводъ къ заключеніямъ о причинѣ внезапнаго прибытія, а вскорѣ за тѣмъ разгласила молва, что Французы перешли Нѣменъ не далеко отъ Ковна, что городъ занятъ ими, и Казаки на передовой стражѣ отступаютъ, размѣнявшись выстрѣлами. Исчезъ обоюдный страхъ, долгое время въ нерѣшимости удерживавшій, и мы огромнымъ непріятеля ополченіямъ, ступившимъ на нашу землю, прежде Вильну и вскорѣ всю Литву, едва сопротивляясь, уступили!

Въ Вильнѣ долженъ былъ Генералъ-Адъютантъ Балашовъ, съ письмомъ отъ Государя къ Наполеону, дождаться его прибытія.

Государь прибылъ къ гвардіи, и ей приказано расположиться при Свенцянахъ лагеремъ.

1-й Западной арміи, сильнѣйшей числомъ войскъ, назначенъ Главнокомандующимъ Генералъ отъ инфантеріи, Военный Министръ, Барклай де Толли; главная его квартира въ Вильнѣ.

Составляющіе ее корпуса находятся подъ командою:

1й- пѣхотный корпусъ Генералъ-Лейтенанта Графа Витгенштейна. Корпусная его квартира въ мѣстечкѣ Кейданахъ.

2-й корпусъ Генералъ-Лейтенанта Багговута, въ Вилькомірѣ.

3-й корпусъ Генералъ-Лейтенанта Тучкова 1 (Николая Алексѣевича), въ городѣ Трокахъ.

4-й корпусъ Генералъ-Адъютанта Графа Шувалова, въ городѣ Лидѣ.

5-й корпусъ Великаго Князя Константина Павловича, въ городѣ Видзахъ.

6-й корпусъ Генерала отъ инфантеріи Дохтурова, въ мѣстечкѣ Слонимѣ.

Кавалерійскіе корпуса:

1-й Генералъ-Адъютанта Уварова.

2-й Генералъ-Адъютанта Барона Корфа.

3-й Генералъ-Маіора Графа фонъ деръ Палена (Петра Петровича).

Донское войско, подъ начальствомъ Атамана, Генерала отъ кавалеріи Платова, въ городѣ Гроднѣ и Бѣлостоцкой Области.

2-й Западной арміи Главнокомандующій—Генералъ отъ инфантеріи Князь Багратіонъ. Главная его квартира въ мѣстечкѣ Пружанахъ.

3-я Западная армія, подъ начальствомъ Генерала отъ кавалеріи Тормасова. Главная его квартира въ Дубнѣ.

Молдавская армія, предводительствуемая Адмираломъ Чичаговымъ, находилась, большею частію, въ Валахіи, гдѣ оставалась до заключенія мира съ Оттоманскою Портою, коего прелиминарные пункты были уже подписаны.

Первыя двѣ арміи расположены были по Европейской нашей границѣ и должны были противостать вторженію армій, лично предводимыхъ Наполеономъ; но столько несоразмѣрны были

силы и такъ на большомъ пространствѣ разсѣяны наши войска, что единственное средство къ соединенію было отступленіе безъ потери времени.

Извѣстны были огромныя пріуготовленія Наполеона къ войнѣ, съ поспѣшностію дѣлаемыя. Могущественно было вліяніе его на Рейнскій Союзъ, и, послѣ блистательныхъ успѣховъ его въ послѣднюю войну противъ Австрійцевъ, не могъ онъ ожидать, чтобы Императоръ Францискъ I дерзнулъ поднять на него оружіе, и даже самая Пруссія, долго льстившая соединеніемъ съ нами, должна была склониться на его сторону.

Война Россіи, совокупно съ Пруссіею, противъ Наполеона въ 1806 — 1807 годахъ, конченная Тильзитскимъ миромъ, грозила разрушеніемъ Пруссіи. Могущественное посредничество Государя сохранило ее, но при всемъ томъ взяты въ обезпеченіе нѣкоторыя изъ главныхъ крѣпостей и заняты Французскими гарнизонами, ограничено количество войскъ, котораго не должны превосходить Прусскія арміи.

Россія тщетно старалась избѣжать войны; должна была наконецъ принять сильныя противъ нея мѣры.

Мнѣнія на счетъ образа войны были различны. Не смѣя взять на себя разбора о степени основательности ихъ, я скажу только то, что мнѣ случалось слышать.

Военный Министръ предпочиталъ войну наступательную. Нѣкоторые находили полезнымъ занять Варшавское Герцогство и, вступивши въ Пруссію, дать Королю благовидную причину присоединиться къ намъ, средство усилить армію и далѣе дѣйствовать сообразно съ обстоятельствами. Если бы превосходныя силы непріятеля заставили перейти въ войну оборонительную, Пруссія представляетъ мѣстность, особенно для того удобную, средства продовольствія изобильныя, и война производилась бы внѣ границъ нашихъ, гдѣ пріобрѣтенныя отъ Польши области не допускаютъ большой степени къ нимъ довѣренности.

Несравненно большія могли предстоять выгоды, если бы, годомъ ранѣе занявъ Герцогство Варшавское, вступили мы въ союзъ съ Королемъ Прусскимъ. Польская армія, съ невѣроятною

дѣятельностію формированная, не болѣе имѣла тогда пятидесяти тысячъ человѣкъ, и не дерзнула бы противостать намъ, или могла быть уничтожена; Французскія войска въ Германіи, подъ начальствомъ Маршала Даву, не были многочисленны, и въ надеждѣ на содѣйствіе Пруссіи, на большомъ пространствѣ разсыпанныя, не приспѣли бы къ спасенію ея. Гарнизоны по крѣпостямъ, изъ нихъ составленные, были малолюдны и нѣкоторыя изъ крѣпостей совсѣмъ не заняты. Жестокая война съ Гишпаніею, гибельная для Французскихъ ополченій, требовала безпрерывно значительныхъ подкрѣпленій, и только за годъ до начатія войны съ нами (1811) допустила заняться составленіемъ громадныхъ армій Французской и Рейнскаго Союза. Члены сего понуждаемы были къ чрезвычайнымъ усиліямъ, къ отяготительнымъ издержкамъ, которыя не могли поощрять къ добровольному соучастію. Австрія, видя въ рукахъ нашихъ Варшавское Герцогство, Пруссію, подъявшую оружіе, вѣроятно, не осталась бы въ виновномъ бездѣйствіи, и тогда, смиривъ всеобщаго врага, можно бы дать миръ утомленной бѣдствіями Европѣ, исхитить Царей изъ порабощенія и страхъ, вселенный въ нихъ Наполеономъ, обратить ему въ ужасъ и отмщеніе. Преткнулись бы шаги его на той землѣ, гдѣ каждый изъ нихъ провождалъ къ побѣдамъ и торжествамъ. Предположивъ, что Австрія, не смѣя рѣшиться соединить оружіе свое съ нашимъ, будетъ упорствовать въ сохраненіи нейтралитета, и тогда Наполеонъ, въ борьбѣ съ арміями, нашею и Прусскою, и понуждаемый, сверхъ того, разбросать не малое число войскъ для наблюденія за крѣпостьми и для удержанія въ повиновеніи занятыхъ областей, лежащихъ въ тылу арміи, могъ почитать вступленіе въ наши границы не безопаснымъ, и способы его не довольно для того благонадежными. . . . .

Въ настоящее время (1812) казалось все приуготовленнымъ со стороны нашей къ войнѣ наступательной: войска приближены къ границамъ, магазины огромные заложены въ Бѣлостоцкой Области, Гродненской и Виленской Губерніяхъ, почти на крайней чертѣ нашихъ предѣловъ. Въ то самое время, однако же, не отвергая возможности отвратить войну переговорами и демонстраціею, ожидали даже вторичнаго пріѣзда присыланнаго Наполеономъ Графа Нарбонна; но полученныя наконецъ достовѣрныя

[illegible]

свѣдѣнія о чрезвычайныхъ силахъ, сосредоточиваемыхъ въ близкомъ разстояніи отъ границъ, рѣшили отступленіе нашихъ армій.

Нѣкто, бывшій Прусской службы Генералъ, Фуль, теперь въ нашей Генералъ-Лейтенантомъ, снискавшій довѣренность, которой весьма легко предаемся мы въ отношеніи къ иноземцамъ, готовы будучи почитать способности ихъ всегда превосходными, между разными соображеніями и проектами, предложилъ, какъ многіе утверждаютъ, мысль о пріуготовленіи укрѣпленнаго лагеря на рѣкѣ Двинѣ, близъ мѣстечка Дриссы. Направленіе, на которомъ устроенъ сей лагарь, при первомъ взглядѣ сообщаетъ понятіе о воинскихъ соображеніяхъ Господина Фуля. Ему же приписываютъ возраженіе противъ сближенія 1-й арміи со 2-ю арміею, въ томъ предположеніи, чтобы могла она дѣйствовать во флангѣ непріятеля, когда онъ устремится на нашу 1-ю армію.

Не только не смѣю вѣрить, но готовъ даже возражать противъ неосновательнаго предположенія, будто Военный Министръ одобрялъ устроеніе укрѣпленнаго при Дриссѣ лагеря, и, что еще менѣе вѣроятно, будто не казалось ему нелѣпымъ дѣйствіе двухъ разобщенныхъ армій на большомъ одна отъ другой разстояніи, и когда при томъ дѣйствующая во флангъ армія не имѣла полныхъ пятидесяти тысячъ человѣкъ.

Если бы Наполеонъ самъ направлялъ наши движенія, конечно, не могъ бы изобрѣсти для себя выгоднѣйшихъ.

Генералъ отъ кавалеріи Баронъ Беннингсенъ, бывшій Главнокомандующій въ послѣднюю войну съ Французами въ Пруссіи, всемѣрно старался склонить на сближеніе армій, такъ чтобы отъ насъ зависѣло, или стать на прямѣйшей дорогѣ, идущей на Смоленскъ, или избрать такое положеніе, которое бы препятствовало непріятелю отклонить насъ отъ оной; но, при всей настойчивости, успѣлъ только согласить на перемѣщеніе 2-й арміи изъ окрестностей Луцка, что на Волыни, въ мѣстечко Пружаны.

Войска наши, приближенныя къ границѣ, охватывая большое пространство, могли казаться Наполеону готовыми возбранять переправу чрезъ Нѣменъ, и, конечно, трудно было предположить, чтобы такое размѣщеніе ихъ сдѣлано было для удобнѣй-

шаго отступленія, которое раздробленіе сдѣлаетъ необходимо затруднительнымъ, подвергая опасности быть разрѣзаннымъ по частямъ.

Наполеонъ, съ главными силами перешедши Нѣменъ недалеко отъ Ковна, направленіемъ ихъ обнаружилъ намѣреніе корпуса наши не допустить соединиться, въ чемъ, конечно, успѣлъ бы частію, если бы могъ скорѣе совершить переправу, не будучи принужденнымъ сжидаться съ войсками. Имѣя между Поляковъ много людей приверженныхъ, безъ сомнѣнія, извѣщенъ былъ обстоятельно о расположеніи войскъ нашихъ,[1] быть можетъ, и о намѣреніи оставить Литву.

6-й корпусъ, для содержанія сообщенія между обѣими арміями, расположенный довольно далеко, присоединился не по причинѣ принятыхъ со стороны нашей мѣръ, но единственно по медленности переправы непріятеля. Отрядъ гусаръ изъ окрестностей Гродна догналъ 6-й корпусъ на пути его, по тому что имъ командовалъ Генералъ-Маіоръ Графъ Паленъ, прошедшій, въ продолженіи трехъ дней, почти двѣсти верстъ.[2]

Войско Донское, подъ начальствомъ самаго Атамана, Генерала Платова, расположенное близъ Гродна, будучи назначено дѣйствовать вмѣстѣ съ 1-ю арміею, при всей, свойственной ему, быстротѣ, не могло къ ней присоединиться и, движеніемъ корпуса Маршала Даву отброшенное, должно было обратиться къ арміи Князя Багратіона. Въ командѣ Атамана Платова находился отрядъ Генералъ-Маіора Дорохова изъ одного гусарскаго и двухъ егерскихъ полковъ.

---

[1] Въ бумагахъ, взятыхъ у непріятеля, найдено квартирное росписаніе войскъ, расположенныхъ въ Литвѣ, списокъ нашихъ Генераловъ и вѣрное исчисленіе войскъ нашихъ, которыя довольствовались хлѣбомъ, собираемымъ въ замѣнъ податныхъ недоимокъ. Это могло казаться намѣреніемъ не оставить въ краю средствъ для непріятеля.

[2] Надобно знать Графа Палена, чтобы не казалось это чрезвычайнымъ. При отличныхъ способностяхъ, пламенный и ледовитый по обстоятельствамъ, предпріимчивый и осмотрительный, когда требуется.

Такимъ образомъ 1-я армія, хотя слабо преслѣдуемая, защищаясь на каждомъ шагу, взяла направленіе на славный по слухамъ при Дриссѣ лагерь.[3] Арріергардъ имѣлъ при селеніи Давгелишки довольно горячую схватку. Далѣе непріятель являлся въ малыхъ силахъ и болѣе наблюдалъ, нежели преслѣдовалъ. За отсутствіемъ Атамана, только три Донскихъ Казачьи полка находились при арміи, а по тому въ арріергардѣ употреблена была легкая гвардейская кавалерійская дивизія.

Наконецъ армія вступила въ лагерь. Авангардъ остановился не въ далекомъ разстояніи. 1-й корпусъ перешелъ на правый берегъ Двины и сталъ у мѣстечка Друи, авангардъ отъ него по направленію къ Опсѣ. Также перешелъ и 6-й корпусъ, сталъ у городка Дриссы, авангардъ отъ него у мѣстечка Дисны. Слѣдованіе арміи такъ было быстро, что далеко назади оставила она непріятеля и должна была посылать партіи отыскивать, гдѣ онъ. Узнали, что въ Бельмонтѣ главная квартира Наполеона при небольшихъ силахъ, но что главныя направляются на Дисну по лѣвую сторону нашего лагеря.

Главнокомандующій, обозрѣвая лагерь, нашелъ что онъ устроенъ на число войскъ гораздо превосходнѣйшее, нежели съ какимъ прибыла армія. Генералъ Баронъ Беннигсенъ осмотрѣлъ въ подробности и замѣтилъ, что многія части укрѣпленій не имѣли достаточной между собою связи, и по тому слаба была взаимная ихъ оборона; къ нѣкоторымъ изъ нихъ доступъ непріятелю удобенъ, сообщеніе между нашихъ войскъ затруднительно. Были мѣста близъ лагеря, гдѣ непріятель могъ скрывать свои движенія и сосредоточивать силы. Профили укрѣпленій вообще слабы. Три мостовыя укрѣпленія чрезмѣрно стѣснены, профили такъ худо соображены, что съ ближайшаго возвышенія видно въ нихъ

[3] Лагерь, требовавшій продолжительнаго времени для работъ, свидѣтельствуетъ дальновидность предложившаго оный. Но выборъ направленія, самаго мѣста для лагеря и образа укрѣпленій, по мнѣнію многихъ, не могъ быть соображеніемъ здраваго ума. Господинъ Фуль можетъ найти утѣшеніе въ одобреніи не малаго числа нашихъ Генераловъ и пренебрегать мнѣніемъ Французовъ, которые назвали лагерь образцомъ невѣжества въ наукѣ укрѣпленія мѣстъ. Мнѣ не случилось слышать возраженій противъ того.

движеніе каждаго человѣка. Всѣ описанные недостатки не изображаютъ еще всѣхъ грубыхъ погрѣшностей, ощутительныхъ для каждаго, разумѣющаго это дѣло. Лагерь требовалъ не мало времени для построенія, стоилъ трудовъ и издержекъ и, сверхъ того, къ нему проложены военныя дороги.

Здѣсь у мѣста упомянуть о прочихъ укрѣпленіяхъ, прежде войны предпринятыхъ. Въ Ригѣ мостовое укрѣпленіе распространено и прибавлены нѣкоторыя вновь; крѣпость приведена въ оборонительное состояніе.

Крѣпость Динабургская, на рѣкѣ Двинѣ, строилась болѣе года, сдѣлано мостовое необширное укрѣпленіе, пороховой погребъ и караульня. Линіи самой крѣпости едва были означены. По обыкновенному порядку, отчеты въ издержанныхъ суммахъ даны исправные; иноземецъ, давшій проектъ и управлявшій работами, признанъ за человѣка съ превосходными дарованіями, и прежде всякихъ заслугъ данъ ему чинъ. Укрѣпленіе сіе, въ продолженіе войны, два, или три, дня противостало небольшимъ непріятельскимъ партіямъ легкихъ войскъ, послѣ чего орудія и снаряды были нами потоплены и мостъ сожженъ.

На правомъ берегу рѣки Березины, противъ города Борисова, устроено укрѣпленіе, дабы не допустить непріятеля овладѣть мостомъ, въ послѣдствіи у непріятеля взятое нашими войсками.

Крѣпость Бобруйская, на рѣкѣ Березинѣ, хотя непродолжительное время строившаяся, въ такое, однако же, приведена состояніе, что требовала бы осады, для произведенія которой не доставало средствъ у непріятеля, и онъ ограничился обложеніемъ.

При Кіевской крѣпости, на горѣ, называемой Звѣринецкою, вновь построена небольшая крѣпосца, при работахъ которой находился я самъ съ отрядомъ войскъ отъ резервной арміи, и по тому знаю всѣ безобразные ея недостатки. Отъ старой крѣпости въ 400 саженяхъ разстоянія, мало вспомоществуетъ ей собою и даже сообщенія довольно свободнаго не имѣетъ; не представляетъ даже и той пользы, что далеко удерживаетъ непріятеля

отъ крѣпости; ибо овладѣвши ею непріятель, чуствительнаго вреда крѣпости нанести не можетъ. [1]

Сила описанныхъ крѣпостей, по видимому, не заключается въ нихъ собственно, но въ отдаленіи способовъ непріятеля для предпринятія осадъ. Сему обязаны мы цѣлостію Риги, сохраненіемъ Бобруйска, и можемъ принимать ихъ за твердыни непреодолимыя. Долго еще инженеры наши могутъ довольствоваться фортификаціею Войтяховскаго и ходить на практику на Дунай!

Во время пребыванія 1-й арміи въ укрѣпленномъ лагерѣ, непріятель собирался на лѣвомъ нашемъ крылѣ, направляясь на Дисну. Маршалъ Даву поспѣшалъ къ Минску съ сильнымъ корпусомъ, но только еще голова онаго приближалась къ городу. Князь Багратіонъ могъ бы предупредить Даву въ Минскѣ, и если бы даже встрѣтился съ его войсками, то, конечно, съ одними передовыми, какъ то извѣстно сдѣлалось послѣ; надобно было, и онъ долженъ былъ, рѣшиться атаковать, предполагая даже понести нѣкоторую потерю, чтобы овладѣть дорогою на Смоленскъ. Измѣнила Князю Багратіону всегдашняя его предпріимчивость. Къ тому же скорость движенія его умедливали худыя отъ Несвижа дороги и переправа чрезъ Нѣменъ у мѣстечка Николаева. Также, получая о непріятелѣ извѣстія преувеличенныя, онъ возвратился къ Несвижу и чрезъ Слуцкъ пошелъ на Бобруйскъ. За нимъ послѣдовали войска въ командѣ Короля Вестфальскаго и Князь Понятовскій съ Польскою конницею. Съ сего времени на соединеніе обѣихъ армій отняты были всѣ надежды. Государь Императоръ изволилъ сообщить мнѣ полученное имъ извѣстіе и не скрылъ, сколько горестно оно было для его сердца, но утѣшительно мнѣ было видѣть, что можно надѣяться на его твердость.

Опредѣлено отступленіе 1-й арміи изъ укрѣпленнаго лагеря. Іюля 1-го дня возложена на меня должность Начальника Главнаго Штаба арміи. Отъ назначенія сего употребилъ я всѣ сред-

---

[1] Мысль устроить крѣпостцу принадлежитъ инженеръ Генералъ-Лейтенанту Оппермаину, и на него непосредственно возложено составленіе проекта и приведеніе его въ исполненіе. Не рѣшаюсь думать, чтобы у инженеровъ новѣйшаго времени нельзя было заимствовать чего ни будь достойнаго подражанія.

ства уклониться, представляя самому Государю, что я не приуготовлялъ себя къ многотрудной сей должности, что достаточныхъ для того свѣдѣній не имѣю, и что обстоятельства, въ которыхъ находится армія, требуютъ болѣе опытнаго офицера и болѣе извѣстнаго въ арміи. Конечно, не трудно было во множествѣ Генераловъ найти несравненно меня способнѣйшихъ; но, или надобны они были въ своихъ мѣстахъ, или, видя умножающіяся трудности, сами принять должности не соглашались.

Я просилъ Графа Аракчеева употребить за меня его могущественное ходатайство. Онъ, подтвердивши, сколько трудна предлагаемая мнѣ должность, не только не ободрилъ меня въ принятіи оной, напротивъ, нашелъ благоразсудительнымъ намѣреніе мое избавиться отъ нея, говоря, что при Военномъ Министрѣ она несравненно затруднительнѣе, нежели при всякомъ другомъ. Извѣстно было, что онъ поставлялъ на видъ Государю одного изъ старшихъ Генералъ-Лейтенантовъ, Тучкова 1-го (Николая Алексѣевича), основательно полагаясь на опытность его, пріобрѣтенную долговременнымъ служеніемъ.[5] Государь, сказавши мнѣ, что Графъ Аракчеевъ докладывалъ ему по просьбѣ моей, сдѣлалъ мнѣ вопросъ: «Кто изъ Генераловъ, по мнѣнію моему, болѣе способенъ?»—«Первый встрѣтившійся, конечно, не менѣе меня годенъ, отвѣчалъ я». Окончаніемъ разговора была рѣшительная его воля, чтобы я вступилъ въ должность. «Если нѣкоторое время буду я терпимъ въ этомъ званіи, то единственно по великодушію и постояннымъ ко мнѣ милостямъ Вашего Величества», сказалъ я, и одну принесъ просьбу: не лишить меня надежды возвратиться къ командованію гвардейскою дивизіею, отъ которой показывался я въ командировкѣ. Мнѣ это обѣщано.

Итакъ, въ званіи Начальника Главнаго Штаба арміи состоя при Главнокомандующемъ, который былъ вмѣстѣ и Военнымъ Министромъ, имѣлъ я случай знать о многихъ обстоятельствахъ, не до одного управленія арміи касающихся, а по тому все, описываемое мною, почерпнуто или изъ самыхъ источниковъ, или основано

[5] Многими отличными качествами пріобрѣлъ онъ общее уваженіе, но въ теченіи продолжительнаго служенія его не представился случай, въ которомъ могъ бы онъ обнаружить особенныя способности военнаго человѣка.

на точныхъ свѣдѣніяхъ, не подверженныхъ сомнѣнію. Въ должности прежде меня находился Генералъ-Лейтенантъ Маркизъ Паулуччи, и послѣ шести дней удаленъ изъ арміи къ другому назначенію, по настоянію недовольнаго имъ Главнокомандующаго. Первый помощникъ мой по дѣламъ службы, исправляющій должность Дежурнаго Генерала, Флигель-Адъютантъ Полковникъ Кикинъ, бывшій при введеніи новаго образа управленія по изданному не задолго положенію о большой дѣйствующей арміи, не желая служить съ моимъ предмѣстникомъ, сказался больнымъ, и въ должность его вступилъ Комендантъ Главной Квартиры, Полковникъ Ставраковъ. Если возможно понимать смыслъ слѣдующихъ словъ: «Сіе судебъ преисполненное имя», то, кажется, болѣе всѣхъ можетъ оно ему приличествовать; ибо судьба преслѣдовала имъ всѣхъ бывшихъ Главнокомандующихъ. Суворовъ, превыше своихъ современниковъ, одинъ смѣлъ взять его по собственной волѣ, прочіе не могли отъ него избавиться. Онъ находился при немъ въ Италіи, при Графѣ Буксгевденѣ, а потомъ при Баронѣ Беннингсенѣ въ Пруссіи, перенесся въ Финляндію ко всѣмъ перемѣнившимся главнымъ начальникамъ, а теперь не избѣгъ отъ него Генералъ Барклай де Толли! За что же, по крайней мѣрѣ, терпятъ его въ должности Дежурнаго Генерала? Я прошу перемѣнить его, Главнокомандующій находитъ его весьма способнымъ. Сколько ни стараюсь уговорить Полковника Кикина, не соглашается избавить меня отъ Ставракова!

Въ должности Генералъ-Квартирмейстера находился Полковникъ Толь, офицеръ отличныхъ дарованій, способный со временемъ оказать большія заслуги; но смирять надобно чрезмѣрное его самолюбіе, и начальникъ его не долженъ быть слабымъ, дабы онъ не сдѣлался излишне сильнымъ. Онъ, при полезныхъ способностяхъ, по роду служебныхъ его занятій, соображеніе имѣетъ быстрое, трудолюбивъ и дѣятеленъ, но столько привязанъ къ своему мнѣнію, что иногда, вопреки здравому смыслу, не признаетъ самыхъ здравыхъ возраженій, отвергая возможность имѣть не только превосходныя способности, ниже допускаетъ равныя.

Іюля 2 дня армія перешла за Двину и расположилась у Дриссы. Слишкомъ ощутительно было неудобство имѣть въ тылу рѣку, какова Двина; ибо армія, двигаясь безъ малѣйшихъ препят-

ствій, не въ одно время и не тѣснимая непріятелемъ, не избѣгла, однако же, нѣкоторыхъ замѣшательствъ. Половина мостовъ сохранена для арріергарда Генералъ-Адъютанта Барона Корфа.

1-й корпусъ расположился противъ праваго фланга бывшаго лагеря, отрядъ отъ него у Друи и наблюдательные посты у Динабурга. 6-й корпусъ приблизился къ Диснѣ, дабы подкрѣпить авангардъ Графа Палена на лѣвомъ берегу Двины, открывающій непріятеля отряжаемыми вдаль разъѣздами.

Государь поручилъ Флигель-Адьютанту Графу Потоцкому, въ случаѣ надобности, истребить противъ Дисны переправу, и онъ, пылая усердіемъ исполнить порученіе, сообщилъ пламень и провіантскому магазину довольно значительному, тогда какъ Французы были не ближе 70 верстъ разстоянія, и съ такою возвратился поспѣшностію, что не замѣтилъ, какъ жители растащили запасы, которые довольствовали послѣ и авангардъ 6 го корпуса и самый корпусъ.

Вѣроятно, подвигу своему онъ успѣлъ дать хорошую наружность; но мнѣ не извѣстно, было ли особое описаніе его (mémoire). Послѣ того не было уже моста, но за рѣкою былъ авангардъ Графа Палена, усиленный дивизіею пѣхоты отъ 4-го корпуса, и долженъ былъ оставаться долѣе, дабы подъ закрытіемъ его армія могла отступить къ Полоцку.

Іюля 4 числа армія двинулась, и въ три дня пришла къ Полоцку. Оставленный въ прежнемъ расположеніи арріергардъ Генералъ-Маіора Барона Корфа, не видавъ непріятеля, перешелъ на правый берегъ Двины.

1-й корпусъ Графа Витгенштейна изъ 24 тысячъ человѣкъ, расположенный близъ Друи, имѣлъ повелѣніе, въ случаѣ дѣйствія противъ него превосходныхъ силъ, отступать къ Пскову, прикрывая Петербургъ. Если бы непріятель не помышлялъ о немъ, то довольно робости столицы, чтобы предпринять мѣры къ разсѣянію страха. Подобные маневры можно по справедливости назвать придворными. Непріятель показалъ небольшую часть легкихъ войскъ, занялъ отрядомъ мѣстечко Друю; и въ небольшихъ силахъ приблизился къ Динабургу. Графъ Витгенштейнъ донесъ

Главнокомандующему, что онъ намѣренъ усилить расположенный противъ Друи отрядъ и удерживать Динабургъ. Начальникъ штаба 1-го корпуса, Генералъ-Маіоръ Довре, увѣдомилъ меня, что для усиленія отряда назначается десять баталіоновъ пѣхоты съ приличнымъ числомъ артиллеріи и конницы, которой и безъ того было весьма недостаточно. Главнокомандующій позволилъ мнѣ сказать мое мнѣніе, и подтвердилъ возраженіе мое противъ раздробленія силъ. Странно намѣреніе, зная движеніе непріятеля на лѣвый флангъ, защищать Динабургъ, отдаленный и къ оборонѣ не пріуготовленный. когда впереди его невозможно маневрировать.

Въ сіе время корпусъ Прусскихъ войскъ Генерала Іорка вступилъ въ Курляндію, занялъ Митаву и легкія его войска появились у предмѣстія Риги. Къ нему присоединились войска другихъ націй, составляя вообще до сорока тысячъ человѣкъ подъ начальствомъ маршала Макдональда.

3-я западная армія Генерала Тормасова была около Бреста Литовскаго, противъ корпуса Саксонскихъ войскъ, въ командѣ Французскаго Генерала Ренье, вступившаго въ границы наши совокупно съ Австрійскими войсками подъ начальствомъ Генерала Князя Шварценберга, который находился еще въ нѣкоторомъ разстояніи.

Отрядъ Генералъ-Лейтенанта Эртеля, около четырнадцати тысячъ человѣкъ, стоялъ въ бездѣйствіи въ Мозырѣ; слабое отъ него отдѣленіе у города Пинска. Проходя служеніе въ должностяхъ полицейскихъ и въ нихъ достигнувши чина Генералъ-Лейтенанта и другихъ наградъ, онъ упражнялъ полицейскія свои способности въ утѣсненіи жителей въ окрестностяхъ Мозыря.

Армія Молдавская, подъ начальствомъ Адмирала Чичагова, по заключеніи мира съ Оттоманскою Портою, начинала оставлять предѣлы Валахіи; но дальній путь, ей предлежащій, отдалялъ ее на долгое время отъ содѣйствія прочимъ арміямъ, и передовыя ея войска едва еще приближались къ Днѣстру.

Изъ Полоцка Государь Императоръ отправился въ Москву, сопровождаемый Графомъ Аракчеевымъ, Министромъ Полиціи Генераломъ Балашовымъ и Государственнымъ Секретаремъ Шиш-

ковымъ. При немъ были Генералъ-Адъютантъ Князь Трубецкой и Флигель-Адъютантъ Чернышевъ. Всѣ прочіе, особѣ Государя принадлежащіе чиновники, остались при арміи. Остался и Генералъ Фуль съ горькимъ въ сердцѣ чувствомъ, что онъ не столько уже необходимъ Государю, съ отчаяніемъ въ душѣ, что лагерь при Дриссѣ найденъ безполезнымъ и усмотрѣны его недостатки. Ни рабъ-почитатель его, Флигель-Адъютантъ Полковникъ, Пруссакъ Вольцогенъ, ни Генералъ-Адъютантъ Графъ Ожаровскій, имъ въ ремеслѣ военномъ просвѣщаемый, не проповѣдывали его славы. Умолкли мудрыя его предлложенія продолжать отступленіе даже за Волгу; уже не внемлютъ благодѣтельнымъ попеченіямъ его о Россіи. Судьба казнитъ неблагодарность вашу, Россіяне; вы не узрите береговъ Волги![6]

Отъѣздъ Государя произвелъ на войска непріятное впечатленіе. Появляясь каждый день веселымъ и сохранявшимъ спокойную наружность, не только не было мысли объ опасности, но никому не представлялись обстоятельства худыми, и каждый оживлялся его присутствіемъ. Но оно не менѣе нужно было и внутри Россіи. Надобно было унылый духъ возбудить къ бодрости, или постепенно пріуготовить къ перенесенію большихъ бѣдствій. Москва, въ сердцѣ коей двѣсти лѣтъ тишины и благоденствія, цѣлый вѣкъ величія и славы, закрыли прежнихъ несчастій глубокія раны, ожидала утѣшенія. Москва! Когда срѣтала ты Царя своего безъ восхищенія? Гдѣ болѣе являема была ему сыновъ его приверженность? Отъѣздъ былъ необходимъ! Сѣтующу войску обѣщано скорое его возвращеніе, и все возвратилось къ прежнему порядку, или, по крайней мѣрѣ, не увеличился безпорядокъ.

При выступленіи изъ Полоцка извѣстно уже было, что непріятель въ силахъ показался у Дисны и слѣдовалъ вверхъ по лѣвому берегу Двины. Арріергардъ Графа Палена перешелъ уже на правый берегъ и защищалъ переправу до вечера того дня. 6-й корпусъ, и при немъ одна дивизія отъ 4-го пѣхотнаго кор-

---

[6] Не была предусматриваема необходимость отступленія, но достовѣрное свѣдѣніе объ изумляющей многочисленности ополченій Наполеона опредѣлило отступленіе необходимымъ средствомъ до нѣкотораго времени.

пуса занимали на ночлегѣ средину разстоянія между арріергардомъ и арміею.

Слѣдованіе арміи продолжалось къ Витебску. 6-й корпусъ въ одномъ маршѣ назади. Графъ Паленъ, отправившіи къ арміи довольно большое количество провіанта, оставилъ берегъ Двины. Непріятель, переправившись у Дисны, на другой день началъ преслѣдованіе небольшими силами. Въ подкрѣпленіе Графу Палену обращенъ кавалерійскій корпусъ Барона Корфа и нѣсколько егерей. Много уже непріятельскихъ войскъ усмотрѣно на лѣвомъ берегу противъ Полоцка, но арріергардъ нашъ прошелъ благовременно сей пунктъ.

Въ Полоцкѣ погрозилъ я кандалами Коммиссіонеру 7-го класса Юзвицкому, который отправлялся съ суммою денегъ уплатить за купленный будто имъ у Евреевъ провіантъ на томъ берегу, гдѣ непріятель, и откуда никто не помышлялъ перевезть его на нашу сторону, хотя въ арміи чувствуемъ уже былъ недостатокъ. Благоразумны были распоряженія Генералъ-Интенданта Канкрина, который, во время пребыванія арміи въ укрѣпленномъ лагерѣ, заготовилъ большое весьма количество печенаго хлѣба, но много изъ него принужденъ былъ оставить, по тому что время отступленія арміи не было опредѣлено, и не возможно было собрать средствъ, перевозкѣ соразмѣрныхъ.[7]

Г. Канкринъ человѣкъ отлично умный, далекъ, однако же, той расторопности, которую люди ловкіе въ изворотахъ провіантской промышленности находятъ необходимою для искуснаго прикрытія казеннаго ущерба. Не рѣшусь, однако же, предположить, чтобы могло укрыться отъ него, если кто другой отличается знаніемъ сего ремесла, какъ и предузнать трудно, всегда ли онъ будетъ упрекомъ для другихъ.

Въ Полоцкѣ также на прочномъ основаніи утвердилась вражда между Великимъ Княземъ Константиномъ Павловичемъ и Главнокомандующимъ. Опоздавшій выступить въ назначенное время

---

[7] Въ продолженіи четырехъ дней, въ каждый день три тысячи человѣкъ нижнихъ чиновъ, при Полковникѣ и офицерахъ, наряжаемы были для хлѣбопеченія; при чемъ соблюдался строгій порядокъ.

командиръ конной гвардіи, Полковникъ Арсеньевъ, былъ имъ арестованъ. Довольно сего, чтобы возродить вражду; слишкомъ много, чтобы усилить давно существующую. Великій Князь воспылалъ гнѣвомъ, ледовитый Барклай де Толли не охладилъ горячности.

Въ Полоцкѣ, по отъѣздѣ Государя, случилось мнѣ обѣдать вмѣстѣ съ оставшеюся его свитою, и я замѣтилъ разность въ тонѣ, какую перемѣну въ обращеніи! Государь увезъ съ собою все величіе и оставилъ каждаго при собственныхъ средствахъ. Люди, осужденные быть придворными, умѣйте снискать уваженіе собственными достоинствами, или, заимствуя блескъ другаго, умѣйте отражать его! Не мое дѣло толковать смыслъ сказаннаго однимъ изъ древнихъ писателей:

. . . exeat aula

qui vult esse pius.

Неужели думать надобно, что много было сходства между придворными людьми всѣхъ временъ? Съ нами вмѣстѣ обѣдалъ и Генералъ Фуль, Готическую свою важность, вывѣску общаго ко всѣмъ неуваженія, перемѣнившій на придворную вѣжливость. Онъ кланялся прежде, не ожидая приносимыхъ ему въ дань поклоновъ. Исчезло рабственное къ нему почтеніе, были уже примѣтившіе въ немъ признаки сумашествія, а Вилліе увѣрялъ, что испытанныя средства не возстановили ума въ полной мѣрѣ; воля Государя присвоила и не бывалый!

Армія прибыла къ переправѣ при Будиловѣ. Проходя, небольшой отрядъ оставила противъ Бѣшенковичей, для обезпеченія слѣдованія 6-го корпуса и далеко отстающаго арріергарда Графа Палена, равномѣрно и для прикрытія производившейся перевозки хлѣба съ другаго берега. Непріятель не близко еще былъ отъ сего мѣста, по причинѣ трудной и весьма гористой дороги по лѣвому берегу и, сверхъ того, рѣка къ сторонѣ его дѣлаетъ большой изгибъ, что сокращало путь намъ, а мѣстоположеніе совершенно ровное скорости движенія способствовало.

Между тѣмъ корпусъ Французскихъ войскъ Маршала Даву, прошедши Борисовъ, овладѣлъ Могилевомъ и занялъ Оршу небольшимъ отрядомъ войскъ.

Армія Князя Багратіона, въ слѣдованіи изъ Несвижа къ Бобруйску, имѣла схватки въ арріергардѣ.

Атаману Генералу Платову представился первому случай, 27 и 28 Іюля, при мѣстечкѣ Мирѣ, и послѣ при мѣстечкѣ Романовѣ, доказать Польской конницѣ, что въ насъ сохранилась прежняя поверхность надъ Поляками, и Казакамъ предоставлена честь возобновить въ сердцахъ ихъ сіе чувство.

Со времени уничтоженія Польши, съ 1794 года, исчезло имя ея съ лица земли и не существовало Поляковъ. Въ 1807 году заключенный съ Франціею миръ въ Тильзитѣ произвелъ на свѣтъ Герцогство Варшавское, вмѣстѣ съ надеждою распространить его, въ случаѣ несогласія между сосѣдственными ему державами. Наполеонъ исчислилъ мѣру страха, коимъ господствовалъ онъ надъ сердцами царствующихъ его современниковъ: понесенныя каждымъ изъ нихъ въ войнахъ огромныя потери, блистательные и постоянные оружія его успѣхи, страхъ тотъ болѣе и болѣе распространявшіе, и далъ надежду возрожденія Польшѣ. Воспламенились умы, и въ короткое время всѣ употреблены усилія надеждѣ сей дать видъ правдоподобія! Въ 1809 году Варшава уже союзница наша противъ Австріи, и мы въ пользу ея, вопреки пользѣ собственной, исторгаемъ часть Галиціи. Въ нынѣшней войнѣ она уже противъ насъ, въ общемъ союзѣ Европы, и содѣйствуетъ Австріи. Мы умножили силы ея и вооружили противъ себя; для пользы ея, поперемѣнно вонзаемъ мечъ въ сердце одинъ другаго, и судьба, къ ослѣпленію нашему, прибавляетъ сѣтованіе, что недовольно глубоки наносимыя раны! Неужели не исполнится мѣра наказанія Бога мстителя?

Князь Багратіонъ, проходя Бобруйскъ, оставилъ въ крѣпости больныхъ изъ всей арміи и отъ скорости движенія усталыхъ въ большомъ количествѣ; изъ числа гарнизона присоединилъ къ арміи шесть баталіоновъ пѣхоты; командующаго въ оной артиллеріи Генералъ-Маіора Игнатьева утвердилъ въ званіи Военнаго Губернатора. Въ окрестности начали появляться непріятельскіе отряды, но до того Генералъ Игнатьевъ, удерживая народъ въ послушаніи и порядкѣ, не отягощая его, собралъ возможныя пособія для снабженія крѣпости, и его распорядительности обязаны, что проходившая армія не малыя получила вспоможенія. Крѣ-

ность не подверглась опасности; ибо непріятель, не имѣя средствъ предпринять осады, долженъ былъ ограничиться обложеніемъ. Итакъ осталось неразрѣшенною проблемою, могъ ли Генералъ Игнатьевъ быть болѣе упорнымъ, окруженный крѣпостнымъ валомъ, нежели въ сраженіи при Аустерлицѣ, гдѣ быть таковымъ онъ не находилъ надобности? Судьба отсрочила испытаніе до другаго времени.

Армія Князя Багратіона слѣдовала отъ Бобруйска на Быховъ; преслѣдовавшій ее Вестфальскій Король съ своимъ корпусомъ и Польскія войска, или утомленныя продолжительнымъ походомъ, или неудобныя къ равной скорости, далеко отставши, потеряли ее изъ виду. Она безпрепятственно продолжала свой путь.

Корпусъ Генералъ-Лейтенанта Раевскаго атаковалъ, при селеніи Дашковкѣ, часть войскъ Маршала Даву, овладѣвшаго Могилевомъ. Въ началѣ сраженія силы непріятеля слабыя, въ продолженіи умножились значительно, напротивъ войска Раевскаго ослабѣвали, но въ немъ та же была неустрашимость и твердость, и онъ, шедши въ головѣ колонны, ударилъ на непріятеля. Самый упорный бой происходилъ на лѣвомъ крылѣ, гдѣ не могъ непріятель остановить 26 пѣхотную дивизію, которую Генералъ-Маіоръ Паскевичъ, съ неимовѣрною рѣшительностію, неустрашимо, при всемъ неудобствѣ мѣстности, провелъ чрезъ частый лѣсъ и угрожалъ уже конечности праваго непріятельскаго фланга, но долженъ былъ уступить несоразмѣрнымъ силамъ. Дѣйствіе Генерала Раевскаго, заслоняя совершенно движеніе арміи, представляло Князю Багратіону удобство, которымъ не помыслилъ онъ легко воспользоваться и, сдѣлавъ безпрепятственно ускоренный переходъ, выиграть разстояніе для избѣжанія преслѣдованія. Но, вмѣсто того, армія расположилась на ночлегъ на той позиціи, которую Генералъ Раевскій [8] занялъ послѣ сраженія. Маршалъ Даву, принявъ корпусъ Раевскаго за авангардъ и въ слѣдъ за нимъ ожидая арміи и генеральнаго сраженія, отошелъ къ глав-

[8] Подъ сильнымъ картечнымъ огнемъ Генерала Раевскаго сопровождалъ сынъ его, въ самомъ юномъ возрастѣ.

нымъ своимъ силамъ въ Могилевъ, гдѣ и остался, пріуготовляясь къ оборонѣ. Въ семъ положеніи долгое время удержалъ его Атаманъ Платовъ, появившійся съ своими войсками у самыхъ окоповъ Могилева. Князь Багратіонъ, отправляя его въ соединеніе съ 1-ю арміею, далъ ему сіе направленіе. Грубая ошибка Даву была причиною соединенія нашихъ армій; иначе никогда, ниже за Москвою, невозможно было ожидать того, и надежда, въ крайности не оставляющая, исчезала!

Если бы кто изъ нашихъ Генераловъ впалъ въ подобную погрѣшность, его строго бы осудило общее мнѣніе. Маршалъ Даву, болѣе 10 лѣтъ подъ руководствомъ великаго полководца служащій, сотрудникъ его въ знаменитѣйшихъ сраженіяхъ, украшавшій неоднократно лаврами корону своего владыки, лавры себѣ снискавшій и имя побѣдъ въ прозваніе, сдѣлалъ то, чего избѣжали бы, конечно, многіе изъ насъ. Князю Багратіону оставалось единственное средство пробиваться, дабы соединиться съ 1-ю арміею. Цѣль Даву—не допускать къ тому, и онъ долженъ былъ стоять упорно, зная, что Князь Багратіонъ преслѣдуемъ весьма сильными войсками. Конечно, ничего славнаго не ожидалъ Даву отъ Короля Вестфальскаго, но предполагать не могъ, что онъ даже ходить не умѣетъ и выпуститъ изъ виду непріятеля.

Убѣдитесь посвятившіе себя военному ремеслу, а паче званія Генерала достигшіе, вразумитесь, что навыкъ одинъ (routine) достоинства военнаго человѣка не замѣняетъ, не подчиненъ правиламъ, управляемъ, случайностію. Конечно, частое повтореніе однихъ и тѣхъ же происшествій, или сходство въ главныхъ обстоятельствахъ, даетъ нѣкоторую удобность съ большею ловкостію и приличіемъ принаравливать, или, такъ сказать, прикладывать употребленныя прежде въ подобныхъ случаяхъ мѣры; но сколько маловажной надобно быть разницы, чтобы принаровленіе необходимо подверглось важнѣйшимъ измѣненіямъ! Убѣдитесь въ истинѣ сего, достигшіе званія Генерала!

Наполеонъ въ Маршалахъ своихъ имѣлъ отличнѣйшихъ исполнителей его воли; въ присутствіи его не было мѣста ихъ ошибкамъ, или онѣ мгновенно имъ исправляемы были. Даву собственныя распоряженія его изобличаютъ.

Въ Будиловѣ представилъ я Главнокомандующему мысль мою перейти на лѣвый берегъ Двины: основывалъ ее на томъ расчетѣ, что непріятель проходилъ по берегу рѣку путемъ труднымъ и неудобнымъ; что только кавалерія непріятельская усмотрѣна была противъ Полоцка, но главныя силы и артиллерія были назади и отъ насъ не менѣе какъ въ трехъ переходахъ. Переправившись, слѣдовать поспѣшно на Оршу, заставить маршала Даву развлечь силы его въ то время, когда все его вниманіе обращено было на движеніе 2-й арміи, и тѣмъ способствовать Князю Багратіону соединиться съ 1-ю арміею. Уничтожить расположенный въ Оршѣ непріятельскій отрядъ и, перейдя на лѣвый берегъ Днѣпра, закрыть собою Смоленскъ. Отправить туда прямою изъ Витебска дорогою всѣ обозы и тягости, дабы не препятствовали арміи въ быстромъ ея движеніи. Все сіе можно было совершить, не подвергаясь ни малѣйшей опасности, по отдаленію непріятеля. Весьма польстило мнѣ одобреніе Главнокомандующаго, и я получилъ приказаніе возвратить два кавалерійскіе корпуса, прошедшіе впередъ, и двѣ понтонныя роты для устроенія моста при Будиловѣ.[9]

Все пріуготовлялось къ переправѣ, и перешедшимъ намъ, успѣхъ предстоялъ вѣрный. Не прошло часу послѣ отданныхъ приказаній, Главнокомандующій перемѣнилъ намѣреніе. Я примѣчалъ, кто могъ отклонить его, и не подозрѣваю другаго, кромѣ Флигель-Адъютанта Вольцогена. Сей тяжелый Нѣмецкій педантъ пользовался большимъ его уваженіемъ. Разумѣя, что теряются выгоды, которыя рѣдко даруетъ счастіе и дорого иногда стоитъ упущеніе ихъ; увѣренъ будучи, что не имѣю права на полную Главнокомандующаго ко мнѣ довѣренность, собственно по лѣтамъ моимъ, съ которыми опытность не совмѣстна, я склонилъ нѣкоторыхъ изъ корпусныхъ командировъ представить ему о томъ собственныя убѣжденія, но онъ остался непреклоннымъ, и армія продолжала

---

[9] Государь, отъѣзжая изъ арміи, между данными мнѣ наставленіями, приказалъ доводить до свѣдѣнія его обо всѣхъ чрезвычайныхъ случаяхъ. Первое письмо мое Его Величеству было о сдѣланномъ Главнокомандующему предложеніи. Оно послано съ Генералъ-Адъютантомъ Кутузовымъ (Павелъ Васильевичъ, Генералъ-Маіоръ).

вуть къ Витебску. Въ Будиловѣ оставленъ сильный постъ: ему приказано поступить въ арріергардъ, когда онъ приблизится. Генералъ-Адъютантъ Графъ Орловъ-Денисовъ посланъ за Двину съ лейбъ-Казачьимъ полкомъ, для наблюденія за непріятелемъ: ему приказано свѣдѣнія о приближеніи его доставлять прямо въ Витебскъ и отступать по той сторонѣ рѣки.

Армія пришла въ Витебскъ. 6 корпусъ оставался въ большомъ маршѣ, при селеніи Старомъ. Арріергардъ выгодно расположился, прикрытый рѣчкою и озерами. Постъ изъ Бѣшенковичей присоединенъ. Дѣйствія преслѣдующаго непріятеля были незначительны. Между тѣмъ Французская конница на лѣвомъ берегу Двины показалась на равной высотѣ съ арріергардомъ, но пѣхота была въ маломъ еще количествѣ.

Армія два уже дня покойно пребывала въ Витебскѣ, полагая, что Графъ Орловъ-Денисовъ благовременно предупредитъ о приближеніи непріятеля; но, вѣроятно, не хорошо разставлены были передовые посты и нерадиво дѣлались разъѣзды, такъ что въ трехъ верстахъ отъ нашего лагеря усмотрѣна непріятельская партія. Это побудило Главнокомандующаго послать на встрѣчу непріятеля нѣсколько полковъ конныхъ при одномъ корпусѣ пѣхоты. Я предложилъ Генералъ-Лейтенанта Графу Остермана-Толстаго, который отличился въ послѣднюю войну храбростію и упорствомъ въ сраженіи. Надобенъ былъ Генералъ, который дождался бы силъ непріятельскихъ, и онѣ бы его не устрашили. Таковъ точно Остерманъ, и онъ пошелъ съ 4-мъ корпусомъ.

Дано приказаніе 6-му корпусу расположиться противъ города. Мостъ чрезъ Двину былъ цѣлъ, и еще устроенъ понтонный. Арріергардъ приблизился, чтобы не быть отрѣзаннымъ съ лѣваго берега.

Графъ Остерманъ встрѣтилъ въ двѣнадцати верстахъ часть передовыхъ непріятельскихъ постовъ, и преслѣдовалъ ихъ до Островна. Здѣсь предстали ему силы не соразмѣрныя, и дѣло началось весьма жаркое. Непріятель наступалъ рѣшительно. Войска наши, роптавшія на продолжительное отступленіе, съ жадностію воспользовались случаемъ сразиться; отдаленіе подкрѣпленій, казалось, удвояло ихъ мужество. Лѣсистыя и скрытыя мѣ-

ста препятствовали непріятелю развернуть его силы; кавалерія дѣйствовала частями, но, по малочисленности нашей, онѣ совершенно были въ пользу нашу. Графъ Остерманъ, имѣя противъ себя всегда свѣжія войска, долженъ былъ, наконецъ, уступить нѣкоторое разстояніе, и ночь прекратила сраженіе. Неосмотрительностію командира двухъ эскадроновъ лейбъ-гусарскаго полка потеряно шесть орудій конной артиллеріи.[10] Уронъ былъ значителенъ съ обѣихъ сторонъ. Въ подкрѣпленіе Графу Остерману, посланъ съ 3 пѣхотною дивизіею Генералъ-Лейтенантъ Коновницынъ.[11] На другой день рано по утру занявъ выгодную позицію, съ свойственною ему неустрашимостію, онъ удержалъ ее долгое весьма время, ни шагу непріятелю не уступая. Графъ Остерманъ, ему содѣйствуя, составлялъ резервъ; прибыла кирасирская дивизія, но, по свойству мѣстоположенія, не была употреблена. Артиллерія постоянно оказывала большія заслуги. Главнокомандующій, желая имѣть точныя свѣдѣнія, приказалъ мнѣ отправиться на мѣсто боя. Вскорѣ послѣ присланъ Генералъ-Лейтенантъ Тучковъ 1-й съ гренадерскою дивизіей, и положеніе наше было твердо! Въ два дни времени непріятель сождался съ главными своими силами, которыхъ чувствуемо было присутствіе по стремительности атакъ ихъ. Ни храбрость войскъ, ни самаго Генерала Коновницына безстрашіе не могли удержать ихъ. Опрокинутые стрѣлки наши быстро отходили толпами. Генералъ Коновницынъ, негодуя, что команду надъ войсками принялъ Генералъ Тучковъ, не заботился о возстановленіи порядка, послѣдній не внималъ важности обстоятельствъ и потребной дѣятельности не оказывалъ. Я сдѣлалъ имъ представленіе о необходимости вывести войска изъ замѣшательства и обратить къ устройству. Они отдалили кирасиръ, прибывшихъ съ Генералъ-Адъютантомъ Уваровымъ, и другія излишнія войска, производившія тѣсноту, и слѣ-

---

[10] Эскадроны введены въ лѣсъ, преслѣдуя непріятельскіе аванпосты, внезапно атакованные опрокинуты, орудія захвачены не снятыя съ передковъ.

[11] Въ царствованіе Екатерины II командовалъ пѣхотнымъ полкомъ; въ послѣднюю противъ Поляковъ кампанію, дѣйствуя имъ отдѣльно, далъ замѣтить себя отлично храбрымъ и предпріимчивымъ офицеромъ. Дивизія подъ начальствомъ его обращала на себя вниманіе примѣрнымъ порядкомъ.

лали то, по крайней мѣрѣ, что отступленіе могло быть не бѣгствомъ. Не возможно оспаривать, что, продолжая съ успѣхомъ начатое дѣло, пріятно самому его кончить, но не простительно до того простирать зависть и самолюбіе, чтобы допустить безпорядокъ, съ намѣреніемъ обратить его на счетъ начальника. Въ настоящемъ случаѣ это было слишкомъ очевидно!

Пославши Генерала Коновницына съ дивизіею къ Графу Остерману, Главнокомандующій приказалъ 6-му корпусу и аріергарду Графа Палена присоединиться къ арміи; сообщеніе съ правымъ берегомъ прервано, мостъ разрушенъ и понтоны сняты.

Въ тотъ же день утромъ осматривалъ Главнокомануюшій занимаемую для арміи позицію Полковникомъ Толемъ. Я сопровождалъ его, и удивленъ былъ, что онъ не обратилъ вниманія на множество недостатковъ, которые заключала въ себѣ позиція. Мѣстоположеніе по большой части покрыто было до того густымъ кустарникомъ, что квартиргеры, не видя одинъ другаго, откликались на сигналы; позади трудный переходъ чрезъ глубокій ровъ; сдѣлать спуски не доставало времени. Главною цѣлію было закрыть городъ. Я возразилъ противъ неудобствъ позиціи, объяснивъ слѣдующее мое мнѣніе. Дать генеральное сраженіе опасно, будучи отдаленными отъ средствъ пополнить потери. Еще не уничтожена совершенно надежда соединиться съ 2-ю арміею, главнымъ предметомъ, съ нѣкотораго времени, нашего отступленія. При неудачѣ большая часть войкъ должна проходить чрезъ городъ, остальная необходимо чрезъ ровъ. Если рѣшено принять сраженіе, то лучше несравненно устроить армію по другую сторону города, имѣя во власти своей кратчайшую на Смоленскъ дорогу. Уступивши Витебскъ, мы прибавимъ однимъ городомъ болѣе ко многимъ потеряннымъ Губерніямъ, и легче пожертвовать имъ, нежели другими удобствами, которыхъ сохраненіе гораздо важнѣе. Главнокомандующій изъявилъ согласіе, но готовился дать сраженіе, и приказалъ избрать мѣсто за городомъ на дорогѣ къ Смоленску.

Сраженіе при мѣстечкѣ Островнѣ кончилось съ наступленіемъ вечера, и, возвратясь уже ночью, я донесъ обо всемъ Главнокомандующему, а отъ него узналъ о пріуготовленіи новой позиціи. Я осмотрѣлъ ее съ началомъ дня, когда въ нее вступали

уже войска. Нашелъ, что она также лѣсистая, также трудныя между войскъ сообщенія, обширная и требуетъ гораздо большаго числа силъ. На правомъ флангѣ два корпуса Графа Остермана и Багговута отрѣзаны глубокимъ оврагомъ, чрезъ который и въ отсутствіи непріятеля съ трудомъ перевозили артиллерію. На лѣвомъ флангѣ были высоты, на которыхъ устроенныя батареи могли дѣйствовать на продолженіе нашихъ линій; перемѣнить боевой порядокъ не возможно, не затрудняя отступленія. Предположивъ атаку праваго крыла, надобно было подкрѣпить его, а съ поспѣшностію совсѣмъ не возможно, развѣ безъ артиллеріи.

Генералу Графу Палену составленъ особый авангардъ, съ которымъ вступилъ онъ въ дѣло, смѣнивши войска Генерала Тучкова 1-го, Графа Остермана и Уварова, не далеко уже отъ занятой арміею позиціи. Долго въ виду ея удерживалъ стремленіе непріятеля. Наконецъ, отступивши за рѣчку Лучесу, искусно воспользовался крутыми ея берегами для защиты находящихся въ нѣсколькихъ мѣстахъ бродовъ. Французская армія, занявъ всѣ противъ лежащія возвышенія, казалось, развернулась для того, что бы каждому изъ своихъ воиновъ дать зрѣлище искуснаго сопротивленія съ силами несравненно меньшими, показать примѣръ порядка, словомъ, показать Графа Палена и вразумить ихъ, что если Россійская армія имѣетъ нѣсколько ему подобныхъ, то нужны имъ усилія необычайныя, опыты возможнаго мужества! Не были вы свидѣтелями, достойные его сотоварищи: Раевскій, равный ему непоколебимымъ хладнокровіемъ и предусмотрительностію, Графъ Ламбертъ, подобный мужествомъ и распорядительностію, и ты, Мёллеръ-Закомельскій, въ коемъ соединены лучшія ихъ свойства, достоинства замѣчательныя, но которому можно упрекнуть одною чрезмѣрною скромностію.

Непріятель успѣлъ переправить часть войскъ, и видно было намѣреніе его, отброся авангардъ къ рѣкѣ, заставить его отходить чрезъ городъ.

Приближалась та минута, въ которую всѣ усилія Графа Палена могутъ сдѣлаться тщетными. Не опрокинувъ авангарда, не могъ непріятель сдѣлать обозрѣніе позиціи, занимаемой нашею арміею. Главнокомандущій послалъ въ подкрѣпленіе нѣсколько баталіоновъ пѣхоты: приказалъ Генералъ-Маіору Шевичу, съ пол-

ками 1-го кавалерійскаго корпуса, приблизиться къ лѣвому флангу авангарда, наблюдая пространство между имъ и арміею.

Внимательно разсмотрѣвъ невыгодное расположеніе арміи, рѣшился я представить Главнокомандующему объ оставленіи позиціи немедленно. Предложеніе, всеконечно, смѣлое, предпріимчивость молодаго человѣка, но разсчетъ, впрочемъ, былъ съ моей стороны: лучше предпринять отступленіе съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ, совершить его безпрепятственно, нежели принять сраженіе, и, безъ сомнѣнія, не имѣть надежды на успѣхъ, а можетъ быть подвергнуться совершенному пораженію. Въ одномъ случаѣ, по мнѣнію моему, можно не отвергнуть сраженія, если другая армія готова остановить торжествующаго непріятеля и преодолѣть его, обезсиленнаго потерею. Мы были совсѣмъ въ другомъ положеніи. Ближайшія къ намъ войска въ Калугѣ — малыя числомъ, слабыя составомъ, и начальствовавшій ими, Генералъ отъ инфантеріи, Милорадовичъ, по единообразному одѣянію называлъ ихъ воинами. Если бы дождались мы непріятеля въ позиціи, вѣроятно, не съ фронта началъ бы онъ атаку, но, частію войскъ занимая насъ, перешелъ со всѣми силами рѣку Лучесу выше, гдѣ повсюду есть броды, и обратился бы на лѣвое наше крыло, слабѣйшій пунктъ, о которомъ сказалъ я выше. Не возможно предположить неудачи со стороны непріятеля, но и тогда безпрепятственно отходилъ онъ на дорогу къ Борисову, усиливался всѣмъ корпусомъ Маршала Даву и переходилъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ.

Сей день сдѣлалъ я первый надъ собою опытъ, и удостовѣрился, что крайность лучшее побужденіе къ рѣшительности, и что самая трудность предпріятія въ глазахъ исчезаетъ. Надобно, чтобы то же убѣжденіе, тотъ же духъ руководилъ исполнителями. Нѣтъ времени размышленію, гдѣ одному дѣйствію мѣсто. Рѣшитъ часто одна минута!

Главнокомандующій колебался согласиться на мое предложеніе. Ему, какъ Военному Министру, извѣстно было во всемъ объемѣ положеніе наше и, конечно, требовало глубокаго соображенія! Генералъ - Квартирмейстеръ Толь, вопреки мнѣнію многихъ, утверждалъ, что позиція соединяетъ всѣ выгоды, что

должно принять сраженіе. Генералъ Тучковъ 1-й, видя необходимость отступленія, объ исполненіи его разсуждалъ не безъ робости. Рѣшительность не была его свойствомъ: онъ предлагалъ отойти ночью.[12] Генералъ-Адъютантъ Баронъ Корфъ былъ моего мнѣнія, не смѣя утверждать его. Не ищетъ онъ стяжать славу мѣрою опасностей. Подобно мнѣ и многимъ, душа его доступна страху, и ей сраженіе не пища. Простительно чувство боязни, когда опасность угрожаетъ общему благу! Я боялся непреклонности Главнокомандующаго, боялся и его согласія. Наконецъ онъ даетъ мнѣ повелѣніе объ отступленіи. Палъ жребій, и судьба исхитила у непріятеля лавръ побѣды!

Былъ первый часъ по полудни, авангардъ въ жесточайшемъ огнѣ, между армій близкое разстояніе, и о присутствіи Наполеона извѣстили насъ плѣнные.

О дерзость, божество, предъ жертвенникомъ котораго военный человѣкъ не разъ въ жизни своей долженъ преклонить колѣна! Ты иногда спутница благоразумія, не рѣдко оставляя его въ удѣлъ робкому, провождаешь смѣлаго къ великимъ предпріятіямъ; тебѣ въ сей день принесена достойная жертва!

Въ нашемъ лагерѣ всеобщее движеніе. Войска тремя колоннами совершаютъ выступленіе: лѣвая изъ 5-го и 6-го корпусовъ и большей части резервной артиллеріи, кратчайшею на Смоленскъ дорогою. Въ арріергардѣ ея былъ Генералъ-Маіоръ Шевичъ съ полками 1-го кавалерійскаго корпуса. Графъ Остерманъ со 2-мъ и 4-мъ корпусами большою дорогою на Порѣчье; ему приказано подкрѣпить арріергардъ, если бы непріятель рѣшительно преслѣдовалъ его. Среднюю колонну составляли 3-й корпусъ и главная квартира; въ арріергардѣ его 2-й кавалерійскій корпусъ Барона Корфа. Чрезъ полчаса времени лѣсистое мѣстоположеніе скрыло всѣ войска отъ глазъ непріятеля. Всѣ шли ускореннымъ шагомъ. Генералъ-Лейтенантъ Лавровъ, командующій пѣшей гвардіею, долженъ былъ пробудить лѣтами усыпленную

---

[12] Надобно быть увѣрену, сказалъ я, что дозволитъ вамъ Наполеонъ дожить до вечера. Но для насъ необходимо было выиграть время, чтобы не быть преслѣдуемымъ по пятамъ большими силами непріятеля, чѣму легко могло подвергнуть замедленіе съ нашей стороны.

живость, чтобы явить нужное по обстоятельствамъ проворство. Таковы требованія всѣхъ и каждаго усилія!

Не скрою нѣкотораго чувства гордости, что Главнокомандующій, опытный и чрезвычайно осторожный, нашелъ основательнымъ предложеніе мое объ отступленіи.

Глаза мои не отрывались отъ авангарда и славнаго Графа Палена. Отдаляющаяся армія, ввѣривъ ему свое спокойствіе, не могла оградить его силами, непріятелю соразмѣрными, но поколебать мужества его ни что не въ состояніи! Я скажу съ Гораціемъ: «Если разрушится вселенная, въ развалинахъ своихъ погребетъ его неустрашеннымъ.» До пятаго часу продолжалось сраженіе съ равнымъ упорствомъ, и арріергардъ отошелъ на другую сторону города, оставя непріятеля, удивленнаго порядкомъ, и городъ имъ занятъ не прежде слѣдующаго утра съ большою осторожностію.

Въ самый день отступленія отъ Витебска прибылъ Князя Багратіона Адъютантъ, Князь Меньшиковъ съ извѣстіемъ о сраженіи при селеніи Дашковкѣ, и что армія его идетъ безпрепятственно въ соединеніе. Отправляя Атамана Платова съ его войскомъ, Князь Багратіонъ приказалъ ему ускорить движеніе, и по расчету времени онъ долженъ былъ скоро прійти.

Въ одномъ переходѣ отъ Витебска арріергардъ имѣлъ сильное кавалерійское дѣло. Графъ Паленъ, лично распоряжая дѣйствіями конницы, удержалъ успѣхъ на нашей сторонѣ и далѣе непріятель ограничился однимъ наблюденіемъ за движеніемъ нашихъ колоннъ.

Посыланные отъ меня съ письмомъ къ Атаману Платову Бугскаго Казачьяго полка одинъ офицеръ и урядникъ, привезли отвѣтъ. На возвратномъ пути не разъ проѣзжали они вблизи непріятеля. Главнокомандующій наградилъ ихъ чинами.

Маршалъ Даву, пропустя Князя Багратіона, могъ войсками своими, расположенными въ Оршѣ и Дубровнѣ, занять временно Смоленскъ, воспрепятствовать составленію ополченія, пріуготовляемаго въ немъ, истребить запасные магазины и разорить городъ. Потеря магазиновъ была бы намъ чувствительна, ибо продоволь-

ствіе арміи производилось и недостаточное и неправильное. Главнокомандующій, имѣя сіе въ виду, 5-му и 6-му корпусамъ приказалъ слѣдовать поспѣшнѣе, а Атаману Платову заслонить ихъ движеніе.

Изъ Витебска Главнокомандующій далъ порученіе Великому Князю Константину Павловичу отправиться въ Москву къ Государю. Неизвѣстно мнѣ, но сомнѣваюсь, чтобы онъ сдѣлалъ то по собственному побужденію. Великій Князь весьма огорченъ былъ, подозрѣвая, что порученіе не заключало въ себѣ такой важности, чтобы не могло быть исполнено другимъ. Я замѣтилъ многихъ, сожалѣвшихъ объ его отъѣздѣ и, къ чести его, людей непосредственно ему подчиненныхъ. Командуя гвардейскою дивизіею, я въ томъ же былъ отношеніи къ его особѣ, и не помню случая ни малѣйшаго неудовольскія, или непріятностей.

Армія выступила въ Порѣчье; 5-й и 6-й корпуса прибыли въ Смоленскъ. Государь, проѣзжая сей городъ, поручилъ Генералъ-Адъютанту Барону Винценгероде составленіе ополченія. Часть небольшая онаго, весьма худо вооруженная, съ нѣсколькими резервными эскадронами, формированія Генералъ-Адъютанта Барона Мёллера-Закомельскаго, и запасною, бывшею въ Смоленскѣ, артиллеріею, составляла отрядъ подъ командою Генералъ-Маіора Оленина, вступившаго предъ тѣмъ въ службу. Отрядъ, къ которому присланъ одинъ полкъ отъ войска Атамана Платова, расположился далѣе Краснаго, у селенія Лядъ.

Непріятель съ нѣсколькими эскадронами ворвался въ городъ Велижъ, изрубилъ часть рекрутъ, построеннаго на площади баталіона и, разсѣявши прочихъ, захватилъ мостъ чрезъ рѣку Двину. Проходившій изъ Невеля съ восьмью баталіонами рекрутъ штабъ-офицеръ, имѣя свѣдѣнія о близости Французовъ, разставилъ въ городѣ караулы, строго смотрѣлъ за исправностію ихъ, всю ночь держалъ баталіонъ подъ ружьемъ, а патроны укладены были въ возахъ и ни одного на людяхъ! Прочіе всѣ баталіоны, бывши на правомъ берегу, уклонившись съ дороги, избѣжали пораженія.

Непріятель истребилъ одинъ артиллерійскій небольшой паркъ на 166 лошадяхъ, по худому ихъ состоянію отставшій отъ прочихъ. Посланный за симъ паркомъ изъ Порѣчья артиллеріи Полковникъ Тишинъ едва спасся бѣгствомъ.[13]

Въ Порѣчьѣ Генералъ-Провіантмейстеръ Лаба докладывалъ Военному Министру, что Коммиссіонеръ, въ похвальномъ намѣреніи не допустить непріятеля воспользоваться магазиномъ, сжегъ его. Въ немъ находилось нѣсколько тысячъ четвертей овса и 64 тысячи пудовъ сѣна. Не восхитился Министръ восхваляемою расторопностію, а я испросилъ позволеніе его справиться по дѣламъ, какъ давно объ учрежденіи магазина дано было повелѣніе: нашлось, что отъ подписанія бумаги двѣ недѣли. Есть ли возможность въ одинъ пунктъ свезти такое большое количество запасовъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ во множествѣ взяты обывательскія подводы въ пособіе арміи? Я осмѣлился сказать Министру, что за столь наглое грабительство достойно бы, вмѣстѣ съ магазиномъ, сжечь самаго Коммиссіонера.[14]

Порѣчье — первый старый Русскій городъ на пути нашего отступленія, и расположеніе къ намъ жителей было другое. Прежде проходили мы Губерніи Литовскія, гдѣ дворянство, обольщенное мечтою возстановленія Польши, возбуждало противъ насъ слабые умы поселянъ, или Губерніи Бѣлорусскія, гдѣ чрезмѣрно тягостная власть помѣщиковъ заставляла желать перемѣны. Здѣсь, въ Смоленской Губерніи, готовы были видѣть въ насъ избавителей. Не возможно было изъявлять ни болѣе ненависти къ врагамъ, ни живѣйшаго усердія къ преподанію намъ всѣхъ способовъ, предлагая содѣйствовать, ни собственности не жалѣя, ни жизни самой не щадя!

---

[13] Еще допускаетъ судьба Артиллерійскую Экспедицію имѣть его въ числѣ ея членовъ, и едва ли можетъ быть искуснѣйшій для всѣхъ таинственныхъ ея хозяйственныхъ изворотовъ.

[14] Генералъ-Провіантмейстеръ Лаба выслушалъ все, не смущаясь; во время отправленія имъ должности, происшествіе сіе, конечно, не первое, ему встрѣтившееся. Искусное употребленіе Провіантскихъ реѵловъ не рѣдко утомляло преслѣдующее правосудіе и спасало преступника. Беззаконіе, содѣлываемое компаніею, менѣе страшно. Коммиссіонеръ одинъ никогда не погрѣшаетъ.

Поселяне приходили ко мнѣ съ вопросомъ: позволено ли имъ будетъ вооружиться противъ враговъ и не подвергнутся ли за то отвѣтственности? Главнокомандующій приказалъ издать воззваніе къ жителямъ Смоленской Губерніи, приглашая ихъ противостать непріятелю, когда дерзнетъ поругаться святынѣ, въ жилища ихъ внесетъ грабежъ, въ семейства безчестіе.

Изъ Порѣчья вышли мы ночью, избѣгая сильныхъ жаровъ. Желая знать духъ солдата и мысли о безпорядкахъ и грабежѣ, которые начали размножаться, посреди ихъ, въ темнотѣ, не узнаваемый ими, я распрашивалъ: солдатъ роптал̃ъ на безконечное отступленіе и въ сраженіи ожидалъ найти конецъ ему; недоволенъ былъ Главнокомандующимъ, виновнымъ въ глазахъ его, по чему онъ не Русскій. Если успѣхи не довольно рѣшительны, не совсѣмъ согласны съ ожиданіями, первое свойство, которое Русскій солдатъ приписываетъ начальнику иноземцу, есть измѣна, и онъ не избѣгаетъ недовѣрчивости, негодованія и самой ненависти. Одно средство примиренія—побѣда! Нѣсколько ихъ даютъ неограниченную довѣренность и любовь. Обстоятельства неблагопріятны были Главнокомандующему, и не только не допускали побѣдъ, ниже малыхъ успѣховъ. Въ Порѣчьѣ тогда оставалось мало очень жителей; въ опустѣлыхъ домахъ разсѣянные солдаты производили грабежъ и разбой. Я самъ выгонялъ ихъ, и скажу, къ сожалѣнію, даже изъ церкви. Никого не встрѣтилъ я изъ ближайшихъ начальниковъ ихъ, которые должны были замѣтить ихъ отлучку. Въ равнодушіи семъ къ исполненію обязанностей надобно искать причинъ чрезвычайнаго уменьшенія людей во фронтѣ. Въ этомъ возможно упрекнуть не однихъ командировъ полковъ.

На первомъ переходѣ отъ Порѣчья, неожиданно возвратился Великій Князь Константинъ Павловичъ изъ Москвы. Получено извѣстіе отъ Князя Багратіона, что онъ приближается безпрепятственно къ Смоленску и, если нужно, вступитъ однимъ днемъ послѣ насъ. Непонятно намѣреніе, съ какимъ сообщилъ мнѣ Главнокомандующій слѣдующее разсужденіе: «Какъ уже соединеніе армій не подвержено ни малѣйшему затрудненію, полезнѣе, полагаетъ онъ, дѣйствовать по особенному направленію, предоставивъ 2-й арміи операціонную линію на Москву. Продовольствія

для двухъ армій будетъ недостаточно. Въ Торопцѣ и по Волгѣ большіе заготовлены запасы, и Тверская Губернія пожертвовала значительное количество провіанта, что, по тому, предполагаетъ онъ съ 1-ю арміею идти по направленію на Бѣлый и вверхъ по Двинѣ.» Легко было найти возраженіе, но, по недостатку во мнѣ благоразумія, труднѣе было сдѣлать его съ покорностію. Я съ горячностію сказалъ ему: «Государь отъ соединенія армій ожидаетъ успѣховъ и возстановленія дѣлъ нашихъ. Соединенія желаютъ войска съ нетерпѣніемъ. Къ чему послужили 2-й арміи перенесенные ею труды, преодолѣнныя опасности, когда вы повергаете ее въ то же положеніе, изъ котораго вырвалась она сверхъ всякаго ожиданія? Движеніе ваше къ Двинѣ выгодно для непріятеля: онъ, соединя силы, уничтожитъ слабую 2-ю армію, отдалитъ васъ навсегда отъ полуденныхъ областей, отъ содѣйствія прочимъ арміямъ! Вы не смѣете сего сдѣлать; должны, соединясь съ Княземъ Багратіономъ, начертать общій планъ дѣйствій, и тѣмъ исполнить волю и желаніе Императора! Россія, успокоенная на счетъ участи армій, ни въ чемъ упрекнуть не будетъ имѣть права!» Главнокомандующій выслушалъ меня съ великодушнымъ терпѣніемъ. Мнѣ казалось, что я проникнулъ настоящую мысль его. Соединеніе съ Княземъ Багратіономъ не могло быть ему пріятнымъ; хотя, по званію Военнаго Министра, на него возложено начальство, но Князь Багратіонъ, по старшинству въ чинѣ, могъ не желать повиноваться.[15] Это былъ первый примѣръ въ подобныхъ обстоятельствахъ, и, конечно, не могъ служить ручательствомъ за удобство распоряженій.

Власть, даръ Божества безцѣннѣйшій! Кто изъ смертныхъ не вкушалъ сладостнаго твоего упоенія? Кто, недостойный, не почиталъ тебя участникомъ могущества Божія, его благостію удѣляемаго? Но для чего ты украшаешь не однихъ, идущихъ путемъ чести? Для чего одаряешь исторгающихъ тебя беззаконіемъ?

---

[15] Трудно лучше меня знать Князя Багратіона—и сколько безпредѣльна преданность его Государю, для котораго жизнь почиталъ онъ малою жертвою; но совсѣмъ тѣмъ ни что не заставило бы его подчиниться Барклаю де Толли, въ кампанію 1806 и 1807 годовъ служившему подъ его начальствомъ. Война отечественная, въ его понятіи, не должна допускать разсчетовъ честолюбія и находила его на все готовымъ.

Главнокомандующій, послѣ разговора моего съ нимъ, не перемѣнилъ расположенія своего ко мнѣ, или не легко было то замѣтить; ибо ни холоднѣе, ни менѣе обязательнымъ въ обращеніи быть ни какъ не возможно.

Армія продолжала путь къ Смоленску. Главнокомандующій отправился туда съ послѣдняго перехода. На другой день прибыла армія, и тотчасъ приступлено къ заготовленію хлѣба и сухарей. Магазины были скудны; изъ Губерній не могли привозить вдругъ большаго количества припасовъ.

Итакъ я въ Смоленскѣ, тамъ, гдѣ въ ребячествѣ живалъ я съ моими родными, гдѣ служилъ въ молодости моей, имѣлъ многихъ знакомыхъ между дворянствомъ, привѣтливымъ и гостепріимымъ. Теперь я въ лѣтахъ, прешедшихъ время пылкой молости, и если не по собственному убѣжденію, то по мнѣнію многихъ, человѣкъ довольно порядочный и занимаю видное въ арміи мѣсто. Удивительные и для меня самого едва ли постижимые перевороты!

На другой день, по прибытіи арміи къ Смоленску, еще въ 12-ти верстахъ отъ города находилась 2-я армія. Князь Багратіонъ пріѣхалъ къ Главнокомандущему, сопровождаемый нѣсколькими Генералами, большой свитою, пышнымъ конвоемъ. Они встрѣтились съ возможнымъ изъявленіемъ вѣжливости, со всѣми наружностями пріязни, съ холодностію и отдаленіемъ въ сердцѣ одинъ отъ другаго. Различны весьма свойства ихъ, нерѣдко ощутительна ихъ противуположность. Оба они служили въ одно время, довольно долго въ небольшихъ чинахъ и вмѣстѣ достигли званія штабъ-офицеровъ.

Барклая де Толли долгое время невидная служба, скрывая въ неизвѣстности, подчиняла порядку постепеннаго возвышенія, стѣсняла надежды, смиряла честолюбіе. Не принадлежа превосходствомъ дарованій къ числу людей необыкновенныхъ, онъ излишне скромно цѣнилъ хорошія свои способности, и по тому не имѣлъ къ самому себѣ довѣрія, могущаго открыть пути, отъ обыкновеннаго порядка не зависящіе. Онъ замѣченъ былъ въ чинѣ Генералъ-Маіора, бывши шефомъ егерскаго полка, который превосходно былъ имъ пріуготовленъ къ службѣ въ военное

время. Многихъ офицеровъ полка онъ не остановилъ на изученіи одного фронтоваго мастерства, но сообщалъ имъ необходимыя по званію свѣдѣнія.

Князя Багратіона счастіе въ среднихъ степеняхъ сдѣлало извѣстнымъ, и на нихъ его не остановило. Война въ Италіи дала ему быстрый ходъ; Суворовъ, геній, покровительствовавшій ему, озарилъ его славой, собралъ ему почести, обратившія на него общее вниманіе. Поощряемыя способности внушили довѣріе къ собственнымъ силамъ.

Барклай де Толли, быстро достигнувши чина полнаго Генерала, совсѣмъ неожиданно званія Военнаго Министра, и вскорѣ соединя съ нимъ власть Главнокомандующаго 1-ю Западною арміею, возбудилъ во многихъ зависть, пріюбрѣлъ недоброжелателей. Неловкій у Двора, не расположилъ къ себѣ людей, близкихъ Государю; холодностію въ обращеніи не снискалъ пріязни равныхъ, ни приверженности подчиненныхъ. Приступивши въ скоромъ времени къ нѣкоторымъ по управленію перемѣнамъ, изобличая тѣмъ недостатки прежнихъ распоряженій, онъ вызвалъ злобу сильнаго своего предмѣстника, который поставлялъ на видъ малѣйшія изъ его погрѣшностей. Между приближенныхъ къ нему мало имѣлъ людей способныхъ, и по тому, рѣдко допуская ихъ раздѣлять съ нимъ труды его, все думалъ наполнить своею дѣятельностію. Въ началѣ произошло медленное теченіе дѣлъ, въ послѣдствіи несогласное частей и времени несоразмѣренное дѣйствіе, и наконецъ запутанность неизбѣжная!

Князь Багратіонъ, на тѣ же высокія назначенія возведенный (исключая должности Военнаго Министра), возвысился согласно съ мнѣніемъ и ожиданіями каждаго. Конечно, имѣлъ завистниковъ, но менѣе возбудилъ враговъ. Ума тонкаго и гибкаго, онъ сдѣлалъ при Дворѣ сильныя связи. Обязательный и привѣтливый въ обращеніи, онъ удержалъ равныхъ въ хорошихъ отношеніяхъ, сохранилъ расположеніе прежнихъ пріятелей. Обогащенный воинской славой, допускалъ раздѣлять труды свои, въ настоящемъ видѣ представляя содѣйствіе каждаго. Подчиненный награждался достойно, почиталъ за счастіе служить съ нимъ, всегда боготворилъ его. Никто изъ начальниковъ не давалъ менѣе чувствовать власть свою; никогда подчиненный не повино-

вался съ большею пріятностію. Обхожденіе его очаровательное! Не трудно воспользоваться его довѣренностію, но только въ дѣлахъ, мало ему извѣстныхъ. Во всякомъ другомъ случаѣ характеръ его самостоятельный. Недостатокъ познаній, или слабая сторона способностей, можетъ быть замѣчаема только людьми, особенно приближенными къ нему.

Баркалай де Толли, до возвышенія въ чины, имѣлъ состояніе весьма ограниченное, скорѣе даже скудное, долженъ былъ смирять желанія, стѣснять потребности. Такое состояніе, конечно, не препятствуетъ стремленію души благородной, не погашаетъ ума высокія дарованія; не бѣдность, однако же, даетъ способы явить ихъ въ приличнѣйшемъ видѣ. Удаляя отъ общества, она скрываетъ необходимо среди малаго числа пріятелей, не допуская сдѣлать обширныя связи, требующія нерѣдко взаимныхъ послугъ, иногда даже самыхъ пожертвованій. Семейная жизнь его не наполняла всего времени уединенія: жена не молода, не обладаетъ прелестями, которыя могутъ долго удерживать въ нѣкоторомъ очарованіи, всѣ другія чувства покоряя. Дѣти въ младенчествѣ, хозяйства военный человѣкъ не имѣетъ! Свободное время онъ употребилъ на полезныя занятія, обогатилъ себя познаніями. По свойствамъ воздерженъ во всѣхъ отношеніяхъ, по состоянію неприхотливъ, по привычкѣ безъ ропота сноситъ недостатки. Ума бразованнаго, положительнаго, терпѣливъ въ трудахъ, заботливъ о ввѣренномъ ему дѣлѣ; нетвердъ въ намѣреніяхъ, робокъ въ отвѣтственности; равнодушенъ въ опасности, недоступенъ страху. Свойствъ души добрыхъ, не чуждый снисходительности; внимателенъ къ трудамъ другихъ, но болѣе людей, ему приближенныхъ. Сохраняетъ память претерпѣнныхъ неудовольствій: не знаю, помнитъ ли оказанныя благотворенія. Чувствителенъ къ наружнымъ изъявленіямъ уваженія, недовѣрчивъ къ истиннымъ чувствамъ онаго. Остороженъ въ обращеніи съ подчиненными, не допускаетъ свободнаго и непринужденнаго ихъ обхожденія, принимая его за несоблюденіе чинопочитанія. Боязливъ предъ Государемъ, лишенъ дара объясняться. Боится потерять милости его, недавно пользуясь ими, свыше ожиданія воспользовавшись. Словомъ, Барклай де Толли имѣетъ недостатки, съ большею частію людей неразлучные, достоинства

же и способности, украшающія, въ настоящее время, весьма немногихъ изъ знаменитѣйшихъ нашихъ Генераловъ. Онъ употребляетъ ихъ на службу съ возможнымъ усердіемъ, съ безпредѣльною приверженностію Государю найлучшаго вѣрноподданнаго!

Князь Багратіонъ, съ равнымъ недостаткомъ состоянія, брошенъ былъ случайно въ общество молодыхъ людей, въ вихрь разсѣянности. Живыхъ свойствъ по природѣ, пылкихъ наклонностей къ страстямъ, нашелъ пріятелей и сдѣлалъ съ ними тѣсныя связи. Сходство свойствъ уничтожало неравенство состоянія. Расточительность товарищей отдаляла отъ него всякаго рода нужды, и онъ сдѣлалъ привычку не покоряться разсчетамъ умѣренности. Связи сіи облегчили ему пути по службѣ; но наставшая война, отдаляя его отъ пріятелей, предоставивъ собственнымъ средствамъ, препроводила въ Италію подъ знамена Суворова. Война упорная требовала людей отважныхъ и рѣшительныхъ, тяжкая трудами — людей, исполненныхъ доброй воли. Суворовъ остановилъ на немъ свое вниманіе, проникъ въ него, отличилъ, возвысилъ! Современники Князя Багратіона, исключая одного Милорадовича, не были ему опасными. Сколько ни умѣренны были требованія Суворова, но ловкій ихъ начальникъ, провождая ихъ къ общей цѣли, отдалилъ столкновеніе частныхъ ихъ выгодъ. Багратіонъ возвратился изъ Италіи въ сіяніи славы, въ блескѣ почестей. Неприлично уже было ни возобновить прежнія связи, ни допустить прежнія вспомоществованія: надобно было собственное состояніе. Государь избралъ ему жену прелестнѣйшую, состояніе огромное, но въ сердце жены не вложилъ онъ любви къ нему, не сообщилъ ей постоянства! Нѣтъ семейнаго счастія, нѣтъ домашняго спокойствія! Уединеніе — не свойство Багратіона; искать средствъ въ самомъ себѣ было уже поздно, разсѣянность сдѣлалась потребностію; ее усиливало безпрерывное въ службѣ обращеніе. Съ самыхъ молодыхъ лѣтъ безъ наставника, совершенно безъ состоянія, Князь Багратіонъ не имѣлъ средствъ получить воспитаніе. Одаренный отъ природы счастливыми способностями, остался онъ безъ образованія и опредѣлился въ военную службу. Всѣ понятія о военномъ ремеслѣ извлекалъ онъ изъ опытовъ, всѣ сужденія о немъ изъ происшествій, по мѣрѣ сходства ихъ между собою, не будучи руководимъ правилами и наукою и впадая въ погрѣшности;

нерѣдко, однако же, мнѣніе его было основательнѣйшимъ. Неустрашимъ въ сраженіи, равнодушенъ въ опасности. Не всегда предпріимчивъ, приступая къ дѣлу; рѣшителенъ въ продолженіи его. Неутомимъ въ трудахъ. Блюдетъ спокойствіе подчиненныхъ; въ нуждѣ требуетъ полнаго употребленія силъ. Отличаетъ достоинство, награждаетъ соотвѣтственно. Нерѣдко, однако же, преимущество на сторонѣ тѣхъ, у кого сильныя связи, могущественное у Двора покровительство. Утонченной ловкости предъ Государемъ, увлекательно лестнаго обращенія съ приближенными къ нему. Нравомъ кротокъ, несвоеобычливъ, щедръ до расточительности. Не скоръ на гнѣвъ, всегда готовъ на примиреніе. Не помнитъ зла, вѣчно помнитъ благодѣянія. Короче сказать, добрыя качества Князя Багратіона могли встрѣчаться во многихъ обыкновенныхъ людяхъ, но употреблять ихъ къ общей пользѣ и находить въ томъ собственное наслажденіе, принадлежитъ его невыразимому добродушію! Если бы Багратіонъ имѣлъ хотя ту же степень образованности, какъ Барклай де Толли, то едва ли бы сей послѣдній имѣлъ мѣсто въ сравненіи съ нимъ.

Наконецъ 2-я армія прибыла къ Смоленску; совершено соединеніе! Тебѣ благодареніе, знаменитый Даву, столько пользамъ Россіи послужившій!

Радость обѣихъ армій была единственнымъ между ними сходствомъ. Первая армія, утомленная отступленіемъ, начала роптать и допустила безпорядки, признаки упадка дисциплины. Частные начальники охладѣли къ главному, низшіе чины колебались въ довѣренности къ нему. Вторая армія явилась совершенно въ другомъ духѣ! Звукъ не умолкающей музыки, шумъ не престающихъ пѣсней, оживляли бодрость воиновъ. Исчезъ видъ понесенныхъ трудовъ, видна гордость преодолѣнныхъ опасностей, готовность къ превозможенію новыхъ. Начальникъ — другъ подчиненныхъ, они — сотрудники его вѣрные!

По духу 2-й арміи можно было думать, что пространство между Нѣменомъ и Днѣпромъ она не отступая оставила, но прошла торжествуя! Какія другія ополченія могутъ уподобиться вамъ, несравненные Русскіе воины? Вѣрность ваша не пріобрѣтается мѣрою золота, допущеніемъ безпорядковъ, терпимостію своевольствъ. Не страшитъ васъ строгая подчиненность, и воля Государя тво-

ритъ героями! Когда предъ рядами вашими станетъ подобный Суворову, чтобы изумилась вселенная!

Во время расположенія арміи при Смоленскѣ, войска Донскія подъ начальствомъ Атамана Платова, подкрѣпленныя однимъ гусарскимъ и двумя егерскими полками, находились въ 15 верстахъ по дорогѣ на Рудню. Не далеко отъ него расположенъ авангардъ Графа Палена. Полковникъ Крейцъ съ драгунскимъ полкомъ по направленію на Катань. Въ селеніи Холмѣ, по дорогѣ къ Порѣчью, Генералъ-Маіоръ Иловайскій 4-й съ Казачьими полками и Елисаветградскимъ гусарскимъ полкомъ, безпрерывнымъ движеніемъ партій обезпечивая правое крыло арміи, Генералъ-Адъютантъ Винценгероде съ Казанскимъ Драгунскимъ полкомъ и тремя Казачьими наблюдалъ непріятеля отъ стороны Велижа. Въ городѣ Красномъ расположенъ отрядъ Генералъ-Маіора Оленина, посылая разъѣзды до селенія Лядъ. Арміи оставались въ бездѣйствіи.

Въ Смоленскѣ, по званію моему, имѣлъ я частыя сношенія съ Гражданскимъ Губернаторомъ, Барономъ Ашъ. Въ званіи его не возможно было найти человѣка болѣе безполезнаго для арміи; безпечность его до того простиралась, что онъ, не зная о прибытіи ея къ Порѣчью, отправлялъ въ Витебскъ обозы съ хлѣбомъ для ея продовольствія. Я долженъ былъ замѣтить ему, что грозящая опасность Губерніи могла бы допустить большее со стороны его любопытство. Не много болѣе пользы извлекла армія изъ Губернскаго Предводителя Дворянства, Лесли, и многіе остались удивленными, что, отличное заслугами и благородствомъ, Смоленское дворянство избрало его своимъ представителемъ.

Въ Смоленскѣ нашли мы начало составленія земскаго ополченія: собранныя толпы мужиковъ, безъ всякаго на лѣта ихъ вниманія, худо снабженныя одеждою, совсѣмъ не вооруженныя. Въ начальники ополченія назначенъ Генералъ-Лейтенантъ Лебедевъ, старый человѣкъ, совершенно неспособный, ожесточившійся противъ смерти и долголѣтіемъ достигшій сего званія. По распоряженію Главнокомандующаго, отобранныя отъ кавалеріи не годныя ружья обращены на ополченіе.[16] Нѣкоторые изъ

[16] Отъ Великаго Князя Константина Павловича, Генералъ-Инспектора Кавалеріи,

начальниковъ жалѣли о нихъ; многимъ казалось страннымъ, какъ можно разстаться съ ними; никто не смѣлъ назвать ихъ безполезною ношею! Изъ коннаго ополченія составлена команда для исправленія дорогъ и мостовъ; пѣшая милиція обращена на производство земляныхъ при арміи работъ.

Въ Смоленскѣ въ одно время получено извѣстіе о побѣдахъ, одержанныхъ Графомъ Витгенштейномъ и Генераломъ отъ кавалеріи Тормасовымъ, и симъ послѣднимъ доставлены пріобрѣтенныя знамена.

Наполеонъ, проходя Полоцкъ, оставилъ въ немъ корпусъ войскъ Маршала Удино (Duc de Reggio), превосходящій силами войска подъ начальствомъ Графа Витгенштейна, расположенныя противъ Дриссы. Въ то же время корпусъ Маршала Макдональда вступилъ въ Курляндію, и уже передовыя войска его начали показываться около Крейцбурга. Положеніе дѣлалось затруднительнымъ: ни долѣе остаться у Дриссы, ни отойдя оставаться въ бездѣйствіи, равно было не возможно; ибо непріятель, поставя его между двухъ огней, подвергалъ опасности неизбѣжной. Графъ Витгенштейнъ рѣшился предупредить соединеніе, вышелъ къ селенію Клястицы, лежащему на дорогѣ отъ Полоцка къ Себежу и, закрывши себя отъ Маршала Макдональда небольшимъ отрядомъ, съ главными силами обратился на корпусъ Маршала Удино.

Большое разстояніе между непріятельскими корпусами, трудность отъ того въ соглашеніи дѣйствій, внутреннее положеніе между ними, давали Графу Витгенштейну превосходство выгодъ. Удино вышелъ изъ Полоцка, но Макдональдъ не перешелъ Двины. Гора свалилась съ плечъ Витгенштейна! Принявъ за рѣшительное отступленіе движеніе къ селенію Клястицамъ, Удино не всѣми преслѣдовалъ силами и неосмотрительно; встрѣтивъ наши силы въ совокупности, не могъ удержаться, побѣжалъ! Войска его, въ отдаленіи разбросанныя, приспѣвая въ подкрѣпленіе частями, уничтожались! Потерявъ пріобрѣтенныя при началѣ дѣйствія выгоды, понесши весьма большой уронъ, Удино возвратился въ Полоцкъ. Графъ Витгенштейнъ, преслѣдовавши, остановилъ

ожидаемо было позраженіе, и безъ него не обошлось, но исполненіе не остановлено.

авангардъ въ одномъ маршѣ отъ Полоцка, и возвратился въ прежнюю позицію. Долгое время оставался Удино въ бездѣйствіи. Макдональдъ ничего не предпринялъ, или не ввѣряясь войскамъ Прусскимъ, составлявшимъ его корпусъ и другимъ Рейнскаго Союза, съ малымъ числомъ при нихъ Французскихъ войскъ, имѣя въ виду нашъ десантный корпусъ, перевезенный изъ Финляндіи, или пріуготовляясь къ осадѣ Риги, главному предназначенному предмету его дѣйствій. Графу Витгенштейну принадлежитъ слава побѣды и самаго предпріятія, основаннаго на искусномъ соображеніи. Многіе относятъ его на счетъ начальника корпуснаго штаба, Генералъ-Маіора Довре. Сужденіе, можетъ быть, внушаемое завистію. Я точнаго о томъ свѣдѣнія не имѣю.

Генералъ Тормасовъ напалъ на корпусъ Саксонскихъ войскъ подъ командою Французскаго Генерала Ренье, перешедшій границы наши въ Брестѣ Литовскомъ, и, не допустивши его соединиться съ Австрійцами подъ начальствомъ Князя Шварценберга,[17] встрѣтилъ сопротивленіе упорное, но, силы имѣя превосходныя, преодолѣлъ. Непріятель понесъ значительный уронъ и отступилъ въ безпорядкѣ съ поспѣшностію. Въ рукахъ нашихъ оставилъ плѣнными одного Генерала и болѣе двухъ тысячъ человѣкъ, восемь пушекъ и четыре знамени.

Во время четырехдневнаго пребыванія арміи въ Смоленскѣ, употреблены всѣ средства запастись хлѣбомъ. Главнокомандующій, пригласивши Великаго Князя и главнѣйшихъ изъ Генераловъ, предоставилъ сужденію ихъ предстоящія дѣйствія арміи. Общее всѣхъ мнѣніе было атаковать. Съ особеннымъ уваженіемъ замѣчено разсужденіе Константина Павловича, скромно изложенное, съ соображеніемъ основательнымъ.[18] Главнокомандующій всѣхъ другихъ менѣе охотно далъ свое согласіе на атаку, ожидая точнѣйшихъ извѣстій о непріятелѣ отъ передовыхъ войскъ. Достовѣрно знали, что небольшимъ количествомъ конницы занима-

---

[17] Въ случаѣ даже соединенія ихъ онъ былъ гораздо сильнѣе. Потеря могла быть значительнѣе, но въ успѣхѣ ни малѣйшаго сомнѣнія.

[18] На случай могущихъ встрѣтиться затрудненій предлагалъ приличныя мѣры, подкрѣпляемыя дальновиднымъ и весьма благоразумнымъ соображеніемъ.

ютъ Французы Поречье; въ Велижѣ, равномѣрно какъ въ Суражѣ, находятся въ большихъ силахъ; противъ Атамана Платова расположена кавалерія и начальствующій всею Мюратъ, Король Неаполитанскій, находился недалеко. Главная квартира Наполеона была въ Витебскѣ; при ней вся гвардія и паркъ многочисленной резервной артиллеріи. Корпусъ Маршала Даву медленно собирался при Оршѣ; въ Лядахъ сильный отъ него отрядъ. Все благопріятствовало предпринимаемой со стороны нашей атакѣ. Разсѣянныя на большомъ пространствѣ непріятельскія войска, обезпеченныя нашимъ бездѣйствіемъ и, въ надеждѣ продолжительнаго нашего отдохновенія, покоящіяся, способствовали успѣху. Не тотчасъ непріятель могъ быть извѣщенъ о нашемъ движеніи, и ему не менѣе трехъ дней надобно было на соединеніе силъ, не говоря объ отдаленнѣйшихъ, тогда какъ передніе были бы уже атакованы. Дано повелѣніе къ походу, и радость войскъ описать не возможно! Съ изумленіемъ смотритъ Смоленскъ на силы ополченій; шумитъ Днѣпръ, гордясъ согласнымъ пути ихъ теченіемъ!

Первая армія наступала двумя колоннами по направленію на Рудню, чрезъ селеніе Приказъ Выдра. Съ лѣвой ея стороны, не далеко отъ Днѣпра, проходила вторая армія. Отрядъ изъ нѣсколькихъ егерскихъ полковъ отъ обѣихъ армій, въ командѣ Генералъ-Маіора Барона Розена, занималъ позицію у селенія Катань и большіе лѣса, прилежащіе къ нему. Равномѣрно какъ сей отрядъ, другой нѣсколько меньшій, съ Генералъ-Маіоромъ Княземъ Шаховскимъ, посланъ былъ благовременно въ селеніе Касплю. При выходѣ изъ Смоленска, отъ 2 арміи послана въ городъ Красный пѣхотная дивизія Генералъ-Маіора Невѣровскаго, въ подкрѣпленіе отряда Генералъ-Маіора Оленина, и приданъ Харьковскій драгунскій полкъ. Въ дивизіи, не давно изъ рекрутъ составленной, два полка перемѣнены старыми. Въ Смоленскѣ собраны хлѣбопеки отъ всѣхъ полковъ обѣихъ армій. Оставленъ одинъ полкъ для удержанія порядка; раненые и больные вывезены въ Вязьму.

Въ разстояніи небольшаго перехода отъ Рудни, арміи остановились. Главнокомандующій колебался итти впередъ; Князь Багратіонъ требовалъ того настоятельно. Вмѣсто быстраго движенія, въ предпріятіи нашемъ лучшаго ручательства за успѣхъ,

данъ арміямъ день безполезнаго отдыха, непріятелю лишній день для соединенія силъ! Онъ могъ уже узнать о нашемъ приближеніи.

Атаманъ Платовъ, подкрѣпленный авангардомъ Графа Палена, встрѣтилъ при селеніи Лешнѣ сильный отрядъ Французской конницы, разбилъ его и преслѣдовалъ до Рудни, которую непріятель оставилъ. Въ плѣнъ взято: одинъ израненый Полковникъ, нѣсколько офицеровъ и 500 человѣкъ нижнихъ чиновъ.[19] Полковникъ сообщилъ, что о приближеніи нашемъ они не имѣли извѣстія и на то особенныхъ распоряженій не сдѣлано, равномѣрно въ другихъ корпусахъ ни какихъ движеній не происходитъ. Изъ взятыхъ бумагъ въ квартирѣ командовавшаго Генерала Себастіани видно было распоряженіе для передовыхъ постовъ и наставленіе Генераламъ, кто изъ нихъ, для которой части войскъ и съ какими силами долженъ служить подкрѣпленіемъ для сохраненія общей связи. Еще обстоятельства благопріятствовали намъ, если бы Главнокомандующій твердъ былъ въ намѣреніи. Пораженіе при Лешнѣ, конечно, пробудило непріятеля, но близки были новые ему удары и кратко время для избѣжанія ихъ. Главнокомандующій не только отклонился отъ исполненія условленнаго плана, но и перемѣнилъ его совершенно.

1-я армія отошла въ селеніе Мощинки, въ 18 верстахъ отъ Смоленска, на дорогѣ въ Порѣчье. Отрядъ Князя Шаховскаго остался въ Касплѣ. Въ подкрѣпленіе ему и для обезпеченія сообщенія его съ арміею, часть авангарда Графа Палена расположена въ селеніи Лущѣ. Взятые отъ него обратно къ арміи пять егерскихъ полковъ остановлены въ деревнѣ Лавровой. Войска Атамана Платова, занявши лѣвымъ крыломъ Иньково и закрывая отрядъ въ Касплѣ, протянулись до селенія Вороны.

2-я армія стала на мѣстѣ первой; авангардъ ея впереди селенія Гаврицовъ, имѣя передовые посты лѣвѣе Иньково, чрезъ

[19] Великій Князь Константинъ Павловичъ принялъ храбраго Полковника съ особеннымъ вниманіемъ и сдѣлалъ ему вспомоществованіе. Узнавши послѣ, что съ нимъ говорилъ родной братъ Императора, онъ удивленъ былъ чрез вычайно деликатностію.

Лешню на Катань и до Днѣпра. Отрядъ Барона Розена упраздненъ; и мѣсто его занялъ сильный постъ отъ авангарда. Чрезъ день 2-я армія, по причинѣ худаго качества воды, вреднаго для войскъ, и не менѣе по недостатку въ ней, возвратилась въ Смоленскъ. Авангардъ ея, подъ командою Генералъ-Адъютанта Васильчикова, остался въ своемъ мѣстѣ, и въ подкрѣпленіе ему корпусъ Генералъ-Лейтенанта Князя Горчакова.

Въ селеніи Мощинкахъ 1-я армія находилась четыре дня безъ дѣйствія. Полки передовыхъ постовъ ничего важнаго не открыли. Изъ отряда Генералъ-Адъютанта Барона Винценгероде посланныя партіи къ Велижу донесли, что стоявшій въ окресности 4-й корпусъ Вице-Короля Италіянскаго вышелъ и до самаго Суража не было Французскихъ войскъ. Одна партія отъ Атамана Платова ворвалась въ Порѣчье, но была изгнана. Вскорѣ за тѣмъ увѣдомили жители, что Французы удалились изъ города.

Не возможно было постигнуть причины, которая заставляла Главнокомандующаго предпочитать дѣйствія арміи со стороны Порѣчья. Ни одного изъ корпусовъ непріятельскихъ нельзя было отбросить такъ, чтобы не могъ онъ соединиться съ другими. Непріятель, если бы въ необходимости нашелся отступать, конечно, не избралъ бы направленія на Витебскъ, или бы въ немъ не остановился; ибо дорога на Борисовъ представляетъ всѣ выгоды. Корпусъ Маршала Даву, присоединя къ себѣ корпусъ Вестфальскихъ войскъ и Польскую кавалерію Князя Понятовскаго, идетъ на встрѣчу главной своей арміи, и она до такой усилится степени, что ей слишкомъ достаточно средствъ, и нашу опрокинуть армію, и значительную часть войскъ отправить кратчайшимъ путемъ для занятія Смоленска. Допуская самыя грубыя ошибки со стороны Наполеона (чего, кажется, ожидать безразсудно), сосредоточась у Витебска, онъ будетъ имѣть не менѣе того числа войскъ, отъ котораго наша армія весьма недавно отступала. Допуская, что опрокинутый, онъ будетъ брошенъ на тѣ самыя мѣста, которыми шелъ впередъ, то и въ семъ случаѣ театра войны нельзя перенесть въ Литву, гдѣ непріятель оставилъ бы землю опустошенную и истребивши послѣдніе ея способы. Гораздо съ большимъ правдоподобіемъ предположить возможно, что расположенный въ Велижѣ корпусъ Вице-Короля Италіян-

скаго, оттуда вышедшій уже, и другой, бывшій въ Суражѣ, отступая предъ нашею арміею, и вели бы ее къ Витебску, и Наполеонъ, присоединя къ своей гвардіи войска, расположенныя къ сторонѣ Рудни и Любавичей, перешелъ бы на лѣвый берегъ Днѣпра, гдѣ селеніе Ляды занято уже было войсками отъ корпуса Маршала Даву, и былъ бы подъ стѣнами Смоленска, прежде нежели Барклай де Толли могъ приспѣть къ нему. 2-я армія, одна не въ состояніи будучи защищать городъ, должна была бы поспѣшно отступить къ Дорогобужу. Возвращающаяся 1-я армія, отброшенная движеніемъ Наполеона, теряла бы возможность соединиться съ Княземъ Багратіономъ. Движеніе наше къ Руднѣ не было извѣстно непріятелю, какъ видно изъ показаній плѣнныхъ; атака разбросанныхъ войскъ и истребленіе не малаго числа ихъ легко могли совершиться, и армія, какъ то предположено было, должна была тотчасъ возвратиться въ свою позицію, около Смоленска. Я думаю, что Главнокомандующій, отличающійся опытностію и благоразумною осторожностію, не сдѣлалъ бы иначе и не былъ бы увлеченъ успѣхомъ, съ опасностію лишиться пріобрѣтенныхъ выгодъ.

Не забуду я страннаго намѣренія твоего, Барклай де Толли; слышу упреки за отмѣну атаки на Рудню. За что терпѣлъ я отъ тебя упреки, Багратіонъ, благодѣтель мой! При первой мысли о нападеніи на Рудню, не я ли настаивалъ на исполненіи ея, не я ли убѣждалъ употребить возможную скорость? Я всѣми средствами старался удерживать между вами, яко главными начальниками, доброе согласіе, боясь малѣйшаго охлажденія одного къ другому. Скажу и то, что въ сношеніяхъ и объясненіяхъ вашихъ, чрезъ меня происходившихъ, не рѣдко холодность и невѣжливость Барклая де Толли представлялъ я предъ тебя въ тѣхъ видахъ, которые могли казаться пріятными. Твои отзывы, иногда грубые и колкіе, передавалъ ему въ выраженіяхъ обязательныхъ. Ты говаривалъ мнѣ, что, сверхъ ожиданія, нашелъ въ Барклаѣ де Толли много хорошаго. [20] Неразъ онъ повторялъ мнѣ, что онъ не думалъ, чтобы можно было, служа вмѣстѣ съ тобою, не-

---

[20] О Барклаѣ де Толли Князь Багратіонъ всегда спрашивалъ: «Что дѣлаетъ твой Даву?»

встрѣчать неудовольствій. Благодаря довѣренности ко мнѣ васъ обоихъ, я долго удержалъ бы васъ въ семъ мнѣніи, но причиною вражды между вами помощникъ твой, Графъ Сенъ-при. Онъ съ завистью смотрѣлъ на то, что я употребляемъ болѣе, нежели онъ. Должность моя при главномъ начальникѣ и въ то же время Военномъ Министрѣ давала мнѣ родъ нѣкоего первенства надъ нимъ и занятіямъ моимъ болѣе видную наружность. Онъ въ сужденіи своемъ не первое далъ мѣсто общей пользѣ; хотѣлъ, значить, болѣе, нежели должно, болѣе, нежели могъ! Ты, почтенный благодѣтель мой, излишне уважалъ связи при Дворѣ избалованнаго счастіемъ молодаго человѣка, и въ довѣренности къ нему не всегда былъ осмотрительнымъ!

Потерявши много времени напрасно, 1-я армія выступила изъ Мощинокъ по той же дорогѣ обратно къ Руднѣ. Не извѣстно, было ли намѣреніе искать непріятеля, чтобы дать сраженіе, или дожидаться его прибытія, но довольно двинуться впередъ, чтобы Князь Багратіонъ спѣшилъ присоединиться.

1-я армія прибыла къ селенію Гаврики, гдѣ стоялъ авангардъ Генералъ-Адъютанта Васильчикова; войска 2-й арміи были уже на второмъ переходѣ отъ Смоленска и должны были занять лѣвое крыло позиціи. Корпусъ Генералъ-Лейтенанта Раевскаго въ первый день не болѣе 15 верстъ отошелъ отъ Смоленска, выступивши тремя часами позднѣе надлежащаго. Впереди его приказано было итти 2-й гренадерской дивизіи, но она не трогалась съ мѣста.[21] Промедлѣніе сіе было въ послѣдствіи важнѣйшею пользою; ибо Генералу Раевскому предстояло совсѣмъ другое назначеніе.

Въ день прибытія арміи къ с. Гаврики, Атаманъ Платовъ сдѣлалъ усиленный переходъ отъ с. Холма до с. Инькова; не остановясь у него, вышелъ впередъ авангарда Генералъ-Адъю-

---

[21] Дивизіею начальствовалъ Генералъ-Лейтенантъ Принцъ Карлъ Мекленбургскій. Наканунѣ онъ, проведя вечеръ съ пріятелями, былъ пьянъ, проспался на другой день очень поздно, и тогда только могъ дать приказъ о выступленіи дивизіи. Послѣ этого винный откупъ святое дѣло, и Принцъ достоинъ Государственнаго напитка!

танта Васильчикова, открылъ Рудню, гдѣ не было уже непріятеля, который, по показанію жителей, выступилъ полторы сутки назадъ и у селенія Расасни переправляется на лѣвый берегъ Днѣпра Передовые посты авангарда ничего о томъ не знали. [22] Одна изъ партій, посланныхъ Атаманомъ Платовымъ, настигла послѣднія войска, идущія къ Расаснѣ; другая, по слѣдамъ непріятеля, спустясь по правому берегу рѣчки Березины, его уже не застала. Остановясь самъ въ Руднѣ, Атаманъ донесъ обо всемъ Главнокомандующему и ожидалъ дальнѣйшихъ приказаній.

Въ сіе время Князь Багратіонъ получилъ рапортъ Генералъ-Маіора Невѣровскаго, что 3-го числа Іюля непріятель въ большихъ силахъ атаковалъ его въ г. Красномъ, гдѣ онъ, упорно защищавшись, вытѣсненъ, стремительно преслѣдуемъ, потерпѣлъ большой уронъ, потерялъ нѣсколько пушекъ и отступаетъ къ Смоленску. Офицеръ съ рапортомъ былъ сутки въ дорогѣ, и по тому можно было полагать, что непріятель уже въ движеніи къ Смоленску. Слышенъ былъ глухой звукъ выстрѣловъ: ближайшіе къ Днѣпру передовые посты извѣстили о сильной канонадѣ.

Г.-Л. Раевскому приказано идти поспѣшнѣе съ корпусомъ въ подкрѣпленіе Г.-М. Невѣровскому; 2-я армія немедленно послѣдовала къ Смоленску и въ слѣдъ за нею 1-я армія. Атаманъ Платовъ, собравши партіи, расположился у с. Приказъ Выдра. Отрядъ Г.-М. Князя Шаховскаго возвратился къ арміи; часть егерей и кавалеріи отходила дорогою по берегу Днѣпра, наблюдая броды. Ротмистру Чеченскому, извѣстному храбростію, приказалъ я, выбравъ охотниковъ изъ конвойной команды Бугскаго Казачьяго полка, отправиться на лѣвый берегъ Днѣпра и осмотрѣть на маршѣ силы непріятельскія. Возвращаясь отъ селенія Гаврики, склонилъ я Флигель-Адъютанта Полковника Кикина

---

[22] Авангардомъ командовалъ Генералъ-Адъютантъ Васильчиковъ, изъ числа отличныхъ офицеровъ арміи, недавно храбростію обратившій на себя вниманіе, но мало имѣющій опытности, не прежде какъ въ чинѣ Генералъ-Маіора начавши служить противъ непріятеля. До того—шефъ блистательнаго Ахтырскаго гусарскаго полка, подвигаемый къ почестямъ сильными связями.

вступить въ должность Дежурнаго Генерала, оставленную имъ по болѣзни и непріятностямъ. [23]

Прощай Ставраковъ, плачевный Дежурный Генералъ, комендантъ Главной Квартиры несравненный! Ты не будешь уже доставлять безпрерывныя упражненія моей дѣятельности и, благодаря Полковнику Кикину, я буду имѣть минуты отдохновенія! О лѣность, всегда мною чтимая! прими меня, возвращающагося къ тебѣ; клянусь вѣчнымъ постоянствомъ!

Г.-Л. Раевскій прибылъ съ корпусомъ къ Смоленску и расположился въ предмѣстіяхъ города. Г.-М. Невѣровскому съ отрядомъ бывшему только въ семи верстахъ впереди, приказалъ присоединиться къ своему корпусу. Если бы Г.-Л. Раевскому не воспрепятствовала 2-я гренадерская дивизія выступить ранѣе, какъ то надлежало, онъ, сдѣлавши большой переходъ, возвратился бы въ Смоленскъ слишкомъ поздно, и могъ даже найти въ немъ Французовъ.

Городъ Красный защищаемъ былъ авангардомъ Генералъ-Маіора Оленина, которому въ подкрѣпленіе дана была 27-я пѣхотной дивизіи егерская бригада Флигель-Адъютанта Полковника Воейкова. Французы были уже въ улицахъ и не разъ изгнаны. Полки, никогда не видавшіе непріятеля, не знающіе опасности, дрались отчаянно; но, уступая, наконецъ, возобновляемымъ усиліямъ, авангардъ отошелъ къ отряду, стоящему на большой дорогѣ, въ двухъ верстахъ за городомъ. Непріятель продолжалъ преслѣдовать одною конницею, весьма сильною, съ нѣкоторымъ количествомъ орудій. Пѣхота не прежде появилась, какъ подходя уже къ Смоленску. Генералъ-Маіоръ Невѣровскій, офицеръ отлично храбрый, и его не устрашала опасность; но рѣдко весьма и въ малыхъ чинахъ бывшій въ дѣйствіи, при способностяхъ очень обыкновенныхъ, нашелся въ такомъ трудномъ положеніи, которое требовало, по крайней мѣрѣ, навыку и смѣтливости. Если кто немного знаетъ Французскую конницу, повѣритъ нѣкоторой воз-

---

[23] Полезныхъ способностей, дѣятельности неутомимой, строгихъ правилъ чести, находился при образованіи Главнаго Штаба арміи и введеніи новаго порядка управленія по положенію о большихъ дѣйствующихъ арміяхъ.

можности удерживать порывы ея шестью тысячами пѣхоты, отступающей по волнистому мѣстоположенію, дорогою, обсаженною по бокамъ двумя рядами деревьевъ, и когда при ней батарейная рота. Генералъ-Маіоръ Невѣровскій, имѣя одинъ Харьковскій драгунскій полкъ, подвергъ его значительному урону. Не довольно связнымъ дѣйствіемъ пѣхоты, и отправивши назадъ батарейную артиллерію, онъ далъ возможность непріятельской конницѣ дѣлать удачныя атаки. Она, пользуясь многочисленностію своею, дѣйствовала въ тылу его и овладѣла большею частію отосланной назадъ артиллеріи, въ ея движеніи. Если бы Генералъ-Маіоръ Невѣровскій къ знаніямъ своимъ военнаго ремесла присоединилъ искусство построенія каре, прославившее многихъ въ войнахъ противъ Турокъ, оно, покаряя обыкновенному образу хода, не допустило бы до бѣгства, и ты, Апушкинъ, батарейную роту свою не исчислялъ бы дробями. Со всѣмъ этѣмъ непріятель не могъ не уважать неустрашимости Генералъ-Маіора Невѣровскаго, и, по счастію, пѣхота Французская появилась предъ нимъ въ близкомъ отъ Смоленска разстояніи, и онъ поступилъ въ распоряженіе Генералъ-Лейтенанта Раевскаго.

4-го числа Іюля Генералъ-Лейтенантъ Раевскій съ однимъ своимъ корпусомъ и 27 дивизіею дрался въ продолженіи цѣлаго дня, и не только защитилъ городъ, но и занявши предмѣстія, не допустилъ овладѣть ими, при всѣхъ усиліяхъ превосходнаго въ числѣ непріятеля, при возможной со стороны его предпріимчивости. Немногіе изъ Генераловъ рѣшились бы на то, что Раевскому не казалось исполнить труднымъ. Могло казаться удобнѣйшимъ, уступя Смоленскъ, защищать переправу чрезъ Днѣпръ, ибо арміи не могли въ скоромъ времени прійти въ помощь. Защищаясь въ крѣпости, надобно было размѣстить артиллерію по бастіонамъ и, въ случаѣ отступленія, опасаться потерять ее, имѣя къ выходу одни ворота. Силы непріятеля очевидно умножались, но онъ не зналъ положенія города и окрестностей и продолжалъ безплодныя усилія по большой дорогѣ отъ Краснаго противъ Маалховскихъ воротъ. Если бы обратился онъ къ лѣвому флангу крѣпости, прилежавшему къ рѣкѣ и, взявъ продолженіе стѣны, учредилъ сильную противъ моста батарею, Раевскій нашелся бы въ затрудненіи дѣйствовать съ большими силами,

препятствуемый тѣснотою улицъ, и войска подверглись бы ужасному истребленію артиллеріи. Поздно вечеромъ прибыла 2-я армія, не прежде ночи пришла 1-я армія, и обѣ расположились на правомъ берегу Днѣпра. Раевскій до того не допустилъ овладѣть ни одною частію предмѣстій, не потерялъ ни одного шагу. На другой день смѣнившій его Генералъ Дохтуровъ съ корпусомъ, присоединивъ 27-ю пѣхотную дивизію, долгое время удерживался въ тѣхъ же предмѣстіяхъ, не допуская къ стѣнамъ города. Раевскій 5 числа присоединился къ арміи. Въ десять часовъ утра войска наши должны были войти въ крѣпость, и расположились подъ защитою зубцовъ стѣны, у прикрытія батарей, и составили изъ себя резервы. Артиллерія въ большомъ числѣ заняла земляные предъ стѣнами бастіоны. Не задолго предъ тѣмъ присланный на подкрѣпленіе Генералъ-Лейтенантъ Коновницынъ съ 3-ю дивизіею занялъ часть города, лежащую направо. Ближайшіе дома форштадта, простирающагося къ Днѣпру, были еще въ нашихъ рукахъ, и стрѣлки наши внѣ окруженія стѣнъ. Превосходствомъ силъ непріятель въ одно время обнялъ весь городъ, атаковалъ предмѣстіе съ праваго фланга, и со всѣхъ сторонъ загорѣлся ужасный пушечный и ружейный огонь: во многихъ частяхъ города начались пожары. По распоряженіямъ Генералъ-Лейтенанта Коновницына, 3-я дивизія опрокинула непріятеля; имъ же направленный отрядъ Генералъ-Маіора Оленина не мало способствовалъ отраженію, и егерская бригада Полковника Потемкина дѣйствовала отлично. Непріятель, усмотрѣвши удобство мѣстоположенія, главнѣйшія силы направилъ на лѣвое крыло и не разъ уже былъ у самыхъ Никольскихъ воротъ. Одно мгновеніе могло рѣшить участь города, но неустрашимость Генералъ-Маіора Невѣровскаго, и присутствіе Генералъ-Маіора Графа Кутайсова, начальника артиллеріи 1-й арміи, направлявшаго дѣйствіе батарей, всегда торжествовали надъ усиліями непріятеля. Устроенная на правомъ берегу батарея Подполковника Нилуса много вредила его атакамъ. Постоянное стремленіе на одинъ пунктъ, умножаемое количество артиллеріи, обнаружили намѣренія непріятеля и побудили послать въ подкрѣпленіе лѣваго крыла 4-ю дивизіею Принца Евгенія Виртембергскаго. Полетѣли полки по слѣдамъ молодаго начальника, отличнаго храбростію, ими любимаго! Главнокомандующій поручилъ мнѣ осмотрѣть, въ

какомъ положеніи дѣла наши въ городѣ. Сраженіе продолжалось съ жестокостію; уронъ съ нашей стороны чувствителенъ; уронъ непріятеля несравненно большій; ибо насъ отъ дѣйствія артиллеріи охраняли крѣпостныя стѣны. За часъ до вечера непріятель былъ близко къ стѣнамъ; часть предмѣстія по лѣвой сторонѣ во власти его; единственный мостъ нашъ на Днѣпрѣ осыпаемъ былъ ядрами; городъ во многихъ мѣстахъ объятъ пламенемъ; внѣ стѣнъ не было уже ни одного изъ нашихъ стрѣлковъ." Не пощадилъ Наполеонъ Польскія войска въ семъ случаѣ, и они, рабственно покорствуя его волѣ, понесли на себѣ главнѣйшую часть всей потери. Съ началомъ дня сильная часть войскъ непріятельскихъ отправилась вверхъ по лѣвому берегу Днѣпра, по дорогѣ на Ельню. За движеніемъ симъ наблюдала 2-я армія, 5-го числа перешедшая на Московскую дорогу, имѣвшая цѣлью обезпечить переправу чрезъ Днѣпръ, въ 40 верстахъ отстоящую отъ Смоленска. Авангардъ ея, подъ командою Генералъ-Лейтенанта Князя Горчакова, расположенъ былъ въ шести верстахъ отъ города; Казачьи войска ея большею частію на лѣвомъ берегу Днѣпра, не выпуская изъ глазъ непріятеля; сообщеніе съ 1-ю арміею содержали кавалерійскіе посты. Непріятель, прошедши 12 верстъ по дорогѣ на Ельню, возвратился къ городу, а по тому 2-я армія имѣла ночлегъ по близости.

Князь Багратіонъ склонилъ Главнокомандующаго еще одинъ день продолжать оборону города, переправиться за Днѣпръ и атаковать непріятеля, и что онъ то же сдѣлаетъ съ своей стороны. На вопросъ Главнокомандующаго отвѣчалъ Генералъ-Квартирмейстеръ Полковникъ Толь, что надобно атаковать двумя колоннами изъ города. Удивило меня подобное предложеніе человѣка съ его взглядомъ и понятіями. Я сдѣлалъ замѣчаніе, что въ городѣ весьма мало воротъ, и они съ поворотами въ башняхъ. Большое число войскъ скоро пройти ихъ не можетъ, равно какъ и устроиться въ боевой порядокъ, не имѣя впереди свободнаго пространства и подъ огнемъ батарей, близко къ стѣнѣ придвинутыхъ. Скоро ли можетъ приспѣть, сопровождающая атаки, артиллерія, и какъ большое количество войскъ собрать безъ замѣшательства въ тѣсныхъ улицахъ города, среди развалинъ домовъ, разрушенныхъ бомбами? Я предложилъ на разсужденіе случай необходи-

маго отступленія, когда всѣ неудобства и затрудненія предстоятъ гораздо въ большемъ размѣрѣ. Военный Министръ нашелъ основательными мои замѣчанія. Разсуждаемо было, что если необходимо нужно атаковать, то удобнѣе перейти за Днѣпръ у самаго города, съ правой его стороны, устроивъ мосты подъ защитою батарей праваго фланга крѣпости. Предмѣстіе не было еще оставлено нами; противъ него была одна только непріятельская батарея, и къ ней удобный доступъ садами, далеко простирающимися. Въ случаѣ отступленія, занявъ монастыри и церкви въ предмѣстіи, можно не допустить натиска его на мосты. 2-я армія не должна переправиться за Днѣпръ выше города, и еще менѣе атаковать правый флангъ непріятеля, какъ то предполагалъ Князь Багратіонъ. Легко было воспрепятствовать переправѣ арміи, или, отбросивши атаку, разорвать сообщеніе съ 1-ю арміею, уничтожить согласіе въ дѣйствіи войскъ и способы взаимнаго вспомоществованія. Небольшими силами непріятель могъ войска наши не выпускать изъ крѣпости и свои войска сосредоточить по произволу. Представленныя мною разсужденія не воздержали меня отъ неблагоразумнаго, въ свою очередь, поступка. Я поддерживалъ мнѣніе гг. корпусныхъ командировъ, еще одинъ день продолжить защиту города. Желаніе ихъ доведено до свѣдѣнія чрезъ Генералъ-Маіора Графа Кутайсова. Защита могла быть необходимою, если бы Главнокомандующій намѣревался атаковать непремѣнно. Но собственно удержать за собою Смоленскъ въ разрушеніи, въ которомъ онъ находился, было совершенно безполезно. Сильнаго гарнизона отдѣлить армія не могла, а въ городѣ и слабый не нашелъ бы средствъ къ существованію. И такъ рѣшено Главнокомандующимъ оставить Смоленскъ! Встрѣтились затрудненія собрать войска, по всему пространству города разсѣянныя, артиллерію, размѣщенную во всѣхъ его частяхъ. Долго вечеромъ продолжалось сраженіе; войска вышли изъ города ночью безпрепятственно, послѣдніе изъ полковъ предъ разсвѣтомъ и истребили мостъ. Въ слѣдъ за ними непріятель вступилъ въ городъ.

Нѣсколько егерскихъ полковъ расположились въ предмѣстіи, на правомъ берегу Днѣпра, защищая переправу. Сообщившійся отъ моста огонь охватилъ ближайшіе дома. Воспользовавшійся

замѣшательствомъ непріятель, подъ прикрытіемъ своихъ батарей, перешедши въ бродъ у самаго моста, занялъ предмѣстіе и мгновенно показался на горѣ у батареи, которая, его не ожидая, не была готова его встрѣтить; но Генералъ Лейтенантъ Коновницынъ приказалъ ближайшимъ баталіонамъ ударить въ штыки, и непріятель опрокинутъ. Устроившіеся въ порядокъ егеря, преслѣдовали бѣгущихъ въ замѣшательствѣ, и многіе изъ нихъ потонули. Въ продолженіи дня не прерывалась канонада и перестрѣлка. Сгорѣвшіе по берегу дома, не закрывая уже егерей нашихъ, подвергали ихъ картечнымъ выстрѣламъ. По маловажности дѣйствія потеря наша была очень чувствительна. Непріятельская конница во многихъ мѣстахъ испытывала броды, но важнаго ничего не предпринимала.

Я приказалъ вынести изъ города образъ Смоленской Божіей Матери, укрывая его отъ безчинствъ и поруганій Святыни! Отслуженъ молебенъ, который произвелъ на войско полезное дѣйствіе.

6-го числа Августа сдѣлано распоряженіе объ отступленіи 1-й арміи. Того же дня 2-я армія отошла къ селенію Пнева Слобода, гдѣ, переправясь за Днѣпръ, должна была дождаться 1-й арміи. Оставленный на шестой верстѣ отъ города, подъ командою Генералъ-Лейтенанта Князя Горчакова, авангардъ не прежде долженъ былъ оставить мѣсто, какъ по смѣнѣ его войсками отъ 1-й арміи, ибо онъ закрывалъ собою дорогу, на которую должна выйти одна ея колонна. Генералъ-Маіоръ Тучковъ (Павелъ Алексѣевичъ) отправленъ съ отрядомъ занять его мѣсто. Трудный путь умедлилъ движеніе отряда, и онъ, вышедши на большую дорогу, на двѣнадцатой верстѣ отъ города, не засталъ уже Генералъ-Лейтенанта Князя Горчакова, который отправился въ соединеніе со 2-ю арміею, не давши о томъ знать и снявши посты, содержавшіе сообщеніе между имъ и 1-ю арміею. Князь Багратіонъ приказалъ ему отступить передъ свѣтомъ, чтобы не утомлять людей ночнымъ переходомъ, но не иначе, какъ по смѣнѣ его. [24] Непріятель его не

---

[24] Князь Горчаковъ всякое порученіе, при исполненіи котораго надобны храбрость и настойчивость, совершитъ наилучшимъ образомъ, и видъ опасности

безпокоилъ; ему изъ диспозиціи на то число видно было направленіе 1-й арміи и что, если непріятель захватитъ тотъ пунктъ, гдѣ съ большою дорогою соединяется проселочная дорога, по которой идутъ войска 1 арміи, ей не остается другаго пути, ни даже обратнаго, ибо ее долженъ былъ преслѣдовать непріятель. Всѣ сіи обстоятельства должны были объяснить Генералъ-Лейтенанту Князю Горчакову необходимость держаться въ своемъ расположеніи, если бы даже то совсѣмъ не сходствовало съ приказаніемъ Князя Багратіона. Генералъ-Маіоръ Тучковъ, вышедши на большую дорогу, хотѣлъ подвинуться къ Смоленску, чтобы закрыть собою важный пунктъ соединенія дорогъ, но не далѣе какъ въ одной верстѣ встрѣтилъ непріятеля, и началась перестрѣлка. Въ такомъ положеніи онъ ожидалъ прибытія войскъ.[25]

Главнокомандующій, въ полной увѣренности, что движеніе арміи совершенно закрыто отрядомъ Генералъ-Маіора Тучкова и что Князь Горчаковъ, конечно, дождался его, приказалъ нѣкоторымъ войскамъ отступать въ 8 часовъ вечера; тѣмъ же, кои были на виду у непріятеля, тогда, какъ начнетъ быть темно. Генералъ-Адъютантъ Баронъ Корфъ долженъ былъ, снявъ до свѣту всѣ посты, отступить съ арріергардомъ отъ города.

Итакъ оставили мы Смоленскъ, привлекли на него всѣ роды бѣдствій, превратили въ жилище ужаса и смерти. Казалось, упрекая намъ, снѣдающимъ его пожаромъ, онъ, къ стыду нашему, расточалъ имъ мракъ, скрывающій наше отступленіе.

Разрушеніе Смоленска познакомило меня съ новымъ совершенно для меня чувствомъ, котораго войны, внѣ предѣловъ отечества выносимыя, не сообщаютъ. Не видѣлъ я опустошенія земли собственной, не видѣлъ пылающихъ городовъ моего отечества.

его не устрашитъ; но съ этими, достойными уваженія, преимуществами, не въ равной степени можетъ быть способность распорядительная!

[25] Генералъ-Маіору Тучкову представились совершенно неожиданныя обстоятельства и опасность въ высшей степени, но онѣ нашли въ немъ соотвѣтственную имъ твердость. Непріятель былъ въ силахъ и близко, онъ отъ арміи отдаленъ и скорой помощи ожидать не могъ. Онъ рѣшился удерживать мѣсто, и тѣмъ уничтожилъ затрудненія арміи.

Въ первый разъ въ жизни коснулся ушей моихъ стонъ соотечественниковъ, въ первый раскрылись глаза на ужасъ бѣдственнаго ихъ положенія. Великодушіе почитаю я даромъ Божества, но едва ли бы далъ я ему мѣсто прежде отмщенія!

Началось седьмое число, происшествіями достопамятное! Главнокомандующій, полагая, что войска, отступившія съ вечера, успѣли отдалиться, удивленъ былъ, найдя на мѣстѣ весь корпусъ Генералъ-Лейтенанта Багговута. Проселочная дурная дорога, худыя переправы, ночь необычайно темная, затрудняли движеніе артиллеріи, и войска едва подвигались впередъ. Ночи оставалось уже непродолжительное время, и до разсвѣта едва возможно было удалиться изъ виду непріятельской арміи. Не было сомнѣнія, что Французы станутъ сильно преслѣдовать, и положеніе наше очевидно дѣлалось опаснымъ.[26] Онъ приказалъ мнѣ ѣхать, употребивъ даже просьбу, чтобы я старался всячески ускорить движеніе войскъ. Проѣхавъ версты три, понуждая впередъ артиллерію; нашелъ я, среди колонны пѣхоты, два эскадрона Сумскаго гусарскаго полка, и офицеръ донесъ мнѣ, что въ трехъ стахъ шагахъ отсюда, изъ занимаемаго имъ поста онъ вытѣсненъ Французами и имѣетъ раненыхъ; что бывшіе съ нимъ егеря отъ авангарда Князя Горчакова отошли прежде, нежели отрядъ Генералъ-Маіора Тучкова прошелъ сіе мѣсто, и непріятель скоро послѣ появился. Поправить сего было не возможно, темнота не позволяла видѣть мѣста и силъ непріятеля; оставалось только спѣшить пройти это мѣсто, гдѣ и переправа около мельницы была неудобна. Я донесъ обо всемъ Главнокомандующему, и поѣхалъ далѣе. Начинало разсвѣтать, когда войска, прошедши около десяти верстъ, остановились, по тому что Генералъ-Адъютантъ Уваровъ приказалъ 1-му кавалерійскому корпусу запастись фуражемъ и навьючить на лошадей сѣно. Самую вѣжливую послалъ я ему записку, а по званію моему предложилъ, не ожидая пѣхоты, идти на мѣсто,

---

[26] Понятна была опасность нашего положенія; ибо приказаніе далъ онъ на Французскомъ языкѣ, чтобы не всѣ разумѣть могли подробности наставленія, мнѣ даннаго. Я готовъ былъ не найти ничего труднаго, чтобы дѣлать угодное начальнику, одушевленъ бывши его примѣромъ заботливости и рвенія.

гдѣ наша проселочная дорога выходитъ на большую. Вскорѣ, услышавши пушечные выстрѣлы, приказалъ я пѣхотѣ слѣдовать сколько возможно поспѣшнѣе. Не могли сыскать начальствовавшаго всею колонною, Генерала-Лейтенанта Тучкова (Николая Алексѣевича), который весьма покойно ночевалъ въ деревнѣ; я объяснился съ Генералъ-Лейтенантомъ Коновницынымъ, и былъ увѣренъ, что, по извѣстной его неутомимости и любви къ порядку, онъ все исполнилъ наилучшимъ образомъ. Если пушечные выстрѣлы были со стороны арріергарда, мы могли подвергнуться потерѣ, но ни какимъ другимъ слѣдствіямъ; но ежели въ дѣйствіи отрядъ Генералъ-Маіора Тучкова, онъ можетъ быть опрокинутъ, соединеніе дорогъ захвачено, мы атакованы на маршѣ, и безъ потери артиллеріи нѣтъ средства соединиться съ другою колонною арміи, которая отправлена прямо на переправу чрезъ Днѣпръ, у Пѣвовой Слободы. Изъяснивъ опасенія мои Главнокомандующему, я послалъ ему моего Адъютанта. Для ускоренія движенія приказалъ я посадить людей на орудія и итти рысью. Вскорѣ Главнокомандующій увѣдомилъ меня, что арріергардъ сильно преслѣдуемъ, что занявши высоты, у дороги лежащія, отрѣзалъ его такъ, что часть кавалеріи его должна была проскакивать подъ выстрѣлами; и онъ принужденнымъ нашелся возвратить 2-й корпусъ Генерала Багговута, который вытѣснилъ непріятеля изъ занимаемой имъ позиціи и открылъ путь арріергарду, но что сраженіе продолжается съ упорствомъ и что присутствіе его тамъ необходимо. Между тѣмъ Генералъ-Адъютантъ Уваровъ вышелъ съ кавалерійскимъ корпусомъ на большую дорогу, въ слѣдъ за нимъ 1-я гренадерская и 3-я пѣхотная дивизіи. На самомъ соединеніи дорогъ стоялъ Елисаветградскій гусарскій полкъ изъ отряда Генералъ-Маіора Тучкова, котораго полагали въ шести верстахъ впереди, на мѣстѣ, гдѣ былъ авангардъ Князя Горчакова. Командиръ полка донесъ, что отрядъ не далѣе версты впереди, и подтвердилъ, что, не дождавшись его, Князь Горчаковъ отправился къ арміи, оставивши три полка Донскіе подъ командою Генералъ-Маіора Карпова, которымъ также приказано слѣдовать къ арміи. Полки сіи оставлены мною и, закрывая отрядъ нашъ, продолжали слабую перестрѣлку съ непріятелемъ, который впередъ не подавался. Пользуясь симъ, Генералъ-Маіоръ Тучковъ выигралъ небольшое разстояніе. На представленіе мое о

необходимости подкрѣпить его, Генералъ-Лейтенантъ Тучковъ 1-й согласясь, приказалъ Полковнику Желтухину идти съ полками, лейбъ-гренадерскимъ, Графа Аракчеева и полуротою батарейной артиллеріи. Всѣ прочія войска отошли на ночлегъ въ шести верстахъ позади. Было десять часовъ утра, и со стороны Смоленска довольно спокойно, но сомнительно было, чтобы во весь день продолжилось спокойствіе; ибо непріятелю явно было намѣреніе наше выйти на большую дорогу и что, не допустивъ насъ къ тому, онъ пріобрѣталъ неисчислимыя выгоды. Еще не прибылъ до того корпусъ Генералъ-Лейтенанта Графа Остермана, и много разбросано по дорогѣ артиллеріи; арріергардъ былъ въ далекомъ разстояніи, и корпусъ Генералъ-Лейтенанта Багговута, служившій ему опорою, вмѣстѣ съ нимъ. Итакъ, не взирая на всѣ невыгоды занимаемой нами позиціи, необходимо было удерживать ее до соединенія нашихъ войскъ. Правый флангъ ея простирался по холму, коего защита была существенною для насъ важностію; ибо онъ закрывалъ у подошвы его сходящіяся позади дороги; имѣя его, удобно было подкрѣплять каждую часть войскъ всего боеваго устроенія. Центръ покрывался густымъ кустарникомъ по низкому и частію болотистому мѣсту; къ лѣвому крылу нѣсколько впередъ выдавался не обширный, но весьма густой лѣсъ, на оконечности котораго пространное поле, для дѣйствія кавалеріи удобное, склонялось назадъ къ ручью очень тинистому. Надобно было занять поле и имѣть на немъ значительную артиллерію, дабы не допустить непріятельскихъ батарей, которымъ представлялся тылъ большей части нашей линіи и къ ней ведущая дорога. Генералъ-Маіоръ Тучковъ далъ знать, что замѣчено умноженіе непріятельскихъ силъ, и прислалъ схваченныхъ двухъ Виртембергскихъ гусаръ, которые показали, что собранная въ большомъ числѣ конница ожидаетъ прибытія пѣхоты, и тогда начнется атака. Донского войска Генералъ-Маіоръ Карповъ извѣстилъ, что посланные отъ него разъѣзды осмотрѣли Французскую армію, переходящую на правый берегъ Днѣпра по нѣсколькимъ устроеннымъ мостамъ. По представленію моему Генералъ-Лейтенанту Тучкову 1-му возвращены войска, отошедшія на ночлегъ, а Главнокомандующему донесъ я объ извѣстіяхъ, и получилъ повелѣніе вступить въ сраженіе, и что онъ поспѣшитъ прибыть, устроивъ дѣла арріергарда.

Въ реляціи подробно изложены всѣ обстоятельства сего сраженія. Представивъ ее Главнокомандующему, я получилъ приказаніе его представить ее прямо отъ себя его Свѣтлости, Фельдмаршалу, Князю Кутузову.[27]

Важныя обстоятельства, сопровождавшія сіе сраженіе, не лишили войскъ нашихъ возможности кончить его съ честію и выгодами, тогда какъ сами они находились въ величайшей опасности. Особенное чувство удовольствія производитъ во мнѣ воспоминаніе о семъ происшествіи; ибо Главнокомандующій изъявилъ мнѣ въ сей день высокую степень довѣренности и большую часть успѣха обратилъ собственно на счетъ мой.

Реляція о сраженіи 7 числа Августа при селеніи Заболотьѣ или Валутинѣ.

«По трехдневномъ защищеніи города Смоленска опредѣлено было отступленіе арміи. 2-я армія прикрывала переправу чрезъ Днѣпръ, большими силами непріятеля угрожаемую; авангардъ ея былъ въ 6 верстахъ отъ Смоленска на Московской дорогѣ. 1-я армія слѣдовала двумя колоннами: первая подъ командою Генерала отъ инфантеріи Дохтурова, изъ 5 и 6-го корпусовъ и арріергарда Генерала отъ кавалеріи Платова, проходила дорогою, отъ непріятеля отклонившеюся и безопасною. 2, 3 и 4-й корпуса и арріергардъ Генералъ-Адъютанта Барона Корфа должны были сдѣлать фланговой маршъ, для достиженія большой Московской дороги, путями трудными и гористыми, ходъ ихъ умедлявшими. Въ продолженіи сего авангардъ 2-й арміи отошелъ, и на смѣну его заблаговременно посланный отрядъ Генералъ-Маіора Тучкова 3-го, состоящій изъ 20 и 21 егерскихъ, Ревельскаго пѣхотнаго и Елисаветградскаго гусарскаго полковъ, встрѣтилъ уже непріятеля на одиннадцатой верстѣ отъ города.

---

[27] Медленно доставленные начальниками войскъ списки объ отличившихся были причиною, что я не прежде могъ представить реляцію, какъ 22 Сентября № 501. Главнокомандующій, готовый къ отъѣзду изъ арміи, не могъ заняться ею, и приказалъ мнѣ обратиться съ нею къ Князю Кутузову, что и исполнено.

Арріергардъ Генералъ-Адъютанта Баррна Корфа въ близкомъ отъ Смоленска разстояніи былъ атакованъ большими непріятеля силами. Ваше Высокопревосходительство, свидѣтель сего упорнаго сраженія, должны были ввести въ дѣло 2-й корпусъ Генералъ-Лейтенанта Багговута; прочіе корпуса продолжали путь свой. Я получилъ повелѣніе Вашего Высокопревосходительства ускорить ихъ движеніе. Важность обстоятельствъ того требовала: надобно было захватить соединеніе дорогъ. Не возможно было употребить довольно поспѣшности. Соединеніе было близко отъ Смоленска. Отрядъ Генералъ-Маіора Тучкова 3-го слабъ противъ непріятеля. Именемъ Вашего Высокопревосходительства приказалъ я 1-му кавалерійскому корпусу Генералъ-Адъютанта Уварова поспѣшно занять соединеніе дорогъ, что было исполнено безъ замедленія. 3-й корпусъ Генералъ-Лейтенанта Тучкова 1-го, горящій желаніемъ встрѣтить непріятеля, пришелъ по свѣжимъ слѣдамъ кавалеріи. Генералъ-Маіору Пассеку поручилъ я проводить артиллерію рысью. 4-й корпусъ Генералъ-Лейтенанта Графа Остермана-Толстаго пришелъ мало времени спустя. Я нашелъ отрядъ Генералъ-Маіора Тучкова 3-го въ двухъ только верстахъ отъ соединенія дорогъ, приказалъ часть пѣхоты подвинуть впередъ, подкрѣпилъ его бригадою Полковника Желтухина изъ лейбъ-гренадерскаго и Графа Аракчеева полковъ и 6-ю батарейными орудіями. Передовые посты были въ перестрѣлкѣ, но непріятель былъ слабъ. 3 и 4-й корпуса отошли на назначенный ночлегъ, въ 6 верстахъ разстоянія. Въ два часа по полудни усилялся огонь на передовыхъ постахъ, и два дезертера объявили, что непріятель, въ числѣ двѣнадцати полковъ пѣхоты и конницы, готовъ сдѣлать нападеніе, коль скоро большія силы, переправляющіяся съ лѣваго берега Днѣпра, къ нимъ прибудутъ. Командующій передовыми постами войска Донского, Генералъ-Маіоръ Карповъ, далъ извѣстіе, что непріятель со многими силами переходитъ рѣку. Я извѣстилъ о семъ Генералъ-Лейтенанта Тучкова 1-го, и 3-му корпусу приказалъ прійти поспѣшнѣе. Передовые посты уступили силамъ непріятеля, и къ пятому часу долженъ былъ уже и 4-й корпусъ приближиться. Я донесъ Вашему Высокопревосходительству, и Вамъ угодно было приказать мнѣ расположить войско въ боевое устроеніе, въ ожиданіи Вашего прибытія изъ арріергарда. Вскорѣ началось дѣло во всей силѣ. Непріятель употребилъ всѣ усилія по

большой почтовой дорогѣ, но выгодное положеніе съ нашей стороны и не приспѣвшая еще дотолѣ непріятельская артиллерія дали возможность удержаться. Непріятель умножилъ стрѣлковъ на лѣвомъ флангѣ отряда Генералъ-Маіора Тучкова 3-го, но по распоряженію его употребленный 20 егерскій полкъ съ Генералъ-Маіоромъ Княземъ Шаховскимъ удержалъ его и далъ время 3-й дивизіи полкамъ: Черниговскому, Муромскому и Селенгинскому приспѣть и утвердиться.

Вскорѣ прибыла непріятельская артиллерія, и канонада съ обѣихъ сторонъ усилилась чрезвычайно. Ваше Высокопревосходительство изволили прибыть къ сражающимся войскамъ. Появилась непріятельская кавалерія, и какъ туча возлегла на правомъ крылѣ своемъ. Всю бывшую при корпусахъ кавалерію, кромѣ 1-го корпуса, надобно было по необходимости употребить на лѣвомъ нашемъ крылѣ. Силы непріятеля были превосходны, мѣстоположеніе въ его пользу. Позади нашей кавалеріи болотистый ручей, трудная переправа артиллеріи. Но бригада подъ командою Генералъ-Маіора Князя Гуріела, быстро вытѣснившая непріятельскую пѣхоту изъ лѣсу, къ которому прилежала его кавалерія, сдѣлала атаки ея нерѣшительными, робкими; паче же Перновскій полкъ съ Генералъ-Маіоромъ Чоглоковымъ, выстроенный въ колоннѣ, среди самаго непріятеля, подкрѣпляя нашу кавалерію, удвоялъ ея силу. 24 орудія сдѣлали ее непреодолимою. По силамъ непріятельской кавалеріи, казалось, должно было одной лишь быть атакѣ и вмѣстѣ съ нею истребленію лѣваго нашего крыла, но по храбрости войскъ нашихъ, каждая атака обращаема была въ бѣгство, какъ съ потерею, равно со стыдомъ непріятеля. Кавалеріею и Казаками приказалъ я командоватъ Генералъ-Адъютанту Графу Орлову-Денисову. Съ обѣихъ сторонъ повторенныя атаки и отраженія продолжались довольно долго. Въ сіе время прибыла 17 дивизія Генералъ-Лейтенанта Олсуфьева и, утомленные въ дѣлѣ съ арріергардомъ Генералъ-Адъютанта Барона Корфа полки, употреблены были въ подкрѣпленіе праваго крыла, какъ пункта, отъ главныхъ непріятеля атакъ удаленнаго. На центрѣ усилились батареи непріятеля, но противостоявшіе неустрашимо 3-й дивизіи полки: Черниговскій, Муромскій и Селенгинскій, удержа мѣсто, отразили непріятеля, который, бросясь на боль-

шую дорогу, привелъ въ замѣшательство часть войскъ, оную прикрывавшихъ. Въ должности Дежурнаго Генерала Флигель-Адъютантъ Полковникъ Кикинъ, Адъютантъ мой, лейбъ-гвардіи конной артиллеріи Поручикъ,Граббе и, состоявшій при мнѣ, Штабъ-Ротмистръ Деюнкеръ, Адъютантъ Генерала Милорадовича, собравъ разсѣянныхъ людей, бросились съ барабаннымъ боемъ въ штыки, и въ короткое время очистили дорогу, возстановя тѣмъ связь между частями войскъ. Не успѣвшій въ намѣреніи непріятель отклонилъ атаку и устремилъ послѣднее усиліе на правое наше крыло. Батарея наша изъ четырехъ орудій была сбита, и я, не ввѣряя утомленнымъ полкамъ 17-й дивизіи возстановленіе прервавшагося порядка, лейбъ-гренадерскій полкъ, въ присутствіи Вашего Высокопревосходительства, повелъ самъ на батарею непріятельскую. Полковникъ Желтухинъ, дѣйствуя отлично храбро, опрокинулъ все, что встрѣтилось ему на пути. Я достигалъ уже батареи, но сильный картечный огонь, храброму сему полку пресѣкшій путь, привелъ его въ разстройство. Атаки непріятеля, однако же, прекратились. Полкъ занялъ прежнее свое мѣсто, и съ обѣихъ сторонъ возгорѣлся сильный ружейный огонь. Екатеринославскій гренадерскій полкъ пришелъ въ помощь, и полки 17-й дивизіи участвовали больше стрѣлками. Генералъ-Маіоръ Тучковъ 3-й, опрокинувъ сильную непріятельскую колонну и увлеченный успѣхомъ, во время, къ ночи уже клонящееся, взятъ въ плѣнъ. Генералъ-Лейтенантъ Коновницынъ, не взирая на сильный повсюду непріятельскій огонь, оттѣснилъ непріятеля на всѣхъ пунктахъ праваго крыла на большое разстояніе, мѣсто сраженія, и даже далѣе, удержалъ за нами. Онъ учредилъ посты, отпустилъ артиллерію, снялъ войска съ позиціи въ совершеннѣйшемъ порядкѣ, и армія безпрепятственно отступила къ Дорогобужу и соединилась со 2-ю арміею.

Списки объ отличившихся чиновникахъ, господами начальниками на имя Вашего Высокопревосходительства препровожденные, имѣю честь представить, съ моей стороны довѣренность Вашего Высокопревосходительства стараясь заслужить справедливостію моего донесенія.»

Въ продолженіи сраженія были минуты, въ которыя не возможно было допускать увѣренности въ счастливомъ окончаніи онаго. Я послалъ къ Великому Князю записку, что необходимо

ускорить движеніе къ переправѣ чрезъ Днѣпръ и тотчасъ перейти его, дабы сражающіяся войска не встрѣтили препятствій при переправѣ, ибо надлежало ожидать, что непріятель будетъ насъ преслѣдовать стремительно.

Командующій арріергардомъ Баронъ Корфъ, далеко еще не дошедши до большой дороги, замѣтилъ, что непріятель не только не понуждалъ его къ скорѣйшему отступленію, напротивъ старался, занимая перестрѣлкою, его задерживать, въ томъ, вѣроятно, предположеніи, что отброситъ сражающіяся наши войска отъ пункта соединенія дорогъ, и арріергардъ нашъ останется отрѣзаннымъ. Не имѣли успѣха сіи соображенія его, и арріергардъ прибылъ къ войскамъ.

8-го числа арріергардомъ командовалъ Генералъ-Адъютантъ Графъ Строгоновъ[28] (Павелъ Александровичъ): 1-й кавалерійскій корпусъ и гренадерскіе полки: Павловскій, С.-Петербургскій и Таврическій, съ достаточною артиллеріею его составляли. Судя по силамъ, употребленнымъ въ сраженіи, по кратковременности его, нельзя было потерю непріятеля полагать чрезвычайною, но таковою утверждали ее всѣ, доставшіеся намъ плѣнные офицеры. Итакъ непріятель ограничился однимъ за нами наблюденіемъ. Большую часть дня я оставался съ арріергардомъ, страшась и за слабость его состава и сомнѣваясь въ искуствѣ начальствующаго имъ. Не вдалекѣ назади Главнокомандующій приказалъ, на случай подкрѣпленія, имѣть готовыя войска.

Медленно отступающій арріергардъ я оставилъ далеко и, поздно уже возвратясь къ арміи, удивленъ былъ, найдя ее еще не переправившеюся за Днѣпръ; ибо опоздавшій съ своею колонною Генералъ Дохтуровъ занималъ переправу. Можно почесть весьма счастливымъ случаемъ, что непріятель не пришелъ къ переправѣ въ одно время съ нами, чему, по положенію мѣста, тру-

---

[28] Быстрый ходъ по службѣ не допустилъ нужной опытности, не представлялись случаи обнаружить особенныя способности военнаго человѣка. Изъ всѣхъ найлучшихъ качествъ, украшающихъ Строгонова, военныя не суть превосходнѣйшія. Никому не уступая въ отважности, готовый встрѣчать опасность; но не среди звука оружія можетъ возгремѣть имя его.

дно было препятствовать, или не иначе, какъ съ чувствительнымъ весьма урономъ.

9-го числа вся 1-я армія, соединясь за Днѣпромъ, пришла къ селенію Усвятье. Днемъ прежде, 2-я армія расположилась недалеко отъ Дорогобужа. Въ составъ арріергарда поступили многіе егерскіе полки и кавалерія. Имъ командовалъ Генералъ-Маіоръ Баронъ Розенъ, состоя въ полномъ распоряженіи Генерала отъ кавалеріи Платова, которому приказано оставаться у самой переправы долѣе, дабы собрались люди усталые. Сильныя партіи должны отправиться вверхъ по Днѣпру, наблюдая, чтобы не безпокоилъ непріятель отправленные изъ Смоленска обозы и транспорты чрезъ Духовщину на Дорогобужъ. Всѣ прочія тяжести и всѣ раненые отправлены изъ Духовщины въ Вязьму и были внѣ опасности.

10-го числа войска имѣли растагъ. Арріергардъ былъ далеко. Главнокомандующій, вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ и Княземъ Багратіономъ, сопровождаемые всѣми корпусными командирами и многими изъ Генераловъ, осматривали, выбранную Полковникомъ Толемъ, для арміи позицію. Главнокомандующій замѣтилъ ему, что на правомъ флангѣ находится высота, съ которой удобно дѣйствовать на протяженіе первой линіи, и что надлежитъ избѣжать сего недостатка. На предложеніе его занять высоту редутомъ, ему указано на озерцо между высотою и конечностію линіи, препятствующее давать подкрѣпленіе редуту и даже способствовать ему дѣйствіемъ батарей, расположенныхъ ниже его. Если устроить обширное укрѣпленіе, на оборону его обращенная часть войскъ будетъ свидѣтелемъ сраженія, участія въ немъ не принимая. Вытѣсненная, можетъ лишиться средствъ отступленія. Полковникъ Толь отвѣчалъ, что лучшей позиціи быть не можетъ, и что онъ не понимаетъ, чего отъ него требуютъ, давая разумѣть, что онъ знаетъ свое дѣло. Главнокомандующій выслушалъ его съ неимовѣрною холодностію, но Князь Багратіонъ напомнилъ ему, что, отвѣчая начальнику и, сверхъ того, въ присутствіи брата Государя, дерзость весьма не умѣста, и что за то надлежало бы слишкомъ снисходительному Главнокомандующему надѣть на него солдатскую суму, и что онъ, мальчишка, долженъ бы чувствовать, что многіе не менѣе его знакомы съ предметомъ. Найденъ также

лѣвый флангъ позиціи весьма порочнымъ, и по тому войска, не занимая позиціи, перешли на ночлегъ, не доходя Дорогобужа, а Полковнику Толю приказано расположить ихъ на другой день подлѣ города. Между тѣмъ село Усвятье заняла пѣхота арріергарда. Передовые посты были уже не далеко и тѣснимы непріятелемъ. Отрядъ Генералъ-Адъютанта Васильчикова, оставшійся на лѣвомъ флангѣ прежней позиціи, вступилъ въ дѣло, и корпусъ Генералъ-Лейтенанта Раевскаго готовъ былъ ему въ помощь, но кончилось незначущею перестрѣлкою, и далѣе ничего не предпринялъ непріятель. Арріергардъ Атамана Платова остался въ с. Усвятьѣ и отрядъ Генералъ-Адъютанта Васильчикова въ прежнемъ мѣстѣ, на лѣвомъ крылѣ.

Атаманъ Платовъ сказывалъ мнѣ о показаніи взятаго въ плѣнъ унтеръ-офицера Польскихъ войскъ, что, будучи у своего Полковника на ординарцахъ, видѣлъ онъ два дни сряду пріѣзжавшаго въ лагерь Польскій, подъ Смоленскомъ, нашего офицера въ большихъ серебряныхъ эполетахъ, который говорилъ о числѣ нашихъ войскъ и весьма невыгодно о нашихъ Генералахъ. Разговорились мы съ Генераломъ Платовымъ о другихъ, не совсѣмъ благонадежныхъ и совершенно безполезныхъ, людяхъ, осаждающихъ Главную Квартиру и, между прочими, о Флигель-Адъютантѣ Полковникѣ Вольцогенѣ, къ которому замѣчена была особенная привязанность Главнокомандующаго. Атаманъ Платовъ, въ веселомъ расположеніи ума, довольно смѣшными въ своемъ родѣ шутками говорилъ мнѣ: «Вотъ, братъ, какъ надобно поступать. Дай мысль поручить ему обозрѣніе Французской арміи и направь его на меня, а тамъ ужь мое дѣло, какъ разлучить Нѣмцевъ. Я дамъ ему провожатыхъ, которые такъ покажутъ ему Французовъ, что въ другой разъ онъ ихъ не увидитъ.» Атаманъ Платовъ утверждалъ, что знаетъ другихъ, достойныхъ равной почести. «Не мѣшало бы, сказалъ онъ, если бы князь Багратіонъ прислалъ къ нему г. Жамбара, служащаго при начальникѣ Главнаго Штаба, Графѣ Сен-при, въ распоряженія котораго онъ много вмѣшивается». Много посмѣявшись съ Атаманомъ Платовымъ, я говорилъ ему, что есть такіе чувствительные люди, которыхъ можетъ оскорбить подобная шутка, и филантропы сіи, облекаясь наружностію человѣколюбія, сострадания, выставляютъ себя защитниками правъ человѣка.

Обѣ арміи находились у Дорогобужа. Отрядъ 2-й арміи на правомъ берегу Днѣпра, противъ города, смѣненъ корпусомъ Генералъ-Лейтенанта Багговута. Полки кавалерійскіе, въ командѣ Генералъ-Маіора Графа Сиверса, замѣщены драгунскимъ полкомъ Полковника Крейца и частію Казаковъ. Позиція занята была стѣсненная и обращенная въ противную сторону. Главнокомандующими замѣчена грубая ошибка Полковника Толя: не доставало мѣста для расположенія войскъ, при другихъ ея недостаткахъ. Ему сдѣланъ жесточайшій выговоръ, исправить ошибки поручено другому. Послѣдствій отъ того не было, и намѣреніе ожидать непріятеля вскорѣ отмѣнено. Полковникъ Толь, отличныя имѣющій познанія своего дѣла, не могъ впасть въ подобную ошибку иначе, какъ разстроенъ будучи строгимъ замѣчаніемъ Князя Багратіона за неприличные, излишне смѣлые, отвѣты его Главнокомандующему, Военному Министру. Чрезмѣрное самолюбіе его поражено было присутствіемъ многихъ весьма свидѣтелей.

1-я армія осталась до вечера; 2-я армія тотчасъ начала выступать и потянулась вверхъ по лѣвому берегу рѣки Осьмы, дабы занять, идущую отъ стороны Ельни, дорогу и не дать непріятелю воспользоваться ею, также и для удобнѣйшаго движенія обѣихъ армій. Князь Багратіонъ имѣлъ неосторожность приказать аррієргарду своей арміи слѣдовать за нею. Командующій онымъ, Генералъ-Адъютантъ Васильчиковъ, отходя, оставилъ, однако же, небольшой отрядъ конницы съ Генералъ-Маіоромъ Панчулидзевымъ (Черниговскаго драгунскаго полка), для удержанія связи съ главнымъ арріергардомъ Атамана Платова и чтобы скрыть отступательное движеніе нашихъ войскъ. Генералъ-Маіоръ Панчулидзевъ отошелъ, не извѣстя Атамана Платова. Непріятель занялъ его мѣсто на флангѣ нашего арріергарда и небольшою частію конницы наблюдалъ его движеніе. Она, обманувшись дорогою, обошла Генералъ-Маіора Панчулидзева, совсѣмъ того не желая, и нашлась между имъ и арміею. Встрѣтившись внезапно и не безъ опасенія, открыли одинъ другому путь свободный, не сдѣлавши выстрѣла.

Во время пребыванія арміи при Дорогобужѣ, непріятель въ нѣкоторыхъ силахъ, далеко оставя за собою нашъ арріергардъ, прошедши по дорогѣ, называемой старою Смоленскою, въ трехъ

верстахъ отъ города расположился на лѣвомъ нашемъ крылѣ. Безпечная охраненіемъ арріергарда наша армія не знала о столько близкомъ присутствіи непріятеля, но и онъ ничего предпринять не смѣлъ противъ силъ нашихъ въ совокупности. Сіе происшествіе можетъ служить наставленіемъ, что если арріергарды въ близкомъ разстояніи одинъ отъ другаго, они всѣ должны быть подчинены одному начальнику, для содержанія общей между ними связи. Бываютъ случаи, что, по мѣрѣ обширности цѣпи, въ составъ ея входящія разнаго рода войска, имѣютъ своихъ частныхъ начальниковъ, которые не согласуютъ своихъ дѣйствій съ общимъ распоряженіемъ. Изъ самаго опыта усмотрѣвъ сіи неудобства, начальство удалило ихъ введеніемъ полезныхъ измѣненій.

При отступленіи арміи отъ Дорогобужа, арріергардъ Атамана Платова имѣлъ горячее съ непріятелемъ дѣло. Пѣхота наша, состоявшая изъ егерей, получила новое право на уваженіе непріятеля, и данъ ему урокъ быть осмотрительнымъ. Послѣ многихъ неудачныхъ усилій, понесши примѣтный уронъ, непріятель остановился. Арріергардъ удержался въ позиціи и отступилъ, когда армія довольно уже удалилась. Наконецъ прошелъ чрезъ Дорогобужъ, не болѣе двухъ верстъ, давши арміи время достигнуть до селенія Семлева. Никогда армія не бывала въ такомъ отдаленіи, и для того предположено остановиться два дня, для отдохновенія утомленнымъ войскамъ, и нужно было починить обувь солдатамъ. Было также въ виду, чтобы спасающіеся жители изъ городовъ и селеній, обозами своими затруднявшіе движеніе арміи, могли отойти далѣе. Въ первый день отдохновенія Атаманъ Платовъ прислалъ занимать лагерь для арріергарда, донося, что, стремительно атакующій его, непріятель допустилъ его остановиться въ восьми верстахъ, а въ ночи онъ придетъ въ селеніе Семлево. Причина столько скораго отступленія заключалась въ томъ, что пѣхота арріергарда не была употреблена въ продолженіи дня, и непріятеля должна была удерживать одна застава (такъ была названа) изъ двухъ сотъ Казаковъ при одномъ Есаулѣ. Мѣста были довольно лѣсистыя, и нѣсколькихъ стрѣлковъ достаточно, разгоняя Казаковъ, безпрепятственно открывать себѣ путь.

1-я армія должна была оставить Семлево; равномѣрно отошла и 2-я армія, на одной съ нею высотѣ по лѣвую сторону находив-

таяся. Атаманъ Платовъ не разъ уже былъ замѣчаемъ нерадиво исполняющимъ свои обязанности, а Князь Багратіонъ сказывалъ мнѣ, что, когда находился онъ съ нимъ при отступленіи изъ Литвы, онъ изыскалъ [29] способъ возбуждать его къ предпріимчивости и дѣятельности чрезвычайной, провѣдавъ непреодолимое его желаніе быть Графомъ. Мнѣ причиною недѣятельности его казалось просто незнаніе распоряжаться разнаго рода регулярнымъ войскомъ, особенно въ дѣйствіяхъ продолжительнаго времени. Быть начальникомъ Казаковъ рѣшительнымъ и смѣлымъ, не то, что быть Генераломъ, отъ котораго требуется другой родъ распорядительности, въ связи съ искуствомъ непремѣнно. Атаманъ Платовъ, принадлежа къ числу людей весьма умныхъ и отлично проницательныхъ, не могъ не видѣть, что война 1812 года, въ свойствахъ своихъ, не сравнивается съ тѣми, въ которыхъ онъ болѣе многихъ другихъ оказалъ способностей.

Отъ Генерала отъ инфантеріи Милорадовича получено извѣстіе, что съ войсками, сформированными имъ въ городѣ Калугѣ, въ числѣ шестнадцати тысячъ человѣкъ, большею частію пѣхоты, поспѣшаетъ прибыть къ арміи. Снявъ ранцы и съ пособіемъ подводъ, пѣхота проходила не менѣе сорока верстъ въ сутки. Войска сіи нужны были для пополненія убыли въ полкахъ, особенно въ кавалеріи, безпрерывно употребляемой при арріергардѣ.

Атаману Платову приказано удерживать непріятеля сколько можно, не оставляя пѣхоты безъ дѣйствія. Генералъ-Лейтенанту Багговуту, [30] идущему съ корпусомъ на правомъ флангѣ арміи, предписано наблюдать идущаго за нимъ въ большихъ силахъ

---

[29] Поставляя на видъ одного изъ Генераловъ войска Донскаго (Денисова), который, не будучи Атаманомъ, имѣлъ Графское достоинство. Я сдѣлалъ то же. Послѣ сего всегда спрашивалъ онъ меня о получаемыхъ повелѣніяхъ Императора и какія кому назначаемы были награды, при всей хитрости, не умѣя скрыть нетерпѣливыхъ ожиданій.

[30] Непріятель захватывалъ всѣ возможныя дороги, желая огромныя силы свои имѣть на одной высотѣ и въ тѣснѣйшей связи между собою. Это представляло ему удобство угрожать части войскъ нашихъ быть обойденной и понуждало насъ необходимо раздробляться.

непріятеля; его арріергарду имѣть связь съ передовыми войсками Атамана Платова съ лѣвой стороны; съ правой съ Донскими полками Генералъ-Маіора Краснова, также преслѣдуемыми особенною частію войскъ по направленію отъ Духовщины. Отъ сихъ полковъ долженъ быть сильный постъ въ селѣ Покровѣ, гдѣ пересѣкаются дороги изъ Дорогобужа въ Сычевку и изъ Вязьмы въ Бѣлый.

Отправленъ отрядъ изъ двухъ драгунскихъ полковъ, двухъ гренадерскихъ баталіоновъ и четырехъ орудій конной артиллеріи въ командѣ Генералъ-Маіора Шевича, которому приказано, пройдя Вязьму, выйти на дорогу къ Духовщинѣ и подкрѣпить Генералъ-Маіора Краснова, дабы дать время обозамъ и тяжестямъ 1-й арміи пройти Вязьму, куда проникнувъ, небольшая партія могла бы произвести замѣшательство.

Отряду Генералъ-Адъютанта Барона Винценгероде, весьма легкому по его составу, предоставлено дѣйствовать на флангѣ непріятеля и по возможности угрожать его тылу. Изъ расположенія его между Духовщиною и Бѣлымъ, въ случаѣ если усилится непріятель, онъ долженъ отступить къ Сычевкѣ и давать о себѣ извѣстіе чрезъ Ганералъ-Маіора Краснова.

Инженеръ Генералъ-Лейтенантъ Трузсонъ и обѣихъ армій Генералъ-Квартирмейстеры отправлены въ Вязьму, для изысканія позиціи арміямъ и укрѣпленія оной.

Всѣ вообще распоряженія принимали видъ важныхъ пріуготовленій. Начальнику артиллеріи приказано имѣть запасные парки ближе къ арміи.

Главнокомандующему, при рапортѣ моемъ, представилъ я въ подлинникѣ рапортъ Полковника Толя, просившаго увольненія отъ должности Ганералъ-Квартирмейстера, чувствуя, будто бы, себя неспособнымъ отправлять оную. Я объяснилъ при томъ, что, имѣя его подъ начальствомъ, я свидѣтелемъ былъ трудовъ его, усердія и дѣятельности: въ сраженіяхъ же онъ являлъ опыты предусмотрительности. Должность его не поручена никому другому, и онъ продолжалъ отправлять ее. Впрочемъ, непродолжительно было снисхожденіе Главнокомандующаго къ просьбѣ моей, и онъ

получилъ приказаніе выѣхать изъ арміи, и отправился въ Москву, гдѣ оставался безъ всякой должности.

Благовременно сдѣлалъ я распоряженія, чтобы раненые, находившіеся въ Вязьмѣ, были всѣ вывезены далѣе. По настоятельности главнаго по медицинской части Инспектора, Билліе, долженъ я былъ также дать направленіе раненымъ 2-й арміи, избѣгая столкновенія на одной дорогѣ. Москвѣ, столицѣ устрашенной, горестно было бы зрѣлище нѣсколькихъ тысячъ страждущихъ. [31]

Атаманъ Платовъ доставилъ взятаго въ плѣнъ Французскаго Полковника, посланнаго Вице-Королемъ Италіянскимъ къ Неаполитанскому Королю, Мюрату, въ село Семлево, изъ котораго намѣревался онъ вытѣснить нашъ арріергардъ. Полковникъ, прибывшій изъ Италіи, первое знакомство съ Русскими сдѣлалъ въ ихъ лагерѣ, принявъ его за бивуакъ свой.

Французы въ сей день весьма сильно атаковали нашъ арріергардъ. Пѣхота наша дралась упорно, непріятель съ большимъ урономъ оставилъ село Семлево въ нашихъ рукахъ. Часть успѣха принадлежитъ Генералъ-Маіору Барону Розену, которому Атаманъ Платовъ предоставилъ полное дѣйствіе.

Инженеръ Генералъ-Лейтенантъ Трузсонъ не нашелъ позиціи, которая бы закрывала Вязьму. По превосходству силъ, непріятель могъ, обходя флангъ арміи, угрожать дорогѣ на Гжатскъ.

Главнокомандующій, пробывши одинъ день въ Вязьмѣ, переѣхалъ въ село Ѳедоровское, въ десяти верстахъ отъ города.

Раненыхъ отправлено большое количество; оставалось еще 1600 человѣкъ; но, благодаря дѣятельности Дежурнаго Генерала Кикина, которому много вспомоществовалъ Ставраковъ, Комендантъ Главной Квартиры, ни одинъ изъ нихъ не достался непріятелю. Успѣли даже увезти сто тысячъ аршинъ холста, который

---

[31] При отправленіи раненыхъ было цѣлію обойти Москву; дальнѣйшее о нихъ попеченіе и размѣщеніе въ военные госпитали возложено было на распоряженіе Военнаго Министерства непосредственно. Раненые, которые могли возвратиться въ скоромъ времени, содержались въ ближайшихъ госпиталяхъ.

одинъ купецъ предложилъ на госпиталь и 70 пудовъ разныхъ лѣкарствъи зъ вольной аптеки. Замѣтить надобно, что непріятель приближался, и купецъ, для оказанія великодушія защитникамъ отечества, ожидалъ сигнала Французской пушки. Главнокомандующій занималъ прекрасный домъ богатаго откупщика; въ погребѣ у него было столоваго хорошаго вина болѣе нежели на 20 т. рублей, и ни за какую цѣну нельзя было достать одной бутылки. Откупщикъ опасался выказать, гдѣ оно было закопано. Въ послѣдствіи расторопные Французы дали свѣтъ сокрытымъ сокровищамъ, на сожалѣніе бережливому откупщику и, конечно, не менѣе всѣмъ Уѣзднымъ собесѣдникамъ.

Позиція при селѣ Ѳедоровскомъ имѣла немалыя выгоды и уже воздвигнуты нѣкоторыя укрѣпленія. Недостатокъ воды — важнѣйшій порокъ ея. Озеро на лѣвомъ крылѣ арміи заключалось въ берегахъ болотистыхъ и топкихъ, съ трудомъ доступныхъ. Полковникъ Манфреди, по части путей сообщенія при арміи, сдѣлалъ насыпь, входящую въ озеро, но, по причинѣ отдаленія, была она для людей затруднительна. Непріятель, приблизясь къ позиціи, могъ овладѣть водопоемъ, въ чемъ воспрепятствовать ему не возможно было. Итакъ армія продолжала отступленіе.

Около селенія Царево Займище усмотрѣна весьма выгодная позиція, и Главнокомандующій опредѣлилъ дать сраженіе. Начались работы инженеровъ, и армія заняла боевое расположеніе. Мѣста открытыя препятствовали непріятелю скрывать его движенія. Въ рукахъ нашихъ возвышенія, давая большое превосходство дѣйствію нашей артиллеріи, затрудняли приближеніе непріятеля; отступленіе было удобно.

Много разъ армія наша пріуготовляемая къ сраженію перестала уже вѣрить возможности онаго, хотя желала его нетерпѣливо; но пріостановленное движеніе арміи, ускоряемыя работы показывали, что намѣреніе Главнокомандующаго рѣшительно, и всѣ возвратились къ надеждѣ видѣть конецъ отступленія.

Получено извѣстіе о назначеніи Генерала отъ инфантеріи, Князя Голенищева-Кутузова Главнокомандующимъ всѣми дѣйствующими арміями и о скоромъ прибытіи его изъ С.-Петербур-

га.[32] Почти въ слѣдъ за извѣстіемъ пріѣхалъ въ Царево Займище Князь Кутузовъ и принялъ начальство надъ 1-ю и 2-ю Западными арміями. Если единоначаліе не могло совершенно прекратить несогласія между командующими арміями, по крайней мѣрѣ, оно было уже безвредно и продолжалось подъ лучшими формами. Но возродило оно, ощутительнымъ образомъ, въ каждомъ изъ подчиненныхъ, надежду на прекращеніе отступленія, большую степень порядка и успѣхи. Несправедливо было бы упрекать Генерала Барклаю де Толли отступленіемъ. При Смоленскѣ видно было превосходство силъ непріятельскихъ, и точнѣйшія полученныя свѣдѣнія дѣлали его необходимымъ.

Князь Кутузовъ, на пути своемъ къ арміи, приказалъ Московскому ополченію слѣдовать въ соединеніе съ арміею.

Главнокомандующій, справедливо недовольный безпорядочнымъ командованіемъ Атамана Планова арріергардомъ, уволивъ его отъ онаго, позволилъ отправиться изъ арміи, и онъ находился въ Москвѣ, когда Князь Кутузовъ далъ ему повелѣніе возвратиться къ Донскимъ войскамъ въ арміи. Арріергардъ порученъ Генералъ-Лейтенанту Коновницыну, и онъ, отступая отъ Вязьмы, упорно защищался на каждомъ шагу.

Первый приказъ Князя Кутузова былъ объ отступленіи по направленію на Гжатскъ. Въ немъ объяснена была потребность присоединить идущія къ арміи подкрѣпленія.

Отъ Гжатска въ арріергардѣ было нѣсколько горячихъ сшибокъ съ чувствительною съ обѣихъ сторонъ потерею, но Генералъ-Лейтенантъ Коновницынъ доставлялъ арміи несравненно болѣе спокойствія, нежели прежде Атаманъ Платовъ.

Въ Гжатскѣ прибыли войска подъ командою Генерала Милорадовича въ числѣ 16-ти тысячъ человѣкъ и раздѣлены по полкамъ.

---

[32] Всѣхъ тяготило безконечное отступленіе, и общее было желаніе рѣшительнаго боя. Казалось твердымъ намѣреніе Кутузова, хотя люди опытные усматривали неудобства мѣстоположенія.

Князь Кутузовъ вознамѣрился дать сраженіе близъ Колоцкаго монастыря. [33] Также производилось построеніе укрѣпленій, и также позиція оставлена. Она имѣла свои выгоды и не менѣе недостатковъ Правый флангъ, составляя главнѣйшія возвышенія, господствовалъ мѣстами на протяженіи всей линіи, но если бы не возможно было удержать его, отступленіе дѣлалось затруднительнымъ, тѣмъ болѣе что въ тылу лежала тѣсная и заселенная долина. Здѣсь оставленъ былъ арріергардъ, но въ 12 верстахъ назади избрана для обѣихъ армій позиція, при селеніи Бородинѣ, лежащемъ близъ Москвы рѣки. Знаменитость сего мѣста требуетъ нѣкотораго описанія. Впереди праваго фланга протекала въ крутыхъ берегахъ, мѣстами неприступныхъ, рѣчка Колоча; самый флангъ упирался въ лѣсъ, гдѣ сдѣланы большія засѣки; на обширномъ полѣ, прилежащемъ къ лѣсу, устроены укрѣпленія, охраняющія и конечность и тылъ фланга. Поле, для дѣйствія кавалеріи удобное, обнаруживало всякое движеніе. Недалеко отъ Бородина, по большой дорогѣ, на высотѣ у селенія Горки, находи-

---

[33] Сомнительно, чтобы Главнокомандующій не имѣлъ извѣстія о назначеніи Князя Кутузова. Ускореніе работъ на занимаемой позиціи обнаруживаетъ намѣреніе его дать сраженіе до его пріѣзда. Какъ Военный Министръ, онъ зналъ, что армія ни какихъ подкрѣпленій имѣть не будетъ, что Кутузовъ равными, какъ и онъ, распоряжая способами, не большую можетъ допускать надежду на успѣхъ; рѣшился предупредить его въ томъ, что, конечно, было поставлено на видъ однимъ изъ важнѣйшихъ предметовъ.

1805 года Кутузовъ съ малочисленной арміею, посланною въ помощь Австріи, совершилъ знаменитое отступленіе изъ Баваріи, среди сильныхъ ополченій непріятельскихъ, старавшихся отрѣзать ему пути. Командовалъ при Аустерлицѣ, гдѣ понесенныя несчастія не должны изгладиться изъ памяти Русскаго, въ коихъ хотя не имѣлъ участія, бывши несогласенъ съ намѣреніемъ атаковать, понесъ, однако же, неблаговоленіе Государя, присутствовавшаго при арміи. Былъ Военнымъ Губернаторомъ въ Литвѣ, безъ уваженія, въ забвеніи. Въ послѣдствіи Главнокомандующимъ противъ Турокъ, которыхъ, по ужасномъ ихъ пораженіи, заставилъ желать мира, подписалъ прелиминарные его пункты и, отозванный въ столицу, получилъ порученіе пріуготовить С.-Петербургское ополченіе (Назначеніе, конечно, не весьма лестное). Въ настоящее время возведеніе его въ достоинство Главнокомандующаго арміями противъ сильнаго и опаснаго врага, проникшаго въ Россію, было слѣдствіемъ общаго всѣхъ желанія, и хвала Государю, имѣвшему великодушіе не воспротивиться ему.

лась батарея: подошва высоты обнесена окопомъ подъ защитою пѣхоты. Впереди село Бородино, занятое передовыми войсками, соединялось съ позиціею мостомъ чрезъ рѣчку Колочу. Въ центрѣ позиціи, предъ линіями войскъ, лежала главнѣйшая высота господствующая окрестностію во всѣхъ направленіяхъ, и занята была сильною батареею отъ 2-й арміи. Здѣсь была конечность лѣваго фланга 1-й арміи. Предъ батареею, на картечный выстрѣлъ, простиралось чистое поле, пресѣченное широкою и глубокою долиною, совершенно отъ насъ сокрытою; до спуска въ сіе углубленіе, съ противоположной стороны, доходилъ весьма частый лѣсъ. Въ лѣвую сторону отъ батареи незначительныя возвышенія оборонялись построеннымъ твердымъ редутомъ.[34] Оконечность лѣваго крыла 2-й арміи обращалась къ обширному и весьма частому лѣсу, отдѣленному отъ редута тѣсною долиною, единственною для дѣйствія кавалеріи на всемъ крылѣ. На малое разстояніе, въ тылу войскъ, протягивалась глубокая лощина, неудобная для сообщеній. Въ верстѣ отъ лѣваго крыла проходила чрезъ лѣсъ старая почтовая на Можайскъ дорога, склоняясь въ обходъ позиціи.

Князь Кутузовъ, осматривая расположеніе войскъ, приказалъ отслонить лѣвое крыло такъ, чтобы глубокая лощина пролегала предъ его фронтомъ; конечность онаго, въ новомъ его мѣстѣ, приказалъ укрѣпить нѣсколькими флешами. За сею перемѣною редутъ, оставаясь далѣе пушечнаго выстрѣла, сдѣлался совершенно для насъ безполезнымъ, и по тому защищать и удерживать его не нужно было. Въ прямой линіи устроенія арміи сдѣланъ переломъ у самаго центра позиціи.

Августа 24 числа арріергардъ, стремительно атакованный, долго защищаясь противъ собравшихся превосходныхъ силъ непріятеля, долженъ былъ наконецъ вступить рано въ позицію. На лѣвомъ крылѣ часть арріергарда, составленная изъ войскъ 2-й арміи, отступила такъ поспѣшно и о движеніи своемъ не предваря армію, что преслѣдующій непріятель появился на высотахъ прежде, нежели перемѣнена была позиція по указанію Князя Кутузова.

---

[34] При селеніи Шевардинѣ.

Передвиженіе производилось предъ лицемъ непріятеля и, какъ ни быстро совершено, данъ былъ непріятелю поводъ къ атакѣ. Безполезный редутъ надлежало удерживать по необходимости, чтобы войскамъ дать время занять назначенную имъ линію, иначе могъ непріятель препятствовать и даже привести войска въ замѣшательство. По устроеніи ихъ должно было тотчасъ оставить редутъ. Командующій 27-ю дивизіею Генералъ-Маіоръ Невѣровскій не смѣлъ сдѣлать того безъ приказанія. Частный начальникъ, Генералъ-Лейтенантъ Князь Горчаковъ, не усмотрѣлъ пользы его оставить. Продолжались атаки непріятеля на редутъ и лѣсъ, устойчиво нами защищаемые, и вскорѣ, превратясь въ дѣло чрезвычайно упорное, заставили большую часть войскъ 2-й арміи принять въ немъ участіе, и оно продолжилось до глубокой ночи. Видно было рѣшительное намѣреніе непріятеля овладѣть редудомъ, и не разъ, нами потерянный, былъ онъ возвращенъ штыками. Не разъ взяты были у непріятеля орудія, но огонь сильнѣйшихъ батарей исторгалъ ихъ изъ рукъ овладѣвшихъ ими. Атака на батареи нашихъ кирассиръ 2-й дивизіи имѣла полный успѣхъ, и взято нѣсколько пушекъ, но, обращаясь между лѣсомъ и высотами, сильно занятыми, дивизія подвергалась чувствительному урону. Отчаянно оборонявшая редутъ пѣхота должна была наконецъ оставить его въ рукахъ непріятеля съ малымъ числомъ орудій, и сраженіе прекратилось.

25-го Августа арміи въ полномъ бездѣйствіи обозрѣвали одна другую. Въ ночи взятъ у насъ редутъ при селеніи Шевардинѣ; изъ него видно лѣвое наше крыло со всѣми недостатками мѣстности, недостроенными укрѣпленіями [35] и не могло быть сомнѣнія, что оно будетъ предметомъ атакъ, и уже въ томъ направленіи замѣчены Генераломъ Беннингсеномъ главныя силы непріятеля, хотя по превосходству повсюду было ихъ достаточно. Исправляя должность начальника Главнаго Штаба всѣхъ дѣйствующихъ войскъ

---

[35] Въ инженерныхъ паркахъ соединенныхъ армій не было достаточно шанцоваго инструмента и всѣ укрѣпленія вообще производились ничтожными способами частныхъ начальниковъ, назначаемыхъ для обороны ихъ. Военный Министръ требовалъ изъ Москвы шанцовый инструментъ, но онъ доставленъ въ самый день сраженія. Безполезный въ настоящее время, обращенъ въ составъ запаса въ послѣдствіи.

при Князѣ Кутузовѣ, онъ предложилъ, какъ мѣруир едосторожности, сократить линію заблаговременно, оставя на правомъ крылѣ, въ лѣсу и засѣкахъ, нѣсколько егерскихъ полковъ, два пѣхотные корпуса, безполезно стоящіе по близости, передвинуть къ центру, дабы могли воспомоществовать 2-й арміи; предложеніе не уважено!

Непріятель на лѣвомъ своемъ флангѣ устроивалъ Италіянскую армію въ оборонительное положеніе; воздвигались окопы и батареи противъ довольно открытой мѣстности, удобной для наступательнаго дѣйствія нашей конницы въ большомъ количествѣ.

Рано утромъ Князь Кутузовъ осматривалъ армію. Не всюду могли проходить большія дрожки, въ которыхъ его возили. Не многіе изъ Генераловъ и малая свита его сопровождали; я ѣхалъ у колеса, для принятія приказаній. Генералъ Беннингсенъ [36] остановилъ его у возвышенія, господствующаго надъ окрестностію, на которомъ конечность крыла 2-й арміи (праваго) занимала, только что начатое, укрѣпленіе, вооруженное 12-ю батарейными и 6-ю легкими орудіями. Прикрытіемъ служила пѣхотная дивизія корпуса Генерала Раевскаго. [37] Возвышеніе это называлъ Генералъ Баннингсенъ ключемъ позиціи, объясняя необходимость употребить возможныя средства удерживать его, ибо потеря его можетъ быть причиною гибельныхъ послѣдствій. Князь Кутузовъ ограничился тѣмъ, что, не измѣняя положенія 1-й арміи въ самомъ мѣстѣ прикосновенія къ ней 2-й арміи, приказалъ лѣвое ея крыло довольно далеко отклонить назадъ, отъ чего конечность избѣгала внезапныхъ атакъ, скрывающагося въ лѣсу непріятеля и возможности быть обойденною. Но въ то же время преломленіе линіи, образуя исходящій уголъ, давало непріятелю выгоду про-

---

[36] По этому называли укрѣпленіе батареею, иногда люнетомъ Раевскаго.

[37] Главнокомандующій противъ Наполеона въ 1806 и 1807 годахъ, до заключенія мира въ Тильзитѣ. Изъ современныхъ военачальниковъ нашихъ неоспоримо опытнѣйшій, обладающій знаніемъ военнаго ремесла, изученнаго на основаніи глубокой теоріи. Императрицѣ Екатеринѣ II онъ былъ извѣстенъ съ Полковничьяго чина не одною отличною храбростію.

дольныхъ рикошетныхъ выстрѣловъ. Ни какихъ болѣе не сдѣлавши распоряженій, Князь Кутузовъ возвратился въ квартиру.

26-го Августа. Насталъ, наконецъ, желанный день!

Скрывающееся въ туманѣ солнце продолжило до шести часовъ утра обманчивое спокойствіе. Первые лучи его освѣтили то мѣсто, гдѣ, съ полнымъ самоотверженіемъ, готовы Русскіе принять безтрепетно неравный бой!

Здѣсь, величественная Москва, участь твоя ввѣряется жребію. Еще нѣсколько часовъ и, если твердою грудьюРусскихъ не будетъ отвращена грозящая тебѣ опасность, развалины укажутъ мѣсто, гдѣ, во времена благоденствія, ты горделиво воздымалась!

Боевое устроеніе 1-й и 2-й нашихъ армій.

На конечности праваго крыла, въ лѣсу, засѣкахъ и укрѣпленіи, три егерскихъ полка, которые, не принимая прямаго участія въ дѣйствіи, потеряли нѣсколько человѣкъ съ самыхъ отдаленныхъ батарей безъ цѣли сдѣланными выстрѣлами. Отъ нихъ, по направленію къ центру, пѣхотные корпуса: II-й Генералъ-Лейтенанта Багговута, IV-й Генералъ-Лейтенанта Графа Остермана-Толстаго; и VI Генерала отъ инфантеріи Дохтурова, заключалъ протяженіе 1-й арміи. Далѣе по отклоненной назадъ линіи войска 2-й арміи: VII корпусъ Генералъ-Лейтенанта Раевскаго; VIII корпусъ Генералъ-Лейтенанта Бороздина и, на конечности лѣваго крыла, подъ начальствомъ Генералъ-Лейтенанта Князя Горчакова 2-го дивизіи: сводная гренадерская Генералъ-Маіора Графа Воронцова и 27-я пѣхотная Генералъ-Маіора Невѣровскаго.

Въ составъ общаго резерва для армій назначены: вся вообще кавалерія; исключается небольшая ея часть при пѣхотныхъ корпусахъ и гвардейская конница; III-й пѣхотный корпусъ Генералъ-Лейтенанта Тучкова 1-го; 2-я гренадерская дивизія Принца Карла Мекленбургскаго; пѣхота V-го гвардейскаго корпуса Великаго Князя Константина Павловича [38] въ командѣ Генералъ-Лейтенанта

---

[38] Великій Князь отправленъ Военнымъ Министромъ съ донесеніемъ къ Императору о состояніи арміи, вѣроятно, по испрошенному предварительно со-

Лаврова; гвардейскій резервный кавалерійскій корпусъ Генералъ-Адъютанта Уварова и Атаманъ Платовъ съ полками войска Донского на правомъ крылѣ 1-й арміи. Московское ополченіе, въ числѣ двадцати пяти тысячъ человѣкъ, вооруженныхъ пиками, прибывшее за два дня, раздѣлено по корпусамъ, для принятія раненыхъ, не отвлекая для того людей отъ фронта.[39]

Въ шесть часовъ утра замѣчено движеніе въ непріятельскихъ войскахъ противъ праваго нашего крыла, и вскорѣ началась атака на село Бородино. Впереди его, гвардейскаго егерскаго полка баталіонъ, содержавшій передовые посты, опрокинутъ и, менѣе нежели въ полчаса, весь полкъ въ замѣшательствѣ отброшенъ до моста чрезъ рѣчку Колочу, и по лѣвому ея берегу разсыпались стрѣлки его во множествѣ. Стоявшій противъ моста 1-й егерскій полкъ стремительно бросился впередъ, обратилъ непріятеля и пропустилъ гвардейскихъ егерей, которые тотчасъ отосланы въ свою дивизію.[40] Опасно было положеніе 1-го егерскаго полка, отдаленнаго отъ прочихъ войскъ, почему приказано командиру онаго,[41] не занимая села Бородина, отойти за рѣчку и сжечь мостъ. Стоявшая близъ него рота легкой артиллеріи отогнала стрѣлковъ, и тѣмъ ограничилось дѣйствіе на этомъ пунктѣ. Видно было, что не здѣсь ожидать надлежало важнѣйшихъ предпріятій.

изволенію. По взаимнымъ отношеніямъ нѣтъ сомнѣнія, что Военный Министръ не желалъ присутствія его въ арміи.

[39] Раненые отправлялись въ учрежденные прежде военные госпитали. Для отвоза ихъ въ Губерніяхъ, занятыхъ непріятелемъ, сняты станціи съ почтовыхъ трактовъ съ исправными повозками, полнымъ числомъ погонщиковъ и лошадей. Не менѣе шести сотъ троекъ находилось при главной квартирѣ для разныхъ потребностей.

[40] Въ баталіонѣ на аванпостахъ до того была велика безпечность, что многіе нижніе чины спали, снявши мундиры. Прочихъ баталіоновъ первой степени была неосторожность, но не много менѣе безпорядковъ. Доселѣ храброму полку не было упрека.

[41] Полковникъ Карпенко неустрашимый, но умственныя его способности ограничиваются понятіемъ повелѣнія: «Впередъ!» Послѣдняго не всегда выжидаетъ.

Вдругъ загорѣлся на лѣвомъ нашемъ крылѣ пушечный и ружейный огонь. Двинулись страшныя громады силъ и, не взирая на сопротивленіе наше, въ ужасающемъ видѣ, медленными подойдя шагами, овладѣли укрѣпленіями нашими впереди села Семеновскаго. Не долго, однако же, могли удерживаться въ нихъ: изгнанные, съ безпримѣрнымъ урономъ отступили. Раздраженный неудачею, непріятель собралъ разсѣянныхъ, присоединилъ къ нимъ свѣжія войска и возобновилъ нападеніе. Полки наступающіе, разрушаемые губительнымъ огнемъ нашихъ батарей и пѣхоты, шли безтрепетно впередъ. Дивизіи Графа Воронцова и Невѣровскаго встрѣтили ихъ штыками, и любимое оружіе Русскаго солдата одно могло продлить сопротивленіе. Изъ рукъ въ руки переходили батареи: потеря съ нашей стороны свыше вѣроятія и Графъ Воронцовъ раненъ. Командиръ сводной гренадерской бригады, Полковникъ Князь Кантакузенъ, изгоняя непріятеля изъ захваченнаго имъ укрѣпленія, убитъ. Распоряжающій сими войсками на конечности лѣваго крыла арміи, Генералъ-Лейтенантъ Князь Горчаковъ 2-й (Андрей Ивановичъ) получилъ рану.

Главнокомандующій Князь Багратіонъ, одушевляя войска, идущія впередъ, своимъ присутствіемъ, чувствуетъ себя пораженнымъ, и избѣгая вреднаго дѣйствія на духъ боготворящихъ его войскъ, скрываетъ терзающую его боль, но, ослабѣвая отъ истекающей крови, въ глазахъ ихъ едва не упадаетъ съ лошади. Въ мгновеніе пронесся слухъ о его смерти, и войскъ не возможно удержать отъ замѣшательства. Никто не внемлетъ грозящей опасности, никто не бережетъ о собственной защитѣ: одно общее чувство — отчаяніе! Около полудня 2-я армія была въ такомъ состояніи, что нѣкоторыя части ея не иначе, какъ отдаля на выстрѣлъ, возможно было привести въ порядокъ.

Прибылъ съ донесеніемъ къ Князю Кутузову Полковникъ Князь Кудашевъ и обстоятельно представилъ положеніе 2-й арміи.

Князь Кутузовъ далъ повелѣніе корпусу Графа Остермана идти туда поспѣшнѣе, и соединиться съ корпусомъ Багговута, не за долго предъ симъ посланнымъ; отправлены полки гвардейской пѣхотной дивизіи. Генералу отъ инфантеріи Дохтурову поручилъ начальство надъ войсками 2-й арміи и всѣми вообще нахо-

дящимися на лѣвомъ крылѣ. Мнѣ приказалъ отправиться немедленно во 2-ю армію, снабдить артиллерію снарядами, въ которыхъ оказался недостатокъ. Удостоилъ меня довѣренности представить ему замѣчанія мои, если усмотрю средства полезныя въ мѣстныхъ обстоятельствахъ настоящаго времени.

Извѣстно мнѣ было, что начальникъ Главнаго Штаба 2-й арміи, Графъ Сенъ-При, раненъ и, не многихъ весьма имѣя знакомыхъ между замѣнившими прежнихъ начальниковъ, ожидалъ я встрѣтить большія затрудненія, и чтобы не появиться вполнѣ безполезнымъ, предложилъ начальнику артиллеріи 1-й арміи, Графу Кутайсову, назначить въ распоряженіе мое три конно-артиллерійскія роты съ Полковникомъ Никитинымъ, извѣстнымъ отличной своею храбростію. Во весь карьеръ неслись роты изъ резерва, и Никитинъ уже при мнѣ за приказаніемъ.

Между тѣмъ Генералъ Тучковъ, видя совершенное разстройство 2-й арміи, потерявшей главнаго и важнѣйшихъ частныхъ начальниковъ, и что невозможно разсчитывать на твердое сопротивленіе раздробленныхъ частей ея,[42] велѣлъ III-му его корпусу немедленно войти въ бой, занялъ конечность лѣваго крыла арміи 1-ю гренадерскою дивизіею и успѣлъ стать на Можайской старой почтовой дорогѣ, гдѣ, близъ селенія Утицы, находились уже Польскія войска, предводимыя Княземъ Понятовскимъ. Началась канонада противъ слабой нашей батареи, стоявшей на курганѣ, и остановлены быстрые шаги непріятеля къ успѣхамъ Допустить его утвердиться на этомъ пунктѣ было для насъ опасно. Генералъ Тучковъ 1-й, лично указывая путь храбрымъ гренадерамъ 1-й дивизіи подъ картечнымъ огнемъ, удержалъ мѣсто, охранилъ укрѣпленіе, но тяжелая, нанесенная ему, рана не допустила подвига болѣе прочнаго. При селеніи Утицѣ 3-я пѣхотная дивизія, опрокинувъ стрѣлковъ, долго боролась съ подкрѣплявшими ихъ мас-

---

[42] Если бы, по настоянію Генерала Беннигсена, II и IV корпуса, прежде сраженія, поставлены были ближе и въ непосредственное сношеніе со 2-ю арміею, при содѣйствіи ихъ, войска, ее составляющія, не одни противостали бы непрестанно возобновляемымъ съ чрезвычайными усиліями атакамъ непріятеля. Армія не подверглась бы ужасному раздробленію. Не такъ далеки были соображенія Князя Кутузова, и то доказали послѣдствія.

сами. Мужество Генерала Коновницына явилось въ сей день въ полномъ его блескѣ. Подъ начальство его поступилъ III-й пѣхотный корпусъ. Генералъ Баговутъ со II-мъ корпусомъ вышелъ на старую Можайскую дорогу.

Когда посланъ я былъ во 2-ю армію, Графъ Кутайсовъ желалъ непремѣнно быть со мною. Дружески убѣждалъ я его возвратиться къ своему мѣсту, напомнилъ ему замѣчаніе Князя Кутузова, съ негодованіемъ выраженное, за то, что не бываетъ при немъ, когда наиболѣе ему надобенъ:[43] не принялъ онъ моего совѣта и остался со мною.

Приближаясь ко 2-й арміи, увидѣлъ я правое крыло ея на возвышеніи, которое входило въ расположеніе корпуса Раевскаго. Оно было покрыто дымомъ и охранявшія его войска разсѣянныя. Многимъ изъ насъ извѣстно было и слишкомъ очевидно, что важный пунктъ этотъ, по мнѣнію Генерала Беннингсена, не возможно оставить во власти непріятеля, не подвергаясь самымъ вреднымъ послѣдствіямъ. Я немедленно туда обратился. Гибельна была потеря времени, и я приказалъ изъ ближайшаго VI-го корпуса Уфимскаго пѣхотнаго полка 3-му баталіону Маіора Демидова идти за мною развернутымъ фронтомъ, думая остановить отступающихъ.

Долго, при неравныхъ средствахъ, слабое укрѣпленіе наше держалось противъ сосредоточеннаго огня сильныхъ непріятельскихъ батарей, но при находящихся въ немъ восьмнадцати орудіяхъ не было уже ни одного заряда, и угасшій огонь ихъ облегчилъ приближеніе Французовъ. По тѣснотѣ укрѣпленія, весьма мало пѣхоты помѣщалось во внутренности его; стоявшая снаружи, истребляемая картечью, разсѣяна. Недостаточны были способы для защиты мѣстности, при всѣхъ усиліяхъ извѣстнаго неустрашимостію Генералъ-Маіора Паскевича, командующаго дивизіею. Позицію осматривалъ Генералъ Раевскій, но лично не находился во время атаки, которая произведена совершенно внезапнымъ образомъ.

---

[43] Графъ Кутайсовъ съ самоотверженіемъ наблюдалъ за дѣйствіемъ батарей, давая имъ направленіе, находился повсюду, гдѣ присутствіе начальника необходимо, преимущественно, гдѣ наиболѣе угрожала опасность.

Подойдя къ небольшой углубленной долинѣ, отдѣляющей занятое непріятелемъ возвышеніе, нашелъ я егерскіе полки 11, 19 и 40-й, служившіе резервомъ. Не смотря на крутизну восхода, приказалъ я егерскимъ полкамъ и 3-му баталіону Уфимскаго полко атаковать штыками, любимымъ оружіемъ Русскаго солдата. Бой яростный и ужасный не продолжался болѣе получаса: сопротивленіе встрѣчено отчаянное, возвышеніе отнято, орудія возвращены и не было слышно ни одного ружейнаго выстрѣла.

Израненный штыками, можно сказать, снятый со штыковъ, неустрашимый бригадный Генералъ Бонами получилъ пощаду;[44] плѣнныхъ не было ни одного, изъ всей бригады спаслись бѣгствомъ не многіе.[45] Признательность Генерала за оказанное ему уваженіе была совершенна. Уронъ со стороны нашей весьма великъ и далеко несоразмѣрный числительности атаковавшихъ баталіоновъ.[46] Три конно-артиллерійскія роты, прибывшаго со мною Полковника Никитина, много содѣйствовали успѣху. Расположенныя по лѣвую сторону отъ возвышенія, долго обращали онѣ на себя огонь непріятельскихъ батарей сильнѣйшаго калибра.

Графъ Кутайсовъ разстался со мною при самомъ началѣ атаки возвышенія, и я уже не видалъ его болѣе. Не встрѣтился со мною и Генералъ Паскевичъ, котораго разбросанная дивизія, по сторонамъ возвышенія, толпами нестройными погналась за спасаю-

---

[44] Я отправилъ его въ городъ Орелъ и просилъ отца моего имѣть непрерывно особенное о немъ попеченіе.

[45] Не разъ случалось мнѣ видѣть, какъ бросаются подчиненные за идущимъ впередъ начальникомъ: такъ пошли и за мною войска, видя, что я приказываю самимъ ихъ полковымъ командирамъ. Сверхъ того, я имѣлъ въ рукѣ пукъ Георгіевскихъ лентъ со знаками отличія военнаго ордена, бросалъ впередъ по нѣскольку изъ нихъ, и множество стремилось за ними. Являлись примѣры изумляющей неустрашимости. Внезапность происшествія не дала мѣста размышленію; совершившееся предпріятіе не допускало возврата. Неожиданна мною встрѣча съ егерскими полками. Предпріятіе престало быть безразсудною дерзостію, и моему счастію не мало было завистующихъ!

[46] Полки въ дѣйствующихъ арміяхъ состояли изъ двухъ баталіоновъ, средній второй баталіонъ отдѣлялся для составленія резервной арміи, формирующей собираемыхъ по Губерніямъ рекрутъ.

щимися, и, какъ слышно было, ихъ видѣли вмѣстѣ среди толпы. По занятіи возвышенія я приказалъ бить сборъ, и ко мнѣ явился раненый Полковникъ Савоини, съ малымъ числомъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ. Опасаясь, что опрокинутыя толпы наши приведутъ за собою сильнаго непріятеля и онъ лишитъ насъ пріобрѣтенныхъ успѣховъ, послалъ я Адъютантовъ моихъ и другихъ офицеровъ, дабы поспѣшнѣе возвратить ихъ, и тѣмъ обнаружить лежащую впереди мѣстность.[17] Послѣ жестокой схватки баталіоны мои были малочисленны, при орудіяхъ въ укрѣпленіи ни одного заряда, нападеніе угрожало очевидно. Всюду, гдѣ есть опасность, находился Главнокомандующій — Военный Министръ. Внимательно наблюдая за дѣйствіями, онъ видѣлъ положеніе мое и, не ожидая требованія помощи, прислалъ немедленно батарейную роту и два полка пѣхоты, такъ что подъ руками у меня было все готово, и въ излишествѣ. Сосредоточивъ достаточныя силы, онъ предотвратилъ попытки Италіянской арміи.

Ставши довольно твердою ногою и замѣнивъ свѣжими войсками утомленныя, я отправилъ ихъ въ резервъ; три конно-артиллерійскія роты съ Полковникомъ Никитинымъ, понесшія уронъ въ неравномъ бою, обратилъ въ прежнее ихъ мѣсто.

На лѣвомъ нашемъ крылѣ прибыла изъ резерва 2-я гренадерская дивизія Принца Карла Мекленбургскаго, служившая большою помощію, но вскорѣ онъ раненъ.

Генералъ Дохтуровъ повсюду среди опасности ободрялъ своихъ присутствіемъ войска, свидѣтели его неустрашимости и твердости;[48] но замѣнить не могъ Князя Багратіона, его быстрой распорядитености, вѣрованія въ него приверженныхъ ему войскъ. По свойству мѣстности, сражаясь частями, кирасирскіе полки и во-

---

[47] Нѣкоторые изъ Адъютантовъ Военнаго Министра и служащихъ при немъ, также и чиновники Главнаго Штаба, сдѣлали мнѣ честь находиться при мнѣ, и заслуги ихъ по истинѣ выше всякой похвалы.

[48] Не въ тѣхъ войнахъ, которыя удивляли Европу славою нашего оружія испытаны его способности; не подъ знаменами безсмертнаго Суворова, не на поляхъ Италіи, не среди тѣснинъ и пропастей Альпійскихъ горъ, пожиналъ онъ лавры!

общe конница наша быстротою атакъ имѣла очевидныя выгоды на своей сторонѣ, но лишалась ихъ отъ многочисленности непріятеля и возобновляемыхъ имъ свѣжими силами нападеній. Преслѣдуя опрокинутую, являлся онъ предъ полками нашей гвардіи. Измайловскій и Литовскій, устроенные въ карре, стояли твердо, но не остановили его запы, многіе нашли смерть на штыкахъ, и значительный уронъ могъ одинъ понудить удалиться. Тогда же полки: Преображенскій подвергся дѣйствію артиллеріи, Семеновскій несравненно съ меньшею потерею, Финляндскій разсыпанъ былъ въ стрѣлкахъ.

Облегчая дѣйствія 2-й арміи, нѣсколько прежде приказалъ Князь Кутузовъ Генералъ-Адъютанту Уварову съ гвардейскимъ резервнымъ кавалерійскимъ корпусомъ и Атаману Платову со всѣми Казаками и ихъ артиллеріею дѣйствовать на лѣвый флангъ непріятеля. Внезапное появленіе произвело общее въ лагерѣ движеніе: стремительно собиралась пѣхота, выдвигалась артиллерія, со многихъ позицій направлены въ помощь отряды. По всей линіи дѣйствія непріятеля были менѣе настойчивы, и многимъ изъ насъ казалось это время отдохновеніемъ. Командующій гвардейскою легкою кавалерійскою дивизіею, Генералъ-Адъютантъ Графъ Орловъ-Денисовъ, слѣдуя собственному соображенію обстоятельствъ, не могъ извлечь изъ нихъ ни какой пользы; остановилъ полки, открылъ батареи далекія и слабыя, потерялъ время, и по томъ, хотя подъ сильнымъ огнемъ, отважно пошли полки за ручей Войну, протекающій въ крутыхъ берегахъ въ рѣчку Колочу; Италіянская армія была вся подъ ружьемъ, нѣкоторыя части ея устроены въ карре, и въ одномъ изъ нихъ находился Вице-Король Италіянскій.[49]

Атамана Платова совершенно одинаковы были соображенія и не болѣе распорядительности. Войска наши не пріобрѣли успѣха, мало нанесли вреда и подверглись урону. Генералу Уварову

[49] Карре, служащее убѣжищемъ, и возводимыя укрѣпленія объясняютъ, что лѣвое крыло Французской арміи признается пунктомъ, подверженнымъ опасности.

приказано возвратиться, Атаманъ Платовъ за нимъ послѣдовалъ. [50]

Временно смягчившійся бой возгорѣлся съ обѣихъ сторонъ; громъ болѣе тысячи орудій артиллеріи производилъ непрерывный ревъ; не слышны были ружейные выстрѣлы; повсюду, гдѣ возможно было, кавалерія замѣняла пѣхоту. На старой Можайской дорогѣ II-й корпусъ неустрашимаго Багговута, въ борьбѣ съ превосходнымъ непріятелемъ, удерживался съ твердостію, но слабая наша батарея противъ селенія Утицы была уже въ его рукахъ; чрезвычайная густота лѣса была единственнымъ препятствіемъ обойти его съ тылу. Очевидно было, что не иначе могъ онъ удержаться въ расположеніи своемъ, развѣ при чрезвычайныхъ пособіяхъ. Недостаточны были средства наши, и Князь Кутузовъ, пребывающій постоянно на батареѣ у селенія Горки, не видя близко мѣстъ, гдѣ явно было, сколько сомнительно и опасно положеніе наше, допускалъ надежду на благопріятный оборотъ. Военный Министръ, все обозрѣвая самъ, давалъ направленіе дѣйствіямъ, и ни одно обстоятельство не укрывалось отъ его вниманія.

Въ третьемъ часу по полудни, находясь на занятомъ мною возвышеніи, обезпеченный съ избыткомъ всѣми средствами къ оборонѣ, я получилъ извѣстіе о смерти Графа Кутайсова. Верховая лошадь его прибѣжала въ лагерь, сѣдло и чепракъ на ней обрызганы кровью и мозгомъ. [51] Не долго послѣ я получилъ рану

---

[50] Въ тылу арміи соединены были экипажи главной квартиры Наполеона, знатнѣйшихъ особъ, канцелярія Министровъ, письменныя дѣда штабовъ главныхъ частныхъ начальниковъ, подвижные госпитали, артиллерійскіе парки, пекарни, огромные обозы съ запасами разнаго рода. Замѣтно было смятеніе между ними. Платовъ, угрожая имъ, понудилъ бы, для охраненія ихъ, употребить значительное количество кавалеріи.

[51] Въ лѣта цвѣтущей молодости, среди блистательнаго служенія, занимая важное мѣсто, пресѣклась жизнь его. Не однимъ ближнимъ горестна потеря его: одаренный полезными способностями, могъ онъ въ послѣдствіи оказать отечеству великія услуги. Мнѣ предоставлено было судьбою познакомить его съ первыми войны опасностями (1806). Вѣчнымъ будетъ сожалѣніе мое, что онъ не внялъ убѣжденіямъ моимъ возвратиться къ своему мѣсту, и если бы

и принужденъ удалиться [52] Но прежде изъ ближайшаго VI-го корпуса вызвалъ я командующаго дивизіею, Генералъ-Маіора Лихачева, [53] и онъ заступилъ мое мѣсто.

Переставъ быть дѣйствующимъ очевидцемъ, продолжаю я описаніе происшествій, заимствуя свѣдѣнія отъ участвовавшихъ въ нихъ и лицъ, мною собственно употребленныхъ для наблюденій, которыя сообщаемы мнѣ были до конца сраженія. Не одно со стороны моей любопытство могло быть побужденіемъ; успѣхъ былъ не невозможенъ; обстоятельства, сопровождающія ходъ дѣла, указывали неизбѣжность пожертвованій.

Пѣхота наша на лѣвомъ флангѣ, предводимая Милорадовичемъ, Коновницынымъ и Графомъ Остерманомъ, Генералами испытанной неустрашимости, при чрезвычайныхъ усиліяхъ, должна была оставить въ рукахъ непріятеля потерянныя укрѣпленія, и, большія встрѣчая затрудненія въ дѣйствіи, не взирая на все то, успѣла твердостію своею оборону нашу сдѣлать менѣе сомнительною. VII корпусъ Генералъ-Лейтенанта Раевскаго, при малочисленности своей, удерживалъ свое мѣсто и сообщеніе обѣихъ армій съ примѣрною непоколебимостію. Въ четвертомъ часу по полудни почти повсюду прекратились атаки пѣхоты, или ничего не обнаруживали рѣшительнаго. Ихъ замѣнили дѣйствія кавалеріи. Мѣстоположеніе не представляло пространства для большихъ массъ. Частныя атаки давали намъ большое преимущество, ко-

---

не желаніе непремѣнное быть со мною, быть можетъ, не палъ онъ безполезною жертвою. На другой день офицеръ, принявшій его упадающаго съ лошади уже безъ дыханія, доставилъ мнѣ ордена и саблю, которыя отправилъ я къ родному его брату.

[52] Картечь, поразившая на смерть унтеръ-офицера, прошедъ сквозь его ребра, пробила воротникъ моей шинели, разодрала воротникъ сюртука, но шелковый на шеѣ платокъ смягчилъ ударъ контузіи. Я упалъ, нѣкоторое время былъ безъ чувствъ, шея была синяго цвѣта, большая вокругъ опухоль и сильно помяты на шеѣ жилы. Меня снесли съ возвышенія, и отдыхъ возвратилъ мнѣ чувства.

[53] Командовалъ егерскимъ полкомъ на Кавказской линіи подъ начальствомъ знаменитаго Князя Циціанова. Офицеръ въ равной степени неустрашимый и предпріимчивый; нынѣ командующій дивизіею въ VI пѣхотномъ корпусѣ.

торое могла преодолѣвать одна многочисленность и возможность замѣнять свѣжими войсками утомленныя. Не могли Французы сравниться съ нами въ стремительности атакъ легкой нашей кавалеріи. Полки лейбъ-гвардіи кавалергардскій и конный, также прочіе кирасирскіе полки, дѣйствовали съ особеннымъ мужествомъ.

Въ пять часовъ по полудни, послѣ жестокой борьбы непріятельской кавалеріи съ нашею, отрѣзанный отъ сообщенія съ прочими войсками люнетъ, который защищалъ Генералъ-Маіоръ Лихачевъ слабою своею дивизіею, отовсюду окруженный большими силами, не могъ долго противиться, и впалъ во власть непріятеля. Генералъ-Маіоръ Лихачевъ взятъ въ плѣнъ и потеряно нѣсколько пушекъ. Опасаясь со стороны нашей усилій возвратить люнетъ, непріятель не рѣшился занять высоты артиллеріею, которая могла нанести величайшій вредъ, и по тому только войска наши остались въ прежнемъ расположеніи. II-й корпусъ Генералъ-Лейтенанта Багговута употребленъ былъ на оконечности лѣваго нашего крыла, дабы не допустить непріятеля обойти насъ старою почтовою дорогою. Много способствовало намъ лѣсистое мѣстоположеніе, ибо непріятель встрѣчалъ затрудненіе употребить большія силы. Въ концѣ дня, однако же, II-й корпусъ потерялъ много разстоянія и могъ бы даже лишиться связи съ прочими войсками, что, по темнотѣ ночи, не тотчасъ было замѣчено.

Такимъ образомъ прекратился бой Бородинскій. Князь Кутузовъ приказалъ объявить войскамъ, что завтрешній день онъ возобновляетъ сраженіе. [54] Не возможно выразить болѣе признательности къ подвигамъ войскъ, какъ увѣренностію въ мужествѣ и твердости ихъ во всякомъ случаѣ! Начальники и подчиненные, вообще всѣ, приняли объявленіе съ восторгомъ!

Получивши обстоятельное донесеніе, что II-й корпусъ отброшенъ и лѣвое наше крыло открыто совершенно, Князь Куту-

---

[54] Адъютантъ мой, артиллеріи Поручикъ Граббе, былъ посланъ съ симъ объявленіемъ. Въ нѣсколькихъ полкахъ приглашаемъ онъ былъ сойти съ лошади, офицеры цѣловали за радостную вѣсть, нижніе чины приняли ее съ удовольствіемъ.

зовъ отмѣнилъ намѣреніе, и приступлено къ составленію диспозиціи объ отступленіи. Резервная артиллерія, раненые и всѣ тяжести отправлены немедленно, желая облегчить ожидаемыя препятствія, ибо дороги отъ мѣстъ, занимаемыхъ арміею, соединялись въ одну, приближаясь къ Можайску; при самомъ городѣ неудобной по крутизнѣ спускъ, не допускающій скорости движенія, и къ тому еще ночь непродолжительная. Отступленіе произошло довольно порядочно.

Въ день битвы Бородинской Россійское воинство увѣнчало себя безсмертною славою! Огромное превосходство силъ непріятельскихъ по необходимости подчиняло дѣйствіямъ оборонительнымъ, ему не свойственнымъ. Потеря отличныхъ начальниковъ, во множествѣ товарищей, все казалось соединившимся противъ него, но, конечно, не было случая, въ которомъ оказано болѣе равнодушія въ опасности, болѣе терпѣнія, твердости, рѣшительнаго презрѣнія смерти. Успѣхъ долгое время сомнительный, но чаще клонившійся на сторону непріятеля, не только не ослабилъ духъ войскъ, но воззвалъ къ напряженіямъ, едва силы человѣческія не превосходящимъ. Въ этотъ день все испытано, до чего можетъ возвыситься достоинство человѣка. Любовь къ отечеству, преданность Государю, никогда не имѣли достойнѣйшихъ жертвъ; безпредѣльное повиновеніе, строгость въ соблюденіи порядка, чувство гордости быть отечества защитникомъ, не имѣли славнѣйшихъ примѣровъ!

Непріятель одержалъ побѣду, не соотвѣтсвующую его ожиданіямъ, и утомленный отчаяннымъ сопротивленіемъ находилъ отдохновеніе необходимымъ, и когда прошло уже нѣсколько часовъ дня, началъ преслѣдовать весьма медленно аррієргардъ нашъ въ командѣ Атамана Платова, составленный изъ регулярныхъ войскъ съ артиллеріею и всѣхъ полковъ войска Донского. [55]

Въ Можайскѣ нашли мы всѣхъ раненыхъ прошедшаго дня и большіе обозы 2-й арміи, также множество повозокъ Москов-

[55] Взятый на перестрѣлкѣ плѣнный показалъ, что взятая имя возвышенность (которую защищалъ Генералъ Лихачевъ) была оставлена ночью, въ томъ предположеніи, что Русскіе овладѣютъ ею. Казаки были на ней ночью, и о томъ донесено Атаману Платову.

скаго ополченія, и съ этого времени начались въ арміи разнаго рода, доселѣ незнаемые, безпорядки. Нестройно двигались арміи по одной дорогѣ, съ боковъ тѣснимыя обозами.

Государю представлено донесеніе о совершенной побѣдѣ. Князь Кузузовъ видѣлъ невозможность спасти Москву; хитро пріуготовлялъ къ тому общее мнѣніе; онъ высказывалъ, что потеря Смоленска была преддверіемъ паденія Москвы, не скрывая намѣренія набросить невыгодный свѣтъ на дѣйствія Главнокомандующаго Военнаго-Министра, въ которомъ и не любящіе его уважали большую опытность, заботливость и отличную дѣятельность.

Съ прибытія къ арміямъ Князя Кутузова извѣстны мнѣ были непріятности, дѣлаемыя имъ Барклаю де Толли, который негодовалъ на безпорядокъ въ дѣлахъ, принявшихъ необыкновенный ходъ. Съ начала приказанія Князя отдавались начальникамъ Главнаго Штаба, мнѣ и Генералъ-Адъютанту Графу Сенъ-При, чрезъ Полковника Кайсарова, исправляющаго при немъ должность дежурнаго, чрезъ многихъ другихъ, и даже чрезъ Капитана Скобелева, не рѣдко одни другимъ противорѣчащія, изъ которыхъ происходили недоразумѣнія, запутанности и непріятныя объясненія. Случалось иногда, что приказанія доставлялись непосредственно къ корпуснымъ и частнымъ начальникамъ, которые, приступая къ исполненію, извѣщали, для доклада Главнокомандующимъ, когда войска выступили изъ лагеря, или возвращались. Приказанія объявляемы были также Генералъ-Квартирмейстеромъ 1-й арміи Толемъ,[56] гвардіи Полковникомъ Княземъ Кудашевымъ.[57]

---

[56] Полковникъ Толь, офицеръ отличныхъ способностей, пользовался особеннымъ благоволеніемъ Князя Кутузова, который, выказывая свою прозорливость, говорилъ, что бывши главнымъ Директоромъ Кадетскихъ Корпусовъ, въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ Толя предвидѣлъ въ немъ необыкновенныя дарованія военнаго начальника. Узналъ его въ послѣдствіи, ничего не предвидѣлъ!

[57] Князь Кудашевъ, зять Кутузова, много теряющій тѣсною этою связью; ибо на счетъ ея относится по большой части то, что, по строгой справедливости, принадлежитъ его достоинствамъ.

Послѣ сраженія при Бородинѣ осталось одно именованіе 2-й арміи: войска присоединены къ 1-й арміи, главные штабы составляли одинъ; я остался въ прежнемъ званіи.

27-го числа Августа армія имѣла ночлегъ не далеко отъ Можайска. Занявшій городъ арріергардъ Атамана Платова былъ изъ него вытѣсненъ непріятелемъ, но въ сей день онъ не преслѣдовалъ далѣе.

28 числа армія продолжала отступленіе, непріятель преслѣдовалъ сильнѣе, и въ арріергардѣ была схватка довольно горячая.

Князь Кутузовъ показывалъ намѣреніе, не доходя Москвы, собственно для спасенія ея, дать еще сраженіе. Частные начальники были о томъ предувѣдомлены. Генералу Барону Беннингсену поручено избрать позицію; чины Квартирмейстерской части его сопровождали. Кто могъ имѣть свѣдѣнія о средствахъ непріятеля, о нашей потерѣ, конечно, не находилъ того возможнымъ; многіе однако же, ожидали, и самъ я вѣрилъ нѣсколько. Нескромны были обѣщанія Князя Кутузова: «скорѣе пасть при стѣнахъ Москвы, нежели предать ее въ руки враговъ.» Не обманулся ими начальствующій въ Москвѣ, Генералъ отъ инфантеріи, Графъ Растопчинъ, который, хотя дѣлалъ извѣстною переписку свою съ Княземъ Кутузовымъ, показывалъ видъ спокойствія и безопасности, но всѣхъ менѣе тому вѣрилъ. Москву старался пріуготовить къ такому состоянію, чтобы непріятель не могъ извлечь изъ нея ничего для себя полезнаго.

Я позволилъ себѣ нѣкоторыя предположенія, о которыхъ не сообщилъ никому, въ той увѣренности, что, по недостатку опытности въ предметѣ, требующемъ обширныхъ соображеній, могли они подвергаться большимъ погрѣшностямъ. Я думалъ, что армія наша отъ Можайска могла взять направленіе на Калугу и оставить Москву. Непріятель не смѣлъ бы занять ее слабымъ отрядомъ, не рѣшился бы отдѣлить большихъ силъ, въ присутствіи нашей арміи, за которой долженъ былъ слѣдовать непремѣнно. Конечно, не обратился бы къ Москвѣ со всею арміею, оставя тылъ ея и сообщеніе подвержеными опасности.

Если бы непріятель, наблюдая движеніе наше на Москву, со всѣми силами пошелъ по направленію на Калугу, намъ предстоя-

ли другаго рода неудобства. Изъ Калуги онъ доставалъ бы продовольствіе, въ большомъ количествѣ заготовленное. Съ арміею Адмирала Чичагова и войсками подъ начальствомъ Генерала отъ кавалеріи Тормасова сношенія наши подверглись бы медленности. Богатѣйшія провинціи, снабжающія армію потребностями, были бы отрѣзаны. Непріятель сохранялъ въ полной безопасности прежнія свои сообщенія, отклонивъ ихъ изъ Смоленска, чрезъ Ельню, по направленію къ Калугѣ, мѣстами не опустошенными войною. Москва могла быть спасена такимъ образомъ, но армія наша поставлена въ необходимость дать сраженіе, прежде нежели усилена была свѣжими подкрѣпленіями и во множествѣ излѣчившимися ранеными. Сраженіе надобно было выиграть противъ арміи, мало еще разстроенной, сравнительно съ нашею, по ея числительности.

Наполеонъ, занявъ Москву, вѣроятно, думалъ поразить Россію ужасомъ и положить скорѣйшій конецъ войнѣ трудной и жестокой. Не зналъ онъ хорошо мужественнаго характера Императора Александра; не зналъ свойствъ Русскаго народа, твердаго въ опасности, въ несчастіи терпѣливаго, и Богъ, мститель ненасытимаго властолюбія Наполеона, назначилъ Москву быть гробомъ величія его и славы!

Армія наша, тѣснимая непріятелемъ, имѣя арріергардъ въ безпрерывномъ огнѣ и всѣ мѣста, ею перейденныя, не находя довольно твердыми позиціями, ни на одной изъ нихъ не остановясь, приблизилась къ самымъ предмѣстіямъ Москвы.

Мѣсто, на которомъ предположено было устроить армію, простиралось отъ урочища Фили, впереди селенія того же имени, чрезъ рѣчку Карповку и на Воробьевы горы. Позиція была осмотрѣна Полковникомъ Толемъ и имъ найдена довольно хорошею. Трудно предположить, чтобы Князь Кутузовъ не видѣлъ ея слишкомъ ощутительныхъ недостатковъ; но, желая увѣрить въ рѣшительномъ намѣреніи своемъ дать сраженіе, онъ показывалъ видъ согласія съ мнѣніемъ Полковника Толя, и разсуждая, количество войскъ, несоразмѣрное обширности мѣстоположенія, вознаградить избыткомъ артиллеріи.

1-го числа Сентября, рано по утру, вмѣстѣ съ прибывшими войсками къ селенію Фили, пріѣхалъ Князь Кутузовъ, и тотчасъ приказалъ строить на возвышеніи, называемомъ Поклонная гора, обширный редутъ и у самой большой дороги батареи, назначая ихъ быть конечностію праваго фланга; лежащій недалеко по правую сторону лѣсъ наполнить егерями, прочія войска расположить по ихъ мѣстамъ. Въ присутствіи окружающихъ его Генераловъ, спросилъ онъ меня, какова мнѣ кажется позиція? Почтительно отвѣчалъ я, что, по одному взгляду, невозможно судить положительно о мѣстѣ, назначаемомъ для шестидесяти, или болѣе, тысячь человѣкъ, но что весьма замѣтные въ немъ недостатки допускаютъ мысль о невозможности на немъ удержаться. Князь Кутузовъ взялъ меня за руку, ощупалъ пульсъ и сказалъ: «Здоровъ ли ты?» Подобный вопросъ оправдываетъ сдѣланное съ нѣкоторою живостію возраженіе. Я сказалъ, что драться на немъ онъ не будетъ, или будетъ разбитъ непремѣнно. Ни одинъ изъ Генераловъ не сказалъ своего мнѣнія, хотя немногіе могли догадываться, что Князь Кутузовъ ни какой въ томъ нужды не имѣетъ, желая только показать рѣшительное намѣреніе защищать Москву, совершенно о томъ не помышляя. Князь Кутузовъ, снисходительно выслушавъ замѣчаніе мое, съ изъявленіемъ ласки приказалъ мнѣ осмотрѣть позицію и ему донести. Со мною отправились Полковники Толь и Генеральнаго Штаба Кроссаръ.

По тщательномъ обозрѣніи я доложилъ Князю вкратцѣ слѣдующія замѣчанія: мѣстоположеніе отъ праваго фланга къ центру имѣетъ довольно большую наклонность, частію для насъ выгодную, частію подъ сильнымъ огнемъ. Его разрѣзываетъ рѣчка Карповка, крутоберегая къ сторонѣ Воробьевыхъ горъ; възъѣзды на нихъ неудобны, требуютъ времени для исправленія. Устроенные на рѣчкѣ мосты подвергаются непріятельскимъ батареямъ; удаленные отъ нихъ, умедлятъ сообщенія между войскъ. Лѣвый флангъ арміи, занимая вершину Воробьевыхъ горъ, долженъ имѣть весьма сильныя укрѣпленія, защищаемыя главною частью войскъ, ибо на противолежащей равнинѣ можетъ непріятель расположить тридцать и болѣе тысячь войскъ, готовыхъ къ атакѣ. Въ тылу у насъ Москва рѣка, единственное отступленіе фланговымъ движеніемъ къ рѣчкѣ Карповкѣ. Князь Кутузовъ, выслушавъ, прика-

залъ сдѣлать вторичное обозрѣніе, и по возвращеніи я доложилъ ему, что, расположивъ армію на Воробьевыхъ горахъ, перехватя Калужскую дорогу впереди заставы, можно удерживать за собою Серпуховскую дорогу и отступить на нее, проходя малую часть Замоскворѣчья. Въ заключеніе я сказалъ, что позиція чрезвычайно невыгодна, отступленіе очень опасно и трудно арріергарду удержаться столько времени, чтобы армія успѣла отдалиться. Отступленіе войскъ, защищающихъ Можайскую дорогу, не иначе какъ черезъ городъ, неудобно согласовать съ общимъ движеніемъ арміи. Князь Кутузовъ, выслушавши мое объясненіе, ничего не сказалъ, а войска продолжали устроиваться по прежнему его приказанію. VI-й корпусь Генерала Дохтурова направленъ на Воробьевы горы; работа окоповъ продолжалась.

Я нашелъ у Князя Генерала Графа Растопчина, съ которымъ онъ (какъ я узналъ) долго очень объяснялся. Увидѣвши меня, Графъ отвелъ въ сторону и спросилъ: «Не понимаю, для чего усиливаетесь вы непремѣнно защищать Москву, когда, овладѣвъ ею, непріятель ничего не пріобрѣтетъ полезнаго. Принадлежащія казнѣ сокровища и все имущество вывезены; изъ церквей, за исключеніемъ немногихъ, взяты драгоцѣнности, богатыя золотыя и серебряныя украшенія. Спасены важнѣйшіе государственные архивы. Многіе владѣльцы частныхъ домовъ укрыли лучшее свое имущество. Въ Москвѣ останется до пятидесяти тысячъ самаго бѣднѣйшаго народа, не имѣющаго другаго пріюта». Весьма замѣчательны послѣднія его слова. Если безъ боя оставите вы Москву, то, въ слѣдъ за собою, увидите ее пылающую![58] Графъ Растопчинъ уѣхалъ, не получивъ рѣшительнаго отзыва отъ Князя Кутузова. Ему по сердцу было предложеніе Графа Растопчина, но не задолго предъ симъ клялся онъ своими сѣдыми волосами, что непріятелю нѣтъ другаго пути къ Москвѣ, какъ чрезъ его тѣло. Онъ не остановился бы оставить Москву, если бы не ему могла быть присвоена первая мысль о томъ. Данная имъ клятва его

[58] Конечно, званіе мое обратило вниманіе его на меня; до того гордый вельможа не зналъ меня. Вѣжливо отвѣчалъ я: «В. С.-во видите во мнѣ исполнителя воли начальника, не допускающаго свободы разсужденія.» Онъ не скрылъ отъ меня подозрѣнія, что Кутузовъ далекъ отъ желанія дать сраженіе.

не удерживала, не у преддверія Москвы можно было помышлять о боѣ; не доставало времени сдѣлать необходимыя укрѣпленія: едва ли достаточно было, чтобы порядочно расположить армію, и 29-го числа Августа имъ подписано повелѣніе Калужскому Губернатору о направленіи транспортовъ съ продовольствіемъ изъ Калуги на Рязанскую дорогу.

Князь Кутузовъ подробно разсказалъ мнѣ разговоръ его съ Графомъ Растопчинымъ и, со всею простотою души своей и невинностью, увѣрялъ меня, что до сего времени онъ не зналъ, что непріятель пріобрѣтеніемъ Москвы не снищетъ ни какихъ существенныхъ выгодъ, и что нѣтъ, конечно, причинъ удерживать ее съ чуствительною потерею, и спросилъ, какъ я думаю о томъ? Избѣгая вторичнаго испытанія моего пульса, я молчалъ; но когда приказалъ онъ мнѣ говорить, подозрѣвая готовность обойтись безъ драки, я отвѣчалъ, что прилично было бы арріергарду нашему, въ честь древней столицѣ, оказать нѣкоторое сопротивленіе.

День клонился къ вечеру и еще не было ни какихъ особенныхъ распоряженій. Военный Министръ призвалъ меня къ себѣ, съ отличнымъ благоразуміемъ и основательностію истолковалъ мнѣ причины, по коимъ полагаетъ онъ отступленіе необходимымъ, пошелъ къ Князю Кутузову и мнѣ приказалъ ити за собою. Никому лучше Военнаго Министра не могли быть извѣстны способы для продолженія войны, и какими изъ нихъ въ настоящее время пользоваться возможно; чтобы употребить болѣе благонадежные, надобно выиграть время, и для того оставить Москву необходимо.

Князь Кутузовъ, внимательно выслушавъ, не могъ скрыть восхищенія своего, что не ему присвоена будетъ мысль объ отступленіи, и, желая сколько возможно отклонить отъ себя упреки, приказалъ къ восьми часамъ вечера созвать Гг. Генераловъ на совѣтъ.[59]

---

[59] Князь, конечно, не полагалъ, чтобы извѣстно было сужденіе на счетъ его знаменитаго Суворова, который говорилъ: «Его и Рибасъ не обманетъ.» Впрочемъ, въ нынѣшнее время многіе его угадываютъ!

Въ селеніи Фили, въ своей квартирѣ, принялъ Князь Кутузовъ собравшихся Генераловъ. Совѣтъ составили: Главнокомандующій, Военный Министръ, Барклай де Толли, Генералъ Баронъ Беннингсенъ, Генералъ Дохтуровъ, Генералъ-Адъютантъ Уваровъ; Генералъ-Лейтенанты: Графъ Остерманъ-Толстой, Коновницынъ и Раевскій; послѣдній пріѣхавшій изъ арріергарда, бывшаго уже не въ далекомъ отстояніи отъ Москвы, почему Генералъ Милорадовичъ не могъ отлучиться отъ него. Военный Министръ началъ объясненіе настоящаго положенія дѣлъ слѣдующимъ образомъ: «Позиція весьма невыгодна; дождаться въ ней непріятеля опасно; превозмочь его, располагающаго превосходными силами, болѣе нежели сомнительно. Если бы послѣ сраженія могли мы удержать мѣсто, но такой же потерпѣли уронъ, какъ при Бородинѣ, то не будемъ въ состояніи защищать столько обширнаго города. Потеря Москвы будетъ чувствительною для Государя, но не будетъ внезапнымъ для него происшествіемъ, къ окончанію войны его не наклонитъ и рѣшительна воля его продолжать ее съ твердостію. Сохранивъ Москву, Россія не сохраняется отъ войны жестокой, разорительной; но сберегши армію, еще не уничтожаются надежды отечества, и война, единое средство къ спасенію, можетъ продолжаться съ удобствомъ. Успѣютъ присоединиться, въ разныхъ мѣстахъ за Москвою приуготовляемыя, войска; туда же благовременно перемѣщены всѣ рекрутскія депо. Въ Казани учрежденъ вновь литейный заводъ; основанъ новый ружейный заводъ Кіевскій; въ Тулѣ оканчиваются ружья изъ остатковъ прежняго металла. Кіевскій арсеналъ вывезенъ; порохъ, изготовленный въ заводахъ, передѣланъ въ артиллерійскіе снаряды и патроны и отправленъ внутрь Россіи.» Военный Министръ предпочиталъ взять направленіе на городъ Владиміръ, въ намѣреніи сохранить сообщеніе съ С.-Петербургомъ, гдѣ находилась Царская Фамилія. Князь Кутузовъ приказалъ мнѣ, начиная съ младшаго въ чинѣ, по прежнему порядку, объяснить мое мнѣніе. Совершенно убѣжденный въ основательности предложенія Военнаго Министра, я осмѣлился замѣтить одно направленіе на Владиміръ, не согласующимся съ обстоятельствами. Царская Фамилія, оставя Петербургъ, могла назначить пребываніе свое во многихъ мѣстахъ, совершенно отъ опасности удаленныхъ,[60] не порабощая армію невыгодному,

[60] Великому Князю Константину Павловичу доказывалъ я о совершенно без-

ей направленію, которое нарушало связь нашу съ полуденными областями, изобилующими разными для арміи потребностями, и чрезвычайно затрудняло сообщеніе съ арміями Генерала Тормасова и Адмирала Чичагова. Не рѣшился я, какъ офицеръ, не довольно еще извѣстный, страшась обвиненія соотечественниковъ, дать согласіе на оставленіе Москвы, и не защищая мнѣнія моего, вполнѣ неосновательнаго, предложилъ атаковать непріятеля. Девять сотъ верстъ безпрерывнаго отступленія не располагаютъ его къ ожиданію подобнаго со стороны нашей предпріятія; что внезапность сія, при переходѣ войскъ его въ оборонительное состояніе, безъ сомнѣнія, произведетъ между ними большое замѣшательство, которымъ Его Свѣтлости, какъ искусному полководцу, предлежитъ воспользоваться, и что это можетъ произвести большой оборотъ въ нашихъ дѣлахъ. Съ неудовольствіемъ Князь Кутузовъ сказалъ мнѣ, что такое мнѣніе даю я по тому, что не на мнѣ лежитъ отвѣтственность. Слишкомъ поспѣшно изъявилъ онъ свое негодованіе, ибо не могъ сомнѣваться, что многихъ мнѣнія будутъ гораздо благоразумнѣйшія, на которыя могъ онъ опираться. Генералъ-Адъютантъ Уваровъ далъ однимъ словомъ согласіе на отступленіе. Генералъ-Лейтенантъ Коновницынъ былъ мнѣнія атаковать. Оно принадлежало ему, какъ офицеру предпріимчивому и неустрашимому, но не была испытана способность его обнимать обширныя и многосложныя соображенія. Генералъ Дохтуровъ говорилъ, что хорошо бы итти на встрѣчу непріятелю, но послѣ потери въ Бородинскомъ сраженіи многихъ изъ частныхъ начальниковъ, на мѣста которыхъ поступившіе другіе, мало извѣстные, будучи, по необходимости, исполнителями распоряженій, не представляютъ достаточнаго ручательства въ успѣхѣ ихъ, и по тому полагаетъ отступить. Генералъ Баронъ Беннингсенъ, извѣстный знаніемъ военнаго искуства, болѣе всѣхъ современниковъ испытанный въ войнѣ противъ Наполеона, далъ мнѣніе атаковать, подтверждающее изложенное мною. Увѣренный, что онъ основалъ его на вѣрнѣйшихъ раз-

---

опасномъ пребываніи въ Петербургѣ, въ опроверженіе словъ его: «Сестра Екатерина Павловна не знаетъ, гдѣ во время родовъ можетъ быть покойна.» Я осмѣлился предложить, шутя, закладъ, и видно изъ происшествій, что могла она не оставлять Петербурга.

счетахъ правдоподобія въ успѣхѣ, или, по крайней мѣрѣ, на возможности не быть подавленными въ сопротивленіи, много я былъ ободренъ имъ, но, конечно, были удивленные предложеніемъ. Генералъ-Лейтенантъ Графъ Остерманъ былъ согласенъ отступить, но, опровергая предложеніе дѣйствовать наступательно, спросилъ Барона Беннингсена, можетъ ли онъ удостовѣрить въ успѣхѣ? Съ непоколебимою холодностію его и едва обратясь къ нему Беннингсенъ отвѣчалъ: «Если бы не подвергался сомнѣнію предлагаемый сужденію предметъ, не было бы нужды сзывать совѣтъ, а еще менѣе надобно было бы его мнѣніе.» Пріѣхавшему послѣ всѣхъ, Генералъ-Лейтенанту, Раевскому приказано мнѣ было пересказать разсужденіе Военнаго Министра и мнѣніе каждаго изъ членовъ совѣта. Онъ изъявилъ согласіе на отступленіе. Всѣмъ одинаковаго мнѣнія служило руководствомъ предложеніе Военнаго Министра, безъ всякаго со стороны ихъ объясненія причинъ, и, конечно, не могло быть мѣста болѣе основательному разсужденію. Раздѣляя его вполнѣ, Князь Кутузовъ приказалъ сдѣлать диспозицію къ отступленію. Съ приличнымъ достоинствомъ и важностію, выслушивая мнѣніе Генераловъ, не могъ онъ скрыть удовольствія, что оставленіе Москвы было требованіемъ, не дающимъ мѣста его волѣ, хотя, по наружности, желалъ онъ казаться готовымъ принять сраженіе.

Въ десять часовъ вечера армія должна была выходить двумя колоннами: одна, подъ командою Генералъ-Адъютанта Уварова, чрезъ заставу и Драгомиловскій мостъ. При ней находился Князь Кутузовъ. Другая колонна, подъ начальствомъ Генерала Дохтурова, проходила чрезъ Замоскворѣчье на Каменный мостъ. Обѣ колонны направлены чрезъ Рязанскую заставу. Переправы, тѣсныя улицы, большіе за арміею обозы, приближенные въ ожиданіи сраженія, резервная артиллерія и парки, и въ то же время толпами спасающіеся жители Москвы, до того затрудняли движеніе войскъ, что армія до самаго полудня не могла выйти изъ города.

Князь Кутузовъ послалъ меня къ Генералу Милорадовичу, чтобы онъ, сколько возможно, удерживалъ непріятеля, или бы условился съ нимъ, дабы имѣть время вывезти изъ города тяжести. У Драгомиловскаго моста съ частію войскъ арріергарда нашелъ

я Генералъ-Лейтенанта Раевскаго, которому сообщилъ я данное мнѣ приказаніе, для передачи его Генералу Милорадовичу.[61]

Арріергардъ нашъ былъ преслѣдуемъ; Генералъ Милорадовичь скорѣе отступалъ, по тому что непріятель, усиливаясь противъ отряда Генералъ-Адъютанта Барона Винценгероде, показывая намѣреніе ворваться въ городъ, могъ прійти въ тылъ арріергарду. Онъ послалъ сказать непріятельскому Генералу Себастіани, что если думаетъ онъ преслѣдовать въ самыхъ улицахъ города, то его ожидаетъ жесточайшее сопротивленіе и, защищаясь въ каждомъ домѣ, прикажетъ онъ наконецъ зажечь городъ. Въ условленное время вступилъ непріятель безъ боя, и обозы арміи, равно какъ и самихъ жителей, выходили безпрепятственно; всѣ заставы заняты.

Я наблюдалъ, какое дѣйствіе произведетъ надъ войсками оставленіе Москвы, и замѣтилъ съ радостію, что солдатъ не терялъ духа, не допускалъ ропота. Начальниковъ поражала потеря древней столицы.[62] Въ Москвѣ было уже мало жителей, и по большей части не имѣющихъ пристанища въ другомъ мѣстѣ. Домы были пусты и заперты; обширныя площади уподоблялись степямъ; въ нѣкоторыхъ улицахъ не встрѣчалось человѣка. Въ рѣдкой изъ церквей не было молящихся жертвъ, остающихся на произволъ враговъ безчеловѣчныхъ. Душу мою раздиралъ стонъ раненыхъ, оставляемыхъ во власти непріятеля. Въ городѣ Гжатскѣ Князь Кутузовъ далъ необдуманное повелѣніе свозить отовсюду больныхъ и раненыхъ въ Москву, которыхъ она до того не видала, и болѣе двадцати тысячъ ихъ туда отправлено.[63] Съ

---

[61] Сойдя съ лошадей, поговорили мы нѣкоторое время; смотря на Москву погрустили объ ней. Впереди ничто не представлялось намъ утѣшительное, и большой перемѣны въ положеніи нашемъ предвидѣть было не возможно. Отъ Князя Кутузова чего-то ожидали, но не съ полною предавались довѣренностію.

[62] Нижніе чины Московскаго гарнизоннаго полка, извѣстнаго нѣкогда подъ именемъ Архаровскаго, переженившіеся, съ семействами, занимавшіеся торгомъ и ремеслами, совершенно подобные янычарамъ, выходили изъ Москвы въ порядкѣ, пѣсельники впереди!

[63] Распоряженіе, не соотвѣтствующее его прозорливости!

негодованіемъ смотрѣли на это войска. На полѣ сраженія иногда видитъ солдатъ остающихся товарищей, не разумѣетъ другой причины, какъ недостатокъ средствъ къ ихъ сохраненію. Но въ Москвѣ, гдѣ есть способы успокоить раненаго воина, жизнію искупающаго отечество, гдѣ богачъ въ нѣгѣ вкушаетъ сладкій покой за твердою его грудью, гдѣ подъ облака возносятся гордые чертоги его, воинъ омываетъ кровію своею послѣднія ступени его лѣстницы, или послѣднія истощаетъ силы на каменномъ помостѣ двора его. Оскорбительное равнодушіе столицы къ бѣдственному состоянію солдатъ не охладило, однако же, усердія ихъ, и всѣ готовы были на ея защиту.

Итакъ армія прошла наконецъ Москву.

Не далеко за городомъ нашелъ я Князя Кутузова, и доложилъ ему о переданномъ мною повелѣніи его Генералу Милорадовичу. Вскорѣ за тѣмъ слышны были въ Москвѣ два взрыва и обнаружился большой пожаръ. Я вспомнилъ слова Графа Растопчина, сказанныя мнѣ наканунѣ, и Москва стыдъ поруганія скрыла въ развалинахъ своихъ и пеплѣ! Собственными нашими руками разнесенъ пожирающій ея пламень. Напрасно возлагать вину на непріятеля и оправдываться въ томъ, что возвышаетъ честь народа. Россіянинъ каждый частно, весь народъ вообще, великодушно жертвуетъ общей пользѣ. Въ добровольномъ разрушеніи Москвы усматриваютъ враги предзнаменованіе ихъ бѣдствій. Всѣ доселѣ народы, счастію Наполеона болѣе пятнадцати лѣтъ покорствующіе, не явили подобнаго примѣра. Судьба сберегла его для славы Россіянъ! Пятнадцать лѣтъ побѣждая всѣ противоборствующіе народы, въ торжествѣ проходилъ Наполеонъ столицы ихъ; чрезъ Москву назначенъ путь къ паденію славы его и могущества! Въ первый разъ устрашенная Европа осмѣлилась увидѣть въ немъ человѣка!

Армія наша имѣла ночлегъ и растагъ 3-го числа, въ 15 верстахъ отъ Москвы. Арріергардъ, пройдя спокойно чрезъ Рязанскую заставу и расположивъ передовые посты въ трехъ верстахъ отъ города, ночевалъ по близости.

Переправа арміи чрезъ Москву рѣку у Боровскаго перевоза, по множеству обозовъ спасающихся изъ Москвы жителей, совер-

шилась съ чрезвычайнымъ затрудненіемъ и въ неимовѣрномъ безпорядкѣ. Слышны были пушечные выстрѣлы въ арріергардѣ, но непріятель не тѣснилъ его. Здѣсь отмѣнено было, предложенное Военнымъ Министромъ, направленіе на Владиміръ, и рѣшено выйти на Тульскую дорогу.[64] Мысль сія принадлежитъ Генералу Барону Беннингсену, и онъ настаивалъ, чтобы скорѣе перейти на Калужскую дорогу. Смѣлое и рѣшительное фланговое сіе движеніе, по близости непріятеля не безопасное, совершено безпрепятственно, и армія, въ самое ненастное время, гнусными проселочными дорогами, была у города Подольска. Здѣсь, безъ всякой надобности, Князь Кутузовъ пробылъ двое сутокъ, не переходя на Калужскую дорогу не отъ того, чтобы увѣренъ онъ былъ, что непріятель не можетъ предупредить его. За одну сію ошибку непріятель сдѣлалъ двѣ грубѣйшія. Удержанный въ Москвѣ грабежемъ, пьянствомъ и распутствомъ, онъ имѣлъ въ виду одну отступающую нашу армію, и ни о чемъ не заботился. По медленности движенія нашего изъ Москвы, онъ, правымъ берегомъ Москвы рѣки, могъ предупредить насъ на переправѣ, или, по крайней мѣрѣ, отбросить насъ на Рязань, преграждая всѣ прочіе пути. Сверхъ того, принявъ за арріергадъ нашей арміи небольшой Казачій отрядъ, въ командѣ храбраго Полковника Ефремова, преслѣдовалъ его къ Бронницамъ, и поздно увидѣвъ себя обманутымъ, возвратился поспѣшно въ Москву, но армія была уже на Калужской дорогѣ, у селенія Красной Пахры.

Фланговое движеніе наше къ Подольску прикрывалъ корпусъ Генералъ-Лейтенанта Раевскаго; далѣе впереди его находился отрядъ Генералъ-Маіора Дорохова, отъ котораго Казаки, подъ начальствомъ Полковника Иловайскаго 2-го (Тимоѳея), опрокинувъ часть Французской конницы, вогнали ее въ селеніе и атаковали съ тылу, много истребили и взяли въ плѣнъ. Первый ударъ встрѣтила она, не допущенная устроиться въ порядокъ.

---

[64] Многіе присвоивали себѣ это соображеніе, но оно принадлежитъ собственно Генералу Беннингсену, что мнѣ извѣстно со всѣми, сопровождавшими мелочными, обстоятельствами. Князь Кутузовъ желалъ отнести это любимцу своему Толю.

Армія наша совершенно спокойно дошла до селенія Красной Пахры, но нашедши позицію неудобною, слѣдовала далѣе на Вороново и далѣе до Тарутина. Арріергардъ расположился въ с. Красной Пахрѣ, наблюдаемый до того весьма слабымъ, ничего не предпринимавшимъ, непріятелемъ, и потому довольно оплошно размѣщены были передовые наши посты. Не были высылаемы разъѣзды. Недалеко отъ лагеря, отдѣленнаго непроходимымъ оврагомъ, находился прекрасный господскій домъ съ обширнымъ садомъ, который посѣтивши Генералъ Милорадовичъ, начальствующій арріергардомъ, едва не попался въ плѣнъ. [65]

Вскорѣ послѣ, въ схваткѣ съ кавалеріею, лейбъ-гвардіи драгунскій полкъ совершенно разбилъ два эскадрона драгунъ гвардіи Наполеона.

Близъ селенія Мочи арріергардъ былъ сильно тѣснимъ непріятелемъ; трудная позади переправа у селенія Воронова была причиною большаго въ войскахъ безпорядка, и правому флангу угрожала опасность быть отрѣзаннымъ. До того странно было распредѣленіе войскъ арріергарда, что Генералъ-Лейтенантъ Раевскій, полагая имѣть впереди себя кавалерію, не зналъ, что съ цѣлымъ корпусомъ пѣхоты и всею батарейною артиллеріею проводилъ ночь, составляя собою передовые посты. Кавалерія, не завися отъ него, не почла нужнымъ закрыть корпусъ собою, и если ни какихъ не произошло отъ того послѣдствій, то единственно по тому, что арріергардъ долженъ былъ назавтра отойти назадъ.

21-го числа Сентября армія прибыла въ селеніе Тарутино. Послѣ упорнаго дѣла у деревни Чириково, непріятель заставилъ арріергардъ нашъ отойти на послѣднія возвышенія въ виду изъ Тарутина, въ разстояніи трехъ верстъ.

---

[65] Милорадовичъ, довольствующійся избою, вздумалъ роскошествовать, и занялъ подъ свою квартиру великолѣпный домъ, пригласилъ къ обѣду многихъ изъ Генераловъ, въ полной увѣренности весело отдохнуть отъ трудовъ. Въ это время эскадронъ непріятельскій, прошедши чрезъ садъ, приблизился къ дому; другой былъ въ резервѣ. Стоявшій на дворѣ конвой успѣлъ сѣсть на коня и отразилъ ближайшій эскадронъ, другой не пришелъ на помощь. Схваченные въ плѣнъ показали, что эскадроны были Прусскіе.

22-го числа въ арміи при селеніи Тарутинѣ производились земляныя работы, для укрѣпленія позиціи. Непріятель съ жестокостію возобновилъ атаки свои противъ нашего авангарда; Генералъ Милорадовичъ отражалъ ихъ мужественно. Не возможно было уступить одного шагу; ибо позади, на большое пространство къ сторонѣ лагеря продолжающаяся покатость оканчивалась рѣчкою и непріятель, овладѣвши возвышеніями, могъ видѣть всякое движеніе въ нашемъ лагерѣ, а по рѣчкѣ расположа передовые свои посты, препятствовать водопою. Во время сраженія со стороны нашей сохраненъ былъ отличный порядокъ. Непріятель, перемѣняя направленіе атакъ своихъ, всегда былъ предупреждаемъ силами соразмѣрными, которыя, соединяясь съ чрезвычайною быстротою, не допустили воспользоваться малѣйшею выгодою; резервы не вступали въ дѣло. Генералъ-Маіоръ Шевичъ, съ искуствомъ распоряжаясь кавалеріею на правомъ флангѣ, выигралъ даже нѣкоторое разстояніе; Французскіе карасиры не могли сдержать стремительнаго нападенія нѣсколькихъ эскадроновъ гвардейскихъ нашихъ уланъ, которыхъ пики притуплены были о ихъ желѣзную броню. 1-й егерскій полкъ, въ командѣ Полковника Карпенка, открывалъ себѣ штыками путь къ успѣхамъ; артиллерія была превосходна; двѣ батарейныя роты съ Подполковникомъ Гулевичемъ, не будучи никакъ охраняемы, закрывали собою движеніе войскъ, и непріятель ничего не предпринялъ противъ нихъ. Около вечера непріятель отступилъ на всѣхъ пунктахъ и не подалеку расположился лагеремъ. Въ продолженіе войны обстоятельства, возлагая на насъ горькую необходимость отступленія, облегчали непріятелю достиженіе его намѣреній. Здѣсь въ первый разъ безвозмездны были его усилія!

По окончаніи сраженія войска авангарда возвратились въ соединеніе съ арміею; на мѣстѣ оставлена сильная кавалерія съ нѣсколькими конными батареями.

На другой день совершенное спокойствіе въ лагерѣ непріятельскомъ заставляло думать, что ожидается прибытіе большихъ силъ. Напротивъ, отъ сего дня, на нѣкоторое время, безъ всякаго условія, прервались дѣйствія, и не сдѣлано ни одного выстрѣла. Гг. Генералы и офицеры съѣзжались на передовыхъ постахъ

съ изъявленіемъ вѣжливости, что многимъ было поводомъ къ заключенію, что существуетъ перемиріе. [66]

Лагерь при Тарутинѣ былъ укрѣпленъ тщательно. Фронтъ прикрытъ сильными батареями; на лѣвомъ крылѣ лежащій близко лѣсъ прорѣзанъ засѣками; на правомъ крылѣ, внѣ лагеря, открытое мѣсто, удобное для дѣйствія кавалеріи. Ощутительны также были и невыгоды позиціи: лагерь весьма тѣсный, внутри его перемѣщеніе войскъ затруднительно, по множеству землянокъ и избъ; къ лѣвому крылу прилежащія возвышенія въ пользу непріятеля; отдѣляющій ихъ ручей, въ крутыхъ берегахъ, кавалеріи нашей, въ случаѣ дѣйствія на той сторонѣ, не представлялъ удобнаго отступленія. Если бы непріятель атаковалъ позицію и былъ отбитъ повсюду, то, отступая подъ огнемъ батарей расположенныхъ имъ на возвышенномъ берегу рѣчки, господствующемъ всею долиною, и не болѣе какъ въ трехъ стахъ саженяхъ встрѣчая насъ картечью, могъ остановить успѣхи наши. Мы, со стороны своей, впереди позиціи, не имѣли мѣста противопоставить наши батареи. Ничто не могло побуждать непріятеля атаковать сильно укрѣпленную позицію, а еще менѣе съ праваго ея крыла, какъ того многіе ожидали. Довольно было непріятелю показать силы на Калужской дорогѣ, которую мы слабо наблюдали, и мы оставили бы Тарутино.

---

[66] Государь Императоръ былъ симъ недоволенъ, и въ письмѣ къ Князю Кутузову собственноручно выразилъ, сколько неприличны подобныя свиданія между Генералами, и въ особенности приказалъ замѣтить Генералу Барону Беннигсену, что ему это болѣе другихъ непозволительно.

Генералъ Милорадовичъ не одинъ разъ имѣлъ свиданіе съ Мюратомъ, Королемъ Неаполитанскимъ. Изъ разговоровъ ихъ легко было замѣтить, что въ хвастовствѣ не всегда Французамъ принадлежало первенство. Если бы можно было забыть о присутствіи непріятеля, казалось бы свиданье ихъ представленіемъ на ярмаркѣ, или подъ качелями. Мюратъ являлся, то одѣтый по Гишпански, то въ вымышленномъ преглупомъ нарядѣ, съ собольей шапкою, въ глазетовыхъ панталонахъ. Милорадовичъ — на Казачьей лошади, съ плетью, съ тремя шалями яркихъ цвѣтовъ, не согласующихся между собою, которыя, концами обвернутыя около шеи, во всю свою длину развѣвались по волѣ вѣтра. Третьяго подобнаго не было въ арміяхъ!

По совершеніи арміею фланговаго движенія, когда прибыла она въ городъ Подольскъ, Генералъ Баронъ Беннингсенъ, предлагалъ расположиться у г. Боровска, или въ укрѣпленномъ при Малоярославцѣ лагерѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что сіе безпокоило бы непріятеля и намъ доставляло выгоды, особенно когда его кавалерія истощалась отъ недостатка фуража, когда умножившіеся партизаны наши наносили ей вредъ и истребленіе. Не взирая на это, кажется, не совсѣмъ безполезно было уклониться отъ сего предложенія; ибо непріятель пребываніе наше у Тарутина сносилъ терпѣливѣе, нежели у Малоярославца, или паче у Боровска. Онъ не уважилъ слабый отрядъ Генералъ-Маіора Дорохова, имѣя противъ него небольшую часть войскъ въ г. Вереѣ, далъ намъ время для отдохновенія, возможность укомплектовать арміи, поправить изнуренную конницу, учредить порядочное доставленіе всякаго рода припасовъ. Словомъ, возродилъ въ насъ надежды, силы на противоборствіе и даже на преодолѣніе потребныя. Если бы съ тѣми силами, которыя имѣли мы подъ Москвою, не соединясь съ пришедшими въ послѣдствіи подкрѣпленіями, съ двадцатью шестью полками прибывшихъ съ Дону Казаковъ, въ разстроенномъ состояніи конницы, съ войсками, продолжительнымъ отступленіемъ утомленными, остановились мы въ Боровскѣ, тѣмъ скорѣе атаковалъ бы насъ непріятель, и былъ въ необходимости то сдѣлать, дабы отдалить насъ отъ своихъ сообщеній, и безъ того подверженныхъ опасности отъ возстающихъ во многихъ мѣстахъ поселянъ, раздраженныхъ грабежемъ и неистовствомъ.

Вскорѣ по оставленіи Москвы докладывалъ я Князю Кутузову, что артиллеріи Капитанъ Фигнеръ предлагаетъ доставить свѣдѣніе о состояніи Французской арміи въ Москвѣ и, буде есть, какія чрезвычайныя пріуготовленія въ войскахъ; Князь далъ полное соизволеніе. Въ Штабѣ арміи приказалъ я дать ему подорожную въ Казань, не переставая признавать Главную Квартиру врагомъ всякой тайны.

Возвратившись изъ Москвы, онъ явился въ Подольскѣ къ Генералъ-Лейтенанту Раевскому, который, въ прошедшую съ Турками войну, знавши Фигнера храбрымъ и предпріимчивымъ офицерамъ, [67] не усомнился въ показаніи его, что ему приказано отъ

---

[67] При выходѣ изъ Москвы Фигнеръ досталъ себѣ Французскій билетъ, какъ

меня, у перваго изъ частныхъ начальниковъ, къ которому найдетъ онъ возможность пройти, просить о назначеніи ему небольшаго кавалерійскаго отряда, для дѣйствія на коммуникаціяхъ непріятеля, и тотчасъ отправился на дорогу между Можайскомъ и Москвою. Онъ прибылъ къ арміи въ Тарутино. Князь Кутузовъ былъ весьма доволенъ первыми успѣхами партизанскихъ его дѣйствій, нашелъ полезнымъ умножить число партизановъ, и вторымъ послѣ Фигнера назначенъ гвардейской конной артиллеріи Капитанъ Сеславинъ, и послѣ него вскорѣ гвардіи Полковникъ Князь Кудашевъ. Въ короткое время ощутительна была принесенная ими польза. Плѣнные въ большомъ количествѣ приводились ежедневно; не проходили транспорты и парки безъ сильнаго прикрытія; Французы на фуражированіе не иначе выходили, какъ съ пѣхотою и пушками, никогда не возвращались безъ потери. На всѣхъ сообщеніяхъ являлись отряды партизановъ; жители служили имъ вѣрными проводниками, доставляли обстоятельныя извѣстія, и наконецъ, взявъ сами оружіе, большими присоединялись къ нимъ толпами. Фигнеру первому справедливо можно приписать возбужденіе поселянъ къ войнѣ, которая имѣла пагубныя для непріятеля слѣдствія.

Въ Москвѣ скудные найдены Французами припасы, и чрезъ короткое время войска даже половинной дачи продовольствія не получали, ни какихъ особенныхъ мѣръ предпринимаемо не было, и совершенное во всемъ бездѣйствіе изобличало надежды Наполеона на миръ, въ которомъ мнилъ онъ начертать условія. Не знаю достовѣрно, въ чемъ могли состоять оныя, но легко понимали всѣ, что присланный отъ Наполеона Генералъ Лористонъ,

---

хлѣбопашецъ г. Вязьмы, возвращающійся на жительство. Переодѣтый въ крестьянскомъ платьѣ, взятъ онъ въ проводники небольшимъ отрядомъ, идущимъ отъ Можайска. Цѣлый переходъ слѣдуетъ съ нимъ, высматриваетъ, что пѣхоту составляютъ выздоровѣвшіе изъ госпиталей, сопровождающіе шесть орудій Италіянской артиллеріи, идущей изъ Павіи. Съ ночлега Фигнеръ бѣжалъ; ибо въ лѣсу, не далеко отъ дороги, скрытъ былъ отрядъ его, и онъ рѣшился сдѣлать нападеніе. Все взято было почти безъ сопротивленія. Въ числѣ плѣнныхъ былъ Полковникъ, уроженецъ изъ Ганновера. Я былъ свидѣтелемъ свиданія его съ Генераломъ Барономъ Беннигсеномъ, знакомымъ его съ самой юности, по связи семействъ ихъ.

предъ войною бывшій посломъ при нашемъ Дворѣ, конечно имѣлъ порученіе объяснить желаніе прекратить войну. Москва, древняя столица, собственными руками превращенная въ пепелъ, доказывала, что нѣтъ тяжелыхъ пожертвованій для Русскаго народа, и готовность его отмстить за войну несправедливую, войною жестокою. Генералъ Лористонъ пріѣхалъ чрезъ нѣсколько дней послѣ прибытія арміи въ Тарутино. Въ самое это время, между прочими, и я находился въ квартирѣ Кутузова, но всѣмъ намъ приказано выйти. Послѣ носилась молва, будто Князь обѣщалъ довести о томъ до свѣдѣнія Государя положить конецъ войнѣ, долженствующей возгорѣться съ большимъ противъ прежняго ожесточеніемъ. Хитрый военачальникъ уловилъ довѣрчивость посланнаго, и онъ отправился въ ожиданіи благопріятнаго отзыва. Такимъ образомъ дано время отдохновенія утомленнымъ войскамъ, прибыли новонабранныя и обучались ежедневно, кавалерія поправилась и усилена, артиллерія въ полномъ комплектѣ.

Въ Тарутинѣ Генералъ-Лейтенантъ Коновницынъ назначенъ Дежурнымъ Генераломъ при Князѣ Кутузовѣ. Справедливо пріобрѣлъ онъ извѣстность отлично храбраго и твердаго въ опасности офицера, но многіе обманулись, ожидавшіе въ немъ соотвѣтствующихъ способностей и распорядительности. Въ царствованіе Екатерины II служилъ онъ Полковникомъ и командовалъ полкомъ; долго потомъ жившій въ отставкѣ, возвратился онъ на службу; войны настоящаго времени представили ему новую сцену, на которой, при чрезмѣрномъ честолюбіи и неукротимомъ желаніи возвыситься, одной храбрости было уже недостаточно; онъ, какъ человѣкъ очень умный и еще болѣе хитрый, ловко умѣлъ пользоваться слабостію Князя, въ чемъ способствовалъ ему Полковникъ Толь, сильное имѣвшій вліяніе, съ которымъ вошелъ онъ въ тѣсную связь.[68] Послѣ производства

---

[68] Со всѣмъ другаго человѣка видѣлъ я въ Кутузовѣ, которому удивлялся въ знаменитое отступленіе его изъ Баваріи. Лѣта, тяжелыя раны и потерпѣнныя оскорбленія, ощутительно ослабили душевныя его силы. Прежняя предпріимчивость, многократными опытами оправданная, дала мѣсто робкой осторожности. Легко неискусною лестію могли достигнуть его довѣренности, столько же легко лишиться ея дѣйствіемъ стороннихъ внушеній! Люди приближенные, короче изучившіе его характеръ, могутъ даже направлять его

Князя Кутузова Генералъ-Фельдмаршаломъ за Бородинское сраженіе, нашелъ онъ нужнымъ имѣть при себѣ Дежурнаго Генерала, съ намѣреніемъ, какъ угадывать легко, не допускать близкаго участія въ дѣлахъ (по новому положенію о дѣйствующихъ арміяхъ) Генерала Барона Беннигсена, къ которому отношенія его были очень непріязненны, но званіе, послѣднимъ носимое, необходимо къ нему приближало.

Получено извѣстіе о кончинѣ достойнѣйшаго и незабвеннаго Князя Баграгіона. Въ память его осталось имя 2-й арміи на, нѣкоторое время, но она уже не существовала.

22-го числа Сентября Военный Министръ, Генералъ Барклай де Толли, оставилъ армію, и чрезъ Калугу отправился далѣе. Не стало терпѣнія его: видѣлъ съ досадою продолжающіеся безпорядки, негодовалъ за недовѣрчивое къ нему расположеніе, невнимательность къ его представленіямъ.[69] Мнѣ извѣстно было намѣреніе его удалиться, и по тому, не задолго предъ отъѣздомъ его, подалъ я рапортъ, что, чувствуя себя къ отправленію моей должности неспособнымъ, прошу возвратить меня въ армію. Представленный въ подлинникѣ рапортъ мой Фельдмаршаломъ оставленъ безъ отвѣта. Вмѣстѣ съ Барклаемъ де Толли уѣхалъ Директоръ собственной его Канцеляріи, Флигель-Адъютантъ, гвардіи Полковникъ, Закревскій, офицеръ отлично благородныхъ свойствъ,

---

волю. Отъ чего нерѣдко происходило, что предпріятія, при самомъ началѣ ихъ, или уже приводимыя въ исполненіе, уничтожались новыми распоряженіями. Между окружающими его, не свидѣтельствующими собою строгой разборчивости Кутузова, были лица съ весьма посредственными способностями, но хитростію и происками дѣлались надобными и получали значеніе. Интриги были безконечныя; пролазы возвышались быстро; полнаго ихъ паденія не замѣчаемо было.

[69] На другой день послѣ Бородинскаго сраженія, Главнокомандующій Барклай де Толли, самымъ лестнымъ для меня образомъ одобривъ дѣйствія мои въ сраженіи, бывши ближайшимъ свидѣтелемъ ихъ, и говоря о многихъ другихъ обстоятельствахъ, сказалъ мнѣ: «Вчера я искалъ смерти, и не нашелъ ея.» Имѣвши много случаевъ узнать твердый характеръ его и чрезвычайное терпѣніе, я съ удивленіемъ видѣлъ слезы на глазахъ его, которыя онъ скрыть старался. Сильны должны быть огорченія!

съ которымъ былъ я въ отношеніяхъ совершенно дружескихъ, раздѣляя и горести неудачной войны, и пріятныя въ ней минуты. Остался одинъ близкій мнѣ человѣкъ, исправляющій должность Дежурнаго Генерала, Флигель-Адъютантъ, Полковникъ Кикинъ, почтенный благородными свойствами, искренно мною уважаемый. Едва ли кому могъ я нравиться, бывши точнымъ исполнителемъ воли взыскательнаго начальника, и я не видѣлъ доброжелательствующихъ мнѣ, но завидующихъ многихъ. Генералъ-Лейтенантъ Коновницынъ, въ новой должности своей, встрѣтившись съ дѣлами, совершенно ему незнакомыми, затрудняющими его, нашелъ облегченіе въ томъ, что препровождалъ ихъ ко мнѣ огромными кучами, чтобы на нихъ надписывалъ я приличествующія разрѣшенія. Нѣкоторое время исполнялъ я это изъ уваженія къ нему, не взирая на чрезмѣрную ограниченность его способностей. Но когда самолюбіе воспрещало ему раздѣлять труды со мною, и онъ думалъ продолжать мои занятія, для него весьма выгодныя, я объяснилъ ему, что не нахожу удовольствія изыскивать зависимости, когда могу ея избавиться. Не скрывалъ въ то же время сожалѣнія, что должности его обширной и многосложной онъ исправить не въ состояніи.

Коновницынъ со врожденною ему хитростію, искусно придавая ей наружность простосердечія, говорилъ всѣмъ, что, вопреки его желанія, сколько ни старался онъ уклониться отъ возложенной на него должности, не могъ успѣть въ томъ. Напротивъ, онъ въ восхищеніи былъ отъ назначенія.

До сего доклады Фельдмаршалу дѣлалъ я, и приказанія его мною отдаваемы были, но при новомъ вещей порядкѣ, одни только чрезвычайные случаи объяснялъ я ему лично, и замѣтилъ, сколько много перемѣнилось прежнее его особенно благосклонное ко мнѣ расположеніе.[70] Пронырствомъ не искалъ я обратить его

---

[70] Въ главную квартиру, при селеніи Красной Пахрѣ, присланъ отъ Государя Генералъ-Адъютантъ Князь Волконскій собрать подробныя свѣдѣнія о состояніи армій. Отъ него узналъ я, что, отправляя изъ Петербурга Кутузова къ арміямъ, Государь отдалъ ему подлинныя мои къ нему письма, дабы могъ онъ составить нѣкоторое понятіе о дѣлахъ и обстоятельствахъ до прибытія его на мѣсто. Это истолковало мнѣ совсѣмъ не прежнее располо-

къ себѣ милости и воспользовался возможностію переѣхать жить въ ближайшую отъ Главной Квартиры маленькую деревню; къ Фельдмаршалу являлся не иначе, какъ по его приказанію; съ Коновницынымъ видался не рѣдко, но чаще переписывался, отталкивая порученія его, которыя я не имѣлъ обязанности исполнять, и въ перепискѣ со мною онъ, конечно, не выигрывалъ. Безъ ошибки могу предположить, что онъ вредилъ мнѣ въ тайнѣ и прочнѣе! Природа мало создаетъ людей, у которыхъ наружность всегда спокойная, неразгадываемая. Коновницынъ имѣетъ лице на всякаго рода впечатлѣнія одинаково составленное, на которомъ является измѣническое равнодушіе, улыбка уловляющей простоты, располагающая къ откровенности. Одного не можетъ онъ покорить—чувства завистливости: оно обнаруживается блѣдностію, покрывающею лице его.

Въ такихъ отношеніяхъ былъ я съ Коновницынымъ, который охладилъ ко мнѣ расположеніе Полковника Толя, въ дружбѣ коего доселѣ не имѣлъ я причины сомнѣваться; обоимъ имъ надобно было полное на Князя Кутузова вліяніе, и они вмѣстѣ успѣли поселить вражду между нимъ и Генераломъ Беннингсеномъ. Уменьшившіяся мои занятія заставили меня повторить рапортъ мой объ удаленіи отъ должности, но безъ успѣха; итакъ остался я принадлежащимъ Главной Квартирѣ, свидѣтелемъ чванства разныхъ лицъ, возникающей знатности, интригъ, пронырства и происковъ.

По свѣдѣніямъ, доставленнымъ партизанами, видно было, что непріятельскій авангардъ, состоящій въ командѣ Неаполитанскаго Короля, Мюрата, до самой Москвы не имѣлъ ни какихъ войскъ въ подкрѣпленіе, и по тому не могъ во время имѣть помощи. Фельдмаршалъ рѣшился атаковать его. Невозможно было устранить отъ составленія диспозиціи Генерала Беннингсена, началь-

---

женіе ко мнѣ Кутузова, сколько, впрочемъ, ни было оно прикрыто благовидною, со стороны его, наружностію. Предъ отъѣздомъ своимъ Князь Волконскій объявилъ мнѣ, что Государь, желая узнать, отъ чего Москва оставлена безъ выстрѣла, сказалъ: «Спроси Ермолова: онъ долженъ это знать.» По просьбѣ его я обѣщалъ ему записку, но съ намѣреніемъ уѣхалъ изъ Главной Квартиры.

ника Главнаго Штаба всѣхъ дѣйствующихъ армій; не хотѣлось допустить участія въ успѣхѣ, въ чемъ, по превосходству силъ нашихъ, не было сомнѣнія; онъ же, сверхъ того, предлагалъ вести самъ войска, назначенныя къ первой атакѣ. Положеніе мѣста тщательно осмотрѣно, сдѣлана диспозиція; первыя войска, назначенныя къ дѣйствію, выступили изъ лагеря въ ночи на 6 число Октября, всѣ прочія 6-го числа, предъ разсвѣтомъ, переправились за рѣчку Нару и были въ готовности. 1-й кавалерійскій корпусъ Генералъ-Адъютанта Барона Меллера-Закомельскаго, впереди котораго Генералъ-Адъютантъ Графъ Орловъ-Денисовъ со многими полками Донскихъ Казаковъ, должны были обходить лѣвый флангъ непріятеля и по возможности дѣйствовать въ тылъ; въ то же самое время на оконечность фланга направлена была атака Генералъ-Лейтенанта Багговута со II пѣхотнымъ корпусомъ, въ слѣдъ за которымъ шелъ IV корпусъ Генералъ-Лейтенанта Графа Остермана-Толстого; резервомъ для нихъ служилъ III корпусъ пѣхотный Генералъ-Адъютанта Графа Строгонова; VI корпусъ Генерала Дохтурова назначенъ въ центръ; лѣвое крыло, подъ начальствомъ Генерала Милорадовича, составлено изъ VII корпуса Генерала-Лейтенанта Раевскаго и войскъ, бывшихъ въ авангардѣ. Въ резервѣ были вся гвардія и кирасирскіе полки; Фельдмаршалъ при нихъ находился,

Вскорѣ по разсвѣтѣ услышаны были рѣдкіе пушечные выстрѣлы. Непріятель, расположенный спокойно, безъ всякой предосторожности, при внезапномъ ударѣ Казаковъ, пришелъ въ замѣшательство и, не допущенный устроиться въ порядокъ, защищался слабо. II корпусъ безъ затрудненія вышелъ изъ лѣсу и ударилъ. Казаки, съ храбрымъ Полковникомъ Сысоевымъ, бросились на пушки и взяли нѣсколько орудій. При самомъ началѣ сраженія, изъ первыхъ выстрѣловъ, убитъ ядромъ Генералъ-Лейтенантъ Бугговутъ [71] IV корпусъ Генералъ-Лейтенанта Графа

---

[71] Извѣстный блистательною храбростію и предпріимчивостію, уважаемый за отлично благородныя его свойства, Фельдмаршалъ далъ повелѣніе Дежурному Генералу Коновницыну отправиться и, по обозрѣніи, что происходитъ, ему донести; мнѣ также приказалъ ѣхать и остаться при дѣйствующихъ войскахъ. Мнѣ встрѣтились случаи, въ которыхъ нашелъ я нужнымъ употребить имя Фельдмаршала: видѣлъ, что дѣлалось и что должно быть сдѣ-

Остермана, по недостатку распорядительности съ его стороны, не прибылъ во время къ своему назначенію и въ дѣлѣ почти не участвовалъ. Сраженіе могло кончиться несравненно съ большею для насъ выгодою, но вообще мало было связи въ дѣйствіи войскъ. Фельдмаршалъ, увѣренный въ успѣхѣ, оставался при гвардіи, собственными глазами ничего не видалъ; частные начальники распоряжались по произволу. Огромное количество кавалеріи нашей, близко къ центру и на лѣвомъ крылѣ, казалось болѣе собраннымъ для парада, красуясь стройностію болѣе, нежели быстротою движенія. Можно было не допустить непріятеля соединить разсѣянную по частямъ его пѣхоту, обойти и стать на пути его отступленію; ибо между лагеремъ его и лѣсомъ было не малое пространство. Непріятелю дано время собрать войска, свезти съ разныхъ мѣстъ артиллерію, дойти безпрепятственно до лѣсу и пролегающею чрезъ него дорогою отступить чрезъ селеніе Вороново. Непріятель потерялъ 22 орудія, до 2000 плѣнныхъ, весь обозъ и экипажи Мюрата, Короля Неаполитанскаго. Богатые обозы были лакомою приманкою для нашихъ Казаковъ: они занялись грабежемъ, перепились и препятствовать непріятелю въ отступленіи не помышляли.

За день предъ симъ непріятель имѣлъ свѣдѣніе о намѣреніи нашемъ сдѣлать нападеніе; войска были въ готовности и строгая повсюду осторожность въ продолженіи всей ночи, но ожиданіе было напрасно. Нынѣшнюю ночь непріятелемъ сдѣлано распоряженіе объ отступленіи артиллеріи и обозамъ дано было повелѣніе; войска собраны на своихъ мѣстахъ. Адъютантъ, присланный съ приказаніемъ къ начальнику артиллеріи, нашедши его спящимъ, не хотѣлъ разбудить его, не знавши важности приказанія и, подобно прошедшему дню, вмѣстѣ съ разсвѣтомъ, войска были распущены и отдыхали, и по тому наши войска нашли ихъ почти сонными, стражу оплошную, лошадей въ кавалеріи неосѣдланныхъ.

лано. Генералъ Баронъ Беннигсенъ, назначивъ войскамъ праваго крыла цѣль ихъ дѣйствій, не взялъ на себя общихъ распоряженій, полагая, что ими озаботится самъ Фельдмаршалъ, которому подробно объяснилъ обстоятельства, лично находившись при атаковавшихъ войскахъ и давши имъ направленіе.

Первое наступательное дѣйствіе арміи нашей въ продолженіе кампаніи весьма ободрило войска наши и противное вліяніе произвело на непріятеля, который наказанъ за дерзость стоять противъ насъ съ силами столько слабыми и въ далекомъ разстояніи отъ прочихъ его войскъ.

Съ мѣста сраженія, верхомъ у колеса дрожекъ Фельдмаршала, сопровождалъ я его до лагеря, и изъ словъ его легко могъ понять, въ какомъ смыслѣ готовился онъ сдѣлать донесеніе Государю. [72] На другой день, не дожидая рапорта Генерала Беннингсена, который, по начертанному имъ плану, предводилъ войска, назначенныя къ атакѣ, и началъ сраженіе, не сказавши ему ничего, отправилъ донесеніе. Съ сего времени непріязнь между ними усилилась. Вѣроятно, не отдано ему должной справедливости и объ насъ, подчиненныхъ его, не упоминается!

Генералъ-Маіоръ Дороховъ, съ отрядомъ на лѣвомъ крылѣ нашемъ находящійся, донесъ, что̀ занялъ городъ Верею, взялъ штурмомъ, усуроенный въ немъ редутъ и защищающій его непріятельскій гарнизонъ, и что поспѣшавшій къ нему на помощь отрядъ отступилъ.

Партизаны Сеславинъ и Фигнеръ, осмотрѣвши непріятеля при селеніи Ѳоминскомъ, обратились къ Генералъ-Маіору Дорохову, прося его съ отрядомъ подкрѣпить ихъ атаку. Обнадеженные имъ, начали они перестрѣлку, но онъ, прибывши одинъ, былъ свидѣтелемъ ихъ неудачи и, по несоразмѣрности средствъ, нѣкоторой потери. Партизанъ Фигнеръ объяснилъ о семъ поступкѣ Дежурному Генералу Коновницыну, но Генералъ-Маіоръ

---

[72] Разговоръ его со мною начинался выраженіемъ, «голубчикъ,» особенно, когда намѣревался онъ не высказать настоящей мысли своей, и только по различной степени, всегда, впрочемъ, смягчаемаго звука голоса, можно было ожидать болѣе или менѣе притворства. Было уже темно, сокрыта игра его физіономіи и онъ свободнѣе. «Какой далъ Богъ славный намъ день! Непріятель потерялъ ужасно. Взято много пушекъ и, говорятъ, по лѣсамъ разбросано ихъ много; а плѣнныхъ — толпами ихъ гонятъ! Надобно собрать точныя свѣдѣнія.» Пушки всѣ и плѣнныхъ я видѣлъ. Непріятель не былъ тѣснимъ въ отступленіи и не былъ въ положеніи бросать пушки. Выслушавши разсказъ, я не обманусь, заключая, что донесеніе будетъ не безъ украшеній.

Дороховъ не только не подвергся замѣчанію, но, надѣясь на позволеніе непосредственно, по собственному распоряженію, овладѣть селомъ Ѳоминскимъ, сдѣлалъ слѣдующее представленіе, 9-го числа Октября, что непріятель занимаетъ село Ѳоминское, деревню Котово, и небольшая часть силъ его расположена около города Боровска, что повсюду его не болѣе восьми тысячъ человѣкъ, и что онъ разобьетъ его, если къ отряду его прибавлено будетъ два полка пѣхоты съ артиллеріею. По дружественному расположенію, Генералъ Коновницынъ, готовый исполнить его желаніе, доложилъ Фельдмаршалу, но всегда осторожный, онъ разсудилъ за благо поручить исполненіе Генералу отъ инфантеріи Дохтурову. Съ нимъ назначенъ VI пѣхотный корпусъ, 1-й кавалерійскій корпусъ Генералъ-Адъютанта Барона Меллера-Закомельскаго, рота конной артиллеріи Полковника Никитина и нѣсколько Казачьихъ полковъ. Мнѣ приказано находиться при Генералѣ Дохтуровѣ. [73]

Партизаны Сеславинъ и Фигнеръ отправлены прежде осмотрѣть, нѣтъ ли непріятеля близко къ селу Ѳоминскому, который могъ бы прійти на помощь.

Войска выступили 10 числа Октября. Мелкій осенній дождь портилъ очевидно худую проселочную дорогу. Труденъ былъ переходъ, движеніе замедляла батарейная артиллерія, безпрестанно вытаскиваемая пѣхотою изъ грязи. Генералъ согласился на предложеніе мое оставить ее подъ небольшимъ прикрытіемъ, впредь до назначенія, куда ей слѣдовать. Легкая артиллерія при войскахъ была въ огромномъ количествѣ.

Присоединившійся съ своимъ отрядомъ, Генералъ-Маіоръ Дороховъ донесъ, что непріятель, въ числѣ двухъ тысячъ пѣхоты, отъ города Боровска преслѣдуетъ войска Донского Подполковника Власова съ тремя Казачьими полками. Около деревни Котова бивуакъ на четыре тысячи человѣкъ. Близъ села Ѳоминскаго

---

[73] Фельдмаршалъ, призвавши меня, встрѣтилъ обыкновеннымъ, ничего не значущимъ, привѣтствіемъ, «голубчикъ,» говорилъ, что желаетъ очень овладѣть селомъ Ѳоминскимъ, и заключилъ словами: «Ты пойдешь съ Дохтуровымъ; я буду покоенъ; увѣдомляй чаще о томъ, что будетъ!»

лагерь въ лѣсу, по чему не возможно опредѣлить силъ; ночью видны огни, у моста чрезъ Нару стоитъ батарея.

Не доходя до селенія Котова, войска расположились на ночлегъ такъ, чтобы, на разсвѣтѣ взявши его, атаковать тотчасъ село Ѳоминское. Всѣмъ войскамъ запрещено разводить огни, чтобы зарево не обнаружило близкое ихъ пребываніе. 1-й кавалерійскій корпусъ и всѣ Казачьи полки остановились впереди. Я былъ съ Генералъ-Адъютантомъ Барономъ Меллеромъ.

Давно прошла полночь и сближалось время двинуть войска. Не было извѣстія отъ партизановъ, которые должны были отыскать меня. Вскорѣ услышанъ топотъ лошадей по грязной равнинѣ. На окликъ часоваго отозвался Сеславинъ. Совсѣмъ неожиданны были доставленныя имъ извѣстія, измѣнившія планъ всѣхъ вообще дѣйствій нашей арміи.

Въ четырехъ верстахъ не доходя села Ѳоминскаго, укрывшись въ лѣсу близъ дороги, Сеславинъ видѣлъ Наполеона съ огромною его свитою, за нимъ его гвардію и другія многочисленныя войска. Пропустивши ихъ, схватилъ нѣсколько плѣнныхъ и расторопнѣйшаго изъ нихъ, гвардейскаго унтеръ-офицера, привезъ съ собою, который показалъ слѣдующее: «Уже четыре дня, какъ мы оставили Москву. Маршалъ Мортье, съ его отрядомъ, по взорваніи Кремлевскихъ стѣнъ, присоединится къ арміи. Тяжелая артиллерія, кавалерія, потерявшая лошадей, и всѣ излишнія тяжести отправлены по Можайской дорогѣ, подъ прикрытіемъ корпуса Польскихъ войскъ, въ командѣ Генерала Князя Понятовскаго. Завтра главная квартира Императора въ городѣ Боровскѣ. Далѣе направленіе на Малоярославецъ.»

Немедленно доложено о томъ Генералу Дохтурову, и тогда же дежурный штабъ-офицеръ корпуса отправленъ имъ съ донесеніемъ къ Фельдмаршалу, спокойно пребывающему въ Тарутинѣ. Онъ не имѣлъ ни какихъ извѣстій отъ Генералъ-Адъютанта Барона Винценгероде, находящагося съ отрядомъ въ окрестностяхъ Москвы.

Если бы партизанъ Сеславинъ не могъ предупредить благовременно, VI пѣхотный корпусъ и прочія съ нимъ войска, при

атакѣ села Ѳоминскаго понесли бы неизбѣжно сильное пораженіе, и былъ бы Малоярославецъ безпрепятственно занятъ непріятелемъ.

Весьма благосклонно принялъ Генералъ Дохтуровъ мое представленіе: вмѣстѣ съ разсвѣтомъ слѣдовать обратно и, присоединивъ оставленную батарейную артиллерію, поспѣшить въ Малоярославецъ. Согласился также, чтобы Генералъ Баронъ Меллеръ, съ 1-мъ кавалерійскимъ корпусомъ, конно-артиллерійскою ротою Полковника Никитина и Казачьими полками, произвелъ обозрѣніе къ сторонѣ Боровска, и по томъ возвратился къ корпусу. Я отправился съ нимъ.

Туманно было утро и не рано начали проясняться предметы. Мы увидѣли Боровскъ, окрестности его, занятыя войсками и артиллеріею въ большихъ силахъ; часть пѣхоты, вышедшую изъ города по почтовой дорогѣ; по рѣчкѣ Протвѣ, во многихъ мѣстахъ, конные пикеты, которые тотчасъ сбиты, но, подкрѣпленные скрытыми въ лѣсу резервами, усилили перестрѣлку. Генералъ Баронъ Меллеръ, хотя и не желалъ, по краткости дня, завязать дѣло, принужденъ былъ, однако же послать, часть войскъ и половину конно-артиллерійской роты. Проскакавши съ версту молодымъ березникомъ, еще сохранившимъ листъ, представилась намъ не вдалекѣ почтовая изъ Боровска дорога и на ней бивуакъ арміи Италіянскаго Вице-Короля Евгенія и Французскій корпусъ Маршала Даву. Не теряя времени, возвратились мы на лѣвый берегъ рѣчки Протвы. Войска Донского храбраго Сысоева полка, избранному расторопному офицеру приказалъ я съ нѣсколькими Казаками непріятельскимъ берегомъ доѣхать до Малоярославца, узнать, что происходитъ въ городѣ, и ночью отыскать насъ на возвратномъ пути къ Генералу Дохтурову. Гораздо за полночь догналъ онъ насъ и донесъ, что мостъ чрезъ рѣчку Лужу, у самаго Малоярославца, разобранъ жителями, съ которыми онъ переговаривался чрезъ рѣчку. Отъ Атамана Платова присланъ въ городъ разъѣздъ Казаковъ. У моста стоятъ три баталіона непріятельской пѣхоты. Въ девять часовъ утра Городничій и другіе гражданскіе чиновники были при своихъ мѣстахъ, но вскорѣ по томъ удалились и въ городѣ большое смятеніе.

Прошедши всю ночь, съ краткими для отдохновенія привалами, рано по утру соединились мы съ VI корпусомъ. [74] Онъ расположенъ былъ близъ города, на дорогѣ въ Калугу. Съ лѣваго же фланга стоящей батерейной артиллеріи дѣйствіе направлено было на мостъ, который непріятель всячески старался исправить.

Первый полкъ, присланный Генераломъ Дохтуровымъ, былъ 33-й егерскій. Долго противился онъ, выгодно расположенный на вершинѣ крутаго отъ рѣчки подъема, но часть города, прилежащая къ мосту, оставалась постоянно въ рукахъ непріятеля, и онъ успѣлъ, по набросаннымъ кладкамъ, перевезти въ городъ два орудія. Войска его умножались и начинали вступать въ улицы. Противолежащій берегъ покрылся войсками Вице-Короля Италіянскаго.

Въ помощь 33-му егерскому присланы, подъ командою Полковника Вуича, 6 и 19-й егерскіе полки. Генералъ Дохтуровъ войска, находящіяся въ городѣ, поручилъ въ мое распоряженіе. Неустрашимо защищались они, но, преодолѣваемыя превосходствомъ, должны были отступить и, тѣснимые, съ трудомъ вывезли мы нашу артиллерію, и нашихъ не было уже въ городѣ. Непріятель занималъ крайнюю черту его, при ограниченномъ числѣ артиллеріи.

Въ это время, противъ праваго фланга нашего лагеря, появилась пѣхота, вѣроятно, высланная для обозрѣнія силъ нашихъ и расположенія ихъ; ибо въ короткое время, дѣйствіемъ батарей нашихъ, понуждена возвратиться въ городъ. По приказанію Генерала Дохтурова, съ неимовѣрною быстротою явились ко мнѣ пѣхотные полки Либавскій и Софійскій. Каждый полкъ особенно приказалъ я построить въ полковыя колонны, лично подтвердилъ нижнимъ чинамъ не заряжать ружья и безъ крику ура ударить въ штыки. Генералъ-Маіору Талызину назначилъ вести Либавскій полкъ; съ Софійскимъ послалъ Полковника Халяпина. Вмѣстѣ съ

---

[74] Съ Барономъ Меллеромъ-Закомельскимъ служили мы вмѣстѣ, въ однихъ чинахъ, прежде отечественной войны, въ дивизіи Свѣтлѣйшаго Князя Суворова, утонувшаго въ Рымникѣ, всегда хорошими пріятелями, теперь дѣйствуемъ мы единодушно.

ними пошли всѣ егерскіе полки. Атакѣ ихъ предшествовала весьма сильная канонада съ нашей стороны. Съ большимъ урономъ сбитый непріятель оставилъ намъ довольное пространство города, въ срединѣ котораго храбрый Полковникъ Никитинъ [75] занялъ возвышенность, гдѣ было кладбище, и на ней поставилъ батарейныя орудія. Долго непріятель не могъ употребить противъ насъ равнаго количества артиллеріи, вѣроятно, остерегаясь подвергнуться опасности, по затрудненію, въ случаѣ отступленія.

Прошло уже за половину дня. Большія массы войскъ Французской арміи приблизились къ городу и расположились за рѣчкою Лужею; умножилась артиллерія и атаки сдѣлались упорнѣе. Я приказалъ войти въ городъ Вильманстрандскому пѣхотному и 2-му егерскому полкамъ, составлявшимъ резервъ. Они способствовали намъ удержаться, но уже не въ прежнемъ выгодномъ расположеніи, и часть артиллеріи я приказалъ вывезти изъ города.

Испросивши позволеніе Генерала Дохтурова, я поручилъ Генералъ-Адъютанту Графу Орлову-Денисову, отъ имени моего, донести Фельдмаршалу во всей подробности о положеніи дѣлъ нашихъ и о необходимости ускорить движеніе арміи, или городъ впадетъ во власть непріятеля. Армія стояла на рѣкѣ Протвѣ, у села Спасскаго. Непріятнымъ могло казаться объясненіе мое Фельдмаршалу, когда свидѣтелями были многіе изъ Генераловъ. Онъ отправилъ обратно Графа Орлова-Денисова безъ всякаго приказанія.

Не съ большою благосклонностію принятъ былъ вторично посланный отъ меня (также многіе изъ Генераловъ находились при Фельдмаршалѣ), и съ настойчивостію объясненная потребность въ скорѣйшемъ присутствіи арміи могла имѣть видъ нѣкотораго замѣчанія, или упрека. Онъ съ негодованіемъ плюнулъ такъ близко къ стоявшему противъ него посланному, что тотъ

---

[75] Состоявшіе въ распоряженіи его мои Адъютанты: гвардіи Поручикъ Фонъ Визинъ, на передовыхъ постахъ наблюдалъ за движеніями непріятеля; артиллеріи Поручикъ Поздѣевъ, сидя на ближайшей колокольнѣ, направлялъ дѣйствіе батареи на колонны, которыя, закрываемы будучи рядами домовъ, подвигались въ улицахъ.

досталъ изъ кармана платокъ, и замѣчено, что лице его имѣло болѣе въ немъ надобности.

Не безполезною, однако же, оказалась употребленная мою настойчивость, ибо къ тремъ часамъ прибылъ Генералъ-Лейтенантъ Раевскій съ своимъ корпусомъ. [76] Занявши съ праваго фланга довольно большую часть города и устроивъ свои резервы, онъ далъ возможность войскамъ, прежде тамъ бывшимъ, подвинуться впередъ.

Прежде вечера прибылъ Фельдмаршалъ съ арміею, [77] которая заняла позицію по обѣимъ сторонамъ дороги, идущей въ Калугу, по возвышенностямъ, въ двухъ верстахъ съ половиною отъ города. Приказалъ Генералъ-Лейтенанту Бороздину 1-му вступить съ корпусомъ въ городъ, смѣнить утомленные полки, съ самаго начала сраженія защищавшіе городъ, послѣ чего и я не возвращался уже туда; приказалъ также, на ближайшій отъ черты города пушечный выстрѣлъ, строить нѣсколько редутовъ и тотчасъ приступить къ работамъ.

---

[76] Давно уже былъ онъ близко къ Малоярославцу; но корпусъ его не иначе могъ выступить, какъ по собственному повелѣнію Фельдмаршала, Я видѣлъ его, какъ любопытнаго зрителя, пріѣзжавшаго прежде, и отъ него я зналъ, что корпусъ его не въ дальнемъ разстояніи.

[77] Генералъ Дохтуровъ, изъ доставленныхъ извѣстій партизаномъ Сеславинымъ усмотрѣвъ невозможность атаковать село Ѳоминское, 11-го числа Октября отправился обратно, чтобы поспѣшнѣе прибыть къ Малоярославцу. Донесеніе о томъ получилъ Фельдмаршалъ рано утромъ того же 11-го числа.

Если бы немедленно выступившей изъ Тарутина арміи приказано было ускорить движеніе и не останавливаться въ селѣ Спасскомъ на рѣкѣ Протвѣ, она пришла бы къ Малоярославцу по крайней мѣрѣ три часа ранѣе, заняла бы ту же позицію на дорогѣ въ Калугу. Не надлежало приступать къ устроенію редутовъ, которые казались івсѣмъ неумѣстными, и не только не умножать въ большомъ количествѣ свѣжія войска, для удержанія за собою города, напротивъ, полезно было вывести тѣ, которыхъ необходима была упорная защита до прибытія арміи. Это сократило бы потерю не одной тысячи человѣкъ, и доказывается тѣмъ, что Наполеонъ, имѣвши во власти городъ, видѣвши удаленіе арміи нашей, ничего предпринять не рѣшился, и ясно видно было, что не существовало ни малѣйшихъ приуготовленій къ наступательнымъ дѣйствіямъ.

Съ величайшимъ упорствомъ дрались Французы, и въ особенности тѣснимый корпусь Генерала Бороздина не могъ уже противостоять. Мѣсто его заняли свѣжія войска въ значительныхъ силахъ. Окончательно введены гренедерскіе полки, и почти до полуночи продолжалась жесточайшая борьба. Войсками распоряжался Дежурный Генералъ Коновницынъ, съ обычною его неустрашимостію и изъ послѣднихъ оставилъ городъ. Овладѣвшій имъ непріятель, въ крайней чертѣ его (въ опушкѣ) расположилъ артиллерію и въ продолженіи ночи ничего не предпринялъ!

13-го числа Октября, поутру армія занимала ту же позицію. Атаманъ Генералъ Платовъ, собравши на оконечности лѣваго нашего крыла большое количество Донскихъ войскъ, перешелъ рѣчку Лужу и ударилъ на непріятельскую конницу. Внезапное нападеніе произвело большой безпорядокъ и смятеніе. Казаки взяли плѣнныхъ, тринадцать пушекъ и одно знамя. Отступили тогда, какъ большія массы войскъ обратились на нихъ. При семъ случаѣ понесъ огромную потерю уланскій полкъ Польской гвардіи.

Атаманъ Платовъ оставилъ нѣсколько полковъ, приказавши имъ находиться и по возможности дѣйствовать въ тылу непріятельской арміи.

По приказанію Фельдмаршала, взятыя пушки и знамя провезены по лагерю, для показанія войскамъ.

Призвавши меня, Князь Кутузовъ сказалъ о намѣреніи его отойти съ арміею по направленію на Калугу. Стараясь убѣдить его остаться въ позиціи, если не весь день, по крайней мѣрѣ нѣсколько часовъ, я долженъ былъ войти въ подробности и говорилъ, что съ самаго начала дня не умножена артиллерія въ опушкѣ города, ничто не обнаруживаетъ пріуготовленій къ дѣйствіямъ наступательнымъ. Не отъ Наполеона можно ожидать безразсудной рѣшительности атаковать нашу армію въ ея выгодной позиціи, имѣя въ виду городъ, въ маломъ числѣ тѣсныя улицы, повсюду неудобные къ рѣчкѣ спуски, пагубные, въ случаѣ отступленія, мосты подъ нашими выстрѣлами. Армія наша превосходила въ силахъ, особенно послѣ отправленія на Мр-

жайскъ Польской арміи и большаго числа тяжелой артиллеріи.[78] Кавалерія наша свѣжая и въ хорошемъ состояніи; у непріятеля большой въ ней недостатокъ. Можно было подозрѣвать, что городъ занятъ однимъ авангардомъ, ибо главныя массы обозрѣны были за рѣчкою Лужею. Фельдмаршалъ настаивалъ доказать выгоду отступленія арміи. Меня спросилъ онъ, какъ я думаю. Я допускалъ движеніе арміи, но только на малое разстояніе, по направленію на Медынь. «Какъ можно это, въ виду непріятеля?» Я отвѣчалъ, что Платовъ взялъ пушки на той сторонѣ рѣчки Лужи. «Я люблю говорить съ тобою, ибо никогда обстоятельства не представляются тебѣ въ худомъ видѣ.» Таковыми, конечно, казались они всякому. Я увѣренъ, что Кутузовъ не ожидалъ атаки со стороны Наполеона; не противорѣчилъ разсужденію моему, что недостаточно цѣлаго дня, чтобы продвинуть чрезъ городъ всю армію съ ея артиллеріею, и необходимо имѣть пространство, гдѣ бы расположить ее въ какомъ либо предварительномъ порядкѣ. Со всѣмъ тѣмъ армія на одинъ переходъ отошла по Калужской дорогѣ, гдѣ уже находился Кутузовъ 14-го числа Октября, при самомъ началѣ дня. Оставленъ арріергардъ подъ начальствомъ Генерала Милорадовича, составленный изъ II-го пѣхотнаго корпуса, бывшаго Генерала Багговута; IV-го пѣхотнаго корпуса Графа Остермана; кавалерійскаго корпуса Генералъ-Адъютанта Барона Корфа, и нѣсколькихъ Донскихъ полковъ съ Генералъ-Маіоромъ Карповымъ.

14-го числа Октября, предъ полуднемъ, высланъ изъ города небольшой отрядъ пѣхоты; бывшая при немъ артиллерія перестрѣливалась съ артиллеріею передовыхъ постовъ нашего арріергарда. Прочія войска не приняли въ томъ участія, и день кончился безъ послѣдствій.[79]

---

[78] Вскорѣ изъ показанія плѣнныхъ объяснилось, что Князь Понятовскій съ Польскою арміею и малымъ весьма числомъ кавалеріи находится при Наполеонѣ, но что вся прочая, вмѣстѣ съ Французскою и всѣхъ другихъ союзниковъ конницею, отправлена спѣшенна изъ Москвы чрезъ Можайскъ.

[79] Одинъ изъ Генераловъ, командующій дивизіею, давалъ обѣдъ корпусному своему командиру, Графу Остерману, гдѣ я находился также. На открытомъ мѣстѣ, воздухъ чрезвычайно свѣжій, не противился нѣкоторому умноженію

Ночью уже возвратился я въ Главную Квартиру и, отогрѣваясь въ своей избѣ, не имѣлъ нужды быть у Фельдмаршала. Вдругъ неожиданно требуетъ онъ меня къ себѣ. Первыя слова его: «Милорадовичъ доноситъ, что непріятелемъ оставленъ Малоярославецъ и занятъ нашими войсками. Наполеонъ съ арміею въ пяти верстахъ за городомъ.» Съ покорностію изъявилъ я ему, что безъ вниманія оставлена просьба моя не отдалять арміи къ Калугѣ. Фельдмаршалъ продолжалъ: «Непріятеля наблюдаютъ одни передовые Казачьи посты. Милорадовичъ приказалъ Генералъ-Адъютанту Барону Корфу съ кавалерійскимъ корпусомъ и Донскими полками Генерала Карпова слѣдовать за непріятелемъ, по исправленіи мостовъ чрезъ рѣчку Лужу, въ самомъ городѣ обоимъ пѣхотнымъ корпусамъ не сдѣлалъ назначенія. Отправляйся теперь же къ Милорадовичу, собери всѣ свѣдѣнія и извѣстія, назначь приличное направленіе войскамъ, и Милорадовичу объяви на то мое повелѣніе Мнѣ обо всемъ давай знать подробно. Впредь до особеннаго приказанія оставайся у Милорадовича! Ты знаешь, голубчикъ, что въ рапортѣ не все можно писать, и по тому увѣдомляй меня просто записками! Движеніе арміи я буду согласовать съ дѣйствіями авангарда.» Отправляясь, я доложилъ Фельдмаршалу, что, какъ уже объяснилось рѣшительное отступленіе Наполеона, то полезно усилить авангардъ, и выпросилъ Генералъ-Маіора Паскевича, извѣстнаго храбростію, съ командуемою имъ 26-ю пѣхотною дивизіею, и ему приказано тотчасъ слѣдовать. Милорадовича нашелъ я въ Малоярославцѣ и за ужиномъ у Барона Корфа веселую бесѣду. Много оставалось еще ночи и въ расположеніи войскъ не было ни какой перемѣны. На томъ же мѣстѣ стоялъ лагерь Наполеона, вѣроятно, давая время собраться разбросаннымъ въ разныя стороны отрядамъ. Извѣстія отъ окрестныхъ жителей противорѣчили одни другимъ. Слышно было, что большія силы замѣчены къ сторонѣ Боровска и Верей. Я объявилъ волю Фельдмаршала, чтобы съ разсвѣтомъ II и IV пѣхотные корпуса выступили по направленію въ городъ Медынь. Съ началомъ дня кавалерійскій корпусъ, съ нимъ Генералъ-

---

тостовъ. Не рано кончилась бесѣда, и я, сѣвши въ телѣгу, приказалъ везти себя шагомъ, чтобы отдохнуть и даже уснуть немного, и спокойно отправился въ Главную Квартиру.

Баронъ Корфъ и всѣ Донскіе полки были въ виду непріятеля. Наполеонъ продолжалъ отступленіе, далеко въ правой сторонѣ оставляя городъ Верею, но точнаго направленія не легко было угадать. Не дошедши до Медыни, я получилъ свѣдѣнія, что Атаманъ Платовъ преслѣдуетъ непріятеля, взялъ уже флангъ его, что посланный отъ него съ частію Казаковъ Генералъ-Адъютантъ Графъ Орловъ-Денисовъ нанесъ совершенное пораженіе выступившему изъ Медыни отряду Польскихъ войскъ.

Генералъ Милорадовичъ, ускоривъ движеніе свое, прошелъ чрезъ село Одоевское, село Кременское на рѣчкѣ Лужѣ и село Георгіевское, мѣстами спокойными, гдѣ жители не оставляли домовъ своихъ, и намъ ни въ чемъ не было недостатка.

Атаманъ Платовъ между тѣмъ, близъ Колоцкаго монастыря, на дорогѣ отъ Можайска въ Гжатскъ, отнялъ двадцать пять орудій безъ большихъ усилій; во множествѣ плѣнные доставались ежедневно; всякаго рода недостатки обнаруживали худое состояніе поспѣшно отступающей Французской арміи. Преслѣдуя до Гжатска, Платовъ сближался съ авангардомъ Милорадовича, который доходилъ до села Никольскаго, на дорогѣ отъ Гжатска до Юхнова. Здѣсь установлено между нами сношеніе. Изъ села Георгіевскаго писалъ я Фельдмаршалу, что армія можетъ сократить путь и прямо ити на городъ Вязьму, будучи совершенно закрытою авангардомъ. Онъ взялъ предложенное мною направленіе, но ничего не отвѣчалъ, и мы знали только, что армія изъ лагеря при селѣ Дичинѣ пошла на Медынь. По извѣстіямъ Атамана Платова и по показаніямъ плѣнныхъ подтверждалось, что Наполеонъ, сопровождаемый своею гвардіею, идетъ впереди на цѣлыя сутки; три корпуса его арміи вмѣстѣ, но въ величайшемъ безпорядкѣ. Начальствующій ими Евгеній, Вице-Король Италіянскій, видя всегда однихъ Казаковъ, не подозрѣваетъ, чтобы на лѣвомъ флангѣ его могла быть пѣхота наша въ значительныхъ силахъ, скрытно наблюдавшая его въ близкомъ разстояніи отъ большой дороги. Недостатокъ кавалеріи у Французовъ лишилъ ихъ возможности обозрѣвать окрестности.

Основательно заключалъ Генералъ Милорадовичъ, что, отрѣзавъ у непріятеля единственную дорогу, стать съ однимъ аван-

гардомъ противъ всей арміи, было небезопасно: онъ рѣшился идти къ селенію Царево Займище, гдѣ хорошо извѣстное намъ мѣстоположеніе представляло намъ большія выгоды. На послѣднемъ переходѣ къ селенію, особенно подтверждено было начальникамъ идущихъ въ головѣ войскъ, чтобы мѣсто ночлега ихъ скрыто было непремѣнно; воспрещены были огни на бивуакѣ. Никогда не было болѣе необходимо присутствіе при нихъ самаго Милорадовича, но вотъ что произошло.

При Милорадовичѣ находился отлично способный и храбрый Полковникъ Потемкинъ, нѣчто въ родѣ начальника штаба. Въ этотъ день на переходѣ давалъ онъ обѣдъ Милорадовичу; восхваляемъ былъ искусный его поваръ; не безъ вниманія смотрѣли на щеголеватый фургонъ, въ которомъ хранился фарфоровый сервизъ и во множествѣ разные лакомые припасы. Было мѣсто и для шампанскаго. Полки проходили съ пѣснями и кричали ура! Коротокъ былъ день и ночлегъ не близокъ. Не доѣхавши еще до него, услышали мы ружейные выстрѣлы. Поспѣшно прискакавши, мы нашли сильную уже перестрѣлку. Начальникъ 4-й пѣхотной дивизіи, Принцъ Евгеній Виртембергскій, вопреки распоряженію, не только не старался скрыть пребыванія своего, но такъ близко къ дорогѣ, по которой безпечно проходилъ непріятель, подвинулъ посты свои, что онъ долженъ былъ взять предосторожности, выслать стрѣлковъ и составленныя съ поспѣшностію массы въ особенномъ устройствѣ. Безразсудное дѣйствіе Принца Евгенія, любимаго войсками, неустрашимаго, но мало способнаго къ соображеніямъ, хотя нѣсколько сложнымъ, поставило въ необходимость Графа Остермана подкрѣпить его IV-мъ корпусомъ и всѣмъ прочимъ воскамъ приказать быть въ готовности. Непріятель, пользуясь темнотою продолжительной ночи, и не остановясь на ночлегъ, съ поспѣшностію продолжалъ движеніе, и мы лишились случая нанести ему сильное пораженіе. Генералъ Милорадовичъ, человѣкъ при Дворѣ ловкій, сообразивъ, что Принцъ Евгеній принадлежалъ Царскому нашему Дому, былъ къ нему весьма снисходительнымъ. Я, объяснивъ ему важность послѣдствій неисполненнаго распоряженія, сообщилъ, что въ званіи моемъ я обязанъ донести обо всемъ Фельдмаршалу, и увѣренъ былъ, что Принцъ почиталъ его несравненно превосходящимъ ловкостію Генерала Милорадовича.

Если бы непріятель не былъ встревоженъ неожиданнымъ нашимъ появленіемъ, онъ расположился бы на ночлегъ, и на другой день былъ бы атакованъ на маршѣ. Авангардъ могъ напасть на часть войскъ, соразмѣрную своимъ силамъ, и ее уничтожить.

Выступивши рано на другой день, мы нашли за селомъ Царево Займище весьма длинное дефиле, состоящее изъ высокой насыпи, по которой пролегала вязкая дорога, обсаженная огромными тополями. Видно было, какія представляла она затрудненія проходившему ночью непріятелю. Во многихъ мѣстахъ оставлены въ грязи тяжелыя орудія, фуры съ зарядами и обозы, или сброшены съ дороги, чтобы не препятствовали послѣдующимъ. Не менѣе двухъ часовъ употребили мы, чтобы авангардъ продвинуть чрезъ дефиле.

Послѣ записки моей Фельдмаршалу, посланной изъ села Георгіевскаго, послалъ я другую, прося убѣдительно прійти съ арміею къ городу Вязьмѣ 22-го Октября. Теперь, какъ видно, я вполнѣ оправданъ самими обстоятельствами, и конечно, не иначе можемъ мы встрѣтить сопротивленіе, какъ приближаясь къ Вязьмѣ. Отъ имени Фельдмаршала получилъ я письмо Полковника Толя, въ которомъ чувствительно было негодованіе за настойчивость моихъ представленій, и что Князь, конечно, предупредилъ бы самъ таковымъ распоряженіемъ, если бы чаще извѣщаемъ былъ о дѣйствіяхъ авангарда, и сообщилъ, что армія прибудетъ 21-го числа Октября въ окрестности города Вязьмы.

Генералъ Милорадовичъ получилъ повелѣніе Фельдмаршала, 26-ю пѣхотную дивизію съ Генералъ-Маіоромъ Паскевичемъ [80] и три кавалерійскіе полка отправить къ войскамъ Атамана Платова, дѣйствующимъ по большой дорогѣ. Онъ желалъ, [81] чтобы я былъ съ нимъ, и 22-го числа я переѣхалъ къ нему.

---

[80] Дивизія тогда находилась еще въ слѣдованіи къ авангарду.

[81] Я готовъ былъ сдѣлать это по собственному побужденію, находя нужду въ отдохновеніи отъ беспорядковъ, какихъ не видывалъ я въ жизни моей и съ которыми Милорадовичъ не могъ разлучиться на одну минуту. Въ ежедневной дислокаціи войскъ авангарда назначалась его квартира, и ни од-

Непріятель во весь день отступалъ поспѣшно, слабо защищаясь, и Атаманъ Платовъ имѣлъ ночлегъ въ 27 верстахъ отъ города Вязьмы. Извѣстно было отъ плѣнныхъ, что непріятель намѣревался удерживать городъ, и что Наполеонъ впереди на разстояніи небольшаго перехода. Милорадовичъ и Платовъ, желая вознаградить потерянные труды четырехъ переходовъ вѣрнымъ успѣхомъ при селеніи Царево Займище, не могли имъ воспользоваться, и по тому назавтра 22-го Октября условились дѣйствовать всѣми силами соединенно. Авангардъ, проселочною дорогою ускоривъ движеніе, долженъ быть въ готовности атаковать правый флангъ непріятеля, когда, отступая, придетъ онъ къ селу Ѳедоровскому. Платовъ тотъ день началъ преслѣдовать позже обыкновеннаго, расчитывая, что авангардъ не прежде одиннадцати часовъ можетъ прійти къ назначенному мѣсту, отправилъ два отряда Казаковъ съ артиллеріею, и при нихъ Генералъ-Маіоровъ Иловайскаго 5-го и Кутейникова. Изъ 26 пѣхотной дивизіи, бывшей еще въ нѣкоторомъ отдаленіи, посадивъ на конь 300 человѣкъ 5 егерскаго полка, приказалъ прибыть поспѣшнѣе, и самъ выступилъ съ ночлега въ семь часовъ. Непріятель показалъ аррієргардъ слабый. Въ девять часовъ слышна была съ лѣвой стороны канонада, предполагаемая противъ отрядовъ Иловайскаго и Кутейникова, но вскорѣ они присоединились и извѣстили, что непріятель въ большихъ силахъ удерживаетъ движеніе авангарда. Прибыли посаженные на конь егеря и съ чрезвычайною скоростію приближался Генералъ-Маіоръ Паскевичъ съ дивизіею. Атаманъ Платовъ поручилъ въ распоряженіе мое регулярныя войска, придавъ имъ нѣсколько Казачьихъ полковъ. Непріятель упорно защищалъ выгодную возвышенность, умножилъ на ней силы. Я подвинулъ прибывшіе съ Полковникомъ Княземъ Вадбольскимъ кавалерійскіе полки, и началась канонада. Курляндскій драгунскій полкъ ударилъ на приближавшуюся пѣхоту и, не взирая на кар-

---

ного разу онъ въ ней не находился. Посылаемые за приказаніями офицеры, сталкиваясь по дорогамъ, его отыскивали. Въ квартирѣ Милорадовича помѣщался Графъ Остерманъ, и я вмѣстѣ съ нимъ. Пробуждаясь не рѣдко ранѣе ихъ, въ той же избѣ, подъ ихъ глазами, писалъ Милорадовичу, сообщалъ распоряженія Фельдмаршала, ни какихъ отъ него не получая, и которыя, безъ сомнѣнія, присвоятъ себѣ его окружающіе.

течный огонь, разсѣялъ съ большимъ ея урономъ. Но полки наши не только оттѣснены были, но и самой батареѣ было угрожаемо. Въ это самое время прибѣжали полки 26 пѣхотной дивизіи, возстановили порядокъ и непріятеля весьма усилившагося отразили. Авангардъ Милорадовича, встрѣчая менѣе сопротивленія, подвинулся впередъ. Донскіе полки съ частію артиллеріи посланы обойти собравшуюся не въ большой массѣ непріятельскую конницу съ праваго ея фланга. Она не допустила атаки нашей кавалеріи, поддерживаема будучи сильною пѣхотою. Одну изъ ея колоннъ храбро атаковалъ и опрокинулъ Каргопольскій драгунскій полкъ. Войска атамана Платова вошли въ связь съ войсками авангарда, по всей линіи загорѣлась сильная канонада, и непріятель, упорно сопротивляясь, отступилъ во всѣхъ пунктахъ, направляясь на лежащую не далеко гораздо лучшую позицію, сосредоточивъ свои силы. Сократилась и наша линія. Происходили между частей войскъ удачныя и не вполнѣ успѣшныя схватки. Казалось намъ всѣмъ, по времени, клонящемуся къ вечеру, по силамъ непріятеля, что, вспомоществуемый выгодою мѣстоположенія, онъ удержится до ночи и займетъ городъ для удобнѣйшаго отступленія. Но совершенно удивлены мы были, увидѣвъ, что, по мѣрѣ приближенія нашего, непріятель оставлялъ позицію. Быстро преслѣдовали войска наши, умножая на каждомъ шагу замѣшательство въ полкахъ непріятельскихъ и, не останавливаясь на лежащей предъ городомъ равнинѣ, соединился весь авангардъ Генерала Милорадовича. Сильно занята была опушка города, и нѣкоторое время одна артиллерія была въ дѣйствіи. На конечности праваго нашего крыла войска Донскія съ ихъ артиллеріею находились подъ личнымъ предводительствомъ Атамана. Намъ извѣстно было, что Фельдмаршалъ стоялъ съ арміею въ близкомъ разстояніи, но съ мѣста не двигался. Но въ продолженіи канонады нашей прибыла кирасирская дивизія съ гвардейскою конною артиллеріею и открыла батареи свои съ малымъ весьма вредомъ непріятелю, который примѣтно уменьшилъ принятыя имъ въ началѣ предосторожности, увидѣвъ одну только кавалерію. Командующій Генералъ-Адъютантъ Уваровъ благоразумно избѣгалъ безполезной потери въ лучшихъ полкахъ арміи, кавалергардскомъ и конной гвардіи. Тогда видѣлъ я Генерала Беннигсена, который говорилъ мнѣ, что армія наша не далеко, что онъ здѣсь любопыт-

нымъ зрителемъ происшествій. Въ то же время пріѣзжалъ Коновницынъ, но, въ званіи Дежурнаго Генерала, ни во что не вмѣшивался. Становилось уже темно, и Генералъ Беннингсенъ, чувствуя холодъ, сказалъ, что отогрѣется чаемъ въ Главной Квартирѣ.

Замѣчено, что слабѣе охраняема опушка города, и рѣшена общая атака по всей линіи Со стороны авангарда назначенъ Г. Милорадовичемъ начальникъ 11-й пѣхотной дивизіи, Генералъ-Маіоръ Чоглоковъ, и полки Перновскій и Кексгольмскій ударили въ штыки и вошли въ городъ. Встрѣтившая ихъ колонна гренадеръ Италіянской арміи поражена и преслѣдована въ городѣ. Въ то же самое время и въ ближайшую улицу, изъ войскъ, порученныхъ Атаманомъ въ мое распоряженіе, Генералъ-Маіоръ Паскевичъ съ 26 дивизіею, штыками открылъ себѣ путь по тѣламъ противоставшаго непріятеля, и, минуты не остановясь, перешелъ рѣку, преслѣдуя бѣгущихъ до крайней черты города. Самъ Атаманъ Платовъ съ правой оконечности нашей вступилъ въ городъ и, перейдя за рѣку, занялъ большую часть онаго. Мгновенно ворвались въ городъ: состоявшій при Милорадовичѣ Адъютантъ мой, Поручикъ Граббе, съ командою стрѣлковъ и двумя орудіями конной артиллеріи, а съ противоположной стороны партизаны Сеславинъ и Фигнеръ. Повсюду уступалъ непріятель; поспѣшно удаляясь, зажегъ нѣсколько домовъ, гдѣ была артиллерійская лабораторія, и пламя, распространясь, охватило большой военный госпиталь, сдѣлавшійся жертвою. Войска наши, занимая городъ, частію силъ расположились по наружности. Въ этотъ день взято нами въ плѣнъ: одинъ Генералъ, много офицеровъ и нижнихъ чиновъ болѣе двухъ тысячъ, два знамени и нѣсколько пушекъ. Плѣнные показали, что ихъ было три корпуса: Вице-Короля Италіянскаго Евгенія, Маршаловъ Даву и Нея, всего сорокъ тысячъ человѣкъ. Маршалъ Ней былъ уже въ 17 верстахъ за городомъ, но, услышавъ канонаду, возвратился въ помощь сражающимся. Говорятъ, но не утверждая, что и самъ Наполеонъ былъ въ городѣ, когда мы приближались къ нему, но отправился къ гвардіи своей и войскамъ, продолжающимъ отступленіе къ Смоленску.

Непріятель, оставивши городъ, занялъ ближайшее къ нему кладбище и на немъ учредилъ батарею. На главной площади города стояла наша пѣхота, большое число Казаковъ при Атаманѣ

Платовѣ, и я вмѣстѣ съ нимъ. Огни бивуака служили цѣлью и часто не безъ вреда упадали ядра. Въ опушку города выслана рота артиллеріи, но мы должны были оставить площадь.[82]

Если бы стоявшая вблизи армія присоединилась къ авангарду, на первой позиціи былъ бы опрокинутъ непріятель; оставалось большое пространство для преслѣдованія; могли быть части войскъ совершенно уничтоженныя и гораздо прежде вечера городъ въ рукахъ нашихъ. Съ превосходствомъ силъ нашихъ не трудно было отбросить часть непріятеля на Духовщину и всегда предупреждать ее на худой дорогѣ въ слѣдованіи къ Смоленску.

Въ Вязьмѣ въ послѣдній разъ мы видѣли непріятельскія войска, побѣдами своими вселявшія ужасъ повсюду и въ самихъ насъ уваженіе. Еще видѣли мы искуство ихъ Генераловъ, повиновеніе подчиненныхъ и послѣднія усилія ихъ.

На другой день не было войскъ, ни къ чему не служила опытность и искуство Генераловъ, исчезло повиновеніе солдатъ, отказались силы ихъ, каждый изъ нихъ болѣе или менѣе былъ жертвою голода, истощенія и жестокости погоды. Въ четырехъ верстахъ далѣе Вязьмы, на переправѣ чрезъ небольшой ручей, нашли мы нѣсколько брошенныхъ орудій. Поспѣшность въ отступленіи не происходила отъ того, чтобы авангардомъ нашимъ тѣснимъ былъ непріятель, всю ночь шедшій безпрепятственно.

23-го числа Октября авангардъ въ прежнемъ его составѣ, подъ начальствомъ Милорадовича, при которомъ дано мнѣ приказаніе находиться, преслѣдовалъ непріятеля по большой дорогѣ на Дорогобужъ. Атаманъ съ Казаками и ихъ конною артиллеріею пошелъ въ правую сторону отъ большой дороги. Фельдмар-

---

[82] Фельдмаршалъ, узнавши, что Наполеонъ оставилъ Малоярославецъ, занятый уже нашими войсками, медленно двинулъ армію, въ двадцати верстахъ стоящую при селеніи Дичинѣ, и усматривая, съ извѣстною своею прозорливостію, что огромное пространство, начинающееся жестокое время года, голодъ и всякаго рода лишенія, уготовятъ гибель Французской арміи, не намѣревался тѣснить ее. При Вязьмѣ же находились гвардейская кирасирская дивизія, и конечно полагаетъ Государь, что могла быть въ дѣйствіи и вся армія! Тутъ всякій узнаетъ Кутузова!

шалъ съ арміею взялъ направленіе на городъ Ельню. Морозъ былъ необыкновенный!

Авангардъ, не сдѣлавъ выстрѣла до села Семлева, взялъ въ плѣнъ болѣе тысячи нижнихъ чиновъ и нѣсколько офицеровъ, совершенно изнуренныхъ и больныхъ. По всей дорогѣ разбросаны были пушки, зарядныя фуры и обозы безъ упряжи. Единственная пища людей была лошадиное мясо, но и того было мало, ибо чуть годныхъ лошадей брали подъ артиллерію. Непріятель отступилъ поспѣшно; отдыхалъ немного днемъ, не достигаемый нашимъ авангардомъ; въ ночи, тревожимый Казаками, продолжалъ движеніе. Слѣды его означали разрушеніе спасающейся бѣгствомъ арміи.

Не дошедши восьми верстъ до города Дорогобужа, непріятель, переправясь за рѣчку Осьму, расположился на ночлегъ; мостъ сохраненъ былъ для послѣднихъ его войскъ. Передовые наши отряды, стремительно преслѣдуя ихъ, въ такое привели замѣшательство, что они, стѣсняясь на мосту, бросили пушки въ воду и лагерь подвергся близкому дѣйствію нашихъ орудій. Но сильная колонна непріятельской пѣхоты быстро кинулась чрезъ мостъ на нашу сторону, и не малая опасность угрожала нашимъ батареямъ.

Атаманъ Платовъ изъ Вязьмы отправился на Духовщину, по извѣстіямъ, что туда идетъ паркъ тяжелой артиллеріи, высланный въ Можайскъ предъ выступленіемъ Наполеона изъ Москвы. Медленно было его движеніе, по причинѣ огромнаго количества повозокъ подъ канцеляріями различныхъ штабовъ и экипажей множества чиновниковъ (non combattans). Прикрытіе состояло большею частію изъ войскъ арміи Вице-Короля Италіянскаго и прочихъ союзниковъ. Уклонясь отъ большой дороги, они почитали себя въ безопасности, не соблюдали порядка, ни малѣйшей осторожности. Внезапное появленіе тучи Казаковъ съ самимъ Атаманомъ Платовымъ привело все въ замѣшательство; никто не помышлялъ о защитѣ, всякій искалъ спасенія. Взяты въ плѣнъ: одинъ Генералъ, занимающій важное мѣсто въ арміи, всѣ чиновники, много нижнихъ чиновъ и многочисленная коллекція картъ и

плановъ.[83] Казакамъ, при самой незначительной потерѣ, достались въ руки шестьдесятъ три орудія и богатая весьма добыча.

Атаманъ Платовъ, пришедши на правый берегъ Днѣпра, остановился противъ предмѣстія Смоленска, укрѣпленнаго Французами. Наполеонъ съ гвардіею и вся армія занимали городъ.

Изъ Дорогобужа предписано Генералу Милорадовичу съ авангардомъ слѣдовать къ арміи, а мнѣ приказано пріѣхать въ Главную Квартиру,

Отъ рѣки Осьмы до Дорогобужа Генералъ-Маіоръ Юрковскій съ двумя егерскими полками и легкою кавалеріею преслѣдовалъ непріятельскій арріергардъ, который, слабо защищаясь, оставилъ нѣсколько пушекъ. Далѣе, разбивши его у Соловьевой переправы, отнялъ много орудій и отъ Смоленска возвратился къ своему мѣсту, въ авангардъ.

Прежде прибытія арміи нашей въ городъ Ельню, Генералъ-Адъютантъ Графъ Орловъ-Денисовъ посланъ съ отрядомъ овладѣть Французскими рекрутскими депо, расположенными въ разныхъ мѣстахъ окрестности, частію осмотрѣнными уже партизанами, Давыдовымъ, Фигнеромъ и Сеславинымъ.

Въ Ельнѣ находился Генералъ-Маіоръ Князь Яшвиль (Владиміръ Михайловичъ), командовавшій милиціею Калужской Губерніи. Узнавши о движеніи Генерала Ожеро, онъ оставилъ городъ, но, настигнутый, долженъ былъ принять неравный бой противъ сильнаго рекрутскаго депо. Внезапно пребывшій Генералъ Графъ Орловъ-Денисовъ охранилъ милицію и, преслѣдуя Генерала Ожеро, атаковалъ его, упорно защищавшагося въ занимаемомъ селеніи. Графу Орлову-Донисову содѣйствовали трое нашихъ партизановъ. Огнемъ артиллеріи нашей взорваны фуры съ патро-

---

[83] Изъ числа ихъ карту большей части Германіи, огромнаго размѣра, изящно во всѣхъ подробностяхъ отдѣланную (рисованную и оттушеванную кистью), видѣлъ я у Князя Волконскаго, начальника главнаго штаба Государя Императора. Наше депо картъ обогатилось такими съемками, каковыхъ тогда уже, конечно, не было во Франціи.

нами, и Генералъ сдался. Взято плѣнными болѣе полутора тысячъ человѣкъ. Спѣшившій на помощь съ рекрутскою своею конницею, Генералъ Шарпантье, потерявъ часть ея, отброшенную въ болото, удалился. Въ селеніи Клементинѣ сожжены магазины съ заготовленіями разнаго рода. Встрѣченный нашими партизанами съ рекрутскимъ пѣхотнымъ депо, Генералъ Бараге д'Илье, узнавши о сдачѣ Генерала Ожеро, размѣнявшись нѣсколькими ружейными выстрѣлами, поспѣшно отступилъ.

Въ движеніи отъ Смоленска до Москвы непріятельская армія, для обезпеченія сообщеній, располагала военные посты, достаточно укрѣпленные противъ внезапныхъ нападеній, въ церквахъ и отдѣльныхъ строеніяхъ, гдѣ удобно могли храниться запасы продовольствія и другія снабженія для войскъ, идущихъ къ арміи. Но беззаботливость до такой простиралась степени, что нигдѣ и ни какихъ запасовъ заготовляемо не было.

Не прежде окрестные поселяне Москвы взялись за оружіе, какъ по занятіи ея Наполеономъ. Быстрое движеніе его арміи не давало времени тревожить деревни, лежащія близко по обѣимъ сторонамъ большой дороги. Жители не покидали домовъ своихъ, производили прежнія сельскія работы и ни въ чемъ не терпѣли недостатка. Непріятелю могли служить чрезвычайно важнымъ пособіемъ находящіяся въ тылу арміи селенія, если бы шедшія за нею нестройныя толпы развратной союзной сволочи воздерживаемы были отъ безчинствъ и разбоевъ. Между народомъ спокойнымъ и не раздраженнымъ, разсыпанныя ловкимъ образомъ деньги, въ уплату за доставляемые припасы, если бы и не могли предотвратить возстанія, то, конечно, не сдѣлалось бы оно общимъ и столько гибельнымъ; но даже нѣтъ сомнѣнія, что нашлись бы и готовые усердствовать.

Наполеонъ, видѣвши нашу армію въ грозномъ порядкѣ отступившую послѣ ужасной битвы Бородинской, Москву, оставленную безъ защиты, обреченную произвольно на истребленіе пламенемъ, долженъ былъ убѣдиться, что продолженіе войны не избѣжно, и особенно, когда, долго ожидая тщетно предложеній о мирѣ со стороны Фельдмаршала, прислалъ онъ съ объясненія-

ми Генерала Лористона[14] въ Главную его Квартиру, селеніе Тарутино.

Правдоподобно было, что онъ умножитъ армію идущими свѣжими войсками, призваны будутъ не далеко расположенные сильные во множествѣ резервы. Но каждый далекъ былъ отъ мысли, чтобы такъ скоро и въ самое неблагопріятное время предпринялъ онъ отступленіе.

Главная Квартира Фельдмаршала была въ городѣ Ельнѣ; Графу Остерману съ IV пѣхотнымъ корпусомъ приказано быть недалеко впереди, для наблюденій. Доходили слухи, что въ Смоленскѣ собраны огромные запасы, и Фельдмаршалъ допускалъ мысль, что Наполеонъ, давши отдыхъ арміи, возстановитъ въ ней порядокъ; но, конечно, нелѣпыми казались ему толки Главной Квартиры, что если наша армія приблизится къ Красному, тогда Наполеонъ пойдетъ изъ Смоленска, чрезъ Мстиславль, и въ городѣ Могилевѣ, присоединивши къ себѣ Польскія войска Генерала Домбровскаго, возметъ дальнѣйшее направленіе къ Литвѣ, мѣстами не опустошенными.

Въ Смоленскѣ Наполеонъ не нашелъ ни какихъ заготовленій, даже гвардіи его не доставало полныхъ раціоновъ; направился на Красный, занялъ его своею гвардіею и слабымъ корпусомъ Маршала Даву, въ ожиданіи главныхъ своихъ силъ, которыя медленно двигались по большой дорогѣ, каждый корпусь особенно, безъ всякой между собой связи, безъ взаимной обороны, въ совершенномъ разстройствѣ, со множествомъ людей, безсильныхъ владѣть оружіемъ, до невѣроятности изнуренныхъ голодомъ.

Фельдмаршалу докладывалъ я, что изъ собранныхъ отъ окрестныхъ поселянъ показаній, подтвержденныхъ изъ Смоленска выходящими жителями, Графъ Остерманъ доноситъ, что тому болѣе уже сутокъ, какъ Наполеонъ выступилъ съ своею гвардіею въ Красный. Не могло быть болѣе пріятнаго извѣстія Фельдмаршалу, который полагалъ гвардію гораздо сильнѣйшую, со-

---

[14] Бывшаго при нашемъ Дворѣ посломъ предъ самою войною, всѣми отлично уважаемаго за вѣжливое и обязательное обращеніе.

ставленную изъ приверженцевъ, готовыхъ на всякое отчаянное пожертвованіе. Выслушавши докладъ мой, онъ предложилъ Генералу Беннингсену завтракать съ собою и, положивши на тарелку котлету, съ особенною привѣтливостію подалъ мнѣ ее и вмѣстѣ рюмку вина. Съ ними отправился я къ окошку, ибо по тѣснотѣ негдѣ было посадить меня. При семъ случаѣ Баронъ Беннингсенъ представлялъ необходимость скорѣйшаго движенія арміи на Красный. Онъ удивленъ былъ грубою ошибкою Наполеона, который, если бы въ Смоленскѣ не потерялъ напрасно трое сутокъ, успѣлъ бы, по устроенному въ мѣстечкѣ Дубровнѣ мосту, перейти на правый берегъ Днѣпра, не только не преслѣдуемый, ниже замѣченный нашими арміями.[85]

Приказано составить подъ начальствомъ Генерала Милорадовича авангардъ изъ корпусовъ 1-го и 2-го кавалерійскихъ, II и IV пѣхотныхъ, сильной артиллеріи и нѣсколькихъ Казачьихъ полковъ. На меня возложена обязанность находиться при авангардѣ.

Испрашивая снисхожденія къ чувству нѣкотораго самодовольствія со стороны моей, я долженъ объяснить, что оно произведено лестнымъ одобреніемъ Генерала Беннингсена, когда изложилъ я ему соображеніе мое на счетъ предстоящихъ дѣйствій. Я полагалъ, что Наполеону выгоднѣе было выступить изъ Смоленска правымъ берегомъ Днѣпра. Морозы, скрѣпившіе болота, сдѣлали пути столько же удобными, какъ почтовая дорога. Направленіе на Смоляны оставляло въ сторонѣ городъ Оршу и Дубровну, сокращало разстояніе и ускоряло сближеніе съ Маршаломъ Удино. Наполеону не могло быть извѣстно, что городъ Полоцкъ уже въ рукахъ нашихъ, и что происходитъ съ войсками, защищавшими его, и тѣми, которыя содѣйствовали гарнизону по сдачѣ города. Много было причинъ, побуждавшихъ къ поспѣшности.

---

[85] По окончаніи завтрака, просилъ я Генерала Беннингсена съ настойчивостію объяснить необходимость предложеннаго имъ. «Если бы не зналъ я тебя, Ермоловъ, отвѣчалъ онъ мнѣ, съ самаго ребячества твоего, въ послѣдствіи долгое время подъ начальствомъ моимъ, я могъ бы думать, что ты желаешь противнаго; ибо, что предлагаю я, по мнѣнію моему, полезное, по большой части оно приводится иначе въ исполненіе. Ты не можешь не знать этого.»

Генералъ-Адъютантъ Графъ Орловъ-Денисовъ доносилъ, что, по болѣзни, не въ состояніи заниматься, бывшимъ въ его распоряженіи, отрядомъ, просилъ о передачѣ его. Не скрывая негодованія своего, онъ принималъ за оскорбленіе, что, при разбитіи рекрутскаго депо Генерала Ожеро и разсѣяніи другихъ его частей, признано содѣйствіе нашихъ партизановъ, а не одному ему приписанъ весь успѣхъ. Въ командованіе отрядомъ его вступилъ Генералъ-Маіоръ Бороздинъ. Составленъ новый отрядъ изъ 19-го егерскаго полка, шести орудій артиллеріи и достаточнаго количества Казаковъ, подъ начальствомъ Генералъ-Адъютанта Графа Ожаровскаго. Приблизившись къ Красному, не соблюлъ онъ должной осторожности, полагая, что отступающій непріятель ничего не предприметъ. Ночью Графъ Ожаровскій атакованъ стремительно гвардіею Наполеона въ большихъ силахъ. Велика была потеря въ храбромъ егерскомъ полку; особеннымъ счастіемъ уцѣлѣла артиллерія, и, при общемъ замѣшательствѣ, темнота была спасительнымъ покровомъ. Молвѣ о случившейся неудачѣ старались дать желанное направленіе, что, впрочемъ, не препятствовало самымъ подробностямъ сдѣлаться извѣстными. Государю описано происшествіе съ выгоднѣйшимъ истолкованіемъ, и всѣ остались довольными! Непріятель самъ торжествовалъ побѣду въ своемъ лагерѣ. Итакъ прославленному вождю открытъ путь къ возобновленію подвиговъ!

Генералу Милорадовичу съ авангардомъ приказано уже было идти къ городу Красному.

Атаманъ Платовъ, по занятіи Вязьмы и блистательномъ набѣгѣ на Духовщину, гдѣ овладѣлъ огромнымъ паркомъ артиллеріи и другими важными предметами, явился предъ укрѣпленнымъ Французами предмѣстьемъ города Смоленска, на правомъ берегу Днѣпра, когда Наполеонъ находился въ городѣ. Слѣдуя этимъ берегомъ, Атаманъ полагалъ предупредить Наполеона въ Дубровнѣ, или Оршѣ, и, затрудняя его при переправѣ, сколько возможно замедлить его движеніе, но узналъ что спокойно перешедши Днѣпръ, Наполеонъ находится въ Оршѣ. Не могъ представить себѣ Атаманъ Платовъ, чтобы армія наша, знавшая въ подробности состояніе непріятеля, съ неимовѣрною поспѣшностію уходящаго, не тронулась даже съ мѣста.

Ноября 3 числа авангардъ Генерала Милорадовича, не дойдя десять верстъ до Краснаго, приблизился къ идущей изъ Смоленска большой дорогѣ. Мѣсто IV корпуса заступилъ VII корпусъ Генерала Раевскаго. Часть кавалеріи авангарда вступила въ дѣло, непріятель скрылся въ лѣсъ. Взяты плѣнные и въ обозѣ богатая изъ Москвы добыча.

Въ этотъ день наша пѣхота мало была употреблена, и авангардъ отошелъ на ночлегъ въ ближайшее, разоренное, селеніе, оставленное жителями. Передовые извѣщательные посты наблюдали дорогу.

Ноября 4 числа Вице-Король Италіянскій, слѣдовавшій изъ Смоленска съ остатками своей арміи, къ которой присоединено было нѣсколько частей другихъ войскъ, миновавши правую оконечность нашего авангарда, сошелъ съ большой дороги и рѣшительно атаковалъ VII пѣхотный корпусъ. Генералъ Раевскій съ свойственною ему твердостію встрѣтилъ непріятеля, которому картечный огонь нашей артиллеріи, въ количествѣ гораздо превосходномъ, наносилъ ужасный вредъ, но и корпусъ Раевскаго потерпѣлъ значительный уронъ. Прежде прошедшая въ Красный непріятельская колонна возвратилась на звуки выстрѣловъ въ тылъ слабой части 4-й пѣхотной дивизіи храбраго Принца Евгенія Виртембергскаго, угрожая отличному Бѣлозерскому полку. Горяча была схватка, но приспѣли полки 1-го кавалерійскаго корпуса Генералъ-Адъютанта Барона Меллера-Закомельскаго, и колонна опрокинута въ разстройствѣ.

Въ то время, когда атака Вице-Короля Италіянскаго была отражена и онъ принужденъ былъ удалиться, Московскій драгунскій полкъ, подъ командою неустрашимаго Полковника Давыдова (Николая Владиміровича), врубился въ отдалившуюся колонну пѣхоты, изъ двухъ тысячъ человѣкъ; но до того изнурены были лошади въ полку, что изъ средины колонны не могли проникнуть до ея хвоста. Въ таковомъ же степени истощенія и усталости была непріятельская пѣхота, что не имѣла силъ, не только защищаться, но даже двигаться, бросила оружіе и сдалась въ плѣнъ. Взятъ орелъ, принадлежавшій одному изъ знаменитыхъ полковъ. Успѣхъ оружія нашего въ дѣйствіи нынѣшняго дня

могъ имѣть важнѣйшія послѣдствія, но наступившая темнота заставила войска отойти на отдохновеніе, для всѣхъ необходимое, на прежній ночлегъ. Расположенные сторожевые Казачьи посты извѣстили, что Вице-Король прошелъ ночью въ Красный.

Ноября 5-го числа на разсвѣтѣ авангардъ, возвратясь къ большой дорогѣ, сталъ параллельно ей, но къ Красному ближе прежняго. Войска наши въ этотъ день были очень умножены: присоединились дивизіи гренадерская и 3-я пѣхотная, полки гвардейской легкой кавалеріи и кирасирскіе.

Главной Квартирѣ Фельдмаршала служила прикрытіемъ гвардія. Изъ полковъ ея два пѣшіе съ артиллеріею, два полка кирасирскіе и Казаки составляли отрядъ Генералъ-Маіора Барона Розена (командира лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка). Подъ начальствомъ его находились отряды Генералъ-Адъютанта Графа Ожаровскаго и Генералъ-Маіора Бороздина. Составъ этого войска наименованъ авангардомъ, и ему назначено быть у селенія Доброе, весьма близко отъ Краснаго.

Усмотрѣнный вдали непріятель, въ продолженіи большой части дня, проходилъ отдѣльными толпами, изъ которыхъ рѣдкія были свыше двухъ тысячъ человѣкъ, въ совершенномъ разстройствѣ. Подъ огнемъ батарей нашихъ оставляли они орудія, бросали обозы и разсѣянные, съ огромною потерею, спасались въ лѣса. Нѣкоторыя отважно прошли далѣе, но пали подъ штыками дивизіи гренадерской Графа Строгонова и 3-й пѣхотной. Одну изъ колоннъ атаковали полки лейбъ-гвардіи драгунскій, гусарскій и уланскій и, хотя нанесли ей чувствительный уронъ, но глубокій снѣгъ во рвахъ по бокамъ дороги не допустилъ истребить ее и, прикрываясь ружейнымъ огнемъ, не отклоняясь даже съ дороги, она прошла въ Красный.

Противъ Генерала Барона Розена, ближайшаго къ городу, высланы изъ него колонны. Не долго и не твердо противялись онѣ, бросили пушки и удалились пораженныя. Упорно дрались части Наполеоновой молодой гвардіи и корпуса Маршала Даву, но не выдержали они стремительнаго удара лейбъ-гвардіи егерскаго полка; когда Баронъ Розенъ ворвался въ городъ, онъ взялъ оставленныя орудія, всѣ тяжести, экипажи Маршала Даву,

секретную его переписку и его Маршальскій жезлъ. Войскамъ досталась богатая добыча.

Подвигомъ этимъ заключилось 5 число. Гвардія наша вошла въ Красный. Армія, сосредоточенная, провела ночь у самаго города. Баронъ Розенъ, имѣя подкрѣпленіе, могъ слѣдовать за непріятелемъ, наблюдая, по крайней мѣрѣ, за его дѣйствіями, но ему приказано не выходить изъ города.

Ноября 6-го числа, съ началомъ дня, замѣченъ непріятель, идущій отъ Смоленска. Долго густой туманъ мѣшалъ опредѣлить его число, но схваченные плѣнные показали, что будетъ проходить Маршалъ Ней съ арріергардомъ, составленнымъ изъ остальныхъ людей всѣхъ вообще корпусовъ, довольно значительной артиллеріи и конницы съ девять сотъ человѣкъ соединенныхъ одиннадцати полковъ разныхъ націй, всего до пятнадцати тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ корпусъ самаго Маршала, весьма уже малолюдный, отличался примѣрнымъ порядкомъ.

Генералъ Милорадовичъ, съ VII пѣхотнымъ и 1 кавалерійскимъ корпусами, занялъ позицію на самой дорогѣ, предъ Краснымъ въ четырехъ верстахъ. Позади были его резервы, фронтъ прикрывали сильныя батареи, не далеко отъ спуска въ долину, въ которой переправа. Подходя къ этому мѣсту, Маршалъ Ней поставилъ батарею на противолежащей высотѣ, но она не долго выдерживала дѣйствіе нашей артиллеріи. Тогда, выславши большое число стрѣлковъ, заставилъ нашихъ стрѣлковъ отдалиться, исправилъ переправу и рѣшился пробиваться. Долгое время разстилался густой туманъ по землѣ; скрываемыя имъ три колоны подвигались подъ картечнымъ огнемъ нашимъ съ неимовѣрною твердостію, въ глубокомъ молчаніи, ни одного не дѣлая выстрѣла. Батареи наши были уже свезены и оставалось пѣхотѣ прекратить путь ихъ. Храбрый Генералъ-Маіоръ Паскевичъ, командующій дивизіею VII пѣхотнаго корпуса, съ двумя полками оной, стремительно ударилъ на одну изъ колоннъ, нанесъ ей ужасное пораженіе и разметалъ слабые ея остатки. На другую колонну бросился Павловскій гренадерскій полкъ и не съ меньшимъ урономъ ее опрокинулъ и разсѣялъ. При третьей колонѣ шли пять орудій. Быстра была атака лейбъ-гвардіи уланскаго полка на колонну. Ору-

ліи остались, не сдѣлавъ выстрѣла, но согласно поддержанный ружейный огонь пѣхоты ограничилъ гораздо меньшимъ числомъ удары конницы, и колона избѣгла истребленія. Маршалъ Ней, самъ предводившій войска, убѣдившись въ невозможности соединиться съ своею арміею, принужденъ былъ, въ крайнемъ положеніи своемъ, укрываться въ лѣсу. Еще были у него войска, еще была артиллерія. Наполеонъ, хотя и не далеко былъ отъ Краснаго, ничего, однако же, не предпринялъ въ помощь Маршалу Нею. Ничто лучше не объясняло положенія Наполеона; но арміи нашей не возбудило дѣятельность. Непоколебимъ пребывалъ Фельдмаршалъ, и занятіемъ арміи были однѣ остатки погибающаго Нея.

Въ продолженіи сраженія Генералъ Милорадовичъ, для развлеченія силъ непріятеля, приказалъ Генералъ-Адъютанту Барону Корфу кавалерійскій его корпусъ [86] подвинуть впередъ Онъ представилъ, что охраняетъ правое крыло авангарда. Такое же повелѣніе другія войска исполнили безъ затрудненія. Имѣя порученіе наблюдать за дѣйствіями противъ скрывающагося въ лѣсу Нея, лично могъ я видѣть, сколько неудобно было вдаваться въ глубину лѣса по разбросаннымъ тропинкамъ; приказалъ я, прекративъ безполезную перестрѣлку, дѣйствовать артиллеріею въ приличныхъ случаяхъ Я донесъ Генералу Милорадовичу, что вышедшія изъ опушки лѣса непріятельскія колонны, соедившись, взяли направленіе на нашу позицію, остановились не далеко отъ батарей нашихъ и отправили отъ себя для переговоровъ офицера, который объявилъ, что число всѣхъ чиновъ, состоящихъ въ колон-

---

[86] Нерѣдко, досадуя, слыхалъ я надъ Барономъ Корфомъ насмѣшки оскорбительныя, будто, въ случаѣ дѣйствій наступательныхъ, всегда находилъ онъ предлежащіе ему пути трудными, неудобными, и тѣ же самые пути казались ему весьма годными, когда непріятель дѣлалъ движеніе впередъ. Генералъ Баронъ Корфъ отличался вѣжливостію въ обращеніи, постоянствомъ въ привязанныхъ отношеніяхъ и пользовался большимъ уваженіемъ сослуживцевъ.

Не подвергающійся сомнѣнію въ смѣлости, Генералъ-Лейтенантъ Князь Долгоруковъ (Сергѣй Николаевичъ) вызвалъ заключеніе, что командиромъ корпуса могъ онъ быть при Князѣ Кутузовѣ. Прозорливый царедворецъ не рѣшится подозрѣвать неспособности въ человѣкѣ, имѣющемъ у Двора связи. Искусная классификація родовъ (фамилій) не безполезнымъ была для него соображеніемъ.

нѣ и сдающихся плѣнными, болѣе шести тысячъ человѣкъ; оружіе у нихъ далеко неравное числу людей, пушки ни одной.

Ужасенъ былъ видъ на нихъ близкаго разрушенія отъ голода. Весьма немногихъ сохранить возможно было.

Фельдмаршалъ разрѣшилъ сдѣланное прежде Генераломъ Розеномъ представленіе выступить съ отрядомъ для наблюденія; въ составъ его назначены полки гвардейской пѣхоты, два полка кирасиръ и три Казачьихъ полка войска Донского. Но всѣмъ казалась чуждою всякаго соображенія мысль воспретить Генералу Розену итти далѣе первой почтовой станціи, въ селеніе Ляды.

Маршалъ Ней, послѣ сдачи значительной части его войскъ, видя гибельное свое положеніе, рѣшился на отчаянное предпріятіе, перейти чрезъ Днѣпръ, какъ единственное средство спасенія.

Генералъ Милорадовичъ, отдѣливъ часть войскъ, для собранія въ одно мѣсто разбросаннаго по лѣсамъ непріятеля, возвратился въ Красный, и я сопровождалъ его.

Ноября 7-го числа сдѣлалъ я представленіе Фельдмаршалу: усиливъ отрядъ Генерала Розена, приказать ему итти впередъ, и просилъ поручить его мнѣ.

Съ особенною благосклонностію выслушавъ меня, изъявилъ соизволеніе, и немедленно сдѣлана перемѣна въ составѣ отряда. По собственному назначенію его поступили лейбъ-гвардіи егерскій и Финляндскій полки, кирасирскіе полки Его и Ея Величествъ, гвардейская пѣшая артиллерія и батарейная рота конной артиллеріи. Присоединенные батальоны пѣхоты, въ числѣ 12-ти, имѣли при себѣ полевыя орудія.

Долго не имѣвши случая видѣть никого изъ лицъ, обладающихъ главнѣйшимъ вліяніемъ на дѣла, слышалъ я, что Генералъ-Квартирмейстеръ Толь съ настойчивостію доказывалъ необходимость наблюденія къ сторонѣ Днѣпра и селенія Сырокоренья, но Дежурный Генералъ Коновницынъ, далеко не равныхъ способностей для соображеній дальновидныхъ и сложныхъ, отвергъ его предложеніе, и, конечно, ему обязанъ Маршалъ Ней своимъ спасеніемъ. Безпрепятственно дошедши до селенія Сырокоренья, рѣ-

шился онъ на отчаянное предпріятіе: перейти Днѣпръ по льду. Недостаточно сильны были морозы и ледъ гнулся подъ ногами. Оставивъ на берегу десять пушекъ, мало весьма тяжестей, Ней пустился, сопровождаемый до полуторы тысячъ человѣкъ; за нимъ вели верховую, его единственную, лошадь.

Нерѣшительныя и медленныя дѣйствія арміи при Красномъ, Фельдмаршалъ, въ донесеніи Государю, представилъ баталіями, данными въ продолженіи нѣсколькихъ дней, тогда какъ сраженія корпусовъ были отдѣльныя, не всѣми ихъ силами въ совокупности, не въ одно время, не по общему соображенію. Робкимъ дѣйствіямъ надобно было дать благовидное окончаніе, и какое можетъ быть лучше баталій? а онѣ составились по произволу. Вмѣстѣ съ тѣмъ поставлены на видъ потери и разстройство непріятельской арміи, готовыя пораженія и даже не отвергалась мысль совершеннаго ея уничтоженія при переправѣ чрезъ рѣку Березину, куда Адмиралъ Чичаговъ обращенъ со всѣми его силами.

Отправляясь къ порученному мнѣ отряду, получилъ я наставленіе Фельдмаршала въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Голубчикъ, будь остороженъ, избѣгай случаевъ, гдѣ ты можешь понести потерю въ людяхъ!» — «Видѣвши состояніе непріятельскихъ войскъ, отвѣчалъ я ему, которыя гонитъ, кто хочетъ, не входитъ въ мой разсчетъ отличиться подобно Графу Ожаровскому.» Свѣтлѣйшій воспретилъ переходить Днѣпръ, но переслать часть пѣхоты, если Атаманъ Платовъ найдетъ то необходимымъ. Ручаясь за точность исполненія, я перекрестился, но долженъ признаться, что тогда же рѣшился поступить иначе. Его желаніе было, чтобы Наполеона полагали не далеко, и что онъ готовъ преслѣдовать его.

Атаманъ Платовъ намѣревался затруднить непріятеля при переправѣ чрезъ Днѣпръ въ Дубровнѣ, или Оршѣ, но уже прошелъ онъ безпрепятственно.

Съ возможною скоростію прибылъ отрядъ мой въ Дубровну, но посланный впередъ Генералъ-Маіоръ Бороздинъ, не помысливъ объ исправленіи моста, переправился за Днѣпръ. Узнавъ, что мостъ устроенъ былъ, подъ руководствомъ Французскаго офицера, жителемъ города, я заставилъ его исправить мостъ по возможности. Ему выданы цѣпи и канаты отъ артиллеріи, отъ всѣхъ

полковыхъ обозовъ выданы веревки. Сваи до поверхности воды были тверды. Въ продолженіи полутора сутокъ, на малое время отлучался я отъ работъ, и все пріуготовлено было.

Пѣхота переведена безъ остановки, также артиллерія, подвигаемая людьми, по толстымъ доскамъ, постланнымъ вдоль моста. Большое затрудненіе представляли ея лошади, не смотря на принятыя мѣры осторожности; ибо мостъ былъ потрясаемъ и грозилъ разрушеніемъ. Лошадей двухъ кирасирскихъ полковъ не иначе переправили, какъ спутывая ноги каждой изъ нихъ и, положивши на бокъ, протаскивали за хвостъ по доскамъ. Лошади Казачьихъ полковъ перегнаны вплавь. Я поспѣшалъ соединиться съ Атаманомъ Платовымъ, который находился на томъ берегу и требовалъ пѣхоты. Средствомъ сообщенія служили намъ двѣ малыя лодки. Онъ переслалъ мнѣ захваченныхъ значительныхъ двухъ чиновниковъ (non combattans), изъ которыхъ одного отправилъ я при письмѣ Фельдмаршалу.[87] Усилившійся на Днѣпрѣ ледъ разрушилъ мостъ, и остались на мѣстѣ всѣ вообще обозы, часть патронныхъ ящиковъ и всѣ провіантскія фуры.[88]

Фельдмаршалъ приказалъ отрядамъ Графа Ожаровскаго и Бороздина слѣдовать, для наблюденія, къ городу Могилеву, полагая, что тамъ войска Польскія Генерала Домбровскаго. Партизаны: Давыдовъ, переправясь за Днѣпръ вплавь, схватилъ депо кирасиръ; Сеславинъ оставленъ въ распоряженіи Атамана Платова.

Армія, въ видахъ удобнѣйшихъ средствъ продовольствія, изъ Краснаго пошла въ городъ Копысъ.

Отрядъ мой не далеко за Днѣпромъ имѣлъ ночлегъ при хуторѣ, принадлежащемъ одному изъ монастырей города Орши. Ата-

---

87 Прося удостоить его полчаса разговора, ибо онъ имѣлъ точныя свѣдѣнія о состояніи арміи Наполеона, бывши съ нею въ одно время въ Смоленскѣ. Въ послѣдствіи видѣлъ я сочиненіе въ одномъ томѣ господина Puibusque кавалера ордена Св. Анны втораго класса, который получилъ находясь при особѣ Фельдмаршала.

88 Нѣкоторыя подробности о переправѣ допустилъ я по тому единственно, что она совершена необыкновенымъ способомъ, и въ доказательство, что возможно все съ несравненнымъ Русскимъ солдатомъ.

манъ сообщилъ мнѣ, что, удалясь отъ Смоленска, когда Наполеонъ и его армія тамъ еще находились, онъ съ того времени не имѣлъ ни какихъ извѣстій и былъ чрезвычайно удивленъ, когда захваченный плѣнный со всею подробностію разсказалъ ему, что Маршалъ Ней, съ малымъ числомъ сопровождавшихъ его, перейдя Днѣпръ съ большою опасностію и слышавъ отъ поселянъ, что въ окрестности появились Казаки во множествѣ, скрывался въ лѣсахъ не далеко отъ Дубровны, но высланные къ нему изъ Орши полки, освободивъ его, дали возможность итти впередъ съ полною безопасностію. Я донесъ Фельдмаршалу о переходѣ моемъ за Днѣпръ, и получилъ съ нарочнымъ приказаніе остановиться въ мѣстечкѣ Толочинѣ, до прибытія авангарда Милорадовича. Это обнаруживало внушеніе окружающихъ его, дабы, вмѣстѣ съ приходомъ авангарда, могла быть допущена мысль, что и сама армія готова быть у рѣки Березины.

Здѣсь, на первомъ ночлегѣ моемъ, явился ко мнѣ Еврей съ рапортомъ Князю Кутузову Графа Витгенштейна, что Маршалъ Викторъ стоитъ съ корпусомъ въ прежней позиціи, у мѣстечка Череи, вѣроятно, закрывая собою войска Маршала Удино, и что кавалерія его много препятствуетъ наблюденію за нимъ. Прочитавъ рапортъ, я вложилъ въ него записку съ замѣчаніемъ моимъ, что, поставя часть войскъ предъ Графомъ Витгенштейномъ, для сокрытія движенія своего, могъ непріятель дать войскамъ направленіе по внѣшней сторонѣ озера Долгое, обращенной къ рѣкѣ Березинѣ, и ускорить соединеніе съ Наполеономъ однимъ, по крайней мѣрѣ, очень большимъ переходомъ.[69]

Отрядъ мой заходилъ на короткое время въ городъ Оршу, гдѣ не задолго предъ тѣмъ былъ съ частію конницы Мюратъ, Король Неаполитанскій, и я поспѣшилъ соединиться съ Атаманомъ. Онъ согласился подтвердить донесеніе мое Фельдмаршалу, что повелѣніе его, дождаться авангарда въ мѣстечкѣ Толочинѣ, я получилъ, пройдя уже его (хотя я находился за одинъ еще пере-

---

[69] Въ отсутствіе мое изъ Главной Квартиры, для исполненія особенныхъ порученій Фельдмаршала, мнѣ дано было приказаніе раскрывать посылаемыя на имя его донесенія, присоединяя къ нимъ нужныя свѣдѣнія, или подписывая просто: «Читалъ Начальникъ Главнаго Штаба такой-то.»

ходъ), и представилъ, съ своей стороны, что, вступая въ огромныя лѣса Минской Губерніи, ему необходима пѣхота, почему и предложилъ онъ мнѣ слѣдовать съ собою, или сколько можно ближе. Мы находили въ разныхъ мѣстахъ оставленную артиллерію, и даже сброшенную въ воду съ такою торопливостію, что не доставало времени скрыть ее отъ глазъ! Потеря въ людяхъ несравненно превосходила всѣ другія. Тысячи были умершихъ и замерзающихъ людей. Нигдѣ не было пристанища; мѣстечки и селенія обращены въ пепелъ и, умножавшіеся плѣнные, все больные и раненые, большое число чиновниковъ (non combattans), должны были ожидать неизбѣжной смерти. Ежеминутное зрѣлище страждущаго человѣчества истощало состраданіе и самое чувство сожалѣнія притупляло. Каждый изъ сихъ несчастныхъ, въ глазахъ подобныхъ ему, казалось, переставалъ быть человѣкомъ. Претерпѣваемыя страданія были общія, бѣдствія свыше всякаго воображенія! Не имѣя средствъ подать помощь, мы видѣли въ нихъ жертвы, обреченныя на смерть.

Атаману Платову сообщено къ свѣдѣнію данное мнѣ приказаніе, содѣйствуя ему, исполнять, по возможности, его требованія.

Обращенный къ городу Могилеву съ отрядомъ, Графъ Ожаровскій занялъ Могилевъ, взялъ немногихъ остававшихся Поляковъ и гошпитали. Генералъ Бороздинъ съ отрядомъ наблюдалъ дороги въ окрестностяхъ, гдѣ непріятеля уже не было! [90] Назначеніемъ своимъ Бороздинъ обязанъ покровительству Дежурнаго Генерала, Коновницына, котораго не отказывалъ онъ человѣку, имѣющему способность льстить ему ловкимъ образомъ. Дарованіямъ всякаго другаго имѣлъ онъ снисхожденіе способствовать не быть на видномъ мѣстѣ.

---

[90] Задолго прежде вышла изъ Могилева дивизія Польскихъ войскъ Генерала Домбровскаго, равномѣрно и послѣдніе отъ двухъ до трехъ тысячъ человѣкъ разныхъ частей войскъ выступили весьма недавно. Бороздинъ донесенія свои отправлялъ непосредственно въ Главную Квартиру. Если бы Бороздинъ не былъ прежде Флигель-Адъютантомъ, Князь Кутузовъ, со всею проницательностію своею, затруднился бы найти назначеніе, въ которомъ могъ онъ быть на что ни будь годнымъ. Пѣвецъ искусный и пріятный!

Наполеонъ отступалъ съ невѣроятною поспѣшностію, опасаясь быть настигнутъ нашею арміею прежде перехода за рѣку Березину. Но опасенія его были напрасны, и, хотя точныя были свѣдѣнія о непріятельской арміи, Фельдмаршалъ не трогался съ мѣста, правдоподобно, съ тѣмъ разсчетомъ, что далекій путь, усиливающаяся зима, свирѣпствующій голодъ и предстоящая борьба при Березинѣ, безъ содѣйствія главной арміи, приведутъ Французское войско въ состояніе, близкое къ разрушенію.

Если бы Атаманъ Платовъ изъ Главной Квартиры имѣлъ во время извѣщеніе о выходѣ трехъ тысячъ человѣкъ Польскихъ войскъ изъ Могилева, они были бы въ рукахъ нашихъ; ибо въ слѣдъ за нимъ шелъ весь отрядъ мой. Непонятно ему было равнодушіе, съ которымъ смотрѣли на важнѣйшій тогда предметъ соединенія съ арміею Адмирала Чичагова и необходимость усилить ея средства.

Поздно вечеромъ, окончивши переходъ, 15 числа Ноября расположился я на ночлегъ у селенія Лошницы, послѣдней почтовой станціи къ городу Борисову. Здѣсь явился ко мнѣ Адъютантъ Адмирала Чичагова, Поручикъ Лисаневичъ, съ предложеніемъ присоединиться къ нему въ городѣ Борисовѣ съ моимъ отрядомъ, о слѣдованіи котораго узналъ онъ отъ Атамана Платова.

Адъютантъ разсказалъ мнѣ подробно, что Атаманъ, приблизившись къ Борисову, имѣлъ впереди храбраго партизана Сеславина, который, не замѣченный въ темнотѣ, ворвался въ городъ. Внезапность происшествія, тысячи появившихся Казаковъ, произвели общее смятеніе. Слабая дивизія Французской пѣхоты Генерала Партуно поспѣшно удалилась, въ надеждѣ пройти къ войскамъ, стоявшимъ у переправы, но пресѣкли ей путь войска Графа Витгенштейна, и она, равно какъ два кавалерійскіе полка Рейнской Конфедераціи, принуждены были сдаться плѣнными, и городъ остался во власти нашей и возстановлено сообщеніе съ противоположнымъ берегомъ рѣки.

Отправивъ обратно Адъютанта, я представилъ чрезъ него строевой рапортъ Адмиралу, и просилъ доложить ему, что войска, только что сдѣлавшія переходъ, готовы охотно совершить новый,

что я, находя нужнымъ дать время на свареніе каши, поправленіе обуви и отдыхъ, всего не болѣе четырехъ часовъ, выступлю непремѣнно.

Быстро шли войска, желающія боя, и задолго предъ полуднемъ вошли въ Борисовъ, не сдѣлавъ на маршѣ привала, и тотчасъ приступили къ работамъ при переправѣ.

На переходѣ моемъ отъ Лошницы въ ночное время, слѣдовавшіе позади коши трехъ Казачьихъ моихъ полковъ, частію захвачены были скрывавшимся въ лѣсу непріятелемъ, многія толпы котораго въ добровольной сдачѣ находили разсчетъ не умереть съ голоду.

Прибывши въ Борисовъ предъ полуднемъ, явился я къ Атаману, который сообщилъ мнѣ желаніе Адмирала, чтобы я поспѣшилъ присоединиться къ нему, и я приступилъ немедленно къ устроенію переправы. Чрезъ рѣку Березину и ея протоки сдѣланы были временные на козлахъ мосты, постланы соломою, поливаемы водою, скрѣпляемою морозомъ. Безъ затрудненія перешла пѣхота, артиллерія и зарядные ящики перевезены не безъ опасности. Особенная способность и ловкость Казаковъ отвратили всѣ прочія препятствія; отысканы броды, два кирасирскіе полка переправились безъ потери времени.

Доходившіе до насъ смутные и тревожные слухи объяснились по прибытіи въ Борисовъ. Городъ весьма недавно занятъ былъ Адмираломъ съ значительными силами, высланъ авангардъ по направленію на Лошницу подъ командою Генерала графа Палена (роднаго брата знаменитаго Петра Петровича). Непріятель, пользующійся лѣсистымъ мѣстоположеніемъ, кавалерію нашу, шедшую впереди, опрокинулъ съ урономъ; она смяла не вдалекѣ подкрѣплявшую ее пѣхоту и, не предваря о происшедшемъ, авангардъ въ величайшемъ разстройствѣ явился у Борисова, и за нимъ преслѣдующій непріятель ворвался въ городъ. Адмиралъ отступилъ съ войскомъ за мостъ и, по его приказанію, онъ сожженъ. Потеряны обозы съ лошадьми, вмѣстѣ и экипажи Адмирала со всѣмъ имуществомъ, дорогими вещами и серебрянымъ сервизомъ на столѣ, готовомъ для обѣда. Прервано наблюденіе на лѣвомъ берегу Березины.

При переходѣ Наполеона чрезъ мѣстечко Бобръ, къ нему присоединились: свѣжій корпусъ Маршала Виктора, всѣ войска Маршала Удино, защищавшія Полоцкъ (исключая Баварскаго корпуса, съ которымъ Генералъ Князь Вреде прямо изъ Полоцка отправился въ Литву), равно и войска Польскія Генерала Домбровскаго.

Въ Борисовѣ былъ Генералъ Графъ Витгенштейнъ съ его главною квартирою. Главныя силы его корпуса были въ близкомъ разстояніи; при немъ находилась часть ихъ, не допускаемая до переправы арріергардомъ Маршала Виктора, а съ нимъ войска всѣ на правомъ уже берегу рѣки Березины.

Графъ Витгенштейнъ, по давнему знакомству,[91] принялъ меня съ особеннымъ вниманіемъ, и я нашелъ тѣ же свойства рыцаря и ни малѣйшей гордости, хотя легко могла она выказаться при разсказѣ о соображеніяхъ и планахъ, имъ исполненныхъ, о многихъ выигранныхъ генеральныхъ сраженіяхъ, о мужествѣ войскъ, которымъ ничто противостать не можетъ. Онъ говорилъ мнѣ, что Адмиралъ Чичаговъ, имѣя средства возбранить переправу, или нанести арміи Наполеона сильное пораженіе, но, оставя слабый отрядъ Генерала Чаплица, со всѣми войсками отдалился на большое разстояніе. Графу отвѣчалъ я, что мнѣ извѣстенъ сообщенный ему общій планъ дѣйствій Государемъ Императоромъ начертанный, который доставленъ Фельдмаршалу Флигель-Адъютантомъ Полковниковъ Чернышевымъ въ селеніе Красная Пахра, въ шестой день по занятіи Наполеономъ Москвы, когда армія наша, правымъ берегомъ Москвы рѣки, совершила достопамятное фланговое движеніе до города Подольска и перешла на Калужскую дорогу. Никто предполагать не могъ, что, послѣ кратковременнаго пребыванія въ Москвѣ, Наполеонъ найдется въ необходимости предпринять отступленіе, и потому большую еще основательность имѣло соображеніе Государя, направить значительныя силы на

[91] 1794 года состояли мы при Генералъ-Аншефѣ Князѣ Репнинѣ, Главнокомандующемъ арміею, расположенною въ Литвѣ. 1796 года въ армію, подъ начальствомъ Генералъ-Аншефа Графа Зубова, дѣйствовавшую противъ Ага-Магметъ-Шаха, присланъ былъ курьеромъ Подполковникъ Графъ Витгенштейнъ съ извѣстіемъ о кончинѣ Императрицы Екатерины II.

линію непріятельскихъ коммуникацій, гдѣ находились склады огромныхъ заготовленій, расположены рекрутскія депо, проходили къ арміи отряды и разнаго рода снабженія. Исполненіе сего возлагалъ Фельдмаршалъ на Адмирала Чичагова, разсчитывая, что къ тому приступитъ онъ не менѣе, какъ съ шестидесятью тысячами человѣкъ. Предписаніе получено имъ, когда находился онъ противъ Генерала Князя Шварценберга, начальствующаго Австрійскими войсками, и корпуса Саксонцевъ подъ командою Французскаго Генерала Ренье, ревностнаго исполнителя повелѣній Наполеона, требовавшаго съ настойчивостію отъ Князя Шварценберга болѣе рѣшительныхъ дѣйствій. Адмиралъ, для удержанія ихъ, оставивши Генералъ-Лейтенанта Барона Остенъ-Сакена съ двадцатью шестью тысячами человѣкъ, съ прочими войсками взялъ направленіе, чрезъ городъ Минскъ, на Борисовъ, главную операціонную линію непріятеля. Въ обязанности его было стараться войти въ сношеніе съ войсками подъ городомъ Полоцкомъ, сопротивленіе котораго не полагалось продолжительнымъ, когда прибудутъ дружины С.-Петербургскаго и Новгородскаго ополченій, отрядъ Генералъ-Адъютанта Кутузова и значительныя подкрѣпленія Генералъ-Лейтенанта Штейнгеля, призваннаго изъ Финляндіи. Итакъ, въ тылу арміи Наполеона, у котораго нельзя было подозрѣвать намѣренія скораго отступленія, могли составиться силы, угрожающія гибельными послѣдствіями. Графу Витгенштейну извѣстно уже было, что причиною отдаленія Адмирала къ городу Игумену былъ Фельдмаршалъ, имѣвшій неосновательныя свѣдѣнія, что Наполеонъ найдетъ тамъ удобнѣйшую переправу. Сообщивши Графу, что сего дня (16 числа Ноября) Атаманъ Платовъ со всѣми Казаками и моимъ отрядомъ, въ теченіи ночи, присоединится къ арміи Адмирала, я съ нимъ разстался.[92]

---

[92] Въ главной его квартирѣ, въ должности дежурнаго Генерала, нашелъ я артиллеріи Генералъ-Маіора Бѣгичева (Ивана Матвѣевича). При взятіи Суворовымъ, въ 1794 году, штурмомъ Варшавскаго укрѣпленія Праги, онъ служилъ Капитаномъ, старшимъ артиллерійскимъ офицеромъ въ его арміи и командовалъ артиллеріею. Многіе изъ насъ, въ равномъ съ нимъ чинѣ, имѣли въ немъ начальника строгаго и взыскательнаго. На вопросъ мой: «Что дѣлаете вы здѣсь хорошаго»? вотъ точный его отвѣтъ: «Ведемъ себя, какъ ребятишки, которыхъ надобно сѣчь розгами. Знаемъ, что авангардъ близко; первая и вторая линіи ходятъ особенно каждая, и скоро ли придутъ, не знаемъ!

Въ позднее время ночи, на 17 число Ноября, Атаманъ съ войсками присоединился къ арміи Адмирала. Здѣсь узнали мы, что, въ слѣдованіи своемъ чрезъ городъ Минскъ, Адмиралъ овладѣлъ огромными въ немъ складами провіантскихъ запасовъ, коммиссаріатскихъ, гошпитальныхъ и аптекарскихъ вещей, для охраненія которыхъ оставленъ небольшой отрядъ войскъ. Далѣе на пути авангардъ его, подъ начальствомъ храбраго Генералъ-Адъютанта Графа Ламберта, нашелъ предъ городомъ Борисовымъ занятое непріятелемъ мостовое укрѣпленіе, нами прежде устроенное для прикрытія моста, длиною немного менѣе версты, чрезъ болота, прорѣзанныя рѣкою Березиною и ея протоками. Графъ Ламбертъ далъ приказаніе пѣхотѣ сомкнуться въ колонны, немедленно атаковалъ укрѣпленіе и взялъ его штурмомъ. Упорна была защита, великъ непріятеля уронъ. Генералъ Домбровскій отступилъ за рѣку, и въ городѣ не остановился. Досталось побѣдителямъ шесть пушекъ и до двухъ тысячъ плѣнныхъ.[93] Адмиралъ пришелъ къ рѣкѣ Березинѣ, имѣя менѣе тридцати тысячъ человѣкъ, слѣдовательно не съ половиною предполагаемаго Фельдмаршаломъ количества. Онъ не имѣлъ свѣдѣнія о нашихъ войскахъ; еще менѣе, гдѣ и съ какими силами Наполеонъ. На лѣвомъ берегу Березины, въ городѣ Борисовѣ, находился непріятель, гдѣ, по твердому сопротивленію и хорошему состоянію войскъ Генерала Домбровскаго, заключилъ онъ, что и прочія части арміи въ равномъ устройствѣ.

Ноября 17-го числа, съ разсвѣтомъ, явился я къ Адмиралу. Благосклонно принявъ меня, онъ говорилъ, что, бывши извѣщенъ о появившейся непріятельской кавалеріи на лѣвомъ берегу Березины, въ 23 верстахъ ниже Борисова, онъ, оставивши съ Генераломъ Чаплицемъ отрядъ для прикрытія Зембинскаго дефиле, прошелъ мимо Борисова и далѣе по направленію на Игуменъ, но возвратился съ возможною поспѣшностію, извѣщенный, что въ селеніе Вытча прибылъ непріятель въ большихъ силахъ, занялъ воз-

---

Главные дѣятели у насъ: артиллеріи Генералъ-Лейтенантъ Князь Яшвиль и квартирмейстерской части Генералъ-Маіоръ Баронъ Дибичъ». Я не могъ ихъ дождаться, и мы разстались съ Генераломъ Бѣгичевымъ.

[93] Графъ Ламбертъ получилъ тяжелую рану, и въ арміи Адмирала не стало одного изъ отличнѣйшихъ и распорядительнаго Генерала.

вышенный лѣвый берегъ Березины огромными батареями, обстрѣливающими противолежащую низменность, устроилъ мосты, и уже значительная часть пѣхоты перешла съ пушками. Генералъ-Маіоръ Чаплицъ, не имѣя средствъ удерживать ихъ, принужденъ истребить мостъ чрезъ рѣчку Гойну, открыть Зембинское дефиле и отступить въ лѣсъ, котораго за нимъ въ слѣдъ большое пространство захватилъ непріятель. Атаману Платову предложено Адмираломъ послать отрядъ Казаковъ вверхъ по рѣчкѣ Гойнѣ, для того, чтобы, перейдя чрезъ нее, разрушить мосты и гати въ Зембинскомъ дефиле. Я осмѣлился представить Адмиралу мои мысли: что, «если бы Наполеонъ встрѣтилъ невозможность итти на мѣстечко Зембинъ, ему оставалось единственное средство овладѣть дорогою на Минскъ, гдѣ, при изобильныхъ всякаго рода запасахъ (которыми снабжается армія ваша и всѣ прочія войска), доставить своей арміи отдохновеніе, призвать изъ Литвы подкрѣпленія и возстановить въ ней порядокъ». Адмиралъ отвѣчалъ мнѣ, что, защищая Зембинскую дорогу, онъ исполнялъ въ точности повелѣніе Фельдмаршала.

«Въ званіи моемъ Начальника Главнаго Штаба 1-й арміи, мнѣ извѣстны предположенія Его Свѣтлости, Князя Кутузова. Вы теперь изволите видѣть, сколько не сходствуютъ съ ними настоящія обстоятельства, и сколько велика разность средствъ, состоящихъ въ распоряженіи вашемъ, когда съ Наполеономъ соединились корпусъ Маршала Виктора и войска Маршала Удино, вышедшія изъ Полоцка. Изъ нихъ были плѣнные, взятые еще вчерашній день, слѣдовательно, Графъ Витгентштейнъ не воспрепятствовалъ имъ присоединиться.[94]

---

[94] Расположенному въ окрестностяхъ города Мозыря, Генералъ-Лейтенанту Эртелю съ отрядомъ изъ пятнадцати тысячъ человѣкъ, благовременно предписано было прибыть къ арміи Адмирала; но въ ожиданіи разрѣшеній на безсмысленные свои вопросы, потерявъ время, онъ остался на своемъ мѣстѣ. Генералъ Эртель отличался особенными расторопностію и ловкостію; низкою угодливостію, въ должности Московскаго Оберъ-Полиціймейстера, пріобрѣлъ онъ извѣстность. Дежурный Генералъ Коновницынъ, зная враждебное расположеніе Князя Кутузова къ Адмиралу, изыскалъ способъ Генерала Эртеля избавить отвѣтственности за ослушаніе, и тѣмъ не раздражилъ Фельдмаршала!

Рано утромъ 17 числа въ лѣсу загорѣлась перестрѣлка и усиливалась чрезвычайно. Пѣхотою нашею, разсыпанною въ стрѣлкахъ, распоряжалъ храбрый и отличныхъ способностей Генералъ-Лейтенантъ Сабанѣевъ, начальникъ главнаго штаба арміи Адмирала.

Не всѣ еще собраны были войска арміи. Составляющіе резервъ ея гренадерскіе, отличные баталіоны, были на возвратномъ маршѣ отъ Игумена. Кавалерія, въ совершенномъ порядкѣ сбереженная, по причинѣ лѣсистаго мѣстоположенія, была безполезною, и артиллеріи часть ничтожная была употреблена, расположенная въ просѣкѣ лѣса, на почтовой дорогѣ: впереди легкія орудія въ равномъ количествѣ съ непріятельскими; сзади батарейныя, стрѣлявшія навѣсно на столпившуюся въ просѣкѣ пѣхоту. Войска моего отряда составляли резервъ арміи.[95] Замѣчено было, что число непріятеля умножалось; онъ замѣнялъ утомленныя войска свѣжими, тѣснилъ наши. Атаки возобновлялись часто и усиленныя. Не было въ лѣсу поляны, гдѣ бы небольшіе отряды кирасиръ не разстроивали нашей пѣхоты, даже нанося уронъ. Причину ожесточеннаго боя объяснили намъ схваченные плѣнные, извѣстивъ, что Наполеонъ переправился чрезъ Березину и находится при войскахъ.

На лѣвомъ берегу бывшая пѣхота переходила по мостамъ, оставались во множествѣ тяжелыя орудія, военные обозы и частные экипажи, заграждавшіе доступъ къ рѣкѣ. Не прежде десяти часовъ утра появились передовыя войска Графа Витгенштейна и ограничились перестрѣлкою изъ орудій. Въ первомъ часу по полудни соединился весь его корпусъ; не долго противостоялъ непріятель губительнымъ его батареямъ; разметавъ препятствія, занимали онѣ возвышенности лѣваго берега рѣки, производя ужасное пораженіе въ отступающихъ войскахъ по низменности праваго берега. Все пришло въ отчаяніе, смятеніе было общее. Всѣ вдругъ бросились на мосты, тысячи

---

[95] Появленіе гвардейскихъ полковъ егерскаго и Финляндскаго, гвардейской артиллеріи, лейбъ-кирасирскихъ полковъ Его и Ея Величествъ, произвело на духъ войскъ арміи Адмирала полезное дѣйствіе. Кто бы не подумалъ, что и Фельдмаршалъ съ арміею находится въ близкомъ разстояніи!

безоружныхъ людей открывали себѣ путь, сбрасывая повозки въ воду. Мосты, не выдержавши напора, обрушились.

Въ десять часовъ утра, того же 17 числа, Наполеонъ вступилъ въ Зембинское дефиле. Стремительно бросилась за нимъ пѣхота его, съ большимъ урономъ изгоняемая изъ лѣсу войсками Адмирала, и между плѣнными взяты многіе чиновные офицеры.[96] Тогда уже замѣченъ былъ большой безпорядокъ на мостахъ, отъ опасенія впасть въ наши руки, когда берегъ занятъ будетъ нашими, овладѣвшими имъ, войсками.

Атаманъ Платовъ доложилъ Адмиралу Чичагову о возвращеніи партіи, посыланной имъ для истребленія мостовъ и гатей по дорогѣ на Зембинъ. Надобно было перейти рѣчку Гойну не замерзшую, хотя повсюду не глубокую, но не возможно было ближе тридцати и болѣе саженей подойти къ ней, по причинѣ непроходимыхъ болотъ, въ которыхъ увязаютъ лошади на всемъ разстояніи до самаго ея берега.

Итакъ непріятельская армія въ полномъ и рѣшительномъ отступленіи. Кончены на рѣкѣ Березинѣ всѣ трудныя и сложныя соображенія и разсчеты!

Князь Кутузовъ имѣлъ точныя свѣдѣнія о гибельномъ положеніи непріятельской арміи; со свойственной ему прозорливостію предусмотрѣлъ неотвратимыя бѣдствія, непрерывно возрастающія и грозящія ей въ послѣдствіи. Ей предлежалъ далекій путь до границъ нашихъ, зима наставала лютая и необходимость быстраго отступленія, при совершенномъ изнуреніи отъ голода и стужи. Ощутительно было, судя по тысячамъ труповъ, застилающихъ дорогу, что она не избѣгнетъ состоянія, близкаго къ разрушенію. Напротивъ, наша армія, безъ пожертвованій, будетъ, сколько возможно, сбережена!

---

[96] Плѣнный Французскій офицеръ, старый, весьма израненный Командиръ полка легкой пѣхоты, жившій у меня до выступленія нашего за границу, сказывалъ, что въ сраженіи и при переправѣ погибло не менѣе пятнадцати тысячъ человѣкъ собственно военнаго званія и множество людей разныхъ націй, состояній и ремеслъ.

Постоянна была мысль Князя Кутузова о томъ, на что можетъ рѣшиться Наполеонъ въ крайности, въ отчаянныхъ обстоятельствахъ, и что не существуетъ опаснаго и отчаяннаго предпріятія, на которое не вызвались бы приверженцы Наполеона, его гвардія и самая армія, когда онъ предводительствуетъ ими и единственное остается средство спасти его для славы Франціи, и надежда увидѣть отечество!

Цѣль достигнута! Нѣсколько тысячъ плѣнныхъ болѣе, и если бы даже нѣкоторые изъ Маршаловъ, не увеличили бы славы и торжества Русскихъ!

Не могла слабая армія Адмирала удержать Наполеона. Ему выгоднѣе было направленіе на Минскъ, но болѣе необходимъ былъ кратчайшій путь; ибо могъ ли онъ не полагать, что вся наша армія въ самомъ близкомъ разстояніи и, соединясь съ арміею Адмирала для преслѣдованія, могла его уничтожить? Оставивши не мало плѣнныхъ, всѣхъ вообще не имѣвшихъ оружія и больныхъ, Наполеонъ отправился на Зембинъ. За нимъ вскорѣ посланъ Генералъ-Маіоръ Чаплицъ; но какъ слабъ былъ составъ командуемаго имъ авангарда, Адмиралъ предложилъ мнѣ подкрѣпить его моимъ отрядомъ. Я охотно исполнилъ приказаніе, предоставляя Генералу Чаплицу, хотя младшему чиномъ, полное распоряженіе. Непріятель, по возможности, старался препятствовать скорости нашего движенія, разрушалъ мосты на протокахъ и оврагахъ, сожигалъ селенія. Не разъ пушечные выстрѣлы наши разгоняли толпы ихъ. Занявши мѣстечко Молодечно, мы захватили офицерскую одежду, которую не успѣли взять съ собою спасавшіеся бѣгствомъ. Здѣсь Адмиралъ позволилъ мнѣ остановить отрядъ, дать людямъ отдыхъ и далѣе итти по собственному усмотрѣнію. Невдалекѣ за авангардомъ двигалась вся его армія.

Не позволяю себѣ оставить безъ описанія о происходившемъ на рѣкѣ Березинѣ, когда мы оставляли ее, и чего я былъ очевидный свидѣтель. На мостахъ, частями обрушившихся, бывшія пушки, разныя тяжести, упали въ рѣку; толпы людей, сходившихъ на ледъ, между которыми не малое количество было женщинъ съ дѣтьми и грудными ребятами. Никто не избѣгъ лютости мо-

роза! Никогда не случится видѣть столько ужаснаго зрѣлища! Счастливы окончившіе бѣдствія свои вмѣстѣ съ жизнію. Они оставили завидующихъ ихъ участи! Несчастнѣе несравненно были сохранившіе жизнь для того, чтобы лишиться ея отъ жестокости холода, въ ужаснѣйшихъ мученіяхъ. Судьба, отмщевающая за насъ, представила намъ всѣ роды отчаянія, всѣ виды смерти. Рѣка покрыта была льдомъ прозрачнымъ, какъ стекло: подъ нимъ видно было, во всю широту рѣки, множество погибшихъ. Непріятель оставилъ огромное число артиллеріи и обозовъ. Не перешли Березины богатства ограбленной Москвы! Непріятель понесъ срамъ бѣгства, и ограниченъ срокъ существованія разрушающихся остатковъ его арміи.

Атаманъ Платовъ дѣйствовалъ отдѣльно, истребляя на пути непріятеля средства, которыми могъ бы онъ воспользоваться.

Графъ Витгенштейнъ не пошелъ вмѣстѣ съ Адмираломъ Чичаговымъ, который, въ качествѣ Главнокомандующаго арміею, могъ подчинить его своимъ распоряженіямъ; онъ отправился вправо, поставляя на видъ намѣреніе преслѣдовать Генерала Вреде, начальствующаго Баварскими войсками Рейнской Конфедераціи. Вскорѣ по оставленіи Полоцка они отошли въ Литву и, вѣроятно, находятся уже далеко.

Свидѣтель происшествій при Березинѣ, безъ малѣйшаго въ нихъ участія, безпристрастно излагаю я мои замѣчанія.

Нѣтъ побуждающихъ причинъ говорить не въ пользу Графа Витгенштейна, извѣстнаго рыцарскими свойствами, предпріимчиваго на все полезное! Не соотвѣтствующія этому случайности могли принадлежать постороннему внушенію.

Адмиралъ Чичаговъ, при первомъ разговорѣ со мною, выказался превосходнаго ума, и я чувствую съ негодованіемъ, насколько безсильно оправданіе мое возлагаемыхъ на него обвиненій.

Проходя съ отрядомъ моимъ по большой дорогѣ на Вильну, на ночлегъ пріѣхалъ неожиданно Князь Кутузовъ и расположился отдохнуть. Немедленно явился я къ нему, и продолжительны были распросы его о сраженіи при Березинѣ. Я успѣлъ объяснить ему, что Адмиралъ Чичаговъ не столько виноватъ, какъ

многіе представить его желаютъ. Не извинялъ я сдѣланной ошибки движеніемъ къ Игумену; не скрылъ равномѣрно и Графу Витгенштейну принадлежащихъ. Легко могъ я замѣтить, до какой степени простиралось неблагорасположеніе его къ Адмиралу. Не нравилось ему, что я смѣлъ оправдывать его. Но въ званіи моемъ неловко было рѣшительно пренебречь моими показаніями, и Князь Кутузовъ не предпринялъ склонить меня понимать иначе то, что я видѣлъ собственными глазами. Онъ принялъ на себя видъ чрезвычайно довольнаго тѣмъ, что узналъ истину, и увѣрялъ (хотя не увѣрилъ), что совсѣмъ другими глазами будетъ смотрѣть на Адмирала, но что доселѣ готовъ былъ встрѣтиться съ нимъ непріятнымъ образомъ. Онъ приказалъ мнѣ представить послѣ записку о дѣйствіяхъ при Барезинѣ, но чтобы никто не зналъ о томъ.

Не далеко отъ Уѣзднаго города Ошмянъ (49 верстъ отъ Губернскаго города Вильны), Атаманъ Платовъ обошелъ авангардъ арміи Адмирала и, не остановясь, продолжалъ движеніе въ ночное время. Независимо отъ распоряженій его, шелъ впереди отрядъ партизана Сеславина: проводникомъ его былъ схваченный Еврей, житель города, знавшій о пребываніи въ немъ самаго Наполеона, и ничего о томъ, какой домъ онъ занимаетъ. Еврей провелъ отрядъ чрезъ лежащія въ сторонѣ мельницы, по тропинкѣ, покрытой глубокимъ снѣгомъ, едва примѣтной. Въ городѣ было спокойно и въ совершенной безпечности.

Сеславинъ обратился къ дому, отличающемуся наружностію: на обширномъ дворѣ его были толпы военныхъ людей. Внезапное появленіе Казаковъ произвело большое смятеніе, многіе спасались бѣгствомъ, и до того слабо было сопротивленіе, что Казаки безнаказанно наносили пораженіе. Отовсюду, на призывъ тревоги, стекались пробужденные огромными толпами и Казаки

---

[79] Сеславинъ не встрѣтилъ препятствій. Арріергардъ Французскій (какъ показали взятые изъ него плѣнные) пошелъ противъ передовыхъ войскъ арміи Адмирала и въ главной квартирѣ Наполеона не было о томъ извѣстія, такъ что посланный офицеръ съ повелѣніями не засталъ уже его, и взятый Казаками представленъ Атаману. Онъ подтвердилъ, что Наполеонъ точно въ Ошмянахъ.

понуждены были удалиться. Домъ, на который ударилъ Сеславинъ, по количеству при немъ войскъ, принятъ былъ за квартиру Наполеона, но въ немъ расположенъ былъ комендантъ города и отряды разныхъ частей войскъ, поспѣшно отправляемые въ Вильну. Въ отдаленномъ концѣ города была квартира Наполеона, и онъ, съ конвоемъ своей гвардіи, не теряя минутъ, отправился въ Вильну, гдѣ, ни кѣмъ не видимый, проѣхалъ за границу. Посланная изъ Вильны къ отступающей Французской арміи дивизія изъ десяти тысячь свѣжей пѣхоты не могла служить ей подкрѣпленіемъ, когда въ виду уже были авангардъ арміи Адмирала и Атаманъ Платовъ со всѣми Казаками. Дивизія изъ резервныхъ, вновь набранныхъ конскриптовъ, не вынесла труда, и на разстояніи между городомъ Ошмянами и Вильною была жертвою лютости мороза; малое число спасшихся возвратились въ Вильну. Всѣ большими толпами разбросанные по полю, близко отъ дороги, лежали замерзшіе. Разметаны кости съѣденныхъ лошадей, оставлена новая артиллерія, не бывшая въ употребленіи, обнажены были трупы, одежда отобрана имѣвшими силы ити далѣе.

Первый вошелъ съ отрядомъ въ Вильну партизанъ Сеславинъ, но долженъ былъ уступить превосходству непріятеля. Пришли Атаманъ Платовъ и авангардъ Генерала Чаплица, и непріятель съ поспѣшностію оставилъ городъ. Не замедлила прибыть армія Адмирала и за нею вскорѣ Фельдмаршалъ, Свѣтлѣйшій Князь Кутузовъ. Ноября 29 числа (термометръ означалъ 27 градусовъ) вступилъ я съ моимъ отрядомъ въ Вильну и тотчасъ явился къ Фельдмаршалу. Имъ дано мнѣ приказаніе на всѣхъ въѣздахъ поставить караулы, къ провіантскимъ магазинамъ, складамъ аммуничныхъ вещей и разнаго рода запасовъ. [98]

Въ городѣ нашелъ я Адмирала Чичагова, но армія его отправлена была къ границамъ Пруссіи, и въ ней подъ ружьемъ было не много болѣе пятнадцати тысячь человѣкъ, почему и

---

[98] Въ чрезвычайныхъ размѣрахъ были заготовленія всякихъ для арміи потребностей. Ни что не упущено изъ виду и ни что не истреблено непріятелемъ. Цѣнность казеннаго имущества можетъ восходить до огромнаго числа милліоновъ. Остались и частные богатые магазины.

приказано всѣмъ отдѣльнымъ отъ нея частямъ поспѣшнѣе соединиться съ нею.

Графъ Витгенштейнъ, съ корпусомъ начавшій отъ рѣки Березины вымышленное имъ преслѣдованіе войскъ Короля Баварскаго и не видѣвши ихъ, дошелъ до мѣстечка Нѣменчина, не далеко отъ Вильны, откуда послалъ съ отрядомъ партизана Теттенборна, [99] чтобы показать содѣйствіе при занятіи города, и онъ расположился въ одномъ изъ предмѣстій.

Предъ проѣздомъ и можно сказать бѣгствомъ Наполеона мимо Вильны, бдительная Французская полиція, скрывая пораженія, распускала молву о его побѣдахъ. Торжества были о взятіи Риги и покореніи Кіева. Блистательно освѣщенъ городъ, выставлены великолѣпныя картины, на площадяхъ гремѣла музыка, хвалебные возглашались хоры, произносились рѣчи, изумляющія наглою дерзостію. 1805 года, послѣ сраженія при Аустерлицѣ, Генералъ отъ инфантеріи Кутузовъ назначенъ былъ Литовскимъ Военнымъ Губернаторомъ, и только два баталіона внутренней стражи были въ его распоряженіи. Общество высшаго разряда очаровано было его привлекательнымъ и особенно вѣжливымъ обхожденіемъ. Женщины Польскія, обладающія даромъ плѣнять любезностію и ловкостію, играли при немъ немаловажную роль.

Теперь Свѣтлѣйшій Князь Кутузовъ-Смоленскій явился Фельдмаршаломъ, побѣдителемъ Наполеона, изгнаннаго имъ изъ предѣловъ отечества нашего. [100]

У Фельдмаршала нашелъ я Адмирала Чичагова и Графа Витгенштейна, который разсказывалъ ему о нѣсколькихъ, вы-

---

[99] Предъ нынѣшнею войною Австрійскій Генералъ Князь Шварценбергъ, бывши посломъ при Россійскомъ Дворѣ, имѣлъ при себѣ Адъютантомъ Теттенборна, который, принятъ будучи въ нашу службу, далъ замѣтить себя, какъ офицеръ отлично храбрый и столько же способный, оказывалъ въ разныхъ случаяхъ достойныя уваженія заслуги.

[100] Нѣсколько предъ симъ дней разговоръ Князя Кутузова со мною въ точныхъ его выраженіяхъ: «Голубчикъ! Если бы кто два, или три, года назадъ сказалъ мнѣ, что меня изберетъ судьба низложить Наполеона, гиганта, страшившаго всю Европу, я право плюнулъ бы тому въ рожу!»

игранныхъ имъ, генеральныхъ сраженіяхъ и въ такомъ тонѣ, что на долю главной арміи оставались легкія, не весьма значительныя, дѣйствія. Неуловимая тонкость Князя Кутузова не могла, однако жь, скрыть совершенно его негодованія, и онъ давалъ чувствовать его, обращаясь съ отличнымъ вниманіемъ къ Адмиралу, довольный соблюдаемою имъ почтительною наружностію. До отъѣзда его въ армію, взаимныя ихъ отношенія были благовидны, что, впрочемъ, не препятствовало Князю Кутузову дѣлать вредъ Адмиралу, многими замѣченный въ послѣдствіи. Онъ относилъ на счетъ его намѣреніе похитить славу заключенія съ Портою мира, послѣ знаменитой побѣды его надъ Великимъ Визиремъ при Рущукѣ.

Графъ Витгенштейнъ часто, но всегда довольно не ловко, давалъ чувствовать, что Петербургъ ему обязанъ спасеніемъ и путь въ Литву проложенъ его побѣдами. Служа въ арміи Кутузова во время славной ретирады изъ Баваріи 1805 года Генералъ-Маіоромъ, извѣстенъ онъ былъ Главнокомандующему блистательной храбрости шефомъ гусарскаго полка. Теперь, находя его на первомъ планѣ дѣйствующихъ лицъ, онъ признавалъ необходимымъ имѣть основательное свѣдѣніе о способности и познаніяхъ, требуемыхъ отъ начальника, которому ввѣряется обширное и нерѣдко трудное командованіе. Разсуждая о разныхъ происшествіяхъ, сопровождавшихъ непредвидѣнный и скорый оборотъ обстоятельствъ, о предстоящихъ дѣйствіяхъ по выступленіи за границу, далъ онъ поводъ Графу Витгенштейну высказать его о томъ мнѣніе. Проницательному Князю Кутузову достаточно было четверти часа познать его совершенно. [101]

Превозносимый, похвалами многихъ несмысленныхъ почитателей его, спасителемъ Петербурга, я увѣренъ, что онъ не былъ до той степени упоенъ лестію, чтобы мечталъ сравнивать себя съ Княземъ Кутузовымъ, который не нашелъ бы въ немъ даже помощника.

---

[101] Трудъ разсуждать не всегда принимаетъ онъ на себя, часто предоставляя другимъ эту черную работу. Служащіе при немъ близко имѣютъ сильное на него вліяніе, и весьма часто не принадлежа къ числу людей достойныхъ.

Чрезъ нѣсколько дней пришла въ окрестности Вильны главная наша армія. Ей назначенъ нужный отдыхъ.

Фельдмаршалъ покоился на пожатыхъ лаврахъ, готовый продолжить бездѣйствіе. Собрались Генералы въ Главную Квартиру, гдѣ, послѣ многотрудной кампаніи, пріятно было найти удобства и удовольствія, устраняя служебныя занятія.

Доставлены Фельдмаршалу, по сдѣланнымъ имъ представленіямъ, назначенныя награды за сраженія, между прочими за битву Бородинскую. Медленно послѣдовало утвержденіе ихъ по той причинѣ, что многіе весьма изъ частныхъ начальниковъ 2-й Западной арміи были убиты и ранены, и временно заступившіе мѣста ихъ присылали представленія порознь, и надобно было, разсматривая достоинство оказанныхъ отличій, соразмѣрять вознагражденія. [102]

Непріятель продолжалъ оставлять предѣлы наши. Австрійскій корпусъ Генерала Князя Шварценберга выходилъ изъ Гродненской Губерніи. Генералъ Ренье съ корпусомъ Саксонскимъ удалялся по направленію къ рѣкѣ Нареву. Войска Польскія Герцогства Варшавскаго отправились къ Варшавѣ. Корпусъ Маршала Макдональда, и съ нимъ Прусскія войска, слѣдовали изъ Курляндіи къ Тильзиту. Остатки большой Наполеоновой арміи (la grande armée), близкой къ разрушенію, [103] и съ нею отрывки войскъ прочихъ союзниковъ, направились на Пруссію. Итакъ почти не было уже непріятеля на землѣ Русской!

---

[102] Главнокомандующій Военный Министръ Барклай де Толли, отъѣзжая изъ арміи въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, поручилъ Директору Министерской своей Канцеляріи, Флигель-Адъютанту, Полковнику Закревскому, показать мнѣ собственноручный рапортъ его Фельдмаршалу, которымъ просилъ представить меня къ наградѣ орденомъ Св. Георгія 2-го класса. Конечно, не приличествовало назначить мнѣ награду, къ которой представленъ самъ Главнокомандующій; но столько же несправедливо просить Анненскую ленту, наравнѣ съ бригадными командирами и шефами полковъ, награду, получаемую за смотры войскъ и парады.

[103] Когда Наполеонъ съ неимовѣрною скоростію поспѣшилъ къ переправѣ чрезъ рѣку Березину, къ нему присоединился въ мѣстечкѣ Бобрѣ свѣжій корпусъ Маршала Виктора въ отличномъ порядкѣ, изъ котораго одна только

Расположеніе армій нашихъ было слѣдующее: армія Адмирала Чичагова была у мѣстечка Ездна, на рѣкѣ Нѣменѣ. Туда послѣдовалъ, отряженный отъ нея, сильный корпусъ Генерала Барона Остенъ-Сакена, возбранявшій Австрійскимъ и Саксонскимъ войскамъ захватывать обширнѣйшее пространство всѣмъ изобилующей страны. І-й пѣхотный корпусъ Графа Витгенштейна, безпрепятственно достигая Нѣмена, въ окрестности города Ковна, наблюдалъ отступающаго Маршала Макдональда.

Князь Кутузовъ наслаждался полнымъ покоемъ. Ничто до слуха его допускаемо не было, кромѣ рабственныхъ похвалъ льстецовъ, непремѣнныхъ спутниковъ могущества! О войнѣ вспоминалъ намъ одинъ самовластно господствующій повсюду безпорядокъ, котораго, какъ видно, не менѣе было у самихъ непріятелей нашихъ.

Въ Вильнѣ всѣ удобныя зданія, самыя рефферкторіи монастырей, заняты были Французскими гошпиталями. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, не смотря на жестокую зиму, не было для печей дровъ; нѣсколько вязанокъ разбросанной соломы замѣняли постели. Малому числу больныхъ дана одежда, необходимой посуды ни какой. Провожавшій меня изъ старшихъ медиковъ показалъ мнѣ огромную больницу, дверь которой оттолкнувши ногою, мы были встрѣчены удушливымъ смрадомъ. Онъ говорилъ мнѣ, что есть больницы, совсѣмъ оставленныя врачами, ибо не существуетъ средствъ спасти больныхъ и сообщеніе съ ними, угрожало неизбѣжною заразою. По мнѣнію его, надлежало въ продолженіе сильныхъ морозовъ, не допускающихъ совершеннаго разложенія тѣлъ, очистить городъ, вывезти трупы безъ всякой опасности. Многія тысячи труповъ вывезены за городъ, часть ихъ сожжена, прочіе опущены во рвы и засыпаны известью. Фельдмаршалъ приказалъ привесть это въ исполненіе.

Въ Вильнѣ хранились огромные запасы всякаго рода предметовъ собственно для продовольствія войскъ, по распоряженію

дивизія имѣла участіе въ сраженіи при Чашникахъ. Также и войска Маршала Удино, защищавшія Полоцкъ, были довольны въ хорошемъ состояніи. Съ ужасомъ смотрѣли они на бѣдственное положеніе арміи и войскъ союзныхъ Рейнской Конфедераціи, не узнавали блистательной гвардіи, которой видна была гибель неотвратимая!

Фельдмаршала неприкосновенныхъ до прибытія Генералъ-Интенданта Канкрина. Столько же огромные склады аммуничныхъ вещей, для гошпиталей одежды, бѣлья и посуды, для аптекъ медикаментовъ дорогой цѣны и во множествѣ лучшіе хирургическіе инструменты. Много бочекъ, наполненныхъ хиною, камфорою и проч.

Великій Князь Константинъ Павловичъ, испросилъ позволеніе выбрать изъ запасовъ аммуничныхъ вещей необходимо нужныя для нижнихъ чиновъ гвардейскаго корпуса, и приказано гвардейской пѣхотной дивизіи Генералъ-Маіору Барону Розену, по исполненіи порученія, представить подробный обо всемъ отчетъ.[104]

Въ Вильнѣ нашлись также частныхъ продавцовъ богатые магазины офицерскихъ золотыхъ и серебряныхъ вещей, которыя присвоены себѣ разными лицами. [105]

Распространился слухъ о прибытіи Государя. Надобно было заняться распоряженіями о пріуготовленіи встрѣчи, и роскошный покой Фельдмаршала прикрыть былъ наружностію необыкновенной дѣятельности.

Пріѣхалъ Государь и, въ ознаменованіе признательности своей за великія услуги Свѣтлѣйшаго Князя Кутузова, возложилъ на него орденъ Святаго Георгія 1-го класса. [106] Во множествѣ разсыпаны награды по его представленіямъ, не всегда безпристрастнымъ, весьма часто безъ малѣйшаго разбора. Вскорѣ составился Дворъ, и съ нимъ неразлучныя интриги; поле обширное, на которомъ извѣстный хитростію Кутузовъ, всегда первенствующій, непреодолимый ратоборецъ!

---

[104] Я былъ свидѣтелемъ разговора, и мнѣ легко было замѣтить, сколько пріятно было Фельдмаршалу, что Его Высочество съ равною настойчивостію не коснулся ни какихъ другихъ предметовъ. Предполагать должно, что было въ видахъ сбереженіе казеннаго интереса, сколько возможно въ большемъ размѣрѣ.

[105] Не чуждыми Главной Квартирѣ и безъ всякой осторожности. При сихъ обстоятельствахъ, многимъ извѣстныхъ, дѣйствія Генераловъ Коновницына и Толя соотвѣтствующи достоинству званія.

[106] Орденъ этотъ уничтоженъ Императоромъ Павломъ I, возстановленъ Императоромъ Александромъ Павловичемъ, и въ царствованіе его до настоящаго времени Князь Кутузовъ наименованъ первый кавалеромъ сего ордена 1-го класса.

Между важными событіями упомяну о недавнемъ происшествіи, маловажномъ по себѣ, оригинальномъ по окончанію. Австрійскій корпусъ, вышедшій уже изъ границъ нашихъ, малымъ числомъ послѣднихъ войскъ своихъ занималъ еще городъ Гродно. Генералъ-Адъютантъ Графъ Ожаровскій явился съ отрядомъ, предложилъ о сдачѣ и получилъ отказъ. Съ отрядомъ Казаковъ гораздо слабѣйшимъ, партизанъ Давыдовъ, безъ чванныхъ рѣчей придворнаго человѣка, не вдаваясь въ политику, приблизился къ передовой непріятельской стражѣ, угрожая, если не будетъ сданъ городъ, атаковать идущимъ за нимъ войскомъ. Раздался звукъ стакановъ между Венгерскими гусарами и, при хвалѣ отечественному ихъ напитку, рука въ руку, въ знакъ пріязни. Съ начальникомъ ихъ сдѣлано условіе, и городъ нашъ! [407] Въ одно время дошли до Фельдмаршала рапорты: Графа Ожаровскаго, что Австріецъ не сдаетъ города, и партизана Давыдова, что городъ имъ занятъ!

Государь, по прибытіи своемъ, изъявилъ намѣреніе двинуть за границу армію.

Оказывая постоянно высокое уваженіе Фельдмаршалу, изъ совѣщаній съ нимъ онъ замѣтилъ, что лѣта его, тяжелыя чрезвычайно раны, труды и заботы послѣдней кампаніи, ослабили въ немъ способности. Государь, желая продолжить его успокоеніе, оставилъ при немъ громкое наименованіе Главнокомандующаго и наружный блескъ нѣкоторой власти. Въ распоряженіе арміями входилъ самъ; о состояніи ихъ, о средствахъ снабженія всѣми потребностями, нужныя свѣдѣнія поручилъ собрать находившимся при его особѣ лицамъ, удостоеннымъ особенной довѣренности.

Князю Кутузову полезно было представить главнѣйшими своими сотрудниками Дежурнаго Генерала Коновницына и Генералъ-Квартирмейстера 1-й арміи Толя, съ особенными о нихъ похвалами.

Предъ началомъ войны Государь 3-ю пѣхотную дивизію Генерала Коновницына, по устройству ея и знанію фронтовой части называлъ примѣрною, нижнимъ чинамъ дана денежная награда

---

407 Штабъ-офицеру предоставлено возвратиться къ своимъ войскамъ. Въ городѣ и окрестностяхъ водворены спокойствіе и порядокъ. Отрядъ партизана Давыдова ожидаетъ повелѣній!

не бывалая! Государь принялъ его съ особенною благосклонностію, благодарилъ его за усердіе, во многихъ случаяхъ оказанное мужество. Неизвѣстно, удовлетворилъ ли онъ его знаніемъ военнаго дѣла, если, въ разговорахъ съ нимъ, испытывалъ мнѣніе его относительно предстоящей кампаніи. [108]

Генералъ Графъ Аракчеевъ, въ сношеніяхъ съ Коновницынымъ, не получилъ отъ него обстоятельныхъ объясненій на многіе изъ предложенныхъ предметовъ.

Не болѣе пользы извлекъ Генералъ-Адъютантъ Князъ Волконскій изъ совѣщаній съ Коновницынымъ, и въ соображеніи удобнѣйшихъ способовъ къ соединенію частей войскъ, соотвѣтственно предначертанному плану, руководствовался онъ непосредственно знаніемъ и трудами Генерала Толя, о чемъ докладывалъ Государю, который, обративъ на него вниманіе, замѣтилъ хорошія его способности.

Генералъ Коновницынъ имѣлъ надобность, по домашнимъ обстоятельствамъ, быть нѣкоторое время въ своемъ семействѣ. Государь, съ изъявленіемъ лестнаго вниманія, предоставилъ ему отпускъ, въ видѣ полезнаго послѣ трудовъ, имъ понесенныхъ, отдохновенія. Отсутствіе его изъ арміи мало чувствуемо было, а вскорѣ даже не упоминаемо о немъ.

Генералъ-Адъютантъ Князь Волконскій наименованъ Начальникомъ Главнаго Штаба всѣхъ армій при Фельдмаршалѣ. [109] Съ это-

---

[108] Въ царствованіе Императрицы Екатерины II Коновницынъ былъ Полковникомъ, командовалъ пѣхотнымъ полкомъ. Отецъ его, значительный сановникъ, по важности занимаемыхъ имъ должностей, въ связи со многими могущественными особами, разными путями, съ необыкновенною скоростію, проводилъ сына въ чины. При трудныхъ въ тогдашнее время средствахъ образованія молодыхъ людей, если не поступали они въ учебныя заведенія, родители принимали въ дома иностранцевъ, которые сообщали дѣтямъ познанія поверхностныя, безъ всякой системы (методы) въ основаніи. Утративши въ продолжительной отставкѣ прежній, практически пріобрѣтенный, навыкъ, Коновницынъ возвратился въ службу, и совершенно оказывались военныя его знанія. Блистательна была неустрашимость его, но не могла замѣнить недостатка ихъ.

[109] Государю надобенъ былъ человѣкъ, давно къ нему приближенный и совершенно имъ испытанный. Князь Волконскій преданъ ему безпредѣльно, и конечно, не легко было бы замѣнить его другимъ.

го времени отъ самаго Государя исходили всѣ распоряженія. Онъ наблюдалъ за исполненіемъ ихъ. При особѣ Его Величества состоялъ Генералъ Баронъ Беннингсенъ, и къ его извѣданной опытности и познаніямъ обращался Государь во всѣхъ случаяхъ, когда важность обстоятельствъ могла требовать точнѣйшихъ соображеній.

Прежде прибытія Государя представилъ я Фельдмаршалу, по приказанію его, чтобы никому о томъ извѣстно не было, записку о дѣйствіяхъ Адмирала Чичагова, при рѣкѣ Березинѣ. Онъ говорилъ мнѣ, что готовъ встрѣтить его съ изъявленіемъ пріязненныхъ чувствъ. По мнѣнію многихъ, вина Чичагова, въ отношеніи къ Князю Кутузову, заключалась въ томъ, что онъ умѣлъ постигнуть его совершенно!

Не могъ Фельдмаршалъ оставить безъ вниманія записку мою (Начальника Главнаго Штаба 1-й арміи), въ которой показывалъ я себя очевиднымъ свидѣтелемъ, не участвовавшимъ въ пріобрѣтенныхъ успѣхахъ, и что даже пришедшія со мною войска, составляя резервъ, не сдѣлали почти выстрѣла. [110]

Адмиралъ Чичаговъ былъ на маршѣ съ арміею къ границамъ, когда прибылъ Государь, и едва ли возможно усомниться, что Князь Кутузовъ не объяснилъ ему дѣйствій Чичагова при Березинѣ, но только защитилъ его отъ обвиненій неосновательныхъ. Не извѣстно мнѣ, видѣлъ ли его Государь, но вскорѣ оставилъ онъ командованіе арміею и удалился. Не касалось это непосредственно выгодъ Князя Кутузова, и понятно равнодушіе его!

Выступленіе арміи за границу опредѣлено 1-го числа Января, 1813 года. Общій планъ дѣйствій хранился въ тайнѣ.

---

[110] Фельдмаршалъ не желалъ удержать при себѣ Генерала Беннигсена, часто весьма противнаго съ нимъ мнѣнія. Генералъ Толь ловкимъ образомъ пользовался всякимъ случаемъ возжигать между ними несогласіе, съ вѣрнымъ разсчетомъ упрочить вліяніе свое на слабаго характеромъ Кутузова.

[111] Точная копія этой записки, окруженной такою тайною, находится между «Приложеній», въ концѣ описанія войны 1812 года.

Записки этой не оказалось въ бумагахъ А. П. (примѣч. изд.).

Предварительное расположеніе войскъ слѣдующее:

Генералъ Милорадовичъ съ авангардомъ въ Гроднѣ и къ сторонѣ Бѣлостока. Адмиралъ Чичаговъ въ мѣстечкѣ Езднѣ и къ сторонѣ Олиты. Отдѣленный отъ его арміи корпусъ Генерала Барона Остенъ-Сакена, наблюдая отступленіе Австрійскихъ и Саксонскихъ войскъ, остановился на границѣ. Генералъ Дохтуровъ съ VI пѣхотнымъ корпусомъ и другими отрядами расположенъ также у самой границы. Генералъ Тормасовъ со всею гвардіею и ея кавалеріею, 1-ю гренадерскою дивизіею и сильною артиллеріею, занималъ мѣстечко Меречъ и окрестности. Здѣсь назначена Главная Квартира Государя и Фельдмаршала. Графъ Витгенштейнъ съ 1-мъ пѣхотнымъ корпусомъ недалеко отъ Ковна наблюдалъ отступленіе отъ города Риги Прусскихъ войскъ. [112]

Атаманъ Платовъ съ большею частію полковъ войска Донского приближенъ былъ къ мѣстечку Меречъ; прочіе всѣ готовы были къ выступленію за границу.

Генералъ-Адъютанту Барону, Винценгероде предположено составить особенный отрядъ. [113]

По упраздненіи Главнаго Штаба 1-й арміи, я назначенъ начальникомъ артиллеріи всѣхъ дѣйствующихъ армій. Я обратился къ Фельдмаршалу, прося исходатайствовать отмѣну назначенія моего, но онъ сказалъ, чтобы я самъ объяснилъ о томъ Государю. Намѣреніе его было, какъ тогда сдѣлалось извѣстнымъ, мѣсто это доставить артиллеріи Генералъ-Маіору Рѣзвому.

---

[112] Командующій Прусскими войсками Генералъ Іоркъ есть одинъ изъ отличнѣйшихъ начальниковъ. Онъ, прекративъ военныя дѣйствія, вошелъ въ переговоры, согласно съ желаніемъ войскъ, особенно ему преданныхъ. Въ крѣпостяхъ Пруссіи были Французскіе гарнизоны, и Король не могъ одобрить явнаго нарушенія союза съ Наполеономъ.

[113] Наблюдательный его отрядъ находился недалеко отъ Москвы, около села Всесвятскаго. Баронъ Винценгероде зналъ отъ жителей, что Наполеонъ выступилъ съ арміею и въ городѣ осталось очень мало войскъ. Схваченные плѣнные подтверждали, что оставленному съ малочисленнымъ отрядомъ Маршалу Мортье приказано, взорвавъ Кремлевскія башни, оставить Москву и слѣдо-

Послѣ лестной должности, неожиданно и не по чину мнѣ назначенной, когда, въ неблагопріятномъ положеніи дѣлъ нашихъ, Государю неблагоугодно было предложить ее никому другому, мнѣ дано приказаніе, и оставался долгъ повиновенія!

Теперь новая должность моя объемлетъ часть обширную, но есть и недостатки въ ней, требующіе скораго исправленія, при средствахъ, дѣятельною кампаніею истощенныхъ, въ отдаленіи отъ удобнѣйшихъ способовъ снабженія всѣми потребностями. Болѣе прежняго извѣстный Государю, я признался простосердечно, что меня устрашаютъ трудности и неотвратимыя препятствія, чтобы поставить себя въ готовность къ скорѣйшему исполненію требованій. До сего времени въ каждой изъ армій были отдѣльные начальники артиллеріи и у каждаго свой взглядъ на порядокъ управленія дѣлами. Теперь подчиняются они общему надъ ними

вать за арміею. Съ малымъ конвоемъ и немногими изъ свиты своей, Генералъ Винценгероде подъѣхалъ къ заставѣ города, конечно, не для обозрѣнія, но, правдоподобнѣе, съ намѣреніемъ, устрашивъ непріятеля готовностію къ бою, склонить къ сдачѣ Москвы. Сопровождавшій его слабый конвой былъ опрокинутъ и, не предваря, по принятому всѣми вообще порядку, не подавши знака, что присланъ для переговоровъ (en parlementaire), хотя и настоятельно убѣждалъ въ томъ, но всѣ противъ него были обстоятельства, и онъ взятъ подъ стражу. Слабый конвой жандармовъ препровождалъ его плѣннаго, дорогами отдаленными, и уже по ту сторону рѣки Березины, внезапно освобожденъ онъ разъѣздомъ Казаковъ изъ отряда Флигель-Адъютанта Полковника Чернышева, который отправленъ былъ изъ С.-Петербурга въ Главную Квартиру Фельдмаршала и далѣе съ повелѣніями Государя Адмиралу Чичагову. Чернышевъ изумленъ былъ появленіемъ предъ нимъ Винценгероде, ничего не зная о происшедшемъ съ нимъ. Теперь объяснилось, что судьба лишила его славы быть освободителемъ древней столицы. Взаимна была горесть, и нѣтъ сомнѣнія, что, изъ двухъ этихъ знаменитостей, каждая освобожденіе оставленной непріятелемъ Москвы весьма охотно внесла бы въ смѣту своихъ подвиговъ. Москва занята вскорѣ по томъ войска Донского Генералъ-Маіоромъ Иловайскимъ 4-мъ. Примѣчательно описаніе Чернышева, нелѣпое и нагло хвастливое, трудно преодолѣнной имъ мѣстности, переплытыхъ имъ рѣкъ и проч., хотя въ то время рѣки скованы были морозами жестокой зимы. Винценгероде прежде всѣхъ зналъ о выступленіи Наполеона изъ Москвы, но о томъ не извѣстилъ Фельдмаршала, вкушавшаго невозмутимый покой въ позиціи при Тарутинѣ, послѣ разбитія и прогнанія авангарда подъ командою Неаполитанскаго Короля, Мюрата.

начальнику. Государь, благосклонно выслушавши меня, изволилъ утвердить мое назначеніе.

Въ облегченіе изложенныхъ мною затрудненій и ускоряя распоряженія Артиллерійскаго Департамента, Государь приказалъ мнѣ, составляя вѣдомости о всѣхъ, необходимо надобныхъ предметахъ, доставлять ихъ Графу Аракчееву, который, для немедленнаго удовлетворенія требованій, будетъ объявлять волю его Инспектору всей артиллеріи, Барону Меллеру-Закомельскому. Мѣра эта тѣмъ необходимѣе была, что на укомплектованіе назначенной за границу артиллеріи взято большое число офицеровъ, нижнихъ чиновъ и лошадей. Оставлены въ Вильнѣ и по близости шесть сотъ орудій (600) и готовые кадры для сформированія пятидесяти конныхъ и пѣшихъ ротъ, которыя, по мѣрѣ приведенія въ надлежащій составъ, должны слѣдовать за арміею. Ротамъ не участвовавшимъ въ дѣйствіяхъ предписано прійти въ Вильну.

Государь прибылъ въ мѣстечко Меречъ; въ то же время и Фельдмаршалъ.

Первый день 1813 года ознаменованъ выступленіемъ за границу всѣхъ нашихъ армій.

Итакъ, въ теченіи семи мѣсяцевъ, потерявши не менѣе восьми Губерній, впавшихъ во власть непріятеля, лишившись древней столицы, обращенной въ пепелъ, имѣя въ сердцѣ своемъ болѣе пяти сотъ тысячъ враждебныхъ полчищъ, грозившихъ истребленіемъ, Россія восторжествовала! Императоръ примѣромъ непоколебимой твердости оживилъ въ каждомъ надежду спасенія отечества. Никто не щадилъ пожертвованій, призваны въ пособіе всѣ средства, всѣ возможныя усилія. Исполненныя самоотверженія, двинулись храбрыя ополченія Россіи; ударилъ часъ освобожденія, и Богъ, поборникъ правыхъ, низложилъ горделивые замыслы враговъ, и уже нѣтъ ихъ на землѣ любезнаго отечества нашего!

Изложивъ извѣстныя мнѣ происшествія въ продолженіи отечественной войны и въ преслѣдованіи до границъ нашихъ спасающагося бѣгствомъ непріятеля, прекращаю я описаніе.

III

МАТЕРІЯЛЫ СЛАВЯНСКІЕ

411.

Я гадала, що то милый, що то моя душка,
А въ милого китаечка коло капелюшка.

412.

Ой мôй милыи̂, чорнобрôвый а якъ же, а якъ же!
Я зъ вечера поцѣлую, на розсвѣтѣ также;
Я зъ вечера поцѣлую, шобы лехко спати,
На розсвѣтѣ поцѣлую, шобы рано встати.

413.

То на сесь бôкъ, то на той бôкъ, далеко ходити,
Вѣдай, мы ся, мôй миленькій, лишимо любити.

414.

Зеленая петрушечка близько перелазу,
Соледенькû губки були въ мого любка зъ разу;
Солодонькû губки були, солодшû медочку,
А теперь ми такъ згôрчѣли, шо гôршь полыночку.

415.

Пастернакъ-неборакъ, зеленая ґичка:
Люби мене, мôй миленькій, хоть я невеличка!
А хоть же я невеличка, але я Параска,
Тогды любка поцѣлую, коли моя ласка.

416.

А хоть же я невеличка, але я Маруся,
Тогды любка поцѣлую, коли змилуюся.
А хоть же я невеличка, але я Анниця,
Тогды любка поцѣлую, якъ зôйде зôрниця.

417.

А хоть же я невеличка, але я Олена,
Тогды любка поцѣлую, коли буде днина.
А хоть же я невеличка, коли жь бо я Кася,
А коли же поцѣлую, то вже другій засѣ!

418.

Ой учера изъ вечера солома горѣла:
Прійди, прійди, мôй миленькій, бо 'мъ ся розболѣла!
Ой на яку розболочку? Та на головочку:
Прійди, прійди, мôй миленькій, хоть на годиночку!

419.

Бодай тебе, мôй миленькій, бѣда була знала,
Же ся мене за тобою тяжка журба взяла!

420.

Ой калинко, бѣлый цвѣте, цвѣтокъ опадае:
Уже жь наша, мôй миленькій, любва пропадае.
Ще калинка не пристигла, лише попалѣла:
Наша любва не пропала, лишь ся притаила.
А якъ буде калиночка лѣпше пристигати,
То ся буде любва наша назадъ завертати.

421.

Одна гора траву родитъ, а другая кейло:
Хорошого любка маю, сюди го не видно.
Пôслала бы 'мъ посланчика, хлопця молодого,
Та не вмѣє осѣдлати коня вороного.

422.

Я ворота запераю, вони ся втворяютъ,
Я милого вызираю, якъ зори зорѣютъ.
Ой вы зори не зорѣйте хоть одну годинку,
Та найже вôнъ перебѣжитъ хоть одну царинку!

423.

Ой я жита не сѣяла, само жито сходитъ:
Я Козака не чарвала, самъ до мене ходитъ;
Я не вмѣла чаровати, а ні моя мати,
Навчила мья сусѣдонька изъ третои хаты.

424.

Посѣю я дѣжку гречки, а двѣ жменѣ проса:
Ходила я въ черевичкахъ, теперь ходжу боса;
Ходила я въ черевичкахъ зъ жовтыми пряжками,
Теперь ходжу по морозѣ бѣлыми нôжками.

425.

Ой якъ будешь, мôй миленькій, черезъ рѣчку плысти;
Прибувай самъ, присылай ми частенькіи листы!

426.

Шобы горы роскопаты, лѣсы прорубати,
Шобы видко до милого, та й до его хаты.

427.

Седитъ голубъ на дубоньку, голубка на водѣ:
Ой уже жь намъ, мôй миленькій, любитися годѣ!

428.

Завше Бога о томъ прошу, шобы 'сь бувъ щасливый,
Хоть зъ иншою, не зо мною, бо 'сь ты менѣ милый.

429.

Продай, тату, чтыре волы, купи ми дëрдею,
Маю въ Бозѣ надѣëчку бути попадею!

430.

Чи я тобѣ не казала, чи 'мъ тя не просила,
Скажи менѣ щиру правду, чи я тобѣ мила?
А я тобѣ завѣрила на недолю свою,
А ты 'сь мене та позбавивъ любого спокою!

431.

Лѣпше було, гарный хлопче, шобы 'сь ся не родивъ:
Коли 'сь мене та не любивъ, шо 'сь до мене ходивъ?

432.

Чому 'сь тогди ту не прійшовъ, коли 'мъ тѣ казала,
Якъ у мене цѣлу нôчку свѣчка не згасала?
Тогди тебе та до мене зôбрала охота,
Якъ згорѣла въ мене свѣчка до самого гнота.

433.

Любивъ мене милый дуже, та переставъ уже,
Та ще чую черезъ люде, що любити буде.

434.

Кобы менѣ не детина, я бы 'мъ си гуляла,
А то менѣ детинище руки завязала.
Кобы менѣ та не чепець, не червона хустка,
Я бы 'мъ собѣ погуляла, якъ на ставу гуска.

435.

Чи ты, коню, осѣдланый, чи ты коню, сивый?
Ой а де жъ ты одъѣзджаешь а мôй чорнобрôвый?

436.

Шкода травы, та й муравы, що 'мъ по ней ходила:
Шкода мене молоденькôй, що 'мъ дурня любила!

437.

Ой мѣсяцю, переградься на двѣ половинѣ:
Одновъ свѣти миленькому, а другою менѣ!

438.

Кобы рѣчка невеличка, я бы 'мъ перебрêла:
Кобы милый не сивенькій, я бы 'мъ го любила.

439.

Ой хлопчино, хлопчинонько, такъ есь ми миленькій,
Яко въ лѣтѣ при дорозѣ яворь зелененькій.

440.

Коло млына яворина, коло млына кладка:
Я зъ немилымъ говорила, а за милымъ гадка.

441.

А якій ты гидкій, бридкій, я тя прикрасила,
Бѣлымъ личкомъ, якъ сонечкомъ, чорными очима.

442.

Ой мѣсяцю, мѣсяченьку, не свѣти нѝкому,
Ино мому миленькому, якъ иде до дому!
Ой засвѣти, мѣсяченьку, та й вôджени мару,
А якъ пôде до другои, то зайди за хмару!
А ставувши за хмарою, та й въ темности цѣлый;
А я скажу, заплакавши: «Покинувъ мня милый!»

443.

Свѣтить мѣсяць, свѣтитъ мѣсяць, свѣтитъ, а не грѣе,
Однакъ менѣ за миленькимъ мое серце млѣе.

444.

Шобы 'мъ таки очи мала, якъ застêжка сина,
То бы 'мъ собѣ вôдмовила вôдъ сусѣды сына.
Ой сусѣдо, сусѣдочко, тримай твого сына!
Бо я его вôдчарую чорными очима.

445.

Кличе мати вечерати: «Вечерайте сами:
Нема мого миленького, не буду я зъ вами!»

446.

Дала жь мене моя мати за кого я хтѣла:
Зашумѣла нагаёчка коло мого тѣла.

447.

Тато добрый, тато добрый, мама не лихая,
Не боронятъ погуляти, поки 'мъ молодая.

448.

Качаюся, валяюся, кусаютъ мья блошки:
Пусти мене, моя мати, до коршмоньки трошки!
Пусти, пусти, моя мати, я не забавлюся,
Но съ хлопцями погуляю, до дому вернуся.

449.

Ой нависли чорнû хмары, нависли, нависли:
Не зôйдешь ми, мôй миленькій, не зôйдешь ми зъ мысли.

350.

Чи Богъ знае, Богъ вѣдае, де мôй милый дѣвся:
Ой шобы вôнъ у гаю бувъ, то 'бъ гай зеленѣвся;
Ой шобы вôнъ утопився, рѣки бы бренѣли,
Шобы его вовки зъѣли, де сь бы затрубили.

451.

Або, горы, розступѣтся, або мня прикрыйте:
Маете мня розлучати, лѣпше мня забійте!

452.

Повѣй, вѣтре буйнесенькій, звôдки я тя прошу,
Розвѣй тугу, розвѣй тугу, що на серцю ношу!
Повѣй, вѣтре, изъ за горы, звôдки тя жадаю,
А то съ товй сторононьки, де милого маю!

453.

Ой вже жь менѣ не ходити, куда я ходила,
Ой вже жь менѣ не любити, кого я любила.
Ой вже жь менѣ не ходити зеленымъ потокомъ,
Ой вже жь менѣ не любити Томуня пôдъ бокомъ!

454.

Ой одъ вôдти, вôдъ Пѣстиня, ѣде колêсничка:
Дай же мене, моя мати, та за ремêсничка!
Ремêсничокъ, якъ паничокъ, а ручка бѣленька,
Та нйколи тѣ не скажу: «Головко бѣдненька!»

455.

Та дала мья моя мамка за высокй горы,
Не дала ми бôльше ничогъ, лише однй бджолы;
А бджолы ся розлетѣли, лишь я ся лишила,
А теперь 'сь мья, моя мамко, на вѣки втопила.

456.

Поки 'мь була у мамочки та овечки пасла,
Я сыръ ѣла, я дзеръ пила, була въ личку красна;
А якъ пôшла за ткачика цивочки сукати,
Дивилася въ чужій городъ натины набрати.

457.

Ой ковала ми зазулька, ковала, ковала:
Якъ упала тяжка зима, она ся сховала;
Якъ упала тяжка зима, ковати забула,
Далеко ся исховала, якъ бы ту не була.

458.

Ой коли 'сь мья та й не любивъ, було жь мья не брати,
Бо я тобѣ не грушочка въ саду коштовати;
Бо грушочку покоштуешь, та й далѣй закинешь,
А вôдъ мене, молодои, марне съ свѣта згинешь.

459.

Вôддай мене, моя мати, за кого я важу,
Най я буду сêмь разъ бита, я тобѣ не скажу.

460.

Пôшла бы я на кладочку, кобы 'мъ не упала,
Пôшла бы я за наймыта, кобы 'мъ не пропала;
Бо въ наймыта волôвъ нема, сорочка не шита,
За наймытомъ дѣвчинонька сêмь разъ на день бита.

461.

Дала мене, моя мати, за кого я хтѣла,
Зашумѣла нагаѣчка кого мого тѣла.

462.

Ой мѣсяцю перекрою, зайди за комору,
А съ кимъ менѣ любо мило, най си поговорю!
Ой мѣсяцю перекрою, не свѣти нікому,
Тôлько мому миленькому, якъ иде до дому!

463.

А якъ идешь, любко, на нôчь, заґрай же въ сопѣлку,
А я выйду, послухаю, чи ты тамъ, сокôльку!
А якъ идешь, любко, на нôчь, заґрай же въ листочокъ,
А я выйду, послухаю, чи твôй голосочокъ!

464.

Ой не ходи улицями, та й не дуже ґукай,
Казала 'мь тѣ ще зъ осени: «У людій си шукай!»

465.

«Ой мôй свѣтку, ой мôй свѣтку, якъ маковый цвѣтку!
То 'сьте ми го завязали въ бѣлу перемѣтку!
Ой якъ есьте завязали, такъ го розвяжѣте,
Та най я си погуляю, якъ людьскіи дѣти!» —
«Ой треба бы, моя доню, три тисячей дати,
«Шобы тобѣ, молоденькôй, свѣтокъ розвязати.» —
«Ой зложѣте, моя нене, зложѣте, зложѣте,
Таки менѣ, молоденькôй, свѣтокъ розвяжѣте!»

466.

Хоть бы прійшло погибати по саміи уха,
Таки пôду до дѣвчины, хотяй заверуха.
Хоть бы прійшло погибати по саміи очи,
Таки пôду до дѣвчины темненькои ночи.

467.

Ой на грушцѣ бѣлый цвѣтъ, та вже опадае:
Любивъ Козакъ дѣвчиноньку, та вже покидае.
Ой нехай же покидае, якъ самъ собѣ знае,
Щасливая дороженька, куда вôнъ думае!

468.

Гей далека дороженка вôдъ Ввислы до Днѣстру,
Пустивъ е'мъ ся та й безъ весла на рѣченьку быстру;
Не для того, бы 'мъ свѣтъ звѣдавъ, нй для того краю,
Ино для тои вишеньки, що надъ Днѣстромъ маю.

469.

Ой Цêсарю, Цêсароньку, въ тебе шапка срêбна,
Кобы 'сь зъѣхавъ, подивився, яка Польща бѣдна!
Ой чому же Польща бѣдна? Бо Ляхи зôдрали,
Шо 'смо мали по коровѣ, й то Жиды забрали;
Жиды взяли по коровѣ, Цêсарь бере дѣти,
Не маемо, пане брате, що въ Польщѣ сидѣти!

470.

А ты седишь за горою, а я за другою,
Чи тужишь ты такъ за мною, якъ я за тобою.
Коли тужишь такъ за мною, якъ я за тобою,
Поберемся, серце мое, та жіймо съ собою!

471.

Нещасливе закоханье, треба занехати,
А що було серцю миле, треба покидати.

472.

«Ой хлопчино, хлопчинонько, то єсь ми миленькій,
Якъ у лѣтѣ при роботѣ вѣтрець холодненькій!» —
«Ой дѣвчино, дѣвчинонько, то єсь ми милая,
Якъ у лѣтѣ при роботѣ вода студеная!»

473.

Подивьюся сюда, туда, не виджу нікого,
Прійде ми ся розболѣти зъ жалю великого.

474.

«По по̂дъ тоти полонины густі буковины:
Коли тя ся надѣяти, любку, съ полонины?» —
«Ой надѣйся, моя мила, рано въ суботоньку,
Ой выпишу, вымалюю ружеву квѣтоньку;
Ой выпишу, вымалюю ружеву квѣточку,
Передамъ ю до милои, що 'мъ є на свѣточку.»

475.

Хитай, вода, берегами, хитай, вода, лугомъ!
Чому 'сь до мья не приходивъ, якъ єсь ишовъ съ плугомъ?»—
«До тебе бы, любко, прійти, а въ тебе бы сѣсти,
Въ мене волы сивенькіи, та схотѣли ѣсти.»

476.

На що менѣ ручку даєшь, коли мня не знаєшь?
Чого менѣ на серденьку тугу начинаєшь?

477.

Котилися возы зъ горы, на долинѣ стали:
Кохалися чорнѝ очи, теперь перестали,
Кохалися, любилися, що мати не знала,
Теперь бо ся розлетѣли, якъ чорная хмара!

478.

На Рунгурахъ нема лѣса, лише саме дубье:
Та тамъ мое пребуває сивенькє голубье.

479.

Два голубы воду пили, а два й колотили,
Бодай тоти не прощенѝ, що насъ розлучили!

480.

Ой розлука, товаришу, розлука, розлука:
А все тото наробила посестриця сука!

481.

Ой можь знати, познавати, хто кого кохає:
Вороточка минаючи, тяженько вздыхає.

482.

Ой убита дороженька, куды товарь ходитъ:
Угнѣвався мôй миленькій, уже не приходитъ;
Угнѣвався мôй миленькій на мене, на мене,
Всѣдлавъ воронъ кониченька, поѣхавъ вôдъ мене.

483.

Подушочки пиховіи, хто 'ме на васъ спати?
Личко мое румяненьке, хто 'ме цюловати?
Тототъ буде цюловати, котрій въ капелюсѣ,
Тототъ якъ разъ поцюлуе, пристане до души.

484.

А калинка бѣло цвете, а червоно родитъ:
Великое закоханье до бѣды приводитъ.

485.

Ой кобы ты такъ за мною, якъ я за тобою,
То мы бы такъ пробували, якъ рыбка зъ водою!

486.

Ой не видко Коломыи, лише видко хресты,
Туда менѣ любо, мило очима повести.

487.

Бодай тебе, Бодай мене, Бодай насъ обое!
Тôлько въ людей не ма суду, кôлько на насъ двоє!

488.

«Повѣджь же ми, моя любко, повѣджь ми правдочку,
Не завдавай тяжкой журбы моему сердечку!» —
«Не буде бо, мôй миленькій, не буде, не буде,
Лишь не слухай брехнѝ тои, що йде черезъ люде!»

489

Кобы паны позволили, а попи шлюбъ дали,
Мы жъ бы то ся, моя любко, сихъ мьясницъ побрали.

490.

«Або мене, любко, люби, або мене лиши,
Або мои чорнѝ брови на паперѣ пиши!» —
«Писавъ бы 'мъ я на паперѣ, паперу не маю,
Поѣхавъ бы 'мъ за паперомъ, дороги не знаю.»

491.

«Коли 'сь менѣ не хотѣла дружиночковъ бути,
То дай менѣ таке зѣлье, шобы тя забути!» —
Ой є въ мене таке зѣлье коло перелазу,
Якъ его тамъ переступишь, забудешь вôдъ разу.»

492.

«Любко жь моя сододенька, любко ма чичена,
Чого 'сь мене зволочила, ще я бувъ хлопчина?«—
«Не я тебе зволочила, а нй моя ненька,
Але тебе зволочила головка гладенька.»

493.

«Душко жь моя миленькая, душко жь моя мила!
Ой бувъ я си хлопець добрый, ты 'сь мня зволочила.»—
«Ни я тебе зволочила, а нй мои очи,
Але тебе зволочило, що ходишь по ночи.»

494.

Ой напійся, молоденька, до мене горѣвки:
Ты не маешь чоловѣка, я не маю жёнки.

495.

Чи я тобѣ не казала, не казали люде,
Шо зъ нашого закоханя нйчого не буде?

496.

Два явори, якъ соколы, оба зелененькй:
Любѣмося, серце мое, бо 'сьмо молоденькй!

497.

Перескочу быстру рѣчку, а ні̂ доторкнуся:
Перестану тя любити, а ні̂ подивлюся.

498.

Ой не съ того дивуюся, шо мы ся любили,
Але съ того дивуюся, що 'смо ся лишили.
Ой якъ мы ся бай любили, то гай розвивався,
А якъ мы ся залишили, весь міръ дивовався.

499.

Бѣдна жь моя головонько, бѣдна жь моя, бѣдна,
Взяла ми ся головоньки журба не потрêбна!

500.

Доки мы ся та любили, сухі̂ дубы цвѣли,
А якъ мы ся залишили, то й сирі̂ повяли.

501.

«Ой ты, горо камêнная, чомъ ся не лупаешь?
Ой скажи ми, дѣвча, правду, въ кимъ ты ся кохаешь?»—
«Хиба бы я съ пѣску була, шобы 'мъ ся лупала:
Хиба бы я дурна була, шобы 'мъ ся признала.»

502.

«Упавъ снѣжокъ на облôжокъ, вчинився водою:
Ци ты тужишь такъ за мною, якъ я за тобою?»—
«Ой тужу я, моя мила, ой тужу я, тужу,
Прошу тебе, чекай мене, най року дослужу!»

503.

Позаростали стеженьки мохомъ и травою,
Де ходили, говорили, серденько, съ собою;
Позаростала стеженька зеленовъ лѣщиновъ,
Де ходила, говорила зъ молодымъ дѣвчина.

504.

Стоитъ верба надъ водою, колыше собою:
Ой чи тужишь такъ за мною, якъ я за тобою?

505.

«Рубай, сыну, яворину, роби, сыну, клиня:
Возьми собѣ сироточку, буде господиня!»—
«Не съ кождои яворины буде, ненько, клиня,
Не съ кождои сироточки буде господиня.»

506.

Шкода травы зеленои, шо нйхто не косить:
Шкода моей перстенины, шо ляда хто носитъ.
Верни менѣ перстенину, я тобѣ хустину,
Нехай люде не говорятъ, шо за тобовъ гину!

507.

Туда лозы хилилися, куда имъ похило,
Туда очи дивилися, куда серцю мило.

508.

Ой не видко того села, лише видко хресты:
Туда менѣ любо, мило, очима позвести.
Ой не видко того села,лише видко пеньки:
Туда менѣ дороженька до моей миленькôй.

509.

Ой не видко того села, лише видко грушу:
Туда менѣ помыкае рано, въ вечêръ душу.
Ой не видко того села лише похилечка,
Та й не видко миленького, а нй подвôречка.

510.

Бодай тебе, Бодай мене, Бодай насъ обое!
На що жь мы ся покохали на нещастье свое?
А на тебе посварили, мене хотятъ бити,
Шобъ съ тобою не стояти, та й не говорити.

511.

Топилися снѣги зъ горы, на долинѣ стали,
Любилися сивй очи, теперь перестали;
Любилися, любилися, шо матй не знала,
Не дай, Боже, розôйтися, якъ чорная хмара!

512.

Сѣю рожу по морозу, по снѣгови сходитъ:
Великое закоханье до бѣды приводитъ.

513.

«То 'сь ми, люба дѣвчинонько, то 'сь ми до сподобы,
Не кажуть тя люде брати, не маешь худобы.» —
«Мене люде не годуютъ, не пріодѣваютъ,
Най же менѣ худобоньки не выпоминаютъ!»

514.

Нѣмеччина — не Ляшина и земля Волоска:
Пôдмовивши уже дѣвча, пôде поголоска.

515.

Личко твое румяное крайснѣше надъ рожу,
Я тя бѣдный молоденькій забути не можу.

516.

«Ой засвѣти, мѣсяченьку, та й ты, зоре ясна,
Передъ тыми воротами, де дѣвчина красна!» —
«Ой засвѣти, мѣсяченьку, тыми долинами,
Куда иде мôй миленькій на нôчь изъ волами!»

517.

Чи ты мене вчаровала, чи трутѣвки дала,
Ой що жь бо ты менѣ розумъ зовсѣмъ вѡдобрала?
Ходжу, нуджу гукаючи, говорю съ собою,
Чи тужишь ты такъ за мною, якъ я за тобою?

518.

Заковала зазуленька по пôдъ небесами:
Заплакавъ же Ивасенько двома голосами.

519.

Мене мати породила близенько потока,
Та казала: «Рости, дочко, тоненька, высока!»
А я неньки послухала, выросла тоненька:
На три сяжнѝ поясина, та й ще коротенька.

520.

«Завѣй же ты, вѣтросеньку, по полю, по полю,
Та розвѣй же, та рознеси мою пусту долю!»—
»Завѣю ти, дѣвчинонько, та й по передъ хати,
Не розвѣю, не рознесу, шо ти мавъ Бôгъ дати.»

521.

Не буду я жита жавъ, ино пшениченьку:
Не буду я вдовы бравъ, ино дѣвчиноньку.
Бо у вдовы два сыны, оба нежонатѝ,
А въ дѣвчины бѣле личко, буду цѣловати.
Бо у вдовы два сыны, будутъ мене бити,
А въ дѣвчины чорнѝ очѝ, будемъ ся любити.

522.

Заковала зазуленька на гаю, на гаю:
А де жь я ся не родила, вмирати гадаю.

523.

Заковала зазуленька на хатѣ, на розѣ:
Заплакала дѣвчинонька въ сѣнёхъ на порозѣ.

524.

Кобъ то пити, кобъ то пити, кобъ то ся не впити,
Жебы знати, що сказати, зъ кимъ поговорити.

525.

Заковала зазуленька, де тучя не била,.
Тамъ родина зъ родиною горѣлочку пила.
Ой родина зъ родиною, а братъ изъ сестрою,
А ще краще, подобнѣше, якъ мужъ изъ женою.

526.

Горѣлочко оковита, люблю жь я тя пити:
Тяжко, гԗрко заробити, тебе заплатити!

527.

Заспѣвавъ бы 'мъ спѣваночку, кобъ то еи вдати,
Ту чужая сторононька, будутъ ся смѣяти;
Ту чужая сторононька, ту чужіи люде,
Якъ я не вдамъ спѣваноньки, соромъ менѣ буде.

528.

Ой на що намъ, моя мамцю, собаки тримати,
Коль ми м'еме сусѣдоньки, що знаютъ брехати?

529.

За моими воротами отесана лата:
Та южъ мене оббрехала бѣдонька варгата.

530.

За моими воротами зеленая груша:
Та южъ мене оббрехали, я невинна душа

531.

Насѣяла 'мъ крутой руты медже берегами,
А якъ менѣ тяжко жити медже ворогами!

532.

Не стôй, чудо, у порога, не будешъ мя бити,
А я буду твого мужа три лѣта любити.

533.

Ой поѣхавъ мôй миленькій до Львова, до Львова,
Та згорѣло серце мое, якъ житна солома.

534.

Ой нйчого жъ ми не жаль, леше ино того,
Та й що жъ бо мы розлученй едно вôдъ другого.

535.

Плынѣтъ, гадки, товъ водою до милого мого,
Скажѣтъ ему та й вôдъ мене, що тужу безъ нёго!

536.

Ой навысли чорнй хмары, навысли, навысли,
Не зôйдешъ ми, мôй миленькій, нйколи изъ мысли.

537.

Хиба тогди мôй миленькій о тобѣ забуду,
Якъ на вѣки изъ симъ свѣтомъ прощатися буду.

538.

Скрипливіи воротонька, не можна заперти:
Кого любью, не забуду до самои смерти.
Скрипливіи воротонька, не можь заперати:
Кого любью, не забуду, хоть буду вмерати.

539.

Куда пôду, туда пôду, та все гадку маю,
Ой втратила 'мъ миленького, вже го не спôймаю.
А хоть его та й спôймаю, то вже не такого,
Прикладаю — не пристає до серденька мого.

540.

Похилився дубъ на дуба гôльемъ на долину:
Лѣпше тебе, любцю, любью, якъ мати дитину.

541.

Або, горы, розступѣтся, або мя покрыйте,
Маєте мя розлучати, лѣпше мя убійте!

542.

Цвите терня, цвите терня, бо корêня мае:
Хто милости не зазнае, тотъ жалю не мае.

543.

А хто знае вôдъ коханя, то порадьте, люде,
Бо вже жъ менѣ за миленькимъ загибочокъ буде.

544.

Ой якъ я си нагадала, кого я любила,
То ажь ми ся долôвъ личкомъ слëза покатила.

545.

Болитъ мене головонька вôдъ самого чола,
Не видѣла 'мъ миленького нй нынѣ, нй вчора.

546.

Ой я тебе вѣрне любью, ты мя перестаєшъ,
Охъ якъ же ми тяжко, нудно, ты о тôмъ не дбаєшь.

547.

Ой я въ виру, воду беру, на камени стою,
Люба минѣ розмовонька, миленькій, зъ тобою.

548.

Ой годину я спѣваю, а годину плачу,
Та що тебе, мôй миленькій, такъ давно не бачу.

549.

Повѣй, вѣтре буйнесенькій, звôдки тя жадаю,
Та изъ тои стороньки, де милого маю.

550.

Ой по горѣ, по долинѣ, зеленый макъ сходитъ,
Нема кому вôдвѣдати, що мôй милый робитъ.

551.

Посѣю я руту круту, а рута не сходитъ:
Черезъ тяжкѝ вороженьки милый не приходитъ.
Чей морозъ ся пересяде, а рутонька зȏйде:
Чей вороги ляжутъ спати, а мȏй милый прійде.

552.

Вже 'мъ сорочку та й вышила шовковою нитковъ,
Вже 'мъ си очи выдивила, милого не видко.

553.

Черезъ гору высокую убитый слѣдочокъ:
Чому, милый, не приходишъ, якій ти смуточокъ?

554.

Курилася дороженька, курилася курно:
Гнѣвалася та й на мене моя мила дурно.
Ой чи ты ся, моя мила, людей не встыдаешь,
Та що ты ся за марну рѣчь на мене гнѣваешъ?

555.

Не гнѣвайся, мȏй миленькій, на мене, на мене,
Хоть ти яка долегливȏсть, то не черезъ мене!

556.

Стоитъ липка надъ водою: «Липко жъ моя, липко!»
А всѣ хлопцѣ пьютъ, гуляютъ, лишъ мого не видко.

557.

Ой пôду жъ я до коршмоньки, стану на порозѣ,
Всѣ парубки пьютъ, гуляютъ, мой милый въ дорозѣ.
Ой пôду жъ я та до церкви, та й попрошу Бога,
Щобы мому миленькому щаслива дорога.

558.

Свѣтитъ сонце, свѣтитъ сонце, на хату лелѣе,
Ой вже не ма та й не буде, на кого надѣя.

559.

Ой по горѣ каменячко, якъ позолочене,
Чогось мое вôдъ недѣлѣ серце засмучене!

560.

Ой по саду, по садочку, листочокъ ся стелитъ:
Бѣдна жь моя головонько, мôй милый ся женитъ!
Ой най же ся вôнъ та й женитъ, я ся не повѣшу,
Кобы борше до недѣлѣ, я ся иншимъ втѣшу.

561.

Не ма жъ мого миленького, не ма жъ моей квѣтки,
Пôшла бы 'мъ го выглядати, та не знаю звôдки.

562.

Ой заросли тоти стежки мохомъ, травиною,
Де 'мъ ходила, говорила, серденько, зъ тобою!
Ой заросли тоти стежки лѣсомъ зелененькимъ,
Де 'мъ ходила, говорила, изъ моимъ миленькимъ!

563.

Ой стану я на кладочцѣ та й ся похитаю:
Любе мое закоханье, вже тя занехаю!
Ой стану я на кладочцѣ та й ся поколышу:
Любе мое закоханье, вже я тя залишу!

564.

Доки мы ся та любили, сухи̂ дубы цвѣли,
А якъ мы ся перестали, й зелени̂ повяли.
Доки ми ся та й любили, весь лѣсъ зеленѣвся,
Ой якъ мы ся розходили, весь міръ дивовався.

565.

Ой не тому я спѣваю, що я гараздъ маю,
Лише тыми спѣванками тугу розрываю.

566.

По пôдъ бѣле камêнячко, туда вода була;
Не велика люба була, и та ся минула.

567.

Летитъ пава, летитъ пава, середъ села впала:
Не пôду жъ я та ïи за того, котрого 'мъ кохала.

568.

Ой на ставѣ двѣ качонцѣ не можъ ихъ загнати:
Не буду жъ я за тобою, можу о тôмъ знати.
Ой на ставѣ двѣ качонцѣ днуе та й ночуе:
Не буду я за тобою, мое серце чуе.

569.

Не дôзнае бôльше въ свѣтѣ бôльшоѝ прикрости,
Ой якъ же той, та що любитъ та безъ взаемности.

570.

Шумитъ вода, шумитъ вода, по камêнью гучитъ:
Хто плакати та й не вмѣе, люба го научитъ.

571.

Нѝхто того не згадае, згадати не може,
Та що въ моимъ е серденьку, лишъ ты, милый Боже!

572.

Коли мене, любцю, любишъ, люби жъ мя едную,
Не поглядай оченьками на дѣвча другую!

573.

Ой не свѣти, мѣсяченьку, нѝкому, нѝкому,
Лише мому миленькому, якъ иде до дому!
Свѣти ёму, мѣсяченьку, свѣти до пôвночи,
Не хай худко прiѣзджае, бо выплачу очи!
Свѣти ему, мѣсяченьку, свѣти и зорями,
Ой якъ буде мôй миленькій ѣхати горами!

574.

Щобы горы розкопати, лѣсы прорубати,
Чей бы видно до милого, та й до его хаты.

575.

Якъ же менѣ не плакати, самѝ слёзы лются!
Миленького разъ въ рôкъ виджу, не любъ належится!

576.

Гôркій полынъ, гôркій полынъ, гôрко его ѣсти,
А ще гôрше вôдъ полыну изъ нелюбомъ сѣсти.

577.

Ой жалю жъ мôй, та й великій, ой жалю жъ мôй, жалю,
Ой якъ прійде нелюбонько, засяде всю лаву!
Та якъ прійде мôй миленькій, не мае де сѣсти,
Ой прійдеся мому серцю изъ жалю розсѣсти.
Ой вступися, нелюбоньку, най мôй милый сяде,
Трохи ми ся черезъ тебе серце не розсяде!

578.

Ой сонѐнько ясно свѣтитъ, вѣтеръ тихо вѣе:
Ой якъ я тя та й не виджу, серце минѣ млѣе.

579.

Плыне лебѐдь коло млына, коло мого дому:
Ой кого я вѣрне любью, не скажу нікому.

580.

Ой Боже жъ мôй милосердный, дай же менѣ раду,
Та щобы я у коханю не дôзнала зраду!

581.

Ой не ходи, журавленьку, до озера пити,
Бо тамъ стоитъ два Козаки, хотятъ тебе вбити!

582.

Ой що жь менѣ за зêленько, же ся зеленѣе:
Ой що жъ менѣ за молодець, же ся зъ мене смѣе!

583.

Коло гаю походжаю, коло лѣщиноньки,
«Чи 'сь не видѣвъ, пане брате, моєй дѣвчиноньки?» —
«Ой хоть видѣвъ, ой хоть бачивъ, не могу казати,
Бо ся буде дѣвчинонька на мене гнѣвати.»

584.

Ой що жъ менѣ за зêленько зацвило синенько,
Нѝхто жъ ми ся не вподобавъ, лише Василенько.

585.

Бодаї ты ся, когутику, на сѣдалѣ знудивъ,
Шо ты мене молодую такъ раненько збудивъ!
А я знаю, когутику, якъ рано вставати,
Якъ сонечко въ вôконечко, а милый до хаты.

586.

Ой тамъ, ой тамъ, за рѣчкою, сидитъ молоденька:
«Черезъ рѣчку подай ручку, дѣвчино миленька!» —
«Рада бы я, мôй миленькій, и обѣ подати,
Сидитъ въ хатѣ пôдъ вôконцёмъ рôдненькая мати!»

587.

Пôшли вôвцй въ полонинку, лишь ягнятка блѣютъ:
«А що нашй вôвчарики въ полонинцѣ дѣютъ?»—
«Ой я знаю, моя мамко, та що вони дѣютъ,
Але сидя' у ватерки, бѣлй нôжки грѣютъ;
Ой я знаю, моя мамко, що раненько встаютъ,
Та бѣлыми волôчками нôжки пôдвиваютъ;
Ой знаю я, моя мамко, що раненькô встаютъ,
Та и возмутъ трембйточки, та ще й трумбѣтаютъ.»

588.

Ци трембйтки трембѣтають, ци голосъ овечій?
Даютъ знати, даютъ знати, щобы війти вечѐръ.

589.

Кобы я знавъ, файна любко, шо ты въ буковинѣ,
Лишивъ бы я вôвцй пасти а въ тôй полонинѣ.

590.

«Ой вôвчару, золотару, покинь вôвцй пасти!»—
«Не покину, хоть загину, не вчивъ я ся красти.
Ой укравъ 'сме два бараны, а трету ягницу,
Вони менѣ збудовали въ Сиготѣ темницу.
Ой на ноги кайданицй, на руки скреницй,
Тото тобѣ, ледѣнику, за чужй ягницй!

591.

Ой кобы я крылця мала, я бы полинула,
Я бы своему вôвчареви вôвцѣ завернула!
Ой кобы я крылця мала тоти воробцевѣ,
Я бы вôвцѣ привернула свому молодцевѣ.

592.

Ой у тотôй полонинцѣ вѣтеръ ся вагує,
Одно бѣдня вôвцѣ пасе, друге ватагує;
Одно бѣдня вôвцѣ пасе, друге ватагує,
Ой наробитъ колачикôвъ, менѣ надарує;
Колачики робленіи на бѣлôй платинѣ,
А такъ менѣ подарує, якъ малôи дитинѣ.
На боклажку бай робленѣ, перстеномъ значенѣ,
А вôдъ кого колачики? Все то вôвчареви.

593.

Ой пôду я въ полонинку по зелене сѣно,
Полонинку не перейду, бо сонечко сѣло.

594.

Подивися у вôконце, ци высоко сонце?
Треба менѣ миленького у вечеръ доконче.

595.

Подивися, святый Боже, зъ высокого неба:
Штыри дошки, сяжêнь землѣ, бôльше ми не треба!

596.

Ой серака Поляниця кукурузы сѣе,
А упадча Гуцулія на то ся надѣе.
Ой серака Поляниця кукурузъ сапае,
А упадча Гуцулія бесаги латае.
Ой серака Поляниця кукурузы поле,
А упадча Гуцулія вже бѣжитъ у поле.

597.

«Ой Гуцуле, Гуцуленьку, поганая вѣра!
Твоя жёнка у середу солонину ѣла.»—
«Ой брешешъ ты, Полянику, твоя еще гôрша,
Твоя ѣла у пятницу, а пятйнка бôрша.»

598.

Ой ходитъ панъ Ромашканъ та й по полонинѣ,
По сто овецъ наметано у каждôй царинѣ.

599.

Якъ я прійшла до церквочки, та й ся роздивила,
Оттакъ ступно свѣчка горитъ, що милого не ма.
Черезъ малу годиночку миленькій уходитъ,
Отъ такъ свѣчка засвѣтила, якъ зôрничка зходитъ.

600

Не сêмъ боцѣ вогонь горитъ, на тôмъ боцѣ дымно,
Якъ я пôду съ сего села, комусь буде дивно.
На сêмъ боцѣ вогонь горить, на тôмъ боцѣ жаръ, жаръ,
Якъ я пôду зъ сего села, комусь буде жаль, жаль!

601.

Летитъ воронъ зъ чужихъ сторонъ та крылцями фай, фай,
Якъ я пôду зъ сего села, комусь буде жаль, жаль.
Летитъ воронъ зъ чужихъ сторонъ, а вôнъ не голоденъ,
Ой тотъ буде жаловати, хто мене не годенъ.

602.

Подивися, ледѣнику, по собѣ, по менѣ,
Ци богато твоей працй на менѣ, на менѣ?
Штыры нижки пацерочокъ, а та пята моя,
Можешъ собѣ вôдобрати, за то воля твоя.

603.

Пôдъ зеленымъ яворикомъ хитавъ хиторовецъ,
Чорна кляса, мордокляса, гайда кучеровецъ!

604.

Ой Марйчко, зажжи свѣчку, най перейду рѣчку,
Ой та зажжи обѣ, обѣ, най перейду дъ тобѣ!

605.

Марієчка, забарієчка, забарила мене,
Ой якъ зори зазорили, вôдрядила мене.

606.

А якъ менѣ не гуляти, коли въ мене мати,
И постелитъ и накрые: «Лягай, доню, спати!»

607.

Ой а плечѣ сточованѝ, рукавцѣ зъ одного,
Перегôнка ярчукова, тото брата мого.
Ой та пôшовъ горѣ плаёмъ, сѣвъ собѣ на гôрцѣ,
Пытае ся товарища; «Ци всѣ нашѝ вôвцѝ?» —
«Не ма твоей круторôжки, моей пентолôжки,
Не маемо, товаришу, нѝ нашой надêжки.»

608.

Зарыкала у чередѣ, коровочка йдучи:
Заплакала дѣвчинонька, ледѣника ждучи.
Зарыкала коровочка, зарыкала пряна:
Не ма, не ма и не буде ледѣника Ивана.
Ой прійду я до коморы постêвку стелити,
Постѣвъ сама, стѣна нѣма, нѝ съ кимъ говорити!

609.

Зашумѣла дубровонька, якъ ся розвивала:
Заплакала дѣвчинонька, якъ ся вôддавала.
«Ой не шуми, дубровонько, доста листу буде!
Ой а не плачь, дѣвчинонько, гараздъ тобѣ буде!»—
«Ой якъ бы я не плакала, та й не голосила,
Та за тыми волôчками, що ихъ не зносила.»

610.

«Ой сонечко въ вôконечко, а мѣсяць у крузѣ:
Ой уже ты, дѣвчинонько, въ мамки на вôслузѣ» —
«Що бы тобѣ, моя доню, за выслугу дати?
Десêть коровъ, десêть коровъ зъ малыми теляти;
Десêть овецъ, десêть овецъ зъ малыми ягняти,
Десêть козокъ, десêть козокъ зъ малыми кôзляти;
Десêть козокъ, десêть козокъ зъ малыми кôзляти,
Ше до того коня вороного въ сѣдлѣ осѣдлати.»

611.

Ой выйшовъ я дъ горѣ, дъ горѣ, та й ставъ за кулешневъ,
А я вчинавъ, еге! еге! дѣдько бы зъ тя кашлявъ!

612.

Курилася дороженька, куды жабка лѣзла:
Бодай тобѣ, дѣвчинонько, головка облѣзла!
Най бы в'на ти тай облѣзла, та и облупила,
Ой що мене до твоего дому принадила!

613.

Не иди ты, ледѣнику, та й на полёванье:
Дощикъ иде, роса паде, замочишъ убранье.
Дощикъ иде, роса паде на бѣлу березу,
А я свому миленькому сорочку мережу.

614.

«Купивъ бы 'мъ ти, моя мила, горѣвки до волй,
Кобы 'съ ми не боронила въ вечêръ до другои.» —
«Иди, иди, ледѣнику, менѣ се не шкодитъ,
Хоть такъ ходи по вздовжъ села, якъ жебраки ходятъ!»

615.

«Иде туча изъ Залуча, чорненькая хмара:
Шобы тобѣ, Марiечко, изъ Иванкомъ пара.» —
«Ой хоть пара, хоть не пара, муситъ бути пара.
Бо в'на ему у сорочки полы циркувала;
Циркувала, циркувала всякими квѣтками,
Шобы его спôзнавала межи парубками.»

616.

Въ полонинцѣ на кидринцѣ ватерка ся куритъ:
«Ходѣмъ, брате, до дѣвчины, дѣвчина ся журитъ!»
Въ полонинцѣ на кидринцѣ ватерка палала:
«Ходѣмъ, брате, до дѣвчины, дѣвчина конала!»

617.

Коли палишъ сѣны, хату, пали жъ оброги:
Коли идешъ до дѣвчины, не пытай дороги!
Коли палишъ сѣни, хату, пали жъ и оденки:
Коли идешъ до дѣвчины, не пытай ся неньки!

618.

Пôшли козы по за лозы, вôвцѣ по бодячу:
Пôшла Гандзя на панчину: «Радуйся, паничу!»
«Ой паничу, ой паничу, лиха ти не зычу,
А на твоимъ подвôречку та й коровки рычутъ.» —
«Та най рычутъ, та най рычутъ, молодичку кличутъ!»—
«Молодичка и не чуе, бо въ коршмѣ ночуе.»

619.

На тѣмъ боцѣ, при потоцѣ горѣшки ся трясутъ:
Дала бы 'мъ вамъ по писанцѣ, курки ся не несутъ.

620.

Ой Олена — прибѣлена, Василина — кавна,
А Маричка — пышна чѣчка, бо то любка давна.

621.

Ой Аннице, бѣлелице, ходѣмъ до потока,
А въ потока шипетина, широка толока!

622.

Ой Аннице, бѣлелице, Аннице коштôвна!
Чому жъ тобѣ у Буковецъ дорога нерôвна?
Ой нерôвна, ой нерôвна, нерôвно ходити,
Хиба мы ся, файна любко, залишѣмъ любити.
Докивъ мы ся та й любили, втѣхи та радости,
А якъ мы ся залишили, жалю та банности.

623.

Ой изъ горы на долину поволеньки зôйду:
«Звари, любко, пирожата, въ вечѐръ до тя прійду!» —
«Зварила быхъ пирожата, кобы сыръ та масло,
Пôшла сыта та й корыта, а въ печи погасло.»

624.

Котилися возы зъ горы, поломали свôрнй:
«Не йди, дѣвко, за удôвця, чекай своеі рôвнй!
А удовецъ не молодецъ, ме бити, кортати,
Бѣле личко румяненькє дъ свому прирôвнати.»

625.

Пôшло бѣдня въ полонинку, наказуе менѣ:
Отъ такъ бы съ ся справовала, якъ я въ полонинѣ!

626.

Ой вôнъ менѣ наказуе все ластôвочками,
А я ему вôдсылаю перепеличками.

627.

Пасе бѣдня вôвцѝ въ Глофѣ та у Чорногорѣ,
Але его колачики у моêй коморѣ.
Ой а его колачики всѣ въ моêй коморѣ,
А вôнъ ходитъ зъ голымъ бучкомъ ажъ по Чорногорѣ.

628.

Выйшла, выйшла дѣвчинонька, стала голосити:
«Трава, трава полягае, нѝкому косити.» —
Выйшовъ, выйшовъ ледѣничокъ, ставъ êй говорити:
«Не плачь, не плачь, дѣвчинонько, я вмѣю косити.» —
«Рубай траву серединовъ, та коло сердечка,
Не мегъ тебе утинати та у поперечка!»

629.

Заплакала дѣвчинонька дрôбными слёзами:
«Не ма, не ма ледѣника зъ панскими возами!»
Пôшовъ ледѣнь до Сигота муры муровати,
Ой заказавъ ледѣнь дѣвцѣ рôкъ ся не вôддати.
Але пôшовъ ба й ледѣнчокъ уже поза Вѣдню;
«Вôддавайся, дѣвчиночко, бо я вже не выйду!»

630.

Ой иму я въ рѣцѣ рыбу, а въ кирници рака:
Дай ти, Боже, на здоровье, дѣвчино сарака!» —
«Ой иму я въ рѣцѣ щуку, а въ кирници рыбку;
Дай ти, Боже, на здоровье, Иваночку, сынку!»

631.

«Ой Аннице, бѣлелице, ци пôдешъ за мене,
Ци зачѣстришъ, ци запрядешъ, погодуешъ мене?» —
«Ой Бодай я, вражій сыну, того не зазнала,
Зачѣстряти, запрядати, тебе годувати!»

632.

Ковала ми зазулечка въ саду бервêнковымъ:
Срѣбне сѣдло на конику ше й на Иванковымъ;
Сребне сѣдло на конику, ше й злотая узда,
Якъ я его та не виджу, находитъ мя нужда.

633.

За вороти въ папороти пасе теля чорне:
Мое бѣдня на конику, якъ золоте зерня.
За вороти въ папороти пасе кôнь у сѣдлѣ:
Кого не любью, не буду, хоть най ходитъ въ срêблѣ!
За вороти въ папороти пасе кôнь у ланцѣ:
Кого любью, не забуду, хоть най ходитъ въ дранцѣ!

634.

Ой листочокъ яворовый, широкій та довгій:
Любятъ мене молодицѣ покивъ ремêнь повный:
А якъ стало у ремени грошій упадати,
Яли мене молодички та й не пôзнавати.

635.

Ой любили два ледѣнѝ одну молодицу,
Оденъ утêкъ у колопнѝ, другій на вулицу,
А и тому на вулици та й провелося,
Ой а сего изъ колопень тягли за волося.

636.

«Ой чому ты, дѣвчиночко, та й не выходила,
Коли мене царинками котюга гонила?»
«Не выходила, ледѣнику, болѣла головка,
Я гадала, шо котюга ой гонила вовка.» —
«Кобы 'съ була, дѣвчиночко, на царинку выйшла,
Вже бы съ була здоровенька у хату не вôйшла.»

637.

Якъ ударивъ оденъ пласомъ, а другій обухомъ,
Бôрше нѝ чêмъ не кинула, лишъ плечемъ та ухомъ.

638.

Займивъ вôвцѝ въ Королêвку, зôгнавъ на дорогу,
Якъ нагадавъ за дѣвчину, самъ гайда до дому!

639.

Займу вôвцѝ по надъ село, самъ пôду идъ горѣ,
Шобы я се та надививъ на пишнѝ побои.
А якъ тотѝ побоики пышно побиванѝ,
А у любки чорнѝ очѝ якъ намалêванѝ!
А въ моеи любки, любки паперовѝ дверѣ,
Сховаюся у садочокъ, якъ иду до неи.

640.

А я тебе, товаришу, любити не лишу,
Покивъ твои плечинятка букомъ не обнишу:
Але я ихъ ба й не буду та й букомъ писати,
Лишъ не буду на дорозѣ: «Помай, Бôгъ, казати!»
Нй: «Помай Бôгъ, нй Помай Бôгъ, нй «Добре здоровье!»
Бодай тобѣ, ледѣнику, ше й на безголовье!

641.

За моими воротами выкопана яма:
Ходѣть, хлопцй, молотити, бо я дома сама!

642.

Ой веди мя домôвъ, Иванку, не дай мамцѣ бити!
Будемо ся, Иваночку, обое любити;
Та не дай мя мамцѣ бити, та лишень отъ теперъ,
Та будемо ся любити на зеленый четверъ.

643.

Та не бій мя, моя мамко, та не бій, та не бій,
Принесе ти горѣвочки чоловѣчокъ рябый.
Мене мамка била, била, шо 'мъ не рано прійшла,
Учила ся изъ дяченька великого письма.
Хоть ты мене, моя мамко, хоть ты мене убій,
А вже дячокъ молоденькій буде менѣ любый!

644.

Пацерочки, блыскавочки, я ихъ полупала:
Ишло бѣдня до Сигота, я не наказала;
Ишло бѣдня до Сигота, стало ся пытати:
«Яку бы ти, бѣдашинко, фустку куповати?» —
«Купуй менѣ, ледѣнику, зъ усякими квѣты,
Щобы мене пôзнавали свекрушиній дѣти!»

645.

Ишовъ дядикъ до Сигота та на двѣ недѣлѣ,
Вынêсъ, вынêсъ два рантушки, а оба, дѣ, бѣлй;
Два рантушки, два рантушки, а два колокôльцѣ:
Кому жъ то вôнъ подоровавъ? Ивановôй дѣвцѣ.

646.

Ишовъ, ишовъ Иваночокъ та по надъ поточокъ,
Носивъ, носивъ горѣвочки повенъ боклажочокъ.
Якъ бы того Иваночка та и пôдпросити,
Щобы ми давъ горѣвочки зъ того боклажати?

647.

Ой сидѣла Гуцулочка межи Гуцулами,
Та тримала писаночку цѣлыми ручками.

648.

Ой у саду садовина, а въ лѣсѣ лѣщина:
Загадала въ саду спати молода дѣвчина.
Загадала въ саду спати меже яблôнками,
А всю нôчку щебетати меже парубками.
Невѣстиця тото вчула та й вôддула губки:
«Не дай, мати, въ саду спати, приходя' парубки!» —
«Бодай же ты, невѣстице, не цвѣла, не гнила,
Шо ты ненцѣ розказала, мене ненька била!»

649

Ой пила бы 'мъ та й водицю, водиця не чиста.
Нападоло у кирничку яворовогъ листа;
Ой уробѣгъ, ледѣнчики, мостокъ калиновый,
Вычистити изъ кирнички листокъ яворовый!

650.

Ой на горѣ на высокôй яворъ ся колыше:
Ой того я хлопця люблю, шо панщину пише.

651.

Ишовъ Гуцулъ зъ полонинки, Гуцулочка зъ баній,
Сѣли собѣ пôдъ смерêчковъ, прибагли снѣданье.

652.

Не журѣтся, когутоньки, не журѣтся, курки.
Не ма Ксёндза Випотравки, поѣхавъ до Турки!

653.

Иде бычокъ у планчокъ та тоненько рыче:
Выйди жъ, выйди, дѣвчинонько, тебе ледѣнь кличе!» —
«Ой не выйду, ледѣнику, бо 'мъ ще ся не вмыла,
Кобы 'съ купивъ рантушину, то быхъ ся завила.»

654.

Ой у полѣ рѣчка, черезъ рѣчку кладка:
Не покидай, мôй миленькій, не казала мамка!

655.

Сами дѣвки крупы мелють, сами опалають,
Сами дѣвки на парубки камêньемъ кидають.

656.

Свинѣ въ рѣпѣ, свинѣ въ рѣпѣ, телята въ капустѣ:
Кому шкода, кому шкода? Небозѣ невѣстѣ.

657.

Ой мôй милый чорнобривый жупана не мае,
А якъ прійде до корчмоньки, дѣвки обôймае.
Ой стоитъ пень, якъ бѣлый день, безъ цвѣту не може,
Паскудному, шлюгавому й жупанъ не поможе.

658.

Ой пôшовъ бы 'мъ до милои, та чобôтъ не маю,
Кобы пришвы та холявы пôдшити гадаю.

659.

«Роздерлася чоботина та у самôй пришвѣ:
Якъ я буду въ полѣ оравъ, ты ми ѣсти вышли!» —
«Якъ бы 'сь слала, то бы слати, шобъ мати не знала,
Абы твоя головонька клопоту не мала.

660.

Ой ци ѣсти, ци не ѣсти, бы покоштувати:
Ой любити, хоть не взяти, бы поцюлювати.

661.

Ты бо ею пôцюлуешь у бѣле лыченько,
Она повѣсть: «Гараздъ буде, милое серденько!
Буде гараздъ, хоть не заразъ, а доконче буде,
Хоть не возьме мя миленькій, то мя возьмутъ люде.»

662.

Спѣваночки мои любй!
Де я васъ подѣю?
Понесу васъ въ чисте поле,
Тамъ я васъ посѣю.

Та якъ буде добра доля,
То васъ позбераю,
А якъ буде лиха доля,
То васъ занехаю.

Вы будете, спѣваночки,
По горѣ спѣвати,
Я ся буду молоденька
Слёзами вмывати.

Яке 'мъ пришла до свыкрусй,
Стала на порозѣ:
Лишили ся спѣваночки
Мои на дорозѣ.

Закувала зазуличка
На хатѣ въ загатѣ:
Якъ я буду пробувати
Въ свыкрушинôй хатѣ!

Привели мя до свыкрухй,
Ще 'мъ не встигла сѣсти,
Она мынѣ исказала:
«Неси въ поле ѣсти!»

А я ёй ся испитала:
«Та де той плугъ оре.» —
Она мынѣ исказала;
«Най тя колька вколе!»

А я була молоденька,
Знала ôдповѣсти:
«Та най того колька вколе
Кому несу ѣсти!

«Та не того колька вколе,
Що за плугомъ ходитъ,
Та най того колька вколе,
Хто волы погонитъ!»

663.

Обертайтеся каменя,
Хоць сухй лотоки:
Заспѣвайте, дѣвчяточка,
Щобы до притоки!

664.

Ой я вчера, каже Гоя,
Та я нывьки Гоя,
Та й завтра вже робôтный день,
Головонько моя!

665.

Ой прійшовъ я та до двора,
Заразъ покладаютъ,
А Вокоманъ съ Мандаторомъ
Зъ заду забѣгаютъ.

Ой прійшовъ я та до двора,
Кладутъ мене бити:
Ой вже жъ бо я одъ панщины
Не можу ходити.

Не бій мене, Атамане,
Не бій мене, Пане!
А хто буде ланы жати,
Якъ мене не стане?

666.

Чого було не чувати,
А теперь видати,
Що заказавъ Панъ Ромашканъ
На моргѝ орати.

Кобы тото та на моргѝ,
Але то на ризы,
Бодай тобѣ, Ромашкане,
Скрутивъ дѣдько вязы!

667.

Въ Старогвôздци загремѣло,
Въ Малогвôздци тыхо:
Ой веземо сорокъ дубôвъ
Панови на лихо.

Ой озмѣмо, товаришу,
Дубы обтешѣмо:
Въ Малогвôздци гардѝ дѣвкы,
Въ танецъ не берѣмо!

Въ Малогвôздци гардѝ дѣвкы,
Не хотятъ робити,
Посправяли мандзелѣнки,
Щобы ихъ любити.

668.

Ой въ святенько, бо на Спаса,
Въ церквѣ дзвоны дзвонятъ,
А присяжнѝ ватаманы
На ланъ съ серпомъ гонятъ.

669.

Питаеся Козакъ дѣвки:
«Чого 'съ така блѣда?»
«Ци не знаешъ, Козаченьку,
Яка у насъ бѣда?

Доки були старѝ паны;
Лихи на роботу:
Цѣлый тыждень собѣ робы,
Панови въ суботу.

А теперки, пане брате,
Якъ настали паны:
Выганяютъ въ понедѣлокъ
На панскіи ланы.

Выганяютъ въ понедѣлокъ,
Гонятъ до Суботы,
Ище кажутъ: «Вы, лайдаки,
Не ма зъ васъ роботы!»

А въ Суботу вызначено
На чотырихъ кварту,
Ой цы выпивъ, цы не выпивъ,
Та й пôшовъ на варту.

Въ понедѣлокъ съ сходомъ соньця
О третôй годинѣ
Вже выѣздитъ панъ вокоманъ
На своеѝ кобылѣ.

Призберавъ си горѣвочки,
Та мае що пити,
Якъ выѣде на ланъ панскій,
Та каже всѣхъ бити.

А котрыи побитыи,
Якъ пискоры вьются,
Нашѝ паны вокомоны
Ще съ того смѣются.

А въ Личковцяхъ вѣтеръ вѣе,
Въ Постоловцяхъ тыхо,
А въ Лычковцахъ бѣды не ма,
Въ Постоловцяхъ лихо.

А вже наша Постоловка
Обросла вербами:
Котрй мали по шєсть воловъ,
То пошли съ торбами.

670.

Оденъ чоботъ на подковахъ,
А другій на корку:
Ой хто хоче бѣду знати,
Най си озме дворку!

Ой цы дворка, цы не дворка,
Колы въ дворѣ була,
Ой вже жъ она господарску
Роботу забула.

Ой бо дворка та небога
Не вмѣе робити,
Только зъ кухнй до покою
Фарфурки носити.

671.

Сидитъ голубъ надъ водою,
Хытае собою:
«Цы тужишъ ты такъ за мною,
Якъ я за тобою?» —
«Ой тужу жъ я, мой миленькій,
Тужу жъ бо я, тужу;
Видай же я у семъ дворѣ
Року не дослужу.

Допоможи, милый Боже,
Року дослужити,
Буду жъ бо я тоты дворы
Бокомъ обходити!

Не такъ дворы, не такъ дворы,
Якъ тото подвôрье,
Троха минѣ не тесали
На головѣ кôлье.

672.

Ой лягла я изъ вечера
Взяло мы ся снити;
«Пусти, дюдю, на ярмарокъ,
Щосъ маю купити!»

Ой ходжу я по ярмарку,
Та й думку думаю,
Котре тото Панъ Корнецкій,
Що я го не знаю?

Ходитъ панокъ по ярмарку,
Волики торгуе,
А за волы голубіи
Червоні рахуе.

Ходитъ панокъ по ярмарку,
Дивится по минѣ,
Посилае пôсланчикй:
«Кличте ѐи дъ минѣ!»

Посилає пôсланчикй,
Жидики маліи.
Ведутъ мене пôсланчикй
Въ муры высокіи.

Посилае пôсланчики,
Жидика малого
Ой приноситъ та пôсланчикъ
Питя дорогого.

«Не буду я та, мôй Пане,
Того питя пити,
Бо я дѣвка, минѣ встыдно
Съ Паномъ говорити.»

Ой кувала зазуличка,
Кувала, кувала:
«Рахуй, дѣвчя, сорокôвцѣ,
Корнецкого пана!

Рахуй, дѣвчя, сороковцѣ,
Назначи двацятку,
Абы не мавъ Панъ Корнецкій
На тебе за взятку!»

673.

Чому село не весело?
Арендарь богатый;
Черезъ тебе, арендарю,
Ходжу не жонатый.

Чому село не весело?
Арендарька вбрана;
Черезъ тебе, арендарько,
Ходжу не ôддана.

674.

Выгорѣла Коломія,
Выгорѣли Куты;
Ой мы бы ся не женили,
Кобы не рекруты.

Ой на Куты дорожичка,
    На Куты, на Куты:
Будь ми мила вже здорова,
    Бо я йду въ рекруты!

На що минѣ женитися,
    На що минѣ долй,
Коли минѣ въ Коломіи
    Карабинъ на столѣ?

Чомъ соловій не щебече?
    Голосу не мае.
Чому жовниръ нежонатый?
    Бо долй не мае.

Ой прійшовъ я до цыркулу,
    Не ма старшихъ дома;
Подивлюся назадъ себе,
    Вже барва готова.

Подивлюся назадъ себе,
    Стоитъ жовнярочекъ,
Та саджаютъ у крêселце,
    Стрижутъ волосочекъ.

675.

Ой до Вѣдня, ледѣнникй,
    До Вѣдня, до Вѣдня!
Коли же вы въ Старогвôздци
    Людемъ непотрêбнй.

Ой Цêсарю, Цêсарочку,
    Цêсарю Францйшку,
Пусти, пусти до домоньку
    Любцѣ на потѣшку!

Пусти мене та до дому
    Хоць на годиноньку,
Найже я ся та потѣшу
    Съ своёвъ родиночковъ!

676.

Кажутъ минѣ женитися,
Смутку мôй тяженькій!
Якъ я буду газдувати
Такій молоденькій?

Оженюся, моя мати,
Оженю, оженю:
Приведу ты невѣстицю,
Зъ хаты тя выженю.

Приведу ты невѣстицю
Съ кôньми та волами,
А самъ сяду конецъ стѣла,
Вмыюся слозами.

677.

Доки я ся не оженивъ,
Пôдкôвками: цоръ, цоръ!
А якъ ся та оженивъ,
Постôльцями: шморъ, шморъ!

678.

Шумитъ вѣтеръ лѣщиною,
Шумитъ травицею:
Сто разъ лѣпше дѣвчиною,
Якъ молодицею.

Молодиця,—невôльниця,
Ни подивитися,
А дѣвчина—воленъ Козакъ,
Съ кымъ хочь любитися.

Молодиця,—невôльниця,
Куда ходитъ, плаче,
А дѣвчина—воленъ Козакъ,
Куда ходить, скаче.

679.

Не буду ся оддавати,
Свѣта си гаити,
Только пôйду въ полининку
Коровы доити.

Ой коровы подоила,
Телята загнала,
А молоко процѣдила,
Миленькому дала.

Питае ся мене мати:
«Де, сынку, молоко?» —
«Я телята заперала,
Та й выпивъ половко.»

Ой цы тебе, сынку, бити,
Цы того половка,
Що вечера выпивае
Дôйницу молока?

680.

Ой ненечко, товаръ иде,
А нашъ бычокъ передъ веде;
Я му кажу: «Быцю, быцю!»
А ôнъ мене за спôдницю.
Я му кажу: «Воле, воле!»
А ôнъ мене рогомъ коле;
Я му кажу: «Кецъ до дому!»
А ôнъ мене у солому.

681.

Ой мала я гранаточкы,
Та й порозсыпала:
Ѣхавъ милый до Сеготу,
Я ненаказала.

Та чей ôнъ ся догадае,
Що ôнъ мене любить,
Та ôнъ минѣ гранаточкы
У Сеготѣ купить.

Ой не купуй гранаточкы,
Але купуй перла:
Охъ не люби иншу суку,
Бо я ще не вмерла!

682.

Ой поѣхавъ мôй миленькый
Та до Станислава:
Привезе ми подарунокъ,
Буде его слава.

Ой поѣхавъ мôй миленькый
Та до Коломіи:
Привезе ми подорунокъ,
Узрите на минѣ.

Будуть тоти подарунки
На минѣ лелѣти,
Буде моихъ вороженькôвъ
Головка болѣти.

Ой най болить, та най болить,
Най не перестане,
Доки того подарунку
На минѣ не стане!

683.

Ой дощъ иде, роса паде
    На бѣлу березу:
А я свому миленькому
    Сорочку мережу.

Ой мережу, та й мережу
    Цырочкы цêрую,
Ой присунься, мôй миленькый,
    Най тя поцѣлюю!

684.

Цы я тобѣ не казала,
    Казавъ бы ти дѣдько!
Коли пѣшки не приходишъ,
    Хоць конемъ прїѣдько!

685.

Розвивайся, сухій дубе,
    Зеленый шафране!
Ой розбола мому серцу,
    Якъ вечеръ настане!

Ой розбола серцу мому,
    Та й розболѣтися,
Кобы борше на милого
    Хоць подивитися.

Не ма мого миленького
    Не ма мого пана:
Постêль бѣла кедровая,
    Порохомъ припала.

Не ма мого миленького,
Не ма моєй душки:
Ни съ кымъ лечи, выкачяти
Бѣленькі̂ подушки.

Не ма мого миленького,
Не ма моєй квѣтки:
Сама 'мъ бы го вызирала,
Та не знаю зъ во̂дки.

Подивлюся я въ о̂конце,
Цы далеко соньце,
Не ма мого миленького,
Треба ми го конче.

Не ма мого миленького,
Не ма моєй вынды,
Не ма кому поправити
На головѣ бынды.

Подивлюся разъ въ о̂конце,
А два разы въ люстро,
Не ма мого миленького,
Безъ него ми скучно.

Кличутъ мене вечеряти:
«Вечерѣйте сами!»
Бо вже жъ минѣ вечерє̂чка
Немиленька съ вами.

686.

«На тебе 'мъ ся задивила,
Кривыйі пиро̂гъ залѣпила.» —
«Ничо, моя красото,
А тя любю про тото.»

687.

Выпряду я кудилину,
Та й навъю повѣсмо:
«Сядь си, лубку, коло мене,
Хоць якъ буде тѣсно!

Сядь си, любку, коло мене,
Говори до мене!
Пôзнаю тя по бесѣдѣ,
Цы любишъ ты мене.

Пôзнаю тя по бесѣдѣ,
Та й по бесѣдонцѣ,
Цы добрый ты розумъ маешъ
Въ своей головонцѣ!» —

Ой якь прійшовъ мôй миленькій,
Не ма му де сѣсти,
Ой прійдеся серцу мому
Изъ жалю розсѣсти!

«Ой посуньська, нелюбище,
Най мôй милый сяде,
Най ся твое та за мое
Серденько розсяде!

Ой сядь собѣ коло мене,
Маленькій, низенькій!
Въ тебе личко, якъ облучко,
Якъ мёдъ солоденьке.»

688.

По надъ греблю, по надъ ставъ:
Любивъ, любивъ, переставъ,
И я его любила,
Рочокъ за нымъ тужила.

689.

Зарѣжу я гуся,
Та не обôйдуся;
Зарѣжу я двое,
Серденько ты мое!

690.

Ой кобы ты, ненько, знала,
Якій тоть Михайло,
Ты бы мене уберала,
Що недѣлй файно!

Ой кобы ты, ненько, знала,
Якій тото Дмитро,
Ты бы мене уберала,
Що недѣлй хитро!

691.

Сивый голубъ, сивый голубъ,
Голубка сивійша:
Милый отецъ, мила мати,
Ще любка милѣйша.

Съ ôтцемъ, матевъ, посварюся,
Грѣху наберуся,
А съ миленьковъ якъ зôйдуся,
Не наговорюся.

Сидитъ голубъ надъ водою,
Голубка на купцѣ:
Ой тамъ мило дивитися,
Де е двое въ купцѣ.

Сидить голубъ надъ водою,
Голубка на кладцѣ:
Цы я ходжу, цы що робю,
Любка ми на гадцѣ.

692.

Ой спи, мила, до полудни,
Я йду безъ обѣду,
Щобы минѣ яло було,
Куди съ тобовъ пôйду.

693.

Забувъ бы 'мъ тя, моя мила,
Забувъ бы 'мъ тя, забувъ,
Кобы 'мъ съ тобовъ що вечера
На розмовѣ не бувъ.

Забувъ бы 'мъ тя, моя мила,
Забувъ бы 'мъ тя швидко,
Кобы зъ твого та на мое
Подвôре не видко.

Треба горы прокопати,
Долины зрôвнати,
Щобы видко до милои,
Та до еи хаты.

Ой не видко того села,
Тôлько видко дубя:
Ой тамъ мое пробувае
Сивеньке голубя.

Та й не видко того села,
Тôлько видко хресты:
Туда минѣ любо, мило,
Очима повести.

Та й не видко того села,
Тôлько видко тарасъ:
Не ма могo миленького,
Треба ми го заразъ.

694.

Ой не купуй, товаришю,
Дѣвчинѣ пацёрокъ,
Она тебе не сгадае,
Хыба въ недѣль сорокъ!

Але купуй, товаришю,
Перстенецъ на палецъ:
Що погляне, все спомяне:
«Купивъ ми коханецъ!»

695.

Ой засвѣти, мѣсяченьку,
Та й ты, зоре темна,
Та на тото подвôречко,
Де дѣвчина чемна!

696.

«Ой дѣвчино, люблю тебе,
Не ѣжъ хлѣба, озму тебе,
Не ѣжъ хлѣба, не пій воды,
Озму тебе за пригоды!» —
А дѣвчина послухала
Три дни хлѣба не нюхала,
У середу наѣлася,
У пятницу розсѣлася.

697.

«Ой жни, дѣвче, пшениченьку,
Та й не думай собѣ,
Буде тота пшениченька
На коровай тобѣ!

А якъ будешъ, дѣвчинонько,
Думати, думати,
Буде твоя пшениченька
Въ поле зимувати.

Ты, дѣвчино чорнявая,
Ты дѣвчино бѣла,
Цы ты въ поле не робила,
Що 'съ не обгорѣла?» —

«А я въ поле, ледѣннику,
Жяла и вязала,
Але 'мъ свое бѣле личко
Фустковъ закрывала.»—

«Якъ бы 'съ була, дѣвчиночко,
Того не сказала,
Була бы 'съ ся, моя любко,
Сихъ мясницъ ȏддала!» —

«Ой я въ поле та робила,
И робити буду,
Але 'мъ роду бѣленького,
Та й бѣленька буду.»

698.

Ой напюся, повалюся
Такъ ми не ялося:
Якъ же любку не любити,
Коли придалося?

699.

А въ городѣ бо̂ждерево
Зелене, зелене:
Гнѣвалося смѣховище
На мене, на мене.

Та я того бо̂ждерево
Не буду носити,
Такъ и тото смѣховище
Не буду просити.

Якій тебе, дѣдько гнѣвавъ,
Най тя такій проситъ,
Куда ходять чорні̂ хмары,
Най тя туда носитъ!

700.

Цы я тобѣ не казала,
Якъ я несла воду:
«И самъ не йди, людей не шли,
До моего роду!»

Цы я тобѣ не казала,
Та й не говорила:
«И самъ не йди, людей не шли,
Бо 'мъ не твоя мила!»

Цы я тобѣ не казала,
Казали ти люде,
Що зъ нашого закохання
Ничого не буде?

701.

А що жъ тое за зѣлячко,
Перекоти поле:
Не йди, дѣвчя, за удôвця,
Бо борода коле!

Не йди, дѣвчя, за удôвця
Зъ людскои намовы,
Буде тобѣ кровцѝ течи
Изъ твоёй головы!

Буде тобѣ кровцѝ течи,
Буде ти капати,
Буде тобѣ першу любку,
Що разъ споминати.

Буде тобѣ споминати,
Буде тебе бити:
«Не годна ты, кыринннице,
Борщу ми зварити!»

702.

А на горѣ терно терно,
Якъ позолочено:
За удôвцемъ хлѣбъ готовый,
Серце засмучено.

За удôвцемъ хлѣбъ готовый,
Лишень бы го ѣсти,
Передъ бы ся наплакати,
Нёжъ до него сѣсти.

703.

Лѣта мои молодіи,
Лѣта молодости!
Тожъ бо я васъ прогуляла
Въ смутку, не въ радости!

Лѣта мои молодіи,
Жаль минѣ за вами!
Здає ми ся, що 'мъ не була
Годиночки съ вами.

Вздогонила 'мъ свои лѣта
На кедровôмъ мостѣ:
«Ой вернетъ ся, мои лѣта,
Хоць разъ до мя въ гостй!» —

«А хоць ми ся та вернемо,
Съ тобовъ на будемо,
Жалю тобѣ наробимо,
Назадъ ся вернемо.» —

Лѣта мои молодіи,
Лѣта молоденькй!
Тожъ бо я васъ прогуляла
Коло своєй неньки.

Нй я въѣла, ни я впила,
Нй красно 'мъ входила,
Лишень буду памятати
Що 'мъ ся наробила.

Не буду васъ згадувати
По жаднôй охотѣ,
Лишень буду згадувати
По тяжкôй роботѣ!

704.

Надулася дѣвчиночка,
Якъ Жидôвскій индыкъ,
Не озме ѝ богацкій сынъ,
Хыба якій винникъ.

Ой за пана готувала,
За винника дала,
Чтеры волы обѣцяла,
Слѣпе паця дала.

Чтеры волы, якъ соколы,
Рогами ся чешутъ:
«Отдай, отдай, моя мати,
Най люде не брешутъ!» —

Ой прійшла я до дядика:
«Дай ми, дядю, волы!
Не можу я догодити
Своѣй лихôй доли.

«Дай ми, дядю, сѣрѣ̂ волы,
Прѣяну телицу,
А чей же я та вытягну
Изъ корчмы пьяницу!»

705.

Ой у поле былиночка,
Вѣтрецъ невъ хытае,
Иде мати до донечкы,
Людей ся пытае:

Скажѣтъ минѣ, люде добрѣ̂,
Де моя донечка?
Най я пôйду ôдвѣдаю,
Цы добра долечка?»

Сидитъ донька у крѣселцѣ,
Въ оконце вглядае,
Та й на своихъ бѣлыхъ ручкахъ
Синцѣ обзырае.

«А що жъ тобѣ, мôй сыноньку,
Синцѣ пôдъ очима?» —
«Ой ходила 'мъ по садочку,
Пчôлка мя вкусила.»

«Теперь, сынку, не Петрôвка
Пчôлкы не летаютъ,
Та й що тобѣ въ Пилипôвку
Очка пôдпухаютъ?» —

«Ой дала 'сь мя, моя мати,
Та й дала 'сь мя дала,
Та й якъ тую кононеньку
Въ болото вдоптала!

Та якъ тôи коноценьцѣ
У болотѣ гнити,
Такъ же минѣ молодôи
Изъ нелюбомъ жити.»

706.

Ой дала 'сь мя, моя мати,
За дѣда старого,
Казала 'сь мя шанувати
Такъ, якъ молодого.

А я его, моя мати,
Шанувати мушу,
А Господи милосердный,
Озми зъ дѣда душу!

707.

Ой приходятъ старостонькй
Зъ чужои стороны,
И все тото до богача,
Бо ôнъ мае волы.

Богацкая дѣвчинонька
Хоць ряба, русява,
Богацкую дѣвчиноньку
Взгарда прикрасила.

708.

Ой кобы я волы мала,
Червону запаску,
Я бы тобѣ не стояла,
Богачику, въ ласку.

Ой кобы я взгарду мала,
Прѣяну корову,
Тогди бы я изказала,
Що 'мъ рôвна съ тобою.

709.

Не ходи, богачику,
Горою за мною:
Ты богачь, а я вбога,
Нерôвна 'мъ съ тобою.

Ты богачь, а я вбога,
Не порôвнаемся,
Тôлько буде серцу туга,
Що покохаемся

710.

Зарѣжу я качорика,
Най качичка каче:
Озму я си вбого дѣвчя,
Най богацке плаче!

Озму я си вбоге дѣвчя
Въ однôй сердачинѣ,
Та най буде Богу миле
И моєй родинѣ!

711.

Въ Старогвôздци млына не ма,
Лишень сами жорна:
Рано мели, вечеръ мели,
Въ полудне 'мъ голодна.

712.

На городѣ калюжа:
Я робити недужа,
Якъ музика заграє,
Само серце гуляє.

713.

«Заграй минѣ, скрыпниченьку,
А я тебе прошу,
А я тобѣ червоного
У кышенѣ ношу.

Заграй мынѣ, скрыпниченьку,
Одъ села до села,
Абы була дорожичка
Все минѣ весела!» —

А скрыпочки изъ липочки,
А струнвы зъ лѣщины:
Якъ заграе, защебече,
Чути до дѣвчины.

А скрыпочки изъ липочки,
А струнвы зъ бервêнку:
Якъ заграе, защебече,
Чути на Вкраинку.

714.

Грай, музико, якъ бы 'съ мôгъ,
Та й не жалуй моихъ нôгъ!
Мои ногы насталенû,
Лѣтали бы, якъ шаленû.

715.

Пôшовъ бы я, каже, въ танецъ,
Але бо ся бою,
Подивю ся назадъ себе,
Стоитъ братъ за мною.

«Якъ идете, хлопцû, въ танецъ,
Повмывайте пальцû,
Та щобы 'сте не звалили
Капани рукавцû!

Якъ идете, хлопцѣ, въ танецъ,
    Берѣтъ буки въ руки:
Наберутъ ся Жиды страху,
    А Ляхы науки!» —

«Кобы намъ ся та букъ розвивъ,
    Та пôйдемо въ горы,
Вынесемо молодицямъ
    Шовку на заборы.

Щобы нашимъ молодицямъ
    Заборы лелѣли,
Щобы нашымъ молодицямъ
    Люде завидѣли!»

716.

«Ой де жъ мы ся подѣемо,
Що въ другый бôкъ не вмѣемо?
Пôйдемо ся сего вчити,
Щобы свого доробити!»

717.

«Крешѣтъ, хлопцѣ, у пôдковы,
Бо въ дѣвчины чорнѣ бровы!
Не такъ бровы, якъ в'на сама,
На папери написана.»

718.

«Ой загыну, дѣвчино, загыну,
Та подай же ми ôкномъ сердачину!» —
«Та хыба бы я розуму не мала,
Шобы 'мъ тобѣ загынути дала.»

719.

Кобы човенъ, поронъ та веселце,
Пробувавъ бы 'мъ въ тебе вечеръ, серце!
Нема човна, нѣ̂ порона дома,
Пробувати буду нынькѝ дома.

720.

Ой бувъ же я въ нагôрнои Насти,
Дала минѣ та курочку въ маслѣ;
Ой зъѣвъ же я крылце та й реберце,
Пôдперло мя пôдъ бôкъ та й пôдъ серце.
Та не встигъ я одно стегно зъѣсти,
Не могъ же я на коника сѣсти.

721.

«Ой вара, вара, новѣ̂ новобраньцѣ̂,
Ой е въ мене иншіи коханцѣ̂.» —
«Ой чому 'съ тогди не казала: «Вара!»
Яке 'съ ôдъ насъ подарунки брала?»

722.

Кучиры мои,
Киньте ся горѣ!
А я за вами —
До горы ногами.

723.

Гей, зъ горы та въ яръ,
Тамъ кума моя,
А въ кумы дѣвчина,
То душа моя.

724.

Ой пôйду вогню,
На тебе моргну,
А ты здогадайся,
За двери сховайся!
А я буду знати,
Де тебе шукати,
За твоими дверьми,
Коло твоêй хаты.

725.

Ой такъ чини,
Якъ я чиню:
А зъ дѣвчины
Господиню!
Ой изъ тѣста
Паланицу,
А зъ дѣвчины
Молодицу.

726.

Два голубцѣ̂ воду пили,
А два колотили:
Богдай тоты не сконали,
Што насъ розлучили!

727.

Котилися возы съ горы,
На долинѣ стали:
Любилися чорнӣ очка,
Теперь перестали.

728.

Котилися возы съ горы,
Котитися будуть:
Любилися чорнӣ очка,
Й любитися будуть.

729.

Ей во лузѣ на голузѣ,
Сова воду пила:
Чого єсь ми, негôднице,
Любка отлюбила?

730.

Гей, летѣла зазулечка,
Єще собѣ кукла:
Котра мого любка любить,
Богдай ся роспукла!

731.

У ярнои пшенички
Яроє колося:
Такого я любка мала,
Што жовте волося.

732.

Гей ярая пшениченька,
То ся отъярила:
Солодка ма соколина,
То ся отдалила.

733.

Любилися, кохалися,
Втець, мати не знали,
Ростеклися, розôйшлися,
Якъ на небѣ хмары.

734.

Чорни хмары розôйшлися,
И дождю не было:
Чорни̂ очка розôйшлися,
Жаль серденьку было.

735.

Гей во моемъ городчику
Ружа проквѣтае,
Цы вже наша, мôй миленькій,
Любовь пропадае?

736.

Єще ружа не процвилâ,
Лишь ся припалила:
Еще любовь не пропала,
Лишь ся притаила.

737.

Коль летѣла перепела,
Истратила перце:
Што ся на мя розсердило,
Роскошнее серце?

738.

Якъ летѣла бѣла пава,
За ворота впала:
Где велика любовь была,
Тамъ ся розôстала.

739.

Цы я тобѣ не казала,
Цы не говорила:
«Не ходи ты коло воды,
Та й коло мочила!»

740.

Не ходи ты коло воды,
Та й коло мочила,
Буде мати нарêкати,
Што 'мъ тя зволочила.

741.

Ой я тебе не волочу,
А ни мои очи,
Тота тебе зволочила,
Што ходитъ по ночи.

742.

Про то не ходь коло воды,
Не пуди собою,
Не будешь ты мужемъ моимъ,
Я твоей женою.

743.

Подивлюся скрозь оконце,
Цы высоко сонце:
Не е моей миленькои,
Треба еи конче.

744.

Ой выйду я на гороньку,
Та махну рукою:
«Выйди, выйди, ма миленька,
Гину за тобою!»

745.

Летѣвъ орелъ понадъ море,
Та й ставъ голосити:
О якъ тяжко убогому
Богату любити!»

746.

Не тамъ счастья, не тамъ доля,
Где богатѝ люде,
Кто ся побравъ по милости,
Тому добре буде.

747.

У богача полъ колаче,
Та еще онъ плаче,
А въ сироты нигде кôрки,
Єще она скаче.

748.

Ой выйду я на оборôгъ,
Стану на солому:
Та якъ любка не любити,
Коль го видко зъ дому!

749.

Гей пôйду я въ полонинку,
Та пороззираю:
Не є мого миленького
Зъ далекого краю.

750.

Не є мого миленького,
Моего сокола,
Уже моя надѣиця
Инеемъ припала.

751.

Гей дожду я отъ Богочка,
Ще таку годину,
Што я свою надѣицю
Застылу розгрѣю.

752.

Любивъ мене мôй миленькій
И лѣто и весну,
Лишивъ мене мôй миленькій,
Ще въ долинѣ плеснувъ.

753.

Не е мого миленького,
Не е мого квѣтку,
Нѣтъ съ кимъ минѣ розмовляти
До бѣлого свѣту.

754

Ай Боже мôй милосердный,
Ты, шовкова нитко,
Гей все рыбки сюда ходятъ,
Моеи не видко!

755.

Зазулечко сивенькая,
Высоко лѣтаешь,
Повѣжь минѣ, зазуленько,
Где любка видаешь?

746.

Куды хожу, туды хожу,
Горазду не маю;
Бо я свого миленького
Нигде не видаю.

757.

Кулы хожу, туды хожу,
А все по надъ воду,
Гей не прійде мôй миленькій
На мою незгоду.

758.

Мамко моя солоденька,
Мамко моя мила,
На што ты мя въ несчастливѝ
Пеленки повила?

759.

Кобы была 'сь мене, мамко,
Въ купелѣ зальяла,
Я бы была свою долю
Съ никимъ не мѣняла.

760.

Повѣй, вѣтре холоденькій,
По надъ бѣлый камêнь.
Політивъ ми мôй миленькій
Ажъ на вѣки Аминь!

761.

Ой закукай, зазулечко,
Закукай, небого!
Бо вже мого пробыванья
Въ Верецкихъ не много.

762.

Горы мои высокіи,
Бывайте здоровы;
Та най у васъ пробываютъ
Кавки та вороны!

763.

Летѣвъ воронъ съ тамъ тыхъ сторонъ,
Крюлоньками шай, шай!
Якъ я пôду зъ Верховины,
Буде комусь жаль, жаль!

764.

Туды лозы хилѣтеся,
Куды вѣтеръ вѣе,
Туды очка дивѣтеся
Отки любко иде!

765.

Туда лозка похиляла,
Куда вѣтеръ дуе,
Туда очка дивилися,
Отки любко выйде.

766.

Тяжко лозамъ хилитися
Черезъ береженьки,
Тяжко очкамъ дивитися
Черезъ вороженьки.

467.

Съ пôдъ каменя воду беру,
На камени стою,
Гей за мене люде брешутъ,
Я ся ихъ не бою.

468.

Брешѣтъ, брешѣтъ, сосѣдоньки,
Якъ сука на вовка,
Не болитъ мя жадна вôстка,
Ни моя головка.

469.

Посѣю я круту мяту
Межи берегами,
Тяжко минѣ пережити
Спередъ ворогами.

470.

Ой буду я крутѣ мятѣ
Вершечки счипати,
А чей мои вороженьки
Полягаютъ спати.

471.

Коли мои вороженьки
Полягаютъ спати,
А я собѣ молоденька
Пôду погуляти.

472.

Дотля собѣ погуляю,
Покимъ молоденька,
Може быти, якъ ся ôтдамъ.
Буду невôльненька.

473.

Ой не видко того села,
Лише видко груші,
Куда минѣ рано й ввечеръ
Помыкуе души.

474.

Ой не видко того села,
Лише видно кресты,
Та где минѣ любо й мило
Очима повести.

475.

Гей не видно Синій Виръ,
Лише видко рѣки,
Ужь заросли мои слѣдки
Отъ красной дѣвки.

476.

Ой засвѣти, мѣсяченьку,
Та й ты, зоре ясна,
Гей на тото подвôречко,
Где ма мила красна!

477.

Середъ села корчма нова,
Гузами побита,
Сѣдитъ во ней моя мила,
Шовкомъ перевита.

478.

Зацвили дѣ оболони,
А на дворѣ морозъ,
Заспѣвай ми, дѣвчинице,
Най ти чую голосъ!

479.

Не буду я воду пити,
Бо вода нечиста,
Бо у воду нападало
Кленового листу.

480.

Ай бо тото не кленинка,
Зазулино пêрье;
Прійди, прійди, мôй миленькій,
На мое подвôрье!

481.

Ой иде мôй милованый,
Тамъ долѣ млачками,
Зашпêнкуе ременятко
Жовтыми пряжками.

482.

Не самъ иду, коня веду,
Бѣлявко небого,
Отворяй ми воротенця,
Не бойся никого!

483.

На сѣмъ боцѣ на толоцѣ
Сывый бычокъ рыче:
Выйди, выйди, дѣвчинице,
Бо ктось тебе кличе!

484.

Ой не выйшла дѣвчиниця,
Лише еи мати:
Кому треба дѣвчатины,
Ходи но жь до хаты!

485.

Закукала зазуленька,
Учинила куку:
Подай, подай, серце-мое,
На коника руку!

486.

Рада бы я, мôй любенькій,
Рада вбѣ подати,
Не казала, не велѣла,
Моя стара мати.

487.

Ой не твôй то коникъ, не твôй,
Але твого брата,
Ой не мôй то любко, не мôй,
Тôлько моя втрата.

488.

На што мою руку просишь,
Коль ся отдаляешь?
Будь счастлива тва дорôжка,
Куды погадаешь!

489.

На што й ты ми ручку даешь?
Уже не вернешься:
Счастливая дорôжечка,
Куды повернешься!

490.

Вѣтеръ вѣе, шелевѣе,
Кидра надъ водою:
Не вчини ты, мôй миленькій,
Зраду надо мною!

491.

Ой якъ бы я учинивъ
Зраду надъ тобою,
Коль я собѣ облюбивъ
Тебе ще съ молоду!

492.

Закукала зазуленька
 На высокôмъ дубью:
Отъ коли 'мъ тя поцѣловавъ,
 Отъ тогды тя любью.

493.

Тебе мама породила,
 Та сказила склянку,
Ты найкраспа дѣвчиниця
 На всю Русь Карпатску.

494.

Воловое здоровое,
 Воловое мѣсто,
Бо въ Воловôмъ дѣвчатина,
 Якъ пшеничне тѣсто.

495.

Тече рѣчка невеличка,
 Наставлю я ятêль;
Кто бы тебе не полюбивъ,
 Триста батьку, матêрь!

496.

А якъ минѣ не ходити
 Горѣ тымъ поточкомъ?
Та якъ минѣ не любити
 Рыбочку пôдъ бочкомъ?

497.

Солодка ма, бѣла рыбко,
Солодка ма, душко,
Подь же идъ мнѣ мало ближе,
Най ти шепчу въ ушко!

498.

Бѣдко моя гôренькая,
Ай бѣдко, ма бѣдко,
Коли жь тя ся налюбити
Пристигла, ягôдко!

499.

Закукала зазулечка
Пôздно надъ горами:
Премила, ма голубице,
Людъ ся журитъ нами!

500.

Вылетѣла зазулечка
Изъ лѣса на поле:
Ей подь, мила, поплясати,
Най ворогôвъ коле!

501.

Гей гузики ременики
На моимъ Иванку,
То ми мило позирати,
Коли иде въ танку.

502.

По пôдъ грушу коня рушу,
Дѣвча, здогадайся!
Хоть бы якій у золотѣ,
Зрадити не дайся!

502.

Очка мои чорненькіи,
То ми бѣда зъ вами;
Не хочете ночовати
Єдну нôчку сами!

503.

Єдну єсте ночовали,
Та всю нôчь не спали,
Исъ потятёмъ голубятёмъ
Любо розмовляли.

504.

Очи мои чорни̂,
Я ся вами дивлю;
Люде за васъ много брешутъ,
Я ся не противлю!

505.

Очи мои, очи чорни̂,
Я ся вами тѣшу:
Люде за васъ часто брешутъ,
Я ся не потѣшу!

506.

Еще 'мъ огня и не клала,
Трѣски ся имили:
Еще 'мъ любка не любила,
Сосѣдки вчинили.

507.

Коло млина ясенина,
Голубци̂ несутся:
Часомъ любка ничь невинна,
Суки набрешутся.

508.

На калинѣ дрôбне листье,
Ягôдки червлени̂:
Якъ же любка не любити,
Коли очка чорни̂?

509.

Гень, на столѣ двѣ пистоли̂,
На лавицѣ гусли̂:
Уже мене обрехали
Студенски̂ ватули̂.

510.

Гей, бѣлявко, бѣлявочко,
Бѣлявко небого,
Во Студенôмъ добри люде,
Лишь брехачовъ много.

511.

Во Студенôмъ добри люде,
Нѣкого любити,
Кобы не пôпъ, не хрестьяне,
Лишь бы запалити.

512.

На сêмъ боцѣ, на толоцѣ,
Жовта команиця,
Тамо до се чека'ть мене
Въ гостину кумиця.

513.

Ой лишу я косу въ стозѣ,
Граблй въ оборозѣ,
Та пôйду я до милои,
Коль ми при дорозѣ.

514.

«А где ты ся та забавивъ,
Малый, невеличкій?» —
«Ой у стозѣ, при дорозѣ,
Коло молодички.»

515.

На тôмъ боцѣ, на толоцѣ,
Зъѣли козы ряску:
Утративъ я, побратиме,
У милои ласку.

516.

Не гнѣвайся, моя рыбко,
Я ся тобовъ тѣшу,
Хоть тя заразъ другій возьме,
Я ся не повѣшу.

517.

Гей, кукала зазулечка
Въ зеленôмъ забоѣ:
Минулися ôтъ милого
Дороги напои!

518.

Минулися напоечки,
Та й объиманочки,
Лише, дѣ, мя не минули
Тяжки здыханочки!

519.

Гей, Боже мôй милосердный,
Ой Боже мôй, Боже!
Съ кимъ я маю розмовляти?
Мôй любко не може!

520.

Кобы минѣ, моя мамко,
Не студена роса,
Пôшла бы я до Ойлока,
Кобы я не боса.

521.

Ой въ Ойлоцѣ два мѣсяци̂,
Та й оба ясеньки̂:
Суть у мене два голубки,
Оба молоденьки̂.

522.

Ой засвѣти, мѣсяченьку,
Высоко, не низко:
Є у мене соколятко,
Далеко, не близко.

523.

Одинъ пôшовъ у дорогу,
А съ другимъ ся тѣшу,
А кедь ми ся тотъ наверне,
И того потѣшу.

524.

Не буду я въ лузѣ жити,
Бо въ лузѣ лопуша:
Котрый тонкій и высокій —
То то моя душа.

525.

Ой до мене, леґѣники,
До мене, до мене!
Солодкая яблоночка
Въ городцѣ у мене.

526.

Солодкая яблôниця,
Ще соложа груша:
Гей, до мене, леґѣники,
Бо я ваша душа!

527.

Ой выйду я на ворота
Во бѣлôй сорочцѣ:
Не я тото, мамко, винна,
Ото винны хлопцѣ.

528.

Во Зарѣчью, пôдъ обôчью,
Сивый бычокъ рыче:
То все ми ся причувае,
Што мя милый кличе.

529.

Ой во моемъ городчику
Зелененькій макъ, макъ:
Такій у мня побратимокъ,
Што въ мамки единакъ.

530

Гей, во моемъ городчику
Зелена кокошка:
Таку любець любку мае,
Што смаглява трошка.

531.

Тамъ у млынѣ два камені,
Та й еденъ не меле:
Отобрала пелехана,
Сокола ôтъ мене.

532.

Отобрала, отобрала,
Не е што любити,
Ще бы ми ся съ пелеханевъ
Сѣмь разъ правотити.

533.

Угу на тя, сосѣдице,
Та й угу, та й угу!
Вчерась одну обрехала,
Днесь мене другу.

534.

Унадився чорный веперь
Паровинку рыти:
Унадився бѣлый хлопець
Гафійку любити.

535.

Ой полишивъ чорный вепрь
Паровинку рыти:
Ой полишивъ бѣлый хлопець
Гафійку любити.

536.

Товаришко моя,
Єдну раду займе:
Ой сшійме мы сорочечку,
Миленькому даймe!

537.

Єдна буде станокъ шити,
А друга рубити,
Єдну буде въ танокъ брати,
А другу любити.

538.

Єдну буде въ танокъ брати,
Про честь, про славочку,
Другу буде та любити
Про красну сорочку.

539.

Ой пôду я на Майданъ,
На Майданѣ хлопцѣ:
Тото мôй, тото мôй,
Што въ бѣлôй сорочцѣ.

540.

Треба курку годовати,
Што курчата водить:
Съ тимъ ся треба любовати,
Што въ пуслыку ходить.

541.

Ой спѣваю, та й спѣваю,
Бо я знаю кому,
Тому тото газдикови,
Што я въ его дому.

542.

Пила бы ся згорѣлонька
Въ Сиготѣ во бовтѣ,
Кобы сй куповали
Кучерики жовтй.

543.

Пила бы ся горѣлочка,
Кобы нова склянка,
Кобы на мя поклонила
Василькова мамка.

544.

Васильчику, Василю,
Не люби на силу,
Лѣпше буде по воли,
Дъ собѣ мя пригорни!

545.

Ци такъ у васъ, якъ и у насъ? —
Морозъ во Петрôвку:
Заморозивъ паробочокъ
Пôдъ кожухомъ дѣвку.

546.

«Ба, чому ты, лѣщанице,
Така не вродлива?» —
«Зима была студененька,
Мене сморозила».

547.

Зима, дѣ, мя сморозила,
А лѣто смлоило;
Не мовь минѣ, бѣдо, слова,
Бо минѣ не мило!

548.

Поведу я въ воду коня,
Кôнь на воду дуе:
Ой най мене леда бѣда
Въ лице не цѣлуе!

549.

Зась веду я въ воду коня,
Кôнь на воду свискать.
Най, дѣ, мене леда бѣда
Рукома не стискать!

550.

Качалися возы съ горы,
Долѣ бервѣнками:
Сякій, такій хромолаба
Трясе за дѣвками.

551.

За горою высокою
Мѣсячокъ мѣнився:
Ишовъ кривый до дѣвчины,
Слѣпый придивився.

552.

Ишла бѣда долѣ селомъ,
Ишла бѣда боса,
Впасалася мотузиновъ,
Виситъ бѣдѣ зъ носа.

553.

Якъ я взяла коновочку,
Пôшла по водочку,
А тамъ Федоръ чорнобривый
Рубитъ колодочку.

554.

Зроби минѣ, Федорику,
На коновки денця,
Сшію я ти ново платье
Зъ мого полотенця!

555.

Платье буде роскошное
Ошейникъ вышію,
Лише ты ся не потвори
На тоту бестію!

556.

Не велика поточина
Луги измулила:
Хвалилася ледачина
Любка ôтлюбила.

557.

Такъ бы она дочекала
Свѣта бѣленького,
Чи в'на буде оббôймати
Мого миленького!

558.

Гей, Рахове, Раховоньку,
Солодкій медоньку!
Коль вонъ сижу, тебе вижу,
Въ лѣтѣ въ холодоньку.

559.

Гей, Рахове, Раховочку,
Сахарный медочку!
Ой спалила, смолозила
Плюга головочку!

560.

Якій ярець зелененькій
На тôй земли зôйшовъ:
Якій хлопець молоденькій
Въ Мараморошь пôшовъ.

561.

Мараморошь, Мароморошь,
Студенѣ кирницѣ:
Привели мя та на бѣду
Тоты молодицѣ!

562.

Они мене та на бѣду,
А я ихъ на гуршу,
Коли выйду на улицю,
Цѣлують мя въ душу.

563.

Теперь иду съ Кречунова,
Та гусошикъ мѣню:
Єдна отсюдъ, друга оттудъ:
«Што дѣешь, хлопуню?»

564.

Иду я геть на Ясѣня
Стежаръ городити,
А чей прійде моя рыбка
Личко холодити!

565.

Городити, молотити —
Тото моя бѣда!
А съ любковъ ся объимати —
Тото моя душа!

566.

Не буду ся женитоньки,
Свѣтомъ колотити,
Ай пôду я на Ясѣнье
Овечки доити.

567.

Якъ ôвчаря не любити?
У ôвчаря ôвцѣ,
У ôвчаря въ ременику
Бѣлѣ сорокôвцѣ.

568.

Горѣ горовъ, долу горовъ,
Жене ôвчарь ôвцѣ,
За нимъ, за нимъ дѣвчиниця
Несе дѣтя въ пôвцѣ.

569.

Гей, не кажи, дѣвчинице,
Што я ему отець,
Та дамъ тобѣ, дѣвчинице,
Половину овець!

570.

Ай исклади, дѣвчинице,
На старого дѣда,
Та дамъ тобѣ, дѣвчинице,
Половину хлѣба!

571.

Ой не видно тои горы,
Лише того креста,
А чей тебе лиха доля
Одсюда занесла.

572.

Гей, черезъ верхъ мôй миленькій,
Черезъ верхъ, черезъ пень,
Така бы ти̓ нôчка была,
Якій минѣ днесь день!

573.

Тернёмъ хожу, тернёмъ брожу,
Прутёмъ плôтъ горожу:
Поты мого та горазду,
Поки дѣвковъ хожу.

574.

Журятъ, дѣ, ся люде, журятъ,
Што я дѣвковъ хожу,
А я свою жовту косу
Во радости ношу.

575.

Не журѣтся, добрî люде,
Што я дѣвковъ хожу,
Бо я своёвъ жовтовъ косовъ
Плоты не горожу.

576.

Гей, во моемъ городчику
Зелененькій мачокъ:
Любивъ мене, не взявъ мене,
Молоденькій дячокъ.

577.

Ой дѣвчата, ой сестрицî,
Приходятъ мясницî,
Якъ насъ возьмутъ дрѣчнî хлопцî,
Будемъ молодицî.

578.

Яка вода въ поточинѣ,
Така и въ кирници:
Мене любцё дуже любитъ,
И самъ ми на сердци.

579.

Пôшовъ милый на ярмарокъ,
Та й на ярмарочокъ,
Принесе ми сорокъ яблокъ,
Та й обагряночокъ.

580.

Пôгнанъ сѣлай, пôгнанъ рогачъ
А третій волачикъ,
Заявъ милый на красный торгъ
Та купить колачикъ.

581.

Годѣме ся, побратиме,
Годѣме, годѣме,
До едной дѣвчиницѣ
Ходѣме, ходѣме!

582.

Годилися побратимы,
Годили, годили,
Не минуло тому тыждень,
А в'ни ся побили.

583.

Товаришу, пріятелю,
Не товарышуйме:
Возмѣмъ собѣ по дѣвчинѣ,
Та господарюйме!

584.

Ой ишовъ я до бѣлявки,
Та впавъ 'емъ изъ лавки,
Коли 'мъ падавъ, тогды 'мъ гадавъ,
Што я у бѣлявки.

585.

А где ты йдешъ, бѣлявочко,
Куды поступуешъ?
Тамъ ся рѣчка сповенила,
Туды не перейдешъ.

586.

Ци я тобѣ не казала,
Та й не горила:
«Сиди дома, не йди нигде!
Чей бы 'мъ тя любила?

587.

Соколятко удатное!
Я за тя не знала,
Кобъ была тя, соколятко,
Ина не вбъимала.

588.

Вороняча головочка,
Сорочачї очи:
Люба была бесѣдонька
Съ милою сей ночи.

589.

Вчёра была недѣлиця,
А днесь понедѣльчикъ:
Росте зёлье съ пôдъ каменя,
Хрещатый бервêнчикъ.

590.

«Не хрестися, бервѣнчику,
Въ зимѣ зелененькій:
Не женися, паробчику,
Такій молоденькій!«

591.

«Якъ ся минѣ не женити,
Хлопу молодому?
Ходитъ дѣвча, чорнобривча,
Коло мого дому!

592.

«Мамко моя солодкая,
Дай ми порадочку:
Ци любити, ци лишити,
Тоту чорнявочку?»

593.

«Даю я ти, милый сынцю,
Таку порадицю:
Кедь ти мила, роботлива,
Возьми чорнявицю!»

594.

Радъ бы 'мъ я ся оженити,
Радъ бы 'мъ жену мати;
Прійде зима великая,
Нѣчимъ зимовати.

595.

Куды идешъ, пане брате?
Ци не до Рахова?
Кажи моёй бѣлявици:
Най буде здорова!

596.

Куды будешъ, брате, ити,
Съ нею говорити,
Кажи моёй бѣлявици:
Буду ся женити.

597.

Гей, во лузѣ волы въ плузѣ,
На впередѣ качка:
Взявъ бы я тя, дѣвчинице,
Кобъ есь не брехачка.

598.

Якъ у тебе очи чорнѝ,
Такъ у мене сивѝ:
Поберѣмъ ся, мôй миленькій,
Будеме счастливѝ!

599.

Ой Марійко, бѣла дѣвко,
Чекай до суботы!
Куплю я ти рашѣвочку,
Червенѝ чоботы.

600.

Во пятницю я ихъ куплю,
Въ суботу пôдкую,
А въ недѣлю та раненько
Тобѣ подарую.

601.

Оженися, не журися,
Гораздъ тобѣ буде:
Будешъ мати цѣловати,
А хлѣба не буде!

602.

Оженися, не журися,
Пôде ти рукою:
Жêна пôде по росôлъ,
А ты за мукою.

603.

Оженися, не журися,
Будешъ газдовати:
Ты самъ будешъ свиній пасти,
Жена завертати.

604.

Гоппа, хлопци, гоппа, хлопцй,
Гоппа, небожата!
У нашеи попадейки
Пщениця не жата.

605.

Гопъ, цупъ, баранчукъ,
На боцѣ мудудка:
Кобы минѣ не весêлье,
Не бывъ бы я тутка!

606.

Ба што тото за весêля,
Што лише за два дни:
Кобы было за три тыждні,
То бы было ладнê!

607.

Загуди ми, гудаченьку,
Коль я тебе прошу,
Бо я твою платиченьку
Во мошонцѣ ношу!

608.

Загуди ми, гудаченьку,
Честный чоловѣче,
Зарѣжу ти когутика,
Най не кукурêче!

609.

Ей, горѣла полонинка,
Горѣла, горѣла:
Такъ молода танцêвала,
Онъ ся розболѣла!

610.

Червены чижемки,
Што вы наробили?
Въ Кречуновѣ на помостѣ
Трêпоты ходили.

611.

Иде дождикъ напôрненькій,
А чей перестане:
Взявъ молодець стару бабу, —
Кайтеся, Христьяне!

612.

Ащь бы тота молодиця,
Та бы негôдниця,
Ай бо тота стара баба,
Ще й къ тому вдовиця.

613.

Оженився кострубачъ,
Узявъ пелехату,
Та не знали газдовати,
Запалили хату.

614.

Гей, кукала зазулиця
Тамъ горѣ, на пеньку:
Будемъ пити медêвочку
У Жида на шеньку.

615.

Ой помай, Богъ, арендарю!
Богдай здоровъ Жиде!
Повѣрь минѣ паленочки,
Поки мила прійде!

616.

И я не пій, и ты не пій,
Та кто буде пити?
Та кто буде на Жидовскій
Сироты робити?

617.

Не дивуйте, добрі люде,
Што я обдрався!
Няне у мня піячиско,
И я въ него вдався.

618.

Ой широкі шалаварьі,
Землю заметають:
Два крайцары во ремени,
Й тоты заважають.

619.

Покля е'мь ся не вженивъ,
А я въ чижмахъ гопъ, гопъ!
А якъ е'мь ся оженивъ,
А я въ змѣткахъ лёпъ, лёпъ!

620.

Покля е'мь ся не вженивъ,
Мавъ коня чорного,
А якъ е'мь ся оженивъ —
Ни коня слѣпого.

621.

Што будеме робили?
Вже 'сме поробили:
Будеме ся качуляли
Изъ гôръ на долины!

622.

Говорили, гуторили,
На меду подпивше:
«Што будеме въ зимѣ ѣсти,
Въ лѣтѣ не робивше?»

623.

«Ой будеме снѣжокъ ѣсти,
Воду попивати,
Коли, дѣ, мы не хотѣли
Въ лѣтѣ упрѣвати.»

624.

Ей, никому такъ не гораздъ,
Якъ минѣ самому:
Чужи жоны сѣно ѣдятъ,
А моя солому!

625.

Ба што за молодиця,
Така дуже красна,
Не е въ неи зуба въ ротѣ,
Лише самй ясна.

626.

А якъ єй не любити,
Ци не уродойка?
Очи рябй, ротъ ги въ жабы:
Ци не подобойка?

627.

Ба кады я тогды бывъ,
Коли роздавали,
Кождый собѣ взявъ по воли,
Минѣ бѣду дали.

628.

Женила 'сь мя, моя мамко,
Женила, женила:
Повна стайня. худобицй
Жена ми не мила.

629.

Худобиця, якъ росиця,
Ци буде, не буде?
Нѣ съ кимъ выйти погуляти
Межи чужй люде.

630.

Не жаль минѣ за лугами,
Што пошли съ водою,
Ай жаль минѣ на попонька —
Звѣнчавъ мя съ бѣдою.

631.

Гей, пôду я до попойка,
Изъ легка, зъ потиха:
«Розвѣнчай мя, пане отче,
Безъ чуда, безъ лиха!»

632.

Уже тебе не розвѣнча'тъ,
Ни пôпъ, ни владыка,
Хиба тебе та розвѣнча'тъ
Лопата, мотыка.

633.

Жено моя солодкая,
Дай ты минѣ ѣсти!
Бо я пôду середъ села
На публйку сѣсти

634.

Солодка ма бѣла рыбко,
Ой меде, мôй меде!
А вже намъ ся сего року
Любитки не веде.

635.

Не кукай ты, зазуленько,
Не кукай, не кукай!
Коль ты мене та не любишь,
Иншу собѣ шукай!

636.

Пущу коня во отаву,
А кôнь по лопушу:
Гей, кто любитъ чужу жêнку,
Дѣдко возьме душу.

637.

Анде мôй везе гнôй
Въ кучеравôй шапцѣ:
Адтакъ бы ми, гень такъ бы ми,
Онъ ми не на гадцѣ!

638.

Скочивъ песъ во овесъ,
А сука въ татарку:
Любитъ мила панича,
А милый Цыганку.

639

Христіяне православнiи,
И вы, люде, чуйте!
Дала минѣ плюга чары,
Да что ми, ратуйте!

640.

Смилуйтеся, добрі люде!
Душу женутъ чары:
Не годны ми порадити
И Царскі докторы.

641.

Ой цитъ, бѣдо, не моркони,
Тай не залицяйся,
Ай хвать жабу та за лабу,
Та по писку вдарься!

642.

Поколь была 'мь въ свого нянька,
Коровочки 'мь пасла,
Сыръ е'мь ѣла, молько 'мь пила,
Личко 'мь была красна.

643.

А якъ е'мь ся передала
Въ мого мужа ручки,
Сбило ми ся волосѣчко
Во бобовы стручки.

644.

На Бѣлецкôй церкви
Мурована турня:
Такій ми ся хлопець выбравъ,
Што не моя рувня.

645.

Не моеи рувнй,
Не моеи версты:
Женитися было, Юрку,
Сѣмма роки перше.

646.

Дала мене моя мамка
За старого дѣда,
Та велѣла шановати,
Якъ въ городцѣ зѣлья.

647.

А я дѣда шановала,
Шановати мушу:
Ой, змилуйся, Пане Боже,
Возьми зъ дѣда душу!

648.

На высокôй полонинцѣ
Вѣтеръ сѣно сушитъ:
Коль мя бѣдка поцѣлуе, —
Якъ гадина вкуситъ.

649.

На высокôй полонинцѣ
Сама сѣно гребу:
Коль мя любко поцѣлуе,
Соложе отъ меду.

650.

Я въ мочари сѣно гребу,
По подъ сѣно вода:
Поти мене милый любитъ,
Поки я молода.

651.

Зеленое покошеное
А бѣлое нѣтъ, нѣтъ:
Лише было погуляти,—
Завязали свѣтъ, свѣтъ!

652.

Закукала зазулойка,
Та за вершокъ зайшла:
Я бы была таку любовь
На дорозѣ найшла!

653.

Теперь собѣ погуляю,
Теперь моя воля:
Не стоитъ ми за плечима
Моя горька доля!

654.

Я, дѣ, собѣ заспѣваю,
Та ще защебечу,
А якъ я ся постарѣю,
Я вшитко замечу.

655.

Кобы минѣ не чепакъ,
Та й не бѣла хустка,
Такъ бемь собѣ погуляла,
Якъ на водѣ гуска.

656.

Якъ покладуть на голову
Нехарный чепище,
То не пуститъ погуляти
Проклятый мужище.

657.

Черезъ гору высокую
Ружа подалася:
Не иду я на вечёрки,
Я вже отдалася.

658.

Играйте вы, молодицѣ,
Бо я йду до дому:
Є у мене воркунъ дома,
На мою голову.

659.

Єдному бы ѣсти дати,
А другому пити,
А третее маленькое
На двбръ бы водити.

660.

На Брустурахъ загримѣло,
На Ясѣню блисло:
Богдай тебе, мôй миленькій,
По пôдъ сердце стисло!

661.

Бодай тебе, мôй миленькій,
Кривило, морило!
Чому тото такъ не было,
Якъ ся говорило?

662.

Ци чули вы, добрѝ люде,
Коли куры пѣли?
Тогды мои бѣлѝ нôжки
Долѣ селомъ бѣгли.

663.

Ци чули вы, добрѝ люде,
Коли псы брехали?
Тогды мои бѣлѝ нôжки
Подъ окномъ стояли.

664.

Мамко моя солодкая,
Бѣду я вчинила:
Ужь всѣ жêнки трутъ колодні́,
Я ще не мочила.

665.

Идутъ люде туды на торгъ,
Мене обмовляютъ:
Чіи тото колоппята
Въ поли погибаютъ?

666.

Сама е'мь ся дивовала,
Яка 'мь была рядна:
Єдно 'мь мала телятище,
И то 'мь не загнала!

667.

Сама е'мь ся дивовала,
Яка е'мь охоча:
Подивлюся до коморы —
А ни й таки клоча!

668.

Я гадаю, я гадаю,
Ожь то милый дупка'гъ,
Ано, ото та волчище
Телятище хрупка'тъ.

669.

«Выйди туда, моя свекро,
Раненько, раненько!» —
«Уже ото не подоба,
Дѣвонько, дѣвонько!»

670.

Ой куе, дѣ, зазулонька,
Та й уже не куе:
Уже мене чужа мама
Лишь не пожалуе.

671.

Ей куе, дѣ, зазулечка,
Ще буде ковати,
Єще мене моя мамка
Буде жаловати.

672.

Далась мене, моя мамко,
За высокй горы,
Видавъ, 'есь ся радовала,
Ожь тамъ сивы волы.

673.

Сивы волы, сивы волы,
На ярочку пили:
Страхи мене обнимаютъ,
Обы мя не вбили.

674.

Бо ащь мя вбютъ, пожалуютъ,
Вергутъ мя до ярку,
Где дѣвчата ходятъ рано
По рябу фіялку.

675.

Фіялочко, фіялочко,
Кобы 'сь ся пріяла,
Кобы была 'сь, мене, мамко,
Борзо не отдала!

676.

Сего року бездольного,
Та и сеи зимы,
Волѣла 'сь мя закопати
До сырои землй.

677.

Ей родино, родиночко,
Та й родичи мои!
Прійдѣтъ, прійдѣтъ посмотрѣти
Пробыванки мои!

678.

Лишь пôду я до Сигота,
Та стану у пана,
Што бы за мя никто не знавъ,
Ни мôй мужь, ни мама.

679.

Гей, столику яворовый,
Столику жовтенькій!
Кто на тобѣ карты грае,
Тото мôй миленькій.

680.

Чей изъ горы на долину
Помаленьку зыйду:
Сподѣвайся, моя мила,
Бо по тебе прійду!

681.

Выйди, дѣ, ты, молодичко,
Та вонъ подивися:
Колопеньки покошені,
Ленкъ похилився.

682.

Колопеньки покошені,
А ленкъ бы брати:
Не пущай ты, молодичко,
Хлопчуки до хаты!

683.

Якъ ихъ знаю не пустити,
Ходятъ ги опришки,
Даютъ минѣ горѣлочки
Сь зеленои флешки.

684.

Не боится хлопъ морозу,
Ни голый розбою:
Сѣдай, мила, на коника,
Подь, мила, со мною!

685.

Пасутъ ôвцѣ по дубрôвцѣ,
Козы по болоню:
Будь, миленькій, въ четвергъ дома,
Вже ти ся отклоню!

686.

Ей, Боже мôй милосердный,
Я ся тобѣ молю:
Гей, давъ есь ми здоровьечко,
Не давъ есь ми долю!

687.

Будь здоровый, мôй миленькій,
Люби мя едную;
Бо не найдешь въ цѣлôмъ свѣтѣ
Надъ мня вѣрнѣйшую!

688.

Кедь ты былъ поповичъ,
Я была попôвна,
Мене было не брати,
Я не супокôйна!

689.

Ой Русине, Русине,
Руснаку небоже!
Не бôй ты ся баламута,
Руськый Богъ поможе.

690.

Гей, выйду я въ полонину,
Тамъ у тоту пущу,
Та тамъ я ся зарубаю,
Никого не пущу.

691.

Лише тоту дѣвчиницю
Съ чорными очима,
Штобы минѣ, молодому,
Водицѣ̂ носила.

692.

Ни высокôй полонинѣ,
Пощибана роса:
Ба кто́ ей та пощибавъ? —
Бѣлявиця боса.

693.

Не бôй ты ся, бѣлявице,
Студенои росы,
Самъ ся сзую, тебе вбую,
А самъ пôду босый.

694.

Добро минѣ въ полонинѣ,
Въ полонинѣ гайно,
Въ полонинцѣ пасе ôвцѣ̂
Василь та Михайло.

695.

Коль бываю въ полонинцѣ,
То хожу, то стану,
Въ полонинцѣ пью жинтицй,
Ѣмъ сыръ та сметану.

696.

Адтуй — гора, адтуй — друга,
Антамъ — долиночка,
Межи тыма двома горы —
Моя любаночка.

697.

Адтуй — гора, адтуй — друга,
Антамъ — долиночка,
Сподъ еднои вода тече,
Съ подъ другои млачка.

698.

Єдна гора высокая,
А другая низка,
Єдна мила далекая,
А другая близка.

699.

Гей, у тои, далекои,
Волы и коровы,
А у сеи, близенькои,
Чорненькіи бровы.

700.

Я бо тоту, далекую,
Людёмъ подарую,
А до сеи, близенькои,
Самъ я повандрую.

701.

По надъ саму полонинку
Густеньки темеи:
То ми любо позирати
До неи, до неи.

702.

Ладно мнѣ въ полонинѣ,
Въ полонинѣ сижу:
Што ма мила дома робитъ,
Я то вшитко вижу.

703.

На высокôй полонинѣ
Дрижитъ болотечко:
Кортитъ мужа ôвчарити,
Хоть едно лѣтечко.

704.

Кортитъ мужа ôвчарити,
Мене скотарити,
Та будеме на сметанѣ
Обѣдъ готовити.

705.

Ще ся было не женити
И не журитися,
Зъ высокои полонинки
Въ село дивитися.

706.

Кобы горы прокопати,
Хащу прорубати,
Штобы видно, коли моя
Любка лѣгать спати.

707.

Гей, ôвчарю, ôвчарику,
Займи мои козы:
Што я тобѣ обѣцяла,
Понесу ти въ розѣ.

708.

Ой ôвчарю, ôвчарику,
Займи мои ôвци̂:
Што я тобѣ обѣцяла,
Понесу ти въ пôвцѣ.

709.

Ой ôвчарю, ôвчарику,
Найми ты ся въ мене:
Буде тобѣ, наймитчику,
Платничка ôтъ мене.

710.

Видко мого миленького
Конецъ полонинки,
Якъ росчесавъ жовту косу
Ажь до ременинки.

711.

«Коли тя ся сподѣвати,
Любцю, съ полонинки?» —
«Коли буде вечерѣти
По пôдъ буковинки.»

712.

Гей, луснули двѣ пистолй,
Задули въ козицй:
Заплакала дѣвчиниця
Изъ вѣнчанокъ йдучи.

713.

Ой не плачь ты, дѣвчинице,
Не буду тя бити,
Пристанешь ми икъ серденьку,
Буду тя любити.

714.

Верховина веселая,
Верховина красна!
Про едну лишь, верховина,
Горѣвку несчасна!

715.

«А чому ты, бѣлявочко,
Счорнѣла, змарнѣла?» —
«Верховинскôй бѣлявочцѣ
Збрага красу зъѣла.»

716.

«А чому то блѣде дѣтя,
Гень трêску глодає?» —
«Блѣде дѣтя трêску гложе,
Бо хлѣба не має.»

717.

Покинь трêску, блѣде дѣтя,
Перестань глодати!
Не пье отець, не пье мати,
Будешь хлѣба мати.

718.

Мамо моя,
Не лай мене!
За старого
Не дай мене!

719.

Бо надъ старымъ
Дѣти пищать,
На молодôмъ
Гузы блищать.

Пѣсьни Гуцульскія.

Въ Яворовѣ, округа Коломiйскаго.

1.

А Господи милосердный!
Єкъ мы бѣдовали,
А поки ме та паньшйну
Кежко ôтбували.
Слава Богу, же намъ гараздъ
Тепйрь сесй лѣта,
Аже бы нашъ Тѣсарь здоровъ,
Та й живъ многй лѣта.
Бога просймъ за Тѣсаре,
Шё чесъ, шё годины,
Намъ паньшйну подаровавъ,
Абыхъ не робили.
Бога просймъ за Тѣсаре
Сараки Руснаки;
На Тѣсаре нагнѣвавъ се
Венгеръ та Поляки.
Ай бо Венгеръ та й Поляки
Бѣду наробили,
Тôлько було въ царе землй,
Усю сколотили.
Ой Пôдгôрье спудилосе,
Шё Венгеръ женесе,
Бога просймъ за Тѣсаре,
Тѣсарь не даесе.
Ой Пôдгôрье спудилосе,
Шё насъ Венгеръ зôтне,
Бога просймъ за Тѣсаре
Чей се Тѣсарь зôпре.
Спудила се уся Польшя,
Польшя та й Иршава,
Та бо чей насъ поратуе
Сила Москалева.
Венгеръ Руса не боевсе,

Не мавъ тои дôймы,
Бо ôнъ не чювъ, шё йде Москаль
Вороными кôньми.
Того войска не богато,
Лишь три мйліоны,
А екъ ввôйшли въ Венгершйну,
Стали на загоны.
А лишь тôлько Московского
Венгеръ вôйска збачивъ,
Якъ загуливъ въ загороду,
Окропомъ опаривъ.
Та бо Москаль поправивсе
Заложивъ каноны,
Отъ такъ убивъ Венгершйну,
Господи, борони!
Отъ такъ убивъ того Венгра,
Шё лишь ставъ, екъ курка,
Вхопивъ собѣ толпу войска,
Та й утêкъ пôдъ Турка.
А газетье не читаемъ,
Никто то не чюе,
Але чи го вйдавъ Турокъ,
Чи ôнъ тамъ газдуе.

2.

Тѣсарь письма розсылаетъ,
Помежи Руснаки,
Шёбы собѣ свои села,
Добре вартовати.
Абы собѣ дубелтовй,
Варты уложити,
Та бо Тѣсарь вôйска вйславъ,
Венгра пригрозити.
Бо десъ чюю не съ одного,
Шё шёсъ собѣ мыслитъ,
Каже Царь народъ вйгубитъ,

Шё й душѝ не лишитъ.
Та бо я вамъ росказую,
Чи чюете люде?
Ȏтколи свѣтъ засновавсе,
Не було й не буде.
Ȏтколи свѣтъ засновавсе.
Изъ синёго моря,
То Царь народъ не губивъ,
Шёбы земля гола.
Тôлько значьно на семъ свѣтѣ
Царьского помору,
Отъ екъ возме лодѣй ерьче
Отъ шêстдесетъ дробу.
Отъ екъ возме злодѣй ерьче
Не велика шкода,
Єкасъ инша намъ буде смерть
Отъ Господа Бога.
Єкасъ инша намъ смерть буде
Отъ Господа Бога,
Бо сесе се наближяла
Тысячя Петрова.
А уже сме усгупили
Въ тысячю Петрову,
То такъ всѣ махнемо разомъ,
Якъ листъ ôтъ морозу.
Ой екъ листъ тотъ ôтъ морозу,
А попелъ ôтъ вѣтру,
Бо велика та ненависть
Повстала на свѣту,
Земле не могла сдержети,
Богъ не мôгъ стерпѣти.
Господь знае милосердный,
Де насъ мае дѣти.
Якъ Господь повѣтре пуститъ
На одну годину,
Тогды нѝ одинъ не скажетъ
Шё я не загину.
Бо такъ будемо дрожети,
Якъ козы въ закутку,

Лишь не могу зрозумѣти
До екого пункту.
Ану, просѝмъ щире Бога,
Къ землѝ уклонѝмсе,
Чужеложьству даймо спокôй,
Корьчмы попустѣмсе!

3.

Ой ледѣню, ледѣнику,
Лишь не пій горѣвку,
Та дамъ тобѣ штыри волы
Та й хорошу дѣвку!
Шё жь такъ есъ се красно упивъ,
Шё упавъ за грубы,
Таки песъ се кобы здоровъ,
Нацмокавъ се въ губы,
Дивѣте се, люде добрѝ,
Шё пеница мае,
А шё видитъ, бере зъ хаты,
За горѣлку дае.
Затегнувъ се тамъ у корьчму,
Та й ставъ говдувати,
Онъ шё занѣсъ, то все пропивъ,
Жидъ вѝтрутивъ зъ хаты.
Лѣзе въ потычь до домочку,
Страшный екъ блощиця,
Голый екъ быкъ, дурный екъ цапъ,
Обôдранѝ лиця.
Оскубли мне, екъ гусака,
Голого пустили,
Ажь мне слезы обливаютъ,
Ото жь то мне били.
Шё жь то добре, товаришю,
Горѣвку лишити,
Май мало будемъ грѣшити,
Довголѣтне жити.

4.

Доки 'мъ пили ту горѣвку,
Доти бѣда була,
А не одна челедина
Отъ обуха рула.
Собѣ сама теперь челядь
Бога допросила,
Шё самъ Господь зôславъ письмо
Ажь до папа Рима.
Тото писарь листьє читавъ,
А я взевъ на саму,
Правда на насъ добре выйшло,
На нашу громаду.
Шёбы файно газдовати,
Горѣвки не пити,
Жёнки Бога допросили,
Шёбы ихъ не бити.
Жёнки собѣ не невольте,
Въ хатѣ не збыткуйте,
Та лишь возмѣтъ зъ поля хлѣба,
Красно ихъ годуйте.
Выйшло письмо зъ Станіслава,
Чи вы чюли, люде?
Якъ ме екій жёнку бити,
То штрофъ за то буде.
А хоть на сердце не добра,
На мову свовôльна,
То не можна жёнку бити,
Жёнка кожда вгôдна.
Я васъ прошю, молодицѣ,
За то се не тайте,
Скоро ме васъ екійсь бити,
Идъ менѣ се вдайте!
Ой идъ менѣ се вдавайте,
Я вамъ справу зробю,
А хоть ека буде лиха,
Отъ разу второпю.

5.

Якъ дуже не мемо пити,
Будемо богатй,
Будемъ мати много грошей,
Суповой у хатѣ.

Якъ мы були пеницеми,
Отъ горѣвку пили,
Дотй намъ се ребра боли
Якъ дурнемъ свѣтили.

Жиды собѣ красно ѣли,
Файно се вбирали,
Мы, сараки Гуцулоньки,
И хлѣба не мали.

Мы мусѣли бѣдовати,
Голодомъ терпѣти,
А все тото черезъ Жиды,
Та черезъ ихъ дѣти.

Изъѣшь дѣдьки, песій сыну,
Пархо бородатый,
Бо не пôду по ґорѣвку
Та до твоей хаты!

А мы будемъ працёвати,
Жêнки будутъ прести,
Жиды будутъ, песй сыны,
Своимъ драпъемъ трести.

А екъ менѣ гидко, бридко,
Ше я бувъ пеница,
Смѣёласе, ругаласе
Зъ мене молодиця.

Та й дѣвчета утѣкали
Єкъ ôтъ злого духа,
Котрôй сказавъ, шё те возьму,
Стресла ю тетюха.

А я прійшовъ межи люде,
Та й ставъ ихъ просити,
Дайте минѣ еку раду,
Єкъ се оженити?

А они менѣ сказали:
Кобы не горѣвка,
Не одна бы омлѣвала
Та за тобовъ дѣвка.

Покинь бути пеницевъ
Отъ горѣвку пити,
И зобачишь, екъ те будутъ
Дѣвчети любити.

Люде давно старосвѣцкй
Горѣвки не пили,
По сто годôвъ по петдесеть
Та на свѣтѣ жили.

Але теперь, екъ узели
Дуже попивати,
То по сорокъ исповна
Не будутъ тревати.

Дѣтька нема по камѣнью,
Лишень коло винницъ,
Своимъ зѣльемъ заправлее
Горѣвку для пеницъ.

А мы лишѣмъ, люде добрй,
Отъ горѣвку пити,
Бо мы будемъ за горѣвку
Драптавй ходити!

А мы жь мемо за горѣвку
Драптавй ходити,
А все жь будемъ въ Бовцатулѣ
Бѣланй кочети.

А мы жь будемъ въ Бовцатулѣ
Бѣланй кочети,
А Жиды мутъ изъ Залучье
Горѣвку возити.

Але въ нашôмъ Єворовѣ
Корьчма на дорозѣ,
Не оденъ тамъ ôвцу пропивъ
Та й чотыре козы.

Але въ нашôмъ Єворовѣ
Корьчма коло схилку,
Шё моя любка пропила
Риженьку кобылку.

6.

Ой лиши ты, файна любко,
Горѣлочьку пити,
Будешь боса та безъ капцёвъ,
Безъ волокъ ходити.

Ей не такъ студень въ петы, въ петы,
Якъ студень у пальцѝ:
Она прійшла до сусѣды,
Выбрехала капцѝ.

Въ мене така любка файна,
Щё ій не ма пары,
Она нибы капцѝ вбула,
На вѣки пропала.

А я прійду на весѣлье,
Заспѣваю тутка,
А вы, братя, не вгадали,
Котра моя любка.

Але въ мене любка файна,
На очи блешнява,
Роздивѣтъ се помежи миръ,
Ай ци е ій пара.

Пары не ма нѝ въ Кордунѣ,
Ни въ нашôмъ Пôдгôрью,
Она себе продавала
На Рôздво въ недѣлю.

А Рôздво свето велике,
Бôльше екъ недѣля,
А вна себе продавала
Тожь погана вѣра!

Съ любки ми се не збыткуйте,
Моя любка озьде,
Дамъ у люльку два корені́,
Кто въ танець ю возме.

Возмѣтъ, братья, любку въ танець,
Та́нцёвати годна:
Опа свище та й танцуе,
Якъ у корчи довга.

Съ любки ми се не збыткуйте,
Моя любка бѣдна,
Отъ леніи въ другôй хатѣ
Бодай розôпрѣла!

IV

МАТЕРІЯЛЫ ИНОСТРАННЫЕ

РУИ ГОНСАЛЕЗЪ ДЕ КЛАВИХО.*

Когда Одерико ди Порденоне и Джонъ Мандевилль находились при Дворѣ Великаго Хана въ Камбалу, тамъ хоть и царствовало еще все то же великолѣпіе, которое такъ заманчиво описалъ намъ Марко Поло, но могущество Монголовъ уже значительно уменьшилось, и неизмѣримое царство ихъ, казалось, готово было распасться на отдѣльныя слабыя части; тогда опять поднялся страшный завоеватель въ Джагатаѣ, сдѣлавшій снова ужаснымъ для свѣта Монгольское имя. Тимуръ-Ленкъ (Тамерланъ), достойный потомокъ Чингисъ-Хана, храбростью и счастьемъ получилъ такое высокое значеніе и столько многочисленныхъ приверженцевъ, что выборъ Великаго Хана былъ у него въ рукахъ, и весь народъ слушался его воли. Его первые походы (съ 1371 года) покорили ему Хоvarезмъ и Персію, гдѣ башни изъ человѣческихъ череповъ вездѣ показывали слѣды страшнаго завоевателя; оттуда онъ обратился въ Индію, гдѣ лилъ ручьями кровь тамошнихъ жителей, обращалъ въ пустыни плодоносныя поля, грабилъ и сожигалъ богатые, промышленные города. Покореніе этѣхъ странъ, населенныхъ трудолюбивымъ народомъ, совершилось съ быстротою молніи; но труднѣе казалось нападеніе на Западъ, гдѣ препятствующимъ соперникомъ былъ Баязидъ, Турецкій Султанъ, завоеватель, не менѣе счастливый, уже сдѣлавшій большіе успѣхи въ Европѣ и побѣдившій войска Христіянскихъ Государей. Тимуръ не могъ терпѣть его наравнѣ съ собою, и даже, подъ страхомъ собственной гибели, рѣшился на войну съ нимъ, къ чему вскорѣ нашелся и поводъ, при взаимномъ озлобленіи противниковъ. Баязидъ былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ въ сраженіи при Анкирѣ, въ 1402 году; Тимуръ, боявшійся только Султана, пред-

* О Клавихо нѣтъ у Аделунга, по тому что этотъ Испанецъ не навѣщалъ Россіи. Его путешествіе было напечатано подъ слѣдующимъ заглавіемъ: Historia del gran Tamerlan e Itinerario y enarracion del viage y relation de la embajada que Ruy Gonzalez de Clavijo le hizo, por Mandado del Rey don Henriguez derceiro de Castilla. Seville, 1582. Эта книга стала библіографическою рѣдкостью и была перепечана въ Мадридѣ въ 1782 году. См. Biographie Universelle. T. VIII, стр. 642. (Примѣч. переводч.).

оставилъ сыновьямъ его Переднюю Азію и Европейскія владѣнія. Христіянскіе Государи, очень обрадованные такимъ оборотомъ дѣлъ, считали Тимура своимъ сильнѣйшимъ, хотя и невольнымъ, союзникомъ и старались льстить его тщеславію посольствами и питать его ненависть къ Туркамъ. Уже въ 1393 году Энрикъ III, Король Кастильскій и Леонскій, по извѣстію о блестящихъ побѣдахъ Тимура, отправилъ къ его Двору двоихъ способныхъ людей, Пайо де Сотомайоръ и Гернаии Санхеса де Палясуелоса, чтобы, подъ предлогомъ принесенія поздравленій, увѣриться въ положеніи дѣлъ и въ отношеніяхъ Тимура къ Баязиду. Послы, принятые съ большимъ отличіемъ и угощенные блестящимъ образомъ, присутствовали въ сраженіи при Анкирѣ и воротились въ Испанію съ радостной вѣстью о пораженіи страшнаго Баязида. Съ ними явилось и Тимурово посольство къ Энрику съ богатыми подарками и увѣреніями въ дружбѣ своего повелителя; съ этѣми послами обращались очень внимательно при Испанскомъ Дворѣ, что было очень лестно для нихъ. Въ отвѣтъ на дружескія увѣренія и подарки Тимура, Энрикъ отправилъ къ Монгольскому Двору другое торжественное посольство, состоявшее изъ придворныхъ Руи Гонсалеза де Клавихо, Гемеса де Саласара и монаха Альфонсо Паеса де Санкта Марія. Руи Гонсалезъ де Клавихо, объ обстоятельствахъ жизни котораго намъ не сообщено ни какихъ подробностей, велъ въ путешествіи подробный дневникъ, откуда и заимствуемъ важнѣйшія извѣстія, относящіяся къ Географіи и Этнографіи. Онъ такъ выгодно отличается отъ прежнихъ извѣстій спокойнымъ и вѣрнымъ изложеніемъ наблюденій и устраненіемъ всего сказочнаго и чудеснаго, что уже за одно это заслуживаетъ нашего вниманія.

Послы оставили Кадиксъ 21-го Мая, 1403 года, коснулись Сициліи, Родоса и другихъ острововъ Средиземнаго моря и 28 Октября достигли Константинополя, гдѣ и оставались на нѣсколько времени для осмотра замѣчательностей этого города. Они нашли, что онъ плохо населенъ и оживлялся въ той только сторонѣ, гдѣ находится пристань; въ отдаленныхъ же частяхъ разстилались большіе сады и нивы, не мало также пространства занимали храмы, которыхъ считалось до 3000. Плаваніе по Черному морю безъ противныхъ вѣтровъ продолжалось очень долго,

и только 11-го Апрѣля, 1404 года, послы достигли Требизонда и зашли въ сильную крѣпостцу, занятую Генуезцами. Изъ Требизонда ихъ путешествіе было затруднительнѣе: они должны были не рѣдко ночевать въ палаткахъ Хекатаевъ (Джагатайскихъ Монголовъ), гдѣ всегда, впрочемъ, принимали ихъ дружески и подкрѣпляли пищею и питьемъ. И въ Азеронѣ (Арзерумѣ), гдѣ отдыхали они нѣсколько дней, имъ оказывали большое вниманіе и самое дружеское пособіе, доставали для нихъ съѣстные припасы и другое необходимое для дальнѣйшаго путешествія. Въ Гои (Кой въ Аджербейджанѣ) сошлись они съ посольствомъ Вавилонслаго Султана, которое также спѣшило ко Двору Тимура и вело съ собою 20 лошадей и 15 верблюдовъ, навьюченныхъ подарками. Изъ подарковъ больше всего удивляло множество страусовъ, а также и одинъ звѣрь, по имени іорнуфа (жирафъ). Клавихо описываетъ Тавризъ (Тебризъ), гдѣ останавливалось на нѣсколько дней посольство, большою пристанью, особливо богато снабженною жемчугомъ, хлопчато-бумажными товарами, шелковыми тканями, нѣжными благовонными маслами. Хотя этотъ, и теперь все еще значительный, Персидскій городъ уже приходилъ въ упадокъ, однако жь въ то время все еще считалось въ немъ до 200 тысячъ домовъ, и въ числѣ ихъ много великолѣпныхъ зданій. Но Царскій Дворецъ, знаменитый на всемъ Востокѣ, въ которомъ должно было находиться до 20 тысячъ компатъ, лежалъ въ развалинахъ. Масса Мирара, старшій сынъ Тимура, столько же слабый, какъ и своенравный, Государь, царствовавшій въ качествѣ Намѣстника въ Персіи, находилъ свое лучшее удовольствіе въ томъ, чтобы своевольно разрушать все великое, созданное съ трудомъ славными Государями: такъ и превосходный Дворецъ въ Тавризѣ сдѣлался жертвою его ребяческой ярости. Когда это дѣло дошло до слуха Тимура, онъ въ бѣшенствѣ поспѣшилъ въ Тавризъ, чтобы велѣть казнить избалованнаго сына. Масса Мирара, хорошо видя, что ни бѣгство, ни сопротивленіе невозможны, поспѣшилъ на встрѣчу отцу и бросился къ его ногамъ съ просьбою о помилованіи. Тимуръ подарилъ ему жизнь, по настойчивымъ просьбамъ его друзей, но лишилъ его званія Намѣстника и велѣлъ ему жить спокойно частнымъ человѣкомъ. Въ Тавризѣ находилось также поселеніе Генуезскихъ купцовъ, которые съ большою выгодой вели посредническій торгъ между

Азіей и Европой; они пользовались важными льготами и не платили пошлины за провозъ товаровъ. Недовольные тѣмъ, для большей независимости они захотѣли выстроить укрѣпленное мѣсто; Великій Ханъ, однако жь, замѣтилъ имъ, что купцамъ очень неприлично строить укрѣпленія и принимать военное положеніе; это доброжелательное напоминаніе не имѣло ни какого успѣха, и они бросили работы тогда только, когда угроза — отрубить имъ головы, возвѣстила гнѣвъ неумолимаго Тимура и заставила ихъ одуматься.

Еще живѣе торговлю, нежели въ Тавризѣ, посланники нашли въ Солтаніи, пребываніи Монгольскаго Намѣстника въ Персіи; они прибыли туда 26-го Іюня. Городъ, разстилавшійся на равнинѣ, не имѣлъ стѣнъ, а только большое, выстроенное изъ камня, укрѣпленіе, съ крѣпкими стѣнами. Ежегодно, съ Іюня до Августа, пріѣзжали сюда Индѣйскіе караваны, привозившіе шелковыя матеріи, пряныя коренья, жемчугъ и драгоцѣнные камни, въ то же время купцы изъ Сиріи, Малой Азіи, Турціи и Христіянскихъ земель являлись сюда, чтобы покупать этѣ товары и отвозить ихъ дальше; однако жь нѣкоторые изъ этѣхъ купцовъ, особливо Венеціянскіе и Генуезскіе, какъ видѣли мы уже выше, доходили до Индіи и Китая, чтобы брать нужное для нихъ изъ первыхъ рукъ, а тѣмъ самымъ имѣть въ виду еще больше прибыли. Цвѣтущая торговля Тавриза и Солтаніи прекратилась съ открытіемъ морскаго пути въ Индію, и торговыя конторы Генуезцевъ и Венеціянъ, учрежденныя въ этѣхъ городахъ, такъ быстро упали, что путешественники, посѣщавшіе этѣ страны въ концѣ XV вѣка, не находили больше и слѣдовъ ихъ. Изъ Солтаніи посольство ѣхало, не останавливаясь, черезъ сѣверную Персію, и 27 Іюля достигло Дамогана (Дамагана), гдѣ изумилъ его ужасный памятникъ Монгольской жестокости. Передъ этѣмъ городомъ возвышались четыре высокія башни, всѣ сложенныя изъ однихъ череповъ убитыхъ Туркомановъ, которыхъ считали до 6-ти тысячъ. Тимуръ отвелъ въ Персію плѣнниковъ этого народа, побѣжденнаго имъ въ одной кровавой битвѣ, чтобы населить бѣдныя жителями равнины кругомъ Дамагана, но сдѣсь они собрались въ одну толпу и покушались уйти на родину. Тимуръ, разсердившись на этотъ замыселъ и на злоупотребленіе его ве-

ликодушія, велѣлъ всѣхъ ихъ изрубить и, въ устрашающій урокъ для другихъ побѣжденныхъ, сложить изъ череповъ ихъ башни. На этой дорогѣ отъ Дамагана къ востоку стояли такіе несносные жары, что посланники прибыли въ Баскалъ совсѣмъ измученные и больные. Но здѣсь имъ не дали желаннаго отдыха, по тому что уже прибыли уполномоченные отъ Тимура, которымъ велѣно было какъ можно скорѣе отвезти пословъ въ Самаркандъ. Они прибыли туда 8-го Сентября, послѣ чрезвычайно труднаго, почти двухмѣсячнаго, путешествія. На всемъ этомъ пространствѣ они наблюдали устройство Монгольскихъ почтъ, съ такою точностью описанное у Марка Поло; впрочемъ, этѣ почты существовали только для пользы деспотическаго Государя и къ отягощенію подданныхъ, по тому что пользоваться ими могли только гонцы и чиновники, спѣшившіе ко Двору, или посланные оттуда. Почтовые дома, стоявшіе на разстояніи дневнаго пути другъ отъ друга, были большіе, въ каждомъ изъ нихъ всегда содержалось въ готовности до 200 лошадей, чтобы тотчасъ же можно было снабжать ими Царскихъ спѣшныхъ гонцовъ; но, кромѣ того, гонцы имѣли право брать лошадей у путешественниковъ, встрѣчавшихся имъ на дорогѣ, въ промежуточныхъ разстояніяхъ между почтовыми домами, если этѣ лошади были крѣпче, нежели у нихъ, и вообще безъ всякой отвѣтственности могли пользоваться всѣми способами для ускоренія своей ѣзды.

Въ обыкновенное пріемное время посланники были представлены разорителю міра, Тамерлану: онъ сидѣлъ на шитыхъ шелковыхъ пуховикахъ и слабо опирался руками на мягкія подушки. Бывшій передъ нимъ водометъ разливалъ въ комнатѣ пріятную прохладу; многочисленные служители внимательно наблюдали за каждымъ движеніемъ своего повелителя, чтобы съ быстротой молніи исполнять его желанія. Клавихо и его товарищи вошли съ благоговѣніемъ, въ сопровожденіи знатнѣйшихъ придворныхъ, по данному наказу становились на колѣни и при всякомъ колѣнопреклоненіи съ точностью соблюдали обычную обрядность. При этомъ они подвигались на шагъ впередъ до тѣхъ поръ, пока не очутились передъ самымъ трономъ. Тимуръ уже до того былъ дряхлъ, что едва могъ открыть глаза и удостоить милостивымъ взглядомъ Испанцевъ. Поднесши подарки, изъ кото-

рыхъ больше всего понравился при Дворѣ кусокъ краснаго сукна, они опять были отведены въ ихъ жилище, вдоволь снабженное всѣмъ нужнымъ. Теперь старались внушить имъ выгодное понятіе о Монгольскомъ гостепріимствѣ праздниками и пирами, слѣдовавшими безпрерывно одни за другими. На этѣхъ пирахъ, обыкновенно продолжавшихся до ночи, вообще обнаруживался еще грубый вкусъ варварскихъ кочевниковъ: кушанья и напитки подавались въ такомъ чрезмѣрномъ количествѣ, что посольство со всею прислугою могло бы, по крайней мѣрѣ, съ полгода, прожить тѣми блюдами, которыя подавались на одномъ пирѣ. Верблюды таскали изъ кухни цѣлыхъ жареныхъ лошадей и поросятъ къ разрѣщикамъ, дѣлившимъ это жаркое на большіе куски, которые и подавались каждому гостю. Мясо, вареное съ рисомъ и приготовленное другимъ образомъ, являлось въ залу пира, въ огромныхъ кожаныхъ мѣхахъ: тамъ открывали ихъ и подавали мясо на блюдахъ. Кумысъ и вино текли ручьями. Впрочемъ, на Монгольскихъ пирахъ вино пилось не всегда, а только въ чрезвычайныхъ и рѣдкихъ случаяхъ и съ особеннаго разрѣшенія Хана; за то тогда какъ можно чаще опоражнивались кубки, которые тотчасъ же подавались опять кравчими: это могло служить доказательствомъ образа жизни. Кто одерживалъ побѣду въ такомъ состязаніи, получалъ почетное прозваніе багидара. Даже женщины охотно соблюдали этотъ обычай и выпивали много кубковъ за здоровье гостей. Въ бытность пословъ Тимуръ часто мѣнялъ свое мѣстопребываніе: благодаря тому, имъ довелось увидать разные Дворцы и подивиться ихъ богатству; но выше всѣхъ по великолѣпію была, такъ называемая, орда (городъ изъ шатровъ): въ одинъ праздникъ она разбивалась для Хана и его придворнаго дворянства на широкой равнинѣ, чтобы истинно удивительнымъ образомъ показать величіе Монгольскаго Царя. Число шатровъ доходило до 20 тысячъ; многіе изъ нихъ были изъ золотой парчи, или дорогихъ шелковыхъ тканей, и богато убраны драгоцѣнными каменьями и жемчугомъ. Въ Царскихъ шатрахъ стояли золотые столы; сосуды и блюда были также изъ золота, серебра, тонкаго фарфора, который очень дорогъ и добывается съ трудомъ. Для умноженія торжественности праздника, дававшагося въ этомъ шатровомъ городѣ, по временамъ бросали между присутствующими золотыя и серебряныя монеты и бирюзу. Клавихо

описываетъ всѣ этѣ празднества съ выраженіемъ величайшаго удивленія, но и съ утомительною подробностью. Важнѣе его замѣчанія о мѣстопребываніи Хана, которое проходилъ онъ чаще для подробнаго осмотра его замѣчательностей.

Самаркандъ, показавшійся ему нѣсколько больше Севилы, разстилался на равнинѣ и обнесенъ былъ землянымъ валомъ и глубокимъ рвомъ. Число жителей было значительно велико, по тому что много предмѣстій, лежавшихъ внѣ вала и занимавшихъ пространство во многіе часы пути, кишѣли ремесленниками и художниками, которыхъ Тимуръ перевелъ сюда изъ коренныхъ странъ, чтобы возвысить и обогатить свою столицу. Число этѣхъ людей, силою отторгнутыхъ изъ ихъ родины, простиралось до 150 тысячъ; Тимуръ особливо выбиралъ ткачей шелковыхъ тканей изъ Дамаска и оружейниковъ изъ Турціи. Задумавъ сдѣлать Самаркандъ величайшимъ городомъ Востока, онъ велѣлъ своимъ чиновникамъ посылать сюда всѣхъ бѣдныхъ и безродныхъ людей со всего царства; однако жь все множество народа, собравшагося по этому деспотическому приказу, не могло помѣститься въ городскихъ домахъ, и несчастные нашли себя принужденными искать убѣжища въ хижинахъ и пещерахъ. Охотно они избавились бы бѣгствомъ отъ чести быть гражданами столицы, но всѣ выходы тщательно стерегла стража, и на большой пловучій мостъ, который велъ черезъ рѣку Гигонъ, отдѣлявшую ихъ отъ родины, не могъ входить никто безъ Ханскаго позволенія. Не смотря на едва только оконченныя опустошительныя войны, обратившія окрестныя страны въ пустыню, Самаркандъ все еще оставался средоточіемъ значительной торговли: Русскіе и Татары привозили кожи, мѣха и льняныя ткани, Китайскіе караваны, дѣлавшіе въ шесть мѣсяцевъ переѣздъ отъ Камбалу до этого города—шелковыя матеріи, мускусъ, драгоцѣнные камни, жемчугъ, ревень; индѣйскіе купцы — гвоздику и другія нѣжныя пряности, которыя только этой дорогой приходили въ Европу и не могли покупаться на рынкахъ Александріи.

Послѣ блестящаго угощенія посланниковъ въ продолженіе многихъ мѣсяцевъ, наконецъ назначили день, когда они должны будутъ получить отвѣтное письмо Тимура и отпускъ себѣ. Но когда насталъ этотъ желанный день, посламъ замѣтили, что Ханъ

боленъ и принять ихъ не можетъ; при вторичномъ посѣщеніи Двора, они получили тотъ же отвѣтъ, а когда въ третій разъ потребовали, чтобы ихъ допустили къ Хану, придворные чиновники объявили, что пора имъ ѣхать, и всѣ приготовленія къ тому уже сдѣланы. Клавихо, какъ начальникъ посольства, все еще не могъ рѣшиться покинуть Самаркандъ, не сдѣлавъ, съ истинно Испанскою точностію и въ обычной формѣ посѣщенія ко Двору, хотя и зналъ, что Ханъ при послѣднемъ издыханіи; но въ этомъ желаніи не только было ему отказано, но вмѣстѣ и дано такое строгое приказаніе ѣхать, что не льзя было и думать долѣе мѣшкать. И такъ посланники выѣхали изъ Самарканда 21 Ноября, а 22 Февраля, 1404 года достигли Тавриза, гдѣ и услыхали, что Тимуръ умеръ и что ожесточенная война началась уже между его сыновьями и внуками за владѣніе Царствомъ. Печальныя послѣдствія междоусобной войны скоро почувствовали и послы: у нихъ отняли все имущество, многіе мѣсяцы держали ихъ въ тюрьмѣ, пока Омаръ Миразъ, внукъ Тимуровъ, не захватилъ верховной власти надъ Персіею и не освободилъ посланниковъ. Они поспѣшили въ Требизондъ, откуда отплыли въ Испанію, и прибыли благополучно въ С.-Лукаръ 1-го Марта, 1406 года. Клавихо донесъ Королю объ исполненіи возложеннаго на него порученія, за понесенныя страданія и труды получилъ должную награду, и потомъ вернулся въ свой родной городъ, Мадритъ. Тамъ, въ благодарность за благополучное возвращеніе, онъ построилъ великолѣпную часовню въ монастырѣ Св. Франциска, и умеръ 2-го Апрѣля, 1412 года.

ГАНСЪ ШИЛЬДБЕРГЕРЪ.*

Въ кровопролитномъ сраженіи при Никополѣ (26-го Сент. 1395 года), выигранномъ, какъ мы уже упоминали выше, Султа-

* «Гансъ Шильдбергеръ, Мюнхенскій урожденецъ, въ 1394 году пошелъ съ арміею Короля Сигизмунда Угорскаго противъ Турокъ, но, спустя годъ послѣ того, взятъ былъ въ плѣнъ Турками въ сраженіи при Никополѣ, и

номъ Баязидомъ у Сигизмунда, Короля Угорскаго, въ Турецкій плѣнъ попалось великое число Христіянъ, которые служили въ Королевскомъ войскѣ, набранномъ почти во всѣхъ Европейскихъ земляхъ. Въ числѣ плѣнниковъ находился и Гансъ Шильдбергеръ изъ Мюнхена, едва 16-ти лѣтній оруженосецъ, пришедшій

Баязидъ I, или какъ онъ называетъ его, Веязитъ, отправилъ его въ Азію. При пораженіи Баязида Тимуромъ, онъ попалъ подъ власть этого Хана, котораго и сопровождалъ во всѣхъ походахъ до самой его смерти въ 1405 году. Такъ Шильдбергеръ переходилъ отъ одного Государя къ другому, прошелъ съ ними всю Татарію и наконецъ, черезъ Константинополь, Аккерманъ, Львовъ и Краковъ, въ 1427 г., возвратился въ Мюнхенъ, послѣ 32-хлѣтняго отсутствія изъ отечества.

Шильдбергеръ не имѣлъ ни какаго образованія, слѣдовательно, и не въ состояніи былъ описать страны, которыя проходилъ, и видѣнныя замѣчательности. О происхожденіи описанія его путешествія мы не знаемъ; вѣроятно, по возвращеніи онъ пересказалъ его на память какому ни будь пріятелю. Онъ начинаетъ его съ половины своихъ странствованій у восточнаго берега Каспійскаго моря, съ города Страна, переходитъ въ Грузію и Персію и такимъ образомъ приходитъ въ Великую Татарію, о которой разсказываетъ много замѣчательнаго. Не смотря на искаженія и ложныя извѣстія, разсказъ его все еще важенъ, особливо для позднѣйшей эпохи Ханства Золотой Орды, и заслуживалъ бы пересмотра и объясненій. Путешествіе Шильдбергера явилось въ слѣдующихъ изданіяхъ: Hie vachet an d' schildberger der vil wunders erfaren hat in der heydenschafft vnd in d'türkey. Безъ означенія мѣста и года (можетъ быть, Ульмъ, 1477 г.), in fol, съ картинками.—Frankf. a. M. 1549, 4⁰, съ нѣсколько измѣненнымъ правописаніемъ. Ein wunderbarlich history wie Schildberger aus München von den Türken in die heydenschaft geführet und wieder heimgekommen ist. Nürnberg, 1549, 4⁰. — Eine wunderbarliche und kürtzweilige Historie, wie Schildberger einer aus der Stadt München in Bayern von den Türken gefangen inn die haydenschafft gefüret. und wider heym gekommen. Item, was sich für Krieg, und wunderbarlicher thaten dieweyl er in der haydenschaft gewesen zugetragen, gantz kürtzweylig zu lesen. Frankfurt, durch Wigand Hanen Erben, безъ означенія года. (около 1554), 8⁰.—Magdeburg, 1606, 8⁰. — Johann Schildberger's Reise in den Orient und wunderbare Begebenheiten. Von ihm selbst beschrieben. Aus einer alten Handschrift übersetzt und herausgegeben von A. J. (Abraham Jacob) Penzel. München. 1814, 8⁰. Издано по новому способу и безъ всякихъ объясненій.

Извлеченія изъ путешествія Шильдбергера у Витсена, p. 132. и слѣд. f.

Обозрѣніе этого путешествія сообщаютъ Форстеръ. Th. I, S. 245—253, и Шпренгель S. 367—370».

на войну съ своимъ господиномъ, Леонардомъ Рейхентингеромъ. Онъ присутствовалъ при страшной рѣзнѣ почти всѣхъ плѣнныхъ, которую тотчасъ же послѣ битвы приказалъ дышавшій мщеніемъ Султанъ; уже и самъ онъ долженъ былъ получить смертельный ударъ, когда сынъ Султана замѣтилъ его и велѣлъ пощадить, изъ сожалѣнія къ его молодости. Съ этѣхъ поръ онъ слѣдовалъ за Турецкими, а потомъ и за Монгольскими, войсками, и такимъ образомъ въ 30 лѣтъ исходилъ большую часть Азіи. Правда, что разсказъ, написанный имъ на память, обо всѣхъ его приключеніяхъ, не сообщаетъ ни какихъ неожиданныхъ открытій для Географіи: это просто правдивое описаніе тогдашняго состоянія Азіи; а если бы оно не было на Нѣмецкомъ языкѣ и не имѣло своимъ сочинителемъ Нѣмца, то вѣрно получило бы гораздо больше извѣстности и было бы издано много разъ. его перевели бы на Нѣмецкій языкъ и объяснили, межъ тѣмъ какъ до сихъ поръ упоминали о немъ только слегка, или отдѣлывались отъ него нѣсколькими, ничего не значащими, словами. Въ дѣльной обработкѣ съ объясненіями, его достоинство для Исторіи и Географіи навѣрное бросились бы въ глаза болѣе; это окажется уже изъ одного простаго изложенія его содержанія, которымъ мы должны сдѣсь довольствоваться.

Шильдбергеръ былъ 12-ть лѣтъ на службѣ Султана; шесть лѣтъ долженъ былъ бѣгать впереди Султана, въ качествѣ скорохода, куды бы этотъ ни пошелъ, да шесть лѣтъ находился между его конною прислугою. Въ это время приходятся Баязидовы походы на многихъ Малоазіятскихъ Государей, которыхъ онъ побѣдилъ и велѣлъ казнить. Въ этѣхъ завоевательныхъ походахъ онъ сошелся наконецъ съ Монгольскъмъ Ханомъ, Тимуромъ, не меньше его жаднымъ до промысловъ, и былъ побѣжденъ имъ и взятъ въ плѣнъ въ Анкирской битвѣ (1402 года). Шильдбергеръ раздѣлилъ участь своего Государя и оставался у него въ плѣну, въ качествѣ служителя, до самой его смерти. Потомъ сопровождалъ Тимура въ его военныхъ походахъ въ Сирію, Вавилонію и Персію, и часто бывалъ свѣдѣтелемъ неслыханной жестокости этого варвара къ побѣжденнымъ. Мы довольствуемся сдѣсь однимъ примѣромъ, который разскажемъ простыми словами Нѣмецкаго воина, чтобы представить, по крайней мѣрѣ, маленькій

образецъ его способа изложенія. Послѣ того, какъ Тамерланъ (Тимуръ) завоевалъ многіе земли и города, пошелъ онъ къ городу Испагани и требовалъ отъ него сдачи. Жители сдались и вышли къ нему на встрѣчу съ женами и дѣтьми. Онъ принялъ ихъ милостиво, занялъ городъ шестью тысячами человѣкъ своего народа и вышелъ изъ этой земли. А когда Испаганскіе жители услыхали, что Тамерланъ оставилъ страну, они заперли городскія ворота и перебили тѣ шесть тысячъ человѣкъ. Только что Тамерланъ узналъ это, тотчасъ повернулъ назадъ, опять пришелъ къ городу и стоялъ подъ нимъ 15 дней, не въ силахъ будучи взять его. Тутъ онъ заключилъ миръ съ жителями, на томъ условіи, чтобы они выдали ему стрѣлковъ для одного сраженія, въ которое онъ пошлетъ ихъ. Положившись на его слово, жители дали ему 12,000 стрѣлковъ; но какъ скоро этѣ были въ его власти, онъ велѣлъ имъ отрубить пальцы и такъ изуродованныхъ прогналъ назадъ въ городъ. На другой день онъ взялъ приступомъ Испагань, велѣлъ переловить жителей мужескаго пола и всѣмъ, свыше 14 лѣтъ, отрубить галову, а изъ головъ ихъ построить башню по срединѣ города. Мальчиковъ ниже 14 лѣтъ онъ велѣлъ собрать передъ городомъ въ одно мѣсто и далъ приказъ своимъ людямъ проѣхать по нимъ. Несчастныя матери и его собственные совѣтники бросились къ ногамъ его и умоляли о пощадѣ. Но онъ повторилъ свое приказаніе, и когда никто изъ людей его не хотѣлъ быть первымъ, онъ, разгнѣвавшись, погналъ свою лошадь и закричалъ: «Теперь посмотрю, кто не послѣдуетъ за мной.» Такъ и проѣхалъ два раза со всѣми своими провожатыми по невиннымъ дѣтямъ и задавилъ ихъ семь тысячъ. Потомъ зажегъ городъ и потащилъ съ собою женщинъ и дѣтей женскаго пола въ свою землю, гдѣ вскорѣ потомъ и умеръ въ столицѣ своей, Самаркандѣ.

По смерти Тимура, Шильдбергеръ поступилъ на службу къ его сыну, Шахъ-Року и находился въ вспомогательномъ войскѣ, которое послалъ этотъ на помощь своему брату, Миранъ-Шаху, царствовавшему въ одной части Персіи, противъ Туркоманскаго Эмира, Кара-Юсуфа, который завладѣлъ Месопотаміей; когда же Миранъ-Шахъ былъ разбитъ и обезглавленъ, Нѣмецкій воинъ достался его брату, Абубекру. У этого проживалъ въ то время и

Зегра, сынъ Повелителя большой Татаріи, и собирался уже воротиться на родину, чтобы вступить на престолъ отцовъ. Съ нимъ пошелъ и Шильдбергеръ, уже привыкшій къ непостоянной странническої жизни, вмѣстѣ съ 5-ю другими ратниками, хотѣвшими испытать свое счастье, и, послѣ труднаго путешествія кругомъ Каспійскаго моря и Аральскаго озера, прибылъ благополучно въ большую Татарію. Земли и города, черезъ которые лежалъ путь, едва можно узнать въ переиначенныхъ названіяхъ записокъ Шильдбергера: замѣтимъ только, что послѣдняя земля, черезъ которую они проходили, называлась Сетцалемъ и была очень гориста. Тамъ жило много Христіянъ, подъ начальствомъ одного Епископа; ихъ Священники слѣдовали уставу Францисканскаго Ордена, но не понимали по Латини, а пѣли и читали свои молитвы на Татарскомъ языкѣ, и тѣмъ самымъ обратили въ Христіянство многихъ язычниковъ, которымъ немного было надобности до непонятной для нихъ Латыни.

Когда Зегра прибылъ въ станъ сильнаго вождя Эдига (Едигея), который имѣлъ рѣшительное вліяніе на замѣщеніе престола, онъ нашелъ его наготовѣ въ походъ въ землю Ибиссибуръ (Сибирь), и тотчасъ же присоединился къ нему съ своими провожатыми. Въ дорогѣ провели они два мѣсяца и много перенесли нужды. Въ землѣ Ибиссибуръ, говоритъ разсказъ, есть горы, которыя тянутся на 32 дня пути, и къ нимъ примыкаетъ степь: думаютъ, что она составляетъ конецъ земли и необитаема изъ за гадовъ и дикихъ звѣрей. Люди, живущіе въ горахъ, кромѣ рукъ и лица, по всему тѣлу поросли волосами, рыщутъ точно дикіе звѣри и кормятся листьями и травою. Кромѣ другихъ, неизвѣстныхъ въ Нѣмецкой землѣ, дикихъ звѣрей, тамъ есть и дикія лошади, ростомъ съословъ, и такія большія собаки, что запрягаютъ въ телѣги и сани, также и ѣдятъ. Между туземцами, исповѣдающими Христіанскую Вѣру, ведется такой обычай: молодыхъ людей, умершихъ холостыми, хоронятъ съ музыкою и великимъ торжествомъ, и пируютъ на ихъ могилахъ, а отцы, матери и вся родня сидятъ возлѣ могилъ да плачутъ. Завоевавъ Ибиссибуръ, Зегра пошелъ въ землю Валоръ (Булгарію) и покорилъ ее, а потомъ вернулся въ Татарію, чтобы принять правленіе. Но сдѣсь ему надобно было сражаться съ сильными со-

перниками: нѣсколько разъ онъ терялъ престолъ и снова добывалъ его, пока не убили его наконецъ въ одномъ сраженіи.

По смерти Зегры, Шильдбергеръ, съ пятью товарищами Христіянами, послѣдовалъ за Министромъ этого Государя, который звался Манусцушъ, и долженъ былъ удалиться изъ этой страны въ Кафу на Черномъ морѣ, а оттуда въ Мингрелію. Утомленные путешествіемъ, и, какъ они слышали, только въ 3-хъ дняхъ пути находясь отъ моря, на которомъ, можетъ быть, имъ легко будетъ спастись, они рѣшились покуситься на побѣгъ и покинули своего Государя. Они счастливо добрались до Чернаго моря и, проѣздивъ 4-ре дни по берегамъ его, увидали корабль. Вечеромъ разложили огонь и подали знакъ кораблю, который по случаю былъ Христіянскій. Тотчасъ же нѣсколько людей подъѣхали къ нимъ съ осторожностью въ лодкѣ и спросили, кто они? Отвѣтъ путниковъ, что они плѣнные Христіяне, старавшіеся спастись отъ Невѣрныхъ, нашелъ довѣріе не прежде, пока они не прочитали Отче нашъ, Богородице Дѣво радуйся и Символъ Вѣры. Тогда взяли ихъ на корабль, который плылъ въ Константинополь, но доѣхалъ до этого города только послѣ долгаго плаванія, гонимый бурями и морскими разбойниками. Греческій Императоръ, которому представлялись они, велѣлъ ихъ проводить до устьевъ Дуная, гдѣ они и расстались другъ съ другомъ, чтобы добраться домой ближайшей дорогой. Шильдбергеръ отправился черезъ Молдавію, Угрію, Польшу, Силезію, въ Бреславь, а оттуда, черезъ Мейссенъ, Егеръ, Регенсбургъ и Фрейзингернъ, въ Мюнхенъ, куда и прибылъ благополучно въ 1427 году, къ великому удивленію родныхъ и знакомыхъ, считавшихъ его давно умершимъ. Послѣдующая судьба его и время смерти неизвѣстны.

ШАДИ-КОЯ.

Когда взошелъ на престолъ Шахъ-Рокъ, сынъ Тимура, у котораго служилъ, какъ мы видѣли, Гансъ Шильдбергеръ, онъ отправилъ посольство въ Катай (Китай), по тому что Китайскаго Царя Монгольскіе Князья все еще признавали своимъ верховнымъ Государемъ. Во главѣ посольства, къ которому присоединены были

ученые и живописцы, былъ Шади-Коя, знатный придворный сановникъ, получившій строгое приказаніе вести подробный дневникъ и записывать въ немъ замѣчательности всѣхъ странъ и городовъ, направленіе и качество дорогъ, нравы и обычаи народовъ, пышность дворовъ и образъ правленія во всѣхъ Государствахъ. Знаменитый Персидскій историкъ, Мирхондъ, внесъ этотъ дневникъ въ свое большое произведеніе, до сихъ поръ только отчасти извѣстное въ печати, подъ названіемъ «Чудеса міра.» Вполнѣ ли онъ взялъ его, или только въ извлеченіяхъ, этого мы такъ же не можемъ рѣшить, какъ и того, вѣрно ли переданъ Персидскій подлинникъ въ старинномъ Французскомъ переводѣ, которому мы сдѣсь слѣдуемъ.

Въ Ноябрѣ 1419 года Шади-Коя оставилъ, съ своими товарищами, Гератъ, пребываніе Шахъ Рока, и шелъ, не останавливаясь, на города Самаркандъ и Ташкентъ до границъ Монгольской земли: тутъ ему надобно было остаться на нѣсколько времени, по тому что дороги не совсѣмъ были безопасны, по случаю внутреннихъ смятеній. Когда спокойствіе было возставлено. посольство, къ которому примкнуло сдѣсь еще нѣсколько уполномоченныхъ отъ другихъ Государей, продолжало свое путешествіе и прибыло въ землю Ильдуцъ, гдѣ кочевало племя Іелъ. Подъ именемъ Ильдуца можно разумѣть только возвышенность Малой Бухаріи, по тому что въ этой степи нашли еще ледъ, въ два аршина толщины, хотя это было во время солнцестоянія. Еще труднѣе былъ путь черезъ горный хребетъ, покрытый снѣгомъ, и все общество путешественниковъ, состоявшее болѣе нежели изъ 800 человѣкъ, почти совсѣмъ измученное добралось до города Таркана (Турфана), жители котораго поклонялись огромному идолу, по имени Шакмонуи, съ большою пышностью и въ великолѣпномъ храмѣ. Итакъ находимъ сдѣсь служеніе Индѣйскому Буддѣ, по тому что основатель его, родомъ изъ семейства Сакія, носитъ обыкновенно названіе Сакія-Муни. Въ степи Коби, гдѣ только послѣ двухъ дней пути можно было найти воду, видѣли много дикихъ звѣрей, особливо львовъ и воловъ. Послѣдніе были такъ велики и сильны, что однимъ ударомъ легко могли повалить и коня, и всадника. Ихъ длинноволосые хвосты были въ высокой цѣнѣ по всей Азіи, по тому что

носили ихъ въ видѣ украшенія на длинныхъ шестахъ, или привязывали къ шеямъ лошадей, либо употребляли вмѣсто опахалъ отъ мухъ.

Когда послы находились еще въ 12 ти дняхъ пути отъ пограничнаго Китайскаго города Секчеу (Со-чеу), на встрѣчу къ нимъ каждый день приходили Китайцы: въ степи, по которой проходила остальная часть дороги, они разбили палатки и угощали въ нихъ усталыхъ путешественниковъ плодами, дичью и другими кушаньями, подававшимися на блюдахъ изъ тонкаго фарфора, также и вкусными хмѣльными напитками, такъ роскошно и изобильно, какъ будьто это было въ городѣ, вдоволь снабженномъ съѣстными припасами. Прежде нежели посольство перешло черезъ границу, надобно было составить подробную перепись всѣмъ лицамъ, къ нему принадлежавшимъ; Китайскій пограничный намѣстникъ, Данкши, заставилъ Шади-Кою поклясться, въ правильности списка его товарищей и въ томъ, что ни какихъ людей, не внесенныхъ туда, нѣтъ въ его свитѣ, при чемъ обратилъ вниманіе на то, что ложь причинитъ много вреда ему и его спутникамъ. По исполненіи этой формальности, строго предписанной Китайскими законами, все общество путешественниковъ приглашено было на большой пиръ. Ихъ ввели въ четвероугольникъ, величиною съ гуфу (нѣсколько побольше десятины), обставленный палатками и такъ плотно обтянутый веревками отъ нихъ, вплетенными одна въ другую, что входить туда можно было только четырьмя входами. По срединѣ стояла большая палатка, подпираемая деревянными столбами и крытая сукномъ; внутри ея, надъ Царскимъ престоломъ, возвышался высокій балдахинъ на двухъ столбахъ, покрытыхъ лакомъ. Налѣво отъ него заняли мѣста послы, направо Китайскіе чиновники. Передъ каждымъ изъ Китайцевъ поставили по одному столу, передъ каждымъ посломъ — по два: одинъ съ мясными кушаньями, а другой съ пирогами и разнымъ вкуснымъ печеньемъ, убраннымъ цвѣтами изъ бумаги и шелка. Напротивъ престола находился поставецъ съ великолѣпною посудой, серебряной и фарфоровой. Толпа музыкантовъ играла веселыя піесы, межъ тѣмъ какъ странно одѣтые молодые люди отпускали разныя шутки; представляли также комедію, въ которой дѣйствующія лица являлись въ маскахъ (личинахъ), изображавшихъ звѣ-

рицыя головы. Больше всего забавлялъ общество искуственный аистъ, расхаживавшій съ ребенкомъ въ клевѣ и дѣлавшій разныя удивительныя движенія и прыжки.

Въ Секчеу отвели посламъ прекрасную квартиру въ большомъ общественномъ зданіи надъ одними изъ городскихъ воротъ: тамъ нашли они съѣстные припасы, постели и все, для нихъ нужное и пріятное, въ достаточномъ количествѣ и отличной доброты; даже прислугу снабдили на холодныя ночи тюфяками и покрывалами, чему не мало дивились Персы, не привыкшіе къ подобнымъ вещамъ: въ самомъ дѣлѣ, Китай и нынѣ единственная страна на Востокѣ, гдѣ путешественникъ можетъ ожидать себѣ удобнаго ночлега. Въ Секчеу, большомъ и крѣпкомъ пограничномъ городѣ, было 16 торговыхъ площадей, очень чисто выметенныхъ и окруженныхъ галереями, въ которыхъ были складочныя мѣста для товаровъ; входъ туда украшалъ рядъ прекрасныхъ картинъ. Храмы, которыхъ видно было очень много въ городѣ, выстроены великолѣпно и содержались очень заботливо, даже кирпичные полы были гладки, какъ зеркало. У дверей каждаго храма стояли вѣжливые молодые люди, принимавшіе чужеземцевъ и показывавшіе имъ внутренность зданія. Но какъ ни изумляла посланниковъ высокая степень Китайской образованности, однако жь, будучи Магометанами, они не могли безъ сильнаго отвращенія смотрѣть на свиней, которыя откармливались во всякомъ домѣ, и на мясо этѣхъ нечистыхъ животныхъ, висѣвшее во всѣхъ мясныхъ лавкахъ. Но чѣмъ дальше углублялись они во внутренность Китая, тѣмъ больше дивились множеству народа, промышленности, строгому порядку и превосходнымъ учрежденіямъ этой замѣчательной страны.

На путешествіе изъ Секчеу до Камбалика (Пекина) они употребили 99 дней, и каждый вечеръ приходили въ большой городъ, гдѣ и ночевали. На всей дорогѣ они видѣли много сторожевыхъ башенъ и почтъ, устроенныхъ въ нѣкоторомъ разстояніи одна отъ другой. Въ каждой изъ тѣхъ башень (каргу), въ 60 аршинъ вышины, стоявшихъ такъ близко другъ къ другу, что съ одной башни можно было видѣть другую — находилось много людей, которые смѣнялись каждые десять дней и обязаны были, при всякой тревогѣ въ странѣ, или при непріятельскомъ нападеніи,

тотчасъ же зажигать на башнѣ огонь и такимъ образомъ быстро увѣдомлять о томъ столицу. Благодаря такому способу, извѣстіе пробѣгало трехмѣсячное разстояніе въ одни сутки. Почты (кидифу) находились одна отъ другой въ трехъ миляхъ и такъ хорошо были устроены, что посольство, для котораго нужно было 450 лошадей и муловъ да 56 телѣгъ, вездѣ снабжалось всѣмъ этѣмъ въ одну минуту. Въ фуры не запрягали лошадей, каждую таскали 12 сильныхъ человѣкъ до ближняго ночлега, какъ бы ни была затруднительна дорога. Въ Камчу (Канчеу), въ одномъ храмѣ, котораго каждая сторона была въ 500 аршинъ ширины, посланники видѣли изваяніе спящаго Бога, сплошь вызолоченное; въ 50 аршинъ длины, руки и ноги имѣли 9 футовъ длины, а голова была въ объемѣ 20 футовъ. Одна рука лежала у него подъ головою, другая была протянута по боку. Къ этому идолу, по имени Саманифу, люди стекались толпами и покланялись ему. Позади его и надъ нимъ видно было множество другихъ идоловъ, однако жь только въ 1 аршинъ вышиною. Вокругъ большаго храма стояли еще маленькія часовни, украшенныя парчевыми занавѣсками, вызолоченными креслами, подсвѣчниками и красивыми сосудами. Въ Камчу посланники насчитали 8 такихъ храмовъ, но больше всего удивила ихъ одна изъ тѣхъ вертящихся башень, которыя часто рисуются на Китайскихъ картинкахъ; дневникъ Шади-Коя описываетъ ихъ въ первый разъ. Подвижная башня въ Камчу была восьмистороняя, о 15-ти ярусахъ, каждый въ 12 аршинъ вышины, со многими комнатами, въ которыхъ были прекрасно покрытыя лакомъ стѣны; вокругъ комнатъ каждаго яруса шла галерея, украшенная множествомъ картинъ: одна изъ нихъ представляла Царя на престолѣ, окруженнаго красивыми мальчиками и дѣвочками. Вся башня, у которой внизу стояли изваянія великановъ, державшія ее, по видимому, была деревянная и такъ искусно вызолочена и выполирована, что походила на вылитую изъ чистаго золота. Въ сводѣ подъ зданіемъ, на крѣпкой доскѣ, вертѣлась желѣзная ось, проходившая во всю длину башни; она поворачивалась съ нею, куда угодно.

Когда послы доѣхали до Камбалика, ихъ еще до разсвѣта отвели на Дворцовый дворъ, гдѣ они застали уже до 300 тысячъ человѣкъ: между ними было 2000 музыкантовъ и пѣвчихъ, которые пѣли пѣсни за здоровье Императора; 2000 другихъ вооруже-

ны были бердышами, палками, дротиками, копьями, стрѣлами, мечами и палицами, чтобы удерживать толпу народа; что стоило имъ не малаго труда; у другихъ были зонтики и опахала. Кругомъ двора шли крытыя галереи съ рѣшетками, и въ нихъ стояли постели. Только что разсвѣло, подали знакъ барабанами, трубами, дудочками и колоколомъ, и потомъ отворили ворота, ведущія во внутренность Дворца. Черезъ этѣ ворота посольство протѣснилось съ народомъ на внутренній дворъ, также окруженный галереями. Тамъ возвышался трехъугольный помостъ, въ четыре аршина вышины, покрытый желтымъ атласомъ, золотою парчой и шитыми тканями; на немъ вездѣ нарисована была птица Симоргъ или Царская (знакъ Китая). По срединѣ помоста находился престолъ изъ литаго золота, по обѣ стороны возлѣ него стояло рядами великое множество Государственныхъ сановниковъ; у каждаго въ рукѣ была дощечка, на которую онъ постоянно смотрѣлъ, не обращая вниманія ни на что другое. За ними находились стражи, также наблюдавшіе глубокое молчаніе. Наконецъ вышелъ изъ комнатъ Императоръ и взошелъ на престолъ по 9-ти серебрянымъ ступенямъ. Онъ былъ средняго роста, съ жидкою, много что изъ 300 волосъ, бородою по самую грудь. По обѣимъ сторонамъ престола стали явившіяся съ нимъ красивыя дѣвушки съ непокрытымъ лицомъ и шеей; волосы у нихъ были заплетены узлами, и въ ушахъ были серьги изъ большихъ жемчужинъ. Каждая имѣла въ рукахъ перо и бумагу, и съ большимъ вниманіемъ записывала каждое слово, сказанное Императоромъ. Когда Императоръ послѣ пріема удалялся, онѣ подавали ему свое писанье; каждый разъ онъ просматривалъ его, и потомъ отдавалъ въ Государственный Совѣтъ, если не находилъ ничего измѣнить въ своихъ приказаніяхъ.

Когда Императоръ усѣлся на престолѣ, введены были посланники и съ ними 700 преступниковъ. Нѣкоторые изъ этѣхъ послѣднихъ были привязаны за шею другъ къ другу; у другихъ головы и руки были продѣты въ доску, такъ что обыкновенно шестеро сдерживались одною доскою. Сверхъ того, каждый имѣлъ при себѣ сторожа, который держалъ его за волосы до тѣхъ поръ, пока не послѣдуетъ приговоръ Императора. Большая часть преступниковъ отдѣлались тюремнымъ заключеніемъ, и только немно-

гіе осуждены на смерть. Одному Императору принадлежитъ право смертнаго приговора, а потому злодѣи со всего Царства приводились въ столицу, какъ бы ни было далеко разстояніе: преступленіе каждаго надписывалось на дощечкѣ, привязанной у него на шеѣ. При изслѣдованіяхъ поступаютъ съ большою осторожностью, и Императоръ двѣнадцать разъ собираетъ Совѣтъ объ одномъ и томъ же случаѣ, прежде нежели произнесетъ смертный приговоръ. Когда преступниковъ удалили, одинъ придворный сановникъ привелъ пословъ, поставилъ ихъ въ 15-ти шагахъ отъ престола, и потомъ на колѣнахъ прочелъ бумагу о томъ, откуда и зачѣмъ пришли посланники, какіе подарки принесли съ собою, и готовы ли они бить челомъ Императору до земли. Потомъ они стали на колѣни, какъ было имъ приказано, но, вмѣсто того, чтобы поклониться до земли, они только три раза наклонили голову. Подавъ свои грамоты и подарки и отвѣтивъ на нѣсколько вопросовъ о здоровьи Шахъ-Рока, они получили отъ Императора приказаніе встать и идти на пиръ, для нихъ приготовленный, чтобы подкрѣпить себя послѣ дальней, сдѣланной ими, дороги. Послѣ пира они были отведены въ свое жилье, которое состояло изъ многихъ комнатъ и представляло всѣ удобства. Въ главной комнатѣ нашли постель, — возвышеніе, съ лежавшими на немъ шелковыми подушками, жаровню и большой тазъ; къ этой комнатѣ справа и слѣва примыкало много другихъ комнатокъ, также съ постелями, подушками и коврами, такъ что каждый посолъ могъ располагать особеннымъ помѣщеніемъ и необходимою утварью — столомъ, жаровнею, блюдомъ и ложкой. Ежедневно давали имъ на шесть человѣкъ одну овцу, гуся и по парѣ другихъ птицъ, двѣ осьмины бѣлой муки, большое блюдо рису, два большіе горшка съ соленьемъ, горшокъ меду, чесноку, луку, соли, разные роды кухонныхъ растеній, бутылку дирапу, очень любимаго напитка у Китайцевъ, да тазъ орѣховъ, каштановъ и другихъ сухихъ плодовъ. Многочисленная, всегда готовая прислуга находилась въ ихъ распоряженіи съ утра до ночи.

Въ бытность посланниковъ Императоръ давалъ для нихъ разные праздники, на которыхъ всегда показывали свое искуство комедіянты, шуты, плясуны и музыканты. Особливо удивлялись послы двумъ флейщикамъ, которые исполняли одну и ту же пье-

су, но такъ, что каждый изъ нихъ одной рукой игралъ на своемъ инструментѣ, а другой на инструментѣ товарища Впрочемъ радость, какую чувствовали Персы отъ почетнаго пріема и обхожденія, чуть было не обратилась въ большое горе по одному случаю. Между подарками, присланными Императору Шахъ-Рокомъ, находилась одна изъ верховыхъ лошадей Тимура, которой придавали особенное достоинство. Императоръ тотчасъ же сѣлъ на нее, чтобы ѣхать на охоту, но не могъ укротить рѣзваго животнаго, былъ сброшенъ и получилъ тяжелую рану. Въ досадѣ на это несчастье, онъ велѣлъ бросить пословъ въ тюрьму: это бы и случилось съ ними, если бы сановники, очень вліятельные при Дворѣ, многими просьбами не выхлопотали имъ прощенія и позволенія воротиться домой. Императоръ лежалъ больной, и потому они сдѣлали свое прощальное посѣщеніе наслѣдному Принцу, который не только благосклонно отпустилъ ихъ, но и далъ имъ въ проводники на обратный путь нѣсколькихъ знатныхъ придворныхъ и вдоволь снабдилъ ихъ всѣмъ нужнымъ. Они покинули Камбаликъ въ Маѣ 1421 года, а въ Сентябрѣ 1422 года прибыли благополучно въ Гератъ.

Хотя дневникъ, который они вели, и не сообщаетъ ни какихъ новыхъ открытій для Географіи, однако жь узнаемъ изъ него много замѣчательныхъ подробностей о Китайскомъ бытѣ. Впрочемъ странно, что въ немъ, такъ же какъ и въ путешествіи Марка Поло, не упоминается о той великой стѣнѣ, о которой такъ много было толковъ; послы, однако жь, должны были переходить ее на путешествіи туда и обратно: можемъ заключить изъ того, что она удивляла только своимъ большимъ протяженіемъ, а совсѣмъ не вышиною и громадностью и не имѣла особенной важности, какъ оборонительное средство Китайской Имперіи отъ пограничныхъ народовъ.

ІОСАФАТЪ БАРБАРО.

Посольствомъ Шахъ-Рока заключается рядъ замѣчательныхъ путешествій, предпринимавшихся въ Восточную Монголію и Китай до открытія морскаго пути въ Индію. Вообще сношенія съ Азіею становятся теперь все рѣже и рѣже, частію отъ того, что измѣнился торговый путь, о которомъ мы упоминали, частію по причинѣ распространенія Турецкаго владычества по всей передней Азіи и разбитой на части Византійской Имперіи. Только Итальянскія государства, особливо Генуя и Венеція, напрасно старались соперничать съ Португальцами, которые привозили въ Европу большую часть Азіятскихъ произведеній изъ первыхъ рукъ, а потому и дешевле. Но еще прежде нежели настала пора открытій, сдѣланныхъ Португальцами и Испанцами, столь вредная для монополіи Итальянцевъ, предпріятія этѣхъ послѣднихъ часто находили помѣху въ Туркахъ, которые усиливались все больше и больше: старанія Генуи и Венеціи привлечь на свою сторону Монголовъ и Персовъ и раздражить ихъ на смертельныхъ своихъ враговъ достаточно доказываютъ, сколько убытковъ они понесли отъ нихъ. Географія и Этнографія получили бы значительныя приращенія отъ пребыванія Итальянскихъ посланниковъ при Западно-Монгольскомъ и Персидскомъ Дворахъ, если бы этѣ государственные люди были такіе же даровитые географы, какъ и дипломаты. Отъ того-то извѣстія объ Азіятскомъ бытѣ очень скудны во 2-й половинѣ XV вѣка: можемъ назвать въ это время одного только путешественника, который заслуживаетъ, чтобы поговорить объ немъ подробнѣе, именно Венеціянскаго купца и посланника, Іосафата Барбаро.* Его извѣстія, сохранившіяся

* «Іосафа или собственно Джіосафа Барбаро, изъ одной старинной Венеціянской семьи, отправился въ 1436 году, въ качествѣ посланника своей Республики, вѣроятно, также въ званіи купца, въ Тану, нынѣшній Азовъ, тогда принадлежавшій еще Генуезцамъ и бывшій главнѣйшимъ рынкомъ Китайскихъ и Индѣйскихъ товаровъ. Барбаро провелъ 16 лѣтъ въ Крыму, объѣздилъ этотъ полуостровъ отчасти сухимъ путемъ, отчасти водою, и тѣмъ самымъ получилъ способы собрать очень подробныя и важныя извѣстія о Татарахъ. Въ двухъ послѣднихъ главахъ говоритъ онъ въ особенности о Россіи и Татарскихъ земляхъ, лежавшихъ отъ него къ югу и востоку.

вполнѣ, доставляютъ много объясненій, которыхъ напрасно будутъ искать въ другихъ мѣстахъ; сверхъ того, ихъ достоинство значи-

---

Въ 1471 году, для служенія своей родинѣ, онъ долженъ былъ сдѣлать путешествіе въ Уссумъ Кассанъ, или, какъ онъ называетъ его, Ассамбей, въ Персіи, чтобы пособить Персамъ военными запасами и благоразумнымъ руководствомъ въ войнѣ съ Турками, и тѣмъ самымъ не дать силы военнымъ предпріятіямъ этого народа противъ Венеціи. Возвратившись наконецъ въ 1479 г. въ отечество, спустя послѣ того восемь лѣтъ, т. е., по словамъ его, въ 1487 году, онъ описалъ оба путешествія, такъ что еще могъ упомянуть въ нихъ, что Русскіе завоевали Казань и Новгородъ, Барбаро умеръ въ Венеціи 1494 года въ глубокой старости. Изъ путешествій Барбаро насъ занимаетъ сдѣсь только первое, изъ котораго очень подробное и съ объясненіями извлеченіе находится въ Forster's Gesch. der geogr. Entdeck. und Schiff. im Norden, S. 203—217, также въ Beckmann's Liter. der älter. Reisebeschreib. Th. I, S. 165—192. Сюда особенно принадлежитъ также разсужденіе, подъ заглавіемъ Giosofat Barbaro въ сочиненіи Зурлы: Di Marco Polo e degli altri viaggiatori Veneziani piu illustri. Vol. II, p. 205—229.

Барбаро вездѣ въ своемъ произведеніи является свѣдущимъ и внимательнымъ наблюдателемъ: отъ чего, при первомъ уже появленіи, оно возбудило всеобщее вниманіе, да и теперь еще очень уважается, по заключающимся въ немъ важнымъ пособіямъ для географіи и исторіи средневѣковой торговли. Долго не соглашались въ томъ, являлись ли когда отдѣльно путешествія Барбаро, или только заключаются въ сборникахъ Манучци и Рамузіо? Хотя послѣднее сообщаетъ, какъ итогъ своихъ изслѣдованій, Бекманъ, столь точный въ другихъ случаяхъ, однако же больше не остается ни какого сомнѣнія въ томъ, что они еще прежде явились въ печати отдѣльною книгою, потому что Маццукелли въ своихъ Scrittori d'Italia T. II, Vol. I, p. 270, называетъ одно изданіе, Venezia 1543, въ мал. осьм., принадлежавшее даже Зурлѣ, и кромѣ того приводитъ еще другое, Venezia 1545 г., тоже въ мал. осьм.

Viaggio di Josafat Barbaro, Ambasciadore di Venetia alla Tana et in Persia. Въ Raccolta di Viaggi publicata da Antonio Manuzio, in Venezia 1543, 8°; 1545, min. 8°, apud Aldum.

Josafa Barbaro gentilhuomo Veneziano, il qual fece due Viaggi, l'uno alla Tana, et l'altro in Persia, ne'quali son descritti i nomi di molte città della Persia, molte particolarità della Tartaria, e del Catajo, con la guerra che Vssumcassan fece con Pangratio Rè di Zorzania. И для Крымскаго путешествія съ слѣдующимъ заглавіемъ: Di Messer Josafa Barbaro Gentilhuomo Venetiano il Viaggio della Tana. Въ Raccolta di Ramusio Vol. II, p. 91—98, гдѣ также есть Lettera dello stesso Giosafat Barbaro scritta al R. Monsignor Piero Barocci,

тельно увеличиваетъ еще то замѣчаніе, что наблюденія Барбаро въ самой полной мѣрѣ оказываются вѣрными, благодаря извѣстіямъ новѣйшихъ путешественниковъ.

Іосафатъ Барбаро происходилъ отъ древняго знатнаго рода въ Венеціи и посвятилъ себя торговлѣ, подобно большей части своихъ согражданъ. Чтобы вести ее съ успѣхомъ, онъ сдѣлалъ въ 1436 году путешествіе въ Тану (Азовъ), тогдашнее главное складочное мѣсто Индѣйскихъ и Китайскихъ товаровъ, и въ продолженіе 16 лѣтъ исходилъ оттуда во всѣхъ направленіяхъ значительное пространство земли, извѣстное въ Среднихъ вѣкахъ подъ именемъ Кипчака или Татаріи и заключавшее въ себѣ часть южной Россіи между Днѣстромъ и Ураломъ. Большое пространство на южной границѣ Татарской земли, называемое Аланіею, населено было прежде Аланами, Христіянскимъ народомъ, побѣжденнымъ и выгнаннымъ Татарами. Тамъ вездѣ было видно множество малыхъ, насыпанныхъ людьми, холмовъ, которыми туземцы обозначали мѣста своихъ могилъ. На каждомъ лежалъ большой камень, съ дирою по срединѣ, въ которую воткнутъ былъ каменный крестъ. Въ этѣхъ могилахъ, по словамъ многихъ, достойныхъ вѣроятія людей, спрятаны были большіе клады, и общество Венеціянскихъ купцовъ, между которыми находился и Бар-

---

Vescovo di Padova, nella qual si descrive l'erba del Bartracan (по Палласу, изъ рода Heracleum), che usano i Tartari per lervi vere; его нѣтъ у Мануція.

Полное изложеніе Viaggio alla Tana, большею частію справедливо признающее его достоинство, по Бекману, находятъ въ di Marco Pollo Зурлы. Vol. II, p. 207—212, и Латинскомъ извлеченіи изъ путешествія въ Персію, въ Эльзевиревой Persia seu regni Persici status. Ed. sec. Lugd. Bat. 1647, 24°, p. 207—221. Барбаро переведенъ только по Латини и по Русски. Не совсѣмъ вѣрный и не надежный Латинскій переводъ — Якова Гейдера (Geuder) изъ Герольцберга находится въ Scriptoribus Rerum Persicarum. Francof.— Онъ же слово въ слово повторенъ въ Georgii Hornii Ulyssea sive studiosus peregrinans omnia lustrans littora. Francof. et. Lips. 1671, 12°, p. 357, 412, 495.—По русски путешествіе въ Тану переведено было съ текста Рамузіо Васил. Семеновымъ подъ названіемъ: Путешествіе въ Тану Іосафата Барбаро, Венеціянскаго дворянина; переводъ съ Итал. В. С. Вмѣстѣ съ Итальянскимъ подлинникомъ напечатано въ его: Библіотека иностранныхъ писателей о Россіи; отдѣленіе I, томъ I, С.-Петербургъ. 1836, въ большую восьмуш., стр. VI—XVI».

баро, принялось было за откапываніе, съ немаловажными издержками, однако жь оно не имѣло ни какого успѣха.

Въ бытность Барбаро въ Танѣ, мимо этого города проходило Монгольское войско, шедшее для вторженія въ Кипчакъ. Имъ начальствовали Князья Наврусъ, сынъ могущественнаго Гедига (Едигея), силою обратившаго Монголовъ въ Исламъ и упоминаемаго у Шильдбергера, и Хези-Магаметъ (Малый Мугамедъ), происходившій изъ рода Великихъ Хановъ: возмутившись противъ Улу-Магамета (Великаго Мухамеда), Кипчацкаго Хана, они хотѣли дать ему сраженіе и вели съ собою такое множество народа, что со стадами и обозомъ занимали пространство въ 60 часовъ пути. Когда они повалили Астраханскою степью къ Танѣ, сильный ужасъ распространился въ этомъ городѣ: заперли городскія ворота. Еще за цѣлый мѣсяцъ до прихода войска явилось пятеро всадниковъ, которыхъ и впустили въ городъ; на вопросъ Консула, они отвѣчали, что сдѣлали эту поѣздку для своего удовольствія; спустя часъ потомъ они уже продолжали свой путь. На слѣдующій день опять пріѣхало нѣсколько всадниковъ: такъ проѣзжали они ежедневно, только число ихъ постепенно увеличилось до ста. Напослѣдокъ прибыли и сами вожди и разбили станъ подъ самымъ городомъ; Консулъ велѣлъ посольству, во главѣ котораго находился Барбаро, отправиться къ этѣмъ вождямъ и отнести имъ подарки. Они помѣстились въ одной старой мечети и приняли очень милостиво пословъ, которые поручили ихъ покровительству городъ и его жителей. Хези-Магаметъ, ласково говорившій съ Барбаро, вдругъ громко захохоталъ, сплеснулъ руками и наконецъ проговорилъ: «Чтобы это была за земля такая, гдѣ у троихъ человѣкъ только три глаза»? Теперь только поняли причину его веселости: трое служителей, принесшіе подарки, по случаю были всѣ кривые. На другое утро вожди отправились дальше: за тѣмъ цѣлые шесть дней тянулись сплошною громадою такія многочисленныя стада верблюдовъ, лошадей, воловъ, овецъ и другаго скота, что покрывали всю равнину, сколько было видно ее съ городскихъ стѣнъ. Походъ имѣлъ счастливый успѣхъ, и Хези-Магаметъ вступилъ на престолъ изгнаннаго Улу-Мехмета.

Барбаро описываетъ страны, лежащія къ сѣверу отъ Чернаго и Каспійскаго морей, и называетъ разныя племена, рѣки и замѣчательные города; но мы не можемъ слѣдовать за этѣмъ, слишкомъ вдающимся въ частности, разсказомъ, не смотря на его важность для топографіи сихъ странъ, и выбираемъ только нѣкоторыя замѣчанія о Россіи, Моксіи и Грузіи. Плывя вверхъ по Ледилю (Волгѣ), пріѣзжаютъ въ землю Россію, въ которой замокъ Моско (Москва) лежитъ на горѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ лѣсомъ. Вся страна очень хлѣбородна и такъ богата рогатымъ скотомъ, что мясо очень дешево и продается кусками безъ вѣса. Зимою очень холодно и рѣки замерзаютъ такъ твердо, что по ледяному покрову можно ѣздить верхомъ и въ повозкѣ. Около этого времени привозятъ на рынокъ цѣликомъ битыхъ воловъ и свиней, и ставятъ ихъ на замерзшія, какъ камень, ноги; покупщики должны брать цѣлыми тушами, по тому что онѣ крѣпки, точно мраморъ, и рубить ихъ нельзя. Плоды плохо растутъ въ этой сторонѣ: только и есть яблоки да орѣхи. Совсѣмъ не знаютъ и винограда, а по тому варятъ напитки изъ проса и меда съ примѣсью цвѣтовъ хмеля, похожіе на вино и пиво и опьяняющіе быстро. Такъ какъ жители этой страны до того предавались пьянству, что пренебрегали своими занятіями и дѣлали разныя безчинства, то Князь Московскій запретилъ варить пиво и медъ и разводить хмель, и такъ заставилъ ихъ вести трезвую жизнь. Если въ этѣхъ краяхъ хотятъ предпринять дальнее путешествіе, то поджидаютъ зимы, по тому что тогда очень грязная земля крѣпко замерзаетъ и по ней легко можно ѣздить въ саняхъ, которыя употребляютъ сдѣсь вмѣсто повозокъ. Всѣ Русскіе —Христіяне и слѣдуютъ обрядамъ Греческой Церкви, а пограничные съ Россіею Моксіи (Мордвины, въ нынѣшнихъ Русскихъ губерніяхъ Казанской и Оренбургской) еще идолопоклонники и имѣютъ странные богослужебные обряды. Въ опредѣленное время года они собираются въ кружокъ около лошади и привязываютъ четыре ноги ея къ четыремъ сваямъ, а голову къ пятой сваѣ; потомъ одинъ изъ нихъ беретъ лукъ и стрѣлы и на порядочномъ разстояніи стрѣляетъ до тѣхъ поръ въ сердце лошади, пока она не околѣетъ. Потомъ сдираютъ съ нея шкуру, набиваютъ ее соломой и ставятъ на помостъ изъ древесныхъ прутьевъ, гдѣ и покланяются ей и приносятъ въ жертву соболей, горностаевъ и ли-

сицъ, которыхъ и вѣшаютъ на окрестныхъ деревьяхъ. Мясо убитой лошади, по окончаніи религіозныхъ обрядовъ, съѣдаютъ. Не лучше обычаи и въ Грузіи, странѣ, изобильной хлѣбомъ, виноградомъ, мясомъ, рожью и другими плодами. Туземцы, красивый и статный народъ, брѣютъ себѣ голову, кромѣ не многихъ волосъ, которые оставляютъ вокругъ и носятъ усы длиною съ $^{1}/_{4}$ аршина, накрываются пестрыми шапками, украшенными перомъ. Длинный, тѣсный камзолъ плотно охватываетъ тѣло, назади у него разрѣзъ до бедеръ, чтобы можно было влѣзать на лошадь; ноги и колѣнки вставляютъ въ длинные сапоги, которые такъ дѣлаются, что только носокъ и каблукъ касаются пола, а подошва такъ далеко отъ него, что легко можетъ пройти подъ нею кулакъ. Образъ жизни этѣхъ людей очень простъ, а пища состоитъ почти изъ одного проса и свинины, которую такъ мало варятъ на угольяхъ, что она даетъ еще кровь, когда ее рѣжутъ; просо варятъ въ водѣ безъ соли, безъ жиру и безъ всякихъ другихъ приправъ, кладутъ по срединѣ стола и ѣдятъ точно салатъ.

Мы ограничиваемся этѣми немногими замѣчаніями Барбаро о нѣкоторыхъ Азіятскихъ народахъ, по тому что остальныя его извѣстія больше топографическаго содержанія, коими не можемъ наполнять мѣсто, необходимое для болѣе важныхъ извѣстій другихъ путешественниковъ. Нельзя только, по нашему мнѣнію, умолчать объ одномъ краткомъ его примѣчаніи, присоединенномъ къ описанію полуострова Хазаріи (Крыма), по тому что оно относится къ Нѣмецкому племени. У Каффы, на берегу Чернаго моря, лежитъ Готія. Жители этой земли, замѣчаетъ онъ, говорятъ по Нѣмецки: знаю это достовѣрно, по тому что служитель мой, Нѣмецъ, разговаривалъ съ ними, и они понимали другъ друга такъ же хорошо, какъ гражданинъ Форли понимаетъ Флорентинца. Прежде эту береговую полосу населяли Аланы, но наконецъ вторгнулись Готы и завоевали её. — Уже Рубруквисъ, какъ видѣли изъ его путешествія, сообщеннаго выше, говоритъ о Готахъ въ Крыму: строгія изслѣдованія въ этой странѣ, можетъ быть, привели бы къ остаткамъ этого племени и его языка, и тѣмъ пролили бы нѣсколько свѣта на все Нѣмецкое племя.

Послѣ продолжительной остановки въ Танѣ, гдѣ Барбаро оказалъ существенныя услуги живущимъ тамъ Итальянскимъ купцамъ при сбытѣ ихъ товаровъ въ Ханство Кипчакъ, которое хорошо узналъ въ своихъ путешествіяхъ, онъ воротился въ свое отечество, гдѣ пользовался вполнѣ заслуженнымъ значеніемъ. Въ 1473 году Сенатъ послалъ его въ Персію къ Туркоманскому Князю Уссунъ-Гассану (Гассанъ-бегу), чтобы помочь ему совѣтомъ въ войнѣ его съ Турками. Занимая это посольское мѣсто, Барбаро посѣтилъ главнѣйшіе города Персіи и собралъ свои наблюденія въ одномъ, еще существующемъ разсказѣ, который хоть и заключаетъ въ себѣ отдѣльныя хорошія замѣчанія о торговлѣ и ремесленной дѣятельности Персовъ, но слишкомъ занимается топографическими подробностями, такъ что и нечего больше обращать на него вниманіе. Барбаро оставался 5 лѣтъ на своемъ трудномъ мѣстѣ, но работалъ для пользы своего отечества съ такою ловкостію и такимъ успѣхомъ, что по возвращеніи его привѣтствовали общія похвалы, а Сенатъ и народъ обращались съ нимъ съ великимъ уваженіемъ до самой глубокой его старости. Онъ умеръ въ 1494 году.

ФЕРНАНЪ МЕНДЕЗЪ ПИНТО. *

Исторія Португальскихъ завоеваній въ Азіи, которую мы изложили сдѣсь въ нѣсколькихъ бѣглыхъ очеркахъ, при всемъ обиліи славныхъ дѣлъ, почти на каждой страницѣ пробуждаетъ грустное чувство въ душѣ мыслящаго друга человѣчества: нигдѣ не замѣчаетъ онъ благороднаго побужденія для такой рѣшительной, неугомонной дѣятельности, а одну только низкую корысть,

* Слѣдующія два жизнеописанія предлагаются сдѣсь только для общей характеристики Португальскихъ открытій въ Азіи и по тѣсной ихъ связи съ послѣдующими біографіями.

плохо скрываемую подъ видомъ благочестія; она изслѣдуетъ дальнія страны за тѣмъ только, чтобы ограбить ихъ, и заводитъ сношенія съ беззащитными туземцами только для ихъ угнетенія. Слѣдствія такого гнуснаго образа дѣйствій не могли не оказаться: безчеловѣчные завоеватели потеряли большую часть завоеваній, купленныхъ такимъ множествомъ крови, и самые обильные способы ихъ богатства и силы достались другимъ народамъ. Это сужденіе, конечно, можетъ показаться строгимъ, однако жь не найдутъ его несправедливымъ, если бросятъ взглядъ на пагубную дѣятельность Португальцевъ въ Азіи, какою она ясно является въ жизнеописаніи ихъ славнѣйшаго путешественника, отважнаго Пинто.

Фернанъ Мендезъ Пинто родился отъ бѣдныхъ родителей около 1510 года, въ Монтеморѣ о Вельо, близъ Коимбры. Узнавъ необыкновенныя способности мальчика, и желая открыть ему приличное поприще дѣятельности, дядя отвезъ его на 11, или 12, году возраста въ Лисабонъ, на службу къ одному очень знатному господину, который обѣщалъ позаботиться объ его будущности. Однако жь какой-то дурной поступокъ заставилъ Пинто поспѣшно бѣжать и отправиться, въ качествѣ матроса, въ море, на одной каравеллѣ только что снявшейся съ якоря. Но едва она выбралась въ открытое море, какъ и была захвачена Французскимъ морскимъ разбойникомъ, который ограбилъ и потопилъ ее. Годные матросы были оставлены на кораблѣ, а прочіе, между которыми находился и Пинто, совсѣмъ ободранные и послѣ порядочныхъ побоевъ плетьми, брошены на берегу. Какъ ни мало поощряющаго имѣло такое начало морской службы, Пинто, однако жь не поддался страху: онъ рѣшился плыть въ Индію и попробовать счастья въ той землѣ, которой богатства описывали ему въ самомъ заманчивомъ видѣ. Въ Мартѣ 1527 года онъ пустился въ дальнее странствованіе и безъ всякихъ несчастій доѣхалъ до Индѣйской крѣпости Діу, гдѣ тотчасъ же сѣлъ на корабль, плывшій въ Красное море. Въ это плаваніе онъ принималъ участіе въ первомъ морскомъ сраженіи съ Турецкимъ кораблемъ, въ которомъ Португальцы остались побѣдителями. У непріятельскаго начальника потребовали отреченія отъ Магометанства и принятія Христіянской Вѣры; когда же онъ отказался, его растяну-

ли для пытки; но самыя ужасныя муки не могли перемѣнить его образа мыслей: ему скрутили полѣномъ руки и ноги, привязали на шею тяжелый камень и бросили въ море. Послѣ этого постыднаго дѣла пристали къ берегу Абиссиніи, чтобы послать извѣстіе къ Государю этого Царства. Въ числѣ передатчиковъ этого извѣстія находился и Пинто: съ нимъ очень благосклонно обошлась мать Попа Ивана, за то что онъ удовлетворилъ ея любопытнымъ распросамъ объ имени царствующаго Папы и числѣ Христіянскихъ Государей. По возвращеніи посланныхъ, корабль опять снялся съ якоря, чтобы плыть въ Индію, но подвергнулся нападенію превосходнаго числа Турецкихъ кораблей и былъ взятъ ими послѣ упорной обороны. Изъ всего экипажа, доходившаго до 54 человѣкъ, осталось въ живыхъ только 14, между ними и Пинто. Ихъ отвезли въ Мекку, провели въ цѣпяхъ по улицамъ, при насмѣшливомъ хохотѣ и постоянныхъ ругательствахъ бѣшеной черни, и потомъ бросили въ мрачную темницу, гдѣ не давали имъ другой пищи, кромѣ овсяной кашицы и моченаго гороха. Послѣ мучительнаго 17 дневнаго заключенія, въ продолженіе котораго умерло еще четверо товарищей ихъ страданій, они были проданы на базарѣ въ рабство; Пинто имѣлъ несчастіе достаться одному Греческому вѣроотступнику, который обходился съ нимъ 3 мѣсяца съ такою лютостью, что онъ нѣсколько разъ покушался было окончить свои страданія ядомъ. Боясь, чтобы не потерять такимъ образомъ слугу, Грекъ продалъ его Жиду, а этотъ отвезъ его въ Ормусъ, гдѣ онъ выкупленъ былъ Португальскимъ начальникомъ и отправленъ въ Гоа.

Тотчасъ же по пріѣздѣ туда, Пинто поступилъ на службу къ Дону Педро де Фаріа, который собирался тогда въ Малакку, въ званіи тамошняго Намѣстника. Путешествіе въ это Португальское владѣніе въ Задней Индіи кончилось скоро и благополучно. Только что прибылъ Фаріа, къ нему явились послы отъ сосѣднихъ вождей и искали благосклонности, покровительства и помощи у Португальцевъ. Между ними находился также посланникъ Короля Баттовъ, воинственнаго народа на островѣ Суматрѣ: онъ подалъ богатые подарки и просилъ помощи противъ одного очень сильнаго непріятеля. Пинто получилъ приказаніе провожать его и помогать повелителю Баттовъ благоразумнымъ совѣтомъ; сверхъ

того, тайно поручено ему увѣриться въ природныхъ свойствахъ страны, и если она стоитъ труда, приготовить ея покоренie съ помощiю козней и хитрости, самаго любимаго оружiя Португальскихъ Намѣстниковъ. Въ путешествiи по одной области Суматры Пинто видѣлъ столько диковинокъ, что едва осмѣливается разсказывать о нихъ изъ боязни, чтобы не назвали его лгуномъ. Особливо удивилъ его одинъ звѣрь необыкновеннаго сложенiя, который двигался впередъ припрыгивая, точно саранча. Онъ замѣтилъ также огромныхъ змѣй, которые свѣшивались съ высокихъ деревьевъ, обвившись хвостами около пней ихъ, и лежали на землѣ головами, толщиною съ голову теленка. Ему замѣтили, что этѣ животныя подстерегали добычу и имѣли на столько силы, что могли останавливать буйвола, или медвѣдя, неосторожно забредшаго въ ихъ область, и встаскивать его на дерево, чтобы пожирать тамъ. Оставя нѣкоторое преувеличенiе, легко можно узнать въ описанныхъ животныхъ казуара и исполинскую змѣю (Boa constrictor). Впрочемъ, Царь Баттовъ былъ несчастливъ противъ непрiятеля, не смотря на Португальскiй совѣтъ, и Пинто долженъ былъ оставить островъ, не достигнувъ цѣли. На переѣздѣ въ Малакку онъ потерпѣлъ кораблекрушенiе и долженъ былъ провести много дней на пустынномъ берегу, куда забросило его море, въ глубокой тинѣ, подвергаясь жаламъ безчисленныхъ насѣкомыхъ, и въ мучительныхъ опасенiяхъ отъ змѣй и дикихъ звѣрей. Голодная смерть уже не далека была отъ искателей счастья; двоихъ изъ нихъ проглотилъ аллигаторъ при попыткѣ добраться въ бродъ до ближней рѣки; но наконецъ плывшiй мимо корабль взялъ ихъ съ тѣмъ, однако жь разсчетомъ, чтобы попользоваться богатствомъ, какое думали найти у потерпѣвшихъ кораблекрушенiе. Вмѣсто ожиданнаго отдыха, имъ тотчасъ же даны порядочные удары плетьми, чтобы заставить ихъ показать мѣсто, гдѣ они спрятали свое богатство. Когда же это средство оказалось безуспѣшнымъ, увѣрились, что они проглотили свое золото и дали одному изъ нихъ такого сильнаго рвотнаго, что онъ скоро отъ того умеръ. Пинто пощадили отъ такого испытанiя; но только послѣ безконечныхъ страданiй и мукъ, отъ которыхъ погибли всѣ его товарищи, онъ былъ купленъ однимъ купцомъ и отвезенъ въ Малакку.

Едва оправившись на этомъ полуостровѣ, Пинто рѣшился добиваться силою благосклонности счастья другимъ путемъ, и отправился, по торговымъ дѣламъ, въ Пану и Патану, въ Сіамскомъ заливѣ. Вскорѣ по его пріѣздѣ туда, въ Панѣ вспыхнуло возмущеніе, при которомъ Португальскія складочныя мѣста для товаровъ были ограблены, а факторы перебиты. Пинто и сдѣсь счастливо ускользнулъ отъ рѣзни съ нѣсколькими товарищами и добрался до Патаны, гдѣ земляки помогли ему и требовали удовлетворенія у Короля, въ зависимости котораго находилась Пана. Король позволилъ имъ взять на себя это дѣло и удовлетворить себя за понесенные убытки на счетъ мятежнаго города. Они собрались подъ начальствомъ Антоніо де Фаріа, родственника Малаккскаго Намѣстника, главнаго начальника въ Патанѣ, и захватили два торговые корабля, принадлежавшіе купечеству Паны, по показаніямъ, ложнымъ, или справедливымъ, самихъ захваченныхъ Множество награбленныхъ товаровъ было такъ велико, что Фарія не могъ сбыть ихъ въ Патанѣ, но принужденъ отправить въ болѣе населенный городъ, Лугоръ. Корабли, на которыхъ находился и Пинто, приближались уже къ цѣли путешествія, какъ вдругъ напали на нихъ разбойники и захватили ихъ. Корабельные были перебиты; спаслись только Пинто и два матроса, по тому что успѣли еще спрыгнуть въ воду и приплыть къ землѣ, гдѣ долго сидѣли по шею въ тинѣ и напрасно обращались съ мольбою о помощи къ проходившимъ мимо кораблямъ. Наконецъ сжалалась надъ ними какая-то старуха, проѣзжавшая на своей баркѣ, взяла ихъ и ухаживала за ними, пока они не были въ состояніи воротиться въ Патану. Когда они прибыли туда съ своей печальной вѣстью, Антоніо де Фарія, потерявшій все свое богатство, пришелъ въ ужасное бѣшенство, поклялся Евангеліемъ прѣслѣдовать на сушѣ и на морѣ виновника своего несчастія, страшнаго морскаго разбойника, Кою Асема, и не прежде взять отдыхъ, пока не настигнетъ его и не отомститъ ему. Прочіе искатели приключеній, тоже потерявшіе имущество, пристали съ радостью къ этому предпріятію. Съ ними отправился и Пинто, не смотря на то, что могъ еще показать двѣ раны на тѣлѣ и глубокую язву на головѣ отъ прежняго сраженія; корабль, снаряженный поспѣшно, подъ предлогомъ преслѣдованія страшнаго разбойника, вышелъ изъ Патаны 9 Мая, 1540 года, походя и самъ на разбойничье судно.

Счастье сначала помогало предпріятію: грабили открытыя мѣста по берегу, захватывали купеческія суда съ богатыми грузами, не заботясь о томъ, кому они принадлежали, убивали путешественниковъ, не разбирая ни пола, ни возраста, и скоро собрали такую богатую добычу, что рѣшились раздѣлить ее и отвезти въ безопасное мѣсто. Уже находились у Ладроновъ, гдѣ, на другой день, должно было происходить это важное дѣло, какъ вдругъ въ ночи поднялась страшная буря и разбила корабли въ щепы у берега. Искатели счастья, изъ которыхъ только не многіе могли спастись на берегъ, были теперь такъ же бѣдны, какъ и прежде. Фарія не упалъ духомъ и подстрекалъ товарищей къ новымъ усиліямъ, увѣряя, что Богъ послалъ на нихъ такую бѣду за тѣмъ только, чтобы вскорѣ порадовать ихъ еще лучшимъ счастьемъ. Случай оправдалъ его увѣренія. Спустя нѣсколько дней сталъ у острова на якорѣ Китайскій корабль: межъ тѣмъ какъ матросы его безпечно отдыхали на берегу, искатели счастья бросились изъ своей засады, взошли на корабль и уплыли оттуда. Въ открытомъ морѣ повстрѣчали они Китайскаго разбойника и соединились съ нимъ для нападенія на знаменитаго Кою Асема, находившагося, по слухамъ, близко. Они были такъ счастливы, что вскорѣ потомъ и отыскали его и тотчасъ же вступили съ нимъ въ жаркій бой, въ которомъ Фарія самъ убилъ своего заклятаго врага, изрубилъ на четыре части и бросилъ въ воду. Изъ людей Кои Асема избѣжали рѣзни только пятеро: ихъ отвели въ трюмъ, чтобы послѣ пыткою вынудить у нихъ сознаніе, гдѣ начальникъ ихъ пряталъ свои сокровища, на другой день, когда хотѣли ихъ вытащить, они до смерти закусали другъ друга, по тому что другаго оружія не было въ ихъ распоряженіи, а руки и ноги были связаны. Послѣ этой кровопролитной битвы, Фарія вошелъ въ Китайскую пристань Нингпофу, въ которой, за нѣсколько до того времени, поселились Португальцы, и велѣлъ отслужить праздничную обѣдню, чтобы поблагодарить Небо за дарованную побѣду; послѣ обѣдни одинъ старый монахъ прославлялъ, въ напыщенной проповѣди, храбрость Фаріи и людей его и кончилъ замѣчательными словами, которыя показываютъ образъ мыслей проповѣдниковъ вѣры въ Азіи: «Обѣщаюсь Господу безпрестанно славить нашего благороднаго Капитана: онъ заслуживаетъ того больше всякаго другаго въ свѣтѣ за то, что выручилъ мои 5 тысячъ

червонцевъ, похищенныя у меня великимъ псомъ, Коей Асемомъ. Соединимъ нашу неотступную молитву, чтобы душа этого проклятаго плута, этого гнуснаго дьявола, весь вѣкъ горѣла въ аду: молитесь же объ этомъ всѣ со мною. Аминь».

Въ Нингпофу Фарія слышалъ отъ одного Китайскаго морскаго разбойника странный разсказъ объ островѣ Калемплюи, гдѣ должны были находиться гробницы 17 Китайскихъ Царей, всѣ изъ литаго золота и съ разными многочисленными сокровищами. Отъ природы такой же любытный, какъ и жадный до денегъ, Фарія тотчасъ же собрался въ путь и плылъ около 3-хъ мѣсяцевъ въ указанномъ ему сѣверовосточномъ направленіи, по холодному морю, полному отвратительныхъ животныхъ, пока не достигъ благополучно цѣли своей поѣздки. Островъ, котораго надо искать въ Пекинскомъ заливѣ, гдѣ и въ самомъ дѣлѣ находятся гробницы древнихъ повелителей Китайцевъ и Манджурскихъ Татаръ, имѣлъ почти съ милю въ окружности и обнесенъ былъ высокою стѣною изъ плитняка. Въ промежуткахъ возвышаются на ней мѣдные столбы въ 40 футовъ вышины и на каждомъ женская фигура, съ урною въ рукахъ. Внутри этой ограды увидѣли длинный рядъ позолоченныхъ аркъ и множество маленькихъ часовенъ. Искатели счастья вломились въ одну изъ нихъ и нашли множество человѣческихъ костей, перемѣшанныхъ съ серебромъ. Они взяли, что было можно, и рѣшились продолжать грабежъ и на другой день. Но ночью по всему острову запылали предостерегательные огни, и грабители, чтобы не попасться въ руки жителей, сбѣгавшихся со всѣхъ сторонъ съ страшнымъ шумомъ, должны были распустить всѣ паруса и бѣжать какъ можно скорѣе. Въ Нанкинскомъ заливѣ застигла ихъ чрезвычайно сильная буря: это заставило ихъ обрубить мачты и побросать въ море ящики съ накраденнымъ серебромъ. Около полуночи на кораблѣ Фаріи услыхали крикъ: «Господи, помилуй насъ»! по утру его уже не было видно. Другой корабль вскорѣ разбился у ближняго берега: спаслись только 17 человѣкъ, и между ними Пинто. Потерпѣвшіе кораблекрушеніе нигдѣ не принимались Китайцами очень ласково: почти во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ проходили, они получали сильные побои; одинъ разъ поставили ихъ по поясъ въ водоемъ, наполненный піявками, чтобы помучить. Въ Нан-

кинѣ, куда прибрели они полумертвые послѣ невыразимыхъ страданій, ихъ отвели къ судьѣ, который присудилъ ихъ высѣчь розгами, какъ бродягъ и отрубить имъ большіе пальцы. Однако жь они подали жалобу въ высшій судъ, и надъ ними была исполнена только первая часть приговора, а потомъ ихъ принудили отправиться въ Пекинъ. Большую часть дороги они сдѣлали по каналамъ и, проѣзжая по внутренней странѣ, имѣли случай наблюдать въ подробности Китайскій бытъ. Съ изумленіемъ замѣчали великое множество народа, жившаго на рѣкахъ въ судахъ (шампанахъ), превосходный порядокъ во всѣхъ городахъ, мѣстечкахъ и деревняхъ, процвѣтающую промышленность, чудное богатство въ благородныхъ металлахъ, изобиліе всякихъ съѣстныхъ припасовъ, а особливо безпощадное исполненіе правосудія Въ Пекинѣ Нанкинскій приговоръ надъ ними обращенъ былъ въ каторжную работу на годъ въ крѣпости Кванси. Сдѣсь находились они уже 8 мѣсяцевъ, какъ вдругъ пришло извѣстіе, озадачившее всѣхъ, что близко Татарскій Царь съ необозримымъ войскомъ и стоитъ уже передъ Пекиномъ. Вскорѣ потомъ Кванси былъ взятъ непріятелемъ, и Португальцы попали къ Татарскому вождю, которому оказали удачныя услуги при осадѣ множества городовъ; онъ лично отозвался объ нихъ, что они почти такъ же храбры, какъ Японскіе люди. Когда потомъ ихъ представили къ Татарскому Царю, онъ спрашивалъ объ ихъ родинѣ; Португальцы отвѣчали, что страна, изъ которой они пришли, называется Португаліей, Король ея такъ богатъ и силенъ, что и понять нельзя, а дорогу туда можно сдѣлать только въ 3 года. Жители этой страны, подумалъ Царь, должно быть чрезвычайно честолюбивы, либо дома у нихъ очень плохо соблюдается правосудіе, по тому что они отважились въ такія дальнія моря для завоеванія себѣ другихъ жилищъ. Около этого времени послы изъ Кохинхины возвращались отъ Татарскаго Двора домой, и Португальцамъ позволено было итти съ ними, чтобы отплыть оттуда въ Малакку. Въ самомъ дѣлѣ они нашли тамъ корабль, отправлявшійся прямо въ Португальское поселеніе въ Нингпофу. Но въ этомъ пути они вели себя такъ безстыдно и до того не ладили съ экипажемъ, что хозяинъ корабля велѣлъ ихъ высадить на необитаемый островъ, гдѣ скоро они попали къ морскому разбойнику и опять стали вести прежній образъ жизни, который нравился имъ всего лучше.

Однако жь самое первое сраженіе имѣло для нихъ невыгодный исходъ: они принуждены бѣжать, и на сильно поврежденномъ кораблѣ съ трудомъ добрались до незнакомаго для нихъ острова, гдѣ и вошли въ безопасную пристань. На распросы свои, узнали, къ немалому удивленію, что заѣхали на Тинируиау, одинъ изъ Японскихъ островозъ, до которыхъ не добирались еще Португальскіе мореходцы. Намѣстникъ, обходившійся съ ними ласково, получилъ отъ нихъ въ подарокъ ружье, по образцу котораго Японцы тотчасъ же сработали другіе, и такъ искусно, что когда Пинто въ другой разъ посѣтилъ эту страну въ 1556 году, тамъ считалось уже больше 30,000 годныхъ ружей. Когда корабль, получившій течь, былъ поправленъ, искатели приключеній воротились въ Нингпофу и въ самомъ заманчивомъ видѣ описывали тамошнимъ землякамъ своимъ богатство Японіи и выгоды торговли съ нею. Въ слѣдъ за этою вѣстью, черезъ двѣ недѣли, вышло въ Японію девять кораблей, но семь изъ нихъ, отправясь въ путь безъ достаточной подготовки и свѣдущихъ кормчихъ, погибли со всѣми товарами цѣною на 300 тысячъ кронъ. Торговое судно, на которомъ находился Пинто, не желавшій упустить такого выгоднаго случая къ обогащенію, разбилось у острова Ликейо. Жители острова, уже много наслышавшись о жестокостяхъ Португальскихъ морскихъ разбойниковъ, отвели потерпѣвшихъ крушеніе къ своему Царю, который, въ ярости, сначала осыпалъ ихъ ругательствами, а потомъ велѣлъ четвертовать и члены ихъ повѣсить на большихъ дорогахъ. Приговоръ исполнили бы безъ пощады, если бы жены Португальцевъ не съумѣли разжалобить островитянокъ, и выхлопотать черезъ нихъ помилованіе для всѣхъ. Имъ велѣно оставить страну сколько можно скорѣе: они благополучно прибыли въ Нингпофу, откуда Пинто воротился въ Малакку, не наживъ ничего во всѣхъ своихъ отважныхъ предпріятіяхъ. Намѣстникъ, желая доставить ему случай къ вознагражденію его потерь, послалъ его съ порученіями въ Мартабанъ, въ Пегу. Но едва Пинто добрался до мѣста назначенія, тамъ произошла революція: онъ былъ задержанъ и отвезенъ рабомъ въ Аву. Ему посчастливилось убѣжать и воротиться цѣлымъ и невредимымъ въ Малакку. Вторая попытка составить счастье торговыми дѣлами на Зондскихъ островахъ также рушилась, и Пинто въ грустномъ расположеніи духа, поступилъ теперь въ Езуитскій

Орденъ. Въ качествѣ миссіонера онъ посѣтилъ въ другой разъ Китай и Японію, и воротился потомъ въ Португалію въ 1558 году. Онъ представлялся ко Двору и описалъ всѣ бѣдствія, перенесенныя имъ на службѣ отечеству, однако жь не получилъ ни малѣйшей награды. Время кончины его не извѣстно. Долго не давали ни какой вѣры его разсказамъ, часто близкимъ къ чудесному; но когда новѣйшіе путешественники начали распространять точнѣйшія свѣдѣнія о странахъ, посѣщенныхъ Пинто, все больше и больше находило подтвержденія и путешествіе, имъ описанное: Португальцы считаютъ его теперь однимъ изъ лучшихъ произведеній своей литературы; оно переведено на большую часть новѣйшихъ языковъ; никто не станетъ считать его простымъ вымысломъ, какъ необдуманно бывало прежде; нельзя, однако жь оспаривать, что плодовитое воображеніе сочинителя уже черезъ чуръ изукрасило описаніе каждаго страннаго приключенія.

ГЕНДРИХЪ ГАМЕЛЬ.

Между тѣмъ какъ, благодаря усиліямъ Англичанъ для содѣйствія наукѣ и торговлѣ, мало по малу входятъ въ область Географіи и Этнографіи плоскія возвышенности Средней Азіи, многія прибрежныя страны и острова Восточной Азіи, легко доступныя съ моря, все еще упорно избѣгаютъ нашихъ изслѣдованій; но больше всѣхъ ихъ покрытъ глубокимъ мракомъ безспорно полуостровъ Корея: съ сѣвера онъ граничитъ съ Манджуріею, съ сѣверо-запада съ Китаемъ, а съ прочихъ сторонъ омывается моремъ и не много уступаетъ величиною Италіи. Скудными извѣстіями, какія существуютъ объ этой странѣ и ея жителяхъ, мы обязаны почти одному только случаю, который въ 1653 году далъ разбиться одному Голландскому кораблю, а экипажъ, большею частію, уцѣлѣвшій, завелъ въ неволю къ Корейцамъ. Въ числѣ спасшихся находился по счастію и корабельный Секретарь, Гамель: получивъ свободу, онъ описалъ странныя приключенія свои и своихъ товарищей въ простомъ, но все еще очень драгоцѣнномъ, разсказѣ.

Гендрихъ Гамель изъ Горкума, человѣкъ молодой и предпріимчивый, посвятившій себя торговому званію и старавшійся составить свое счастіе въ Голландскихъ владѣніяхъ на Восточно-Азіятскомъ архипелагѣ. 10 го Генваря, 1653 года, покинулъ въ должности Бухгалтера Тексель и, послѣ очень бурнаго затруднительнаго плаванія, присталъ, 1-го Іюня, къ Батавіи, а оттуда корабль его, назначенный въ Японію, запасшись въ короткое время съѣстными припасами, продолжалъ свое плаваніе. По случаю постоянно неблагопріятной погоды, онъ сбился съ дороги и, послѣ долгаго скитанья по морю, былъ разбитъ страшною многодневною бурей и выброшенъ 16-го Августа на берегъ острова Квельпаерта, подвластнаго Кореѣ (33° 11′ сѣв. ш. и 144° 15′ восточ. долг.). Изъ 64-хъ человѣкъ 36 только добрались до берега, большею частію сильно ушибенные; на берегу они устроили изъ парусовъ палатку и старались спасти вещи, оставшіяся еще въ развалинахъ корабля, какъ вдругъ окружены были 2000-ми вооруженныхъ людей, конныхъ и пѣшихъ, закованы въ рогатки и отведены въ Моксо, главное мѣсто острова. Тутъ заперли ихъ въ одно строеніе подъ крѣпкою стражей, снабдили скудною пищей, сначала состоявшей только изъ риса, пшеницы, соли и воды, а потомъ и изъ небольшаго количества мяса, и замѣтили имъ, что судьба ихъ зависитъ отъ отвѣта Корейскаго Короля, которому донесено уже объ ихъ несчастіи. Хотя столица находилась въ 80-ти часахъ разстоянія, но переводчикъ явился только спустя два мѣсяца, чтобы отобрать свѣдѣнія объ отечествѣ чужеземцевъ и цѣли ихъ путешествія. Къ великому своему изумленію, плѣнники тотчасъ же узнали въ переводчикѣ земляка, который передалъ имъ, что назадъ тому 26 лѣтъ онъ взятъ былъ Корейцами въ плѣнъ и, не смотря на всѣ просьбы, не получалъ свободы, и что ихъ постигнетъ та же участь, по тому что законъ этой страны строго предписываетъ не возвращать свободы ни одному иноземцу, вступившему въ Корейскія владѣнія. Впрочемъ онъ обѣщалъ сочинить отъ ихъ имени просьбу къ Королю и похлопотать, чтобы она была уважена. Однако жь рѣшеніе этого дѣла тянулось при Корейскомъ Дворѣ столько же долго, какъ и при другихъ Дворахъ, и только на другой годъ (въ 1654) присланъ приказъ отвести плѣнниковъ въ столицу. Ихъ отправили на кораблѣ, занятомъ сильнымъ войскомъ, сверхъ

того ихъ сковали, чтобы не дать имъ бѣжать; въ столицу Кинг-китао привезли ихъ на лошадяхъ и, спустя три дня по томъ, представили Королю, который расправшивалъ ихъ чрезвычайно подробно чрезъ переводчика. На настоятельныя просьбы узниковъ перевести ихъ въ Японію, чтобы они могли возвратиться къ своимъ женамъ и дѣтямъ на родину, съ помощію живущихъ тамъ ихъ земляковъ, Король холодно возразилъ, что въ Кореѣ не принято отпускать иностранцевъ; впрочемъ, онъ будетъ снабжать ихъ всѣмъ нужнымъ. Потомъ велѣлъ имъ показать себя въ тѣхъ искуствахъ, какія имъ лучше знакомы, а особливо въ прыганьи, пляскѣ и пѣніи. Послѣ этого разговора, вѣрно не очень пріятнаго для нихъ, они получили мясныя, хорошо изготовленныя, кушанья, и два куска сукна на каждаго, чтобы одѣться по Корейски. На другой день они должны были явиться къ начальнику войска и, къ величайшему удивленію, узнали отъ него, что приняты въ Королевскую гвардію и будутъ исправлять службу въ назначенные для того дни. Каждому дали ружье, пороху, свинцу и назначеніе мѣста службы, написанное на листѣ бумаги съ приложенною раскаленнымъ желѣзомъ Государственною печатью. При тщательномъ до боязливости надзорѣ сначала, нельзя было и думать о побѣгѣ: бѣдняки покорились судьбѣ и спокойно исправляли службу, чтобы избѣгнуть побоевъ и обмануть сторожей наружнымъ довольствомъ своею участью Всего тяжеле для нихъ была навязчивость жителей столицы, любопытныхъ до непонятности: почти ежедневно получая приглашеніе въ гости и угощеніе отъ знатныхъ фамилій; они должны были служить потѣхою дѣтей и женщинъ, которыя не могли надивиться бѣлизнѣ ихъ кожи; плѣнники не имѣли покоя отъ нихъ даже на улицахъ и въ своихъ хижинахъ, пока полководецъ строгимъ запрещеніемъ не остановилъ этѣхъ безпорядковъ. Какъ скоро приходилъ посолъ изъ Китая, что бывало ежегодно и съ очень большою свитою, для собиранія Императорской дани, иноземные солдаты запирались въ одной горной крѣпости, чтобы лишить ихъ возможности какихъ либо сношеній съ Китайцами, или освобожденія по ихъ ходатайству; когда же двое изъ нихъ отважились было попытаться уйти съ Китайцами, ихъ догнали и тотчасъ же удавили. Хотя молчаніе посланника куплено значительными подарками, однако жь придворные сановники были въ постоянномъ

страхѣ, чтобы какъ ни будь не узнали ихъ образа дѣйствій, и, во избѣжаніе всякихъ затрудненій, положили перебить чужеземцевъ. Король не согласился на такое жестокое предложеніе, счелъ, однако жь, полезнымъ отправить ихъ въ ссылку въ южныя области страны: тамъ переводили ихъ изъ крѣпости въ крѣпость; часто они едва могли продолжать свое жалкое существованіе. Воинскія упражненія и сторожевая служба были самымъ маловажнымъ занятіемъ: они должны были выдергивать траву въ крѣпости, чистить общественныя мѣста и таскать съ горъ дрова, что было чрезвычайно трудно, особливо въ холодную пору, по тому что платье на нихъ изорвалось, а новаго, вмѣсто его, не шили. Въ добавокъ къ тому насталъ жестокій голодъ, продолжавшійся три года: тамошніе жители принуждены были довольствоваться желудями, еловыми шишками и кореньями, и Правительство, не имѣвшее больше возможности давать чужеземнымъ солдатамъ обыкновенную пищу, въ рисѣ и соли, разрѣшило имъ собирать милостыню внѣ крѣпости, однако жь въ строго опредѣленномъ кругу. Чужеземцы встрѣчали вездѣ большое расположеніе къ себѣ въ народѣ: разсказы о родинѣ ихъ и участи доставили имъ вдоволь платья и съѣстнаго. Теперь только они лично ознакомились съ характеромъ, нравами и образомъ жизни Корейцевъ. Гамель, безспорно, самый образованный и внимательный наблюдатель изо всѣхъ плѣнниковъ, во время такого хожденья по міру, собралъ свои замѣчанія, которыя и сообщаемъ сдѣсь въ возможно сжатомъ видѣ, дополнивъ ихъ нѣкоторыми новѣйшими извѣстіями.

Не много вѣрнаго можно сказать о физическихъ условіяхъ полуострова Кореи, называемаго также землею Каоли; знаемъ только вообще, что онъ состоитъ изъ горнаго хребта, который далеко вдается въ море, кажется продолженіемъ Чане-пешанъ, послѣдней горной ограды Азіятской плоской возвышенности, и въ видѣ полукруга понижается къ югу. Изъ множества судоходныхъ рѣкъ полуострова самыя главныя должны быть Ту-менъ-Кіангъ и Я-лу-Кіангъ, которыхъ воды сини, как перья на утичьихъ головахъ, по словамъ Китайской государственной географіи. Климатъ умѣренный, но въ сѣверной, болѣе гористой, части гораздо холоднѣе, чѣмъ въ южной, гдѣ, однако жь, жары

тоже никогда не достигаютъ очень высокой степени, по тому что Голландцы никогда не говорятъ о неудобствахъ, причиняемыхъ имъ лѣтнимъ солнцемъ, а только о такихъ, какія переносили они зимою ото льда, снѣга, котораго часто выпадало столько, что надобно было прокладывать дорогу отъ одного дома къ другому. Впрочемъ, хорошее время продолжается довольно долго, по тому что землѣдѣлiемъ занимаются съ большимъ прилежанiемъ и успѣхомъ: превосходно растутъ не только рисъ, просо, пшеница и стручковые плоды, но въ южныхъ областяхъ также и пенька, табакъ, хлопчатая бумага, даже не рѣдкость и шелковица. Вмѣстѣ съ землѣдѣлiемъ, кажется, также и скотоводство—главное занятiе Корейцевъ, по замѣчанiю Гамеля, у нихъ есть лошади, рогатый скотъ, овцы, козы, свиньи и другiя домашнiя животныя Европы, также множество птицъ, молочное хозяйство доставляетъ масло и сыръ; не можетъ быть недостатка и въ дикихъ звѣряхъ, особливо въ сѣверной альпiйской странѣ, и волки, медвѣди, олени, соболи, бобры, куницы и прочiе звѣри Манджурiи водятся, кажется, и сдѣсь рѣки кишатъ хорошей рыбой, но служатъ также убѣжищемъ опасныхъ каймановъ, которые не рѣдко бываютъ длиною отъ 30 до 40 футовъ. Изъ металловъ Голландцы во время ихъ плѣна, видали золото, серебро, свинецъ и желѣзо, но не могли узнать ничего обстоятельно о горномъ дѣлѣ, которое, кажется, доставляетъ много занятiй тамошнимъ жителямъ. Гамель хоть и не говоритъ о ремесленной дѣятельности, но шелковыя, хлопчатобумажныя и шерстяныя матерiи на ихъ платьяхъ, прекрасной работы матрацы для спанья и сидѣнья, шляпы, искусно сдѣланныя изъ толстой травы, джонки, превосходно построенныя и снабженныя хорошими парусами и канатами, глиняная и фарфоровая посуда, также и другiя утвари доказываютъ удовлетворительно, что Корейцы въ этомъ отношенiи не уступаютъ Китайцамъ и Японцамъ; очень прочная бумага, выдѣлываемая сдѣсь изъ хлопчатой бумаги, въ Китаѣ предпочитается даже туземной и составляетъ выгодный предметъ торговли. Впрочемъ торговыя сношенiя жителей Кореи не могутъ быть значительны, по причинѣ ихъ замкнутости, доходящей даже до смѣшнаго, и навѣрное ограничиваются только Китаемъ, Японiею и ближайшими малыми островами.

Образъ правленія въ Кореѣ — неограниченная монархія, но Государь — вассалъ Манджурскаго Императора и платитъ ему положенную дань, каждый годъ собираемую черезъ посланника. Корейскіе вельможи не имѣютъ ни какихъ собственныхъ помѣстьевъ, но получаютъ доходы съ пожалованныхъ Королемъ и возвращаемыхъ ему опять по смерти владѣльца, либо съ работъ ихъ рабовъ, которыхъ у иныхъ въ услуженіи многія сотни. При всякихъ выходахъ изъ Дворца, Король является съ большою пышностью, окруженный Государственнымъ Совѣтомъ и гвардіею, сидя на золотомъ тронѣ, который носятъ придворные въ богатыхъ нарядахъ. На улицахъ, которыми идетъ это шествіе, должны быть заперты всѣ двери и окна, и никто не смѣетъ смотрѣть, даже и черезъ стѣну двора: всякой, у кого есть дѣло, долженъ подавать свою просьбу изъ за ширмы изъ бамбуковыхъ прутьевъ чиновнику, назначенному для собиранія такихъ просьбъ; вельможи и солдаты тоже не могутъ смотрѣть на Короля, когда онъ проходитъ мимо ихъ, а должны оборачиваться къ нему спиною; кашель и говоръ также строго наказываются; отъ того и привязываютъ себѣ ко рту маленькую палочку, для предупрежденія упрека въ томъ, что надѣлали шума. Устройство арміи превосходно; а такъ какъ всякой долженъ нести военную службу до 60 года жизни, то можно въ короткое время собрать большое число войска. Солдатъ самъ долженъ доставать себѣ оружіе и все нужное для стрѣльбы; пѣхота носитъ пики, или ружья, и шпаги, конница—луки и стрѣлы и бичи съ желѣзною шишкою. Каждый городъ всегда долженъ держать въ готовности корабль съ 300-ми матросовъ и нѣсколькими пушками, отъ того-то Корея имѣетъ флотъ свыше 200 парусовъ и хоро снаряженный: его разставляютъ въ разныхъ мѣстахъ на берегу не столько для отраженія непріятеля, сколько для того, чтобы не давать приставать иноземнымъ судамъ, или, если это невозможно, строго наблюдать за приставшими. Кромѣ того, для отвращенія всякаго вреднаго вліянія на народъ, весь полуостровъ покрытъ сѣтью карауленъ, служащихъ вспомогательными пунктами для чиновниковъ и вездѣ бродящихъ шпіоновъ. Самая ничтожная попытка къ возстанію противъ правительства не долго можетъ оставаться тайною, и потомъ горе мятежнику! Съ безпощадною лютостью его истребляютъ со всѣмъ его родомъ, съ женами, дѣтьми и род-

ными; имѣніе берутъ въ казну, жилище сравниваютъ съ землею. Законы вообще очень строги: не только убійство, но и другія преступленія, на примѣръ, поношеніе родителей и невѣрность, наказываются смертію; меньшія вины — розгами; воры присуждаются къ смертной казни; однако жь воровство, обманъ и мошенничество — общіе пороки.

Вѣра Корейцевъ хотя Буддистская, введенная еще въ IV столѣтіи нашего лѣтосчисленія изъ Китая, однако жь народъ мало о ней думаетъ и, кажется, совсѣмъ не имѣетъ набожнаго расположенія, хоть и вѣритъ вообще, что добро получитъ награду, а зло наказаніе. По праздникамъ ходитъ и въ храмъ, сожигаетъ благовонныя спички передъ идоломъ, но тѣмъ и ограничивается все богослуженіе. Только монахи, которыхъ великое множество, не пользующіеся, однако жь, ни большимъ уваженіемъ, ни свободой отъ государственныхъ повинностей каждый день два раза совершаютъ куренія въ жертву идолу, съ барабаннымъ боемъ и музыкою, и учреждаютъ торжественные ходы. Они живутъ не женатые въ монастыряхъ, должны воздерживаться отъ мясной пищи, брить головы и бороды, но во всякое время могутъ выходить изъ ордена. Многіе изъ нихъ занимаются обученіемъ молодыхъ людей, которое состоитъ только въ чтеніи и письмѣ. Желающій посвятить себя государственной службѣ, такъ же, какъ и въ Китаѣ, долженъ изучить въ особенныхъ училищахъ богословскія, историческія и юридическія сочиненія и подвергаться публичному испытанію, о послѣдствіяхъ котораго доносятъ Государю. Искуства и науки, вѣроятно, зашли къ Корейцамъ изъ Китая; языкъ и письмена ихъ смѣсь Китайскихъ, Японскихъ и туземныхъ особенностей, но послѣднія стали почти совсѣмъ незнакомы. Новѣйшіе путешественники, Гуцлафъ и Зибольдъ, особенно хвалятъ языкъ Корейцевъ, по тому что онъ благозвученъ и богатъ; Зибольдъ даже знакомитъ насъ съ пѣсенькой, которую и сообщаемъ, по ея краткости, въ вѣрномъ переводѣ; она слѣдующаго содержанія: «Въ свѣтѣ нѣтъ ничего отвратительнѣе паука, который выпускаетъ изъ зада нити и растягиваетъ широкую сѣть, чтобы опутать ею бабочку, которая весело посѣщаетъ цвѣты.»

О первыхъ жителяхъ Кореи знаемъ только то, что они принадлежали къ Средне-Азіятскому племени, теперь исчезнувшему изъ Исторіи, Сіенъ-пе; теперешнее населеніе, до 5-ти милліоновъ душъ, — смѣсь потомковъ этѣхъ первобытныхъ жителей и Манджуровъ, Японцевъ и Китайцевъ, въ разныя времена покорявшихъ полуостровъ Кореецъ вообще выше Китайца ростомъ, сильнаго и крѣпкаго тѣлосложенія, съ соразмѣрными формами, живой, расторопный; впрочемъ, онъ безспорно носитъ на себѣ типъ великой Монгольской породы:—широкое, грубое лицо, выдавшіяся скулы, большія челюсти, приплюснутый кончикъ носа и широкія ноздри, довольно большой ротъ съ широкими губами, особенное, явно скошенное положеніе глазъ, темные, прямые, черноватые, часто съ красно-бурымъ отливомъ волосы на головѣ, густыя брови, жидкая борода и красно-желтый цвѣтъ кожи съ перваго взгляда обличаютъ въ немъ жителя Сѣверо Восточной Азіи. Характеръ его описываютъ мягкимъ и человѣчнымъ, обхожденіе — важнымъ и спокойнымъ, однако жь не угрюмымъ; онъ большой охотникъ поѣсть и попить, однако жь отказывается отъ того и другаго, если не можетъ ничего достать безъ трудовъ и усилій. Эта любовь къ покойной жизни сдѣлала его также и невоинственнымъ: ему жаль всякаго, кому надо сражаться: бѣгство у него не считается безчестнымъ; по тому и большое число Корейскихъ войскъ мало приноситъ пользы на войнѣ: отъ одной небольшой, но рѣшительной, толпы они убѣгаютъ въ лѣса и горы, гдѣ гибнутъ отъ нужды и страха. Даже въ обыкновенной жизни они оказываются чрезвычайно трусливыми, а если появляются заразительныя болѣзни, отчаяніе дѣлается всеобщимъ: больному нечего ожидать ни ухода, ни медицинской помощи; его сейчасъ же выносятъ изъ города въ поле въ соломенный шалашъ, гдѣ онъ и остается лежать, и никто не посмѣетъ подойти къ нему до тѣхъ поръ, пока онъ самъ не подымется на ноги, или смерть не прекратитъ его страданій. Когда болѣзнью заражены цѣлые города и деревни, ихъ огораживаютъ терновымъ плетнемъ и предоставляютъ судьбѣ ихъ. Печаль по умершихъ продолжается очень долго, какъ и въ Китаѣ: дѣти оплакиваютъ родителей цѣлые три года; во все это время они должны держать строжайшій постъ, точно монахи, не могутъ исправлять ни какой должности, ни вступать въ бракъ, ни мыться, и появляют-

ся въ народѣ не иначе, какъ въ грубой пеньковой одеждѣ, шляпѣ, плетеной изъ соломы, и съ палкою въ рукѣ. Впрочемъ Кореецъ страстно дожидается конца этого, очень неудобнаго для него, траура, по тому что неохотно отказывается отъ обыкновенныхъ своихъ удовольствій и очень дорожитъ изысканною одеждою. Цвѣтъ платьевъ — у знатныхъ шелковыхъ, у простыхъ хлопчато-бумажныхъ, по большой части бѣлый, и только въ рѣдкихъ случаяхъ синій. Мужчина носитъ камзолъ, достающій до бедеръ и широкіе панталоны: оба этѣ платья подбиваются ватой; на ногахъ носки; вмѣсто башмаковъ служитъ родъ соломенныхъ сандалій, у женщинъ и дѣтей красиво переплетенныхъ съ цвѣтною бумажной матеріей; волосы на головѣ скручиваются въ похожую на узелъ косу; но совершенно оригинальнымъ нарядомъ является повязка на лбу (мангонгъ), чрезвычайно искусно связанная изъ конскихъ волосъ въ видѣ сѣти и выглядывающая изъ подъ шляпы, которая прикрываетъ голову отъ дождя и солнца; эта шляпа съ большими и широкими полями, соломенная, или бамбуковая, и обита лощенымъ ситцемъ. Зимою замѣняетъ ее шапка, похожая на шлемъ и подбитая мѣхомъ. Одежда женщинъ почти такая же, только дополняется короткимъ камзоломъ со складками, привязаннымъ около бедеръ. Волосы либо заплетены въ косу и приколоты дорогою булавкой, либо распущены и вдоль темени раздѣлены на двѣ половины, либо заплетены за уши къ затылку. Оба пола употребляютъ зонтики отъ солнца и опахала; на украшеніе ихъ не рѣдко тратятся очень значительныя суммы. Больше всего недостаетъ опрятности, такъ необходимой при бѣлыхъ платьяхъ, особливо между низшими сословіями; въ жилищахъ тоже грязь очень непріятно бросается въ глаза; дома знатныхъ въ городахъ хотя устроены очень пышно и роскошно, по разсказамъ Гамеля, однако жь позднѣйшіе путетешественники видали на берегахъ однѣ бѣдныя деревни и плохія хижины, сложенныя изъ тростника и обмазанныя глиной, почти недоступныя изъ за грудъ помета и лужъ; въ города до сихъ поръ еще никому не удавалось проникнуть, однако жь легко можно предполагать, что знатные и богатые все еще живутъ такъ же роскошно и находятъ удовольствіе въ пирахъ, пѣніи, музыкѣ и пляскѣ, какъ и въ то время, когда приглашались на такія пиршества плѣнные Голландцы. Этѣмъ послѣднимъ бросались въ глаза

особливо великолѣпные дворы, убранные цвѣтами, бесѣдками и водоемами, по видимому, назначенные преимущественно для забавъ и игръ; рѣже входили они внутрь домовъ, однако жь и сдѣсь легко могли замѣтить большую разницу въ устройствѣ и убранствѣ; комнаты высшихъ сановниковъ и богатыхъ купцовъ были очень просторны и разсчитаны для пріема и угощенія множества друзей и гостей, потолки и стѣны оклеены бѣлою и цвѣтною бумагой, полы выпуклые, чтобы можно было топить комнаты снизу; покои женщинъ, отдѣленные строго, находились позади зданія, потому что и въ Кореѣ женскій полъ живетъ въ рабской зависимости; впрочемъ содержатся взаперти однѣ только женщины высшихъ сословій; въ низшихъ онѣ раздѣляютъ съ мужьями не только домашнія занятія, но даже и полевыя работы. Многоженство хотя позволительно, однако жь одни богатые придерживаются этого дорогого обычая; для многихъ онъ кажется тѣмъ излишнѣе, что мужъ за всякой вздоръ, не давая отчета, можетъ прогонять жену, которая должна еще брать съ собою и кормить дѣтей отъ нея. Хотя населенность такимъ образомъ растетъ быстро, но можетъ оказывать одно вредное вліяніе на супружескія связи; въ самомъ дѣлѣ, Гамель не приводитъ ни какого выгоднаго примѣра нравственности цѣлаго народа.

Послѣ этого описанія Корейцевъ, которые, безъ сомнѣнія, заставляютъ желать еще многого, мы возвращаемся къ плѣннымъ Голландцамъ. Они бродили по міру долго и старались все ближе подвигаться къ берегу. Мало по малу они внушили сторожамъ такое довѣріе къ себѣ, что имъ даже дозволили ѣздить въ бухтахъ изъ мѣста въ мѣсто: такъ въ 1666 году, при одномъ благопріятномъ случаѣ, они успѣли подальше отъѣхать отъ берега на большой баркѣ и выбраться въ открытое море. Погода стояла благопріятная, къ ихъ счастію: пробираясь отъ острова къ острову, отъ утеса къ утесу, они въ двѣ недѣли добрались до Голландской факторіи въ Нангасаки въ Японіи. Отдохнувъ тамъ отъ понесенныхъ трудовъ, они поѣхали въ Батавію, а оттуда въ свое отечество, куда и прибыли 20 Іюля, 1668 года, къ великому удивленію своихъ родныхъ, уже давно не сомнѣвавшихся въ ихъ смерти, и внушили всеобщее участіе къ себѣ разсказомъ о своихъ приключеніяхъ. Послѣ нихъ ни одинъ Европеецъ не за-

глядывалъ опять во внутренность полуострова; отдѣльныя береговыя полосы осматривали новѣйшіе мореплаватели: Ла-перузъ (1787 года), Бругтонъ (1797) и Крузенштернъ (1806); другіе, Макевелль и Базиль Галль, описали ихъ подробнѣе; только въ новѣйшее время (1832) Капитанъ Линдсей и миссіонеръ Гуцлафъ отважились снова пристать къ нимъ и попытались войти въ дружескія сношенія съ жителями. Пріѣхавшіе чиновники пришли въ большое отчаяніе и безпрестанно объясняли знаками, что имъ перерѣжутъ горла и переломаютъ ребра за сношенія съ иноземцами; переговоры съ ними не имѣли ни какихъ послѣдствій, и послѣ трехнедѣльнаго пребыванія, во все время котораго корабль опасливо стерегли со всѣхъ сторонъ, серьезно и рѣшительно не давали экипажу его посѣтить ни какого населеннаго мѣста, путешественники получили отвѣтъ, чтобы удалились какъ можно скорѣе, если не хотятъ, чтобы съ ними поступлено было, какъ съ непріятелями. Это заставило ихъ сняться съ якоря; но прежде того Гуцлафъ оставилъ тамъ памятную записку на Китайскомъ языкѣ: въ ней объяснилъ Корейскому Двору подробно неблагоразуміе и вредъ его поступковъ съ кораблями другихъ народовъ, которые пріѣзжали изъ такихъ отдаленныхъ краевъ не съ другимъ какимъ намѣреніемъ, а только чтобы вести торговлю, выгодную для обѣихъ сторонъ, и совѣтовалъ оставить такую человѣконенавистную и несправедливую систему замкнутости. Послушаютъ ли его доводовъ, покажетъ время; но до сихъ поръ слухъ Корейскаго Короля все еще остается глухимъ къ подобнымъ представленіямъ.

ВАСИЛІЙ ГОЛОВНИНЪ.

Упорный отказъ Корейскаго Короля завязать торговыя сношенія съ Европейцами могъ имѣть, по крайней мѣрѣ, отчасти, свою причину въ поведеніи послѣднихъ на берегахъ сосѣдственнаго островнаго Государства, Японіи, куда допустили ихъ ласково. Японія, какъ разсказывали мы уже выше, открыта была Португальскимъ искателемъ приключеній, Фернаномъ Мендезомъ Пинто, въ 1542 году, и съ этого времени посѣщалась земляками его для

торговли; даже Христіанство нашло туда доступъ съ 1549 года и распространилось тамъ. Но, къ сожалѣнію, Португальцы, которыхъ могущество въ Восточной Азіи начинало уже быстро приходить въ упадокъ, изъ корыстныхъ разсчетовъ безпрестанно старались ложными извѣстіями и клеветами предубѣдить Японское правительство противъ другихъ морскихъ народовъ Европы, а тѣмъ самымъ повредили и себѣ. Въ 1600 году, случай завелъ къ Японскому берегу одинъ Голландскій корабль, разлученный въ Южномъ морѣ бурею съ его флотомъ, собиравшимся плыть кругомъ свѣта. Японское правительство тотчасъ же наложило запрещеніе на грузъ корабля и посадило въ тюрьму не большой экипажъ, который голодъ и несчастіе сдѣлали не способнымъ къ какой бы то ни было оборонѣ. Бѣдные моряки, которыхъ Португальцы описали морскими разбойниками, находились въ очень опасномъ положеніи и ждали ежеминутно казни, какъ вдругъ пришло повелѣніе Императора привести къ нему нѣкоторыхъ плѣнниковъ. Для такого скучнаго дѣла Голландскій Капитанъ выбралъ главнаго кормчаго Вилліама Адамса, природнаго и очень ловкаго Англичанина, и далъ ему для прикрытія двухъ матросовъ. Адамсъ казался скромнымъ, унылымъ, однако жь не боязливымъ передъ Государемъ Японіи, который обошелся съ нимъ ласково. На вопросы государя объ его родинѣ и состояніи ея, также о цѣли его путешествія, онъ отвѣчалъ такъ непринужденно, что подозрѣніе въ морскихъ разбояхъ, тяготѣвшее на немъ и его спутникахъ, тотчасъ же совсѣмъ разсѣялось и надъ грабителями корабля наряжено строгое слѣдствіе. Голландцы снова получили свободу и приличное вознагражденіе за убытки, однако жь только на условіи поселиться въ этой странѣ и бросить всякую мысль о возвращеніи на родину. Адамсъ съ каждымъ днемъ больше и больше выигрывалъ въ расположеніи Императора: этотъ осыпалъ его богатствами и почетными должностями, и больше не отпускалъ отъ себя; даже уступилъ наконецъ его настойчивымъ просьбамъ, и когда Голландцы уже спокойно прожили на казенномъ счету 3 года въ разныхъ частяхъ Имперіи, онъ позволилъ имъ отплыть въ одно изъ поселеній ихъ земляковъ въ Восточномъ Архипелагѣ. Донесенія, сдѣланныя этими опытными людьми обо всѣхъ своихъ приключеніяхъ, заставили Ост-индскую компанію послать въ 1609 году многихъ купцовъ въ Японію, которымъ и удалось завязать

очень прибыльную торговлю съ этой страною, продолжавшуюся до сихъ поръ непрерывно. Адамсъ, больше всѣхъ помогавшій своимъ вліяніемъ успѣху этого предпріятія, выхлопоталъ позволеніе завести факторію своему земляку, Британскому Капитану, Жону Саррису, приведенному счастливымъ случаемъ на Японскій берегъ; но эта факторія на островѣ Фирато опять пришла въ упадокъ въ 1623 году, по тому что ей недоставало необходимыхъ пособій изъ отечества, изнуряемаго междуусобіями. Адамсъ, видя въ томъ разрушеніе своихъ лучшихъ надеждъ, умеръ въ 1631 году, искренно оплаканный Императоромъ и народомъ своей новой отчизны, гдѣ онъ старался принести разную пользу, безъ всякой однако жь заносчивости. Вскорѣ, по смерти его, Японія потрясена была кровопролитною революціей; а какъ Португальцы и проповѣдники были настолько неблагоразумны, что открыто приняли сторону милостиваго къ нимъ законнаго Государя, то навлекли на себя гоненіе его побѣдоноснаго противника и наконецъ были выгнаны изъ страны (въ 1634 году); Христіанская вѣра, распространенная уже вездѣ, послѣ геройской мученической смерти безчисленныхъ жертвъ, должна была исчезнуть до послѣднихъ слѣдовъ. Дерзкій похититель престола, стараясь обезпечить верховную власть себѣ и своимъ потомкамъ, замкнулъ неизмѣннымъ закономъ Японію отъ всякаго чужеземнаго вліянія: впередъ терпимы будутъ одни Голландцы, потому что оставались совершенно чуждыми политическихъ побужденій и занимались исключительно одною торговлею; однако жь они будутъ строго ограничены и сколько возможно удалены отъ всякаго сообщенія съ туземцами. Англичане, которые въ послѣдствіи не одинъ разъ покушались завязать снова сношенія съ Японцами, прерванныя по ихъ собственной винѣ, получали столько же вѣжливый, какъ и рѣшительный отказъ; и даже Русскіе, съ открытіемъ Камчатки (1696 года), сосѣди Японской Имперіи, до сихъ поръ старались напрасно войти въ сношенія съ ними, хотя однажды случай, казалось, хотѣлъ помочь имъ въ достиженіи этой цѣли. Около 1770 года одно Японское судно разбилось у Курильскихъ острововъ; но экипажъ былъ спасенъ Русскими. Когда это событіе, спустя много лѣтъ, дошло до свѣдѣнія Императрицы Екатерины II, она велѣла какъ можно почетнѣе обходиться съ потерпѣвшими кораблекрушеніе, и въ 1780 году отвезти ихъ на родину на снаря-

женномъ для того кораблѣ. Это порученіе возложено на Капитана Адама Лаксмана, который вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ былъ явиться въ Японію въ качествѣ посла, и прибылъ въ 1793 году въ Матсмай, столицу острова Іеззо. Японцы обошлись съ Русскими ласковѣе и внимательнѣе, оказывали имъ всѣ принятыя у нихъ почести, снабжали ихъ безденежно съѣстными припасами, даже дѣлали имъ подарки, однако жь въ дальнѣйшія сношенія тамошнія власти не входили, подъ предлогомъ, что такіе переговоры могли быть ведены только въ гавани Нангасаки, и впередъ каждый Русскій корабль, покусившійся пристать въ другомъ мѣстѣ, будетъ отгоняемъ силою. Не имѣя никакихъ положительныхъ приказаній относительно своего поведенія, Лаксманъ воротился назадъ съ отвѣтомъ, все еще оставляющимъ нѣкоторую надежду; но тогдашнія опасныя обстоятельства въ Европѣ до того требовали дѣятельности Русскаго правительства, что оно не могло и думать объ отправленіи корабля въ Нангасаки. Только, въ 1803 году, извѣстный мореплаватель Крузенштернъ, въ своемъ путешествіи кругомъ свѣта, привезъ Русское посольство въ Японію. Начальникъ этого посольства, Камергеръ Резановъ, ожидалъ въ Нангасаки блестящаго пріема, который отвѣчалъ бы величію и сану Всероссійскаго Императора, однако жь увидѣлъ себя очень обманутымъ. Ему тотчасъ же запрещены всякія сношенія какъ съ туземцами, такъ и съ Голландцами. Для поправленія своего здоровья, разстроеннаго долгимъ плаваніемъ, онъ едва могъ добиться позволенія прогуливаться на пространствѣ въ 100 футовъ длины и 50 ширины, которое обнесено было бамбуковымъ палисадомъ и охранялось солдатами. Переговоры, ограничивавшіеся только обмѣномъ нѣкоторыхъ принятыхъ вѣжливостей и незначительными бесѣдами наединѣ съ подчиненными чиновниками, продолжались многіе мѣсяцы и кончились отвѣтомъ, что Императоръ не принимаетъ предложенныхъ подарковъ и на будущее время запрещаетъ Русскимъ судамъ посѣщать какую бы то ни было гавань его Имперіи. Въ послѣдствіи капитаны Русскихъ кораблей, Хвостовъ и Давидовъ, въ досадѣ на такую обидную отсылку, опустошили огнемъ и мечемъ многія деревни на Курильскихъ островахъ, принадлежащихъ Японіи, разумѣется, безъ приказанія ихъ правительства, и тѣмъ заставили Японское правительство принять чрезвычайно строгія мѣры на всѣхъ берегахъ, едва не стоив-

шія жизни совершенно невинному капитану Головнину, плѣну котораго обязаны мы первыми вѣрными извѣстіями о Японской Имперія и ея жителяхъ.

Василій Головнинъ, одинъ изъ способнѣйшихъ Русскихъ моряковъ, уже много разъ отличившійся храбростью и даровитостію въ государственной службѣ, въ которую поступилъ еще въ ранней молодости, по изслѣдованіи сѣвернаго берега Азіятской Россіи и части сѣверозападнаго берега Америки (1807—1810), въ 1811 году получилъ отъ Императора Александра почетное порученіе подробно описать южные Курильскіе, Шантарскіе острова и берегъ твердой земли къ сѣверу отъ Охотска. 4-го Мая на военномъ шлюпѣ «Діана» онъ оставилъ гавань Авачу, на полуостровѣ Камчаткѣ, и 17 Іюня достигъ острова Итурупа, одного изъ южныхъ Курильскихъ острововъ, занятаго Японцами. Японскій начальникъ, окруженный толпою вооруженныхъ людей, съ замѣтнымъ опасеніемъ, наблюдалъ за пристающими Русскими. Головнинъ успѣлъ только съ трудомъ успокоить его и склонить къ дружескимъ переговорамъ, рѣшительно не одобривъ насильственныхъ поступковъ, такъ неблагоразумно совершенныхъ тамъ его земляками На прощаньи сдѣлали подарки другъ другу, и Головнинъ получилъ письмо къ коменданту Урбича, главнаго мѣста острова, гдѣ позволялось ему запастись водой и дровами. Но противные вѣтры помѣшали ему держаться этого направленія, по тому онъ крейсировалъ нѣсколько времени между островами, на которыхъ каждый разъ при его приближеніи, собиралось много людей; иногда приходили на берегъ и шпіоны: они очень отличались отъ жителей сѣверныхъ Курильскихъ острововъ, были сильнѣе ихъ сложеніемъ и живѣе, сверхъ того говорили другимъ языкомъ. Населеніе сѣверной части этого Архипелага происходитъ отъ Камчадаловъ, о которыхъ скажемъ въ другомъ мѣстѣ, а по южной его части, также на половинѣ Японскихъ острововъ большой величины, Іеззо и Крафто, распространились Аинусы, которыхъ можно считать первобытными жителями. Они походятъ на Японцевъ, но еще нѣсколько ниже ихъ ростомъ и имѣютъ наружу выгнутыя руки и очень короткія ноги. Тѣло у нихъ почти сплошь покрыто длинными черными волосами, черезъ которые едва можно видѣть смуглый цвѣтъ ихъ кожи; густая окладистая

борода и висящіе внизъ волосы закрываютъ почти все лицо; женщины безобразны, и еще больше безобразятъ себя привычкою татуировать себѣ лбы, рты и наружную сторону рукъ, красить синею краскою губы и рѣсницы, зачесывать на глаза черные, какъ уголь, волосы. Характеръ ихъ описываютъ очень миролюбивымъ, добродушнымъ, гостепріимнымъ, безкорыстнымъ, услужливымъ и вѣжливымъ; они, должно быть, живутъ другъ съ другомъ въ удивительномъ согласіи и никогда не употребляютъ ругательныхъ словъ. Однако жь, не смотря на ихъ ласковость, Европеецъ не легко соглашается на короткое знакомство съ ними, по тому что они чрезвычайно не опрятны: не рѣдко видали, что они берутъ съ головы вшей и кладутъ ихъ между зубами. Лицо, руки, также и тѣло они моютъ только тогда, когда ходятъ за дѣломъ въ воду; но никогда не моютъ одежду, которую лѣтомъ составляетъ широкій кафтанъ изъ коры липоваго дерева, либо изъ Японскихъ шелковыхъ или шерстяныхъ тканей, а въ холодное время мѣховой. Зимой они живутъ въ землянкахъ, а лѣтомъ подъ соломенными навѣсами: въ нихъ нѣтъ ни стульевъ, ни скамей, и они сидятъ съ крестъ на крестъ сложенными ногами на травѣ или на рогожахъ; ихъ пища въ прибрежныхъ странахъ ограничивается рисомъ, который получаютъ отъ Японцевъ, рыбою, морскими животными, морскою капустой, дикой травою и кореньями; въ гористой внутренней странѣ они ѣдятъ убитыхъ на охотѣ медвѣдей, оленей и зайцевъ, впрочемъ не гнушаются и собакъ. Страстные охотники до табаку и крѣпкихъ напитковъ: послѣдніе продаютъ имъ Японцы, но только въ назначенной мѣрѣ, которой никогда нельзя преступать, чтобы не произвести между добродушными людьми ссоръ, преступленій и болѣзней. Порохъ и огнестрѣльное оружіе также запрещены имъ; отъ того они носятъ только копья и стрѣлы, которыя иногда отравляютъ. Письма они не имѣютъ, и ихъ законы и обычаи передаются изустно изъ рода въ родъ. Солнце и мѣсяцъ чтутъ они за божество, но ничего не знаютъ о храмахъ и жрецахъ; кромѣ того, вѣруютъ въ двухъ духовъ, добраго и злаго, и стараются умилостивить перваго пучками гороховыхъ стручковъ, которые втыкаютъ въ свои хижины. Многоженство у нихъ позволено; однако жь одни богатые слѣдуютъ этому, дорого стоящему, обычаю, и въ каждомъ изъ ихъ жилищъ, разсѣянныхъ въ различныхъ владѣніяхъ, обыкновенно

по одной женѣ. Дѣти не учатся ничему больше, кромѣ того, что касается охоты, рыболовства, стрѣльбы изъ лука и занятій по дому. Аинусы съ давняго времени въ зависимости отъ Японской Имперіи; но нисколько не стѣснены въ своихъ особенныхъ нравахъ и обычаяхъ, и за каждую работу для Японцевъ имъ идетъ плата.

По причинѣ погоды, становившейся все сумрачнѣе и не благопріятнѣе, Головнинъ въ продолженіе своей наблюдательной поѣздки между Алеутскими островами, населенными Аинусами, подошелъ, 5 Іюня, къ острову Кунаширу, чтобы стать въ безопасномъ заливѣ на якорь, но былъ принятъ ядрами изъ крѣпости. въ него стрѣлявшей. Считая этотъ непріязненный образъ дѣйствій слѣдствіемъ прежнихъ насилій, сдѣланныхъ его земляками, онъ не отвѣчалъ на огонь, а далъ знаками понять, что явился съ мирными намѣреніями и хочетъ пристать къ берегу, чтобы налить водой свои бочки. Свиданіе было наконецъ дозволено, и Головнинъ былъ такъ не остороженъ, что отправился въ крѣпость самъ съ двумя офицерами и 4-мя матросами, для переговоровъ съ ея начальствомъ. Сначала Японцы оказались очень ласковыми и угощали его со всѣми товарищами; но когда онъ хотѣлъ удалиться послѣ долгаго разговора, во время котораго уже были замѣчены нѣкоторыя подозрительныя движенія между окружающимъ конвоемъ, начальникъ, говорившій до сихъ поръ тихо и ласково, возвысилъ вдругъ голосъ: назвалъ имена капитановъ Русскихъ кораблей, опустошившихъ Японскій берегъ; въ длинной рѣчи, во время которой часто билъ съ бѣшенствомъ по саблѣ, намекалъ довольно ясно, что если выпуститъ хоть одного Русскаго, находящагося въ его рукахъ, Императоръ распоретъ ему животъ. Ни о бѣгствѣ, ни о сопротивленіи нельзя было и думать, и Головнинъ съ товарищами принужденъ сдаться вооруженнымъ людямъ, напиравшимъ на нихъ со всѣхъ сторонъ. Плѣнники, взятые такимъ вѣроломнымъ образомъ, приведены въ большое, низкое строеніе. Имъ страшно скрутили руки, ноги и грудь веревками, толщиною въ палецъ; надѣли каждому на шею петлю, которую держали за конецъ по одному Японцу, чтобы тащить ихъ при малѣйшей попыткѣ къ побѣгу. — «Въ этомъ дѣлѣ, говоритъ Головнинъ, который пусть разсказываетъ теперь самъ, Японцы чрез-

вычайно искусны: надо предполагать, что у нихъ есть предписаніе, какъ слѣдуетъ вязать людей. Всѣ мы были скручены одинаковымъ образомъ и однимъ числомъ петель и узловъ, такъ искусно, что насъ могъ бы безопасно вести десятилѣтній ребенокъ; но не такъ думали этѣ боязливые люди. Когда намъ должно было отправляться въ дальнѣйшую пересылку, каждому изъ насъ дали еще солдата. Мы шли медленно другъ за другомъ и находились уже въ лѣсу, не въ дальнемъ разстояніи отъ берега, какъ услыхали сильную канонаду и заключили изъ того, что наши корабли сдѣлали нападеніе на крѣпость. Я былъ стянутъ такъ плотно, что едва имѣлъ возможность дышать или плевать, и только съ большимъ усиліемъ могъ произнести одно слово. Мы знаками просили Японцевъ поослабить веревки, но громъ пушекъ привелъ ихъ въ такой ужасъ, что они не хотѣли ничего слышать, а только безпрестанно оглядывались и заставляли насъ идти скорѣе. Наконецъ, я упалъ, потерявъ всякое сознаніе; а пришедши въ себя, увидалъ, что кровь текла у меня изо рту и изъ носу и что меня обливали водою. Сдѣлавъ три часа пути, мы дошли до маленькой деревни на берегу залива, отдѣляющаго Кунаширъ, самый южный изъ Курильскихъ островов, отъ Японскаго острова Іеззо. Здѣсь привели насъ въ домъ и подали рисоваго супа; только у насъ пропалъ аппетитъ. Потомъ положили насъ около стѣнъ кругомъ комнаты, такъ что ни одинъ не могъ доставать до другаго. Веревки, за которыя вели насъ, привязали къ желѣзнымъ скобамъ, вдѣланнымъ въ полъ, сняли съ насъ сапоги и связали намъ въ двухъ мѣстахъ ноги. Только покончивъ все это, сторожа размѣстились посреди комнаты кругомъ жаровни, стали пить чай и курить табакъ. Можно бы было спокойно спать между львами, если бы ихъ такъ скрутили, какъ насъ; но Японцы все еще не считали себя довольно безопасными, и покрайней мѣрѣ каждую четверть часа осматривали наши узы. Къ полуночи принесли широкія доски, положили насъ на нихъ, понесли на лодки, стоявшія наготовѣ, и тотчасъ же поплыли въ Іеззо; берегомъ этого острова таскали насъ изъ мѣста въ мѣсто. По временамъ подавали намъ рисовый супъ и жареную рыбу; когда кто нибудь изъ насъ хотѣлъ ѣсть, ему совали въ ротъ пищу двумя тоненькими палочками, которыя въ Японіи употребляются вмѣсто вилокъ. Добрые люди, связавшіе насъ такъ не милосердно изъ одного

только опасенія, чтобы мы не ускользнули отъ нихъ и не покусились на самоубійство, вообще однако жь нисколько не оказывались жестокими и даже безпрестанно старались отгонять отъ насъ вѣтками докучливыхъ мухъ. Такъ какъ мы не могли объяснить имъ ни словами, ни знаками, когда нужно бывало исправлять естественную надобность, они сами обращали наше вниманіе на это очень понятными тѣлесными движеніями и передали намъ два слова, употребительныя у нихъ въ такомъ случаѣ. Когда кому нибудь приводилось произносить ихъ, они оказывались такъ услужливыми въ этомъ дѣлѣ, какъ можетъ быть только самый усердный слуга относительно своего господина. Надобно сказать, къ чести Европейскихъ портныхъ, что Японцы совсѣмъ не могли понять механизма нашихъ платьевъ, пока не изучилъ всѣхъ тонкостей одинъ молодой человѣкъ, посвѣдущѣе прочихъ».

«Въ продолженіи всего путешествія Японцы всегда соблюдали одинъ и тотъ же порядокъ: съ разсвѣтомъ мы собирались, завтракали и потомъ опять отправлялись въ дорогу; въ деревняхъ они обыкновенно останавливались отдохнуть, пить чай и курить табакъ, около полудня обѣдали. Спустя часъ послѣ обѣда опять шли дальше, а за два или за три часа до захожденія солнца заходили ночевать, однако жь, если можно, въ деревнѣ, въ которой находился не большой гарнизонъ. Тотчасъ послѣ нашего прихода, насъ подводили къ дому начальника и помѣщали на скамьяхъ, пока онъ не осмотритъ насъ, и только потомъ уже вводили въ домъ, назначенный для ночлега, привязывали къ скобкамъ и снимали сапоги и чулки, чтобы обмыть намъ ноги теплою водою съ солью. Ѣли регулярно три раза въ день: утромъ, въ полдень и вечеромъ; но въ кушаньяхъ мало было перемѣны: онѣ обыкновенно состояли въ рисовомъ супѣ вмѣсто хлѣба, двухъ ломтяхъ соленой рѣдьки вмѣсто соли, въ жидкомъ соусѣ изъ рѣдьки или изъ другихъ дикихъ растеній, макароновъ и куска жареной или вареной рыбы; нѣсколько разъ получали мы и грибной супъ, также по свареному вгустую яйцу на каждаго; впрочемъ, кушанье намъ подавали безъ мѣры: каждый ѣлъ, сколько ему хотѣлось, питьемъ былъ очень плохой чай, безъ сахара, и только рѣдко пиво (саги). Такимъ образомъ путешествіе къ неизвѣстному для

насъ мѣсту нашего назначенія продолжалось непрерывно: однако жь мало по малу перестали намъ такъ плотно стягивать петли около шеи; когда же потомъ принялъ начальство надъ нашей стражей одинъ чиновникъ, онъ велѣлъ развязать намъ и руки, такъ что мы могли пользоваться ими во время ѣды; только при переѣздахъ отъ одного мыса къ другому на лодкахъ, что впрочемъ случалось рѣдко и продолжалось не долго, насъ опять стягивали безъ милосердія; солдаты вообще были такъ осторожны, что почти никогда не давали намъ приближаться къ берегу; когда же мы просили ихъ о томъ, потому что по сырому песку итти легче, они только не охотно давали свое согласіе и всегда держались между водой и нами, хоть и должны были брести въ водѣ. Самою трудною ихъ задачею, кажется, было сохранить насъ отъ самоубійства, и боязливость ихъ доходила до того, что они крѣпко придерживали свои трубки, когда давали намъ курить изъ нихъ, либо прикрѣпляли къ нимъ деревянные шары величиною съ куриное яйцо, чтобы помѣшать намъ подавиться этѣми трубками. Они слишкомъ заботились и о нашемъ здоровьѣ, такъ что переносили насъ черезъ самые маленькіе ручьи и лужи, чтобы сохранить наши ноги отъ сырости. На всей дорогѣ по берегу, который тянулся не меньше 170 миль, съ каждымъ днемъ все больше дивились мы сильному населенію и его дѣятельности; мы не проходили мимо ни одной бухты, ни одной излучины берега, на которой бы не было людной деревни. Почти всѣ жители занимались ловлею, соленьемъ и сушкою рыбы и раковинныхъ животныхъ; они собираютъ также и сушатъ на берегу морскую траву, которой много сѣется въ томъ краю на берегахъ: Русскіе называли ее морскою капустою. Они складываютъ ее въ копны, какъ сѣно, чтобы въ извѣстное время нагружать и отвозить ее въ разныя гавани Японской Имперіи, которой безчисленное населеніе отчасти ограничивается этою пищею».

«8 Августа, достигли мы города Хакодаде: намъ говорили, что онъ долженъ былъ служить мѣстомъ временнаго нашего пребыванія. На встрѣчу къ намъ собралось необозримое множество людей. Съ обѣихъ сторонъ дорога покрыта была зрителями, однако жь всѣ вели себя очень скромно: даже взглядомъ никто не показывалъ злобной радости или презрѣнія и ненависти, еще мень-

ше думали оскорблять насъ насмѣшкой или обидою. Вошедши въ городъ длинною, очень тѣсною улицей, мы повернули въ переулокъ, и теперь увидали передъ собою зданіе, со всѣхъ сторонъ занятое вооруженными, обнесенное заборомъ и землянымъ валомъ: тамъ заключатъ насъ, можетъ быть, навсегда. У воротъ осматривалъ насъ чиновникъ по списку, поданному нашимъ вождемъ, и велѣлъ отвести дальше на дворъ, откуда могли мы заглянуть въ длинное, почти темное пространство, гдѣ стояли клѣтки изъ толстыхъ бревенъ, величиною совершенно походившія на птичьи. Послѣ долгаго совѣщанія о томъ, какъ бы имъ помѣстить насъ, повели меня въ галерею и приказали войти въ маленькую комнатку, отдѣленную отъ нея столбами. Я искалъ глазами товарищей, но они исчезли, къ немалому для меня страху: Сторожа, снявъ съ меня сапоги и всѣ веревки, не говоря ни слова, заперли двери и вышли изъ галереи, заперевъ также и ее. Теперь я былъ одинъ, и мною овладѣла мысль, что меня, можетъ быть, навсегда разлучили съ товарищами; я съ отчаяніемъ бросился на полъ, гдѣ долго лежалъ почти безъ памяти. На другой день принесли мнѣ обыкновенную пищу, но я не имѣлъ никакого аппетита, и отослалъ ее не тронутою. Мои мысли исключительно занимала возможность побѣга, и я началъ осматривать свою клѣтку съ большимъ вниманіемъ. Она была въ 6 футовъ длины и ширины, и въ восемь вышины; отъ галереи отдѣляли ее столбы изъ бревенъ порядочной толщины, въ которые вдѣланы были двери съ замками; о пстѣнамъ были два окна съ крѣпкою деревянною рѣшеткою снаружи и бумажными ширмами внутри, которыя можно было раздвигать и сдвигать: одно окно выходило въ стѣну строенія, находившагося въ двухъ футахъ разстоянія, другое на чистый воздухъ и открывало видъ на горы, поля и море. Съ боку возлѣ двери была маленькая кладовая, гдѣ отверстіе въ полу вело въ глубокій запертой ящикъ для исправленія естественной нужды. Вся мебель комнаты состояла изъ деревянной скамьи, такой маленькой, что едва можно было лежать на ней, и нѣсколькихъ тюфяковъ, постланныхъ на полу. Оконную рѣшетку можно было легко перерѣзать простымъ ножемъ, и въ темную ночь я, можетъ быть, и успѣлъ бы перелѣзть черезъ валъ и заборъ; но гдѣ было достать ножа, когда намъ не смѣли довѣрить даже иголки? Да и боязнь, попыткою

побѣга сдѣлать еще хуже участь товарищей моихъ страданій, скоро отвлекла меня отъ такихъ размышленій. Сверхъ того, и стерегли насъ не нерадиво: я хорошо слышалъ, что во всю ночь ходили за заборомъ люди и, колотя двумя сухими дощечками, означали часы; въ корридоръ часто приходилъ съ огнемъ сторожъ, посмотрѣть, что я дѣлаю. Наконецъ, въ одно утро, когда кругомъ еще была самая глубокая тишина, къ невыразимой радости, я явственно разслышалъ Русскія слова и получилъ теперь, по крайней мѣрѣ, утѣшительную увѣренность, что мои товарищи жили не только подъ одною кровлей со мною, но и не всѣ же были заперты по одиночкѣ. Спустя нѣсколько дней явился чиновникъ: онъ очень сожалѣлъ, что я до сихъ поръ все одинъ и, должно быть, страдаю отъ скуки, и очень изумилъ меня вопросомъ: кого изъ матросовъ хочу я взять къ себѣ? На мой отвѣтъ, что всѣ они одинаково для меня пріятны и что желаю имѣть при себѣ каждаго изъ нихъ поочередно, онъ тотчасъ же велѣлъ исполнить мое желаніе. Я спросилъ его, не намѣрены ли Японцы всегда обходиться съ нами такъ, какъ теперь? — Нѣтъ, отвѣчалъ онъ: впередъ вы будете жить всѣ вмѣстѣ, а потомъ васъ отпустятъ на родину. — Скоро ли же это будетъ? спросилъ я еще. — Не такъ скоро, отвѣчалъ онъ спокойно, и оставилъ меня, не входя въ дальнѣйшія объясненія. Вскорѣ потомъ привели ко мнѣ одного матроса: онъ не мало дивился моему удобному помѣщенію и любовался видами изъ моего окна. Мое помѣщеніе казалось для него раемъ въ сравненіи съ чуланомъ, въ который заперли его вмѣстѣ съ другими: это были клѣтки, хотя всѣ построенныя по одному образцу, однако жь тѣснѣе и удобнѣе для носки: онѣ стояли однѣ возлѣ другихъ въ строеніи, похожемъ на амбаръ, такъ что можно было проходить между ними со всѣхъ сторонъ; вмѣсто дверей онѣ имѣли одно только низкое отверстіе, черезъ которое можно было вползать туда; никогда солнце не проникало въ нихъ своимъ привѣтливымъ лучемъ, и всегдашній мракъ окружалъ ихъ».

«10 Августа, намъ дали знать, что насъ желаетъ видѣть главный начальникъ города и что мы будемъ представлены ему въ полдень. Въ назначенное время привели насъ по одиночкѣ на дворъ, каждому повязали по животу веревку, которую держалъ солдатъ: подъ сильнымъ прикрытіемъ, и чрезвычайно медленно

вели насъ почти по всему городу, гдѣ домы и лавки, въ которыхъ различали мы множество разныхъ товаровъ, были набиты любопытными зрителями; мы приведены были въ замокъ, обнесенный землянымъ валомъ, а у воротъ его была поставлена стража съ пушкою. На дворѣ велѣли намъ размѣститься на скамьяхъ и рогожахъ, и угощали насъ хорошимъ чаемъ, сахаромъ и табакомъ. Мы просидѣли здѣсь уже съ часъ, какъ услыхали изъ сосѣдняго зданія крикъ: «капитанъ Ховоринъ» (Японцы произносили такъ мою фамилію). Два солдата, шедшіе у меня по бокамъ, тотчасъ привели меня въ просторную залу большими воротами, которыя поспѣшили запереть за мною. Одна половина залы, не имѣвшая кровли и вымощенная маленькими камешками, походила совсѣмъ на амбаръ; на другой половинѣ полъ былъ возвышенъ на три фута отъ земли и устланъ соломенными цыновками искусной работы. Вся зала имѣла въ длину и ширину отъ 8 до 10 саженъ, 18 футовъ высоты и отдѣлялась отъ другихъ комнатъ ширмами, расписанными довольно красиво. По крайней мѣрѣ три окна снабжены были деревянными рѣшетками и имѣли бумажныя стекла, пропускавшія тусклый свѣтъ Вправо отъ возвышеннаго пола висѣло на стѣнѣ желѣзо для ковки преступниковъ, веревки и разныя другія орудія наказанія, почти заставившія меня полагать, что я находился въ комнатѣ пытокъ. По срединѣ возвышенія на полу сидѣлъ на престолѣ главный начальникъ, окруженный двумя писцами, имѣвшими передъ собой бумагу и чернильницы, и множествомъ другихъ чиновниковъ въ черныхъ одеждахъ Всѣ сидѣли, въ двухъ шагахъ другъ отъ друга, на икрахъ и пяткахъ, каждый имѣлъ за поясомъ кинжалъ, а съ боку большую саблю. Когда же введены были и прочіе плѣнники, начался мучительный допросъ, доходившій до самыхъ мелочныхъ подробностей о нашихъ именахъ, лѣтахъ, родителяхъ, мѣстѣ рожденія, также о Русскомъ Царствѣ, о его силахъ, морскихъ и сухопутныхъ, о кораблѣ, въ которомъ мы пріѣхали, и о цѣли нашего путешествія. Отвѣты, на сколько могъ понять и объяснить ихъ переводчикъ, Курилецъ, записывались съ чрезвычайною точностью; напослѣдокъ начальникъ предложилъ намъ съ особенною силой вопросъ: не перемѣнилась ли въ Россіи вѣра, по тому что Русскій посланникъ, Лаксманъ, о которомъ упоминали мы выше, носилъ длинную косу и густые, посыпанные мукой волосы, а мы, вмѣ-

сто того, носили коротко остриженные? Когда мы отвѣчали, что ношеніе волосъ у насъ не религіозное дѣло, чиновники насмѣшливо улыбнулись и не мало дивились, что у насъ нѣтъ положеннаго устава для такого важнаго дѣла. Уже наступили сумерки, когда насъ отпустили и отвели въ наши клѣтки». — До сихъ поръ говорилъ самъ Головнинъ о первомъ времени своего посольства.

Такіе допросы повторялись часто; задавались все одни и тѣ же вопросы, только въ другомъ порядкѣ, и отвѣты сличались съ прежними; при малѣйшихъ отступленіяхъ входили въ самыя подробныя изслѣдованія. Послѣ всего того, плѣнники, 27 Сентября, отведены были изъ Хакодаде въ главный городъ Матсмай, лежащій на южномъ берегу острова, и опять посажены въ двѣ тѣсныя клѣтки въ одномъ амбарѣ, обнесенномъ заборомъ. Такъ какъ это зданіе выстроено было заново съ немаловажными издержками, то Русскіе почти не сомнѣвались, что оно будетъ служить для нихъ жилищемъ до самой смерти. 2 Октября, отвели ихъ въ крѣпость для представленія Буньо (Губернатору); зала, въ которой должно было происходить это, повидимому очень важное, дѣйствіе, была чрезвычайно большая и украшалась на дверяхъ и окнахъ великолѣпною рѣзьбою изъ разнаго дерева; полъ въ ней былъ устланъ коврами прекрасной работы; на ширмахъ, составлявшихъ по Японскому обычаю стѣны, виднѣлись картины въ золотыхъ рамахъ и украшенія, состоявшія изъ звѣрей и птицъ; по обѣ стороны залы сидѣли Японскіе чиновники, вооруженные кинжалами и саблями; они шутили и смѣялись, какъ вдругъ за ширмою послышался крикъ,—чей-то голосъ прокричалъ «ши», и вслѣдъ за тѣмъ настало глубокое молчаніе. Сперва вошелъ служитель въ обыкновенномъ платьѣ, сталъ на колѣни при входѣ, положилъ на полъ ладони и наклонилъ голову; теперь явился Буньо въ простомъ черномъ кафтанѣ, у котораго на рукавахъ, по Японскому обычаю, вытканъ былъ гербъ этого чиновника; за поясомъ у него висѣлъ кинжалъ, а его саблю несъ одинъ изъ провожатыхъ и притомъ за нижній, обернутый въ сукно, конецъ, такъ чтобы не касаться ея голыми руками и чтобы рукоять выходила кверху. Когда Буньо занялъ свое мѣсто, всѣ Японцы изъявили ему свое почтеніе: положили на полъ ладони,

поклонились такъ низко, что едва не достали до полу лбами, и нѣсколько секундъ оставались въ такомъ положеніи. Онъ отвѣчалъ довольно низкимъ поклономъ и положилъ при томъ ладони на колѣни себѣ; когда же плѣнники сдѣлали ему Европейское привѣтствіе, онъ съ улыбкою кивнулъ головою и, казалось, хотѣлъ увѣрить ихъ въ своемъ дружескомъ расположеніи къ нимъ. Послѣ допроса, состоявшаго все въ однихъ и тѣхъ же вопросахъ, плѣнникамъ было замѣчено, что они могутъ, если хотятъ, попросить чего нибудь; когда же они дали знать, что у нихъ только одно желаніе воротиться въ отечество, или поскорѣе умереть, Буньо съ большою важностью держалъ длинную рѣчь, въ которой особенно обращалъ вниманіе на то, что и Японцы тоже люди, и что у нихъ такое же сердце, какъ и у другихъ, а потому Русскимъ не слѣдуетъ бояться и приходить въ отчаяніе: если откроется, что земляки ихъ совершили насилія въ Японской области произвольно, а не по приказанію ихъ Императора, они воротятся въ свое отечество, вдоволь снабженные съѣстными припасами, а до тѣхъ поръ Японцы позаботятся, чтобы они ни въ чемъ не имѣли недостатка; если имъ нужно другое платье и что нибудь особенное изъ съѣстнаго, пусть не совѣстятся попросить. Послѣ того Буньо удалился, и плѣнники вернулись въ свои клѣтки, по крайней мѣрѣ, съ надеждою, что благопріятныя обстоятельства освободятъ ихъ изъ заключенія.

Съ этого дня стали содержать ихъ замѣчательно лучше: кромѣ рисоваго супа и соленой рѣдьки, они получали хорошую рыбу, свѣжую и соленую, жареную или вареную въ маковомъ маслѣ, супы изъ разныхъ дикорастущихъ травъ, макароновъ или морскихъ раковинъ; даже стрѣляли для нихъ морскихъ собакъ, медвѣдей и зайцевъ; часто, по ихъ наставленію, готовили для нихъ и русскія блюда, особливо жидкую кашу и маленькіе пирожки изъ пшеничной муки съ рыбой. Ѣсть приносили аккуратно три раза въ день, для питья они получали горячую чайную воду, а послѣ всякаго утомительнаго для нихъ допроса и въ холодную погоду по двѣ чашки теплаго чаю на каждаго; снабдили ихъ шубами и шлафроками и услыхавъ, что Русскіе не спятъ на полу, устроили каждому для спанья скамейку. Но во всѣхъ другихъ отношеніяхъ заключеніе осталось чрезвычайно строгимъ и

сохраненіе подъ стражей опасливымъ. Желаній, намекавшихъ на смягченіе его, будто бы не понимали или лукаво уклонялись отъ исполненія ихъ: когда попросили однажды на сторонѣ амбара пробить окно, чиновникъ, къ которому отнеслись съ этой просьбой, возразилъ, что Японцы очень заботятся о здоровьѣ своихъ узниковъ и боятся, чтобы въ холодную погоду они не простудились. «18 Ноября, продолжаетъ дневникъ Головина, привели насъ опять въ крѣпость, но на этотъ разъ съ большимъ торжествомъ и увѣреніемъ, что наше дѣло въ хорошемъ положеніи при Дворѣ, и тамъ мало по малу начинаютъ убѣждаться въ нашей невинности. И дѣйствительно, Буньо объявилъ, что теперь, по нашимъ показаніямъ, несчастное происшествіе представляется со всѣмъ въ другомъ видѣ, и онъ увѣренъ въ нашей невинности; хотя самъ онъ и не можетъ рѣшить нашу судьбу, — она зависитъ отъ Императора, но съ своей стороны сдѣлаетъ все возможное, чтобы привести наше дѣло къ желанному концу; однако жъ мы не должны отчаяваться, а молиться Богу. Послѣ этого увѣщанія, онъ велѣлъ снять съ насъ веревки. Всѣ бывшіе тутъ Японцы обрадовались этому отъ всего сердца, а двое изъ нихъ до того растрогались, что слезы навернулись у нихъ. Мы благодарили Буньо и чиновника за ихъ дружеское расположеніе, и въ первый разъ воротились въ тюрьму не связанные; но тамъ, къ не малому нашему изумленію, нашли во всемъ перемѣну: рѣшетки у клѣтокъ не стало, и корридоръ обратился въ просторную залу, гдѣ всѣ мы легко могли двигаться; кругомъ очага, на которомъ кипѣлъ уже чай въ мѣдныхъ котлахъ, устроены деревянныя перила, и на нихъ каждый изъ насъ нашелъ для себя чашку, трубку и кисетъ съ табакомъ; вмѣсто лампъ съ рыбною ворванью теперь горѣли свѣчи; вскорѣ потомъ принесли намъ ужинъ, только не въ чашкахъ, какъ обыкновенно, а на новыхъ, тонкихъ тарелкахъ; вдоволь поставили передъ нами и соли. Мы сидѣли теперь всѣ вмѣстѣ, спокойные и веселые, и считали наше возвращеніе не только вѣроятнымъ, но и вѣрнымъ; однако жъ эта радость была не продолжительна. Какое-то снова поднявшееся подозрѣніе, казалось, опять ухудшило наше положеніе: содержаніе стало, сверхъ ожиданія, прежнее, и ничего не осталось, кромѣ новой посуды; вмѣсто свѣчъ опять появились лампы съ рыбною ворванью, сторожа принесли опять веревки, снятыя съ насъ, и повѣсили ихъ

передъ нашими глазами: мы замѣтили также изъ разныхъ намековъ, что наше дѣло опять еще больше запутывается, со времени прiѣзда въ Матсмай Кунаширскаго Коменданта, заманившаго насъ въ западню.»

Предположенiе Головнина вскорѣ оправдалось. Буньо вскорѣ потребовалъ у плѣнниковъ, чтобы они научили одного Японца перевести и объяснить по Русски написанную ими защитительную просьбу, по тому что не довѣряютъ Курильцу, который до сихъ поръ употреблялся при переговорахъ. Сначала они отказывались принять на себя такую скучную работу, однако жь должны были взяться за нее по тому, что отъ исполненiя этого требованiя дѣлали зависимою возможность ихъ освобожденiя. Благодаря ученику Русскихъ, впрочемъ очень толковому, писцу Буньо, Японцы имѣли теперь лучшiй случай удовлетворить своему безпредѣльному любопытству и воспользовались имъ въ самомъ обширномъ размѣрѣ; но отъ нихъ самихъ нельзя было добиться ни одного слова, которое могло бы обнаружить намѣренiя правительства или намекнуть на возможность появленiя Русскаго корабля съ требованiемъ выдачи Головнина и его товарищей. Отъ того плѣнники убѣждались съ каждымъ днемъ болѣе, что совсѣмъ и не думаютъ освобождать ихъ, а только намѣрены подъ разными предлогами скрывать ихъ участь, и видѣли единственный способъ къ спасенiю — въ бѣгствѣ. Казалось, что счастье покровительствовало ихъ замыслу. 1 Апрѣля, перевели ихъ въ домъ, стоявшiй не далеко отъ берега, откуда могли они обозрѣвать окрестность и приготовить свой планъ къ исполненiю; а онъ соединялся съ немаловажными затрудненiями и опасностями, при постоянно строгомъ надзорѣ надъ ними. 25 Апрѣля, они успѣли наконецъ убѣжать изъ дома, не бывъ замѣченными караульными, и проломать заборъ, его окружавшiй. Внутренность острова очень гориста и почти необитаема: туда-то и направили бѣглецы свой путь, всегда съ особеннымъ старанiемъ избѣгая большихъ дорогъ; но страшно должны были пострадать отъ голода, льда и утомленiя: въ горахъ стояла еще зима, однако жь они лучше предпочли погибнуть въ снѣгу и ущельяхъ, нежели въ другой разъ попасться въ руки Японцамъ. Нѣсколько разъ они пытались спуститься къ берегу и захватить какое

нибудь судно; но либо находили всѣ мѣста тщательно занятыми стражей, либо чувствовали себя слишкомъ слабыми, чтобы спустить въ море которую нибудь изъ барокъ, всегда лежавшихъ на сушѣ подъ навѣсомъ, по Японскому обычаю. Наконецъ, напала на ихъ слѣдъ разъѣздная команда, посланная во всѣ стороны, и окружила ихъ въ одномъ лѣсу, гдѣ они принуждены сдаться и опять перевязаны веревками; однако жь имъ не сдѣлали ни малѣйшаго оскорбленія; даже взяли ихъ подъ руки, увидавъ, что они очень изнурены и помогали имъ ити на высотахъ и скользкихъ мѣстахъ до ближней деревни. Тамъ угощали ихъ рисовымъ супомъ, солеными сельдями, рѣдькою, чаемъ и саго. На дорогѣ замѣтили плѣнники, что Японцы вездѣ, гдѣ ни проходили они въ бѣгствѣ, втыкали въ ихъ слѣды маленькія палочки и не теряли этѣхъ слѣдовъ; только не смѣли напасть на бѣглецовъ изъ боязни, чтобы не впутаться въ ожесточенную битву. Чтобы сдѣлать для нихъ не возможную вторичную попытку къ побѣгу, ихъ опять заперли въ клѣтки и стерегли такъ строго, что имъ не оставалось ничего другаго, какъ покориться спокойно своей судьбѣ и терпѣливо ожидать конца слѣдствія, за которое опять принялся Буньо. Однако жь, спустя нѣсколько недѣль, опять стали мягче обходиться съ ними; послѣ даже отвели ихъ въ прежнее жилище, гдѣ и провели они все лѣто въ обхожденіи съ Японцами, которые сближались съ ними съ большимъ участіемъ и дружелюбіемъ. Головнинъ воспользовался этѣмъ случаемъ, чтобы тайкомъ на маленькихъ листочкахъ написать свои наблюденія объ этомъ, столь же оригинальномъ, какъ и замѣчательномъ народѣ; въ послѣдствіи они послужили для него пособіемъ при составленіи извѣстій объ Японской имперіи и ея обитателяхъ. Беремъ его мастерское описаніе за основу нашего настоящаго разсказа и попытаемся дополнить его изъ тѣхъ извѣстій, которыя имѣлъ случай собрать нашъ соотечественникъ Ф. Фр. Зибольдъ, Лѣкарь въ Голландской службѣ.

Японія, называемая у туземцевъ Ниппонъ (восхожденіе солнца), заключаетъ въ себѣ Архипелагъ большихъ и малыхъ острововъ, отдѣляемый отъ Азіятскаго материка Корейскимъ проливомъ. Онъ лежитъ между 24° 16′ и 50° сѣв. ш. и 123° 23′ и 150° 50′ восточ. долготы, а площадь его простирается до 1500 квад.

миль. Самые значительные изъ этихъ островoвъ носятъ названія: Нипповъ, Кіусіу, Сикокъ и Іеззо. Большая часть ихъ волканическаго свойства и покрыты горами, которыхъ отлоги вдаются далеко въ море и образуютъ утесы, очень опасные для судовъ бо́льшей величины; на Нипповѣ и теперь еще много дѣйствующихъ вулкановъ, однако жь они не внушаютъ народу страха ни изверженіями, ни соединенными съ тѣмъ землетрясеніями. При такихъ явленіяхъ природы онъ обыкновенно довольствуется замѣчаніемъ: «вотъ и еще проползъ китъ подъ нашей землею.» Нѣтъ недостатка въ рѣкахъ, но всѣ онѣ текутъ не далеко и большею частію такъ быстры, что едвали могутъ быть полезны для судоходства; встрѣчаются также нѣсколько озеръ не маловажной величины и много сѣрныхъ ключей. Земля вообще камениста и тоща, и только въ немногихъ полосахъ очень плодоносна; однако жь Японецъ умѣлъ постояннымъ прилежаніемъ одолѣть природныя препятствія въ такихъ мѣстахъ, гдѣ они непобѣдимы: онъ воздѣлалъ горы уступами до самыхъ вершинъ, большую часть лѣсныхъ мѣстъ обратилъ въ пахатныя поля и довелъ ихъ до того, что сборъ не только достаточенъ для прокормленія населенія изъ 40 милліоновъ душъ, но доставляетъ еще для вывоза излишекъ ржи и другого хлѣба. Самое большое затрудненіе причиняетъ доставка необходимаго одобренія, по тому что скотоводство очень незначительно по недостатку луговъ: за нимъ отваживаются ѣздить даже до Курильскихъ островoвъ, чтобы брать тамъ согнившихъ сельдей, которыя должны быть очень полезными, особливо для хлопчато-бумажныхъ плантацій. Да и климатъ не слишкомъ благопріятенъ для земледѣлія, какъ слѣдовало бы полагать, по тому что здѣсь онъ гораздо суровѣе, нежели въ странахъ западнаго полушарія, лежащихъ подъ тою же широтою Извѣстно, что главная причина того холодные туманы, лежащіе почти всегда на Восточномъ океанѣ; въ лѣтніе мѣсяцы туманъ здѣсь часто продолжается отъ 3 до 4 дней непрерывно; рѣдкій день проходитъ безъ того, чтобы не было нѣсколькихъ часовъ тумана и дождя. Хотя зимой хорошая погода стоитъ долѣе, нежели лѣтомъ, однако жь случается 3 или 4 дня въ недѣлю сумрачныхъ. Туманы и облака дѣлаютъ воздухъ сырымъ и холоднымъ и мѣшаютъ лучамъ солнца дѣйствовать съ такою же силою, какъ въ другихъ странахъ, лежащихъ подъ бо

лѣе свѣтлымъ небомъ. Такъ, чтобы привести примѣръ, въ Ливорно, въ Италіи, едва знаютъ морозъ, а снѣгъ видятъ только на вершинахъ высокихъ горъ; Матсмай лежитъ подъ тѣмъ же градусомъ широты, но земля здѣсь съ Ноября до Апрѣля покрыта глубокимъ снѣгомъ. Лѣтомъ жары часто достигаютъ высокой степени, однако жь только на Южныхъ островахъ, при томъ не несносные, умѣряемые морскимъ вѣтромъ; да и никогда не стоятъ долго, потому что скоро смѣняютъ ихъ бури и дожди, особливо во время сатсули (дождливыхъ мѣсяцевъ), которые приходятся въ половинѣ жаркаго времени года.

Произведенія Японской Имперіи очень разнообразны, какъ можно уже заключить изъ ея великаго протяженія. Главное, безспорно, сарачинское пшено, которое особенно хорошо родится на островѣ Нипонѣ и, должно быть, лучшее во всей Азіи: изъ него варятъ родъ густой каши и ѣдятъ ее со всѣми кушаньями вмѣсто хлѣба, а изъ рисовой муки пекутъ пироги и разное другое вкусное печенье. Сѣютъ также и овесъ, однако жь обыкновенно кормятъ имъ только лошадей, маисъ, который обыкновенно ѣдятъ поджареный, разныхъ родовъ бобы — любимое блюдо Японцевъ всѣхъ званій, горохъ, картофель, большія сладкія рѣдьки, и нѣкоторое количество ихъ на зиму солятъ, либо зарываютъ въ землю, и много другой зелени и садовыхъ плодовъ; но ихъ перечислять мы не станемъ. Плодовитыя деревья встрѣчаются на поляхъ вездѣ: особливо очень хорошо растутъ апельсины, лимоны, персики; только странно, что здѣсь не родится виноградъ: видны только маленькіе дикорастущіе виноградные грозды, которые чрезвычайно кислы и употребляются въ пищу соленые вмѣсто салата; сахарный тростникъ тоже рѣдокъ, и сахаръ, имъ доставляемый, черенъ и мало сладокъ. Чай — необходимая жизненная потребность Японцевъ, на землѣ ихъ родится зеленый и черный; но послѣдній очень дуренъ и пьютъ его только для утоленія жажды, зеленый считаютъ гораздо лакомѣе и подчуютъ имъ гостей; табакъ сдѣлался теперь тоже необходимостью для всѣхъ народныхъ сословій; однако жь только миссіонеры развели это растеніе, котораго употребленіе распространилось съ такою чудною быстротою по всему свѣту, и тѣмъ самымъ отняли большія полосы хорошаго поля у разведенія болѣе нуж-

ныхъ растеній, а особливо хлопчатой бумаги, которой въ Японіи потребляется гораздо больше, нежели въ другой какой нибудь странѣ по тому, что почти всѣ жители этой Имперіи въ простые дни одѣваются въ хлопчатую бумагу; вата, изъ нея выдѣланная, служитъ имъ вмѣсто мѣха; хлопчатою бумагой они набиваютъ свои матрацы, изъ нея же дѣлаютъ пищую бумагу, свиваютъ безчисленное множество свѣтиленъ для своихъ свѣчъ или лампъ съ ворванью, по тому, что у нихъ въ обыкновеніи всю ночь освѣщать ту комнату, гдѣ они живутъ. И шелководство не можетъ быть не значительно, по тому что женщины являются въ обществахъ только въ шелковыхъ платьяхъ, а въ праздничные дни даже простые солдаты щеголяютъ въ шелковомъ платьѣ. Не можемъ оставить безъ упоминанія лаковое дерево, такъ какъ Японскій лакъ славится въ Европѣ. Дерево, дающее этотъ сокъ, растетъ въ наибольшей части страны въ такомъ множествѣ, что лакомъ кроютъ всякую столовую посуду: ящики, сѣдла, луки, стрѣлы, копья, футляры, кисеты для табаку, стѣны и ширмы въ домахъ, короче сказать, всякую мелочь, которой хотятъ придать нарядный видъ; блескъ его такъ хорошъ, что можно смотрѣться въ него, точно въ зеркало; природный цвѣтъ сока бѣлый, но обращается во всякой другой, съ какимъ его смѣшаютъ; лучшій лакъ обыкновенно чернаго или краснаго цвѣта и наводится такъ искусно, что рѣдко сходитъ съ домашней утвари, бывшей въ употребленіи долго. Много утварей и сосудовъ Японцы дѣлаютъ изъ благородныхъ и другихъ металловъ, которыми очень богата наибольшая часть ихъ острововъ. Но безъ особеннаго разрѣшенія правительства нельзя добывать ни золота, ни серебра, чтобы не понизить цѣны этѣхъ металловъ, идущихъ для монеты, на украшеніе храмовъ и общественныхъ зданій и для нарядовъ. Ни одинъ металлъ не имѣетъ такого многочисленнаго употребленія, какъ мѣдь: ею обиваютъ не только крыши, углы и связи домовъ и корабли, но и почти всякую утварь, которая побольше, для лучшей прочности; изъ мѣди же дѣлаютъ и всю кухонную посуду. Желѣзо—рѣже, и идетъ почти только на оружіе; пушечныя ядра и ружейныя пули льютъ изъ олова, хотя и свинецъ въ изобиліи. Въ металлическомъ производствѣ Японцы показываютъ необыкновенное искуство: ихъ стальные товары, особливо сабли и кинжалы превосходнѣе всякихъ другихъ въ свѣтѣ.

можетъ быть, исключая Дамасскихъ; монета ихъ тоже очень хорошаго чекана.

Но сколько богата Японія въ минеральныхъ и растительныхъ сокровищахъ, какъ видно изъ сказаннаго выше, столько же бѣдною является въ животныхъ: по крайней мѣрѣ, извѣстія путешественниковъ очень скудны въ этомъ отношеніи. Дикіе звѣри, безъ сомнѣнія, почти не могутъ находить убѣжища въ такой странѣ, гдѣ земледѣльческій и промышленный трудъ объявилъ свое право на всякой клочекъ земли, и только въ недоступныхъ внутреннихъ горахъ встрѣчаются еще медвѣди, пантеры, леопарды, волки, олени, дикія свиньи, лисицы и зайцы. Для такихъ сектъ, которымъ можно ѣсть мясо этѣхъ звѣрей, они служатъ пищею, а мѣхи ихъ идутъ на плащи и одѣяла для бѣдныхъ людей въ сѣверной части страны, гдѣ бываетъ зимой очень холодно. Изъ медвѣжьей желчи приготовляютъ твердую массу, которая считается превосходнымъ лѣкарствомъ въ разстройствѣ желудка и въ другихъ болѣзняхъ; но какъ на нее большое требованіе и дорогая цѣна, то при продажѣ ея очень плутуютъ и подмѣшиваютъ въ нее желчи другихъ животныхъ. Впрочемъ, знатокъ не только различаетъ по вкусу настоящую желчь отъ поддѣльной, но даже узнаетъ, что она отъ медвѣдей того или другаго острова. Употребленіе ея очень просто: откусываютъ маленькій кусокъ ея и проглатываютъ. Въ числѣ домашнихъ Японскихъ животныхъ самою главною надобно считать лошадь по тому, что хоть она малоросла и слабосильна, за то статна и рѣзва. Въ Японіи нѣтъ мостовыхъ, а потому лошадей и не подковываютъ; но въ гористыхъ странахъ, чтобы онѣ не оступались, въ дождливую погоду подвязываютъ имъ подъ копыта деревянныя колодки, обернутыя въ лоскутокъ кожи. Рогатый скотъ въ Японіи плохой и жалкій, такъ какъ употребляется для возки и ношенія тяжестей; мясо его не ѣдятъ по тому, что, по непонятной привычкѣ, имѣютъ къ нему отвращеніе; не употребляютъ также и молока. Самая многочисленная домашняя птица — курицы и утки, однако жь и онѣ не йдутъ въ пищу, хотя мясо ихъ и разрѣшено нѣкоторымъ сектамъ. Когда Головнинъ однажды почувствовалъ себя очень нездоровымъ, и Японцы услыхали, что супъ изъ курицы въ Европѣ обыкновенное кушанье для больныхъ,

они едва отыскали земляка, который продалъ имъ на убой курицу за дорогую цѣну. За то они страстные охотники до яицъ и ѣдятъ ихъ вареныя вгустую: для того много курицъ содержится въ комнатахъ, гдѣ кормятъ ихъ рисомъ; тамъ же должны онѣ и класть свои яица, по тому что ни одинъ приличный Японецъ не станетъ ѣсть яицъ такой курицы, которая бѣгаетъ на открытомъ воздухѣ и клюетъ всякую дрянь: за то съ большимъ удовольствіемъ, вмѣсто лакомства, онъ ѣстъ околѣвшихъ, полусогнившихъ морскихъ животныхъ, выброшенныхъ волнами на берегъ. Вообще нѣтъ морскаго животнаго, котораго Японцы не употребляли бы въ пищу: киты, морскіе львы, морскія собаки, свиньи, морскіе медвѣди и рыба разныхъ родовъ для нихъ одинаково пріятное кушанье. Рыба въ Японіи тоже что въ другихъ странахъ мясо, по тому что, кромѣ духовенства, ѣдятъ его очень не многіе, отъ того-то на всѣхъ берегахъ встрѣчаются рыбныя ловли, занимающія множество людей; однако жь не отваживаются убивать китовъ на морѣ, а ловятъ ихъ чрезвычайно крѣпкими сѣтями въ бухтахъ и у береговъ.

Рыба составляетъ также и главный предметъ внутренней торговли: соленая и сушеная, она развозится по всѣмъ краямъ внутренней страны, гдѣ мѣняютъ ее на такіе продукты, которыхъ на берегахъ нѣтъ. Торговля больше всего производится водою: море и рѣки покрыты судами, которыя развозятъ товары по всѣмъ направленіямъ; суда хотя и очень широки и нерѣдко во 100 футовъ длины, однако жь не годятся для большихъ морскихъ путешествій, въ которыя Японцы больше ужь и не пускаются нынче. Но учрежденія для береговаго плаванія превосходны; во всякой гавани живутъ лоцманы, чтобы вводить и выводить суда; въ опасныхъ мѣстахъ разводятся по берегамъ огни, а на высотахъ поставлены вѣхи, по которымъ направляютъ путь въ дневную пору; дороги на сушѣ въ прекрасномъ состояніи, и черезъ рѣки и пропасти лежатъ хорошо устроенные мосты. Японцы имѣютъ несомнѣнную способность къ торговлѣ, и были прежде самыми смѣлыми мореходами: корабли ихъ не только плавали въ Китай и на острова Восточнаго Архипелага, но даже въ Остъ-Индію; впрочемъ съ тѣхъ поръ, какъ благодаря Европейскимъ проповѣдникамъ вѣры, произошли смятенія, то по сему поводу уничтожена Христіанская вѣра въ

Японіи. жителямъ ея запрещено, подъ смертною казнію, ѣздить въ чужіе края, и иностранцы допускаются къ нимъ только съ предосторожностями въ небольшомъ числѣ. «Торговые люди, говоритъ Японское правительство, имѣютъ въ виду только собственную прибыль, какую могутъ извлечь изъ сношеній съ чужеземными краями, не разсчитывая плохихъ послѣдствій такихъ сношеній, по тому что народъ слѣпъ для всего относящагося до управленія Имперіей и знаетъ поверхностно только то, что всего ближе къ нему, а въ двухъ шагахъ отъ себя онъ не видитъ ужъ ничего, по тому и легко можетъ свалиться въ пропасть, если не поведутъ его зрячіе люди.» Это правило, строго соблюдаемое до сихъ поръ, выгнало изъ Японскаго моря всѣхъ Европейцевъ, кромѣ Голландцевъ, впрочемъ и они ведутъ торговлю совсѣмъ не съ народомъ, а только съ Императорскими чиновниками и походятъ больше на плѣнниковъ, нежели на свободныхъ людей. Отъ того-то торговый духъ Японцевъ тѣмъ усерднѣе обратился къ внутренней торговлѣ и обнаруживается въ каждомъ городѣ и каждой деревнѣ. Почти вездѣ есть лавки съ больше или меньше важными товарами: къ магазину ювелира примыкаетъ лавка съ устрицами; возлѣ богатаго торговца шелкомъ живетъ чинильщикъ соломенныхъ башмаковъ; одинъ занимается своимъ ремесломъ съ такимъ же усердіемъ, какъ и другой. Относительно порядка, чистоты и аккуратности, эти люди больше всего походятъ на Англичанъ: какъ въ Англіи, всѣ товары съ печатными билетиками, на которыхъ обозначены цѣна, употребленіе и имя мастера, часто съ похвальною рекомендаціею; вещи поменьше тщательно завернуты въ бумагу; сарачинское пшено и другой хлѣбъ убираютъ въ соломенныя коробки; разныя матеріи, посуду, чай и подобныя вещи — въ ящики; жидкости сохраняютъ не въ бочкахъ, а въ чанахъ съ деревянными обручами и крышкой, съ маленькимъ четвероугольнымъ отверстіемъ.

Пошлина, платимая со всѣхъ товаровъ въ гаваняхъ и складочныхъ мѣстахъ, составляетъ главную, между прочимъ, часть государственныхъ доходовъ, которые далеко превышаютъ необходимые расходы и должны бы составить значительную казну, если бы пышность Двора и щедрость Императора не поглощали ужасныя суммы. Императоръ, носящій титулъ Кубо и живущій въ городѣ

Іедло, на Ниппонѣ, царствуетъ неограниченно, и воля его считается высшимъ закономъ; только въ чрезвычайно важныхъ случаяхъ онъ обязанъ спрашивать совѣта у верховнаго главы религіи, хоть и напередъ знаетъ, что этотъ никогда не можетъ и не осмѣлится быть другаго съ нимъ мнѣнія. Санъ Кубо — наслѣдственный и переходитъ къ старшему изъ потомковъ мужескаго пола, или, за неимѣніемъ такихъ, къ пріемышу, который однако жь долженъ быть родственникъ Кубо, Княжеской крови. Имперія состоитъ изъ множества Княжествъ, подъ управленіемъ вассальныхъ вождей (даміосъ), и изъ провинцій, непосредственно принадлежащихъ Императору и управляемыхъ его намѣстниками. Даміосы хоть и должны ставить для Государства извѣстное число войска, однако жь почти совершенно независимы въ своихъ областяхъ и даже пользуются правомъ издавать законы, которые, разумѣется, имѣютъ силу только для ихъ подданныхъ. Пять такихъ Князей составляютъ верховный совѣтъ (городши) и рѣшаютъ всѣ государственныя дѣла; однако жь, чтобы они не употребляли во зло своей власти, Императоръ ежеминутно можетъ удалить ихъ и поставить другихъ. Наряду съ этимъ верховнымъ совѣтомъ ведетъ дѣла другой изъ 15-ти членовъ, выбираемыхъ изъ среды Князей и дворянства (хадамодо): его главное занятіе уголовныя преступленія, тяжбы и подготовленіе важныхъ дѣлъ передъ поступленіемъ ихъ въ высшее правительственное мѣсто. Однако жь обѣ отрасли правительства, представляющія законодательную власть, подчинены непосредственному вліянію благоразумныхъ и пронырливыхъ придворныхъ, между которыми у Императора всегда есть любимцы и довѣренныя лица; онъ спрашиваетъ наединѣ у нихъ совѣта, прежде нежели скажетъ свое мнѣніе о дѣлѣ, представленномъ ему чиновниками. Всѣ государственныя дѣла раздѣляются на 7-мь разрядовъ (финансы, судоходство и торговля, постройки, полиція, судопроизводство, военное дѣло и религія): каждый изъ нихъ, смотря по его важности и обширности, поручается двумъ министрамъ. Самый важный изъ всѣхъ разрядовъ — полицейскій, по тому что вообще подозрительность Императора, а особливо его недовѣрчивость къ каждому управляющему Князю, принуждаетъ его строго наблюдать за ними, явно и тайно, посредствомъ шпіоновъ: отъ того-то во главѣ управленія полиціею находятся самые лучшіе люди Им-

періи, къ которымъ больше всѣхъ имѣетъ уваженіе Императоръ и весь народъ. Въ каждомъ Княжествѣ есть суды, рѣшающіе по существующимъ законамъ всякія тяжбы, случающіяся въ ихъ округѣ. Японцы сравниваютъ ихъ съ желѣзнымъ столбомъ, котораго не могутъ поколебать ни бури, ни время и, не смотря на не обыкновенную отчасти строгость этихъ судилищъ, до того расположены къ нимъ, что самую малѣйшую перемѣну сочтутъ преступленіемъ, опаснымъ для Государства. Разрядъ военныхъ дѣлъ заботится о содержаніи и размѣщеніи войскъ, приготовленіи оружія и мѣрахъ, необходимыхъ для обороны страны, которыя однако жь при какомъ нибудь важномъ нападеніи Европейскаго войска будутъ имѣть не много успѣха по тому, что и въ этой отрасли государственнаго управленія слишкомъ уже придерживаются старинныхъ учрежденій. Званіе солдата въ Японіи наслѣдственное: при поступленіи на службу каждый долженъ принимать присягу Императору, которую и подписываетъ своею кровью изъ правой руки; при своемъ повышеніи онъ уже не присягаетъ. Въ мирное время въ арміи считается 100.000, въ военное 400,000 солдатъ. Конница состоитъ изъ самыхъ красивыхъ людей, одѣтыхъ въ дорогія платья и вооруженныхъ добрыми саблями, пистолетами и пиками. Артиллерія и теперь еще почти въ такомъ же состояніи, въ какомъ находилась въ Европѣ въ то время, когда начали употреблять литыя пушки: орудія, выдѣлываемыя въ Японіи, мѣдныя и чрезвычайно толстыя, сравнительно съ ихъ длиною; казенка или раковинка вывинчивается при заряжаніи, а потому артиллеристы заряжаютъ пушки очень медленно, и только отошедши сперва на довольно большое разстояніе, зажигаютъ порохъ фитилемъ на длинной палкѣ; лафеты грубой работы и такіе тяжелые, что можно возить ихъ только съ великимъ трудомъ; порохъ тоже, кажется, очень плохъ. Пѣхота вооружена отчасти ружьями, отчасти стрѣлами и луками, отчасти копьями; однако жь у каждаго солдата есть сабля и кинжалъ. У ружей и пистолетовъ мѣдные, чрезвычайно тяжелые, стволы и маленькіе приклады, которые во время стрѣльбы солдаты не прижимаютъ къ плечу, а держатъ близь правой щеки, для прицѣливанья. Вмѣсто кремня въ куркѣ у нихъ фитиль, зажигаемый только въ то время, когда нужно сражаться; но такъ какъ надобно быть осторожнымъ при заряжаніи, чтобы порохъ на полкѣ не вспыхнулъ

слишкомъ рано, то по тому и выстрѣлы слѣдуютъ только въ большіе промежутки времени. Вмѣсто обыкновеннаго мундира Японскій солдатъ носитъ короткій кафтанъ сверхъ собственнаго платья и большую лощеную металлическую шляпу; въ торжественныхъ случаяхъ онъ получаетъ шелковое платье изъ Императорскихъ оружейныхъ, тканье съ золотомъ и серебромъ, а въ военное время — броню, покрывающую грудь, спину, руки и ноги, и забрало, которое хоть и защищаетъ его нѣсколько, но за то мѣшаетъ всякой быстротѣ движеній. Жалованье выдается ему сарачинскимъ пшеномъ, котораго большую часть онъ продаетъ, чтобы запастись другими нужными вещами. При вспыхнувшей войнѣ, полководецъ назначается Императоромъ; прочіе начальники опредѣляются каждымъ изъ Князей, поставляющихъ солдатъ. Въ крѣпостномъ дѣлѣ Японцы до того не свѣдущи, что крѣпости ихъ заставляютъ смѣяться надъ своей глупой постройкой, и ни одна изъ нихъ не могла бы выдержать нападенія осадившихъ ее Европейцевъ. Прежде были у нихъ и военные корабли; но съ тѣхъ поръ, какъ запрещены всякія сношенія съ чужими краями, ни одинъ корабль не можетъ возить пушекъ, чтобы онѣ не соблазнили его пристать къ какому нибудь чужеземному берегу. Но если бы Японское правительство захотѣло имѣть опять военный флотъ, ему было бы очень легко построить его по Европейскому образцу: стоило бы только пригласить въ Японію нѣсколькихъ хорошихъ корабельныхъ мастеровъ и свѣдущихъ морскихъ офицеровъ, по тому что нѣтъ недостатка ни въ превосходныхъ гаваняхъ, ни во всѣхъ необходимыхъ матеріалахъ для кораблестроенія; при томъ Японскіе матросы столько же искусны, какъ и смѣлы, даже въ сильную бурю отваживаются выходить въ море, да еще на такихъ жалкихъ судахъ, что Европейскій плаватель никакъ не рѣшился бы вѣрить имъ свою жизнь; однако жь каждый годъ множество этихъ людей находитъ свою погибель въ волнахъ.

Не смотря на то, что разрядъ религіозныхъ дѣлъ — также отрасль государственнаго управленія, однажо жь управляется исключительно духовнымъ Императоромъ (Кин-Реи); это лицо, по древней конституціи Имперіи, должно стоять наравнѣ съ свѣтскимъ Императоромъ. Такія отношенія и признаются, повидимому, до тѣхъ поръ, пока его распоряженія не стѣсняютъ свѣтской вла-

сти; но когда это случится, умѣютъ очень хорошо уничтожать его притязанія. Старинная религія древнѣйшихъ жителей Японіи была чрезвычайно проста и проявлялась въ вѣрованіи въ божественныхъ предковъ, въ поклоненіи и молитвахъ имъ о помощи, защитѣ и покровительствѣ. Она называется Ками-но митси (путь Камиса) или Син-тоо (древнее богослуженіе), въ противоположность Буттоо, ученію Будды, введенному въ VI столѣтіи Христіанскаго лѣтосчисленія. Вмѣстѣ съ этѣми обѣими вѣрами существуетъ еще третья, называемая Сиутоо, которая основана на нравственной философіи Конфутсе и имѣетъ своихъ поклонниковъ вообще въ ученомъ и высшемъ сословіи. Какъ простой, невѣжественный народъ, замѣчаетъ Ф. Фр. Зибольдъ, изстари преданъ былъ простому служенію Ками, точно изъ прирожденной ему склонности, а къ поклоненію Буддѣ приманили его ослѣпляющія внѣшнія средства, такъ прекрасно разсчитанныя на деревенскую простоту; точно такъ же знатный, образованный Японецъ привязался къ болѣе чистой нравственной философіи Конфутсе: онъ видѣлъ, что, благодаря благодѣтельному ея вліянію, его отечество вышло изъ мрака невѣжества, а самъ онъ удержанъ былъ отъ заблужденій, въ которыя такъ легко могли бы завлечь его плутовства и обманы религіозной мечтательности Буддистовъ. Служеніе Ками нынче въ большомъ почетѣ у народа и государства: простолюдинъ питаетъ слѣпое благоговѣніе къ ученію Будды, смотря съ уваженіемъ на философскую секту, по тому что она имѣетъ своими приверженцами самыхъ отличныхъ людей въ государствѣ. Образованный Японецъ уважаетъ служеніе Ками, но съ равнодушнымъ презрѣніемъ смотритъ на вѣру Буттоо не по тому, что бы эта вѣра Буддистовъ внушала ему такое презрѣніе, а по тому, что она унижаетъ его самого, дѣлая его, точно толпу простолюдиновъ, предметомъ грубаго плутовства, въ которое такъ часто перерождалось общественное богослуженіе этой секты.

Не смотря однако жь на то, по окончаніи кровопролитныхъ междоусобныхъ и религіозныхъ войнъ, въ XVII столѣтіи, и истребленіи или изгнаніи миссіонеровъ съ ихъ приверженцами, религія Будды сдѣлана господствующей въ государствѣ, какъ испытанное оборонительное средство противъ Христіанства. Чтобы

достичь земнаго счастія и получить отраду и за гробомъ, вѣроисповѣданіе Ками предписываетъ вѣрнымъ правила жизни, которыхъ содержаніе почти можно собрать въ слѣдующихъ положеніяхъ: Для служенія Ками должно поддерживать чистый огонь; должно хранить въ сердцѣ вѣру и истину, приносить свѣжіе и чистые дары для жертвы и просить, чтобы Ками послалъ здоровье и благословеніе и простилъ грѣхи, для очищенія души грѣшника и избавленія его отъ всякаго зла. Для того-то служитель Ками старается поддерживать огонь, зажигаемый въ началѣ года жрецами въ преддверіяхъ храма, означать душевную чистоту опрятностію тѣла и омовеніями, совершаемыми въ извѣстное время и въ разныхъ обстоятельствахъ жизни, праздновать предписанные многочисленные праздники и святые дни, предпринимать набожныя странствованія къ самымъ знаменитымъ чертогамъ Камисовъ, служить и молиться имъ дома и въ храмахъ и приносить чистыя жертвы. Въ жилищѣ всякаго Японца, какой бы вѣры онъ ни держался, на возвышенномъ мѣстѣ поставлена маленькая часовня изъ простаго бѣлаго дерева (мія), въ которой, какъ символическое изображеніе божества, находится Go-hei, богослужебная утварь изъ разноцвѣтныхъ листовъ бумаги; передъ этою маленькою міей ставятъ горшки съ дикимъ чеснокомъ, миртами, кипарисами и другими растеніями, жертвенные сосуды съ чаемъ, виномъ, сарачинскимъ пшеномъ и круглыми пирожками, а съ боку вѣшаютъ фонари оригинальной формы. Въ поминальные дни Камисовъ, въ народные и семейные праздники это сѣдалище домашнихъ боговъ, по тамошнему обычаю, убирается символическими украшеніями и посудою, соотвѣтственно торжеству праздника. Кромѣ этой домашней часовни, въ маленькихъ садикахъ, окружающихъ большую часть домовъ, устроены почетныя мѣста для особенно уважаемыхъ Камисовъ, обыкновенно спрятанныя въ кустарникѣ, къ которому ведутъ маленькія аллеи. Тутъ же поставлены каменные фонари въ видѣ столбовъ, въ которыхъ, въ извѣстное время, зажигаются свѣчи, межъ тѣмъ какъ отецъ и члены семейства тихо читаютъ свои молитвы. Тамъ, либо у своего окна, благочестивые Японцы, повернувшись къ востоку и сложивъ руки, обыкновенно отправляютъ свое утреннее моленіе Божеству; семейство врядъ-ли станетъ завтракать или обѣдать, не вспомнивъ сперва о Божественномъ подателѣ, въ

краткой и тихой молитвѣ, съ торжественнымъ поднятіемъ блюдъ и кубковъ. Такимъ подателемъ признаютъ они единое, невидимое Существо, вѣчно царствующее и сѣдящее за облаками, которое такъ величественно, что не можетъ быть обожаемо въ храмахъ; за могилою оно награждаетъ добрыхъ и наказываетъ злыхъ. Камисы могутъ приходить къ нему за свои добродѣтели. Самая главная изъ этѣхъ добродѣтелей душевная и тѣлесная чистота: чтобы не осквернить себя, исповѣдающіе вѣру Син-тоо не могутъ убивать и ѣсть такихъ животныхъ, которыя употребляются для работъ, а только дикихъ, и разную птицу и рыбу; осквернившій себя хотя одною каплею крови—не чистъ на нѣсколько времени, точно такъ-же, какъ и прикоснувшійся къ трупу, или даже вошедшій въ тотъ домъ, гдѣ лежитъ трупъ. Жрецы, которые должны смотрѣть за соблюденіемъ всѣхъ такихъ обрядовъ и отправлять служеніе въ храмахъ, раздѣляются на многія степени и вообще пользуются большимъ уваженіемъ въ народѣ; меньше значенія имѣютъ монахи и пустынники, живущіе милостынею на горахъ въ кельяхъ. Болѣе подробныя разысканія о богослужебныхъ учрежденіяхъ Японцевъ слишкомъ отдалили бы насъ отъ нашей цѣли; не можемъ также входить въ подробности объ искаженіяхъ Конфуціевой и Буддистской вѣры, ворвавшихся въ Японію; вообще о томъ говорили мы выше, и въ заключеніе довольствуемся замѣчаніемъ, что каждый Японскій гражданинъ имѣетъ право исповѣдовать ту вѣру, которая ему нравится, и перемѣнять ее столько разъ, сколько найдетъ лучшимъ, и что народъ хоть и очень суевѣренъ, впрочемъ и очень терпѣливъ относительно иновѣрцевъ.

Особливо очень просвѣщенны въ этомъ отношеніи высшія сословія. Въ замѣчаніяхъ отдѣльныхъ чиновниковъ, встрѣчающихся въ разсказѣ Головнина, не рѣдко проглядываетъ очень здравая философія. Хотя нынче и установилась въ Японіи образованность, какъ и въ Китаѣ, но Японія, кажется, способна къ прогрессу: болѣе мужественный характеръ и высшая степень политической свободы ставятъ Японца, честнаго и осторожнаго, ближе къ Европейцу, нежели гордаго до глупости Китайца. Если когда нибудь, на долгое или короткое время, отмѣнено будетъ запрещеніе изучать иностранные языки и учить иноземцевъ Япон-

скому языку, это произведетъ великій переворотъ, по тому что народъ желаетъ распространять свои свѣдѣнія и смотритъ съ большимъ вниманіемъ на все новое для него, что, не смотря на строгій надзоръ правительства, часто однако жь доходитъ до его свѣдѣнія. Слѣдовательно, не народа вина, если въ наукахъ и искуствахъ онъ далеко отсталъ отъ Европейцевъ, и особливо нѣкоторыя отрасли знаній, наприм. медицина, находятся еще въ жалкомъ положеніи; больше всего обработывается отечественная исторія: есть цѣлый рядъ хорошихъ историческихъ сочиненій; — сверхъ того, въ Японіи нѣтъ человѣка, который не былъ бы коротко знакомъ съ судьбами своего отечества и законами своей страны, по тому что всякой умѣетъ читать и писать, и во всѣхъ городахъ и деревняхъ очень заботятся о воспитаніи, благодаря хорошо устроеннымъ училищамъ.

Японскій языкъ—коренной и, по мнѣнію Головнина, ведетъ начало отъ общихъ предковъ Японцевъ и Курильцевъ, однако жь, благодаря раннимъ сношеніямъ съ Китайцами, Корейцами и другими народами, заимствовалъ множество иностранныхъ словъ, которыя считаются теперь природными и туземными. Въ книгахъ, государственныхъ бумагахъ и письмахъ пользуются Китайскими письменными знаками; простолюдинъ употребляетъ азбуку изъ 48 буквъ, которыя однако жь иногда составляютъ цѣлые слоги. Изученіе Японскаго языка соединено для Европейцевъ съ очень большими затрудненіями, какъ по ужасному богатству словъ, такъ и по произношенію, которому подражать невозможно. Впрочемъ, на Японскомъ языкѣ легко сочинять стихи, и Русскіе плѣнники слыхали нерѣдко очень милыя пѣсни, которыми жители старались развлекать себя за работой или коротать досужное время. Японцы любятъ также драматическія зрѣлища и имѣютъ особенныя зданія, устроенныя для представленія ихъ комедій, содержаніе которыхъ большею частію составляютъ событія отечественной исторіи, однако жь есть у нихъ и шуточныя піэсы, служащія особливо для забавы народа.

Японецъ вообще всегда въ веселомъ расположеніи духа и очень ласковъ въ обхожденіи. Съ тѣхъ поръ, какъ Головнинъ явился спасителемъ Японской чести, теперь никто уже не вѣритъ больше нелѣпымъ росказнямъ о Японскомъ коварствѣ и

жестокости, которыя особенно распространялись миссіонерами, прогнанными за дѣло. Будучи плѣнникомъ, Головнинъ, вѣрно больше всякаго другаго, долженъ бы чувствовать такіе недостатки Японскаго характера; но онъ особенно хвалитъ, по справедливости, самое искреннее сочувствіе всего Японскаго населенія къ несчастію чужеземцевъ, которые однако жь считались непріятелями и разбойниками. Честность и вѣрность совсѣмъ не пустыя слова у Японцевъ; воровства случаются рѣдко; разбои вовсе неслыханны. Обыкновенно упрекаютъ ихъ въ трусливости; однако жь недостатокъ въ нихъ мужества скорѣе можно назвать малодушіемъ, котораго виною долговременный миръ и отвращеніе къ кровопролитію. Въ прежнее время Японцы во многихъ случаяхъ доказали свою блестящую храбрость, впрочемъ соединяли ее съ мстительностью, дѣлавшею много несчастій; но она ужь не господствуетъ теперь, покрайней мѣрѣ, въ такой высокой степени; чтобы долгъ мести за обиду переходилъ къ потомкамъ обиженнаго до тѣхъ поръ, пока не получалъ удовлетворенія на одномъ изъ потомковъ убитаго. За то совсѣмъ не слышно о кровопролитныхъ babкахъ, какія случаются въ другихъ странахъ, особливо въ пьянствѣ, не смотря что народъ страстный охотникъ до крѣпкихъ напитковъ и напивается до излишества, больше всего по праздникамъ. Но какъ быть пьянымъ въ дневное время считается большимъ безчестьемъ, даже между простымъ народомъ, то предаются этому наслажденію вечеромъ, по окончаніи занятій, дома или въ небольшихъ компаніяхъ, и потомъ идутъ на покой. Больше всего распространенный и самый гибельный порокъ — распутство, хотя Японцу позволено кромѣ жены держать столько любовницъ, сколько ему угодно. По закону онъ можетъ брать только одну жену, которая не должна быть ниже его по званію, однако жь любовницы пользуются всѣми правами женъ; ихъ связь съ женатымъ человѣкомъ совсѣмъ не безчестна ни для него, ни для нихъ, и онѣ живутъ подъ одной кровлей съ его семействомъ. Дѣвушки обыкновенно выходятъ за мужъ по 15 году; молодые люди женятся нѣсколько позже. Сватовство къ невѣстѣ, обрученіе и свадьба соединены со множествомъ странныхъ и смѣшныхъ обрядовъ, а у богатыхъ и знатныхъ съ большой роскошью и значительными расходами. При такихъ случаяхъ много пьютъ и пируютъ: одни ро-

дители серьезны и задумчивы, часто даже печальны, въ той увѣренности, что любимая дочь рѣдко находитъ мужа, который будетъ любить ее долго и сдѣлаетъ ее подлинно счастливою. Очень страненъ обычай — чернить невѣстѣ зубы какимъ-то ѣдкимъ средствомъ: эта краска не пропадаетъ ужь никогда, и потому тотчасъ же можно узнать, замужняя ли женщина или вдова передъ нами; напротивъ столько же хорошъ обычай—садить въ саду или на дворѣ дерево при рожденіи всякаго сына: оно достигаетъ полнаго роста въ то же самое время, когда ребенокъ приходитъ въ возмужалость; когда онъ женится, дерево срубаютъ и дѣлаютъ изъ него ящики и коробки, для сохраненія въ нихъ платьевъ молодаго. Дочери не получаютъ приданаго; если же онѣ красавицы, женихъ часто находитъ себя принужденнымъ покупать согласіе родителей суммою денегъ, соразмѣрно достоинствамъ невѣсты. Японецъ можетъ жениться столько разъ, сколько хочетъ, и имѣетъ право разводиться съ женою въ какое угодно время. Мужья изъ высшихъ сословій очень ревнивы и держатъ женъ въ запертыхъ комнатахъ, куда едва только имѣютъ доступъ самые близкіе родные; женщины низшихъ званій пользуются большею свободою и могутъ даже показываться въ обществѣ безъ покрывалъ, но въ отсутствіе мужей не смѣютъ говорить съ мужчиною.

Японцы воспитываютъ своихъ дѣтей очень заботливо, какъ можно раньше учатъ ихъ читать и писать, назидаютъ въ религіи и отечественной исторіи и упражняютъ въ искуствѣ владѣть оружіемъ, какъ скоро дѣти будутъ на столько сильны; но главная задача ихъ состоитъ въ томъ, чтобы съ самой ранней молодости приучить дѣтей къ терпѣнію, скромности и вѣжливости, и старанія ихъ награждаются лучшимъ успѣхомъ. Во всякихъ обстоятельствахъ жизни даже простолюдинъ показываетъ часто непонятную кротость и мягкость: шумный споръ считается большою грубостью; каждый старается предложить свое мнѣніе съ возможною осторожностію и множествомъ извиненій; возраженій не дѣлаетъ никогда прямо, а всегда съ околичностями и большею частію въ примѣрахъ и сравненіяхъ. Всѣ Японцы, какого бы ни были званія и возраста, чрезвычайно вѣжливы въ обращеніи между собою. Обыкновенное между ними привѣтствіе — сгибаніе колѣнъ (присѣданіе); когда же хотятъ оказать болѣе уваженія ка-

кому нибудь сановитому и почтенному человѣку, падаютъ на колѣни и наклоняютъ голову до полу; но это бываетъ только въ комнатѣ, на улицѣ же они только нагибаются впередъ, такъ что могутъ доставать пальцами до земли, и при этомъ, затаивъ дыханіе, называютъ по имени того, съ кѣмъ здороваются. Такъ можно слышать: «аі Сампе сама» (ахъ, господинъ Сампе), «аі конидлши» (ахъ, сегодня), что означаетъ привѣтствіе при встрѣчѣ съ кѣмъ нибудь; аі тенки іоі» (ахъ, хорошая погода), или «аі тенки вари» (ахъ, дурная погода). Послѣ этѣхъ первыхъ изъявленій вѣжливости, они спрашиваютъ со множествомъ поклоновъ о здоровьѣ, о родныхъ или о занятіяхъ. При разставаньи не говорятъ «до свиданія», какъ водится въ Европѣ, а означаютъ время, когда надѣются опять видѣться, на прим. «аі міонидши» (ахъ, завтра), «аі когонотц» (ахъ, девять часовъ). Японецъ, раскланивающійся такъ на всѣ стороны, съ зонтикомъ въ рукѣ и карманомъ на груди съ бумагой, деньгами и лѣкарствами, безъ чего не выходитъ никто, если же это чиновникъ, съ чернильницею и пучкомъ перьевъ за поясомъ, въ первыя мгновенія заставитъ посмѣяться Европейца; но если этотъ станетъ наблюдать его подробнѣе, онъ пріобрѣтетъ его уваженіе своею добродушною ласковостію, а особливо величайшею аккуратностью и опрятностью тѣла и одежды, которая сей часъ же бросается въ глаза. Одежда мужчинъ и женщинъ походитъ на короткій шлафрокъ безъ воротника, съ короткими и широкими рукавами, и обыкновенно шелковая, только у бѣдныхъ людей бумажная. Такихъ кафтановъ (хирамони) обыкновенно носятъ пять или шесть одинъ на другомъ, для защиты отъ холода или изъ щегольства, и повязываютъ ихъ поясомъ, два раза обернувъ его кругомъ тѣла; рубашекъ совсѣмъ не знаютъ. Женщины изъ суетности надѣваютъ еще больше кафтановъ одинъ на другой, однако жь изъ болѣе тонкихъ матерій: число ихъ доходитъ нерѣдко до двадцати. Чулки носятъ только въ дорогѣ; вмѣсто башмаковъ служатъ подошвы, сплетенныя изъ рисовой соломы, привязанныя такимъ же соломеннымъ снуркомъ; въ дурную погоду подвязываютъ подъ ноги деревянныя дощечки, которыя однако жь снимаютъ при входѣ въ комнату; шею и часть груди не прикрываютъ ни чѣмъ; въ жестокую стужу кафтаны застегиваютъ, прячутъ въ нихъ также и руки; всего

чаще ходятъ съ непокрытою головою, и только въ очень сильные жары или въ продолжительный дождь пользуются маленькими шляпами, соломенными; кожаными или деревянными, съ широкими полями; у богатыхъ людей онѣ лощеныя, раскрашенныя и позолоченыя Мужчины брѣютъ голову и бороду, а на вискахъ и затылкѣ оставляютъ длинные волосы, которые на макушкѣ связываютъ тонкимъ бѣлымъ снуркомъ, потомъ загибаютъ ихъ въ пучкѣ ко лбу, и въ 2-хъ съ половиною дюймахъ отъ него опять обвиваютъ тѣмъ же снуркомъ, такъ что этѣ волосы плотно лежатъ на черепѣ и, напомаженные, походятъ на плотную массу, или лучше на вылощенный четвероугольный кусокъ дерева. Головной уборъ женщинъ походитъ на обыкновенную прическу знатныхъ женщинъ въ западной Европѣ въ исходѣ XVII столѣтія; въ него втыкаютъ Японки какъ можно больше золотыхъ и серебряныхъ булавокъ. Богачи охотно выказываютъ въ обществѣ большую пышность и ѣздятъ въ колясках, которыя однако жь возятъ волы, по тому что знатные люди очень осторожны и боятся, чтобы лошади не опрокинули и не задавили ихъ; многіе ѣздятъ и верхомъ, но такъ какъ считаютъ для себя унизительнымъ держать поводья, то лошадей водятъ слуги, чаще всего однако жь пользуются носилками. Головнинъ видѣлъ однажды, какъ выѣзжалъ Матсмайскій губернаторъ: вмѣсто поводьевъ, два свѣтлосиніе пояса были привязаны къ удиламъ его лошади; подъ мордою не очень, кажется, дикаго животнаго держали ихъ съ каждой стороны два конюха; концы поясовъ держали двое другихъ конюховъ, шедшихъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ первыхъ, такъ что этѣ четыре человѣка занимали почти всю улицу. Они безпрестанно кричали «хаі», «хаі» (тише, тише) и только что лошадь дѣлала скачекъ, или шла немного скорѣе, губернаторъ, стоявшій въ деревянныхъ стременахъ, похожихъ на полированный ящичекъ, быстро наклонялся впередъ и держался обѣими руками за роскошное сѣдло; впереди, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, шла шеренга солдатъ, безпрестанно кричавшихъ, чтобы посторонились, хотя по улицѣ никто не шелъ, да и нечего было бояться. Если по губернатору заключать и объ остальной конницѣ, то она, кажется, не много можетъ внушить страха.

Впрочемъ страсть къ пышности у Японца только и ограничивается появленіемъ его въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ народѣ; домашняя жизнь всѣхъ сословій очень проста и вовсе не роскошна. Дома, по случаю частыхъ землетрясеній, обыкновенно въ одинъ этажъ и, по теплому климату, деревянные, легкой постройки. Внутреннія перегородки, обитыя цвѣтною бумагою, и больше или меньше украшенныя деревянными рамами, подвижныя, такъ что, если снять ихъ, весь домъ обратится въ одну комнату. Печей и каминовъ не знаютъ, да и не имѣютъ въ нихъ надобности, по тому что огонь сохраняютъ на очагѣ, или въ небольшой жаровнѣ. Это, да нѣсколько фарфорой посуды, также разное оружіе — единственная домашняя мебель; полъ, служащій для сидѣнья и спанья, устланъ чистыми рогожками прекрасной работы, на которыхъ разстилаютъ иногда для гостей сукна и ковры. Наружный видъ домовъ почти безъ всякихъ украшеній, и разница между жилищами знатныхъ и простыхъ людей, кромѣ обширности, состоитъ только въ томъ, что дома первыхъ помѣщаются на просторномъ дворѣ, обнесенномъ высокою стѣною или землянымъ валомъ, такъ что съ улицы видны однѣ только крыши. Японцы очень любятъ сады, и кто въ состояніи дѣлать на это расходы, тотъ вѣрно не лишаетъ себя этого украшенія; но лучшее убранство всякихъ домовъ, безспорно, замѣчательная чистота, господствующая вездѣ: безъ нея не можетъ жить ни одинъ Японецъ, богатый ли онъ, или бѣдный. Гораздо легче онъ обходится безъ пищи и питья и по умѣренности еще выше Китайца: на цѣлый день съ него довольно горсти сарачинскаго пшена да куска мяса, который кладетъ въ ротъ разомъ, кромѣ того ѣстъ какую нибудь траву или коренья, по тому что ни одно растеніе, не рѣшительно ядовитое, не остается у нихъ безъ употребленія; либо ищетъ раковинъ и изъ содержанія ихъ готовитъ такъ же вкусный, какъ и питательный обѣдъ. При такомъ умѣренномъ образѣ жизни и всегдашней опрятности, онъ пользуется долгимъ здоровьемъ и остается всегда гибкимъ и ловкимъ. Японецъ вообще хорошаго роста и имѣетъ крѣпкіе члены, даже и при среднемъ ростѣ большую голову, короткую шею, черные, густые волосы, которые вдоволь намазываетъ масломъ, хотя не плоскій, однако жь нѣсколько короткій и толстый носъ, продолговато-узенькіе, впалые и накось лежащіе, впрочемъ прекрасные и ласковые, черные глаза, желтова-

таго цвѣта кожу, но этотъ цвѣтъ, смотря по занятіямъ Японца, на открытомъ воздухѣ или въ комнатѣ, часто переходитъ больше въ смуглый и бѣлый. Знатныя женщины, которыя почти никогда, или только изрѣдка, подвергаются дѣйствію солнечныхъ лучей, такъ же бѣлы, какъ и Европейскія, и не менѣе ихъ красивы, особливо отличаются чрезвычайно привѣтливымъ, оживленнымъ взглядомъ. Наружный видъ Японца показываетъ въ немъ смѣсь Монгольскихъ и Малайскихъ предковъ, и можно полагать навѣрное, что Японія, первоначально заселенная Японцами, наводнена была въ неизвѣстное для насъ время Монголами. Изъ обоихъ племенъ составился смѣшенный народъ, который постепенно достигъ теперешней своеобразной самостоятельности.

Послѣ описанія Японскаго народа, возвращаемся теперь къ плѣннымъ Русскимъ. Капитанъ Рикордъ, которому, по взятіи Головнина въ плѣнъ, досталось начальство надъ кораблемъ, старался неутомимо объ освобожденіи своихъ земляковъ, но долго безъ всякаго успѣха; даже задержаніе на берегу одного знатнаго Японца не много принесло пользы. Когда же убѣдились изъ донесеній Матсмайскаго губернатора и другихъ разысканій, веденныхъ съ большою хитростью, что прежнее грабительство Японскихъ деревень затѣяно не по приказанію Русскаго правительства, тогда только послѣдовало освобожденіе и оправданіе Головнина и его товарищей, съ тѣмъ вмѣстѣ разрѣшено было Рикорду взять ихъ на корабль въ гавани Хакодаде, что и случилось 7 Октября 1813 года, при великомъ ликованьѣ Японцевъ. Головнинъ тотчасъ же принялъ опять начальство надъ кораблемъ, отвелъ его въ Камчатку и отправился потомъ въ Петербургъ, гдѣ со всѣмъ экипажемъ получилъ богатыя награды отъ Императора. Въ 1817 году онъ въ другой разъ былъ отправленъ въ ученое путешествіе въ Сѣверный океанъ, и съ блестящимъ успѣхомъ исполнилъ свое порученіе. Послѣ онъ оставилъ службу и жилъ въ Петербургѣ, гдѣ и умеръ въ 1832 году, со многими другими, отъ холеры.

V

СМѢСЬ

ПОВѢСТЬ
О
УБІЕНІИ ЦАРЕВИЧА КНЯЗЯ ДИМИТРІЯ.

Предлагаемая Повѣсть о убіеніи Царевича Димитрія Іоанновича Углицкаго, писанная полууставомъ конца XVII, или начала XVIII вѣка, заимствована изъ сборника (№ 1563) Императорской Публичной Библіотеки, поступившаго въ нее изъ бывшаго Древлехранилища М. П. Погодина.

Свѣдѣнія, заключающіяся въ Повѣсти, показываютъ, что она составлена современникомъ, бывшимъ близкимъ ко двору Царевича, или имѣвшимъ знакомство съ лицами, къ нему принадлежавшими. Подробности о томъ, какъ Царевичъ провелъ день, въ который совершилось убійство, служатъ очевиднымъ тому доказательствомъ, а самый разсказъ объ этомъ происшествіи носитъ на себѣ всю печать достовѣрности. Вообще въ цѣлой Повѣсти не встрѣчается ни одной черты, которая давала бы возможность заподозрить ея достовѣрность. Единственная, находящаяся въ Повѣсти, хронологическая обмолвка, что лица, посланныя Царемъ Ѳеодоромъ Іоанновичемъ для разслѣдованія убій-

ства, прибыли въ Угличъ 9 мая (слѣдовало бы 19-го), легко объясняется ошибкою переписчика, который вмѣсто ѳі написалъ ѳ.

Слова «и того дни,» которыми начинается «Повѣсть о убіеніи,» показываютъ, что она выписана или изъ Житія Св. Димитрія, или изъ Хронографа, остающихся до сихъ поръ неизвѣстными.

Д. Чл. А. Бычковъ.

О убиенiи царевича князя Димитрия.

Начну же сице рещи вкратцѣ повѣсть слезну и горку нестерпимаго праведнаго суда Б҃жiя, Б҃гу попущающу грѣхъ ради нашихъ, а врагу дѣйствующу, на ц҃рскiй и б҃городный корень дерзнувшаго злаго человѣка Бориса Годунова, научившаго злыхъ измѣнниковъ Никитъку Качалова да Данилъка Битаговскаго ц҃рскiй б҃городный корень искоренити, б҃говѣрнаго ц҃ревича кн҃зя Димитрiя Ивановича повелѣ оубити, а самъ восхотѣ царствовати; не во вѣки нацарствовавъ, яко прахъ во мгновенiи ока исчезе, и испивъ чашу отмщенiя суда Б҃жiя; понеже бо есть время рещи.

Повѣсть о оубiенiи б҃говѣрнаго ц҃ревича кн҃зя Димитрiя Ивановича всея Русiи Оуглецкого.

И того дни (ЕI Маiя) ц҃ревичь по утру восталъ драхлъ с постели своей, и глава оу него г҃дря ц҃ревича с плечь покатилася, и в четвертомъ часу дни ц҃ревичь пошолъ к обѣднѣ, и послѣ евангелiя оу старцовъ Кириловахъ митрополита образы принялъ. И послѣ обѣдни пришелъ к себѣ в хоромы, и платейцо перемѣнилъ, и в ту пору с кушаниемъ взошли, и скатерть наслали, и Богородиченъ хлѣбецъ священникъ вынялъ; а кушалъ г҃дрь ц҃ревичь по единожды днемъ, а обычай оу него г҃дря ц҃ревича былъ таковъ: по вся дни причащался хлѣбу Богородичну; и послѣ того похотѣлъ испити, и ему г҃дрю поднесли испити, и испивъ пошелъ с кормилицею погуляти. И в седмый часъ дни, какъ будетъ ц҃ревичь противу ц҃ркви ц҃ря Константина, и по повелѣнию измѣнника злодѣя Бориса Годунова, приспѣвше д҃шегубцы, ненавистники ц҃рьскому корени, Никитка Качаловъ да Данилка Битаковской, кормилицу его палицею оушибли, и она обмертвѣвъ пала на землю, а ему г҃дрю ц҃ревичю в ту пору книжа перерѣзали горло ножемъ, а сами злодѣи д҃шегубцы вскричали великимъ гласомъ. И оуслыша шумъ мати его г҃дря

црича и великая кнгиня Марїя Федоровна прибѣгла, и видѣ сна своего црвича мертва, и взяла тѣло его на руки, а они злодѣи дшегубцы стоять на тѣлѣ гдря црвича обмертвѣли, аки нѣи безгласни, противъ его гдрни мтри не могли проглати ничто же, а дяди его гдрвы в тѣ поры разъехалися по домомъ кушати, того грѣха не вѣдая; и взявъ ѡна гдрня тѣло сна своего црвча Димитрїя Ивановича, и ѿнесла в цркви блгоелѣпнаго Преображенїя Гдня, и повелѣ гдрня оударити звоны великїя по всему граду, и оуслыша народъ звонъ великъ и страшенъ, яко николи же не бысть такова, и стекошася вси народи ѿ мала и до велика, и видѣ гдря своего црвича мертва, и возопи гласомъ велїимъ мти его гдрня Марїя Федоровна, плачася, оубиваяся, говорила всему народу, чтобы тѣ ѡкаяннїи злодѣи дшегубцы црскому корению живы не были. И крикнуша вси народи, тѣхъ окаянныи кровоядце каменїемъ побили, а мти его гдрня црца была в црквѣ блгоелѣпнаго Преображенїя оу тѣла сна своего блговѣрнаго црвча кнзя Димитрїя Ивановича Оуглецкого неисходимо и дней. Да послѣ того, Мая въ ѳ днь, * в среду, погрести тѣло црвича на Оугличь приѣхали ѿ гдря цря и великаго кнзя Феодора Ивановича всея Русїи митрополитъ Крутиской, да бояринъ кнзь Василей Ивановичь Шуиской, да Ондрѣй Клешнинъ, да дьякъ Елизарей Вылузгинъ, и приѣхавъ досматривали тѣло гдря црвча кнзя Димитрїя Иванновича, а осмотря и ѿехали проч за Волгу. А Крутицкой митрополитъ и погребъ тѣло црвича Димитрия Мая въ кв днь, въ суботу, в седмый часъ дни. А сродичевъ гдря црвча тотъ часъ разослали по розныимъ городомъ, и мтрь его гдрню црцу сослали в заточенїе в непроходимое мѣсто в тюрму на Вычегду, да тамо ея и постригли; а в заточенїи была дї лѣтъ, а все по повелѣнию злодѣя измѣнника Бориса Годунова. А ѿ рожденїя по оубиенїи былъ црвичь ѡсми лѣтъ и шти мцъ и двацати ѡсми днеи; а родися гдрь црвичь кнзь Димитрей Иванновичь Оуглецкой лѣта ꙁчча году ѡктабря въ ф днь, а оубиение писано к верху.

---

* Слѣдуетъ читать мая въ ѳ днь.

ПОСЛАНІЕ

ПРЕОСВЯЩЕННѢЙШАГО СТЕФАНА ЯВОРСКАГО, МИТРОПОЛИТА РЯЗАНСКАГО И МУРОМСКАГО, КЪ ПРЕОСВЯЩЕННЫМЪ АЛЕКСІЮ САРСКОМУ И ПОДОНСКОМУ И ВАРЛААМУ ТВЕРСКОМУ И КАШИНСКОМУ.

Возлюбленной во Христѣ братіи нашей, Преосвященнымъ Архіереямъ Алексію Сарскому и Подонскому, Варлааму Тверскому и Кашинскому, отъ Великаго Архипастыря, прошедшаго небеса, Господа и Бога и Спаса нашего, Іисуса Христа, миръ, здравіе, благословеніе и наставленіе.

По Указу Благочестивѣйшаго Государя нашего, Царя и Великаго Князя, Петра Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, велено Вашимъ Преосвященствамъ ѣхать въ Санктпетербургъ для поставленія Архіереевъ на вдовствующія престолы; и по тому Его Великаго Государя Указу, благоволите путь сей благополучно воспріяти, и дѣло, понеже звани есте по чину и уставамъ Святыя Православно-Восточныя Кафолическія нашея Церкви, совершите, избранныхъ и достойныхъ превысокаго Архіерейскаго сана, благодатію всесвятаго Духа, даннаго Вамъ, рукоположеніемъ посвятите. Аще же бы Преосвященствамъ Вашимъ представленъ былъ къ посвященію во Архіерея на какій либо престолъ Пречестный отецъ Іеромонахъ Прокоповичъ, то Вы, Архіереи, должны есте сія непремѣнно сохранити:

1. Донести Благочестивѣйшему Государю, что помянутый Пречестный отецъ Өеофанъ Прокоповичъ имать препятіе, которое самъ на себя наложилъ къ Святому великому Архіерейскому сану. Препятіе же сіе есть: ученіе его новое, не согласное Святѣй нашей Апостольской Православной Кафолической Церквѣ, которое ученіе предавалъ онъ подъ имянемъ Богословіи явно въ

Кіевѣ во училищахъ, яко же о томъ свидѣтельствуютъ Кіевскіе ученики его и прочіе, а наипаче письма его, Богословскими нареченныя, отъ которыхъ нѣкая Вашимъ Преосвященствамъ, ради вѣденія подаются.

2. Аще бы сего ученія не призналъ за свое Пречестный отецъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, то обличатъ его письма, его ученикамъ въ Кіевѣ преданныя, кромѣ иныхъ свидѣтельствъ. Аще бы призналъ за свое оное ученіе, а глаголалъ бы согласное сіе быти Святѣй нашей Восточной Церквѣ, то должны есте, Архіереи Божіи, просити Благочестивѣйшаго Государя, дабы, аще намъ въ томъ не изволитъ вѣрити, благоволилъ сія его ученія послати къ Святѣйшимъ Патріярхамъ, ради подлиннаго извѣстія, не противна ли сія есть Святѣй нашей Церквѣ, а донѣле же о семъ извѣстіе получитъ, благоволилъ бы Пресвѣтлѣйшій Монархъ постановленіе Іеромонаха Прокоповича отложить на иное время.

3. Аще же бы Іеромонахъ Прокоповичъ призналея до сего ученія, яко его есть, не слышавши, яко новое и противное есть нашей Святѣй Апостольской Церквѣ, то долженъ есть съ покаяніемъ его отрещися явно, прежде постановленія, по образу, поданному Преосвященствамъ Вашимъ, и прочая вся по обычаю исповѣданій, и о томъ бить челомъ Великому Государю, и егда сіе исполнитъ, посвятите его по Царскому изволенію; аще бы не по сему сіе сдѣлалося, азъ не повиненъ сему, вы узрите.

Ученіе Пречестнаго отца Ѳеофана Прокоповича, обрѣтающееся въ его письмахъ Латынскихъ и Русскихъ:

I. Духа Святаго истинна есть, яко грѣхъ первородный есть похоть.

II. Похоть сія пребываетъ и нынѣ не токмо въ невѣрныхъ, но и въ крещенныхъ, того ради и въ Павлѣ Святомъ живяше по обращеніи.

III. Закона Божія никто, аще бы и зѣло праведенъ, совершенно исполнити не можетъ.

IV. Человѣкъ ни благодать Божію, ни славу вѣчную, заслужить себѣ у Бога добрыми дѣлами своими, аще и зѣло спасительными.

V. Не дается человѣку отъ Бога правда внутренняя, но праведенъ бываетъ правдою Христовою чрезъ вѣру, себѣ приложенною, и единымъ невмѣненіемъ грѣховъ отъ Бога.

VI. Обѣщанія монашеская и прочая всуе бываютъ, понеже ихъ человѣкъ исполнити не можетъ, аще бы и зело былъ оправданъ.

VII. Покаяніе есть токмо дѣло наказательное, ни единыя подающее правды внутреннія.

VIII. Противящихся Евангелію, или согрѣшающихъ на Духа Святаго, того ради и здѣ и въ будущемъ вѣкѣ грѣхъ неотпустительный ихъ, яко же къ тому Богъ не призываетъ ихъ на покаяніе.

IX. Грѣхъ, дабы былъ грѣхомъ, не требуется, дабы былъ вольный или свободный. Сей есть грѣхъ можетъ быть и безъ воли человѣческія и соизволенія.

X. Грѣхъ вѣрныхъ и малѣйшій и невольный достойна геенны человѣка творитъ; обаче простительный есть, яко не вмѣняетъ его Богъ, ради заслугъ Христовыхъ въ оправданныхъ, въ невѣрныхъ же вся грѣхи есть смертныя.

XI. Кромѣ сихъ учитъ той же:

1. Яко едина вѣра безъ дѣлъ оправдаетъ человѣка, и сія вѣра истая, его же вѣримъ догматы вѣры православныя, но токмо сія, его же вѣримъ, яко Христосъ можетъ и хощетъ намъ грѣхи отпустити.

2. Яко ни едино дѣло доброе есть чисто и совершенно предъ Богомъ и достойно воздаянія вѣчнаго.

3. Яко всегда всякъ человѣкъ во грѣсѣ есть, дабы всегда возмоглъ истинно глаголати: «и остави намъ долги наша».

4. Яко чиноначалія Ангельская, лики Ангеловъ въ раздѣленіи суть вымышленіе человѣческое.

5. Яко книга Святаго Діонисія Ареопагита, въ ней же чины Ангельскія описуются, не есть Діонисія, вина нѣкоего баснотворенія.

6. Яко чрезъ Михаила Архангела не разумѣется Михаилъ, созданный Архистратигъ силъ небесныхъ, по Господнимъ именамъ разумѣется Михаилъ не созданный, сіе есть самъ Христосъ.

Сія ученія и прочая множайшая суть въ писаніяхъ Латинскихъ, а нѣкая уже и въ Русскихъ Іеромонаха Ѳеофана Прокоповича. Аще же тако держитъ прежде Архіерейства, чего надѣяться, когда Архіерейскую власть пріиметъ?

ОБРАЗЕЦЪ ОТРИЦАНІЮ.

«Азъ (имя рекъ) обрѣтеннаго въ своихъ письмахъ ученія, не согласнаго Святѣй Соборной Православной Каѳолической Восточной Церквѣ, аще мое, кое той же Святой Церкви противное ученіе обрѣтется, или свидѣтельствами иными покажется, отрицаюся и анаѳемѣ предаю; а пріемлю вся, яже сія Апостольская Церковь прежде содержала и нынѣ содержитъ: о числѣ книгъ Святаго Писанія, и разумѣ и толкованій его; о преданіяхъ, о соборахъ, о святыхъ отцѣхъ, и писаніяхъ, о святыхъ Божіихъ, о власти Духовной, о грѣхѣ первородномъ и о прочихъ грѣсѣхъ, о законѣ Божіи, о оправданіи грѣшника, о седми тайнахъ Новаго Завѣта, о вѣрѣ, о покаяніи и добрыхъ дѣлахъ, о молитвѣ за живыхъ и умершихъ, о чиноначаліи силъ безплотныхъ и святомъ Архистратизѣ Михаилѣ, и о прочихъ всѣхъ догматахъ, сія вся по разуму Церкви Святой пріемлю и лобызаю, и никогда же ни въ чемъ противное мудрствовать обѣщаюся, тако ми Господь да поможетъ и сія Божественная Христова Евангелія.

А понеже выше помянутая и прочая, не согласная Святѣй Соборной Восточной Церквѣ, училъ въ Кіевѣ учениковъ писаніемъ, инымъ предахъ въ соблазнъ и сомнѣніе многихъ приведохъ, того ради долженъ есмь и обѣщаюся своимъ писаніемъ возвѣстити въ Кіевѣ и всѣмъ причастникомъ противнаго моего ученія по силѣ моей согласнымъ Церквѣ Святѣй ученіемъ. Оная вѣра житія православныя догматы и преданія утверждать.»

Вышеписанное все писано и отправлено отъ лица и за подписаніемъ Преосвященнаго Киръ Стефана, Митрополита Рязанскаго и Муромскаго, изъ Москвы 1718 года, въ С.-Петербургѣ.

Сообщ. Д. Ч. Архимандритъ Макарій.

ВѢДОМОСТЬ КЪ КНЯЗЮ АЛЕКСАНДРУ ДАНИЛОВИЧУ

О

ДЯКАХЪ РЯЗАНСКОГО АРХІЕРЕЯ. *

КАКОЙ ДЯКОМЪ ПОЖИТОКЪ.

Дяки держатъ отчины и зъ нихъ пожиткуютъ.

Дякомъ идетъ окладъ.

Дякомъ идетъ доходъ и пошлини изъ Приказовъ отъ различныхъ дѣлъ.

Дякомъ идутъ поклонные дары, а найпаче отъ заказчиковъ, приказчиковъ, старостовъ поповскихъ, протопоповъ, строителей, игуменовъ, архимандритовъ и прочая.

Дяки берутъ себѣ денги казенныя на кормъ по всякъ день.

Дяки едятъ и пютъ изъ двора Архіерейского, ивесь домъ свой кормятъ, з погреба, з сушильнѣ пиво, медъ, вино, борошно вземлютъ.

Дяки берутъ дрова, которые покупаются на дворъ Архіерейскій.

Дяки лошадѣ свои кормятъ сѣномъ и овсомъ Архіерейскимъ и на стойлѣ держатъ Архіерейскомъ.

Діякомъ дѣти барскіе служатъ, а за тое берутъ жалованье Архіерейское.

---

* Въ подлинникѣ, передъ словомъ «вѣдомость» поставлено еще «ослать»

Діякомъ по всякъ день пекутъ пероги въ хлѣбнѣ Архіерейской.

Діякомъ рыба вся, которую мерзлую покупаютъ въ великій постъ будто на потребу Архіерейскую, ихъ же и спинки, которые вялятъ.

За Діяками идетъ медъ прѣсной и ставляной, Архіерей его не піетъ.

Дяки блюдъ Архіерейскихъ и всякой посуди себѣ на свои нужди употребляютъ, откуду великій въ посудѣ убытокъ.

Діякомъ работники Архіерейскіе всіо дѣлаютъ по ихъ указу.

Діяки барскихъ дѣтей разсылаютъ въ приказчики, который дастъ деньги, а у которого нѣтъ чого взяти, того прутъ въ салдати.

О издоимствахъ молчу. Москва говоритъ, и большіе вѣдаютъ.

Сообщ. **Д. Ч. Архимандритъ Макарій.**

МНИМАЯ МОГИЛА

АРСЕНІЯ МАЦѢЕВИЧА ВЪ ВЕРХНЕУДИНСКѢ.

Бывшій Митрополитъ Арсеній Мацѣевичъ послѣдніе печальные дни свои провелъ въ казематѣ Ревельской крѣпости; здѣсь, въ Ревелѣ, онъ скончался, здѣсь же и погребенъ.[1] Такъ объ этомъ нѣкоторые писали и прежде на основаніи слуховъ, темныхъ преданій и кой-какихъ своихъ разысканій; такъ, наконецъ, написалъ и напечаталъ (въ газетѣ «День» 1862 г., № 15, стр. 6), и уже на основаніи офиціяльныхъ документовъ, хранящихся въ Императорскомъ Кабинетѣ, Госуд. Архивѣ и Св. Синодѣ, Профессоръ Петер. Дух. Академіи Ил. В. Чистовичъ. Но не то, и рѣшительно не то, говорили и говорятъ въ Сибири, особенно въ Восточной, и наиболѣе въ Забайкальѣ, около Нерчинска и въ Верхнеудинскѣ. Тамъ разсказывали и разсказываютъ, что Митрополитъ Ростовскій Арсеній послѣдніе годы своей жизни провелъ въ заточеніи въ Нерчинскомъ Успенскомъ монастырѣ, но оттуда былъ перемѣщенъ въ Троицкій Селенгинскій монастырь, только на дорогѣ туда скончался и погребенъ въ Верхнеудинскѣ. И въ самомъ дѣлѣ, въ Верхнеудинскѣ, на горѣ, подлѣ Троицкой церкви, надъ могилой Арсенія, умершаго, какъ увидимъ ниже, въ 1773 г., жителями Верхнеудинска, тогда же, по крайней мѣрѣ, вскорѣ

---

[1] На примѣръ: Епископъ Пензенскій Амвросій Орнатскій въ 2-хъ изд. 1-й части Исторіи Іер. Росс. Церкви, 1807 года, на стр. 123, и 1827 г., на стр. 253; Митроп. Кіевскій Евгеній въ Слов. Пис. Дух. Чина ч. I, на стр. 5; Бантышъ-Каменскій въ Слов. Достоп. люд. Русс. Земли ч. I, стр. 64; Филаретъ Арх. Черниговскій въ Ист. Р. Церкви изд. 1, пер. 5-мъ, на стр. 6, и въ Обозр. Рус. Дух. Лит. кн. 2, стр. 54.

послѣ того, былъ устроенъ каменный голбчикъ (надгробный памятникъ), съ двумя по сторонамъ оконцами; а въ концѣ царствованія Императора Павла Петровича, или въ началѣ царствованія Александра Павловича, вмѣсто голбчика, построена уже богатая каменная пятиглавая, по наружности похожая на церковь, часовня первогильдейнымъ Верхнеудинскимъ купцомъ Шевелевымъ, по случаю избавленія его отъ несчастія; [2] внутри часовни, на правой ея сторонѣ, образъ Арсенія Великаго, ангела Арсенія Мацѣевича, съ надписью на задней сторонѣ доски: «Сей образъ написанъ въ память покоющагося здѣсь Іеромонаха Арсенія Мацѣевича, бывшаго Митрополита Ростовскаго и Ярославскаго, скончавшагося 13, а похороненнаго 14 Іюня, 1773 г.;» а на лѣвой (сторонѣ), на полу, говоря по Сибирски,—западна; поднявши ее, тамъ, на мраморной доскѣ, можно читать: «Здѣсь погребенъ еромонахъ Арсеній, бывшій Митрополитъ Ростовскій и Ярославскій и пр.» [3] Въ часовнѣ той люди набожные, мѣстные и проѣзжающіе, служатъ по Арсеніѣ панихиды; разсказываютъ даже, что надъ молящимися будто бы совершаются необыкновенныя явленія. [4]

Такъ говорятъ о ссылкѣ Арсенія Мацѣевича въ Нерчинскъ и о погребеніи его въ Верхнеудинскѣ изъ Сибиряковъ большею частію люди некнижные и полукнижные. Но и читающіе изъ нихъ, и особенно знакомые съ Исторіей Сибири, представляютъ доказательства на то же, по видимому, весьма основательныя.

---

[2] Шевелева за какое-то неосторожно сказанное слово, при Государѣ Императорѣ Павлѣ I, схватили и отправили въ Иркутскъ; но тамъ, по разсмотрѣніи дѣла, онъ былъ оправданъ. Находясь подъ судомъ и ожидая бѣды, Шевелевъ далъ обѣщаніе, если Господь помилуетъ его, устроить надъ могилой Арсенія часовню, что, когда бѣда миновала, и исполнилъ.

[3] Описаніе часовни сдѣлано мною со словъ (записанныхъ еще около 1844 года) покойнаго благочестиваго Тоб. купца Ал. Мир. Гнѣвашева, ведшаго, въ свое время, торговлю по Кяхтѣ и много разъ въ проѣзды на Кяхту и обратно бывавшаго въ часовнѣ, для совершенія въ ней по Арсеніѣ панихиды.

[4] Въ газ. «Амуръ» 1862 г., N. 24, говорится: «Верхнеудинскій старожилъ, купецъ Орловъ, объяснялъ, что многіе изъ городскихъ жителей.... въ болѣзняхъ брали (въ прежнее время) съ могилы Арсенія землю и, разводя въ теплой водѣ, поили ею дѣтей, которыя и выздоравливали. Народное воображеніе (прибавляетъ авторъ статьи уже отъ себя) засвѣдѣтельствовало и то, что надъ могилой Арсенія, въ ночное время, виднѣлась горящая свѣча.»

Такіе изъ Сибиряковъ говорятъ, что извѣстіе о ссылкѣ Арсенія Мацѣевича въ Ревель и о смерти его тамъ отвергъ, а напротивъ извѣстіе о кончинѣ и погребеніи его въ Сибири, призналъ справедливымъ П. А. Словцовъ,[5] который былъ родичъ Сибирскій, изъѣздилъ Сибирь, какъ говорятъ, изъ конца въ конецъ,[6] много писалъ о Сибири, между прочимъ, и въ историческомъ отношеніи, и былъ хорошо знакомъ съ архивами Сибирскими, съ хранящимися въ нихъ историческими документами, и самъ лично, и чрезъ своихъ многочисленныхъ корреспондентовъ. Кромѣ того, присовокупляютъ они, за справедливость извѣстія, принятаго Словцовымъ и принимаемаго почти всѣми Сибиряками, говорятъ документы, имѣющіеся въ Иркутскй Консисторіи и въ Верхнеудинскомъ Духовномъ Правленіи.[7]

Все это, т. е, и то, что въ нѣкоторыхъ изъ Сибибирскихъ архивовъ есть дѣла о ссылкѣ Арсенія въ Сибирь и смерти его тамъ, и то, что Словцовъ извѣстіе о смерти Арсенія именно въ Сибири принимаетъ за истинное, и то, что въ Верхнеудинскѣ надъ могилой Арсенія существуетъ хорошая часовня, и что нѣкоторый Арсеній жилъ въ Нерчинскомъ монастырѣ, а потомъ, на дорогѣ въ Селенгинскій монастырь, померъ, все это совершенно справедливо. Но увы! Сибирскій Арсеній, бывшій въ заточеніи Сибирскомъ послѣднія 5 съ половиною лѣтъ (съ Декабря 1767 г. по 13 Іюня 1773 г.) своей жизни, совсѣмъ не Арсеній Мацѣевичъ; сходство Арсенія, умершаго близъ Верхнеудинска, съ симъ послѣднимъ состоитъ въ одномъ только имени, да развѣ еще въ годѣ заточенія (въ концѣ

---

[5] Ист. обоз. Сиб. С. П. Б. 1844 года, кн 2, стр. 14 Къ удивленію, почти то же самое, по крайней мѣрѣ, подобное тому, напечатано въ 1860 г. въ Историко-стат. обзорѣ Ростовско-Яросл. Епархіи, на стр. 26. Тамъ авторъ говоритъ: «Которое справедливо изъ сихъ сказаній (т. е., въ Ревелѣ, или въ Верхнеудинскѣ погребенъ Арсеній Мацѣевичъ), судить трудно.»

[6] Словцовъ не мало изъѣздилъ по Сибири и до директорства въ Иркутской Гимназіи, по званію чиновника особыхъ порученій, но еще болѣе онъ ѣздилъ по ней, когда сдѣланъ былъ (1820 — 29 г) визитаторомъ учебныхъ заведеній гражданскаго вѣдомства во всей Сибири.

[7] Восемь документовъ сего послѣдняго поименованы, съ краткимъ указаніемъ ихъ содержанія, въ 24 N газ. «Амуръ» позапрошедшаго года. Тамъ, при этомъ, замѣчено, что всѣ они будутъ вполнѣ напечатаны въ особомъ Сбор. ист. и стат. свѣдѣній о Восточной Сибири.

1768 г.), одного въ Нерчинскомъ монастырѣ, а другаго, послѣ Архангельскаго Корельскаго монастыря, въ казематѣ Ревельской крѣпости.

Кто именно былъ Арсеній, умершій и погребенный въ Верхнеудинскѣ, это довольно обстоятельно объяснилъ еще покойный Преосвященный Иркутскій Михаилъ Бурдуковъ, въ письмѣ своемъ, отъ 21 Іюня, 1816 г., къ покойному же издателю Исторіи Іерархіи Росс. Церкви, Преосв. Пензенскому, Амвросію Орнатскому, писанномъ въ отвѣтъ на вопросъ сего послѣдняго: «Какой это Арсеній погребенъ въ Верхнеудинскѣ? И въ самомъ дѣлѣ не бывшій ли это Митрополитъ Ростовскій, Арсеній Мацѣевичъ?» — Вотъ это письмо: [8]

«О извѣстномъ Вамъ страдальцѣ, погребенномъ Иркутской Епархіи, въ городѣ Верхнеудинскѣ, на общемъ кладбищѣ, на горѣ, и здѣсь почитаемомъ подъ именемъ бывшаго Митрополита Арсенія, недавно отыскалъ я въ моей Консисторіи дѣло, которое много объясняетъ, сообщенныя Вамъ Дѣйствительнымъ Тайнымъ Совѣтникомъ, Сенаторомъ и Кавалеромъ, Лопухинымъ [9] извѣстія о мѣстѣ погребенія онаго Арсенія. Я почти увѣренъ, вмѣстѣ съ почтеннымъ Иваномъ Владиміровичемъ, что оный бывшій Митрополитъ, конечно, въ Сибири не былъ, и что сюда посланъ былъ другой Арсеній, и нынѣ прославляется подъ именемъ перваго. Обстоятельства, убѣждающія меня къ сему увѣренію

[8] Копія съ сего мною была получена отъ покойнаго, прежде упомянутаго Тоб. купца, Алек. Мир. Гнѣвашева, съ которымъ Преосв. Михаилъ до конца жизни велъ переписку и котораго онъ принималъ съ любовью, познакомившись съ нимъ еще въ Тобольскѣ, въ бытность свою тамъ сначала (до вдовства) соборнымъ Священникомъ и учителемъ Семинаріи, а потомъ Ректоромъ оной и Архимандритомъ Знаменскаго монастыря.

[9] Здѣсь разумѣется тотъ самый Лопухинъ, который въ 1813 г., въ честь Арсенія Мацѣевича, устроилъ памятникъ въ помѣстьѣ своемъ, въ селѣ Воскресенскомъ, Орловской Губерніи (см. N. 19 газ. «День» 1862 г.). При этомъ замѣчу, что И. Вл. Лопухинъ дѣло Митр. Арсенія зналъ почти также хорошо, какъ въ послѣднее время узналъ его Г. Чистовичъ. Имъ оно со всѣми подробностями въ 1813 г. было сообщено Преосв. Калужскому, въ послѣдствіи Митрополиту Кіевскому, Евгенію, а симъ послѣднимъ передано Преосв. Амвросію Орнатскому, который составлялъ Исторію Іер. Росс. Ц. подъ его (Евгенія) руководствомъ.

суть слѣдующія: 1) Извѣстно, что Ростовскій Арсеній лишенъ монашества и названъ Андреемъ, а Верхнеудинскій нашъ Арсеній, офиціяльно, въ вышеозначенномъ дѣлѣ, начавшемся перепискою въ Иркутской Губернской Канцеляріи съ Иркутскою Духовною Консисторіею, въ исходѣ 1767 г. по 25 Іюля 1773 года, именуется Іеромонахомъ Арсеніемъ. 2) А что онъ и дѣйствительно былъ таковымъ, сіе доказывается тѣмъ, что благословлялъ людей по священнически и, по дозволенію бывшаго тогда Иркутскаго Епископа, Софронія, пріобщался Св. Таинъ въ священныхъ ризахъ и въ алтарѣ съ прочими Іеромонахами. 3) Первому, какъ показываетъ Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ, производилась, въ заключеніи его, Ревельскомъ, сперва гривенная порція, а потомъ 15-копѣечная, а послѣднему, въ заштатномъ Нерчинскомъ Успенскомъ монастырѣ, двухкопѣечная, безъ всякой прибавки, о которой просилъ, въ 1767 году, онаго монастыря Игуменъ, Исаія, чрезъ Консисторію, но не получилъ оной въ пользу несчастнаго. 4) Вины Ростовскаго Арсенія совсѣмъ другаго роду, нежели Верхнеудинскаго. О семъ послѣднемъ изъ означеннаго дѣла въ одной бумагѣ видно, что онъ, по именному Высочайшему повелѣнію, изъ Нижегородской Губернской Канцеляріи, за дерзостные его нѣкоторые поступки, отосланъ былъ въ отдаленный монастырь; въ другой же, что упоминаемой Іеромонахъ Арсеній присланъ изъ Сибирской Губернской Канцеляріи, прошлаго 767 года, Декабря 7 дня, за дерзостное его употребленіе слова и дѣла и за ложно вымышленное его Нижегородскаго Печерскаго Благовѣщенскаго монастыря на Архимандрита Іону нѣкоторое показаніе, также и за учиненные имъ въ реченномъ монастырѣ дерзкіе и весьма предосудительные монашескому сану поступки. 5) Ростовскій Арсеній скончался въ 1772 году, по увѣренію Ивана Владиміровича, а нашъ Верхнеудинскій 1773, Іюня 13 дня, по полуночи въ 5 часу, отъ болѣзни, которою онъ страдалъ еще въ Нерчинскѣ, и, по освидѣтельствованіи Селенгинскаго втораго баталіона Оберъ-офицерами и Лѣкаремъ на другой день смерти, т. е., 14 Іюня, погребенъ Священникомъ по церковному чиноположенію въ вышеозначенномъ мѣстѣ. Наконецъ 6) отставной Губернскій Секретарь въ Иркутской Духовной Консисторіи, Иванъ Гавриловичъ Ленскій, старикъ 75-лѣтній, который, будучи Копіистомъ въ Нерчинскомъ Духовномъ Правленіи до 1770 г., зналъ

лично оного Іеромонаха Арсенія и имѣлъ съ нимъ частое обращеніе, по той причинѣ, что онъ, Арсеній, обучалъ грамотѣ двоихъ его, Ленскаго, сыновей, письменно удостовѣрилъ меня, что въ томъ Іеромонахѣ не было примѣтно ничего, обнаруживающаго высокій чинъ человѣка, ни осанки, ни особенной учености: всегда казался онъ самымъ простымъ и смиренномудрымъ старикомъ, [10] и при томъ говорилъ чистымъ Русскимъ (языкомъ) нарѣчіемъ, не употребляя ни одного слова Малороссійскаго, что все не приличествуетъ бывшему Митрополиту Ростовскому. Изъ сихъ обстоятельствъ нужно только повѣрить чрезъ сношеніе съ Нижнимъ Новгородомъ (что предоставляя Вамъ, прошу сообщить мнѣ, что откроется) четвертое, т. е., не вымышлена ли исторія Печерскаго монастыря Іеромонаха Арсенія съ Архимандритомъ Іоною, для сокрытія Архіерея Арсенія: [11] и тогда прямо, а не почти, можно увѣриться, былъ ли послѣдній въ Сибири? Прочіе анекдоты, такъ какъ и сказанія Михайла Матвѣевича Булдакова объ обстоятельствахъ смерти Арсеніевой valent in utramque partem: fides penes narratores sit.»

Михаилъ, Епископъ Иркутскій.

---

[10] И такъ Г. Б. Милютинъ, въ замѣчаніяхъ своихъ на ст. Чистовича объ Арсеніѣ Мацѣевичѣ, помѣщенныхъ въ 24 N. газ. «Амуръ» 1862 года, напрасно, (въ объясненіе того, какимъ образомъ могло утвердиться въ Сибири мнѣніе, что въ Верхнеудинскѣ погребенъ бывшій Митроп Рост. Арсеній) сказалъ: «Можетъ быть, и самъ Іеромонахъ Арсеній нашелъ для себя не безвыгоднымъ выдавать себя за бывшаго Митрополита.» Для чего и безъ того виноватаго еще болѣе обвинять, и великодушно ли бить лежачаго?

[11] Сношенія этѣ, по всей вѣроятности, и были, и должно быть, изъ Нижняго Новгорода отвѣчали, что исторія Іеромонаха Печерскаго монастыря Арсенія ни чуть не вымыселъ: иначе Митр. Евгеній, руководившій, какъ уже сказано, Амвросія Орнатскаго въ составленіи Истор Росс. Іерархіи, но въ то же время и самъ пользовавшійся его матеріялами, не напечаталъ бы ни въ своемъ Словарѣ пис. Дух. чина, въ 1827 году, что Арсеній Мацѣевичъ наконецъ былъ сосланъ въ Ревель и тамъ померъ. Кромѣ того, мнѣ достовѣрно извѣстно, что въ 1856 году, по случаю предписанія отъ Св. Синода о составленіи церковно-историческихъ и статист. описаній Епархій, въ Ярославлѣ много рылись въ Конист. архивѣ, не отыщется ли какого ни будь дѣла о ссылкѣ Митр. Арсенія Мацѣевича, первоначально въ Нижегородскій Печерскій монастырь, но труды оказались въ этомъ отношеніи напрасными.

Изъ этого письма и еще изъ вышеупомянутыхъ документовъ, хранящихся въ архивѣ Верхнеудинскаго Духовнаго Правленія и, сверхъ ихъ, находящихся въ Иркутской Консисторіи, очевидно, что Арсеній, погребенный въ Верхнеудинскѣ, именно то лицо, о которомъ, хотя только догадочно, говоритъ въ статьѣ своей г. Чистовичъ («День» 1862 г., № 15, стр. 6, столб. 3), т. е., Нижегородскаго Благовѣщенскаго монастыря Іеромонахъ Арсеній, сосланный въ Сибирь въ 1767 году (слѣдовательно, спустя 4 года по первоначальной ссылкѣ Мацѣевича въ Корельскій монастырь), за дерзкіе и вовсе не сообразные съ монашескимъ званіемъ его поступки и за ложный доносъ на Настоятеля того монастыря, Архимандрита Іону, сосланный, однако жь, не какъ Арсеній Мацѣевичъ, ни безъ перемѣны монашескаго имени на мірское, и безъ лишенія не только монашества, но и священства, а только съ запрещеніемъ священнослуженія и подъ арестъ. Въ Иркутскую Духовную Консисторію онъ явился, какъ видно изъ тѣхъ же документовъ (см. газ. «Амуръ» 1862 г. № 24), 7 Декабря, 1767 г., и, по опредѣленію Губернской Канцеляріи, 15 Декабря отосланъ въ заштатный Нерчинскій Успенскій монастырь, находившійся въ 7 верстахъ отъ Нерчинска, гдѣ нынѣ бѣдное село Успенское, которое, впрочемъ, въ народѣ и доселѣ не иначе называется, какъ монастырскимъ, [12] къ Игумену Исаіи. Но оттуда, по закрытіи монастыря, съ обращеніемъ церкви его въ приходскую, въ Маѣ, или началѣ Іюня, 1773 года, по опредѣленію Иркутской Консисторіи, Іеромонахъ Арсеній, уже больной, и по написаніи имъ духовнаго завѣщанія на счетъ убогаго своего имѣнія, былъ отправленъ, съ Нерчинскимъ городовымъ солдатомъ, Блиновымъ, въ Троицкій Селенгинскій монастырь. Только до мѣста новаго своего заточенія онъ не доѣхалъ: на дорогѣ, въ 48 верстахъ, отъ Верхнеудинска, въ 5 часу утра 13 Іюня, 1773 года (значитъ, годъ и три съ половиною мѣсяца спустя по смерти Арсенія Мацѣевича, послѣдовавшей 28 Февраля, 1772 года), Арсеній померъ, и на слѣдующій

---

[12] Въ бытность въ Нерчинскомъ монастырѣ Іеромонахъ Арсеній, какъ говоритъ преданіе, посадилъ два куста бузины; разумѣется, они разрослись; простой народъ, считая Арсенія за Ростовскаго Митрополита и за страдальца за правду, щипалъ листья бузины и употреблялъ ихъ, какъ лѣкарство, въ болѣзняхъ, особенно въ лихорадкѣ. См. газ. «Амуръ» 1862 г., N. 24.

день, по привозѣ тѣла въ Верхнеудинскъ и освидѣтельствованіи Оберъ-офицерами и Лѣкаремъ при Священникѣ, погребенъ, по церковному чиноположенію, на горѣ, на общемъ городскомъ, подлѣ Троицкой церкви, кладбищѣ.... Есть и еще одно чрезвычайно важное обстоятельство, которое рѣшительно доказываетъ, что Арсеній, погребенный въ Верхнеудинскѣ, вовсе не Арсеній Мацѣевичъ, бывшій Митрополитъ Тобольскій, а послѣ Ростовскій. Арсеній, погребенный въ Верхнеудинскѣ, умеръ въ 1773 году, 55 лѣтъ отъ роду, какъ значится въ сообщеніи (о смерти Арсенія объ освидѣтельствованіи и погребеніи его) Удинской Комендантской Канцеляріи Троицкаго (Селенг.) монастыря Архимандриту Виталію; [13] слѣдовательно, онъ родился въ 1718 году. Если бъ это былъ точно Арсеній Мацѣевичъ, то онъ лѣтъ 13, или 14, а можетъ быть и моложе, не только бы окончилъ курсъ Кіевской Академіи, но былъ бы Іеромонахомъ и Экзаменаторомъ ставленниковъ при Московскомъ Синодальномъ домѣ; въ 16 лѣтъ отъ роду, именно въ 1734 году, онъ уже писалъ бы цѣлые и серіозные трактаты противъ раскольниковъ [14] и плавалъ бы по Сѣверному Океану съ Камчатской экспедиціей, для отправленія на корабляхъ ея богослуженія и требъ; въ 1741 году, всего 23 лѣтъ, былъ бы Митрополитомъ, а въ 1763 году, когда ему было бы только 45 лѣтъ, Императрица Екатерина II, утверждая опредѣленіе Святѣйшаго Синода о лишеніи его Архіерейства, оставила бы ему монашескій чинъ единственно «для удобнѣйшаго, по старости его лѣтъ, покаянія;» а все это были бы, въ приложеніи къ Арсенію Мацѣевичу, чистыя нелѣпости.[15]

Что теперь сказать о признаніи печатно извѣстія о погребеніи Арсенія Мацѣевича въ Верхнеудинскѣ за истинное знатокомъ Сибири и Сибирской Исторіи, П. А. Словцовымъ? Петръ Андреевичъ въ этомъ случаѣ былъ введенъ въ заблужденіе собственнымъ, какъ Сибирякъ, пристрастіемъ къ Сибири, въ особенности же Вл. Ив. Штейнгелемъ и однимъ изъ братьевъ Бестужевыхъ

---

[13] «Амуръ» N 24 и имѣющееся у меня письмо Б. изъ Селенгинска, отъ 10 Декабря, 1841 года.

[14] «Правосл. Соб.» 1861 г., Октябрь, стр. 182.

[15] Газ. «Амуръ» 1862 г., N 24.

хотя само собою разумѣется, безъ всякаго умысла съ ихъ стороны. Первый, человѣкъ отлично образованный и прежде долго служившій въ Иркутскѣ, въ 1841 году, когда П. А. писалъ вторую книгу своего «Ист. Обозрѣнія Сибири,» жилъ въ Тобольскѣ, гдѣ жилъ и тотъ. Однажды, когда зашелъ у него съ П. А. разговоръ о Сибирскихъ Архіереяхъ, жизнеописаній которыхъ тому въ сочиненіи своемъ также нужно было коснуться, онъ увѣрилъ П. А-ча, что не только самъ неоднократно бывалъ на могилѣ Арсенія, и не только слыхалъ объ немъ, какъ объ извѣстномъ Ростовскомъ Митрополитѣ, всѣ преданія, но и видѣлъ, въ крѣпости Акшѣ (на Китайской границѣ, между Нерчинскомъ и Верхнеудинскомъ), въ одномъ домѣ церковную книгу Митрополита Арсенія съ собственноручною его подписью, [16] переходящую изъ рода въ родъ и хранимую въ немъ, какъ святыню, и ко всему этому прибавилъ еще, что за Байкаломъ живутъ два брата Бестужевы, его товарищи по несчастію и друзья, и что они могутъ навести справку объ этомъ интересномъ лицѣ въ архивахъ, или монастыряхъ, Селенгинскаго, или Верхнеудинскаго, Духовнаго Правленія. Другой, т. е., Бестужевъ, согласно изъявленному Словцовымъ желанію и по просьбѣ В. Ив-ча, дѣйствительно, навелъ справку, сдѣлалъ изъ архивныхъ бумагъ, касающихся Арсенія, выписки, и вотъ что, отъ 10 Декабря, 1841, года писалъ [17] своему товарищу: «Вчера я получилъ давно ожиданныя мною свѣдѣнія о Митрополитѣ Арсеніѣ, и спѣшу удовлетворить твою просьбу, любезный другъ, Владиміръ Ивановичъ, и, кажется, положительно оправдать твои

---

[16] Изъ росписи убогаго имѣнія, или иначе изъ духовнаго завѣщанія Іеромонаха Арсенія, приложеннаго къ упомянутому выше сообщенію Удинской Коменд. Конторы въ Селенгинскій монастырь, видно, что имъ, Арсеніемъ, былъ отказанъ Канонникъ Кіевской печати просвирнѣ Нерч. монастыря, а Учебная Псалтырь солдату Блинову. (Изъ письма Бестужева отъ 10 Декабря, 1841 г. къ В. Ив-у). Вѣроятно, которую ни будь изъ этѣхъ книгъ Вл. Ив. и видѣлъ въ Акшѣ. Когда въ 1844 году, я показывалъ ему руку (въ подписяхъ на промеморіяхъ) Арсенія Мацѣевича, то онъ, къ сожалѣнію, за давностію времени, не могъ сказать, сходна ли она съ надписью на видѣнной имъ книгѣ, или нѣтъ.

[17] Отъ кого, отъ самого ли Словцова, отъ Абрамова ли, получившаго отъ Словцова нѣкоторыя бумаги, или отъ В. И. Штейнгеля, мною получена была копія съ письма Бестужева, теперь этого уже не могу припомнить.

предположенія о тождествѣ монаха Арсенія съ Митрополитомъ Ростовскимъ. Не посылаю тебѣ документовъ въ оригиналахъ: это было бы очень громоздко, а постараюсь сдѣлать необходимыя выписки, сохраняя буквально приказный слогъ того времени.» Далѣе и слѣдуютъ обѣщанныя выписки, послѣ которыхъ дѣлается такое (самоувѣренное) заключеніе: «Вотъ тебѣ, другъ мой, кажется, ясныя доказательства, что Арсеній не могъ умереть въ Ревелѣ, и что печатныя книги [18] часто, и даже чаще, лгутъ, нежели смертные изустно.» Между тѣмъ, если повнимательнѣе присмотрѣться къ выпискамъ, находящимся въ письмѣ, то оказывается, что въ нихъ нѣтъ даже и тѣни чего ни будь положительно доказывающаго, чтобы Арсеній, умершій и погребенный въ Верхнеудинскѣ, былъ дѣйствительно Арсеній Мацѣевичъ. Такъ, первыя выписки сдѣланы изъ Указа Иркутской Духовной Консисторіи Намѣстнику Селенгинскаго монастыря, Іеромонаху Антонію, отъ 7 Октябрѣ, 1763 года, въ которомъ, къ свѣдѣнію монастырской братіи, подробно изложенъ Указъ Святѣйшаго Синода, отъ 22 Апрѣля того же года, о протестахъ Митрополита Арсенія Мацѣевича противъ распоряженій Правительства въ 1762 и 63 годахъ на счетъ церковныхъ имуществъ, о лишеніи его сана и ссылкѣ его, въ чинѣ только монашескомъ, въ одинъ изъ отдаленныхъ монастырей. Но этотъ Указъ, какъ видно и изъ самой выписки Г. Бестужева, между прочимъ, изъ его же замѣтки о томъ, что Государыня Императрица «сентенцію ея повелѣла Синоду сообщить во всѣ Епархіи, для извѣстія духовенству,» есть ни болѣе, ни менѣе, какъ только циркуляръ Святѣйшаго Синода, разосланный не по одной только Иркутской Епархіи и не въ одинъ только Селенгинскій монастырь, а по всему Духовному Вѣдомству. Слѣдующія за тѣмъ выписки сдѣланы изъ документовъ, уже не разъ упомянутыхъ въ настоящей статьѣ, о ссылкѣ въ 1767 г. Іеромонаха Арсенія изъ Нижняго Новгорода въ Нерчинскъ, о перемѣщеніи его, въ 1773 году, въ Селенгинскій монастырь, объ его въ томъ же году смерти на пути туда и погребеніи въ Верхнеудинскѣ. Но, когда дѣлались этѣ выписки,

---

[18] Тутъ Г. Бестужевъ, конечно, разумѣетъ 1-ю часть Ист. Іер. Рос. Ц., Словарь писателей Духовнаго чина Митрополита Евгенія, и Словарь Бантыша-Каменскаго.

дѣлавшимъ, какъ кажется, не было обращено вниманія ни на годъ ссылки сего Арсенія, ни на его вины (Арсеній Мацѣевичъ, какъ показываетъ вся его жизнь, не дѣлалъ, и не могъ дѣлать, по своимъ строгимъ правиламъ жизни, поступковъ грязныхъ, не сообразныхъ съ монашескимъ званіемъ), ни на его санъ (какъ будто Митрополитъ могъ быть низведенъ въ Іеромонаха), ни на его монашество и монашеское имя, ни на содержаніе, отпускавшееся ему отъ казны, ни на его лѣта. Все это произошло, конечно, отъ того, что дѣлавшій выписки не былъ знакомъ съ пріемами при употребленіи въ дѣло историческихъ и археологическихъ документовъ, и что (и это главное) онъ не зналъ надлежащимъ образомъ о судьбѣ Арсенія Мацѣевича послѣ первоначальной его ссылки, на пр., о новомъ надъ нимъ, въ 1767 году, судѣ, о лишеніи его послѣ того и монашества; или, если и зналъ, слыхалъ о ней, то разсказы о томъ считалъ ложными, маскированными, распущенными отъ лицъ Правительственныхъ, съ намѣреніемъ скрыть истину. Ошибка Вл. Ив-ча и Г. Б-ва Петру Андреевичу въ 1842 году была объяснена, но уже поздно: въ томъ году рукопись его уже отправлена въ цензуру, а въ началѣ слѣдующаго 1843 года онъ скончался, и сочиненіе напечатано было послѣ него.

Но за всѣмъ этѣмъ недовѣрчивые жители Сибири могутъ спросить: «Если бъ бывшій Митрополитъ Ростовскій Арсеній Мацѣевичъ не былъ сосланъ подъ конецъ жизни въ Сибирь, то откуда же бы родилась мысль, отъ чего бы составилась молва, не въ Сибири только, а и въ цѣлой Россіи, объ его заточеніи въ Нерчинскій монастырь, о перемѣщеніи въ монастырь Селенгинскій, смерти на пути туда и погребеніи въ Верхнеудинскѣ?»— Рѣшеніемъ этого вопроса въ 1862 году занимались двое Профессоровъ Петербургской Духовной Академіи, Ил. Чистовичъ въ статьѣ: «Арсеній Мацѣевичъ,» помѣщенной имъ въ 15 № газеты «День,» и безъименный сочинитель статьи: «Протестъ Арсенія Мацѣевича и послѣдняя судьба его,» напечатанной въ 49 и 50 №№ «Современной Лѣтописи,» 1862 г., издававшейся при «Русскомъ Вѣстникѣ.» Первый, задавши себѣ вопросъ: «Откуда же взялись толки, что Арсеній сосланъ въ Сибирь и скончался въ Нерчинскѣ, или въ Верхнеудинскѣ?» отвѣчаетъ на него такъ:

«Изъ дѣлъ бывшей Тайной Канцеляріи видно, что въ то же самое время, какъ Арсенія Мацѣевича послали въ Ревель, другаго Арсенія, Іеромонаха Нижегородскаго Печерскаго монастыря, за разныя преступленія и, между прочимъ, за ложный доносъ на Архимандрита Іону, послали въ дальній монастырь Иркутской Епархіи. Въ ту пору объ Арсеніи Мацѣевичѣ не знали ничего вѣрнаго; ходили темные слухи, что его увезли куда-то изъ Корельскаго монастыря, а куда, ни кто не зналъ. Въ Сибири, между тѣмъ, проѣзжалъ съ этапа къ этапу какой-то монахъ Арсеній... Не всякій зналъ лично того, не всякій видѣлъ этого. Вотъ пошли толковать, что Арсеній (Мацѣевичъ), котораго увезли куда-то изъ монастыря, въ Сибири, что его видѣли въ Нерчинскомъ монастырѣ, и наконецъ, что онъ скончался на пути въ Селенгинскій монастырь.... По крайней мѣрѣ, это наша догадка.» Второй (т. е., безъимянный составитель статьи объ Арсеніевой послѣдней судьбѣ «въ Современной Лѣтописи»), сказавши о вторичномъ судѣ надъ Арсеніемъ Мацѣевичемъ, присовокуплялъ: «Опредѣлено, по снятіи монашества, отослать Арсенія, подъ именемъ Андрея Враля, въ Верхнеудинскій острогъ. Въ Архангельскъ отправленъ Маіоръ Таузиновъ,[19] который долженъ былъ препроводить Арсенія, согласно этому назначенію. Между тѣмъ, вскорѣ послѣ того, какъ Таузиновъ уѣхалъ изъ Москвы, отсюда посланъ былъ другой офицеръ, Нолькенъ, въ Вологду: ему было приказано, какъ только Таузиновъ привезетъ въ Вологду неизвѣстнаго арестанта, взять у него этого арестанта и отвезти въ Ревельскую крѣпость. Оба офицера должны были исполнить послѣднее порученіе съ величайшею осторожностію, такъ чтобы ни кто не зналъ, съ какимъ арестантомъ и куда ѣдетъ Нолькенъ. Такъ и сдѣлано, и цѣль была вполнѣ достигнута: настоящая судьба Арсенія осталась тайной для народа, и по народнымъ разсказамъ Арсеній, будто бы дѣйствительно, отвезенъ въ Сибирь, согласно первоначальному назначенію. Слухъ этотъ произошелъ такимъ образомъ изъ офиціальнаго источника, между тѣмъ Нолькенъ, съ крайнею осторожностію, везъ арестанта въ Ревель.[20] Послѣднее рѣшеніе вопроса, какъ образовалась молва о

---

[19] Другіе печатаютъ это имя Тоузаковъ.

[20] Этотъ Г. *S.* въ статьѣ своей, помѣщенной, какъ сказано выше, въ NN. 49

ссылкѣ Арсенія Мацѣевича въ Сибирь, о смерти и погребеніи его тамъ, весьма бы было удовлетворительно, если бъ было вѣрно и несомнѣнно, что первоначально опредѣлено было сослать Арсенія въ Верхнеудинскій острогъ. Но, во 1-хъ, авторъ его не указалъ источника, откуда онъ взялъ свѣдѣніе объ этомъ первоначальномъ опредѣленіи заточить бывшаго Митрополита Ростовскаго въ Верхнеудинскъ; а во 2-хъ, въ утвержденіи Императрицы Екатерины II, послѣдовавшемъ на докладѣ о вторичномъ

и 50 «Современной Лѣтописи,» подъ названіемъ «Протестъ Арсенія Мацѣевича и послѣдняя судьба его,» говоритъ, что доселѣ не было обращено надлежащаго вниманія на самый протестъ Арсенія и не изложено съ достаточною полнотой его содержаніе, между тѣмъ какъ тогда только можно составить правильное понятіе и о поведеніи Арсенія въ дѣлѣ о церковныхъ имуществахъ, и о степени справедливости произнесеннаго надъ нимъ приговора, когда будетъ вполнѣ извѣстенъ и правильно оцѣненъ этотъ важный документъ, въ которомъ Арсеній выражалъ свой взглядъ на дѣло и за который собственно подвергся суду и наказанію. Г. Чистовичъ (продолжаетъ онъ) въ статьѣ, напечатанной въ газетѣ «День», сказалъ о содержаніи Протеста до крайности мало и привелъ изъ него только три коротенькіе отрывка, да въ послѣдствіи, отвѣчая на возраженія, возбужденныя его статьей, прибавилъ еще нѣсколько отрывковъ; но и эти отрывки все таки не дали понятія о цѣломъ содержаніи Протеста. Въ интересѣ разъясненія столь важнаго дѣла, какъ судъ надъ Арсеніемъ, мы намѣрены (заключаетъ онъ) именно со всею подробностью изложить содержаніе его Протеста.» Похвально, слова нѣтъ, излагать содержаніе такого важнаго документа, но, думаемъ, непохвально, говорить даже объ отрывкахъ изъ него, сдѣлавшихся извѣстными посредствомъ печати, а умалчивать о томъ, что Протестъ этотъ цѣликомъ былъ уже напечатанъ въ «Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ,» 1862 г., въ книгѣ 2-ой, Отд. V, стр. 25 — 30, и при томъ, за нѣсколько мѣсяцевъ до появленія его статьи въ «Современной Лѣтописи.» Иное дѣло оцѣнка, а иное извѣстность этого документа. Приступая къ первой, не слѣдовало намѣренно притворяться не знающимъ о послѣдней. Вѣдь самое подробное изложеніе содержанія документа никогда не можетъ замѣнить его самаго. Въ дѣлѣ историческомъ точность и совѣстность — одно изъ первыхъ и существенныхъ требованій. Если отрывки, приведенные Г. Чистовичемъ, не могли дать понятія читателямъ о цѣломъ содержаніи Протеста, то самый Протестъ, оглашенный уже прежде печатью, развѣ не восполнялъ этого, не разъяснялъ столь важнаго дѣла болѣе и лучше всякаго изложенія содержанія его чьими бы то ни было словами? Къ сожалѣнію, съ нѣкотораго времени начинаетъ входить въ нашу журналистику не добрый обычай. Одни дѣлаютъ

осужденіи Арсенія, какъ она приведена у Г. Чистовича, сказано :.. «лишить его (Арсенія) монашескаго чина и, переименовавъ его Андреемъ Вралемъ, послать къ неисходному житію въ Ревель.» Значитъ, догадочное рѣшеніе вопроса, предложенное Г. Чистовичемъ, пока должно быть признано за болѣе удовлетворительное.

Протоіерей Александръ Сулоцкій.

открытія послѣ открытій, на примѣръ: въ Октябрской книжкѣ «Православнаго Обозрѣнія» сего года Г., скрывшійся подъ тремя звѣздочками, *** то же излагаетъ «Дѣло Маркелла Родышевскаго съ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ о противностяхъ церковныхъ» (стр. 9—48) почти исключительно по тѣмъ актамъ, которые сообщены были въ 1-й книгѣ «Чтеній» 1862 года, Отд. II, стр. 1 — 92, гдѣ точно такъ же, какъ и Г. *S.*, не упоминая ни слова о томъ, что оно было напечатано, представляетъ его какъ бы нѣчто новое, доселѣ никому въ такой подробности неизвѣстное. Другіе идутъ еще далѣе: сославшись два, три раза на источникъ, этотъ послѣдній совершенно уже истощаютъ; такъ въ статьѣ, начатой въ Августовской книжкѣ «Русскаго Вѣстника» 1863 и конченной въ Майской 1864 года, «А. П. Ермоловъ,» безъ дальняго перепечатаны всѣ документы, помѣщенные въ нѣсколькихъ книгахъ «Чтеній» (кн 3-ей 1861 г., 1, 2, 3 и 4-ой 1862 г.). А вѣдь это противно и предписаніямъ дѣйствующаго Устава о ценсурѣ, и принятымъ обычаямъ въ мірѣ печатномъ.

О. Б.

ОДНА ИЗЪ ОШИБОКЪ,

какія встрѣчаются въ сочиненіяхъ и статьяхъ, касающихся судьбы Арсенія Мацѣевича.

Кто-то М. С., въ Іюнѣ 1860 года, проѣздомъ изъ Петербурга въ Нижній Новгородъ,[1] былъ въ Твери, и оттуда ѣздилъ въ подгородный Желтиковъ монастырь, для осмотра въ немъ тюрьмы, которую Петръ Великій приготовилъ было для сына своего, Алексѣя Петровича. Тамъ онъ, кромѣ этой тюрьмы, видѣлъ въ кельяхъ Настоятеля, между прочимъ, портреты Тверскихъ Преосвященныхъ. Изъ нихъ, обративши особенное вниманіе на портретъ Епископа Иннокентія, туристъ счелъ нужнымъ разсказать его біографію, и вотъ какъ разсказалъ ее: Инокентій (поясню отъ себя, Нечаевъ) въ молодости «былъ учителемъ Реторики въ Казани, въ царствованіе Анны Іоанновны. Ректоръ относился и къ ученикамъ, и къ учителямъ, довольно оригинально: въ видахъ внушенія, учитель былъ высѣченъ нещадно лозами. Подобное, немножко сильное, но, по тогдашнему времени, вполнѣ духовное, поощреніе къ продолженію педагогическихъ занятій не совсѣмъ понравилось Иннокентію. Онъ бѣжалъ въ Москву, сиживалъ и горевалъ у часовни Иверской, молился въ церкви Казанской Божіей Матери, и тутъ-то вызвалъ вниманіе и участіе двухъ учениковъ Московской Духовной Академіи, Григорія и Платона, въ

---

[1] «Прогулка въ Нижній Новгородъ», въ которой Г. М. С. касается и судьбы Арсенія Мацѣевича, напечатана въ «Современной Лѣтописи», на стр. 16—23, при 13 № «Русскаго Вѣстника», 1860 года.

послѣдствіи двухъ Архипастырей. Иннокентій былъ опредѣленъ учителемъ же въ ихъ Академію, пріобрѣвъ черезъ учениковъ покровительство Ректора. Императрица Елисавета обратила вниманіе на Иннокентія. Предъ нимъ открылась дорога къ повышеніямъ. Въ началѣ царствованія Екатерины онъ былъ уже въ числѣ главнѣйшихъ членовъ Сѵнода. Въ это-то время преданъ былъ суду духовенства Митрополитъ Ростовскій, Арсеній Мацѣевичъ, смѣло и рѣзко писавшій противъ Указа объ отнятіи у монастырей имѣній. Преподобные отцы, ревнуя въ изъявленіи своей преданности, присудили Арсенія къ смертной казни; казнь, какъ извѣстно, была Всемилостивѣйше смягчена въ вѣчное заточеніе — въ Шлиссельбургъ.[2] Послѣ произнесенія приговора, Мацѣевичъ, вдохновенный какимъ-то пророческимъ предвѣдѣніемъ, предсказалъ первенствующему члену Синода (Дм. Сѣченову?) мучительную смерть, задохнуться собственнымъ языкомъ; второму по немъ, Амвросію Каменскому, смерть отъ мясника.

«А тебѣ, сказалъ онъ, обращаясь къ Иннокентію, Архіерею молодому и неопытному, не подавшему, однако, голоса за меня, предсказываю, что ты не увидишь своей Епархіи». Дѣйствительно, первенствующій членъ Синода вскорѣ умеръ въ мукахъ: распухшій языкъ задушилъ его. Каменскій погибъ въ 1771 году, въ Московскомъ мятежѣ, а Иннокентій скончался на дорогѣ въ Тверь».

Здѣсь, очевидно, авторъ касается и судьбы Арсенія Мацѣевича; но онъ тутъ дѣлаетъ три ошибки: первая та, что Арсеній сосланъ былъ окончательно не въ Шлиссельбургъ, а въ Ревель; вторая, что Арсеній померъ не въ 1787 году, а въ 1772, и третья,[3] и главная, состоитъ въ предсказаніи Арсеніемъ, будто бы Иннокентію, Епископу Тверскому, того, что онъ, за участіе въ Синодскомъ присужденіи его, Арсенія, къ лишенію сана, не увидитъ своей Епархіи. 1) Преосв. Иннокентій (Нечаевъ), о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, по всей вѣроятности, и не принималъ, и

---

[2] Здѣсь Г. М. С. сдѣлалъ замѣчаніе, что Арсеній Мацѣевичъ тамъ и померъ въ 1787 году.

[3] Есть и четвертая: преподобные отцы, какъ называетъ Г-нъ М. С. членовъ Святѣйшаго Синода, не присуждали и не могли, не имѣли права, какъ лица духовныя, присуждать Арсенія къ смертной казни.

не могъ принимать. участія въ осужденіи Ростовскаго Митрополита по той простой причинѣ, что онъ въ члены Св. Синода пожалованъ былъ три года спустя послѣ разстриженія Арсенія, а именно, только въ 1766 году; при томъ 2) Преосв. Иннокентій управлялъ тремя паствами: Новгородскою, въ званіи Викарія, съ 23 Февраля, 1763, по 28 Мая того же года, Тверскою съ 28 Мая, 1763, по Октябрь того же года, и Псковскою, съ Октября 1763 года по Октябрь же 1798 года, и каждую изъ нихъ, особенно послѣднюю, въ 35 лѣтъ управленія ею, конечно, видѣлъ и видѣлъ; да онъ и скончался не въ 1763 году, какъ выходитъ по соображенію словъ Г-на М. С., и не на дорогѣ въ Тверь, какъ онъ прямо говоритъ, а въ 1799 году, уже въ глубокой старости (77 лѣтъ), бывши на покоѣ, въ Петербургѣ, въ Александровской лаврѣ.[1] Нѣтъ, если преданіе (разсказываемое, впрочемъ, многими и во многихъ мѣстахъ) о предсказаніи Арсеніемъ Мацѣевичемъ (въ то будто бы время, какъ съ него снимали принадлежности Архіерейскаго сана) несчастной кончины членамъ Святѣйшаго Синода и нѣкоторымъ другимъ лицамъ, участвовавшимъ въ осужденіи его, справедливо; если Арсеній дѣйствительно предрекалъ своимъ судьямъ горькую участь, при концѣ жизни, то предсказаніе Арсеніево, относимое Г-номъ М. С. къ Иннокентію (Нечаеву), Епископу Тверскому, изъ тогдашнихъ членовъ Святѣйшаго Синода, при томъ Архіерейскаго сана, могло быть изречено одному только знаменитому проповѣднику нашему Елисаветинскаго времени, Гедеону Криновскому, Епископу Псковскому: этотъ Преосвященный рукоположенъ былъ, до катастрофы съ Арсеніемъ Мацѣевичемъ, только за полтора года (въ Октябрѣ 1761 г.), и при тогдашнихъ Правительственныхъ перемѣнахъ, и по долгому пребыванію Императрицы Екатерины II, по восшествіи на престолъ и коронаціи, а вмѣстѣ съ нею и Святѣйшаго Синода въ Москвѣ, на паствѣ своей, во Псковѣ еще не бывалъ; ему, Преосвященному Гедеону, 14 Апрѣля, 1763 г., когда Арсенія Мацѣевича лишили сана, было только 36, или 37 лѣтъ (родился въ 1726 г.), и, главное, Гедеонъ Криновскій, выѣхавши изъ Москвы въ свою Епархію, въ началѣ Іюня того же 1763 года, на дорогѣ заболѣлъ

---

[1] Слов. пис. Дух. чин., изд. 2, ч. I, стр. 200 и сл.; Ист. Іер. Р. Ц., изд. 2), ч. I, стр. 132, 198, 281, 261.

и, не доѣзжая до Пскова, для поправленія здоровья, остановился было въ загородномъ Архіерейскомъ домѣ, но тамъ, 22 того же мѣсяца, скончался, и, такимъ образомъ, паствы своей, по крайней мѣрѣ, главнаго Епархіальнаго своего города, не видалъ. Такъ объ этомъ разсказывалъ въ 1837 году, да и всегда, покойный Профессоръ Петербургской Духовной Академіи, Протоіерей Ак. Сем. Кочетовъ, отличный знатокъ анекдотической стороны Исторіи Росс. Церкви XVIII столѣтія, да такъ и довольно давно уже оглашено и въ печати.[5] Ко всему этому вотъ еще что слѣдуетъ присовокупить: сказанное въ выписанномъ изъ «Современной Лѣтописи», издававшейся при «Русскомъ Вѣстникѣ», о жизни Преосвященнаго Иннокентія Нечаева до его Архіерейства, на примѣръ, о варварскомъ и вмѣстѣ гнусномъ съ нимъ поступкѣ Ректора Казанской Семинаріи, о тайномъ удаленіи его изъ Казани, о поступленіи его въ Московскую Славяно-Греко-Латинскую Академію, будто бы по милости учениковъ оной, Григорія[6] и Платона и пр.: все это было не съ Иннокентіемъ, а опять съ Гедеономъ Криновскимъ,[7] который никогда не былъ и Архіереемъ Тверскимъ.

Протоіерей Александръ Сулоцкій.

18 Марта, 1864 года.
Омскъ.

---

[5] Слов. пис. Дух. чин. ч. I, стр. 85—88; Ист. Іер. Р. Ц. ч. I, стр. 130 и 131, 260.

[6] И опять ошибка: нужно бы сказать: Гавріила (Петрова), того самаго, который въ послѣдствіи былъ С.-Петербургскимъ Митрополитомъ.

[7] Слов. пис. Д. чин. ч. I, стр. 85.

КЪ

ЖИЗНЕОПИСАНІЮ

АРСЕНІЯ МАЦѢЕВИЧА.

I

ПРОМЕМОРІИ АРСЕНІЯ МАЦѢЕВИЧА.

Въ 1843 году, для пополненія свѣдѣній объ интересовавшей и интересующей меня Сибирской Іерархіи, я, съ дозволенія Преосвященнаго Владиміра, пересматривалъ старый архивъ Тобольской Консисторіи, и въ немъ встрѣтилъ нѣсколько Промеморій Митрополита Арсенія Мацѣевича [1] въ Тоболскую Губернскую Канцелярію. Съ нѣкоторыхъ изъ нихъ мною тогда же сняты были копіи, и теперь, когда стали печатать о судьбѣ Арсенія подробности, считаю не лишнимъ сообщить изъ нихъ публикѣ извлеченіе. Впрочемъ, при этомъ напередъ скажу, что имѣющіяся у меня Промеморіи Арсенія Мацѣевича сами по себѣ, по свѣдѣніямъ, въ нихъ заключающимся, самыя обыкновенныя и особеннаго ничего не представляютъ; но въ нихъ замѣчателенъ духъ, изъ

---

[1] Арсеній Мацѣевичъ первоначально былъ не Ростовскимъ, а Тобольскимъ Митрополитомъ; пожалованъ же онъ въ Митрополита Тобольскаго и Сибирскаго 10 Марта, а рукоположенъ 26 Мая, 1741 года; но 31 Мая, 1742 года (слѣд. чрезъ годъ и 5 дней, а не чрезъ 11 мѣсяцевъ, какъ ошибочно сказано въ 24 № газеты «Амуръ» 1862 г. иво 2 книгѣ «Историческое Обозрѣніе Сибири, Словцова», на стр. 14), перемѣщенъ въ Ростовъ. Впрочемъ, собственно въ Тобольскѣ Митрополитъ Арсеній жилъ менѣе и двухъ мѣсяцевъ: пріѣхалъ онъ туда 18 Декабря., 1741, а выѣхалъ оттуда въ Москву 10 Февраля, 1742 года.

нихъ видѣнъ характеръ лица, писавшаго ихъ, или, по крайней мѣрѣ, руководившаго тѣми, кто ихъ писалъ, и подписывавшаго ихъ.

Первая промеморія.[2]

Въ Генварѣ 1742 года Преосвященному Арсенію прислалъ, изъ подъ ареста въ Сибирской Губернской Канцеляріи, просьбу Закащикъ (по нынѣшнему Благочинный и вмѣстѣ Уѣздный Протоіерей и первоприсутствующій Духовнаго Правленія), Пелымскій Священникъ Верхне-Пелымской волости, Михаилъ Степановъ. Въ началѣ просьбы своей Степановъ объяснялъ, что онъ въ 1721 году былъ опредѣленъ Митрополитомъ Тобольскимъ, Филоѳеемъ Лещинскимъ (тѣмъ самымъ, который съ 1712 по 1726 г. включительно окрестилъ Сибирскихъ инородцевъ до 40 тысячъ) въ Верхне-Пелымскую волость Священникомъ, съ приказаніемъ выстроить тамъ для Вогуловъ церковь, крестить некрещенныхъ Вогуловъ, въ случаѣ ихъ согласія, а крещенныхъ утверждать въ вѣрѣ и надзирать за ихъ вѣрою и нравственностію; что въ 1730 году, по повелѣнію Императрицы Анны Іоанновны и по инструкціи преемника Филоѳеева, Митрополита Тобольскаго, Антонія (І-го) Стаховскаго, ему приказано было, между прочимъ, ѣздить по Вогульскимъ волостямъ и истреблять, если окажутся у новокрещенныхъ, идоловъ и кумирницы, воспрещать имъ приносить языческія жертвы, доносить о томъ духовенству и свѣтскому начальству и наказывать за то; что онъ, Священникъ, во исполненіе всего этого, выстроилъ въ Верхне-Пелымской волости церковь во имя Всемилостиваго Спаса, не малое число Вогуловъ язычниковъ окрестилъ, нашелъ въ 1722 г. у новокрещенныхъ разныхъ волостей до 120 идоловъ, сжегъ ихъ и съ кумирницами и запретилъ приносить имъ въ жертву коней; что въ послѣдствіи времени и опять имъ отыскано было у Вогуловъ много идоловъ и узнано о приношеніи имъ въ жертву, чрезъ топленіе въ рѣкахъ, быковъ и коровъ; что, по его донесенію, многіе изъ виновныхъ были за то отъ Гражданскаго начальства наказаны; что иные изъ новокрещенныхъ живутъ по прежнимъ языческимъ обычаямъ, на пр., кре-

---

[2] Эта Промеморія важна, какъ увидитъ читатель, не по одному отношенію къ біографіи Арсенія Мацѣевича, но и по отношенію къ исторіи Христіянства среди Сибирскихъ инородцевъ.

щенные высватываютъ за себя некрещенныхъ, съ обязательствомъ заплатить за нихъ ихъ отцамъ калымъ и до уплаты калыма, а съ тѣмъ вмѣстѣ и до вѣнчанья, живутъ съ ними беззаконно и приживаютъ дѣтей; что бываетъ и на оборотъ: крещенныя Вогулки выходятъ за мужъ за некрещенныхъ, и чрезъ то вѣру Христіянскую совершенно оставляютъ; что онъ. Священникъ, всему этому противится, а на непослушныхъ доноситъ, кому слѣдуетъ; что за все это и подобное Вогулы давно на него злобились, злобятся, неоднократно за это расхищали у него имѣніе и даже подвергали (обидчики и поменовываются) его семейство и причетниковъ побоямъ; что они неоднократно жаловались на него ложно въ вымогательствахъ съ нихъ денегъ и звѣрей; что всѣ тѣ жалобы имъ опровергнуты предъ начальствомъ и судомъ; и что, наконецъ, «онъ, де, Попъ Михайло Степановъ, въ 1741 году, въ Августѣ мѣсяцѣ, ѣздилъ въ Верхне-Пелымскія дальнія волости и въ вершины для надзиранія и переписи оныхъ Вогульцевъ, къ сочиненію духовныхъ именныхъ росписей, которыя спрашиваются у всѣхъ по Указамъ въ Архіерейскую Канцелярію повсягодно, и для исполненія всякихъ церковныхъ требъ, которыя волости имѣются въ дальнемъ разстояніи, а взялъ, де, онъ, Попъ, съ собою, для пропитанія хлѣба ячмени и овса мѣшковъ съ шесть, тако жъ и для промѣны на свое домовое пропитаніе, на рыбу и на птицу и ягоды, гдѣ испроѣздилъ мѣсяца два, за что вскорѣ послѣ того Вогулы Верхне-Пелымской волости, Потапъ Дунайковъ съ сыномъ своимъ, Семеномъ, пришедши къ нему въ домъ, его и его семейныхъ подвергли жестокимъ побоямъ; но чтобы избавиться отвѣтственности за такіе свои поступки, въ случаѣ моей на нихъ жалобы, они, Вогулы, упреждая его, подали на него въ Тобольскую Воеводскую Канцелярію извѣтъ въ томъ, во 1-хъ, будто бы онъ съ Пономаремъ своимъ въ нетрезвомъ видѣ ихъ, Дунайковыхъ, прибилъ, и, во 2 хъ, и главное въ томъ, «яко бы онъ, Попъ, въ Вогульскія волости возилъ съ собою хлѣба двѣнадцать мѣшковъ для промѣны на мягкую рухлядь» (что законами въ то время было строго воспрещено); что исправляющій въ Пелыми должность Воеводы Копьевъ, не произведши слѣдствія, схватилъ его въ день молебствія, бывшаго по случаю полученія Указа о восшествіи на престолъ Ея Императорскаго Величества, Елисаветы Петровны, заковалъ его въ желѣза, какъ злодѣя, не освободилъ

отъ оковъ, не смотря и на самыя усильныя его просьбы освободить, хотя бы для такого радостнѣйшаго для Россіи торжества, расковалъ только на слѣдующее утро, и за тѣмъ за карауломъ отправилъ въ Тобольскъ въ Сибирскую Губернскую Канцелярію, въ которой онъ, Попъ, содержится и доселѣ; что послѣ всего этого онъ не можетъ ѣздить въ Вогульскія волости для исправленія требъ и совершенія Таинствъ, опасаясь отъ Вогуловъ даже убійства, и что «наипаче онъ тѣмъ изобиженъ и обруганъ нынѣ стался, что отданъ въ свѣтскій судъ и высланъ въ Тобольскъ безъ изслѣдованія, и допрашиваемъ безъ доносителя (т. е., Вогула Дунаева), котораго и донынѣ въ Тобольску не имѣется.» За тѣмъ пишетъ Митрополитъ Арсеній: «Онъ, Попъ, просилъ наше Архіерейство, чтобъ его, Попа Степанова, отъ такихъ наглыхъ нападокъ и раззореній, какъ отъ свѣтскихъ командировъ, такъ и отъ иныхъ Вогульцевъ, милостивно оборонить. И мы, Архіерей, выше писаннаго доношенія и написанныхъ въ немъ отъ помянутаго Попа, Михаила Степанова, жалобъ и нанесенныхъ ему отъ Пелымскаго Воеводы Копьева и отъ новокрещенныхъ иноземцевъ обидъ и раззореній слушавъ, и усмотря изъ присланной изъ Сибирской Губернской Канцеляріи о высылкѣ означеннаго Попа въ Тобольскъ промеморіи, объявляемъ въ Сибирскую Губернскую Канцелярію слѣдующее: что на означеннаго Попа въ духовномъ дѣлѣ, подлежащемъ до нашего разсужденія и до духовнаго суда, въ свѣтскую команду отъ ясашныхъ новокрещенныхъ доношенія принимать, и по тѣмъ духовнымъ дѣламъ духовное и въ служеніе Богу священное лицо въ свѣтской командѣ допрашивать, весьма не надлежало, а надлежало бы онымъ новокрещеннымъ доносить въ духовныхъ дѣлахъ на онаго Попа нашему Архіерейству, а не въ свѣтскую команду, понеже свѣтская и неосвященная персона духовничье лицо на себе брать и Священника въ совѣстныхъ его падежахъ, мимо главныхъ, духовныхъ властей, которымъ дана власть вязать и рѣшать по святымъ канономъ, допрашивать и судить ни какъ не можетъ, ибо того ни гражданскія, ни духовныя правы не повелѣваютъ, а наипаче безъ присутствія челобитчика, или доносителя, чинить того не надлежитъ. Что же кромѣ онаго духовнаго дѣла показано отъ новокрещенныхъ о мѣнѣ на рухлядь хлѣба, касающееся до изслѣдованія, то и тутъ свѣтской командѣ одной его, Попа, отъ команды

Заказнаго правленія отрѣшать и къ суду въ Тобольскъ, въ Сибирскую Губернскую Канцелярію, брать бы не подобало, а надлежало было о томъ прежде изслѣдовать съ обѣихъ сторонъ, кѣмъ надлежитъ, тамъ, въ Пелымѣ, а не въ Тобольску, и буде бъ что по тому слѣдствію могло до него, Попа, касаться, по изобличеніи вины его, то можно бъ тогда отъ насъ требовать, въ нашей духовной командѣ его, Попа, допросить предъ духовнымъ лицемъ, кому бъ мы опредѣлили при томъ быть депутатомъ; понеже и вѣчно достойныя памяти благочестивѣйшаго Государя Императора Петра Великаго Указомъ Священниковъ и прочихъ духовныхъ, не только по маловажнымъ, но и по важнымъ дѣламъ въ свѣтскіе суды безъ собственнаго отъ Епархіяльныхъ ихъ Архіереевъ вѣдѣнія брать не повелѣно, и по объявленому въ промеморіи изъ Сибирской Губернской Канцеляріи, касающемуся до означеннаго Попа маловажному дѣлу, о высылкѣ его въ Тобольскъ, посылать въ Пелымь къ Воеводѣ Копьеву изъ Сибирской Губернской Канцеляріи Указа не надлежало, да и отъ Канцеляріи нашей, въ небытность нашего Архіерейства, требовать было о томъ же Указа не для чего. И хотя по оному требованію изъ Канцеляріи нашей о высылкѣ онаго Попа въ Тобольскъ въ Архіерейскую Канцелярію тамошнему Священнику Указъ и былъ посланъ, однако же не въ такой силѣ, чтобъ отдать его, Попа, въ свѣтскій судъ, но токмо выслать въ Тобольскъ въ Архіерейскую Канцелярію, но и за тотъ, въ небытность нашу, отпускъ Указа, нашихъ приказныхъ служителей, которые то учинили, штрафовали мы неслабо, дабы впредь таковыхъ неосторожностей и неисправностей, по требованіямъ Сибирской Губернской Канцеляріи, чинено не было. А что помянутый Воевода Копьевъ продерзостію своею захватилъ и арестовалъ показаннаго Священника въ самый день полученія въ Пелымѣ Указа о восшествіи на Всероссійскій Императорскій престолъ Ея Императорскаго Величества, Благочестивѣйшія Великія Государыни Императрицы Елисаветы Петровны, и сковалъ его, Попа, въ желѣза, какъ злодѣя, неповинно, и для онаго всерадостнаго торжества, по многой его, Поповской, просьбѣ, свободы не учинилъ, и для многолѣтняго Ея Императорскаго Величества здравія ни какого милосердія ему, Попу, освободя въ тотъ день, не показалъ, и на словесное его, Попово, прошеніе отказывалъ, и держалъ скована до утра, по Указу ль отъ Сибирской Губерн-

ской Канцеляріи, то оный Копьевъ чинилъ, или своею продерзостію, о томъ намъ неизвѣстно; а потомъ, не имѣя надъ нимъ, Попомъ, ни какой власти, расковалъ, выслалъ въ Сибирскую Губернскую Канцелярію подъ карауломъ, и о томъ благоволила бъ Сибирская Губернская Канцелярія надлежащее дѣйствіе учинить въ непродолжительномъ времени, безъ упущенія; понеже оное дѣло высокое и нашему разсужденію не подлежащее, токмо отъ насъ о такой продерзости имѣетъ быть представлено, гдѣ надлежитъ, неотмѣнно. А когда на помянутаго Попа Степанова отъ Пелымскихъ новокрещенныхъ въ обидахъ къ нашему Архіерейству будетъ челобитье, тогда и отъ нашей стороны изслѣдовано будетъ въ нашемъ духовномъ правительствѣ, по формѣ суда, при присутствіи доносителя, и ежель оной Попъ по изслѣдованіи явится въ чемъ виненъ, тогда учинено съ нимъ будетъ отъ нашего Архіерейства по Указамъ безъ упущенія. Что же въ извѣтѣ въ Пелымскую Канцелярію отъ оныхъ новокрещенныхъ между прочимъ въ ссорахъ съ нимъ, Попомъ, написано, будто въ Вершинскія юрты, для продажи и намѣну всякой мягкой рухляди, возилъ хлѣба двѣнадцать мѣшковъ, а кому, и гдѣ, и когда продалъ, или на что промѣнялъ, того не показано, и ежели по таковымъ неосновательнымъ извѣтамъ, которые происходятъ отъ злости и ссоры, брать обрѣтающихся въ волостяхъ у новокрещенныхъ иноземцевъ Священниковъ къ суду въ Тобольскъ, подъ карауломъ, и отъ надсмотрѣнія надъ оными новокрещенными въ содержаніи Православія отрѣшать, и яко бы за подозрѣніе, подъ именемъ торгу по юртамъ, ѣздить для смотрѣнія и наставленія ихъ новокрещенныхъ, Священникамъ не велѣть и запретить, то отъ несмотрѣнія впадутъ оные новокрещенные паки въ свое прежнее зловѣріе и злочестіе, а Священники, видя надъ собою отъ свѣтской команды происки и обиды, а новокрещеннымъ въ твердомъ содержаніи Христіянской Вѣры отъ подчиненныхъ свѣтской командѣ управителей послабленія, не только къ требованію отъ нихъ помощи надежды имѣть не будутъ, но и быть въ волостяхъ за тѣмъ не пожелаютъ. А ежель имъ для того только одного тамъ быть, чтобъ неповинно всегда претерпѣвать нападки отъ происковъ управителей, которые, сами большую къ полученію мягкой рухляди имѣя склонность, порицаютъ Священниковъ; а хотя бы кто изъ Священниковъ, видя крайнюю

нужду котораго новокрещеннаго, и оложилъ хлѣбомъ, по ихъ прошенію, взаимъ небольшимъ числомъ, съ которыхъ за тотъ хлѣбъ деньгами, за неимуществомъ, взять нечего, и то не для торгу, но развѣ мало что на его Священническую собственную потребу, а не въ торговлю, понеже, по ихъ бѣдности Священнической, ни какого излишества въ имѣніи ихъ не видно, которые едва пропитаніе себѣ имѣютъ; а о ясачныхъ сборщикахъ, которые за сборомъ ясаку отъ свѣтской команды посылаются, извѣстно Сибирской Губернской Канцеляріи, что явилось по слѣдствію въ Сургутѣ, которое произведено отъ обоихъ командъ, какъ отъ Сибирской Губернской Канцеляріи, такъ и отъ Духовной команды обще, о чемъ имѣется въ Сибирской Губернской Канцеляріи дѣло. И сіе представляется не для какого на Воеводъ нареканія, которые не бѣлками, но цѣлыми мѣхами отбираютъ, и не для защищенія Поповъ, которые берутъ на пропитаніе себѣ бѣлочками, но токмо о истинѣ изъявляется, что, вмѣсто помощи, како нынѣ бѣдное Священство гонятъ и турбуютъ и изневажатъ, куютъ и бьютъ, яко злодѣевъ, и инстигуютъ безъ мѣры надъ ними, не яко о правдѣ пекущеся, но яко сами, любоимѣнія страстію одержими суще, ищутъ себѣ всякими неправедными вымыслы пріобрѣтенія, а чтобъ доброй совѣсти Правителей до того приступъ имѣли, того ни какъ нечаятельно. И о вышеписанномъ Сибирской Губернской Канцеляріи предложивше, почтенно требуемъ, дабы соблаговолено было вышеозначеннаго Священника, Михайла Степанова, изъ подъ карауду свободить и прислать къ нашему Архіерейству, а что по слѣдствію объ немъ покажется, и буде онъ въ чемъ явится виновенъ, въ томъ, по увѣдомленію промеморіальному, поступлено съ нимъ будетъ въ нашемъ Духовномъ Правленіи, какъ Святыя Правила и Указы Ея Императорскаго Величества повелѣваютъ, неотмѣнно. А чтобъ болѣе онъ, Попъ, въ слѣдствіяхъ единъ, безъ присутствія доказателей, не претерпѣвалъ напрасно изневаги, и дабы въ Пелыми ему, Попу, горшаго озлобленія къ прежнему паки не произошло, отъ тамошняго заказнаго Правленія и отъ церкви его, гдѣ онъ служилъ, нынѣ отрѣшили, а повелѣли ему быть здѣсь, въ Тобольскѣ, во священнослуженіи, на порожнемъ мѣстѣ при Архіерейской церкви; ибо хотя мы и сердечно пастырски о своей командѣ

гонимой и о душахъ новопросвѣщенныхъ, требующихъ всегдашняго наблюдательства и ко спасенію руководства, сожалѣемъ, да помощи къ свободѣ бѣдныхъ, кромѣ сего, иной найти нынѣ не можемъ, отъ чего, по вышереченному, видно есть, что волостныя церкви пустѣютъ и новокрещенные наставленія лишаются, не отъ нашего Архіерейскаго какого нерадѣнія, но отъ гоненія неразсудныхъ свѣтскихъ командировъ, которые изъ своихъ происковъ, не Вѣру Святую и Православіе утверждаютъ, но и пріобрѣтенное Духовными пастыри, великимъ трудомъ и коштомъ не малымъ и тщаніемъ всеприлежнымъ, чрезъ оное гоненіе Священниковъ, которые, какъ выше означено, и сами тамо болѣе быть не хотятъ, вовсе тщатся оное великое дѣло изничтожить, на едино токмо поруганіе нашему Святому Православію, и Сибирская Губернская Канцелярія да благоволитъ учинить о томъ по Ея Императорскаго Величества Указомъ. 1742 году, Генваря дня.[3] (Изъ дѣла 1742 г., № 14).

Вторая промеморія.

Въ Генварѣ же 1742 года Преосвященному Арсенію представился другой случай ограждать права духовенства противъ притязаній свѣтскихъ властей. Случай этотъ былъ такой: Крестьянинъ Архіерейской Преображенской вотчины, будто бы побитый прикащикомъ той Архіерейской вотчины, Упадышевымъ, донесъ Сибирской Губернской Канцеляріи на управителя Упадышева, не только въ причиненныхъ отъ него ему побояхъ, но и въ томъ, что будто бы онъ, Упадышевъ, 14 лѣтъ тому назадъ, принадлежалъ къ шайкѣ воровъ, ограбившихъ на Волгѣ Персидскихъ Пословъ и гдѣ-то скрывшихъ ограбленное имѣніе; что будто бы онъ приглашалъ какъ того крестьянина, такъ и другихъ, ѣхать, подъ предлогомъ богомолья, къ Соловецкимъ Чудотворцамъ и взять награбленное имѣніе; Сибирская Губернская Канцелярія, не снесшись съ Архіереемъ, забрала и доносчика и прикащика Упадышева; Митрополитъ Арсеній, узнавши

---

[3] Отвѣтная промеморія Сибирской Губернской Канцеляріи показываетъ, что Священникъ Степановъ, по допросѣ, отосланъ, для производства дѣла, въ Пелымь, и что свѣтское начальство, желая оправдать свой поступокъ (взятіе Священника безъ сношенія съ духовнымъ начальствомъ), говоритъ о бывшемъ будто бы требованіи отъ него о томъ.

объ этомъ, написалъ въ Губернскую Канцелярію грозную Промеморію, которою требовалъ прислать, какъ Упадышева, такъ и жалобщика къ нему, какъ непосредственному ихъ начальнику, для разбирательства, сначала ихъ дѣла его духовнымъ судомъ, и въ которой рѣзко доказывалъ, что брать крестьянъ духовныхъ вотчинъ и отлучать прикащиковъ отъ порученныхъ имъ должностей свѣтскимъ властямъ, безъ сношенія съ властями духовными, совершенно противно Императорскимъ и Синодскимъ Указамъ, 1739 г., Мая 30, и 1741 года, Августа 14 дня, и что отъ этого въ духовныхъ вотчинахъ можетъ происходить множество зла.[4]

Третья промеморія.

Чрезъ три мѣсяца, а именно, отъ 28 Апрѣля, 1742 г., уже въ бытность въ Москвѣ, Митрополитъ Арсеній доносилъ Святѣйшему Синоду, что 1) въ прошедшемъ 1741 году, еще до его прибытія на престолоправленіе въ Тобольскъ, въ его домовую Архіерейскую Канцелярію (которую Арсеній по пріѣздѣ переименовалъ въ Консисторію), поступило доносеніе на Томскаго Воеводу, Подполковника Никиту Миклашевскаго, въ томъ, что онъ, Миклашевскій, билъ плетьми на смерть (т. е., сильно, больно) новокрещенныхъ Татаръ, Андрея Кармышакова, жонку Авдотью Савину и Алексѣя Аѳанасьева, за воспріятіе ими Святаго Крещенія (примѣтно изъ дѣла, по жалобѣ ихъ владѣльцевъ, Татаръ же, на то, что они крестились, не испросивъ напередъ на то у нихъ согласія), и что за тѣмъ новокрещенную жонку онъ отдалъ некрещенному Татарину, Камбуртулкину, а Алексѣя Аѳанасьева дозволилъ Татарину Кутумову, не имѣвшему на него и крѣпостнаго акта, продать одному изъ Томскихъ посадскихъ; что 2) по сношенію съ Сибирскою Губернскою Канцеляріею, было опредѣлено «о томъ, яко о великоважномъ и къ вѣчному спасенію служащемъ дѣлѣ, отъ свѣтской и отъ духовной команды обще изслѣдовать тамъ, въ Томскѣ, безъ всякаго упущенія, понеже тотъ Никита Миклашевскій и напреждe сего, бывши въ Ца-

---

[4] Изъ Промеморіи изъ Сиб. Губ. Канцеляріи видно, что требованные не отпущены до рѣшенія дѣла, и что свой поступокъ Сиб. Губ. Канцелярія и, какъ кажется, не совсѣмъ благонамѣренно, оправдывала Указомъ отъ 1727 г., Іюня 19, и Инструкціею Губерн. 1728 года, очевидно вышедшими прежде Указовъ, приводимыхъ Митрополитомъ (Изъ дѣла за 1742 годъ, N 12).

ревѣ Городищи (нынѣ гор. Курганъ), въ драгунскомъ полку Маіоромъ, въ противныхъ Церкви Святой поступкахъ явно изобличенъ по слѣдствію явился; но что 3) нынѣ Сибирская Губернская Канцелярія, не представивши ни какой законной причины, требуетъ отъ нашей Консисторіи, чтобы дѣло то докончить не въ Томскѣ, а въ Тобольскѣ, и чтобы въ Тобольскъ для этого вытребовать не только Миклашевскаго и его деньщиковъ, при которыхъ были сѣчены помянутые новокрещенные, но и самые этѣ новокрещенные, при томъ подъ карауломъ, какъ будто бы въ чемъ виновные, и не только они, а и двое Томскихъ Священниковъ по тому, единственно, что они были при томъ слѣдствіи (какъ кажется, въ видѣ депутатовъ); что 4) отъ моего смиренія послана чрезъ мою Консисторію въ Сибирскую Губернскую Канцелярію Промеморія «чтобы всеконечно оное слѣдствіе окончено было совершенно въ Томскѣ, въ присутствіи двухъ Закащиковъ, Томскаго, Гричкова, какъ мѣстнаго жителя, могущаго дѣло то знать лучше всѣхъ, и Тарскаго, Ермида Лаврентьева, какъ знающаго приказное дѣло, но чтобы въ Тобольскъ за столько верстъ никого не высылать и не волочить по слѣдующимъ причинамъ: а, въ Томскѣ Священниковъ и безъ того мало, и въ случаѣ еще высылки двоихъ изъ нихъ въ Тобольскъ, будетъ тамъ крайнее затрудненіе въ совершеніи богослуженія и исправленіи требъ; б, Священники, по чужой винѣ, должны будутъ потерпѣть безпокойство и потратить на такой дальній путь много своихъ денегъ, такъ какъ Сибирская Губернская Канцелярія не указала, на какой счетъ имъ ѣхать; в, вызыванье невинныхъ изъ такого дальняго мѣста въ Тобольскъ, безъ показанія причины, будто въ Томскѣ, гдѣ самое дѣло было, къ окончанію того привесть не можно, является не для инаго чего, токмо развѣ для единаго того, чтобы невинныхъ устрашить и съ прямой дороги отъ истиннаго показанія правды сбить, а виноватому, по пристрастію, покровительство и свободу учинить; а, по мнѣнію моему, весьма бы не надлежало ихъ, новокрещенныхъ, ничѣмъ оскорблять, и за слѣдствіями волочить, и подъ карауломъ мучить, и отъ домовъ отлучать и раззорять, дабы тѣмъ не подать причины къ отвращенію ихъ отъ Крещенія, а безсовѣстнымъ Воеводамъ къ большимъ продерзостямъ побужденія, понеже, по имянному Петра Великаго Указу, повелѣно всѣхъ, приходящихъ

ко Св. Крещенію, принимать доброхотно и пріятно, и крестить всѣхъ желающихъ, не взирая ни на какія крѣпости, хотя бы они чьи и крѣпостные были.» «Того ради, заключаетъ Преосвященный Арсеній, Святѣйшему Правительствующему Синоду о семъ предложивше, требую, дабы соблаговолено было о семъ... дѣлѣ, куда надлежитъ, подтвердить крѣпкими Указами, дабы оное изслѣдовано было въ Томскѣ... безъ волокитъ напрасно невинныхъ въ Тобольскъ; а ежели, паче чаянія, всѣ уже новокрещенные забраны нынѣ въ Тобольскъ и держатся въ Губернской Канцеляріи, то чтобы соблаговолено было» и помянутымъ Закащикамъ прибыть въ Тобольскъ на счетъ виновныхъ и присутствовать при слѣдствіи, при томъ съ однимъ изъ членовъ Консисторіи, а новокрещенные, на время производства слѣдствія, были бы выпущены изъ подъ ареста на свободу, дабы при отвѣтахъ не имѣть имъ ни отъ кого страха и стѣсненія..., «для того что иноземцы, за страхомъ свѣтскихъ правителей, а наипаче сильныхъ лицъ, правды показывать» не смѣютъ, а въ случаѣ притѣсненій и отъ прямаго дѣла отпираются и говорятъ, что имъ, управителямъ, угодно, и съ чего и намъ впредь, по должности пастырей, въ обращеніи ихъ въ Христіянскую Вѣру, надежды будетъ имѣть не можно, да и они, «устрашены и утверждены бывше свѣтскими злоковарными, неправедными, лихоимственными слѣдствіями—произвожденіями, не будутъ имѣть охоты ко Святому Крещенію, но и другихъ, хотящихъ приступить къ тому, воспретятъ»... такъ какъ «Воеводы за то (т. е., за обращеніе въ Христіянство) бьютъ, а Губернская Канцелярія за тоже самое за слѣдствіями волочитъ, и подъ карауломъ мучитъ и съ домами разлучаетъ и раззоряетъ, и тако, конечно, вси устрашены бывше, въ невѣріи своемъ пребудутъ.» Подъ конецъ донесенія говорится о томъ, что къ сему донесенію Святѣйшему Синоду прилагается копія съ Промеморіи, посланной въ Губернскую Канцелярію.[5]

Въ архивѣ Тобольской Консисторіи есть и еще нѣсколько Промеморій Арсенія Мацѣевича. Въ нихъ, какъ и въ приведен-

[5] Дѣло 1743 года, № 83.—Изъ дальнѣйшаго дѣла видно, что два Томскіе Священника и новокрещенные свѣтскимъ начальствомъ были вытребованы въ Тобольскъ, при томъ на ихъ собственномъ коштѣ.

ныхъ трехъ, Митрополитъ говоритъ дѣло жарко, ревностно защищаетъ права духовенства и благо новокрещенныхъ, но тѣхъ, кто касается этѣхъ правъ и вредитъ этому благу, нарушаетъ, а, можетъ быть, и не нарушаетъ этѣ права, онъ просто бичуетъ, бранитъ на повалъ. На это, быть можетъ, скажуть: «Да тогда такой былъ вѣкъ, таковъ былъ духъ; при томъ Арсеній родился и получилъ воспитаніе въ Польшѣ и Малороссіи.» Конечно, такъ; но въ Тобольскѣ же, въ первыя 68 лѣтъ прошедшаго столѣтія (съ 1701 и по 1768 годъ), слѣдовательно, и до и послѣ Арсенія, Архіереи все были (кромѣ Арсенія семь) изъ уроженцевъ теперешнихъ Югозападныхъ Губерній и ученики Кіевской Академіи, и пишущему доводилось читать Промеморіи къ Гражданскому Начальству и представленія въ Святѣйшій Синодъ почти всѣхъ ихъ; однако жь, ни у одного изъ нихъ и ни въ одной Промеморіи не встрѣчалъ я такихъ выраженій, такихъ отзывовъ и замѣчаній на счетъ другихъ, на счетъ лицъ, несогласныхъ съ ними, людей правильно, или неправильно, касавшихся правъ духовенства.

II

ПРИЧИНА СКОРАГО ОТЪѢЗДА АРСЕНІЯ МАЦѢЕВИЧА ИЗЪ ТОБОЛЬСКА И ПЕРЕМѢЩЕНІЯ ЕГО ОТТУДА ВЪ РОСТОВЪ.

Арсеній Мацѣевичъ, назначенный 10 Марта и хиротонисанный 26 Мая, 1741 года, въ Митрополита Тобольскаго и Сибирскаго, въ Тобольскъ прибылъ 18 Декабря, но 10 Февраля слѣдующаго 1742 года онъ уже отбылъ оттуда въ Москву, и тамъ, 31 Мая, того же года, по словесному докладу благодѣтеля его, Новгородскаго Митрополита и Первенствующего Члена Святѣйшаго Синода, Амвросія Юшкевича, Государынѣ Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, получилъ другую, именно, Ростовскую Епархію, и съ тѣмъ вмѣстѣ былъ назначенъ Членомъ Святѣйшаго Синода. Что бы это значило? Отъ чего такой быстрый отъѣздъ Арсенія изъ Сибири, и такое скорое перемѣщеніе его на другую Митрополію, съ назначеніемъ въ Члена Святѣйшаго Синода? У Профессора С.-Петербургской Духовной Академіи, Ил. А. Чистовича, въ статьѣ его: «Арсеній Мацѣевичъ», помѣщенной въ газетѣ «День» (на 1862 г., № 15, стр. 4), въ объясненіе этого, сказано: «Арсенію

не жилось въ Тобольскѣ. Мы догадываемся, что онъ просилъ Амвросія (Юшкевича) перевесть его въ другую Епархію.» Но едва ли это было такъ; едва ли не вѣроятнѣе предполагать, что, напротивъ самъ Преосвященный Амвросій вызвалъ Арсенія Мацѣевича изъ Сибири, постарался дать ему и Епархію поближе къ столицѣ, и кресло въ Святѣйшемъ Синодѣ. Дѣло въ томъ, что Амвросію Юшкевичу, впрочемъ, пастырю благочестивому, просвѣщенному и ревностному объ образованіи духовнаго юношества, крайне не нравилась соборная форма управленія Россійскою Церковію; на пр., онъ былъ недоволенъ и незначительностію власти, какою пользовался въ Святѣйшемъ Синодѣ первенствующій членъ его, и отмѣною прежняго наименованія сего члена Президентомъ Святѣйшаго Синода, а слѣдующихъ за нимъ двухъ членовъ Вице-президентами, и тѣмъ еще, что первенствующій членъ не имѣлъ титула Митрополита Московскаго и С.-Петербургскаго: онъ, Амвросій (вѣроятно, забывая, что даже на Соборѣ Апостольскомъ присутствовали Пресвитеры,[6] да и на Вселенскихъ Соборахъ бывали не одни только Святители, а и Настоятели монастырей, Пресвитеры и даже Діяконы), обижался и тѣмъ, что въ Святѣйшемъ Синодѣ, вмѣстѣ съ особами Архіерейскаго сана, засѣдали Архимандриты, Игумены и Протоіереи, и на нихъ, не имѣющихъ сана Святительскаго, падалъ титулъ Синода «Святѣйшій,» его, наконецъ, и едва ли не въ особенности, огорчала прикосновенность къ дѣламъ церковнаго правленія въ Святѣйшемъ Синодѣ людей свѣтскихъ въ лицѣ Оберъ-Прокурора, Оберъ Секретарей и Секретарей (тогда какъ и у древнихъ Христіянскихъ Святителей, между прочимъ и у Греческихъ Патріярховъ, для сношенія съ мірскими властями и для хлопотъ по дѣламъ Церкви, всегда бывали изъ людей свѣтскихъ и Референдаріи, и Екдики, и Нотаріи, и пр., да и у нашихъ Московскихъ сначала Митропотитовъ, а потомъ и Патріярховъ, въ ихъ Приказахъ и Разрядахъ долгое время, почти исключительно засѣдали Бояре, Стольники и проч., и у нихъ же и у всѣхъ прочихъ нашихъ Епархіяльныхъ Архіереевъ, должности нынѣшнихъ Благочинныхъ и членовъ Духовныхъ Правленій, до Царя Алексѣя Михайловича, а отъ части и до Петра I, исправля-

---

[6] Дѣян. 15, 6.

ли лица мірскія съ званіемъ Десятильниковъ). Словомъ, Амвросію хотѣлось бы, для управленія Россійскою Церковію, или возстановить Патріяршеское достоинство, или, если уже этого сдѣлать нельзя, по крайней мѣрѣ, произвести въ Святѣйшемъ Синодѣ важныя реформы, значительныя перемѣны.

Итакъ, замышляя хлопотать о реформѣ въ управленіи Россійскою Церковію, Амвросій Юшкевичъ (не забудемъ, что онъ былъ Первенствующій Членъ Свѣтѣйшаго Синода) видѣлъ крайнюю необходимость усилить себя единомысленными съ нимъ, сочувствующими ему, лицами. Но, не находя въ большей части (да кажется, и ни въ коихъ изъ) сочленовъ своихъ по Святѣйшему Синоду сочувствія замышляемому имъ дѣлу, и опасаясь остаться въ немъ почти одинокимъ, или даже совершенно одинокимъ, онъ и рѣшился подкрѣпить свой голосъ, усилить себя въ Свѣтѣйшемъ Синодѣ, лицомъ, отъ него облагодѣтельствованнымъ, вполнѣ ему преданнымъ, а главное единомысленнымъ съ нимъ, при томъ рѣшительнымъ и стойкимъ. И вотъ онъ, едва Ростовская каѳедра дѣлается праздною (25 Декабря, 1741 г.), какъ извѣщаетъ о томъ покровительствуемаго имъ, призываетъ его голосомъ дружбы и ревностію ко благу Церкви (какъ они его понимали), въ столицу, поближе къ столицѣ, въ Свѣтѣйшій Синодъ. Безъ этого, не предположивши этого, трудно понять, какъ могъ Митрополитъ Арсеній въ Сибири такъ скоро узнать о вакантности Ростовской Епархіи, написать Амвросію Юшкевичу о своемъ желаніи занять ее, и опять получить отъ сего увѣдомленіе, для него благопріятное, и невозможно объяснить, какъ бы, безъ вѣрной надежды и получить себѣ лучшую Епархію, и остаться безъ взысканія за своеволіе, могъ Арсеній осмѣлиться, безъ призыва свыше, безъ дозволенія отъ высшаго Начальства, оставить свою Епархію, въ резиденціи которой, припомнимъ, онъ не прожилъ и двухъ мѣсяцевъ (съ 18 Декабря 1741 по 10 Февраля 1742 года), и ѣхать въ столицу?! Стоитъ здѣсь замѣчанія и то, что о перемѣщеніи Арсенія съ Тобольской на Ростовскую Митрополію и о назначеніи его Членомъ Святѣйшаго Синода отъ самаго Синода не было форменнаго доклада Государынѣ Императрицѣ, что, напротивъ, о томъ и другомъ доложилъ Елисаветѣ Петровнѣ, 28-го Мая, 1742

года, въ Москвѣ,[7] только словесно и самъ собою, тогдашній Первенствующій Членъ Святѣйшаго Синода, т. е., Амвросій Юшкевичъ, въ бытность его у Ея Величества на совѣщаніи о выборѣ законоучителя Наслѣднику Престола[8] (Петру III). Наконецъ, предположеніе о томъ, что не Арсеній Мацѣевичъ просилъ Амвросія Юшкевича о перемѣщеніи его на Ростовскую Епархію, но что, напротивъ, самъ Амвросій и для своихъ цѣлей вызвалъ его изъ Сибири, подтверждается, по крайней мѣрѣ, и оправдывается, слѣдующимъ важнымъ обстоятельствомъ: Преосвященный Амвросій, по прибытіи Арсенія изъ Тобольска въ Москву, здѣсь и вмѣстѣ съ нимъ, представилъ Государынѣ Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, предложеніе или докладъ о высшемъ духовномъ управленіи. Въ немъ (докладѣ) за выписками Церковныхъ Правилъ и Отеческихъ мыслей, слѣдуетъ ихъ приложеніе вотъ въ какихъ словахъ: «Ежели трудно покажется по Регламенту Духовному титлы Синодальной оставить, то Синодъ хотя и сдѣлать, однако, дабы былъ, хотя по малой формѣ, Священнослуженію Церкви Соборной, Апостольской, Восточной сообразенъ, сирѣчь, имѣющій въ себѣ Президента первоначальнаго Архіерея не инаго кого, точію Московскаго, титулующагося Московскимъ и С. Петербургскимъ: Вице-Президента, перваго—Новгородскаго Архіерея, втораго—какого ни будь Архіерея, близу Москвы обрѣтающагося..., А Оберъ-Прокурору и Генералъ-Прокурору, какъ и Экономіи Коллегіи, нечего здѣсь дѣлать, понеже и то за нужду дѣлается, что въ Синодѣ мірскіи Оберъ-Секретари и Секретари. По настоящему бы Церковному порядку надлежало и тѣмъ быть духовнымъ лицамъ, Іеромонахамъ, или Монахамъ. Понеже здѣсь не иная дѣла судятся и производятся, только поповстіи и причетничестіи да монашескіи, судятся такожде браки законный и незаконный, падежи совѣсти. О таковыхъ что тутъ смотрѣть, или разбирать Оберъ-Прокурору, или иной свѣтской персонѣ, не имѣющей посвященія, или не имѣющей власти рѣшать и вязать?... Въ собраніи Синодальномъ нынѣ не только Архіереи, но и Архимандриты и Протопопы, да еще же Оберъ-Прокуроръ и Оберъ-Секретари заклю-

---

[7] Высочайшій Дворъ и Святѣйшій Синодъ въ то время находились въ старой столицѣ.

[8] «День» 1862 г., № 15, стр. 4.

чаются, и до всѣхъ тая титла Святѣйшій Синодъ, или Верховный Святитель касается, ежели бы, чего не дай Богъ, по прежнимъ нашимъ временамъ, въ нашихъ глазахъ недавно бывшимъ, Регентъ Генералиссимусъ съ Остерманомъ утвердился, кто бы имъ смѣлъ поспорить, когда бы единаго, или двухъ своихъ Пасторовъ въ Синодъ посадилъ? И какъ быть? Подъ тою жъ титлою Святѣйшества они, подъ овечьей кожею истинные волки, укрывалися бы на всеконечное истребленіе нашего благочестія.» [9] Въ 1744 году, какъ бы въ дополненіе къ сему докладу, покровитель Арсенія Мацѣевича, въ новомъ докладѣ Государынѣ Императрицѣ (но по другому дѣлу, а именно, по дѣлу о мѣрахъ къ ослабленію раскола), между прочимъ, говорилъ: «Его Величество, высокославныя памяти, Государь Императоръ (конечно, Петръ I) соизволилъ было воспріять намѣреніе, чтобы духовное правленіе паки оставить точію при единомъ правленіи Патріярха, или Митрополита, дабы церковное правленіе и ученіе во славу Божію найлучше происходило.... Но то Его Величества соизволеніе къ исполненію не достигло причиною его кончины». За тѣмъ въ докладѣ сказано, что раскольники всего болѣе защищаются тѣмъ въ своемъ упорствѣ, что Синодальное правленіе «отъ единаго образца Протестанскаго взято» (между тѣмъ какъ, конечно, и самому автору доклада не безызвѣстно было, что Христіянская Церковь, съ самаго начала своего, управлялась именно Соборами).

Амвросій вызвалъ изъ Сибири Арсенія Мацѣевича въ столицу, выхлопоталъ для него другую лучшую Епархію и званіе Члена Святѣйшаго Синода, въ видахъ, между прочимъ, дѣйствовать съ болѣе вѣрнымъ успѣхомъ въ предначертанныхъ имъ планахъ по преобразованію церковнаго управленія; но онъ, какъ кажется, жестоко ошибся въ своихъ разсчетахъ: Мацѣевичъ не годился для такихъ важныхъ дѣлъ, и по своему строптивому характеру, и по рѣзкости своего языка, и по безтактности, по неумѣнью, или нехотѣнью, хотя бы на время, для цѣлей своего благодѣтеля, примѣняться къ обстоятельствамъ и лицамъ. И въ самомъ дѣлѣ, вмѣсто того, чтобы явиться въ Святѣйшій Синодъ, принять при-

---

[9] Обозр. Русск. Духов. Лит., кн. 2, стр. 24.

сягу на званіе Синодальнаго Члена, участвовать, на ряду съ другими, въ управленіи церковными дѣлами и быть правой рукой Амвросія, въ достиженіи предположенной имъ цѣли, итти къ ней тихо, постепенно, привлекая напередъ въ Святѣйшемъ Синодѣ и внѣ его поболѣе единомысленныхъ людей, онъ, какъ говорятъ, пошелъ на проломъ, посовѣтывалъ, подстрекнулъ Амвросія поскорѣе представить Государынѣ Императрицѣ выше приведенный докладъ, и отказался отъ принятія присяги на званіе Синодальнаго Члена [10] и пр., и такимъ образомъ все дѣло (разумѣю, какъ его замышлялъ Амвросій) испортилъ.

Протоіерей Александръ Сулоцкій.

1864 г., Мартъ.
Омскъ.

---

[10] Арсеній Мацѣевичъ не принялъ присяги на званіе Члена Святѣйшаго Синода, какъ онъ тогда писалъ Государынѣ Императрицѣ, во 1-хъ, по тому, что его хотѣли приводить къ ней по формѣ, нѣсколько измѣненной противъ прежней, опредѣленной Духовнымъ Регламентомъ, а во 2-хъ, по тому, что одинъ изъ Членовъ Синода, Псковскій Епископъ Стефанъ, не хотѣлъ уступить ему, Арсенію, въ Святѣйшемъ Синодѣ мѣста, какое принадлежало ему, по степени занимаемой имъ Епархіи (Газ. «День» 1862 г., №. 25, стр. 3 и 4).

ВЫПИСКА О ДУХОБОРЦАХЪ,

СДѢЛАННАЯ

И. В. ЛОПУХИНЫМЪ,

ПРИ ПЕРВОМЪ ЕГО ДОНЕСЕНІИ ГОСУДАРЮ О НИХЪ ИЗЪ ХАРЬКОВА,

ОТЪ 12-ГО НОЯБРЯ, 1801 ГОДА. *

Съ 1762-го года въ городѣ Тамбовѣ воспріяла начало секта именующихъ себя Духовными, тоя жъ Губерніи села Горѣлова отъ однодворца Ларіона Петрова. Послѣдователи оной, отвергая въ вѣрѣ всѣ внѣшніе обряды богослуженія, полагаютъ во основаніе слѣдующія Евангельскія слова: «духъ есть Богъ, и иже кланяется Ему, духомъ и истиною достоитъ кланятися».

Въ 1767 году, чувствуя притѣсненія въ своемъ исповѣданіи со стороны Духовнаго правительства, и желая воспользоваться свободою, просили нѣкоторые изъ нихъ, чрезъ Ивана Перфильевича Елагина, блаженной памяти Государыню Императрицу, Екатерину Великую, но, по разсмотрѣніи ихъ мнѣній и по довольномъ увѣщніи отъ Гавріила Митрополита, отосланы были обратно, чрезъ Генералъ-Прокурора, Князя Вяземскаго, съ тѣмъ, буде которые изъ нихъ не обратятся, по увѣщаніи Тамбовскаго Преосвященнаго Ѳеодосія, отдать годныхъ въ военную службу, а неспособныхъ на поселеніе и въ работу.

---

* См. его «Записки о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ жизни и службы», помѣщенныя во 2 и 3-й книгѣ «Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ» 1860 г., и отдѣльно, стр. 95, гдѣ, однако, выписка эта не включена въ самыя «Записки». О. Б.

Въ 1769 году, изъ числа не обратившихся, болѣе 20 человѣкъ поступили въ военную службу въ Вологодской и другіе полки, и нѣсколько въ Ростовъ и Таганрогъ на работу, гдѣ, находясь, преклонили и другихъ къ своимъ мнѣніямъ, около Азова, а наипаче Новороссійской Губерніи въ Павлоградскомъ Уѣздѣ и въ селѣ Божкинѣ, гдѣ они имянуются «Молоканами», по причинѣ употребленія, по середамъ и пятницамъ, молока и масла.

Въ Слободской Украинской Губерніи въ нѣкоторыхъ селеніяхъ стало извѣстно ученіе ихъ не болѣе 13 лѣтъ, по признаніи же изобличенныхъ въ ономъ, въ селѣ Приходахъ, неизвѣстно отъ какого-то солдата, а въ Терновой отъ препровождаемаго въ Сибирь одного изъ сея секты послѣдователя, здѣсь называютъ ихъ «Духоборцами».

Познанія вѣры и исполненія Божескія воли утверждаютъ они достигнуть непосредственно, по особливому, то есть, вдохновенію, какъ сказано въ Священномъ Писаніи: «и будутъ вси научены Богомъ».

Въ разсужденіи Таинствъ Христіянскихъ содержатъ, что вѣрующему должно принимать оныя безъ всякихъ внѣшнихъ видовъ, приводя о Крещеніи сіи Іоанна Крестителя слова: «Азъ водою, крещаю вы, грядетъ же крѣплій мене, той вы креститъ Духомъ Святымъ и огнемъ».

Креститься водою значитъ, по ихъ смыслу, изготовиться и покаяться. О Евхаристіи говорятъ: «Плоть не пользуетъ ничто же, духъ животворитъ; глаголы, яже Азъ глаголахъ, духъ суть и животъ». Чрезъ слова «духъ и животъ» умнѣйшіе изъ нихъ разумѣютъ вѣру во Христа и вдохновеніе. Священство присвояетъ себѣ каждый изъ нихъ, по силѣ оныхъ словъ:« Той сотвори насъ Цари и Іереи»

Священное Писаніе почитаютъ за ученіе младенческое и несовершенное; поелику и самъ Апостолъ, уподобляя, де, оное словесному и нелестному млеку, упрекаетъ всѣхъ тѣхъ, кои не требуютъ крѣпчайшія пищи.

Царское достоинство приписываютъ единому токмо Богу, почему присягать въ вѣрности Государю считаютъ за преступленіе, но разумнѣйшіе изъ нихъ признаютъ за нужное для развращен-

ныхъ людей на землѣ власть верховную, не отличая оной отъ прочихъ человѣковъ, и Государю дотолѣ токмо повиноваться должно, доколѣ повелѣнія его согласны съ истиною и съ волею Высочайшаго Существа; по чему и всѣ духовныя ихъ пѣсни составлены изъ псалмовъ, болѣе относятся къ единству Бога и къ верховному его правительству надъ вселенною. Подать давать и защищаться отъ непріятелей считаютъ за должное; но всякое нападеніе, хотя бы то было по повелѣнію начальниковъ, отвергаютъ, въ слѣдствіе чего въ первую Турецкую войну, подъ Перекопомъ находящіеся изъ нихъ въ Вологодскомъ полку, бросили оружіе.

Жизнь ведутъ воздержную и добропорядочную, родителей своихъ не называютъ отцами, но стариками; учителемъ же и наставникомъ во всемъ признаютъ единаго токмо Бога. Иконъ, крестовъ и приписыванія имяни церкви сооруженнымъ храмамъ, полагая собственную въ сердцахъ вѣрующихъ, тоже не признаютъ и другими церковными обрядами соблазняются.

Доведены же они до непреоборимаго энтузіазма непросвѣщеніемъ, суевѣріемъ и худымъ поведеніемъ Духовенства, какъ живущаго въ тѣхъ селеніяхъ, такъ и посылаемаго для увѣщанія, больше же всего строгостью Гражданскаго Начальства, поставляя въ высочайшую себѣ честь и славу поношеніе, страданіе, узы и темницу.

О

ВЕЛИКОРОССІЙСКИХЪ

БЕЗПОПОВСКИХЪ РАСКОЛАХЪ

ВЪ ЗАКАВКАЗЬѢ.

СОЧИНЕНІЕ

В. С. Толстаго.

СКОПЦЫ.

О РОДОНАЧАЛЬНИКѢ СКОПЦОВЪ.

Родоначальникъ или глава Скопческой ереси величается Государь-батюшка искупитель; по общему вѣрованію Скопцовъ, основанному на изустномъ преданіи, это, де, — Императоръ Петръ Ѳедоровичъ или III, который, оставя престолъ и перемѣнивъ имя, въ видѣ простаго человѣка, пустился путешествовать, проповѣдуя новое ученіе о Скопчествѣ, съ начала по Россіи; не извѣстно, въ какихъ годахъ, но въ царствованіе Императрицы Екатерины II, глава этой ереси былъ взятъ, преданъ суду и по тяжкомъ наказаніи (въ Тамбовской Губерніи) сосланъ въ Иркутскъ. Изъ этого города, по повелѣнію Императора Павла Петровича, привезенъ онъ въ Санктъ-Петербургъ, гдѣ и находился, въ домѣ именитаго тамошняго Скопца Солодовникова, подъ именемъ Кондратія Селиванова. Въ С.-Петербургѣ онъ оставался до отправленія, по рѣшенію Сената, въ городъ Суздаль, въ которомъ кончилъ жизнь свою.

Нынѣ умершій С.-Петербургскій Скопецъ, Никифоръ Царевъ, въ 1849 году сосланный въ Закавказье, по судебному приговору, утверждалъ, что родоначальникъ находится на Иркутской горѣ; иные съ этимъ не соглашались, а утверждали, что онъ отправился за границу, но не извѣстно, куда именно; лишь немногіе поясняютъ, что онъ пошелъ на западъ, гдѣ обѣтованная земля, отвергая, что онъ померъ и погребенъ въ Суздалѣ, и что это подложно подъ его именемъ похоронили другаго, съ цѣлью ослабить надежды и упованія Скопцовъ.

Самые давніе Скопцы утверждаютъ, что родоначальникъ — безсмертный и равной степени съ Христомъ, полагая, что когда

7

онъ обнаружится, то будетъ предсказанное второе пришествіе Христово, основывая это на словахъ Священнаго Писанія: «Іисусъ Христосъ вчера и днесь, той же и во вѣки», что обѣщалъ «быти до скончанія вѣка», и что когда совершитъ во всей вселенной предназначенное ему дѣло Всемогущимъ, вознесется на небеса, по подобію вознесенія Сына Божія, но еще съ величайшею славою; что этотъ родоначальникъ явится въ Россію и расположится въ Москвѣ, въ мощной силѣ, на бѣломъ, духовно разсуждающемъ, конѣ, въ главѣ разныхъ народовъ и племенъ Скопцовъ; при Россійскомъ Монархѣ и прочихъ земныхъ Царяхъ и Короляхъ, потребуетъ со всего свѣта Скопцовъ, вѣрующихъ во имя его, произведетъ главное испытаніе всѣхъ своихъ послѣдователей, которые тогда съ полнымъ самоотверженіемъ, безъ страха, пожертвуютъ своею жизнію.

Разнорѣчія Скопцовъ происходятъ отъ того, что они прибыли въ Закавказье изъ разныхъ угловъ Россіи и во время отдаленнѣйшее отъ основанія этого раскола, когда многіе почерпнули свою ересь изъ изустныхъ ученій родоначальника; къ тому же, письменныхъ правилъ этой ереси не имѣется, и она сохраняется въ изустномъ преданіи, не истекающемъ изъ писанія; слѣдовательно, всякій по своему понимаетъ и передаетъ это ученіе разнообразно. У нѣкоторыхъ, при сравненіи родоначальника съ Христомъ, рождается сомнѣніе, чтобы вознесеніе на небеса воспослѣдовало по принятіи смерти и воскресенія.

Между Скопцами есть повѣрье, что въ 1812 году, при вступленіи Французовъ въ Россію, покойный Государь Императоръ Александръ Павловичъ обращался къ родоначальнику Скопческому, дабы узнать послѣдствія этой войны, и что сей послѣдній предрекъ Государю, что Богъ не допуститъ Французамъ овладѣть Россіею, и что они будутъ побѣждены, не столько силою оружія, какъ промысломъ Провидѣнія, и по тому дѣйствительно была неслыханная зима и многія другія явленія.

Всѣ важныя событія, равно и предсказанія въ будущемъ, изложены въ составленныхъ пѣсняхъ, которыя Скопцы называютъ страды, и которыя они поютъ во время своихъ богомоленій.

Въ Россіи, при совращеніи въ свою ересь, Скопцы внушаютъ, что много сослано въ Сибирь и Закавказскій Край лицъ высшихъ фамилій, знатныхъ званій и даже Царскихъ родовъ, за ихъ твердость въ послѣдованіи ученію родоначальника, пожертвовавшіе всей своею жизнію, и что посреди ихъ совершаются чудоявленія, не уступающія временамъ Апостольскимъ.

О МАТЕРИ РОДОНАЧАЛЬНИКА.

Мать родоначальника—непорочная дѣва, именуемая Акулина Ивановна; она, де, была Императрица Елисавета Петровна; рожденіе отъ нея родоначальника не есть естественное, а духовное. Не извѣстно, гдѣ и какъ она кончила жизнь.

О ГЛАВНОМЪ ПРИВЕРЖЕНЦѢ РОДОНАЧАЛЬНИКА.

Первый и ревностнѣйшій приверженецъ родоначальника Скопцовъ былъ Александръ Ивановичъ Шиловъ, житель города Риги, сосланный въ Шлиссельбургскую крѣпость за оскопленіе себя и другихъ; въ этой крѣпости онъ померъ въ царствованіе Императора Павла Петровича. Чрезъ нѣсколько лѣтъ по его смерти, останки тѣла его перенесены на какое-то Петербургское кладбище. Скопцы, узнавъ объ этомъ, равно что сверху гроба его имѣются два, или три, отверзтія, стали, въ неопредѣленное время, ходить на эту могилу, въ отверзтіе гроба опускать бублики для прикосновенія ихъ къ останкамъ тѣла, чрезъ что эти бублики освящались и послѣ употреблялись съ большимъ благоговѣніемъ. Частицы подобныхъ бубликовъ были доставлены въ Закавказье, какъ должно полагать, Скопцами, прибывшими изъ Петербурга, откуда слѣдовали свободно подъ однимъ присмотромъ. Въ Закавказскомъ краѣ этѣ частицы давались больнымъ, полагая, что если ихъ примутъ съ вѣрою, то не только спасется душа, но еще исцѣлится и тѣло; принимались онѣ тоже нѣкоторыми предъ смертію. По затрудненію получать этѣ частицы въ Закавказскомъ краѣ, раскрошивали имѣющіяся у нихъ, высыпали въ воду, на которой мѣсили хлѣбъ, который, по испеченіи, хранили, какъ святыню.

О МОЛЕЛЬНЫХЪ ДОМАХЪ.

Скопцы, по долгу вѣры, тщательно скрываютъ свои обряды, какъ имъ заповѣдалъ родоначальникъ ихъ, думая, что если кто услышитъ ихъ богомолье, то Богъ его не услышитъ. Прежде они совершали свое богослуженіе въ нижнемъ этажѣ дома Шемахинскаго Скопца, Петра Петина, а когда умножилось число ихъ единовѣрцевъ въ семъ городѣ, то въ нижнемъ этажѣ надворнаго строенія Тимоѳѣя Жиркова. Преимущественно собираются для богомолья наканунѣ воскресныхъ дней, или другихъ годовыхъ праздниковъ, сколь можно скрытнѣе и ни какъ не раньше 9 часовъ; когда же соберутся, то ставятъ часовыхъ, которые ихъ предупреждаютъ, если замѣтятъ, что пытаются захватить собраніе, или подсмотрѣть, что въ немъ дѣлается; случается тоже, справляютъ богомолье и въ другихъ домахъ, по приглашенію хозяина, помянуть умершаго родственника, или единомышленника, поручившаго предъ смертію своею въ память его сдѣлать богослуженіе.

О ПОРЯДКѢ И НАРУЖНОМЪ ВИДѢ ПРИ БОГОСЛУЖЕНІИ СКОПЦОВЪ.

Идя въ свое собраніе или, по Скопческому изреченію, на бесѣду, въ молельный домъ, именуемый Соборъ, всякій Скопецъ беретъ особаго покроя бѣлую рубашку, сшитую изъ коленкора, или миткаля, длинную, широкую, со складками и косымъ воротникомъ, а также бѣлые подштанники. Придя на бесѣду, передѣвается въ принесенное бѣлье, а снятое платье оставляетъ въ прихожей. Эта одежда, въ которой совершается богослуженіе, называется парусъ; каждый имѣетъ въ рукѣ небольшой цвѣтной платокъ, который зовутъ покровчикъ. Большею частію, разувшись, на босую ногу, и немногіе въ чулкахъ, входятъ въ собраніе.

БОГОСЛУЖЕНІЕ.

Сходясь по одиночкѣ, когда большая часть Скопцовъ сошлась и усѣлась уже на лавкахъ, всѣ встаютъ, съ колѣнопреклоненіемъ молятся предъ образами, не отвергая принятыхъ Православными, предъ которыми теплятся восковыя свѣчи; въ самыхъ без-

опасныхъ мѣстахъ, гдѣ не предвидится быть захваченнымъ, между иконами ставится портретъ родоначальника. Старшій въ собраніи оглашеніемъ скажетъ въ слухъ: «Помолимся, братья, за Государя Императора, чтобы ему Богъ положилъ по сердцу о покровительствѣ вѣрныхъ праведныхъ»; разумѣется, подразумѣвая Петра Ѳедоровича и относя молитву къ Скопцамъ, «за Царскій родъ» и тому подобное. Какъ все служеніе совершается изустно, то выраженія измѣняются. Когда это моленіе кончится, всѣ другъ другу кланяются, взаимно прося прощенія, послѣ чего разсядутся, и старшій, съ нѣсколькими пѣвчими, сидя въ переднемъ углу, по входу на лѣвой сторонѣ, поютъ особо сложенныя пѣсни, называемыя страды: первая и главная начинается словами: «Дай намъ, Господи»; остальные присутствующіе, вставъ, становятся въ кругъ, идя одинъ за другимъ посольно: это называется корабель Церковный; нѣкоторые изъ Скопцовъ выходятъ въ середину круга и, стоя на одномъ мѣстѣ, кружатся до нельзя; а идучи одинъ за другимъ, начинаютъ скакать, что зовется «Давыдовъ ковчегъ», хожденіе же и скаканіе имѣетъ собирательное наименованіе «работа Божія», или преимущественно радѣніе; поясняютъ круженіе тѣмъ, что Христосъ молился въ вертоградѣ до кроваваго пота. Продолживъ это довольно долго, садятся. За тѣмъ

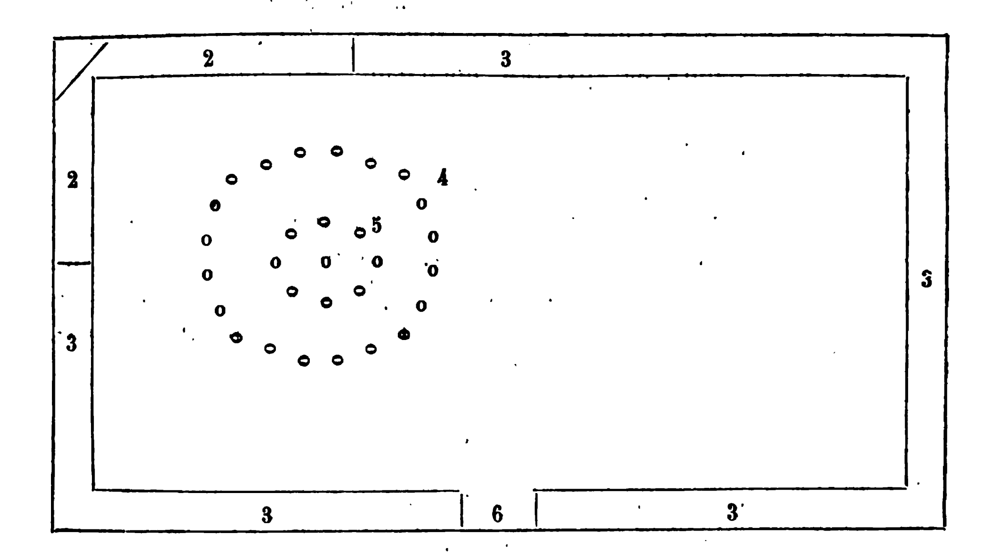
о пророчествѣ.

Старшій, или, по его назначенію, одинъ изъ Скопцовъ, выходитъ, въ лицѣ пророка:* поклонясь образамъ и на всѣ четыре стороны, произноситъ нѣсколько словъ, какъ будто прося Бога ниспослать на него Святой Духъ, потомъ начинаетъ пророчить, предсказывая, сначала общія явленія, какъ то: дождь, градъ и тому подобное; всѣ же присутствующіе, преклонивъ колѣна, съ благоговѣніемъ слушаютъ, по ихъ выраженію, «слово Божіе»; по окончаніи же общаго пророчества, именуемаго «судьба», начинаетъ предсказывать онъ каждому порознь, намекая ему на разныя обстоя-

* Въ Шемахѣ преимущественно пророками Матвѣй Кабановъ, Матвѣй Романовъ и Юда Трофимовъ, изъ Скопчихъ двѣ сестры Мошкины; дочь Купріянова, нынѣ за мужемъ, тоже пророчила.

тельства, и если кого обличитъ въ содѣланномъ прегрѣшеніи, то тотъ, кого онъ уличаетъ, съ прискорбіемъ кланяется, смотря на пророка, считая, что все, изрекаемое имъ, происходитъ отъ внушенія Святаго Духа, молитъ о прощеніи, кланяется и прочимъ присутствующимъ, прося ихъ помолиться, дабы Богъ простилъ его вину. Пророческое изреченіе принимается за «причащеніе Святыхъ Таинъ» и почитается гораздо священнѣе помянутыхъ бубликовъ; по окончаніи пророчества и по повтореніи описаннаго богослуженія, расходятся.

СКОПЧЕСКІЙ СОБОРЪ.



1. Передній уголъ съ иконами.
2. Старшій съ пѣвчими.
3. Лавки для Скопцовъ.
4. Корабль церковный.
5. Скопцы, кружащіеся по одиночкѣ въ серединѣ.
6. Входъ въ комнату или соборъ.

О КРЕСТНОМЪ ЗНАМЕНІИ И О ПОКЛОНАХЪ.

Вообще Скопцы молятся, дѣлая крестное знаменіе обѣими руками въ одно время, касаясь вмѣстѣ лба, пояса и въ одно время правою рукою праваго плеча и лѣвою лѣваго, и потомъ пере-

носся правую руку на лѣвое плечо, а лѣвую на правое. А кромѣ того, что кланяются Православнымъ иконамъ, кланяются и другъ другу, вѣруя, что по оскопленіи человѣкъ становится по образу Божію и по подобію его, и что въ первыя времена Апостолы и послѣдователи ихъ также кланялись другъ другу, отъ чего и принято въ народѣ поклоненіе иконамъ. Тому не кланяются съ крестнымъ знаменіемъ, который не исполняетъ въ точности Скопческихъ правилъ и предается порокамъ, т. е, пьянству и тому подобному.

О ПОСЛАНІИ О СТРАДАНІЯХЪ РОДОНАЧАЛЬНИКА.

Въ 1849 году привезена вышепоименованнымъ Скопцомъ Царевымъ книжица, называемая Скопцами «Посланіе»: она, хотя рѣдко, но была читана въ собраніяхъ. Эта книга содержитъ описаніе страданій родоначальника, какъ должно полагать, до ссылки его въ Суздаль: въ ней поминается о матушкѣ Александра Ивановича, Акулинѣ Ивановнѣ, сильной пророчицѣ Аннѣ Сафоной и другихъ. Главное ученіе состоитъ въ удаленіи мужескаго пола отъ женскаго. Это посланіе писано полууставными буквами, всего въ немъ будетъ листовъ до 30. Когда оно читается въ собраніяхъ, всѣ присутствующіе горько рыдаютъ и стоятъ на колѣняхъ. Это посланіе хранится съ величайшею тайною у Скопцовъ; однако Шемахинскій Скопецъ, Михаилъ Лукьяновъ, умѣющій писать полууставомъ, какъ слышно, снялъ нѣсколько копій, по просьбѣ нѣкоторыхъ Скопцовъ. Въ настоящее время Скопцы въ большомъ страхѣ: по этому, если они не сожгли это Посланіе, какъ родоначальникъ приказалъ все, до Скопческой секты относящееся, жечь всегда, когда Правительство будетъ разыскивать правила этой секты, то оно тщательно запрятано.

О ПОРТРЕТѢ РОДОНАЧАЛЬНИКА.

Образъ или портретъ родоначальника обожается Скопцами болѣе всякаго образа: таковой былъ привезенъ Скопцомъ Царевымъ, а послѣ его смерти, въ слободѣ Андреевкѣ, Ленкоранскаго уѣзда, перешелъ къ Скопцу Петру Петину. Скопецъ Василій Макаровъ имѣлъ у себя тоже Посланіе и портретъ родоначальника;

сей послѣдній висѣлъ на стѣнкѣ за стекломъ въ рамкѣ: онъ изображаетъ человѣка старыхъ лѣтъ, надписи на немъ ни какой не имѣется. Если у кого изъ Скопцовъ найдется этотъ портретъ, то хозяинъ непремѣнно пояснитъ, что это изображеніе его отца, или простая картина.

ОБЪ ОСВЯЩЕНІИ ВОДЫ.

У скопцовъ водосвятіе производится слѣдующимъ образомъ: старшій, поставя въ передній уголъ, подъ образами, сосудъ съ водою, по своему произволу читаетъ, изъ памяти, молитвы, послѣ чего произноситъ нѣсколько Скопческихъ страдъ, иногда тропарь: «Во Іорданѣ крещающуся ти, Господи», при чемъ погружается во воду животворящій крестъ; и эту освященную воду даютъ пить, а иногда и кропятъ ею.

О ПОГРЕБЕНІИ.

По смерти Скопца, одѣваютъ его въ парусъ, т. е., въ рубаху, въ которой одѣвался онъ для богомолія; преимущественно кладутъ его въ гробъ. Тѣлу же, считая его перстію, не оказываютъ ни какого уваженія, исключая тѣло, отъ рожденія оставшееся дѣвственнымъ.

О КНИГАХЪ.

Скопцы не почитаютъ ни какихъ Священныхъ книгъ нашей Церкви, и если бы кто изъ числа ихъ сталъ ихъ читать, то получилъ бы названіе «Фарисея», которымъ обозначаютъ всѣхъ, не слѣдующихъ ихъ ученію. Но если нововступающій въ секту пожелаетъ узнать, на чемъ основано правило скопиться, то ему указываютъ на 19 главу Евангелія отъ Матѳея, въ особенности на 12-й стихъ; а также ссылаются на буквальный смыслъ стиха: «Аще око твое соблажняетъ тя, изми е; аще ли рука твоя, или нога твоя соблажняетъ тя, отсѣцы».

ОТДѢЛЬНОЕ БОГОСЛУЖЕНІЕ СКОПЦОВЪ ОТЪ СКОПЧИХЪ.

Въ Закавказскомъ Краѣ для богомолья Скопцы сходятся отдѣльно отъ Скопчихъ, считая грѣхомъ самомалѣйшее прикосно-

веніе, даже нечаянное, Скопца къ Скопчихѣ, такъ что если Скопецъ обращается запросто съ своею женою, съ другою Скопчихою, или съ постороннею женщиною, то подвергается упреку, выражаемому словомъ «лѣпость», т. е., имѣющій стремленіе къ неблаговидной страсти сердечнаго помышленія. Въ подтвержденіе обязанности удаленія Скопцовъ отъ Скопчихъ приводятъ изъ Священнаго Писанія стихъ: «стоять будутъ на Сіонѣ горѣ 144 тысящы, иже съ женами не осквернишася».

О ЦАРСКОЙ ФАМИЛІИ.

Между нѣкоторыми Скопцами существуетъ мнѣніе, будто Великій Князь Константинъ Павловичъ былъ въ числѣ особо покровительствующихъ Скопческой сектѣ, что онъ по сіе время живъ и путешествуетъ въ видѣ простаго человѣка. Подобное мнѣніе имѣютъ и объ Императорѣ Александрѣ Павловичѣ.

СУЖДЕНІЕ О ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ И О ДУХОВЕНСТВѢ.

Скопцы уклоняются отъ Православной Церкви, будто для избѣжанія ея зависимости, и такимъ образомъ свободно исполняютъ богослуженіе по своимъ обрядамъ; сверхъ того, чтобы не подвергаться быть соблазненными проповѣдями, могущими возбудить сомнѣніе о Скопческихъ обрядахъ, догматахъ и самомъ оскопленіи, чтобы обращающіеся, еще не оскопленные, не отказались вовсе отъ обращенія въ эту ересь, другіе Скопцы не отстали отъ своего ученія и не раскрыли бы Православнымъ свое ученіе и обряды, также съ цѣлью отклонять отъ Церкви, Скопцы представляютъ, что все духовенство есть не что иное, какъ волки и наемники, а ученіе его — помраченіе истинной Вѣры, поврежденіе твердаго упованія и тому подобное.

О ПРИНЯТІИ ВЪ СКОПЧЕСКУЮ ЕРЕСЬ.

Нововступающій въ Скопческое упованіе принимается, какъ новорожденный младенецъ. Объявляется ему, что всѣ, прежде содѣянные, грѣхи прощаются, впредь же до гроба не долженъ согрѣшать; воспрещается ему употребленіе мясной пищи, хмѣль-

ныхъ напитковъ, сожитіе даже съ законной женой, матерными словами браниться и т. п. Когда нововступающій на всѣ эти условія объявитъ свое согласіе, то приводится онъ въ собраніе: старшій или учитель, кладя животворящій крестъ, говоритъ въ слухъ, а за нимъ новообращающійся: «Прости меня, Отецъ Небесный, во всѣхъ моихъ согрѣшеніяхъ, которыя мною содѣланы отъ рожденія и до сего дня. Ты, Господи, простилъ разбойника, мытаря, блудницу и всѣхъ приходящихъ, прости и меня грѣшнаго; введи, Господи, во святую свою обитель и удостой достигнуть Царствія Божія!» и подобныя молитвы, по усмотрѣнію учителя. Послѣ учитель, а за нимъ новообращающійся, прикладываются ко кресту; потомъ за учителемъ повторяетъ слѣдующее: «Если я въ жизни своей открою сію тайну, тогда накажетъ меня Господь, да не свѣтятъ на меня солнце и мѣсяцъ!» и какъ все это дѣлается изустно и изъ памяти, то съ разными прибавленіями, или убавленіями. По прочтеніи этого обѣщанія, зажигаютъ и раздаютъ восковыя свѣчи всѣмъ присутствующимъ и обращающемуся, и всѣ, ставъ въ кругъ, идутъ одинъ за другимъ и поютъ: «Елицы во Христа крестистеся, во Христа облекостеся, аллилуія», три раза, а за симъ обыкновенное богослуженіе. Дабы новообращенный достигъ до прочихъ Скопцовъ, за нимъ слѣдятъ и наблюдаютъ за его поступками и жизнію; постепенно и осторожно, въ разсказахъ, знакомятъ его съ предметами, еще ему неизвѣстными, и въ то же время и о самомъ оскопленіи. Когда же новообращенный изъявитъ полное желаніе оскопиться, то, дабы это не разгласилось, его оскопляютъ такъ скрытно, что никто о томъ не знаетъ, кромѣ одного скопителя. Оскопленіе именуется крещеніемъ, а по совершеніи этого, человѣкъ побѣдилъ змія, и получаетъ названіе бѣлаго голубя, почитается уже сѣвшимъ на коня и сопричисляется къ Новому Израилю. Въ случаѣ прибытія Скопца въ Шемаху, его не иначе принимаютъ въ свой кругъ, какъ по тщательномъ распросѣ, не нарушалъ ли онъ Скопческихъ правилъ, и если обнаружится, что это съ нимъ случалось, то заставляютъ его просить у Бога и у всей братіи прощенія на первомъ же собраніи, что исполняется поклонами на всѣ стороны, на которые братья ему отвѣчаютъ поклонами же.

О ВТОРОМЪ ОСКОПЛЕНІИ.

Скопецъ, не подвергшись второму оскопленію, пренебрегается братіею, и если онъ нарушитъ какое либо изъ правилъ этой секты, то ему внушаютъ, что онъ не иначе загладитъ свое согрѣшеніе, какъ повтореніемъ оскопленія. Когда по усердію, или для очищенія отъ содѣланнаго грѣха, Скопецъ приметъ второе оскопленіе, то считается, что онъ сокрушилъ сатану, и получаетъ названіе бѣлой овцы; принявшій же ученіе Скопческое и ни разу не оскопленный именуется козломъ. Оскопленіе производится, преимущественно, бритвою; при совершеніи оскопленія не употребляются ни какія усыпительныя средства; рану залѣчиваютъ простыми средствами, прикладывая травы широкой листъ, или ветошку, намазанную саломъ, либо коровьимъ масломъ; а если подъ рукою есть баня, то слегка парятъ и моютъ теплою водою. Рану же, происходящую отъ отрѣзанія грудей у женщинъ, залѣчиваютъ, накладывая ветошку на намазанную жиромъ той же женщины, который добываютъ, кладя отрѣзанную свѣжую грудь на сковороду, на которой и вытапливаютъ жиръ изъ этой груди. Мущины оскопляютъ мущинъ, а женщины оскопляютъ женщинъ; что же у кого вырѣзываютъ, видно изъ именнаго списка. Операторы обоихъ половъ пользуются между своими единомышленниками, а въ особенности отъ оскопленныхъ ими, большимъ уваженіемъ.

О ПРОИЗВОДЯЩЕМЪ ОСКОПЛЕНІИ.

Въ Шемахѣ скопитель Василій Макаровъ, принявшій прозваніе Кострикина, характера смѣлаго и отважнаго и отъ природы имѣетъ большую силу, такъ что въ случаѣ, если съ оскопляемымъ сдѣлается обморокъ, онъ легко его подымаетъ, приведетъ въ чувства и предохранитъ отъ несчастнаго случая. Сверхъ того, успѣшно уговариваетъ и ободряетъ дать себя оскопить; слыветъ искуснымъ скопителемъ и лѣчителемъ этѣхъ ранъ; по всему этому между Скопцами получилъ отличительное наименованіе «батюшки крестнаго». Въ случаѣ упрековъ отъ оскопленныхъ Кострикинымъ и угровъ принести въ томъ жалобу, онъ наотрѣзъ

отрѣчалъ, что за Кавказомъ объ этомъ никогда никто не спроситъ, и что отъ ссыльныхъ ни какого показанія не примутъ; но во всякомъ случаѣ, если кто на него покажетъ, что онъ скопитель, то онъ, Кострикинъ, покажетъ, что этотъ самый его оскопилъ. Этотъ Макаровъ, по прозванію Кострикинъ, судился въ Москвѣ: онъ прямо говоритъ, что не боится ни палача, ни меча, и такъ какъ оскопленіе есть дѣло богоугодное, то человѣка, подобнаго ему, всегда покроетъ само Провидѣніе; въ заключеніе, согласно Скопческому выраженію, обозначая Скопческаго отступника, обнаруживающаго сектаторскія тайны, подъ названіемъ Іуды предателя, онъ во что бы ни стало убьетъ. — Макаровъ очень многихъ оскопилъ и перескопилъ, въ томъ числѣ и роднаго своего брата, Дмитрія, и другаго посторонняго, какого-то Варѳоломея, пріѣзжавшихъ къ нему изъ Москвы не Скопцами.

искусная дѣвица.

Анна Андреева, за оскопленіе, сослана была въ Закавказскій край изъ Тамбовской Губерніи.

Она въ ссылкѣ выдумала разныя дополнительныя переоскопленія женскаго пола, страшно увѣча тѣла своихъ послушницъ; чрезъ это она получила пребольшое уваженіе не только Скопчихъ, но и самихъ Скопцовъ.

Анна Андреева была нрава гордаго и самолюбиваго, при встрѣчѣ съ Скопчихами никогда имъ не кланялась, называя ихъ грѣшницами, сама же считаясь святою. Больныхъ Скопчихъ она лѣчила, и если открывала, что у нихъ были деньги, тогда, вмѣсто лѣкарства, отравляла ихъ ядомъ, и по смерти брала себѣ остававшіяся у нихъ деньги, чрезъ что составила себѣ большой капиталъ, употребляемый ею для распространенія и поддержанія Скопческой ереси.

По совѣщаніи всѣхъ Скопчихъ, рѣшили онѣ, чтобы переименовать искуспу дѣвицу, Анну Андрееву, «присно дѣвою», что и объявили ей. Для этого всѣ, собравшись въ домъ, гдѣ сдѣлали престолъ, взяли Андрееву на руки и, бросая вверхъ, нарекли ее «присно дѣвою», потомъ посадили ее на престолъ, а сами, ставъ предъ нею на колѣни, стали ей молиться. Скопчихи вѣро-

вали, что Андреева, за святость своей жизни, будетъ, подобно Еноху, живая вознесена на небеса.

Предъ своею смертью Андреева собрала всѣхъ Скопчихъ, утѣшала ихъ, наставляла, изрекла проклятіе на ту, которая рѣшилась бы раскрыть тайны ея ученія, благословила всѣхъ и померла.

Скопчихи ожидали, что по крайней мѣрѣ тѣло присно дѣвы будетъ вознесено на небеса, но, вмѣсто того, все оно покрылось вшами, лопнуло и произвело такое зловоніе, что не возможно было къ нему приступить: это Скопчихи объяснили тѣмъ, что тѣло есть земля, и въ землю обратится, а душа, въ мгновеніе разлученія съ тѣломъ, Ангелами вознесена на небо.

О СКОПЕЧЕСКИХЪ СТРАДАХЪ ИЛИ МОЛИТВЕННЫХЪ ПѢСНЯХЪ.

Страды или рачличныя Скопческія духовныя пѣсни сложены почти всѣ подъ риѳму, большею частью по напѣву скороголосныя, есть и протяжныя, но всѣ различествуютъ голосомъ. Всѣ пѣсни издревле сложены въ Россіи и дошли до настоящаго времени чрезъ изустныя преданія; число ихъ велико, и нѣтъ никого, кто зналъ бы ихъ всѣ; новыхъ пѣсенъ не допускается, и говорится, что должно довольствоваться готовыми пѣснями. Когда поются въ собраніи скороголосныя пѣсни, присутствующіе, разсѣвшись по лавкамъ, разстилаютъ каждый на свои колѣна имѣющійся у него платочекъ, по которому бьютъ одной или обѣими руками: объясняется это тѣмъ, что десять пальцевъ значитъ десятиструнный псалтирь съ гуслями, и что объ этомъ поминается и въ Священномъ Писаніи: «Вси языцы восплещите руками, воскликните»!

О ЗВОНКИХЪ МОНЕТАХЪ.

Всѣ монеты, выпущенныя въ царствованіе Императрицы Елисаветы Петровны и Императора Петра III, особенно уважаются Скопцами.

О ПРАВИТЕЛЬСТВѢ.

Всякій разъ, что Правительство принимаетъ мѣры раскрыть и остановить распространеніе этой секты, Скопцы считаютъ го-

неніе на нихъ за страданіе, укрощеніе ихъ дѣйствій и наказаніе за еретическія ихъ преступленія, и болѣе честится между ними тотъ, кто подвергается строжайшему обращенію или судебному приговору. Скопцы полагаютъ, что душа того изъ ихъ братіи, который, оставаясь вѣренъ ихъ ереси, умретъ въ заключеніи, по Правительственному распоряженію, восходитъ прямо въ рай.

ЧАСТНЫЕ ОБРЯДЫ И МНѢНІЯ СКОПЦОВЪ.

Круглый годъ, во время богослуженія, Скопцы поютъ «Христосъ воскресе», поясняя это тѣмъ, что для нихъ «Христосъ воскресъ навсегда. Относительно того, что Христосъ умылъ ноги ученикамъ своимъ, эти еретики поясняютъ, что это значитъ, Христосъ оскопилъ своихъ учениковъ. Надѣваютъ бѣлыя рубашки во исполненіе, будто поясненнаго въ Писаніи бѣлыя ризы. Скопцовъ, открывающихъ тайны этой секты, зовутъ они Іудою предателемъ и считаютъ безгрѣшнымъ клеветать на него вымышленныя преступленія, и если удастся его подвести за то подъ законный приговоръ, то называютъ это Божіимъ наказаніемъ за отступничество отъ Скопчества. Чрезъ все, объясненное выше, легко можно представить себѣ, какъ опасно попавшемуся въ Скопческую секту свидѣтельствовать о преступленіяхъ этихъ сектаторовъ, тѣмъ паче что и приговорами судебными не возможно избавиться сообщества этихъ людей, которыхъ всегда соединяютъ вмѣстѣ, дабы отнять у нихъ возможность распространить свой толкъ.

О ИЗРЕЧЕНІИ: «ПЛОДИТЕСЯ И МНОЖИТЕСЯ».

На просьбу пояснить слова Писанія: «плодитеся, множитеся и наполняйте землю,» Скопцы говорятъ, что подъ словомъ «плотитеся» подразумѣвается оскопляйтеся, а «множитеся и наполняйте землю», значитъ, чтобы Скопцы умножились до того, дабы могли наполнить землю.

О БРАКѢ.

Скопцы считаютъ бракъ небогоугоднымъ дѣломъ, и совокупленіе даже съ законною — женою великимъ грѣхомъ; а на

замѣчаніе, что сказано въ Писаніи: «оставитъ человѣкъ отца своего и матерь, и прилѣпится къ женѣ своей, и будета оба въ плоть едину», Скопцы возражаютъ: бракъ не долженъ быть плотской, а духовный, т. е., душа невѣстою, а Христосъ женихомъ ея.

О ПРЕСѢЧЕНІИ РОДА ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО СКОПЧЕСТВОМЪ.

Скопцы полагаютъ, что люди, рожденные отъ грѣха, не могутъ принять всѣ скопчество, а одни предназначенные, избранные самимъ Богомъ, обрекающіеся на самоотверженіе, страданія для спасенія, по этому родъ человѣческій никогда не можетъ пресѣчься, по тому что мало кому дано быть Скопцомъ.

О СКОПЦАХЪ, ПОЛЬЗУЮЩИХСЯ УВАЖЕНІЕМЪ ПОСРЕДИ СВОИХЪ ЕДИНОМЫШЛЕННИКОВЪ.

Въ Шемахѣ между Скопцами пользуются большимъ уваженіемъ: 1) Матвѣй Аѳанасьевъ Кабаковъ, по тому что онъ лично видѣлъ родоначальника. Кабаковъ содержался въ С.-Петербургѣ въ крѣпости, потомъ въ Соловецкомъ монастырѣ, откуда былъ выпущенъ и проживалъ въ Петербургѣ, гдѣ опять арестовали его и прислали въ Шемаху; 2) Василій Макаровъ Кострикинъ, по тому что на это онъ благословенъ главными Скопцами Московскими; сверхъ того, какъ онъ изъ Московскихъ Скопцовъ, то и считается знающимъ по всѣмъ правиламъ пути Скопческаго спасенія. Эти два Скопца первенствуютъ въ Шемахѣ, и всѣ къ нимъ относятся съ глубокимъ почитаніемъ и находятся у нихъ въ совершенномъ повиновеніи.

ОТНОШЕНІЕ КЪ РЕЛИГІЯМЪ И РАСКОЛАМЪ.

Скопцы обозначаютъ словомъ «міръ» всѣхъ, не исповѣдующихъ ихъ ученіе, себя же считаютъ рожденными отъ Духа свыше и отдѣленными отъ міра. Всякое же вѣроисповѣданіе и расколъ считаютъ неправильнымъ и не угоднымъ Богу, одно же Скопческое ученіе полагаютъ истиннымъ и единымъ путемъ къ царствію Небесному.

ПОСЛАНІЕ

РОДОНАЧАЛЬНИКА СКОПЦОВЪ.

Христосъ воскресъ! Христосъ воскресъ! Христосъ воскресъ!

Во славу Божію и истиннымъ душамъ на спасеніе и вѣчную радость.

Посланіе отъ истиннаго отца искупителя всѣмъ возлюбленнымъ моимъ, Богомъ избраннымъ, духовнымъ дѣтушкамъ, отъ мала и до велика. Посылаю свою милость Божію, и покровъ Отца Небеснаго, и благословеніе отъ нынѣ и до вѣку. Радуйтеся о Господѣ, Христосъ бо воскресъ для спасенія душъ вашихъ Пишу всѣмъ моимъ дѣтушкамъ, глаголомъ устъ моихъ, прошу, молю, я, отецъ вашъ искупитель, да пріемлются слова истиннаго отца въ сердцахъ вашихъ; поживите при своемъ Государѣ батюшкѣ въ веселіи и радости, аки въ небесной сладости; положитесь на Бога: его терновая и крестная дорога такой имѣетъ путь отъ самаго начала міра, гдѣ бысть Спасителя самаго жилище, и она ведетъ въ лоно Авраамле шествующихъ по ней непремѣнно, и истинная бываетъ отъ Бога помпа. О любезныя дѣтушки, берите всѣ истиннаго отца вашего крѣпость, дабы ни малѣйшая не одолѣла васъ слабость грѣха и лѣпость; ненавидитъ бо душа моя лѣпости, яко лютаго змія; ибо оная весь свѣтъ поядаетъ, и отъ Бога отвращаетъ и итить къ Богу не допущаетъ; и по тому многіе отъ пагубной лѣпости, учители учительства, и пророки пророчества, угодники и подвижники своихъ подвиговъ лишились и не доходили до Царства Небеснаго, промѣняли вѣчное сокровище на тлѣнное и пагубное житіе. О любезныя дѣтушки, всѣ таковые лишены будутъ вѣчнаго блаженства, которое истинный вашъ отецъ искупитель обѣщалъ любящимъ его и соблюдающимъ чистоту и дѣвство; ибо единые дѣв-

ственники предстоятъ у престола Господня, а чистые сердцемъ зрятъ на Бога, отца моего, лицемъ къ лицу; въ чистыхъ же сердцахъ и непорочныхъ любезно присутствуетъ благодать Божія; тою же благодатію, яко многоцѣлебнымъ мνромъ всякая душа пользуется въ животъ вѣчный, а въ льстивыхъ вселится духъ темный, и будетъ въ пророкахъ и учителяхъ духъ льстивый и лживый, будутъ лица ихъ не свѣтлы и темны; ибо не проповѣдываютъ уже про чистоту истиннаго отца, а воѣ рекутъ льстивымъ духомъ. О любезныя мои дѣтушки, пишу истинный вашъ отецъ искупитель и о всѣхъ душахъ вашихъ попечитель, прошу и молю: поживите всѣ единодушно и единомысленно въ чистотѣ и благочестіи, въ кротости и смиреніи, въ любви и совѣтѣ, день провождайте во благочестіи, а ночь во слезахъ и сокрушеніи сердечномъ; на бесѣды сходитесь съ любовію, и бесѣдуйте съ кротостію и со страхомъ Божіимъ, въ молчаніи; думайте только то, что вы бесѣдуете съ самимъ Господомъ, яко на страшномъ судѣ, и занимайтеся всегда Богомъ, а не суетою; не заглядывайтесь, братья на сестеръ, а сестры на братьевъ, и не имѣйте праздныхъ разговоровъ и смѣховъ; а также и въ домахъ своихъ всегда пребывайте съ Господомъ и Отцомъ своимъ въ умиленіи и молчаніи, а празднословіе не чините: отъ сего заращдается злая лѣпость, которую не безтрудно то искоренить можно. Еще, любезныя мои дѣтушки, я прежде говаривалъ вамъ, и нынѣ напоминаю: не судите другъ друга, а единъ судья у васъ отецъ искупитель, а вы между собою имѣйте любовь, совѣтъ и согласіе, плевелъ и клеветы другъ на друга не чините, и тѣмъ сердца ближнихъ своихъ не вредите, и отца своего не гнѣвите, а каждаго покрывайте своею добродѣтелью; ибо любовь многіе пороки покрываетъ, и на оной основана Церковь; любовію всѣ Апостолы и Пророки держутся, а безъ любви постъ и молитва и прочіе подвиги ничто же есть; а когда между собою будете союзны и находиться въ согласіи и любви, то никто васъ не можетъ преодолѣть, и будете тверды и крѣпки. О любезныя мои дѣтушки, я пришелъ къ вамъ не разорять вашего закона, но еще паче оной утвердить и укрѣпить, да про чистоту свою объявить; такъ имѣйте въ сердцахъ страхъ Божій, и теплоту сердечную, и любовь истинную, храните дѣвство и чистоту, а чистота есть отъ всѣхъ слабостей удаленіе, какъ то: въ началѣ отъ женской лѣпости, а потомъ отъ клеветы и зависти, отъ чести и тщеславія, отъ гордости и самолюбія, отъ лжи и празднословія; словомъ, чтобы отъ всѣхъ пороковъ и слабостей сердца

ваши были чисты и совѣсть ни въ чемъ не была бы замарана; при всемъ же томъ имѣйте навсегда цѣломудріе, также присовокупитеся къ дѣвственной чистотѣ, а оная состоитъ тоже не въ одномъ словѣ, но заключается въ ней многое, а именно: дабы и умъ вашъ былъ отъ всего свободенъ, и на всемъ неголебимъ, во всякомъ случаѣ былъ бы цѣлъ и здравъ, и ниже сердце свое занимать какою либо видимою суетою, или умомъ и сердцемъ прилѣпляться къ тлѣнному богатству, а равно и къ лѣпости: все сіе принадлежитъ сокупно къ чистотѣ и цѣломудренности. Ибо какъ лѣпость погубляетъ душу и тѣло, такъ суетное богатство и сребролюбіе удаляетъ человѣка отъ Бога, то есть, таковыхъ, которые прилѣпляются сердцемъ къ оному; а то и явное богатство не вредитъ умнаго человѣка: хотя имѣетъ оное, равно какъ не имѣетъ; а кто неимѣетъ, то также не долженъ объ немъ сокрушаться и скорбѣть сердцемъ. О любезныя мои дѣтушки, весьма нужно и необходимо должно всякому, позвавшемуся на путь истинный и желающему душу спасти; оставить всѣ слабости и тѣлесныя сладости, но имѣть и хранить чистоту и дѣвство, и не озираться вспять, какъ Лотова жена, которая плоть обращается на слабость и занимается лѣпостію. О любезныя мои дѣтушки, преклоните главы и обратите сердечныя ваши очи внутрь себя, и уразумѣйте, какая польза именоваться Христіяниномъ, а жить крайне не Христіянски, отвергнуться міра, а потомъ таки міру подражать. О страшно о таковыхъ изрещи, и утробушка моя болитъ о всѣхъ грѣшныхъ, что чрезъ нерадѣніе и сладости лишаются вѣчнаго блага и вѣчнаго царствія, и идутъ самопроизвольно, по своему слабому житію, и чрезъ гнусную лѣпость, въ муку вѣчную! И по сему, возлюбленныя мои дѣтушки, не льстите себя никто надеждою, ни пророчествомъ, ни учительствомъ; ибо у Бога тотъ и пророкъ, кто отъ всѣхъ слабостей и пагубной лѣпости себя сберегъ; или тотъ и учитель, кто самъ себя въ чистотѣ жить научитъ и душу свою истинному отцу вручитъ; а то пророкъ и учитель, живущій по слабости и по лѣпости, умретъ, какъ разбойникъ не кающійся; а и рядовой, который сохранитъ чистоту и свято наблюдетъ заповѣди Господни, то когда будетъ душа его съ тѣломъ разставаться, тогда истинные пророки во всю вселенную чрезъ Духа Святаго возглаголютъ, что чистая душа восходитъ съ земли на небо, и съ честію ей всѣ поклоняются, и Ангелы и вся сила Небесная встрѣтятъ ее съ гласомъ трубнымъ и съ восклицаніемъ, и сама матушка, царица небесная, Акулина Ивановна, и наперсникъ мой, Але-

сандръ Ивановичъ, пріиметъ ее и представитъ ко престолу отца моего Небеснаго. О любезныя мои дѣтушки, слышите ли, какая чистой и непорочной душѣ воздается честь и слава; и вы бы у меня всѣ были бы чисты, если бы не занимались лѣпостію, враждою и завистію, первые бы получили мѣста у отца моего Небеснаго. А по сему, яко истинный есмь вашъ отецъ, желающій всѣмъ вамъ чистаго и совершеннаго отъ всѣхъ пороковъ спасенія, предохраняю васъ отъ всѣхъ слабостей и лѣпости, отъ коей и въ прежнія времена многія тысячи праведныхъ душъ погибло и великихъ угодниковъ и столпниковъ женская лѣпость свела въ муку вѣчную. О любезныя мои дѣтушки, прошу васъ всѣхъ, предстоящихъ предъ симъ моимъ посланіемъ, и молю: во избѣжаніе за сіе гнѣва Божія и вѣчнаго наказанія, презрите и возненавидите пагубную лѣпость, которая ведетъ по своей дорогѣ всѣхъ въ муку вѣчную. Возстаньте отъ сна своего и припадите къ истинному искупителю, призывающему всѣхъ въ царствіе отца Небеснаго, удаляйтесь злой лѣпости, и не имѣйте, братья съ сестрами, а сестры съ братьями, праздныхъ разговоровъ и смѣховъ, отъ чего происходитъ уже лѣпость; ибо оная, какъ магнитъ камень, имѣющій свойство привлекать къ себѣ близъ находящееся желѣзо, такъ и женская лѣпость, по врожденному свойству своему, каждаго, близко обращающагося брата съ сестрою, привлекаетъ къ себѣ и непримѣтно вкрадывается въ сердца человѣческія, и яко моль точитъ и поядаетъ всю добродѣтель и изгоняетъ благодать Божію; а безъ благодати Божіей человѣкъ, яко нива необработанная, пуста есть и безплодна, такъ и человѣкъ безъ Святаго Духа пустъ есть и безплоденъ. Въ таковомъ случаѣ, во избѣжаніе всего онаго, имѣйте жизнь свою во всей осторожности, пребывайте въ благочестіи, и кротости, и смиреніи, въ постѣ и молитвѣ, и имѣйте на всякъ часъ и на всякую минуту страхъ Божій, и поминайте смертный часъ, оплакивайте каждый свои пороки, и никогда не судите; сердцами своими будьте кротки и милостивы; хотя кто васъ и выбранитъ, или въ глаза плюнетъ, или погонитъ за имя Божіе, то все съ радостію пріимите и за гонителей помолитесь Богу, чрезъ что покажите на себѣ образъ истиннаго вашего отца, который пострадалъ и пролилъ кровь свою, ради всѣхъ спасенія; а по сему и призирайте сиротъ и питайте видимымъ хлѣбомъ, а паче призрите самаго Господа внутреннимъ болѣніемъ, слезами и воздержаніемъ отъ пищи и питія, и имѣйте постъ; ибо постъ есть тѣлу здравіе, а душѣ спасеніе; а первый постъ—дѣвство и чистота; а и видимый постъ для

спасенія необходимо надобенъ. Такъ, любезныя дѣтушки, послушайте, ради Бога и отца своего искупителя, и для ради душъ своихъ, за что вамъ будетъ въ небесахъ награда. Надо здѣсь на землѣ заслужить, такъ и въ небесахъ не будемъ тужить. О любезныя мои дѣтушки, возлюбите мою чистоту, и возмите мою кротость и смиреніе, оставьте плотяное утѣшеніе, честь и славу земную, такъ получите небесную и вѣчную, а плоти ваши будутъ нетлѣнными, и я, истинный вашъ отецъ, приведу васъ къ Небесному моему отцу: ни ктоже пріидетъ къ отцу моему, токмо мною. О любезныя дѣтушки, обратите ваше вниманіе внутрь себя, и уразумѣйте, что истинный вашъ отецъ, 'чистоты ради, на землѣ явился и претерпѣлъ многія страды, гоненія, озлобленія, біенія, поруганія, охуленія, оплеванія, судимъ былъ и влачимъ, и терзаемъ, странствовалъ сорокъ лѣтъ, и всѣ члены и составы мои раздроблены, и головушку мою горячимъ сургучомъ обливали, и въ дальнія страны отсылали, и всю дорогу палашемъ удары на моемъ тѣлѣ накладали, сто темницъ я обошелъ, и всѣхъ моихъ дѣтушекъ нашелъ; все сіе принялъ и претерпѣлъ, ради вашего спасенія и утвержденія закона Христова и чистоты. Еще я вамъ свидѣтельствую приказаніе Отца и Сына и Святаго Духа, матушки Акулины Ивановны, царицы небесной, и любезнаго моего сыночка, Александра Ивановича, и отца вашего искупителя, всѣмъ моимъ любезнымъ дѣтушкамъ съ перваго и до послѣдняго, богатому и скудному, равное приказаніе: отложите на земли весь прохладъ, и обложите души ваши въ окладъ, поживите безъ лести и не желайте явной себѣ чести! О любезныя мои дѣтушки какъ бы вамъ камень отъ сердца отвалить, какъ бы сталъ Богъ во всѣхъ членахъ вашихъ жить и говорить, и тогда грѣхъ сталъ бы прочь отъ васъ отходить; но кого Богъ удостоитъ внутреннюю церковь въ себѣ построить, о томъ утробушка моя радуется. О любезныя мои дѣтушки, я не самъ къ вамъ пришелъ, а послалъ меня отецъ мой Небесный, судить живыхъ и мертвыхъ, чтобъ грѣхомъ никто не умиралъ; а обо мнѣ пророки за сорокъ лѣтъ прорекали, что Господь пріидетъ, и судить станетъ, и принесетъ чистоту; откуда пріидетъ и узнаемъ ли мы его? Онъ велія нужды претерпитъ, и пошлется въ дальнія страны, и отдадутся ему всѣ иностранные товары, и дастся образъ спасительный, вилы, цепъ и пила, праведныхъ будетъ просвѣщать и въ небеса провожать, а гордыхъ учителей, пророковъ и всѣхъ, которые лѣпостію занималися, сокращать; тогда не возлюбятъ учители учительства, пророки проро-

чества, и соборные возненавидятъ соборы свои, и всѣ скажутъ: не стоило намъ чести: сколько лѣтъ мы ждали этой чести и радости, а онъ выводитъ только слабости; по явности, всего Богъ намъ далъ, да нѣтъ ни въ чемъ воли, погуляли бъ мы еще на волѣ. О любезныя мои дѣтушки, все это надо оставлять, а только однѣ души свои украшать и во уборъ небесной убирать, чтобъ не стыдно было явиться предъ отцемъ моимъ Небеснымъ, который не любитъ житія лестнаго. О любезныя мои дѣтушки, ни съ кѣмъ я такъ не бесѣдовалъ, какъ съ Александромъ Ивановичемъ, и говорилъ онъ мнѣ: Государь батюшка! въ Москвѣ все расчищается, дороги разметаются и ковры подъ тебя подстилаются, и во всякомъ домѣ пищу поставляютъ; теперь-то ты ловишь малявокъ, а когда выростишь, и тогда будешь осетровъ ловить, и тамъ хлѣбушка покушаешь, а львы всѣ застонутъ, и тогда волки завоютъ на всю вселенную; а волки — пророки, и не одни пророки, а и тѣ, которые лѣпостію занимались: благодать у нихъ чиста, да плоти коварныя; но ты со всѣми справишься, и учители не будутъ безвременно овецъ стричь, а будутъ одну пору Петровки знать. О, великое дѣло быть учителемъ; надо заживо себя въ гробъ положить, а ноги свои въ землю зарыть, а голову къ небесамъ привязать, а умъ свой всегда въ небо простирать, а сердце свое Богу вручать, и ни какіе подарки не взимать, и сердце свое на земное не прилѣплять, и никого не обижать, а всѣхъ равно, богатаго и нищаго, съ любовію принимать, и ни на кого не гнѣваться, а гнѣвайтеся всякъ на свою плоть да на лѣпость, а при томъ долженъ кушать хлѣбъ съ водою, чтобъ не жить съ бѣдою, а третью соль на подкрѣпленіе членовъ, а отъ другихъ прохладъ бываетъ душамъ накладъ. Судите же одну правду и всѣхъ равно, какъ средняго, такъ и богатаго, равно и нищаго, и надо отрещись всего роду, отца и матери, и судить, чтобы лѣпостію не занимались, и на землѣ учителями не назывались а единъ учитель — отецъ вашъ искупитель, и матушка Акулина Ивановна, да батюшка Александръ Ивановичъ, а прочимъ никому я не вѣрю, ни учителямъ, ни учительницамъ, ни пророкамъ, ни пророчицамъ, а только вѣрю одному дѣлателю и исполнителю заповѣдей Божіихъ: тотъ и уподобится царствію небесному. А я всѣхъ равно почитаю, какъ вельможу, такъ и нищаго, и нищій да Бога сыщетъ, а и вельможа да въ дѣлахъ не угожихъ; у меня тотъ и Генералъ, который дѣла Божіи не замаралъ; тотъ и Архіерей, который въ жизни своей не захирѣлъ; тотъ и Патріархъ, который въ жизни

разумомъ здравъ и благъ; а благъ единъ Господь, Іисусъ Христосъ, Сынъ Божій, который и пришелъ въ міръ грѣшныхъ спасти, а отъ лѣпости отвести. О любезныя дѣтушки, надо помнить смертной часъ, и какъ душа съ тѣломъ разстанется, тогда суета вся на землѣ останется, и съ единою добротой къ Богу должна итить. О любезныя дѣтушки, какъ можно постарайтесь, да плоти своей не поддавайтесь, и назадъ не озирайтесь, а хотя на колѣняхъ да ползите, и у Бога помочи себѣ день и ночь просите; ибо въ прежнія времена по тридцати лѣтъ Богу служили, и благодатію себя основали, да предъ послѣднимъ концемъ отъ Бога отставали.

О страшный идетъ судъ! надо дѣло брать всѣмъ въ разсудъ, и разбирать Божій судъ; а я принесъ гостинчикъ всѣмъ поровну, чтобы лѣпостію не занимались, а истинному отцу съ чистотою покланялись; и хочетъ истинной вашъ отецъ на сырой земли раскатиться, и до всѣхъ своихъ дѣтушекъ умилиться; хочетъ благовѣстить, и всѣхъ своихъ дѣтушекъ навѣстить: хочетъ въ Успенскій колоколъ зазвонить, и всѣхъ своихъ дѣтушекъ къ себѣ заманить; и этому дѣлу не миновать, чтобъ отцу искупителю стали честь отдавать; хотя и стали всѣ пировать, но пріидетъ время, будутъ всѣ головушки свои преклонять: такъ и станемъ заблаговременно грѣхъ изъ себя вонъ выгонять, начнемъ къ отцу припадать, а грѣху не станемъ потакать. Пора, любезныя дѣтушки, Богу работать, души свои спасать, а пустыя дѣла всѣ надо бросать, а на грѣхъ не поступать, и одну Сіонскую гору полюбить; а я свидѣтельствую о себѣ не самъ собою, но свидѣтельствуетъ о мнѣ отецъ Небесный, посланіемъ чрезъ Духа Святаго; и пишу не для славы: слава моя на крестѣ, а домъ мой темница; я въ ней жилъ и не тужилъ, и отца своего слушалъ и малинку его кушалъ. А нынѣ я пришелъ на старыхъ учителей и пророковъ; у нихъ благодать была по поясъ, а я принесъ полную, и облекъ съ головы до ногъ, и тогда вся земля мнѣ поклонится. О любезныя дѣтушки, извольте на бѣлыхъ коней садиться, и со мною Господомъ водиться, духомъ моимъ сладиться, душею же съ тѣломъ соединиться, тѣмъ и будьте со мною и въ небѣ веселиться. О любезныя мои дѣтушки, помните всегда Вышняго, и не кушайте хлѣба лишняго; вы—люди Израильтяне, а по тому и должны быть душамъ своимъ хранители. А про меня пророки вамъ вѣстили, да вы во внутренность свою не вмѣстили: пріидетъ кормщикъ, и будетъ кораблями управлять, и мачты крѣпко утвер-

ждать, посадитъ всѣхъ по своимъ домамъ, и не дастъ воли вашимъ плотямъ; и должны помнить и страшиться праведнаго суда Божія, а не человѣческаго, и если будете вѣрить однимъ несбыточнымъ мечтамъ, то умрете вѣчно смертію, не тѣлесной, а душевною. Такъ, любезныя дѣтушки, живите, не вредитесь, всякой слабости берегитесь, и на суету міра всего не льститесь, а всѣ къ истинному отцу своему искупителю съ чистою совѣстію явитесь; вы всѣ у меня отцемъ моимъ избраны, Духомъ Святымъ порождены, и имъ воспитаны и прощеніемъ очищены. Я истинный вашъ отецъ искупитель, по благословенію отца моего Небеснаго, много лѣтъ за васъ страдалъ, и всѣхъ отъ міра своею кровію откупалъ, по сырой землѣ странствуя ходилъ, и чистоту свою всѣмъ явилъ, на колокольню всходилъ, и одной рукой во всѣ колокола звонилъ, а другой изобранныхъ своихъ дѣтушекъ манилъ, въ трубушку трубилъ, и имъ говорилъ: Поидите, мои вѣрные, изобранные со всѣхъ четырехъ сторонушекъ, идите на звонъ и на жалостный гласъ мой трубный, выходите изъ темнаго лѣсу, отъ лютыхъ звѣрей и отъ ядовитыхъ змѣй, бѣгите отъ своихъ отцовъ и матерей, отъ женъ и отъ дѣтей, возмите съ собою только однѣ души плачущіяся въ тѣлѣ вашемъ! А почто ты, человѣкъ, не идешь на гласъ Сына Божія, и не плачешься о грѣхахъ своихъ, который толико лѣтъ зоветъ тебя отъ утробы матери твоей тѣлесной, и почто не ищешь душѣ своей матери небесной, кая воспитала бы душу твою благодатію и довела бы до жениха небеснаго? а онъ беретъ за себя всю подселенную и возводитъ съ земли на небо, гдѣ ликуютъ души вѣрныя и праведныя, преподобныя и богоносныя, мученики и мученицы, пророки и пророчицы, апостолы и учители, въ царствіи его небесномъ наслаждаются вѣчной радостію и зрѣніемъ его красоты, и умиленнымъ гласомъ, пѣніемъ и восклицаніемъ всей силушки небесной. На сей мой жалостный гласъ и на колокольный звонъ нѣкоторые стали отъ вѣчнаго сна пробуждаться, и головы изъ гробовъ поднимать, и изъ дна моря на верхъ выплывать, и изъ лѣсу ко мнѣ приходить; а я тогда имѣлъ нужду по всѣмъ городамъ ходить, по тому что не могъ нигдѣ головушки своей приклонить, ходилъ въ нищенскомъ образѣ и часто перемѣнялъ платья на себѣ. Однажды, не пивши и не ѣвши, сидѣлъ трое сутокъ въ ямѣ, гдѣ бросали всякую падаль; да во ржи былъ я десять сутокъ, отъ чего, оченно утомившись, легъ и заснулъ, а проснулся, то увидѣлъ, что возлѣ меня лежитъ волкъ, и на меня глядитъ; но я сказалъ: Поди въ свое мѣсто!

и онъ послушался меня и пошелъ. А потомъ я доживалъ въ соломѣ двѣнадцать сутокъ, и пища была со мною только одинъ маленькій кувшинчикъ водицы, которую употреблялъ я по ложечкѣ въ сутки. Но послѣ онаго перешелъ я къ Божьему человѣку, но и тутъ на меня доказали, и пришли за мною съ обыскомъ; меня же тогда спрятали и завязали въ пеньковый сноръ; а которые искали, сказали хозяину: Что у тебя энто какой большой снопъ? а я велѣлъ хозяину пробѣжать позади двора, въ полѣ лечь. Послѣ того еще меня искали, а я былъ въ другомъ мѣстѣ, тожъ у Божьяго человѣка; мнѣ дѣваться было некуда, велѣлъ покрыть себя свинымъ корытомъ, и тутъ меня отецъ мой покрылъ, и не нашли. И еще когда я ходилъ въ Тулѣ въ нищенскомъ образѣ, и вздумалось мнѣ итить въ село Тифинъ, на ярмарку, и тамъ стихи пѣть, а братъ мой, Мартинушка, меня не пущалъ, и говорилъ Мартинушка: Смотри, братъ, встрѣчай меня! И пришелъ я на ярмарку, а на оной стоялъ полкъ солдатъ, и у меня было три сумки: двѣ я набралъ, да хотѣлъ набрать и третью, и самъ себѣ думаю: Тутъ-то меня братъ мой встрѣтитъ съ большою добычею; и пошелъ къ солдатамъ просить милостыни; но они меня схватили и подъ палатку къ себѣ взяли, и за телѣгу меня привязали и крѣпко караулили, а начальникъ имъ говорилъ: Не вѣрьте, онъ уйдетъ, и остригите ему половину головы! Тутъ солдаты остригли мнѣ половину головушки. Наступила ночь, и солдаты всѣ полегли вокругъ меня, а я шибко захрапѣлъ, будто бы уснулъ, а солдаты про между себя и говорятъ: Этакъ старичокъ намаялся, тотчасъ и заснулъ; потомъ и они всѣ заснули, а я, взявши, головушку свою тряпочкою обвязалъ, и чрезъ нихъ перепрыгнувши, и ушелъ въ рожь, а они меня хватились и закричали: Бѣжалъ! бѣжалъ! да и негдѣ взять; только, однако, было: гдѣ я бѣжалъ, тамъ рожь шаталась, а они и говорятъ: Если пѣшкомъ бѣжать, не догонишь, а на лошади ѣхать, то всю рожь поломаешь; а бѣжалъ я двадцать пять верстъ, все рожью да рѣчками, и если бы я вышелъ на большую дорогу, то меня бы тамъ схватили, по тому что у меня полголовы было острижено, и такъ я стороною бѣжалъ къ братцу своему, Мартинушкѣ, и постучался подъ окошкомъ, а онъ выскочилъ, обнялъ меня крѣпко и сказалъ: О братецъ, братецъ, говорилъ я тебѣ, чтобы ты не ходилъ! А я ему сказалъ: О, что же! я слава Богу! — А гдѣ же тебѣ полголовы остригли? Но я ему отвѣчалъ: Я тебѣ сказалъ, что прійду, а волосы выростутъ, объ этомъ не тужи. Но онъ меня весьма крѣпко

любилъ и во всемъ берегъ, я былъ молчаливъ и не смѣлъ: такъ куды мы съ нимъ пойдемъ, и гдѣ намъ дадутъ блинковъ, то онъ меня все кормилъ, и подкладалъ, и говорилъ: На, ѣшь, да ѣшь же! а я молчалъ, кушалъ, и мы съ нимъ ходили по Божьимъ людямъ. Въ одно время были мы на бесѣдушкѣ, и одна дѣвица-пророчица, по ненависти, стала съ камнемъ у дверей, поднявши руку, и какъ подняла, такъ и окаменѣла у нея рука; а я пошелъ и легъ въ ясли, и лежалъ въ оныхъ трое сутокъ, и не пилъ и не ѣлъ, а крѣпко плакалъ и просилъ отца Небеснаго: О, отецъ мой Небесный! заступись за меня сироту, и поддержи подъ своимъ покровомъ! И отецъ мой за меня вступился, и она видѣла во снѣ, что ея Ангелы наказывали жезлами и всю ея избили, и велѣли просить у меня прощенія, и сказали: Если онъ тебя не проститъ то все будетъ тебѣ такое мученіе. Тогда она у меня просила прощенія, и говорила: Прости меня, что я дерзнула поднять на тебя камень, и видѣла я во снѣ, что меня Ангелъ жезломъ наказывалъ, и всѣ кости у меня изломаны и болятъ, и онъ велѣлъ мнѣ у васъ просить прощенія; если вами прощена не буду, то все такое мученіе принимать стану; тутъ я ее простилъ. А еще братъ ея хотѣлъ меня застрѣлить изъ ружья, когда я ходилъ на праздникъ изъ села въ Тулу; то каждый праздникъ, когда я пріиду, то онъ выходилъ въ лѣсъ съ ружьемъ и стрѣлялъ по мнѣ шесть разъ; но ружье, по промыслу Божьему, не выстрѣлило ни одного разу. А послѣ онаго возстали на меня всѣ Божьи люди, возненавидѣли чистоту мою, и жаловались учителю своему, пророку Филимону, который ходилъ въ словѣ бойко, и онъ про чистоту мою въ духѣ пѣлъ, а такъ ненавидѣлъ и, призвавши меня, говорилъ: На тебя всѣ жалуются, что ты людей отъ меня отвращаешь; а я ничего не говорилъ, и все молча былъ, но онъ сказалъ: Вишь какой ты, даромъ что молчишь; смотри, опасайся! а мнѣ въ то время пристать было негдѣ, по тому что всѣ меня погнали. Тогда я пошелъ стороною, лѣсомъ, къ Божьему человѣку, Аверьяну, и, пришедши къ нему, говорилъ: Любезный Аверьянушка! не оставь меня, сироту, призри и утай отъ семейства и отъ посестры своей, чтобъ никто не зналъ; пусти меня въ житницу, за что тебя Богъ не оставитъ; и онъ меня призрѣлъ и ходилъ ко мнѣ тихонько отъ своихъ, и я ему объявилъ о чистотѣ; но онъ сказалъ: Боюсь, чтобъ не умереть. Но я ему говорилъ: Не бойсь, не умрешь, а паче воскресишь душу свою, и будетъ тебѣ легко и радостно, и станешь какъ на крыльяхъ летать, духъ къ тебѣ преселится, и

душа твоя обновится; поиди къ учителю своему, пророку Филимону, и онъ тебѣ то же пропоетъ и скажетъ, что въ твоемъ домѣ самъ Богъ въ тайнѣ живетъ, и никто объ ономъ не знаетъ, кромѣ тебя; который и пропѣлъ ему все то самое, что я ему говорилъ. И тутъ онъ мнѣ повѣрилъ, пришелъ и поклонился, и принялъ мою чистоту, и, по приказанію моему, объявилъ посестріи своей, что я у нихъ живу, и сказалъ ей, какъ учитель ихъ обо мнѣ въ словѣ провѣстилъ, что самъ Господь живетъ у насъ въ домѣ тайно, и я его принялъ. Еще въ одно время былъ я въ кораблѣ у матушки своей, Акулины Ивановны, у которой было Божьихъ людей тысячу человѣкъ; у нея была первая и главная пророчица, Анна Романовна; она узнавала въ морѣ и рѣкахъ, когда будетъ рыбы ловъ, и въ поляхъ хлѣбу урожай, по чему и по явности она прославилась; и знавши объ ономъ, многіе изъ міру къ ней приходили и спрашивали: Сѣять ли нынѣшній годъ хлѣбъ? а также объ рыбѣ: ѣздить ли ловить, или нѣтъ? И если она кому велитъ сѣять хлѣбъ, или ловить рыбу, то много въ тотъ годъ уродится хлѣба и рыбы поймаютъ; а въ который годъ не прикажетъ, то ничего не поймаютъ, не уродится хлѣбъ. А какъ я вступилъ въ соборъ, и она тогда ходила въ словѣ, и людей было восемьдесять человѣкъ: вдругъ вся встрепенулась и, оборотясь ко мнѣ, говорила: Самъ Богъ пришелъ; теперь твой конь бѣлъ и смиренъ! Взявши крестъ, ходила по порядку по всѣмъ въ соборѣ людямъ, давала каждому въ руки, дошла до меня послѣдняго, по тому что я садился завсегда у самаго порогу и за порогомъ, былъ нѣмъ и неслышецъ, и никогда не отверзалъ устъ своихъ, и отдала мнѣ и говорила потомъ пророкамъ: Ступайте на округу, и угадайте, у кого Богъ живетъ! Тогда пророки пошли и искали по себѣ и по другимъ богатымъ, и у первыхъ людей ни у кого не нашли, а на меня и не подумали. Тогда Анна Романовна сказала имъ: Для чего жь вы меня, Бога, не нашли, гдѣ я пребываю? Взяла у меня крестъ и показала всѣмъ: Вотъ гдѣ Богъ живетъ! и всѣмъ оное сдѣлалось противно и злобно. Потомъ велѣла она выдвинуть на середину собора сундукъ, и сѣла на оный крѣпко, и меня возлѣ себя посадила и говорила: Ты одинъ откупишь всѣхъ иностранныхъ земель товары, и будутъ у тебя оные спрашивать, но ты никому не давай и не показывай, и сиди крѣпко на своемъ сундукѣ, а теперь же тебя хотятъ всѣ предать; но хотя ты будешь и сосланъ далеко, и наложатъ на тебя оковы на руки и на ноги, но, по претерпѣніи великихъ нуждъ, возвратишься въ Россію, и потребуешь всѣхъ пророковъ къ

себѣ на лицо, и станешь судить ихъ своимъ судомъ. Тогда тебѣ всѣ Цари, Короли и Архіереи поклонятся, и отдадутъ великую честь, и пойдутъ къ тебѣ полки полками. Но въ одно время, взявши она меня въ особую горницу и сказала: Что, я давно съ тобою хочу побесѣдовать: садись возлѣ меня! и посадя, схватила крестъ и хотѣла привести меня, и говорила: Приложись ко кресту! А я взялъ отъ нея и сказалъ: Дай-ко, я приведу тебя снова самое! Но она, не слышавши отъ меня словъ, удивясь оному, сказала: Ахъ, и ты говоришь! что мы никогда не слыхивали, чтобъ ты съ кѣмъ говорилъ? И тутъ накатилъ на нее мой духъ, и она, сдѣлавшись безъ чувствъ, упала на полъ, и я испугался, будто бы Богъ мой ни чего не знаетъ; взялъ, подунулъ на нее своимъ духомъ, и она, какъ отъ сна, пробудилась, встала и, прекрестившись, сказала: О, Господи! что такое со мною случилось? О, куды твой Богъ великъ! Прости меня! взяла и приложилась ко кресту и говорила: Ахъ, какъ, что я про тебя видѣла! А я сказалъ: Что такое видѣла? скажи, такъ и я тебѣ скажу! И тогда она мнѣ стала сказывать, что отъ меня птица полетѣла по всей вселенной всѣмъ провѣстить, что я богъ надъ богами, царь надъ царями, пророкъ надъ пророками. Тутъ я ей сказалъ: Это правда; смотри же, никому объ ономъ не говори, а то плоть тебя убьетъ. Но всего моего похожденія и страдовъ не можно перомъ описать, и человѣческаго ума не достанетъ, а скажу вамъ только вкратцѣ о возлюбленномъ сыночкѣ, Александрѣ Ивановичѣ, который былъ мнѣ другъ и наперсникъ, родился съ благодатію, еще въ мірѣ Бога узналъ, произошелъ всѣ вѣры, и былъ перекрещенецъ, и во всѣхъ вѣрахъ былъ учителемъ, а самъ говорилъ всѣмъ: Не истинна наша вѣра и постоять не за что. О если бы нашелъ самую истинную вѣру Христову, то бы не пощадилъ своей плоти, радъ бы головушку за оное сложить, и отдалъ бы плоть свою на мелкія части раздробить! Господь, услыхавши сіе его обѣщаніе, избралъ его мнѣ въ помощника, и по тому я говорилъ чрезъ искупительскія уста свои: Романушка, поди, любезный, къ одному человѣку, зовутъ его Александромъ Ивановичемъ, и объяви ему объ моемъ спасеніи и истинной вѣрѣ, а онъ давно ищетъ и оною желаетъ на путь истинный пріитить. Романушка послушалъ, пошелъ къ нему и сталъ говорить: Александрушка! не можно ли какъ получше пожить? А онъ ему въ отвѣтъ: Нѣтъ, если бы ты самаго того прислалъ, отъ кого ты самъ посланъ, то бы я съ нимъ поговорилъ, а съ тобою говорить не-

чего: я знаю, что его нѣтъ больше въ свѣтѣ, и онъ одинъ только можетъ нашъ грѣховный узелъ развязать. И, пришедши отъ него ко мнѣ, Романушка говорилъ: Вотъ онъ ни какъ приведенъ; недовольно намъ его учить, но онъ и насъ научитъ, и сказалъ: Пришлите того, отъ кого вы сами посланы, и онъ одинъ только можетъ грѣховный узелъ развязать. Почему и пошелъ я къ нему самъ, и только подхожу къ его дому, а онъ меня и встрѣтилъ и говорилъ: Вотъ кого надо, и кого ждалъ сорокъ лѣтъ, тотъ-то и идетъ: ты то нашъ истинный свѣтъ, и просвѣтивши всю тьму, и освѣтилъ всю вселенную, и тобою всѣ грѣшныя души просвѣтятся и отъ грѣховныхъ узловъ развяжутся, и тебѣ я съ крестомъ поклонюсь: ты одинъ, а насъ много, и радъ за тебя головушку сложить, и на мелкія части плоть свою раздробить; кто какъ хочетъ, а я тебя почитаю за сына Божія, и ты поживи на землѣ, а я прежде тебя сойду; тебѣ много еще дѣлъ надо на земли сдѣлать, свою чистоту утвердить и всю лѣпость истребить, всѣхъ пророковъ сократить и всю гордость и грѣхъ искоренить. Тутъ я его благословилъ крестомъ, далъ ему крестъ, свѣчу и мечъ, и сказалъ: Вотъ тебѣ мой мечъ: ты будешь у многихъ древъ сучья и грѣхъ сѣчь; и много съ нимъ побесѣдовалъ, и ни съ кѣмъ такъ не бесѣдовалъ, какъ съ нимъ, и послалъ его на бесѣду къ матушкѣ своей, Акулинѣ Ивановнѣ, и велѣлъ поклониться съ крестомъ; не кланялись, и сказалъ ему: Что мы теперь съ тобою бесѣдовали, то и пророки тебѣ на первой бесѣдѣ пропоютъ, и какъ скоро ты въ соборъ взойдешь, такъ и обратится къ тебѣ пророкъ и встрѣтитъ тебя; и онъ поклонился мнѣ и пошелъ. И какъ скоро вступилъ въ соборъ, такъ пророкъ и обратился къ нему, и онъ взошелъ въ соборъ, поклонился три раза съ крестомъ матушкѣ моей, царицѣ небесной, а потомъ и всѣмъ на четыре стороны, и тутъ всѣ удивились, и говорили: Никакъ онъ давно уже приведенъ! Да кто его наградилъ съ крестомъ кланяться? и сказали про меня: Этотъ научилъ его молчанка! И съ того времени стали всѣ съ крестомъ поклоняться; а пророкъ ему запѣлъ: Поди-ка, братъ молодецъ, я давно тебя дожидалъ; ты мнѣ, Богу и Духу Святому, надобенъ; благословляю тебя крестомъ, ты видѣлся съ самимъ Христомъ; вотъ тебѣ отъ самаго Божьяго Сына мечъ, и много будешь грѣхи сѣчь, и дастся тебѣ книга голубина отъ Божьяго Сына; ты самъ объономъ знаешь и съ кѣмъ бесѣдовалъ, и отъ васъ много народу народится, знать опять старинка хочетъ явиться. Тутъ матушка Акулина Ивановна взяла его къ себѣ и изво-

лила спрашивать: Кто тебя сюда прислалъ? Никакъ ты приведенъ? А онъ отвѣчалъ: Вы, матушка, сами изволите знать, что отъ одного всѣ приведены, сына Божія, да отъ владычицы.—Знаю. знаю, поди же теперь и поклонися отъ меня ему! И онъ пришелъ ко мнѣ, поклонился и говорилъ: О Государь батюшка, что вы изволили говорить, то пророки пѣли, и матушка Акулина Ивановна изволила разговаривать со мною, что это мой сыночекъ, что всѣ пророки мнѣ поютъ, будто отъ меня сынъ Божій народится; я этому и сама дивлюсь, но я ему сказалъ: Ну, любезной сынокъ, какъ она съ тобою разговаривала, и про какой секретъ разговаривала, даромъ что въ первый разъ, а все равно, какъ и со мною, такъ и съ тобою разговаривала. И тутъ я ему сказалъ: Ну, любезной мой сыночекъ, дастъ тебѣ Отецъ и Сынъ и Святой Духъ и отецъ искупитель много силъ, и порубишь много осинъ, когда ты сына Божія просилъ; жалуетъ тебя Богъ ригою да тюрьмою, и благодаритъ тебя Отецъ и Сынъ и Святый Духъ за вѣрность твою, за вѣрное и неизмѣнное обѣщаніе головушку свою за меня сложить, и хочешь животъ и сердце надсадить, да и сады мнѣ насадить; такъ и благословляю тебя итить въ ночь, а Господь пойдетъ на востокъ, и будетъ у насъ между собою истекать одинъ истокъ; духъ мой будетъ въ тебѣ во вѣкъ пребывать, и обо мнѣ возвѣщать, и мы съ тобою хотя будемъ плотями и врозь, но духомъ пребудемъ неразлучно вмѣстѣ; кому будетъ ночь, а тебѣ день, и не возметъ ни какая лѣнь; послужишь ради Бога, и не пощадишь своихъ плотей, такъ и Богъ послушаетъ насъ. О любезный мой сыночекъ, помоги мнѣ лѣпость изогнать; ходилъ я по всѣмъ кораблямъ и поглядѣлъ, но всѣ лѣпостію перевязаны, то и наровятъ, гдѣ бы съ сестрою въ одномъ мѣстѣ посидѣть, ушъ змію бить. такъ и бей поскорѣе до смерти, покуда на шею не вспрыгнула и не укусила! И онъ мнѣ былъ вѣрный другъ и великій помощникъ, и непобѣдимый воинъ отъ начала и до конца жизни своей, ревностно воевалъ противу грѣха и много мнѣ помогалъ, и нѣтъ мнѣ нынѣ такова помощника, и нигдѣ не могу избрать, ни въ Питерѣ, ни въ Москвѣ, и ни въ другихъ городахъ; много есть у меня добрыхъ людей, но все нѣтъ такова, каковъ былъ онъ: не имѣлъ и не желалъ себѣ явной чести, равно не собиралъ тлѣннаго богатства и не занимался оною суетою, не щадилъ своей плоти и жизни, и истощалъ всю ради отца своего искупителя, и былъ вѣрный подражатель Христу, имѣлъ чистый и непорочный сосудъ Духу Святому; онъ, по благословенію моему, пошелъ въ ночь озарить тьму темничнымъ заключеніемъ и страданіемъ, а я,

по благословенію отца своего Небеснаго, пошелъ на востокъ освѣтить всю вселенную и истребить въ Божьихъ людяхъ всю лѣпость, и побѣдить змѣя лютова, поядающа всѣхъ на пути идущихъ моихъ дутушекъ. И когда я пошелъ въ Иркутскъ, тогда у меня было товару только за одною печатью; и какъ пришелъ изъ Иркутска въ Россію, тогда вынесъ товару за тремя печатьми И тутъ мнѣ стали Цари, Короли и Архіереи говорить и просить: Покажи намъ товаръ свой! но я имъ отвѣчалъ, что не покажу, сами догадывайтесь! Я товаръ доставалъ все трудами своими, свѣчи мнѣ становили по плечамъ и по бокамъ все дубинками, а свѣтильники у нихъ были воловьи жилы, а на крестъ меня отдали Іюдеямъ Божьи люди, а я жилъ тогда у жены грѣшницы, Ѳедосьи Іевлевны, въ домѣ; она меня приняла, а свои не приняли, и доказали и привели въ домъ ея солдатъ; однако она не обробѣла; и приходили къ ней два раза, и не нашли меня, а я уже былъ спрятанъ въ подполье; а послѣ онаго мои людишки и сказали солдатамъ и Офицеру: Пойдемъ-те въ третій разъ и найдемъ-те его, и отдадимъ вамъ въ руки на муки; и, приведши ихъ, говорили: Берите! онъ здѣсь, въ подпольѣ, которые и разломали полъ и вытащили меня за волосы. И тутъ меня били всѣ, кто чѣмъ попало, безъ всякой пощады, поясокъ и крестъ съ меня сняли, и руки назадъ связали, и назади гири привязали, и повели меня съ великимъ конвоемъ, шпаги обнаживши, и со всѣхъ сторонъ ружьями примкнувши, однимъ ружьемъ въ грудь, другимъ сзади и съ обоихъ боковъ, такъ что чуть не закололи; приведши въ Тулу и посадили меня на стулѣ, подпоясали поясомъ желѣзнымъ, фунтовъ пятнадцать, и приковали меня къ стѣнамъ за шею, за руки и за ноги, и хотѣли меня уморить; на часахъ стояли четыре драгуна, а въ другой комнатѣ сидѣли мои дѣтушки трое, которыя на меня доказали, и которыхъ по утру хотѣли бить плетьми; но мнѣ ихъ стало жаль; чего ради и возжелалъ сойтить съ креста и сказать, что имъ ничего не будетъ; и только что сіе подумалъ, то все желѣзо съ шеи, съ рукъ и съ ногъ свалилось, а драгуны тогда всѣ заснули, и я со креста сошелъ, и своихъ дѣтушекъ нашелъ, и имъ говорилъ: Не бойтесь, мои дѣтушки, вамъ ничего не будетъ, а я и отецъ мой васъ прощаемъ, васъ не будутъ держать, и отпустятъ домой; я одинъ пойду на страды за всѣхъ моихъ дѣтушекъ, дабы прославить имя Христово и побѣдить змія злова, чтобъ онъ на пути не стоялъ и моихъ людушекъ не поядалъ. И сказавши имъ, пошелъ вонъ, и ходилъ по двору и думалъ: Изъ желѣзъ я ушелъ, и со двора я пошелъ, но отецъ

мой Небесный не приказалъ мнѣ итить, а велѣлъ сію чашу пить, и что мимо меня этой не йтить. Тутъ меня схватились, и всѣ злые удивились, а иные устрашились, и по всѣмъ мѣстамъ бросались, и нашли меня на дворѣ, а я по двору гулялъ и самъ съ собою разсуждалъ: Знать, пришло сію чашу пить, видно этому дѣлу такъ и быть. И тутъ меня взяли, и великой допросъ чинили, и ротъ мнѣ драли, въ ушахъ и подъ носомъ смотрѣли и говорили: Глядите вездѣ! У него есть гдѣ ни будь отрава; глядите тутъ и тутъ! И дѣлали великія пытки и допросы, но не нашли ничего, въ лицо мнѣ плевали и великимъ волхвомъ называли, и тутъ меня всѣ били и терзали безъ всякой пощады, кто чѣмъ попалъ, и тогда-то мою головушку горячимъ сургучомъ обливали, и крѣпче того къ стѣнѣ приковали, и отданъ былъ строгій приказъ, чтобъ близко ко мнѣ не ходили и кушанье близко не подносили, хлѣбъ подавали на шестѣ, а кушанье на длинной ложкѣ, сдѣланной аршина въ полтора, и говорили: Кормите его, да бойтеся, подавайте, а сами прочь отворачивайтесь, чтобы ни на кого не дунулъ и не взглянулъ! Вѣдь онъ великій волхвъ и прелестникъ, чтобы не прельстилъ и насъ къ себѣ не привратилъ; онъ хоть кого прельститъ; онъ и Царя можетъ прельстить, а не только насъ; и называли великимъ волхвомъ, такъ какъ и Господа прежде называли. А потомъ повезли меня изъ Тулы въ Тамбовъ; народу же было неисчетное число: кто бранилъ, кто плевалъ и всячески надо мною наругались, а отецъ мой велѣлъ мнѣ все съ радостію принять, хотя не для себя, а для всѣхъ моихъ дѣтушекъ, и для искупленія отъ грѣховнаго паденія. Дѣтушки мои стояли, плакали и провожали. Привезли меня въ Тамбовъ и посадили въ тюрьму, гдѣ содержался два мѣсяца, и потомъ получили повелѣніе меня наказывать жестоко, безъ пощады, крѣпко накрѣпко, только чтобы до смерти не засѣчь; и повели меня наказывать съ великумъ конвоемъ изъ Тамбова въ Сосновку; и тогда за мною шли полки полками: у солдатъ были шпаги наголо, а у деревенскихъ мужиковъ, у каждаго, были палки въ рукахъ, и тутъ меня Сосновскія дѣтушки встрѣчали, плакали и рыдали, и говорили: Везутъ нашего родимаго батюшку! И въ самое то время поднялась великая буря, сдѣлался въ воздухѣ шумъ, что за тридцать саженей никого не видно было, и никого было не можно разглядѣть. И привезли меня въ Сосновку, стали наказывать кнутомъ, и сѣкли долгое время, такъ что не родись человѣкъ на свѣтъ, и мнѣ стало весьма томно, и сталъ просить всѣхъ вѣрныхъ праведныхъ своихъ: О вѣрные, пра-

ведные, помолитеся за меня и помогите мнѣ вытерпѣть сіе томное наказаніе! О отецъ мой Небесный, не оставь ты меня безъ своей помочи, и помоги мнѣ все опредѣленное отъ тебя вывести на моемъ тѣлѣ! Ежели да поможешь, то наступлю на злова змѣя и разорю всю лѣпость до конца. Тогда мнѣ стало полегче, и тогда жъ Указъ подоспѣлъ, чтобъ до смерти не засѣчь; а держали меня, по приказанію Іудейскому, дѣтушки мои: Іонушка былъ за мѣсто дерева, а Ульянушка держалъ за голову; и рубашку мою всю окровавили съ головы до ногъ, и была вся въ крови, какъ въ морсу, и дѣтушки мои эту рубаху выпросили себѣ, и надѣли на меня свою бѣлую. И тутъ я имъ сказалъ, что я съ вами увижусь со всѣми; и мнѣ стало очень томно и томно, и попросилъ я у нихъ парнаго молока; но злые мнѣ сказали: Вотъ еще лѣчиться хочетъ; однако они умилились, отыскали и дали мнѣ. Какъ я напился, такъ мнѣ стало полегче и сказалъ я: Благодарю Бога! Теперь въ Сосновкѣ, на которомъ мѣстѣ меня сѣкли, выстроена будетъ церковь. И тогда мои дѣтушки были люди бѣдные; но я имъ сказалъ: Только храните вы чистоту, то всѣмъ будете довольны; тайнымъ и явнымъ, всѣмъ васъ отецъ мой Небесный наградитъ, и оградой своей оградитъ, такъ и нечистый не будетъ къ вамъ ходить, и чужихъ пророковъ къ себѣ не принимайте! Изъ Сосновки повезли меня въ Иркутскъ, посадили въ повозку, ноги и руки мои сковали, по обѣимъ сторонамъ телѣги и за шею приковали къ подушкѣ; и тогда злой нечистому наказываетъ и говоритъ: Смотрите, не упустите! такова еще не было, да и не будетъ; онъ хоть кого такъ обманетъ. И повезли меня за строгимъ конвоемъ, наголо шпаги, а у мужиковъ было, у всякаго, въ рукахъ по палкѣ, и женщины провожали отъ деревни до деревни, въ то самое время, когда Пугачова везли, и онъ мнѣ встрѣтился на дорогѣ: его провожали полки полками, и тоже везли подъ великимъ конвоемъ, а меня везли вдвое того больше и весьма строго, и тутъ которые его провожали, за мной пошли, а которые меня везли, за нимъ пошли; и во всякомъ городѣ былъ мнѣ великій допросъ, и ни какому душегубцу и разбойнику такого допроса не было, какъ мнѣ. Ѣхавши я дорогою, и помыслилъ: Напрасно я людей скоплялъ, и оскопилъ бы самъ себя, и спасалъ бы душу! Гдѣ ни взялся Турка, схватилъ съ моей головы престолъ и внесъ въ канаву, я за нимъ гнаться и говорю: Отдай, Турка, да отдай же! а если не отдашь, то разорю всю лѣпость на земли, и мѣста ей нигдѣ не дамъ, и голову срублю. Тогда Турка взялъ, самъ на голову мою надѣлъ и

сказалъ: На, вотъ, только насъ не трогай! И во время дороги нашли у меня, данныя дѣтушками, зашитыя въ платье, деньги 40 рублевъ, и тутъ меня Офицеръ крѣпко билъ ефесомъ и палашомъ по всѣмъ моимъ составамъ, продолжая оное даже во всю дорогу, такъ что я во время наказанія кнутомъ не принялъ столько муки, какъ отъ него; ибо онъ всѣ члены мои разбилъ и при томъ говорилъ: Ты, праведный, тебѣ не надобно деньги, а ты имѣешь; и взялъ оныя себѣ, а меня приказалъ каждый день бить, и хотѣли до смерти убить, отъ чего у меня и нынѣ правая рука и всѣ члены болятъ; но Господь его наказалъ. Везли меня полтора года водою и сухимъ путемъ, шелъ съ прочими невольниками по канату. И прибывши въ Иркутскъ, жилъ не малое время, и видѣлъ во снѣ про Сосновскихъ дѣтушекъ, что нечистый хочетъ корабль мой опрокинуть, а я сталъ вокругъ его ходить и столбы становить съ матушкой своей, Акулиною Ивановною, и съ сыночкомъ своимъ, Александромъ Ивановичемъ, и мнѣ про нихъ, а имъ про меня, пять лѣтъ слуху не было, и не знали, гдѣ я нахожусь; но Богъ нарядилъ дочку свою, Анну Сафоновну, которая стала духомъ выпѣвать, какъ отца своего искупителя находить, и кого къ нему изъ дѣтушекъ отрядить; и наконецъ отрядилъ Богъ судьбою своею Алексѣя Тарасовича и Марка Карповича, и духъ мой, посланный отъ отца моего, чрезъ уста Анны Сафоновны: Поѣзжайте въ г. Иркутскъ, и тамъ отыщите батюшку нашего, сосланнаго въ заточеніе! и они ей отвѣчали: Куда мы, матушка, поѣдемъ и гдѣ его намъ найтить? Но она вторично, чрезъ судьбу Божію, прогласила: Поѣзжайте! кромѣ васъ не кому ѣхать; не вы его найдете, но онъ васъ найдетъ. Итакъ, помоляся Богу, и собрали всею обителью имъ на дорогу: тогда за суету не стояли. Благословясь и поѣхали въ Иркутскъ. Пріѣхавши туда, поставили лошадей на постоломъ дворѣ и между собою разсуждали: Ну, вотъ что мы будемъ дѣлать? И вздумали итить на базаръ, а я тогда ходилъ по городу съ блюдомъ и сбиралъ на церковное строеніе, и увидѣлъ ихъ, подошелъ и сказалъ: Здравствуйте! Ни какъ вы Россійскіе? Тутъ они меня признали и залились горькими слезами, но я имъ сказалъ: Молчите, молчите, и подите на постоялый дворъ, я къ вамъ прійду и съ вами переговорю въ вечеру. И я къ нимъ пришелъ, и обо всемъ съ ними разговаривалъ, и отъ радости ночевалъ у нихъ, и они просили меня съ собою въ Россію, и говорили, что за мною пріѣхали, но я имъ сказалъ, что видѣлъ сонъ, будто бы по дорогѣ у васъ разосланы веретья, и нѣтъ мнѣ дороги къ

вамъ; а я было только помыслилъ, гдѣ ни взялся блаженный, и ударилъ меня по плечамъ палкою и сказалъ: Ступай, куда послали! что глядишь? Ты назвался отецъ, да еще и учитель; а также отецъ Небесный ѣхать мнѣ не велѣлъ, а поплакать приказалъ; почему я имъ сказалъ: Когда вы чанъ слезъ наплачете, тогда отецъ мой Небесный меня къ вамъ отпуститъ: теперь еще не время, и долженъ исполнить приказъ отца моего. За тѣмъ я имъ сказалъ: Когда вы поѣдете въ свою сторону, то нападутъ на васъ разбойники, и я не знаю, какъ васъ Богъ помилуетъ; однако отецъ мой Небесный обѣщаетъ заступить; только вы смотрите, ночи не спите, и у Бога милости просите, такъ отецъ мой заступитъ. И поѣхали они отъ меня домой. Не доѣзжая верстъ пять до той деревни, гдѣ живутъ разбойники, лежитъ на дорогѣ Атаманъ безъ ноги, и сталъ ихъ просить: Господа купцы, не можно ли потрудиться, довезти верстъ пять до моей деревни; я самъ васъ за это не оставлю, и вы будете довольны, какую я вамъ за сіе воздамъ благодарность и добродѣтель. Они взяли его и привезли въ его домъ. Братья его выскочили на дворъ съ радостію и говорили: Этакихъ нашъ братъ подхватилъ купцовъ! Но какъ скоро увидѣли брата своего безъ ноги, такъ и препечалились, а дѣтушкамъ моимъ пришлось у нихъ ночевать, и они сердцами своими почувствовали страхъ. Тутъ вспомнили мои слова, что я имъ говорилъ, и они на дворъ къ нимъ не поѣхали, а поставили повозку на улицѣ, подъ окошкомъ, и говорили между собою: Ну, братъ, смотри, чтобъ намъ, по глаголу батюшкину, ночку не спать, а ляжемъ одинъ въ горницѣ, а другой въ повозкѣ; разбойники же между собою стали говорить: Ну, братья, приготовляйтесь и берите, кому что надо, и смотрите не оплошайте, сихъ гостей не упущайте! но большой ихъ Атаманъ услыхалъ, что они сбираются моихъ дѣтушекъ убить, говоритъ имъ: Нѣтъ, братія, не трогайте ихъ, оставьте и ничего имъ худаго не дѣлайте и не говорите, а проводите ихъ завтрашній день честно чрезъ ту деревню, гдѣ наши товарищи живутъ, и даже до той самой благополучной деревни, гдѣ ихъ не тронутъ! Тогда они послушались, и проводили до той самой благочестивой деревни, и тамъ стали дѣтушекъ моихъ спрашивать, которою они дорогою ѣхали, и гдѣ ночевали: и когда они сказали, что въ такомъ-то мѣстѣ и въ такой-то деревнѣ, то всѣ стали имъ дивиться и говорили: Какъ васъ Богъ пронесъ! Тутъ не довольно проѣзжимъ проѣхать, но мы, ближніе, боимся пройти мимо этого мѣста. И пріѣхали благополучно въ Сосновку, и тутъ мои дѣтушки

ихъ встрѣтили и обрадовались, и слезами заливались, и ко мнѣ всѣ сердцами отдавались, и отъ нѣкоторыхъ дѣтушекъ слезы доходили ко мнѣ по подземелью въ Иркутскъ и обжигали мои ноги: я ихъ спрашивалъ, и они мнѣ сказывали, чьи онѣ.

Вотъ вамъ, любезныя мои дѣтушки, одинъ началъ моего страданія и похожденія, по тому что всего моего страданія и странствованія непостижимо уму человѣческому, и не можно языкомъ изрещи, и перомъ описать; ибо я былъ въ Иркутскѣ и всего странствованія моего сорокъ лѣтъ; и во время онаго бытія моего многія претерпѣвалъ нужды, гладъ и стужи, изнуряемъ былъ тяжкими работами, мялъ глину, чистилъ пометъ, и въ прочія работы былъ употребляемъ съ прочими несчастными, и меня хотѣли съ прочими невольниками сослать въ Нерчинскъ руду копать, но Богъ чрезъ мои уста говорилъ мнѣ, что не пошлютъ, а я отвѣчалъ ему: Какъ не пошлютъ? пошлютъ, Указъ ужъ присланъ; и назначенъ былъ съ прочими итить за Байкалъ море, но Богъ мнѣ вторично говорилъ чрезъ мои же уста: Вѣрь мнѣ, что не пошлютъ, а я ему отвѣчалъ: Нѣтъ, пошлютъ! Но онъ мнѣ сказалъ: Какъ же ты называешься отецъ дѣтямъ, да еще и учитель, а не вѣришь мнѣ, что останешься и не пойдешь? Тогда я сказалъ: Да какъ же? Вѣдь ужъ я совсѣмъ выкликанъ, и завтра велѣно итить; но Богъ мнѣ еще сказалъ чрезъ мои уста: Вѣрь же, что не пойдешь, и завтра другой Указъ пріидетъ, и останешься здѣсь, въ Иркутскѣ. Тогда я сказалъ: Хорошо, посмотрю. И въ самомъ дѣлѣ на другой день, уже когда насъ совсѣмъ собрали и погнали въ Нерчинскъ, тутъ я сказалъ: Ну, вотъ я не остался! А Господь говорилъ: Вѣрь мнѣ, что останешься; и вдругъ Указъ пришелъ, что меня не посылать, а оставить по прежнему въ Иркутскѣ. Тутъ тотчасъ за мною послали и велѣно воротить; и Господь мнѣ говорилъ чрезъ мои же уста: Ну, вотъ я сказалъ тебѣ, что вѣрь мнѣ, останешься, и вотъ остался. Но, оставля все непостижимое уму человѣческому, мое похожденіе и страды, я обращаюсь къ вамъ, возлюбленнымъ моимъ дѣтушкамъ: я странствую по вселенной, все порождалъ васъ духомъ своимъ, и нынѣ пришелъ, по благословенію отца моего, къ вамъ, избраннымъ овцамъ, чтобъ не называться никому во имя мое отцомъ и матерью, а отецъ и мать есть чистая благодать, которая снесена съ седьмаго неба Сыномъ Божіимъ, его чистымъ тѣлесемъ и Царскою кровію, отъ которой въ то время луна, звѣзды и

солнце были померкши, небо и земля были красныя, и рубашка была обагривши вся кровію. О любезныя мои дѣтушки, всѣ вы рождены у меня не словами, а страдами и трудами и пролитіемъ многихъ слезъ, и къ сырой земли припадавши, у отца своего милости просивши, чтобъ умилосердился отецъ мой Небесный, и за ваши души заступилъ, а грѣшныхъ бы всѣхъ во грѣхахъ простилъ, что нужнѣе отца, матери и всего бѣлаго свѣта; сей свѣтъ созданъ не ради одного, а для всѣхъ, а душа одна одному, которая взята отъ сердецъ самаго Бога Саваоѳа, для вашего спасенія послалъ Господь единороднаго своего Сына, который рожденъ отъ тысячи колѣнъ Царскихъ и нареченъ Царемъ Израильскимъ, которому дана держава укротить змѣиное жало и истребить всякую нечистоту, то есть, грѣхъ и первороднаго Адама, отъ котораго взяты, а взятъ человѣкъ изъ самаго гнуснаго сѣмени и непроходимой грязи; но Сынъ Божій сжалился на человѣческое состояніе, снялъ съ него тяжкое бремя и возложилъ на свои рамена, за что возстала вся невѣрная сила на Божьяго Сына, и накладала ему муки и раны, однако Отецъ Небесный не оставилъ сына своего безъ помощи, вселился самъ Господь въ пречистую его плоть, и обѣщадъ побѣдить и покорить Сыну Божьему, подножію ногъ его, всѣхъ земель Царей и священнаго чину Архіереевъ, и дать ему власть не только надъ своими избранными, но и надъ гонителями и хулителями, по молитвенницѣ нашей, матушкѣ Государынѣ, пречистой непорочной дѣвицѣ, которая отъ юности своихъ лѣтъ сохранила въ цѣлости и невредимо свое знамя, и наблюдала цвѣтъ свой въ непорочности, такъ что ни какая мысль не могла коснуться къ сердцу ея; потомъ въ сіе чистое и драгоцѣнное и преблагословенное ложе пало небесное сѣмя, въ чистѣйшій ея сосудъ, отъ котораго родился единородный Сынъ Божій, а отъ него родилися въ царствіе Божіе, чрезъ Духа Святаго и отъ его утробушки, какъ то: дванадесять Апостоловъ, а прочихъ же родилъ дѣвствомъ и чистотою, постомъ и молитвою, слезами и болѣніемъ, утробы терзаніемъ и біеніемъ, хуленіемъ и оплеваніемъ, заточеніемъ темничнымъ, распятіемъ на крестѣ, и пролитіемъ пречистой своей крови, а потомъ воскресъ и прославился со всѣми предыдущими за нимъ своими учениками по всей вселенной, чрезъ благовѣствованіе колокола, котораго по всей вселенной произошелъ звонъ, и благовѣстили во всѣхъ церквахъ и соборахъ о воскресеніи Господнемъ; пророки возвѣстили гласомъ великимъ о славѣ его и рекли, что явилось на землѣ спасеніе, а грѣшнымъ душамъ прощеніе, а тяжкимъ грѣхамъ отпущеніе, и от-

крыто царствіе отца Небеснаго. Тогда проснулися уснувшіе во уныніе, возстали мертвые и умершіе во грѣхахъ и прославили единороднаго Сына Божія, и поклонилися ему единому. Но кто изъ васъ отзовется отъ царствія небеснаго, только плоть ваша лестная отводитъ отъ царства небеснаго; всякому хочется душу спасти, да и на земли чтобы слабости не упустить, да еще за слабое житіе хотятъ прощеніе получить, по которому весь міръ идетъ; а вѣдь вы у меня именуетеся бѣлоризцами, и вамъ дана печать Христова, чтобы побѣждать змѣя злова, и изгонять изъ себя всякую нечистоту, злобу, ложь, клевету, и другъ на друга вражду и ненависть. О любезныя мои дѣтушки, вѣдь вы названы, и пошли въ путь праведный, а по тому должны творить и говорить всегда правду, по чему бъ могли назваться праведными и вѣрными, а вѣрные также должны наблюдать во всемъ вѣрность и справедливость, такъ и причтены будете къ праведнымъ. Еще вспомните и имѣйте всегда въ твердой памяти, для чего вы, Скопцы, приняли печать дара Духа Святаго, какъ не ради царствія небеснаго; такъ должны хранить и наблюдать оную въ цѣлости, чтобъ не сломать и не прикасаться къ ней; вы сами знаете, что и по явности печать есть дѣло важное: если кто по нечаянности, или отъ небреженія своего, прикоснется къ оной и сломаетъ, то наказывается за оное жестоко; такъ и вы не довольно, чтобъ съ сестрами обращаться, но и близко подлѣ ихъ сидѣть и говорить много не слѣдуетъ, по тому что отъ излишняго разговору тотчасъ подкрадается змѣя и ужалитъ сердце ваше. О любезныя мои дѣтушки, мой законъ чистъ и вѣра чиста: вы подумайте сами, для чего сдѣланы явные монастыри, мужской и женской особо; вѣдь, конечно, для того, чтобъ женской чинъ не ходилъ въ мужской, а и мужской въ женской; и узнаетъ объ оной строгій игуменъ, то тотчасъ за оное накажутъ и разстригутъ, если зашалится, и братія увидятъ за нимъ неблагопристойность, то вонъ изъ монастыря вышлютъ: такъ-то и вы у меня, Скопцы, когда приняли на себя монашескій чинъ, то и наблюдайте оной благопристойнѣе, и не марайте данныхъ вамъ бѣлыхъ ризъ, а на сіе не надѣйтесь, что вы безплотны. И въ прежнія времена многіе таковые за гордость и лѣпость свержены были съ седьмаго неба; а который сынъ хочетъ наслѣдникомъ быть, и желаетъ получить душѣ своей вѣчное царство, такъ тому надо оставить все плотское мытарство, и сохранить свое тѣло отъ всѣхъ пороковъ, принять всякое поношеніе и клевету, и связать свою плоть заповѣдьми отца своего искупителя и словомъ

Божіимъ совокупить душу съ тѣломъ на истинное дѣло, о которомъ житіи вашемъ извѣстно отцу вашему искупителю, только содержится въ моей утрубушкѣ, и до времени покрыты всѣ ваши дѣла и слабости пречистымъ моимъ покровомъ.

О любезныя мои дѣтушки, примите сіе мое изреченіе, отъ древнихъ и многотрудныхъ устъ отца вашего, и пожалѣйте его своими сердцами, а я неоднократно подтверждаю о спасеніи душъ вашихъ, и всегда напоминаю, чтобъ не занимались лѣпостію; не терпитъ бо душа моя и не помолчитъ языкъ мой во устахъ моихъ, чтобъ не подтверждать о лѣпости; ибо житіе ваше протекло, яко дымъ, и жизнь ваша приближается къ концу дней вашихъ, и некогда уже будетъ Богу молиться, когда придетъ время во гробъ ложиться, а надо заранѣе къ Богу, Отцу своему Искупителю, съ чистотою и со страхомъ припадать, и у Отца милости просить; а кто понесетъ мою чистоту, тотъ очищенъ и оправданъ будетъ предъ Богомъ и Отцемъ моимъ, и я, искупитель, буду помощникъ и проводникъ душамъ вашимъ въ жизнь вѣчную, гдѣ встрѣтитъ души ваши возлюбленный мой сыночекъ, Александръ Ивановичъ, а въ началѣ матушка моя, помощница, Акулина Ивановна, которая была начальница всему нашему спасенію, и отъ нея познали путь чистый и непорочный; а по сему и должны всегда ее, а равно и любезнаго моего сыночка, Александра Ивановича, на молитвахъ призывать и просить ихъ съ благословеніемъ и чистотою, по тому что онъ завсегда объ васъ меня проситъ, и по моему благословенію вывелъ васъ изъ непроходимой грязи и посадилъ въ Царскій садъ, и онъ былъ мнѣ другъ и наперсникъ и вѣрный мой казначей, много проливалъ за васъ слезъ изъ своихъ очей, такъ что полнилъ всѣ рѣки, и источниками оными оросилъ всю землю, отлилъ пни и сдѣлалъ изъ нихъ садовыми древами, грушами, яблонями, вишнями и виноградомъ, и каждое древо поливалъ своими слезами, оросилъ утреннею росою и коренья утверждалъ своими страдами; поднеся оный садъ, говорилъ: Вотъ, Государь, наша надежда, свѣтъ истинный, просіявши во всю вселенную, освѣтивши тьму и озаривши свѣтъ твоимъ теплымъ и тихимъ дождемъ, твоимъ благовольнымъ сіяніемъ воздуха, твоею пріятною весною и твоимъ обогрѣвающимъ краснымъ солнцемъ, твоею премудростію и твоею владычнею десницею благословляющею, насадилъ повелѣнный тобою садъ, и по одному твоему величеству и владыкѣ, по одному искупителю и душамъ нашимъ спасителю, по одному

истинному отцу и попечителю, всѣму свѣту просвѣтителю; ты просвѣтилъ весь свѣтъ, и обогрѣлъ всѣ души своими лучами, касался къ нашимъ грѣшнымъ и нечистымъ сердцамъ, которыя почувствовали въ сердцахъ своихъ перемѣну жизни и стали промышлять о смерти, о мукѣ, потомъ и о Богѣ, о тебѣ, Сынѣ Божіемъ, Агнцѣ, снявшемъ грѣхи наши. Отъ чего мы созданы и отъ кого, какъ не отъ Бога? И если отъ него, то и должны отыскивать того, кто насъ оживотворилъ и обогатилъ, далъ намъ душу и чувства, показалъ слѣдъ, чтобы итить за тобою, Господомъ, въ слѣдъ, выйти изъ тьмы и познать на землѣ благодать. А чистота есть самъ Сынъ Божій, родившійся отъ пречистой Дѣвы, и по возрастѣ своемъ пошелъ по вселенной, и перешелъ житейское море, сталъ разсѣвать свое сѣмя, избралъ себѣ самаго низкаго роду убогихъ подъ свою державу, и возвелъ ихъ на первую степень, а себя облекъ въ нищее одѣяніе, и былъ яко убогій человѣкъ, странствовалъ съ меньшею своею братіею и не имѣлъ, гдѣ главы своея подклонить, и славу свою земную скрылъ, а небесную открылъ всѣмъ вѣрующимъ во имя свое А рожденія и пришествія Сына Божія, по пророчеству, чрезъ благовѣстіе Духа Святаго, и крещенія его давно ожидали, о чемъ и было возвѣщено: какъ народится Сынъ Божій и пріиметъ крещеніе чистоты, въ то время явится звѣзда съ хвостомъ, и тогда послѣдуютъ за нимъ многія тысячи всякаго колѣна людей, и всѣ крестятся во имя Сына Божьяго, и будутъ по чистотѣ наслѣдники царствія его, и нарекутся чадами Божіими, что все оное, по благословенію Духа Святаго, сбылось. И когда онъ облекся въ чистоту Сына Божія, то дѣйствительно тогда же явилась на небѣ звѣзда съ хвостомъ, міръ тому не мало дивился. Но вы, любезныя мои дѣтушки, помолитесь за милосерднаго отца своего искупителя, чтобы продолжилъ отецъ Небесный еще вѣку на землѣ. И молитеся съ любовію и теплотою, кротостію и смиреніемъ, дѣвствомъ и чистотою, за что не оставитъ васъ отецъ мой Небесный на семъ свѣтѣ, сиротъ, а въ будущемъ призритъ, и я засвидѣтельствую объ васъ предъ отцемъ моимъ Небеснымъ, и буду просить его, дабы сохранилъ жизнь вашу во всякомъ благочестіи. А еще молитесь за Государя нашего, Александра Павловича, и за весь домъ Царской, чтобъ Отецъ Небесной сохранилъ его отъ враговъ, поддержалъ бы надъ нимъ свой покровъ, за то что онъ заступилъ за Церковь Израильскую, а Церковь есть самъ Іисусъ Христосъ, Сынъ Божій, пришедшій въ міръ грѣшныхъ спасти, да всѣхъ въ свое царство довести. Возлюбленныя

дѣтушки, никто изъ васъ другъ предъ другомъ не гордитесь, а всякъ своимъ сердцемъ смиритесь, и явностію не возноситесь; знайте то, что все не ваше, а Божье да искупительское; если бы да не отецъ вашъ искупитель за васъ, то давно бы васъ на свѣтѣ не было. А по тому, не называйте никто своими соборами, а именуйте Божьими: первый есть соборъ отца вашего искупителя, другой матушки нашей, Акулины Ивановны, а третій соборъ возлюбленнаго моего сыночка, Александра Ивановича, четвертый же соборъ всѣхъ вѣрныхъ праведныхъ. А когда не будете своими именовать, то буду отъ всѣхъ бѣдъ избавлять, а вы ни о чемъ не извольте унывать, а извольте на отца своего искупителя уповать да въ чистотѣ души свои наблюдать, а я съ вами радъ ликовать; только прошу васъ, мои дѣтушки, съ перваго и до послѣдняго, явную милостыню никому мірскимъ не подавать: есть ли у кого есть подать милостыню, то подавайте чрезъ отца своего искупителя.

Есть ли же кто сего приказанія не исполнитъ, и не послушаетъ отца своего искупителя, и опорочитъ гласъ сей, истину глаголющій, ежели пророкъ, или рядовой, то таковый всякой опороченъ и наказанъ будетъ отъ Господа, отца моего Небеснаго, праведнымъ гнѣвомъ его и угрызеніемъ совѣсти.

А есть ли вы пріймите сіе мое посланіе, изреченное отъ древнихъ устъ моихъ, и будите исполнять въ точности, то я всѣ ваши имена напишу на моемъ сердцѣ и запечатлѣю на моей памяти, вашу ко мнѣ любовь засвидѣтельствую предъ отцемъ моимъ Небеснымъ. И помните меня, что я всѣхъ люблю равно, и кланяюсь вамъ отъ сердечной моей любви, истинный вашъ отецъ, и пребуду надъ всѣми вами съ моимъ благословеніемъ и милостію Божіею и покровомъ отца моего Небеснаго во вѣки вѣковъ. Аминь.

ОБЩІЕ.

Эриванскій Военный Губернаторъ, въ Мартѣ 1853 года, вошелъ съ представленіемъ къ Намѣстнику Кавказскому объ оказывающихся проповѣдникахъ новыхъ толковъ среди Молоканъ, поселенныхъ въ управляемой имъ Губерніи.

Немедленно было сдѣлано распоряженіе задержать раскольниковъ, на которыхъ падало подозрѣніе въ распространеніи новыхъ ученій.

Изъ числа этихъ людей, доставленныхъ въ Тифлисъ, Шемахинской Губерніи, Шушинскаго Уѣзда, раскольничей слободы Карабулакъ, поселенецъ Денисъ Клеменовъ, объявилъ, что онъ—Упованіе Михаила Акинѳіева, называемое «Общее».

Изъ дѣлъ Канцеляріи Намѣстника Кавказскаго оказалось, что въ 1843 году Начальникъ Каспійской Области представилъ Главноуправлявшему въ Закавказскомъ Краѣ приговоръ Каспійской Уголовной Палаты надъ Закавказскими поселенцами, Михайломъ Акинѳіевымъ Поповымъ и Денисомъ Шепиловымъ, приговоренными къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе. Между прочими преступленіями, первый, какъ главный учредитель, а оба за распространеніе новой ереси.

Когда этотъ приговоръ дошелъ до Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, Министръ, 10 Ноября, 1843 г., № 2572,

обратился къ Главноуправлявшему Закавказскимъ Краемъ, прося распоряженія о дознаніи, въ чемъ заключаются обряды и догматы этого новаго раскола.

Эти свѣдѣнія были вытребованы отъ Управлявшаго Каспійской Областію, который, въ 1844 году, доставилъ ограниченныя и поверхностныя свѣдѣнія о расколѣ Михаила Акинѳіева, отзываясь, что его послѣдователи содержатъ свое ученіе въ такой тайнѣ, что не возможно открыть ихъ обряды и догматы.

Въ 1853 году Денисъ Клеменовъ на допросахъ показалъ всѣ правила, обряды и постановленія секты Общей ученія Михаила Акинѳіева Попова, и доставилъ самый Уставъ этого раскола.

ОБЩІЕ.

Введеніе и распространеніе въ Закавказьѣ раскола «Общіе».

Изъ Саратовской Губерніи, Николаевскаго Уѣзда, селенія Тягловъ, сосланы въ Закавказскій Край раскольники: Евсигней Яковлевъ и Михаилъ Акинѳіевъ Поповъ; первый изъ нихъ сообщилъ Михаилу Акинѳіеву Уставъ «Общаго упованія», въ 1833 году; въ послѣдствіи Яковлевъ померъ, и считается между единовѣрцами пророкомъ Божіимъ.

Михаилъ Акинѳіевъ Поповъ, по полученіи Устава, началъ обращать въ свое ученіе Закавказскихъ Молоканъ, между которыми ослабѣла вѣра, чрезъ безпрерывныя взаимныя ссоры, брани и религіозныя несогласія.

Михаилъ Акинѳіевъ съ начала избралъ было себѣ въ сотрудники Дениса Шепилова, который сталъ, однако, вводить свои собственные толки въ «Ученіе Общее». Тогда Михаилъ Акинѳіевъ, назвавъ послѣдователей этѣхъ нововведеній Шепиловцами, возвратилъ ихъ къ своему ученію.

Уставъ упованія Общаго ученія Михаила Акинѳіева Попова.

Въ 1843 г. Михаилъ Акинѳіевъ Поповъ и Денисъ Шепиловъ, по судебному приговору, сосланы въ Сибирь на поселеніе, въ Енисейскую Губернію, гдѣ они успѣли обратить къ своему ученію до 50 душъ.

1. Сей обрядъ безо всей недостачи по плоти и по духу.

По плоти — плотская благодать, а по духу — духовное благословеніе. Есть писано ко Ефесеемъ, глава 2 стихъ 14: «Той бо есть миръ нашъ, сотворивый обоя едино»; тако сіе различеніе духовное и плотское.

Различеніе.

По плоти — вѣра; вѣримъ другъ другу во всемъ плотскомъ дѣлѣ; а по духу вѣруемъ, что Богъ есть невидимый.

2. О церкви.

Церковь общая — народское собраніе въ праздновавіи слова Божія, и та церковь семейства сообща молятся. Когда человѣкъ наученъ, въ немъ въ одномъ церковь, и всякъ человѣкъ, имѣя въ себѣ ученіе, имѣетъ въ себѣ церковь, по силѣ его. Лобзаніе, особливо общее и домашнее, единотѣльной церкви. Общее — все собраніе народа лобызается, а домашнее — все семейство лобызается, при молитвѣ; единотѣльное лобызаніе по приходу и отходу. Писано о церкви: 2 къ Коринѳяномъ глава 6 стихъ 16; 1 къ Коринѳяномъ глава 14 стихъ 26; 1 Петра глава 2 стихъ 5; къ Ефесеемъ глава 3 стихъ 10: «Церковію многоразличная премудрость Божія».

Различеніе.

Видимо — сходился народъ, вся общества и вся семейства, и мыслей собранія, чтенія слова Божія. А невидимо — общества согласно, семейство любовно, человѣкъ наученъ.

3. О моленіи.

Моленіе у насъ молитвами, и дѣлами, и мыслями: тріе суть едино; какъ церкви три едино, такъ и сіе едино. Писано о моленіи: отъ Матѳея глава 6 стихъ 9; ко Ефесеемъ глава 6 стихъ 18; отъ Луки глава 22 стихъ 41; Даніила Пророка глава 6 стихъ 10; отъ Іоанна глава 4 стихъ 23.

Различеніе.

Видимо — написаны молитвы, молимся, читаемъ ихъ; а невидимо — наука молитвенная, униженіе себя.

4. О приношеніи жертвы.

Жертва Богу естественно подаяніе милости: приносить хвалу и сокрушаться о духѣ, чтобы тщиться мыслить добро, ниже худо дѣлать. Писано: Малахіи Пророка глава 1 стихъ 11; къ Евреемъ глава 13 стихъ 15: «Тѣмъ убо приносимъ жертву хваленія», яко же Давыдъ во псалмѣ 50 стихъ 19; псаломъ 39 стихъ 7; псаломъ 42 стихъ 4; отъ Матѳея глава 9 стихъ 13; 1 Петра глава 2 стихъ 5.

Различеніе.

Видимо — естественно сдѣлаемъ другъ друга поощрять вся во всемъ, а невидимо — въ любви и въ посѣщеніи другъ друга.

5. О кадилѣ и ѳиміамѣ.

Кадило и ѳиміамъ присутствія Божія, судомъ осуждать лукавство, убивать духа лукаваго. Писано: Псаломъ 140 стихъ 2; Апокалипсисъ глава 8 стихъ 3; 2 Коринѳяномъ глава 2 стихъ 14; къ Ефесеемъ глава 5 стихъ 1.

Различеніе.

Видимо — кадильница Библія; въ ней все присутствіе Божіе; а невидимая кадильница — добрыя дѣла въ человѣкѣ.

6. О причастіи.

Причащаемся Божественными Тайнами, любовью, радостью, смиреніемъ, долготерпѣніемъ, благостью, милосердіемъ, вѣрою, кротостію, воздержаніемъ. Писано: къ Галатомъ глава 5 стихъ 22; Псаломъ 118 стихъ 63, и къ Евреемъ глава 6 стихъ 4, и глава 3 стихъ 14; тамъ же глава 12 стихъ 10, къ Коринѳяномъ глава 10 стихъ 17, и глава 9 стихъ 10.

Различеніе.

Видимое — по виду всяко блюденіе сихъ въ дѣлахъ, и словахъ, и въ мысляхъ; а невидимое — уединенны мысли въ томъ же соблюденіи.

7. О исповѣданіи.

Исповѣданіе — признаніе грѣховъ разумному человѣку; въ немъ Богъ признанъ человѣку и Богу. Писано: Псаломъ 117 стихъ 1; Псаломъ 118 стихъ 62; Посланія Іаковля глава 5 стихъ 16; къ Евреемъ глава 3 стихъ 1; Псаломъ 74 стихъ 1; Псаломъ 110 стихъ 1.

Различеніе.

Видимо — поклониться всему народу, а невидимо — Пресвитеру оказать грѣхи, и заключить себѣ такъ не дѣлать.

8. О мѵропомазаніи.

Помазаніе — радость, пѣніе, приказъ, нужный народу, о видимости и с духовности; радость пѣнія убиваетъ и грѣхъ, паче дѣлъ благихъ. Писано: Псаломъ 44 стихъ 8; Аввакумъ Пророкъ глава 3 стихъ 13; Дѣяній глава 4 стихъ 27, глава 10 стихъ 38.

Различеніе.

Видимо — помочь другъ другу, или словомъ угодить человѣку; а невидимо — со всѣмъ дѣломъ примириться сердцемъ и утѣшиться.

9. О крещеніи.

Крещеніе — ученіе, омовеніе, очищеніе, красота, крѣпость, чистота, ревнительный плачъ, умыніе о духѣ, счастливый успѣхъ. Писано: отъ Марка глава 1 стихъ 4: «Бысть Іоаннъ крестяй въ пустыни, и проповѣдуя крещеніе;» Луки глава 3 стихъ 3; Дѣяній глава 13 стихъ 24, и глава 22 стихъ 16; отъ Матѳея глава 28 стихъ 19.

Различеніе.

Видимо — омовеніе плоти водою и ученіе чтенія благихъ дѣлъ; а невидимо — умноженіе разумѣнія, приниманіе, красота въ человѣкѣ, ревность къ святости.

10. О престолѣ.

Престолъ — чувствительное оправданіе народу, свобода отъ грѣха и прославленіе человѣку и возможеніе смирить. Писано: Притчей Соломонихъ глава 12 стихъ 23; Исаіи глава 16 стихъ 5; Іереміи глава 14 стихъ 21; Захаріи глава 6 стихъ 13; Притчей Соломонихъ глава 25 стихъ 5; Апокалипсисъ глава 12 стихъ 5.

Различеніе.

Видимо — согласіе, говоритъ Слово Божіе; а невидимо — Святый Духъ въ человѣкѣ.

11. Обрученіе брака.

Бракъ — пиръ или радость человѣку по плоти и по духу, и засвѣдѣтельствованіе народу, обѣщаніе другъ къ другу предъ человѣки и предъ Богомъ. Писано: Товита глава 7 стихъ 1 и 12.

Различеніе.

Видимо — препоручить жену по плоти, или творить великую часть благую, или откроетъ человѣкъ многую милость народу; а невидимо — собраніе ополченія силы Божіей, и явно будетъ дѣйствовать премудрость.

12. О вѣнцахъ.

Вѣнецъ — радость при оправданіи отъ дѣлъ тяжкихъ, измыетъ отъ темныхъ мѣстъ человѣкъ свою душу, или плоть. Писано: Іисуса сына Сирахова глава 6 стихъ 32, глава 25 стихъ 8; 2 къ Тимоѳеею глава 4 стихъ 8; Апокалипсисъ глава 2 стихъ 10.

Различеніе.

Видимо — по темной части оправдается предъ судомъ и предъ человѣки, а невидимо — оправдается отъ грѣховъ предъ Богомъ, радость и веселіе сердцу.

13. Облеченіе ризъ.

Риза — слышаніе Слова Божія ко спасенію себя и поученію творенія добра, и поучать народы доброму состоянію. Писано Премудрости Соломони глава 5 стихъ 18; Исаіи глава 59 стихъ 17, и глава 61 стихъ 10: «Да возрадуется душа моя о Господѣ: облече бо мя въ ризу спасенія, и одеждою веселія одѣя мя;» 1 къ Солунянομъ глава 5 стихъ 8; Апокалипсисъ глава 3 стихъ 4: «иже не осквернища ризъ своихъ;» глава 19 стихъ 8; къ Ефесеемъ глава 6 стихъ 14.

Различеніе.

Видимо — риза на духѣ душа, на душѣ плоть, а невидимо— завсегда страшиться Бога и трепетать о Богѣ.

14. Окропленіе, очищеніе.

Окропляется, очищается человѣкъ страхомъ; очищеніе и спасеніе отъ страха Святаго ученія, тѣмъ судомъ отмѣненіе пути нечестиваго. Писано: ко Евреемъ глава 10 стихъ 22; 2 Коринѳяномъ глава 7 стихъ 1: «Очистимъ себе отъ всякія скверны плоти и духа;» писано Исаіи глава 45 стихъ 8, и глава 1 стихъ 16; ко Евреемъ глава 4 стихъ 14; Езекіиля глава 36 стихъ 25.

Различеніе.

Видимъ страхъ, и видимъ: по плоти люди умираютъ, и мнѣ умирать, а невидимо—страхъ на сердцахъ, боязнь грѣховъ.

15. О сосудахъ.

Сосудъ — постоянство человѣческое въ умѣренныхъ дѣлахъ. Писано о сосудѣ: Притчей Соломонихъ глава 20 стихъ 15; Исаіи глава 65 стихъ 4; къ Римляномъ глава 9 стихъ 23; 2 къ Тимоѳею глава 2 стихъ 21.

Различеніе.

Видимый сосудъ—уста и лице ипостаси человѣческія; а невидимый сосудъ—у человѣка сердце; если сердце чисто, и сосудъ чистъ.

16. О знаменіи.

Знаменіе — показать знакъ Христіянства въ дѣлахъ, и словахъ, и мысляхъ. О знаменіи писано: Премудрости Соломони глава 16 стихъ 6: «Не до конца пребысть гнѣвъ твой, въ наказаніе же вмалѣ смущени быша, знаменіе имѣюще спасенія;» Исаіи глава 11 стихъ 12; Псаломъ 4 стихъ 7.

Различеніе.

Видимо знаменіе — привѣтствіе въ дому, воспитаніе сиротъ, и честь пришельцу; а невидимо — Духа Святаго пріиметъ въ надеждѣ со властію Святой силы.

17. О образѣ.

Образъ всякъ человѣкъ; Богъ сотворилъ человѣка по образу своему: въ дѣлахъ — добрыя дѣла образъ нашъ; по дѣлу совершенному пребываетъ Богъ въ человѣкѣ. Писано къ Колосаемъ глава 1 стихъ 15; 1 Петра глава 2 стихъ 21; Іаковля посланія глава 5 стихъ 10; къ Филиписеемъ глава 3 стихъ 17; къ Евреемъ глава 1 стихъ 3.

Различеніе.

Видимый образъ — всякъ человѣкъ; каковы дѣла, таковъ и Господинъ, таковъ и образъ; а невидимый образъ въ человѣкѣ—доброе дѣло; въ началѣ въ себѣ ищи образъ.

18. О рожденіи младенцевъ.

Родится младенецъ, нарече имя ему Господь; въ видѣніи, или духомъ, возбудитъ человѣка нарещи ему имя. Въ Евангеліи писано: отъ Луки глава 1 стихъ 60 и 63: «По рожденіи Іоанна, мать

имя нарекла ему;» во 2-ой книгѣ Моисея глава 2 стихъ 10; по тому же родится младенецъ, мать или сродства, или усердные люди, нарекаютъ имя ему.

Различеніе.

Видимо—родится младенецъ по плоти, а невидимо—отыметъ отъ себя всяку скверну, наречетъ имя ему, Господь благословитъ его чиномъ, по чину ему имя.

19. О Архіереѣ и о Священникѣ.

Архіерей и Священникъ въ двунадесяти чинахъ девятьми судьями, три части по три, которые властелины надъ всѣми нашими дѣлами, осуждаютъ правильно предъ Богомъ. Писано: ко Евреемъ глава 4 стихъ 14, и глава 7 стихъ 26; Дѣяній глава 26 стихъ 10; къ Ефесеемъ глава 4 стихъ 11; Іисуса Сына Сарахова глава 37 стихъ 15: «по токмо съ мужемъ благоговѣйнымъ присно буди, его же аще познаеши соблюдающа заповѣди Господня.»

Различеніе.

Видимо — усердные чины ради насъ, а невидимо — съ ними Христосъ и Духъ Божій освящаютъ человѣка Святымъ Писаніемъ.

20. О Царяхъ и властяхъ.

Царь властенъ всему народу; онъ можетъ наказать и помиловать рабовъ своихъ, можетъ стѣснить и отпустить. Писано: Притчей Соломонихъ глава 8 стихъ 15; къ Римляномъ глава 13 стихъ 1; 1 Петра глава 2 стихъ 17; 1 къ Тимоѳею глава 2 ст. 1 и 2.

Различеніе.

Видимый Царь—судья по плоти надъ нами, по сему вѣку царствуетъ, а невидимо — Царь самъ Спаситель, и сему Царю Царь, власть имѣетъ надъ плотію и духомъ, а мы почитаемъ обое за едино въ равности.

21. О постахъ.

Постъ ради горести и плоти, печально снесть и недвижимъ словомъ, ниже дѣло вредно о духѣ и душѣ; постъ пріяти радостію какъ на бракѣ, и аки упитанному видъ не унывно: бдите радостно и трезвительно, въ томъ между собою милымъ быть другъ другу. Писано: Даніила глава 10 стихъ 3; Іоиля глава 2 стихъ 12; 1 къ Тимоѳеею глава 4 стихъ 7 и 14.

Различеніе.

Видимый постъ сіе есть: хлѣбъ не ѣсть и воды не пить, а невидимый постъ—воздержаніе мысли и молчаніе.

22. О погребеніи усопшихъ.

При погребеніи день и нощь имѣть безпрестанно пѣніе и чтеніе Святаго Писанія, а людямъ внушать, что всѣ будемъ умирать. Писано: Псалмопѣнія и Псаломъ 10, Псаломъ 19.

Различеніе.

Видимо — плоть человѣческую гробу и землѣ предать на истлѣніе; а невидимо — грѣхи плотскіе со страху кинемъ, въ погибель плоти, душѣ же въ оправданіе и силу, безгрѣшность.

23. Какъ по смерти живы.

Праведный умертвитъ уды плотскіе, и живъ будетъ духомъ, не мыслить худа, ниже дѣлать; праведникъ долголѣтенъ на землѣ и въ будущемъ воскреснетъ. Писано: 2 къ Коринѳяномъ глава 5 стихъ 15; 1 къ Коринѳяномъ глава 15 стихъ 20; Захаріи глава 14.

Различеніе.

Видимо — на землѣ царствуетъ праведникъ, а невидимо — приспѣвъ будущаго вѣка.

24. О поминовеніяхъ по усопшихъ.

Поминовенія въ милости, стройте обѣды, награда въ людяхъ Богъ; наградою неимущихъ съ милостію просить попечителями быть о нихъ; положи въ столовую сумму, сколько мнѣніемъ обѣщаешь общему союзу, сколько попещись о грѣхѣ его. Писано: вторая Маккавеевъ глава 12 стихъ 25; Варуха глава 3 стихъ 1; Псаломъ 19 стихъ 1.

Различеніе.

Видимо — собраніе собираемъ, обѣдъ строимъ; а невидимо — милосердствовать людей и просить попещися о ихъ душѣ.

25. О седьмомъ днѣ.

Седьмой день воскресенія — плотскаго дѣла не дѣлать, и не говорить, и не думать, что сотворить за необходимостію, день несть тяготу; а изволи судить строго, накладывать седмеричную тяготу, неупустимо смотрѣть. Писано: 3 книга Моисея глава 23 стихъ 3; Софоніи глава 3 стихъ 8; Осіи глава 6 стихъ 3; отъ Марка глава 16 стихъ 9.

Различеніе.

Видимо — день седьмой Воскресенье, какъ Христосъ воскресъ, по всякой недѣлѣ по Христѣ почитается; а невидимо—седмеричная хвала, отступить отъ грѣховъ, потомъ же принять тяготу всякую, и много въ то же время, или послѣ, сообщить неупустимо.

О чинахъ и гдѣ писано.

Первый чинъ судьи. О томъ писано 5 книги Моисея глава 16 стихъ 18: «Судіи и книгочіи поставиши себѣ!»

Второй чинъ жертвенникъ; писано Дѣяній глава 4 стихъ 35: «И полагаху предъ ногами Апостолъ.»

Третій чинъ распорядитель. Писано: отъ Іоанна глава 2 стихъ 8, въ Русскомъ переводѣ: «Несите къ распорядителю пира (архитриклинови)!»

Четвертый чинъ видитель Писано: отъ Матеея глава 6 стихъ 22: «свѣтильникъ тѣлу есть око.»

Пятый чинъ молитвенникъ. Писано: Псаломъ 73 стихъ 23: «Не забуди гласа молитвенникъ твоихъ!»

Шестой чинъ словесникъ. Писано: Посланія Іаковля глава 3 стихъ 5: «такожде же и языкъ малъ удъ есть, и вельми хвалится.»

Седьмой чинъ членъ. Писано; 1 Коринеяномъ глава 12 стихъ 12, въ Русскомъ переводѣ; «члены многи составляютъ одно тѣло.»

Осьмой чинъ тайникъ. Писано: Псаломъ Давидовъ 67 стихъ 28: «Тамо Веніаминъ юнѣйшій во ужасѣ.»

Девятый чинъ мысленникъ. Писано: 3 книги Ездры глава 13 стихъ 25: «яко видѣлъ еси мужа восходяща отъ сердца морскаго.»

Женскаго полу три пѣвца, 3 чина; писано: Псаломъ 67 стихъ 26: «предвариша Князи близъ поющихъ, посредѣ дѣвъ тимпанницъ.»

1. Судейское дѣло: въ церкви читать книгу, и толковать, и внушать Слово Божіе; приказывать чинамъ, каждый бы въ своемъ дѣлѣ не ослабѣвалъ и наблюдалъ бы бдительно.

2. Жертвенника дѣло: въ церкви глядѣть за людьми, чтобъ не положилъ кто во гнѣвѣ въ столовую сумму, а кто положитъ, отдать назадъ; принимать деньги, записывать въ книгу; кто покается ему, принять покаяніе.

3. Распорядителя дѣло: въ церкви распри смирять, дать наставленіе виновнымъ, какъ просить въ церкви прощенія, и ему просить церковь молиться и о людяхъ, и опредѣлять мѣста, кому гдѣ садиться; смотрѣть, кто не хорошо кланяется.

4. Видителя дѣло: въ церкви глядѣть за людьми; въ каждомъ дѣлѣ, каждаго вызывать, который потребуется на каждое дѣло, не уважать ни въ чемъ никому; смотрѣть за выше себя чинами; кто стоитъ праздно, посылать въ церковь.

5. **Молитвенника** дѣло: въ церкви молиться за церковь въ слухъ и всѣ за нимъ не спѣша, по судейскому слову немедленно; приказывать всѣмъ, прежде моленія, въ церкви хлѣба не вкушать; спрашивать, имѣютъ ли домашнюю церковь; приказывать, чтобы имѣли.

6. **Словесника** дѣло: въ церкви, чтобы давали дорогу, сказать посторониться; принимать платы; говорящихъ унимать; войлокъ стлать, и скамьи становить и принимать; по отходу платье раздавать; каждому воздавать честь.

7. **Членово** дѣло: въ церкви готовить пѣніе; какъ скоро пѣть у него, чтобы было готово пѣніе; смотрѣть за ниже себя чинами и за пѣвцами; судить чиновъ и пѣцовъ; давать наставленіе ниже себя чинамъ и пѣвцамъ; учить учебныхъ читать и писать; имѣть почтеніе между собою и къ людямъ.

8. **Тайника** дѣло: въ церкви ладить пѣвцовъ къ пѣнію; въ свободное время чтобы было пѣніе хорошо; согласить, что пѣть, и было бы готово, то приготовить пѣть; скажутъ члены въ тайныхъ грѣхахъ, принять отъ пѣвцовъ покаяніе; учить къ пѣнію учебныхъ.

9. **Мысленника** дѣло: въ церкви смирять между пѣвцовъ распри словесныя и мысленныя, и въ мысляхъ каяться ему; также смотрѣть за учебными и учить.

10. **Пѣвцамъ** учить пѣвцовъ и учебныхъ и помѣстныхъ, ладъ въ пѣніи со вниманіемъ и охотою.

Объ общемъ.

Имѣніе. Писано: Дѣяній глава 2 стихъ 44 и 45: «И имяху вся обща, и стяжанія и имѣнія продаяху, и раздаяху всѣмъ, его же аще кто требоваше;» и глава 4 стихъ 32, въ Русскомъ переводѣ: «и никто ничего изъ имѣнія своего не называлъ своимъ, но все было у нихъ общее;» и стихъ 34: «не было между ними никого бѣднаго, ибо всѣ владѣльцы помѣстій, или домовъ, продавая оныя, приносили цѣну проданнаго и полагали у ногъ Апостольскихъ, и каждому давалось, въ чемъ кто имѣлъ нужду.»

У Общихъ три церкви именуютъ:

1. Соборная церковь: сборъ всякъ единомышленниковъ одной слободы, для празднованія слова Божія, пѣнія и молитвы.

2. Домашняя церковь: вся партія ежедневно собирается четыре раза и вкупѣ Богу молится.

3. Единотѣльная церковь: состоитъ въ частной молитвѣ самъ себѣ на умѣ, при входѣ и выходѣ изъ дома и проч.

Храмовъ наружныхъ и видимыхъ украшеній ни какихъ не употребляютъ, не уповая въ нихъ спасенія. И гдѣ бы ни собрались единовѣрцы для моленія, хотя бы въ полѣ, подъ открытымъ небомъ, и тутъ церковь.

Существуетъ три лобызанія:

1. Святое лобызаніе, производимое по приходѣ въ соборную церковь, между мирными, т. е., не имѣющими взаимныхъ распрей и не находящихся подъ наказаніемъ, т. е., за вину, по приговору чиновъ, которымъ запрещено лобызать; всѣ присутствующіе обязаны взаимнымъ устнымъ лобызаніемъ.

2. Тоже святое лобызаніе при молитвѣ въ домашней церкви производится между мірными и не находящимися подъ наказаніемъ.

3. Единотѣльное лобызаніе. При входѣ въ домъ каждый обязанъ прочитать въ слухъ «Отче нашъ», и сказать: «Миръ дому сему!» На что хозяинъ отвѣчаетъ: «Миръ входу вашему!» и оба устно лобызаются.

При моленіи читаютъ Библію, молитвы изъ нея и составленныя изъ Священнаго Писанія; псалмы же поютъ.

Во время Богослуженія не приносятъ ни какой видимой жертвы, и въ соборной церкви приносятъ приношеніе отъ избытка своего, состоящее въ деньгахъ и рукодѣліи, какъ то: нитки, холстъ и проч., которыя кладутся на столъ.

Приношенія троякія:

1. Столовая милость: собирается со стола жертвениковъ, записывается въ имѣющуюся нарочито книгу и, по совѣту чиновъ, раздается нуждающимся сиротамъ и вдовамъ.

2. Подаянная милость, которую всякой самъ отъ себя подаетъ просящему во имя Христа.

3. Тайная милость. Когда видитъ нужду ближняго, каждый помогаетъ ему тайно отъ народа.

Хотя все имѣніе и доходы общіе, но вышесказанныя приношенія пріобрѣтаются слѣдующимъ образомъ: самая малая часть изъ заработокъ партіи остается у нея, и изъ этой части домашній распорядитель кладетъ по праздникамъ въ столовую жертву соборной церкви и производитъ милостыню; кромѣ того, предоставляется женскому полу, въ свободное время отъ общественной работы, заниматься частными рукодѣльями и плату оставлять у себя; сверхъ того, изъ общаго имѣнія раздаются женщинамъ, по изравненію числа душъ кровнаго семейства, полагая на взрослыхъ полной, а на малолѣтнихъ полъ пая—ленъ и шерсть, изъ которыхъ мать прядетъ нитки и ткетъ ткани, и, продавая свое издѣліе, покупаетъ себѣ и дѣтямъ наголовные платки, а что за тѣмъ остается, принадлежитъ ей съ мужемъ; наконецъ деньги и подарки отъ родственниковъ, не слѣдующихъ этому ученію, остаются у получителей, и изъ этѣхъ-то источниковъ подаютъ милостыню и производятъ тайную

Кромѣ этого, всякому одновѣрцу предоставляется, для пожертвованія въ столовую сумму, брать заимообразно изъ этой же суммы, и въ пополненіе взятой, за каждой рубль, поститься по одному дню.

Видимыхъ: кадилъ, ѳиміяма, причащенія не имѣется.

Исповѣдь двоякая: 1) тайная исповѣдь дѣлается наединѣ жертвеннику о тяжкихъ грѣхахъ, при вступленіи въ эту секту.

2. И тогда же въ слухъ, въ соборной церкви, исповѣдываются свои заблужденія.

Наружнаго мνропомазанія не существуетъ.

Обряда крещенія не существуетъ, а по рожденіи младенца бабка повіетъ и съ молитвою обмоетъ его, на восьмой же день чины соберутся, помолятся и жертвенникъ нарекаетъ имя этому младенцу по своему усмотрѣнію, избирая одно изъ именъ въ употребленіи у Русскихъ.

Если же взрослый вступаетъ въ это ученіе, то соблюдается слѣдуюшій обрядъ:

Нововступающій чрезъ видителя вызываетъ словесника, которому объявляетъ свое желаніе, и словесникъ, отобравъ отъ него словесныя показанія, передаетъ ихъ церковному распорядителю, который, перепросивъ нововступающаго, передаетъ его показанія судьѣ. Судья, по своему усмотрѣнію, потребовавъ нововступающаго и отобравъ отъ него желаніе, знакомитъ съ Уставомъ, растолковываетъ Священное Писаніе, и если послѣ этого всего онъ остается при своемъ желаніи, то судья приказываетъ церковному распорядителю допустить вновь вступающаго до соборной церкви, и дать ему наставленіе, какъ въ соборной церкви просить прощенія. Такъ же новопришедшій, по тайной исповѣди, вводится въ собраніе и, исповѣдавъ въ слухъ свои заблужденія и распутства, съ земнымъ поклономъ проситъ прощенія; тогда, по приказанію судьи, молитвенникъ, въ слухъ со всѣми присутствующими, молится о немъ Богу, заключая пѣніемъ Псалма: «Согрѣшихъ, Господи, согрѣшихъ;» послѣ этого все собраніе, со слезами, по судейскому слову, скажетъ: «Богъ проститъ!» Это называется слезное отпущеніе за четыре части, и именно: 1) за отступничество отъ общей церкви и возвращеніе къ ней; 2) за хулу общаго упованія; 3) за поступающаго изъ другаго упованія; 4) за противность. Послѣ слезнаго отпущенія судья спрашиваетъ у нововведеннаго: 1) согласенъ ли въ общее имѣніе? 2) согласенъ ли въ изравненіе? 3) согласенъ ли быть въ братскомъ совѣтѣ? И когда нововступающій объявитъ на все это свое согласіе, то онъ принимается союзникомъ, одномышленникомъ, духовнымъ братомъ Упованія Общаго, и допускается до святаго лобызанія, и церковные чины приступаютъ къ описи и оцѣнкѣ его имѣнія, которое, если окажется болѣе, чѣмъ у прочихъ, то равная

часть, въ изравненіи съ другими, записывается на него, а за тѣмъ остающееся въ излишкѣ приписывается на тѣхъ, у которыхъ недостаетъ до изравненія.

Буде кто изъ послѣдователей Общаго Упованія пожелаетъ оставить это ученіе, на его волю предоставляется, получить или свою изравненную часть, или все имущество, которое онъ имѣлъ при вступленіи въ Общее. Первое обыкновенно требуется, когда кто отдѣляется, оставаясь убѣжденнымъ въ Ученіи Общемъ, а послѣднее встрѣчается, когда кто вовсе покидаетъ само это ученіе.

Престола видимаго не имѣется

Обрученіе и бракъ состоятъ въ томъ, что при соборной церкви поручается жена мужу, и ихъ взаимное обѣщаніе свѣдѣтельствуется всею соборною церковью троекратнымъ повтореніемъ слова: «Слышите ли?»

Бракъ совершается по взаимному желанію молодыхъ, благословенію родителей и совѣту чиновъ.

Вступаютъ въ бракъ лѣтъ въ 16.

Бракъ допускается по мужескому родству въ пятомъ колѣнѣ, а по женскому въ четвертомъ.

Отъ супруговъ требуется строгой взаимной плотской вѣрности, за нарушеніе которой виновному отказываютъ отъ лобызанія, а буде онъ чиновной, то отставляется отъ должности и остается подъ наказаніемъ, пока не испроситъ у чиновъ прощенія.

Отъ холостыхъ же строго требуется цѣломудріе, и въ случаѣ нарушенія этого, наказываются, подобно вѣнчаннымъ.

Существенныхъ вѣнцовъ, ризъ, окропленія сосудовъ, знаменія и образовъ не имѣется.

Младенецъ считается рожденнымъ во грѣхѣ, и очищается, какъ сказано въ поясненіе крещенія.

Архіерей и Священникъ полагается Іисусъ Христосъ.

Царь Небесный — Богъ.

Царь земной — Государь Императоръ; Царь Упованія Общаго — занимающій соборной церкви чинъ судьи.

Въ молитвахъ не поминается Царь, а поютъ: «Молитеся за Царя и яже во власти суть!»

Подъ словомъ «власти» подразумѣваются духовныя: Апостолы и Пророки; земныя поставленныя власти—Упованія Общаго чины соборной церкви.

Посты троякіе:

1. Передъ общественнымъ случаемъ, на примѣръ, предъ засѣвомъ полей, по общему соборному согласію, поставляется общественный трехдневный постъ, состоящій въ томъ, что все это время ничего не пьютъ и не ѣдятъ.

2. Частный, по желанію, сорокодневный постъ держится слѣдующимъ образомъ: въ первые три дня употребляютъ пищу одинъ разъ, потомъ въ два дня разъ, еще въ два дня разъ, а остальные 33 дня по вечерамъ по одному разу въ день.

3. Легкій произвольный постъ для малолѣтнихъ и для народа въ рабочее время состоитъ въ однодневномъ отсутствіи всякой пищи.

Погребеніе усопшихъ производится слѣдующимъ образомъ:

При отходѣ чины и пѣвцы поютъ Псалмы.

Когда же отойдетъ, то покойника обмоютъ, закроютъ ему глаза, одѣнутъ въ чистое бѣлье, ноги обвяжутъ въ бѣлое полотно, положатъ на лавку, покроютъ бѣлымъ полотномъ и занавѣсятъ занавѣскою.

Въ избѣ, гдѣ лежитъ тѣло, одинъ день и одну ночь чины и пѣвцы читаютъ молитвы и поютъ Псалмы, по распоряженію жертвенника.

На второй день кладутъ покойника въ гробъ и несутъ, или везутъ, на кладбище; впереди идутъ чины и пѣвцы и поютъ Псалмы, а сзади гроба провожаютъ родственники и народъ.

Въ могилѣ покойника кладутъ ногами на востокъ; при засыпкѣ могилы поютъ Псалмы; вмѣсто памятника ставятъ колушекъ, или обгораживаютъ загородью.

При могилѣ помолятся Богу о покойникѣ съ колѣнопреклоненіемъ, и возвращаются въ домъ, изъ котораго вынесли покойника, гдѣ производятъ полное моленіе, съ девятью колѣнопреклоненіями и святымъ лобызаніемъ.

Послѣ моленія, партія, которой принадлежалъ покойникъ, дѣлаетъ обѣдъ, по окончаніи котораго споютъ Псаломъ, прочтутъ «Отче нашъ», и расходятся.

По кончинѣ душа представляется Богу, а по Божьему суду о дѣлахъ земныхъ и духовныхъ поступаетъ на вѣчное блаженство въ рай, или на вѣчное мученіе.

Поминаніе о усопшихъ слѣдующее:

Ежегодно обязаны справлять одинъ разъ поминки, состоящія въ томъ, что собираются народомъ, до вечера постятся, молятся, по произволу жертвуютъ въ столовую сумму, взаимно просятъ помолиться о упокоеніи душъ усопшихъ, и вечеромъ садятся за нарочито изготовленный поминальный обѣдъ.

Седмымъ днемъ считается Воскресеніе, какъ день, въ который воскресъ Христосъ Спаситель.

Этотъ день посвященъ отъ утра до полудня и отъ четвертаго часа до вечера чтенію Слова Божія, пѣнію и моленію.

Въ Воскресеніе и праздники ни какой работы не производится, даже и хлѣбъ печется на одинъ этотъ день, чтобы не оставалось его на слѣдующія сутки; между утреннимъ и вечернимъ моленіемъ занимаются учбою, т. е., по домамъ читаютъ Слово Божіе, учатся пѣть, списываютъ молитвы, повѣряютъ такія, читаютъ ихъ, исполняютъ церковное пѣніе чины, твердо ли знаютъ свое дѣло.

Въ праздники стараются не заниматься суетными помыслами и строго воспрещены всякія увеселенія, пѣсни, игры, смѣхи, празднословіе, пустословіе и шутки, по тому что все это названо Апостоломъ въ Посланіи «козлогласованіе».

Изъ числа чиновъ распорядитель занимаетъ должность деревенскаго старшины, а словесникъ и мысленникъ — его канди-

даты, прочіе же чины внѣ Богослуженія наряжаются на работы и несутъ всѣ деревенскія обязанности наравнѣ съ прочими своими единомышленниками.

Первоначально въ чины были поставлены Михаилъ Акинѳіевъ и Евстигней Яковлевъ, по ихъ же избранію. Въ послѣдствіи, для пополненія чиновъ, выбывающихъ по разнымъ случаямъ, каждый чинъ избираетъ себѣ помощника и представляетъ его своему судьѣ, который испытываетъ его; а на первомъ сходу соборной церкви чинъ объявляетъ во всеуслышаніе, что пріобрѣлъ такого-то себѣ въ помощники. Въ случаѣ отлучки, смерти, или удаленія чина, избранный помощникъ заступаетъ его мѣсто; когда же помощникъ окончательно заступитъ мѣсто своего чина, то объ этомъ извѣщаются всѣ соборныя церкви Общаго Упованія.

Буде же одинъ изъ чиновъ провинится, то онъ, по усмотрѣнію того же судьи, который его утвердилъ, вовсе лишается чина, или на время отставляется отъ своей должности.

Кромѣ чиновъ, поименованныхъ въ Уставѣ, существуютъ еще слѣдующіе чины домашней церкви:

1. Домашній или земной распорядитель, который начальствуетъ надъ всею партіею, и у него на сохраненіи все мужское верхнее платье и обувь, принадлежащія партіи.

2. Домашняя или земная распорядительница, которая распоряжается женщинами партіи.

3. Распорядительница надъ пищею, обязанная смотрѣть, чтобы хлѣбъ былъ хорошо испеченъ, пища хорошо сварена, и раздавать хлѣбъ и пищу, уравнивая ихъ.

4. Всеобщая распорядительница завѣдуетъ принадлежащимъ партіи всѣмъ бѣльемъ, холстомъ, нарядами, т. е., женскими сарафанами, платками, занавѣсками, холодниками и проч.

У всеобщей распорядительницы находятся совѣтницы, съ совѣта которыхъ она раздаетъ имѣющееся у нея на сохраненіи, въ уравненіе однихъ съ другими, перемѣняетъ бѣлье и платье, или жертвуетъ оными пріѣзжимъ гостямъ.

Всѣ этѣ чины имѣютъ своихъ помощниковъ и помощницъ.

Домашніе чины, равно и ихъ помощники, избираются своей партіею и утверждаются судьею съ прочими чинами своей соборной церкви.

Имѣнія, движимыя и недвижимыя, и доходы съ нихъ, принадлежатъ братскому общему союзу, по изравненію каждаго, не разбирая, кто, гдѣ, въ какой странѣ, или деревнѣ находится; личной же собственности, ни движимой, ни недвижимой, ни у кого нѣтъ.

Правила Упованія Общаго, не вошедшія въ Уставъ:

Правила послѣдователей Ученія Общаго передаются словесно и сохраняются въ памяти.

Общіе подраздѣляются на партіи.

Партіею называются всѣ жители одного дома.

Нѣтъ обряда для вступленія въ партію, и всякой, какого бы пола ни былъ, коль скоро онъ единомышленникъ общій, по взаимному согласію, вступаетъ въ партію, которыя собираются по желанію и разсмотрѣнію чиновъ.

Хотя и предпочитается, чтобы партіи состояли изъ кровныхъ родственниковъ, но къ этому не принуждаютъ.

Одинъ мужъ съ женою на всю жизнь неразлучны и, слѣдовательно, не могутъ находиться въ разныхъ партіяхъ.

Партіи не могутъ состоять изъ однихъ мужчинъ, или однѣхъ женщинъ, и должны составляться изъ обоихъ половъ.

Нѣтъ положенія, во сколько душъ быть партіи, а собираются, смотря на вмѣстительность избы.

Партіи обозначаются нумерами, то есть, 1-я партія, 2-я и такъ далѣе; нумера даютъ преимущество старшинства партіи, и перечисляются изъ низшихъ въ высшіе нумера, смотря по ихъ пріобрѣтенію въ общіе доходы. Нумера партіи ведутся при соборныхъ церквахъ, въ каждой деревнѣ, особенно.

Распорядитель партіи, болѣе пріобрѣтающій, повышается чиномъ, то есть, дѣлаютъ его главнымъ распорядителемъ нѣсколькихъ партій, и даже попечителемъ, то есть, начальникомъ всѣхъ партій одного села.

Если въ партіи окажутся упущенія, или нерадѣніе по работамъ и доходамъ, то распорядителю ея, по приговору церковнаго распорядителя, отказываютъ отъ святаго лобызанія; а если и за тѣмъ не исправится, то, по утвержденію своего судьи, этотъ распорядитель вовсе смѣняется съ должности, лишается своего чина, и на мѣсто его вступаетъ его помощникъ, который уже утверждается въ своемъ чинѣ.

Дома для жительства партіи строятся міромъ единомышленниковъ одной слободы.

Партія строитъ сама лѣтніе шалаши для своихъ братій и сестеръ, мужьямъ съ женами особые, холостымъ и вдовцамъ особые отъ дѣвушекъ и вдовицъ.

Дома же, скотъ, земледѣльческія орудія, телѣги, все домашнее хозяйство, земля, сады, огороды, мельницы, пчельники, кожевни, однимъ словомъ, все сельское хозяйство и промышленность, находящіяся въ распоряженіи партіи, принадлежатъ соборной церкви слободы, въ которой партія находится, и доходы съ этого всего имущества составляютъ общую сумму соборныхъ церквей.

Всякой вечеръ, послѣ ужина, если есть приказаніе и нарядъ отъ соборныхъ чиновъ, домашній распорядитель дѣлаетъ нарядъ по немъ, въ своей партіи, включая и самаго себя въ этотъ рабочій нарядъ.

Если отъ соборныхъ чиновъ не было приказанія на работу, то, по совѣщанію со своей партіей, домашній распорядитель назначаетъ каждому мужчинѣ домашнюю работу для слѣдующаго дня, а распорядительницы дѣлаютъ нарядъ женскому полу.

Чины соборныхъ церквей, равно и домашніе распорядители, обязаны заблаговременно пещись о работахъ, дабы народъ никогда не оставался празднымъ.

Соборныя церкви обозначаются и имѣютъ взаимное старшинство по нумерамъ, такъ: 1-я соборная церковь полагается выше 2-й и такъ далѣе; чины соборныхъ церквей пользуются каждый старшинствомъ своихъ соборныхъ церквей. Такъ: судья первой соборной церкви почитается выше судьи второй соборной церкви, и такъ далѣе; жертвенникъ первой соборной церкви выще жертвенника второй соборной церкви, и такъ соблюдается степенность всѣхъ соборныхъ церквей и каждаго изъ чиновъ ихъ.

Въ числѣ чиновъ соборной церкви полагается первая пѣвица всѣхъ соборныхъ церквей Упованія Общаго.

Денежныя суммы двухъ наименованій:

1. Общая сумма составляется изъ доходовъ имуществъ, порученныхъ партіямъ: этою суммою отбываются подати, повинности и сельскіе расходы.

2. Столовая или жертвенная сумма составляется пожертвованіями, и расходуется, какъ прежде пояснено.

Общею суммою распоряжается и расходуетъ ее церковный распорядитель, по совѣту судьи съ прочими чинами.

Столовая же сумма расходуется жертвенникомъ, съ совѣта церковнаго распорядителя и судейскаго помощника, а за его отсутствіемъ, съ совѣта всѣхъ чиновъ ниже церковнаго распорядителя.

Этѣ обѣ суммы находятся при соборныхъ церквахъ каждой слободы.

Общая сумма нигдѣ не записывается, и повѣряется чинами высшими церковнаго распорядителя.

Столовая сумма записывается въ особой книгѣ и повѣряется чинами, выше стоящими жертвенника.

Общее имущество состоитъ въ вѣдѣніи церковнаго распорядителя, и расходуется по тѣмъ же правиламъ, какъ и общая сумма; она отпускается въ партіи поголовно на число душъ по изравненію; этѣ раздачи производятся по Священному Писанію, какъ писано во второмъ къ Коринѳяномъ глава 8 стихи отъ 11 до

15, и въ кн. Моисея Исходъ глава 16 стихъ 16, гдѣ указывается «собирать манну всѣмъ народамъ, и потомъ раздавать гоморъ поглавно, по числу душъ». Такимъ образомъ распредѣляется по партіямъ скотъ, всѣ хозяйственныя потребности, одежда, обувь, и прочее.

Суммы и имущество общественныя не могутъ расхищаться; всякой имѣетъ въ виду писанное Дѣяній въ главѣ 5 стихъ 1—5: «Нѣкто именемъ Ананія, съ женою своею Сапфирою, продалъ имѣніе, утаилъ нѣсколько изъ цѣны, съ вѣдома и жены своей, а нѣкоторую часть принесъ и положилъ къ ногамъ Апостоловъ. Но Петръ сказалъ: Ананія! Для чего ты допустилъ сатанѣ вложить въ сердце твое мысль, обмануть Духа Святаго, и утаить часть изъ помѣстья? Ты солгалъ не человѣкамъ, но Богу. Услышавъ слова сіи, Ананія палъ бездыханенъ.»

Родители Упованія Общаго обязаны отдавать своихъ дѣтей обоего пола, достигшихъ семилѣтняго возраста, въ школы, заведенныя при соборныхъ церквахъ, что и исполняютъ съ великою охотою.

Въ школахъ обучаются, оба пола вмѣстѣ, читать и писать грамотѣ гражданской, счету, пѣть Псалмы, пріучаться къ судамъ, разборамъ, примиренію, обрядамъ Богослуженія, молиться, кланяться, имѣть святое лобызаніе, раскаиваться въ грѣхахъ, и всѣмъ обязанностямъ, возлагаемымъ этѣмъ Упованіемъ.

Въ школахъ дѣтямъ назначаются школьные чины, подобные существующимъ въ соборныхъ церквахъ.

Дѣти не живутъ въ школахъ, а въ зимнее время посѣщаютъ ихъ съ утра до обѣда, и послѣ обѣда до вечера.

Въ лѣтнее же время дѣти на работахъ, и ихъ собираютъ лишь по праздникамъ повторять выученное въ истекшія зимы.

Выпускаются изъ школы дѣти, достигшія двѣнадцатилѣтняго возраста.

Учатъ дѣтей чины соборныхъ церквей: членъ, тайникъ, мысленникъ и пѣвцы.

Книга и бумага, потребныя для школъ, покупаются на общественную сумму.

Послѣдователямъ Упованія Общаго запрещается употреблять въ пищу всякое животное, у котораго копыто не раздвоено, подноготи не дѣлятся, не отрыгающее жвачку, не зарѣзанное, или подстрѣленное такъ, что кровь не сошла, свинина, всякая рыба, не имѣющая чешуи, лукъ, чеснокъ, водка, вино, всякіе хмѣльные напитки, пища съ хмѣлемъ, съ рыбьимъ клеемъ, сахаръ, по тому что очищается костью и кровью и скрѣпляется клеемъ; наконецъ воспрещается употребленіе табаку.

У Общихъ слѣдующіе праздники:

1. Всѣ воскресные дни, 2. Рождество Христово, 3. Богоявленіе Господне, 4. Благовѣщеніе, 5. Вербное Воскресенье, 6. Свѣтлое Христово Воскресеніе со всею недѣлью Пасхи, 7. Вознесеніе Господне, 8. Троицѣ три дня, 9. Петровъ день, 10. Ильинъ день.

По понятіямъ послѣдователей этого ученія:

Богъ безъ начала и конца, всеблагъ, всемилосердъ и всемогущъ, все создавшій и всѣмъ управляющій. Всѣ люди и всѣ творенія въ его владычествѣ.

Троица въ Богѣ и Богъ въ Троицѣ Троица состоитъ изъ Отца и Сына и Святаго Духа; въ трехъ лицахъ едина суть нераздѣльна.

Угодники и Святые суть: Ветхозавѣтные Пророки, Апостолы, ученики Господни, значащіеся въ Священномъ Писаніи, Святые Угодники и Мученики.

Священныя книги, имѣющіяся у нихъ, заключаются въ Библіи церковной печати, и переводы Евангелія и Псалмовъ, изданія Библейскаго Общества.

Общіе не входятъ ни въ какія сужденія объ другихъ Вѣроисповѣданіяхъ, равно и о толкахъ, и поясняютъ свое понятіе вѣротерпимости, приводя въ примѣръ, относительно осужденія другихъ Упованій, приказаніе Михаила Акинѳіева Попова, слѣдовать тому ученію, которое по сердцу, выражаясь, что «на базарѣ покупаютъ, что приглядится.»

По этому поводу Общіе не чуждаются ни какихъ Исповѣданій, и всякаго впускаютъ къ себѣ въ соборныя церкви во время богомоленія, не исключая самихъ Евреевъ и Татаръ Магометанъ.

У послѣдователей Ученія Общаго слѣдующія наказанія:

1. Отказываютъ отъ святаго лобызанія; 2) отказываютъ отъ дѣла, т. е., на время не допускаютъ исполнять обязанности своего чина; 3) арестуютъ, т. е., или понижаютъ въ чинѣ, или вовсе отказываютъ въ немъ.

Этѣ наказанія налагаются взрослымъ въ соборныхъ церквахъ и партіяхъ, а дѣтямъ въ школахъ.

Богослуженіе.

Въ партіяхъ, съ вечера наряженные въ дальнія поля, ставъ съ первыми пѣтухами, умоются, вкупѣ колѣно преклонятъ, въ слухъ прочтутъ «Отче нашъ» и другія молитвы, поцѣлуются и взявъ заготовленныя харчи, отправляются по назначенію.

Остальная партія, вставъ съ зарею и умывшись, собирается; вмѣстѣ ставъ въ кружекъ, если есть кому пѣть, споютъ Псаломъ смерти, или «Хвалите Господа вси языцы», потомъ: «Господи благослови! Во имя Отца! Отче нашъ!» съ колѣнопреклоненіемъ: «Усмири, Господи!» земной поклонъ, одинъ изъ короткихъ Псалмовъ съ колѣнопреклоненіемъ: «Къ Тебѣ, Господи, преклоняемъ колѣно, сотворшему небо и землю»; земной поклонъ; одинъ изъ Псалмовъ съ колѣнопреклоненіемъ: «Устрой, Господи, устрой землю Твою!» земной поклонъ; «Благослови насъ, «Господи, сіе утро и сіе время безъ грѣха сохранитися намъ!» Тутъ всѣ не находящіеся подъ наказаніемъ взаимно лобызаются, приговаривая другъ другу: «Здорово себѣ ночевали?»—«Слава Богу! Благословенъ Богъ нашъ!» и на расходъ прочтутъ молитву: «Возведохъ очи мои въ горы, отнюду же пріидетъ помощь моя!» Тогда домашній распорядитель скажетъ: «Простите!» и получивъ въ отвѣтъ: «Съ милостію Божіею!» примолвитъ: «Всякъ на свою работу!» и всѣ расходятся по сдѣланному наряду.

Въ лѣтнее время, на полевыхъ работахъ, предъ завтракомъ, всякой самъ себѣ вкратцѣ Богу помолится. Въ полдень же предъ обѣдомъ, равно и предъ ужиномъ, всѣ вблизи работающіе собираются и отправляютъ домашнюю церковь, т. е., Богу помолятся, какъ утромъ, исключая молитву: «Возведохъ очи мои», которую не читаютъ.

Послѣ ужина, предъ тѣмъ, чтобы лечь спать, исправляютъ четвертую суточную домашнюю церковь, подобно какъ предъ обѣдомъ.

Въ зимнее время днемъ исправляется домашняя церковь подобно какъ лѣтомъ, а ночью, вставъ въ полночь, партія справитъ домашнюю церковь, и уже до утра занимаются работами, при чтеніи Священнаго Писанія.

Для соборной церкви въ праздникъ всѣ партіи сходятся туда, гдѣ послѣ Богомолія предыдущаго праздника условились собраться.

Всякой при входѣ прочтетъ «Отче нашъ»! скажетъ: «Міръ дому сему»! поклонится и садится по порядку, т. е., судья на лавкѣ къ переднему углу, противъ стола; передъ нимъ на столѣ лежитъ Библія; рядомъ съ судьею, по правую его руку, его помощникъ, а вправо отъ этого помощника честные старики. Этѣмъ выраженіемъ обозначаются старики честнаго поведенія, всѣми уважаемые; за ними по лавкѣ народъ мужескаго пола; по лавкѣ вдоль стола, по лѣвую сторону судьи, садятся, по порядку, жертвенникъ, молитвенникъ, членъ, тайникъ, первый пѣвецъ, и далѣе его помощники по нумерамъ, а за ними женской полъ; на другой сторонѣ, вдоль стола, на поставленной скамейкѣ, по правую сторону судьи, садятся, по порядку, распорядитель, видитель, словесникъ, мысленникъ. Предъ первымъ пѣвцомъ, на скамейкѣ садится, лѣвымъ ухомъ къ судьѣ и лицемъ къ первому пѣвцу, вторый пѣвецъ, а вправо отъ него помощницы по нумерамъ; за этой скамьею ставится другая, на которой садится, тоже лѣвымъ ухомъ къ судьѣ, третій пѣвецъ съ своими помощницами. За скамейкою, на которой садятся распорядитель, видитель и другіе чины, ставятся скамьи, первая для помощниковъ чиновъ, а прочія для народа мужескаго пола, а

вправо отъ перилъ, на скамьи, поставленныя поперекъ, садится женскій полъ.

Всѣ чины, равно какъ народъ, собираются въ обыкновенномъ платьѣ по времени года.

Когда распорядитель замѣтитъ, что весь народъ сошелся, говоритъ потихоньку судьѣ: «Время къ свиданью пѣть!» Тогда судья, оборотясь къ члену, промолвитъ: «Пойте къ свиданію!» по этому приказанію членъ говоритъ: «Пойте!» Тогда судья встаетъ, и всѣ за нимъ, а словесникъ съ помощниками принимаютъ скамейки, пѣвцы же и за ними весь народъ поютъ, изъ 1-го Посланія Петрова глава 4 стихъ 7: «Всѣмъ кончина приближися;» а судья цѣлуется съ жертвенникомъ, а за тѣмъ и всѣ чины младшіе, подходя къ старшимъ, и весь народъ начинаютъ святое лобызаніе, которое производится слѣдующимъ образомъ: каждый дѣлаетъ поясной поклонъ, поцѣлуется, опять поклонъ, въ другой разъ поцѣлуй, и еще поклонъ.

Когда видитель усмотритъ, что всѣ присутствующіе и не подъ запрещеніемъ взаимно перелобызались, обратясь къ судьѣ, говоритъ: «Всѣ!» Тогда чины и всѣ присутствующіе дѣлаютъ общій поясной поклонъ. Подобные поклоны въ продолженіи молебствія повторяются послѣ пѣнія каждаго Псалма.

Послѣ общаго поклона судья, обратясь къ народу, вопрошаетъ утромъ: «Здорово ночевали?» послѣ обѣда: «Здорово дневали?» На это присутствующіе въ одинъ голосъ отвѣчаютъ: «Слава Богу! Благословенъ Богъ нашъ!»

Послѣ этого опять ставятъ скамейки, и всѣ присутствующіе садятся по своимъ мѣстамъ.

Судья начинаетъ въ слухъ читать изъ Библіи, или по своему собственному усмотрѣнію, или по запросу кого либо изъ присутствующихъ, на примѣръ: если кто либо изъ народа сдѣлаетъ вопросъ: «какъ душу свою спасти»? то судья, пріискавъ въ Библіи соотвѣтствующія наставленія, въ слухъ ихъ читаетъ, и растолковываетъ прочтенное.

Когда видитель усматриваетъ, что время молиться, или кто изъ присутствующихъ ему о томъ напомнитъ, то онъ на ухо го-

ворить распорядителю: «Время молиться!» а распорядитель передаетъ судьѣ на ухо: «Молиться просятъ!» Тогда судья, обратясь къ члену, въ слухъ приказываетъ: «Пойте къ моленію!» Членъ, взглядывая на пѣвцовъ, говоритъ: «Пойте!»

Въ это время Библія кладется посреди стола, а скамейки уносятся; отъ угла стола вдоль по лавкѣ, идущей къ двери, лицомъ къ срединѣ избы, становятся рядомъ молитвенникъ, судья и жертвенникъ; передъ ними стелется войлокъ, за которымъ, лицемъ къ жертвеннику, становится распорядитель, а между ними, лицемъ къ столу, видитель и словесникъ, мысленникъ становится сзади распорядителя, лицомъ къ столу; рядомъ съ словесникомъ распорядительскіе помощники, а съ мысленникомъ членные помощники, за видителемъ же и словесникомъ помощники прочихъ чиновъ, по старшинству сихъ послѣднихъ. На мѣстѣ, гдѣ сидѣла 1-я пѣвица, правымъ ухомъ къ столу, становится членъ, съ ними рядомъ тайникъ, а далѣе помѣстные пѣвцы, лицомъ къ столу. Противъ молитвенника и къ нему лицемъ становится первая пѣвица, имѣя своихъ помощницъ по правую и лѣвую руку; за нею вторая пѣвица со своими помощницами, а кругомъ ихъ всѣхъ пѣвцы женскаго пола, по достоинству голосовъ; со входа же избы становится мужескій полъ.

Покуда всѣ разстанавливаются, поется Псаломъ: «Господи, да не яростію твоею». Когда все готово, молитвенникъ въ слухъ спроситъ видителя: «Управились ли?» и когда получитъ въ отвѣтъ: «Управились», то словесникъ говоритъ: «Прошу помолиться Богу о заключенныхъ!» Судья, обратясь къ молитвеннику, говоритъ: «Молись!» и сей послѣдній говоритъ: «Братцы и сестрицы! бдитеся и молитеся, не впадите въ напасть, блюдитесь отъ мыслей неполезныхъ! Господи, благослови! Молитеся!» «Отче нашъ» съ тремя колѣнопреклоненіями. Тогда словесникъ, дѣлая земной поклонъ, говоритъ: «Спаси васъ, Господи, братцы и сестрицы, что помолились!» Послѣ этого, за всѣ общія собранія единомышленниковъ, молитвенникъ начинаетъ: «Господи, благослови! Во имя отца! Слава Отцу! Благослови насъ, Господь Богъ! Слава въ вышнихъ; Отче нашъ! Господи, Господи, Царю Боговъ!» и: «Нынѣ Господи, возглаголи всякому человѣку!» Эта молитва читается, стоя на колѣнахъ, и по окончаніи дѣлается земной поклонъ, послѣ

чего поется Псаломъ, по усмотрѣнію, съ колѣнопреклоненіемъ, по окончаніи котораго: «Благословенъ еси, Господи, Боже нашъ!» земной поклонъ, по усмотрѣнію, съ колѣнопреклоненіемъ: «Господи, Боже Небесный!» земной поклонъ; Псаломъ, по усмотрѣнію, съ колѣнопреклоненіемъ: «Сподоби насъ, Господи, стать во образѣ подобія Твоего!» земной поклонъ, Псаломъ съ колѣнопреклоненіемъ: «Усмири, Господи, избранныхъ своихъ!» земной поклонъ; Псаломъ съ колѣнопреклоненіемъ: «Къ Тебѣ, Господи, преклоняемъ колѣни наша, сотворивый небо и землю»; земной поклонъ; Псаломъ съ колѣнопреклоненіемъ: «Устрой, Господи, устрой землю Твою!» земной поклонъ съ колѣнопреклоненіемъ: «Благослови насъ, Господи»! земной поклонъ.

Послѣ этого моленія членъ заставляетъ пѣть Псалмы, по усмотрѣнію, соразмѣряя число ихъ съ присутствующими: если много народа, то поютъ большее число Псалмовъ; если же мало народа, то менѣе Псалмовъ.

По окончаніи Псалмовъ начинается святое лобызаніе между всѣми присутствующими.

Когда видитель въ слухѣ произнесетъ слово: «Всѣ», обозначающее, что весь народъ перелобызался, тогда молитвенникъ съ колѣнопреклоненіемъ прочтетъ: «И нынѣ, Господи, прославляемъ Тя и преклоняемъ колѣни наша, просимъ Тебе и молимъ, Господи, Боже нашъ!» земной поклонъ, споютъ Псаломъ, по усмотрѣнію, по окончаніи котораго поясной поклонъ; тогда молитвенникъ, кланяясь народу, произнесетъ: «Здорово себѣ бесѣдовали?» на что соборъ ему отвѣчаетъ: «Слава Богу! Благословенъ Богъ нашъ!» и молитвенникъ, прочитавъ на расходъ Псаломъ: «Возведохъ очи мои въ горы», или «Отче нашъ», съ поклономъ, говоритъ: «Простите»! и соборъ отвѣчаетъ: «Съ милостію Божіею». Тутъ распорядитель приказываетъ: «Праздно не ходить, учбою заниматься», а жертвенникъ отдаетъ приказаніе, чтобы просители не уходили. Послѣ этого народъ сближается въ кружокъ, споетъ Псаломъ: «Хвалимъ Тя, Господи», или изъ Апокалипсиса: «Убойтеся Бога, дадите славу Ему!» дѣлаютъ поясной поклонъ, послѣ котораго распорядитель говоритъ въ слухъ: «Свободны!» чѣмъ Богомоленіе и оканчивается.

Утреннее и вечернее Богомоленіе одинаковы, за исключеніемъ, что при первомъ девять колѣнопреклоненій, и это называется полное моленіе, а при второмъ четыре раза становятся на колѣна.

Пока народъ собирается къ праздничному моленію, желающіе кладутъ на столъ свои жертвоприношенія, состоящія изъ денегъ, нитокъ, холста и прочаго.

По окончаніи Богомоленія, церковный распорядитель назначаетъ партіямъ, когда и въ какое мѣсто собираться на слѣдующее Богомоленіе.

Соборная церковь собирается съ вечера, наканунѣ каждаго праздника, въ самой праздникъ съ утра до обѣда, и послѣ обѣда до вечера.

Въ лѣтнее время вечерняя служба короче, а зимою длиннѣе, такъ что и при свѣчкахъ продолжается.

НЕМОЛЯКИ.

О ПЕРВОНАЧАЛЬНОМЪ СЕКТАТОРѢ.

Немоляцкая секта проистекла отъ Казака Земли Войска Донскаго, **Гаврила Зимина**, жителя станицы Ѳедосѣевской. Зиминъ съ малолѣтства былъ Старообрядецъ, потомъ перешелъ въ Безпоповскую секту. Пребывая въ оной и изыскивая, по старопечатнымъ и письменнымъ книгамъ, разныя толкованія, началъ изъяснять совершенно неслыханное ученіе, которое хотя и основано на Священ. Писаніи, но таковой секты еще нигдѣ не было. За странныя его толкованія, тамошнее мѣстное Начальство, сочтя его Безпоповцемъ, въ 1837 году сослало въ Закавказскій Край, гдѣ и поселенъ былъ въ Шемахинской Губерніи. Послѣ того прибыли изъ Земли Войска Донскаго люди въ Тифлисъ, по своей надобности, и увидѣвшись съ Зиминымъ, получили отъ него наставленіе о Немоляцкой сектѣ, безъ которой, онъ утверждалъ, никто же не наслѣдуетъ Царствія Небеснаго. Почерпнувъ это назиданіе, упомянутые люди возвратились къ мѣсту жительства, и начали исповѣдывать эту секту, а между тѣмъ и другіе, которые также имѣли нѣсколько сокрытой привязанности къ оной, соединясь вмѣстѣ, распространили ее между другихъ, такъ что Правительство, увидя быстрое умноженіе, приняло мѣры: часть фанатиковъ выслало за Кавказъ, часть увѣщаніемъ вразумлены, а послѣднихъ оставили подъ подозрѣніемъ. Сказанный же Зиминъ довольно былъ старъ лѣтами, имѣлъ за Французскую войну Георгіевскій крестъ, который, при первоначальномъ надъ нимъ слѣдствіи за секту, самъ снялъ съ себя и отдалъ Начальству. Въ настоящее время его въ живыхъ нѣтъ.

О ЛИЦАХЪ, ВСТУПАЮЩИХЪ ВЪ ЭТУ СЕКТУ.

Вступаютъ въ эту секту и скорѣе склоняются болѣе Старообрядцы, которые пристрастны къ старымъ книгамъ, но и Православные совращались. Вѣрованіе свое считаютъ самымъ прямымъ и чистымъ, поставляя себя на верховной точкѣ избранія Божія, а прочихъ, не имѣющихъ таковаго ученія, признаютъ погибшимъ родомъ (какой бы кто вѣры ни былъ), не исключая самыхъ ревностныхъ пустынниковъ, или же тружениковъ.

О ГЛАВНОЙ ЦѢЛИ УЧЕНІЯ.

Немоляки вѣруютъ, что вѣкъ все одно что годъ съ четырьмя временами, а еще и недѣля образуетъ тоже вѣкъ, по слѣдующимъ понятіямъ: отъ сотворенія міра до Моисея Весна, именовался вѣкъ Праотеческій; отъ Моисея до Р. Х. Лѣто — Вѣкъ Отеческій; отъ Р. Х. до 1666 года Осень — вѣкъ Сыновній, а съ 1666 года Зима — вѣкъ Св. Духа. По недѣльному же счисленію заключаютъ въ слѣдующемъ: недѣля имѣетъ семь дней, начиная первый день съ Воскресенья, и по тому осьмой тоже день Воскресный; день считаютъ за тысящу лѣтъ, какъ писано есть: «тысяща лѣтъ яко день единъ», по чему и полагаютъ: когда кончилось 7 тыс. лѣтъ, то наступило уже общее Воскресенье. Исчисляя они такимъ образомъ время, утверждаютъ, что когда исполнилось послѣ Р. Х. 1,000 лѣтъ, которое время, по Апокалипсису, сатана былъ связанъ, то и отпалъ Римъ съ Западными Церквами отъ благочестія, т. е., въ полъ седьмой тысящи, подтверждая это изъ 90 Псалма, ст. 6: «отъ вещи, во тьмѣ преходящія, отъ сряща и бѣса полуденнаго» (разумѣя 500 лѣтъ или половину тысящи за полдня); потомъ далѣе въ 666 лѣтъ открылось нечестіе, беззаконіе и тьма невѣрія, или пріуготовительное царство Антихристово, заимствуя это число лѣтъ изъ Апокалипсиса, гдѣ писано: «иже имать умъ, да почтетъ число звѣрино; число бо человѣческо есть, и число его 666»; за тѣмъ $33^1/_2$ года знаменовало собственно царство Антихриста, а въ послѣдніе полгода (считая до полноты 7,200 лѣтъ) посланъ былъ Михаилъ

Архангелъ убить Антихриста съ единомышленниками духомъ устъ Божіихъ; съ того времени, т. е., съ 7 тысящи и 200 лѣтъ, основываясь на писаніи Іоанна Златоуста (каковая книга находится на Дону у тамошнихъ жителей): «устави урокъ жити человѣкомъ на земли 7 тыс. лѣтъ, да изберетъ въ тѣ лѣта Святыхъ, жившихъ по закону Божію, да тѣми исполнитъ чинъ Ангельскій, спадшій съ Небесъ», а 200 лѣтъ, какъ бы по особой милости Бога, добавлены, по слову премудраго Соломона, истолкованнаго въ книгѣ «Маргаритъ (тоже на Дону имѣющейся) для вѣрныхъ, т. е.: «даждь стрегущему виноградъ мой 200 серебренникъ, воньми о семъ по истинѣ 200 лѣтъ 8 вѣка»; толкуя «виноградъ»—вѣрніи люди, а «стрегущій»—истинное священство. Далѣе, будто уже истина совершенно погасла, вѣра скрылась, и какъ насталъ вѣкъ Св. Духа, то и осталась только одна надежда на спасеніе души, въ исполненіи тѣхъ предметовъ, кои приказано совершать въ духѣ, но ни чуть не плотію, или какими вещественными обрядами, и даже словесное (подразумѣвая, тѣлеснымъ языкомъ) служеніе Богу. Впечатлѣвъ въ себя то, что они уже существуютъ въ вѣкѣ Духа, долгомъ сочли каждый предметъ безъ исключенія въ Св. Писаніи обращать въ духовный смыслъ; наконецъ, до той степени дошли, что Іисуса Христа рождество во плоти, страданіе, смерть, воскресеніе и вознесеніе превратили въ духовный смыслъ, толкуя: Дѣва Марія есть благое дѣло, отъ котораго родилось слово Божіе, и оно есть Іисусъ Христосъ, Сынъ Божій; тѣлесное же пришествіе не проповѣдуютъ; а если и толкуютъ о тѣлесномъ пришествіи, то это относятъ въ томъ смыслѣ, что исполнялись тогда обряды и служеніе Богу плотію, которое, по наступленіи вѣка Духа, совершенно отложено и безполезно.

О ВЛАСТИ ДУХОВНОЙ И ХРАМАХЪ.

Духовныя власти, со времени окончанія 7 тыс. лѣтъ (по Немоляцкому толкованію), и церковное Богослуженіе въ наружныхъ обрядахъ прекратились, почему съ Діякона и до Патріярха считаютъ наравнѣ съ простолюдинами; но если таковые и дѣйствуютъ за тѣмъ въ лицѣ пастырей и наставниковъ, то уже не по прямому преемству, но владѣютъ будто похищеннымъ имѣніемъ, тѣмъ самымъ, которое, во времена благочестивыя, не до-

шедшимъ вѣка Духа, было въ рукахъ истинныхъ служителей Христіянской Церкви; по похищеніи же, яко бы осквернивъ все таковое, не разумѣвъ времени, содѣлали небогоугоднымъ и ко спасенію невозможнымъ. Церковь или храмы Православные признаютъ не что иное, какъ за простые дома, а таинства ея совершались въ угодность Богу будто только до 7 тыс. лѣтъ, приводя на сей предметъ изъ Св. Писанія: «Премудрость созда себѣ домъ, и утверди столповъ седьмь» (разумѣя это, что все утвержденіе седмью Вселенскими Соборами существовало въ надлежащей силѣ до окончанія 7 тыс. лѣтъ).

О ГОСУДАРѢ ИМПЕРАТОРѢ И ВЛАСТИ ГРАЖДАНСКОЙ.

Государя Императора и все Правительство съ гражданскими законами, хотя, по необходимости, уважаютъ, но въ самой сущности судятъ, что всѣ власти и учрежденія, какъ основанныя на незнаніи о временахъ вѣка, не могутъ быть дѣйствительными и правосудными, по чему и уклоняются отъ надлежащаго повиновенія. Будучи наполнены такимъ (противнымъ здравому разсудку) понятіемъ, Немоляки и присягу, выполненную на какой либо предметъ, отвергаютъ, въ особенности считая таковую не только безсильною, но даже и ничтожною, по тому болѣе, что при приводѣ къ присягѣ участвуетъ духовное лицо.

О ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБѢ.

Въ слѣдствіе двухъ вышеписанныхъ понятій, Немоляки, уклонясь внутреннимъ расположеніемъ духа отъ прямаго исполненія правилъ Православной Церкви и гражданскихъ законовъ, толкуютъ такъ: въ службу Государственную, какого бы она рода ни была, поступать хотя можно, но только при неизбѣжныхъ обстоятельствахъ, именно такихъ, если Правительство побудительными мѣрами къ тому опредѣлитъ; но ежели случилось бы имъ (Немолякамъ) стать противу непріятелей, съ оружіемъ въ рукахъ, то отнюдь не должно вооружаться, помня слова Евангельскія, Матѳ. гл. 26, стихъ 52: «Всѣ, поднявшіе мечь, мечемъ погибнутъ.» Христолюбивымъ же воинствомъ называютъ только тѣхъ, которые имѣютъ брань съ невѣрными, подразумѣвая подъ

сими последними всѣхъ тѣхъ, кои не вѣруютъ одинаково съ ними о временахъ раздѣленныхъ вѣковъ, и не вѣдаютъ о наступившемъ уже вѣкѣ Св. Духа.

О СВЯЩЕННОМЪ ПИСАНІИ.

Священное Писаніе, утверждаютъ Немоляки, должно быть все безъ исключенія понимаемо, въ особенности въ нынѣшнее время, въ духовномъ смыслѣ, основываясь на томъ, что писано есть: «отверзу уста Моя въ притчахъ»; по этому и говорятъ, что Богодухновенные мужи: Пророки и Апостолы, если и написали Ветхій и Новый Завѣтъ исторически, но сокрыто все въ притчахъ разумѣнія, въ доказательство чего обращаются съ пристрастіемъ (предпочтительнѣе нежели къ Евангелію) къ книгамъ прочихъ Святыхъ мужей, которые по Р. Х. написали множество разныхъ толкованій въ духовномъ разъясненіи. Главная цѣль, по Немоляцкой сектѣ, клонить мысль на то, что съ 1666 года (по Р. Х.) все видимое душеспасительное престало, указывая на 103 Псаломъ, гдѣ сказано: «Возсія солнце, и собрашася, и въ ложахъ своихъ лягутъ; изыдетъ человѣкъ на дѣло свое и на дѣланіе свое до вечера.» Толкуя: «Солнце» есть Христосъ; «возсія» на крестѣ (подразумѣвая на страдальцахъ за истинную Вѣру); въ «ложахъ легли» — Святые Отцы на седьми Вселенскихъ Соборахъ, а «человѣкъ» есть Священническій санъ; «вышелъ до вечера», т. е., только до 1666 года; да также Іоаннъ Златоустъ пишетъ въ повѣсти о послѣднихъ дняхъ: «Оскудѣютъ овцы отъ пищи, и не будетъ воловъ при яслѣхъ». «Овцы» суть истинные Христіяне, а «волы» — Священники; а равно и въ книгѣ: «Григоріево видѣніе»:* «Не будетъ ни дѣла, ни жатвы, ни оранія и ни какихъ тлѣнныхъ потребъ; седмерица пройде, не ста осмерица; будущій вѣкъ не тлѣненъ, не премѣненъ, но единакъ». Толкованіе: Подъ «дѣломъ» разумѣютъ поклоненіе иконамъ плотію, съ возложеніемъ крестнаго знаменія; «ни жатвы» означаетъ не будетъ конца сего свѣта; «ораніе» — служба церковная съ пѣніемъ и безкровною жертвою; «тлѣнныя потребы» — исповѣдь, причастіе Свят. Таинъ и церковные сосуды,

* Всѣ подобныя книги находятся въ землѣ Войска Донскаго у Старообрядцевъ, Безпоповцевъ и Немоляковъ.

а «седмерица — 7 тыс. лѣтъ, «осмерица» же — 8 тысяча, въ которой будто вѣчно ни какой перемѣны не послѣдуетъ; однимъ словомъ, гдѣ только въ Св. Писаніи говорится: «седмь дней, и седмьдесять лѣтъ, седмь свѣтильниковъ, седмь очесъ» и т п., все относятъ къ одному и тому же вышеписанному смыслу; въ случаѣ же, если кто либо не вполнѣ понимаетъ Немоляцкое толкованіе, или хладнокровно обращаетъ вниманіе на ихъ неосновательныя разсужденія, то, дабы болѣе убѣдить, пріискиваютъ такія статьи, которыя бы могли имѣть вліяніе на слушателей, т. е., берутъ текстъ изъ Св. Писанія, изъ Евангелія и другихъ книгъ, и называя таковыхъ слѣпцами, хромцами, прокаженными, и даже мертвыми, не пропущаютъ также, въ тонѣ угрозы, привести Притчу о 10 дѣвахъ, изъясняя такъ: мудрымъ дѣвамъ (относя это Немоляки къ себѣ) отворены двери Господомъ, а юродивымъ за то не отворены двери и сказано: «Отыдите отъ мене, не вѣмъ васъ, яко не познали время, дни и часа», и другія тому подобныя, и наконецъ даже триѵпостасное Божество превратили въ слѣдующее мудрованіе: Отецъ, по словамъ ихъ, означаетъ отеческое правило, бывшее до Р. X., Сынъ — сыновнее правило по Р. X. до 1666 года, а Св. Духъ — существующее правило на послѣднія нынѣшнія времена.

О МОЛИТВѢ.

Моленіе плотію и устами не совершаютъ, отъ чего и произошло названіе людей этой секты «Немоляки»; они толкуютъ, что молитву возсылать къ Богу должно не ту, которая написана въ книгахъ, но исходящую отъ собственныхъ чувствъ, произносимую духомъ ума, утверждаясь на томъ, что въ Евангеліи сказано: «Вниди въ клѣть твою, затвори двери твоя, и помолися въ тайнѣ»; «войтить въ клѣть», разсуждаютъ, должно умолкнуть; а «затворить дверь», затворить уста; а также: «истинные поклонницы поклоняются духомъ и истиною»; сверхъ того, основываются на изъясненіи въ книгѣ «Альфа и Омега»: «Овую быти молитву разумѣемъ, яже не престающе отъ души весь день и нощь, яже не въ протяженіи рукъ и предстояніи тѣлеси и языкомъ гласѣ зрящимъ видится, но во умномъ поученіи и ума дѣланія, Божіей памяти, прилежнымъ умиленіемъ видящимъ разумѣвается»,

и другія, тому подобныя, статьи подбирая къ своему разсужденію и наполняя разговоръ, въ случаѣ собесѣдованія съ другими, сколь возможно обширными доводами, дабы тѣмъ изумить слушателя, показывая, что онъ благовѣститъ новое высоко-духовное ученіе, не доступное не просвѣщенному духомъ уму, употребляя нерѣдко слѣдующія выраженія: «свѣтъ во тьмѣ свѣтится, и тьма его не объятъ», дабы тѣмъ болѣе убѣдить въ дѣйствительномъ наставленіи, чѣмъ самымъ и успѣваютъ недогадливыхъ завлекать въ свою ересь.

О КРЕСТѢ, НОСИМОМЪ НА СЕБѢ.

Крестъ, который носятъ Православные Христіяне на себѣ, Немоляки совершенно отвергаютъ, толкуя, что видимое, или вещественное — безполезно, особенно въ нынѣшнія уже времена или вѣкъ Духа.

О БРАКѢ.

Брачный союзъ заключается у Немоляковъ безъ всякихъ чиноположеній и молитвъ, а по одному только обоюдному согласію жениха съ невѣстою и родителей; другъ друга же, безъ явныхъ причинъ, нарушающихъ вѣрность супружества, оставлять не должны.

О КРЕЩЕНІИ.

Родившимся дѣтямъ даютъ имя, по общему обыкновенію у Русскихъ, въ 8 день (по Святцамъ); но крещеніе водою, говорятъ, только существовало до 7 тыс. лѣтъ, а теперь уже духомъ должно совершаться, по чему ни какихъ обрядовъ, вмѣсто онаго, не имѣютъ.

О ПОГРЕБЕНІИ.

Умершихъ погребаютъ безъ всякихъ пѣній и молитвословій, но сколь можно въ самомъ простѣйшемъ видѣ, толкуя, что это есть трупъ, земля, и въ землю идетъ, по этому все, совершаемое надъ умершими, отвергаютъ, и поминовенія объ нихъ ни какого не дѣлаютъ.

О ВТОРОМЪ ПРИШЕСТВІИ ХРИСТОВѢ И СУДНОМЪ ДНѢ.

Второе пришествіе Христово, Немоляки толкуютъ, уже было и которое будто они только узнали, по откровенію Божію, разумѣніемъ. Судный день не признаютъ, а говорятъ, что писано есть: «Отецъ даде судъ свой Сынови», а Сынъ есть слово, и слово судъ свой произвело уже въ свое время», т. е., до окончанія 7 тыс. лѣтъ; далѣе же ни какого пришествія Христова и суда его страшнаго не ожидаютъ.

О ПОСТАХЪ И ПРАЗДНИЧНЫХЪ ДНЯХЪ.

Святую Четыредесятницу и прочіе посты, а также и праздники отвергаютъ, и различія ни какимъ днямъ не полагаютъ, вкушаютъ пищу произвольную во всякое время, хотя бы и скоромную, толкуя, что посты и праздники есть одно только прознаменованіе вѣка, дабы изъ онаго тѣ люди, кои поступятъ въ Немоляцкую секту, извлекали одно разумѣніе, и тѣмъ болѣе утверждались въ познаніи временъ, прошедшихъ и настоящихъ.

О ПРИЗНАКѢ ПРИ СВИДАНІИ ДРУГЪ СЪ ДРУГОМЪ.

Если Немолякъ увидится съ подобнымъ себѣ, или пріидетъ «въ домъ, то на вопросъ хозяину: «Здоровъ ли?» отвѣчать долженъ Слава Богу!» но при свиданіи не съ единомышленникомъ (коего: признаютъ за еретика, невѣрнаго), на вопросъ отнюдь не должно отвѣчать: «Слава Богу!» а только просто «Здоровъ»: этотъ признакъ между Немоляками содержится въ тайнѣ.

О НИКОНѢ ПАТРІАРХѢ.

Всѣ исправленія, сдѣланныя въ церковныхъ книгахъ Никономъ Патріархомъ, Немоляки (согласно съ Старообрядцами) признаютъ первоначальнымъ предшествіемъ при окончаніи 7,000 лѣтъ, повреждевіемъ истины, и что Его Святѣйшество былъ предъуготовитель пути развращенія предъ наступленіемъ вѣка Духа, по которому пути почти всѣ Россійскіе народы нынѣ шествуютъ.

О СВЯТЫХЪ МОЩАХЪ.

Святыя мощи, явившіяся до 7 тыс. лѣтъ, Немоляками признаются дѣйствительными, но послѣ того всѣ таковыя отвергаютъ, толкуя, что съ начала вѣка Духа не только не должно быть сему, но и дѣйствительныя оставлены безъ всякихъ силъ чудодѣйствія Божія, поелику уже время плотское миновалось.

О ЛИЦАХЪ, ИМѢЮЩИХЪ ПЕРВЕНСТВО.

Немоляки, отвергши все видимое, вмѣстѣ съ тѣмъ и Священство, между собою старѣйшинъ по избранію не имѣютъ, кромѣ только уважаютъ болѣе тѣхъ, которые искусно каждый текстъ Св. Писанія объясняютъ духовно, клоня къ одной цѣли ихъ толка, и главная изъ всѣхъ добродѣтелей, по ихъ мнѣнію, есть та, дабы ревностно вѣровать о временахъ вѣка. Это понятіе признаютъ за верховное озареніе и Божественное вдохновеніе, говоря: это есть истинная душа у человѣка, а безъ таковаго понятія считаютъ каждаго бездушнымъ. Странное свое разсужденіе Немоляки съ восхищеніемъ истолковываютъ, утверждая, что оно происходитъ изъ источника духа Божія; это основываютъ на томъ, что когда Св. Духъ сошелъ на Апостоловъ, то всѣ они заговорили «странными глаголы, странными ученіи, странными повелѣніи», и приводятъ въ подкрѣпленіе своего толка, изъ книги Ефрема Сирина: «Всѣмъ бо, имущимъ благовѣдѣніе Божіе и разумъ, тогда разумно будетъ пришествіе мучителя, а имущимъ присно умъ въ вещехъ житія сего и любящимъ земная, не разумно се будетъ; аще и услышутъ слово, то не имутъ вѣры, но паче мерзитъ имъ глаголяй сіе».

И наконецъ, Немоляки разсуждаютъ, что все, изъясненное въ Св. Писаніи, относится до здѣшняго вѣка; о будущемъ же небесномъ и блаженствѣ праведныхъ, по исшествіи души изъ тѣла, толкуютъ, что никто познать не въ силахъ; ибо это есть непостижимость.

ПРОШЕНІЕ

КЪ МИНИСТРУ ЮСТИЦІИ Д. П. ТРОЩИНСКОМУ

ОТЪ ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРА КУТКИНА.

Генералъ-Маіоръ Ф. Т. Куткинъ, родомъ Сибирякъ, былъ Начальникомъ Тобольскаго Провіантскаго Депо. Съ нимъ главное Сибирское Начальство поступило съ неимовѣрною жестокостію. Генерала содержали подъ стражею, лишивъ сообщенія съ семействомъ. Имѣніе его, прежде начета, описали. Дочь его отъ слезъ ослѣпла, и самъ онъ умеръ около 1815 года, подъ стражею. Прилагаемая у сего жалоба Куткина Министру Юстиціи, Д. П. Трощинскому, ходила въ спискахъ по всей Россіи и Сибири. Такой списокъ достался мнѣ отъ одного современника Куткина. Когда дѣло его, при всѣхъ натяжкахъ, кончилось, то оказалось, что онъ подлежалъ взысканію 275 рублей (ассигнаціями), за неправильную выдачу прогонныхъ денегъ одному Коммиссіонеру. Генералъ Куткинъ похороненъ въ Тобольскѣ, на общемъ кладбищѣ, и на могильномъ его крестѣ изображено: «И прямизна тебя не спасла.»

Много подобныхъ жестокихъ примѣровъ было въ то время въ Сибири, особенно въ Иркутскѣ, какъ доказываетъ ходящая въ рукописяхъ тогдашняго времени записка. Михайло Михайловичъ Сперанскій въ 1819 году, облеченный въ званіе Генералъ-Губернатора всей Сибири, несъ отъ Престола два важныя порученія: а) прекратить неправды, вопіявшія въ странѣ безгласной; б) начертать учрежденіе для управленія столь отдаленнымъ краемъ. Онъ исполнилъ порученіе первое, какъ Ангелъ мира съ любовію, которая горевала о неправдѣ, радовалась о истинѣ, и второе, какъ мужъ государственный.

Совѣтникъ Семипалатинскаго Областнаго Правленія

Николай Абрамовъ.

13-го Іюня, 1864 года.
Семипалатинскъ.

Ваше Высокопревосходительство!

Во время кроткаго и милосердаго царствованія и посреди вѣку просвѣщеннаго лишился я чести, свободы и всѣхъ правъ человѣческихъ, безъ суда и приговору седьмой уже годъ страдаю я подъ стражею отъ представленій Сибирскаго Г. Генераль-Губернатора,[1] никогда и ни кѣмъ не разсмотрѣнныхъ. Въ теченія сего времени не нашли ни единой вины, но содержатъ подъ девятью штыками, какъ злостнаго убійцу, или возмутителя. Законы и правосудіе не могли оградить меня отъ страшныхъ сихъ угнетеній, и не потребовали отвѣтственности за посрамленіе меня предъ цѣлымъ обществомъ, за вверженіе недостойнымъ образомъ въ заточеніе, за воспрещеніе видѣть родъ человѣческій, и за пресѣченіе всѣхъ съ онымъ сношеній моихъ. Правительствующій Сенатъ, по дошедшемъ отъ меня жалобамъ, спросилъ было Сибирскаго Генераль-Губернатора, но сей отрекся отъ своихъ дѣйствій, увѣряя, что онъ не приводилъ въ исполненіе мѣры, предоставленной ему, взять меня подъ стражу. Втораго вопросу не послѣдовало. Кто же посягнулъ съ такимъ безчеловѣчіемъ на чинъ, въ Государствѣ уважаемый? Просьбы мои отосланы въ Слѣдственную Коммиссію, не имѣющую ни какого права требовать доказательствъ отъ того, кто ею непосредственно управлялъ; ибо я попалъ подъ судъ и наказаніе у лица, обнесшаго меня своими извѣтами. Право, до сего времени не существовавшее, употребилъ онъ во всей силѣ, по склонности сердца своего, со всѣми тѣми жестокостями, кои внушило ему его мщеніе. За жалобы мои, за 11 мѣсяцовъ прежде нежели даны мнѣ вопросные пункты, описалъ онъ мое имѣніе, для отвѣтовъ не велѣлъ давать дѣла, въ надеждѣ, что я запутаюсь неясностями; настоятельныя мои просьбы о томъ причелъ къ упорству, и вину сію облекъ въ тяжкія преступленія, кои, внеся въ Записку, представилъ къ Престолу въ Іюнѣ мѣсяцѣ, 1809 года. Сія Записка, по важности извѣтовъ, въ ней помѣщенныхъ, остается и донынѣ, какъ истинная и справедливая, хотя противу ее ни одного доказательства представить онъ не въ состояніи; но посредствомъ ея пріобрѣлъ онъ право мучить невиннаго, какъ пре-

---

[1] Н. Б. Пестеля.

ступника. Явленіе сіе въ родѣ своемъ единственное, каковаго еще не видала не только Сибирь, но и ни какая страна, законами управляемая. Незыблемое и ненарушимое благоденствіе народу устраивая Всемилостивѣйшій Монархъ нашъ изъяснилъ къ тому правила въ Манифестѣ своемъ 8-го Сентября, 1802 года; Великая Императрица въ Наказѣ своемъ предположила, что «Государственная вольность въ гражданинѣ есть спокойство духа, происходящее отъ мнѣнія, что всякъ изъ нихъ собственною наслаждается безопасностію, и чтобы люди имѣли сію вольность, надлежитъ быть закону такову, чтобъ одинъ гражданинъ не могъ бояться другаго, а боялись бы всѣ однихъ законовъ;» и потомъ второе правило: «Гражданина вольность тогда торжествуетъ, когда законы на преступниковъ выводятъ всякое наказаніе изъ особливаго каждому преступленію свойства, и не человѣкъ долженъ дѣлать насиліе человѣку, но собственно человѣкодѣйствіе.» Уклоняясь отъ исполненія сихъ правилъ, невозможно не показать и намѣреній его. Они состояли въ томъ, что, получивши власть управлять Сибирью, желалъ онъ пріобщить къ ней ужасы, показавши первый и неслыханный примѣръ жестокостей надъ Генералъ-Маіоромъ, и перемѣна Губернаторовъ, кои по родству, или душевной связи, были къ нему близки, [2] обнаружить могущество свое и навести страхъ на все, имѣющее здѣсь движеніе и дыханіе.

Сіе исполнилось; трепетъ объялъ гражданъ. Ссылка и заточеніе безъ суда стало дѣломъ возможнымъ, [3] и послѣ нѣсколькихъ таковыхъ плачевныхъ примѣровъ, не многіе осмѣлились уже жаловаться и убѣждать правосудіе обратить на себя взоръ свой. Слѣдственное дѣло, производимое здѣсь надо мною, подъ его не-

---

[2] Иркутскій Губернаторъ А. М. Корниловъ переведенъ въ Тобольскъ, а вмѣсто его Трескинъ, который былъ прежде помощникомъ Пестеля по Московскому Почтамту, потомъ Тобольскій Губернаторъ А. М. Корниловъ замѣненъ зятемъ Пестеля, фонъ Бринымъ. *Н. А.*

[3] Иркутскихъ купцовъ, за жалобу на Пестеля о притѣсненіяхъ, поданную Министру, которая была отослана къ Пестелю, одного брата Сибирякова сослали въ Нерчинскъ, другаго въ Жиганы, а Мыльникова въ Баргузинъ. Купецъ Киселевъ безъ вѣсти пропалъ. Это осталось загадкою. *Н. А.*

посредственнымъ руководствомъ, наконецъ, по сильному настоянію Его Превосходительства, Графа Михайла Богдановича, вытребовано было въ Петербургъ; но оно не прямо вошло въ Генералъ-Аудиторіатъ, а въ руки того, который былъ обвинителемъ, судьею и мстителемъ моимъ; продержавъ его у себя 7 мѣсяцевъ, для положенія мнѣнія своего на такое дѣло, по коему всѣ жалобы мои противъ него вопіяли, сообщилъ онъ объ немъ, 29 Марта, 1812 года, Г. Управляющему Министерствомъ, въ томъ содержаніи, что дѣла обо мнѣ приведены къ окончанію, и въ слѣдъ за тѣмъ имѣютъ быть доставлены къ нему. По чему и поставилъ онъ обязанностію, всеподданнѣйше донеся, испрашивать повелѣнія, препроводить означенныя дѣла прямо въ Аудиторіятъ на его разсмотрѣніе и рѣшеніе, подобно тому, какъ Высочайше предписано было поступить съ дѣломъ, производившимся въ Иркутской Уголовной Палатѣ, о бывшемъ Охотскомъ Портовомъ Начальникѣ Бухаринѣ. Бухаринъ вмѣстѣ съ дѣломъ отправленъ былъ въ Петербургъ, слѣдовательно, и обо мнѣ повелѣніе означало то же, да и самый порядокъ того требовалъ, чтобъ подсудимый, недовольный слѣдствіемъ и жалующійся на притѣсненія, могъ показать ихъ тамъ, куда перенесено дѣло сіе. На сообщеніе сіе Г. Генералъ-Губернаторъ заключилъ тѣмъ, что въ разсужденіи Генералъ-Маіора Куткина, отъ котораго всѣ нужные уже отвѣты отобраны, назначить мѣстопребываніе, по соизволенію Государя Императора, дабы, состоя въ пристойномъ надзорѣ, не могъ онъ, по своему обыкновенію къ завязчивости, запутывать дѣло недѣльными бумагами, единственно для продолженія онаго, и кончилъ, что удостоился получить Высочайшее повелѣніе, сообщить Генералъ-Аудитору, чтобъ дѣла мои, по полученіи немедленно разсмотря, рѣшить, а меня оставить въ настоящемъ положеніи въ Тобольскѣ.

Сіе сношеніе началось назначеніемъ мнѣ мѣстопребыванія и приличнаго надзора, а кончилось въ настоящемъ положеніи въ Тобольскѣ; настоящее положеніе есть стража, никого ко мнѣ не пропущающая, а пристойный надзоръ ничего сему подобнаго не опредѣляетъ; при исполненіи сего прибавился къ стражѣ гарнизонной надзоръ полицейской, а для облегченія, вдвое усугубить мое состояніе. Могъ ли Г. Генералъ-Губернаторъ волю Его

Императорскаго Величества смѣшивать съ своею? Сего имяннаго повелѣнія, по видимому, не представилъ онъ Правительствующему Сенату; тогда усмотрѣлось бы имъ (ибо порядокъ представлять его усмотрѣнію для всѣхъ вообще узаконенъ), что повелѣніе — состоять мнѣ въ пристойномъ надзорѣ, противорѣчитъ другому — оставить въ настоящемъ положеніи въ Тобольскѣ, то есть, подъ той же стражей, подъ которой мучатъ меня нѣсколько лѣтъ сряду, не объявляя и не обнаруживая ни одной вины. Г. Генералъ-Губернаторъ объявилъ обо мнѣ Высочайшее повелѣніе, не сообразивъ его съ тѣмъ, которое состоялось 8 Августа, 1801 года, въ коемъ священныя слова были таковы: — «предавая обвиняемаго дѣйстію закона, естьли я хочу, чтобъ преступленіе было обнаружено и получило должное возмездіе, то еще болѣе желаю, чтобъ невинность находила въ томъ же самомъ законѣ и судѣ всѣ средства къ своему оправданію.» Когда бы внесъ онъ списокъ съ другаго повелѣнія, 29 Марта, 1812 года, въ Правительствующій Сенатъ, то и усмотрѣлъ бы, что второе повелѣніе вышло въ отмѣну перваго, по чему и надлежало войти въ докладъ, которое изъ нихъ исполнить должно? Я пожаловался вновь на сію несправедливость, и тогда Г. Генералъ-Губернаторъ, 15 Ноября, 1812 года, отозвался къ Тобольскому Губернатору такимъ образомъ: что «подъ тѣмъ повелѣніемъ, кое сообщено имъ 29-го Марта къ Управляющему Военнымъ Министерствомъ, не иное что разумѣть должно, какъ то, что Г. Куткинъ оставленъ въ Тобольскѣ подъ присмотромъ, и что не можетъ онъ выѣзжать изъ города безъ особаго Высочайшаго повелѣнія.» При словахъ сего отзыва казалось сведется стража, приставленная ко мнѣ, но и тутъ послѣдовало противное. Правящій Комендантскую должность разрѣшилъ мнѣ, по болѣзни моей, пользоваться чистымъ воздухомъ внѣ дома; но Г. Генералъ-Губернаторъ, 22-го Апрѣля, 1813, далъ ему снова повелѣніе, что я пользуюсь тѣмъ въ противность даннаго караулу наставленія, и не получа совершенной свободы, вхожу въ многіе домы; то, во избѣжаніе могущей быть отвѣтственности, подтвердить караульному Офицеру неупустительно, помнить данное ему повелѣніе, о чемъ и увѣдомленъ я Полковникомъ Рыбаковскимъ письменно, которое представилъ въ Военное Министерство при моей жалобѣ.

Никогда бы не могло случиться таковыхъ чрезвычайностей, коими приводится въ ужасъ и содроганіе общество, между коимъ я дышу, естьли бъ жалобы мои разсматривались и принимались къ закону и волѣ Самодержца, коя въ Манифестѣ, сего 18 Маія, 1814 года, между прочимъ, изъяснена сими достопамятными словами: «чувство рабства незнаемо сердцу Россіянина.» Но я позналъ рабство сіе въ послѣдней степени, и не могъ призвать къ себѣ правосудіе, ни отъ Министерствъ: Военнаго, къ коему принадлежу по службѣ, ни отъ Полицейскаго, предъ коимъ отвѣчаетъ Губернаторъ, ни отъ Правительствующаго Сената, охраняющаго законы.

Невѣроятнымъ покажется, чтобъ поступки, толико необыкновенные, остались безъ вниманія, къ умноженію моихъ бѣдствій. Сіе случилось: въ Іюлѣ 1809 года принималъ на себя трудъ Г. Генералъ-Губернаторъ испытать чувства мои, грозя мнѣ стражею, подъ которою уже тогда я содержался, и хотя дано ему было таковое повелѣніе по извѣтамъ, имъ на меня сдѣланнымъ, однако жъ оно ограничивалось словами: «исполнить тогда, естьли найдетъ въ томъ необходимость.» Ея-то никогда онъ не могъ найти, невинность моя не давала ему на то права, кое присвоило къ себѣ одно его насиліе; потомъ таковыя жъ испытанія началъ дѣлать и шуринъ его, Тобольской Губернаторъ. Онъ узналъ, что Медики дали мнѣ совѣтъ усилившуюся болѣзнь мою въ груди отъ затворнической моей жизни лѣчить движеніемъ ѣзды верхомъ, или прогуливаясь на воздухѣ: ибо одно сіе средство осталось къ поддержанію моей жизни, по тому что лѣкарства слабое имѣютъ уже дѣйствіе на болѣзнь мою. Правящій Комендантскую должность зная, что повелѣніе обо мнѣ не относилось далѣе того, чтобъ не выѣзжать мнѣ только изъ городу, не препятствовалъ сначала моимъ выходамъ; но какъ сталъ я чувствовать нѣкоторое облегченіе и, посѣщая моихъ пріятелей, разсказывалъ и о томъ, тогда извѣстіе сіе дошло до свѣдѣнія Г. Губернатора, встревожило его и вновь возбудило вниманіе ко мнѣ; онъ, по родственной связи своей съ Г. Генералъ-Губернаторомъ, принялъ немедленно дѣятельныя мѣры воспретить средства, облегчающія болѣзнь мою, и велѣлъ возобновить данное наставленіе караульному Офицеру. Отъ чего и Г. Генералъ-Гу-

берматоръ отрекся, увѣряя Правительствующій Сенатъ, что онъ не приводилъ въ дѣйствіе содержанія меня подъ стражею. Откуда же возникло настановленіе, 9-го Іюля, 1809 года, имъ данное? Неужели не имѣетъ никто права спросить его о немъ, и не ужели позволятъ ему такимъ образомъ дѣйствовать надо мною по послѣдній день моей жизни, какъ будто страданія невиннаго не достойны вниманія и суть дѣйствія полезныя?

Степень угнетеній размѣрилась надо мною временемъ, и чѣмъ оно болѣе вдаль продолжалось, тѣмъ сильнѣе давало мнѣ чувствовать, что жестокость ихъ надо мною не возбранялась имъ, ни одинъ еще вопросъ не коснулся притѣснителей моихъ, и сія безопасность отвѣтственности послужила имъ увѣренностію, что они могутъ оскорблять и губить меня, не озираясь въ ту сторону, гдѣ бдитъ надъ всеобщимъ благомъ правосудіе.

Въ Высочайшихъ учрежденіяхъ для управленія Губерній и для дѣйствующей большой арміи, сказано; въ первомъ, въ 401 статьѣ: «Болѣе трехъ дней подъ стражею задержанный, исключая важныхъ преступленій, освобождается по первой жалобѣ, не мѣшкавъ ни часу.» Во второмъ, 2-й части въ 7 отдѣленіи, въ § 167: «Подъ стражею болѣе однихъ сутокъ должны только содержаться виновные въ уголовныхъ преступленіяхъ и люди, взятые по важнымъ подозрѣніямъ.» Въ Наказѣ Великія Екатерины въ 136 мъ пунктѣ. «Ежели законодательная власть мнитъ себя быти въ опасности по нѣкоторому тайному заговору противу Государства, или Государя, или по какому сношенію съ зарубежными недругами, то она можетъ на уреченное время дозволить власти, по законамъ исполняющей, подъ стражу брать подозрительныхъ гражданъ, которые ни для чего инаго теряютъ свою свободу на время, какъ только чтобы сохранить оную невредиму навсегда.» Въ 1-й части «Военныхъ процессовъ: «Когда по всѣмъ правиламъ натуральнымъ каждому причина ознаменуется, и къ оборонѣ своей и оправданію допущенъ бываетъ, въ чемъ никому запретить не можно, ниже не объявя причины, наказаніе учинить.» Въ Манифестахъ, 23 Іюля, 1811 года: «Во время слѣдствія подвергнувшійся оному удерживаетъ свое мѣсто.» Апрѣля 2-го 1801 года: «Въ благоустроенномъ Государствѣ всѣ преступленія должны быть объемлемы, судимы и наказуемы общею

силою закона, употребляя къ достиженію истины и открытію преступленій кроткія средства.» Равнымъ образомъ и Монаршая Воля, изъявляемая 8 Августа того жъ года, для всѣхъ подданныхъ безъ изъятія, и основанная на коренныхъ и непреложныхъ законахъ, служитъ единою невинностію. Слѣдуя высокому ея смыслу, надлежало дать мнѣ полное право и свободу оправдываться, не удаляя меня не только отъ Департамента Генералъ-Аудиторіатскаго, но и отъ мѣста, мною управляемаго, за которое требовалось у меня отчета, и не взводя новой вины о завязчивости моего характера; ибо сей вины нѣтъ еще въ реестрѣ уголовныхъ преступленій, и никто не дѣлался за нее узникомъ. Не смотря на всѣ сіи защищающія и благія узаконенія, я пострадалъ не менѣе, какъ бы жилъ среди страны, управляемой одними словами и хотѣніями, даже за завязчивость характера, по крайней мѣрѣ, потребны бы были доказательства на обвинительныя меня слова Г. Генералъ-Губернатора, въ чемъ именно состояла сія завязчивость, и какой видъ преступленія означала, чтобы, отнимая за нее свободу и силу именнаго Высочайшаго повелѣнія, я не воспользовался имъ, по тому что онъ вынесъ строгое 29 Марта, 1812 года, противорѣчащее первому, и подъ словомъ завязчивости засадилъ меня снова въ Сибирь подъ стражу, тогда какъ обо мнѣ уже третій годъ дѣло отослано въ С.-Петербургъ. Изъ опасенія, чтобъ чего не запуталъ, возпадобилось предать меня на страданіе и заточеніе — рекомендація слишкомъ невыгодная и для Департамента Генералъ-Аудиторіатскаго, которой, по мнѣнію Г. Губернатора, можетъ допустить подсудимаго запутывать дѣло, имъ разсматриваемое.

О должности Генералъ-Аудиторіата, Сентября 8-го, 1805 года, въ 7 пунктѣ изображено слѣдующее: «Естьли послѣдуетъ Высочайшій Указъ о преданіи суду кого либо изъ Генераловъ, или Полковниковъ, а при томъ Презуса и членовъ въ сей судъ Императорскаго Величества не будетъ назначено, то Генералъ-Аудиторіатъ, по сношенію съ Армейскими, или Флотскими, начальниками, избираетъ, на основаніи законовъ, Презуса и членовъ суда, и представляетъ оныхъ на Высочайшую конфирмацію.» Въ моемъ дѣлѣ напротивъ, весь выборъ принявъ на себя Г. Генералъ-Губернаторъ, сначала набралъ изъ статскихъ чиновъ, но, увидя мои противу возраженія, выбралъ изъ гарнизону военныхъ,

не отмѣняя прежнихъ, и всѣми ими управлялъ самъ не только въ Тобольскѣ, даже по пребываніи своемъ въ С.-Петербургѣ. Туда отсылался къ нему каждый случай на рѣшеніе, и промежутокъ до повелѣнія исполнялся одними моими страданіями. Какой же ожидать можно было справедливости отъ человѣка, принявшаго твердое намѣреніе погубить меня въ пользу своего могущества и благоденствія?

Ни одинъ еще преступникъ не понесъ на себѣ тысячу таковыхъ испытаній, какъ я! Чѣмъ болѣе измѣряю я благую волю Всемилостивѣйшаго Государя и священные законы, тѣмъ горестнѣе чувствую несчастный мой жребій. Тайный Совѣтникъ, получа довѣренность, могъ обратить въ ничто Генералъ-Маіора, заградить ему всѣ пути ко спасенію и опытомъ доказать, что надежда на правосудіе — мнимая защита невинности и безпорочности. Горестная и убійственная мысль для чести и благородства духа! Неужели въ 7-е лѣто моихъ страданій не могла ни какая власть, помимо Г. Генералъ-Губернатора, открыть вины моей, обвинить меня и силою законовъ наказать? Тогда бы я, потерявъ право свое, вошелъ въ число преступниковъ. И неужели однихъ словъ Г. Генералъ-Губернатора довольно на очерненіе меня? Когда бы сіе такъ было, то кто же въ состояніи былъ бы спастися отъ оклеветанія, и потомъ отъ мщенія, естьли бы сталъ жаловаться и отыскивать оправданія? Законы издаются для всеобщаго исполненія: такъ неужели Г. Генералъ-Губернаторъ и состоящіе въ его командѣ могли присвоить себѣ исключеніе? Что они имъ пользуются, то мы сильно чувствуемъ; но кому сіе полезно и какія удобно возродить слѣдствія таковое исключеніе? Ни одинъ изъ тѣхъ законовъ, кои внесены въ моей просьбѣ, не вошелъ въ мое дѣло и не послужилъ ко спасенію моему, даже и тогда, какъ я просилъ себѣ депутата и жаловался на жестокости Мѣстамъ Правительственнымъ. Естьли честный человѣкъ не стоитъ уваженія, то святость законоположеній, на коей основано народное благо, заслуживала его. «Человѣка не должно почитать виновнымъ прежде приговора судебнаго, и законы не могутъ лишать его защиты своей, прежде нежели доказано будетъ, что онъ нарушилъ оные; чего ради, какое право можетъ кому даться властно налагать наказаніе на гражданина, въ то время,

когда еще сомнительно, правъ ли онъ, или виноватъ?» Сіи слова безсмертной и великой Екатерины останутся вѣчно въ сердцахъ человѣческихъ. Мои несчастія, начавшись съ 23 Марта, 1807 года. продолжаясь неизмѣнно 6 лѣтъ и 7 мѣсяцовъ, встрѣтились наконецъ со Всемилостивѣйшимъ Манифестомъ, въ 30-й день Августа, сего года состоявшимся, здѣсь во 2-е число Октября полученнымъ. Въ немъ Монаршая милость изображена на всѣ сословія, составляющія Государство: тѣ, коихъ вѣрность и любовь къ Отечеству ознаменовались разными подвигами, вознаграждены по достоинству; тѣ же, кои, совратясь съ пути истиннаго и забывъ долгъ своей обязанности, пристали къ сторонѣ противной, Богу и людямъ ненавистной, врага злонамѣреннаго, приходившаго растерзать покой и тишину народную, прощены, и не только повелѣно возвратить имъ имущество ихъ, со пресѣченіемъ всѣхъ слѣдствій и притязаній, даже поставить въ то состояніе, въ которомъ находились прежде. Крайняя черта сего милосердія не есть ли убѣдительнѣйшее доказательство безпредѣльной любви и соболѣзнованія Великодушнаго Государя къ своимъ подданнымъ? Кто бы могъ себѣ вообразить, что, посреди сего радостнаго событія, которое извлекало, вмѣстѣ съ слезами, благодарныя всѣхъ чувства, я одинъ съ семействомъ моимъ отдаляюся на продолженіе страданій! Каждый мнилъ уже видѣть себя свободнымъ, и общій голосъ предрекалъ соединеніе свое съ человѣчествомъ; но тщетно: ожиданіе сего не исполнилось для меня, и воля Монаршая не сильна была отодвинуть тотъ вопросъ, которой наложила на жилище мое мощная рука Правителя. Г.-Губернаторъ, отворяя темницы, свобождалъ людей, попавшихся за вины ихъ; а невинный Генералъ, тѣснимый и заключенный имъ, не могъ получить свободы; оная отнята имъ; отъ него жъ и ожидать ее должно; ибо недовольно стало и самой воли Всемилостивѣйшаго нашего Государя на освобожденіе мое.

Сибирское царство, управляемое единымъ скипетромъ Самодержца Всероссійскаго, никогда не отдалялось отъ его власти и не исключалось отъ обязанности принимать его законы, или останавливать изліяніе щедротъ его. Опытъ надо мной показалъ ясно, что и Сибирскій Генералъ-Губернаторъ можетъ продолжать мои мученія, вопреки велѣнію Монарха, преселяющаго все-

народно и повсемѣрно священными своими словами дѣйствія оныхъ. Чтобы посягнуть на противный его милосердію поступокъ, надо быть сильной увѣренности, что никто не имѣетъ права сдѣлать ему вопроса, и жаловаться и буду столько же безъ успѣха, какъ и прежде; иначе опасно и помыслить безъ трепету о томъ пути, на которомъ поставлена имъ возможность всего: она доведена уже до той точки, далѣе которой некуда, кажется, простирать ея ходу; оскорблять частное лицо, на счетъ не уваженія къ Скипетру, есть дѣло, превышающее обязанности подданнаго, и не можетъ почесться неумышленнымъ. Итакъ свобода моя, выѣздъ изъ Сибири и познаніе дѣлъ ихъ приводитъ ихъ въ опасность, что засвидѣтельствуетъ найсильнѣйше нынѣшній ихъ поступокъ. Сіе было и есть единственною причиною скрывать меня отъ глазъ публики и принудить къ молчанію, заставивъ вытерпѣть, что казалось невѣроятнымъ.

Не ограничиваю я симъ преданнѣйшей просьбы къ Вашему Высокопревосходительству; ибо она не лично ко мнѣ относится, но къ Высочайшему Престолу, права коего сколь священны, столь и ненарушимы. Дозвольте мнѣ изъяснить о томъ уваженіи, какое имѣетъ здѣшній Г.-Губенаторъ къ Указамъ Правительствующаго Сената. Одинъ изъ нихъ, состоявшійся въ 14-е Іюня, 1812 года, о сохраненіи отъ разстройства и растраты имѣнія, оставшаго послѣ покойнаго моего брата, Статскаго Совѣтника Михайлы Куткина, состоящаго въ экономическихъ заведеніяхъ, не объявляло мнѣ Тобольское Губернское Правленіе слишкомъ годъ, о чемъ и жаловался я Г. Министру Юстиціи и 1-му Департаменту 2-й. Отъ 9-го Февраля, сего года, на имя Г. Генералъ-Губернатора, и отъ сего въ копіи, присланной въ Тобольскъ, заключалъ въ себѣ вопросъ: «дѣйствительно ли я содержусь подъ арестомъ, не могу въ управленіи экономическими заведеніями дѣйствовать?» на что велѣно было взять письменное отъ меня показаніе, не объявляется мнѣ и до сего времени. Такимъ образомъ давно уже освободили они себя отъ исполненія повелѣній Верховнаго Правительства. Начиная съ прошенія моего, отъ 7-го Марта, сего года, въ 1-й Департаментъ Правительствующаго Сената посланнаго, прошу Ваше Высокопревосходительство приказать представить къ себѣ въ спискахъ, равно и прежнихъ, поступившихъ изъ моего

заточенія какъ въ сей, такъ въ 4-й и 5-й Департаменты, и въ Министерство Юстиціи. Изъ содержанія ихъ изволите усмотрѣть, до какой степени угнетается судьба моя здѣсь, и сколь велико могущество Г. Генералъ-Губернатора, затворившаго мнѣ двери правосудія. Никто не могъ остановить руку его, карающую меня, какъ будто бы произволъ его заступилъ въ Сибири мѣсто законовъ. Жизнію отвѣтствую, что не сыщетъ онъ ни единаго слова къ оправданію своему въ тѣхъ жестокостяхъ, кои наноситъ мнѣ по сей день. Онъ будетъ ссылаться на Высочайшія личныя повелѣнія, но они выходили единственно по его представленіямъ, коимъ давалась полная вѣра, какъ чиновнику, облеченному въ званіе, сопряженное съ довѣренностію.

Министерство Военное, получая безпрерывно мои жалобы, знаетъ, безъ сомнѣнія, о состояніи дѣла моего въ Департаментѣ Генералъ-Аудиторіатскомъ: не естественно бы было въ два года послѣ Высочайшаго повелѣнія рѣшить сего немедленно и открыть по сію пору, правъ ли я, или виноватъ? Когда благоугодно будетъ Вашему Высокопревосходительству узнать о участи моей, то найсильнѣйше могу увѣрить, что невинность моя будетъ первымъ отзывомъ обо мнѣ, которой Ваше Высокопревосходительство получите, и оный послужитъ новымъ доказательствомъ, что не стали бы длить дѣло 7 лѣтъ, есили бы можно было въ чемъ нибудь обвинить меня, когда уже самые враги мои не нашлися въ возможности погубить меня: сіе лучше всего удостовѣряетъ, что я не преступникъ. Одна надежда, избавиться отъ меня прекращеніемъ дней моихъ отъ несносныхъ страданій, питаетъ ихъ, къ чему и прилагаются всевозможныя мѣры, хотя предварительныя наказанія ни какими законами въ свѣтѣ не полагаются на осужденныхъ. Горестно страдать за честность и безпорочность, а еще горестнѣе быть въ порабощеніи. Голосъ увѣряетъ, что Ваше Высокопревосходительство имѣете въ предметѣ одно потомство, увѣнчаніе имени своего безсмертіемъ. Мудрый и патріотическій Вашъ взоръ, брошенный на начальника Сибири, на нее и на времена, до сего бывшія, откроетъ Вашему Высокопревосходительству, что первый, оставя постъ свой, живетъ пять лѣтъ въ столицѣ, не для чего, какъ для отраженія стоновъ и воплей; сличеніе же временъ убѣдитъ, что не было до него ни жалобы,

ни дерзкихъ, ни ябедниковъ, какъ угодно ему нарицать вопіющихъ отсюда: ибо ни чья судьба не стѣснялась. Откуда же они взялись, когда не знала Сибирь до его прибытія жаловаться? и по чему число ихъ не уменьшается, при всѣхъ наказаніяхъ не возрастаетъ вшествіе со временемъ его управленія? Сколько бы сихъ несчастныхъ, отвергаемыхъ, подобнымъ симъ, несвойственнымъ имъ и ненавистнымъ именемъ, открылось предъ Правительствомъ, естьли бы оно признало за нужное обозрѣть край сей! Ссылка и заточеніе безъ суда заградили уста многихъ, а особливо безгласному народу, въ имѣніи и жизни зависящему отъ мѣстнаго начальства. На здѣшнія слѣдствія и судъ полагаться не возможно. Кто осмѣлится сказать истину, когда опредѣленіе, отрѣшеніе, награжденіе и наказаніе чиновъ зависитъ отъ воли единаго? Послѣ одного такого взгляда Вашего Высокопревосходительства можно съ увѣренностію заключить, что дѣла Сибирскія не останутся въ одинаковомъ положеніи. Великому духу Вашему и прозорливости предоставлено открыть путь къ правосудію и позволять къ ступенямъ его приближаться удрученнымъ бѣдствіемъ.... Будущее благосостояніе народовъ зависитъ отъ настоящаго времени, которое да осѣнитъ небесная вѣтвь правосудія, врученная Вамъ велѣніемъ нашего Монарха!

Мои упованія на правость Вашего сердца подкрѣпляютъ изнуренныя несчастіями духъ мой и составъ, къ разрушенію коихъ седьмой годъ прилагается неослабное стараніе. Оно теперь должно воспріять конецъ свой; поелику твердость и непоколебимость Вашего Высокопревосходительства въ соблюденіи священныхъ законовъ пребудетъ вѣрною надеждою для всѣхъ, пребывающихъ къ Вамъ и проч.

Генералъ-Маіоръ Куткинъ.

10 Октября, 1814 г.
Тобольскъ.

О ПОСТРОЙКѢ СЕНАТСКАГО ЗДАНІЯ ВЪ МОСКВѢ.

Вѣкъ Императрицы Екатерины II отличается, кромѣ блистательныхъ побѣдъ, полезныхъ Государственныхъ преобразованій, мудраго законодательства, еще и тѣмъ, что ни въ одно предшествовавшее царствованіе не воздвигнуто столько великолѣпно-громадныхъ зданій, и въ особенности въ обѣихъ столицахъ, какъ въ продолженіе ея царствованія. Вызванные свѣтлымъ умомъ Императрицы къ дѣятельности, геніальные зодчіе осуществляли на память потомству свои колоссальные проекты. Архитекторы, особенно прославившіеся въ эту эпоху, были слѣдующіе: Бажановъ, Казаковъ, Графъ Растрелли, Старовъ, Кокориновъ и Гварнини; каждый изъ нихъ оставилъ послѣ себя такіе памятники, которые займутъ почетное мѣсто на страницахъ лѣтописей изящныхъ искуствъ въ Россіи. Къ числу подобныхъ монументальныхъ памятниковъ можно отнести и домъ Правительствующаго Сената въ Москвѣ, выстроенный по проекту и подъ наблюденіемъ Архитектора Казакова. Это зданіе, отъ гранитнаго фундамента до карниза, поражаетъ и своею массивностью, и вѣковою прочностью. Къ сожалѣнію, матеріялы, относящіеся до постройки этого зданія, не вполнѣ дошли до насъ: причиною тому небрежность храненія ихъ и несчастная година 1812 года, уцѣлѣвшее же представляетъ намъ слѣдующее:

На пространствѣ, занимаемомъ нынѣ зданіемъ Правительствующаго Сената, до сооруженія его, въ прежнія времена находились разнаго рода строенія, въ числѣ коихъ были: домъ Князя

Трубецкаго въ четырехъ раздѣльныхъ строеніяхъ, конюшенный дворъ Чудова монастыря въ двухъ раздѣльныхъ строеніяхъ, церковь Косьмы и Даміана, церковь Святаго Петра Митрополита, сооруженная Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, и церковь Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы, бывшая при Симоновскомъ подворьѣ, которое простиралось до Никольскихъ Воротъ. Церкви и прочія строенія, можетъ быть, пришедшія въ ветхость отъ неподдержки, сломаны, и на мѣстѣ ихъ построенъ нынѣшній домъ для Сената, который прежде помѣщался въ особомъ отдѣленіи Потѣшнаго Дворца. Постройка его продолжалась 12 лѣтъ, съ 1776 по 1788 годъ, сначала до 25 Января, 1781 года, подъ надзоромъ Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника Измайлова и Кремлевской Экспедиціи, а потомъ съ 1781 года подъ надзоромъ Графа Захара Григорьевича Чернышева, такъ много способствовавшаго къ обновленію и украшенію Москвы, и Гражданскаго Губернатора Н. П. Архарова, которому и сданы тогда всѣ матеріялы. Построеніе происходило по фасаду и планамъ Архитектора Матвѣя Ѳедоровича Казакова[1] (Матер. для Стат. Моск., Гастева, стр. 75; Сенатскія доски и подлинное дѣло). Именной Указъ объ этой постройкѣ состоялся 1776 года, Іюня 9 дня (Гастева Матер. для Стат. Москвы, стр 74).

Чтобы дать понятіе о томъ, какъ производилась самая постройка, мы не лишнимъ сочли обозрѣть документы объ этомъ, хранящіеся въ Московскомъ Губернскомъ Архивѣ Старыхъ Дѣлъ. Къ сожалѣнію, этѣ оффиціяльныя данныя обнимаютъ собою не весь періодъ времени, въ продолженіе котораго происходила постройка зданія: они начинаются только съ 1782 года. Многія изъ нихъ такъ гнилы, что въ нихъ ничего не возможно разобрать, а другія, вѣроятно, утратились въ 1812 году, во время нашествія непріятелей. Изъ этѣхъ уцѣлѣвшихъ матеріяловъ мы и представляемъ здѣсь краткое извлеченіе о постройкѣ означеннаго зданія.

---

[1] Впрочемъ, смѣта постройкамъ подписана еще Архитекторомъ Бланкомъ, зодчимъ Московскаго Воспитательнаго Дома.

I. О фундаментѣ и вообще объ устройствѣ зданія съ внѣшней стороны.

Зданіе Сенатское построено трехъугольнымъ, длиною на 247 саженяхъ. Земли для фундамента, какъ видно изъ генеральной смѣты, представленной Архитекторами Казаковымъ и Бланкомъ,[2] нужно было вынуть 7762 сажени, и одна только эта предварительная работа оцѣнена въ той же смѣтѣ въ 15,524 рубля. Сверхъ фундамента долженъ былъ находиться одинъ «погребной» этажъ и поверхъ земли цоколь изъ дикаго камня, вышиною снаружи $2^1/_2$ аршина, сверхъ этого цоколя двѣ трети по длинѣ строенія предполагалось вывести изъ бѣлаго камня съ «погребными» окнами; этотъ второй цоколь долженъ быть вышиною $1^1/_4$ аршина (№ вязки 25). Изъ реестра же плановъ, приложеннаго при помянутой уже смѣтѣ Бланка и Казакова, видно, что «надъ погребами» предназначено построить первый этажъ, потомъ бельэтажъ и верхній этажъ (№ вязки 13). Въ основу или бутъ предполагалось положить въ первомъ ряду дикій штучный камень и потомъ настоящій бутовой, въ томъ числѣ долженъ былъ находиться и нетесаный дикій бутовой камень; матеріялы этѣ по устройству фундамента оцѣнены Архитекторами въ 143,753 руб. 30 копѣекъ.

Далѣе, на устройство зданія, какъ-то: на первый этажъ и потомъ бельэтажъ и верхній этажъ употреблялся кирпичъ большею частію 6 вершковаго размѣра, привозимый съ казенныхъ заводовъ, находившихся близъ Калужскихъ воротъ, и съ нѣкоторыхъ заводовъ частныхъ владѣльцевъ; по смѣтѣ кирпича назначено было поставить 21 милліонъ, на сумму 105,000 рублей.

На украшенія зданія съ внѣшней стороны, какъ-то: базы, капители, карнизы и проч., первоначально положено было употребить дикій Хорошевскій камень, но потомъ, по причинѣ возвышенія на него цѣнъ, Архитекторъ Казаковъ просилъ у Начальства позволенія замѣнить означенный камень бѣлымъ Мячковскимъ или Похорскимъ (вязк. 13). Изъ этого камня и назначено

---

[2] Смѣта эта помѣщена въ приложеніяхъ.

было сдѣлать «на первый случай» слѣдующее число капителей на колонны и пилястры.

Къ порталу:

4 Іоническія капители на пиластры, за каждую по 25 рублей.

4 Іоническія капители на колонны, за каждую по 50 рублей.

На углы и средніе порталы по фасамъ отъ Чудова монастыря и городовой стѣны:

8 капителей Коринѳскихъ на колонны, каждая по 20 рубл.

4 капители Коринѳскихъ на колонны, каждая по 40 рублей.

4 капители Коринѳскихъ подъ пилястрами, каждая по 35 рублей, и

4 «частoчки» капителей Коринѳскихъ въ углахъ надъ пилястриными уголками, каждая по 5 рублей (№ вязк. 42).

Бѣлый Мячковскій камень и употреблялся большею частію на постройку, при томъ слѣдующихъ размѣровъ: 1) длиною 2-хъ аршинъ и 7 вершковъ, шириною 1 аршина, 6 вершковъ, и толщиною 13 вершковъ, и 2) длиною 2 аршинъ, 7 вершковъ, шириною 1 аршина, 3 вершковъ, толщиною 5 вершковъ.

Зданіе предполагалось покрыть листовымъ желѣзомъ, котораго по смѣтѣ должно было употребить до 7945 пудовъ, полагая по четыре листа на каждый пудъ. Крышу эту назначено было сперва покрыть грунтомъ изъ масла, а потомъ два раза выкрасить.

II. О внутреннемъ устройствѣ Сенатскаго зданія.

Свѣдѣнія, извлеченныя нами изъ документовъ Губернскаго Архива Старыхъ Дѣлъ, о внутреннемъ устройствѣ зданія Сената вообще довольно скудны. Въ частности, впрочемъ, въ нихъ есть нѣсколько данныхъ объ устройствѣ оконъ и дверей, половъ и лѣстницъ въ зданіи Сената; есть указанія о назначеніи нѣкоторыхъ комнатъ для помѣщенія тѣхъ, или другихъ Присутственныхъ Мѣстъ; есть даже, но, къ сожалѣнію, весьма отрывочные матеріялы для описанія нѣкоторыхъ залъ.

а) Устройство дверей и оконъ.

1787 года, Апрѣля 16 дня, крестьяне Вологодскаго Намѣстничества Вельской Округи, Лобановъ и Поповъ, обязались изъ своего дубоваго лѣса сдѣлать разныя двери для комнатъ Сенатскаго зданія, навѣсить ихъ и потомъ выкрасить, «какою приказано будетъ краскою», по слѣдующимъ цѣнамъ, а именно: въ нижній этажъ глухія наружныя, къ которымъ прирѣзать большіе желѣзные замки, петли и задвижки на мѣдныхъ доскахъ, цѣною за каждую дверь по 30 рублей вмѣстѣ съ окраскою ихъ; въ нижнемъ же этажѣ, а также въ верхнемъ на чертаки и лѣстницы, малыя одинакія сосновыя двери съ желѣзными замками и петлями по 10 рублей; за ворота надъ порталомъ «дубовыя по заданному рисунку» 200 рублей, съ тѣмъ только, чтобы петли къ нимъ и скобки были казенныя; за сосновую перегородку съ дверями «въ кругломъ покоѣ верхняго этажа», за мѣдные замки къ нимъ, задвижки, петли, окраску и постановку на мѣсто 70 рублей. За переставку «изъ Архивъ» въ другія мѣста, «куда приказано будетъ», дверей, за каждую по одному рублю. Всѣ работы этѣ Лобановъ и Поповъ обязались окончить къ послѣднимъ числамъ Іюня того же 1787 года. Но лишь только они были кончены, какъ Императрица, въ этомъ же году посѣтивъ зданіе Сената, повелѣла снова въ назначенныхъ для присутствія комнатахъ сдѣлать другія двери и въ окнахъ рамы. Въ слѣдствіе сего Поповъ и Лобановъ 25 Іюля, 1787 года, заключили въ другой разъ условіе на постройку дверей, а также и рамъ оконныхъ. Они обязались сдѣлать везлѣ, «гдѣ будутъ принадлежать», дубовыя двери съ замками и задвижками по 20 рублей за каждую, и, «если потребно будетъ, глухія столярныя изъ сосноваго лѣса» съ колодами, наличниками и петлями, по 17 рублей за каждую же дверь. По условію они должны были кончить, какъ эту работу, такъ и работу рамъ въ окна, черезъ три мѣсяца. Рамы этѣ договорились Лобановъ и Поповъ во 2 этажѣ, «сверхъ погребовъ», сдѣлать дубовыя створчатыя, по одной въ каждое окно съ желѣзными задвижками на мѣдныхъ доскахъ, съ винтами, колѣнчатыми навѣсками и мѣднымъ кольцомъ или костылемъ, по 4 р. 80 коп. за каждую раму; за такую же цѣну взялись сдѣлать они рамы въ

4 этажѣ, но цѣна рамы въ 3 этажѣ была значительно выше, именно 6 р. 50 коп. (№ вязк. 260).

б) устройство половъ и лѣстницы.

28-го Февраля, 1787 года, крестьне Владимірскаго Намѣстничества и той же округи, Ляпинъ и Кашеваровъ, заключили условіе, которымъ обязались выстлать въ Кремлевскомъ для присутственныхъ мѣстъ зданіи, въ погребахъ и нижнемъ этажѣ, изъ всѣхъ казенныхъ матеріяловъ полы кирпичною трехвершковою плитою, «притирая оные въ покояхъ нижняго этажа и приправляя къ шеблону, а въ коррйдорахъ онаго и погребахъ безъ приправки». Работу эту Ляпинъ и Кашеваровъ договорились производить «тонкими швами на извести въ соку», и покончить ее къ 15 числу Августа мѣсяца того же года. За выстилку тѣхъ половъ за каждыя 1000 плитокъ, «съ притиркою къ шеблону», согласились взять по 3 р. 50 коп. (№ 260). На выстилку же всѣхъ половъ, какъ видно изъ смѣты Казакова и Бланка, съ подсыпкою песку, потребно было 4800 рублей (№ 13).

На торги для поставки лещадей, устройства ступень на лѣстницахъ въ зданіи Сената, а также площадокъ на нихъ, явились 1 Мая, 1782 года, Государственные крестьяне Данила Елисеевъ, Осипъ Бажановъ и Иванъ Пакшинъ. Производить означенныя работы обязывались они на слѣдующихъ условіяхъ: поставить чистой лещади на ступени, шириною 9 вершковъ, толщиною отъ 5 до 10 четвертей, за каждую погонную сажень по 12 рублей, а «если чистотою противъ дикаго цоколя», то за каждую же погонную сажень по 10 рублей. За выстилку площадки длиною и шириною отъ 5 до 10 четвертей мелкой наковки «съ двухконечными кіюрами», за каждую квадратную сажень по 36 рублей, а «если противъ цоколя», то за квадратную сажень по 32 рубля. Сверхъ того, соглашались взять за поставку въ зимнее время большихъ Хорошевскихъ «штукъ» съ подъемомъ во 2 этажъ и «съ положеніемъ тамъ въ дѣло» длиною и шириною 2 аршина, толщиною 3 четверти, за каждую «штуку» по 60 рублей, а длиною $3^1/_2$ аршина, шириною 5 четвертей, толщиною 3 четвертей, за каждую «штуку» по 70 рублей. За тѣмъ, 15 Іюня этого же года, тѣ же крестьяне, Елисеевъ, Бажановъ и Пакшинъ, заключили съ

Московскимъ Губернаторомъ Архаровымъ договоръ, по силѣ котораго должны были къ Сентябрю 1784 года поставить ступени во всю ширину лѣстницы мелкой наковки, шириною 9 вершковъ, толщиною отъ $3^1/_2$ до 4 вершковъ, 679 сажень, цѣною по 10 рублей за сажень, на каждую площадку по 4 «штуки» плитъ, всего 90 сажень, по 30 рублей за сажень. Подобный же договоръ заключили съ Архаровымъ на поставку камня и выстилку ступеней Государственные крестьне Калитинъ и Филиповъ. Тѣ и другіе подрядчики представили за себя поручителей. Въ задатокъ первымъ дано 3533 р. 84 коп., а вторымъ 2352 р. 64 коп. Въ Октябрѣ 1785 года Елисеевъ съ товарищами окончили устройство принятой ими на себя части лѣстницъ въ зданіи Сената, и получили всѣ слѣдующія имъ деньги. Калитинъ же и Филиповъ, сдѣлавъ означенной работы на 4829 р. $46^1/_4$ к., передали за тѣмъ всю остальную, для окончанія, Елисееву и Пакшину, въ чемъ и заключили съ ними полюбовный договоръ въ Декабрѣ 1785 года. Послѣдніе вскорѣ кончили и эту работу, употребивъ на нее 160 погонныхъ сажень дикаго Хорошевскаго камня на ступеньки внутри лѣстницы и 19 на площадки (№ 11).

Изъ договора, заключеннаго въ 1787 году, съ крестьянами Лобановымъ и Поповымъ, по которому обязались они устроить двери и рамы въ зданіи Сената, видно также, что, кромѣ сего, они приняли на себя и устройство дубовыхъ «поручней» къ лѣстницамъ, и окраску этихъ «поручней» подъ красное дерево (№ 260).

в) О НАЗНАЧЕНІИ НѢКОТОРЫХЪ ЗАЛЪ НОВОПОСТРОЕННАГО ЗДАНІЯ ДЛЯ ПОМѢЩЕНІЯ ПРИСУТСТВЕННЫХЪ МѢСТЪ.

Присутственныя мѣста, въ помѣщеніи которыхъ въ зданіи Сената предстояла немедленная надобность, были слѣдующія: Вотчинный Департаментъ съ Архивомъ и Межевая Канцелярія съ ея Чертежной и Архивами. Это видно изъ рапорта Архитектора Казакова Московскому Генералъ-Губернатору Еропкину, отъ 16 Апрѣля, 1787 года. Вотъ содержаніе этого документа: «Присланнымъ отъ Вашего Высокопревосходительства ко мнѣ ордеромъ предписано, чтобы я, при строеніи въ Кремлѣ дома для Присутственныхъ Мѣстъ, по Высочайшему повелѣнію, сходственно мнѣнію

Вашего Высокопревосходительства, всевозможное употребилъ стараніе о скорѣйшемъ пріуготовленіи покоевъ и галерей къ помѣщенію въ оныя Вотчиннаго Департамента съ Архивомъ и Межевой Канцеляріи съ ея Чертежною и Архивомъ же, на что симъ имѣю честь донести, что успѣхъ окончанія помянутому строенію и производимыхъ въономъ разныхъ подѣлокъ происходилъ доселѣ соразмѣрно отпускаемой на сіе суммы. А какъ часть того строенія по волѣ Вашего Высокопревосходительства должно кончить нынѣшнимъ лѣтомъ, то я между прочими распоряженіями въ работахъ подрядилъ и столяровъ», и проч. (№ 260).

Въ смѣтѣ Казакова и Бланка говорится объ устройствѣ мѣстъ «для приказныхъ служителей по присланной модели». Каждое мѣсто должно было быть «со столомъ, дверью, петлями, съ замками, съ зеленымъ сукномъ, также съ крашеньемъ и со всѣми къ тому принадлежащими матеріялами». Мѣстъ этѣхъ предполагалось построитъ 450, по 12 рублей за каждое съ матеріяломъ и работою, всего на сумму 5,400 рублей.

г) О НѢКОТОРЫХЪ ЗАЛАХЪ СЕНАТА.

Относительно постройки отдѣльныхъ залъ зданія Сената, свѣдѣнія въ документахъ Губернскаго Архива Старыхъ Дѣлъ чрезвычайно неполны и отрывочны: такъ нѣкоторыхъ залъ встрѣчаются одни только названія, о другихъ сказано не болѣе двухъ-трехъ словъ. На пр., Еропкинъ въ ордерѣ, отъ 13 Іюля, 1787 года, надсмотрщику за работами Пасынкову упоминаетъ о двухъ большихъ залахъ, изъ которыхъ одну называетъ «овальной» (№ 260).

Гораздо болѣе подробностей въ дѣлахъ Губернскаго Архива находится о большой круглой залѣ, предназначавшейся для Дворянскихъ собраній. Такъ, изъ этѣхъ документовъ видно, что зала эта имѣла въ діаметрѣ 11 сажень, въ вышину 13-ть сажень. На устройство внутри залы ниша употреблялся бѣлый Мячковскій камень, мѣрою въ длину 1 аршинъ, въ ширину 8 вершковъ, а толщиною 6 вершковъ. Для поддержанія свода и каменныхъ брандмауеровъ первоначально предположено было поставить 8 колоннъ изъ дикаго камня, но потомъ, по причинѣ дороговизны этого камня и «чрезвычайной рѣдкости отысканія его потребной

величйны», Архитекторъ просилъ, чтобы дозволено было, или колонны тѣ сдѣлать изъ Мячковскаго, или Похорскаго, камня, а сводъ надъ сими и стропила подъ желѣзную крышку деревянныя, или совсѣмъ не дѣлать внутри колоннъ, а устроить прямо на стѣнѣ деревянный куполъ (№ вязк. 13). Къ счастію, послѣднее предположеніе не состоялось, и залу устроили, согласно съ прежнимъ проектомъ, съ каменнымъ обширнымъ куполомъ и постановкою вокругъ стѣнъ колоннъ. Далѣе видно, что въ 1787 году Каргопольскому крестьянину Ивану Пакшину было выдано 50 рублей за обрубку въ этомъ залѣ «подъ колоннами дикаго камня для выпуску, чтобы способнѣе выстилать лещадью» (№ 404). Для нагрѣванія этого зала предположено было построить подъ нимъ печи. Это видно изъ ордера Главнокомандовавшаго тогда въ Москвѣ Еропкина, отъ 19 Октября, 1787 года, о выдачѣ 375 р. 94 к. Московскому купцу Ярцеву, за поставленныя имъ «въ нагрѣвальныя подъ большой залъ печи чугунныя плиты, вѣсомъ 469 пуд. 37 фунт.» (№ 404).

Первоначальнымъ назначеніемъ этой залы было служить мѣстомъ для Дворянскихъ собраній. Это особенно ясно видно изъ рапорта Архитектора Казакова Князю Прозоровскому. Въ рапортѣ этомъ Казаковъ, донося о протапливаніи печей въ Кремлевскомъ домѣ для просушиванія стѣнъ, говоритъ, что, «въ этомъ домѣ для собранія Дворянства построенъ большой залъ съ внутреннимъ лѣтнимъ украшеніемъ, стоющимъ знатной суммы, въ которомъ, по силѣ Высочайшаго о Губерніяхъ Учрежденія, 1788 года въ Декабрѣ мѣсяцѣ имѣло собраніе и выборъ судей Дворянство Московской Губерніи» (№ 700, стр. 42).[3] Въ этотъ разъ,

---

[3] Содержаніе этого рапорта слѣдующее: «Въ Кремлевскомъ домѣ для собранія Дворянства построенъ большой залъ со внутреннимъ лѣтнимъ украшеніемъ, стоющимъ знатной суммы, въ которомъ, по силѣ Высочайшаго о Губерніяхъ Учрежденія, прошлаго 1788 года въ Декабрѣ мѣсяцѣ Московской Губерніи Дворянство имѣло собраніе и выборъ судей. А тогда на тотъ только случай помянутый залъ былъ топленъ, да для просушки стѣнъ въ лѣтнее время окны и двери были растворяемы. Но за всею предосторожностію и понынѣ еще не вся вышла изъ стѣнъ сырость; то, для лучшей просушки означеннаго зала и одной галереи, необходимо нужнымъ нахожу протапливать печи; о чемъ долгомъ своимъ поставляю Вашему Сіятельству симъ покорнѣйше

на случай выборовъ, перенесенъ былъ изъ Кремлевскаго Дворца большой бархатный балдахинъ и поставленъ подъ портретомъ Ея Величества, а по окончаніи выборовъ опять разобранъ (№ 700, стр. 85).

Сооруженіе этого великолѣпнаго памятника мудраго царствованія Великой Государыни, какъ можно съ достовѣрностію предположить, очень занимало Ея Величество. Въ 1787 году, 1 Іюля, Государыня сама посѣтила «строеніе въ Кремлѣ зданія для Присутственныхъ Мѣстъ», какъ то видно изъ рапорта Казакова Еропкину, отъ 25 Іюля того же года. Осмотрѣвъ все зданіе, Императрица тогда же «изустно» приказала Казакову «сдѣлать въ назначенныхъ для присутствія комнатахъ (кромѣ Архива) въ окнахъ другія рамы и двери, какъ мы уже выше сказали объ этомъ (№ 260). А за тѣмъ, въ концѣ 1787 года, вѣроятно, въ слѣдствіе особаго повелѣнія Ея Величества, Казаковъ, вмѣстѣ съ помощникомъ своимъ Селеховымъ, отправлялся въ С.-Петербургъ, для донесенія Государынѣ» объ успѣхѣ работъ (№ 404).

Постройка Сенатскаго зданія стоила по тогдашнему значительныхъ суммъ. Денегъ, исчисленныхъ Казаковымъ и Бланкомъ, въ поданной ими генеральной смѣтѣ построекъ, именно 653,545 р. 73½ коп., оказалось недостаточно, какъ то видно изъ рапорта Казакова Главнокомандовавшему въ Москвѣ, Петру Дмитріевичу Еропкину. Въ рапортѣ этомъ, 1786 года, Іюля 20, Казаковъ говоритъ, что хотя первоначально въ смѣтѣ и ассигновано было на строеніе Кремлевскаго дома 653,545 руб. 73½ коп., но потомъ именнымъ Указомъ, 1786 года, 13 Февраля, по случаю возвышенія цѣнности матеріяловъ и работъ, на сдѣланіе шкафовъ, желѣзныхъ дверей и проч., повелѣно отпустить еще 105,850 рублей изъ Московскаго Казначейства въ 3 года, съ чѣмъ всей суммы

представить, съ тѣмъ, дабы благоволили приказать помянутую залу и галерею топить, а для оныхъ, также и караульни, купить потребное количество дровъ, къ тому же нанять истопниковъ, и о всемъ ономъ покорнѣйше вспрашиваю Вашего Сіятельства повелѣнія».

На это отапливаніе разрѣшеніе послѣдовало отъ Князя Прозоровскаго тогда же.

Въ настоящее время этѣ печи уничтожены.

составилось 759,395 р. 73½ коп. Изъ этѣхъ денегъ въ расходѣ по 3 число Іюля, 1786 года, было 653,118 р. 94¾ коп., да въ Экспедиціи Кремлевскаго строенія (отъ которой это строеніе сначала производимо было) оставлено для разсчетовъ по договорамъ за кирпичъ и поставленные матеріялы 1214 р. 95¼ к. За тѣмъ у Казначей на лицо оставалось въ приходѣ 54,088 р. 51 коп.; къ этой суммѣ въ будущихъ годахъ на отстройку принять слѣдовало 55,850 рублей. Строеніе въ это время было уже приведено вчернѣ къ окончанію и покрыто желѣзомъ (№ 108).

Зданіе Сената вообще въ главныхъ частяхъ окончено было, какъ видно изъ имѣющихся на немъ досокъ, въ 1787 году. На устройство этѣхъ досокъ Казаковъ, 19 Сентября, 1790 года, заключилъ «съ мастеромъ мраморнаго дѣла, человѣкомъ Цесарской націи», Иваномъ Осиповымъ Лиме, условіе, по которому послѣдній обязался изготовить двѣ доски овальной формы изъ крѣпкаго Серпуховскаго камня, длиною въ 3 аршина, 2 вершка, шириною 1½ аршина, съ тѣмъ, чтобы на этѣхъ доскахъ вырѣзать надписи: на 1-й, что этотъ домъ построенъ повелѣніемъ Императрицы, при чемъ упомянуть всю здравствовавшую Императорскую фамилію, на 2-й изобразить имена особъ, имѣвшихъ надъ построеніемъ дома наблюденіе. Все это Лиме договорился сдѣлать за 300 рублей (№ вязк. 700, стр. 40).

Вообще можно сказать, что эта постройка производилась сколько изящнымъ, столько же и прочнымъ образомъ. Такъ всѣ наружныя украшенія, огромные карнизы высѣчены по отличнымъ рисункамъ, или изъ бѣлаго Мячковскаго камня, или Хорошевскаго дикаго. Весьма жаль, что по проекту скульптурныя работы зданія не вполнѣ окончены, на примѣръ, не высѣчены статуи, которыя должны были украшать главный порталь зданія, а также предполагавшіяся въ нишахъ главнаго входа и большой круглой залѣ, кои внесены въ смѣту и для которыхъ даже заподряжены были камни.[1]

---

[1] Г. Старшій Архитекторъ Московской Дворцовой Конторы, Е. Д. Тюринъ, дополняетъ разсказъ о постройкѣ Сенатскаго дома тѣмъ, во 1, что, по сообщаемымъ имъ свѣдѣніямъ, скульптурныя украшенія въ залѣ производили два

Къ этому не лишнимъ считаемъ присовокупить: въ 179 № «Русскаго Инвалида» за 1860 годъ помѣщена была статья Г. Профессора Лебедева, основанная на произведенныхъ имъ изысканіяхъ въ Государственномъ Архивѣ и мѣстномъ осмотрѣ Сенатскаго дома, и въ особенности большой круглой залы, находящейся въ этомъ зданіи. Къ сожалѣнію, при всемъ нашемъ уваженіи къ ученымъ трудамъ и полезнымъ изысканіямъ Г. Профессора, имѣющимъ свою научную и любопытную сторону, мы не можемъ согласиться съ его историческимъ изслѣдованіемъ о Сенатскомъ домѣ. На примѣръ, онъ смѣшиваетъ постройку Сената съ предполагавшеюся постройкою монументальнаго Дворца въ Кремлѣ, модель котораго сохраняется въ Оружейной Палатѣ, и полагаетъ, что Сенатское зданіе есть отдѣленіе этого Дворца, или, такъ сказать, начало онаго, что положительно невѣрно. То были два совершенно разнородныя зданія, сооруженіе коихъ производилось независимо одно отъ другаго, что видно изъ слѣдующаго: 1) постройка Дворца начата по планамъ и фасадамъ Архитектора Баженова, а Сенатскаго зданія Архитектора Казакова; 2) закладка Дворца произведена въ 1773 году и въ другой мѣстности Кремля, а Сената въ 1776 году: это доказывается надписью на плитахъ зданія; 3) подлинное производство о постройкѣ зданія Сената хранится не въ Государственномъ Архивѣ въ С.-Петербургѣ, но въ Губернскомъ Архивѣ Старыхъ Дѣлъ въ Москвѣ, а планы, за подписью Архитектора Казакова, въ Архивѣ Дворцовой Конторы; 4) по смѣтамъ постройка Дворца должна была обойтись въ 30,000,000 (какъ сказано въ статьѣ Г. Лебедева), Сенатскаго же зданія въ 653,545 рублей, и наконецъ 5) никогда круглая большая зала не предназначалась къ пребыванію Императрицы, но для Дворянскаго собранія; а за всѣмъ тѣмъ ни въ какомъ случаѣ не могло уже быть въ оной собранія депутатовъ къ составленію Новаго Уложенія, которое происходило въ 1767 году, а Сенатское зданіе только окончено въ 1787 году.

извѣстные художника, Юстъ и Таненбергъ; во 2, что столярную работу по всему зданію, тамъ, гдѣ требовалось въ ней особенное искуство, производилъ также извѣстный мастеръ того времени, Витманъ.

ОБЩІЙ ВЗГЛЯДЪ НА ВЕЛИКОЛѢПНУЮ КРУГЛУЮ ЗАЛУ СЕНАТСКАГО ЗДАНІЯ.

Поражая громадностью и великолѣпіемъ, Сенатское зданіе невольно поселяетъ въ каждомъ удивленіе къ генію зодчаго. Въ особенности же этотъ геній проявился въ устройствѣ огромной круглой залы, мастерскаго произведенія вкуса и изящности: это великолѣпнѣйшая изъ залъ, какія только гдѣ либо можно видѣть. Она поражаетъ и идеей ея выполненія, и гигантскими размѣрами, и тройнымъ въ ней свѣтомъ, и пропорціональной наконецъ соразмѣрностью частей, изъ коихъ одна другую не подавляетъ, не выказывается въ ущербъ прочихъ, но все вмѣстѣ взятое составляетъ чудную гармонію и производитъ поразительный эффектъ. Въ особенности въ ней изумительна смѣлость устройства обширнаго круглаго свода. Далѣе тянутся вокругъ стѣны массивныя колонны и пилястры, украшенныя изящными капителями и великолѣпнымъ карнизомъ; надъ нимъ вокругъ залы устроена галерея, подъ коею въ среднемъ ярусѣ ротонды выше оконъ помѣщены барельефы числомъ 18, фигуры коихъ величиною въ аршинъ; ближе къ куполу находятся также барельефныя поясныя изображенія Великихъ Князей и Государей Россійскихъ, числомъ 48. Г. Профессоръ Военной Академіи Лебедевъ, занимавшійся въ этомъ Архивѣ два года и снявшій фотографически первые 18 барельефовъ, отзывается объ нихъ слѣдующимъ образомъ: «Они, т. е., барельефы, поразительны изяществомъ, полнотою, отчетливостію фигуръ, рѣдкимъ искуствомъ въ ихъ размѣщеніи и такою выразительностію, при которой нѣтъ надобности въ изъясненіяхъ. Въ каждомъ отдѣльномъ барельефѣ всего прежде легко увидѣть Екатерину. Она, въ видѣ Минервы, является всюду, какъ геній добра, и все спѣшитъ къ ней на встрѣчу, или все занято ею, отъ того въ барельефахъ есть жизнь, видно движеніе, каждая фигура проникнута единствомъ мысли, барельефомъ выражаемой, а не поставлена для симметріи, или для дополненія угловъ, какъ это дѣлается въ большей части новѣйшихъ барельефовъ. Это живая исторія славнѣйшихъ годовъ царствованія Великой Монархини, гордившейся своимъ народомъ.»

Подъ барельефами находятся надписи, обозначающія главную мысль, зрителю же легко угадывать содержаніе.[5] Вообще можно сказать, что ротонда эта, представляя портреты всѣхъ Россійскихъ Государей, изображаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ царствованіе Екатерины II, что, вмѣстѣ взятое, носитъ отпечатокъ глубокой мысли, художественной отдѣлки и обличаетъ искусную руку, чертившую рисунки для украшеній, которые выполнены отчетливымъ образомъ до мельчайшихъ подробностей. Независимо отъ сего, судя по конструкціи свода, амбразурамъ въ окнахъ, можно со всею вѣроятностію считать и акустическое достоинство залы превосходнымъ.[6] Словомъ, это изящное произведеніе иску-

---

[5] Русск. Инвалид. 1860 г. № 179.

Барельефы этѣ относятся до слѣдующихъ событій царствованія Императрицы Екатерины II:

1. «Своею опасностію другихъ спасаетъ» — на прививаніе оспы.
2. «Пустыню претворяетъ въ грады» — вызовъ изъ за границы и поселеніе колонистовъ.
3. «Восходитъ и живитъ» — общее оживленіе Россіи и развитіе силъ ея.
4. «И Сѣверъ художество раждаетъ» — процвѣтаніе художествъ.
5. «Не дань, но законы пріемлетъ» — желаніе жить по сердцу народа.
6. «И вы подобно подвизайтесь» — награда воинской доблести.
7. «Распространяетъ и обогащаетъ» — развитіе торговли.
8. «Желаніе Россіи» — благословеніе за сдѣланное добро.
9. «Великому великая» — на открытіе памятника Петру I-му.
10. «Вездѣ свѣтитъ» — на учрежденіе училищъ.
11. «Облегченную еще облегчаетъ» — на прекращеніе семилѣтней войны.
12. «Погибавшихъ сохраняетъ» — на учрежденіе Воспитательнаго Дома.
13. «Достойнымъ достойное» — поощреніе доблести.
14. «Плоды побѣдъ» — апотеоза всего сдѣланнаго для Россіи.
15. «Открытая преграда погашаетъ зависть» — на истребленіе Турецкаго флота при Чесмѣ и открытіе для всѣхъ Чернаго моря.
16. «Отторгнутое присоединяетъ» — на присоединеніе Черноморскаго прибрежья.
17. «Назираетъ и украшаетъ» — на украшеніе Русскихъ городовъ замѣчательными постройками.
18. «До вѣчности» — на преданіе славныхъ дѣяній Россіи позднѣйшему потомству.

[6] Доказательствомъ тому можетъ служить одна изъ небольшихъ залъ Архива Министерства Юстиціи, имѣющая такой превосходный акустическій резонансъ, что сказанныя тихо слова посрединѣ залы весьма громко раздаются около стѣнъ.

ства безъ преувеличенія можно назвать Русскимъ пантеономъ. Здѣсь кстати полагаемъ помѣстить довольно правдоподобный анекдотъ, сохранившійся въ преданіяхъ объ этомъ памятникѣ. Когда куполъ залы совершенно былъ оконченъ, то предстояла надобность вынимать огромныя кружалы, подмостки и подставки свода, но на эту работу не было охотниковъ; большая часть рабочихъ полагали, что сводъ, лишенный подпоръ, не устоитъ, а по тому никому не хотѣлось при этомъ поплатиться жизнію, или увѣчьемъ. Геніальный зодчій, увѣренный въ прочности постройки, чтобы успокоить малодушныхъ, вызвался стоять на верху свода во все продолженіе вынутія подставокъ и кружалъ, что и сдѣлано имъ; при чемъ онъ стоялъ не смирно, но дѣлалъ разные прыжки и притопыванія, чтобы выказать полную увѣренность и въ прочности работы, и безопасности своего положенія.[7]

Куполъ этой залы, вѣнчая великолѣпное зданіе Сенатскаго дома, массивно высится надъ Кремлевскою стѣною и составляетъ изящный видъ со стороны Красной площади; въ особенности удачно заканчивается онъ поставленнымъ на верху его граненымъ столбомъ съ надписью «Законъ», увѣнчаннымъ короною, что выражаетъ эмблему непоколебимаго правосудія. Впрочемъ, до 1812 года, здѣсь стоялъ Московскій гербъ, т. е., Святый Георгій на конѣ, изваянный изъ цинка и вызолозенный. Но преимущественно зодчій сосредоточилъ чудный видъ на зданіе съ параднаго двора, въ который ведутъ обширныя ворота, замыкаемыя четырехсторонникомъ, противъ котораго возвышается однимъ полукругомъ изящная ротонда залы. Она обставлена колоннами, поддерживающими обширный съ разными украшеніями карнизъ, надъ которымъ второй рядъ оконъ проливаетъ сверху на внутренность залы обильный свѣтъ, и на нихъ уже покоится куполъ, опоясанный легкимъ карнизомъ. Внизу этой колонады устроенъ парадный входъ въ залу. Этотъ изящный входъ, освѣщенный двумя окнами, тѣмъ въ особенности замѣчателенъ, что на маломъ про-

---

[7] Въ Архивѣ Московской Дворцовой Конторы по Отдѣленію чертежному сохраняется огромная книга плановъ и чертежей Сенатскаго зданія, въ томъ числѣ чертежи и для большой круглой залы, составленные и подписанные Архитекторомъ Казаковымъ. Прилагаемый при настоящей статьѣ планъ большой круглой залы и заимствованъ нами изъ помянутой книги.

странствѣ, подъ легкими сводами, талантъ зодчаго нашелъ возможнымъ соорудить самую покойную лѣстницу съ гранитными ступенями.

По обѣимъ сторонамъ вышеозначенныхъ воротъ, на двухъ каменныхъ овальныхъ плитахъ, начертаны слѣдующія надписи.

На 1-й доскѣ:

«Повелѣніемъ Благочестивѣйшія, Самодержавнѣйшія, Великія Государыни Императрицы, Екатерины Алексѣевны, Самодержицы Всероссійскія, начато сіе зданіе для помѣщенія Правительствующаго Сената, Государственнаго Архива, Казначействъ и для Собранія Московскаго Дворянства, въ 1776, а окончено въ 1787 году, царствованія Ея въ двадесять пятое лѣто, при наслѣдникѣ Ея, Благовѣрномъ Государѣ Цесаревичѣ Великомъ Князѣ, Павлѣ Петровичѣ, и супругѣ его, Благовѣрной Государынѣ, Великой Княгинѣ, Маріѣ Ѳеодоровнѣ, и при чадѣхъ ихъ, Благовѣрныхъ Великихъ Князѣхъ, Александрѣ Павловичѣ, Константинѣ Павловичѣ, и Благовѣрныхъ Государыняхъ, Великихъ Княгиняхъ, Александрѣ Павловнѣ, Еленѣ Павловнѣ и Маріѣ Павловнѣ.»

На 2-й доскѣ:

«А продолжалось подъ дирекціями, сначала Его Превосходительства Михаила Михаиловича Измайлова, потомъ бывшихъ въ Москвѣ Главнокомандующихъ, Его Сіятельства Графа Захара Григорьевича Чернышева, и при немъ бывшаго Губернатора, Николая Петровича Архарова, Его Сіятельства Графа Якова Александровича Брюса, Его Превосходительства Петра Дмитріевича Еропкина. А окончилось и осталось подъ дирекціею Его Сіятельства Князя Александра Александровича Прозоровскаго. Оное строеніе производилъ Архитекторъ Матвѣй Казаковъ.»

Къ крайнему сожалѣнію, въ послѣднее время, первоначальное назначеніе круглой большой залы быть мѣстомъ собранія Россійскаго благороднаго Дворянства, измѣнилось, и она теперь, съ 1819 года, заставлена полковыми дѣлами Инспекторскаго Департамента Военнаго Министерства, которыя тянутся на полкахъ шкафовъ, утвержденныхъ около стѣнъ, едва не до верха; подлѣ коихъ отъ

средины залы идетъ винтовая деревянная лѣстница, устроенная въ томъ же году, для помѣщенія и снятія дѣлъ съ полокъ. Сначала лѣстница эта простиралась только до средняго карниза залы, но потомъ, именно въ 1857 году, она доведена почти до самаго верха. По срединѣ же ротонды устроена вновь высокая деревянная башня, для постановки шкафовъ съ бумагами. А чрезъ такое помѣщеніе зала эта, утративъ свой великолѣпный видъ, наводитъ самое грустное впечатлѣніе. Изящные орнаменты и другія украшенія, изображенія Великихъ Князей и Государей Россійскихъ, заставлены отчасти шкафами, а нѣкоторые и отбиты,[8] для того, чтобы шкафы плотнѣе прилегали къ стѣнѣ (какъ замѣчаетъ въ своей статьѣ Профессоръ Лебедевъ), чего, впрочемъ, нельзя видѣть за вязками дѣлъ. Не возможно также за ними усмотрѣть и всѣхъ украшеній этой залы, но одна ея громадность, высота, равняющаяся вмѣстѣ взятой высотѣ Сенатскихъ залъ Архивовъ и высящимся надъ ней куполомъ, какъ величавый остовъ, напоминаетъ о бывшемъ ея величіи и красотѣ.

И ужели не возможно найти приличнаго мѣста для храненія военныхъ дѣлъ и списковъ даже въ Москвѣ, на примѣръ: въ Арсеналѣ, Головинскомъ Дворцѣ, Сухаревой башнѣ, и другихъ мѣстахъ, тѣмъ болѣе, что особенно интересныя военныя дѣла сохраняются въ С.-Петербургѣ? А чрезъ это самое избѣгли бы мы отчасти заслуженнаго нареканія въ пренебреженіи къ отечественнымъ памятникамъ, воздали бы должное уваженіе таланту, потратившему столько трудовъ, усилія и творчества для осуществленія великаго своего проекта; залу же можно было бы употребить для болѣе приличнаго назначенія, согласно съ волей и желаніемъ Великой Монархини законодательницы.[9]

Д. Чл. П. Ивановъ.

---

[8] По вѣдомости, приложенной Профессоромъ Лебедевымъ къ его статьѣ, всѣхъ дѣлъ этого Архива, съ 1705 по 1855 годъ, находится 1,113,534, изъ коихъ, какъ слышно, большая часть предполагается къ уничтоженію.

[9] Здѣсь нельзя не привести слѣдующихъ теплыхъ словъ, высказанныхъ почтеннымъ Профессоромъ Лебедевымъ по этому же предмету: «Я былъ бы истинно счастливъ, если бы, благодаря моему открытію, когда ни будь эти барельефы украсили залу, среди которой будетъ возвышаться монументальный бюстъ Екатерины II, и сохранительницы безопасности каждаго ея подданнаго,» какъ сказала она сама въ надписи на заложеніе Дворца.

СМѢТА

по планамъ въ новоучрежденныхъ намѣстничествахъ присутственныхъ мѣстъ.

ЗВАНІЕ МАТЕРІАЛОВЪ.	Счетомъ.	Примѣрная цѣна.	Рубли.	Коп.
Земли для фундамента по освѣдѣтельствованію до настоящаго грунта надлежитъ вынуть кубическихъ семь тысячъ семьсотъ шестдесятъ двѣ сажени	7762	За выемку и отвозку кубической сажени по 2 рубля.	15,524	—
На выстилку перваго ряда дикаго камня штучнаго шириною въ srединѣ одного аршина, въ краяхъ восьми вершковъ, толщины двѣнадцать вершковъ, погонныхъ саженъ тысяча девять сотъ	1,900	Сажень съ поставкою по 5 рублей.	9,500	—
Бутоваго камня кубическихъ саженъ четыре тысячи триста восемдесятъ двѣ	4,382	Сажень съ поставкою по 10 рублей.	43,820	—
Камню бѣлаго къ фундаменту на лицевую «версту», длиной отъ одного аршина до трехъ четвер-				

ЗВАНІЕ МАТЕРІАЛОВЪ.	Счетомъ.	Примѣрная цѣна.	Рубли.	Коп.
тей, шириной шести, семи и восьми вершковъ, толщиной четырехъ вершковъ, и четырехъ съ половиною вершковъ, двѣсти пятдесятъ тысячъ шесть сотъ	250,600	Съ поставкою по 12 рублей.	30,072	—
Извести круховой на фундаментъ двадцать шесть тысячъ семь сотъ шестдесятъ пять бочекъ.	26,765	Бочка съ поставкою по 90 копѣекъ.	24,088	50
Песку кубическихъ саженъ двѣ тысячи четыреста тридцать три.	2,433	Сажень съ поставкою по 3 рубля.	7,299	—
И того за матеріалъ	— —	— —	130,303	50
За работу каменщикамъ съ кубической сажени вообще и съ дикимъ камнемъ по два рубля съ подвозкою матеріаловъ на самое дѣло, что съ дикимъ камнемъ перваго ряда учинитъ четыре тысячи восемь сотъ сорокъ одна сажень.	4,841			
И того за работу бутоваго камня	— —	— —	9,682	—
За положеніе въ дѣло нетесаннаго камня на версту противъ буту со ста по рублю по тридцати копѣекъ; и того за двѣсти за пятдесятъ тысячъ шесть сотъ учинитъ за работу .	— —	— —	3,257	80

ЗВАНІЕ МАТЕРІАЛОВЪ.	Счетомъ.	Примѣрная цѣна.	Рубли.	Коп.
За теску камня съ пяти сторонъ въ погреба за тридцать тысячъ со ста по рублю по семидесяти копѣекъ, и того	— —	— —	510	—
И того за работу каменщикамъ, за бутъ и за положеніе въ дѣло нетесаннаго и за теску камня	— —	— —	13,449	80
А всего фундаментъ постройкою коштовать можетъ сто сорокъ три тысячи семьсотъ пятдесятъ три рубля тридцать копѣекъ	— —	— —	143,753	30
Изъ дикаго камня:				
камня на наружный цоколь, тесанаго съ пяти сторонъ, шириною въ srединѣ однаго аршина, въ краяхъ осьми вершковъ, толщиною трехъ четвертей аршина, погонныхъ саженъ двѣ тысячи		Сажень съ поставкою на мѣсто и съ употребленіемъ въ дѣло по 7 руб. по 50 копѣекъ.	15,000	—
На порталъ съ колонадами камня, а именно: четыре колонны и четыре пилястра позади оныхъ, вышиною двѣнадцати аршинъ, въ діаметрѣ одинъ аршинъ шесть вершковъ, каждая колонна съ пилястрою и теской базовъ и шлифов-				

ЗВАНІЕ МАТЕРІАЛОВЪ.	Счетомъ.	Примѣрная цѣна.	Рубли.	Коп.
кою оной, съ поставкою на мѣсто и подливомъ, въ строеніи и пріуготовленіи камня на капитель Іониче скаго ордена для рѣзьбы съ подливомъ же, по восьми сотъ рублевъ какъ за колонаду одну, такъ и за пилястръ, за четыре колонны съ пилястрами . . .	4	по 800 рублей	3,200	—
У портала передняя стѣна съ нишами, падинами и выпуклинами и прочею гладкою теской съ разуголышами, какъ значитъ на фасадѣ, кромѣ рѣзьбы съ пріуготовленіемъ камня же, вышиною двѣнадцати аршинъ съ половиною отъ цоколя, шириною двѣнадцати аршинъ, кромѣ пилястровъ, все изъ дикаго камня, толщиною камень три четверти, шириною въ срединѣ одного аршина, въ краяхъ по восьми вершковъ, погонныхъ саженъ шестдесятъ девять и одною третью сажени съ подливомъ въ строеніи и со всѣми вышеписанными работами	69 1/3 саж.	Сажень по 20 рублей.	1,386	60 1/3
Архитраву семь саженъ съ подливомъ на мѣста и теской	7	Сажень по 40 рублей.	280	—

ЗВАНІЕ МАТЕРІАЛОВЪ.	Счетомъ.	Примѣрная цѣна.	Рубли.	Коп.
Фризу по фасаду въ одну толщину камня семь же саженъ съ подливомъ и тескою	7	Сажень по 15 рублей.	105	—
Карнизу по фасаду же съ отборкою по шеблону съ дантикулями семь саженъ съ подливомъ и тескою на мѣстѣ, мѣрявъ по низу карниза.	7	Сажень по 100 рублей.	700	—
За цоколь надъ карнизомъ у того же портала въ вышину, какъ значитъ на фасадѣ, погонныхъ семь саженъ съ подливомъ и тескою	7	Сажень по 20 рублей.	140	—
На группы статуевъ камню, съ поставкою на мѣста, съ обтескою гладко, шириной трехъ аршинъ, вышиной трехъ и одна четверть аршина, толщиной пять четвертей аршина верхній уголъ на діагональ, оставляя два угла, шириной по двѣнадцати вершковъ на четыре группы .	4	Каждый камень по 50 рублей.	200	—
Два камня для статуевъ въ ниши, вышиной три съ половиною аршина, въ верху шириной девять вершковъ, въ срединѣ полтора аршина, внизу одного				

ЗВАНІЕ МАТЕРІАЛОВЪ.	Счетомъ.	Примѣрная цѣна.	Рубли.	Коп.
аршина, толщиною одного аршина.	2	Каждый по 30 рублей.	60	—
Одинъ камень въ срединѣ, ширины три аршина, вверху девять вершковъ, внизу полтора аршина, въ вышину три аршина, толщиною одинъ аршинъ съ обрубкою и поставкою на мѣсто.	1	Цѣна 40 рублей.	40	—
Восемь колонадъ въ залу собранія, для поддерживанія своду и противъ оныхъ на стѣнѣ пилястры и съ тескою базовъ и съ шлифовкою и съ подливовъ на мѣста, тако жъ и камня для капителей рѣзныхъ, вышиною тѣ колонны съ цоколемъ пять саженъ, толщиною въ діаметрѣ полтора аршина	8	Каждая колонна съ пилястромъ по 1,000 рубл.	8,000	—
На наружную фасаду большаго карниза, на моделіоны камня, длиною семь четвертей аршина двѣнадцать вершковъ, толщиною четырехъ съ половиною вершковъ, съ тескою на немъ по шеблону и съ подливомъ на мѣсто, котораго потребно	473	Каждый по 9 рублей.	4,257	—
Подъ оные моделіоны кравъ-штейны съ тригли-				

ЗВАНІЕ МАТЕРІАЛОВЪ.	Счетомъ.	Примѣрная цѣна.	Рубли.	Коп.
фами, изъ трехъ камней состоящіе: первой шириной десяти вершковъ, толщиной девяти вершковъ, длины три четверти аршина; второй шириной и толщиной тожъ, а длиной пяти четвертей аршина; третій шириной и толщиной тожъ, а длиной семи четвертей аршина; вообще всѣ три камня, съ положеніемъ въ дѣло и вырубкою вышеписаннаго украшенія, всего четыреста семдесятъ три	473	Каждый по 25 рублей.	11,825	—
Камня на базы и капители Дорическаго ордена, длиною двухъ аршинъ десяти вершковъ, шириною одного аршина, толщиною одного жъ аршина, счетомъ сорокъ два пилястра, съ вырубкою по шеблону и подливомъ на мѣста . . .	42	Съ каждаго пилястра по 70 рублей.	2,940	—
За камень на перапеты къ наружнымъ веходамъ, съ обтескою, шипами и съ подливомъ, длиной оный камень полтора аршина, шириной три четверти аршина, толщиной тожъ, счетомъ девяносто шесть камней	96	Каждый по 12 рублей.	1,152	—
Камню на ступени снаружи къ крыльцамъ, дли-				

ЗВАНІЕ МАТЕРІАЛОВЪ.	Счетомъ.	Примѣрная цѣна.	Рубли.	Коп.
ной трехъ аршинъ, шириной девяти вершковъ, толщиной трехъ съ половиною вершковъ, съ обтескою по шеблону и съ обливкою, счетомъ восемь сотъ восемдесятъ саженъ	880	Сажень по 8 рублей.	7,040	—
Таковыхъ же ступеней на внутреннія лѣстницы въ два этажа тысяча сто тридцать одна сажень, съ подливомъ, съ тескою валика и галтели.	1,131	Сажень по 9 рублей.	10,179	—
На круглыя колонны снаружи у залы для капителей и базовъ въ діаметрѣ два аршина десять вершковъ квадратно, толщиною одного аршина на восемь колонадъ	8	Всякая пара, т. е., капитель съ базой, по 150 рублей.	1,200	—
И того дикой камень съ выломкою изъ Хорошевскихъ горъ, съ поставкою къ строенію, съ подливомъ и со всѣми вышеписанными работами коштовать можетъ шестдесятъ семь тысячъ семь сотъ четыре рубля шестдесятъ шесть съ половиною копѣекъ	— —	— —	67,704	66½
Въ стѣны для перевязи и въ цоколь изнутри, противъ дикаго камня и въ				

ЗВАНІЕ МАТЕРІАЛОВЪ.	Счетомъ.	Примѣрная цѣна.	Рубли.	Коп.
наружныя мѣста бѣлаго камня Мячковскаго и Пахорскаго, длиной отъ пятнадцати вершковъ до трехъ четвертей, шириной шести, семи и восьми вершковъ, толщиной четырехъ съ половиною вершковъ, сто пятдесятъ тысячъ пятьсотъ, во всѣхъ бокахъ равносторонняго.	156,500	Съ поставкою къ строенію, сто по 20 рублей.	31,300	—
Камня Мячковскаго бѣла о на свѣсъ б льшаго карниза, длиной двухъ аршинъ, шириной одного аршина, толщиной шести вершковъ, онаго жъ камня и на колонны наружныя у зала, всего тысяча девятьсотъ пятдесятъ камней .	1,950	За камень по 2 рубля по 50 копѣекъ.	4,875	—
На означенные жъ карнизы камня, длиною одного аршина, толщиною пяти съ половиной и пяти вершковъ по поламъ, шириной семи и восьми вершковъ, равносторонняго во всѣхъ бокахъ, семнадцать тысячъ пятьсотъ, съ поставкою на мѣста	17,500	Сто по 35 рублей.	6,125	—
Кирпича:				
Двадцать одинъ милліонъ, съ поставкою на мѣста. .	21,000000	Тысяча по 5 рублей.	105,000	—

ЗВАНІЕ МАТЕРІАЛОВЪ.	Счетомъ.	Примѣрная цѣна.	Рубли.	Коп.
Извести:				
Круховой сорокъ восемь тысячъ четыреста одна бочка.	48,401	Бочка по 90 копѣекъ.	43,560	90
Песку кубическихъ саженъ, съ поставкою на мѣста, четыре тысячи четыреста.	4,400	Сажень по 3 рубля.	13,200	—
Желѣза:				
Связнаго, полагая въ сажень по полтора пуда, на связи въ стѣны, на перекрышку оконъ и дверей и надъ залою подъ крышку и укрѣпленія всѣхъ брантмауровъ, сорокъ двѣ тысячи девять сотъ девяносто шесть пудъ.	42,996	По указной цѣнѣ, какъ нынѣ состоитъ, по 80 коп. по $^3/_4$	34,749	27
Полоснаго на скобы, на рѣшетки въ окна и на затворы и прочія мелочныя ковки для укрѣпленія, десять тысячъ пудъ. . . .	10,000	По 80 к. по $^3/_4$.	8,075	—
Желѣза по модели триста саженъ, полагая по четыре пуда въ сажени, тысяча двѣсти	1,200	По 80 к. по $^3/_4$.	969	—
Желѣза листоваго на крышку квадратно одного аршина, онаго жъ на затворы и въ окны и къ кла-				

ЗВАНІЕ МАТЕРІАЛОВЪ.	Счетомъ.	Примѣрная цѣна.	Рубли.	Коп.
довымъ для дверей, всего семь тысячъ девятьсотъ сорокъ пять пудъ, полагая по четыре листа въ пудѣ	7,945	Пудъ по 1 р. 90 копѣекъ.	15,095	50
Лещади бѣлаго камня на полы во всѣ этажи, длиною и шириною двѣнадцати вершковъ, толщины полтора вершка, съ поставкою восемдесять тысячъ	80,000	Сто по 20 рублей.	16,000	—
На подмазку алебастру, съ поставкою тридцать пять тысячъ пудовъ	35,000	Пудъ по 10 копѣекъ.	3,500	—
Печей:				
Изращатыхъ, живописныхъ, голубыхъ, имѣютъ быть съ трехъ сторонъ образцы; тѣ печи съ работою и съ глиною и заслонками, съ двойными вьюшками чугунными и къ онымъ затворки и съ клепонями и проволокою, кромѣ кирпича, счетомъ сто пятдесятъ четыре печи, и съ поставкою всѣхъ вышеписанныхъ метеріаловъ къ строенію.	154	Каждая печь по 50 рублей.	7,700	—
Дверей столярныхъ, отворчатыхъ о трехъ «филенгахъ» съ петлями, съ Аглинскими замками и съ				

ЗВАНІЕ МАТЕРІАЛОВЪ.	Счетомъ.	Примѣрная цѣна.	Рубли.	Коп.
задвижкою и съ выкрашеніемъ бѣлилами, счетомъ сто тридцать семь.	137	Каждая по 17 р. 50. коп.	2,397	50
Переплетовъ оконечныхъ со стеклами, съ работой, съ петлями и съ задвижками и съ выкрашеніемъ бѣлилами и съ таблетомъ, счетомъ означенныхъ окончинъ въ трехъ этажахъ шесть сотъ сорокъ пять .	645	Каждая съ вышепрописанными матеріалами по 10 р. 50 к.	6,772	50
Погребныхъ двѣсти пятнадцать.	215	По 3 р. 50 к.	752	50
Перегородокъ столярныхъ, съ карнизами и со стеклами и со всѣмъ принадлежащимъ матеріаломъ, съ Аглинскимъ мѣднымъ замкомъ и задвижками и съ выкрашеніемъ бѣлилами, сто.	100	Каждая по 108 рублей.	10,800	—
По присланной модели мѣста для приказныхъ служителей, всякое мѣсто со столомъ, дверью, петлями, съ замками, съ зеленымъ сукномъ, также и съ крашеньемъ и со всѣми къ тому принадлежащими матеріалами, полагая на четыреста пятдесятъ мѣстъ.	450	Каждая со всѣми матеріалами и работою по 12 рублей.	5,400	—
Каменщикамъ за работу, кромѣ выбутки фундамен-				

ЗВАНІЕ МАТЕРІАЛОВЪ	Счетомъ.	Примѣрная цѣна.	Рубли.	Коп.
та, какъ уже за строеніе фундамента въ своемъ мѣстѣ заработныя деньги положены, начиная съ поверхности земли до окончанія всего зданія, каменщикамъ за работу съ тысячи кирпича по два рубля съ носкою на строенія, учинитъ за работу сорокъ двѣ тысячи	— —	— —	42,000	—
За стеску камня съ шести сторонъ, со ста по три рубля, по наугольнику четыре тысячи шесть сотъ девяносто пять рублей . .	— —	— —	4,695	—
За стеску лещади и оправку по наугольнику и за вымостку во всѣхъ этажахъ половъ, со ста по шести рублей, съ подсыпкою песку, четыре тысячи восемь сотъ рублей. . . .	— —	— —	4,800	—
За карнизную теску по шеблонамъ и съ подливомъ семнадцати тысячъ пяти сотъ камней.	— —	— —	1,299	—
За большой камень на свѣсъ карниза, за обтеску онаго по шеблонамъ, съ подъемомъ на верхъ и съ подливомъ, по пятидесяти копѣекъ за камень, девять				

ЗВАНІЕ МАТЕРІАЛОВЪ.	Счетомъ.	Примѣрная цѣна.	Рубли.	Коп.
сотъ семдесять пять рублей.	— —	— —	975	—
И того каменьщикамъ за работы пятдесятъ три тысячи семьсотъ шестдесятъ девять рублей	— —	— —	53,769	—
За квадратную работу:				
Подмазку стѣнъ изнутри и сводовъ во всѣхъ этажахъ, съ дѣланіемъ постѣнныхъ карнизовъ и покрытія стѣнъ по сѣрой подмазкѣ штукомъ и за подмазку изсѣра подъ терку снаружи всего зданія и тягою подъ окошками план-бантовъ и прочая, шесть тысячъ рублей.	— —	— —	6,000	—
За скульптурную работу:				
Снаружи по чертежамъ изъ дикаго камня статуй, капителей и прочаго, тако жъ по профилю внутри зала за рѣзьбу капителей изъ дикаго камня, барельефовъ и прочаго, не оставливая по чертежамъ ни единаго мѣста, а всѣ исправить какъ снаружи, такъ и внутри, одиннадцать тысячъ пять сотъ двадцать три рубля.	— —	— —	11,523	—
За кузнецкую работу:				
За приварку къ связямъ праушен,ъ шиповъ и про-				

ЗВАНІЕ МАТЕРІАЛОВЪ.	Счетомъ.	Примѣрная цѣна.	Рубли.	Коп.
чую ковку засововъ и къ тому желѣзныхъ клиньевъ и прочаго связнаго желѣза, по двадцати по пяти копѣекъ съ пуда, съ ихъ угольями, съ сорока четырехъ тысячъ ста девяноста шести пудъ одиннадцать тысячъ сорокъ девять рублей	— —	— —	11,049	—
За ковку рѣшетокъ въ погребной и первой этажъ, тако жъ и затворовъ въ окны, гдѣ имѣютъ быть рѣшетки поставлены, потому жъ изъ дверей къ кладовымъ и къ прочимъ мѣстамъ, гдѣ они принадлежать будутъ и къ перапетамъ при лѣстницахъ каменныхъ, всего по расчисленію съ шести тысячъ пудъ, съ ихъ угольями, по рублю по тридцати копѣекъ за пудъ	— —	— —	7,800	—
За ковку скобъ какъ большихъ, такъ и малыхъ, для укрѣпленія большихъ камней, рѣшетника и всякихъ мелочей, съ четырехъ тысячъ пудъ по шестидесяти копѣекъ съ пуда.	— —	— —	2,400	—
За покрытіе крышки листовымъ желѣзомъ, съ его краскою, покрывъ сперва				

ЗВАНІЕ МАТЕРІАЛОВЪ.	Счетомъ.	Примѣрная цѣна.	Рубли.	Коп.
грунтомъ изъ масла, а потомъ выкрасить два раза съ тридцати одной тысячи семи сотъ осьмидесяти листовъ, по семи копѣекъ съ листа	— —	— —	2,224	60
За обрѣшечиванія крышки по каменнымъ брантмаурамъ плотникамъ за работу тысячу восемдесять рублей	— —	— —	1,080	—
И того всей суммы на заготовленіе матеріала и работнымъ людямъ шесть сотъ двадцать три тысячи пять сотъ сорокъ пять рублевъ семдесять три копѣйки съ половиною.	— —	— —	623,545	73½
Да сверхъ, того, потребно на лѣса для подмостковъ, а именно: бревенъ на стойки, на клади, на ушеки, на палцы, на клади подъ своды, для кружалъ, къ нимъ на подставки, досокъ на подмости и дѣланія кружалъ, тесу на палубы, гвоздей на кружалы полуприбойныхъ, троетесныхъ, двоетесныхъ, однотесныхъ, брусковыхъ на обрѣшечиванія слегъ толстыхъ, канатовъ для подъемовъ тяжестей, веревокъ				

ЗВАНІЕ МАТЕРІАЛОВЪ.	Счетомъ.	Примѣрная цѣна.	Рубли.	Коп.
для связыванія лѣсовъ и прочей надобности, свинца для заливки желѣзныхъ скобъ въ каменьяхъ, чановъ, ушатовъ, шаекъ, кадокъ, ведеръ, лотковъ, и прочаго, какъ то всего подробно описать не возможно, а практика того требуетъ, полагается сумма на все вышеписанное тридцать тысячъ рублей	— —	— —	30,000	—
Всего шесть сотъ пятдесятъ три тысячи пять сотъ сорокъ пять рублей семдесять три копѣйки съ половиною	— —	— —	653,545	73½

КРАТКІЙ ЭКСТРАКТЪ

смѣтъ по планамъ новоучрежденныхъ намѣстничества присутственныхъ мѣстъ.

А И М Е Н Н О.	Рубли.	Коп.
За фундаментъ, за матеріалъ и за работу каменщикамъ	143,753	30
Означенный фундаментъ, для прочности зданія, подлежитъ построить въ одно лѣто, дабы оный единовременную осадку могъ имѣть и тѣмъ зданіе въ твердости сохранить, къ чему въ одно время и сумма потребна; ежели же не въ одно время строенъ будетъ фундаментъ, то могутъ послѣдовать чрезъ зиму къ веснѣ во рвахъ земляные обвалы и прочія неудобства, что учинитъ напрасный убытокъ, — тѣ неудобства отвратить и обвалы земляные по прежнему очистить.		
За дикой камень, съ выломкою изъ Хорошевскихъ горъ, съ поставкою къ строенію и съ подливомъ .	67,704	66½
За камень бѣлый Мячковскій въ стѣны и на свѣсъ большаго карниза и въ прочія мѣста	42,300	—
За кирпичъ, съ поставкою къ строенію . . .	105,000	—
За известь круховую, съ поставкою къ строенію	43,560	90
За песокъ	13,200	—
За желѣзо: связное, полосное и листовое. . .	58,852	77
За лещадь	16,000	—
За алебастръ на подмазку	3,500	—
За печи изращатыя	7,700	—

А именно.	Рубли.	Коп.
За переплеты оконечные со стеклами и къ нимъ съ принадлежащимъ приборомъ и за перегородки столярныя жъ съ карнизами и стеклами и работою и краскою, тако жъ и за мѣста приказнымъ служителямъ и за двери столярныя съ приборомъ . .	26,122	50
Каменщикамъ за работу, кромѣ фундамента . .	53,769	—
За квадраторную работу	6,000	—
За скульпторную работу	11,523	—
За кузнечную работу, за приварку къ связямъ проушинъ, за ковку рѣшетокъ и скобъ, за покрытіе крышки листовымъ желѣзомъ.	23,473	60
Плотникамъ за работу за обрѣшечиваніе крышки.	1,080	—
И того . .	623,545	73½
Да, сверхъ того, потребно на лѣса для подмостковъ, бревенъ, досокъ, тесу, гвоздей и прочаго .	30,000	—
И того всей суммы по построенію и за работу мастеровымъ людямъ шесть сотъ пятдесятъ три тысячи пятьсотъ сорокъ пять рублей семдесять три копѣйки съ половиною.	653,545	73½
Подлинную подписали: Архитекторъ Коллежскій Совѣтникъ Карлъ Бланкъ, Архитекторъ Коллежскій Ассессоръ Матвѣй Казаковъ.		

ВѢДОМОСТЬ,

ОБОЗНАЧАЮЩАЯ ЧИСЛО ПРИНЯТОЙ ИЗЪ СТАТСЪ-КОНТОРЫ НА СТРОЕНІЕ, ПРОИЗВОДИМОЕ ОТЪ ЭКСПЕДИЦІИ СТРОЕНІЯ КРЕМЛЕВСКАГО ДВОРЦА, ДЛЯ НОВЫХЪ ПРИСУТСТВЕННЫХЪ МѢСТЪ ДЕНЕЖНОЙ КАЗНЫ, ТАКЖЕ И УПОТРЕБЛЕННОЙ НА ОНОЕ ПО 1783 ГОДЪ ВЪ РАСХОДЪ.

КОТОРЫХЪ ГОДОВЪ.	Въ приходѣ.		Да сверхъ принятыхъ изъ Статсъ-Конторы въ приходѣ жъ за проданные матеріалы.	Изъ оныхъ въ въ расходѣ.		Въ томъ числѣ отпущенныхъ по требованію Московскаго Губернатора Архарова.	За онымъ расходомъ въ остаткѣ.	
	Рубли.	Коп.		Рубли.	Коп.		Рубли.	Коп.
А именно:								
Въ 1777 году } на фундаментъ	62,692	31 1/4	— —	26,703	36 3/4	— —	35,988	94 1/
Въ 1778 году } на фундаментъ	81,060	98 3/4	— —	61,361	51 1/	— —	55,688	41 3/4
Въ 1779 на 1778 годъ. . .	50,000	—	1,387 р. 21 1/2 к.	62,308	75 1/4	— —	44,766	88
Въ 1780 на 1779 годъ. . .	50,000	—	335 р. 43 к.	67,500	5	— —	27,602	26
Въ 1781 на 1780 годъ. . .	50,000	—	793 р. 74 1/4 к.	32,232	52 3/4	4,462 р. 69 1/ к.	46,163	47 1/2
Въ 1782 году.	— —	—	323 р. 26 к.	45,271	78	42,781 р. 16 1/2 к.	1,214	95 1/2
Итого.	293,753	30	2,839 р. 64 3/4 к.					
	Принято изъ Статсъ Конторы.							
	Всего.	—	296,592 р. 94 3/4 к.	295,377	99 1/	47,243 р. 86 к.	1,214	95 1/2

Сіи 1,214 р. 95 к. оставлены были въ Экспедиціи для разсчетовъ по договорамъ за сдѣланный кирпичь и поставленные матеріалы, известь и прочее.

Подлинную подписали: Михайлъ Измайловъ.

Секретарь Леонтій Ивановъ.

РЕЕСТРЪ

ПРИНАДЛЕЖАЩИМЪ ДО СТРОЕНІЯ ДЛЯ НОВЫХЪ ПРИСУТСТВЕННЫХЪ МѢСТЪ ПЛАНАМЪ.

1. Планъ погребнаго этажа.
2. Планъ перваго надъ погребами этажа.
3. Планъ бель-этажа.
4. Планъ верхняго этажа.
5. Планъ генеральный.
6. Фасада.
7. Профиль.

Всѣ сіи планы, фасада и профиль конфирмованы Высочайшею Ея Императорскаго Величества рукою.

И Генеральная Смѣта сему строенію за подписаніемъ Архитекторовъ: Коллежскаго Совѣтника Бланка и Коллежскаго Ассессора Казакова.

Самыхъ же плановъ при дѣлѣ, въ вязкѣ подъ № 13, не оказалось.

Примѣч. Времени состоявшейся Высочайшей конфирмаціи на смѣтѣ не отмѣчено, но вѣроятно она послѣдовала въ 1776 году, ибо въ этомъ же году состоялся Указъ, 9 Іюня, о постройкѣ Сенатскаго зданія (Матер. для стат. Москв. Гастева, стр. 74).

ОПИСАНІЕ СОДЕРЖАНІЯ БАРЕЛЬЕФОВЪ.[10]

1. «Своею опасностію другихъ спасаетъ». Прививаніе оспы. Императрица даетъ дракону, терзающему дитя, ужалить обнаженную ногу; возлѣ Гиппократъ, окруженный матерями, подающими ему дѣтей, но онъ указываетъ на совершающійся подвигъ самоотверженія. Въ лѣвомъ углу аллегорическое изображеніе Невы.

2. «Пустыню претворяетъ въ грады». Вызовъ изъ за границы и поселеніе колонистовъ. Россія, въ видѣ коронованной жены, держитъ развернутый, совершенно чистый, свитокъ. Минерва указываетъ мѣста городовъ. Направо отъ изображенія Россіи толпа земледѣльцевъ съ орудіями; впереди, внизу, Днѣпръ и Днѣстръ въ видѣ статуевъ.

3. «Восходитъ и живитъ». Общее оживленіе Россіи и развитіе силъ ея. Россія на тронѣ, по лѣвую ея сторону Минерва, указывающая на колѣнопреклоненную толпу, подносящую Россіи скипетръ, знакъ владычества надъ міромъ, справа Вѣра съ крестомъ и нѣсколько воиновъ.

4. «И Сѣверъ художество раждаетъ». Процвѣтаніе художествъ. Амуры показываютъ Минервѣ картины; въ лѣвомъ углу статуя Екатерины, поразительная сходствомъ; Минерва протягиваетъ правую руку съ медальономъ для награжденія достойнѣйшаго.

5. «Не дань, но законы пріемлетъ». Желаніе жить по сердцу народа. Колѣнопреклоненная Россія съ толпою старцевъ, жен-

[10] Подробности этѣ мы рѣшились позаимствовать изъ статьи Г. Лебедева, помѣщенной въ Русскомъ Инвалидѣ 1860 года № 179

щинъ и дѣтей проситъ покровительства Минервы, опирающейся на щитъ съ двуглавымъ орломъ; лѣвая сторона барельефа представляетъ старцевъ, воиновъ и женщину: это спутники Минервы, и отъ того глубокая дума выражена на лицахъ ихъ.

6. «И вы подобно подвизайтесь». Награда воинской доблести. Минерва на тронѣ принимаетъ предводителей. Здѣсь большая часть лицъ портреты тогдашнихъ военныхъ знаменитостей.

7. «Распространяетъ и обогащаетъ.» Развитіе торговли. Нептунъ и Наяды несутъ дань морей къ ногамъ Минервы, съ лѣвой ея стороны Меркурій, указывающій на Нептуна, а справа изображеніе Россіи, держащей въ лѣвой рукѣ вѣтвь, обремененную плодами.

8. «Желаніе Россіи». Благословеніе за сдѣланное добро. Минерва, окруженная ликторами, на тронѣ, слава надъ ея головою, у подножія трона Россія въ Царской мантіи, руки ея сложились для молитвы, позади молящаяся толпа, занимающая средину картины. Парки прядутъ нить жизни и не думаютъ ее перерѣзывать.

9. «Великому великая». На открытіе памятника Петру I. Въ срединѣ изображеніе памятника, на который лѣвою рукою указываетъ Минерва, опирающаяся правою на щитъ съ вензелемъ Екатерины II. Надпись этого барельефа замѣчательна по тому, что, по сочиненіи ея Бахтуринымъ, сначала предполагали помѣстить ее на самомъ памятникѣ, но Императрица замѣнила ее надписью: «Петру I Екатерина Вторая.» У подножія памятника аллегорическое изображеніе Невы.

10. «Вездѣ свѣтитъ.» На учрежденіе училищъ. Минерва держитъ раскрытую книгу и какъ бы предлагаетъ Россіи узнать ея содержаніе; позади фигуры, представляющія Россію, два слѣпыхъ старика.

11. «Облегченную еще облегчаетъ.» На прекращеніе семилѣтней войны. Минерва беретъ изъ рукъ Россіи тяжелый камень съ цифрою 57 годъ, въ который Россія приняла участіе въ войнѣ; позади Россіи воинъ съ мечемъ, вложеннымъ въ ножны.

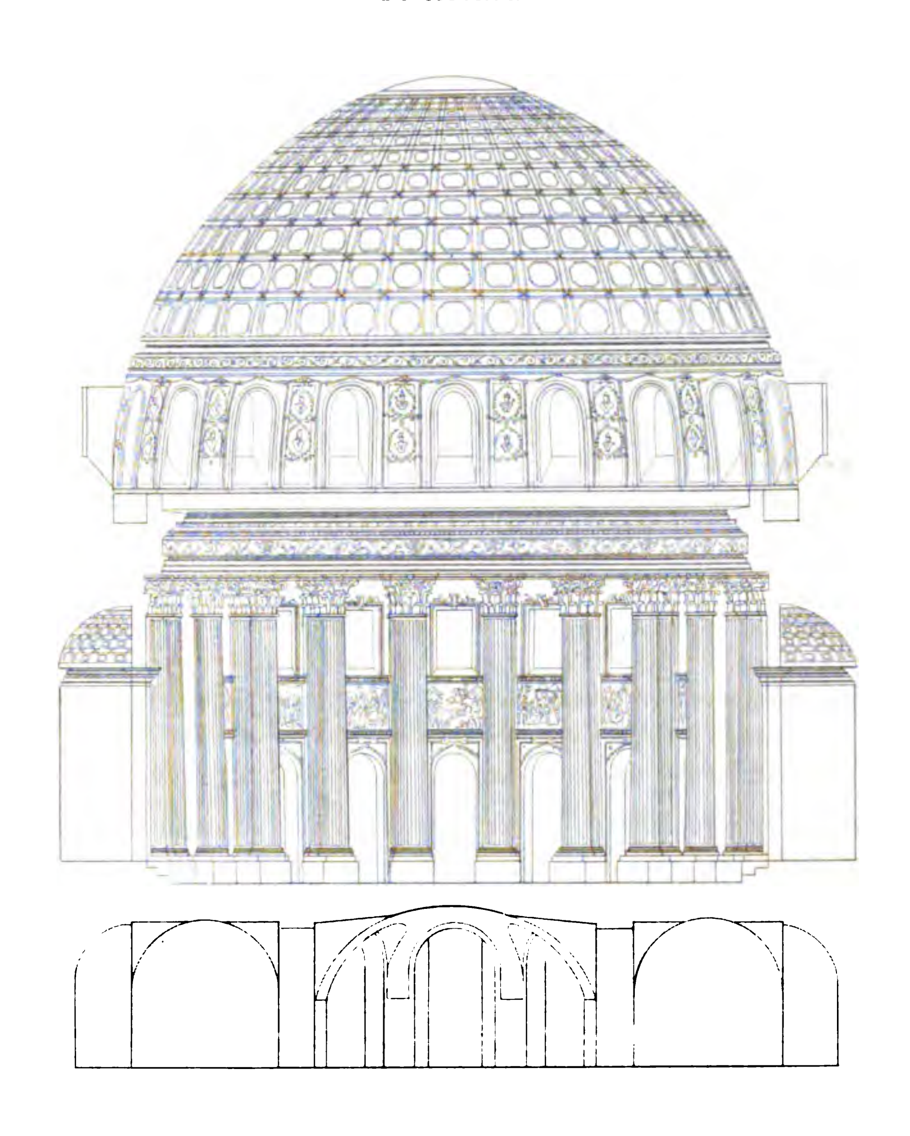
12. «Погибавшихъ сохраняетъ.» На учрежденіе Воспитательнаго Дома. Полный мысли и выраженія, барельефъ этотъ одинъ

РАЗРѢЗЪ

ГЛАВНОЙ КРУГЛОЙ ЗАЛЫ

ВЪ СЕНАТСКОМЪ ЗДАНІИ

ВЪ МОСКВѢ



изъ самыхъ замѣчательныхъ. На заднемъ планѣ видно зданіе Воспитательнаго Дома; впереди Минерва, окруженная дѣтьми; направо въ углу Сатурнъ отложилъ въ сторону свою косу и, смотря на эту картину, приготовляется писать. Онъ вѣрно напишетъ: «Безсмертіе».

13. «Достойнымъ достойное.» Поощреніе доблести. Впереди воиновъ видѣнъ безоружный старикъ, принимающій награду изъ рукъ Минервы.

14. «Плоды побѣдъ.» Апоѳеоза всего сдѣланнаго для Россіи; возлѣ ея изображенія стоитъ изображеніе Тавриды, сзади воины, опирающіеся на мечи, на верху парящая слава съ трубою.

15. «Открытая преграда погашаетъ зависть.» На истребленіе Турецкаго флота при Чесмѣ и открытіе для всѣхъ Чернаго моря. Молодой воинъ (вѣроятно, Орловъ) указываетъ, какъ бы задумавшейся Россіи, на пылающіе корабли, изъ за которыхъ видны башни и зубцы города.

16. «Отторгнутое присоединяетъ.» На присоединеніе Черноморскаго прибрежья. У ногъ Минервы колѣнопреклоненная женщина, опирающаяся на щитъ съ гербомъ Таганрога, позади бушующее море и Нептунъ съ весломъ; лѣвую сторону барельефа занимаютъ фигуры воиновъ.

17. «Назираетъ и украшаетъ.» На украшеніе Русскихъ городовъ замѣчательными постройками. Минервѣ приносятъ на выборъ рисунки и модели, позади трона женщина съ рогомъ изобилія.

18. «До вѣчности.» Минерва во всемъ величіи повелительно какъ бы требуетъ отчета у колѣнопреклоненной женщины въ Царской мантіи, опирающейся на щитъ съ двуглавымъ орломъ; Сатурнъ, сидящій у подножія трона Минервы, также протягиваетъ руку и тоже требуетъ отвѣта; въ глубинѣ монахъ, предъ которымъ раскрытая книга: это Несторъ, нашъ лѣтописецъ; онъ занесъ въ свою лѣтопись совершавшееся и сдѣлалъ это, какъ долгъ, безъ вѣдома самихъ дѣятелей.

МНѢНІЕ

АДМИРАЛА МОРДВИНОВА ПО СТАТЬѢ 638-Й

Журнала Комитета Гг. Министровъ.

Опытъ повсемѣстно доказалъ, что изданныя въ 1824-мъ году дополнительныя статьи по внутренней торговлѣ произвели существенное разстройство въ оной и поставили новую преграду успѣшному дѣйствію промышленности, обогащавшей народъ; онѣ причинили оптовому торгу косвенный вредъ, мелочной же торгъ вездѣ почти разорили. Отъ всѣхъ предѣловъ Россіи поступили Правительству прошенія объ отмѣнѣ оныхъ; принесенныя жалобы должно было признать основательными и справедливыми; въ слѣдствіе оныхъ сдѣланы отъ Министра Финансовъ толкованія на недоразумѣнія, объясненія на противорѣчія, наставленія на исполненія, запрещенія, воспрещенія противу оказавшихся злоупотребленій. Огромность предписаній, превышающая почти самыя изложенія Устава, убѣждаетъ, сколько статьи онаго неудобопонятны, между собою противорѣчащи, многочисленны, для народа притѣснительны и ко исполненію злоупотребительны; онѣ суть такого рода, что благоденствіе торговаго и промышленнаго народа требуетъ неукоснительнаго отмѣненія ихъ, а оставленія для пользы внутренней торговли того малаго числа статей, которыя уменьшаютъ лежавшіе прежде на капиталахъ проценты, и тѣхъ, которыя пошлину съ торговыхъ книгъ отмѣняютъ.

По всѣмъ, изложеннымъ здѣсь, обстоятельствамъ, я соглашаюсь съ мнѣніемъ Генералъ-Губернатора о предоставленіи въ Губерніяхъ Сибири, управленію его ввѣренныхъ, полныхъ по торговлѣ

правъ, древними грамотами жителямъ того края дарованныхъ. Къ сему мнѣнію я приступилъ тѣмъ рѣшительнѣе и охотнѣе, что я былъ въ числѣ утвердившихъ предположенныя отъ Министра Финансовъ вышеупомянутыя дополнительныя статьи, и что при семъ случаѣ могу сдѣлать откровенное признаніе въ неосмотрительной и крайне предосудительно учиненной со стороны моей погрѣшности.

Н. Мордвиновъ.

КЪ ДѢЛУ О СЕМЕНОВСКОМЪ ПОЛКУ.

1

ПИСЬМО

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I-го

къ Графу Аракчееву, по случаю приключенія съ Семеновскимъ полкомъ въ 1820 году.

Троппау, 5 Ноября.

Тебѣ должно уже быть извѣстно, Любезный Алексѣй Андреевичъ, несчастное, но въ то же время и постыдное, приключеніе, случившееся въ Семеновскомъ полку. Легко себѣ можно вообразить, какое печальное чувство оно во мнѣ произвело. Происшествіе, можно сказать, неслыханное въ нашей арміи. Еще печальнѣе, что оно случилось въ гвардіи, а для меня лично еще груcтнѣе, что именно въ Семеновскомъ полку. Но, съ тобою привыкнувъ говорить со всею откровенностію, скажу тебѣ, что никто на свѣтѣ меня не убѣдитъ, чтобы сіе происшествіе было вымышлено солдатами, или происходило единственно, какъ показываютъ, отъ жестокаго обращенія съ оными Полковника Шварца. Онъ былъ всегда извѣстенъ за хорошаго и исправнаго Офицера и командовалъ съ честію полкомъ. Отъ чего же вдругъ сдѣлаться ему варваромъ? По моему убѣжденію, тутъ кроются другія

причины. Внушеніе, кажется, было не военное; ибо военный умѣлъ бы ихъ заставить взяться за ружье, чего никто изъ нихъ не сдѣлалъ, даже тесака не взялъ. Офицеры же всѣ усердно старались пресѣчь неповиновеніе, но безуспѣшно. По всему вышеписанному заключаю я, что было тутъ внушеніе чуждое, но не военное. Вопросъ возникаетъ: какое же? Сіе трудно рѣшить; признаюсь, что я его приписываю Тайнымъ Обществамъ, которыя, по доказательствамъ, которыя мы имѣемъ, въ сообщеніяхъ между собою, и коимъ весьма непріятно наше соединеніе и работа въ Троппау. Цѣль возмущенія, кажется, была испугать. Если къ сему присовокупить, что день былъ выбранъ тотъ самый, въ который Императрицы возвратились въ городъ, то, кажется, довольно ясно обнаруживается, что желали ихъ встревожить, дабы сими опасеніями меня принудить бросить занятія наши въ Троппау и воротиться поспѣшнѣе въ Петербургъ. Но Божіему Промыслу угодно было помѣшать сему и прекратить зло въ началѣ его. Мѣры, на которыя рѣшился Корпусной Командиръ съ полкомъ въ послѣдствіи, были необходимы, но симъ полкъ погубленъ и уже не можетъ существовать въ его нынѣшнемъ составѣ. Я почти увѣренъ, что если бы съ 1-й гренадерской ротою приличнѣе поступили при самомъ началѣ, ничего другого важнаго не произошло бы. Но уже когда всѣ три баталіона возмутились, болѣе не оставалось дѣлать, какъ то, что было исполнено. Сожалѣю еще, что выбрали крѣпости Финляндіи, для отправленія въ оныя баталіоновъ. Лучше было бы отправить въ Псковъ, Нарву, или тому подобныя мѣста.

Какъ мнѣ ни грустно, но теперешній составъ полка нельзя уже такъ оставить. Онъ потерялъ всякую довѣренность. Ты усмотришь изъ Приказа, при семъ прилагаемаго, какъ я счелъ приличнымъ поступить, послѣ здраваго размышленія.

Для укомплектованія вновь полка, я предполагаю единственнымъ способомъ взять первые баталіоны полковъ: Императора Австрійскаго, Короля Прусскаго и Наслѣднаго Принца. Симъ самымъ полкъ сей опять будетъ хорошъ. Но все не старый, котораго мнѣ весьма будетъ жаль. Жаль также и сіи три гренадерскіе полка разстроивать, но нечего болѣе дѣлать. Для поправленія же сихъ трехъ полковъ, полагаю третьи ихъ баталіоны

раздѣлить на двое, чѣмъ опять будетъ по 8 ротѣ и укомплектовать, взявъ по одной ротѣ отъ каждаго гренадерскаго и карабинернаго полка 2-й и 3-й гренадерскихъ дивизій, что и составитъ 12-ть ротъ, которыя по 4 роты и раздѣлятся на каждый полкъ; симъ ротамъ уже послано повелѣніе итти. Я хотѣлъ тебя извѣстить о всемъ, привыкнувъ разсуждать съ тобою о всемъ, что меня занимаетъ.

Прощай, Любезный Алексѣй Андреевичъ! Кромѣ несчастнаго происшествія, у насъ, слава Богу, все хорошо идетъ. Но сіе происшествіе надѣлаетъ довольно толковъ. Напиши мнѣ, что ты про все сіе узнаешь. Тебя на вѣкъ искренно любящій

Александръ.

2.

ПРИКАЗЪ

РОССІЙСКОЙ АРМІИ.

Къ прискорбію Моему и цѣлой арміи, извѣщаю ее о постыдномъ происшествіи, случившемся 17-го Октября въ лейбъ-гвардіи Семеновскомъ полку. Одна рота онаго, забывъ долгъ присяги и военное повиновеніе къ начальству, дерзнула самовольно собраться въ позднее вечернее время, для принесенія жалобы на своего Полковаго Командира. Когда за сіе буйство она отведена была подъ стражу, то и прочія роты вышли изъ должнаго послушанія.

Россійская армія, сверхъ пріобрѣтенной незабвенной славы на полѣ чести, съ первѣйшихъ временъ ея образованія, всегда была примѣромъ вѣрности, соблюденія священной клятвы и непрекословнаго повиновенія своему начальству. На семъ-то повиновеніи основанъ единственно военный порядокъ, безъ коего войско теряетъ все свое достоинство. Ему извѣстно, что всѣ законные способы даны, дабы справедливыя жалобы доходили отъ обиженныхъ подчиненныхъ начальству. На сіе установлены Инспекторскіе смотры бригадными, дивизіонными и корпусными начальниками, коихъ ежегодно бываетъ четыре и на которыхъ законъ повелѣваетъ даже откровенно каждому приносить свою жалобу.

Полки, составляющіе сію отличную армію, съ должнымъ негодованіемъ извѣстятся о случившемся происшествіи въ лейбъ-гвардіи Семеновскомъ полку. Они возчувствуютъ, что составляющіе нынѣ сей полкъ содѣлались недостойными долѣе въ онομъ оставаться и носить мундиръ полка, устроеннаго самимъ Петромъ Великимъ и имѣвшаго неоцѣненное преимущество, сопро-

вождать его въ знаменитые его походы; полка, коего имя равномѣрно прославилось въ незабвенную послѣднюю войну, а особенно подъ Кульмомъ; слѣдовательно, память онаго не должна быть посрамлена. Россійское же войско довольно заключаетъ въ себѣ храбрыхъ воиновъ, достойныхъ занять мѣсто въ лейбъ-гвардіи Семеновскомъ полку.

Святость законовъ и честь имени Россійской арміи требуютъ, дабы составъ полка, оказавшаго столь нетерпимое своевольство, былъ уничтоженъ. Въ слѣдствіе чего, съ непоколебимою рѣшимостію, но съ душевнымъ сокрушеніемъ и не останавливаясь чувствомъ личной Моей привязанности къ сослуживцамъ, по необходимости долга, на Мнѣ лежащаго, повелѣваю: всѣхъ нижнихъ чиновъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка распредѣлить по разнымъ полкамъ арміи, дабы они, раскаясь въ своемъ преступленіи, потщились продолженіемъ усердной службы загладить оное. Виновнѣйшіе же и подавшіе пагубный примѣръ прочимъ, преданные уже военному суду, получатъ должное наказаніе по всей строгости законовъ.

Штабъ и оберъ-Офицеры сего полка, найденные всѣ совершенно не причастными сему неповиновенію, усердно старались возстановить потерянный порядокъ, но тщетно, и симъ доказали свое неумѣніе обходиться съ солдатами и заставлять себѣ повиноваться. Уважая, однако же, ихъ стараніе, повелѣваю перевести оныхъ въ армейскіе полки, сохранивъ имъ преимущество гвардейскихъ чиновъ. Полковой же командиръ, Полковникъ Шварцъ, предается военному суду, за неумѣніе поведеніемъ своимъ удержать полкъ въ должномъ повиновеніи.

Для немедленнаго укомплектованія лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка назначаются роты изъ гренадерскихъ полковъ, по особенно данному повелѣнію.

На подлинномъ подписано

собственною Его Императорскаго Величества рукою тако:

Александръ.

Въ Г. Троппау.
2-го Ноября, 1820 года.

ПРОТОКОЛЪ ЗАСѢДАНІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ.

1864 года, Мая 26-го дня.

1864 года, Мая 26-го дня, Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ, подъ предсѣдательствомъ Его Превосходительства, Дмитрія Сергѣевича Левшина, и въ присутствіи Гг. Дѣйствительныхъ Членовъ: А. Ѳ. Вельтмана, Графа М. В. Толстого, Соревнователя Д. И. Штейнберга и Секретаря Общества, Д. Чл. О. М. Бодянскаго, имѣло обыкновенное свое засѣданіе, въ коемъ, по прочтеніи и подписаніи протокола послѣдняго засѣданія, бывшаго Марта 28 дня сего года, происходило слѣдующее.

Читаны были:

А. Отношенія.

1. Попечительнаго Комитета Воронежской Публичной Библіотеки, отъ 22 Марта, пол. 14-го Апрѣля, о томъ, нельзя ли отпустить, съ возможно большею противъ номинальной цѣны уступкою свой журналъ: «Чтенія» за 1858—63 годы. Опредѣлено: увѣдомить Попечительный Комитетъ Воронежской Публичной Библіотеки, что Общество назначило «Чтеніямъ» такую малую цѣну, что сбавки съ нея не можетъ дѣлать ни для кого и ни подъ какимъ предлогомъ.

2. Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія Отношеніе отъ 12-го Мая, 1864 г., № 69, пол. 16-го, въ ко-

торомъ проситъ, по порученію Г. Министра, о сообщеніи ему въ непродолжительномъ времени: а) экземпляровъ Устава Общества; б) отчетовъ за послѣдніе пять лѣтъ; в) списковъ изданныхъ трудовъ, и г) соображенія о томъ, какое содѣйствіе со стороны Министерства было бы желательно для развитія дѣятельности Общества. Въ отвѣтъ на это Г. Вице-Президентъ сообщилъ Комитету, отъ 18-го Мая, за № 107-мъ, 1-ое: Уставъ Общества, помѣщенъ въ недавно изданномъ «Сборникѣ постановленій по Министерству Народнаго Просвѣщенія», томѣ 1-мъ, на стр. 605—615, подъ № 148-мъ, прибавивъ, что этотъ Уставъ неправильно въ Сборникѣ отнесенъ къ 1811-му году, Генваря 21, такъ какъ онъ утвержденъ 1816 г., Марта 13-го, впрочемъ, имѣетъ свою дѣйствующую силу по сю пору 2-ое: Всѣ отчеты Общество ежегодно помѣщаетъ въ Общемъ Отчетѣ Императорскаго Московскаго Университета и въ своемъ журналѣ «Чтенія», гдѣ и можно ихъ найти. 3-ье: Списокъ трудовъ Общества печатается на внутренней сторонѣ обертки упомянутаго журнала Общества «Чтенія». 4-ое: Общество не разъ уже обращалось и къ прежнимъ Гг. Министрамъ Народнаго Просвѣщенія, и въ самомъ недавнемъ времени (въ Апрѣлѣ текущаго года) подало, чрезъ Г. Вице Президента своего, и нынѣшнему Г. Министру Записку о крайней недостаточности того пособія, которое оно получаетъ ежегодно изъ Государственнаго Казначейства (1428 р. 50 к. с.), и просило покорнѣйше, по меньшей мѣрѣ, удвоить его, чтобы быть въ состояніи издавать свой журналъ и исполнять другія по Уставу обязанности свои; и такъ какъ, по недостаточности этого пособія, Общество задолжало Университетской Типографіи слишкомъ семь тысячъ рублей, то и ходатайствуетъ еще о сложеніи этого долга со счетовъ своихъ. 5-ое: Въ заключеніе, Общество, по § 58-му своего Устава, имѣя право само пересматривать свой Уставъ и представлять Г. Министру на утвержденіе тѣ измѣненія, какія найдетъ нужнымъ въономъ сдѣлать, надѣется, что Ученый Комитетъ почтитъ Общество сообщеніемъ ему работъ своихъ по Уставу его, для точнѣйшаго ихъ разсмотрѣнія въ самомъ Обществѣ и сообщенія Комитетету своихъ по оному замѣчаній. Но по скорости отвѣта, требованнаго Ученымъ Комитетомъ, вкралась ошибка въ отзывъ ему, именно: касательно Устава Общества нужно исправить такъ: Уставъ Общества, помѣщенный въ «Сборникѣ постановленій по Министеретву Народнаго Просвѣщенія, томѣ 1-мъ, стр. 605—615, утвержденный 21-го Генваря, 1811 года, не имѣетъ уже дѣйствую-

щей силы въ нынѣшнее время, такъ какъ онъ замѣненъ былъ Уставомъ съ перемѣнами и прибавленіями, одобренными Министромъ Народнаго Просвѣщенія, 1816 года, Марта 13-го дня. Онъ дважды былъ напечатанъ: 1817 года (въ числѣ 200) и 1832 (въ числѣ 100 экз.). Послѣдній Уставъ и теперь имѣетъ обязательную силу для Общества.

Б. Предложенія.

3. Н. П. Ермолова, пол. 26-го Мая, въ коемъ, на предложеніе Секретаря Общества, объявляетъ онъ свое согласіе издать въ «Чтеніяхъ въ Обществѣ» «Записки» дяди его, покойнаго А. П. Ермолова, съ собственноручныхъ списковъ, имъ ему переданныхъ, и тѣмъ возстановить подлинный текстъ ихъ, такъ какъ доселѣ напечатанныя искажены и неполны. Условія, на которыхъ онъ согласенъ передать Обществу право изданія означенныхъ «Записокъ» съ весьма многими къ нимъ «Приложеніями», слѣдующія: 1) напечатать «Записки и Приложенія» къ нимъ по представленному отъ него списку вполнѣ и безъ всякихъ пропусковъ, кромѣ тѣхъ мѣстъ (если найдутся таковыя), которыя не могутъ быть дозволены законами о печати; перепечатать даже и тѣ, которыя уже появлялись въ «Чтеніяхъ». 2) «Записки и Приложенія» должны быть изданы безъ всякихъ примѣчаній, кромѣ тѣхъ, которыя онъ сочтетъ нужнымъ сдѣлать самъ. 3) Отдѣльно напечатанные экземпляры предоставляются единственно въ его пользу. 4) По мѣрѣ появленія цѣлаго тома «Записокъ и Приложеній» къ нимъ въ «Чтеніяхъ», кромѣ 300 экземпляровъ, ему слѣдуемыхъ по постановленіямъ Общества, онъ проситъ немедля отпечатать на его бумагѣ тысячу двѣсти экземпляровъ въ его пользу. 5) Право втораго изданія предоставляетъ себѣ». Опредѣлено: принять эти условія всѣ безъ исключенія, и благодарить Н. П. Ермолова за его готовность украсить страницы изданій Общества «Записками» его дяди и «Приложеніями» къ нимъ.

В. Приношенія.

а. Матеріялами:

4. Чл. Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, Степана Гуляева, отъ 31-го Марта, пол. 7-го Апрѣля, 1864 г.: «Примѣчанія и историческія объясненія на объявленіе Его

Величества, Короля Шведскаго, изданное въ Гельсингфорсѣ въ 21 день Іюля 1788 года. Съ приложеніями». По справкѣ оказалось, что оно напечатано подъ № 2206-мъ въ «Росписи Росс. книгамъ Смирдина» 1828 г.

5. Д. Чл. Владимірскаго Губернскаго Статистическаго Комитета, Ивана Матвѣевича Лядова, отъ 4-го Апрѣля, пол. 11-го: 1) «Историческая и современная Записка о городѣ Шуѣ. М. 1863»; 2) 30 №№ разныхъ старинныхъ бумагъ, свитковъ и указовъ, и 3) фотографическій портретъ покойнаго Вл. Ал. Борисова, бывшаго Соревнователемъ Общества». Опредѣлено: сдать въ Библіотеку.

6. С. Н. Шубинскаго, отъ 12-го Апрѣля, пол. 13-го: «Путешествіе въ Кіевъ Кн. И. М. Долгорукаго», рукопись, по сію пору не напечатанная.

7. Законоучителя Сибирскаго Кадетскаго Корпуса, Протоіерея Александра Сулоцкаго, отъ 18-го Марта, пол. 13-го Апрѣля, статьи: 1) «Историческія свѣдѣнія объ иконописи въ Сибири; 2) Встрѣча въ Тобольскѣ въ старину прибывшихъ Архіереевъ, и 3) Матеріялы для жизнеописанія Арсенія Мацѣевича».

8. Архимандрита Леонида: «Опись ризницы и книгохранилища Кіево-Печерской Лавры въ 1764 году», рукопись.

9. Д. Чл. Аѳ. Ѳ. Бычкова, изъ С.-Петербурга, отъ 28-го Апрѣля, пол. 1-го Мая: «Повѣсть о убіеніи Царевича Димитрія Углицкаго», писанная полууставомъ конца XVII-го вѣка. Опредѣлено: все это (§§ 6—9) передать Секретарю Общества для расмотрѣнія.

в. Книгами:

10. Д. Члена Владимірскаго Губернскаго Статистическаго Комитета, И. М. Лядова и проч., см. выше, § 5.

11. Императорской Археологической Коммиссіи, отъ 31-го Марта, № 104, пол. 13-го Апрѣля: «Отчетъ Археологической Коммиссіи за 1862 годъ, съ атласомъ. СПБ. 1863 г.»

12. Министерства Народнаго Просвѣщенія, пол. 22-го Апрѣля: «Сборникъ постановленій по Министерству Народнаго Просвѣщенія. Томъ I. Царствованіе Александра 1-го. СПБ. 1864 г.»

13. Кавказскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, № 49, пол. 13-го Мая: «Отчетъ о состояніи и дѣйствіяхъ Кавказскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, съ 1859 по 1864 годъ. Тифлисъ 1864».

14. Директора Императорской Публичной Библіотеки, пол. 18-го Апрѣля: «Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1863 годъ. СПБ. 1864».

Опредѣлено: всѣ означенныя въ §§ 10, 11, 12, 13 и 14 книги и брошюры сдать въ Библіотеку Общества.

Въ концѣ Засѣданія Г. Секретарь и Д. Чл. Общества, О. М. Бодянскій, представилъ только что отпечатанную вторую книгу «Чтеній» 1864 года, состоящую изъ $50^1/_2$ листовъ. Содержаніе слѣдующее:

I. Изслѣдованія: Переписка Протоіерея Іоанна Григоровича съ Графомъ Н. П. Румянцовымъ. Н. И. Григоровича.

II. Матеріялы отечественные: 1. Воспоминанія о жизни и дѣяніяхъ Графа И. А. Каподистріи, Правителя Греціи. А. С. Стурдзы. 2. Краткія свѣдѣнія объ А. С. Стурдзѣ.

III. Матеріялы Славянскіе: Кириллъ и Меѳодій. Собраніе памятниковъ, до дѣятельности Святыхъ Первоучителей и Просвѣтителей Славянскихъ племенъ относящихся, составляемое О. М. Бодянскимъ. Паннонское житіе Кирилла: списки VIII—XII.

IV. Матеріялы Иностранные: Жизнеописаніе Древнихъ и Средневѣковыхъ путешественниковъ, посѣщавшихъ Россію, или говорившихъ о ней. Гомеръ, Геродотъ, Гиппократъ и Страбонъ. Изъ «Länder-und Võlkerkunde in Biographien von Dr. Ph. Hedw. Külb, Skadtsbibliothekar zu Mainz; перев. Соревнователь А. Н. Шемякинъ.

V. Смѣсь. 1. Надписи на письмахъ, въ старину въ Русскомъ Государствѣ употреблявшіяся. 2. Списки съ Царскихъ грамотъ, хранящихся въ Лондонскомъ Королевскомъ Архивѣ. Сообщ. Ю. Толстой. 3. Письма отъ Якова Вилимовича Брюса къ Княгинѣ Дарьѣ Михайловнѣ Меньшиковой; сообщ. М. де Пуле. 4. Вѣдомость домамъ, находившимся въ Москвѣ, составленная по Высочайшему Указу 1716 года, для опредѣленія количества денежной подати, собиравшейся съ оныхъ ночными цѣловальниками. Сообщ. Д. Чл. П. И. Ивановъ. 5.

Письма къ Государынѣ Цесаревнѣ Елисаветѣ Петровнѣ Мавры Шепелевой. 6. Положеніе Черниговской Губерніи Губернскаго и Повѣтовыхъ Маршаловъ Дворянства объ установленіи акциза или пошлины съ винокуренія, состоявшееся 1811 года, Генваря 21-го дня. 7. Письмо Малороссійскаго Военнаго Губернатора, Князя Н. Г. Репнина, къ Графу В. П. Кочубею. 8. Его же. Краткая Записка о Малороссійскихъ Козакахъ. 9 Извлеченіе изъ Записки, на Французскомъ языкѣ, поданной Министромъ Финансовъ, Канкринымъ, и возраженіе на оную Малороссійскаго Военнаго Губернатора, Князя Н. Г. Репнина. 10. Доношеніе Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа М. Л. Магницкаго на издателя «Библіографическихъ Листовъ» Г. Министру Народнаго Просвѣщенія, и объясненія противъ Доношенія, представленныя П. И. Кеппенномъ. 11. Донесеніе Министру Внутреннихъ Дѣлъ о Тамбовскихъ Духоборцахъ. 12. Послѣдній день жизни Императрицы Екатерины II и первый день царствованія Императора Павла I. Графа Ѳ. В. Растопчина. 13. Нужно ли намъ преобразованіе Календаря? Д. Члена О. М. Бодянскаго. 14. Отвѣтъ со основательнѣйшими доводами на представленіе, еже изгладити Ветхій и ввести Новый Календарь, Православно-Восточныя Церкви Митрополитомъ Сербскимъ, Стефаномъ Стратимировичемъ, Августѣйшему Двору Австрійскому данный, Ноября 9-го дня, 1814 года. 15. О бѣдности Русскаго Православнаго Духовенства и о средствахъ возстановить его нравственное вліяніе на народъ. Н. В. Сушкова. 16. Его же. Отвѣтъ на вопросъ. 17. Протоколъ Засѣданія Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ Декабря 14-го дня, 1863 года.

Опредѣлено: 2-ю книгу «Чтеній» 1864 года роздать Гг. Членамъ присутствующимъ и разослать отсутствующимъ (роздана и разослана).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

II

МАТЕРІЯЛЫ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ.

III

МАТЕРІЯЛЫ СЛАВЯНСКІЕ.

IV

МАТЕРІЯЛЫ ИНОСТРАННЫЕ.

V

СМѢСЬ.

ИСТОРІЯ РОССІЙСКАЯ, В. Татищева, книга 5-я или часть 4-я. М. 1848 г., 1 р. 50 к. сер., перес. за 4 ф.

ПОРТРЕТЪ Кіевскаго Митрополита **ЕВГЕНІЯ**, со снимкомъ почерка его руки. М. 1854 г., цѣна безъ пересылки 50 к.

ЧТЕНІЯ

ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ.

ГОДЪ 2-й: Цѣна
изъ 9-ти книгъ, каждая 2 р. 50 к.
за всѣ, безъ пересылки 22 р. 50
а съ пересылкой . . . . 25 р. сер.
ГОДЪ 3-й, тоже изъ 9-ти книгъ, каждая по . . . 1 р. 50 к.
ГОДА 4-го кн. I. . . . . . 1 р. 50 к.

И того безъ пересылки . . . 37 р. 50 к.
съ пересылкой. . . . . . . 44 р. сер.
ГОДЪ 1858-й, 1859-й, 1860, 1861, 1862 и 1863 по 4 книги въ годъ, безъ перес. каждый . . 5 р. с.
съ пересылкой . . . . 6 —
За всѣ годы, безъ пересылки. 67 р. 50 к.
съ пересылкой же. . . . . 80 р. сер.

ВРЕМЕННИКЪ

ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ

съ 1849 по 1858 г.

25 книгъ, каждая по 1 р. 50 к.
а за всѣ безъ пересылки. . . . 37 р. 50 к.
съ пересылкой. . 45 — —

На пересылку всякой книги «Чтеній» и «Временника» безъ различія за 4 фунта.

Изданія Императорскаго Общества исторіи и древностей Россійскихъ можно получать: 1) въ самомъ Обществѣ, у Актуарія Дмитрія Ивановича Штейнберга, на Моховой, въ зданіи Университета, и 2) у Коммиссіонера Общества, Ивана Васильевича Базунова, на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ Загряжскаго, противъ Университетской Типографіи.

Тамъ же можно получать:

СЛАВЯНСКІЯ ДРЕВНОСТИ, соч. П. І. Шафарика, перев. съ Чешскаго О. Бодянскаго, 2 тома въ 5 книгахъ. М. 1848, ц. 6. р. сер., перес. за 10 ф.

О ВРЕМЕНИ ПРОИСХОЖДЕНІЯ СЛАВЯНСКИХЪ ПИСЬМЕНЪ, соч. О. Бодянскаго. М. 1855, ц. 2 руб. серебр., съ перес. 3 р.

ИСТОРІЯ РУССОВЪ ИЛИ МАЛОЙ РОССІИ, соч. Преосвящен. Георгія Конисскаго. М. 1846 г., ц. 5 р. сер. безъ пересылки.

ГУСЪ И ЛЮТЕРЪ. Критическое изслѣдованіе Е. Новикова. М. 1859 г., два тома. Цѣна 4 р. сер.

ЗАПИСКИ НѢКОТОРЫХЪ ОБСТОЯТЕЛЬСТВЪ ЖИЗНИ И СЛУЖБЫ Д. Т. Сов. и Сенатора И. В. Лопухина, сочиненныя имъ самимъ. М. 1860, ц. 1 р. 50 к. сер.

О ПРОИСХОЖДЕНІИ И РОДИНѢ ГЛАГОЛИТИЗМА; соч. П. І. Шафарика; перев. съ Нѣмецкаго А. Шемякина. М. 1861, ц. 75 к. сер., съ перес. 1 р.

ПОХОДЫ ВИКИНГОВЪ, государственное устройство, нравы и обычаи древнихъ Скандинавовъ, соч. А. М. Стриннгольма, пер. съ Нѣмецкаго А. Н. Шемякина. 2 части. М. 1861, ц. 2 р. 50 к. сер., съ пересылкою 3 р.

ПУТЕШЕСТВІЯ Венеціянца Марка Поло въ XIII стол., напечатанныя въ первый разъ вполнѣ съ объясненіями на Нѣмецкомъ по лучшимъ изданіямъ и съ объясненіями Авг. Бюркомъ, а перев. А. Н. Шемякинымъ, М. 1863, ц. 1 р. 50 к. сер., съ перес. 2 р.

ЧТЕНІЯ

въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ и въ 1865-мъ году будутъ выходить, какъ повременное изданіе, четыре раза въ годъ, по одной книгѣ отъ 30 до 40 и болѣе печатныхъ листовъ, въ концѣ Марта, Іюня, Сентября и Декабря. Содержаніе каждой книги составляютъ: I. Изслѣдованія, II. Матеріялы: Отечественные, III. Славянскіе, IV. Иностранные, и V. Смѣсь.

Подписка годовая—пять рублей серебромъ въ Москвѣ, а съ пересылкой въ другія мѣста — шесть. Съ требованіями обращаться въ самое Общество, или къ Московскому книгопродавцу, Коммиссіонеру Общества, И. В. Базунову, на Страстномъ бульварѣ, противъ Университетской Типографіи.

ПРАВЛЕНІЕ ОБЩЕСТВА.

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ,

Графъ Сергѣй Григорьевичъ Строгановъ,

въ С.-Петербургѣ.

ВИЦЕПРЕЗИДЕНТЪ,

Попечитель Университета, Дмитрій Сергѣевичъ Левшинъ,

на Пречистенкѣ, въ домѣ Кильдюшевскаго.

СЕКРЕТАРЬ,

Осипъ Максимовичъ Бодянскій,

у Никитскихъ воротъ, въ домѣ Мещеринова.

КАЗНАЧЕЙ,

Николай Никифоровичъ Басаляевъ,

На Пречистенскомъ бульварѣ, въ д. Іерусалимскаго подворья.

АКТУАРІЙ,

Дмитрій Ивановичъ Штейнбергъ,

на Моховой, въ зданіи Московскаго Университета.

---

3 2044 015 557 515